

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

HDI

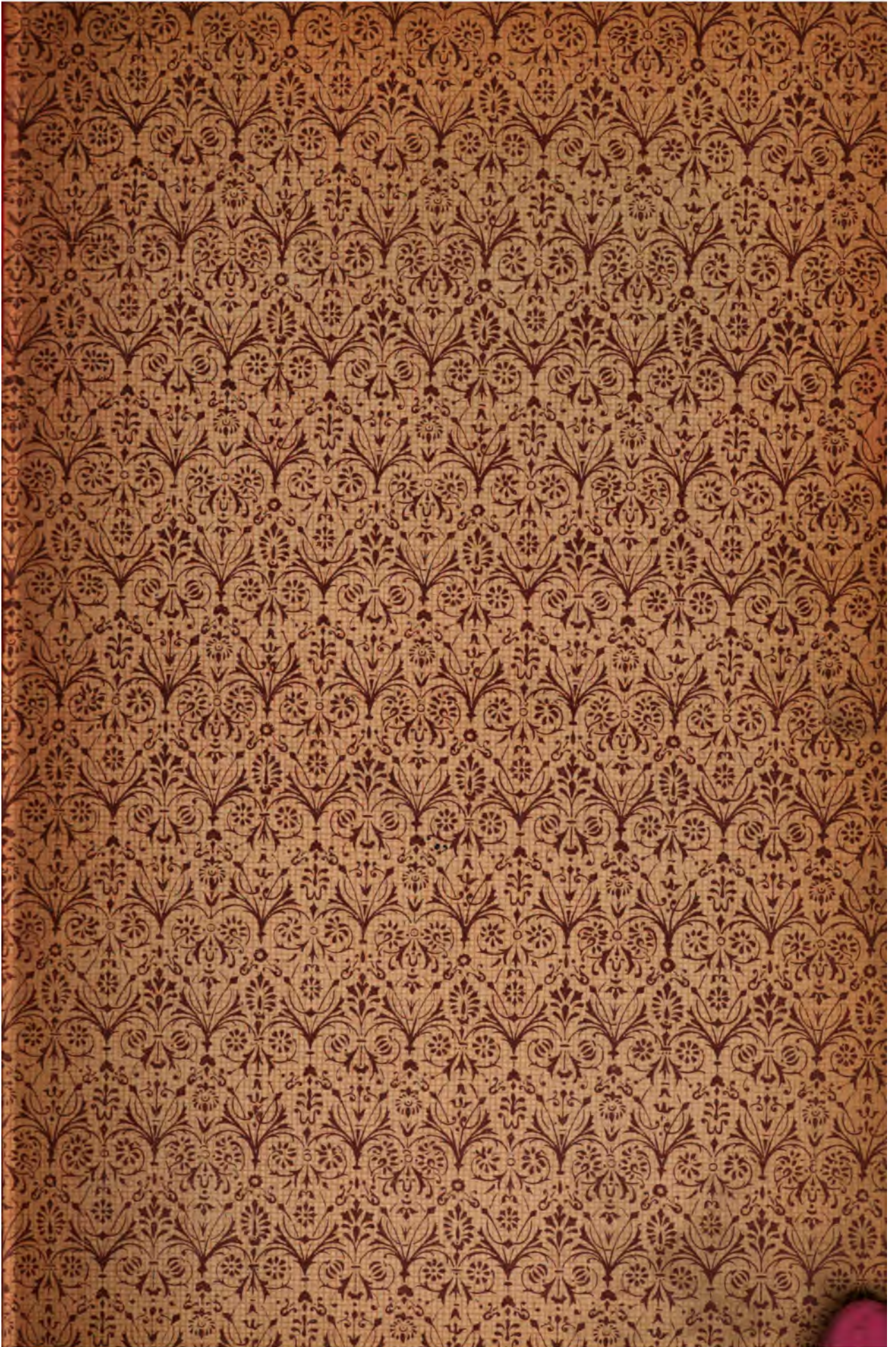
HL 1PUZ H

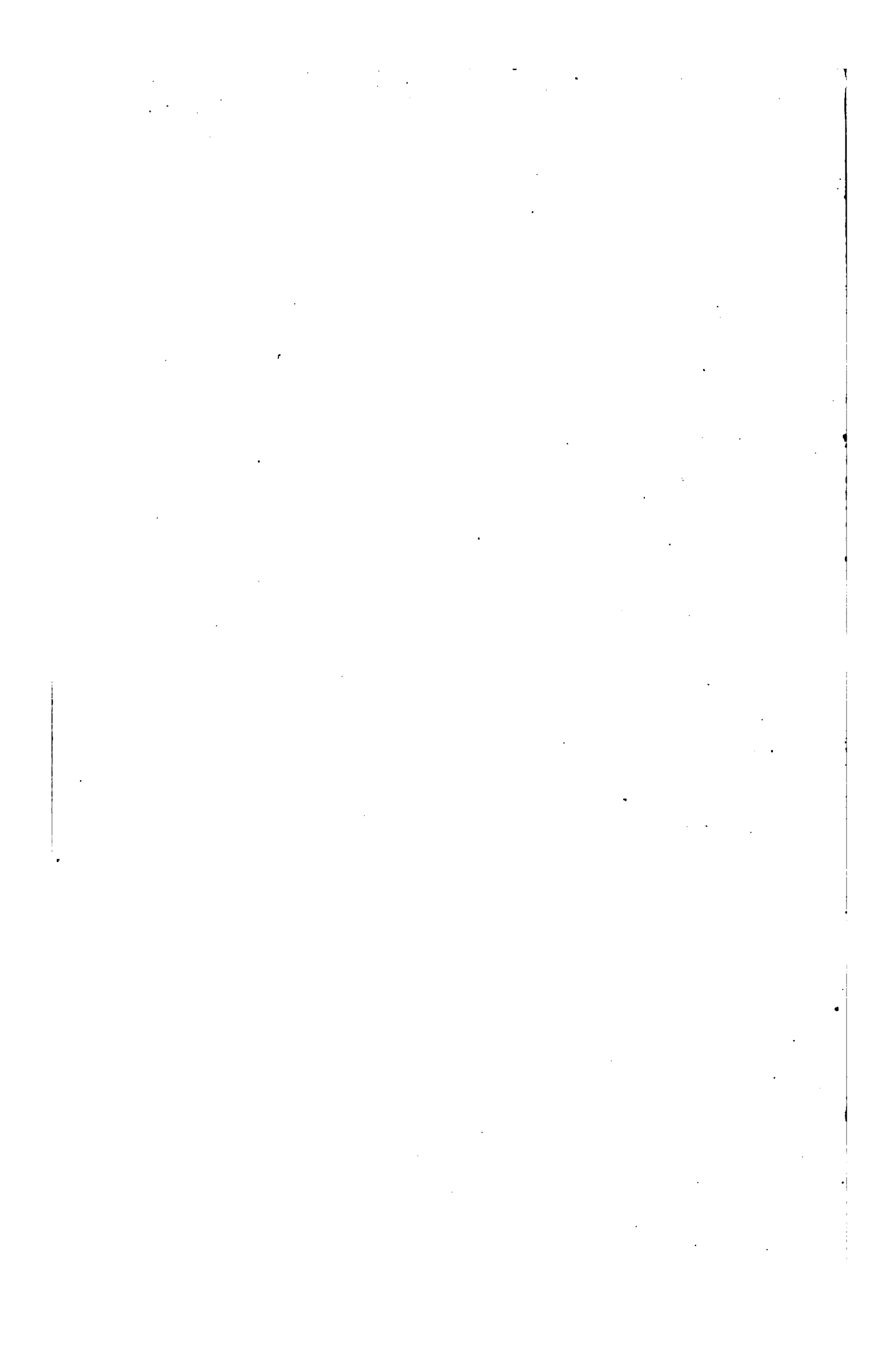
A7
Maksimov, S. V.
Sibir i katonga. Ch 1-3 Izd 3

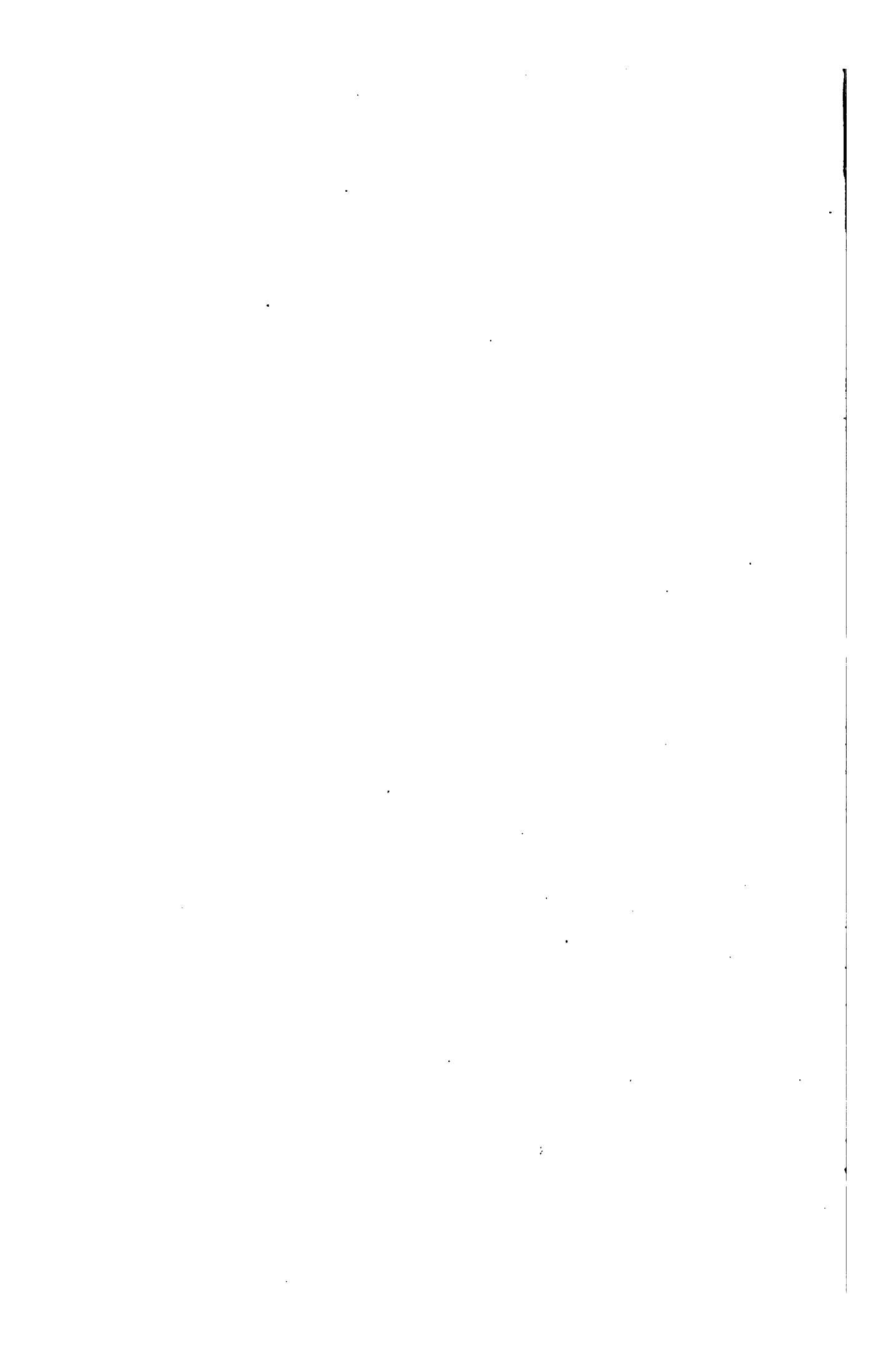
HARVARD LAW LIBRARY

Received **JUN 1 1928**

СИБИРЬ
И
КАТОРГА.

С. В. Максимова.

Sergei Vasil'evich Maksimov

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ.

PRINTED IN RUSSIA

О. Г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНИЕ В. И. ГУБИНСКАГО.
1900.

JUN 1 1928

Паровая типография (Барона Криденера). Лиговская, 57.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

НЕСЧАСТНЫЕ.

Въ дорогѣ, на каторгѣ, въ бѣгахъ, на пропитаніи и на поселеніи. Тюремныя пѣсни. Тюремный языкъ.

ГЛАВА I.

ВЪ ДОРОГѢ.

Милосердная.—Картина этапнаго странствованія отъ Москвы до каторги: дорожныя и тюремныя злоключенія.—Барабанъ.—Сила и значеніе отечественной благотворительности.—Москва и купеческіе города.—Старовѣры.—Старыя неурядицы.—Окровавленные колодницы.—Сборъ милостыни.—Приворотныя кружки.—Обиліе пожертвованій.—Начальническія вымогательства.—Этапные солдаты и командиры.—Похожденіе полшубковъ.—Арестантскія деньги.—Парадъ шествія.—Этапныя любовницы.—Начальники смиренныя и сердитыя.—Тобольская тюрьма.—Желѣзные прутья и кандалы.—Арестантская артель.—Этапныя кабаки.—Этапныя зданія.—Полуэтапы.—Арестантская собственность.—Наручники.—Приваль.—Майданщики и откупа.—Подводы.—Старосты.—Этапныя крупы: вещественныя и нравственныя.—Съ этаповъ не бѣгутъ.—Солдатскіе и офицерскіе доходы.—Бритые головы и случай съ поляками.—Золотой порошокъ.—Водка.—Нары.—Этапная ночь.—Пасхальная картина.—Весна на этапахъ.—Арестантскія дѣти.—Казармы.—Солдаты.—Сторожа и торговцы.—Растахи.—Несовершенство этапной системы и дороги.—Приходъ арестантовъ на каторгу.

Милосердные наши батюшки,
Не забудьте насъ невольниковъ,
Заключенныхъ,—Христа-ради!—
Прочитайте-ка, наши батюшки,
Прочитайте насъ, бѣдныхъ заключенныхъ!
Сожалѣйтесь, наши батюшки,
Сожалѣйтесь, наши матушки,
Заклученныхъ, Христа-ради!
Мы сидимъ во неволюшкѣ—
Во неволюшкѣ: въ тюрьмахъ каменныхъ,
За рѣшетками за желѣзными,
За дверями за дубовыми,
За замками за висячими.
Распростылись мы съ отцомъ, съ матерью,
Со всѣмъ родомъ своимъ—племнемъ.

Пѣсня «Милосердная».

Вотъ въ какую простую форму сложилась и какою нехитрою пѣсней оказалась просьба проходящихъ по сибирскимъ этапамъ арестантовъ,— просьба, обращаемая обыкновенно къ сердоболію обитателей сплутнаго селенія. Немного въ этой пѣснѣ словъ, не особенно богата она содержаніемъ, но слова ея не мимо идутъ, а содержаніе и складъ ея, а особенно напѣвъ, трогаютъ не одни только мягкія, настроенныя на благотвореніе сердца.

Я слышалъ эту пѣсню одинъ разъ въ жизни, но никогда не забуду того впечатлѣнія, какое оставила эта пѣсня въ моей, на тотъ разъ сильно утомленной памяти, въ моемъ усталомъ воображеніи, притупленномъ разнообразіемъ картинъ и пораженномъ неприглядностью и несовершенствомъ картинъ этихъ.

Не помню дня, числа и часа; помню свѣтлый апрѣльскій день, весенняя теплота котораго обязала меня отворить окно и смотрѣть на дешевыя, не богатые содержаніемъ подробности дѣловой и однообразной жизни сибирской деревни. Созерцаніе такихъ картинъ далеко не ведетъ: отъ нихъ скоро отрываясь и скоро забываешь о нихъ, ради воспоминаній прошлаго, всегда готовыхъ къ услугамъ, всегда живыхъ и свѣжихъ, и чаще всего о родинѣ, которая тогда была для меня и далекою и удаленною.

Такъ было со мною и на этотъ разъ въ одной изъ самыхъ дальнихъ деревень Забайкальскаго края, у окна одного изъ ея утлыхъ и старыхъ домовъ, одного въ которомъ засадила меня весенняя распутица и бездорожица.

Я сидѣлъ и слушалъ; и слышалъ на тотъ разъ отдаленные звуки какого-то неопредѣленно-тоскливаго напѣва и строя. Звуки эти унесли воображеніе мое на Волгу, гдѣ, ломая путину и разламывая натруженную и набогѣвшую грудь жесткою лямкою, бурлакъ тянетъ свою унылую пѣсню, подлаживая къ ней свой шагъ, приурочивая свои разбитыя ноги. Сходство напѣва сибирской пѣсни съ волжскою бурлацкою на первыхъ порахъ казалось мнѣ поразительнымъ. Но пѣсенные звуки становятся яснѣе и опредѣленнѣе и досужее воображеніе мое спѣшитъ расовать уже иныя картины. Вотъ, думалось мнѣ, безжалостныя подруги расплели у невѣсты дѣвичью косу, чтобы накрыть ея голову повоемъ;

и вот она, невѣста эта, вспомнив скорую утрату всей своей дѣвичьей воли,

Что во нѣгѣ у матушки,
Въ прохладѣ у братьевъ,—

выливать все свое горе въ пѣсенный плачь, у котораго готова только внѣшняя форма, но наружное проявленіе въ напѣвѣ всегда такое самобытное и сильное. Невѣста какъ будто собрала въ груди все накопившее горе и всѣ слезы и какъ будто въ послѣдній разъ въ жизни рѣшилась вылить ихъ всѣ вдругъ и вслухъ всѣмъ. Напѣвъ въ нашей пѣснѣ въ такихъ случаяхъ обыкновенно бываетъ не менѣе тоскливый и не менѣе щемитъ онъ сердце. На этотъ разъ онъ показался мнѣ сложнымъ съ тѣмъ, который доносился до моего слуха съ улицы сибирской деревни. Но вогъ пѣсня послышалась еще ближе. Воображеніе постѣшило подладить къ ея напѣву другія, новыя, но знакомыя и похожія картины — и въ воспоминаніяхъ всталъ, какъ живой, сельскій погостъ: бѣдные и покривившіеся кресты, погнившая и обвалившаяся ограда, много могилъ на погостѣ. На одной могилѣ распластался, упавши на грудь, живой человекъ. Изъ груди его несется стонъ, слышатся тѣ тоскливые тоны, какими богаты всѣ могильные плачи. Однообразны плачи эти въ содержаніи, одинаковы и въ напѣвѣ. Тоскливѣе напѣва этихъ плачей я не зналъ прежде и не чаялъ встрѣтить потомъ другихъ, которые были бы равнобѣрно закончены, одинаково вѣрны своей цѣли и своему смыслу. Но когда изъ-за угла сибирской деревни показалась толпа арестантовъ съ верховыми казаками впереди, съ солдатами по бокамъ, и когда послышалась и пѣсня, вся цѣликомъ, я забывалъ о всяческихъ сравненіяхъ. Я бросилъ ихъ какъ невѣрныя, далекія отъ образовъ, навѣянныхъ настоящею пѣснею. Тоны арестантской пѣсни сливались въ одинъ; переливы такъ были мелки, что ихъ почти нельзя было отличать и выделять изъ цѣлага. А въ этомъ цѣломъ слышался одинъ стонъ и самая пѣсня эта показалась тогда сплошнымъ стономъ: во стоивъ на этотъ разъ не одинъ человекъ — стонала цѣлая толпа. Словъ не было слышно (при всѣхъ моихъ напряженныхъ усиліяхъ я не могъ поймать ни одного), слова и тоны слились въ одинъ гулъ; и гулъ этотъ и стонъ этотъ щемили сердце до того, что становилось положительно жутко и неловко. Тащъ и вѣяло отъ пѣсни сыростью рудниковыхъ подземельевъ, мракомъ тюремныхъ стѣнъ, свинцовою тяжестью всяческой каторги, гдѣ человеку хуже и безвозвратнѣе, чѣмъ въ другихъ какихъ либо отчужденныхъ мѣстахъ на всемъ бѣломъ свѣтѣ, на всемъ земномъ шарѣ.

Цѣлые дни потомъ преслѣдовали меня мучительные звуки арестантской пѣсни и, возвратившись теперь къ ней воспоминаніями, я не могу указать иной, которая отличалась бы болѣе тоскливымъ напѣвомъ. Смѣю увѣрять, что ни

одна русская пѣсня не приурочена такъ къ выраженію внутренняго смысла въ напѣвѣ, ни одна изъ нихъ не бьетъ прямо въ цѣль и въ самое сердце, какъ эта пѣсня, выстрадавшая арестантами въ тюрьмахъ и на этапахъ. На этотъ разъ кандалная партія осиливала послѣднюю сотню верстъ изъ долгаго и тяжелаго, семитысячнаго и годового пути своего. Ей оставалось идти уже немного верстъ, чтобы попасть домой, т. е. прямо на каторгу.

Пока колодники у насъ передъ глазами, мы отъ нихъ не отстанемъ. Не отстанемъ мы отъ толпы этой, хотя она и движется вдоль улицы мучительно-медленнымъ шагомъ, едва волочить ноги. Самый звукъ кандаловъ сталъ какой-то тупой, и слышный и громкій потому только, что идущая партія ссыльно-каторжная, въ которой — какъ давно и всякому извѣстно — на каждыя ноги надѣваются тяжелыя пятифунтовые цѣпи. На этотъ разъ медленная поступь — преднамеренная, ради сбора подаеній, и вышла она торжественною потому, что всякій арестантъ увлеченъ гнѣвомъ и вводитъ въ артельную пѣсню свой разбитый голосъ, чтобы, такимъ образомъ, мольба была общою и конечнѣе била въ сердце больнаго сердца слушателей.

Стоитъ на улицѣ сплошной стонъ отъ пѣсни и бережно несетъ свою пѣсенную мольбу эта густая арестантская толпа, точно боится выронить изъ нее слово, сфальшивить тономъ, и поестъ усиленно громко, словно обрадовалась случаю торжественно и окончательно высказать вслухъ всѣмъ свое неключимое горе.

Задумались, цѣликомъ погруженные въ слухъ и вниманіе, и конные и пѣшіе: казаки и солдаты. Задумались даже эти привычные люди до того, что какъ будто не видятъ и не хотятъ видѣть, какъ съ обѣихъ сторонъ отдѣляются изъ толпы арестанты, чтобы принять подаеніе. Пѣсня возымѣла успѣхъ, достигла цѣли: подаенія до того щедры и часты, что принимающіе ихъ даже и шапку поднимать не успѣваютъ — и не поднимаютъ.

А между тѣмъ, несетъ къ нимъ послѣднее подаеніе всякій. Несетъ и знакомая мнѣ старушка, у которой единственный сынъ погибъ на Амурѣ, которая отъ многихъ лѣтъ и многихъ несчастій ушла вся въ сердце и живетъ уже однимъ только сердобольемъ и говоритъ одними только вздохами. У нее нѣтъ (я это вѣрно знаю), нѣтъ никакихъ средствъ къ жизни, нѣтъ и силъ, но откуда взялась послѣдняя, когда она слышала на улицѣ эту „мло-сердную“, откуда взялись и деньги, когда бабушка моя очутилась на глазахъ проходящихъ. Даетъ бабушка деньги изъ скопленныхъ ею на саванъ и ладонъ, даетъ она эти деньги, стыдится — и прячется, чтобы не видали всѣ.

За бабушкою Анисею (хотя и не костлявою, а жирною рукою) даетъ свою обрядовую дачу

и условную милостыню торговый крестьянин, купец, вчера только успевший оплесть доверчиваго казака на овсѣ и хлѣбѣ и давно уже отдавшій всѣ свои помыслы черствому и мертвящему дѣлу „наживанія“ капитала. Несетъ онъ свое подаяніе — и оглядывается, даетъ — и не хоронится.

Слѣдомъ за нимъ тащитъ свой грошъ или пятакъ бѣдный шилкинскій казакъ, у котораго на то время своего горя было много: и казенные наряды безъ отдыха и сроку, и домашнія невзгоды, которыя скопиль на казачьи головы пресловутый, тяжелый Амуръ. Даетъ арестантамъ милостыню и малютка, посланная матерью, и сама мать изъ скопленныхъ Богу на свѣчку, изъ спрятанныхъ на черный день и недобрый часъ.

Всѣмъ имъ въ отвѣтъ пропоютъ уже арестанты за деревнею такую коротенькую, но сердечную благодарность:

Должны вѣчно Бога молить,
Что не забываетъ вы насъ,
Бѣдныхъ, несчастныхъ невольниковъ!

Этотъ конечный припѣвокъ и начальная пѣсня въ общемъ видѣ слывуть подъ названіемъ „Милосердной“. Слышится эта пѣсня въ одной только Сибири, но и тамъ она извѣстна была еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ зачаточномъ состояніи — именно въ видѣ коротенькаго речитатива, на образецъ распѣва нищихъ и сборщиковъ подаяній на церкви: „Умилитесь, наши батюшки, до насъ бѣдныхъ невольниковъ, заключенныхъ, Христа-ради“. Словами этими просили милостыни въ голосъ, т. е. кричали на распѣвъ, пока искусство досужихъ не слило словъ въ пѣсню и не обязало извѣстнымъ своеобразнымъ напѣвомъ. Въ Россіи этой пѣсни не поютъ (да здѣсь она и не извѣстна) не потому, чтобы въ Россіи у арестантовъ отнято было право, обусловленное закономъ и освященное обычаемъ, право просить къ недостающему казенному содержанію посильнаго прибавка отъ добродѣтельныхъ дателей, — но по Россіи „Милосердную“ замѣнялъ бой въ барабанъ. Этотъ бой велъ къ той же цѣли и обезпеченъ былъ тѣмъ же результатомъ, хотя, по сознанию арестантовъ, и съ меньшимъ успѣхомъ.

— Дай-ка намъ (говорилъ мнѣ одинъ изъ бѣгло-каторжниковъ), дай-ка намъ эту „Милосердную“ вдоль Россіи протянуть, дай-ка! мы бы сюда съ большими капиталами приходили. Барабанъ не то...

— Хуже? — спрашивалъ я.

— Барабанъ дѣло казенное, въ барабанъ солдатъ бьютъ. Не всякому это понятно, а у всякаго отъ бою этого тоска на сердцѣ. Всякому страшно. Телячья шкура того не скажетъ, что языкъ человѣчій можетъ.

Вотъ что извѣстно о путешествіи арестантовъ съ мѣста родины до мѣстъ заточенія или изгнанія.

Арестанты, сбитые въ Москвѣ въ одну партію и доверенные конвойному офицеру съ командою, выходятъ еженедѣльно, въ урочной день, изъ пересыльнаго тюремнаго замка.

Очутившись за тюремными воротами на улицѣ, арестантская партія на долгое время затѣмъ остается на виду народа, въ уличной толпѣ. Толпа эта знаетъ про ихъ горькую участь, знаетъ, что арестанты идутъ въ дальнюю и трудную дорогу, которая протянется на нѣсколько тысячъ верстъ, продолжится не одинъ годъ. Немного радостей сулитъ эта дальняя дорога, много горя общаетъ она арестантамъ тѣмъ болѣе, что пойдутъ они пѣшкомъ, въ кандалахъ, пойдутъ круглый годъ: и на лѣтней жарѣ, и на весеннихъ дождяхъ, и по грязи осенью, и на палящихъ зимнихъ морозахъ. Путь великъ, велико и злоключеніе! тѣмъ пуще и горче оно, что арестантская дорога идетъ прямо на каторгу, значеніе которой въ понятіяхъ народной толпы равносильно значенію ада.

„Тамъ, — думаетъ народъ: — тамъ, гдѣ-то далеко, за Сибирью, взрты крутыя, поднебесныя горы. Въ горахъ этихъ вырыты ямы, глубиною въ самые глубокіе рѣчные и озерные омуты. Посадятъ въ эти ямы весь этотъ повинный народъ, посадятъ на всю жизнь, одинъ разъ, и никогда ужъ потомъ не выпустятъ и не выпустятъ. И будутъ сидѣть они тамъ, Божьихъ дней не распознавая, Господнихъ праздниковъ не вѣдая; будутъ сидѣть въ темнотѣ и духотѣ подлѣ печей, жарко натопленныхъ, среди грудъ каменныхъ, на такихъ работахъ, у которыхъ нѣтъ ни конца, ни сроку, ни платы, ни отдыху. Изноетъ весь этотъ народъ въ скорбяхъ и печалихъ, затѣмъ, что ужъ имъ всякій выходъ заказанъ, и родина отрѣзана, и милые сердцу отняты, да и яма на каторгѣ глубока — глубока да и запечатана. Съ цѣпи не сорвешься, казна вездѣ найдется. Изъ песку веревочки не совьешь, а на чужой дальней сторонѣ помрешь и кости по родинѣ заплачутъ. И помогъ бы такому неключимому горю, да силы мало. Вотъ вамъ, несчастные горе-горькіе заключенники, моя слеза сиротская, да воздыханье тяжелое, да грошъ трудовой, кровный: авось и онъ вамъ пригодится. Пригодится хлѣбца прикупить, Богу свѣчку за свои мірскіе грѣхи поставить; онъ вамъ и путь управитъ, и въ каторжной темной и глубокой ямѣ свѣту подастъ, силы пошлетъ и духъ вознесетъ. Прощайте, миленькіе! Вотъ вамъ и моя копейка не чербатая! тѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ“!

Собираетъ арестантская партія, идучи по Москвѣ, мірскія подаянія въ примѣтномъ обиліи и отъ тѣхъ меньшихъ братій, у которыхъ сердечные порывы непосредственны и потому искренни и у которыхъ заработная копейка только насущная, безъ залишка, самому крѣпко нужная. Порывы къ благотворенію въ этой

толпы еще не приняли обыденной рутинной формы и еще не успели снизойти до обычая, который всегда предполагает срокъ и мѣру. Порывъ толпы этой не ищетъ случайныхъ возбужденій, онъ ждетъ только напоминанія. Достаточно одного появленія арестантовъ на улицѣ, одного звука кандаловъ, чтобы вызвать порывъ этотъ на дѣло и обратить его на безотлагательное примѣненіе. Съ толпы народной сходится на арестантскую партію не роскошная дача, тутъ рубль копейки не подшибаетъ. Но, тѣмъ не менѣе, пожертвованія идутъ справа и слѣва въ Москвѣ: на бѣдныхъ Бутыркахъ, въ богатомъ купеческомъ Замоскворѣчьи, на торговой Таганкѣ и въ извозничьей Рогожской. Чѣмъ больше народу на улицахъ, чѣмъ больше благопріятствуетъ погода и время года скопленію народа на площадяхъ и рынкахъ, тѣмъ и подаванія обильнѣе и ощутительнѣе для арестантской артели. Но разобрать трудно, кто подаетъ больше: случайно ли попавшійся на улицѣ прохожій покупатель, или прикованный къ улицѣ, ради торговли и промысла, постоянный обитатель ея, изъ торговцевъ и барышниковъ, извозчикъ, лавочникъ и проч. Едва ли въ этомъ отношеніи не всѣ благотворители равноправны и равносильны, едва ли существуетъ тутъ какая нибудь примѣтная разница.

Разницы этой должно искать въ другомъ разрядѣ благотворителей, и именно тѣхъ, которые кончили уже свое дѣло на улицѣ, которыми улица посчастливила барышомъ и капиталомъ. Благотворители эти засѣли теперь въ большіе дома и ведутъ оттуда большія дѣла. Они тоже не лишены сочувствія къ арестантамъ, но за дѣломъ и недосугомъ ждутъ сильныхъ возбужденій. Жизнь людей этихъ, принужденныхъ искать системы и порядка, проходитъ разбѣреннымъ шагомъ, разбитая на дни и недѣли, гдѣ каждому „днени довлѣетъ злорадаго“. Есть въ средѣ дней этихъ и такіе, которые по старому обычаю, по отцовскому завѣту, по житейскимъ случайностямъ, но опять таки по предварительному и преднамѣренному назначенію, посвящены дѣламъ благотворенія. Источникъ послѣдняго лежитъ въ томъ же чувствѣ и сердечномъ убѣжденіи, которое въ давнія времена застроило все широкое раздолье русской земли монастырями и церквами и снабдило тѣ и другія громкими звонами, драгоценными вкладами, богатыми дачами. Родительскія суботы и радуницы, страстная недѣля, многіе господскіе и богородичные праздники издавна обусловлены обязательно хлѣбною жертвою и денежнымъ подаяніемъ въ пользу страждущихъ, гонимыхъ и заключенныхъ Христа-ради. Обычай этотъ, равно присущій и одинаково исповѣдуемый всѣмъ русскимъ купечествомъ ближнихъ и дальнихъ, большихъ и малыхъ городовъ, особенно святъ и любезенъ тому большинству его, кото-

рое, вмѣстѣ со старымъ обычаемъ, придерживается и старой вѣры. Если, съ одной стороны, сочувствіе къ несчастнымъ сильнѣе въ угнетенномъ, и вѣра въ ученіе, по смыслу котораго „рука дающаго не оскудѣваетъ“, цѣлостнѣе и опредѣленнѣе въ старообрядцахъ, то съ другой стороны—зажиточная жизнь и материальное довольство, сосредоточенныя въ раскольничьихъ общинахъ и семействахъ, достаточно объясняютъ намъ большія жертвованія въ тѣхъ городахъ и на тѣхъ улицахъ города Москвы, которыя, по преимуществу, обстроены домами купцовъ-старовѣровъ. „Одѣнемъ нагихъ,—говорятъ они въ своей пословицѣ:—обуемъ босыхъ, накормимъ алчныхъ, напоимъ жадныхъ, проводимъ мертвыхъ: заслужимъ небесное царствіе“; „денежка-молитва, что острая бритва: всѣ грѣхи сбрѣтетъ“, „а потому одной рукой собирай, а другой раздавай“, ибо „кто сырыхъ питаетъ, того Богъ знаетъ“, а „голаго выискать, Богъ и въ окошко подастъ“. Эти правила-пословицы дошли до насъ отъ давнихъ временъ нашей исторіи, когда народъ нашъ понятіе о ссыльныхъ и тюремныхъ сидѣльцахъ безразлично смѣшалъ съ понятіемъ о людяхъ несчастныхъ, достойныхъ состраданія. Въ одномъ изъ старинныхъ документовъ, характернѣе другихъ рисуящемъ положеніе ссыльныхъ (относящемся къ концу XVII вѣка) мы находимъ очевидное свидѣтельство тому, что нашъ народъ издавна обнаруживалъ готовность посильнымъ приношеніемъ и помощью усладить тяжелые дни жизни всякаго ссыльнаго.

Протопопъ Аввакумъ, одинъ изъ первыхъ и сильныхъ противниковъ Никона, находилъ и въ Сибири помощь, и отъ воеводской семьи, жены и снохи („пришлютъ кусокъ мяса, иногда колбаску, иногда мучки и овсеца“), и отъ воеводскаго приказчика („мучки гривенокъ съ 30 дадь, да коровку да овечекъ съ 5—6, мясо“). На Байкалѣ незнакомые встрѣчные русскіе люди надѣляли плещю, сколько было надобно, „осетровъ съ 40 свѣжихъ привезли, говоря: вотъ, батюшко, на твою часть Богъ, въ запорѣ, намъ дадь, возьми себѣ всю“. Починили ему лодку, зашили парусъ и на дорогу снабдили всякимъ запасомъ. Въ Москвѣ благодѣялъ самъ царь съ царицею и боярами („пожаловалъ царь 10 рублевъ денегъ, царица 10 рублевъ денегъ, Лука духовникъ 10 рублевъ же, Родіонъ Стрѣшневъ 10 рублевъ же, а Федоръ Ртищевъ, тотъ и 60 рублевъ казначею своему велѣлъ въ шапку мнѣ сунуть“).

Это участіе и эта помощь ссыльнымъ—совершенно неизвѣстныя въ Западной Европѣ—у насъ чувства исконныя и родовыя. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что чувство благотворенія выросло и укрѣпилось въ народѣ именно въ то время, когда для ссылки назначили такую страшную даль, какова Сибирь, а для ссыль-

ныхъ людей, такимъ образомъ, усложнили страданія, потребовавъ отъ нихъ большаго запаса силъ и терпѣнія. Только при помощи этого благотворнаго участія, облеченнаго въ форму матеріальной помощи, могли наши ссыльные (и первые и позднѣйшіе) отчасти противостоять всѣмъ вражьиимъ силамъ, исходящимъ въ одно время и изъ суровой природы и отъ жестокихъ людей. Въ примиреніи этихъ двухъ враждебныхъ и прямо-противорѣчивыхъ началъ (каковы общественное участіе, съ одной стороны, и слишкомъ ревностное и чрезчуръ суровое исполненіе службы приставами—съ другой), въ стараніи восполнить избыткомъ участія однимъ крайній недостатокъ того же у другихъ, во всемъ этомъ провели большую часть своей изгнаннической жизни наши первые ссыльные. Свой опытъ и свои приемы они успѣли завѣщать и позднѣйшимъ несчастнымъ. Обѣ силы, и враждебная и благотворная, успѣли прожить долгіе годы и уцѣлѣть до нашихъ дней въ томъ цѣльномъ, хотя отчасти, можетъ быть, и въ измѣненномъ видѣ, что насъ уже особенно и не дивять денежныя пожертвованія, высылаемые въ послѣднее время изъ-за тюремныхъ стѣнъ на помощь страдающихъ, внѣ ихъ, отъ безлѣбья и голода.

Во всѣ времена нашей исторіи и, въ особенности, въ теченіи двухъ послѣднихъ столѣтій правительству представлялась возможность крѣпко опираться на добровольныя приношенія жертвователей и даже подчинять раздачу ихъ различнымъ узаконеніямъ. Во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать того, что родившееся въ народѣ чувство благотворенія преступникамъ взлелеяно и воспитано правительствомъ въ такой сильной степени, что когда ему же понадобилось ослабленіе его, то всѣ мѣры оказывались слабыми и не дѣйствительными. Вотъ коротенькая исторія этой неуладыцы.

Царь Ѳеодоръ узаконилъ выпускать изъ тюремъ сидѣльцевъ по два человѣка на день для сбора подаваній. На этомъ правѣ колодники основывали свои челобитья на имена послѣдующихъ царей, когда встрѣчали прижимки со стороны приставниковъ. Прижимокъ было много и всѣ челобитья тюремныхъ сидѣльцевъ до временъ Петра переполнены подобными жалобами. Петръ, не любившій справокъ съ народными свойствами, недовѣрчивый къ непосредственнымъ народнымъ заявленіямъ, и на этотъ разъ призналъ за дѣйствительныя мѣры — крутыя и рѣшительныя: въ 1711 году онъ постановилъ за отпускъ колодниковъ за милостынею—виновныхъ ссылатъ на каторгу. Жалобы на то, что заключенные „съ голоду и цынги погибаютъ“, не прекратились; законъ продолжали обходить. Въ Москвѣ водили колодниковъ на связкахъ по городу для прошенія милостыни и сенатъ (указомъ 20 сент. 1722 г.) принужденъ былъ

повторить запрещеніе. Тѣхъ, которые, за карауломъ сидя, прокормить себя не могли, стали отправлять въ разныя мѣста: мужчинъ для казенныхъ работъ въ Московскую губернію съ заработанными 4-мя деньгами на день для каждаго, а бабъ и дѣвокъ на мануфактурные прядильные дворы, отъ которыхъ шли имъ кормовыя также по 4 деньги на день. Затѣмъ, если „связки“ будутъ въ употребленіи, судьи обявывались штрафомъ. Но уже черезъ мѣсяць практика вызвала уступку. Тамъ, гдѣ нѣтъ казенныхъ работъ (говоритъ указъ 1722 года отъ 17 октября), отпускать для прошенія милостыни по одной, а гдѣ много человѣкъ, по 2 и по 3 связки. Для связокъ употреблять длинныя цѣпи „съ примѣра того, какія на каторгахъ учинены“. Собранное подаваніе узаконено дѣлать только между тѣми, которые сидятъ въ государственныхъ дѣлахъ, а не въ дѣлахъ челобитныхъ (содержавшіеся за долги прокармливались на счетъ кредиторовъ). Екатерина I, слѣпо слѣдовавшая всѣмъ предначертаніямъ мужа, узнавъ, что колодники все-таки сумѣли отвоевать святочное право ходить съ 1-го января по 6-ое по дворамъ и по улицамъ,—указомъ 1726 г. (23 дек.) предупредила это дозволеніе, запретивъ его и подтвердивъ прежніе указы Петра. Подтверженія затѣмъ слѣдовали одно за другимъ, обременяя суды излишними бумагами, стѣсняя колодниковъ и мирволя приставникамъ къ излишней поживѣ отъ поборовъ и взымокъ. Въ концѣ концовъ, при Аннѣ разныя приказы въ Москвѣ продолжали отпускать преступниковъ на связкахъ, безъ одежды, въ однихъ ветхихъ рубахахъ, „а другіе пытаные, прикрывая одні спины кровавыми рубахами, а у иныхъ отъ ветхости рубахъ и раны битыя знать“. Велѣно отпускать съ добрыми караульными, безодежныхъ кормить тою милостынею, которую соберутъ одѣтые. Въ 1738 г. (8-го февраля) принуждены были снова формально запретить колодникамъ ходить по міру, потому что просить ее не только по разнымъ мѣстамъ, но и въ одномъ мѣстѣ собираются по многу (особенно содержащіеся отъ военной конторы въ подложныхъ отдачахъ рекрутъ). Въ 1744 г. Елизавета (въ указѣ 16 ноября) признавалась, что колодники продолжаютъ собирать подаванія вмѣстѣ съ бродягами-нищими, а потому приказала въ этомъ случаѣ поступать по указамъ. Въ 1753 г. указъ подтвержденъ. По указу 1754 г. (30 марта) опять видно, что колодники нищенствуютъ по старому, ходя на связкахъ и во многомъ числѣ, а по указу 3 ноября 1756 года—что колодники ходятъ въ Москвѣ по церквамъ, „во время совершенія службы“, по домамъ, по кабакамъ, по улицамъ и по торговымъ мѣстамъ съ ящичками, на связкахъ, и притомъ пьянствуютъ и чинятъ ссоры. Указами не унялись. Прокуроръ сыскаго приказа Толстой свидѣтельствовалъ,

что колодники „дѣйствительно ходятъ пьяными въ разодранныхъ и кровавыхъ рубашкахъ, объявляя яко бы изъ сыскаго приказа пытаные и опредѣленные въ ссылку, и просятъ милостыню съ великимъ невѣжествомъ и необычнымъ крикомъ“. Шатуновъ велѣно ловить и поступать по указу, а съ караульныхъ брать штрафы. По указу 1761 года видно, что колодники все-таки просятъ милостыню „съ невѣжествомъ“. Съ учрежденіемъ попечительнаго общества, уже при Александрѣ (въ 1819 г.), шатаніе колодниковъ остановлено не насильственными мѣрами, а регулированою благотворительностью. Къ тюремнымъ воротамъ привинчены были кружки для денегъ. Такія же кружки стали прибывать потомъ въ кордегардіяхъ губернскихъ правленій и къ церковнымъ стѣнамъ. Высыпанныя деньги пошли на улучшение пищи въ добавокъ къ кормовымъ казеннымъ. Остатокъ шелъ арестантамъ при освобожденіи изъ заключенія и при отправленіи въ Сибирь. Въ тюрьмахъ заведены были артельные столы: отошла охота шататься со спеціальною цѣлью за подаваніемъ. При отправкѣ въ Сибирь арестанты увидѣли, что пожертвованныя деньги употреблялись на покупку для нихъ нужнаго на дорогу. Увлеченный успѣхами такихъ мѣръ, президентъ комиссіи князь Голицынъ ходатайствовалъ уже о новой мѣрѣ, желалъ отъ генераль-губернаторовъ предписанія, чтобы подаватели не давали денегъ арестантамъ на руки, а опускали бы ихъ въ кружки. Предписаніе дано, разумѣется, съ полною охотою и готовностью, но и ему судьба судила начало новой борьбы съ регулированіемъ добродетельныхъ подаваній, на каковую потрачено столько же напрасныхъ силъ, какъ свидѣтельствуетъ рассказанная нами исторія. Выдачу милостыни въ руки сверхъ той, которая уже опущена во внутреннія и наружныя тюремныя кружки, мы видимъ въ наши дни въ той же неприкосновенной цѣлости, не ослабленною, не побѣжденною, во всеоружіи несокрушимаго народнаго закона, однимъ изъ тѣхъ обычаевъ, которые безсильны не только искоренять, но и ослаблять всяческими законами, распоряженіями и предписаніями. Такъ, между прочимъ, еще въ 1767 г. замѣчено было, что подаваніе колодникамъ не выдается, а зачисляется въ кормовую дачу,—велѣно наблюдать, чтобы изъ подаванія въ руки cadaго колодника доходило не болѣе 3 коп. на день. Если затѣмъ явятся остатки, то на него снабжать нужною одеждою. Не смотря, однако же, на это и на то, что по закону арестантъ не имѣетъ права имѣть при себѣ деньги (и для этого установлены обыски), не смотря на то, что давній опытъ указалъ на ненадежнаго посредника съ завистливымъ и алчнымъ окомъ, — жажда благотворительности не устаетъ и не прекращается. Даже какъ будто возростаеъ она по мѣрѣ того, какъ услож-

няются противодействующія силы и небогатыя причины.

Обусловливая свое религіозное чувство всякими подкрѣпляющими правилами, взятыми отъ св. писанія и изъ вѣковыхъ вѣрованій, жертвователи изъ торгующаго сословія Россіи, помимо урочныхъ, обязательныхъ дачъ, идутъ на благотвореніе и въ другія времена, но не иначе, какъ возбужденные и вызванные какимъ нибудь вышнимъ признакомъ, напоминаемъ. Арестантская партія въ этихъ случаяхъ прибѣгаетъ, по волѣ и дозволенію начальства, къ единственному доступному имъ средству. Въ Россіи—это барабанный бой, производимый конвойнымъ барабанщикомъ; въ пути по Сибири—тѣніе пѣсни „Милосердной“, производимое всею путешествующею артелью арестантовъ. Въ Москвѣ, гдѣ, по сознанію всѣхъ ссыльныхъ, идутъ особенно обильныя и богатыя подаванія, вызовы эти тѣмъ болѣе были необходимы, что маршрутъ шелъ стороною отъ тѣхъ улицъ, гдѣ, по преимуществу, сгруппировались домами тароватые богачи. Имена, отчества и фамиліи богачей-благотворителей помнятъ ссыльные и на каторгѣ. Вотъ, что я слышалъ тамъ.

— Въ нашей партіи на cadaго человѣка по тридцати рублей привелось, и все съ Москвы одной. Мы на первомъ этапѣ дуванъ дуванили (дѣлешь дѣлали). Пр—въ да С—въ такія жертвы кладутъ, что вся партія дивится. Пр—въ въ Преображенскомъ далъ всѣмъ ситцу на рубахи, да по три рубля на брата, да въ Богородскомъ наказалъ дать серпянки на штаны и по рублю денегъ.

— Москва подавать любить: меньше десяти-рублевой рѣдко кто подаетъ. Именинникъ, который выпадаетъ на этотъ день, тотъ больше жертвуетъ. И не было еще такого случая, чтобы партія какая не везла за собою изъ Москвы цѣлаго воза калачей; мы наклали два воза. Съ офицеромъ былъ такой уговоръ: на улицахъ останавливаться дольше, за пять часовъ останки сто рублей самому Ивану Филатьичу (офицеру) и 10 рублей Семену Мироничу (унтеръ былъ).

— Владимиръ-городъ (сказывали мнѣ другіе каторжные) всѣхъ городовъ хуже: подаваніе сходило малое. Вязники Владимира лучше, но тоже не изъ щедрыхъ. Нижній Вязники перехвасталъ, на Нижнемъ Базарѣ жертва большая. И нѣту городовъ богаче и къ нашему брату арестанту сердобольнѣе, какъ Лысково село, Казань-городъ, Кунгуръ, Екатеринбургъ, Тюмень, а все отъ того, что въ городахъ этихъ старовѣровъ много живетъ. На подаванія они не скупаются...

— Я, вотъ (грѣшный человѣкъ!), хмѣлемъ еще зашибаюсь, а и то въ дорогѣ накопилъ ста два рублей и сюда принесъ; съ тѣмъ и жизнь свою каторжную началъ, а накопилъ съ

и триста, кабы не пьяное хамло. Поселенцы каторжных бережливѣе, такъ тѣ и по пятьсотъ рублей накопляютъ.

Помимо этихъ добротныхъ подаваній и казенныхъ кормовыхъ копеекъ, выдаваемыхъ арестантамъ на руки, партіи иныхъ стороннихъ доходовъ имѣютъ уже немного. Собственныя арестантскія деньги передъ отправленіемъ отбираютъ въ губернскомъ правленіи и отправляютъ впередъ ихъ въ Тобольскій приказъ съ почтою; у ссыльныхъ, вмѣсто своихъ скопленныхъ денегъ, только квитанціи. Во время остановокъ по тюрьмамъ, арестанты получаютъ иногда подаванія натурою, съѣстными припасами, но отъ этого все-таки артельному капиталу не прибавокъ, при всемъ желаніи и стараніи арестантовъ. Существуютъ для партій еще одинъ доходъ денежный, но доходъ этотъ, при крайней оригинальности и неожиданности своей, случайный и не всегда вѣрный и благонадѣжный.

Извѣстно, напр., что за нѣсколько верстъ до большихъ губернскихъ городовъ на встрѣчу партіи выѣзжалъ бойкій на языкъ, ловкій и юркій въ движеніяхъ молодецъ, въ сибирскѣ и личныхъ сапогахъ, который обыкновенно оказывался приказчикомъ или повѣреннымъ того купца, который снимаетъ казенный подрядъ на поставку арестантамъ зимней одежды. Молодецъ этотъ обыкновенно находился въ короткихъ и дружескихъ отношеніяхъ съ партіоннымъ офицеромъ и съ вѣдома его велъ такое дѣло, которое ему привычно и для арестантовъ выгодно. Онъ предлагалъ арестантамъ продать ему имѣющееся на нихъ теплое платье, обыкновенно полушубки, полученные немного времени тому назадъ и въ недалекомъ губернскомъ городѣ, при поступленіи въ пересыльную партію. Давалъ онъ немного, но давалъ наличными деньгами и при этомъ бралъ даже и крѣпко подержанные полушубки, замѣняя ихъ тою рванью, которую привозилъ съ собою, и изумлялъ только однимъ: именно, необыкновенною ловкостью въ покупкѣ, умѣньемъ сойтись и убѣдить арестанта на сдѣлку, для него и для нихъ выгодную. Весь процессъ перекупки совершался въ какихъ нибудь три или четыре часа и притомъ не смотря на количество пересыльныхъ, обстоятельство, приводившее всѣхъ въ изумленіе. Выѣзжая на бойкомъ рысачкѣ, молодецъ этотъ успѣвалъ привезти и сдать купленные вещи хозяину, а хозяинъ отвезти и сдать податливому начальству прежде, чѣмъ оно успеетъ осмотрѣть партію, прежде, чѣмъ партія эта придетъ въ городъ. Дальше дѣло немудрое. Полушубки, подсунутые въ казну ловкимъ перекупнемъ, поступали опять на тѣ же плечи, съ которыхъ третьяго дня собраны, даже рѣдко исправленные, рѣдко изменные къ лучшему.

— По крайности обнашивать не приходится, меньше полушубокъ отшибаетъ той дрянью и

запахомъ, безъ которыхъ ни романовскимъ, ни казанскимъ овчиннамъ не жить, — думаютъ арестанты и остаются довольными.

— Хоть и рискованное дѣло приказчикъ обдѣлать, а все же я рубль на рубль нажилъ и слава Богу! Въ коммерціи нашей безъ этого нельзя! — думалъ въ свою очередь плутоватый подрядчикъ, самодовольно разглаживая бороду и отпаривая животь дешевымъ и привычнымъ чаемъ и всякими трактирными благодатями.

— Къ казенному жалованію не лишнее придатокъ получить дѣтишкамъ на молочшко, — смекали про себя третьи и, довольные другъ другомъ, вели подобныя операціи не одинъ годъ и не въ одномъ мѣстѣ.

Вели подобныя операціи съ полушубками и безъ огульнаго участія всѣхъ ссыльныхъ, предлагая принять артельному старостѣ въ большой кучѣ даже и такіе коротенькіе и узенькіе, что и на подростковъ-ребятъ не годятся. Вся суть дѣла на этотъ разъ заключалась въ томъ, чтобы соблюсти форму и записать вещи въ расходъ. У ссыльныхъ большею частью полушубки хорошіе, ибо обновлены и не смердятъ; съ таковыми-то, пожалуй, ему разставаться жалко, а полученные вновь арестанты имѣютъ право продать тутъ же. Тотъ же подрядчикъ охотно ихъ покупалъ, чтобы опять всучить ихъ въ тюремный цейнгаузъ *).

Словомъ, довольны всѣ дважды, но, разумеется, довольнѣе всѣхъ оставались арестанты и потому, что видѣли заботливость начальства (какова она ни на есть), и потому, главное, что имѣли капиталъ въ размѣнной ходячей монетѣ. Она имъ нужна, нужна до зарѣзу и крайней безвыходной необходимости. Для арестантовъ по дорогѣ много соблазновъ: и предугаданныхъ и неожиданныхъ. Одинъ этапный командиръ нѣкогда держалъ, напр., кабакъ (и поэтому этапъ его, помимо казеннаго, носилъ другое названіе—пьянаго) и разсчиталъ правильнѣе: давая изъ личныхъ выгодъ возможную свободу партіи, онъ заставлялъ ее ушваться и пропиваться до нитки, до послѣдняго алтына. Арестанты тѣмъ охотнѣе дѣлали это, что вскорѣ за этапомъ пьянымъ выходить на дорогу новый богатый городъ Кунгуръ, щедрый на милостыню и подаванія. Тѣ и другіе пополняли истощенные капиталы, которые вскорѣ и опять усиливались денежными дачами отъ старообрядцевъ въ Екатеринбургѣ и Тюмени. Въ Тюмени, напримѣръ, пожертвованія въ праздники Рождества и Пасхи были столь велики, сытны и обильны, что этапные арестанты платили зрителю деньги, что-

*) Подъ Тобольскомъ въ подпорье мощи ссыльныхъ существовалъ такой обычай: на послѣдней станціи кандалы у посельщиковъ покупали заранѣе, потому что, по приходѣ въ городъ, здѣшнія желѣза обыкновенно велѣли снимать и бросать въ кучу, которая, разумеется, никогда не провѣрялась.

бы на эти дни не выпускалъ дальше, а даль бы возможность поѣсть шанегъ, яицъ, кислаго молока и всего того, за что въ другихъ мѣстахъ и дальше приводится платить собственныя и довольно большія деньги.

Деньги, всеисильныя, могущественныя, творящія чудеса, деньги освѣщали этапный путь, богатый мракомъ, спасали арестантовъ отъ множества непредвидѣнныхъ бѣдствій. Безъ денегъ и на этапахъ началась бы каторга, безъ нихъ тяжела бы стала путевая жизнь, подневольная и зависимая. Знали это начальники—и брали, знали это арестанты—и давали деньги за все, за что требовалъ уже установившійся обычай и безпредѣльный, безграничный, всеобщій произволъ. Произволъ и обычай сдѣлали то, что этапная жизнь арестанта сдѣлана была изъ разнаго рода притѣсненій и вымогательствъ. Тутъ мы видимъ цѣлую систему, которая за долгое время успѣла установиться и опредѣленно выясниться. Выяснилась она, по нашему крайнему разумѣнью, въ такой формулѣ: всякій человѣкъ по всяческому праву ищетъ свободы, но лишенный ее—еще сильнѣе и настойчивѣе. „Отъ тебя зависитъ моя свобода. Полной свободы ты мнѣ дать не можешь, не въ твоихъ это силахъ, не въ твоемъ это правѣ, ты самъ мало свободенъ. Но ты человѣкъ терпимый, бывалый, а потому смѣлый. Дашь себѣ немножко труда и можешь удѣлить намъ частицу, кусочекъ этой свободы. Смѣлости и рѣшимости тебя не учить, а намъ все равно: мы съумѣемъ обмануть себя, а разъ обманутые въ жизни, и частицу твоего права и твоей свободы примемъ за цѣлое. Но ты не хочешь, отчасти не можешь, дать намъ этого даромъ. Ты просишь вознагражденія за ту рѣшимость, за ту жертву, которыми рискуешь ради меня. Возьми! Возьми, сколько потребуешь, сколько это въ силахъ нашихъ! Но дай намъ подышать этой волей хоть на тотъ же пятакъ или грошъ, какими оцѣнили ты эту волю. Знаемъ, что мы обманываемъ себя, знаемъ, что завтра же придется намъ горько и слезно посмѣяться надъ собой, болѣзненно пожалѣть о затраченныхъ деньгахъ, попенять на себя за малодушіе: пятачъ-де молока захотѣли! Но сегодня мы хотимъ забыть о кандалахъ и о заднихъ и переднихъ этапахъ. Сегодня мы только люди, ищущіе деньги, а завтра, пожалуй, варнаки, чалдоны, храпы. Но сегодня мы пьемъ и пляшемъ во всю ивановскую, потому что добыли на этотъ разъ за деньги непокупное завѣтное наше право“.

Покупаютъ арестанты все. Даже право на подааніе не всегда достается имъ даромъ и оно иногда требуетъ со стороны партіи денежной жертвы. Денежныя жертвы со стороны арестантовъ пойдутъ потомъ въ безконечность, но начало имъ все-таки въ самомъ началѣ пути.

Еще въ Москвѣ, тотчасъ по выходѣ партіи ссыльныхъ изъ пересыльнаго тюремнаго замка, бывалые этапные начальники спѣшили заявлять и объяснять тѣ начала, которыми будутъ руководствоваться они сами, а потомъ всѣ остальные товарищи ихъ, ближніе и дальные, этапные командиры.

— Какими васъ, ребята, улицами вести?—спрашивалъ бывало свою партію опытный этапный

— Хорошими, ваше благородіе!—отвѣчали, бывалые изъ арестантовъ.

— Соблаговолите въ барабанъ бить и прохладу дайте,—прибавляли опытные изъ нихъ.

— Прохлада 50 рублей стоитъ, барабанъ столько же. Стало, ровно сто на меня, да десять на ундеровъ, по рублю на рядовыхъ, согласны ли?—говорилъ офицеръ.

— Идетъ!—отвѣчали бывалые изъ арестантовъ съ полною готовностью, когда на дворѣ праздникъ и не стояла глухая лѣтняя пора. Они начинали торговаться, если на ихъ сторонѣ не было такихъ сильныхъ и благопріятныхъ условий.

Свѣжіе, мало опытные арестанты задумаются, удивятся такому риску, такой рѣшимости, зная, „что изъ казенной семитки такихъ денегъ не выкроишь, хотя всѣ иди въ складчину“; но не доходили еще до заставы Рогожской, сомнѣнія ихъ разбивались. Партія пойдетъ медленнымъ, примѣчательно медленнымъ шагомъ, и пойдетъ притомъ не тѣми улицами, которыя ведутъ прямо въ Рогожскую заставу и по маршруту, но тѣми, которыя по преимуществу наполняются торгующимъ народомъ или обставлены домами купцовъ-благотворителей (имена этихъ благотворителей, какъ уже сказано, помнятъ ссыльные, а дома ихъ хорошо знаютъ командиры и арестанты). Идетъ партія въ неизмѣнномъ, разъ нарисованномъ и на всегда установленномъ порядкѣ: впереди ссыльно-каторжные въ кандалахъ, въ серединѣ ссыльно-поселенцы, безъ оковъ ножныхъ, но прикованные по рукамъ къ цѣпи по четверо; сзади ихъ, также прикованныя по рукамъ къ цѣпи, идутъ ссылаемые на каторгу женщины, а въ хвостѣ неизбѣжный обозъ съ большими и багажемъ, съ женами и дѣтьми, слѣдующими за мужьями и отцами на поселеніе. По бокамъ, и впереди и сзади идутъ неизбѣжныя конвойные солдаты и ѣдутъ отрядные конвойные казаки. Смотрите на картину эту въ любую среду (часа въ 4 по полудни) въ Петербургѣ, у Владимирской (хотя, наприм., въ Кузнечномъ) или въ Демядовомъ переулкѣ; прослѣдите ее за Томскомъ, за Красноярскомъ, посмотрите на нее въ Иркутскѣ: все одна и та же, разъ заказанная и нарисованная картина, только, можетъ быть, кое-когда окажется пробыль на мѣстѣ казаковъ. Въ этихъ картинахъ, со временъ Сперанскаго, замѣчательное постоянство и однообразіе.

Привычный, не раз присмотрѣвшійся, замѣтить, пожалуй, во всей этой форменности нѣкоторую фальшь и натянутость, которая стягивалась и вытягивалась во время прохода партіи городами и распускалась, развѣтывалась свободнѣе за городомъ въ полѣ. Такъ, конечно, это и должно быть. Разглядѣть не трудно, что эта подтянутая форма и поддѣльный порядокъ существуютъ только для Россіи и въ Россіи *); по Сибири арестанты ходили вольнѣе, свободнѣе и распущеннѣе. Тамъ за параднымъ порядкомъ не гонялись, чѣмъ прेमного обязывали арестантовъ, которые были довольнѣе дорогами сибирскими, чѣмъ русскими, и прибавляли:

— До Тюмени идемъ, несемъ кандалы на помочахъ, а помочи надѣваемъ прямо на шею, по російски. И давятъ кандалы шею, давятъ плечи, а имъ и безъ того на ходу тяжело, все онѣ ноютъ. По Сибири несемъ кандалы на ремешкѣ, на поясу. По сибирски легче!

— По Сибири вольнѣе идемъ, легче и думаемъ. А думаемъ такъ: если, молю, начальники къ тебѣ милостивѣй стали, значить, въ свою сторону пришелъ, а если, молю, не совсѣмъ она тутъ, то теперь уже близко.

— Сибирь тѣмъ хороша, что вратъ не велить. Въ Россіи смиреніе напускай, а за угломъ дѣлай что хочешь; въ Сибири иди какъ хочешь и каковъ ты есть, не притворяйся, не заставляють.

— Въ Россіи думаютъ, что ты самый худой человекъ, коли „часы потерялъ, а цѣпочкой обзавелся“, а въ Сибири знаютъ, что мы не хуже другихъ и не лучше другихъ! Живуть и на волѣ люди хуже тебя, а идешь ты на канатѣ затѣмъ только, что проще другихъ, глупѣе говорить надо. Значить—попался, хоронить концовъ не умѣть...

До Тобольска партіи шли въ полномъ составѣ, т. е. такъ же, какъ снимаются съ мѣстъ: женщины отъ мужчинъ не отдѣлялись, давая, такимъ образомъ, возможность видѣть по-часту на подводахъ, слѣдующихъ за партією, мужчинъ и женщинъ, сидящихъ вмѣстѣ. Понимающіе дѣло знали, что это счастливыя четы любовниковъ, успѣвшихъ за долгую дорогу перемолвиться и войти въ сношенія между собою и съ этапными; съ послѣдними для того, чтобы имѣть возможность пріобрѣсти право принимать за собственныя деньги лишнюю подводу. Любовнымъ изъясненіямъ не препятствуетъ

при этомъ то, что по-часту подвода принимается въ складчину и стало быть на одніи сани садятся по двѣ и по три любящихся пары. По сознанію знатоковъ, женщины преступницы вырабатываютъ на этапахъ особое душевное свойство, которое мѣшаетъ имъ любить одного и служить на такой долгой срокъ, какой полагался для перехода партіи до мѣста. Этапная любовница особенной любви къ супружескимъ узамъ не показывала, она рѣдко остается вѣрною тому, кто первый подвелъ подъ ея преступное сердце мину и немного побольше любить развѣ только того, кто съ ловкостью соединяетъ важную и существенную доблесть. Дobleсть эта для ссыльной женщины заключается въ бережливости, а послѣдняя обеспечиваетъ всегда туго набитый денежный карманъ. Большинство женщинъ идетъ въ Сибирь за поджоги или за убійства дѣтей, а оба эти преступленія вызываются ревностью и обуславливають въ ссыльной женщинѣ присутствіе пылкихъ страстей. Страсти эти, съ одной стороны, послужили къ гибели и ведутъ на каторгу, съ другой—изъ пересыльной женщины дѣлають легкую добычу для аматоровъ. Любители эти—по большей части этапные солдаты (на полуэтапахъ, напр., бабы—по уставу—ночуютъ въ солдатской караульнѣ), меньшая половина—товарищи—арестанты. Впрочемъ, нерѣдки случаи и постоянства въ любви, въ формѣ даже какъ будто гражданскаго брака, въ тѣхъ случаяхъ, когда защемило женское сердце тотъ молодецъ, который сосланъ безъ срока на каторгу, а стало быть не имѣетъ права вступать въ бракъ раньше 11 лѣтъ. Тѣмъ не менѣе, эти связи нельзя не считать въ числѣ главныхъ причинъ, что съ этаповъ не бѣгутъ и крѣпко держатся народъ обоюго пола за невеселый канатъ.

Наблюдающіе за томскимъ острогомъ согласно свидѣтельствуютъ о томъ, что пересыльные арестанты, пользуясь удобствомъ размѣщенія оконъ, выходящихъ на дворъ противъ бани, цѣлые часы протанавливаютъ на одномъ мѣстѣ, любясь издали на моющихся въ банѣ арестантокъ. Для достиженія желаемой цѣли подкупъ всегда дѣйствителенъ; иногда употребляется и насиліе. Въ тюремномъ острогѣ арестанты ловко прячутся за двери, чтобы выждать выхода женщинъ; женщины настойчиво лѣзутъ къ мужчинамъ и артелями (человѣкъ въ 20) дѣлають правильныя вылазки, особенно въ больницу. Одинъ фельдшеръ попробовалъ помѣшать: ему накинули на голову платокъ и щекотали до тѣхъ самыхъ поръ, пока ему не удалось вырваться изъ весьма опаснаго для жизни положенія, словомъ—пока онъ постыдно не бѣжалъ. Въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ сами смотрители способствовали свиданіямъ мужчинъ и женщинъ и брали за это рубль серебромъ.

Этапы, во всякомъ случаѣ, представляли боль-

*) Художнику Якоби, желавшему уловить характерный беспорядокъ путешествующихъ арестантовъ, такъ и не удалось положить основы для будущей картины. Выѣзжалъ онъ и въ помѣ, радѣлъ ему и конвойный офицеръ, но арестанты все-таки вытягивали мертвый солдатскій фронтъ, выстраивали шеренги. Художникъ принужденъ былъ ограничиться личною фантазією и далъ картину, мало напоминающую этапный растахъ въ его настоящемъ правдивомъ видѣ.

ше удобства для сближений на случай любовных интригъ. Такъ объясняютъ и сами арестанты.

— А не выгорить дѣло, не удадутся хлопоты?

— Тогда мы въ разбивку идемъ.

— Что же это значить?

— Въ большомъ городе или на хорошемъ этапѣ къ лазарету пристраиваемся. Господа дохтура къ нашему брату жалостливы, отдыхать позволяютъ. А то, какъ и фелшаровъ покупаемъ, эти люди дешевые, на деньги слабые.

— Ну, а дальше что?

— Въ лазаретѣ ждешь, навѣдываешься, когда больше бабъ набралось, женская партія изъ Томска приходятъ. У смотрителя тюремнаго выпросишься, три рубля серебромъ подаришь ему успѣха ради, онъ тебя къ женской партіи и припишетъ, на то законъ есть. И пойдешь съ бабами. Дорого это, да что дѣлать?! Фелшаръ, однако, дешевле смотрителя. Этотъ за четвертакъ на койку положить, за двугривенный выпустить *).

— Кто до женскаго полу охотникъ (разказывали намъ многіе другіе арестанты), тому траты большія, тому денегъ надо много: деньги ему надо на подводы, надо всякому солдату дать, офицеру—статья особенная. Опять же на водку изведеть онъ денегъ двойное, а не то и тройное количество. Смотрите-ка, во сколько ему дорога-то обойдется! А дорога дальняя, трудная. По Сибири денежныя подаванія меньше, все больше харчомъ да вздохами. Коли не скопиль денегъ въ Россіи, въ Сибири не наживешь. Такъ и знай!

— Въ Сибири наживаютъ деньги одни только майданщики (т. е. откупщики **). Майданщику и баба другой стороной кажетъ, въ пей онъ пользу видитъ и по портяжному дѣлу. Во всякой рухляди каторжному большая нужда настоять.

— Кто же шьетъ, когда въ партію не попадутъ бабы?

— Пьянаго народу въ партіи всегда больше бываетъ, чѣмъ трезвыхъ. Такихъ совѣтъ почти

*) Замѣчено, что женщины родили, до прихода въ Тобольскъ, дорогою. Придя въ приказъ, просили вступитъ въ бракъ или назначить въ одну губернію съ влюбленнымъ. «Были даже неоднократные примѣры, что оставшіе на роднѣ жену или мужа съ дѣтьми и не лишеныя всѣхъ правъ состоянія, а слѣдовательно, не расторгнутыя въ бракъ, просили при жизни еще кого либо изъ супруговъ о вступленіи въ новый бракъ съ лицомъ, въ одной партіи идущимъ»—свидѣтельствуетъ одна официальная бумага. По закону до Тобольска женщинамъ не позволялось выходить замужъ и ни въ какомъ случаѣ не дозволялся бракъ каторжной женщины съ идущимъ на поселеніе.

**) Это—денежныя и ловкіе изъ арестантовъ, снимающіе подряды на содержаніе и продажу водки, картъ, съѣстного и пр. Но объ нихъ подробно скажемъ въ слѣдующей главѣ.

нѣтъ. А пьетъ народъ, такъ и пропивается, а затѣмъ и забираетъ въ долгъ у майданщика и табакъ и водку. А забралъ, такъ и плати чѣмъ сможешь, кто какое ремесло съ собой унесъ: портной ты—иглой ковырай; сапожникъ—дратву въ зубы, и все такос. Въ каждой партіи рѣдкій кто ремесла не знаетъ и ужъ и во всякой партіи по каждой части найдется доточникъ. Такъ это всѣ майданщики и разумѣютъ и припасъ покупаютъ мастерамъ сами въ деревняхъ у крестьянъ. Оттого у майданщиковъ навсегда деньгамъ водъ большой; майданщикъ первый богатъ въ свѣтѣ. Копейка у него сильная, да и та алтыннымъ гвоздемъ прибавается. Такіе ужъ и люди на это дѣло идутъ, особенные.

Въ Тюмени ожидаетъ этапная партія тюрьма и въ ней отдыхъ. Тамошняя тюрьма самая большая, самая просторная изъ всѣхъ существующихъ въ Россіи по пути арестантовъ. Отдыхъ или пребываніе въ этой тюрьмѣ самое продолжительное изъ всего времени, назначаемаго для расходовъ (отдыховъ отъ 2 до 5-ти недель). Въ Тобольскѣ, какъ извѣстно, со времени учрежденія сибирскихъ губерній, по проэктамъ гр. Сперанскаго, существовалъ приказъ о ссыльныхъ, учрежденный вмѣсто „общаго по колодничьей части присутствія“, бывшаго до 1823 года въ городѣ Тюмени *). Приказъ занимается сортировкой всѣхъ ссыльныхъ по разрядамъ, назначаетъ опредѣлительно мѣста ссылки, провѣряетъ частныя статейные списки и составляетъ новыя. Истрачивая на все это прихѣтное количество времени, приказъ, такимъ образомъ, даетъ арестантамъ нѣкоторую возможность перевести духъ, придти въ сознаніе, сообразить прошедшія и отчасти будущія обстоятельства жизни. Тобольская тюрьма, однимъ словомъ, играла весьма важную роль во всей этапной жизни арестантовъ. Знающіе люди примѣчали, что арестанты выходили отсюда опытнѣе, артели ихъ устроивались плотнѣе и прочнѣе. Тюрьма эта, богатая событіями разнаго рода и вида, дающая обильный и разнообразный дневникъ происшествій, являлась чѣмъ-то центральнымъ, какимъ-то высшимъ и важнымъ мѣстомъ, гдѣ арестанту преподается всякая наука, дается всякое поученіе, столь необходимое для исключительнаго его положенія, для его новой жизни въ новой странѣ и при новыхъ условіяхъ быта. Рядомъ съ разбивкою по отдѣламъ, по разрядамъ, за тюрьмою идетъ все тотъ же порядокъ, какой былъ установленъ на прежнихъ этапахъ, но съ тою только разницею, что теперь порядокъ этотъ имѣетъ уже опредѣленные, законченныя формы и правила. Рядомъ съ правомъ приказа назначать пересыльныхъ арестантовъ на разныя городскія работы, существовалъ побѣгъ и изъ тюрьмы и съ

*) Сюда же обратно переведенъ приказъ изъ Тобольска на настоящее свое мѣсто, по справедливости.

этих работ. Въѣстъ со строгостью тюремнаго заключенія и надзора шло объ руку дѣланье фальшивой серебряной монеты, составленіе фальшивыхъ видовъ, паспортовъ и печатей. Тюрьма тобольская, не смотря на то, что играла какъ будто неопредѣленную роль, какъ мѣсто временнаго помѣщенія, какъ въ роль проходнаго только постоялаго двора, — важна была для проходящихъ партій главною стороною: коренною и самостоятельную наукою — наукою жизни въ ссылкѣ, на каторгѣ, на поселеніи и на тѣхъ же этапѣхъ. У тюрьмы тобольской своя исторія, оригинальная и поучительная, исторія, могущая служить прототипомъ для всѣхъ россійскихъ тюремъ. Это — резервуаръ, куда стекались всѣ нечистоты, скопившіяся во всѣхъ другихъ русскихъ тюрьмахъ. Ее и на каторгѣ разумѣли въ томъ же смыслѣ, какъ разумѣютъ Москву другіе города, торгующіе тѣмъ же товаромъ, по тѣмъ же самымъ приемамъ и законамъ. Тобольская тюрьма сама даже нѣкогда исполняла роль каторжнаго мѣста и соблюдала въ своихъ стѣнахъ прикованныхъ на цѣпи, къ тачкѣ и проч.

Въ тобольской тюрьмѣ арестантскія партіи дѣлились на десятки, для каждаго десятка назначался особый начальникъ — десятскій, надъ семью десятками — главнокомандующій староста, выбираемый всею партіею. Приказъ о ссылныхъ утверждалъ выборъ и затѣмъ уже ни одинъ этапный офицеръ не имѣлъ права смѣнить старосту, развѣ только пожелаетъ этого вся путешествующая община арестантовъ. Староста этотъ, обыкновенно, собираетъ подавнія, когда дають таковыя по пути. Онъ же ходитъ съ конвойнымъ по дворамъ тѣхъ селеній, гдѣ стоитъ этапъ и когда назначена въ немъ дневка.

Изъ тобольской тюрьмы арестантъ выходилъ богачомъ, съ запасомъ новыхъ свѣденій на счетъ своего общественнаго значенія и съ запасомъ новыхъ вещей на счетъ казеннаго интереса. Въ рубашкѣ у него появлялись двѣ рубахи, двое портовъ; на плечахъ новый армякъ — зипунъ изъ толстаго сѣраго сукна, съ желтымъ либо краснымъ тузомъ или двойкою на спинѣ, и съ едишерстнымъ родичемъ — штанами, а на ногахъ бродни — не сапоги и не калоши — обувь сибирскаго изобрѣтенія и вкуса, простая, но недолговѣчная, либо коты, т. е. мелкіе башмаки, начиненные бумагою *). На зимнее время движимое имущество его еще больше возрастаетъ въ силу требованій суровой страны: на плечи — душистый тулупъ, на руки варежки и голицы, на ноги суконныя портянки, на голову треухъ — ту уродливую шапку на манеръ башлыка, которую любятъ въ дорогѣ, по глухимъ

*) Въ этомъ случаѣ гражданскіе арестанты не могли надѣваться и наплататься тому предичтенію, которое оказывается военнымъ арестантамъ. Эти вмѣсто котовъ, какъ извѣстно, полушаютъ сапоги.

мѣстамъ Россіи, старики-попы и торгующе крестьяне. Лѣтняя казенная шапка изъ сѣраго сукна безъ козырька, открывающая затылокъ и уши, дѣлается изъ арестанта чучелу. Имущество это арестантъ можетъ уберечь, можетъ и продать кому угодно, охотниковъ много: тотъ же конвойный солдатъ, свой братъ торговецъ-майданщикъ, крестьянинъ сполупной деревни и проч. Тулупъ идетъ не свыше двухъ рублей, но бываетъ и дешевле полтинника; цѣна бродней колеблется между трехгривеннымъ и двумя двугривенными, рукавицы (т. е. шерстяныя варежки и кожанныя голицы вмѣстѣ) не свыше двугривеннаго. Продають больше по частямъ, но можно и все разомъ, особенно, если подойдетъ дорога подъ большой губернской городъ. Тамъ разговоръ извѣстный: скажешь, что потерялъ, проѣлъ, товарищи украли. Выпорютъ за это непременно или, для ускоренія взысканія, побьютъ по зубамъ, но накажутъ непременно, потому что арестанту безъ этого прожить невозможно. Новыми вещами снабдятъ также непременно, потому что казнѣ безъ этого нѣтъ иного выхода, было бы нечего дѣлать. Одевка, такимъ образомъ, производилась въ каждомъ губернскомъ городѣ, а проматыванье вещей существуетъ во всей силѣ, не смотря на указы, изъ которыхъ первый издавъ былъ еще въ 1808 году; продавались даже кандалы, т. е. сибирскіе, фунтовъ 10 — 12 вѣсомъ, и обмѣнивались у мѣстныхъ барышниковъ на 5 и 4-хъ фунтовыхъ. Барышники, за недостающее количество желѣза до вѣсу казенныхъ, доплачивали арестантамъ по взаимному договору.

Тобольская тюрьма на этапный путь производила то вліяніе, что составу партій давала иное направленіе. До сихъ поръ шли по Россіи всѣ вмѣстѣ, отсюда уже отдѣльно: каторжные — своею партіею, поселская партія особо, женщины, по указу 1826 года, также въ своей отдѣльной партіи. Потомъ, на дальнѣйшемъ пути, арестанты умѣли эти партіи спутать и и намѣченный законнымъ уставомъ видъ измѣняли по своему уставу, но въ приказѣ объ сортировкѣ усердно хлопотали. Разъ въ недѣлю выходили оттуда либо кандалная, либо женская и потомъ поселская, либо такъ: первая кандалная, первая, вторая, третья поселскія, потомъ женская, опять поселскія четвертая, пятая, вторая кандалная и потомъ опять четыре-пять поселскихъ, одна за другою по недѣлю. Идущіе въ кандалахъ шли вольно, отдѣльно. Посельщиковъ по три, по четыре пары приковывали къ цѣпи въ наручникахъ по-двое. Наручникъ этотъ изобрѣтенъ командиромъ отд. корп. внутр. стражи, генераломъ Капцевичемъ, и былъ утвержденъ 1 марта 1832 года. Для него потребовалась цѣпь, а прежде ходили прикованными къ пруту. Прутъ оказался неудобнымъ: при ходѣбѣ рука каждаго терлась объ

его собственный наручникъ, который не всегда приходился по рукѣ. Высокіе люди тащили вверхъ малорослыхъ, а эти тянули руки высокихъ внизъ; слабые за сильными не поспѣвали. Отъ безпрестаннаго тренія на рукахъ появлялись опухоли и раны, на прикрѣпленные къ пруту руки нельзя было надѣвать рукавицъ. Холодъ отъ желѣза причинялъ ужасныя мученія, тѣмъ болѣе, что нельзя было дѣлать руками этими никакихъ движеній, чтобы согрѣться. Унтеръ-офицеръ, сопровождавшій партію, не имѣлъ права, во время пути, отворять замка, укрѣпленнаго на концѣ прута; ключъ отъ замка хранился въ особомъ ящикѣ, за казенною печатью, изъ-подъ которой могъ быть вынуть только по прибытіи въ этапъ, гдѣ находился офицеръ. Слѣдовательно, если заболѣвалъ одинъ изъ арестантовъ въ дорогѣ, то должно было всѣхъ вмѣстѣ сажать на повозку. На ночлегахъ арестанты не имѣли нужнаго покоя, ибо движеніе одного чувствовали все прочіе, прикрѣпленные къ пруту. Каждый разъ, когда нужно было одному изъ нихъ выходить ночью на дворъ, все товарищи должны были его сопровождать. „Ужасъ и уныніе, — свидѣтельствуется официальный актъ: — замѣчаемые въ арестантахъ въ то время, когда дѣлались приготовления прикрѣплять ихъ къ пруту, всеобщая радость и благодарность, возсылаемая къ благодѣтельному началству, когда отправляютъ ихъ порознь въ кандалахъ, явно убѣдили въ томъ, что прутья для нихъ, безъ всякаго сравненія, отяготительнѣе кандаловъ“. Путь, просуществовавшіе восемь лѣтъ (съ 1824 года), были замѣнены цѣпью различной длины (отъ 11 вершковъ до 1½ аршина). На цѣпи теперь другое горе: бойкіе на ногу тянутъ заднихъ тихоходовъ; остановится одинъ за нуждою — все должны стоять и дожидаться, а скovskyвають иногда человѣкъ по восьми, по десяти. Но арестанты и этотъ способъ счумѣли медленнымъ хожденіемъ (при чемъ нельзя распознать перваго виноватаго) до того обезобразить, что сами конвойные охотно перестаютъ примѣнять его. Они хорошо знаютъ, что надо пройти въ день до стоянки верстъ 30 и больше. Утромъ вышли — надо ночевать на полуэтапѣ; опять день идти, чтобы попасть на этапъ. Здѣсь дневка — дается отдыхъ (растахъ, по тамошному). На третій день опять путь-дорога до ночевки на полуэтапѣ и дневки на этапѣ. А тамъ и пошла писать эта медленная путина, долговременная ночевка до мѣста назначенія. Пойдемъ вслѣдъ за арестантами.

Выйдемъ изъ тобольской (а теперь изъ томской) тюрьмы, чтобы слѣдовать за арестантами снова вдоль этапнаго пути, у котораго конецъ еще не ближній и во всякомъ случаѣ дальше, чѣмъ для самаго дальняго преступника находится теперь мѣсто его родины. Вотъ что мы слышимъ.

На первомъ привалѣ и отдыхѣ арестанты устраиваютъ въ средѣ своей отдѣльную и самостоятельную артель, которая имѣетъ такой же смыслъ, значеніе и важность, какія имѣютъ всяческія артели, успѣвшія поглотить въ себя все работающее населеніе, во всѣхъ углахъ и странахъ нашего отечества. Устраиваемая на первомъ привалѣ арестантская артель существуетъ затѣмъ во все время этапнаго пути и существуетъ самостоятельно и отдѣльно отъ той, которая установлена и поощряется закономъ. Не уничтожая, даже не ослабляя смысла и значенія той, которая сочиняется въ Тюмени по приказу чиновниковъ, эта новая артель, въ то же время, имѣетъ особенный, самобытный характеръ, съ которымъ плотнѣе и сильнѣе дружится путешествующій преступникъ. Она тоже не требуетъ особыхъ нововведеній, измѣненій и улучшеній, она тоже является въ готовой формѣ. Богъ вѣсть когда придуманной, но до сихъ поръ свято соблюдаемой. Арестанты такую артель любятъ и безъ нее не только не ходятъ по этапамъ, но и не живутъ въ тюрьмахъ. Эта артель — жизнь и радость арестантской семьи, ея отрада и покой. Въ казенной артели полагается староста, въ арестантской — откушники, майда и щики; вотъ въ чемъ вся разница этихъ двухъ артелей, повидимому, ничтожная, но, въ сущности, огромная.

Образованію арестантской артели предшествуютъ торги, со всеми признаками этого обычнаго вида коммерческихъ операцій. Торги производятся на отдѣльныя статьи: 1) содержаніе водки, 2) содержаніе картъ, съѣстныхъ припасовъ, 3) одежныхъ вещей и проч. (иногда въ примѣчательной подробности). Къ торгамъ допускается всякій, безъ различія, но выигрываетъ только тотъ конечно, у котораго потяще другихъ мошна, который самъ бывалъ въ перёдѣлкахъ, а дѣло торговли ему и знакомое и привычное. Это большею частью люди бережливые, скопидомы, у которыхъ замерзало въ сердцѣ всякое поползновеніе на соблазнъ, для которыхъ и въ тюрьмѣ жизнь не беспорядочна, не разбита отчаяніемъ, а несетъ тѣ же живыя струи и рисуется съ тѣми же оттѣнками, какъ и жизнь на свободѣ. Бѣднякъ и разочарованный на такое дѣло не пойдутъ, но не выпустятъ его изъ своихъ рукъ тѣ, которые и на свободѣ маклачили торговлю и по этапамъ счумѣли уберечь и припрятать кое какую копейку.

Откупныя статьи поступаютъ, по большой части, въ однѣ двое руки, но если идетъ большая партія (напр., свыше ста человѣкъ), торги становятся дробными. Въ однѣ руки сдаютъ право на содержаніе картъ, костей, молки и другихъ игорныхъ принадлежностей; въ другія руки поступаетъ торговля табакомъ, водкою и всеми возбуждающими сладостями и удовольствующими наслажденіями; въ третьи руки

идеть торговля харчомъ и доставка съѣстныхъ припасовъ. Дробность эта иногда бываетъ еще мельче, но во всякомъ случаѣ, торги устанавливались обыкновенно не на всю дорогу отъ Тобольска до каторги. Одни торги существовали до Томска, гдѣ впервые разбивалась партія и на первомъ же этапѣ за Томскомъ устраивались новые торги до Красноярска, въ Красноярскѣ—до Иркутска, въ Иркутскѣ уже вплоть до Нерчинска. По Сибири ходятъ партіи человѣкъ въ 200 и болѣе *). Заплативъ артели нѣсколько рублей, а иногда и десятковъ рублей за право торговли, откушники-майданщики обязаны уже имѣть все, по первому затребованію арестантской общины. Часть денегъ, полученныхъ съ откушниковъ этихъ, дѣлится поровну между всѣми остальными, другая, меньшая, сдается на руки казеннаго старосты, который обязанъ, на правахъ казначея, блюсти эту сумму какъ зѣницу ока. На эти деньги староста, съ согласія цѣлой артели и съ ея разрѣшенія, покупаетъ всякія льготы у этапныхъ начальниковъ (офицера или унтеръ-офицера): право пропѣть „Милосердную“ и собрать въ сполупной деревнѣ на артель деньги и съѣстные припасы; право сходить въ баню на этапѣ, иногда выкупаться въ рѣкѣ, сбѣгать въ кабакъ откушнику или его подставному помощнику; снять кандалы на честное варнацкое слово и признаніе, сверхъ казенной, на артельныя деньги, лишнюю подводу, куда садятся слабые и больные и складываются, снятыя для облегченія въ дорогѣ со всей партіи, кандалы **).

*) Законъ ограничиваетъ число людей въ партіяхъ во внутреннихъ губерніяхъ отъ 20 до 60 и въ сибирскихъ отъ 50 до 60, 100 и болѣе. Между тѣмъ, среднее число людей въ партіяхъ при еженедѣльной (60 разъ въ году) отправкѣ по этапамъ бывало:

Отъ Полтавы до Харькова	30
» Харькова до Воронежа	34
» Воронежа до Тамбова	40
» Тамбова до Пензы	43
» Пензы до Симбирска	47
» Симбирска до Казани	69

Въ Казани же присоединялась и московская партія (изъ ссыльныхъ окрестныхъ губ.), пополненная петербургскою (изъ арестантовъ финляндскихъ, остзейскихъ, литовскихъ, псковскихъ и олонечскихъ). Московская (соединенная) партія росла такъ:

Отъ Москвы до Владимира	72
» Владимира до Нижняго	80
» Нижняго до Казани	85

Въ Казани, такимъ образомъ, собиралось уже 154 арестанта; въ Дебесахъ (куда сходились изъ Вятск., Волог., Костр., Оренб. и друг. губ.) число ссыльныхъ среднимъ счетомъ бывало 171.

Отъ Дебесъ до Перми	178
» Перми до Кунгура	182
» Кунгура до Камышлова	189
» Камышлова до Тюмени	194
» Тюмени до Тобольска	220.

**) На тѣ времена, когда по малолѣтству партіи не сладится откупъ, и не будетъ майданщика, обязаннаго оберегать арестантскія удовольствія,

— Гдѣ же нанимаютъ подводы?

— Сами этапные лошадей держатъ. Солдаты тѣмъ и живутъ, живутъ тѣмъ же и господа офицеры.

— Да справедливъ ли этотъ послѣдній сказъ?

— На правду-то дѣло поидеть, такъ мы (арестанты) и отвѣтить не знаемъ какъ, кто изъ насъ лучше: тѣ ли, кто водятъ, или тѣ, что ходятъ. Подъ Казанью былъ этапъ и прозвался пьянымъ; пьяный и былъ: тамъ спивали всѣ партіи. Въ Енисейской губерніи другой такой этапъ стоялъ и офицеръ жилъ. У него было пять дочерей, а при нихъ онъ кабакъ содержалъ. Мы люди гиблые, а душа въ насъ все та же: на всякую сласть соблазновъ не отняли и силушки не хватаетъ сладить съ духомъ.

Прислушайтесь!

„Вышли мы изъ Тобольскаго городу и не отошли верстъ десяти, слышимъ, кричить этапный, который шелъ съ нами:

„— Староста!

„Подбѣжать къ нему староста.

„— Спроси партію, по скольку дастъ за этапные списки?

„Спросилъ староста партію. Отвѣчаютъ:

„— Давай по пятаку съ рыла.

„— Мало,—отвѣчаетъ,—пускай-де дадутъ по гривнѣ!—и отослалъ старосту.

„Тотъ къ артели.

„— Давай по восьми копейкѣ!

„— Не беретъ, безъ запросу-де.

„— Ну, чертъ съ нимъ, отсчитывай ему по гривнѣ.

„Развязали мошны, отсчитали деньги, передали старостѣ. Развернули намъ бумагу и вычитали каждому—куда и какъ. А знаешь, даромъ долженъ сдѣлать; даромъ доведеть до тѣхъ мѣстъ, кому какое уготовано. Надо бы было намъ слышать это самое въ приказѣ. Тамъ не сказали, а тутъ зудъ беретъ: всякому впередъ знать о себѣ хочется. Всякому это лестно. Вотъ тутъ первый соблазнъ. Приказъ сказывать долженъ, да захотѣлъ онъ, видно, помирволить офицеру; инъ быть дѣду такъ! А бывало дѣло и не одинъ разъ бывало такое дѣло. Этапный начальникъ тоже человѣкъ бѣдный“.

— То ли бываетъ!—говорили другіе ссыльные:—И кто знаетъ, съ чего это: отъ того ли, что такъ подобаешь, или по какому по другому закону, мы не домекались. А слышали не разъ, какъ звалъ офицеръ старосту и наказывалъ:

запроданныя на откупъ,—на тѣ времена карточные игроки на этапахъ защищались полтинникомъ противъ унтеръ-офицера. За 10—15 коп. съ майдана охотно берутся защищать игру часовые и тогда ведутъ подходы за себя противъ унтера. Впрочемъ, подробности тюремной жизни дадутъ намъ дальшее возмозможность объяснить этотъ вопросъ въ болѣе полномъ оконченномъ и опредѣленномъ видѣ.

„Староста! а что бы партин-то этапного начальника яичками попотчевать“. Приходили староста въ партию, объявлялъ:

„— Можно!—сказывали и отбирали человекъ съ десять, самыхъ голосистыхъ. Пѣвуну эти шли по деревнѣ, пѣли заунывную „Милосердную“, на пѣсню выносили яйца, а изъ яицъ господишь начальникъ яичницу себѣ стряпалъ и кушалъ въ полное свое удовольствіе“.

Изъ дальнѣйшихъ разсказовъ и разспросовъ мы узнаемъ, что съ офицерами и другими провожатыми партиа старается жить ладно и во всемъ имъ угождаетъ. Въ свою очередь и офицеры, глазъ на глазъ поставленный съ преступниками, обязанъ мирволить и подлаживаться къ общему тону арестантской артели, чтобы не лопнуло звено въ казенной цѣпи и она не разсыпалась бы. Этапному офицеру сдѣлать это не трудно, потому что ему самому трудиться не надобно: до него все придумано, испробовано и подготовано въ самую мѣру. Онъ самъ искалъ этого мѣста и получилъ его въ награду за долгое терпѣніе, какъ древній русскій воевода, и съ тою же самою прямою цѣлью. Обманывать и обманываться тутъ не для чего, дѣло всему міру извѣстное. Малаго ребенка объ этомъ спросите и тотъ съумѣетъ отвѣтить. Тутъ чѣмъ ни замазывай, подгрунтовка сейчасъ окажется не тѣмъ, такъ другимъ краемъ. Инвалидныя мѣста въ недавнюю старину тѣмъ и славились, что лучше крѣпостной деревни были. Хороши были инвалидныя команды вообще, да и этапныя таковы же въ частности. Между тѣмъ, не трудно было распознать человекъ, что вотъ и еще житейская задача—влачить и ладить утлое житейское судно свое между ножомъ и артельнымъ ползуштофомъ, между крупными ругательствами и десяткомъ яицъ за кротость нрава и уживчивость. Законъ уступокъ не знаетъ, на него надѣяться нечего; если по закону: когда убѣжить поселенецъ—накажетъ солдата командиръ, но зато, если убѣжить каторжный — военный судъ, какъ свѣтъ на голову. Опять же законъ больше себя очищаетъ, съ силами твоими не всегда справляется; велитъ прилагать стараніе къ поимкѣ бѣглыхъ и воровъ, которые укрываются въблизи дороги, или, по крайней мѣрѣ, быть для нихъ страшными своею дѣятельностью и поисками. Законъ въ то не входитъ, какъ приспособить желаніе его и гдѣ взять для исполненія его возможность, досугъ и силы. Хорошенько поглядишь на дѣло и видишь, что жизнь даритъ только двѣ крайности: либо въ стремя погою, либо въ пень голову; сегодня—деньги на приварокъ отъ артели изъ добротныхъ подаваний, если дано ей посильное послабленіе, завтра—всѣ въ лѣсъ убѣгутъ, если нажилъ человекъ крутой нравъ и натрудилъ сердце, а за то ему: лишеніе годового оклада жалованья, судъ, клейменная отставка.

Вотъ тѣ искусственныя крѣпы, какими спутываются набалованные бродяжничествомъ и тюрьмою люди съ тѣми людьми, у которыхъ сердито сердце отъ житейскихъ неудачъ, а психалуй и отъ той же набалованности. Арестанты забываютъ на время пути по этапамъ свою бродячую повадку, приставники, въ свою очередь, должны поступиться кое-какими изъ своихъ личныхъ правъ. Въ итогѣ у тѣхъ и другихъ выходила круговая порука, взаимное обязательство жить между собою мирно и ладно. Отсюда замѣчательная случайность: арестанты съ этапомъ и съ этапной дороги почти никогда не бѣгутъ. Бываютъ примѣры, но очень рѣдко, и тѣ выпадаютъ болѣею частью на Забайкалье, на мѣста, соедѣнія каторгамъ или на пустынные, вродѣ странъ зеленскихъ *); а, кажется, чего бы легче и удобнѣе: у самой дороги такая лѣсная трещина, что стонть вскочить въ нее—съ собаками не сыщешь, особенно если не зимнее время, не лежить снѣгъ глубокими сугробами, а стоитъ весна-красна или лѣто жаркое, трава мурава шелковая, а промежъ ней всякое коренье сладкое и ягоды рдяныя. Стонть, сговорившись всѣмъ, крикнуть „уру“, чтобы вся партиа разомъ схватилась съ мѣста и брызнула, что вода изъ чана, въ разныя стороны. Что тутъ какихънибудь 20—30 конвойныхъ противу ста или попредстали принять могутъ? И на плечахъ-то у нихъ старыя кремневныя ружья съ осѣчкою. Да не въ томъ дѣло.

— Бѣжать съ этапа невыгодно, — увѣряли бывалые арестанты:—да и артель наша такого дѣла не терпитъ. Умѣлые начальники такъ сказываютъ: „Дѣлайте, братцы, что хотите, а мнѣ чтобы ни одного бѣглаго въ партию не было. Урвется который, всю партию къ цѣпи прикую“. А наложить цѣпь—для нашего брата ни въ которое время хорошо не бываетъ. Лѣтомъ эта цѣпь суставы ломаетъ, зимою отъ цѣпи всѣ кости ноютъ. На нашей партии одинъ разъ страшлось такое дѣло: наложили! На морозѣ цѣпь настала, холоднѣе самого мороза стала, и чего-чего мы на переходъ-отъ этотъ не принимались! Мозгъ въ костяхъ, какъясъ, замерзаетъ сталь, таково было мастно и больно, и не въ людскую силу и не въ лошадиную!.. **).

*) Пустыни по тракту въ Якутскъ и дальше до Охотскаго края и Камчатки съ двумя вѣтвями и однимъ солевареннымъ Охотскимъ заводомъ издавна служили исключеніемъ для этого правила. Въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія ссыльные организовались очень часто въ большія разбойничьи шайки. Въ 1832 г. высшее правительство знало, что при вниманіи конвойныхъ въ небольшомъ числѣ, ссыльные дѣлали побѣги и производили грабежи, а потому указомъ 26 февраля установило на этомъ пространствѣ въ 400 верстъ три этапа.

***) Освобождали отъ каната, т. е. цѣпи желѣзной, за 2 коп. съ человекъ, каковыя деньги удерживались изъ кормовыхъ.

— У насъ (говорили другіе ссыльные), изъ нашей партіи единожды бѣжалъ молодой да небывалый, горячечный. Иокнуло сердце и суставы затрещали прежде времени. Думали: цѣпи не минуетъ, а зима во всей силѣ. Собрались мы въ кучу, потолковали, померкали, пришли къ начальнику:

„— Такъ молъ и такъ, ваше благородіе. А вы намъ сдѣлайте эту милость: пустите на поиски! Мы вамъ этого бѣлаго сыщете, чтобы вамъ со счету не сбиваться и передъ начальствомъ своимъ не отвѣтствовать.“

„— Ладно!—говорить.“

„Офицеръ былъ старый, свое дѣло зналъ, да зналъ онъ и нашего брата; чутокъ былъ на варнацкое слово *).“

„— Ступайте!—говорить и конвойныхъ намъ не далъ. Пошли мы отъ своей артели, пошли на ея страхъ, сами изъ себя и сыщиковъ выбрали. Въ лѣсу сдѣлали облаву. Проходили ночь, много утра, на другой день взяли. Въ полудень черезъ сутки сошлись, гдѣ сказано, и къ начальнику привели прибылого да новенького: бѣжалъ отъ насъ молодой парень лѣтъ восемнадцати, а наши ребята старика сгребли, лѣтъ пятидесяти. Старикъ бродяга былъ, на бѣгахъ, а бродягъ въ сибирскихъ лѣсахъ, что пня, не искать стать.“

„— Не того привели!—сказываетъ офицеръ.“

„— А вамъ, молъ, ваше благородіе, не все равно?!”

„Подумалъ начальникъ, согласился принять этого. Былъ бы, значить, счетъ вѣренъ, а тамъ наводи справки, на чьемъ этапѣ смѣна сталась.“

— Ну, а старикъ?—спрашивалъ я.

— Ломался, упирался на первыхъ порахъ, дѣло извѣстное. Мнѣ-де, слышь, и погулять хочется, и кого-де вы еще мнѣ подставите: можетъ каторжнаго, можетъ безсрочнаго... и въ лѣсу-де мнѣ не въ примѣръ лучше, чѣмъ съ вами... Сказывалъ много, всѣмъ намъ слова его смѣшны даже сдѣлались.

„— Ты, молъ, старъ человѣкъ, а глушь очень. Чертъ тебѣ мѣшаетъ въ Иркутскѣ сказаться: я-де не я, по ошибкѣ за другого въ списокъ включень. Тамъ начнутъ казенныя справки дѣлать, а ты сиди въ теплѣ. На морозѣ-то, молъ, дуракъ, хуже, да и не на всякій день харча промыслишь, а въ острогѣ казенный.“

*) Варнацкое слово, варнацкая честь—условныя названія хорошо извѣстнаго сибирякамъ новаго элемента въ народномъ духѣ. Основаніе его лежитъ на тѣхъ же самыхъ данныхъ, какими руководствуются купцы, вѣрая на честное слово, по одной накладной, товары возчикамъ, а смыслъ самыхъ словъ сдѣлается окончательно понятнымъ, когда обнажатся въ послѣдующихъ нашихъ разсказахъ тюремныя тайны. Слово варнакъ, чалдонъ—бранныя прозвища, адресуемая сибирскими старожилами всѣмъ бѣглымъ изъ тюремъ, съ заводовъ и съ мѣстъ поселенія и водворенія.

„Подумалъ старикъ, сдаваться сталъ. Обскаживаетъ:“

„— Не осерчалъ бы начальство которое...“

„— А тебѣ, молъ, съ нимъ дѣтей крестить! Пущай сердаетъ, пущай справляется, не что ему дѣлать, начальству-то твоему! вишь, пожалѣлъ!.. Ты думаешь, на спину-то тебѣ оно крестъ повѣсить за то, что ты волкомъ-то по лѣсамъ бродить? Этого, братъ, баловства и въ Рассей не любятъ.“

„Старикъ опять подумалъ, а мы ему ото всей артели рубль серебромъ положили: согласился. И пошелъ этотъ старикъ съ нами. Послѣ будетъ сказываться непомятымъ. Такъ его начальство и писать вездѣ и всегда станеть.“

Обычай мѣняться именами, любовь къ псевдонимамъ, на этапахъ сильнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ каторжныхъ. Иногда за самое ничтожное вознагражденіе соглашается бобыль-поселенецъ сказаться каторжнымъ для этапаго, чтобы объявиться потомъ поселенцемъ вблизи самой каторги, когда облагодѣтельствованный имъ, прикрытый его званіемъ каторжникъ остался далеко назадъ и гдѣ либо въ волости воспользовался болѣе легкими и льготными правами поселщика. Обычай этого не остановило и строгое рѣшеніе закона, повелѣвающаго поселенца съ псевдонимомъ оставлять на каторжной работѣ 5 лѣтъ, а каторжному, по наказанію на мѣстѣ ста ударами лозь, къ двадцатилѣтнему сроку прибавлять еще пять лѣтъ. Обмѣнъ именами не прекратился и между поселенцами, не смотря на то, что обонимъ предстояло пробыть за то на заводской работѣ по два года.

Другой случай, переданный намъ очевидцемъ, поразительно доказываетъ отсутствіе въ арестантской партіи стремленій къ побѣгу и возможность существованія такихъ стремленій при томъ плотномъ устройствѣ артели, въ какомъ неизбѣжно шестуетъ каждая партія.

Дѣло было около Тюмени. Партія состояла изъ трехъ сотъ человѣкъ. Пришла она въ полутапъ, всегда тѣсный и непомятый. Цѣлью сдѣлки было желаніе партіи идти слѣдующія лишнія версты, чтобы отдохнуть въ этапѣ и отдохнуть подольше, съ зачетомъ выиграннаго времени. Офицеръ согласился. Партія пошла впередъ послѣ коротенькаго отдыха. Съ дороги, вопреки ожиданіямъ, бѣжали трое. Офицеръ собралъ партію въ кругъ, выбрали всѣхъ, раскаялся въ своемъ довѣрїи и крѣпко пригрозилъ. Партія почувствовала неловкость своего положенія и всю отвѣтственность приняла на себя. Тѣмъ же путемъ облавы, черезъ выбранныхъ доточниковъ-скороходовъ и бывалыхъ бродягъ, но также безъ конвойныхъ, добыли арестанты къ слѣдующему утру всѣхъ троихъ бѣглецовъ своихъ. Привели ихъ къ начальнику. Офицеръ возмѣнилъ желаніе наказать и, не встрѣтивъ со стороны товарищей противодѣйствія, далъ каждому по сто розогъ.

— Теперь позвольте намъ самимъ еще раздѣлаться съ ними,—просила вся артель.

Получивъ согласіе, прибавила отъ себя каждому еще пятьсотъ розогъ, да такихъ горячихъ, что жестокость ихъ изумила самого привычнаго къ тѣлеснымъ наказаніямъ этапнаго офицера.

Третья партія въ жаркій іюльскій день соблазнилась на озеро холодное, искупаться захотѣла. Получивъ дозволеніе, сняла кандалы, разбрелась по берегу (партія была довольно большая), наслаждалась запретнымъ удовольствіемъ, но на сборномъ пунктѣ явилась вся до послѣдняго человѣка. На Ворцовскомъ хребтѣ (въ Забайкальѣ) отъ строгаго офицера изъ слѣдующей четвертой партіи бѣжало сразу 6 человекъ и товарищи искать не ходили.

Но чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Взаимныя отношенія арестантовъ и конвойныхъ прихвѣтно усложняются и каждая партія разскажетъ непремѣнно не одинъ случай вымогательства съ одной стороны, сильной и надзирающей, и не одинъ случай уступокъ со стороны слабой и подчиненной. Конвойные не упускаютъ ни малѣйшаго повода, чтобы сдѣлать съ арестантовъ поборъ, и изобрѣтательность ихъ въ этомъ отношеніи изумительна.

Въ большей части случаевъ придирки солдатъ носятъ какой-то отчаянный, злобный характеръ. Этапный солдатъ, получающій отъ казны около 3 руб. въ годъ, какъ будто хочетъ награждать себя за многотрудную службу свою и неумеренный уходъ за арестантами крохами тѣхъ, за кѣмъ надзираетъ. Слово дѣлаю жизнь онъ не бѣт и вотъ теперь, въ боязни умереть голодною смертію, хватается зря, что попадетъ, не гнушается никакою скверною, не боится грѣха, что вотъ и нынѣ сребръ въ оскубленіи и изступленіи ума своего и деретъ съ его голыхъ плечъ послѣдній кошель. На практикѣ выходитъ такъ, что гдѣ солдаты линейные, тамъ и каторга, но гдѣ сибирскіе казаки (какъ, напр., въ Восточной Сибири), тамъ и пѣсня другая. Казакъ не бѣт кручи, не жить въ казармѣ, не получать въ приварокъ палки, а потому, умягчившись на мирныхъ деревенскихъ работахъ, на мягкомъ воздухѣ — правомъ кротче и къ арестантамъ жалостливѣе, на желанія ихъ податливѣе и уступчивѣе. За казаками арестантамъ лучше. Послушайте — и судите!

Одна этапная партія копчаетъ въ Сибири дёвку. Рано по утру она слышитъ обычную команду: „Вставай“. На дворѣ четыре часа ночи, морозъ во всей силѣ утренника, а дѣло зимнее. Въ казармѣ этапной холодно до того, что у арестантовъ зубъ не поладаетъ на зубъ.

Началась суматоха: „Въ дорогу собирайся!“ Прохочетъ барабанъ обычный сказъ: „по возамъ!“ Выходи на дворъ. Тамъ въ суматохѣ согрѣваются, по командѣ собрались. Выведены на дворъ. Надо бы слушаться барабана, укладывавъ шпильки на

подводы и садиться больнымъ на воза, а тамъ барабанъ замолчалъ. Раздается команда словесная: „Полы мыть!“

— Устали мы, изныли всѣ. Да и не наше дѣло.

— Кто дрянилъ, тотъ и чистить, вездѣ это такъ. Мой полы—таково положеніе.

— Положенія такого не слышали и не видали. Смотри на стѣнѣ, начальство притѣснять не велитъ.

— Это въ прошломъ году было сказано. Нынче другой годъ идетъ и потому положенія новыя.

— Гдѣ онѣ?

— Приколотить не успѣли.

— Покажи ихъ.

— Въ другой разъ приходи! посмотришь.

И затѣмъ унтеръ-офицеръ отбираетъ изъ партіи, вмѣсто обычной переключки, троихъ или четверыхъ самыхъ говорливыхъ. При этомъ этапные ворота запираются, ружья беретъ конвой подъ прикладъ и дѣлаетъ дѣшъ. Выбранные выводятся впередъ и получаютъ въ руки шайки съ холодною водою. Вода дается холодною затѣмъ, чтобы мыть приводилось больше, чтобы партія стояла на холоду и неподвижно на одномъ мѣстѣ дольше. А комнатъ въ казармѣ пять-шесть, а грязи налипло за цѣлый годъ, если не больше; и не видать конца положоной работѣ. Партія придется ждать долго, иззябнетъ она вся, измерзнетъ: думаетъ и надумается. Ворота хотя заперли, подъ прикладъ взяли, но осталась лазейка, — зовутъ арестанты старосту.

— Поди, староста, спроси: сколько положенія по новому закону. Чертъ съ ними!..

— По грошу съ брата!

И конецъ дѣлу. И обычная по положенію стройка во фрунтъ въ двѣ шеренги, конвойные въ авангардѣ, аррьергардѣ и съ боковъ. Барабанъ бьетъ генераль-маршъ: выходи рядами, а тамъ уже иди какъ хочешь. На новомъ этапѣ опять порядокъ послѣ того, какъ разобрали котомки, опять фронтъ въ двѣ шеренги. На правомъ флангѣ — каторжные, въ центрѣ — поселенцы, на лѣвомъ флангѣ — бабы. На новомъ этапѣ опять поборы. Маршъ къ нимъ на встрѣчу!

Новый видъ поборовъ столько обыкновененъ и общепотребителенъ, что безъ него и не идти, кажется, арестантской партіи, пока существуютъ эти этапы и живутъ на этихъ этапахъ солдаты, и жестокіе и сребролюбивые, отъ самаго Томска до Сахалина.

Партія желаетъ получить баню по положенію и по закону.

— Баня въ починкѣ! — отвѣчаютъ имъ.

— Въ починкѣ была, братцы, прежняя, тамъ указали на вашу.

— Указъ не приказъ, да и мы на ту стать указать вамъ умѣемъ; нѣтъ у насъ бани, ступайте дальше, тамъ баня новая.

— Да можетъ и она въ починкѣ. Законъ велитъ топить баню каждую субботу.

— А по копейкѣ съ брата положите, такъ и наша поспѣетъ, какъ нибудь законопатимъ...

Почешутся арестанты, подумаютъ да и велютъ старостѣ развязать кошню съ артельными деньгами, ибо знаютъ, что—по закону—„могутъ ходить въ баню и мыть бѣлье, но не иначе, какъ съ позволенія этапнаго начальника (!?)“.

Недозволеніе огня—новая статья солдатскихъ доходовъ, въ особенноти около ссыльныхъ дворянъ *) а вмѣстѣ съ этимъ запрещеніемъ и невозможность самия, для ускоренія, ставить самовары,—предполагаетъ новый, непредвидѣнный расходъ для ссыльныхъ путешественниковъ.

Но до сихъ поръ солдаты, а вотъ и настоящіе этапные начальники, по тѣмъ несомнѣннымъ даннымъ, которыя попадаютъ въ слѣдственныхъ дѣлахъ и официальныхъ бумагахъ разнаго рода **).

Первый примѣръ.

Арестантъ на спросѣ въ Томскѣ показалъ, что у него одинъ этапный начальникъ взялъ въ займы 15 руб. сер.—и не отдалъ. Навели справки, написали батальонному командиру и получили отвѣтъ, что деньги съ офицера взысканы и отправлены по принадлежности къ мѣсту нахождения кредитора.

Другой примѣръ оправданъ не однимъ десяткомъ случаевъ.

Во многихъ этапныхъ зданіяхъ пропадали казенныя вещи, большею частью желѣзныя, имѣющія передъ прочими большую цѣнность: дверныя петли и скобы, печныя заслонки и душники, а на одномъ этапѣ исчезли даже цѣликомъ новыя сосновые двери. Наведены были справки; оказалось, что всѣ эти вещи проданы торговцамъ и продавали ихъ сами этапные командиры.

— И нѣтъ никакихъ средствъ искоренить это зло!—говорили намъ люди знающіе, заинтересованные этимъ дѣломъ, какъ люди, ремонтирующіе этапныя зданія.

— А подумать, прискаты!—было у насъ на умѣ, но знающіе люди предупредили отвѣтомъ:

— Придумать могли одно только: душники закладываютъ кирпичемъ, вмѣсто заслонокъ рогожу моченую вѣшать, а двери и безъ скобокъ живутъ...

Третій случай.

*) Тюремныя предписанія, между прочимъ, превратно поняли свойства огня, не дозволить его въ первобытномъ видѣ, но разрѣшивъ пользование имъ въ видѣ угольевъ; ссыльнымъ изъ дворянъ не позволяютъ ставить самовары, но подаютъ ихъ съ угольями и уже не боятся опасности поджоговъ. Арестанты изъ дворянъ, какъ извѣстно, пользуются передъ другими еще тѣмъ преимуществомъ, что освобождаются отъ оковъ и могутъ прождать въ сутки 15 коп., тогда какъ другіе должны быть сыты только на 10 коп., хотя бы эти другіе и жила въ ненасытныхъ извозчигахъ.

***) Этапные начальники обязаны провозить партію, если въ ней больше 80 человѣкъ.

Въ Пермской губерніи, почтовымъ трактомъ отъ Екатеринбургa къ Москвѣ, тянется небольшой обозъ съ чаемъ, съ пятью-шестью возчиками. Сзади партія ѣдетъ на подводѣ въ одну лошадку офицеръ. По обыкновенію господинъ этотъ кричитъ арестантамъ: „Давайте по два рубля съ человѣка и дѣлайте, что хотите!“!

Состоялось согласіе, учинилась сдѣлка, отсчитаны деньги. Арестанты бросились на возы всю партію, сорвали нѣсколько цибиковъ (т. е. жѣсть). Возчики сбѣжались въ кучу, бросились отбивать пограбленное, но конвой сдѣлалъ цѣпь—не пустилъ. Награбленный чай въ сосѣднемъ городѣ сбытъ былъ темными путями черезъ надежныхъ людей, деньги получены натурою, раздѣлены поровну на каждого человѣка. Затѣялось слѣдствіе, тянулось долго и много.

Таковы бывали начальники смиренные, а бывають и сердитые.

— Иной придетъ будить партію да увидитъ, что нашъ братъ-нѣженка распустился на ночь, чтобы слаще спать: кандалы съ ногъ спустилъ для легкости; подавай штрафныя деньги по положенію. А положеніе это онъ въ трубѣ углемъ пишетъ...

— Бывало и вотъ что: у меня отъ морозу лицо опухло. Увидаль это этапный офицеръ, въ рыло сѣвздыль.

„— Ты (говоритъ) клейма вытраваляешь.

„— И не думалъ, ваше благородіе, морозъ со мной пошутить.

„Затопалъ ногами, закричалъ зычнымъ голосомъ:

„— Плетей подавай!

„Дать мнѣ ему было нечего, вздулъ меня. Другой, денежный, откупился отъ такой же напасти. Саломъ бы гусинымъ смазать надо и сало подъ рукой, всякій этапный солдатъ сало это на тотъ случай держитъ, а сунься—четвертакомъ за махонькій кусочекъ не отдѣлаешься. Не дашь, начальству подѣ страхъ подведетъ, а дать не изъ чего. По Сибири нашъ братъ идетъ совсѣмъ безъ денегъ. Тамъ деньгами помогаютъ мало, больше живьемъ да харчами“.

Четвертый случай.

Послѣ извѣстнаго омскаго дѣла, когда тамошніе ссыльные поляки затѣяли крупный побѣгъ черезъ Киргизскую степь, началось передвиженіе ихъ по Сибири. Между прочими составлена была партія изъ 30 поляковъ, находившихся въ Троицкомъ солеваренномъ заводѣ (близъ Канска), и, законанно въ кандалы, отправлена была въ Нерчинскъ. Въ Иркутскѣ увеличенная новоприбывшими, она выведена была изъ острога для дальнѣйшаго путешествія. Окруженные конвоемъ со всѣхъ сторонъ, поляки очутились въ одной партіи съ прочими преступниками. Этимъ выбрали полъ-головой тутъ же, на тюремномъ дворѣ; тоже самое хотѣли сдѣлать и съ поляками. Впрочемъ, конвойный офицеръ согласенъ былъ взять по 60 коп. съ

каждой головы, чтобы избавить их от операции, от которых освобождал политических преступников давней обычай. Поляки, не имѣя денег и желанія подчиняться капризамъ конвойнаго, сдѣлали нѣсколько рѣшительныхъ и крупныхъ замѣчаній, въ отвѣтъ на которыя офицеръ выслалъ впередъ цирюльника съ тупою бритвою и грязною бритвенницею. Первый, къ которому подошелъ солдатъ-брадобрѣй (полякъ Веняжскій), ударилъ цирюльника въ ухо, а когда послѣдній сорвалъ съ него шапку, взялъ его за шиворотъ и бросилъ отъ себя съ замѣчательною силою. Всѣ солдаты, при видѣ такого поступка, съ крикомъ „поляки бунтуютъ!“ кинулись на остальныхъ. Началась общая свалка, которую прекратилъ самъ губернаторъ, явившійся въ острогъ по призыву. Офицера посадилъ онъ на гаупвахту, а поляковъ отправилъ дальше небритыми. Когда партія пришла въ Верхнеудинскъ, тамошній полиціймейстеръ распорядился прогнать изъ тюремнаго двора всѣхъ продавцовъ и продавщицъ съѣстного подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы поляки, идущіе партією, не имѣли свиданія съ живущими въ городѣ. Для большаго обезпеченія себя, онъ даже заперъ ихъ въ казематахъ на замки, а между тѣмъ о пищѣ не распорядился. Одинъ повстанецъ изъ жмудяковъ выломалъ двери въ своемъ номерѣ и высвободилъ товарищей изъ другихъ номеровъ, чтобы общими усиліями докричаться и доискаться пищи. Начался шумъ и прежній крикъ: „поляки бунтуютъ!“ Прибѣжалъ полиціймейстеръ и далъ разрѣшеніе на очередной выходъ съ конвойнымъ въ городъ за припасами. А за бунтъ въ острогѣ отомстили — говорятъ — тѣмъ, что дальше отправили польскую партію окруженною крестьянами съ колями и собаками. Подъ такою обороною, какъ говоритъ преданіе, прошли они всю Вратскую степь и только въ г. Нерчинскѣ конвой былъ уменьшенъ и принялъ обычный форменный видъ.

Пятый случай.

Идетъ по этапамъ арестантъ бывалый и тертый, изъ бродягъ. Дорогою онъ, по обыкновенію, крѣпко промотался, надо добыть денегъ покрупице и побольше. Нехватная штука въ займы взять у старосты или въ артелѣ, мудреная штука взять деньги у офицера и взять безъ возврата. Попробовать надо, такого случая на этапахъ не слыхивали. Задумалъ арестантъ про себя и товарищамъ объ этомъ передать. Выслушали тѣ, посмѣялись: выдумка поправилась. Рѣшили всѣ стоять за одно, помогать ему, а на несчастный случай выручить. И пошло дѣло въ ходъ такимъ образомъ: пускаетъ арестантъ между спутниками слухъ, что добылъ онъ контрабандное золото въ порошокъ по случаю. Штука дорогая, да онъ бѣдный заключенникъ, не стоитъ за дѣною и продать бы съ радостью, да не кому; хотячее-де серебро

для него лучше. Въ лавку снести — конвой не велить, а начальству своему онъ не прочь передать за все, за что ему будетъ угодно взять. Пошелъ этотъ слухъ отъ арестанта къ другому, дошелъ до конвойныхъ солдатъ, а изъ устъ солдатскихъ попалъ и въ офицерскія уши. Разгорѣлся офицеръ на легкую добычу, присталъ къ арестанту:

— Продай!

— Извольте!

Взялъ офицеръ золото, отвесъ къ серебрянику (дѣло было въ Томскѣ), показалъ мастеру:

— Гдѣ взяли?

— У арестанта.

Подумалъ серебряникъ, смекнулъ и отвѣтилъ:

— Золото. Покупайте его, давайте что ни спросить.

— А купишь его у меня?

— Отчего не купить! Зайдите на обратномъ пути, когда проводите партію; теперь денегъ нѣтъ да и свидѣтели близко, а тогда куплю.

Проводилъ офицеръ партію, пришелъ къ серебрянику.

— Ступайте, ваше благородіе, въ котельный рядъ, тамъ не возьмутъ ли? Порошокъ вашъ — тертая сушая мѣдъ, безъ обмана. Золото бываетъ не такое.

Приводя всѣ эти частные случаи, объясняющіе взаимныя отношенія арестантовъ и провожатыхъ, мы брали ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ они попадались намъ, и не составляемъ связанной и общей картины, потому что не имѣемъ на то права. Право наше бессильно и потому еще, что приведенные примѣры частные: сегодня одинъ случай, завтра другой; одинъ за другой не отвѣчаетъ, одного за другимъ ни предвидѣть, ни ожидать невозможно. Каждый имѣетъ свой характеристическій отбѣнокъ, одинъ на другой не похожъ и если нѣтъ крупныхъ противорѣчій и отрицаній, то потому, что мастера-художники одни и тѣ же, одной и той же школы. Для картины кладется все-таки одинъ только грунтъ прочный, все другое для насъ мало опредѣлилось. Краски накладываются такою грубою кистью, что въ рисунокъ не ожидаешь ни изящества, ни полноты, ни законченности. Мастера, правда, умѣлые и досужіе, но, какъ владимирскіе богомазы, они на работѣ не спѣлись, въ приѣмахъ не условились, идутъ особнякомъ, на двѣ стѣны и смѣны: одинъ пишетъ лица, другой только одежду, „долишное“. Работа раздвоилась. Одинъ пишетъ, что можетъ, другой — что хочетъ: нѣтъ, стало быть, ни лица, ни образа. Иногда вмѣшивается третій и тогда совсѣмъ уже нельзя разпознать не только деталей, но и общаго въ картинѣ...

Записокъ пересылаемые арестанты не ведутъ, да и вести не могутъ: бумага, перо и чернила для преступника вещи запрещенныя. Отрывочные рассказы ведутъ къ одному — къ вѣрѣ

на служу и къ такому заключенію, что только на взаимныхъ договорахъ и условіяхъ и можетъ существовать вся эта гниль и путаница отношеній. Пока существуетъ этапная система препровожденія ссыльныхъ въ томъ видѣ, въ какомъ она была — характеръ этихъ отношеній измѣниться не можетъ. Язва слишкомъ застарѣла для того, чтобы прочить ей благопріятный исходъ. Такія язвы медицина лечитъ только хирургическимъ ножомъ. Накладывать пластыри, дѣлать мѣстные и поверхностныя перевязки — значитъ, обманывать себя и больныхъ. Больные сами хорошо это знаютъ и въ выводахъ не затрудняются.

— Какъ вы водку въ тюрьмѣ достаете? — спрашивалъ я одного изъ арестантовъ.

— Штофъ водки стоитъ на волѣ 80 коп., дамъ солдату 1 р. 60 к. и принесетъ.

Т. е. таковъ законъ, таково положеніе; иначе и быть не можетъ, иначе никогда и нигдѣ не бывало и не будетъ.

— Арестантское дѣло такое (объясняли мнѣ другіе преступники): не согласенъ одинъ — другого попроси, этотъ заупрямился — третьяго попроси. На четвертомъ не оборвешься, по-счастливить, соблазнится четвертый. Такого и примѣра не запомнимъ, чтобы четыре солдата вмѣстѣ всѣ каменные были.

Только крѣпкая и давняя практика даетъ такіе смѣлые и рѣшительные выводы и заключенія. Язва продолжаетъ гнить, а между тѣмъ болѣзни далеко еще до кривизы и до благопріятнаго исхода. Арестанты все-таки продолжаютъ говорить и думать свое.

— Этапы старые, холодные; ихъ не починаютъ; солдаты на нихъ народъ перемытой, перетертой, ихъ не смѣняютъ. Хорошихъ — говорятъ — въ Сибири найти никакъ не возможно. Нашему брату оттого не легче. Тутъ нашъ братъ поневолѣ черезъ хлѣбъ калачъ достаетъ и много на это денегъ изводитъ. Этапные себя соблюдаютъ да и мы глядимъ въ оба, чтобы и наша кроха нигдѣ не пропадала. Рука руку моетъ, обѣ чисты бываютъ.

— Ребята! — говоритъ одинъ офицеръ своей партіи: — Мнѣ надо посрѣвать къ сроку по важному дѣлу. Пойдемте дальше на этапъ, безъ остановокъ, сразу. Дѣло небольшое, всего 12 верстъ.

Арестанты прошли уже пятнадцать верстъ; офицеръ не изобидѣлъ, смиренный былъ человекъ. Пора стояла лѣтняя, время теплое. Посудилъ офицеръ накормить за это горячими щами на собственной счетъ, общалъ достать мяса на этапѣ.

— Ладно, братцы! Пойдемъ дальше. Ведите, ваше благородіе...

Зимнее время судить другое и судить иначе. Между городами Нижнеудинскомъ и Красноярскомъ гдѣ-то сгорѣлъ этапъ (кажется, Камы-

шеской *). Сгорѣлъ онъ осенью, на зимніе холода. Починить и поправить его не успѣли, а между тѣмъ на вольныя квартиры становить арестантовъ запрещено, подъ строжайшею отвѣтственностью. Вести ихъ дальше силы не позволяютъ: вмѣсто 25 верстъ придется сдѣлать 60 — пространство не въ силахъ человѣческихъ плечъ и ногъ. Что тутъ дѣлать? Одинъ командиръ надумалъ наскоро опростать уцѣлѣвшія отъ пожара этапныя конюшни. Арестанты помѣщеніемъ остались какъ будто довольны и безропотны, не смотря на то, что на дворѣ стояла глухая морозная осень, которую въ Россіи свободно называютъ зимою. На покушеніе вести дальше слѣдующая партія отвѣчала крикомъ, общаніемъ употребить съ своей стороны насиліе, хотѣла разбѣжаться.

— Человѣколюбіе и справедливость арестанта ободряютъ, — наивно замѣчалъ мнѣ одинъ изъ этапныхъ.

— Да кто ихъ не любитъ? — хотѣлъ я замѣтить ему, но зная, что не всѣ знаютъ объ этихъ доблестяхъ и доврѣяютъ имъ, вписалъ въ дневникъ свой слѣдующія строки:

„Деревянные этапы и полуэтапы, за долгое стояніе со времени постройки своей, производившейся въ Сибири между 1824 и 1830 годами, пришли въ такую вѣтхость, что современный ремонтъ даетъ возможность исполняющимъ строительскія обязанности класть большія деньги въ карманъ и большія, но дешевыя заплаты на старыя и гнилыя прорѣхи. Дѣло, естественнымъ образомъ, отъ этого не выиграетъ. Не тесомъ обшивать и потомъ проходиться по этой обшивкѣ казенною желтою или сѣрою краскою, а выстроить вновь и совсѣмъ уничтожить эти утлые, гнилыя и холодные сараи. Вотъ прошла только одна недѣля постѣ того, какъ поправленные этапы сданы были ремонтеромъ приѣмной комиссіи, я вижу 10 этаповъ такихъ (вижу зимою) и во всѣхъ углахъ намело снѣгу, намерзла такъ называемые зайчики. Въ одномъ углу даже цѣлая груда снѣгу, обитая вѣтромъ по всей длинѣ этапной казармы, подъ нарами. Не помѣшали вѣтру и досчатые заплаты, не помѣшали злу и надзоръ комиссіи и ревизія ея. Предатель-вѣтеръ выдаетъ дѣло въ наготѣ.

„И другое горе: этапы противъ прежнихъ плановъ и соображеній сдѣлались тѣсны, не способны вмѣщать всего количества проходящихъ арестантовъ. Въ пяти-шести комнатахъ на этапахъ, въ трехъ на полуэтапахъ, приводится иногда помѣстити до 500 человекъ. Арестанты ложатся на полъ, чуть не другъ на друга, валятся подъ нары, гдѣ ихъ встрѣчаетъ сквозной, сырой и холодный вѣтеръ.

* На случай подобныхъ этому затрудненій этапный солдатъ обязанъ — по закону — носить въ рукавъ провіантъ на два дня.

„Во всякомъ случаѣ, лежащимъ на нарахъ всегда такъ тѣсно, что они едва поворачиваются и полагаютъ обыкновеннымъ явленіемъ, если многіе, прицѣпившись на краю наръ, лежать поперекъ другихъ товарищей, прямо и непосредственно у нихъ на ногахъ. И вотъ отсюда новое злоупотребленіе въ ущербъ общаго арестантскаго интереса: бывалые и опытные изъ нихъ платили солдатамъ нѣсколько денегъ, чтобы ѣхать впередъ товарищей. Отъ 8 до 15 коп. съ человѣка платяты за то, чтобы сѣсть на подводу, и прибавляли четыре коп. съ человѣка, чтобы подшить шаткующую совѣсть инвалиднаго солдата и уѣхать денежнымъ и желающимъ на этапъ впереди другихъ *). Здѣсь счастливые и занимали мѣста лучшія, мѣста на печи, на нарахъ. Продѣлки подобнаго рода такъ часты и денежные вымогательства со стороны солдатъ столь обыкновенны, что арестанты, не придавая имъ особеннаго значенія, смотрѣли на нихъ, какъ на дѣло законное, неизбѣжное, роковое. Услаждая себя потомъ въ разсказахъ объ этомъ всѣмъ желающимъ вѣдать, арестанты и тогда относятся къ прошлому со всѣмъ равнодушіемъ и безъ всякой озлобленности. Вообще, требовательные на равноправность общую по идеѣ артельного устройства и нетерпѣливые, не уступчивые при поподновленіяхъ на привилегію, арестанты въ этихъ случаяхъ отчасти измѣняютъ своимъ обычнымъ правиламъ. Только одни кандалные, т. е. ссылаемые на каторгу, остаются имъ неизмѣнно вѣрны. У этихъ право удобно помѣститься въ казармѣ предоставляется тому, кто ловчѣе, кто шибче бѣгаетъ. Принято за правило бросаться въ кандалную казарму опрочью тотчасъ послѣ того, какъ перекликали ихъ по списку и произвели осмотръ (если не успѣли и не догадались откупиться): нѣтъ ли денегъ, трубокъ, ножей.

„Я въ крѣпко морозный день зашелъ въ одинъ сплутный этапъ за Томскомъ, часъ спустя послѣ того, какъ въ него вошла партія, и увидѣлъ безобразную картину безпорядочнаго размѣщенія арестантовъ, какъ овечьяго гурта, какъ стада: большая часть путешественниковъ толпилась около топившейся печи. Одинъ взгромоздился на уродливое громадное чудовищепечь и свѣсил свои ноги въ кандалахъ.

„— Пошелъ прочь!—ожесточенно и грозно кричалъ на него вошедшій вмѣстѣ со мною офицеръ, не этапный, но имѣвшій на такое приказаніе нѣкоторое право.

„Я изумился его смѣлости, пораженъ былъ его крикливостью и рѣшился робко замѣтить ему свое простое:

*) Иногда право обижать товарищей покупалось желающими за меньшую плату, но въ такомъ случаѣ не иначе, какъ передъ самымъ этапомъ и тѣми, которые пѣшестествуютъ. Солдаты отбиралъ охотниковъ и велъ ихъ впередъ другихъ, конечно, пѣшкомъ.

„— Пусть погрѣется!

„— Помилуйте!—продолжалъ кричать офицеръ:—Кандалами замазку околичиваетъ, кирпичи обламываетъ, печь портитъ. Не успѣешь выбѣлеть, опять замазываетъ.

„— Но здѣсь холодно, даже морозно.

„— Казармы старья, обвѣтшала!—замѣтилъ со своей стороны этапный командиръ.

„— Не вѣрьте, ваше благородіе!—послышался иной голосъ изъ толпы, сзади:—Печь-то они затопляютъ передъ тѣмъ, какъ партія придетъ, вонъ и дрова не прогорѣли. Всю недѣлю этапъ холоднымъ стоять, его въ два дня не протопишь.

„Крикливый офицеръ опять кричалъ, силится оправить товарища по оружію, но рѣчь арестанта была выговорена. Его искали, но, за многолюдствомъ и тѣсною толпою и ловкостью говоруна, не нашли“.

Зло этапнаго холода остается все-таки зломъ и живою струною, которая звучитъ при самомъ ничтожномъ уколѣ, при малѣйшемъ прикосновеніи къ ней. Звучитъ она одно, хотя и въ разныхъ тонахъ:

— Стынешь, стынешь дорогой-то, а придешь, и согрѣться негдѣ!—замѣчали кроткіе, а умѣренныя прибавляли къ тому слѣдующее:

— Трубу закроемъ, угаръ такой, что голы на плечахъ не удержишь. Случалось, другіе ошивались этимъ угаромъ до смерти. Не закрыть трубы, зубъ не попадетъ на зубъ, цыганскій потъ обезсилитъ.

— Куда ни кинь—вездѣ клинъ (заключали озлобленные). Въ маленькихъ полу-этапахъ навалить народу въ казармѣ—не протолкаешься. Окна двойныя, съ рѣшетками—не продохнешь. Есть въ дверяхъ окошечко, открыть бы! такъ солдатъ снаружи защелкнулъ. „Отвори, молю, служивый, сдѣлай милость!“—Давай, слышь, грошь!—„Возьми, чертъ съ тобой!“ Вотъ наше дѣло какое!

Заѣзжалъ я на этапы и теплою порою, въ весеннее время, и писалъ въ дневникъ на ту пору такіа строки:

„Сазановскій этапъ (между Тобольскомъ и Тюменью).

„Въ этапныхъ казармахъ, по случаю весенней бездорожицы и задержки на Иртышѣ, скопилось 230 человѣкъ арестантовъ. На небольшомъ и тѣсномъ этапномъ дворѣ, образуемомъ обыкновенно, съ одной стороны, арестантскою казармою, съ другой—офицерскимъ флигелемъ, выходящимъ на улицу, и съ двухъ остальныхъ—осторожными палями (бревенчатымъ тыномъ), на дворѣ этомъ происходилъ рѣшительный базаръ. Кругомъ двора сидѣли бабы, дѣвки, дѣвченки, солдаты. Передъ каждымъ и каждою лежали разные продукты и товары: творогъ, молоко, квасъ, щи, каша, пироги. Какой-то солдатъ продаетъ всякую мелочь: мыло, пуговки, нитки, и сладкое: конфеты, изюмъ, пряники.

„— Кто это покупает?—спросил я солдата.

„— Поселенцы своим ребятамъ, да мало.

„Важу: несеть одинъ бритый арестантикъ съ тузомъ на спинѣ и въ кандалахъ, несеть ковни-никъ съ квасомъ и шаньгу (колобокъ).

„— Сколько заплатилъ?

„— По три копейки серебромъ.

„На крылечкѣ поселенецъ, съ семьею, выпатеромъ хлебаеть молоко (на дворѣ стояли послѣдніе дни Святой недѣли). Я спросилъ и его о цѣнѣ припасовъ.

„— Гривенникъ далъ, вишь, великіе дни идуть, захотѣлось“...

А получаетъ отъ казны только 3½ — 6 коп., а иногда и меньше, потому что количество кормовыхъ зависитъ отъ справочныхъ цѣнъ на хлѣбъ въ данной губерніи. Хотя цѣны мѣняются въ теченіи года, но положеніе казенное на круглый годъ остается одно и то же. Продавцы этого не принимаютъ въ расчетъ и соображеніе: берутъ все, что вадумаютъ и что захотятъ. Контроля нѣтъ, наблюденій и не бывало. Продавцы эти (преимущественно женщины, жены тѣхъ же этапныхъ солдатъ, рѣдко деревенскія бабы, иногда сами солдаты, въ особенности оставные изъ этапныхъ), дѣйствуютъ огуломъ, шайкою, предварительно сговорившись, между собою условившись *): 50 коп. сер. (по ихъ таксѣ, стоитъ 1½ фунта варенаго мяса неопредѣленнаго вида и сомнительной доброты; 25—35 коп. берутъ онѣ, эти бабы-торговки, за чашку щей, которые и название носятъ щей арестантскихъ, купоросныхъ, и слывать вездѣ съ такимъ приговоромъ: „Наши щи хотъ кнутомъ глещи, пузыря не вскочить и брюха не окорить“ **). При покупкахъ подобнаго рода арестанты обыкновенно дѣлаютъ складчину, человекъ по два, по четыре вѣстѣ и „хоть немножко да похлебаешь горяченькаго, а безъ того на сухоматѣ просто бѣда!“ замѣчаютъ они и жалуются всегда на постоянную рѣзь въ желудкѣ, на продолжительную и сильную одышку и прочес.

— По Сибири, однако, все-таки харчъ по-

*) Изъ прежней исторіи этаповъ видно, что сперва вольныхъ торговцевъ не пускали, торговали сами офицеры, но по многимъ жалобамъ, что офицеры берутъ вдвое противъ вольной цѣны, торговать офицерамъ запретили. Однако, злоупотребленіе не уничтожилось и только прикрылось маскою, особенно тамъ, гдѣ этапы стоятъ далеко отъ селеній.

**) Высокія цѣны объясняютъ тѣмъ, что торговцы сами покупаютъ право на торговлю у этапныхъ начальниковъ и не всегда безъ прижимокъ. Приходившія партіи нерѣдко заставляли еще крикливый финалъ переторжки, а бывали и такіе случаи, что торговцы долгое время оставались на улицѣ передъ офицерскимъ флигелемъ. Унтерамъ, обыкновенно, платилъ не больше 1 коп. сер. каждый торговецъ, а иногда просто за все время, бывало, отпочтуетъ водкою или пивомъ на деревенскомъ праздникѣ.

дешевле, — толкують другіе:—по Пермской губерніи тоже сходныя цѣны живутъ, ѣдимъ слаще: покупаемъ дичь, варимъ и жаримъ ее, а вотъ по Казанской—просто приступу нѣтъ ни къ чему.

— Отъ казны на этапъ, — говоритъ мнѣ этапный офицеръ:—ничего не полагается, кромѣ тепла и свѣтъ; но и свѣчи прежде клали на цѣльную ночь, а теперь только до зари, до зари только...

И послѣднія слова офицеръ старается громче выкричать, можетъ быть для пущаго внушенія арестантамъ, что вотъ-де я и стороннимъ людямъ то же, что и вамъ сказываю. Можетъ быть и отъ того громко говорить этапный, что на дворѣ творится рѣшительный базаръ, со всѣми признаками сходокъ подобнаго рода: крикомъ, шумомъ, гамомъ. Все это слилось, по обыкновенію, въ одинъ гулъ. Въ этапномъ базарѣ было только то особенное, что звенѣли цѣпы да покупатели были безъ шапокъ, съ бритыми на половину головами и съ желтыми тузами на спинахъ.

Мы пошли по казармамъ. Ихъ было шесть, какъ и прежде, какъ несомнѣнно увидимъ и впереди, потому что ни въ чемъ нѣтъ такого однообразія и постоянства, какъ въ устройствѣ этаповъ: изобразить одинъ, значить, все описать.

Два дома: одинъ окнами на улицу для офицера и команды, другой внутри на дворѣ, окруженный частоколомъ, для арестантовъ. Посмотрѣть съ фаса: стоитъ желтый домикъ, въ серединѣ крылечко, съ боковъ примыкаетъ частоколомъ. Въ немъ также по серединѣ широкія ворота: правыя на арестантскій дворъ, лѣвыя—на конюшенный дворъ, отдѣленный отъ перваго частоколомъ. Войдешь крылечкомъ черезъ пролетъ стѣной въ сквозной корридоръ наружной казармы и знаешь: въ правой половинѣ двѣ комнаты, изъ которыхъ ближнюю прокуриваютъ тютюномъ этапные солдаты, дальнюю—конвойные казаки. Въ лѣвой половинѣ двѣ комнаты для этапнаго офицера, завѣдующаго двумя ближними полуэтапами; тамъ же его прихожая и кухня. На этапѣ, кромѣ офицера, живетъ еще каморникъ-сторожъ и уже больше никого.

Войдешь корридоромъ на дворъ, вотъ и арестантская казарма, чуть не на самомъ носу, и совершенно противъ первой, той же длины и того же плана, т. е. также она раздѣлена на двѣ половины и каждая половина на двѣ казармы: правая и лѣвая для идущихъ на поселеніе. Двѣ заднія казармы (правая и лѣвая) раздѣлены поперечною стѣною на двѣ поменьше. Изъ нихъ стало четыре маленькихъ: въ одной направо—женщины, налѣво—заподавшие на этапъ поселенцы. Въ двухъ заднихъ помѣщаются кандалные, т. е. сыльно-каторжные. Чтобы попасть къ нимъ, надо обойти кругомъ всей казармы и пошатать дверями съ внутрен-

няго фаса ея. Тамъ узнаешь, что правѣ арестантской казармы дворъ называется женскимъ, а домишко на немъ—банею.

Оглядимся въ казармѣ.

Въ одной и той же помѣщены были и холостые и женатые поселенцы на общій соблазнъ. Ссылно-каторжные отдѣлены, но откуда въ Томскъ пойдутъ и тѣ и другіе и женщины, въ общей кучѣ, не дѣлясь и не дробясь, какъ шли они изъ Россіи.

Въ казармахъ поразила насъ возмутительно-дурной запахъ, хотя на то время открыты были окна. Болѣе тяжелымъ и съ трудомъ выносимымъ запахомъ отшибали тѣ казармы, въ которыхъ помѣщались женщины. Съ женщинами въ одной казармѣ жили дѣти.

— Бѣдныя дѣти!—говорилъ мнѣ со вздохомъ ко всему привыкшій и ко многому въ жизни равнодушный этапный офицеръ:—Зимомъ,—продолжалъ онъ:—на дѣтей смотрѣть страшно: коченѣлыя, испитыя, больныя, кашляютъ, многія кругомъ въ язвахъ, сыпь на всѣхъ...

Но еще не столько опасны язвы физическія, сколько тѣ, которыя упадаютъ на мягкое дѣтское сердце отъ сосѣдства съ такими взрослыми. Впрочемъ, не лучше участи дѣтской участи и взрослыхъ арестантовъ, которымъ путь до Иркутска тянется иногда около года. Лишенія и болѣзни неизбѣжны и встрѣчаютъ ихъ вездѣ, во всякое время года. Тобольская тюремная больница наполнялась каждую зиму большими отморозеніемъ членовъ (регпіо) до антонова огня; тюменскую и екатеринбургскую тюремныя больницы нашель я (въ апрѣлѣ 1862 года) наполненными до тѣсноты большими тифозною горячкою *). Арестанты обязаны идти 500 верстъ въ мѣсяцъ, не разбирая никакой погоды. Только двѣ распутицы, и то по поводу вскрытія и остановки рѣкъ (весенняя и осенняя), задерживали проходимца партіи въ тюрьмахъ и на этапахъ. На мой проѣздъ по тюменскому тракту на одномъ накопилось 250, на другомъ 230, на третьемъ 290 человекъ. Въ тобольской тюрьмѣ собралось до двухъ тысячъ, въ тюменскомъ острогѣ до полуторы тысячи **).

Удивительно ли, что при такомъ накопленіи

*) Вотъ средній выводъ изъ цифръ въ трехлѣтней сложности. Изъ 9.500 человекъ (среднее годовое количество ссыльныхъ, проходящихъ черезъ Сибирь) задерживаются по болѣзни въ дорогѣ до Нерчинска 1.260. Изъ нихъ 260 умираютъ, что составляетъ 0,027 съ долями всего числа ссыльныхъ. По прибытіи въ Томскъ, во время содержанія въ тюремномъ замкѣ, въ теченіи года умираютъ изъ пересыльныхъ арестантовъ до ста человекъ. Въ числѣ главнѣйшихъ арестантскихъ болѣзней на этапахъ самая обычная—венерическая, чаще приносимая изъ Россіи и нерѣдко приобретаемая въ дорогѣ.

*) Эти остановки произошли вслѣдствіе половодья рѣкъ Тобола и Иртыша. Въ 1860 году разливъ Иртыша собралъ на одномъ изъ тюменскихъ этаповъ 512 человекъ.

арестантовъ, такая духота въ казармахъ и такое зловоніе, когда стѣны успѣли прогнать цѣликомъ, когда большая часть зданій построена на мѣстахъ болотистыхъ, когда многіе этапы, въ половодье, очутятся стоящими на острову, залитыми со всѣхъ сторонъ водою, когда вода эта на полъ-аршина въ глубину застываетъ и промозгнетъ на самыхъ этапныхъ дворахъ, въ самыхъ этапныхъ зданіяхъ.

Въ особенности нестерпима казарменная духота и сильно зловоніе, когда арестанты, въ ненастную погоду, приходятъ всѣ мокрые. Ночью, когда ставятъ парашу, т. е. ночную кадку, казарменная атмосфера перестаетъ имѣть себѣ подобіе. По словамъ очевидца: „Смрадь отъ этой парашы нестерпимый! И эти несчастные какъ будто стараются какъ можно болѣе выказать отвратительную сторону своего человечества. Они, такъ сказать, закалываются адѣсь во всѣхъ порокахъ. Между ними всегда шумъ, крикъ, карты, кости, ссоры или пѣсни, пляска (Боже, какая пляска!). Однимъ словомъ, тутъ истинное подобіе ада“!

Понятно, почему тобольская тюрьма тяготилась множествомъ больныхъ острыми болѣзнями; понятно, что въ такихъ случаяхъ и самая смертность увеличивалась за недостаткомъ фельдшеровъ и лекарствъ **). Къ чистотѣ и опрятности зданій приставники изъ солдатъ не приучены. Большая часть изъ нихъ не живетъ при мѣстахъ. Солдаты присылаются женатыми, а потому на новомъ мѣстѣ спѣшатъ поскорѣе обзавестись собственнымъ домою и хозяйствомъ. Заплативъ 15, 18, 30 рублей за цѣлую избу, солдатъ отдаетъ ей все свободное время и потомъ мажачить около арестантовъ торговлею и продаетъ имъ за 3 к. кринку молока, за три жареныхъ рыбки беретъ 6 коп., за фунтъ хлѣба —1½ и копейку за небольшую чашку промозглаго, съ плесенью, квасу. Въ этомъ—всѣ отношенія приставниковъ къ проходящему люду, а затѣмъ все для себя и для собственного хозяйства. Семейнымъ солдатамъ положено отводить земли подъ поля и сѣнокосы, но военный человекъ на мирныя и кропотливыя занятія не идетъ, предпочитая имъ крохоборливныя, но настойчивыя вымогательства и поборы съ проходящихъ арестантовъ. Полей солдаты не пахутъ, хлѣба не сѣютъ, сѣнокосные дуги отдаютъ въ кортому. Припомнимъ при этомъ, что каждый этапный солдатъ, исправля ка-

**) Кромѣ больницъ при большихъ тюрьмахъ въ городахъ, больницы устроены еще черезъ каждые три этапа при четвертомъ. Въмѣсто лекарей въ этапныхъ больницахъ фельдшера, которые, такъ же какъ и больницы, носятъ только званіе, не отличающае надлежащими качествами. Благодаря этимъ заведеніямъ и трудностямъ путешествія, бывають случаи, что вмѣсто года нѣкоторые арестанты попадали на мѣсто назначенія года черезъ четыре.

зенную службу, долженъ пройти пѣшкомъ 100 верстъ въ недѣлю, въ годъ (50 недѣль) больше 5 тысячъ и во весь срокъ службы (отъ 15—20 лѣтъ обязанъ обработать 75—100 тысячъ верстъ! О правильномъ и прочномъ хозяйствѣ тутъ нечего думать: много-много, если хозяйка солдата сумѣетъ обзавестись огородамъ, капусту съ котораго во щахъ продается она потому дорогою цѣною тѣмъ же арестантамъ *).

На одномъ полу-этапѣ встрѣтилъ я двухъ солдатъ сторожей. Полу-этапъ былъ пустъ, хотя сосѣдніе этапы были биткомъ набиты **). Одинъ изъ солдатъ былъ семейный, а такъ какъ вблизи не было селенія, то онъ помѣщался съ семьею на полу-этапѣ. Въ комнатахъ его уютно и опрятно, на стѣнѣ виситъ конская сбруя.

— Лошадку, — говоритъ: — держу. Двоихъ дѣтей кормить надо, въ работу лошадку пускаю, отдаю мужикамъ.

— А что же арестантовъ на ней не возишь?

— Никакъ нѣтъ! Я около арестантовъ не поживляюсь, — отвѣчалъ солдатъ на вопросъ мой и лгалъ, лгалъ сколько потому, что селеніе было далеко, столько и потому, что чѣмъ же дѣтей кормить, чѣмъ же самому заниматься? Усталыя партіи нуждаются въ конныхъ подводахъ и особенно на вторую половину пути, и именно отъ полу-этапа. Да и кто же отъ денегъ прочь?..

Не совралъ солдатъ на этотъ разъ въ одномъ только, что и на этомъ полу-этапѣ бываетъ огромное стеченіе арестантовъ и что всю громадную массу ихъ поведутъ тѣ же 20 конвойныхъ (немного больше, немного меньше), наряжаемыхъ обыкновенно отъ этапа. Къ этому числу прибавятъ четырехъ казаковъ конвойныхъ и на взаимномъ довѣрїи, на взаимныхъ уступкахъ и одолженїяхъ, пойдетъ огромная толпа преступниковъ съ такимъ ничтожнымъ числомъ конвойныхъ. Три дня слаживаются съ одними конвойными; на четвертый, поступая въ распоряженіе новой команды, смотритъ партія, какъ бы не потерять чегонибудь своего и у этой.

*) Насколько выгодна торговля около арестантовъ, можно судить изъ того, что, напр., на Ялыманскій этапъ торгующія бабы приносятъ съѣстные припасы изъ деревень верстъ за 6 и за 8.

***) Устройство полу-этаповъ проще, но за то они и не удобнѣе. Здѣсь съ фаса видишь только стойкомъ торчашія заостренныя на верху бревна и среди ихъ огромныя ворота съ низенькою, пробитою въ нихъ и непомѣрно захватанною калиткою. Изъ-за острія палей торчатъ трубы и крыши. Войдя туда, узнаемъ, что по правую руку отъ воротъ караулка, по лѣвую, также въ углу, конюшня. Среди двора стоятъ казарма меньше этапной, но съ поперечнымъ корридоромъ, на который глядятъ четыре двери: изъ нихъ трое ведутъ въ большія комнаты для поселенцевъ; четвертая выходитъ изъ заднихъ узенькихъ сѣнецъ. Тамъ дверь № 4, куда запираютъ вандальныхъ и, такимъ образомъ, держатъ ихъ ночью подъ двумя замками.

Дальше мы знаемъ, что дневки или растахи (черезъ два дня въ третій) мало помогаютъ дѣлу, мало подкрѣпляютъ силы путешественника. Самый законъ на крайніе случаи, въ губернскихъ городахъ напр., дольше 6—7 дней держать не велитъ, за остановки же ссыльных на пути велитъ наказывать какъ за укрывательство бѣглыхъ. Арестанты, пришедшіе въ Тобольскъ (почти всѣ до единого), обыкновенно жаловались на общую слабость во всемъ организмѣ, на ломоту въ ногахъ, на сильное удущье. Ревматизмъ, такой частый и неизбежный гость, что получилъ названіе этапной болѣзни. Сверхъ того, у мужчинъ открываются грыжи, у женщинъ маточныя болѣзни *). Понятно, отчего Приказъ о ссыльныхъ вынуждаетъ бывалъ большее число приходящихъ преступниковъ назначать въ разрядъ такъ называемыхъ неспособныхъ. Неспособные эти, составляя въ составѣ сибирскаго населенія, особый классъ людей, не платящій податей, обременительны для общества, на большую половину бродятъ и весь классъ людей этихъ, дѣйствительно, неспособныя.

Самое направленіе этапнаго пути, Богъ вѣсть когда и кѣмъ намѣченнаго, въ настоящее время, при современныхъ требованїяхъ, не выдерживаетъ никакой критики. Намъ выставляютъ множество неудобствъ, высказываютъ примѣчательное количество справедливыхъ сѣтованій. Тратилось лишнее число государственныхъ суммъ, лишнее количество человѣческихъ силъ, лишнее число верстъ и пространствъ. Въ древнія времена, когда ближайшій сибирскій путь шелъ въ Тобольскъ на Вологду и черезъ Верхотурье, крикъ для ссыльныхъ былъ, конечно, значительнѣе; но и теперь, когда повернули его на Пермь черезъ Екатеринбургъ, путь для ссыльныхъ не сдѣлался настоящимъ. Арестанты идутъ далеко въ сторону отъ тѣхъ сибирскихъ трактовъ, которые проложила себѣ коммерція, всегда соблюдающая пространство и время, всегда намѣчающая короткіе и прямые пути вездѣ, гдѣ бы то ни было даже и въ нашей безпредѣльной и дикой Сибири. Арестанты не идутъ тамъ и почтовыми трактами, которые обыкновенно длиннѣе купеческихъ, но короче казеннаго этапнаго. Такъ, напр., съ Тюмени партіи преступниковъ, вмѣсто того, чтобы черезъ Барабинскую степь идти прямо на Томскъ, сворачивали на Тобольскъ по старому преданію и шли прямо на сѣверъ, подвергаясь по зимамъ неблагоприятному, зловредному влиянію сѣверныхъ вѣтровъ и непогодъ.

*) Ежегодное среднее число больныхъ въ тобольскомъ тюремномъ лазаретѣ составляло $\frac{1}{4}$ часть слишкомъ всего пересылаемаго количества (изъ 11 тысячъ 2.070 больныхъ). Изъ этой $\frac{1}{4}$ части умирало въ годъ 163 человѣка. Весною каждая партія оставляла больныхъ на пути между Тюменью и Тобольскомъ человѣкъ въ 10 среднимъ счетомъ.

Если эти послѣдніе упорно стояли долгое время (что случается замѣчательно часто), арестанты приносили въ Тобольскъ всѣ поголовно одышку, колотье въ груди, отмороженные носы и щеки, отвалившіеся пальцы. Изъ Тобольска партіи шли на Тару, совершая огромный новый излишекъ пространства, и шли, въ то же время, по мѣстамъ мало населеннымъ, климатически и экономически неблагоприятнымъ. Одинъ Иртышъ партіи переходили нѣсколько разъ, безъ всякой нужды и какъ будто для того только, чтобы своими посѣщеніями поддерживать быстро упадающую славу древняго и нѣкогда очень большого города Тобольска. Теперь, съ перенесеніемъ Приказа въ Тюмень, все это—слава Богу—уничтожилось *). Не говоримъ также о томъ излишкѣ переходовъ, которые, напр., принуждены дѣлать поселенцы, назначенные въ округа Тюменскій, Ялуторовскій, Курганскій и Туринскій, и обязанные, такимъ образомъ, идти старымъ пройденнымъ путемъ назадъ изъ Тобольска, куда они ходили только ради одного приказа о ссылныхъ и отъ того сдѣлали отъ 435 до 517 верстъ лишнихъ. Не говоримъ уже о неудобствахъ этапныхъ помѣщеній, о той мучительной труд-

*) Нѣкогда черезъ Байкалъ перевозили ссылныхъ на судахъ сибирскаго флота, выстроенныхъ на Иркутской верфи—единственное облегченіе въ старыя времена и единственно полезное примѣненіе флота. Иркутское адмиралтейство, какъ извѣстно, существовало только 30 лѣтъ. Дѣйствія его выразилась тѣмъ, по словамъ одного анонимнаго автора, оставившаго рукопись, что бригъ, вылетѣвшій изъ Ангары на просторъ Байкала, по непостижимому невѣжеству штурмана, который былъ назначенъ командиромъ этого судна, съ пустымъ трюмомъ, безъ баласта, тотчасъ же перевернуло порывомъ вѣтра. Сибиряки, видя такую неудачу европейскіхъ приѣмовъ мореплаванія, убѣдились еще плотнѣе въ томъ, что ихъ Байкалъ, зная, не чета другимъ разнымъ морямъ и океанамъ и что единственные мореходы, какіе умѣютъ валадаться въ этомъ морѣ, остаются все-таки, до скончанія вѣка, ихъ любимые доморощенные аргонавты съ сопцами. Адмиралтейство снабжалось не только бракомъ вещей, но и чиновъ. Оно двигалось, суетилось, 30 лѣтъ вело обширную переписку, мѣняло своихъ владыкъ и, наконецъ, пришелъ часъ—оно скончалось. Ссылныхъ продолжали водить пѣшкомъ по непролазной Кругоморской дорогѣ или перевозить на обыкновенныхъ байкальскихъ судахъ, у которыхъ кузовъ вродѣ бочонка, представляющій, между тѣмъ, всѣ неудобства неповоротливой рѣчной барки. Единственная мачта позади судна, парусъ глупъ до нельзя, вмѣсто руля—ужасной величины весло, вращаемое сопцомъ, которое ворочать могъ бы развѣ одинъ только Голаевъ. Этотъ сопецъ въ трюдомъ ворочаетъ своего левифана, у котораго передняя часть тѣла въ два раза длиннѣе задней. Наконецъ, въ довершеніе всего, румпель этого уродливо-громаднаго руля самый короткій, такъ что придумать какъ бы нарочно для того, чтобы и два Голаева не могли управиться. Эти суда движутся только по вѣтру. Теперь къ услугамъ ссылныхъ кое-какіе пароходы, которые съ трудомъ оправдываютъ здѣсь свою всесвѣтную славу.

ности, съ какою сопряженъ неблагоприятный во всѣхъ случаяхъ образъ пѣшаго хожденія, и проч. и проч. Не говоримъ мы обо всемъ этомъ потому, что, во первыхъ, много объ этомъ говорено въ недавнее время въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ, а во вторыхъ и потому, что мы видимъ теперь облегченіе арестантамъ тяжести этапнаго пути. Когда выяснилось дѣло въ дальнѣйшихъ подробностяхъ, нѣтъ сомнѣній въ томъ, что значеніе Тобольска померкло передъ значеніемъ другого города, Тюмени, того самаго, изъ котораго, по проэкту графа Сперанскаго, перевели „по колодничьей части присутствіе“ въ Тобольскъ и переименовали его тамъ въ „приказъ о ссылныхъ“. Вѣруемъ въ одно, что способъ препровожденія ссылныхъ бесполезенъ и далеко не оправдываетъ тѣхъ ожиданій, которыя клали на него въ началѣ двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія, когда совершалось, по проектамъ графа Сперанскаго, преобразование сибирскихъ губерній.

Возвратимся опять назадъ къ тѣмъ же этапамъ, каковыхъ по одной Сибири считалось 60, да сверхъ того еще 64 полуэтапа.

Этапную жизнь собственно арестанты любятъ, хотя она и представляетъ цѣпь стѣсненій и вымогательствъ, и любятъ они ее потому, можетъ быть, что она какъ будто ближе къ свободной жизни, дорогой для всякаго человѣка. Съ этапамъ арестанты разстаются неохотно. Я видѣлъ ихъ наканунѣ каторги и могу свидѣтельствовать, что въ лицахъ, въ поступи, въ тонѣ „Милосердной“ и видится и чувствуется гнетущая тоска и отчаяніе. То и другое объясняется близостью мѣста, при одномъ воспоминаніи о которомъ у всякаго сжимается сердце; не всякій сумѣетъ собрать силы и показаться наблюдателю сохранившимъ твердость духа, а тѣмъ болѣе храбримъ въ поступкахъ и поступи. Арестанты приходятъ на каторгу безъ денегъ, рваные, голые, безъ надежды и безъ родины...

Медленно подвигается партія къ заводу, молчаливая, окруженная всяческою форменностью. Еще за нѣсколько верстъ надъ арестантскими головами уже прогремѣла команда: „Приформиться!“—по которой всѣ должны быть по мѣстамъ, всѣ въ кандалахъ и при котомкахъ. Всѣ должны приготовиться какъ бы къ какому великому таинству.

Вотъ партія на мѣстѣ. Мѣстное начальство принимаетъ арестантовъ по списку.

— Надо кандалы расковать!—говоритъ оно на томъ основаніи, что дорожныя кандалы возвращаются конвойнымъ, а на каторгѣ надѣвajúть новыя.

— Да ужъ завтра сдѣлаемъ это! Сегодня не успѣемъ всѣхъ очистить и опять запасть,—замѣчаетъ приемщикъ въ простотѣ сердца.

— Расковать недолго!—объясняетъ этапный офицеръ, бывалый и много смекающій, и проситъ:

— Миѣ очень нужно спѣшить назадъ, позвольте сейчасъ!

И въ радости сердца, что и еще одну партію сбрызгъ съ рукъ благополучно и не лишился, за отсутствіемъ бѣглыхъ, годового жалованья въ награду (по положенію), этапный офицеръ велитъ партіи снимать кандалы и въ два-три часа очищаетъ всѣ ноги.

Мало опытный горный офицеръ удивлялся, видя, что арестанты снимаютъ кандалы, какъ сапоги, но бывалый и догадливый зналъ, что на всякіе замки существуютъ отмычки, и что чѣмъ больше стѣсненія и строгости, тѣмъ больше исканій противоборства, а рѣдкое исканіе у настойчивыхъ и сильныхъ людей не вѣнчается успѣхомъ. Къ тому же, арестантская партія дѣйствуетъ огуломъ, артелью, въ ней сто головъ, сто умовъ.

Пришли рабочіе люди слабыми, болѣзненными, отвыкшими отъ труда, а нѣкоторые даже и вовсе къ нему неспособными, но, что всего важнѣе, большая часть изъ нихъ глубоко испочена нравственно. Иные пришли сюда за болѣзнями и останками, на четвертый годъ по выходѣ изъ Россіи, но пришли во всеоружіи долгаго опыта. Приспособляйте ихъ къ работѣ и доглядывайте: все это мастера, но на особую статью, все это такіе рабочіе, какихъ уже въ другихъ мѣстахъ не встрѣчается.

Въ тюрьмѣ и на каторгѣ преступники скажутся въ иныхъ находкахъ и изобрѣтеніяхъ. И тамъ съумѣютъ они перехитрить природнымъ умомъ то, что прилаживается искусственно, поддерживается вѣншною, грубою силою. На чьей сторонѣ окажется побѣда, просимъ выслушать.

ГЛАВА II.

НА КАТОРГѢ.

Моя побѣдка на строгую первозрядную каторгу.—Нижній промыселъ на Карѣ.—Первыя впечатлѣнія и встрѣчи.—Иванушка-дурачекъ на каторгѣ.—Нѣмецъ-идіотъ.—Разбойникъ въ водоводахъ.—Поэтъ на каторгѣ.—Каторжное жильѣ.—Цынга.—Каторжные.—Каторжные работы.—Смотрители.—Раскомандировки.—Казенные порядки.—Тюремныя пѣсни.—Взаимныя отношенія тюремныхъ сидѣльцевъ.—Община въ тюрьмѣ.—Арестантскій староста.—Доносчики.—Товарищество.—Смотритель и арестантъ Сенька.—Майданъ.—Тюремныя карты и карточная игра.—Азартныя игры.—Юлка.—Юрдовка.—Едно.—Бѣгунцы.—Тюремный языкъ (argot).—Откупные тюремные законы.—Правила майдана.—Великій скандалъ.—Кабаки въ тюрьмѣ.—Водка тюремная.—Хитрость.—Влазное.—Тюремный капиталъ.—Парашники.—Рогожка.—Тюремные артисты и художники.—Оборотни.—Тюремные герои и историческія лица.—Тумаювъ и живая пирамида.—Искусственно развиваемыя арестантскія болѣзни.—Притворщики.—Тюремная аристократія и чернь.—Утка.—Каторжная забава.

Въ началѣ декабря, темною ночью, подъѣзжалъ я къ Нижнему Карійскому промыслу, одному изъ центральныхъ мѣстъ, предназначенныхъ для работъ тѣхъ ссыльно-каторжныхъ, которые, по судебнымъ приговорамъ, назначаются въ такъ называемые Нерчинскіе рудники.

Дорога шла въ сторону отъ рѣки Шилки густымъ хвойнымъ лѣсомъ. Совсе не разчищенная, мало приспособленная къ проѣзду, но, въ то же время (сколько можно судить по ныркамъ, т. е. ухабамъ), крѣпко подержанная, дорога эта казалась торною. Вѣтви деревьевъ хлестали по лошадиамъ, совались къ намъ въ сани; надо было изловчаться, чтобы не потерять глазъ, не испарпать лица. Къ тому же, дорога до того была узка, что мы принуждены были снять у саней отводы, хотя, въ то же время, сани наши были приспособлены именно для такихъ околныхъ, мало-наѣзженныхъ дорогъ и сани эти уже успѣли съ достоинствомъ выдержать испытаніе слишкомъ на тысячѣ верстѣ.

Темнота и густота лѣса усиливали наши нечастія: мы налѣзали на пни и съ трудомъ съ нихъ снимались. Сани безъ отводовъ валились

въ первую глубокую и покатуя выбоину. Провожатые мои ворчали и сердились.

— Ужъ во истину дорога каторжная, — замѣчалъ одинъ.

— Оттого и каторжная, что ведетъ на каторгу! — острить другой.

— Такъ-то, парень, поглядишь, — толковалъ первый: — дорога на каторгу ка-быть узенькая, а подумаешь, такъ она выходитъ больно широкая.

— Туда-то широкая, — мудрствовалъ второй: — а оттуда-то опять узенькая. Попасть легко, а не вырвешься.

— Сказано, милый человѣкъ, не отпирайся ни отъ сумы, ни отъ тюрьмы.

Разговоръ кончился обоюднымъ вздохомъ.

Тишина и темнота давали широкій просторъ воображенію: рисуя, что хочешь, но не дальше заданной темы. Вотъ впереди то самое мѣсто, гдѣ соединяются вмѣстѣ всѣ тяжкіе преступники, высланные изъ Россіи, всѣ убійцы, разбойники и грабители. Работа на этихъ казенныхъ золотыхъ промыслахъ полагается самою высшею мѣрою наказанія для всѣхъ подобнаго рода злодѣевъ. Съ ослабленіемъ въ послѣдніе десятки лѣтъ серебрянаго промысла въ нер-

чинскихъ горныхъ заводахъ и за уничтоженіемъ разработки рудниковъ руками ссыльныхъ преступниковъ, Карійскіе промыслы (Верхній, Средній, Нижній и Лунжанкинскій) представляли единственный матеріалъ для изученія истиннаго значенія такъ называемой каторги. Я поѣхалъ туда съ удвоеннымъ нетерпѣніемъ, тѣмъ болѣе, что во всемъ Нерчинскомъ краѣ только при этихъ четырехъ промыслахъ (да еще при Петровскомъ желѣзномъ заводѣ) остались тюрьмы собственно каторжныя.

Ночь была до того темна, что мы съ великимъ трудомъ могли распознать, гдѣ кончился лѣсъ и начался перелѣсокъ. Запахъ жилого мѣста, не смотря на жгучій морозъ, вскорѣ далъ намъ знать, что селеніе у насъ уже на носу, а вотъ и самая каторга гдѣ-то тутъ же и очень близко. Откуда-то вырвался звонкій выкрикъ и раскатился въ морозномъ воздухѣ длинною трелью, которой, казалось, и конца не было. Во всякомъ случаѣ, вела эту ноту здоровая грудь съ ненагруженными легкими. На окликъ послѣдовалъ отвѣтъ, который также со звономъ рассыпался въ разрѣженномъ воздухѣ по горамъ и заглохъ только въ перелѣскѣ. У третьяго оборвалась нота безъ трелей: голосъ отбѣлся отъ морозной струи, судорожно захватившей крикливое горло. Оклики посыпались одинъ за другимъ. Кричащіе, что пѣтухи, играли въ перегонку, кто кого лучше и чище споетъ, и такихъ очень много! Значить, мы на каторгѣ, но распознать за темнотою ничего не можемъ.

Успѣваемъ припомнить прошлогоднее событіе, рассказъ о томъ, какъ на этихъ самыхъ промыслахъ, изъ какой-то тюрьмы вырвался одинъ звѣрь и въ одну ночь, въ разныхъ домахъ, зарѣзалъ пятерыхъ и въ томъ числѣ погубилъ мать съ двумя младенцами, такъ, изъ любви къ чужой крови, безъ всякаго повода и причины. На душѣ становится не совсѣмъ покойно: воображеніе говоритъ, что впереди насъ звѣринецъ, наполненный кровожадными и голодными звѣрями. Къ тому же, звѣринецъ этотъ плохо сколоченъ, дурно и не крѣпко запертъ, но разсудокъ старается увѣрить въ томъ, что, вѣроятно, и здѣсь полагается недремлющій сторожъ, имѣется укротитель. Теперь, въ неопредѣленной темнотѣ, всего этого распознать мы не можемъ, но завтра навѣрное увидимъ.

Тяжелыя, гнетущія сердце мысли не покидаютъ насъ и въ уютной, теплой квартирѣ, до самаго утра, до разсвѣта. Пойдемъ же смотрѣть, что день укажетъ. Вотъ мы и на улицѣ.

На право и на лѣво сильно-поддержанныя, покривившіяся углы хаты; онѣ идутъ въ порядкѣ, изъ порядковъ образуются улицы одна, другая, пятая. Передъ нами цѣлое селеніе, которое только тѣмъ и отличается отъ шилкинскихъ и другихъ, что оно бѣдное, совсѣмъ не подновляе-

мое. Нѣкоторые дома, какъ мазанки, грязноваты снаружи, заборы полуобрушенные. Видно, что голъ и бѣдность строились тутъ; видно, она же и теперь тутъ живетъ. Но селеніе это, какъ извѣстно, казенное: вотъ неизбѣжный лѣбный и соляной амбаръ, съ неизбѣжнымъ часовымъ, товарищи котораго, а можетъ быть и самъ онъ кричалъ такъ усиленно и настойчиво-громко цѣлую прошлую ночь. Но гдѣ же тюрьма, частоколъ, острогъ—жилище главныхъ хозяевъ селенія? Смотрю кругомъ—и не вижу. Вижу опрятнѣе другихъ чистенькій домикъ—вѣроятно, начальника промысла, пристава; вижу другой, почти такой же, можетъ быть, смотря телея тюремнаго. Но гдѣ же тюрьма, когда кругомъ обыкновенные обывательскіе дома, свободные отъ часовыхъ и караула?

— Вотъ и тюрьма!—говорятъ мнѣ, указывая на одинъ изъ домовъ, наружною постройкою похожей на обыкновенныя деревянныя сибирскія казармы. Домъ и я принялъ за казарму, не разглядѣвъ только въ окнахъ ея желѣзныхъ рѣшетокъ, отсутствіе которыхъ въ другомъ сосѣднемъ домѣ характеризовало настоящую, дѣйствительную казарму. Близость тюрьмы объяснилась отчасти сосѣдствомъ гауштвахты, нѣсколькими фізіономіями въ папахѣхъ, принадлежащихъ сибирскимъ казакамъ.

Но кто же эти люди, которые идутъ мнѣ на встрѣчу? Люди эти безъ кандаловъ, стало быть, не тюремные сидѣльцы, а, по всему вѣроятію, выслужившіе свой срокъ ссыльно-каторжные. Вѣжливо предупреждаютъ они поклонъ нашъ, снимая шапки и кланяясь. А вотъ и сами преступники, побрякивая кандалами, творятъ свое домашнее дѣло: сопровождаемые часовымъ, несутъ они вдвоемъ на пальцѣ ушатъ, накрытый тряпками. Изъ ушата этого валитъ паръ и щекочетъ обоняніе знакомымъ запахомъ національнаго „горячаго“, извѣстнаго въ казармахъ подъ названіемъ купоросныхъ щей. И эти преступники вѣжливо снимаютъ намъ шапку: смѣшно намъ за вчерашнія грезы и страхи, и готовы мы оправдаться только тѣмъ, что свѣтъ дневной всякіе страхи гонитъ.

— Хотите вы видѣть каторжнаго, вотъ вамъ первый изъ нихъ!—говоритъ мнѣ приставъ промысла, обязательно вызвавшійся познакомить меня со всею подробностью своей службы.

— Иванушка, поди-ко сюда!—кричалъ онъ встрѣчному.

Изъ воротъ сосѣдняго дома вышелъ человекъ въ рваной шапчонкѣ, съ включенною рѣденькою бородею. Шея его была голая, армячишко совсѣмъ слѣзъ съ плечъ и даже рубаха у него была рваная. На ноги этого человека я уже и рѣшимости не имѣлъ посмотрѣть. Иванушку всего подергивало: голова не твердо держалась на плечахъ, онъ то приклонить ее къ правому плечу, то быстро отдернуть къ лѣвому.

Лѣвое плечо ходуномъ ходить и самого Иванушку какъ будто всего ведутъ судороги, какъ будто чувствуетъ онъ, что всѣ его конечности не на своихъ мѣстахъ, и онъ употребляетъ теперь всѣ усилія, чтобы вправить ихъ кости въ чашки, въ надлежащія и пристойныя мѣста. Видно, тяжело Иванушкѣ носить свою головушку, да и съ остальнымъ тѣломъ мудрено ему ладить. По видимому, онъ не тяготится этою работою; на дворѣ слишкомъ тридцать градусовъ мороза, а у него оба плеча буквально голыя.

— Работа каторжная такъ его изуродовала? Въ серебряныхъ фабрикахъ наглотался онъ ртутныхъ паровъ и качаетъ теперь голову? Принялъ что нибудь такого внутрь, по совѣту доброхота-злодѣя, чтобы умягчить для себя ядовитую болѣзнь или тяжесть каторги, и тѣмъ записать себя въ разрядъ неспособныхъ?

— Ни то, ни другое, ни третье,—отвѣчаютъ намъ:—Иванушку сюда именно такимъ и прислали, готовымъ.

Иванушка былъ передъ нами.

— Гдѣ ты былъ? — ласково спрашивалъ его приставъ.

— Сяѣжку отгребалъ, покормили за то! — отвѣчалъ Иванушка и брызгалъ; голова какъ будто еще сильнѣе заходила на плечахъ, лѣвое плечо такъ и приподняло онъ до самыхъ ушей.

— А кто ты такой? — продолжалъ разспрашивать приставъ.

— Я... Божій человѣкъ! — гнусливо растянулъ старичокъ.

— Какъ прозывается-то?

— Поселенцомъ велятъ зваться.

— Откуда ты родомъ?

— Съ Вятки родомъ.

— За что присланъ-то сюда?

— Я и самъ не знаю. Мнѣ бы ужъ домой идти надо. На родину пора... Тамъ у меня татка съ маткой остались.

— Да вѣдь уже нельзя тебѣ возвращаться-то...

— Можно, говорятъ вонъ тамъ.

Иванушка указалъ рукою на тюрьму.

— Надо, слышь, только бумагу такую достать. Безъ бумаги-де не пропустить и назадъ вернуть. Дай ты мнѣ такую бумагу, чтобы мнѣ въ Рассею уйти, сколько прошу!! (и въ послѣднихъ словахъ послышался упрекъ).

— Всякій разъ обращается онъ ко мнѣ съ этою просьбою! — объяснилъ мнѣ приставъ потомъ, когда мы оставили Иванушку.

Вотъ что мы слышали потомъ объ Иванушкѣ. Въ статейныхъ спискахъ (которые сопровождаютъ всякаго ссыльнаго, какъ паспортъ и аттестатъ), онъ показанъ приговореннымъ въ ссылку за скотоложство. Самъ онъ рассказываетъ, что присланъ сюда за расколъ; знающіе люди увѣряли, что расколъ усугубилъ только степень наказанія. Но дѣло станетъ понятнымъ и яснымъ, если представить себѣ, что Иванушка родился

боженникомъ (и не только къ какой нибудь умственной, догматической работѣ, но и ни къ какой валовой домашней былъ неспособенъ) и попалъ за то въ пастухи. Обездоленный идиотизмомъ (не помѣшавшимъ, однако, развиться въ немъ грубымъ, извращеннымъ животнымъ инстинктамъ), онъ въ скотскомъ стадѣ впасть въ тотъ грѣхъ, который увелъ его въ самое дальнее мѣсто поселенія. Ближніе судьи судили въ немъ отвлеченную идею, дальніе вершители не видали въ глаза подсудимаго. Приговоръ былъ подписанъ и, вотъ, приведенъ въ исполненіе. Надъ Иванушкою въ тюрьмѣ смѣются, посящещъ онъ былъ и во всю дорогу по этапамъ. Всѣ его любятъ, всѣ его учатъ, кто чему можетъ, и хорошему и худому. Ходить онъ по чужимъ дворамъ просить милостыню. Объ одеждѣ онъ не заботится; одѣнуть другіе, онъ полагаетъ, что это такъ и слѣдуетъ, и спасибо не скажетъ. На Карѣ Иванушка человѣкъ неспособный и совсѣмъ лишній.

— Дай мнѣ такую бумагу, чтобы мнѣ въ Рассею можно уйти! — просилъ онъ меня, придя ко мнѣ на квартиру.

— Даль бы я тебѣ такую бумагу, да дать не могу.

— А мнѣ въ тюрьмѣ сказали, что можешь.

— Даль бы я тебѣ, Иванушка, такую бумагу, которая бы тебя въ богадѣльню увела и тамъ оставила, да не въ силахъ я.

— Въ богадѣльню бы мнѣ хорошо.

— Хорошо, Иванушка, такъ хорошо, что тамъ тебѣ только и мѣсто! Лечить бы тебя — вылечили. Здоровый бы вышелъ, дѣвку бы полюбилъ, полюбилъ бы ты дѣвку, женился бы на ней.

— Нѣту! Я дѣвокъ смерть не люблю, въ дѣвкахъ-то черти-дьяволы сидятъ.

Иванушка мой заллевался, разворчался, сердить сталъ не въ мѣру. Самыя судороги его пошли примѣтно-учащеннѣе и озлобленнѣе. Иванушка былъ просто идиотъ и притомъ, по свойству многихъ больныхъ болѣзнями нервными, имѣлъ одно большое мѣсто (антипатію), прикосновеніе къ которому вызывало ожесточенные припадки. Иванушка, по общимъ словамъ, не любилъ два-три слова и, смиренный вообще, при напоминаніи словъ этихъ выходилъ изъ себя, бросалъ чѣмъ ни попало въ равныхъ себѣ и знакомыхъ и бѣгалъ отъ неровней и отъ незнакомыхъ, какъ это онъ сдѣлалъ и со мною. Сдѣлались ли слова эти ненавистными больному съ самаго того времени, когда онъ уразумѣлъ практическій смыслъ ихъ, или напротивъ они ему до омерзѣнія отъ частаго напоминанія въ насмѣшкахъ досужихъ и праздныхъ товарищей — рѣшить теперь трудно. Иванушка, во всякомъ случаѣ, былъ вѣренъ антипатіи къ словамъ ненавистнымъ и во все время на каторгѣ не измѣнилъ себѣ ни одного раза. Безконечно жалко Иванушку, который, вмѣсто богадѣльни,

попалъ на каторгу, и страшно за него, когда знаешь, что въ сосѣдствѣ съ нимъ живутъ люди настоящіе каторжные. Не прилипнетъ къ нему злодѣйская грязь по причинѣ крайней неподатливости его почвы, но и не вылезать его здѣсь отъ болѣзни, для которой въ медицинѣ нашлись бы кое-какія облегчающія снадобья*).

— А вотъ и другой экземпляръ ссыльно-каторжного! — говорилъ мнѣ карійскій приставъ, указывая на высокаго старика, сѣдого какъ лунь, тщательно выбритаго и чистенько одѣтаго. Старикъ приковалъ мое вниманіе необыкновенно правильными чертами лица; въ глазахъ его еще было много жизни, а во всѣхъ чертахъ лица много мягкости и ничего злодѣйскаго ни во взглядѣ, ни въ улыбкѣ; даже и верхняя челюсть не была развита въ ущербъ остальнымъ частямъ лица. Глядѣлъ онъ бодро, честно и открыто, шелъ смѣло и увѣренно. Сложенъ онъ былъ превосходно и даже той сутулости, которая характеризуетъ всякаго ссыльнаго, битого кнутомъ, и даже той запуганности, которая заставляетъ прятать взоръ куда нибудь въ сторону и въ уголъ, мы въ немъ не замѣтили.

*) Петръ I подобныхъ безумцевъ велѣлъ отправлять въ монастыри. Екатерина I этотъ указъ подтвердила, велѣвъ отправлять по надлежащемъ въ тайной канцеляріи наказаніи въ 1727 г. Анна Ивановна, въ 1735 г., преступниковъ, лишившихся разсудка, велѣла также отсылать въ монастыри «къ неисходному ихъ тамо содержанію и крѣпкому за ними смотрѣнію». Въ 1860 году, кромѣ моего знакомаго, извѣстны были еще два дурачка, изъ которыхъ одинъ помѣшанный, нѣмецъ изъ Риги, присланъ былъ за пожаръ архива, жилъ въ Горной (въ 4 верстахъ отъ Благодатскаго рудника), все время былъ убѣжденъ въ томъ, что живетъ въ 4 миляхъ отъ Риги. Очень часто тайкомъ скрывался, принимая Норчанскій заводъ за Ригу, рвался и кричалъ, когда его брали для возвращенія на мѣсто водворенія. Здѣсь либо шатался по улицамъ, либо погруженный въ молчаніе, вперялъ свой неподвижный взоръ въ даль, останавливая его на какой либо точкѣ. Изъ прошлаго осталось одно воспоминаніе объ отцѣ во фракѣ, причѣмъ онъ всегда простодушно смѣялся. Говорили, что онъ сошелъ съ ума еще въ Ригѣ, вскорѣ послѣ того, какъ его суженая вышла замужъ за другого. Другой сумасшедшій, также признанный неспособнымъ къ работамъ, шатался тамъ же въ рубахѣ, спитой изъ лоскутьевъ, которые бился отъ вѣтру. Цѣлыя дни носился онъ съ корзиною, наполненною куклами, тряпками и другою ненужною дрянью, принимая все это за имущество, которое тщательно берегъ изъ боязни, чтобы не украли. Присланъ былъ изъ Костромской губ. неизвестно за что. Ходилъ по окрестностямъ и искалъ работы и, не находя таковой, занимался покупкою тряпокъ, не покидая надежды найти работу; надъ нѣмцемъ любилъ подсмѣиваться и не удостоивалъ его разговоромъ, называя его дуракомъ. Нѣмецъ почиталъ блаженствомъ получить трубку табаку; костромичъ былъ доволенъ, когда накормятъ его. Костромичъ любилъ ходить безъ шапки, нѣмецъ носилъ громадную шляпу, но сквозь одежду его также сквозило голое тѣло.

Наконецъ, той робости, которая велитъ скидывать шапку всякому встрѣчному (что такъ любятъ и привыкли дѣлать всѣ, просидѣвшіе долгое время въ каторжной тюрьмѣ), въ старикѣ нашемъ также замѣтно не было. Внѣшній видъ расположилъ меня въ его пользу и я готовъ былъ усумниться въ подлинности и вѣроятіи рекомендаціи пристава, но послѣдній настаивалъ на своемъ:

— Три года въ Акатуѣ на цѣпи сидѣлъ.

Самъ старикъ рассказывалъ потомъ:

— Въ Калугѣ, на родинѣ, почту мы ограбили и почтальона съ ящикомъ убили.

И откуда онъ взялъ столько хладнокровія, чтобы совершенно спокойно выговорить эти послѣднія слова изъ разсказа своего.

— А за что тебя на цѣпь посадили? — спрашивалъ за меня приставъ.

— Сами знаете, ваше благородіе! — отвѣчалъ старикъ и мягкая, кроткая улыбка пробѣжала по лицу его. Улыбка эта, можетъ быть, въ то же время меня обманула, но я и теперь за нее. Далекое ходитъ въ оправданіе ея, но лицо старика, при дальнѣйшихъ разспросахъ, оставалось невозмутимо спокойнымъ. Думалъ ли онъ на этотъ разъ, что передъ прямымъ, непосредственнымъ своимъ начальникомъ скрывать нечего, тотъ все знаетъ, или сообразилъ онъ, что нѣтъ грѣха сознаться въ томъ преступленіи, которому минула законная давность и тяжесть котораго давно уже искуплена цѣпью и одиночнымъ заключеніемъ, сосредоточивающимъ всѣ помыслы въ самомъ себѣ, — старикъ обо всемъ этомъ вслухъ не сознался. Онъ повѣдалъ другое:

— На цѣпи я сидѣлъ за то, что изъ тюрьмы бѣжалъ, на дорогѣ бурятскую юрту ограбилъ и одного братскаго задушилъ.

Опять хладнокровный тонъ въ показаніи, какъ будто во свидѣтельство того, что старикъ теперь не боится за себя. Знать „умыкали бурку крутыя горки“.

— Взялъ я его къ себѣ въ водовозы и не нахвалюсь стараніемъ и усердіемъ; заливаетъ иногда, но очень рѣдко! — говорилъ мнѣ приставъ. — У нашего начальника жила въ кормилицахъ женщина, сосланная сюда за убійство собственнаго ребенка, и исполняла свою обязанность съ такою любовью, что иная мать не предлагаетъ столько нѣжности и ласки къ собственному дѣтищу. Мы объяснили это порывами раскаявшейся натуры, жаждавшей искусственною, подогрѣтою любовью замѣть кровавый грѣхъ ужаснаго преступленія, но баба эта насъ обманула. Теперь она осталась нянькою при многихъ дѣтяхъ и вотъ уже четвертый годъ такая же неустанная, бессонная, честная и нѣжная работница.

Третій, Мокѣевъ, и также случайно попавшійся намъ на глаза, былъ именно изъ тѣхъ

боязливыхъ и робкихъ, которые привыкли прятать свой взглядъ, привыкли быть замкнутыми и не откровенными на любой изъ вызвовъ вашихъ. Смыслный этотъ писалъ, напр., стихи, и одно время исполнялъ даже обязанность полкового пѣтца: написалъ по заказу начальства пѣсню на отправленіе первой экспедиціи, снаряженной для завоеванія Амура. Онъ же сочинилъ цѣлую тетрадку виршей, посвященныхъ описанію всяческаго быта смыснаго въ тюрьмѣ и за тюрьмою. Я долго упрощивалъ его подѣлиться плодами его досуговъ, въ расчетѣ встрѣтить въ немъ одного изъ тѣхъ сочинителей пѣсней, которые приготавливаютъ на тюремный обиходъ казарменные новыя пѣсни въ замѣнъ старыхъ народныхъ, но получилъ отвѣтъ, что стихи онъ забылъ, а тетрадку зачитали товарищи. При дальнѣйшихъ просьбахъ, я добился только обещанія принести на-дняхъ; ждалъ я недѣлю и тетрадки все-таки не получилъ. Мокъевъ пришелъ въ Нерчинскіе заводы по дѣлу объ ограбленіи и умершвленіи какого-то купца, гдѣ-то въ степныхъ губерніяхъ, и принесть съ собою редакцiонныя письма. Но письмамъ эти онъ обвинялся только въ томъ, что былъ при убійствѣ свидѣтелемъ, но не участникомъ. Письма говорили, между прочимъ, и то, что онъ, нося веселое званіе купеческаго сына или брата, велъ, въ то же время, и жизнь, приличную этому званію, т. е. ничего не дѣлалъ, кромѣ кутежей, ничего не видѣлъ, кромѣ трактировъ и погребковъ. Онъ жилъ такимъ образомъ долго и весело, пока не истощитиса отцовскія деньги. Недостатокъ денегъ вывелъ его изъ трактира въ кабакъ, въ кабацкѣ онъ попалъ на развѣселехъ товарищей, которые образовали шайку, имѣвшую намѣреніемъ поправить свои обстоятельства и подсластить пропойную жизнь на чужія средства. Средствомъ для этого друзья придумали грабежъ на большой дорогѣ. Желая ограничиться грабежомъ, они сгоряча и въ противоборствѣ совершили убійство, но безъ участія Мокъева, хотя и въ его присутствіи. Какъ соучастникъ и другъ убійцы, не давшій во время знатъ начальству о преступленіи, онъ отъ товарищества судомъ выдѣленъ не былъ и вмѣстѣ съ ними попалъ на каторгу. Сюда, когда онъ освободился изъ тюрьмы, богатые родные прислали ему деньги. На деньги, при посредствѣ промысловаго начальства, вознаградившаго его тѣмъ снисхожденіемъ и участіемъ, которыхъ не получилъ онъ отъ суней. Мокъевъ успѣлъ затѣять кое-какую торговлю. Торговалъ онъ удачно и деньги наживать началъ, да вдругъ вспомнилъ о своемъ бездолѣ и роднѣ—и запылъ. Запой сокрушилъ все его средства; новыя присылки денежной помощи шли въ кабакъ. Сколько ни валили потомъ цѣбня въ божото, гати не сдѣлали; разъ прососавшаяся вода по знакомому ложу смывала все

преграды. На время (и только на время) приостановилась было вода на мельницѣ, не рвала гати и общала по ней прямое и надежное русло туда, куда надо: Мокъевъ полюбилъ вольную казачку, полюбился и ей, и женился. Торговля опять пошла на ладъ, колеса на мельницѣ завертѣлись, мука была и покупателей было довольно, да вдругъ загулъ и опять прорвало плотину. Суетилась жена, хлопотали сосѣди, суетились и хлопотали много и долго, а добились одного только, что больной сталъ пить не загулами, а запоемъ, что, какъ извѣстно, и безнадежно и неизлечимо. Сталъ Мокъевъ челоуѣкомъ убитымъ и потераннымъ; и скрежетъ теперь зубами на свою шаль и дурь, и жену любить и всеми сосѣдями быть бы любимъ за кроткій податливый нравъ, да слабость свалила и не позволяетъ встать на ноги. Мокъевъ теперь на все рукою махнулъ.

— Нечего съ нимъ не подѣлаешь, — говорила жена его: — самый безпутный челоуѣкъ! Пѣсни писать пуще прежняго началъ, станеть тебѣ читать какую, слезой прошибеть. Лучше бы ужъ въ гробъ скорѣе ложился да гробовой доской накрывался. Вотъ и вчера пьянехонекъ домой пришелъ и завтра такой же будетъ.

Отдѣльно взятыя случайныя личности мало значать. Живя на свободѣ, онѣ могли утратить много того, чѣмъ отличается настоящей каторжнѣй, да и жизнь на свободѣ, хотя и подлѣ самыхъ воротъ кагорги, далеко не каторга. Про людей, выпедшихъ изъ тюрьмы, и самые сосѣди многого не скажутъ: многое забыли они, многое стараются забыть, зла не помня. И сами мы намѣрены не біографіи писать, мы хотимъ видѣть каторгу.

Каторги, однако, мы видѣть не могли. Постоянные холода, стоявшіе все время ниже 30°, и челоуѣколюбіе горныхъ офицеровъ задержали работы на разрѣзѣ до благопріятнаго времени. Каторжнѣй изъ тюрьмы не выпускали, кромѣ нарядовъ на легкія и недолговременныя работы. Тѣмъ лучше, стало быть, мы увидимъ тюрьму въ полномъ составѣ и сборѣ. Идемъ туда.

Вотъ эта тюрьма Нижняго Карійскаго промысла у насъ передъ глазами. На тюрьму, въ томъ смыслѣ, какъ бы хотѣло представлять наше воображеніе, она не похожа. Нѣтъ даже и того казеннаго вида, какимъ поражаетъ всякій старый этапъ по сибирскимъ дорогамъ. Нѣтъ этихъ заостренныхъ сверху бревень, плотно приставленныхъ одинъ къ другому, черныхъ, погнившихъ, нѣтъ и этихъ огромныхъ воротъ по срединѣ, съ низенькою захватанною калиткою и двумя полуразвалившимися будками по обѣимъ сторонамъ скрау чухи, громаднѣхъ, тазельныхъ воротъ, которые отворяются только два раза въ недѣлю, что-бы проглотить и потомъ выбросить прохляющую партію. Карійская тюрьма глядитъ рѣшительно казармою и много-много

если она похожа на такую, гдѣ существуетъ такъ называемая сибирка, кутузка—мѣста для временнаго полицейскаго ареста. Снаружи казарма эта очень ветхая и даже не видать, чтобы она была недавно починена. Рѣшетки ржавыя, крыльцо погнившее, крыша полинялая, но за то все остальное, обрядовое, въ совершенномъ порядкѣ и надеждающей форменности.

— Ефрейтора!—закричалъ надъ нашимъ ухомъ часовой солдатъ, стоявшій у наружной двери.

Явилось требуемое лицо. Наружены были еще двое конвойныхъ съ ружьями и пущены впередъ.

— Старосту!—закричалъ сзади насъ въ свою очередь ефрейторъ.

Явился и староста, съ бритою на половину головою, съ угодливостью въ лицѣ, съ судорожными движениями во всемъ тѣлѣ, какъ будто готовый летѣть, растянута въ воздухѣ по первому призыву и приказу начальника.

Передъ нами отворилась дверь и, словно изъ погреба, въ которомъ застоялась вѣскольго лѣтъ вода и не было сдѣлано отдушникъ, насъ обляла струя промозглаго, спершагося, гнилого воздуха, теплаго, правда, но едва выносимаго для дыханія. Мы съ трудомъ переводили послѣднее, съ трудомъ могли опомниться и придти въ себя, чтобы видѣть, какъ суетливо и торопливо соскочили съ наръ всѣ закованныя ноги и тотчасъ же, тутъ подгѣ, вытанулись въ струнку, руки по швамъ, по солдатски. Многие были въ заплатанныхъ полушубкахъ въ накидку, на сколько успѣли; большая часть просто въ рубашкахъ, которыя когда-то были бѣлыя, но теперь были грязны до невозможности. Мы все это видѣли, видѣли на этотъ разъ большую казарму, въ серединѣ которой въ два ряда положены были деревянные нары; тѣ же нары обходили кругомъ, около стѣнъ казармы. Видъ извѣстный, неизбывный во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ держатъ людей для казенной надобности въ артегѣ, въ ротахъ, въ батальонахъ. На нарахъ валялись кое-какія лоскутья, рвань, тоненькіе какъ блинъ матрацы, измызганные за долгій срокъ полушубки, и вся эта ничтожная, не имѣющая никакой цѣны и достоинства собственноты людей, лишенныхъ добраго имени, лишенныхъ той же собственности. Вопіющая, кричащая бѣдность и нагота кругомъ насъ, бѣдность и несчастье, которыя, въ добавокъ, еще замкнуты въ гнилое жилище, окружены гнилымъ воздухомъ, дышать отравкою его до цынги, ступаютъ босыми ногами съ жесткихъ наръ на грязный, холодный и мокрый полъ. Нечистота пола превзошла всякое вѣроятіе: на немъ пальца на два (буквально) накупѣло какой-то зловонной слизи, по которой скользили наши ноги, не разъ ходило сильное властью и средствами начальство и не замѣчало, а если и замѣчало—то навѣрное забыло. Половина смрада въ казармѣ копилась на полу и наполнила потомъ

всю ее до самого потолка, который также оказался неспособнымъ отправлять свою трудную службу. Отворялись и форточки, но не помогали дѣлу ни мало; топятся и уродливыя огромныя печи и оказываются бесцѣльными. Вся сила спасенія не въ планочкахъ, которыя мы, набалованные повадкою, охотно прибаваемъ ко всякому мѣсту, которое съвозить, свистить и просвѣчиваетъ, не въ загрузовкѣ мѣстъ, которыя проболѣли до того, что заразились гноемъ и сочатся гнилою, порченною кровью, вся сила—въ коренной перетрускѣ стараго и въ рѣшительномъ созданіи новаго. На прежнемъ мѣстѣ, пожалуй, но свѣжая казарма должна быть, во что бы то ни стало, и притомъ не по старому образцу и не старыми балованными руками сдѣланная, а по образцамъ новымъ, руками не запачканными, но чистыми, не выверченными изъ вертлюговъ на бесполезныхъ работахъ, но здоровыми и сильными, которыя зла не творили, а за добромъ давно тянутся и всякому живому гуманному движенію давно уже распростерли горячія объятія *). Еще долго прожить каторжные въ своихъ вонючихъ и сырыхъ норахъ, пока и до нихъ добѣжить лучъ свѣта по казеннымъ инстанціямъ, послѣ множества бумажныхъ справокъ и выправокъ.

— А дай-то Богъ, чтобы поскорѣе времяшло!—говоритъ каторжный, въ ожиданіи тюрем-

*) Лѣтомъ 1857 года въ тюрьмахъ карійскихъ гнѣздились повальная и смертная цынга. Люди заболѣвали отъ великихъ усиленныхъ работъ ради историческихъ ста пудовъ золота, когда всѣ ссыльные каторжные сгруппированы были здѣсь и размѣшены въ тѣсныхъ и сырыхъ помѣщеніяхъ. Въ результатъ было то, что свыше тысячи человекъ умерло да въ архивахъ есть свидѣтельство мѣстнаго лекаря. Онъ пишетъ, что причина тому «больше всего обветшалость острожныхъ зданій, въ особенности же завислая отъ того сырость внутри оныхъ». Мѣрою къ исправленію лекарь полагалъ просушку зданій, а для того совѣтовалъ на два лѣтнихъ мѣсяца открывать окна или, лучше всего, вовсе выставить рамы до 20 числа августа. «Для осушенія болотистаго грунта полезно было бы провести по близости около оныхъ тюремъ канавы. Для будущаго лѣта запаста нынѣшнимъ соленій черемши (дикаго чесноку)». Промло десять лѣтъ и на Карійскихъ промыслахъ тѣ же порядки, тѣ же тюрьмы, а съ ними та же цынга съ раннихъ весеннихъ мѣсяцевъ до глубокихъ осеннихъ. Вотъ сравнительная таблица больныхъ цынгою по мѣсяцамъ: къ апрѣлю цынготныхъ 37, заболѣваетъ вновь 2; къ маю 39, вновь 4; къ іюню заболѣваетъ вновь 11, выздоравливаютъ 7; къ іюлю заболѣваетъ вновь 26, выздоравливаетъ 3, умираетъ 1; въ августѣ выздоравливаетъ 8. Въ октябрѣ, изъ всего числа остается больныхъ только 7 человекъ. Замѣчательно, что рѣдкій изъ прѣважнихъ, хотя бы велъ и регулярную жизнь, не заболѣваетъ цынгою, много черезъ годъ. За цынгою и отъ нее нерѣдки случаи гнилости во рту (водяного рака). Кислое молоко (простокваша), вино, настоенное березовыми почками, табакъ, дикій хрѣвъ—обыкновенныя домашнія средства.

наго срока содержанія; старательно клеить онъ и терпѣливо ладить себѣ балаалайку или скрипку, ради утѣхи и возможнаго сокращенія досаднаго, бесполезнаго времени тяжелой, скучной каторжной жизни.

Снял онъ намъ съ гвоздочка скрипку свою, далъ осмотрѣть, дернулъ смычкомъ по струнамъ—ничего!

— Пѣсни къ этой скрипкѣ голосомъ не подладишь, а плясать можно.

— За что ты попалъ сюда? — спросилъ я перваго попавшагося мнѣ на глаза арестанта.

— Лошадь своровалъ, много чужой лошадь своровалъ! — отвѣчалъ татаринъ.

— А ты за что?

— Заграничной матеріи наси евреи возили... — началъ было выясняться передъ нами обитатель западной русской границы, да перебилъ его другой досужій и знающій:

— А кто контрабанду черезъ границу возилъ и въ таможенную стражу изъ ружей стрѣлялъ, двухъ солдатъ положилъ на мѣстѣ?

Смолчалъ еврей.

— А ты за что?

— А я, ваше сятельство, совсѣмъ понапрасну. Спрашивалъ я у начальства, ничего не сказали. Наказаніе получилъ, сюда привели. Ей Богу, лопни глаза мои! занапрасно попалъ.

Арестантъ забожился, а въ рѣзкомъ акцентѣ его выяснился для насъ цыганъ, пришедшій сюда, по всему вѣроятію, за что нибудь крупнѣе конокрадства; можетъ быть, за грабежъ на большой дорогѣ, подлѣ которой стояли родичи его таборомъ.

— Не хотите ли, — предлагаютъ намъ: — задаться задачей пройтись по губерніямъ. Спросите изъ любой представителя, изъ всякой можемъ представить. Выбирайте наугадъ!

Подвернулась первую на память Кіевская — нашлось цѣлыхъ трое. Прошлись по Волгѣ отъ вершины до устья, отозвались отъ каждой изъ десяти губерній по одному; на Симбирскую выкрикнули опять трое.

— Такъ и должно быть, — поясняютъ намъ: — изъ густо населенныхъ губерній захлопнеть наша западня всегда не меньше одной пары, и при этомъ всегда больше другихъ отличаются юго-западня, а изъ приволжскихъ — Симбирская. Впрочемъ, больше идутъ и погуще даютъ преступленія губерніи ближнія къ Сибири: Оренбургская и особенно Пермская, изъ Вятской поменьше. Изъ Финляндіи и инородцы чаще попадаютъ на поселеніе и если являются къ намъ, то не прямо съ родины, а уже съ мѣстъ поселенія. Замѣчаемъ, что Тобольская губернія преступнѣе всѣхъ и сердитѣе.

— Можемъ утѣшить васъ вотъ чѣмъ: изъ губерній глухихъ и лѣсныхъ, каковы Архангельская, Вологодская и Олонецкая, мы на столько рѣдко получаемъ къ себѣ пациентовъ,

что я вотъ въ 12 лѣтъ ни одного не принялъ отсюда. Людей этихъ мѣстностей не знаю и родовъ болѣзней ихъ объяснить себѣ не могу. Изъ инородцевъ не видимъ вовсе лопарей, самоѣдовъ, остяковъ и тунгусовъ; въ Березовѣ даже и тюрьмы не существуетъ. Татаринъ идетъ къ намъ заурядъ со всѣми, обвиненный по роду тѣхъ преступленій, которыя водятъ на каторгу. Кавказскіе горцы идутъ за грабежи, а киргизы, кромѣ этого, ни въ какомъ уже иномъ преступленіи и не завиняются; баранта у нихъ — племенная добродѣтель, какъ у голодныхъ горцевъ набѣгъ. Еврей рекомендуетъ больше контрабандистомъ, цыганъ мы привыкли понимать за конокрада и ужъ давно цыганъ проговорился, что краденая лошадь не въ примѣръ дешевле купленной обходится. Другіе инородцы для насъ безразличны.

— Женщины приходятъ къ намъ за убійство дѣтей, но чаще за поджоги. Поджогъ также преступленіе дѣтей. Стариковъ мы знаемъ, какъ кровососъисителей и растлителей, получали ихъ также за ересь и расколъ.

— Разбирая преступниковъ по возрастамъ, мы имѣемъ таблицу, которая говоритъ намъ, что сосланные до 40 лѣтъ составляютъ 0,65% всего количества, отъ 40 до 50 лѣтъ 0,2; отъ 50 до 60 лѣтъ 0,8 и выше 60 лѣтъ 0,025.

— Соображая по состояніямъ и по отношенію ссыльныхъ къ общей численности того и другого сословія, мы можемъ увѣренно сказать и доказать, что преступленія тяжкія, ведущія прямо къ намъ, всего чаще совершаются мѣщанами и солдатами — сословіями искусственно созданными. Они, вмѣстѣ съ другими, значительно облегчаютъ тяжесть упрека, который привыкли валить на крестьянъ, и въ сильной степени ослабляютъ въ общей цифрѣ обвиненіе ихъ въ черныхъ и тяжкихъ преступленіяхъ. Вотъ, не угодно ли вамъ будетъ провѣрить слова наши хоть на промыслахъ нашихъ, хоть, пожалуй, и здѣсь въ тюрьмѣ.

Узнавать въ короткихъ и скороспѣлыхъ вопросахъ мы не рѣшились, да къ тому же и не имѣли этого въ виду, а задавали вопросы по вызову со стороны пристава и для того, чтобы сдѣлать что нибудь въ отвѣтъ на любезную предупредительность и имѣть больше времени осмотрѣться и познакомиться съ наружнымъ видомъ каторжной тюрьмы. Спрашивать самихъ арестантовъ объ ихъ преступленіяхъ намъ казалось не ловкимъ и не деликатнымъ (мы въ этомъ и каемся теперь). Да притомъ же, давно и хорошо извѣстно, что они никому и никогда не говорятъ истинной причины ссылки, стараюсь затенить ее окольными показаніемъ или новымъ сочиненіемъ. Къ правдѣ не приучили ихъ прежнія слѣдствія наши и отбили всякую охоту тюремные обычая и тюремная наука.

Разпросы свои мы прекратили, въ расчетѣ

и съ надеждою серьезнымъ изученіемъ провѣрять наблюденія нашихъ проводниковъ (чего мы и достигли впоследствии). На этотъ же разъ рѣшились прекратить и самое пребываніе въ тюремной казармѣ, гдѣ уже оставаться становилось не въ мочь головѣ и легкимъ (голова разболѣлась, грудь защемило), до того съ непривычки удушливо-тяжела была тюремная атмосфера! Какимъ же образомъ живутъ въ ней люди, что они успѣваютъ тамъ дѣлать и чѣмъ вознаграждаютъ себя за эти лишения и мученія? Вотъ вопросы, разрѣшеніе которыхъ мы принуждены были искать на сторонѣ, узнавать отъ людей, близко стоящихъ къ этому дѣлу, и если не слишкомъ заинтересованныхъ имъ, то и не совсѣмъ чуждыхъ. Отъ нихъ мы узнали многое. Все это многое мы провѣрили отчасти собственнымъ наблюденіемъ (насколько это позволяли обстоятельства), отчасти выяснили себѣ по архивнымъ бумагамъ, по разсказамъ самихъ ссыльныхъ, по свидѣтельствамъ ихъ приставниковъ. Все, что досталось намъ въ добычу, несемъ на общій судъ и вниманіе.

Всѣмъ ссыльно-каторжникамъ, находившимся въ то время на Карійскихъ промыслахъ, насчитывалось около 1200 человекъ (во всемъ же нерчинскомъ округѣ до 4 тысячъ). Всѣ карійскіе содержались въ четырехъ тюрьмахъ и размѣнены были почти въ одинаковомъ числѣ въ двухъ тюрьмахъ при Среднемъ и Нижнемъ промыслахъ, въ меньшемъ числѣ въ тюрьмѣ Луужанкинскаго промысла, а самое меньшее, сравнительно, число помѣщено было въ тюрьмѣ Верхняго промысла. Эта послѣдняя тюрьма находилась прежде въ самомъ селеніи, но, по удаленіи промысловыхъ работъ (въ 1850 году), она перенесена на новое мѣсто, вверхъ по теченію золотоносной рѣки Кары, на одну версту отъ центра промысла, къ подножію горы. Въ тюрьмѣ этой 8 комнатъ, изъ которыхъ каждая способна вмѣщать не болѣе 50 человекъ. Средняя тюрьма, построенная въ 1851 году, находится въ самомъ селеніи (Средне-Карійскомъ) и походитъ на первую: лицевая сторона ея также не забрана пѣлями. Луужанкинская тюрьма, по удаленіи промысловыхъ работъ, перенесена въ 1856 году вверхъ по рѣчкѣ, давшей свое названіе промыслу, за три версты и поставлена на мѣстѣ, называемомъ Ковряжка. Это—самая маленькая изъ всѣхъ тюремъ (только съ двумя комнатами), но за то прочтѣе прочихъ; при ней службы еще весьма удовлетворительны*):

Вотъ официальное топографическое описаніе тюрьмы, которое потребуетъ отъ насъ дополненій.

Каждая тюрьма имѣетъ при себѣ непосред-

*) Нижний промыселъ отъ рѣки Шилки и устья рѣки Кары находится въ разстояніи 15 верстъ, Нижний отъ Средняго въ 5 верстахъ, Средній отъ Верхняго въ 3-хъ.

ственного начальника, должностное лицо государственной службы, смотрителя. Каждому смотрителю дается помощникъ, известный подъ именемъ тюремнаго надзирателя. Кроме того, каждая тюремная артель выбираетъ изъ среды себя старосту (на 40 человекъ арестантовъ полагается одинъ такой выборный). Староста получаетъ отдѣльный номеръ отъ прочихъ и онъ же, вмѣстѣ съ тѣмъ, и артельный экономъ, обязанный заботиться о пищѣ, и помощникъ надзирателя (субъ-инспекторъ), обязанный быть комматнымъ соглядатаемъ и фискаломъ. Старость этихъ, такимъ образомъ, въ каждой тюрьмѣ, судя по числу заключенныхъ, находится 3, 4 и 5 человекъ. Надъ ними полагается еще одинъ наибольшій, старшій староста, который на тюремномъ языкѣ называется общимъ.

Такова должностная іерархія и тюремная бюрократія. А вотъ какова и вся процедура ихъ обязанностей, въ краткихъ и общихъ чертахъ, набросанныхъ однимъ изъ смотрителей карійскихъ тюремъ. „Смотритель, — говоритъ онъ:—завѣдуетъ, какъ хозяйственною, такъ и письменною частью. Надзиратель заботится о пищѣ и объ одеждѣ арестантовъ и, кроме всего этого, ведетъ отчетность. Поутру, въ назначенные часы для работъ, онъ идетъ на раскомандировку въ тюрьму. По приходѣ съ караульнымъ урядникомъ строятъ всѣхъ арестантовъ въ строй, дѣлаетъ перекичку по имѣющейся у него табели, чтобы узнать, всѣ ли арестанты на лицѣ (точь въ точь, какъ дѣлалось это на этапѣ). Кочивъ такуювъ, сдаетъ партіи военному караулу, наряженному въ конвой. По уходѣ арестантовъ на работу, онъ выдаетъ старостамъ провизію на день, слѣдующую по желанію, которая принимается заблаговременно имъ отъ комиссара промысловъ*).

*) Каждому арестанту полагается по фунту мяса лѣтомъ и по $\frac{3}{4}$ ф. въ прочее время, $\frac{1}{4}$ ф. крупы и 10 золотн. соли. Правда, что они ѣдятъ и щи, и картофель и лукъ, но за то все это покупается на собственныхъ арестантскихъ деньгахъ, зарабатываемыхъ въ праздничные дни. На это же идутъ и тѣ деньги, которыя получаютъ артелями за перевозку тяжестей на артельномъ рогатомъ скотѣ, и тѣ проценты, которые накладываются съ разныхъ ссудъ, выдаваемыхъ частнымъ лицамъ изъ артельной экономической суммы (въ 1860 г. остатки ея простирались до 2781 р. 26 $\frac{3}{4}$ к.). Весь доходъ тюрьмы состоитъ изъ платы, зарабатываемой арестантами въ праздничные дни. Каждый изъ нихъ получаетъ въ мѣсяцъ изъ окладовъ: рабочіе по 75 к. и мастеровые третьей статьи—1 р., второй—1 р. 50 к., первой—2 р. Казна даетъ отъ себя только кормовыя деньги 5 к. въ сутки и 4 ф. печенаго хлѣба. Лѣтомъ, во время промысловъ, идетъ 5 ф. хлѣба и по 1 ф. мяса. Больнымъ выдается половинный окладъ платы безъ кормовыхъ и провіанта; остальная часть удерживается въ уплату лазаретной пищи. По выпускѣ изъ тюрьмы, слѣдующая изъ артельныхъ сумма выдается каждому на руки. Точно также и тѣмъ, которые хорошимъ поведеніемъ заслужили довѣріе, по-

Окончив все это, онъ идетъ въ канцелярію тюремнаго смотрителя разводить арестантовъ по работамъ по нѣющемуся у него журналу (о выводѣ арестантовъ на работу), и въ ономъ отбирается росписка съ военного караула относительно принятія арестантовъ на работы, а потомъ уже составляется кормчая табель, въ коей показывается число людей, ушедшихъ на работу, и пища, употребленная для нихъ. Съ нею идутъ на рапортъ къ смотрителю. Вечеромъ, когда арестанты сойдутъ съ работы, надзиратель дѣлаетъ счетъ, всё ли приведены съ работъ, и по завѣркѣ кладетъ о принятіи свою росписку въ вышеупомянутый журналъ*.

Привода эти строки, мы съ намѣреніемъ остановились на тѣхъ подробностяхъ, какія даютъ намъ. По видимому, не можетъ быть ничего однообразіе жизни арестантовъ, и не даромъ у нихъ существуетъ поговорка: „каторжный—хлѣбъ кончалъ, сухарь кончалъ, казенной службы не могъ кончать“. Но, тѣмъ не менѣе, заключенные всегда находятъ средства разнообразить свою жизнь и первое утѣшеніе представляетъ имъ пѣсня. Дѣйствительно, тюремный сидѣлецъ поетъ на каторгѣ съ великаго гора кручинныя пѣсни и любить онъ въ досужій часъ эти пѣсни. Съ любовью бросается онъ и на дѣланныя, сочиненныя. Поетъ онъ и тѣ, которыя искренно вылились у какого нибудь горемыки въ крайнюю минуту искренняго, неподкушнаго вдохновенія*).

Въ какой бы формѣ не привелось выливать свое тюремное горе, которое, главнымъ образомъ, сказывается въ лишеніи свободы, испытывается въ недостаткѣ участія со стороны милыхъ сердцу, какъ бы строго ни преслѣдовалась пѣсня, арестанты часто поютъ пѣсни хоромъ, а въ одиночку всегда и каждый вечеръ:

Вывало у соколика времячко:
Летать-то соколъ высокохонько,
Высохонько летать по поднебесью.
Ужъ-то онъ билъ-побивалъ гусей-лебедей,

купаются одѣжныя вещи и припасы смотрителемъ. Одежда готовится при промысловомъ цехѣ и выдается на сроки. На два съ половиною мѣсяца: холщевая рубаха, суконные порты, три пары юфтевыхъ чирковъ (вм. сапоговъ) и пара рукавицъ. На годъ поступаютъ арестанту: шинель сюрмяжнаго сукна и поддевка сукменная. Разсчитано примѣрно, что содержаніе всякаго арестанта на артельныя деньги обходится въ годъ въ 33 р. 22 к. «Но рѣдко случается (особенно въ хѣтнее время при разрывныхъ работахъ), чтобы арестанты вынашивали одѣжду въ срокъ, особенно чирки и рукавицы, которыя отъ гальки и мокроты глины не служатъ и двухъ недѣль».

Свѣденія эти мы взяли изъ описанія тюремъ Шлиссбургскаго округа, сдѣланнаго однимъ изъ смотрителей этихъ тюремъ.

* По возможности полный сборникъ тюремныхъ пѣсень (на большую часть сибирскихъ, на меньшую русскихъ) читатель найдетъ въ приложеніи къ этому тому.

Гусей-себедой, утокъ сѣрыхъ.
А новѣ соколу время нѣту:
Сидить-то соколъ во поимани,
Во той во золотой вѣточкѣ,
На серебряной сидитъ на шесточкѣ,
Рѣзвы его ноженъки во олуточкахъ.

Или:

Порекрѣпъ-то, перезабъ я, добрый молодецъ,
Стоючи подъ стѣнкой бѣлокаменной,
Глядячи на городъ на Катаевской.
У города воротца крѣпко заперты,
Они крѣпко заперты воротцы—запечатаны.
Караульные солдатухи больно крѣпко спятъ.
Крѣпко больно спятъ солдатухи—не пробудятся.

Одна лишь не спитъ красна-дѣвица,
Красна дѣвица—королевска дочь.
Брала она со престолушку короночку,
Надѣвала ее на свою буйну головушку,
Еще брала со престолушку златыя ключи,
Отмыкала-отпирала каменну тюрму.
Отпускала невольничковъ-подтюремщиковъ.

Пока „красная дѣвица—королевская дочь“ въ воображеніи только, а „златыя ключи на престолушкѣ“ въ пѣснѣ хороши отвлеченнымъ смысломъ своимъ и безъ всякаго практическаго примѣненія: ворота тюрьмы, дѣйствительно, крѣпко заперты и караульные солдаты всю ночь не спятъ. Бдительность дозора ихъ, приправленнаго крѣпкимъ и строгимъ наказомъ, до того сильна и закончена въ мельчайшихъ своихъ подробностяхъ, что для арестантовъ нѣтъ другого исхода, кромѣ покорности, подчиненія и надежды не на настоящее, а на будущее. Конечно, покорность эта только временная и подчиненіе условное, но арестанты все-таки видятъ строгость надзора, немилосердіе наказанія за проступки и ищутъ утѣшенія, по свойству человѣческой природы, въ другихъ путяхъ и средствахъ. Средства эти они находятъ въ собственной натурѣ, въ натурѣ русскаго человѣка, и гнету и преслѣдованіямъ сверху сопоставляютъ сильный оплотъ и противодѣйствіе снизу, въ средѣ своей. Противоборство это заключается въ такъ называемой артель тюремной, въ арестантской общинѣ. Община эта ладится плотно, очень скоро и просто. Правила для нее Богъ вѣсть когда и кѣмъ придуманы, но уже приняли опредѣленную и законченную форму. Форма эта, по долгому опыту, состоятельна при практическомъ примѣненіи, а существованіе ея не подлежитъ сомнѣнію. Арестанты этого не скрываютъ и, можетъ быть, утаивая мелкія подробности, объявляютъ общія черты, по которымъ можно составить приблизительное описаніе. Описаніе это мы основываемъ на разсказахъ самихъ преступниковъ и провѣряемъ свѣденіями, сообщенными намъ тюремными приставниками на словахъ и въ официальныхъ бумагахъ.

Одна и та же участь, равная степень наказанія, поразительное до мельчайшихъ подробностей сходство житейской обстановки—все это, естественнымъ образомъ, помогаетъ сближенію, дѣлаетъ это сближеніе не только возможнымъ,

но даже и совершенно необходимымъ, по силѣ закона: „дружно — не грузно, а врозь — хоть брось“. Сближеніе это, при одинаковой степени нравственнаго развитія и душевнаго настроенія, совершается тѣмъ скорѣе, чѣмъ вѣроятнѣе усталость и уступка со стороны противодѣйствія. Сближеніе становится прочнымъ и дѣйствительнымъ по мѣрѣ того, какъ преслѣдованіе дѣлается озабоченнѣе, а стало быть и бездарнѣе и недальновиднѣе. Пользуясь всякимъ благоприятнымъ моментомъ, тюремная община, не вѣдающая усталости, не желающая отдыха, накопляетъ внутри себя силы и притомъ въ такомъ количествѣ, что, при напорѣ ихъ, по неволѣ должны уступить всякія внѣшнія противоборства, хотя бы они и велись систематически. Кажется, сколько глазъ слѣдятъ за преступниками, сколько законовъ, правилъ и постановленій обрушилось на нихъ въ теченіи недолгаго времени, и все-таки тюремная община живетъ своею самостоятельною особенною жизнью. Она дѣла и самобытна, не смотря даже на то, что тюрьма не вѣчная неизбывная квартира, что она скорѣе постоянный дворъ, гдѣ однѣ лица смѣняются другими новыми. Правила для тюремной общины какъ будто заставляютъ въ самомъ воздухѣ, какъ будто самыя тюремныя стѣны пересказываютъ ихъ. Преемственная передача убѣжденій, жизнь старыми преданіями, на вѣру, едва ли сильнѣе въ другой какой общинѣ.

Закономъ для всякой арестантской артели полагается выборный изъ среды преступниковъ — староста. Онъ, прежде всего, заботится о приговленіи пищи товарищамъ и въ этомъ отношеніи можетъ быть названъ экономомъ. Въ его рукахъ скопляется вся сумма денегъ, образуемая изъ добротныхъ подаваній; вотъ и казначей. Староста — отвѣтственное лицо за проступки всей артели передъ начальствомъ, которое обязываетъ себя глядѣть на него, какъ бы на лицо официальное и должностное, а по уставу — даже и утверждаетъ его въ этомъ званіи. Въ случаѣ, если бы онъ рѣшился скрыть какое нибудь преступленіе, затѣянное недовольными и обиженными арестантами, задумалъ бы не сказать о проступкѣ одного изъ нихъ, за все про все отвѣчаетъ онъ, староста. Отвѣчаетъ онъ своею спиною, но не лишеніемъ мѣста. Лишить его званія, отрѣшить отъ должности начальство безъ согласія всей артели не можетъ, точно такъ же, какъ выборный въ старосты, изъ уваженія къ общинѣ, дѣлающей ему такую честь и довѣріе, отказаться отъ должности не имѣетъ права. Условія взаимнаго уваженія, основаннаго съ одной стороны на довѣрїи и съ другой на благодарности, одинаковую имѣютъ силу и въ обществѣ преступниковъ, какъ и во всякомъ другомъ.

Такимъ образомъ, староста стоитъ между двухъ огней. Та и другая сторона заявляетъ на него свои права, та и другая требуетъ исполненія

обязанностей. Обязанности эти или, скорѣе, угоденія, въ сущности своей, діаметрально противоположны другъ другу. Какъ быть? Какъ вытутаться?

А на что же существуетъ община? отвѣтимъ мы на эти два вопроса также воспросомъ. Тюремная община держитъ своего старосту въ границахъ, положенныхъ его обязанностями: позволяетъ ему принимать съѣстные припасы и подаванія, хранить артельные деньги — и только. Этими властью его и ограничивается; и тѣни нѣтъ влияния на нравственную сторону заключенныхъ. Арестанты опасаются навязать себѣ агента своихъ блюстителей, а потому отъ старосты требуется чрезвычайная осторожность и глубокая осмотрительность. Всякій изъ нихъ долженъ знать, что множество глазъ заботливо слѣдятъ за всѣми его дѣйствіями и съ особеннымъ вниманіемъ за сношеніями его съ тюремными властями. Малѣйшая ошибка (простая, преднамѣренная), и староста смѣняется.

— Я бывалъ свидѣтелемъ (разсказывалъ мнѣ одинъ изъ заключенныхъ), какъ смѣняемыхъ старостъ прогоняли сквозь строй жгутовъ (наказаніе, по сказанію самихъ виновныхъ, могущее поспорить съ таковымъ же официальнымъ наказаніемъ, послужившимъ первому образцомъ и примѣромъ). Смѣщенный староста подвергается затѣмъ общему презрѣнію, самому тяжкому изъ всѣхъ нравственныхъ наказаній, какія только могутъ быть придуманы въ мѣстахъ заключенія. Въ старостахъ, по избранію арестантовъ, чаще всего является тотъ изъ нихъ, который и у свободныхъ людей носятъ прозваніе сквозного плута и который прошелъ въ тюрьму сквозь огонь и воду и мѣдныя трубы, а въ тюрьмѣ съумѣеть не остаться между двухъ наголь, напоить и вытрезвить, обуеть и разуеть.

Такимъ образомъ, ябеда, доносъ — самое нетерпимое изъ всѣхъ тюремныхъ преступленій. Хотя ябедникъ и доносчикъ тамъ явленіе очень рѣдкое, но, тѣмъ не менѣе, бывалое и если большого этою трудно-излечимую болѣзнь не вымечать два испытанныхъ средства (каковы жгуты и презрѣніе), то его отравляютъ растительными ядами (обыкновенно дурманомъ). Къ исключительному средству этому прибѣгаютъ примѣчательно рѣдко и въ такомъ только случаѣ, когда начальство не имѣетъ средствъ или не сдастся на просьбы товарищей и не пережѣститъ виновнаго въ отдѣльный покой или (если есть) въ другую тюрьму.

Товарищество соблюдается свято и строго и въ тюрьмѣ, какъ соблюдается оно, напр., во всѣхъ закрытыхъ заведеніяхъ, гдѣ также часто мелкій проступокъ возводится на степень преступленія, гдѣ также излишняя строгость вызываетъ неизбежную скрытность, какъ единственное подручное орудіе протеста. Въ этомъ отношеніи у корпусовъ, пансіоновъ и институтовъ сходство

въ приѣмахъ съ приѣмами тюремными поразительно. Грани сходятся и только въ результатахъ они, естественнымъ образомъ, должны расходиться и расходятся. Преступники идутъ дальше по пути преслѣдованія виновныхъ, идутъ смѣлѣе и рѣзче, какъ то и подобаешь людямъ крѣпкаго житейскаго закала, сильныхъ и крупныхъ характеровъ и страстей.

Арестанты виноватаго (но не удиченнаго) товарища ни за что и никогда не выдадутъ. Уличенный, но не пойманный съ поличнымъ, въ преступленіи своемъ никогда не сознается и не было примѣра, чтобы пойманный въ извѣстномъ проступкѣ выдалъ своихъ соучастниковъ; онъ принимаетъ всѣ удары и всю тяжесть наказанія на себя одного. Равнымъ образомъ, если арестантъ и попался съ поличнымъ, оказался совершенно виновнымъ и смотритель его наказываетъ, арестанты довольны и не препятствуютъ исполненію приговора, слѣпо вѣруя, что наказаніе научитъ ихъ товарищей другой разъ быть осторожнѣе, заставитъ его потомъ концы хоронить подальше и повѣрнѣе.

Стремясь къ согласію и возможной дружбѣ, заботясь объ единодушіи, какъ главныхъ основаній всякаго товарищества, тюремная артель не терпитъ строптивыхъ, черезчуръ озлобленныхъ, сутягъ и всякаго рода людей безпокойныхъ. Бывали примѣры, что арестанты огуломъ жаловались начальству на такихъ озорниковъ, прося объ удаленіи ихъ изъ своей среды. Не рѣшаясь прибѣгнуть къ средствамъ, приложимымъ къ ябедникамъ (на томъ предположеніи, что наушничество—неисправимое зло), они оставались довольны, если безпокойнаго товарища запирали въ отдѣльную камеру на одиночное заключеніе. Озлобленнаго и безпокойнаго человѣка арестанты, по долгому опыту, считаютъ исправимымъ и—говорятъ—не ошибаются; удаленные на время „злыдни“ очень часто возвращались потомъ въ тюремную семью тихими, кроткими и примиренными. Одиночное заключеніе арестанты ненавидятъ и боятся его пуще всѣхъ другихъ. Разъ извѣдавъ его, всѣми мѣрами они стараются избѣжать въ другой разъ. Для всякаго арестанта дорога тюремная артель, мила жизнь въ этой общинѣ, оттого-то всѣ они съ такимъ стараніемъ и такъ любовно слѣдятъ за ея внутреннимъ благосостояніемъ: удаляютъ безпокойныхъ и злыхъ, исключаютъ наушниковъ, составляютъ непререкаемыми правилами, сурово наказываютъ своимъ судомъ виновныхъ, а судъ тюремный, какъ мы сказали, самый неумолимый и жестокий.

На сколько сильно и крѣпко товарищество—вотъ примѣръ (первый, подвернувшійся на память изъ сотни другихъ). Дѣло было на одномъ изъ заводовъ Восточной Сибири (на какомъ именно, не упомяну).

Тюремный смотритель сердитъ былъ на арестанта за его дерзкія грубости, за непочтеніе къ особѣ начальника, за что-то, однимъ словомъ, такое, чего никакъ не могъ забыть и умягчить въ своемъ сердцѣ смотритель. Арестантъ былъ ловокъ, увертливъ; смотритель, при всѣхъ стараніяхъ, поймать его не могъ, а между тѣмъ хотѣлось удалить непріятеля изъ завода и удалить такъ, чтобы онъ его помнилъ.

Смотритель призываетъ къ себѣ другого арестанта и начинаетъ уговаривать его допытаться: кто такой преслѣдуемый и ненавистный ему преступникъ, и если перемѣнилъ онъ свое имя и живетъ подъ чужимъ, то уйдетъ прямо на золотые Карійскіе промыслы, т. е. въ самую каторгу.

— Я бы допытался, ваше благородіе, да мнѣ жизнь еще не надоѣла, сами знаете наши порядки. Тяжелы такіа дѣла!

— Я тебѣ въ нихъ защитникъ и покровитель.

— Если такъ, то было бы изъ-чего начать дѣло.

— Вотъ тебѣ три рубля.

— Такъ неужели я товарища-то своего продамъ такъ дешево. Да и на три рубля что я могу сдѣлать?! ни обуви купить, ни одежды завести.

Стали толковать, торговаться—на десяти рубляхъ сер. порѣшили дѣло. Беретъ арестантъ деньги, идетъ въ тюрьму и прямо къ товарищу:

— А я, братъ, тебя смотрителю продалъ, сказалъ, что ты чужое имя носишь; вотъ и денегъ десять рублей получилъ. Раздѣлимъ пополамъ, а ты меня выручи: нѣтъ ли здѣсь въ селеніи на тебя кого похожаго? Не осрами передъ смотрителемъ!

— Шель одинъ въ пересыльной партіи похожій на меня, да и живетъ-то онъ здѣсь на заводѣ, фамилія Клыгинъ.

— Клыгинъ!—рапортовалъ подговоренный смотрителю. Справился тотъ въ статеиныхъ спискахъ: примѣты подходятъ (да и много ли такихъ примѣтъ въ казенныхъ паспортахъ, какихъ нельзя было бы примѣнить ко всякому въ особенности и ко всѣмъ остальнымъ разомъ).

Наскочилъ смотритель на врага своего, радъ-радехонекъ. Тотъ отрывается, идти на дальнюю каторгу не хочетъ, слѣдствія проситъ: „Мало ли-де чего на свѣтѣ не бываетъ! я самъ своего двойника въ пересыльной партіи видѣлъ, да онъ и теперь живетъ на заводѣ, здѣсь“. Даютъ очную ставку; смотритель дѣйствуетъ смѣло, въ расчетѣ на купленнаго доносчика. Очная ставка съ мнимымъ двойникомъ не удалась, смотритель остался въ дуракахъ; наскочилъ на своего довѣреннаго:

— Зачѣмъ ты оболгалъ?

— Пошутить захотѣлось надъ вашимъ благородіемъ, что я стану таить теперь по пустому?!

Долго и громко смѣялась тюрьма надъ этою выходкою. Многіе о ней и теперь не забыли и мнѣ рассказали.

На сколько арестанты блюдут тайны своей артели и стерегут ее интересы, узнаем также из множества примѣровъ. Вотъ одинъ изъ нихъ, болѣе характерный и смѣлый.

— Былъ у насъ (разсказывалъ мнѣ одинъ изъ сильныхъ, жившій въ послѣднее время въ Иркутскомъ солеваренномъ заводѣ), былъ у насъ при тюрьмѣ унтеръ-офицеръ сердитый, тяжелый и неподкупный. Такие люди несносны. Арестанты рѣшились его удалить во что бы то ни стало, но какъ это сдѣлать? Надо было найти смышленнаго человѣка. Ходили за нимъ недалеко. Содержался вмѣстѣ съ нами изъ бродягъ Сеѣвка, ловкій на всѣ руки и казачъ тертый съ солью, ни надъ чѣмъ онъ не задумывался и на жизнь легко смотрѣлъ. Въ Россіи ходилъ по ярмаркамъ съ Петрушкою—фокусы показывать; не посчастливилось тамъ—въ Москвѣ жуликомъ долго былъ, ловко таскалъ платки изъ кармана, часы обрѣзывать. Ограбилъ тамъ церковь—въ Сибирь попалъ. Къ этому Сеѣвкѣ и обратились арестанты:

„— Помогите—говорить:—смѣни ундера!

„— Ладно!—говорить:—Сдѣчь меня будутъ, такъ положите ли по двѣ копейки за розгу съ артели?

„— Идетъ!—говорять. Сами смотреть, что будетъ.

„Ходить Сеѣвка по казармѣ, ходить, бурлить, ко всѣмъ привязывается, притворяется пьянымъ. Увидѣлъ это ундеръ, донесъ смотрителю. Принесъ смотритель и спрашиваетъ:

„— Гдѣ взялъ водку, кто принесъ?

„— Вотъ онъ!—говорить Сеѣвка и показываетъ на ундера.

„— Врешь,—говорить смотритель:—не вѣрю, не таковскій человѣкъ этотъ ундеръ.

„Божится Сеѣвка.

„— Дохни!

„Дохнулъ Сеѣвка такъ, что какъ будто и въ самомъ дѣлѣ въ сосѣдней кабакѣ двери отворили.

„— Розогъ!—закричалъ смотритель.

„Сеѣвка мигнулъ товарищамъ: „Считайте-де, братцы, а я васъ самъ повѣрять буду, чтобы потомъ не отжилили.

„Стали считать: пятьдесятъ розогъ насчитали.

„Смотритель опять спросилъ: „Врешь-де, собачій сытъ!“ Побожился Сеѣвка и снова драть его стали. Еще пятьдесятъ розогъ сосчитали: по счету на серебро два рубля приводилось съ артели. Артельному кошельку тяжело стало, закричали арестанты Сеѣвкѣ:

„— Будеть, Сеѣвка! Преси, шельмецъ, прощенія!

„Не просить.

„— Кто принесъ вина?

„— Этотъ самый ундеръ.

„Опять положили. Арестанты громче шумъ подняли:

„— Сказывай, Сеѣвка, ну, тебя, къ черту!

(много-де артельскихъ денегъ изводишь и самъ-де того не стоишь).

„Лежить себѣ Сеѣвка подъ вторую сотню. Арестанты еще громче зашумѣли: „Тебѣ-де, дьяволу, ничего, шукура-то у тебя барабанная, стало привычная, да артельныиъ-то деньгамъ изъязнь большой“.

„Сеѣвка стоитъ на своемъ: ундеръ принесъ. Получилъ двѣсти и всталъ. Всталъ и говорить.

„— Сказывалъ я вамъ, что сказывалъ; не повѣрили вы мнѣ, ваше благородье! Осмотрите-ко ундера, можетъ, онъ и четушку-то (косушку) еще не успѣлъ спрятать.

„Послушался смотритель совѣта его, осмотрѣлъ ундера и въ ранцѣ у него нашель ту посудину (успѣлъ-таки ловко подложить свою вещь Сеѣвка, умѣвшій таскать изъ тѣхъ же кармановъ и всякихъ ручныхъ мѣшковъ чужія вещи).

„Артель достигла цѣли: ундера убрали, Сеѣвка получилъ свои четыре рубля серебромъ. Смѣялись всѣ долго и еще пуще полюбили всѣ Сеѣвку“.

Вообще, не скупясь ни на какія средства, не задумываясь ни передъ какими препонами, тюремная артель строго блюдетъ свою тайну, старательно прячется за завѣсою ея, у которой, если приподнять одинъ только уголокъ, мы увидимъ вотъ что.

Во всякой тюрьмѣ (русской и сибирской) существуетъ такъ называемый майданъ. Это, въ тѣсномъ смыслѣ, подостланная на нарахъ тряпка, полушубокъ или просто очищенное отъ этой вѣтоши мѣсто на нарахъ, на которомъ производится игра въ карты, кости, въ юлку и около котораго группируются всѣ игроки изъ арестантовъ. По тюремной примѣтѣ-пословицѣ: на всякаго майданчика по семи олуховъ.

Игра, какъ извѣстно, есть одна изъ самыхъ прилипчивыхъ и упорныхъ страстей между преступниками. Безпрестанная боязнь быть открытыми (не смотря на существованіе сторожей у дверей) заставляетъ преступниковъ торопливо играть и въ волненіяхъ душевныхъ, разжигаемыхъ игрою, находить самымъ любезнымъ имъ наслажденія, самымъ приятнымъ и дорогимъ имъ утѣхи. Существованіе азартныхъ игръ присуще тюрьмамъ всего земного шара. Вотъ что говорить Фрежэ въ своемъ сочиненіи „Des classes dangereuses“ о французскихъ тюрьмахъ: „Арестанты, привыкшіе въ одинъ моментъ терять плоды недѣльной работы, доводятъ свою страсть къ игрѣ до того, что ставятъ на конъ хлѣбъ, которымъ должны кормиться мѣсяцъ, два, три мѣсяца. Но что всего удивительнаго: между арестантами встрѣчаются такіе, которые, во время раздачи порцій, оказываются нетерпѣливыми, даже жадными, тѣ, которые рвутъ хлѣбъ изъ рукъ и потомъ легко примиряются съ лишеніемъ пищи, проигранной въ карты. Прибавлю послѣднюю черту, показывающую до какой степени помѣшательство можетъ доводить

разумное существо страсть къ игрѣ. Врачи центрального дома Mont-Saint-Michel наблюдали за однимъ преступникомъ, который игралъ съ такимъ увлеченіемъ, что, лежа въ больницѣ, ставилъ на конъ порцію бульона и вина, когда тотъ и другое были крайне необходимы для восстановленія его растроченныхъ силъ. Этотъ несчастный умеръ отъ истощенія силъ“.

Право содержать майданъ въ нашихъ тюрьмахъ отдается съ торговъ, независимо отъ содержанія другихъ оброчныхъ статей (о чемъ мы будемъ говорить ниже). Откупщикъ майдана бываетъ, большею частью, самый бережливый изъ арестантовъ, скондомъ и, во всякомъ случаѣ, обладающій извѣстнымъ капиталомъ. Онъ называется майданщикъ и если не пользуется уваженіемъ и любовью арестантовъ, то, во всякомъ случаѣ, находится подъ покровительствомъ артели. Въ средѣ ея онъ всегда найдетъ такихъ голышей, которые за нѣсколько копеекъ становятся на стражу и оповѣщаютъ играющихъ о приближеніи опасности (играютъ обыкновенно по ночамъ). Для этого существуютъ въ тюрьмахъ условныя выраженія, особенныя слова.

— Стрема! — кричитъ сторожъ въ нерчинскихъ тюрьмахъ.

— Вода идетъ! — оповѣщаетъ сторожъ въ тобольскомъ и другихъ спопутныхъ острогахъ.

Майданъ исчезъ: свѣча погашена, карты спрятаны, такъ что самый опытный смотритель не найдетъ ихъ. А уйдетъ дозорщикъ (стрема, вода), и опять пошли переходить съ рукъ на руки и курынча (мѣдная денга, по тюремному названію) и сары (т. е. бумажки и серебро, которое водится во всѣхъ видахъ, даже иностранныя талеры, пятифранковики, старинныя дѣлковые и проч.).

— „Таланъ на майданъ!“ — желаетъ арестантъ играющему въ карты товарищу. „Шайтанъ на гайтанъ!“ — шуточно отвѣчаетъ этотъ.

— „Давай въ святцы смотрѣть“, — говоритъ другой арестантъ третьему, желая натравить его на игру. „Выковъ гонять“ на условномъ тюремномъ языкѣ значитъ въ кости играть, бросать пару обыкновенныхъ игральныхъ квадратныхъ костей (со значками въ точкахъ до 6-ти). „Свѣтомъ вертѣть“, „головой крутить“ — въ юлку*) играть.

„Хамло пить“ зоветъ арестантъ товарища, когда онъ досталъ водки и желаетъ угостить сю. Дыму желаетъ купить арестантъ, когда табакъ заочетъ курить — и курить его те-

*) Юлку дѣлаютъ изъ говяжьихъ костей, которыя распилываютъ крученою суровою ниткою, постоянно смачивая ее въ растворѣ золы и березоваго угля. Одинъ пидантъ, другой подливаетъ пелокъ. Счетъ у юлки особенный: 9—лебедь, 11—лебедь съ пудомъ, 5—пѣтушки, 4—чеква и ир., — какъ у клубныхъ игроковъ въ лото и у бостонистовъ (6—филадельфія, 8—индепандансъ и проч.).

перь въ папиросахъ или, лучше сказать, въ тюрникахъ, свернутыхъ изъ самой толстой бумаги, ибо чѣмъ толще бумага, тѣмъ мягче махорка. Бумага краденая, табакъ купленный (у майданщика); иногда и бумагою торгуютъ, но чаще добываютъ ее изъ тѣхъ книгъ, которыя раздаютъ для чтенія члены попечительныхъ о тюрьмахъ комитетовъ (всякій другой сортъ бумаги — плодъ, закономъ воспрещенный въ тюрьмахъ). Папиросы еще тѣмъ хороши, что прячутся ловко, да и налетѣшь съ нею на дозорщика, не жаль разставаться, а трубокъ — ненапасная пропашть переводится. Трубки держатъ только тамъ, гдѣ дозоръ поскодиѣе и пристава попроче.

Арестантъ мастерить самъ или у другихъ покупаетъ амѣйку, когда намѣренъ переписать тюремную рѣшетку въ окнѣ или дужку замка на кандалахъ, ради побѣга. Кандалы называются ножные брушеты (браслеты); кнутъ — лыко, или съ добавленіемъ адамова лыко. Заводская собака лаетъ — острилъ ссыльный рабочий, когда звонилъ колоколъ, призывавшій на работу.

Бѣглый идетъ на тюремномъ языкѣ подъ названіемъ горбача (за ношу, которая всегда имѣется у него сзади, на спинѣ). „Гляди въ маршлутъ: долго ли намъ идти?“ — говоритъ горбачъ своему товарищу, когда не желаетъ заходить въ спопутную деревню за милостынею и надѣется найти въ этомъ маршлутѣ (т. е. буракѣ или, по сибирски, туевѣ) достаточное количество запаса для прокормленія себя.

Бѣжить арестантъ изъ тюрьмы „къ генералу Кукушкину на вѣсти“ или просто „кукушку слушать“; но нерѣдко сходитъ только „простокышки (т. е. простокваша) поѣсть“, т. е. дойдетъ до Верхнеудинскія и возвращенный оттуда опять на Кару, осмѣивается въ этомъ послѣднемъ выраженіи товарищами. Бѣжить арестантъ, не думая о послѣдствіяхъ, и самъ остритъ и смѣкаетъ, что „лиха бѣда нагнутся (подъ плети), а не лиха бѣда отдуться“.

Въ тюрьмѣ арестантъ умоляетъ строгихъ по виду, на самомъ дѣлѣ податливыхъ сторожей, „привести мазиху“ (т. е. женщину) и не щадитъ никакихъ денегъ, а на волѣ старается „краснаго пѣтуха пустить“ въ отмщеніе той деревнѣ, въ которой покусились схватить его, бѣглаго, и представить по начальству, т. е. снѣшить „пожаръ въ ней сдѣлать“. „Верись за жуликъ“ (т. е. за ножъ), кричали арестанты, когда поднимали бунтъ противъ приставниковъ.

Вотъ почти всѣ тѣ слова, которыя находятся въ тюрьмахъ въ оборотѣ; едва ли есть больше, потому что нѣкоторые изъ приведенныхъ нами крайне случайныя, мало употребительныя; другія отзываются легкою насмѣшкою, третьи легко и просто замѣняются самими сторожами, какъ было принято, напр., въ тобольскомъ острогѣ,

гдѣ сторожа, по увѣренію ссыльныхъ, особенно дешевы. Тамъ, если кричали со двора „уитеръ-офицеръ“! значило „вода“, начальникъ идетъ, берегись! Кричать „ефрейтора“, продолжай майданъ, идутъ люди не опасные, свои купленные. Часть условныхъ тюремныхъ словъ, судя по внѣшнимъ знакомымъ признакамъ, введена московскими жуликами или петербургскими мазуриками; другая часть, по всему вѣроятію, оставлена арестантамъ въ завѣщаніе волжскими и другими разбойниками, не такъ давно наполнившими тюрьмы Сибири и Забайкалья*).

Майданъ въ сибирскихъ тюрьмахъ принимаетъ болѣе обширные размѣры, а потому и откупная цѣна на него, по торгамъ, значительно выше, чѣмъ та же во время путешествія арестантовъ по этапамъ. Во время этапнаго пути майданъ, какъ мы уже выше сказали, снимался за Тобольскомъ на время, необходимое арестантской партіи для того, чтобы дойти до Томска. Въ Томскѣ опять торги до Красноярска, въ Красноярскѣ до Иркутска (самая меньшая цѣна майдана) и въ Иркутскѣ до Нерчинскихъ заводовъ (самая большая цѣна майдана). Принимая въ расчетъ большее или меньшее количество верстъ (а стало быть и время), необходимое для путешествія, арестантская община, при сдачѣ майдана, имѣетъ также въ виду и большее или меньшее число желающихъ и могущихъ вести игру. Поэтому за продажу картъ полагается откупная плата отъ 15 до 30 руб. Майданщикъ обязуется при этомъ поставлять игрокамъ и освѣщеніе въ видѣ салныхъ свѣчей. Деньги эти вносятся въ общую артельную кассу и сдаются на руки выборному старостѣ (онъ иногда бываетъ и майданщикомъ, но рѣдко, хотя въ старосты арестанты иногда стараются выбирать денежнаго, слѣдовательно, и вліятельнаго до нѣкоторой степени). Чаше всего сдаютъ карточный откупъ въ тѣ же руки, въ которыхъ находится откупъ съѣстныхъ припасовъ, какъ тому лицу, которое въ тюремной общинѣ носитъ названіе харчевника. Условія откупа и выгоды, гарантирующія майданщика картъ, полагаются слѣдующія:

1) За карты, требуемыя въ круговую игру, платится играющими въ первый разъ 30 коп., во второй — 20 коп., въ третій — 10 коп.; затѣмъ обыгранныя карты отдаются для игры даромъ, бесплатно, грошовымъ игрокамъ, для которыхъ на тюремномъ саркастическомъ языкѣ имѣется прозваніе жигановъ.

2) Съ тѣхъ игоръ, которыя идутъ рука на руку, выскивается всакій разъ 10 коп. съ выиграннаго рубля, за вычетомъ возвращенныхъ проигравшему.

Въ тюрьмахъ городскихъ карты, черезъ сторожей, покупаются у торговцевъ, иногда новыя, иногда игранныя. Наружныхъ достоинствъ не тре-

*) О тюремномъ словарѣ см. статью въ приложеніи къ этому тому (Приложеніе II).

буется, были бы только очки примѣтны, а самыя карты до невозможности засалены и обмочалены. Но въ тюрьмахъ, помѣщенныхъ не въ городахъ (каковы, напр., всѣ каторжныя и заводскія тюрьмы), карты дѣлаются самими арестантами. При этой операціи самую серьезную трудность — приготовленіе фигуръ — обходятъ условнымъ приемомъ въ размѣщеніи очковъ и достигаютъ цѣли тѣмъ, что валета дѣлаютъ изъ двойки, даму изъ четверки, короля изъ тройки — словомъ, изъ всѣхъ тѣхъ картъ, которыя выкидываются при игрѣ въ три листика. Къ двойкѣ придѣлываютъ два очка, по одному наверху слѣва и внизу справа, рядомъ съ существующими; въ четверкахъ прибавляютъ по одному очку наверху и внизу, въ серединѣ готоваго ряда. Своеобразная четверка служитъ, такимъ образомъ, за валета, а оригинальная, условная шестерка — за даму. Короля рисуютъ вновь изъ тройки: стираютъ старыя очки и намѣчаютъ новыя, располагая значки ромбомъ по четыре наверху и по четыре внизу. Я приобрѣлъ одинъ экземпляръ этихъ чалдонокъ (такъ называются самодѣльныя карты), но онѣ сдѣланы всѣ до одной заново изъ простой сѣрой писчей бумаги, проклеенной простымъ столярнымъ клеемъ. Исподки выкрашены подъ одинъ цвѣтъ (красный); черныя очки наведены краскою изъ сажи съ клеемъ (иногда чернильными орѣхами съ купоросомъ); красныя изъ мелкаго кирпичу съ тѣмъ же клеемъ. Форматъ картъ для удобства почти вдвое мельче обыкновенныхъ. Но мой экземпляръ великолѣпный: очки наведены какъ бы какою-то печатною формою. Я видѣлъ другія несравненно грубѣйшей работы. По видимому, карты дѣланы на спѣхъ, подъ множествомъ зоркихъ глазъ и притомъ въ самой строгой тюрьмѣ, можетъ быть именно въ военной омской (крѣпостной) тюрьмѣ. Красныя очки выведены кровью и даже сажа для черныхъ очковъ растворена на той же крови. Такими жертвами покупается право игры!

И сколько еще у арестантовъ выходовъ, если конфискуются, по несчастію, всѣ карты. Удобно скрываемыя кости, на случай конфискаціи, замѣняются юлкою. Отнимутъ юлку — въ тюрьмахъ есть дешевая и простая игра въ шашки, доска для которыхъ всегда готова на нарахъ; но въ особенности подручна игра въ такъ называемые бѣгунцы, игра извѣстная во всей Россіи. Бѣгунцы рождаются въ волосахъ, выпускаются на стекло, смазанное саломъ, въ кругъ или на бумагу съ двумя концентрическими кругами. Разомъ всѣхъ бѣгунцовъ выпускаютъ въ меньшій кругъ. Чья осидитъ кругъ прежде другой, тотъ и выигрываетъ. Побѣжденную казнятъ тутъ же на мѣстѣ преступленія, побѣдительницу сажаютъ опять въ старое убіжище, въ перушко. Дѣлѣ переползуть въ одно время — конь или ставка пополамъ.

Игроки нарочно составляютъ такіе звѣринцы,

тщательно сберегают и держат при себѣ всегда на головѣ. Также всегда на-готовѣ и во всякое время къ услугамъ простѣйшій способъ игры въ петлю: заложившій банкъ беретъ въ руки веревку или нитку и дѣлаетъ изъ нихъ нѣсколько петель. Желаніе сорвать ставку стараются попасть въ петли пальцемъ такъ, чтобы одна изъ нихъ защемила палецъ (или палочку) и сдѣлался узелъ. Но и здѣсь бываетъ подтасовка: въ ловкихъ рукахъ фокусника всѣ петли срынаются и никогда узла не слестываются.

Изъ игоръ карточныхъ самая употребительная въ Россіи подкаретная или въ три листика съ фальками и бардадымами, но самая любимая—одно, въ Сибири составляетъ нѣкоторый родъ видоизмѣненія первой, съ разницею въ счетѣ очковъ по уговору: тузъ считается либо за 14, либо за одинъ очокъ, король всегда 13, дама 12 и валетъ 11. Существуетъ еще игра юрдовка, иначе зернь, основанная на игрѣ въ оставшіяся отъ выброски карты: двойки, тройки, четверки и пятёрки. Именемъ этой игры называлась отдѣльная слобода на Нижнемъ Карійскомъ промыслѣ по дорогѣ въ Средній. Называлась она такъ потому, что при началѣ промысла на Карѣ на этомъ мѣстѣ собирались записные картежники изъ каторжныхъ и вели сильнѣйшую зерню (игру). Господствуетъ она въ нерчинскихъ тюрьмахъ, гдѣ, какъ извѣстно, арестанты проигрываютъ все: одежду казенную, отъ полушубка до онучки, паекъ до послѣдней крошки и зерна, хлѣбъ, соль, по словицѣ: „рубль и тулупъ и шапка въ гору“.

Тобольскій острогъ, по поводу преслѣдованія картъ, сохранилъ разсказъ о слѣдующемъ весьма характерномъ случаѣ (передаемъ его по возможности такъ, какъ онъ записанъ въ тюремной хроникѣ): „27 іюня (1849 г.), по окончаніи вечерней повѣрки и запора во всѣхъ казармахъ и секретныхъ камерахъ арестантовъ, смотритель, чувствуя себя, послѣ дневныхъ трудовъ ослабѣвшимъ въ силахъ, намѣренъ былъ успокоиться сномъ и потому, въ 11 часовъ ночи, пригласивъ къ себѣ на ужинъ караульнаго офицера прапорщика Спб. лин. бат. № 1 Тидемана и, по окончаніи онаго, пожелавъ доброй ночи, осторожнаго и благополучнаго наблюденія за постовыми караулами, разстался съ нимъ въ началѣ 12 часовъ и послѣ того, раздѣвшись, легъ въ постель и въ ту же минуту уснулъ. Въ продолженіи какового сна смотрителя, самаго кратчайшаго (т. е. сна), упомянутый офицеръ, подойдя къ окну кухни смотрительской, въ коей тогда послѣ ужина случилось еще быть его женѣ, требовалъ сказать смотрителю о замѣченной часовымъ картежной игрѣ въ казармѣ кандалныхъ арестантовъ. Жена смотрителя, пожалѣвъ разбудить мужа, распорядилась отдать ключъ отъ упомянутой казармы г. Тидеману съ покорнѣйшею просьбою

потрудиться въ сказанную казарму безъ надзирателей или приставниковъ комнатныхъ не ходить да и замѣченныхъ имъ арестантовъ, играющихъ въ карты, не брать или шуму съ ними въ ночное время не заводить, сказавъ притомъ, что съ виновными утромъ поступить, какъ должно, самъ смотритель. Г. Тидеманъ, уважая, хотя и неумѣстный женскій, но предупредительный для него же совѣтъ, приказалъ своимъ караульнымъ позвать дежурныхъ надзирателей. Самъ рѣшился стремглавъ броситься въ казарму, чтобы врасплохъ захватить игравшихъ. Случилось, однако же, не такъ. Это распоряженіе заставило въ ту же минуту встревожить всѣхъ въ казармѣ арестантовъ, въ коей находилось ихъ 126 человекъ, крикомъ и ужаснымъ стономъ лежавшихъ у самыхъ дверей отъ причины непомѣрной духоты голыми, которыхъ бросившіеся караульные должны были, по необходимости крайней тѣсноты, топтать по чѣмъ приходилось сапогами и, безъ сомнѣнія, падая черезъ нихъ, причинять имъ съ досадою побои и кулаками, отчего еще болѣе увеличился крикъ, сколько отъ лежавшихъ передъ дверьми на полу, по причинѣ чувствуемой ими боли, столько и отъ находившихся подъ нарами и на нарахъ (изъ жалости своихъ товарищей), безвинно переносимыхъ отъ солдатъ побой. При увеличении же крикѣ, г. Тидеманъ принужденъ былъ изъ казармы бѣжать, а за нимъ и солдаты, которыми былъ выпихнутъ одинъ каторжный (Мухановъ), котораго стоявшіе на дворѣ солдаты съ ружьями, избили при г. Тидеманѣ прикладами до такой степени, что онъ былъ брошенъ въ казарму почти безъ памяти, что еще прежде взволновало каторжныхъ до такой степени, что караульные, боясь дальнѣйшихъ происшествій, поспѣшили припереть дверь. Разбудили смотрителя, прибѣжалъ: солдаты жердями приперли дверь и идти не совѣтуютъ, убьютъ-де. Смотритель не послушался: избитаго отправилъ въ больницу, гдѣ ему пустили кровь, каторжныхъ уговорилъ быть покойными и не шумѣть. Потомъ дѣлалъ осмотръ: въ двухъ секретныхъ камерахъ, замѣтивъ потушенный огонь, велѣлъ зажечь свѣчи. Затѣмъ началъ сеору съ офицеромъ, когда послѣдній потребовалъ его къ себѣ и обозвалъ бабою при тѣхъ же нижнихъ чинахъ, на что смотритель, хотя и съ вѣжливостью, но рекомендовалъ ему себя не бабою, а старшимъ ему службою“.

3) Съ майдана никто безъ проигрыша не уходитъ. Такъ, напр., одинъ пускаетъ въ игру на конъ три рубля и всѣ проигралъ; выигравшій обязанъ возратить ему третью часть (т. е. рубль), по правилу, Богъ вѣсть когда и кѣмъ постановленному и свято соблюдаемому во всѣ времена и всѣми арестантами. Точно также выигравшій казенныя вещи (платье, рубашку, сапоги и проч.) обязанъ ихъ возратить про-

игравшему бесплатно по истечении некоторого времени, достаточного, по соображениям арестантов, для того, чтобы охладить горяченькаго и удержать его от опаснаго азарта. Не исполнившій этого правила во многихъ тюрьмахъ лишался права на всякій выигрышъ, т. е. принужденъ былъ самъ запереть себѣ двери къ игрѣ. Правила эти столько же предупредительны на случай могущихъ быть ссоръ, споровъ, драки и, можетъ быть, убійства, сколько придуманы онѣ въ видахъ круговой поруки на случай, если бы всѣ игрецкія деньги перешли въ однихъ руки къ счастливому и, такимъ образомъ, остановили бы игру. На другой день вчера проигравшійся и получившій на руки свою третью часть, пускаетъ ее опять на конъ и если проигрываетъ, то снова получаетъ свою третью часть изъ рубля (33 коп.) и играть въ тотъ день больше не имѣетъ права (да съ нимъ уже и не стануть). На третій день онъ опять при деньгахъ и при правѣ на игру, т. е. на четвертый день обезпеченъ 11-ю коп. и т. д. Перестанетъ онъ играть, разорившись въ пухъ, если онъ не почетное лицо въ средѣ арестантовъ и играетъ въ безконечность, если онъ аристократъ острога, т. е. бродяга—человѣкъ бывалый и терпѣливый, а потому находящійся у всѣхъ на почетѣ.

4) Бродягамъ майданщикъ обязанъ вѣрять всегда на 1½ руб. сер., хотя бы они ничего за душою своею не имѣли. Эта фантастическая сумма, никогда не облакаемая въ существенный матеріалъ денежной, имѣетъ все-таки наглядное значеніе въ видѣ порціи вина для пьяницъ и въ видѣ возможности участвовать въ игрѣ на кредитъ. Достаточно бродягѣ поставить на майданъ кирпичъ или просто собственный кулакъ, чтобы подъ видомъ этихъ вещественныхъ знаковъ шелъ въ кругъ и въ круговой игрѣ и его отвлеченный, кредитованный майданщикомъ капиталъ въ 1½ руб. сер. Играющій долженъ вѣрять бродягѣ, хотя бы онъ и проигралъ свои полтора цѣлковыхъ; въ отвлеченномъ понятіи они не пропадаютъ и все-таки остаются въ кредитъ. Не захочетъ вѣрять бавкометъ—всѣ проигранныя деньги отдавай, таково уже тюремное правило; станеть упираться, его повалить огуломъ и всѣ деньги отнять. На это арестанты просты и къ тому же сѣбно вѣрятъ бродягѣ на его честное варнацкое слово, а за словомъ этимъ (но не за дѣломъ) ни одинъ бродяга не постоитъ. Кончается срокъ откупа обыкновенно разъ въ мѣсяцъ. Остаются за бродягами долги, долги эти пропадаютъ, прощаются должникамъ по закону, хотя бы ихъ было и 50 человѣкъ. Весело шумятъ бродяги въ казармѣ и самые порывистые и малодушные изъ нихъ прыгаютъ на одной ногѣ и приговариваютъ на своемъ тюремномъ условномъ языкѣ: „Лахманъ долгамъ, долгамъ

лахманъ“! При новомъ откущикѣ для бродягъ опять идетъ кредитъ въ 1½ руб., и, такимъ образомъ, идетъ онъ въ безконечность, а потому майданщики, снимая подрядъ и сходясь въ откупной платѣ, при установлении цѣны принимаютъ въ соображеніе и эти безпроигрышныя бродяжьи права. Не бываетъ лахману, исключаются эти статьи права и закона, только въ такомъ случаѣ, когда садится на майданъ бродяга—человѣкъ такой же почетный и также уважаемый всею тюремною общиною.

5) Если играетъ бродяга съ бродягою, то проигравшійся получаетъ не третью проиграннаго, а уже цѣлую половину. Изъ этой половины, по окончаніи игры, бродяга спѣшитъ заплатить всѣ свои долги по крайнему своему разубѣнію и безъ всякихъ обязательствъ, можетъ, однако, и не заплатить (что, впрочемъ, рѣдко бываетъ), ибо все-таки имѣетъ право играть въ другой разъ на свои вѣчные полтора цѣлковыхъ. Бродяга можетъ и украсть у майданщика деньги, хотя это и почитается нѣсколько предосудительнымъ; иной товарищъ обзоветъ при случаѣ, выкорить. Но смѣло можетъ бродяга воровать вино у майданщика. Въ этомъ до сихъ поръ ни одинъ преступникъ ничего не находитъ позорнаго, столько же и потому, что откущикъ питейнаго майдана не пользуется ничѣмъ расположеніемъ и даже презирается, какъ мытарь и стяжатель неправильно приобретаемыхъ каторжныхъ варнацкихъ грошей. Впрочемъ, воровство—не тюремный, не арестантскій порокъ, напротивъ даже, тюрьма противъ этого неприятеля объявлена въ вѣчномъ осажденномъ положеніи. Оба стана всегда на готовѣ: когда одна половина смотритъ, гдѣ у другой слабое мѣсто и у каждого изъ нападающихъ чешутся руки на все безъ разбора (на деньги, на рухлядь, на съѣстное, на всякую бездѣлушку отъ осколка стекла до клочка бумаги, пригоднаго на папирску), въ то же время другая сторона высматриваетъ каждую щель и, пользуясь оплошностью нападающаго, заручается всякою замысловатою и секретною хоронушкою, чтобы отвести чужіе глаза отъ соблазна и уберечь отъ нихъ свою наживную, несчастную собственность. Въ особенности тщательно берегаютъ деньги, подвязывая ихъ подъ мышками, закладывая въ выдолбленные каблучки сапоговъ (при чемъ послѣдніе и не снимаютъ на ночь), зашиваютъ деньги въ канты, въ бѣлье и проч., и проч. Впрочемъ и тутъ не всегда достигается цѣль и воръ у вора дубинку крадетъ, воръ вору терпитъ. Украденныя вещи сначала спрячутъ такъ, какъ у жидовъ, т. е. не найдется тѣхъ человѣческихъ силъ, которыя могли бы ихъ отыскать, а потомъ тѣмъ же жидовскимъ способомъ пускаются по этапной дорогѣ и, напр., кievскія вещи надо уже искать не ближе Иркутска. Воровство въ тюрьмахъ не дѣлается

повальнымъ, потому что арестанты умѣютъ наблюдать другъ за другомъ; лишенные по суду права на недвижимую и стѣсненные въ правахъ на движимую собственность, они поколебались только въ разумѣніи истиннаго значенія ихъ и спутались, но понятія о собственности не совсѣмъ утратили.

6) Содержаніе питейнаго майдава существуетъ, обыкновенно, какъ отдѣльное тюремное откупное учрежденіе; питейный майданщикъ рѣдко принимаетъ на себя содержаніе картъ, но старается иногда захватить въ свои руки содержаніе съѣстныхъ припасовъ. За право продажи вина беретъ община въ артельный капиталъ обыкновенно отъ 30 до 60 руб., имѣя въ виду то, что майданщикъ будетъ продавать водку чайными чашками (120 штукъ въ ведрѣ), за каждую чашку будетъ брать или 30 или 50 к. с., а средній расходъ вина—по давнимъ соображеніямъ и расчету—простирается въ большемъ острогѣ до одного ведра въ сутки. Всякій болѣе или менѣе значительный выигрышъ сопровождается попойкою, ни одинъ праздничный день безъ нее не обходится. Существуютъ во множествѣ такіе аматеры, которые, кромѣ водки, уже ни въ чемъ не находятъ для себя утѣхи. Сколько, въ то же время, ни существуетъ постановленій, чтобы арестанты не имѣли при себѣ денегъ и инструментовъ, не употребляли водки, не играли въ карты и не имѣли сношеній съ женщинами—всѣ эти постановленія остаются безъ дѣйствія, всѣ мѣры ничтожны противъ ухищреній арестантской общины и откупа продолжаютъ существовать и процвѣтать. Появленіе въ тюрьмахъ водки и другихъ запретныхъ вещей обезпечивается подкупностью сторожей-приставниковъ. Сплошь и рядомъ тюремные смотрители, въ своихъ рапортахъ по начальству, со всею откровенностью рассказываютъ о подобныхъ событіяхъ. „У часового, стоявшаго у воротъ замка, нашли завернутый въ „постовой“ тулупъ или въ броню сермяжную, по выраженію одного юмористическаго стихотворенія (туезъ, т. е. буракъ) съ виномъ, котораго было болѣе $\frac{1}{4}$ ведра“. „Принесла вино арестантка, бывшая въ прачкахъ, выпущенная изъ острога ефрейторомъ за рубль серебромъ“. Въ другомъ случаѣ арестантъ изъ чиновниковъ, вѣчно пьяный и во хмѣлю безпокойный, явился унтеръ-офицера, который закупалъ вино зарабѣе, хранить на вышкѣ кордегардіи и вечерами передавалъ покупку во второй этажъ и секретный корридоръ, приставляя къ окну лѣстницу. Въ третьемъ случаѣ былъ купленъ сторожъ, ходившій съ ящикомъ за лекарствами для больныхъ арестантовъ въ аптеку. Разъ онъ споткнулся, упалъ, уронилъ ящикъ, разбилъ склянки и распустилъ такой винный запахъ, какъ будто спиртную бочку откупорилъ. Слѣдствіе обнаружло, что сигнатурки были под-

дѣльныя, прилаживалъ это дѣло на сторонѣ (на волѣ) одинъ подкупленный доточникъ и что сторожъ носилъ въ лазаретъ, вмѣсто лекарствъ, водку уже не первый мѣсяцъ, и проч. и проч. Туевами пользуются какъ посудю объемистою и общепотребительною, а гдѣ уже, какъ въ аду строго, прибѣгаютъ солдаты къ ружейнымъ стволамъ для сокрытія водки.

7) За продажу припасовъ (куда входятъ также и табакъ *) и сласти) платится отъ 5 до 10 руб. въ мѣсяцъ, смотря по числу потребителей. При продажѣ этой статьи назначается обязательная такса для всѣхъ жизненныхъ припасовъ, употребляемыхъ въ острогѣ. Дивиденду назначается не болѣе 20%. Майданщикъ и этой статьи, какъ и двухъ остальныхъ (игорной и водочной), обязанъ вѣрить бродягамъ на завѣтные и неизмѣнные $1\frac{1}{4}$ рубля. И у этого майданщика бываетъ долгамъ л а х м а н я ть, когда откупъ переходитъ въ руки другого. Но существуютъ и исключенія: если майданщикъ понесетъ какіе нибудь случайные, не предвидѣнные артелью убытки, тогда долги становятся для всѣхъ обязательными. Они вычитаются потомъ при общемъ дѣлежѣ какихъ либо случайныхъ доходовъ (каковыми бываютъ обыкновенно подаванія) или долги эти переходятъ къ слѣдующему майданщику, а этотъ выплачивается уже ихъ своему предшественнику.

Всякій новичекъ, вступающій въ острогъ и въ тюремную общину, обязанъ внести извѣстное количество денегъ такъ называемаго в л а з н а г о. Крестьянинъ и всякаго свободнаго состоянія человекъ вноситъ одновременно 3 руб. сер.; поселенецъ (т. е. идущій на поселеніе)—50 коп.; бродяга—3 коп. **). Вообще же, всякій неопытный и не искусившійся новичекъ, вступающій въ тюрьму, дѣлается предметомъ насмѣшекъ и притѣсненій. Если у него замѣтятъ деньги, то стараются ихъ возможно больше вы-

*) Табакъ, впрочемъ, идетъ иногда, при большой массѣ арестантовъ, отдѣльнымъ майданомъ на откупъ. За право продажи нюхательнаго и курительнаго табаку откупщикъ платитъ въ артель отъ 2 до 3 руб. Обязательная такса очень умеренная; покупка изъ осторожности и въ виду конфискаціи производится по мелочамъ: берутъ на одну трубку (или, что то же, папиросу), много на три разомъ. Вся торговля майданщиковъ самая дробная.

**) Ваносъ влазнаго—остатокъ весьма древняго обычая, перешедшій изъ рукъ властей къ арестантамъ и уничтоженный еще въ концѣ XVII-го вѣка, когда воспрещенъ былъ этотъ поборъ съ колодниковъ, приводимыхъ на тюремный дворъ и за рѣшотку, чтобы въ томъ бѣднымъ людямъ тяготства и мучительства не было. Въ тобольскомъ острогѣ и эта статья сбора в л а з н а г о со вновь поступающихъ отдавалась иногда на откупъ. Взавшій се вносилъ отъ 2 до 3 рублей въ мѣсяцъ и обязывался на свой счетъ нанимать профосовъ, но пользовался за себя и за своихъ помощниковъ двойною противъ другихъ дѣлежкой.

манить; если онъ доверчивъ и простосердеченъ, его спѣшатъ запугать всякими страхами, уничтожить въ немъ личное самолюбіе и самосознаніе. Доведя его до желаемой грани, помѣщаютъ обыкновенно въ разрядъ чернорабочихъ, т. е. стануть употреблять на побѣгунки, въ сторожа майдановъ карточнаго и виннаго, заставляютъ выносить ночное ведро, такъ называемую парашу, или чистить отхожія мѣста (что, какъ извѣстно, лежитъ на обязанностяхъ арестантовъ *). Слабые сдаются, твердые начинаютъ вдумываться и задумываться, а кончаютъ тѣмъ, что обращаются за совѣтомъ къ бывальцамъ. У этихъ за деньги и водку нѣтъ ничего завѣтнаго и запретнаго: милости просимъ! Правиль немного, но всѣ приперты крѣпко, стоятъ твердо, неизменно и нерушимо. Вотъ они: „за товарищей горою; свято хранить тайны, и если нѣтъ выхода, подопрутъ рога тинною въ уголь, старайся впутываться въ вину свою и свое дѣло побольше такихъ арестантовъ, у которыхъ денегъ много, которые богаты; и путай ихъ больше, сколько возможно больше: начальники деньги любятъ; начальниковъ за деньги всегда можно купить. Твоихъ, голышъ, денегъ не хватитъ, а богатые начальника купить непременно и примѣровъ такихъ не было, чтобы арестанты начальниковъ своихъ не подкупали. А покупать, такъ тебя и на цѣнь не посадятъ и въ кучумку не запрутъ; самое большое, что на розгахъ дѣло сойдется; а любить тебя богатые товарищи, такъ и того не будетъ“.

Второе дѣло для новичка: заставь себя полюбить! Полюбить, не выдать, да еще уморазуму научать. Научать, какъ врать на показаніяхъ, если живешь въ тюрьмѣ подсудимыхъ; научать, какъ оговаривать и куда, въ какія дальнія мѣста отправлять за справками, чтобы, такимъ образомъ, отдалить время наказанія или ослабить мѣру его, и проч. На этотъ предметъ, какъ извѣстно, существуетъ въ тюрьмахъ особая самостоятельная наука, имѣются профессора-законники, которымъ позавидовали бы московскіе страпчіе, имѣвшіе притоны свои около Иверской часовни. Около законниковъ своихъ новичокъ-арестантъ, въ весьма непродолжительное время, становится тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть, т. е. арестантомъ. Его трудно было ловить на слѣдствіяхъ, его мудрено было спутать на очныхъ ставкахъ, его не утратить тюрь-

*) Эта часть также иногда отдавалась на отдѣльный откупъ, какъ и право собирать влазное. Новичокъ, чтобы откупиться отъ параша, платилъ въ артель, обыкновенно, отъ 3 до 5 руб. сер.; опытные и тутъ попадали на 50 коп.; но бродяги вносили только 3 коп. Право топить баню артель также продавала одному лицу, называемому банщикомъ. Стоило право 2—3 р., а гарантія этихъ денегъ заключалась въ устройствѣ за условную (и довольно высокую) плату любовныхъ свиданій.

мою и въ самой каторгѣ онъ уже не видитъ того страха, какимъ преисполнялось его тревожное воображеніе съ самаго ранняго возраста.

Потомъ вновь поступившій, безъ руководства и объясненій, понимаетъ уже весь внутренней смыслъ тюремнаго быта на практикѣ, въ самомъ теченіи дѣла, и черезъ недѣлю онъ — полноправный членъ этой общины, у которой существуютъ свои тенденціи, свои правила, какъ многомогущій рычагъ и двигатель.

Артельный капиталъ, образуемый, такимъ образомъ, изъ оброчныхъ статей, простирается отъ 50 до 100 руб., которые обыкновенно и дѣлятся поровну между всеми арестантами.

При этомъ выдается двойная дѣлежка старостѣ и парашникамъ. Новички при этомъ обдѣляются: сидящимъ недѣли двѣ — ничего не даютъ. Утроенная часть (за троихъ) полагается палачу. Ему, сверхъ того, выдается на рогожку изъ общей кассы (образуемой добровольными подаваніями и неприкосновенной до конца тюремныхъ сроковъ); выдается на рогожку всегда, когда отправляютъ къ наказанію бродягу. Кроме того, палачъ считаетъ „рогожкой“ и всѣ тѣ подаванія, которыя сходятся къ преступнику за то время, когда вѣдутъ послѣдняго изъ тюрьмы на эшафотъ, къ мѣсту торговой казни.

Деньги, уходящія изъ острога вонъ, на покупку вина, картъ и съѣстныхъ припасовъ, пополняются преимущественно вновь поступающими арестантами. Мы не говоримъ уже о тѣхъ деньгахъ, которыя попадаютъ съ воли въ острогъ и въ руки искусниковъ, владѣющихъ какимъ либо мастерствомъ или досужествомъ, на издѣлія, нужныя или ненужныя тамъ за острожными стѣнами. Водятся въ тюрьмахъ такіе искусники, которые отлично готовятъ игрушки, бездѣлушки: изъ лучинокъ или тоненькихъ планочекъ мастерятъ такихъ голубковъ, которыхъ ни одинъ купецъ средней руки не задумается для украшенія подвѣсить въ серединѣ потолка гостиной или залы. Дѣтскія игрушки, въ особенности, отличаются замысловатостью и тщательною отдѣлкой изъ хлѣба, изъ вываренной говяжьей кости. Мудрено вообразить себѣ какое либо мѣстечко или городокъ, сосѣдній съ каторжною тюрьмою, гдѣ бы не показывали какихъ либо мастерскихъ издѣлій арестантовъ, преимущественно столярныхъ и токарныхъ. Въ Сибири пользовался сильною извѣстностью повсюду Цезикъ, успѣвшій побывать и пожить во многихъ тюрьмахъ. Въ этомъ человѣкѣ тюремное досужество дошло до своего апогея и выразилось уже въ замѣчательномъ искусствѣ лѣпныхъ работъ. Работа Цезика для сибиряка предметъ серьезнаго значенія и высокой цѣны въ нравственномъ и матеріальномъ значеніи слова: въ особенности рѣдки и цѣнны стали его работы со смертью мастера, самого старика, со-

сланнаго сюда въ 1830 году изъ Литвы во время польскаго мятежа. За недостаткомъ его работъ, которыми кичились и хвастались самые богатые и изысканные кабинеты золотопромышленниковъ и сибирскихъ начальниковъ, стали охотливо удовлетворяться работами его сына, но уже почти ничего не имѣющими общаго съ художественными работами отца. И за эти работы продолжали платить хорошія деньги. Старикъ передалъ сыну секретъ составлять различныхъ сортовъ и цвѣтовъ глину, завѣщалъ нѣсколько образчиковъ лѣпныхъ фигуръ, силуэтовъ и проч., но унесъ съ собою въ могилу тотъ секретъ, который оживлялъ всѣ его работы, прыскалъ на нихъ живою водою смысла и значенія. Въ истинномъ широкомъ значеніи слова отецъ Цезикъ художникомъ не былъ, но искусство дѣлать миниатюрныя работы, дѣйствительно, достойно всякаго изумленія, особенно если вѣрить преданію, увѣряющему въ томъ, что нѣкоторыя работы производилъ онъ въ тюрьмѣ, не имѣя ничего остраго (по общему тюремному положенію) — осколкомъ стакана, обломкомъ гвоздя и проч. Принявъ мѣры противъ возможно-кругового и постояннаго перелова денегъ изъ рукъ въ руки въ тюремныхъ стѣнахъ, арестанты безсильны противъ неизбежнаго выхода ихъ за тюремныя стѣны или въ руки приставниковъ. Въ сибирскихъ же тюрьмахъ прибылыхъ денегъ отъ подавателей бываетъ очень мало по той причинѣ, что сибирскіе купцы даютъ больше натурою: молокомъ кислымъ, булками, калачами, солониною и прочими припасами, большею частью порченными, какковыя арестанты либо бросаютъ, когда подарокъ обзавелся червями, либо съѣдятъ, когда приношеніе только духъ даетъ.

Арестанты, въ видахъ усиленія денежнаго обращенія въ общинѣ своей, принуждены бываютъ искать побочныхъ средствъ и путей. Путей этихъ очень много и за ними слѣдить трудно, но извѣстно, напр., что тобольскій острогъ искони славился мастерствомъ приготавливать фальшивую монету серебряную (изъ олова) *). Рубль продавался обыкновенно за 30 копеекъ и караульные солдаты охотно брали эти деньги за таковую плату для сбыта темнымъ киргизамъ, остякамъ и татарамъ. Вторую статью дохода и въ томъ же тобольскомъ острогѣ составляла продажа фальшивыхъ печатей и видовъ; печать стояла въ цѣнѣ между полтинникомъ и рублемъ, а видъ продавался отъ одного до трехъ рублей серебромъ. Продается между собою все, что продать можно, и въ этихъ случаяхъ расходуются больше другихъ приотливные; такъ, напр., продаются на нарахъ мѣста съ краю, какъ самыя

удобныя, а потому и соблазнительныя среди общей и всегдашней тюремной тѣсноты. Цѣна за мѣсто стоитъ между 2 коп. и 1 рублемъ. Продавшій мѣсто спитъ уже на полу. Иркутскій острогъ придумалъ новую статью откупа, воспользовавшись тѣмъ обстоятельствомъ, что за водою для арестантовъ надо было ходить чуть не за версту — на рѣку Ушаковку. Воду эту арестанты сдали на откупъ водоносамъ, а въ доносы записались тѣ два компаньона, которые исключительно стали заниматься этою работою и затѣмъ неустанно таскали воду цѣлый день съ утра до вечера (воды на большой острогъ требуется много). Во время этихъ прогулокъ оба возмѣщали съ большимъ избыткомъ тѣ два-три рубля, которые внесены ими въ артель за право, — подаваніями, полученными на переходахъ до рѣки и тюрьмы, отъ всякихъ благотворителей, клавшихъ въ руки гроши и копейки добровольно или по вызову, по просьбѣ самихъ арестантовъ *). Для мастеровыхъ и ремесленниковъ въ сибирскихъ тюрьмахъ, за примѣтнымъ недостаткомъ въ Сибири такихъ людей, всегда находится работа и лишнія деньги въ тюремные капиталы, про домашній обиходъ. Арестанты работаютъ дурно, на спѣхъ, казенными испорченными инструментами, но хорошо и то, когда нѣтъ ничего, а тѣмъ болѣе, что и плата арестанту на волѣ властей и начальства: ближайшему даромъ, дальнѣйшему за полцѣны. Все-таки это игры не останавливаетъ; приобрѣтенію вина и иныхъ сластей благоприятно даже и въ томъ случаѣ, если мастеровыхъ мало, но подрабочникамъ настоять нужда въ поденныхъ работникахъ. Если арестанту и гривенникъ одинъ дадутъ за день — онъ повертитъ и на другой день охотливо гѣзетъ въ казенную шинель или полушубокъ, чтобы и этотъ гривенникъ изъ рукъ не выскользнулъ и можно было подышать вольнымъ воздухомъ, въ кабакъ забѣжать, а пожалуй на рискъ и совсѣмъ убѣжать въ лѣса темные, дебри дремучія.

Всѣхъ этихъ удобствъ почти не вѣдаютъ и измыслить что нибудь подходяще собственно каторжныя тюрьмы не могутъ. Эти тюрьмы, напр., карійскія, самыя бѣдныя своими домашними внутренними средствами и здѣсь проигрывается и пропивается все казенное: и одежда и даже пища. Тюремныя деньги свободно выплываютъ на волю. На карійскихъ промыслахъ деньги на вино и вещи на чужой обиходъ сбываются тѣмъ бывалымъ тюремщикамъ, которые вышли изъ тюрьмы на такъ называемое пропитаніе и на крак селенія, въ особой слободкѣ, обзавелись дожкомъ-лачужкою, а въ ней и юрдовкою, т. е. заведеніемъ, удовлетворяющимъ всѣмъ арестантскимъ нуждамъ и аппетиту на вино и харчи, на игру и мази. Вещи, сбываемыя сюда всегда

*) Чтобы долше и прочіе держалась ртуть на оловѣ, приговоренный для монеты оловянный кружокъ арестанты кладутъ въ ротъ на цѣлую ночь, чтобы, такимъ образомъ, отдѣлать съ него окисъ.

*) Во время Святой недѣли откупъ воды сдавался рублемъ за семь.

въ наличности, уходили, хотя и на наличныя деньги или на обмѣтъ, ухо на ухо, уходили, разумеется, далеко ниже своей стоимости; напр., шинель, стоившая казѣ 2 руб. 17 коп., отдавалась въ юрдовкахъ за 75 коп. и, самое большее, за полтора рубля. Передача вещей вольнымъ людямъ производится тамъ во время работъ на разрѣзѣ, но часто и непосредственно и въ самыхъ торговыхъ и промышленныхъ заведеніяхъ.

Въ каторжныхъ тюрьмахъ сходство приемовъ и правилъ съ тюрьмами русскими и сибирскими пересыльными поразительно: и въ нихъ бродяга—почетный человѣкъ, любимое и вѣжное дѣтище всей тюремной общины, хотя въ каторжной онъ уже и носитъ названіе оборотня—не въ смыслѣ звѣря мнѣнскаго, но по тому обстоятельству, что бродяга, попавшій на нерчинскую каторгу, былъ уже когда-то здѣсь, жилъ въ одной изъ адѣшнихъ тюремъ и теперь оборочентъ (обращентъ), возвращентъ назадъ послѣ полученнаго ихъ наказанія гдѣ нибудь въ Россіи или въ той же Сибири.

Въ бродягѣ товарищи видятъ человѣка много испытывающаго на своемъ вѣку, много выдаващаго и потому опытнаго; за многочисленныя страданія ему уваженіе отъ сердца, за его опытность почтеніе изъ практическаго расчета самими почитаться. Возводя бродягу въ идеалъ тюремнаго быта, тюремные сидѣльцы любятъ въ немъ образомъ мученика, страдальца (и притомъ многострадальнаго). Арестанты убѣждены, что одна часть совершенныхъ имъ преступленій невольная, сдѣланная отъ простоты, другая часть ему приписана судьями, о чемъ онъ узналъ только тогда, когда уже очутился въ тюрьмѣ. Знаютъ арестанты, что для товарища ихъ и въ будущемъ нѣтъ ничего отраднаго и живого. Въ силу этихъ положеній идеалъ бродяги для всѣхъ любезенъ и всѣ относятся къ нему съ любовью и простосердечіемъ, сколько по преданію и предразсудкамъ тюремнымъ, столько же и потому, что въ участіи бродяги провидятъ свою будущую. Типъ этотъ, въ свою очередь, выработывается такъ кругло и опредѣленно, что, съ какой стороны ни подходи къ нему, арестантъ вездѣ встрѣтитъ черты, ему любезныя и понятныя. Бездольная жизнь по тюрьмамъ, тасканье по этапамъ—породили въ бродягѣ непониманіе, отчужденіе, даже отвращеніе ко всякаго рода собственности. Онъ не цѣнитъ и воруетъ чужую, не питаетъ никакой привязанности, не понимаетъ и своей личной собственности (арестанты давно уже говорили про себя: „вѣдимъ прощенное, носимъ брошенное, живемъ краденнымъ“). Бродяга сдѣлался простосердеченъ и добръ до того, что если у него завелись деньги, ступай къ нему смѣло всякій—отказа не получить. Бродягѣ ничего не нужно, бродяга потерялъ къ себѣ всякое уваженіе и себя не цѣнитъ ни въ грошъ, ни въ

денежку. Вотъ за это-то и цѣнятъ его другіе, такіе же, какъ онъ, бездольные и скорбные люди, которые сами черезъ годъ, много черезъ два, бѣгутъ съ каторги, сдѣлаются такими же бездомными бобылями, бродягами. У бродягъ нѣтъ никогда денегъ (и это новый поводъ къ сочувствію къ нимъ), но за то они богаты сердцемъ и, въ сущности, люди не злые, хотя иногда и озлобленные. Тюремные сидѣльцы, впрочемъ, и не требуютъ этой мягкости и, по особому складу ума своего и понятій, готовы полюбить въ бродягѣ и противоположный образъ—злодѣя, лишь бы только злодѣй этотъ удовлетворялъ главнымъ требованіямъ: былъ человѣкомъ твердаго нрава и несокрушимаго характера, былъ предавъ товариществу, общинѣ, былъ ловекъ на проступки и умѣлъ концы хоронить, никого не задѣвая и не путая; не дѣлалъ бы никакихъ уступокъ начальству, преслѣдовалъ бы его на каждомъ шагу, насколько это въ его тюремныхъ средствахъ, и вымогалъ отъ него всякими средствами льготы (не себѣ, а товарищамъ), а главное, умѣлъ бы смотрѣть легко на жизнь и на себя самого. Во имя этихъ доблестей, обь его старыхъ грѣхахъ никто не помнитъ, никто не знаетъ да и знать не хочетъ; довольно, если онъ теперь добрый молодецъ удалой, хотя бы вродѣ Коренева (который обязываетъ насъ отдѣльнымъ рассказомъ).

Арестанты, по свидѣтельству всѣхъ стоявшихъ къ нимъ близко, неотомно и очень рѣдко рассказываютъ о своихъ похожденияхъ, обь злодѣйствахъ же никогда. Когда бывали попытки, то вся община строго приказывала смѣльчаку молчать. Бывали случаи, что арестанты рассказывали о своихъ похожденияхъ легковѣрнымъ, всегда съ крайностями и циническимъ преувеличеніемъ мнимыхъ подвиговъ, но дѣлали это въ надеждѣ большого вознагражденія за рассказы. Возвратясь къ своимъ, рассказчики эти вслухъ глумились надъ легковѣріемъ любопытныхъ.

Арестанты, окруженные и вещественною и нравственною грязью, сами дѣлаются циниками и затѣмъ уже озлобленно питаютъ отвращеніе къ тѣмъ людямъ и тѣмъ постановленіямъ, которые, доведя ихъ до преступленія, лишили свободы. Выработывая свои правила, часто смѣшныя, рѣдко несправедливыя, они въ правилахъ этихъ бывають жестоки и всегда оригинальны. Такъ, напримѣръ: не привыкая хвастаться своими преступленіями и видѣть въ нихъ какое нибудь удалство, арестанты все-таки съ большимъ уваженіемъ относятся къ тому изъ бродягъ, который испробовалъ уже кнутъ и плети, стало быть, повиненъ въ сильномъ уголовномъ преступленіи. Такіе бродяги почетнѣе кроткихъ. Имена ихъ дѣлаются именами историческими, какъ бы имена героевъ, на манеръ Суворова, Кутузова, Паскевича. Такимъ образомъ, тобольская тюрьма помнитъ имена бродягъ: Жуковского, Туманова,

Островскаго (просидѣвшаго на стѣнной цѣпи въ Тобольскѣ десять лѣтъ), Корейева; нерчинскія тюрьмы: Горкина, Апрѣлкова, Смолкина, Дубровина, Невзорова и др. Память о нихъ переходитъ изъ артели въ артель съ пріяльными рассказами и легендами, а такъ какъ легенды эти имѣютъ много жизненнаго смысла и силы, то онѣ, въ то же время, служатъ поучительнымъ образцомъ и руководствомъ.

Чтобы судить о степени вліянія на артель тюремную этихъ бродягъ изъ злодѣевъ, мы приводимъ одну изъ множества легендъ, сказывающую въ то же время, до какой степени плотно и прочно тюремное товарищество. Дѣло—говорятъ—происходило въ тобольскомъ острогѣ, въ старомъ, стоявшемъ на обрывѣ надъ оврагомъ (нынѣшній новый замокъ построенъ на берегу Иртыша).

Живеть въ тюрьмѣ, въ ожиданіи судебного приговора, одинъ изъ бродягъ—Тумановъ. Много преступленій скопилось на его головѣ, отъ многихъ онъ отвертывался, впутывалъ разныхъ лицъ, затыгивалъ слѣдствія на цѣлый годъ и подъ шумокъ судопроизводства жилъ себѣ въ тюрьмѣ припѣваючи, пользуясь всякими ея благодатями. Къ концу года Тумановъ сообразилъ, что время его близко, раскинулъ умомъ и вышло, что быть рѣшенію скоро и рѣшеніе выйдетъ немилостивое, отъ военнаго суда. Ему ли, старому бродягѣ-законнику, не знать того, что шпицрутеновъ изломанной спинѣ его не миновать. Онъ и число палокъ сосчиталъ впередъ; не хуже любого законника. Рассказалъ онъ объ этомъ соузникамъ и попечалился имъ. Не шутя и чуть не черезъ слезы, высказалъ онъ имъ, что все это надоѣло ему крѣпко. Онъ говорилъ имъ: „Вратцы, для меня кнутъ бы еще ничего, не люблю я солдатскихъ палокъ, да и нерчинская каторга дѣло бывалое. Вся бѣда въ томъ, что каторга эта стоитъ далеко, скоро ли съ каторги этой выберешься? А ужъ мнѣ это надоѣло, два раза уходилъ отсюда. Не надоѣла мнѣ мать-Россія: въ ней дураковъ больно много, а народъ въ ней простъ и нашему брату лучше тамъ жить, способнѣе. Какъ ни какъ, а мнѣ уходить отъ каторги надо дальше, ближе къ Россіи. Пособите братцы! Вся моя просьба: больше молчите теперь, а смѣйте дѣло послѣ. Такъ или этакъ, а бѣжать мнѣ надо! Такъ это дѣло я порѣшилъ въ себѣ и средства придумалъ: вы только не мѣшайте, объ одномъ прошу“.

Было за этимъ Тумановымъ художество: умѣлъ онъ фокусы показывать; дѣло, собственно, вниманія не стоющее и въ тюрьмѣ пригодное въ досужій часъ, какъ праздничная забава. Поиграй оловянными рублевиками—товарищи посмотрятъ, глотай горячую смолу—они подивятся, привѣсь смѣшливому товарищу замокъ къ щекѣ—посмѣются. Да и не утачай этого дѣла, не надегай на него: дуракомъ почтутъ, уваженіе вся-

кое потеряешь; въ тюрьмѣ живетъ народъ угрюмый, серьезный, формалистъ и большой рутинеръ.

Тумановъ такъ и поступалъ до сихъ поръ. Но съ нѣкотораго времени арестанты стали замѣчать, что Тумановъ началъ старья шутики припоминать, новья выдумывать и даромъ ихъ не показываетъ. Кто смотрѣть желаетъ—давай деньги! Снекнули это арестанты и, памятуя наказъ и просьбу, помогать ему стали. Отгородили ему мѣсто на нарахъ, занавѣску придѣлали изъ всякой рвани, солдатъ повѣстили, что у нихъ теперь „кѣятры“ будетъ Тумановъ показывать. Театръ въ Тобольскѣ дѣло рѣдкое, любопытное, охотниковъ много нашлось. Со своихъ товарищей Тумановъ бралъ грошъ, съ солдатъ пятакъ. Копилонъ у него деньги, но росла и слава, лучи которой сначала достгали до караулки, а потомъ хватили и до квартиры зрителя. Приходилъ и онъ, старичекъ, съ семействомъ, похвалилъ Туманова и заплатилъ ему четвертакъ за посмотрънне. Не великое дѣло четвертакъ, больше четушки водки его не вытянешь, но велика сила, что смотритель его далъ. Теперь можно вести себя посмѣлѣе, бить на вѣрняка. Тумановъ и началъ бить.

Ни съ того, ни съ сего началась въ казармахъ возня и ломка; Тумановъ командуетъ всѣми, ставитъ одного къ стѣнѣ, другого къ нему на плечи, поставитъ двухъ рядомъ и опять къ нимъ одного на плечи. Цѣлое утро возится Тумановъ съ арестанскими ногами: и на одной оставляетъ многихъ и чуть у другихъ изъ ерстлоговъ не выворачиваетъ. Въ казармѣ пылъ столбомъ, смѣхъ и шумъ. Сторожа смотреть на все это, ничего не подозреваютъ, думая: „Казеннаго добра арестанты не портятъ, стекло не бьютъ, штукатурку не обламываютъ, пусть себѣ ломаются Тумановъ съ арестантами, стало быть, потѣшное что нибудь надумали. Дѣло же подходить къ празднику, намъ же арестанты забаву готовить, насъ хотятъ тѣшить. Придетъ къ нимъ и начальство смотрѣть, благо разъ уже удостоило“. Молчали солдаты.

Подшли, тѣмъ временемъ, праздники. Пошелъ по казармамъ слухъ, что Тумановъ нагѣреть дастъ „чрезвычайное и небывалое представленіе“: пройдетъ онъ съ нестомъ и изобразитъ живую пирамиду, но такъ какъ дѣло это въ казармахъ сдѣлать невозможно—потолокъ помѣшаетъ, то и не худо бы представить все это на тюремномъ дворѣ, на просторѣ, позволить ли только начальство, т. е. смотритель?

—Пусть,—говоритъ.—представляютъ! Я самъ приду посмотръть.

—А нельзя ли (просить) на томъ дворѣ, который къ задамъ идетъ, земля тамъ глаже и дѣлать способнѣе?

— Можно (велить передать), можно и на задахъ сдѣлать.

Назначенъ день представленія. На выбра-

номъ мѣстѣ арестанты скамеечку для начальства приладили, обѣщалось начальство прибыть не одно, а съ гостями. Сбѣжался на представление чуть ли не весь острогъ: прибѣжали солдаты изъ караулки, хотя однимъ глазкомъ посмотрѣть, дежурный офицеръ явился въ киверѣ и чепухи разстегнуть, ждали гостей начальника и его самого—дождались!

Шли сначала мелкіе фокусы, изъ такихъ, которые уже видѣли; были такіе, которыхъ не выдввали. Дошло дѣло до пирамиды. Стали ее ладить: стала пирамида, что одинъ человѣкъ, словно изъ мѣди вылитая. Взгромоздился на самый верхъ Тумановъ, шесть въ руки взялъ. Пошла пирамида неразрывною стѣною... Тумановъ шестомъ заигралъ. Шла пирамида тихо, торжественно. Туманову снизу полшубокъ бросили, подхватилъ и не оборвался, новую штуку показалъ: на ногахъ устоялъ. Арестанты закричали, гулъ подняли. Дежурный офицеръ, изъ выгнанныхъ кадетъ, залопалъ въ ладоши, чтобы показать свое столичное происхождение передъ дурами изъ смотрительскихъ гостей. Всѣ, однимъ словомъ, остались довольны.

А пирамида шла себѣ дальше, не шелохнувшись, а Тумановъ стоялъ себѣ выше всѣхъ, выше стѣны тюремной. Держится пирамида ближе къ стѣнѣ, подошла къ углу, остановилась. Глянули зрители на верхъ: нѣтъ Туманова, только пятки сверкнули. Пока опомнились (а опомился первымъ смотритель), пока побѣжали черезъ дворъ (а дворъ очень длинный), сбили команду, побѣжала команда кругомъ острога, а острожная стѣна еще длиннѣе,—прошло времени битыхъ полчаса. Стали искать—и слѣдовъ не нашли! Шла битая тропинка круто подъ гору, ускоряя шагъ и поталкивая, и вились цѣпкіе, густые кусты, которымъ не было конца. А тамъ овраги, глубокіе овраги пошли въ пустыя мѣста, чуть ли не до самой Тюмени. Чертъ въ этихъ оврагахъ заблудится, дьяволъ въ этихъ кустахъ увидать! И зачѣмъ трона и зачѣмъ овраги, когда, можетъ быть, лежитъ Тумановъ подъ стѣною съ изломанною ногою, съ отшибленнымъ легкимъ? Оглядѣли то мѣсто по примѣтамъ: и трава отошла и ничего и никакого слѣду не видно. Ползали на стѣну и увидѣли, что стѣну арестанты ловко и предусмотрительно обдумали: стѣна была ordinaria въ этомъ углу, тогда какъ во всѣхъ другихъ и на всемъ дальнемъ пространствѣ она была двойная. И на стѣнѣ нѣтъ Туманова. Нашли только на гвоздѣ его большую кудельную бороду. Для смѣху ее Тумановъ привязывалъ. Взяли это отребье, принесли къ смотрителю. Смотритель рапортъ написалъ по формѣ, бороду къ рапорту приложилъ и припечаталъ, а самъ побѣжалъ съ докладомъ къ губернатору.

Генералъ рассердился, раскричался на смотрителя. Вырвалъ у него изъ рукъ не рапортъ,

а куделю, приложилъ кудельную бороду къ бороду подбородку зрителя, да и вымолвить:

— Вотъ велю привязать тебѣ, дураку, эту бороду и станешь ты ходить съ нею до гробовой доски. Ну, зачѣмъ ты мнѣ принесъ ее, а не привелъ бѣглаго? Зачѣмъ? Отчего? Почему?...

Кричалъ начальникъ долго, а Тумановъ тѣмъ временемъ былъ уже далеко.

— Пошехонцы въ трехъ соснахъ заблудились, какъ сказываютъ, а нашему брату, бродягѣ, два дерева, только два дерева дай: мы такъ спрячемся, что десять человѣкъ не найдутъ. Дѣло это для насъ плевое, потому, какъ мы на томъ стоимъ, все въ лѣсахъ живемъ, все около деревьевъ этихъ водимся, одно слово—лѣсные бродяги.

Вотъ что рассказываютъ сами бродяги, которые знали Туманова лично, но что съ нимъ стало дальше—рассказать не могли, не знали. Знали только то, что генералъ простилъ смотрителя и далъ арестантамъ возможность еще не одинъ разъ надъ нимъ посмѣяться.

— Смѣшной былъ человѣкъ, смотритель этотъ!—рассказывали мнѣ:—Дуракъ не дуракъ, а съ роду такъ. Бѣжалъ у насъ одинъ арестантъ черезъ трубу изъ нужнаго мѣста, бѣжалъ и тоже слѣдъ простылъ. Сказали смотрителю. Пришелъ онъ въ тюрьму, зашелъ къ намъ въ казарму подсудимыхъ, зашелъ и головкою съдѣнкой помахииваетъ.

— Этакая (говорить) скотина, въ какое мѣсто полѣзъ!... И какъ ему въ голову это пришло? И какъ, ребята, лѣзъ онъ туда, окаянный?!

— Головой, думаемъ, ногами не способно.

— Перепачкался, поди, весь!

— И что за охота, что за охота собачьему сыну лѣзъ?! Чертъ, дьяволъ толкалъ его, распроклятаго. Что за охота!

„Головушкой трясеть старичекъ и все одно слово повторяетъ. Мы глядѣли, глядѣли на него да такъ и фыркнули всей казармой. Самъ, молъ, ты дуракъ, съдой чертъ! Не знаешь, что и крѣпка твоя тюрьма, да чертъ ли ей радъ? Воля, молъ, лучше боли; коли отвага кандалы третъ, такъ она вѣдь и медъ пьетъ“.

Но какъ ни сильна эта отвага, побѣги собственно изъ казематовъ совершаются рѣже и притомъ, какъ замѣчено, на побѣгъ рѣшается удалый и бывалый и притомъ изъ тюремъ такъ называемыхъ пересыльных. Правда, что арестантъ не упуститъ ни одного случая малѣйшей оплошности конвойныхъ, особенно за стѣнами острога на работахъ, и бѣжитъ, но все-таки побѣгъ не единственный выходъ изъ бездолья каторжнаго. Существуютъ и другіе пути, которыми идутъ арестанты къ призрачной свободѣ, и подкопомъ подъ тюрьму завоевываютъ временное облегченіе участи. Случаями этими особенно богаты собственно каторжныя тюрьмы.

Казенная работа изо дня въ день одна и та же, до возмутительно однообразныхъ и мелкихъ подробностей, помимо физическаго истощенія, истощаетъ всѣ нравственныя силы и, какъ вампиръ, высасываетъ запасъ терпѣнія даже и у тѣхъ, у которыхъ мягкость нрава, нерѣшительность характера и слабодушіе—прирожденныя черты характера. Такимъ людямъ до побѣга далеко. Малодушные выбираютъ другія средства и, не богатые вымысломъ и смѣлостью, кидаются на ближайшее.

Лѣтомъ арестантъ надрѣзываетъ (во время работъ) чѣмънибудь острымъ (осколкомъ стекла, кусочкомъ желѣза, кремнемъ) кожу какойнибудь части своего тѣла (больше на половыхъ органахъ) и въ свѣжую рану пропускаютъ свой или конскій волосъ. Добившись мѣстнаго воспаленія, нагноенія, онъ идетъ къ лекарю, фельдшеру и попадаетъ въ госпиталь за сифилитика. Туда же идутъ арестанты съ распухшими щеками по зимамъ, когда, по ихъ опыту, стоитъ только наколотъ внутри щеки булавкою и выставить эту щеку на морозъ. На Карійскихъ промыслахъ очень часто, во время утреннихъ раскомандировокъ по работамъ, попадаютъ арестанты съ ознобленными пальцами на рукахъ. Наблюденія и розысканія убѣждаютъ въ томъ, что арестанты, обыкновенно ночью, смачиваютъ какойнибудь палецъ подручною жидкостью и достаточно нагрѣтый и теплый палецъ мгновенно слѣзаетъ высунуть въ форточку окна на морозъ. Опыты подобнаго рода арестанты любятъ учинять на томъ основаніи, что во время не захваченный ознобъ скоро ведетъ за собою поражение отмороженнаго члена автоновымъ огнемъ, а отрѣзанный лекаремъ палецъ спасаетъ несчастнаго отъ исполненія полного числа уроковъ. Вотъ почему въ числѣ запретныхъ вещей арестанты любятъ добывать всякія ѣдкія, разъѣдающія жидкости. Сюда докторъ Капшинъ („Московская медицинская газета“ 1860 года) отнести известъ и колчеданъ, а также и шерсть. „Другіе арестанты,—говоритъ онъ:—производятъ язвы приложеніемъ къ тѣлу листьевъ прострѣла (*Anechone pulsatilla*)“. Для распознаванія язвы такого рода докторъ совѣтуетъ перевязывать ихъ самому врачу, подъ бинтъ подкладывать вощенную бумагу и всю повязку припечатывать. Употребленіе вощенной бумаги необходимо для того, чтобы арестантъ не раздражалъ язвы иглою, которую онъ пропускаетъ въ такомъ случаѣ черезъ наложенную повязку. Сдѣланная иглою отверстія сейчасъ можно видѣть на бумагѣ. „Къ притворнымъ болѣзнямъ арестантовъ и ссыльных,—говоритъ далѣе г. Капшинъ:—относятся также слѣпота, сведеніе конечностей и падучая болѣзнь; но во всемъ этомъ весьма легко удостовериться при нѣкоторомъ вниманіи и ловкости. При слѣпотѣ я подносилъ къ глазу свѣчу или иглу, сказавъ, что хочу дѣлать операцію, и обманъ

открывался скоро. Въ притворныхъ сведеніяхъ стоитъ только сдѣлать значительный ударъ ладонью по верхнему плечу или по яшкѣ—и большой отъ боли выпрямляя конечности. Отсутствіе пѣвы и сведеніе большого пальца внутрь ладони служитъ вѣрнымъ распознавателемъ притворной падучей болѣзни; также внезапныя выпрыскиванія холодною водою и чувствительность при уколѣ иглою какойнибудь части тѣла. Но зато чесотка (*scabies*)—непремѣнная принадлежность тюремъ; язвы отъ скорбутаго худосочія и ревматической боли отъ тренія кандалами, также сифилисъ въ страшныхъ формахъ и часто первичныя язвы не на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ показано, а *circa anam* или же *in gesso*, какъ слѣдствія педерастіи. Называютъ эту болѣзнь хомутомъ (насадили хомутъ—заболѣлъ). Скорбутъ, диссентерія и тифъ—болѣзни очень обыкновенныя. Ознобленія и отмороженія отъ недостатка обуви и вслѣдствіе побѣговъ и бродяжества—явленія столь частыя, что ихъ можно считать обыкновенными не только на этапнахъ, но и въ тюрьмахъ. Замѣчено неоднократно воспаленіе глазъ (*ophthalmia caecalis*), зависящее отъ сѣроводороднаго газа, какъ домашняго продукта собственнаго арестантскаго издѣлія“.

Вытяжкою сонной одури они дѣлаютъ искусственную слѣпоту: пуская жидкость въ глаза, увеличиваютъ (расширяютъ) зрачки и, выставя глаза кверху при осмотрѣ, кажутся какъ бы дѣйствительно слѣпыми. При помощи сѣнной извести съ мушкою или купоросной кислоты вытравили клейма, но не совсемъ удачно: оставалась бѣлизна и большіе шрамы. Это—старый способъ. Также старъ и нерчинскій способъ вызывать на мѣстѣ клейма мѣстное воспаленіе, а потомъ нагноеніе посредствомъ травы пострѣла (на щекахъ) и прижиганія трутомъ (на лбу). Трутъ, обычное народное средство при заволокахъ, въ особаго вида фонтанеляхъ (едно) и проч. замѣненъ былъ новымъ средствомъ—яписомъ (*laris infernalis*), на покупку котораго не щадили большихъ денегъ. Новѣйшій, самый послѣдній способъ уничтожать клейма, теперь уже отмѣненный, вѣрнѣе достигалъ цѣли: помогала высокая трава съ желтыми цвѣточками (*Ranunculus acris*), растущая тутъ же передъ глазами, на острожныхъ дворахъ. Обваривъ клейменыя мѣста кипяткомъ, бьющимъ ключомъ, немедленно прикладывали эту траву и, вынеся жестокую пытку отъ боли, достигали цѣли тѣмъ, что траву эту держали на обваренномъ мѣстѣ недолго (не болѣе получаса). Рука краснѣла, а если припухла при этомъ, то творогъ прекращалъ страданія и воспаленіе: выходило ровно и гладко, словно во младенчествѣ мать ошпарила *).

Принимая натошакъ столовую ложку прошки (нюхательнаго табаку), арестанты достигали того,

* См. доктора Кривошапкина «Описаніе Енисейской губерніи».

что их клали въ больницу, принимая за начальные припадки серьезной болѣзни происшедшее отъ того отравленіе, сопровождаемое тошнотою, блѣдностью кожи, біеніемъ жилъ и общою слабостію. Принимавшіе цѣлую деревянную ложку толченаго стручковаго перцу съ сахаромъ добивались грыжи и пили потомъ натошакъ по таковой же ложкѣ соку изъ рѣпчататаго луку, когда грыжа надѣдала и дѣлалась ненужною. Той же грыжи добивались тѣ, у которыхъ достаточно было смѣлости на то, чтобы проглотить серебро, и столько терпѣнія въ насадѣ и прыганьяхъ, чтобы, долго натуживаясь, добиться таки желаемой гостыи. Въ расчетѣ на глухоту, клали въ ухо смѣсь, вродѣ кашпцы, изъ травяного соку, меду и гнилого сыра; послѣдній, разлагаясь, вытекалъ наружу жидкостію, но дурному запаху и бѣлому цвѣту весьма удовлетворительнаго характера. Порошкомъ, наточеннымъ въ древесныхъ дулахъ червякомъ, дуютъ въ глаза желающему спекулировать бѣльмомъ, которое, однако, скоро проходитъ.

Хорошій флюсъ для арестантской практики также не мудреное дѣло: стоитъ надѣлать внутри щеки уколы яглюю, пока не хрустнетъ (но не прокалывать насквозь), а затѣмъ, зажавъ носъ и ротъ, надуть щеку до флюса: щека раздуется, покраснѣетъ и на розжистое воспаленіе это очень похоже. Чтобы вылечить—стоитъ проколоть щеку снаружи насквозь и выпустить воздухъ.

Стягивая подъ колѣномъ кожу въ складки (съ захватомъ жилъ) и продѣвая сквозь морщины свиную щетину на иголкѣ, добивались искусственнаго сведенія ноги; щетина оставалась въ жилкахъ. Распаривъ ногу въ банѣ и вынувъ щетину, можно и въ бѣга уйти*). Сушать ногу отъ колѣна до ступни тѣмъ, что подъ самымъ колѣномъ перетягиваютъ саржевымъ или шелковымъ платкомъ и помачиваютъ водою, и пр. и пр.

Впрочемъ, нѣкоторые арестанты наивны, какъ школьники, и идутъ на смотръ къ доктору, наколовъ булавкою десну и ноздри и принявъ кровь на рубашку, увѣряютъ въ кровохарканіи; другіе (гемороидалисты) подвязываютъ животъ и жалуются на сназмы. Однако, въ тѣхъ и другихъ случаяхъ легко достигаютъ цѣли, доктора уступаютъ ихъ настоятельнымъ заявленіямъ на отдыхъ и, обманутые и не обманутые, заставляютъ у ссыльныхъ рабочихъ нѣсколько времени, давая имъ перевести духъ и расправить натруженные члены на больничныхъ койкахъ. За то и арестанты считаютъ ихъ своими первыми благодѣтелями и на поселеніи всегда съ любовью вспоминаютъ объ нихъ.

Замѣчательно, что подобнаго рода притвор-

*) Въмѣсто щетины, для этой же цѣли берутъ нитку изъ дерева, называемаго велче лыко. Кончикъ нитки оставляютъ наружъ, чтобы послѣ вытянуть, ибо лыко не щетина, держать долго нельзя: дѣлается краснота и приключается большой жаръ.

щики (по личному признанію самихъ арестантовъ) въ тюремной іерархіи занимаютъ невидное мѣсто. Это плебсъ—черный народъ, который возбуждаетъ въ товарищакъ малое состраданіе въ такомъ только исключительномъ случаѣ, когда подлогъ ихъ обличится, не достигнувъ цѣли. Сами они, по большей части, не заботятся о возвышеніи своего нравственнаго уровня; мало блюдутъ за своими паденіями и довольны бывають тѣмъ униженіемъ, въ какое съуживотъ поставитъ ихъ товарищи-аристократы изъ бродягъ. Ихъ обыкновенно называютъ „жиганами“. Роль ихъ тогда бываетъ незавидна и была бы тяжела для нихъ, если бы они, въ то же время, не были (за недостаткомъ практической изобрѣтательности) крайними бѣдняками, голышами. Конечно, въ тюрьмѣ найдутся средства кое-какъ добыть кое-какія деньги, но для того требуется униженіе, а разъ униженному далеко до уваженія, даже и до такого, какимъ, напр., пользуются бродяги. Бродяга скорѣе вытерпитъ всякую невзгоду, вынесетъ на обтертыхъ и привычныхъ плечахъ всякую каторжную работу, разъ десять обманетъ сторожей и пристава и смотрителя, но до крайняго униженія своей личности не дойдетъ. Бродяга не унижится передъ богатымъ, не пойдетъ онъ по заказу его утку*), не согласится, когда заломается арестантъ-богачъ, чувствуя въ карманѣ деньги, и велитъ подать ему воды, принести какую нибудь вещь,

*) Въ числѣ игръ, выдуманыхъ арестантами въ тюрьмахъ для общаго и частнаго (по заказу богачей) развлеченія, чаще другихъ употребляется эта утка. Желающему быть общимъ посмѣшищемъ и получить за то, смотря по обоядному договору, пятакъ серебра или гривенникъ, арестанты связываютъ на спинѣ обѣ руки веревкою и, такимъ образомъ, чтобы между ладонями можно было укрѣпить сальную свѣчку. Свѣчка эта зажигается. Нанятый путь обязанъ, не погасивъ огарка, ползти на брюхѣ съ одного края казармы до другого и по тому грязно-скользкому полу, каковъ, напр., въ тюрьмѣ Нижне-Карійскаго промисла, гдѣ эта игра въ большомъ употребленіи. Проползъ потѣшникъ на брюхѣ, не погасивъ свѣчки, онъ получаетъ договоренную монету; погасивъ на дорожѣ—даромъ всѣ труды пропадаютъ.

— Да еще и попадаетъ сверхъ того!—прибавляли мнѣ рассказчики.

— Бьютъ?

— Бить не бьютъ, а поднимаютъ на гумт, да такъ, что въ этотъ разъ битье-то, пожалуй, лучше бы...

Замѣчательно, что всѣ тюремныя забавы—какъ и бить, впрочемъ, слѣдуетъ—грубаго дѣла и большею частью основаны на испытаніи крѣпости зубовъ, волосъ, кожи и проч., на манеръ семинарскихъ бурсъ. Таковы, между прочимъ, и тѣ игры, которыя извѣстны, напр., въ петербургскомъ острогѣ: масло ковырять, покойника отпѣвать, пальто шить, колокола лить, на оленяхъ катать, приега на вѣрноподаство по замку, Киршинъ портреть, жгуты, голоса слушать и проч. Въ сибирскихъ тюрьмахъ любимая забава прилѣпить спящему къ подошвѣ голдой ноги смазанную садомъ бумагу и зажечь ее.

чтобы за такую услугу, за удовлетворение праздного каприза, выдать прислужившемуся грошъ или пятакъ.

Настоящій бродяга настолько практикъ, чтобы не быть трусомъ и побѣжденнымъ, и настолько свободенъ онъ и не побѣжденъ, что готовъ пасть опять на старое каторжное пепелище, но предварительно побывавъ въ бѣгахъ. Въ бѣга, однимъ словомъ, идутъ только тѣ люди, кото-

рые одарены волею и характеромъ, точно такъ же какъ въ госпиталь ложится только живой мертвецъ, побѣжденный и безнадежный.

Изъ нерчинскихъ тюремъ (да и вообще изъ тюремъ Восточной Сибири) побѣги совершаются замѣчательно часто и въ огромномъ числѣ. Какія обстоятельства предшествуютъ и какими случайностями обставляются побѣги—этимъ всего болѣе обрисовывается каторжный бытъ.

Г Л А В А III. В Ъ Б Ъ Г А Х Ъ .

Нерчинскія горы и богатство ихъ.—Серебро.—Зерентуйскій рудникъ.—Внутренность рудника.—Рудниковая каторга.—Штольня.—Шахта.—Лихтлоцъ.—Несчастья на каторгѣ этого вида.—Рудниковый хозяинъ.—Заводскіе служители.—Что такое каторга?—Каторга золотыхъ промысловъ.—Заводская каторга: солеваренная и винокуренная.—Улучшенія на каторгѣ.—Побѣги съ каторги во всемъ разнообразіи способовъ.—Побѣги изъ каторжныхъ тюремъ.—Бѣглый на балу.—Побѣгъ цѣпного.—Голый бѣглець.—Пособники.—Побѣги съ каторги.—Варнакъ и чалдонъ.—Лиса.—Побѣги на уру.—Самый крупный побѣгъ.—Хоронуши.—Приготовленія въ побѣгу.—Время побѣговъ.—Первые шаги въ бѣгахъ.—Неудачи.—Помощь караульныхъ.—Часовые въ бѣгахъ.—Обиліе побѣговъ.—Варнацкая дорога.—Звѣрское мщеніе.—Сыщики.—Бурята.—Похожденія и злодѣйство бродягъ.—Медвѣди.—Пристанодержательство.—Заники.—Старовѣръ Гурій Васильевичъ.—Преслѣдованія.—Кандалы.—Лѣсная пища во всемъ разнообразіи.—Саранча.—Горбачи.—Избѣженіе цѣлой шайки бродягъ.—Губернаторъ Рупертъ.—Сыщикъ Карымъ.—Убиенныя горы.—Коурый.—Везопасные бродяги.—Левинскій на Левѣ и въ нерчинской каторгѣ.—Кяхтинскій мѣщанинъ.—Бродяги на Байвалѣ, на Ангарѣ, подъ Казанью, въ Петербургѣ.—Вывальцы.—Бродяжья судьба въ дорогѣ.—Сибирскіе приемы и обычаи.—Предѣлы бродяжничества.—Вооруженные черкесы въ бѣгахъ.—Черкесы въ степи.—Бродяги въ Астрахани.

Отбѣжайте отъ такъ называемаго Вольшого Нерчинскаго завода верстъ на десять (хотя, напр., по направленію къ Зеренту, на съверъ), выберите возвышенное мѣсто на попутной горѣ и оглянитесь назадъ! Полный, широкій кругозоръ неба, къ которому такъ привкаетъ глазъ на безбрежныхъ степяхъ и пустыняхъ, на этотъ разъ уменьшился больше чѣмъ на половину и отливаетъ вверху неопредѣленнымъ, примѣчательно тусклымъ свѣтомъ. Живыя и рѣзкія вѣчныя краски его потускнѣли, истощивъ свою силу передъ тѣмъ, что уменьшаетъ округлость и широту небснаго горизонта, что заслоняетъ отъ насъ больше чѣмъ половину его и что распласталось внизу. Непрерывною грядою и цѣпью тянется тамъ сплошная стѣна горъ, подтянувшихся одна къ другой и сплотившихся вмѣстѣ. Форма этихъ горъ и этой цѣпи, на первый взглядъ, поражаетъ чѣмъ-то оригинальнымъ, своеобразнымъ и незнакомымъ, но, всмотрѣвшись, узнаешь, однако, кое-какія черты знакомыя, выясняешь кое-гдѣ опредѣленные образы.

Море, казалось намъ, свободное и безпредѣльное море всколебалось до самаго дна въ то время, когда внутри его скопилась громадная сила и поверхность его, не выдержавъ напора внутренней силы, широкимъ и порывистымъ взмахомъ разбилась на густыя и широкія волны. Волны эти разметались въ при-

хотливо-разнообразныхъ группахъ, гдѣ простому глазу и издалика примѣтны даже и брызги, густыя и мелкія, сбившіяся на хребтахъ волнъ, и самая волна, во всю длину ея, вздувшаяся до того состоянія, когда ей предстоитъ одна возможность уничтожиться отъ собственной тяжести и исчезнуть во вновь набѣжавшей. И вотъ, въ это самое время, когда внутренняя сила, управляющая волнами, готова была на новый напоръ снизу и на ту же работу на верху,—взволнованное и разсерженное море вдругъ онѣмѣло и застыло. Черты и краски, которые могли исчезнуть безъ слѣда, чтобы уступить мѣсто инымъ и свѣжимъ, стали теперь вѣчными и неизмѣнными. Мало такихъ картинъ на всемъ широкимъ просторѣ Россіи, хотя и много тамъ горъ, холмовъ и пригорковъ! Мало такихъ горъ и по внутреннему достоинству, по подземному богатству ихъ, какъ горы Нерчинскаго края, хотя и есть въ Россіи Уралъ, Колыванскія и Кузнецкія горы. Серебромъ наполнены ихъ горныя нѣдра; по золотому песку текутъ выходящія изъ горъ этихъ рѣки и увалами, своеобразнымъ видомъ, отливаютъ всѣ эти горы потому именно, что обладаютъ онѣ такимъ особеннымъ даромъ, что стоитъ за ними громадное, до сихъ поръ еще вполнѣ не оцѣненное преимущество. Некрасивы онѣ, когда подойдешь къ нимъ слишкомъ близко. Сумрачны издали эти каменные горы, голыя, скудныя растительностью,

силу которой как будто вобрали в себя, обездоливъ поверхность, внутреннія богатства, подспудныя и подземныя сокровища этихъ горъ. Но видъ на группу, на всю сплошную массу Нерчинскихъ горъ издали, не теряетъ всего обаянія и всей своей прелести, подкупаемой, сверхъ того, тѣмъ представленіемъ, какое даютъ практическія наблюденія. Къ нимъ-то мы и подходимъ теперь, опираясь на тѣ данныя, которыя добыты горною наукою.

Нерчинскій горный округъ, на половину обследованный, но далеко еще не вполне разработанный, представляетъ одно изъ сильныхъ и богатыхъ мѣстъ въ свѣтъ по разнообразію всякаго рода горныхъ породъ металловъ и минераловъ. Окрестности Петровскаго завода и Тункинскія горы, въ западной половинѣ Забайкалья, богаты магнитнымъ желѣзнякомъ. Тотъ же желѣзникъ находится на восточной сторонѣ Яблоноваго хребта, разделяющаго Забайкальскую область на двѣ половины: по рѣкамъ Урову (впадающему въ рѣку Аргунь) и по Тайгѣ (притоку рѣки Газимура). Горы между Нижнею и Среднею Борзеою столь богаты тѣмъ же магнитнымъ желѣзнякомъ, что тамошніе жители называютъ ихъ не иначе, какъ „желѣзною цѣпью“. Системы рѣкъ Витима и Чикоя (въ западной половинѣ Забайкалья) и Карійская и Шахтаминская системы (въ восточной половинѣ) давно уже извѣстны разработками золота. Въ этой послѣдней части вездѣ, гдѣ господствуютъ гранито-сіениты, почти сплошная золотоносная система; таковы россыли: Лунжанка, Казакова, Култума, Солкоконъ, Тайна, Быстрая и другія. Въ 1855 году поисковая казенная партія нашла золото и въ западной части Нерчинскаго округа, въ глухомъ, необитаемомъ югозападномъ углу, ограниченномъ китайскою границею и Яблоновымъ хребтомъ, разделяющимъ округъ на двѣ, почти равныя половины. По рѣкѣ Прямой-Вальдѣжѣ, при шурфовкѣ, найдены благонадежныя признаки, а по рѣкамъ: Елатугу, Каролу, Долтомдѣ, Цагано, Юрухану и также Вираю, также богатая россыли, послужившія къ быстрымъ и серьезнымъ обогащеніямъ, когда дозволена была добыча частнымъ людямъ въ началѣ 60-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія и когда золото найдено на рѣкѣ Нерчѣ, почти подъ самымъ городомъ Нерчинскомъ. Золото—однимъ словомъ—оказалось вездѣ тамъ, гдѣ господствуютъ сланцы. Какъ только эти послѣдніе уступаютъ мѣсто гранитамъ, тамъ, вмѣстѣ съ этимъ, исчезаетъ и самая золотоносность. Шахтама и Култума, сверхъ содержанія золота, обѣщаютъ добычу ртути, обладаа большимъ количествомъ киновари; въ Нерчинскомъ горномъ округѣ—единственное въ Россіи мѣсто находенія олова. Всѣ горныя покатоки къ югу отъ системы притоковъ рѣки Шилки, по системамъ притоковъ Аргуни, съ давнихъ временъ даютъ въ замѣ-

чательномъ избыткѣ серебро, которое прославилъ Нерчинскій округъ. Это—самый главный продуктъ земныхъ сокровищъ Нерчинскихъ горъ и нерчинскіе заводы обязаны главною добычею его съ той самой поры, когда край этотъ, одинъ изъ богатыхъ серебромъ въ цѣломъ свѣтѣ, сдѣлался собственностью Россіи. Серебряные рудники открыты здѣсь давно и въ примѣчательномъ обиліи.

Въ 1722 году императоръ Петръ I именнымъ указомъ своимъ велѣлъ всѣхъ, освобожденныхъ отъ каторжныхъ работъ въ Россіи и назначенныхъ къ ссылкѣ въ Сибирь въ дальніе города, посылать въ Дауры на серебряные заводы. Въ 50-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія разработка серебряныхъ рудъ приостановлена и на нынѣшнее время значительно противъ прежняго ослаблена. Нерчинскій же горный округъ съ его россыпями и промыслами золотыми и съ его заводами еще до сихъ поръ представляетъ для насъ интересъ ссыльнаго мѣста, а потому мы и останавливаемся на немъ, какъ на мѣстѣ работъ, предназначенныхъ для ссыльно-каторжныхъ.

Вотъ одинъ изъ такихъ серебряныхъ рудниковъ (Зерентуйскій) у насъ передъ глазами. Онъ открытъ въ 1825 году, вмѣстѣ съ Благодатскимъ. Толщина его не болѣе 2 сажень, мѣсторожденіе заключается въ известнякѣ, падаетъ почти вертикально и наполнено преимущественно талькомъ, въ которомъ желѣзисто-свинцовыя охры со свинцовымъ блескомъ и бѣлою свинцовой рудою попадаются небольшими гѣздами. Въ пудѣ руды $\frac{1}{2}$ золотника серебра и 1 фунтъ свинцу, но, черезъ промывку, руды обогащаются серебромъ до $1\frac{1}{2}$ золотника и свинцомъ до 4 фунтовъ. Работа начата шахтою и продолжалась гезенгами и дворами въ 34-саженной глубинѣ. Для движенія воздуха углублена шахта въ висячемъ боку мѣсторожденія *).

Мы у подошвы горы, которая отлого (тянигусомъ—по сибирски) взбирается въ высь и тамъ, гдѣ-то не на виду у насъ, сливается съ другими горами, а можетъ быть и съ цѣлою грядою горъ. Гора наша, по наружному виду, ничѣмъ не отличается отъ окрестныхъ: тѣ же голыши и камни, обѣщающіе скудную растительность въ живое время, то же обиліе моху и по мѣстамъ примѣчательно—ничтожное количество свѣггу, когда все кругомъ заважено имъ. Раз-

* Дворы—обыкновенныя горизонтальныя работы (орты и форшлагги), проводимыя непосредственно однѣ надъ другими. Они всегда идутъ по рудамъ и употребляются болѣе для выемки ихъ на очистку, также и для преслѣдованія ихъ по паденію. Сначала ведутъ по рудѣ обыкновенный горизонтальный ходъ, укрѣпляемый временною или фальшивою крѣпью изъ двухъ стоекъ и переклада на 1—2 сажени; потомъ эту крѣпь замѣняютъ настоящимъ.

нища одна: у нашей горы, позади насъ и не въ дальнемъ разстоянн, раскинулось довольно большое селеніе со старыми, гнилыми домами, разбросанными въ безпорядкѣ и доказывающими наружнымъ видомъ своимъ, что хозяева ихъ самыя бѣдные и несчастные люди во всемъ свѣтѣ: нѣтъ ни одного дома, который говорилъ бы даже о кое-какомъ достаткѣ. Селеніе это казенное и приписано къ руднику. Въ горѣ нашей находится самый рудникъ серебряный, давно уже существующій, какъ сказано выше.

Прямо передъ нами бревенчатый сарайчикъ, по мѣстамъ обшитый досками и однимъ краемъ своимъ вплотную прижнутый къ горѣ, у самой подошвы ея. Досчатая дверь вводитъ насъ въ этотъ теплый и натопливаемый домикъ. Здѣсь предлагаютъ намъ снять шубу на томъ основанн, что безъ нее будетъ свободнѣе ходить по руднику, гдѣ, говорятъ, теплѣе, чѣмъ въ этомъ домикѣ, тепло, какъ въ банѣ. Но помни, что на дворѣ слишкомъ 30° мороза, мы не рѣшаемся разстаться съ шубою (въ чемъ, однако, пришлось намъ потомъ раскаяться). Намъ надѣваютъ на шею, на длинной веревкѣ, плоскій фонарь съ зажженною свѣчю и мы направляемся въ то чистилище, о которомъ съ самаго дѣтства слыхали такъ много страшнаго. Вотъ за эту-то новую дверь (и опять досчатую)—думалось намъ на тотъ разъ—тѣ каторжныя норы, гдѣ мучилось столько „несчастныхъ“ и погибло въ нихъ безъ слѣда и воспоминаній. За нею-то, за дверью этою, одинъ изъ тѣхъ рудниковъ, о которыхъ ходятъ по всей Россіи такіе мрачные и страшные рассказы. И теперь мы съ трудомъ отдѣлываемся отъ неприятнаго чувства боязни, безсознательнаго страха и тоски, до такой степени неодолимыхъ, что были моменты, когда мы готовы были оставить наше намѣреніе и вернуться назадъ изъ опасенія не подвергать себя крупнымъ и тяжелымъ впечатлѣніямъ. Потребовалось энергическое усиліе воли, чтобы направиться дальше за эту таинственную дверь, и, разъ рѣшившись идти впередъ, мы принудили себя безропотно подчиниться провожатымъ, но неприятное чувство душевной тяжести и безотчетнаго сердечнаго трепета насъ не покидаетъ. Отворилась дверь, словно въ адъ, и истинное подобіе его представилось намъ тотчасъ же, какъ только глаза наши встрѣтили за дверью непроглядный, мертвенный сумракъ. Къ тому же по нѣсколькимъ ступенямъ мы опустились внизъ, на нѣсколько аршинъ ниже подошвы горы. Высокая гора, всею массою, всею своею громадою стояла теперь надъ нами, усиливая тяжесть нашихъ впечатлѣній. Мы въ горѣ и подъ землею, словомъ—мы въ рудникѣ.

Слишкомъ рѣзкій, крайній переходъ отъ дневнаго свѣта прирудниковой свѣтлицы-передней во мракъ самого подземелья не позволяеть глазамъ нашимъ что либо видѣть, что либо понять

изъ всего того, что творится передъ нами, сзади насъ и по бокамъ. Мы слышимъ голоса, но они кажутся намъ такими глухими и робкими, что какъ будто и они, какъ и нашъ голосъ, выходятъ изъ сдавленной и натруженной груди. Гдѣ-то впереди, какъ волчья глаза, мелькаютъ огоньки, но свѣтъ ихъ, поглощаемый густотою окрестнаго мрака, до того слабъ, что кажется особеннымъ, рудниковымъ. Висящій на груди у насъ фонарь нашъ дѣлаетъ не больше того: свѣтъ его чуть брезжится, ударяетъ въ спину проводниковъ, освѣщая двѣ-три заплаты на полушубкахъ. При поворотахъ въ сторону, свѣтъ салной свѣчки успѣваетъ обнаружить въ себѣ присутствие силы настолько, что мы различаемъ досчатые стѣны, мокрая, сырая, и такія же доски наверху, на потолокъ. Когда глазъ успѣлъ приноровиться, мы—что называется—оглядѣлись: передъ нами и позади насъ оказался несомнѣнный корридоръ, такой же точно, какъ и тѣ, до которыхъ такіе охотники петербургскіе домовладѣльцы и архитекторы, доказывающіе этимъ безсиліе своей изобрѣтательности и несостоятельность своей науки; этотъ корридоръ намѣревался доказатъ противоположное. Онъ былъ такой же узкій и теплый и въ такомъ же прямомъ направленн тянется куда-то вдаль. Мы идемъ ни ниже, ни выше, идемъ также свободно и теперь, какъ шли сначала, и идемъ какъ будто уже много сажень, не одинъ десятокъ сажень и — останавливаемся. Передъ нами третья дверь и, обитый досками корридоръ кончился.

— Что это значитъ?

— Корридоръ,—отвѣчаютъ намъ: — туннель этотъ называется штольнею. Та часть штольни, которую мы прошли и которая сверху, снизу и съ боковъ забрана досками, уже выработана и къ дѣлу не годится. Рабочіе въ ней только для того, чтобы положить досчатая заплаты тамъ, гдѣ старыя доски прогнили до слезъ. Разрабатывается вотъ эта...

Отворили дверь—и мы снова погрузились во мракъ, который кажется намъ еще гуще и непрогляднѣе. Мы съ трудомъ передвигаемъ ноги, которыя на каждомъ шагѣ встрѣчаютъ какія-то рытвины, какіе-то камни, а между ними, по самой серединѣ дороги нашей, тянется цѣлый желобъ. По бокамъ, въ стѣнахъ—каменные глыбы; наверху, на потолокъ такіе же голые, неправильной формы обитые камни; и тѣ и другіе на ошупъ холодны, сыры, слизисты. Фонарная свѣча на большей части изъ нихъ освѣщаетъ ржавчину, окиси. Ощущенія становятся еще тяжелѣе: каменные груды начинаютъ давить насъ нравственно всею тягостью внѣшняго вида своего и мы снова съ трудомъ владѣемъ собою при объясненіяхъ.

— Это известнякъ и глинистый сланецъ—подпороды, а вотъ и самая порода—наше богатство. Изъ нее-то мы добываемъ достославное

серебро, которое и въ нашихъ рукахъ стало въ рѣдкость, какъ говорятъ, рѣдко оно и у васъ, въ Россіи.

Черезъ груди этихъ подпородъ и между глыбъ породы пробраемся мы дальше. Начинаемъ примѣтно уставать: намъ становится не только жарко, но даже душно (напрасно мы не оставили шубы въ прихожей свѣтлицѣ). Духота, наполняющая на этотъ разъ штольню, напомнила намъ ту насыщенную влагою атмосферу бани, когда разрядился паръ, въ обидѣ сорвавшейся съ каменки. Въ духотѣ этой (думалось и выговорилось нами) одинъ изъ видовъ каторги и духота эта, между прочимъ, полагалась одною изъ мѣръ наказанія нѣкогда работавшимъ здѣсь преступникамъ; духота эта едва выносима.

— Отворите дверь! — закричалъ одинъ изъ проводниковъ въ отвѣтъ на замѣчаніе наше.

Крѣпкая струя морозаго воздуха мгновенно и съ неудержимою силою ворвалась въ штольню и выхватила и унесла впередъ въ широкое отверстие шахты весь тотъ удушливый и гнилой воздухъ, который до этой поры тяготѣлъ насъ. Пока задняя входная дверь стояла открытою, мы съ трудомъ удерживали на головахъ шапки: до того была сильна тяга воздуха, которая, имѣя для насъ значеніе сквозного вѣтра, становилась уже излишнею и дѣлалась опасною для здоровья. Пока мы подвигались дальше, въ штольнѣ опять накопилось достаточно теплоты, чтобы снова жаловаться на шубу.

Въ одномъ мѣстѣ, влѣво отъ насъ, изъ штольни потянулся глухой и тупой, безъ пролета, корридоръ, никуда не выходящій, и, въ отличіе отъ штольни, на горномъ языкѣ извѣстный подъ именемъ лихтлога. Свѣтъ фонаря освѣтилъ намъ его начало и изнылъ въ той густотѣ мрака, которую не разрѣжалъ ни разу лучъ солнечнаго свѣта и съ которою ведетъ по временамъ борьбу свѣтъ шестериковыхъ саленныхъ свѣчъ въ фонаряхъ рабочихъ.

Войти въ лихтлогъ мы не рѣшились и не пошли туда по той простой причинѣ, что лихтлогъ—тоже штольня, только поперечная, боковая, безъ выхода; боковая оттого, что увела ее туда серебряная жила, ударившаяся въ бокъ отъ основной, давшей направленіе штольнѣ. Безъ выхода лихтлогъ потому, что на тупомъ концѣ его оборвалась надежда на добычу: серебра стало меньше и дальнѣйшая работа не обѣщала возврата затраченныхъ силъ и капитала. Штольня повела насъ дальше и прямо, одинъ лихтлогъ остался въ сторонѣ на право, другой—на лѣво.

Каменные груди съ боковъ и надъ ними, не укрѣпленные искусствомъ и сдерживаемыя только силою взаимнаго тяготѣнія и упора, — грозятъ опасностью. Вода, въ избыткѣ просачивающаяся между камнями, усиливаетъ представленіе этой опасности для насъ, непривычныхъ, бессильныхъ схватить всѣ подробности дѣла и на тотъ разъ

понять всю систему предосторожностей. Мы радуемся за каждый шагъ, который завоевываемъ при выходѣ изъ штольни и не безсознательно вздрагиваемъ въ боязни за себя, когда слышимъ предостереженіе пробожатыхъ спрятаться на бокъ, гдѣ нибудь около стѣнки, въ первое попавшееся углубленіе въ ней. Пригнѣвъ тому видимъ на всѣхъ нашихъ спутникахъ и, спрятавшись какъ углѣи и успѣли, мы вздрагиваемъ во второй разъ отъ сильнаго удара, который глухимъ и тупымъ раскатомъ потрясъ всю штольню и исчезъ безъ отголоска.

— Что это такое?

— Забой дѣлали, взрывъ произведенъ.

Ощущаемъ пороховой запахъ, видимъ впереди себя новую вспышку и тотчасъ новый глухой стукъ взрыва, причемъ снова ощущаемъ запахъ пороха. Идемъ къ тому мѣсту и видимъ нѣя, лучше, слѣпо различаемъ на полу какія-то дыры, видимъ буравы въ рукахъ рабочихъ; намъ объясняютъ:

— Буравъ вертитъ на землѣ скважину и оттого скважинѣ этой даемъ названіе буровой. Она заряжается порохомъ, порохъ рветъ часть грунта, выхватываетъ тѣ камни, которые мѣшаютъ намъ прокладывать жолобъ. Жолобъ этотъ по серединѣ пола штольни надобенъ намъ для стока воды. Вода одолеваетъ наши работы безгранично; оставить ее на собственный произволь и не выводить вонъ, значить, поступиться всѣмъ рудникомъ: вода зальетъ его, какъ залила уже всѣ разработанные и покинутые или по волѣ начальства или по тому, что они уже сами по себѣ перестали служить свою полезную службу.

— Жолоба для стока воды мы закрываемъ досками, чтобы легче ходить и работать, жолобъ облегчать работы въ забояхъ. Полъ облегчить перевозку руды въ тачкахъ по штольнѣ до шахты.

— Но гдѣ же каторга, гдѣ тѣ работы, которыми мы привыкли считать самыми тяжелыми, называть каторжными?

— Такихъ работъ нѣтъ въ рудникахъ. Здѣсь мы даемъ молотокъ и ломъ. Молоткомъ рабочій обиваетъ породу, освобождаетъ ее отъ сопровождающихъ ненужныхъ намъ подпородъ; ломомъ вынимаемъ ту глыбу, которую намъ нужно и которую указываетъ и объясняетъ знающій дѣло распорядитель работъ. Глыба эта подается на ломъ, когда молотъ стучитъ хорошо распорядиться около нее. Вынутая изъ своего мѣста, она кладется на носилки или въ тачку и рабочій везетъ одинъ или несетъ съ товарищемъ къ бадью, спущенной на дно широчайшей трубы, идущей отъ вершины горы до самой подошвы ея и называемой шахтою. Когда рабочій опростаетъ свою ношу, то кричитъ на верхъ. Бадью верхніе рабочіе поднимаютъ воротомъ на самый верхъ горы. Тамъ опоражниваютъ бадью, складывая руду на носилки. Тачекъ рабочіе не любятъ и предпочитаютъ имъ носилки, всегда пред-

нолагающіе товарища, когда и трудъ раздѣленъ и есть съ кѣмъ перекинуться разговоромъ. Добытую породу сносятъ верхніе рабочіе въ указанное мѣсто въ кучу, изъ которой она уже поступаетъ для сортировки въ такъ называемую рудораздѣльную свѣтлицу. Выйдемъ черезъ шахту на верхъ, я вамъ и это все покажу.

Вотъ до насъ начинаютъ добираться лучи дневного свѣта, падающіе сверху. Свѣтъ нашего фонаря блекнетъ, мы стоимъ подъ крутою деревянною лѣстницею. Мы взбираемся по этой отвѣсно поставленной лѣстницѣ съ широко разставленными приступками, съ обязательно неизбѣжными перилами. Лѣстница плотно придѣлана желѣзными закрѣпами къ каменной стѣнѣ шахты. Съ трудомъ и насаживая грудь, при помощи перилъ, поднимаемся мы на верхъ и съ трудомъ переводимъ дыханіе, очутившись на первой площадкѣ. Площадка эта однимъ краемъ охватываетъ въ сырой и непроглядно мрачный лихтлогъ, идущій параллельно нижней штольнѣ и составляющій въ рудникѣ какъ бы второй этажъ его. Другой конецъ площадки обрывается въ ту огромную яму, которая прорыта до самой подошвы горы и до дна той штольни, къ которой мы были, и освѣщается такою же широко, какъ нижняя яма трубою, составляющею ее продолженіе и выходящею на верхушку горы. Отдохнувъ, осиливаемъ вторую лѣстницу, такую же отвѣсную и крутую, такую же неподатливую, съ такими же крѣпко захватанными перилами, снова устаемъ до изнеможенія и съ радостью узнаемъ на второй площадкѣ, что конецъ мученій близокъ. Узнаемъ здѣсь, что зерентуйская шахта, которая кажется намъ теперь глубокою и широкимъ колодеземъ, имѣетъ глубины 24 сажени: первая лѣстница 11 сажень, вторая 13; что бревенчатый сарай надъ шахтою колодеземъ сооруженъ уже на крайней вершинѣ горы, что вся зерентуйская штольня длиною въ 160 сажень, но что дѣлаютъ новую—„Надежду“, которая будетъ еще больше, еще длиннѣе, но въ другомъ мѣстѣ.

Отрадно было, по выходѣ изъ шахты, взглянуть на свѣтъ Вожій. Весело было вздохнуть свѣжимъ, хотя на этотъ разъ и крѣпко морознымъ воздухомъ, и еще краше и веселѣе глядѣли теперь на насъ со всѣхъ сторонъ окрестные валуны, эти застывшія морскія волны. Еще сумрачнѣе, тяжелѣе и каторжнѣе показалась намъ вся темная мгла подземельевъ—штолень, лихтлоговъ и тяжелый полумракъ шахты.

Цѣлыми десятками лѣтъ, не одною тысячею преступныхъ и неперстунныхъ рукъ, рылся эти каторжные подземелья и рудникъ, оцѣненный десятками тысячъ рублей, неизмѣримо высоко поднимается въ цѣнѣ отъ того множества слезъ и стоновъ, которые вызваны были среди сумрачныхъ каменныхъ стѣнъ на тяжелой опасной работѣ, и которые ввѣрены были тѣмъ же бездуш-

нымъ стѣнамъ и тѣмъ же безгласнымъ и холоднымъ камнямъ. Черезъ чистую и свѣжую ключевую воду проходитъ все то золото, которымъ покупается дѣлый свѣтъ, и только въ немногихъ мѣстахъ къ ключевой водѣ этой примѣшиваются и мутятъ и темнятъ эту воду горькія слезы несчастныхъ. Все серебро, накипѣвшее въ нѣдрахъ земныхъ, добытое въ сибирскихъ рудникахъ, прошло черезъ горькія и также ключемъ бьющія слезы несчастныхъ. Сколько смертей, неожиданныхъ и негаданныхъ, накидывалось тамъ, въ этихъ темныхъ и сырыхъ подземельяхъ, на терпѣливую, замѣчательно выносливую и крѣпкую натуру русскаго человѣка, хотя на этотъ разъ и обездоленную крутымъ житейскимъ переломомъ и крутымъ, болѣею частью непредвидѣннымъ несчастьемъ. Извѣстенъ, между прочимъ, слѣдующій трагическій случай въ рудникѣ „Тайгѣ“, около Газимурскаго завода, въ одномъ изъ наибольшихъ за Байкаломъ. Въ одной изъ штоленъ этого рудника работали трое: два поляка и русскій. Разложенный на днѣ шахты огонь, при запертыхъ дверяхъ, наполнилъ весь корридоръ убійственнымъ сѣрнымъ газомъ. Дымъ, валившійся изъ этого отдѣленія, достигъ и того, гдѣ эти трое кирками обивали оловянно-серебряную руду, соединенную съ сѣрою. Будучи не въ состояніи дольше оставаться въ атмосферѣ, насыщенной газами, поляки по лѣстницѣ поднялись на свѣжій воздухъ. Одинъ изъ поляковъ, видя, что товарищъ (русскій) остался внизу и долго не выходитъ, крикнулъ ему сверху, чтобы поспѣшнѣе выбираться, иначе непременно погибнетъ. Не получивъ отвѣта, полякъ Рожанскій сошелъ по лѣстницѣ внизъ и едва успѣлъ ступить на дно штольни, какъ упалъ безъ чувствъ, отравленный сѣрными газами. Товарищъ его (Вржосъ) въ безпокойствѣ и съ боязнью выжидалъ земляка и, не дождавшись, поспѣшнѣе спустился въ рудникъ и нашелъ обоихъ товарищей въ безпамятствѣ лежащими на полу. Онъ схватилъ, прежде всего, земляка своего и повесъ по лѣстницѣ. Чувствуя приступы отравы, онъ собралъ послѣднія силы, дошелъ уже до половины лѣстницы, но здѣсь силы его оставили, онъ опрокинулся съ крутизны навзничъ и разможилъ свою и товарища голову о камни. Черезъ нѣсколько дней потомъ лавившіе на дно штольни нашли три трупа. Одинъ изъ нихъ обхватилъ рукою другого; оставалось одно: похоронить обоихъ въ одномъ гробу.

Отпустить работника въ полусвѣтъ шахты, провести его въ непроглядный мракъ штольни, — вездѣ одно: та же сосредоточенная, кропотливая, тяжелая работа, съ которою и самая гѣсня, плохо прилаживаясь, недружно живетъ. Дружно живетъ одинъ вымыселъ, сильно работаетъ одно только воображеніе, досужее рисовать по готовымъ образцамъ все, что угодно. Ему ли оставлять свою работу и поступаться

свободою въ то время, когда все является на помощь и содѣйствию: мракъ кругомъ и только тусклый мерцающій полусвѣтъ около, да неожиданный блескъ, яркая вспышка гдѣ-то вдалекѣ и въ томъ подземельѣ, гдѣ всякій звукъ, всякій стукъ молотовъ возвращается назадъ усиленнымъ, но не разбросаннымъ тупымъ эхомъ, подчасъ извращеннымъ, смотря по тѣмъ условіямъ, въ какихъ находится въ то время слухъ и воображеніе. Паденіе водяныхъ струй и капель со стѣнъ и потолка, трескъ осколковъ породы и шлепанье глиняныхъ глыбъ, шумъ забоевъ, грохотъ отъ взрывовъ, каждый легкій шорохъ—все это даетъ пищу одиноко поставленному и предоставленному самому себѣ воображенію. Раздражается оно неизбежно и при этомъ съ такою быстротою и силою, на которую способно суевѣрное воображеніе всякаго русскаго рабочаго, и будетъ преноситься каждый изъ нихъ суевѣрнымъ страхомъ и неестественными представленіями, потому что всякое движеніе, всякій шагъ въ подземельѣ представляется въ немъ видѣ, отпибается неправильнымъ и извращеннымъ отголоскомъ. Работы въ забояхъ, мракъ лихтлоговъ, полусвѣтъ шахты, при слабомъ освѣщеніи фонаремъ, удлиняющимъ и укорачивающимъ тѣни людей и окружающихъ предметовъ по прихотливому произволу, существованіе большихъ и крупныхъ крысъ, которыя любятъ возиться, пищать, грызть, шумѣть и больше всего поживляться около салныхъ огарковъ въ фонаряхъ и называются хозяиномъ. Все это намъ объясняетъ существованіе множества разсказовъ и о домовомъ—рудниковомъ хозяинѣ, и о лѣшемъ—врагѣ челоувѣка и здѣсь, въ этихъ каторжныхъ норахъ. Съ безчисленнымъ множествомъ разсказовъ о нежати—нечистой силѣ—выходятъ оттуда рудниковые рабочіе, суевѣріе которыхъ, вообще, сильнѣе здѣсь, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ. Такъ, напр., на этомъ же Зерентуйскомъ рудникѣ, подлѣ самой шахты двѣ горы, изъ которыхъ одну прозвали Шумихою, а другую Звоную (за какіе-то непонятные и хорошо не изслѣдованные шумъ и звонъ, происходящіе около нихъ и въ нихъ при извѣстныхъ вѣтрахъ), слышные и вольные рабочіе считаютъ страшными. Они указываютъ на нихъ, какъ на несомиѣнное гнѣдимище вражьей нечистой силы. Ночные страхи здѣсь дѣятельнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, потому что въ рудниковыхъ подземельяхъ вѣчная ночь, какъ питательное начало, и дѣйствительнѣе уже потому, что рабочіе на цѣлый день, со своею пищею, уходятъ сюда въ густой мракъ. Они кончаютъ работу и выходятъ на вольный воздухъ, когда уже точно такой же мракъ покрываетъ землю и облекаетъ собою все живущее на ней некаторжною жизнью.

Каторжна жизнь рудниковаго рабочаго и по-

тому, что она бесплатная, обязательная, казенная и потому еще, что подвергается случайно-стиямъ, недалеко отъ несчастій и граничить съ нечаянною, скоростипжною смертью.

„Дыркою бьетъ“—кладеть на смерть и увѣчить рабочаго при быстромъ нечаянномъ взрывѣ буровой скважины, сопровождаемомъ неизбежными камнями, осколки которыхъ брызжутъ по сторонамъ съ быстротою и силою. Эта опасность для неопытныхъ рабочихъ на каждомъ шагу, потому что на каждомъ шагу буровыя скважины и потому, что при спѣшныхъ работахъ на каждый шагъ не напасешь осторожности и оглядки, если и та и другая не обратились въ привычку.

„Горой давить“ рудниковаго рабочаго та же оплошность, то же неуговье, а часто и невозможность спохватиться во время, — именно въ то время, когда онъ сдѣлалъ подработку своимъ молоткомъ подъ породу и отломится отъ нее плохо слышавшая или хорошо отбитая груды известняка или глинистаго сланца. „Горой“ этою и увѣчить и давить до смерти.

— Хорошъ первый конецъ, когда изувѣчить, потому что начальство уменьшить уроки или совсемъ избавить отъ нихъ, а лучше всего—последній конецъ. Съ нимъ все гладко и душа твоя уже потомъ не томится. А худая смерть лучше каторжной жизни,—говорили рудниковые рабочіе въ то время, когда они не были освобождены отъ заводскихъ работъ и работали рядомъ съ каторжными; разница была одна: у каторжныхъ за содѣянныя преступленія положены были сроки, у заводскихъ служителей работа была безсрочная и то только потому, что они родились отъ такихъ же заводскихъ служителей и подзаводскихъ крестьянъ. Вывали случаи, что послѣдніе нарочно дѣлали преступленія, чтобы сдѣлаться каторжными, а стало быть попасть въ срочные рабочіе.

Говорили намъ и другіе, но другое:

— Мы, когда за молотовъ да за лопату, то и молитва у насъ одна на умѣ: авось-моль и надъ нашими воротами взойдетъ солнышко. Старики наши, помираячи, наказывали намъ: „Кривыхъ нѣтъ во святыхъ, дѣти милые; мы каторжные да и вы такіе же, потому что наше отродье. Не работать нельзя, работайте! Тяжела работа — не бѣгите! Извѣстна пословица: „не зовутъ вола пиво пить, зовутъ вола воду возить“. Возите воду, потому что и ваши дѣти возить ее также станутъ, съ тѣмъ и живите!..“

Внуки дожились, однако, до того времени, когда сняли съ нихъ несправедливое обязательство, а самые рудники каторжными покинуты: работа послѣднихъ направлена была на казенные золотые промыслы и казенные винокуренные, солеваренные и желѣзодѣлательные заводы. Каторжные въ Восточной Сибири жили при заводахъ: Александровскомъ винокуреномъ

и Иркутском солеваренномъ (въ Иркутск. губ.), и въ Забайкальѣ: при заводѣ желѣзномъ Петровскомъ, на приискахъ Верхнемъ, Среднемъ и Нижнемъ Карійскихъ, на Шахтаминскомъ и Казаковскомъ, на заводахъ Лужакинскомъ и Ака-туевскомъ. Всѣ остальные работы на рудникахъ находились въ рукахъ вольнонаемныхъ рабочихъ. Еще весьма не такъ давно они работали на три смѣны: двѣ недѣли по 12-ти часовъ въ день, третью недѣлю получали на отдыхъ. За то, что имѣвшіе достатокъ горные служители брались на собственныхъ лошадяхъ возить руду съ рудниковъ въ Кутомарскій рудникъ, при которомъ плавильная печь, и въ Александровскій заводъ, гдѣ устроена лабораторія, они получали льготный часъ. Работавшіе на рудникахъ ходили на работу иногда версты за десять, прихвативъ съ собою хлѣба и овощей, и ѣли въ сухоматку; на ночь опять плелись домой къ горяченькому кирпичному карымскому чаю, ко шашкѣ и печкѣ. За работу вознаграждались одинаковымъ съ поселенцами содержаніемъ (по 50 к. въ мѣсяцъ, на золотыхъ промыслахъ по 2 р., на Кудеѣ—самомъ богатомъ и надежномъ, позднѣе открытомъ, плата въ мѣсяцъ доходила до 5 руб.). Къ этой платѣ, сверхъ того, казна прибавляла еще по два пуда муки. Разница у заводскаго служителя съ каторжнымъ состояла еще въ томъ, что первый могъ обрабатывать землю, имѣть кое-какое хозяйство. Но вернемся къ ссыльнымъ и къ тѣмъ каторжнымъ, которые работаютъ на Карійскихъ золотыхъ промыслахъ и на заводахъ, и посмотримъ, какъ выносятся всякую каторгу русскій человѣкъ на своихъ могучихъ плечахъ и какъ примиряется со всею тяжестью ея, со всѣми невзгодами и злополучіемъ.

Новичекъ—арестантъ, приходящій на крайнюю каторжную работу—на Карійскіе золотые промыслы—назначается обыкновенно „хвосты убирать“. Хвостами называются тѣ пустыя, ненужные пески, которые остаются на разрывѣ послѣ промывки золота и отъ которыхъ золото уже отдѣлено: вода, унеся пески, какъ вещество легчайшее, и не сладивъ съ крупинками золота—веществомъ тяжелѣйшимъ, оставила ихъ осѣвшими на днѣ промывного жалаба. Уборка хвостовъ ѣли пустыхъ песковъ—работа каторжная и потому, что требуетъ усиленныхъ уроковъ и нѣкоторой поспѣшности, чтобы „принять съ дороги старую ненужную дрянъ и дать мѣсто новой драгоценности, — и потому хвостовая работа тяжела, главнымъ образомъ, тѣмъ, что не заключаетъ въ себѣ и не даетъ того, чѣмъ красна всякая работа. Она мало питаетъ сознаніе, что въ трудѣ этомъ заключаются тѣ же животворные, осязательные и наглядные результаты, какъ и во всякомъ другомъ трудѣ рубя существа разумнаго и мыслящаго. Этотъ трудъ на хвостахъ какъ будто даже бесполезно истрачиваетъ физическія силы, и безъ того зна-

чительно истощенныя и, во всякомъ случаѣ, нисколько не укрѣпляетъ духа, не поддержива-етъ жизни его. Носить цѣлые дни съ ранняго утра до поздняго вечера пустыя пески, носить ихъ по заказу, на урокъ, въ виду наказанія за неисполненіе полной задачи и безъ всякаго существеннаго и нравственнаго вознагражденія на случай честнаго исполненія долга и обязанности—дѣло равносильное и равноправное древнему монастырскому наказанію толочь въ ступѣ воду. Сверхъ того, сознаніе, что вся эта работа направлена ни ближе, ни дальше, какъ къ безцѣльному сооруженію на крутыхъ рѣчныхъ берегахъ новыхъ береговъ, цѣлыхъ песчаныхъ горъ, такъ называемыхъ отваловъ, сознаніе это безпредѣльно мучитъ и терзаетъ несчастныхъ арестантовъ, твердо и сознательно убѣждаемыхъ въ томъ, что исполняютъ они тѣ самыя работы, которыя по всѣмъ правамъ принадлежатъ воламъ, лошадемъ, животнымъ.

Во всякомъ случаѣ, въ уборкѣ хвостовъ промысловые рабочіе полагаютъ настоящую, волю, тяжелую каторгу. Загнано тамъ, что новички, поступившіе на работу для уборки хвостовъ, — первый день выдерживаютъ ее, съ большимъ трудомъ исполняя полный урокъ; на второй день—за ними всегда остается недоимка и право наказанія за неуспѣхъ дѣла. Но если непредусмотрительный, малоопытный или мстительный и горячій приставъ, въ наказаніе за упущеніе, рѣшится назначить новичка на хвосты въ третій разъ, то на четвертый день онъ смѣло можетъ вычеркивать всѣхъ тѣхъ арестантовъ изъ промысловыхъ списковъ. Къ такимъ заключеніямъ пришли сами пристава послѣ долгихъ наблюденій и многочисленныхъ опытовъ. Наблюденія эти и опыты слагаютъ одно заключеніе, даютъ одинъ общій выводъ, что уборка хвостовъ на золотыхъ промыслахъ—самое сильное и дѣйствительное наказаніе для провинившихся и, повторенное одинъ разъ, оно уже имѣетъ характеръ истинной каторги.

Солеваренная каторга была вся тяжела. Тяжела была больше всего для организма, которому представлялись многотрудныя задачи, особенно въ сибирскихъ заводахъ, построенныхъ на старомъ образцѣ: черно и грязно, старо и грубо. Прежде, когда гнали человѣческую силою разсолъ изъ соляныхъ источниковъ по желобамъ и поднимали бадьями въ бунфы посредствомъ насосовъ — солеваренная каторга была настоящая, тяжелѣе и мрачнѣе всѣхъ. Ссылные качали насосы на высокихъ каланчахъ иногда при 30° морозу, одѣтые въ гелевую рвань. Насосы были первобытной формы, какъ на простыхъ баркахъ, однако, требовали, при каждомъ движеніи, силы и поклона всѣмъ тѣломъ почти до земли. Разсолъ долженъ былъ пробѣгать по желобамъ непрерывно; платье на рабочихъ сначала мокло отъ брызговъ, по-

тожь замерзало. Рабочій, отбывъ свою смѣну, все стоя на ногахъ, дѣйствительно побывавъ на каторгѣ. Тяжелая качалка такъ утомляла тронить людей, обязанныхъ урокомъ свыше ста раскачиваній, что они часто падали на мѣстѣ въ безпамятствѣ отъ крайняго истощенія силъ. Журавцы были замѣнены ручными насосами въ 1836 г. Къ насосамъ, для большаго облегченія работы, придѣланы маятники, — стало легче: балансиръ маятника стали поталкивать отъ себя уже меньшее количество рукъ съ наименьшими усиліями; люди могли это дѣлать, сидя въ особо прилаженныхъ крытыхъ бесѣдкахъ. Затѣмъ постарались (1838 г.) къ насосамъ приспособить лошадиную силу и двѣ лошади стали дѣлать то, что прежде производили двѣнадцать человѣкъ. Но и послѣ такихъ приспособленій для каторжныхъ осталось довольно мѣста, чтобы видѣть ясно, что сила ихъ не падаетъ и ихъ тѣло почитаютъ не выше лѣсной гнилушки. Жаръ, который скопляется въ томъ сараѣ, гдѣ варится соль въ громадномъ чренѣ или сковородѣ, становится, во время горячихъ и спѣшныхъ работъ, до того тяжелымъ и невыносимымъ, что арестанты принуждены скидывать съ себя все платье и работать голыми до обильнаго пота. Но и при этихъ условіяхъ духота и жаръ до того неодолимы, что каждый рабочий обязанъ выбѣгать изъ варницы въ бревенчатую холодную пристройку, плохо мшоновую и безъ печки, гдѣ, такимъ образомъ, ожидаетъ мокрое и потное тѣло рабочаго свѣжій, морозный, уличной температуры воздухъ. Многія варницы отъ неправильнаго устройства пролетовъ, накопили такой дымъ, что рабочіе, для направленія огня, не могли и по землѣ ползать. Въ вѣтряное время они задыхались, на лучшей ковецъ добивались безвременнаго страданія и боли глазъ, до потери аппетита. Малѣйшій порѣзъ какогонибудь члена, при развѣдающихъ соляныхъ парахъ варницы, производилъ опасныя жгучія раны. Присоединяя къ нимъ неизбѣжную простуду, при быстрой и крайней переѣмѣ температуръ, мы встречаемъ тотъ положительный фактъ, что рѣдкій рабочий выдерживалъ больше двухъ мѣсяцевъ: многіе уходили въ госпиталь, всегда наполненный больными ревматизмомъ, тифомъ, потерю аппетита. Но еще большее число рабочихъ, не успѣвшихъ заболѣть или поправившихся отъ болѣзни, уходило въ лѣсъ и въ бѣга при первомъ благоприятномъ случаѣ, на какіе особенно былъ щедръ и богатъ иркутскій солеваренный заводъ или такъ называемое иркутское Усолъе. На немъ и по другимъ статьямъ каторжной жизни — примѣчательная неустойка. Казенный срокъ, назначенный для арестантской одежды, былъ крайне несостоятеленъ: таская сырую соль въ важню на плечахъ, арестанты скоро изнашивали платье, такъ что за 80 к. сер., пола-

гаемыхъ въ мѣсяцъ, и признаковъ нѣтъ возможности обезопасить себя даже заплатами на прогнившія дыры. Безъ воровства въ такихъ случаяхъ непроживешь и безъ пособія чужой и преимущественно казенной собственности (какова на этотъ разъ продажная соль) никакъ уже не обойдешься. Въ концѣ концовъ, все-таки нѣтъ возможности видѣть пущей нищеты и рвани, какъ на каторжныхъ рабочихъ солеваренныхъ заводовъ.

На винокуренныхъ заводахъ степень каторжной тяжести видоизмѣнялась, значеніе каторги своеобразнѣе. Тамъ круглый годъ тяжело было жиганамъ, обязаннымъ подкладывать дрова въ печь и, стало быть, дѣлы сутки стоятъ у огня въ тѣсномъ подвалѣ, среди нестерпимой духоты, около удушливаго печного жара. Здѣсь значеніе каторги сходствовало съ тѣмъ, которое давала соляная варница и получала разительное подобіе, когда припомнимъ то обстоятельство, что каторжный рабочий — не вольнонаемный. По отношенію къ нему нѣтъ уже никакихъ уступокъ ни вынужденныхъ, ни естественныхъ: возвышенной платы онъ не требовалъ, отъ тяжелой работы не отказывался и не посмѣлъ заявлять открыто и гласно всѣ тѣ права, о которыхъ всегда готовъ напомнить свободный человѣкъ, вольный рабочий, старожилый сибирякъ-крестьянинъ. Зимомъ, во время холодовъ, заводская винокуренная каторга своею тяжестью налегала на заторщикова, обязанныхъ чистить квашни, промывать въ нихъ прилипшее къ стѣнкамъ этого огромнаго ящика тѣсто, когда намоченныя руки знобило ждикомъ, невыносимымъ ознобомъ, когда рабочий, отъ пребыванія въ пару, постепенно охлаждаемомъ, успѣвалъ даже закуржавѣть, т. е. покрыться инеемъ до подобія пушистой птицы. Послѣдствія извѣстны врачамъ и даже дознаны на практикѣ: это постоянная дрожь во всемъ тѣлѣ, отсутствіе аппетита и лихорадка, которую сначала больные презираютъ, а оттого вгоняютъ ее въ тѣло глубоко и близятъ послѣднее къ гробовой доскѣ. Нерѣдко послѣдняя накрывала рабочихъ, опущенныхъ въ лари, гдѣ бродила брага, прежде чѣмъ выходилъ оттуда весь углеродный газъ, накопившійся во время броженія браги; рабочіе эти тамъ задыхались и ихъ на другой день выносили оттуда уже мертвыми и холодными трупами.

— Въ теплую погоду (говорятъ намъ) заторщикамъ лучше, но за то тяжело бываетъ ледоколамъ и ледорѣзамъ (первые мельчатъ льдины, для охлажденія чановъ съ дрожжами а сусломъ на рѣкѣ, вторые — на заводѣ). Постоянная сырость, всегдашняя мокрота гноятъ платье и, давая въ результатъ почти тѣ же болѣзненные припадки, портила и ослабляла самый крѣпкій организмъ. Въ историческомъ очеркѣ каторжныхъ заведеній читатель увидитъ

и другія тяжести каторжнаго сверла во всѣхъ подробностяхъ (см. томъ III).

Винокуренные заводы также были богаты побѣгами и не меньше всѣхъ другихъ родовъ и видовъ каторги. Вся же каторга, мрачная по тому значенію и смыслу, что она подневольная и трудная, потому что не сулитъ никакихъ вознагражденій, становится невыносимою, когда рабочій, придя не домой, а въ казенную казарму, видитъ только одну наготу и босоту, видитъ безпредѣльное количество такихъ же точно дней и ночей впереди, безъ просвѣта и радостей. Рваныя казенныя тряпки отъ черныхъ и смышлыхъ, трудныхъ и тяжелыхъ работъ вѣшаютъ еще скорѣе, чѣмъ отъ надеждаго употребленія, вопреки назначеніямъ и срокамъ урочныхъ положеній. Починяя ихъ насколько хватить терпѣнія, умѣнья и силъ, каторжный рабочій знаетъ одно, что новое платье обяжетъ его новыми неоплатными казенными долгами, которые потянутъ заводское и промышленное начальство изъ ничтожныхъ заработанныхъ денегъ и, во всякомъ случаѣ, возьметъ свое изъ артельного капитала. Въ силу этого артельный капиталъ отъ такихъ вычетовъ всегда находится въ томъ положеніи, что представляетъ собою полное ничтожество. Между тѣмъ, ни это платье, не способное даже прикрывать наготу, ни ремесло или мастерство, приобретенныя на родинѣ и не приложимыя здѣсь за казенными работами, рабочаго не спасаютъ и ему не помогаютъ.

— Поцупаю ноги, посоветуюсь съ бывальными, улучу минуту да и прощай каторга! можетъ быть на всегда, но, во всякомъ случаѣ, на долгое время.

Вѣгутъ арстанты съ каторги не десятками, а сотнями.

Прислушавшись къ разсказамъ арстантовъ, присмотрѣвшись въ заводскихъ архивахъ къ официальнымъ дѣламъ и бумагамъ, мы приходимъ къ слѣдующимъ общимъ и частнымъ чертамъ всѣхъ вообще побѣговъ изъ тюремъ и съ каторги. При этомъ считаемъ не лишнимъ замѣтить, что, разсказывая о своихъ похожденияхъ, бродяги обыкновенно старались обойти молчаніемъ начальную и основную причину несчастія, приведшаго ихъ въ Сибирь, увѣряя обыкновенно, что они сосланы за бродяжество, хотя бы и числялись въ ссыльно-каторжныхъ. Въ самомъ тонѣ насъ поражало всегда изумительное гладнокровіе, не допускавшее увлеченій; мученіямъ своимъ на походѣ не придаютъ видимому никакой цѣны и значенія.

Изъ тюремъ бѣгутъ очень рѣдко (сравнительно) и стараются убѣжать только такіе арстанты, которые посажены на много лѣтъ и притомъ въ одиночку, тѣсную и душную темницу. „До чего доходило ихъ отчаяніе, стремленіе добиться свободы, выйти на вольный воздухъ!“ замѣчаетъ одинъ изъ наблюдавшихъ за

этимъ дѣломъ и продолжаетъ: „Нѣтъ конца разсказаніямъ объ этомъ: кто перепилилъ толстую желѣзную рѣшетку перочиннымъ ножомъ и спустился на изорванной въ полосы простыгѣ; кто подрылся подъ полъ, выбрасывая землю щепотками въ оконцо, чтобы скрыть свою работу; кто ушелъ переодѣтымъ; кто въ неволѣ открылъ на досугѣ назначеніе египетскихъ пирамидъ; кто составилъ себѣ чернила изъ ржавчины отъ желѣзныхъ запоровъ и изъ крѣпкаго чая и на взятомъ лоскутѣ бумажки, въ которой завернуть былъ этотъ чай, написалъ трагедію въ 5-ти дѣйствіяхъ. Опять иной, услышавъ отдаленный стукъ въ тюрьмѣ своей, заключилъ изъ этого, что у него есть сосѣди, отдѣленные отъ него толстыми каменными стѣнами. и, полагая, что одинъ изъ близкихъ ему товарищей, можетъ быть, содержится тутъ же, вздумалъ подать ему о себѣ вѣсть счетными ударами половой щетки въ каменный полъ. Черезъ нѣсколько времени онъ вызвалъ отвѣтъ. Товарищи поняли другъ друга и разговаривали такимъ образомъ, означая каждую букву такимъ числомъ ударовъ, сколько ей принадлежитъ счетомъ по занимаемому ею мѣсту. Но вскорѣ и третій, незванный собесѣдникъ, вмѣшался въ этотъ разговоръ и испортилъ все дѣло... Словомъ — конца нѣтъ этимъ крайне занимательнымъ похождениямъ!“ — замѣчаетъ В. И. Даль (Казакъ Луганскій) въ одномъ изъ своихъ разсказовъ.

Чернила изъ ржавчины съ чаемъ дѣлали тѣ изъ государственныхъ преступниковъ, которые въ 1825 году содержались въ двухъ крѣпостяхъ: петропавловской и шлиссельбургской. Сидѣвшіе въ первой измыслили писать къ роднымъ исторію впечатлѣній недѣли, двухъ и даже мѣсяца и приловчились писать это въ такой сжатой формѣ и такимъ мелкобисернымъ почеркомъ, что на это потребовалось особое искусство и долгая подготовка. Всѣ впечатлѣнія надо было писать и можно было уписать единственно только на тѣхъ маленькихъ лоскуткахъ бумаги, въ которые завертывались содовые порошки, выписываемые докторомъ для освѣженія (иной бумаги въ казематы не допускали). Сидѣвшіе во второй крѣпости (шлиссельбургской) получали, съ дозволенія начальства, апельсинны, а въ нихъ, вмѣсто сладкой мякоти, тщательно завернутыя кучки писемъ, свѣжей и чистой бумаги, бумажныя деньги, чернила, перья и проч. Въ Петропавловской стучомъ въ полъ щеткою одинъ заключенный узналъ, что въ сосѣдяхъ у него находится авторъ „Горе отъ ума“, самъ, въ свою очередь, живущій въ ближнемъ сосѣдствѣ (только за досчатою перегородкою) съ евреемъ, содержателемъ почты между сѣвернымъ и южнымъ тайными обществами. О трусливомъ поведеніи еврея онъ успѣвалъ передавать товарищу столь забавныя свѣденія, что слушателя приходилось нѣсколько разъ сбиваться со счета ударовъ.

чтобы кататься со смѣху и, въ концѣ концов, узнать, что авторъ „Горе отъ ума“ возымѣлъ твердое намѣреніе, если освободится, написать новую комедію подь названіемъ „Жидъ въ тюрьмѣ“ (обѣщаніе, впрочемъ, не исполненное).

Переодѣтымъ уходилъ изъ иркутскаго острога еврей во франтовскомъ костюмѣ для того, чтобы напутать въ благородномъ собраніи. Онъ побылъ тамъ, вынулъ изъ кармана прокурора сто рублей, столько же у председателя губернскаго правленія, у начальника края часы, но въ дверяхъ, уходя, столкнулся съ другимъ евреемъ, угрожавшимъ выдать его, если не подѣлится добычею. Подѣлившись чѣмъ успѣлъ, еврей-арестантъ направился на улицу, а тотъ, который остался въ собраніи, былъ обысканъ, когда спохватились обворованные, и указалъ на виновника. Полицейскіе бросились въ острогъ и въ тотъ секретный номеръ, изъ котораго ловкій воръ ушелъ въ собраніе и въ которомъ, вмѣсто себя, онъ положилъ охотника изъ арестантовъ. Видя номеръ занятый и повѣривъ обманному отвѣту допрошеннаго, полиція въ тюремныхъ воротахъ встрѣтила настоящаго жильца секретнаго каземата, подѣлывающаго на извозчикѣ. Еврей оттого не умѣлъ скоронить концовъ, что изъ собранія заѣхалъ въ кабакъ кутнуть, обидя невѣрные опасныя вещи на безопасныя деньги. Столкнувшись съ полиціею въ воротахъ, онъ успѣшилъ выбрасывать вещи и деньги.

О примѣненіи египетскихъ пирамидъ мы рассказали (см. стр. 47), о всѣхъ же другихъ приемахъ, приспособляемыхъ къ побѣгамъ изъ тюремъ, въ сибирскихъ лѣтописяхъ имѣются слѣдующія несомнѣнныя данныя.

Какъ всѣмъ извѣстно и какъ мы сказали сейчасъ, въ сибирскихъ тюрьмахъ существуетъ одиночное заключеніе, которое понимается тамъ обыкновенно, какъ временная мѣра наказанія и только для закоренѣлыхъ и неисправимыхъ злодѣевъ. Заточеніе это, къ несчастью, до сихъ поръ сопровождалось приковываньемъ на цѣпи.

Одинъ изъ такихъ „цѣпныхъ“ лежалъ съ цѣпью въ госпиталѣ большого Нерчинскаго завода, когда еще содержались при этомъ заводѣ ссыльные. „При осмотрѣ утромъ одного дня“ на койкѣ большого нашли одну цѣпь и замокъ; „внутри замка, за пружину, зацѣпленна была петля, ссученная изъ холщовыхъ нитокъ, надерганныхъ изъ простыни“. Бѣглый, какъ видно по дѣлу, не найденъ, но сторожасоддатy получили каждый по 50 ударовъ палками.

Въ томскомъ острогѣ содержались два арестанта въ секретныхъ казематахъ. Подъ окномъ, у наружной стѣны, по обыкновенію, находился часовой. Однажды одинъ изъ этихъ часовыхъ замѣтилъ, что надъ головою его пролетѣло что-то тяжелое и бѣлое. Едва онъ успѣлъ опомниться, какъ опять пролетѣло что-то другое, но также бѣлое и тяжелое. Это что-то

на этотъ разъ показалось ему человѣкомъ. Часовой смекнулъ и выстрѣлилъ, но сдѣлать это въ торопяхъ, на угадъ, однако, произвелъ шумъ, вызвалъ тревогу. Прибѣжалъ караулъ, сбѣжались люди, охотники до всякихъ скандаловъ, сдѣлали облаву, обыскали всѣ окрестныя мѣста. Подлѣ тюремной стѣны нашли голаго человѣка съ переломленною ногою. Голый человѣкъ оказался однимъ изъ секретныхъ арестантовъ: тѣло его было намазано саломъ, чтобы лютѣе могло оно выскользнуть изъ рукъ преслѣдователей. То же сдѣлалъ, по его словамъ, и товарищъ его; и оба они вмѣстѣ изрѣзали казенное платье на ленты, изъ суконныхъ лентъ скрутили веревки, веревки приладили къ рѣшеткѣ, а рѣшетка была подпилена. Спускаясь внизъ, арестанты въ это время предварительно расчищались для того, чтобы усиленный розмахъ далъ имъ возможность перелетѣть черезъ стѣну, которая приходилась вблизи каземата. Пойманному не посчастливилось прыжкомъ на землю по ту сторону стѣны, онъ получилъ опасный вывихъ; товарищъ его успѣлъ-таки бѣжать, но вскорѣ былъ пойманъ, узнавъ и приведенъ на допросъ. Спрашивали:

— Гдѣ ты былъ въ то время, когда сдѣлана облава и вся околнность острога оцѣпленна? дальше бѣжать было нельзя и некуда.

Отвѣчалъ:

— Я сидѣлъ все время въ колодецѣ. Идутъ солдаты около, я окунусь въ воду, голову спрячу; они отойдутъ, я голову высуну и надышусь. Одежду бросаю мнѣ съ возу проѣзжій крестьянинъ.

Вопроса о томъ, какимъ образомъ была перепилена рѣшетка, и быть не могло: одинъ изъ бѣжавшихъ арестантовъ былъ портной и, по занятію своему и съ дозволенія начальства, имѣлъ приличные своему ремеслу инструменты. При осмотрѣ покинутаго имъ наперстка нашли тутъ пилу, сдѣланную изъ часовой пружины и тщательно мастерски сложенную и уложенную.

Въ омскомъ острогѣ одна арестантка рѣшилась бѣжать изъ секретнаго каземата, увидя ту минуту, когда подъ тюремнымъ окномъ ея проходила корова. Баба рассчитала прыжокъ свой такъ ловко, что угодила животному прямо на спину. Испуганное животное понесло бѣглую отъ сторожей и преслѣдователей, но не унесло далеко.

Въ омскомъ же острогѣ мы видѣли арестанта—сухого какъ жимолость, цѣпкаго и ловкаго какъ обезьяна, который сумѣлъ пролѣзть изъ ретираднаго мѣста въ узкую щель, оставленную между сосѣдними стѣнами и не задѣланную въ томъ предположеніи, что щель эта не представляла опасности. Водосточная труба помогла ему изъ второго этажа спуститься на дворъ, со двора подняться на крышку стѣны, окружающей всѣ острожныя строенія, и во-

браться на нее по водосточной трубѣ сарая. Всѣми своими маневрами арестантъ привелъ слѣдователей и свидѣтелей въ изумленіе и возбудилъ въ первыхъ недоумѣніе. Чтобы убѣдить ихъ въ истинѣ хитросплетенныхъ показаній, бродяга не затруднился повторить эту операцію во второй разъ и, на глазахъ чиновниковъ, продавая свой фокусъ съ прежнимъ блескомъ, со всею ловкостью акробата, опытнаго и бывалаго. Между тѣмъ, этотъ бѣглецъ былъ не старше 15 лѣтъ отъ роду и принадлежалъ по роду жизни и сословію къ мѣстнымъ мѣщанамъ.

Всѣ эти случаи указываютъ на смѣлость въ сочиненіи замысловъ, иногда доходящую даже до дерзости. Въ одиночку бѣгутъ весьма рѣдко. Побѣги изъ тюремъ задумываются обыкновенно нѣсколькими арестантами, приводятся въ исполненіе маленькою артелью, которая также, какъ и всякая другая артель, атаманомъ крѣпка, т. е. предполагаетъ зачинщика и руководителя. Въ большей части случаевъ, это—бывалый и опытный, т. е. бродяга. Успѣхъ побѣга, обыкновенно, обезпечиваютъ сторонніе пособники, участники замысла или по подкупу, или потворству, нерѣдко по глупости и тупости сторожей, между которыми особеннымъ ротоуѣдствомъ отличаются казаки изъ бурятъ.

Мудрено найти бѣжавшаго арестанта, знающаго всѣ ходы и выходы, но не мудрено различить во всей этой сумятицѣ тюремнаго дѣла главныхъ виновниковъ, подкупныхъ и привычныхъ, глуповатыхъ и тертыхъ, умѣлыхъ и на путанья показанія, готовыхъ и на наказаніе розгами, тѣмъ болѣе, что рѣдкій изъ этихъ сторожей самъ не битъ уже шпичрутенами гдѣнибудь въ Россіи. Тюремная исторія также обильно наполняется побѣгами и мы надѣемся впоследствии доказать и то, что если имѣются въ Россіи такія мѣстности и города, гдѣ правительство признало излишнимъ содержать тюрьмы (какъ, напр., въ Березовѣ Тобольской губерніи), но за то вездѣ, гдѣ постоянно содержится въ тюрьмахъ арестанты—изъ тюремъ этихъ бѣгутъ. Скажемъ больше: можно смѣло биться объ закладъ, что нѣтъ въ Россіи ни одной тюрьмы, изъ которой не сдѣлано бы было побѣговъ.

Какъ ни крѣпка та или другая тюрьма, какъ ни слабо значеніе всѣхъ сибирскихъ трактовыхъ пересыльныхъ тюремъ, какъ мѣсть временнаго заключенія (на небольшое число подсудимыхъ и на большое пересыльныхъ арестантовъ), побѣги этихъ тюремъ относительно рѣже. Побѣги отсюда не представляютъ такого интереса и не встрѣчаютъ такой трудности, какими живутъ и дышатъ настоящіе каторжные нерчинскія тюрьмы.

Съ каторги бѣгутъ несравненно въ большемъ числѣ, хотя отчасти при тѣхъ же условіяхъ, т. е. не столько изъ самыхъ казематовъ, сколь-

ко съ работъ, не столько въ одиночку, сколько въ товариществѣ. Здѣсь уже не выжиданіе перваго благоприятнаго, подвернушагося подъ руку случая, а систематическое знаніе, направленное давшиною подготовкою и умѣньемъ. На этотъ разъ уже и причины другія.

Изъ пересыльной тюрьмы бѣжить арестантъ, какъ малый ребенокъ, куда—и самъ не всегда хорошо знаетъ. Бѣжить оттого, что въ заточеніи жить не хорошо, не нравится ему, авось въ лѣсу будетъ лучше, авось оттуда и удастся куданибудь выбраться. Онъ бы и не бѣжалъ, если бы не сманивали товарищи, не улыбались поощрительно на побѣгъ сторожа и приставника. Говорятъ, что за тюрьмою все лучше. За бѣглымъ не гоняются, а еще хлѣбомъ кормятъ, да и не Богъ вѣсть что сдѣлаютъ, когда изъ бѣговъ поймаютъ. Можно тогда сказаться непомнящимъ, поступить въ это хваленое и достопочтенное званіе, которое у насъ имѣетъ такое широкое приспособленіе. Бѣлаго изъ пересыльной тюрьмы скоро ловятъ, его слабѣе наказываютъ; самое большое преступленіе его въ бѣгахъ—мелкое воровство, пьянство. Онъ нерѣдко самъ является на судъ и кается. Одинъ такой и въ томъ же Тобольскѣ, весною 1863 года, не пришелъ въ острогъ съ работъ съ двумя другими. Поздно вечеромъ онъ стучался въ острожные ворота и былъ впущенъ на общій смѣхъ арестантамъ и для показанія на допросѣ о томъ, что двое товарищей его бѣжали, что самъ онъ напился вмѣстѣ съ ними, но покрѣпче ихъ, пьянымъ высался въ кустахъ, утромъ опохмѣлился, денекъ погулялъ, а теперь вотъ и пришелъ домой, не зная, куда идти и чего искать ему въ бѣгахъ. Другихъ ловятъ и уличаютъ: въ 1851 г. въ тобольской тюремной книгѣ записано: „Расходчикъ по экономической части Петръ Андреевъ, 9 декабря, въ 11 часовъ по полуночи, идя въ острогъ, увидѣлъ впереди идущаго арестанта безъ конвоя, но что несъ, не примѣтно. Войдя во дворъ, спросилъ: куда онъ ходилъ? Тотъ сознался, что только сходилъ въ питейный домъ и выпилъ вина $\frac{1}{4}$ штофа съ позволенія часового, стоящаго у воротъ, который его, какъ впередъ, такъ и обратно, пропустилъ“. Арестантъ былъ татаринъ. Часовой показывалъ, что къ будкѣ его приступило много арестантовъ и онъ не могъ усмотрѣть, когда прошелъ одинъ изъ нихъ, но „почему онъ допустилъ большое скопище арестантовъ къ посту своему, объ этомъ доказать не могъ“. Арестанты такой категоріи даже не отвыкли еще путать другихъ, не учились скрывать своихъ пристаней; они еще оговариваютъ своихъ благодѣтелей, официально называемыхъ пристанодержателями. Они еще не умѣютъ прятаться такъ, чтобы удивлять находчивостью судебныхъ слѣдователей и тюремныхъ дозорщиковъ.

Не таковъ бѣглый съ каторги: тертый ка-
лачъ, мятые бока, варнакъ — по сибирски,
чалдонъ — по каторжному. У этого другая цѣль
и другая сноровка, иные пути, которые намѣ-
чены вѣрно и ладно и твердо изучены. Онъ на
нихъ не заблудится, его не смутаетъ никакой
законникъ, не запугаютъ никакія трущобы, ни
географическія, ни юридическія. Варнакъ бе-
рется за дѣло побѣга, какъ за важное и по-
литическое; онъ, какъ артистъ, смѣло постоитъ
за свое искусство: и въ дѣсу онъ, какъ рыба
въ водѣ, а въ ремеслѣ своемъ, какъ виртуозъ
и мастеръ. Бѣглеца тюремнаго пошутъ два-три
человѣка только для вида, ради службы и на-
чальства, да и само начальство на такихъ не-
винныхъ гудякъ одною рукою машетъ, а другою
вычеркиваетъ ихъ имена изъ списковъ содер-
жавшихся и помѣчаетъ въ числѣ бѣжавшихъ.
Но бѣжить варнакъ, бѣглець съ каторги, за
нимъ для поимки сбивается и посылается цѣлая
облава военныхъ и гвѣнскихъ, отправляются впе-
редъ и назадъ, во всѣ стороны, кучи повѣстокъ
и извѣстій. Бѣжалъ изъ карійской тюрьмы
Иванъ Петровичъ Дубровинъ и черезъ часъ
объ этомъ знали всѣ обитатели всѣхъ четырехъ
промысловыхъ селеній; на всѣхъ, безъ изъятія,
напалъ паническій страхъ: тревогу били, по
ночамъ не спали, всѣ словно ждали какого-то
дива и чуда. На четвертый день Дубровинъ не
замедлилъ выказаться: онъ убилъ въ одной изъ
крайнихъ избъ одного изъ промысловыхъ селе-
ній женщину съ двумя малютками ни за что,
ни про что, изъ одного желанія потѣшить свою
злодѣйскую душу. Приходилъ онъ втроемъ и
далеко не ушелъ отъ каторги, а грабилъ по-
томъ съ шайкою своею всѣхъ живущихъ, про-
ѣзжающихъ и проходившихъ по рѣкѣ Шилкѣ.
Когда поймали Дубровина, то мало того, что
приковали на цѣпь, ему надѣли еще на руки
лису*), чтобы и подниматься съ мѣста ему
было трудно. А такихъ, какъ Дубровинъ, на
истинной каторгѣ не мало. Но объ нихъ по-
томъ, о другихъ — теперь.

За Вайкаломъ живеть въ народѣ преданіе,
что Петровскій заводъ преимущественно богатъ
побѣгами, что тамъ у тюремныхъ сидѣльцевъ
ведется особенный обычай бѣгать изъ тюрьмы
на уру, не въ одиночку, а цѣлымъ огуломъ. На
сколько справедливъ первый слухъ, доказыва-
ютъ намъ архивныя бумаги, которыя зачастую
говорятъ одно и то же, что „всѣхъ здѣшнихъ
мѣсть гораздо болѣе чинятся побѣги въ лѣтнее
время изъ Петровскаго завода“. На сколько
справедливъ второй слухъ, архивныя дѣла не
даютъ для того опредѣленныхъ данныхъ, но
народные рассказы настойчиво увѣряютъ въ
томъ, что побѣги „на уру“ производились от-
туда довольно часто. Арестанты при этомъ,

*) Лиса — желѣзная полоса въ полтора или
два пуда вѣсомъ.

чтобы устранить наблюдение и привести въ
смятеніе конвойныхъ, кричатъ всею казармою
„ура“, какъ на сраженіи: надо цѣпь пробить,
а тамъ уже легко станетъ, тамъ либо палецъ,
либо палецъ. Рѣшившіеся бѣжать, по знаку того,
который подпихнулъ рѣшетку и мигнуть соизви-
камъ, хватаются за собственные рубашки, рвутъ
ихъ на клочки, обматываютъ этими тряпками
кандалы (чтобы не стучали) и бѣгутъ черезъ
окно, предполагая, что товарищи ихъ, рѣшив-
шіеся остаться, криками „ура“ отвлекутъ на себя
вниманіе стражи. Сами бѣглецы, въ то же время,
производятъ тотъ же крикъ вслѣдъ за другими.
Подобныя попытки — прибавляютъ народные раз-
сказы — всегда вѣнчались полнымъ успѣхомъ и
конвойные не могли хватать бѣглецовъ также
по тому обстоятельству, что голые арестанты
успѣвали предварительно намазывать все тѣло
свое саломъ или масломъ. Архивъ Петровскаго
завода, при тщательномъ просмотрѣ, не под-
твердилъ народныхъ слуховъ, которые, обыкно-
венно, складываются въ преданіе и въ цѣльный
рассказъ изъ множества частныхъ случаевъ, но,
вѣроятно, слухи эти имѣютъ основаніе въ бы-
ломъ, не занесенномъ въ официальную бумагу
изъ личныхъ расчетовъ и соображеній началь-
ства (чего не бываетъ на каторгѣ!). Тѣмъ не
менѣе, архивныя дѣла Дучарскаго завода (те-
перь упраздненнаго) представляютъ одинъ по-
добный случай, доказывающій, что побѣги огу-
ломъ, во множествѣ бѣглецовъ — не мистъ,
который, во всякомъ случаѣ, могъ служить по-
водомъ и лечь въ основаніе народной легенды.
Дѣло случилось 8 іюня 1815 года. Изъ тюрьмы
сдѣланъ былъ капитальный и серьезный побѣгъ:
изъ двадцати заключенныхъ бѣжало четыр-
надцать человекъ. Событіе это обставилось
такими подробностями.

При дучарской тюрьмѣ, на всякія потребности
и нужды, находилось восемь человекъ карауль-
ныхъ солдатъ. Передъ тѣмъ, какъ посадить
всѣхъ этихъ арестантовъ на цѣпь, четверо сол-
датъ отворили рѣшетчатую дверь, а за нею и
тюремную, ведущую въ казематъ. Не успѣли
солдаты опомниться, какъ арестанты накину-
лись на нихъ всею массою. Сначала захватили
четыре переднихъ, а вслѣдъ затѣмъ и осталь-
ныхъ четырехъ, заднихъ. У тѣхъ и другихъ
цѣпные арестанты отняли тесаки, вырвали
штывы изъ ружей, связали всѣхъ крѣпкими ве-
ревками и заперли за рѣшетку. Четыре пер-
еднихъ, сверхъ того, избили полѣньями; утеръ-
офицера связаннаго бросили въ уголокъ казармы.
Четырнадцать арестантовъ, выйдя изъ каземата,
взломали въ сѣняхъ чуланъ, взяли тамъ ружья,
патроны и порохъ. По мѣрѣ того, какъ про-
ходившіе обходомъ солдаты являлись въ тюрьму,
ихъ также вязали и сажали въ прочіе за
рѣшетку. Сигналы подавалъ и приказанія кри-
чалъ одинъ изъ нихъ. Затѣмъ, когда всѣ ка-

раульные были перевязаны, всё четырнадцать скрылись. Пришли урочные часы смѣны. Къ дверямъ тюрьмы явился свѣжій часовой, ничего не смѣкавшій, ничего не подозрѣвавшій. Расположившись у дверей, часовой слышитъ разговоры, прислушивается: голоса выходятъ глуше, изъ подполья. Часовой спрашиваетъ:

— Кто въ подпольѣ?

— Унтеръ-офицеръ Плотниковъ.

Съ трудомъ открываютъ на-глухо заколоченную западную подполья, выпускаютъ оттуда 13 человекъ солдатъ, а затѣмъ бьютъ тревогу въ заводскій колоколь. На набатъ сбѣгается народъ; сбиваютъ облаву, дѣлаютъ окольный обыскъ, но безуспѣшно. Въ Уровское правленіе скачетъ нарочный оповѣстить о принятіи должной осторожности и съ приказаніемъ „немедленно отправить людей, сколько можно для поисковъ“. Правленіе снаряжаетъ также облаву: 12 человекъ вооруженныхъ крестьянъ идутъ на охоту и, соединившись съ заводскою командою, преслѣдуютъ бѣглыхъ варнаковъ къ пади (горной долицѣ), называемой Широкою, устьемъ своимъ выходящей къ рѣкѣ Урову. Въ пади этой сдѣланы приняты слѣды: намятая трава, пепель отъ свѣжихъ тѣлѣнъ, на слѣдахъ видятъ и самихъ бѣглецовъ. Завязывается перестрѣлка: у одного крестьянина, на первыхъ выстрѣлахъ, подстрѣлена лошадь и убитъ на повалѣ одинъ бѣглый. Тѣмъ и кончилась вся эта встрѣча, не имѣвшая, по неудобству мѣстности, большого успѣха. Между тѣмъ, наступила ночь: слышные разсыпались по непроходимымъ чащамъ. На другой день искали ихъ опять, но не нашли, а только черезъ три дня поручикъ Рикъ попалъ на слѣды. Шестъ человекъ бѣглыхъ скрыты были въ сѣнѣ уровскаго зимовья крестьяниномъ, взявшимъ съ бѣглыхъ за печеный хлѣбъ 10 рублей. У деревни Подозерной, въ колѣкѣ*), поручикъ Рикъ завязалъ съ бѣглецами перепалку; четырехъ изъ нихъ положилъ на мѣстѣ, трохъ захватилъ живыми. Остальныхъ на этотъ разъ найти не могли и уже черезъ пять дней поймали ихъ на воровствѣ, на мельницѣ. Когда бѣглецы вырвались и побѣжали, снарядили за ними погоню и въ пади Каменкѣ опять завязали съ ними перестрѣлку. Еще двое бѣглыхъ были убиты, третій скрылся въ густой трещѣ лѣса и его ни убить, ни схватить не могли...

Таковы подробности едва ли не самого большого побѣга изъ всѣхъ нерчинскихъ тюремъ. На нежъ какъ будто оборвались, загнувшись, всѣ другія попытки подобнаго рода. Отчаяніе каторги искало другихъ путей, заключенные производятъ другія вылазки, скромныя и подспудныя.

*) Кололекъ—сырое мѣсто въ пади съ густою растительностью, среди слабой растительности въ окрестностяхъ.

Задумавъ побѣгъ, арестанты нерчинскихъ тюремъ, прежде всего, хлопчатъ о запасѣ, предварительно смотрятъ на конецъ, не заболѣть особенно о началѣ. Оно въ свое время объявится само и по большей части удачно обставленнымъ готовыми средствами, рѣдко неожиданными и случайными. Заручаясь новою, свѣжею, не рваною одеждою, арестанты, въ то же время, затыгиваются въ неоплатные казенные долги, которые въ круговомъ расчетѣ дѣлаютъ черезъ то побѣгъ неизбежнымъ и единственнымъ средствомъ очистить свою чадонскую совѣсть и покончить расчеты съ тяжелою каторгою. Обыкновенно, эта хлопотливая заботливость о запасѣ теплой и новой одежды принимается союзниками за сигналъ на молчокъ. Вторымъ яснымъ признакомъ твердо выснесеннаго рѣшенія признается то, когда задумавшій побѣгъ начинаетъ заводить особенную пріязнь съ тѣми товарищами, которые завѣдуютъ съѣсными припасами, и съ тѣми каторжными бабками, которыя завѣдуютъ кухней: близкія интимныя отношенія, наскоро сложиваемыя и на время устанавливаемыя при помощи водки, считаются въ особомъ случаѣ достаточно обезпечивающими средствами. Сношенія эти въ тюрьмахъ, гдѣ рука руку моетъ и оттого обѣ бываютъ чисты, не трудны и передъ законами дружбы неизмѣнно святы и состоятельны. Дѣло сложивается очень скоро, безъ задержки даже и на такомъ тормазѣ, который, по смыслу казенныхъ учреждений, поставляется въ лицѣ арестанскаго старосты. Староста—свой братъ, самъ не разъ уже вкусившій бродяжяго брашна. Онъ это дѣло понимаетъ и дѣлу этому никогда не противникъ; такихъ уже людей и выбираютъ арестанты въ это званіе. Къ тому же опытный бѣглець съумѣетъ самъ ловко повести дѣло и никого не затыгнетъ въ тину допросовъ и слѣдствій, самъ все приметъ на себя и концы спрячетъ. Имѣющій нахѣреніе бѣжать готовъ сократить свой паекъ, ѣсть очень мало, порціи свои копить, не беретъ изъ кухни ни хлѣба, ни мяса. Приспѣетъ часъ, онъ выпроситъ то и другое гуртомъ: хлѣба ковригу фунтовъ въ 25, мяса полоть со свою голову; возьметъ все это и спрячетъ. Спрячетъ онъ добро свое въ коронушку, безъ которой ни одна тюрьма ни живетъ, да и жить не можетъ. Хоронушка затѣмъ и потайное мѣсто, чтобы ни одинъ дозорщикъ не осквернилъ ее своимъ нелегкимъ чернымъ глазомъ. Хоронушекъ этихъ въ каторжныхъ (да и во всякихъ) тюрьмахъ больше, чѣмъ въ овальныхъ лѣсахъ лѣсныхъ и собольихъ норъ. Деревянная тюрьма, каковыми бываютъ всѣ собственно каторжныя тюрьмы, удобнѣе для такого рода тайниковъ тюрьмы каменной.

Хоронушки эти, обыкновенно, устраиваются въ подпольѣ, по большей части окомо пещей

или за печками, подъ позовницами, съ ловко прилаженными и замаскированными покрывками. Въ каменных острогахъ (каковы губерскіе и уѣздные пересыльные) хоронущи дѣлаются въ самыхъ стѣнахъ. Въ томскомъ, напр., въ однои мѣстѣ, около наръ, стояло только вынуть кирпичъ, чтобы увидѣть огромную пустоту, нѣкогда (при постройкѣ), вмѣсто щебенки и кирпичей, наполненную щепами. Щепы отъ времени и сырости сгнили и образовали огромную хоронущку, въ которую могла свободно помѣститься вся громадная острожная собственность. На этотъ разъ въ ней сберегались инструменты всякаго рода, посуда съ водкою въ стеклянныхъ сосудахъ всѣхъ общепринятыхъ величинъ, ножи, карты, табакъ и проч. Тайникъ этотъ закрывался ложко-прилаженною доскою, покрашеною тою же краскою, какая желѣла на стѣнахъ. Въ тобольскомъ острогѣ у одного изъ прикованныхъ на цѣпь нашли такой же тайникъ въ стѣнѣ напротивъ печи и въ немъ три ножа, два подпилка, зубрילו, шило, 5 оловянныхъ и мѣдныхъ печатей и кнши всякаго рода бумаги. Въ тюменской тюрьмѣ, въ кухнѣ подъ квашнею, нашли нѣсколько вынутыхъ кирпичей для пустоты, въ которой пряталась водка, и такъ далѣе—въ безконечность...

Заручаясь, такимъ образомъ, съѣстнымъ на первые, самые трудные дни побѣга, арестанты скопляютъ въ неопредѣленные сроки и деньги. Для таковыхъ хоронущекъ устраиваются около себя и деньги зашиваются въ воротѣ рубашки, въ воротѣ казенной куртки, гдѣ нибудь въ полушубкѣ, подъ стельками, въ подошвѣ сапога и въ выдолбленныхъ каблукахъ его. Тогда весь секретъ состоитъ только въ томъ, чтобы уберечь накопленное отъ воровскаго глаза, ибо, какъ извѣстно, тюрьма собственности не признаетъ и воруетъ на обѣ руки и всякими способами. Чтобы вѣрнѣе увеличить копилку новымъ приращеніемъ, арестантъ ложится въ госпиталь, не беретъ денегъ на пищу, наполняетъ ее въ заработанныхъ грошахъ за предыдущіе мѣсяца на текущіе, и, во всякомъ случаѣ, на больничной койкѣ онъ въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ былъ на казарменныхъ нарахъ, гдѣ, какъ извѣстно, раскладываютъ карточный майданъ, соблазняютъ виномъ и иными сластями.

Такъ или иначе, бывалый арестантъ безъ денегъ и провизіи съ каторжнаго мѣста не снимается. Самый опытный и не одинъ разъ бывалый уходитъ изъ тюрьмы одинъ: всѣ остальные, и въ большей части случаевъ, подговариваютъ товарищей - спутниковъ, а новичекъ нуждается въ вожакѣ: „безъ запѣвалы-де и пѣсня не поется“. Для побѣга выбираютъ всегда теплую пору и бѣгутъ обыкновенно весною, когда закукуетъ кукушка (отсюда и

выраженіе: „идти на вѣсти къ Кукушкину генералу“ или „кукушку слушать, какъ постъ“). Бѣгутъ во множествѣ лѣтомъ, рѣже къ осени и холодному времени, и только отчаяніе и дерзкая рѣшимость уводятъ арестантовъ холодами на зимніе палиціе морозы *). Во всякомъ случаѣ весеннее время и лѣтняя пора всего больше красны на каторгѣ побѣгами даже и изъ такихъ тюремъ, оттуда бѣгутъ всего меньше, каковы Карійскія.

Самый побѣгъ для каторжныхъ, когда готовы всѣ путевые запасы, не мудренъ.

— Выла бы охота (говорятъ сами бродяги), а на что—такъ надо спрашивать—человѣку и голова въ плечи ввинчивается?

— А на что и солдаты такіе къ намъ представлены, что либо плутъ хуже нашего, либо такой, что только сван имъ вѣсвать. Слушайте!

Года два тому назадъ (т. е. въ 1859 году). на одномъ изъ карійскихъ промысловъ послано было нѣсколько человѣкъ арестантовъ на работу. При нихъ, по уставу и обычаю, находились конвойные: одинъ изъ штрафныхъ солдатъ, назначенныхъ на Амуръ, но перевернутыхъ въ забайкальскіе казаки, а другой—молодой парень изъ тѣхъ старожилыхъ заводскихъ крестьянъ, которыхъ въ 40-хъ годахъ переименовали въ казаки по имени только, но не на самомъ дѣлѣ.

Пришли арестанты съ конвойными на работу. Солдаты изъ штрафныхъ говорятъ товарищу, конвойному изъ казаковъ:

— Поди-ко, землякъ, зачерпни водицы, что-то отъ шей нутро жжетъ, а я посмотрю за арестантами. Да шинель-то сними, а не то на офицера наткнешься: обругаетъ и избьетъ; въ отвѣтъ будемъ оба.

Тотъ такъ и сдѣлалъ: сходилъ на Кару за водой, вернулся назадъ. Сидитъ на старомъ мѣстѣ одинъ арестантъ.

— А другіе гдѣ?

— Да гулять ушли, тебя не спросились.

— Какъ такъ?

*) Вотъ что, между прочимъ, рассказываетъ въ подтвержденіе нашего свѣденія хроника Петровскаго завода о числѣ бѣжавшихъ, среднимъ счетомъ, по мѣсяцамъ: въ январѣ изъ ссыльно-каторжныхъ 2, въ февралѣ 10, въ мартѣ 4, въ апрѣлѣ 65, въ маѣ 35, въ іюнѣ 32, въ іюлѣ 21, въ августѣ 10, въ сентябрѣ 28, въ октябрѣ 11, въ ноябрѣ 12, въ декабрѣ ни одного. Числовыя данныя побѣговъ по другимъ тюрьмамъ идутъ почти въ той же прогрессіи, на измѣненіе которой, конечно, имѣютъ вліяніе климатическія условія. До нѣкоторой степени эти цифры можно считать барометрическимъ указателемъ, что такой-то зимній мѣсяцъ въ такомъ-то году былъ крѣпко морозенъ и такой-то весенній былъ также холоденъ, какъ въ данномъ примѣрѣ мартъ и декабрь. Устоялъ декабрь съ оттепелями—цифра побѣговъ подвѣтлалась; бѣжало много въ январѣ—значитъ, теплый стоялъ, и тому подобно.

— Да этакъ! И я бы съ ними ушелъ, крѣпко звали, да отдумалъ. Имъ-то было вдоль по каторгѣ (т. е. безъ срока), а мнѣ вотъ года два до конца осталось, не стоять!

— А шинель моя гдѣ?

— Загнѣмъ-то тебѣ ее и оставить велѣли, что шинель твоя на одного арстантика поступить должна, на рыжаго-то. На него она и поступила, повѣрь мнѣ!

Вскорѣ прошли на промыслахъ слухи, что идетъ-де по почтовому торному тракту, днемъ и ночью, по направлению къ городу Читѣ, одинъ солдатъ съ сумою и съ ружьемъ и ведетъ съ собою трехъ арстантовъ.

— Куда-де, землякъ?—спрашивалъ купецъ, поставившій на арстантовъ муку.

— Вотъ въ Читу на допросъ арстантовъ веду.

Черезъ двѣ недѣли палъ новый слухъ отъ другого торговца, вернувшася съ верхнеудинской ярмарки: идетъ-де солдатъ подъ Верхнеудинскомъ и ведетъ съ собою только одного арстанта. Ведетъ онъ его также на допросъ, какъ самъ сказывалъ, въ Верхнеудинскъ, изъ бѣговъ-де поймалъ.

— Такъ и уведесть (думали на Карѣ), уведесть и самъ уидеть бѣглый солдатикъ съ бѣглымъ арстантомъ прямо въ Россію или куда имъ надо, гдѣ имъ лучше понравится, если не попадутъ на какой нибудь рожокъ. Да едва ли-де: въ Сибири дороги тоже торныя живутъ, да и глухи бываютъ, кромѣ купцовъ и проѣзду почти никому нѣтъ; кромѣ бродягъ да бѣглыхъ съ заводовъ и прохожихъ другихъ не видать, да разъ въ недѣлю арстантская партія кандалами прозвонитъ; обозы чайныя тоже не во всякое время ходятъ. По дорогѣ простору много.

Случай въ Читѣ сдѣлался извѣстнымъ даже въ Петербургѣ.

Тамошніе гарнизонныя солдаты не только выпускали на ночь арстантовъ, но и сами ходили съ ними на грабежъ въ городѣ и сѣднѣннхъ селеніяхъ. Передъ свѣтомъ аккуратно возвращались: одинъ на часы, другой въ заточеніе. Виновныхъ велѣно было строго наказать, но наказаніе не остановило преступленія. Солдаты снова произвели нѣсколько кражъ и украденныя вещи спрятали на гауптвахтѣ; офицеры оказались по слѣдствію потворщиками. Еще въ 1836 году генералъ-губернаторъ Броневскій свидѣтельствовалъ, что нравственность тѣхъ казаковъ, которые обращались при полиціи и въ частомъ прикосновеніи со ссылными, была рѣшительно потрясена.

Бываютъ на каторгѣ другія дѣла и другого рода и вида побѣги, когда одинъ старается перехитрить другого, не разбирая (какъ въ данномъ случаѣ) того, что валить этого другого себѣ подъ ноги, въ яму. Такъ какъ борьба эта ведется на взглядъ и на счастье, почти въ

темную, то и ходы ея разнообразны и мудрены до того, что понять ихъ и услѣдить за всѣми ставками вѣтъ почти никакой возможности. Сами бродяги таятся, слѣды свои тщательно прячутъ, рѣдкіе рассказываютъ кое-какія подробности, но всегда, конечно, оставляютъ про себя и для товарищей всю суть и всю подготовку. Самое вѣроятное и неоспоримое одно только, что каторга даетъ обильное количество побѣговъ.

Всѣхъ бѣглыхъ по всему Нерчинскому округу за 10 лѣтъ (съ 1847 по 1857 годъ) считалось 2.841 человекъ такихъ только, которые за побѣги наказаны были на заводахъ. Сверхъ того, бѣжало еще 22 женщины, которыя были пойманы и также наказаны на заводахъ. Къ 1 января 1859 года, т. е. за 11 лѣтъ, во всѣхъ нерчинскихъ заводахъ считалось въ бѣгахъ невозвращенными: 508 человекъ горныхъ служителей и 3.104 ссылныхъ и ссыльно-каторжныхъ, такъ что, по сравненію съ количествомъ всего сосланнаго населенія, въ бѣгахъ ровно 24%. Таковъ учетъ общаго горнаго управленія въ валовыхъ цифрахъ. Частныя исчисленія также краснорѣчивы, хотя мы и придерживаемся цифры собственно ссыльно-каторжныхъ и не принимаемъ въ расчетъ поселенцевъ (объ этомъ дальше, въ своемъ мѣстѣ). Знаменитый Петровскій желѣзодѣлательный заводъ, единое изъ дѣтницъ того же Нерчинскаго горнаго округа, тоже считалъ свою усышку и утечку. Къ 1-му сентября 1851 года у него нашлось въ бѣгахъ, тоже въ десятилѣтней сложности, всѣхъ бѣглыхъ 740 мужчинъ и 5 женщинъ. Къ 1-му января 1852 года (т. е. въ два осеннихъ и одинъ зимній мѣсяцъ) успѣло бѣжать еще 26 человекъ, стало всего въ неустойкѣ 771 вольная душа. Изъ этого числа поймано только 19 человекъ, исключено за десятилѣтнею давностью 31, осталось—стало быть—въ бѣгахъ 716 мужчинъ и 5 женщинъ. Нѣкоторое число такихъ заводовъ имѣетъ получить назадъ подъ названіемъ оборотней, возвращенными изъ Россіи въ той цифрѣ, которая выясняется въ тобольскомъ приказѣ о ссылныхъ. Тамъ, между прочимъ, навѣрное утверждаютъ и несомнѣнно доказываютъ, что число пригнанныхъ обратно въ Сибирь на каторгу и поселеніе, съ 1833 по 1845 годъ, двѣнадцать тысячъ шестьсотъ пятьдесятъ два человекъ (въ томъ числѣ 345 женщинъ) и что однихъ каторжныхъ въ теченія десяти лѣтъ (съ 1838 по 1847) принято изъ Россіи съ возвращенными черезъ Тобольскъ 2.446 мужчинъ и 27 женщинъ. Конечно, между ними не всякій укажетъ на то, съ какой онъ бѣжалъ каторги. Бродягами давно уже приспособленъ способъ сочиненія псевдонимовъ, вѣнчающихся общими мѣстомъ „непонимашихъ родства“ *).

*) Обязуясь подробнымъ изслѣдованіемъ вопроса о бродягахъ во всемъ его многостороннемъ

Чѣмъ и какъ обставляются побѣги съ каторги, мы объяснимъ нѣсколькими очерками, сообщенными частью интересовавшимися этимъ дѣломъ, частью самими заинтересованными въ немъ. Разрядъ послѣднихъ разбивается для насъ на двѣ категоріи. Къ первой и главной мы относимъ тѣхъ бывалыхъ бродягъ, которые снимаются съ мѣста для пути дальняго елико возможно и не спуста. Они отлично знаютъ дорогу и эта, издавна пробитая тропа называется варнацкою дорогою, имѣетъ определенное направленіе по лѣсамъ, жилищамъ и нежилымъ мѣстамъ и опытнаго бродягу уводитъ далеко, уводитъ въ Россію. Истинный варнакъ снимается съ мѣста для того, чтобы, по возможности, подольше пожить на своей волѣ, старается по мѣрѣ силъ не возвращаться на каторгу, искусно замѣтая слѣды или, если уже для него оборвется счастье, то запишется въ оборотни, но не скоро. Къ другой категоріи бродягъ мы относимъ тѣхъ съмыльно-каторжныхъ, которые бѣгутъ на авось, иногда просто прогу-

и широко развитія, мы на этотъ разъ продолжимъ наблюденія наши надъ цифрами бѣглыхъ съ сибирскихъ заводовъ и беремъ намѣренно года на выдержку, не подчищая ихъ системѣ и при этомъ указывая первые попавшіеся намъ на глаза. Такъ, напр., на Александровскомъ винокуренномъ заводѣ съ 1 января 1846 года по 1 ноября 1859 бѣжало съ работъ 1.013 мужч. и 19 женщ. Изъ этого числа домашними средствами поймано (а въ томъ числѣ, конечно, и добровольно пришли въ зимнее холодное время) только 277 мужч. и 4 женщ. Въ 1833 году бѣжало изъ этого завода 633 чел., въ 1834—770, въ 1835—754, въ 1836—591, въ 1837—293, въ 1838—32, въ 1839—76, въ 1840—40, въ 1841—71, въ 1842—82, въ 1843—98. Уменьшилась въ послѣдніе года цифра побѣговъ оттого, что въ заводъ стали меньше присылать рабочихъ и замѣтно ослабѣлъ тюремный надзоръ съ уменьшеніемъ командъ, обращенныхъ на другіе заводы. Въ 1843 году изъ 98 человѣкъ возвращено было только 8. Изъ Успенскаго винокуреннаго завода (Тобол. губ.) въ 1860 г. бѣжало каторжныхъ 160 человѣкъ, да весною слѣдующаго года успѣло удрать еще новыхъ 22. Бѣглецы по другимъ заводамъ Восточной Сибири стояли въ такомъ количествѣ:

Въ 1837 году изъ Иркутск. солевар.	363
• 1838 „ „ „ „ „	238
• 1839 „ „ „ „ „	248
• 1840 „ „ „ „ „	359
• 1841 „ „ „ „ „	136
Въ 1837 году изъ Троицк. винокур.	181
• 1838 „ „ „ „ „	164
• 1839 „ „ „ „ „	206
• 1840 „ „ „ „ „	171
• 1841 „ „ „ „ „	79
Въ 1837 году изъ Селенгин. солевар.	38
• 1838 „ „ „ „ „	74
• 1839 „ „ „ „ „	36
• 1840 „ „ „ „ „	28
• 1841 „ „ „ „ „	27

Все это, конечно, въ десятилѣтней сложности съ увеличеніемъ цифры отъ новыхъ побѣговъ и съ уменьшеніемъ ея за вычетомъ по закону десятилѣтней давности.

латься, побродить въ лѣсу и на волѣ, „единственно для отбывательства отъ казенныхъ работъ“, какъ привыкли выражаться официальные бумаги. Такого рода бѣглецы — жиганы, мелкота — зачастую не уходятъ дальше Байкала. Наступающіе холода на измызанную за лѣто въ ходьбѣ по лѣсамъ казенную одежду, незнаніе дороги, пріемовъ и правилъ бродяжяго дѣла — все это такихъ мелкихъ бродягъ, безъ всякаго участія и усердія со стороны полицейскихъ начальствъ, стогоняетъ на каторгу. Такіе бродяги съ первыми осенними морозами являются въ ближайшій городъ и на судъ съ повинною головою и съ покорными руками и ногами. Похожденія такихъ немногосложны.

Бѣгутъ они, при первой открывшейся возможности, на угадъ, куда глаза глядятъ, бѣгутъ обыкновенно шайкою въ томъ предположеніи, что на людяхъ и смерть красна. Если бѣгутъ безъ возака, то стало быть путаются, наталкиваются на множество случайностей и, въ большей части случаевъ, не выдерживаютъ, т. е. попадаютъ. Вотъ что рассказывалъ одинъ изъ таковыхъ:

„Бѣжали мы втроемъ съ „хвостовъ“ на Среднемъ промыслѣ. Ходили цѣлую ночь и прошли ка-быть много.

„— Версть, молъ, братцы, десятка два будетъ?

„— Будеть, слышь.

„Стало свѣтатъ, а мы въ пади какой-то.

„— Идемъ, молъ, товарищи, куда насъ эта падь поведеть.

„— Ваяля!—говорять:—перекрестившись?

„Шли шли падью, селеніе какое-то передъ собой увидали, испужались.

„— Не назадъ ли, товарищи?

„— Чего назадъ? гляди впередъ, затѣмъ вѣдь и ушли. Разбирай, какое жильё!

„Поднялся я на гору, глядѣль, глядѣль...

„— Лѣшій, молъ, насъ, ребята, водить да и лѣшій-то не нашъ, а казенный, промысловой.

„— Чего-де такъ?

„— Поглядите-тко, никакъ къ Верхнему промыслу пришли.

„Стали разглядывать, примѣты распознавать, такъ и есть: Верхній промыселъ, и тюрьма ихняя, и разрѣзъ тутошной, и приставъ домъ увидали.

„— Пойдемъ, молъ, ребята, туда, спокоемся, а тамъ поживемъ, повыспросимъ, дороги узнаемъ. А что-то, молъ, мы и бродяжить-то не умѣемъ: не рука знать!

„Стали мы толковать, стали промежъ себя спорить. И ночи-то жалъ терять за-напрасно, и тюрьму-то мы видимъ впереди подъ горой и разрѣзъ; жолоба по рѣчкѣ-то, по Карѣ-то этой, обозначалась. Чортъ, молъ, съ вами, а теперь у насъ день, пойдемъ лѣсомъ. Беря лѣвѣя! ворочать не станемъ.

„Тамъ и рѣшили, а пошли опять наугадъ,

пошли лѣвѣй да и взяли прямо. И шли мы еще день. Ночью спали. На пятые сутки животъ тосковать началъ. Сказалъ я объ этомъ товарищамъ.

„— И у насъ, слышь, тоскуеть.

„— Да по комъ?

„— Не по артельномъ же, слышь, хлѣбѣ, а надо полагать, захотѣло брюхо получше чего, надо быть горячаго.

„— Ягоды бы ему дать хорошо, не спѣсиво оно!—шутить это.

„А гдѣ ее возьмешь, ягоду-то эту? Лѣса стоять все какіе-то не какіе. Кочки между деревьями-то да трясина и густымъ прегустымъ мохомъ затянуло все; идешь словно по перинѣ, а ягоду нѣту. А брюхо-то съ голодухи такъ и выворачиваетъ, словно рукавицу.

„Станемъ себя утѣшать, разговаривать, а оно, брюхо-то, нѣтъ-нѣтъ да и завоетъ, ровно въ немъ на колесахъ ѣздить. Точно ему стало, голь-сь подаетъ.

„Идемъ впередъ. Заборъ увидали. Стали оглядываться, нѣтъ ли жилища какого? Слышимъ, одинъ товарищъ заревѣлъ заревѣлъ, словно съ него живого лыки драли. Мы кинулись, смотримъ: въ яму какую-то провалился и зѣваетъ по медвѣжьему. Вынули мы его.

„Другой товарищъ смѣкнулъ:

„— Это-де, братцы, для козуль настораживаютъ. Вонъ, въ воротахъ-то, бревно на волоскахъ повѣсили. Чуть упадетъ, то и раздавить. Много, слышь, нашего брата, не вѣдая, этакъ свою жизнь кончали. Хорошо еще, что товарищъ въ яму попалъ, а не въ ворота прошелъ.

„Передѣзли мы черезъ заплотъ (ограду) дальше, а въ ворота не пошли. Сталъ намъ товарищъ рассказывать, какъ бревно такъ ловко прилажено, что козуля пролѣзаетъ въ ворота да дотронется только до бревнушка, тутъ и смерть ея. Вышли мы въ поле. Въ полѣ стадо барановъ ходить, а при нихъ пастухъ мальчишко. Увидалъ онъ насъ, бросился опрометью прочь отъ насъ. Мы его звать, не слушаетъ, мы божиться, сталъ подходить. Кричить намъ:

„— Не убьете?

„— Нечѣмъ, молъ, дуракъ экой! смотри, пустье идемъ. Дашь намъ ѣсть, еще денегъ тебѣ дамъ.

„— Я не дамъ, боюся васъ! А подойдите-де, сами возьмите, вонъ подъ кустомъ хлѣбъ лежитъ.

„Я пошелъ. Нашелъ тряпичку, развернулъ, хлѣбъ увидалъ, схватилъ его въ обѣ руки. Хотѣлъ сожрать его въ три раза, такъ ужъ и глазами намѣтилъ, какъ надо и зубы наложилъ, да вспомнилъ товарищей. Такъ у меня словно хлѣбъ-отъ кто оторвалъ ото рта. А умомъ-то мекаю: не стану, молъ, ѣсть, дѣлиться велать; зачѣмъ и идемъ-то мы вмѣстѣ и другой кто не сдѣлаетъ такъ. Думаю это, а ѣсть еще пуще мнѣ тотъ хлѣбъ захотѣлось. Запахъ-отъ его

слышу, такъ животъ-отъ мой и заворчитъ и заворочается въ нутрѣ-то. Стало мнѣ на умъ всходить, что не донести мнѣ хлѣба, съѣмъ я его, а тамъ пушай они приколотятъ меня за то. Тутъ товарищи-то и закричали. А я стою на томъ же мѣстѣ, гдѣ хлѣбъ взялъ. Закричали товарищи-то, стало мнѣ на умъ другое придать: съѣмъ одинъ—сытъ буду, съ товарищами подѣлю—никто сытъ не будетъ, коврига-то малая. Сдумалъ я такъ-то, стиснулъ краюху зубами, зажалъ глаза, духъ забралъ въ себя, да ужъ и не помню, какъ припустилъ бѣжать. Бѣжалъ я что было силы, во всѣ лопатки. Прибѣжалъ къ товарищамъ, берите, молъ, да и мнѣ оставьте!

„Раздѣлили хлѣбъ поровну. Дальше пошли. Опять бредемъ цѣлый день. Къ вечеру деревенька помеледилась.

„— Пойдемъ, товарищи, въ крайнюю избу, будетъ маяться-то намъ.

„— Стучись, товарищ!

„Постучались мы, впустили. Мужичекъ не старый сидитъ и таково ласково смотритъ на насъ; спрашиваетъ:

„— Съ Кары, ребята?

„— Съ Кары, молъ, дядюшка.

„— Которыя сутки не ѣли?

„— Пятая сутки крохи не видали.

„— Садись,—говорить:—ребята, за столъ!

„Сѣли. Вынулъ онъ шей изъ печки. Налилъ ихъ въ чашку, хлѣба туда накрошилъ, далъ постоять, ложку взялъ: „Вы-де сами, ребята, не притрогивайтесь, меня слушайте“. Зачерпнулъ онъ шей съ хлѣбомъ, мнѣ далъ, опять зачерпнулъ ложку, товарищу поднесъ, и такъ всѣхъ одѣлилъ по одной и по другой. Мы еще попросили, не далъ. Отошелъ отъ стола и чашку со щами спрятать. Спрашиваетъ:

„— Вы, ребята, однако, впервые надо быть?

„— Что, молъ, такое впервые?

„— Бѣжите-то?

„— Не случилось, молъ, ни разу о сю пору, впервые бѣжимъ.

„Усмѣхнулся.

„— Однако, ложитесь, говорить, спать теперь. Дамъ я вамъ еще этихъ шей, то разорветъ брюхо, помрете. Много-де ко мнѣ заходило вашего брата, я это дѣло знаю, какъ поступать.

„Уложилъ онъ насъ спать въ подъязбицѣ. Спали мы крѣпко; какъ легли, такъ и заснули, и на умъ не пришло поопаситься. Да и то думать надо: намъ на ту пору все равно было, что стариковы щи хлѣбать, что заводскую березовую кашу. Чертъ побери все! Однако, проснулся на волѣ. Старикъ опять шей вынесъ: по три ложки намъ далъ и тѣ не вдругъ, а въ очередь. Опять насъ спать уложилъ. Поднялись мы опять, онъ насъ накормилъ до сыта и на дорогу далъ намъ хлѣба и совѣтъ:

„— Ступайте вотъ теперь прямо! На пути

вамъ будетъ распадокъ. Дорога пойдетъ прямо въ него—не ходите, тутъ казаки ловятъ. Верите лучше въ правую падь. Тамъ далеко есть займка, въ ней казакъ живетъ; хлѣба не съестъ, хлѣбъ не ростетъ. Бѣлукетъ: ходить съ ружьемъ за бѣлкой, за козулей ходить, пасти поѣдныя и огородныя ставить. Казакъ этотъ охотно нанимаетъ вашего брата варнака въ работу да платится за послугу свинцомъ. Такъ вы это помните и на носу зарубите!

„Послушались мы приказу, въ лѣвую падь не ходили, пошли въ правую и въ займку поступались, силушки нашей не хватало. Бѣсть стало нечего, весь хлѣбъ вышелъ, а днемъ спали, по ночамъ шли. Да можетъ, молъ, старикъ по насѣрду на этого казака сказываетъ. Зашли. Казакъ ласковый такой, встрѣтилъ, угощаетъ, суетится:

„— Сейчасъ же, на ваше счастье, козулю убью, ѣшьте!

„Покормилъ онъ насъ. Сговаривать сталъ:

„— Оставайтесь, кормить васъ буду, вы только работайте, и работа-то легкая. А спрячьте васъ такъ, что никакой сыщикъ не доберется. Бывалое дѣло!

„Говорить, улецаеть, все норовить, какъ бы за самое сердце наше ухватить, да мы помнимъ стариковъ наказъ — на соблазнъ сдаваться не хотѣли. Проспали мы ночь. Поутру рано ушли такъ, что онъ и не примѣтилъ, спалъ еще. Подъ вечеръ смотримъ, догоняетъ онъ насъ верхомъ на лошади и винтовка у него за спиной торчитъ. Сталъ подѣвзывать, винтовку на руку взялъ, стрѣлять захотѣлъ, прицѣливается. Вросились мы со всѣхъ ногъ на него всѣ трое. Одинъ сгрѣбъ его сзади, оборвалъ ремень и винтовку отнял. Поднялъ онъ коня на дыбы, ускакалъ. Въ сумерки опять нагоняетъ и винтовка въ рукахъ у него другая. Кричитъ намъ издали:

„— Отдайте винтовку мою!

„— Не подходи!—отвѣчаемъ:—Мы сами въ тебя палить станемъ, убьемъ.

„Толковалъ онъ съ нами долго, а винтовки мы ему все-таки не отдали. Онъ повернулъ коня назадъ, а намъ вслѣдъ пригрозилъ:

„— Такъ ли, не такъ ли, а вашу-де вину и свою обиду на другихъ варнакахъ вымещу.

„Съ тѣмъ онъ и уѣхалъ. Въ одной пади мы на народъ наткнулись, опознались: бѣглыми съ Петровскаго завода сказались. Сговорились мы идти всѣ вмѣстѣ; стало насъ 12 человекъ, веселѣй ка-быть стало и страху не въ примѣръ меньше. Разложили мы огонь, теплину сдѣлали. Товарищи ушли въ лѣсъ поискать ягоды либо кедровыхъ орѣховъ. А то есть курчаватая такая сарана, корень ея больно сладокъ, ѣдимъ мы ее и сыты бываемъ. На нее намъ въ тюрьмѣ бывальцы указывали: ищите-де ее и ѣшьте, не бойтесь! Я остался у огня, а на огонь медвѣдь вышелъ. И ружье есть, да пороху нема. Цѣ-

лился я въ него, не испужалъ, а на меня же полѣзъ. Началъ я бѣгать кругомъ огня, на огонь онъ не полѣзъ; тоже и самъ сталъ ходить за мной и все норовилъ лапой сгрести меня. Однако, усталъ медвѣдь, въ лѣсъ ушелъ. Товарищи вернулись пошли мы дальше. Опять огонь разложили. Смотримъ, опять надо быть тотъ же медвѣдь къ намъ изъ лѣсу вышелъ въ цѣлое дерево въ охапкѣ несеть. Мы за большое дерево тутъ подлѣ спрятались, а кто и на самое дерево влѣзъ. Подошелъ онъ къ огню, хватилъ изъ всей медвѣжьей силы: погасить хотѣлъ, да только искры по сторонамъ полетѣли, да головешка больно высоко подпрыгнула. Осердился онъ, сталъ огонь загребать лапами и такъ-то старался! Тутъ одинъ товарищъ догадался: подошелъ къ нему сзади, да такъ-то хватилъ его по заднимъ ногамъ толстой палкой, что онъ ажъ показалъ намъ, какъ салазки умѣетъ дѣлать, даромъ что былъ неученый и съ татарами въ Рассей на цѣпи не хаживалъ. Полежалъ это онъ, поревѣлъ да и надумалъ: хорошее дѣло черезъ голову кувыряться; ушелъ, значить. На третью сутки опять онъ брелъ за нами слѣдомъ, на четвертую — опять пужалъ, на пятую какъ отсталъ, такъ ужъ больше и не показывался *).

„На шестыя сутки попали мы на казаконъ.

*) На тему встрѣчь съ медвѣдемъ вотъ еще одинъ рассказъ бѣлаго:

„Идемъ, отдавшись на волю Божию. Иной разъ, кромѣ зайцевъ, рѣдко кто изъ живыхъ встрѣчается, а иногда нашъ братъ и на медвѣдя напаривается. Мнѣ разъ встрѣтился; было ружье у меня, надо бы его поставить на сошку да стрѣлять ему въ сердце, такъ зарядъ-отъ у меня былъ бѣличій. Выстрѣлъ рассердилъ только. Дерево мнѣ на боку подвернулось — спрятался. Сталъ онъ меня ловить, а я успѣлъ изъ-за пояса топоръ выхватить; хотѣлъ рубить по лапамъ, да онъ всякой разъ здогадается и отобьетъ топоръ. Попытился разъ, сгрѣбъ въ ланы пень, положилъ его въ дерево, притащилъ другую корягу, третью, четвертую и опять полѣзъ на меня. Разсудило лѣсное чудовище, что пни помѣшаютъ мнѣ бѣгать, да и я не у него учился: черезъ пни прыгалъ, да успѣвалъ и отталкивать временемъ тѣмъ изъ-подъ ногъ своихъ. Свечерѣло; медвѣдь уходился, да и я весь въ мѣлѣ. Стали мы отдыхать оба. Онъ отошелъ и легъ на землю, голову положилъ на пень, глаза навелъ на меня. Онъ лежитъ, да и я стою, не шевелюсь. Думаю: шевельнись я — и онъ вскопичитъ. Легонечко, приемовъ надо быть въ 20, такъ и такъ врадучись отъ звѣря, успѣлъ я зарядить ружье. Наступила ночь и темно стало. Зарядилъ я ружье. Востокъ покраснѣлъ, а тамъ и разсвѣло и медвѣжьимъ глаза не такъ стали страшны. Успѣлъ я поставить ружье на сошку и не снимался съ мѣста, чтобы не огорчить его. Тихимъ манеромъ, ему не въ примѣтъ, сталъ я наклоняться къ прикладу, а глазъ съ него не свожу. Такъ вотъ побѣдомъ и ѣдимъ другъ дружку буркалками-то своими. Обманулъ я его, выстрѣлилъ; онъ, словно угорѣлый, метнулся на меня, хватился о дерево такъ, что то застонало даже. Растянулся. Я опять зарядилъ всѣмъ зарядомъ,

„— Это вы-де,—сказывают:—в нашей деревни казака убили?!

„Схватили нас казаки—и представили“!

Въ рассказѣ этомъ, имѣющемъ поразительное сходство со всѣми другими, для насъ яснѣе другихъ, важнѣе прочихъ одна подробность: это именно готовность сибирскихъ крестьянъ принимать и обогрѣвать ссыльныхъ. Въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ столько же и чувство состраданія къ голому и голодному искателю приключеній—чувство, завѣщанное отцами, закрѣпленное ихъ примѣромъ и поваженное долгимъ опытомъ, сколько и экономическія причины и условія сибирскаго быта, передъ которыми безсильны и ничтожны всякія угрозы и страхи быть на судѣ и въ отвѣтъ за укрывательство бѣглыхъ, за пристанодержательство, передержательство. Сибирскій хозяинъ изъ крестьянъ и казаковъ всегда затрудненъ и всегда сильно нуждается въ работникахъ, которыхъ особенно мало въ Забайкальѣ, обездоленномъ тремя тягами: привлеченіемъ большого числа рабочихъ на Амуръ на казенныя работы, наймами ихъ на частныя (витимскіе и чикойскіе) золотыя промыслы, а въ то же время и въ извозъ подѣ чай, ходившіе въ огромномъ количествѣ изъ Кяхты. Между тѣмъ бѣглый, съ самыхъ давнихъ временъ, очень дешевый рабочій; за однѣ харчи, изъ-за одного хлѣба, онъ готовъ работать все лѣто и на страдѣ въ дугахъ, и на пожняхъ въ поляхъ. Входя въ экономическія сдѣлки, становясь въ условія круговаго обязательства, оба (и наемщикъ и батракъ) остаются въ одинаковой отвѣтственности и передъ судомъ и закономъ и передъ личною собственностью. Обычай этотъ такъ простъ и долговѣченъ, что держатся его съ самаго начала заселенія Сибири ссыльными и не только обызватели ближнихъ къ каторгамъ мѣсть, но и дальніе жители Западной Сибири, Урала и проч. Случай мести, затѣваемой бродягами по временамъ и вынуждаемой отказомъ въ гостеприимствѣ, въ видѣ подпуска краснаго пѣтуха (т. е. пожара), держать этотъ обычай на сторожѣ и во всегдашней готовности облекаться въ фактъ. Факты же эти до такой степени общи и часты, что ими преисполнены рассказы самихъ бѣглыхъ и всѣ официальные бумаги архивовъ. Отработывая у наемщиковъ урочное время, бродяги идутъ себѣ дальше пытаться счастья, искать новыхъ приключеній. Большинство изъ нихъ съ голодухи скорѣе ограбятъ какойнибудь казенный транспортъ (почту напр.), чѣмъ вскинутся на челодавъ проѣжаго. Сибирскія дороги славятся безопасностью въ сравненіи со всѣми

что было его у меня, смѣваю то, что опять, хитрый человекъ, обманывать меня выдумалъ, жертвнымъ приклянулъ. Я рѣзнулъ по нему полнымъ зарядомъ въ другой разъ, да онъ ужъ и не сказывался. А я дальше пошелъ».

русскими дорогами, хотя могли бы и имѣютъ право отличаться противоположными свойствомъ. Отбиваются бродяги и совершаютъ убійства только въ такомъ крайнемъ случаѣ, когда встрѣчаютъ вооруженное нападеніе, озлобленность и жестокость со стороны нападающихъ. Предательство вызываетъ месть и месть эта является тѣмъ жестоке и немилостивѣе, чѣмъ преступнѣе и испорченнѣе сердца бродягъ. Случай такого рода, повторяемъ, рѣдки. Голодъ тутъ играетъ немаловажную роль и бродяга собственно въ сибирскихъ странахъ—мирный путникъ, не рѣшающійся никого обидѣть, изъ боязни самому быть обиженнымъ.

У нѣкоторыхъ страсть къ бродяжничеству принимаетъ форму какого-то особаго рода помѣшательства, со всѣми признаками настоящей серьезной болѣзни, которая требуетъ радикальныхъ средствъ, мучить и преслѣдуетъ больного, какъ какаянибудь перемежающаяся лихорадка, имѣя форму болѣзни періодической. Въ Петровскомъ заводѣ имѣлся одинъ изъ такихъ, извѣстный всѣмъ содержавшимся тамъ декабристамъ и, по исключительности своей, памятный многимъ изъ встрѣченныхъ мною. Привычка шататься развилась въ немъ въ такую болѣзнь, что съ каждою весною онъ начиналъ непременно испытывать ея тяжелые, упорные припадки. Онъ начиналъ всѣхъ бояться, дѣлался задумчивымъ, молчаливымъ, равнодушнымъ ко всему, его окружающему; старался уходить куданибудь въ уголъ, прятался въ укромныя и темныя мѣста. На работахъ онъ испытывалъ тоску, которая доводила его до истерическихъ слезъ. Слезы эти и тоска разрѣшались обыкновенно тѣмъ, что онъ улучалъ—таки время и убѣгалъ. Больной пропадалъ обыкновенно все лѣто, къ осени же появлялся въ заводѣ оборваннымъ, исхудалымъ, но веселымъ. Лицо его было испарпанано, руки и ноги въ синякахъ и въ занозахъ; знакъ, что больной гулялъ не просто, не жилъ въ наймахъ по займкамъ (иначе принесли бы мозоли), но, совершая свои экскурсіи, прятался отъ людского глаза въ лѣсныхъ чащахъ. Въ послѣднихъ онъ даже подсмотрѣнъ былъ товарищами, вѣрившими, что все его удовольствіе и самое главное наслажденіе состояло въ томъ, чтобы во все лѣто не видѣть никого, и вся работа хлопотливо направлена была къ тому, чтобы хоронить свои слѣды отъ всякаго. Отшельникъ этотъ на все лѣтнее время отвыкалъ отъ хлѣба и легко примирялся съ дикою пищею, употреблялъ ягоды (бруснику, малину и боярку) и разные корни и травы (черемшу, сарану, мангиръ и бѣлый корень, называемый козынь звѣробоемъ). Приходя отъ травъ въ крайнее безсиліе, онъ изрѣдка приближался къ селеніямъ или на страды и воровалъ хлѣбъ, но очень рѣдко выпрашивалъ его и довольствовался имъ только, какъ лакомствомъ. Возгра-

щаясь съ прогулокъ въ заводъ по доброй волѣ, принужденный лишь наступающими крѣпкими осенними холодами, противъ которыхъ не могли устоять его оборванная и измыганная одежда—отшельникъ все-таки по положенію получалъ наказаніе розгами. Наказаніе это онъ не вмѣнялъ ни во что и для болѣзни своей не считалъ его ни за хирургическое, ни за терапевтическое средство. Затѣмъ онъ всю осень и зиму весело жилъ на работахъ, работалъ за двоихъ послушно и безпрекословно, такъ что всѣхъ приводилъ въ удивленіе, но трудился такимъ образомъ только до весны, до кукушки. А лишь только снова начинала она свою завѣтную, немудреную пѣсню, арестантъ начиналъ испытывать прежніе припадки, столько же мучительные и невыносимые. Шесть лѣтъ ходилъ онъ такимъ образомъ въ лѣсъ и приучилъ тюремное начальство смотрѣть на его дѣла сквозь пальцы, снисходительно. На седьмую весну пришелъ отшельникъ къ смотрителю, упалъ ему въ ноги и просить:

— Ваше благородье! Кукушка кукуеть—уйду, слышать не могу, соблазняетъ, уйду. Либо прикажите связать, либо на цѣпь къ стѣнѣ приковать и лису наложить, либо сдѣлайте что хотите. Не втерпѣжь мнѣ это дѣло стало, я что нибудь самъ надъ собой сдѣлаю.

Сердобольный смотритель послушался, посадилъ его на цѣпь, предварительно, уже для личнаго удовольствія, задавъ ему впередъ все то количество розогъ, которое ежегодно слѣдовало ему осенью, по возвращеніи изъ отшельничества послѣ созерцательной жизни.

Просидѣлъ арестантъ время припадковъ на цѣпи; осень и зиму прожилъ на свободѣ и не бѣгалъ, а также вмѣстѣ со всѣми работалъ. На слѣдующую весну онъ опять пришелъ къ смотрителю съ тою же мольбою, а на третій годъ ужъ не являлся къ нему и въ лѣсъ не бѣгалъ.

Но вотъ примѣръ особаго вида.

Въ 1808 году въ Удинскій округъ присланъ былъ на поселеніе, за бродяжничество, изъ Екатеринбургa старообрядецъ Гурій Васильевъ. Весною 1815 года онъ, съ двумя товарищами старообрядцами, бѣжалъ на Амуръ съ намѣреніемъ основать скитъ, и для этого поселился близъ Албазина въ пещерѣ около устья р. Урсы. Зиму съ 1815 на 1816 годъ они провели здѣсь, но весною ихъ схватили манчжуры и привели къ начальству въ Айгунь. Здѣсь манчжуры предлагали имъ обрить бороду и принять подданство, какъ-де сдѣлали это многіе изъ бѣглыхъ русскихъ, проживающихъ въ Китаѣ *). Старовѣры не согласились. Манчжуры,

во исполненіе трактата, черезъ Цицикаръ и Хайларъ представили ихъ на нашу границу въ Цуругухайтъ. Отсюда пригнали ихъ на старое мѣсто жительства въ Удинскій округъ. Гурій Васильевъ не выдержалъ и, по привычкѣ къ уединенной жизни, въ 1818 году бѣжалъ снова на Амуръ и, пойманный гѣтомъ слѣдующаго года, тѣми же путями и средствами, выданъ былъ тамъ же. Его на этотъ разъ наказали плетью и назначили на каторжныя работы въ Нерчинскомъ Большомъ заводѣ. Въ 1822 году Гурій Васильевъ снова получилъ возможность бѣжать и пробрался опять на Амуръ и снова въ ту же пещеру на р. Урсѣ. Здѣсь, питаясь кореньями, дичью и рыбою, жилъ до слѣдующей весны (1823 г.), но, боясь старой исторіи, на маленькой лодкѣ изъ Бересты рѣшился спуститься внизъ по Амуру. Не пройдя онъ и ста верстъ по теченію, какъ снова былъ схваченъ манчжурами и увезенъ въ Айгунь. На этотъ разъ манчжурскія власти въ Россію его не отправили, но, отдавъ подъ присмотръ,пустили жить въ городѣ на волѣ, вмѣнивъ ему въ обязанность обученіе манчжурскихъ мальчиковъ русскому языку. За это кормили его и одѣвали и, вообще, содержали въ довольствѣ. Въ 1826 году онъ, по распоряженію айгунскихъ властей, отправленъ былъ, вмѣстѣ съ другими, внизъ по теченію Амура на рыбную ловлю. Жестокое обращеніе съ нимъ приставниковъ заставило его бѣжать на маленькой лодкѣ (вѣткѣ) внизъ по Амуру. „Пройдя слияніе рѣки Сунгари съ Амуромъ (показывалъ Гурій), я былъ внѣ всякой опасности, ибо народъ янты (гольды), обитающій по Амуру, уже не зависитъ отъ манчжуръ и китайцевъ. Продолжая путь свой далѣе по Амуру, съ помощью туземцевъ, къ осени достигъ земли гиляковъ, гдѣ остановился на зимовку“. Отъ гиляковъ Гурій узналъ, что къ сѣверу отъ Амура живутъ тунгусы, а потому, весною 1827 года, вышелъ онъ изъ рѣки, на гиляцкой лодкѣ, въ Охотское море. Слѣдуя вдоль берега и не доходя 30 верстъ до устья рѣки

ему лежалъ уже по настоящимъ строгимъ пустынямъ. Путь на Амуръ въ бродяжьей практикѣ издавна былъ дѣломъ обычнымъ, и Гурій Васильевъ съ товарищами—не первый и не послѣдній странникъ на востокъ, совсѣмъ въ противоположную сторону отъ обычной россійской дороги бродягъ. Якобю, собиравшему свѣденія объ Амурѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, бѣглецы могли дать самыя точныя свѣденія: «Плыли на Амуръ отъ Горбицы 15 лѣтнихъ ночей, а днемъ лежали въ закрытыхъ мѣстахъ. Пойманы китайцами въ виду отъ устья, по поимкѣ ведены были многими селоніями до городонъ Цицигара и Мергена, лежащихъ въ сторону отъ Амура; а отъ онаго поворотыся къ востоку между полуденнымъ кочевьемъ мунгалъ до Калара равными и гладкими мѣстами; изъ Калара же выданы на Цуругухайтъ. Въ дорогѣ были 10 дней, по ночамъ стояли», и проч.

*) Бродяжьи пути не имѣютъ конца. Дороги ихъ не пересѣкаютъ никакія припятствія: кяхтанскій мѣщанинъ Карпъ Патюковъ, наказанный кнутомъ и сосланный, пришелъ на родину изъ Охотскаго порта, не смотря на то, что путь

Тугура, остановился у тунгусовъ на зимовку и вмѣстѣ съ ними, къ веснѣ 1828 года, прибылъ въ Удской острогъ. На этихъ показаніяхъ Гурія Васильева генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Лавинскій, какъ извѣстно, основалъ свои виды на пріобрѣтеніе рѣки Амура еще въ 1822 году, т. е. за 20 лѣтъ до гр. Муравьева. На проектъ и представленіе его разрѣшенія изъ Петербурга не послѣдовало. Министръ финансовъ, въ 1833 году, отвѣчалъ: „Мнѣ кажется, что всякое предпріятіе плавать по р. Амуру бесполезно и въ отношеніи подозрительности китайцевъ опасно, поелику мы не имѣемъ ни силы, ни намѣренія обладать тѣмъ краемъ, а безъ обладанія имъ нельзя думать о судоходствѣ и о торговлѣ, а потому безъ этого и не слѣдуетъ что либо затѣвать“. Вообще, показанія бѣглыхъ, побывавшихъ за китайскою границею, во многомъ послужили къ объясненію Амура и другихъ странъ, сосѣднихъ Забайкалью. Такъ, въ 1805 г. д'Овре изъ посольства Головинна пользовался на Кличкинскомъ рудникѣ свѣдѣніями отъ бродягъ Дунаевского и Прусакова, бывшихъ за границею.

Таковы мирные пути и короткія дороги бродягъ. Такова краткая сторона ихъ замысловъ, направленныхъ къ освобожденію себя отъ работъ ради отдыха и въ виду мало выясненныхъ цѣлей*). Но не такова другая, къ которой мы, въ свою очередь, должны подойти, памятуя, что въ бродягахъ для насъ ясно видится особый видъ, первая и главная категория бывалыхъ: тѣхъ, которыхъ прозвалъ сибирскій народъ варнаками и чалдонами. За такими бродягами существуютъ поиски, имѣлись когда-то особыя команды. Противъ нихъ сильно озлобленъ народъ, живущій на Харинской степи и около, извѣстный у сибиряковъ подъ именемъ братскихъ, а вообще—подъ названіемъ бурятъ. Народъ этотъ еще не перешелъ отъ степной жизни къ мирнымъ осѣдымъ занятіямъ, еще не выработалъ въ себѣ кроткихъ нравовъ земледѣльцевъ.

Во имя этихъ и другихъ причинъ подробности побѣговъ съ каторги принимаютъ иной характеръ, въ которомъ нѣтъ уже свѣтлыхъ сторонъ, а краски и картины становятся рѣзче и ярче. Роли измѣняются: съ одной стороны видимъ ожесточенныхъ преслѣдователей, съ другой—кровавыхъ истителей за обиду и преслѣдованія. Бурятъ становится олицетворенною

карою, какъ бы орудіемъ невѣдомаго ему карающаго закона. Бродяга становится варнакомъ, чалдономъ.

Почти сто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ буряты перешли изъ монгольскихъ степей на русскую сторону и переимѣнили имъ только названіе (изъ бурятъ въ братскихъ), но, въ сущности, они сами остались тѣми же, какими были. Дикая жизнь въ степи съумѣла задержать въ нихъ въ первобытномъ нетронутомъ видѣ все то, чѣмъ пахла на ихъ отцовъ дичь Гоби или Шамо. Харинская и другія степи не выгнали этого вонъ, а еще, можетъ быть, подбавили имъ звѣринаго духа. Во всякомъ случаѣ, это вѣрно по отношенію къ предмету, насъ занимающему: бродяги шатаньемъ, воровствомъ и грабежами своими буряты раздражаютъ; къ тому же побѣги бродягъ обязали бурятъ новымъ родомъ службы, требующей труда и отвѣта.

Съ мѣсто своей родины буряты принесли, между многими характерными племенными чертами, два зоркихъ маленькихъ глаза, которые, хотя не глубоко помѣстились подъ узенькимъ бритымъ лбомъ и спрятались въ одутлово-толстыхъ и скуластыхъ щекахъ, но видятъ такъ далеко и хорошо, что ни одинъ зарядъ изъ винтовки не бьетъ мимо и не пропадаетъ даромъ. На винтовкѣ теперь, какъ на лукахъ нѣкогда (и не такъ еще давно), у бурятъ все мастерство и досужество; на выстрѣлахъ изъ нее вся надежда насущнаго пропитанія. Степнякъ голъ да и привыкъ брать добычу тамъ, гдѣ она подвертывается, не разбирая средствъ и не загадывая о послѣдствіяхъ. Для замысловатыхъ измышлений и мудреныхъ отвеченій въ кочевьяхъ плохая наука, да и степь—не городское поприще. Чтобы жить, надо ѣсть, чтобы кормить себя и своихъ, надо промыслять, и если нѣтъ ничего въ запасѣ, какъ и бываетъ у бурятъ нѣкоторыхъ родовъ, кромѣ зоркаго глаза, то винтовка и пуля—самые лучшіе и важные друзья и пособники. Чтобы ѣсть и кормить, надо бить козулю и птицу. Чтобы одѣться въ пестрый халатъ и прикрыть бритую голову китайскою шапкою съ красной кистью, надо стрѣлять соболемъ, бѣлокомъ и лисицъ, а если доведется случай, глазъ на глазъ, въ глухомъ мѣстѣ, безъ свидѣтелей русскихъ, встрѣтить бѣглаго, то можно и его подстрѣлить. „Худенькій бѣглый лучше доброй козы“—давно уже выговорилъ братскій человѣкъ. Эта поговорка его отшибаетъ въ переводѣ такимъ дико практическимъ смысломъ: „съ козуля снимешь одну шкуру, а съ бѣглаго двѣ или три“ (т. е. полшубокъ, азамъ и рубаху).

Все это въ Сибири, въ Забайкальѣ, давно извѣстно, а самимъ бродягамъ еще и съ подробностями. Густыя бурятскія кочевья бродяги стараются обходить, а за Байкаломъ потому и спѣшатъ запариться провизіею, что общая вар-

*) Нѣкоторымъ охотникамъ пошататься на волѣ безъ дальнихъ цѣлей удавалось сходить въ бѣга (судя по официальнымъ бумагамъ) разъ по восьми. Другимъ счастливало одиннадцатю разами, а за нѣкоторыми, но въ крайнихъ исключительныхъ случаяхъ, заводское начальство считало (самое, впрочемъ, большое) восемнадцать прогулокъ. Служителя больше шести разъ не бѣгали и дольше двухъ мѣсяцевъ въ бѣгахъ не отдыхали.

накая дорога идет сначала по необитаемым мѣстамъ. Такимъ-то мѣстами, вблизи карійскихъ промысловъ, идетъ она гораздо сѣвернѣе почтового тракта прямо на село Торгинское (Торгу) и отъ него хребтами на Читу. Изъ окрестностей Читы бѣглецы идутъ на Витимъ и Варгунинъ, но чаще на югъ въ окрестности Петровскаго завода. Окрестности Петровскаго завода и даже самый заводъ считался у бродягъ любимымъ мѣстомъ отдохновенія. Архивныя дѣла завода даютъ много доказательствъ тому, что въ кабакахъ и притонахъ его попадались бѣглецы съ нерчинскихъ заводовъ и изъ тюремъ карійскихъ. Въ окрестностяхъ его бѣглецы находили друзей въ бурятскихъ ламахъ, въ семейскихъ раскольникахъ. Около послѣднихъ селеній извѣстенъ былъ даже, на Мукуртѣ, кедровникъ (кедровый лѣсъ)—любимый притонъ всѣхъ бѣглыхъ изъ Петровскаго и другихъ нерчинскихъ заводовъ. Этотъ Мукуртъ въ показаніяхъ ссыльныхъ играетъ частую роль.

Рѣка Хилокъ выводитъ бѣглыхъ къ устью своему, т. е. на рѣку Чикой, которая, въ свою очередь, направляетъ глухую бродяжью дорогу на собственное устье или на такъ называемую стрѣлку, т. е. на рѣку Селенгу *). Дѣлая такой крюкъ, ради бурятъ и собственной безопасности, бродяги попадаютъ, такимъ образомъ, къ тому же Байкалу и направляются на Тунку, чтобы обойти его. Иногда они рискуютъ переплыть на краденныхъ, забытыхъ рыбаками лодкахъ черезъ Байкаль и входятъ въ истокъ Ангары. Къ Иркутску они подтягиваются довольно близко и дальше за нимъ, по тайговымъ лѣсамъ Иркутской губерніи, придерживаются вблизи почтового тракта. На немъ мы ихъ пока и оставимъ.

Опытный бывалець еще раньше освобождалъ свои ноги отъ „ножныхъ браслетъ“, предварительно разбивая кандалы камнемъ или желѣзнымъ заводскимъ ломомъ, а чтобы скрыть отъ надзирателей разбитыя мѣста, заливалъ ихъ на время свинцомъ. Особенно наичаще поступали такъ варнаки на Петровскомъ желѣзодобывательномъ заводѣ, гдѣ все нужное подъ руками (и огонь и заливка). Кандалы бросались въ первомъ же лѣсу подъ кустомъ, въ первомъ же

*) Бѣглецы каторжане изъ Кутомарскаго завода обыкновенно ходили привычнымъ путемъ на р. Унду и брели по Ояону на тотъ же Чикой, гдѣ отдыхали или направлялись дальше на семейскихъ, Таробогатаяскую волость, скрываясь у раскольниковъ то поселенцами, то пропитанными. Вообще, у бѣглыхъ всегда имѣется одно безопасное мѣсто—притонъ для отдыха. Такимъ, кромѣ Мукурты съ кедровникомъ, считалась вѣкогда рѣка Хилокъ. При этомъ рассказывали, что, когда разъ бѣжало съ завода двое и для поимки ихъ отправили туда буряты,—буряты забрали тамъ 15 человекъ разныхъ варнаковъ и, приведя ихъ связанными, говорили: «Вотъ, бацька-начальникъ, пятнадцать голова за два голова».

сопутномъ селеніи бродяга являлся уже правымъ и чистымъ. Опытный приходитъ, по большей части, къ знакомымъ крестьянамъ, съ которыми раньше успѣлъ свести дружбу, или шель по рекомендаціи и указанію болѣе опытнаго бывальца. До Харинской степи онъ почти безопасенъ и не боится за себя, если „маршрутъ“ его полонъ, т. е. въ буракѣ (или, по сибирски, въ тузѣ) имѣлась провизія, заготовленная его личною предусмотрительностью. На крайній случай и лѣсъ предлагаетъ свои благодати: кромѣ пастей съ козулями и силковъ съ птицами, каковыя могутъ быть только случайнымъ приобритеніемъ, лѣсная растительность все лѣто къ ихъ бродяжьиимъ услугамъ; изъ грибовъ: рыжикъ, бѣлые грибы, боровики, масляники, которые такъ удобно печь и такъ приятно ѣсть съ солью. Сухіе груды (по сибирски) или сыроѣжки (по русски) растутъ, большею частью, въ березнякахъ, ѣдятъ ихъ охотно сырыми; по сибирскому обыкновенію. Въ низкихъ мѣстахъ умѣлый глазъ всегда различитъ въ другой травѣ малиноваго цвѣта перо, длиною около полуаршина, съ половины расширяющееся въ зеленый полосатый листъ, шириною въ вершокъ: это—достолавная по всей Азии черемша (дикій чеснокъ—*Allium ursinum*). Сибиряки ее солили и квасили и въ избыткѣ заготовляютъ въ прокъ, какъ лекарство, излечивающее цыngu и предохраняющее отъ дальнѣйшаго зараженія. Бродяги ѣдятъ ее въ сыромъ видѣ съ тѣмъ же очень приятнымъ опущеніемъ въ собственномъ вкусѣ, но съ отвратительнымъ впечатлѣніемъ на обоняніе тѣхъ, кто не вкусилъ ее *).

Кромѣ черемши, сибирскіе лѣса предлагаютъ бродягамъ и другія съдобныя благодати, для отысканія которыхъ выучиваются приѣмамъ еще въ тюрьмахъ, гдѣ таковыя свѣденія сообщаются охотливо и даромъ, и каторжные нужны имъ ботаническія свѣденія приобрили долгимъ путемъ опыта и послѣ многихъ злосключеній. Былъ такой случай: одинъ ссыльный, работавшій въ лѣсу, накопалъ кореньевъ и принесъ въ тюрьму Большого Нерчинскаго завода полакомиться, подспорить лѣснымъ злакомъ тюремное варено. Товарищи стали ѣсть, но невѣдомый корень оказался праннымъ, возбудилъ сомнѣніе; задумались. Одинъ надоумилъ:

— Не ѣшьте, братцы, не тотъ ли это корень, отъ котораго уже и на Благодатскомъ рудникѣ были худыя послѣдствія.

*) Ягоды черемши (*Rubus radus*) темныя съ большими косточками и терпкія—спеціальное средство для сибирскихъ приправъ. Черемша доарѣваетъ въ августѣ, но вообще въ сентябрѣ набирается сласти. Сласть эта утрачивается во время приготовленія для пироговъ, когда ягоды толкутъ вмѣстѣ съ косточками; на зиму сушатъ. Сборъ черемши—одна изъ самыхъ оживленныхъ и любимыхъ прогулокъ сибирячекъ; ходить за нею всегда большими толпами.

Бросили. Въ видахъ предостереженія при-бгли къ обычному тюремному рвотному: стали пить воду съ табакомъ. Товарищи, вновь пришедшіе съ работы и не слыхавшіе предостереженія, наѣлись и двое изъ нихъ умерли. Общеупотребительная и любимая пища бродягъ въ лѣсахъ такъ называемая мунтала (монг. слово), т. е. монгольская жимолость (*Lonicera mongolica*), растущая обыкновенно кустарникомъ при рѣчкахъ, въ падахъ (долинахъ) и по берегамъ, съ черными длинными ягодами, у которыхъ мясистый бѣлокъ и стѣнка плодика скорлуповатая; листья имѣютъ непріятный запахъ, кора обладаетъ вяжущимъ свойствомъ. Изъ ягодъ оказываютъ услугу, чаще другихъ, брусника и боярка-ягода (*Stataegus oxyacantha* *)), терпъ, имѣющій красныя вкусныя и сладкія ягоды. Изъ сладкихъ кореньевъ ищутъ мангиръ—родъ дикаго чеснока (*Allium*) и бѣлый корень, называемый также козымъ звѣробоемъ (*huregisim*?), растущій на холмахъ и сухихъ мѣстахъ. Въ особенности же и по преимуществу ищутъ бѣгле растенія крупныхъ формъ курчавой пурпуроваго цвѣта сараны, предполагающаго всегда сладкую луковичу мучнистаго свойства, очень пріятную на вкусъ и весьма питательную. Померанцево-красноватое растеніе это устилаетъ горы отъ подошвы до вершины. Шесть листочковъ ея вѣтчика выгибаются какъ бы поля китайской шляпы, а шесть прутиковъ, сидящихъ кругомъ красиваго стебелька, раскидавшись по землѣ, придаютъ ей красивый колеръ. Другіе сорта лиліи, какъ букеты по коврѣ, усѣявшіе мураву, въ юнѣ и юлѣ украшаютъ онѣ всѣ, болѣе открытыя долины и горы, взбираясь даже на значительныя высоты и скалы. Таковы: степлющаяся стройная лилія обыкновенной породы *Lil. spretable* (по туземному „погодайка“), съ нарядными чашевидными цвѣтами, *Lil. nemegocalis flava*—волчья сарана, лимоннаго цвѣта, которая во множествѣ растетъ на покатокахъ. Всѣ эти лиліи здѣсь цвѣтисѣ и плодовиѣ, чѣмъ гдѣ либо въ Европѣ (а на Алтаѣ онѣ еще пышнѣе). Сарана или собственно луковича

*) Боярка — кустовое ягодное дерево, горный кустарникъ изъ рода терновыхъ. Еще *Juniperus sabinea*, или казачья мозжуха, казачій можжевельникъ. Пользованію подобными растительными кореньями русскіе люди въ Сибири выучились у туземцевъ-инородцевъ, въ особенности у бурятъ. Отъ свободныхъ русскихъ людей знаніе перешло и въ тюрьмы. Бѣгле отъ бурятъ часто пользуются ихъ національными кушаньями, изъ которыхъ наибольшее указываютъ пойманые бѣгле на арцу. Арца эта есть ни что иное, какъ національное кушанье бурятъ, всегда имѣющееся въ любой юртѣ въ котелѣ надъ огнемъ: гуща, оставшаяся отъ того молока, изъ котораго выгнали водку; гуща эта въ видѣ арцы пряхена съ мукою. Боровье молоко, разъ пропущенное сквозь кубъ, даетъ водку слабую и терпкую; пропущенная два раза подожа бываетъ вкусомъ на картофельную водку.

дикихъ лиліи (*Lilium martagon*) составляетъ предметъ постоянныхъ исканій и заботливости полевой мыши-эконома—очень маленькаго животного, роющаго подъ дугами ходы съ большими камерами. Мышь-экономъ (*Avticola oecopomus*)—трехъ видовъ: красноватая или бурья и сѣрая. Однѣ побольше, другія маленькія, разбиваясь на зиму парами, вдвоемъ успѣваютъ рыть изъ твердой земли такое количество клубней сараны, что нерѣдко въ трехъ камерахъ гнѣзда находятъ юкагирскія, якутскія и братскія женщины фунтовъ 24—30. Составляя пріятную приправу къ ужину инородцевъ, поспѣваютъ эти клубни на обѣдъ и завтракъ къ варнакамъ, находящимся въ бѣгахъ съ запасомъ знаній ловко отыскивать подземныя постройки запасливой мыши, чтобы воспользоваться добромъ, собраннымъ ея трудами. У этого сорта сараны—желтоватая луковича. Инородцы ее сушатъ, истираютъ въ мучной порошокъ и либо пекутъ въ золѣ въ видѣ лепешекъ, либо варятъ съ просомъ; сибирскіе же сторожилы изъ русскихъ людей приготавливаютъ сарану въ формѣ киселей, каши и соуса. Есть еще два вида сараны: одинъ *Lil. avgiacum* съ бѣлою луковичею 4 вершка длины и 1/2 вершка въ діаметрѣ, сладкаго мучнистаго вкуса, растетъ на сухихъ полянахъ. Второй родъ *Lil. tenuifolium*, съ луковичею помельче первой, растетъ на скатахъ и у подошвы горъ; обѣ съѣдобны, но *L. nemegocalis flava*—волчья сарана—ядовитая. Узнаютъ, гдѣ мышинныя норы, ступая по землѣ ногами; часть найденнаго оставляютъ самимъ хозяевамъ, большую отбираютъ обыкновенно осенью. Въ норахъ горностаевъ также находятъ корни эти, но горностаи не сами ихъ запасаютъ, а отнимаютъ ихъ у мышей. У горностаевъ камчадалы вынимаютъ сараны также по нѣсколько десятковъ фунтовъ. Этотъ корень совершенно безопасенъ и если къ услугамъ бѣглыхъ предлагается лѣсъ и корни *Carbunculus asculis* и кедровые орѣхи, то за то облазняется и периками (собственно дикимъ миндалемъ, *Amygdalus popa*, и полевымъ макомъ, *Raraver hrovas*), излишнее употребленіе которыхъ производитъ либо головную боль со рвотомъ, либо тошноту съ поносомъ. Изъ ягодъ—голубица слегка пьянитъ, а моховка *) при неумѣренности влечетъ тѣ же

*) Моховка (*Rubus prostratus*) растетъ среди негодной травы на мѣстахъ высокихъ и мокрыхъ, въ колкахъ, низенькими кустиками, со сладкими ягодами, похожими на крыжовникъ. Около рѣчекъ и въ колкахъ, въ мокрыхъ же мѣстахъ, растетъ на небольшихъ кустикахъ смородина черная и красная; около ключей и рѣчекъ на высокихъ кустахъ жимолость, поспѣвающая къ Петрову дню, шипшика — крупная ягода, красноватая, длинная, съ большою косточкою внутри, пріятная на вкусъ, сладкая и мучнистая; малина, ежевика, брусника, костяника, рябина, черемуха, княженика, морошка—обыкновенныя сибирскія ягоды.

послѣдствія тошноты, поноса и рвоты. Бѣгле все-таки тянутся къ селеніямъ за привычнымъ лѣббомъ, каковой и находятъ — по завѣтному сибирскому обычаю, извѣстному цѣлой Россіи — на подоконникахъ избъ, молитвою выложеннымъ на ночь съ опасливою и запасливою хозяйкою.

Зная все это, а также и то, главнымъ образомъ, что у братскихъ ждетъ либо пуля, либо петля, опытные бродяги идутъ осторожно, только по ночамъ; днемъ они спятъ въ опасныхъ мѣстахъ и идутъ днями лишь по лѣснымъ тропцамъ. Приготовляясь къ путешествію по послѣднимъ, опытные обыкновенно (и непременно) постараются стащить топоръ; топоръ — первый бродяжій другъ и покровитель. топоръ поможетъ и огонь развести, топоромъ можно положить и зарубку на деревьяхъ, по которымъ задвѣе, какъ по пробитой тропѣ и по вѣхахъ, пройдутъ впередъ и не заблудятся. Грамотные осгряки вырѣзываютъ даже имена, годъ, мѣсяцъ и число своего прохода. Бывалый бродяга, не обтесавъ дерева извѣстнымъ способомъ, не пройдетъ ни за что, а по затесамъ и этимъ зарубкамъ только и можно ходить и выходить изъ трупобъ сибирскихъ громадныхъ лѣсовъ. Въ степи бродягамъ ночью звѣзда Стожаръ свѣтитъ и путь указываетъ, а вечерняя заря съ утреннею ни на востокъ не направитъ, ни въ китайскую сторону не собьетъ; на востокъ можно съ голоду умереть отъ безлюдья (да и такой путь куда не выводить), на югъ китайцы привыкли возвращать ссыльныхъ обратно, передавать ихъ въ руки начальства. Оттого-то опытные бродяги никогда со своей варнацкой дороги не сбиваются; оттого-то, по своимъ путямъ, бывалые изъ нихъ съ Кары въ Читу попадаютъ пѣшкомъ въ семь дней, тогда какъ и почта по всей дорогѣ раньше четырехъ сутокъ рѣдко когда поспѣваетъ. Только въ случаѣ крайняго голода и недостатка провизіи бывалый бродяга рѣшится въ Забайкальѣ зайти въ незнакомое селеніе. Жилыя мѣста онъ обходитъ, какъ волкъ, но пуще всего боится и съ особенною осторожностью крадется около Братской степи, боясь встрѣчи съ бурятами. Одинъ такой шелъ въ сторонѣ отъ улуса, прикрываясь кустами, но не укрылся отъ зоркаго степняка. Рысьи глаза бродягу замѣтили, буряты съ намѣченнымъ ружьемъ приблизились на нѣсколько шаговъ. Бродяга упалъ на колѣни и, сложивъ на груди руки, молилъ о пощаду, обѣщая все, что имѣлъ на себѣ. Буряты склонились на просьбу, а когда условились они о цѣнѣ, бродяга попользъ къ врагу на колѣняхъ, не переставая облажачать его пласивымъ голосомъ, ласковыми словами, и вдругъ, схвативъ съ земли камень, угодилъ имъ въ голову всадника. Оглушенный буряты выпустилъ изъ рукъ ружье, бродяга схватилъ его, стащилъ врага съ коня, убилъ

и на лошади уже проѣхалъ впередъ остальную часть степи.

Другой разъ кандаляная партія, идучи трактомъ къ Нерчинску, разбила конвой, забрала ружья, порохъ и патроны и нѣсколько мѣсяцевъ держала почтовый трактъ въ осадномъ положеніи. Сосѣднихъ буряты пригласили на помощь для поимки, сдѣлали облаву, но трусливый народъ этотъ не посмѣлъ прямо напасть на вооруженныхъ людей. Изъ цѣлой большой облавы нашлось только двое отважныхъ. Согнувшись на лошадяхъ степнымъ обычаемъ такъ, что справа заслонены были головами лошадей, два смѣльчака, вооруженные одинъ ружьемъ и пистолетомъ, другой лукомъ и стрѣлами, маневрировали по степи, пригнувшись къ одному боку лошади и стрѣляли одинъ за другимъ въ ретировавшихся бродягъ. Первый выстрѣлъ попалъ въ атамана шайки, другими уложены были нѣкоторые изъ бѣглецовъ. Остальные отстрѣливались и буряты съ лукомъ были убиты. Однако, смерть предводителя и нѣкоторыхъ товарищей ослабила смѣлость остальныхъ и охоту отбиваться. Облава, тѣмъ временемъ, сблизилась въ кругъ и забрала всѣхъ оставшихся бродягъ безъ бою.

Между бурятами ведутся такіе молодцы, которые иногда цѣлью своей жизни поставляютъ охоту за горбачами (а горбачъ — тотъ же бродяга съ неизмѣнною котомкою на спинѣ). Эти звѣри изъ монгольскаго племени отыскиваютъ жертву по огоньку, по костру, который разводятъ бродяги по сибирской привычкѣ, чаще для того, чтобы обогрѣться или сварить себѣ грибовъ, кашицу или обогрѣть и дать отойти деревенѣющимъ отъ ходьбы членамъ.

Засвѣтился этотъ огонекъ въ сторонѣ, далеко отъ жилого мѣста, въ дикомъ лѣсу, и идти по этому мѣсту варнацкая дорога, — буряты налетаетъ, выстрѣломъ кладетъ одного, на всемъ лошадиномъ скаку заряжаетъ свою винтовку во второй разъ, кладетъ другого и затѣмъ третьяго, если этотъ не успѣлъ бѣжать. Лопатина (носильное платье бродяги) — награда буряту за выстрѣлы, а мертвыя тѣла уберетъ начальство земское (если натолкнется) или съѣдятъ волки (если нанюхаютъ).

Въ то время, когда производилось заселеніе Забайкалья назначенными изъ Россіи переселенцами съ зачетомъ за рекрута (и производилось весьма неудачно), промыселъ на горбачей былъ дѣломъ привычнымъ и недиковнымъ.

— Гдѣ мужчины? — спрашивалъ одинъ проѣзжій бабу, случайно остановившись въ одной избѣ по красноярскому тракту.

— На горбачей пошли, — отвѣчала хозяйка тѣмъ тономъ, какъ будто они пошли „губы ломать“ (т. е. грибы собирать), и объяснила затѣмъ:

— Вчера ходили, промыслили только одного да бѣднаго: поживились лопатинкой одной. Въ

прошломъ году у одного нашли подъ стельками въ сапогахъ 50 рублей.

Иркутскій губернаторъ Рупертъ велѣлъ, говорить, загонять 13 человекъ такихъ охотниковъ на смерть, и съ той поры грабежи и разбои, систематически веденные, прекратились надолго, но не совсѣмъ. Въ 1805 году бродяги ночью, за 50 верстъ до Иркутска, напали на одного изъ свиты посольства въ Китай гр. Головкина (на камеръ-юнкера Гурьева), ограбивъ котораго, оставили и его самого и людей его привязанными къ деревьямъ. По донесенію Головкина, ссыльные бродили тогда по Сибири тысячами безъ пріюта и средствъ къ существованію. Не такъ давно въ Ачинскѣ судился крестьянинъ за 14 убійствъ, произведенныхъ надъ горбачами. По сознанию его, онъ изъ всѣхъ 14 только у одного нашель 25 рублей; съ остальныхъ поживился только носильнымъ платьемъ или лопатиною. Попался онъ въ убійствѣ родного дяди, убійствѣ, обставленномъ ужасными подробностями. Изъ спины убитаго убійца вырѣзывалъ ремни, а внутренности его, какъ веревки, вытаскивалъ и наматывалъ себѣ на руку.

Другой изъ такихъ ловцовъ проходившихъ по волѣ варяковъ считалъ на своей совѣсти до ста человекъ, изъ которыхъ меньшая половина была имъ перевязана и представлена живыми (въ чайнѣ получить за то назначенную награду въ 3 руб. сер.); остальная большая половина была перебитая и ограблена. Сыщикъ, какой-то Грудинкинъ, по представленію начальства (говорить забайкальское преданіе) имѣлъ, за поимку ста бѣглыхъ, золотую медаль на шеѣ.

— И теперь буряты, увидѣвъ на бѣгломъ порядочную одежду, сократить его жизнь не задумается, — увѣряютъ старожилы.

— На рваную лопатъ теперь братскіе мало прозираются, — добавляютъ сами ссыльные, но тѣ и другіе, старожилы и ссыльные, держатъ въ памяти слѣдующее событіе изъ быта бродягъ, по рассказу одного изъ нихъ.

„Шли мы втроемъ. Верстъ тридцать отошли отъ завода (Петровскаго). Въ одномъ распадкѣ увидали сыщика изъ карымовъ *), по лицу признали его. Этотъ надо быть самый, про котораго товарищи въ тюрьмѣ сказывали и велѣли бояться. „А увидите-де его, прячьтесь скорѣй, человекъ этотъ сердца не имѣетъ и пощады не вѣдаетъ“. Да и сами мы знаемъ

*) К а р ы м ы — забайкальскіе крестообразные, образовавшіеся отъ помѣси русскихъ съ бурятами, монголами и тунгусами. Таковы почти всѣ жители Приваргунскаго края. На р. Чикоѣ нѣкоторые карымы успѣли уже сдѣлаться осѣдлыми. На р. Аргуни они почти исключительно занимаются контрабандою, отчего во всемъ Забайкальѣ ирричный чай носятъ еще придаточное названіе карымскаго.

повадку буряты, коли встрѣтитъ нашего брата безъ ружей, а самъ сидитъ на конѣ: либо захочетъ живыми взять и такихъ представить, тогда велитъ перевязать другъ дружку, третьяго спутаетъ самъ; либо велитъ съѣсть на колоду радомъ, отбѣдетъ въ сторону да пулей изъ винтовки пронизетъ всѣхъ тронхъ разомъ и трупы на волковъ покинетъ въ полѣ. Въ его это волѣ. Тамъ у насъ въ тюрьмѣ всѣ объ этомъ сказываютъ.

„Вспомнили про это про самое, какъ встрѣтились съ нимъ глазъ на глазъ; успѣли только другъ на дружку взглянуть да перемигнуться. Всѣ одно разомъ надумали: удирать-де надо, нечего тутъ артель плотить. Всякъ самъ по себѣ ищи спасенья. И прыснули мы въ разныя стороны, сколько силы хватило. Вѣжимъ.

„Я бѣгу безъ оглядки, кажись пуще всѣхъ; золь я былъ бѣгать-то и на каторгѣ за то большія похвалы получалъ. Вижу я это и чувствую, бѣгу. Слышу: выстрѣлъ шелкнулъ, одного, молъ, товарища порѣшилъ окаянный, да котораго?... Сдумалъ я это, а самъ все бѣгу и не распознавалъ съ горяча-то, что дѣсь пошелъ. Опять выстрѣлъ слышу: послѣдняго, молъ, товарища съѣлъ проклятый буряты (даромъ этотъ народъ ни одного выстрѣла не теряетъ, къ тому наповажентъ). За мной теперь, значить, чередъ состоятъ.

„Глянулъ я въ сторону, а тутъ буря, надо быть, дерево вырвала съ корнемъ и яма обозначилась. Шмыгнулъ я туда и сталъ прятаться, ноги подбирать, всего себя въ комокъ укладывать такъ, чтобы и на мѣстѣ меня не знать было. И все мнѣ кажется, что кога на свѣту; я тутъ и духъ притаилъ, молчу и не дышу, и думаю. Разное думаю, а уши держу на самой макушкѣ и, кажись, весь животь-отъ свой въ себя забралъ, чуть не замеръ я тутъ на этомъ дѣлѣ. Опомнюсь — топоръ лошадинной слышу, словно вотъ въ самое-то ухо лошади ѣдетъ. У меня и свѣтъ помутится и дрожь проберетъ, я опять приду въ себя и опять думаю: вотъ-вотъ ухватить онъ меня на арканъ и въ торока вскинетъ, а вскинетъ онъ меня, надо быть, потому, что на товарищахъ-де кровяную пасть свою натѣшилъ. Вспомню я все это, опять у меня подопретъ въ груди, опять не переведу духу. Глаза не видать, въ ушахъ зазвенитъ, такъ что тошнить даже стало. Приду въ себя, сгребусь за шею, вѣту веревки, стану опять прислушиваться, уши надрывать — опять топотъ слышу. Ишь, думаю, разлакомился чертовъ сынъ! ищеть! Мало, молъ, тебѣ двухъ-то, и моя лопатина понадобится. Глянулъ я на себя, смѣхъ подступать сталъ: лопатина-то рваная, заплата заплату ищеть, дыра на дырѣ. Смѣхъ меня взялъ — и чего смѣшно стало — самъ не знаю. Отъ смѣху-то этого, что ли, ка-быть легче стало и страхъ прошелъ. Сталъ озираться, въ

какое, молъ, такое мѣсто угодилъ: корешки ви-
сятъ и яма способная. Медвѣдь, молъ, тутъ без-
премѣнно жьлѣ всю зиму и лапу сосалъ. Сду-
малъ я это и опять смѣхъ меня пробралъ!.. При-
слушался онятъ—замеръ топотъ. Вдохнулъ я
тутъ отъ самаго донушка и крестъ на себя
положилъ. Теперь, молъ, я полежу тутъ, пушай
уѣдетъ, раздѣнусь.... Такъ я и сдѣлалъ.

„Дождался и въ ямѣ ночи, переспалъ. Про-
снулся на утрѣ, свѣтло ужъ было; ѣсть за-
хотѣлъ, такъ ѣсть захотѣлъ, что въ ямѣ лежать ка-
быть стыдно стало, вылѣзъ. Пойду молъ, дальше—
что будетъ! Поднялся на хребетъ, все лѣсомъ иду.
Первая мнѣ на глаза метнулась березка моло-
денкая, стоитъ передо мной съ очей на очи.
Дай-ко, попробую на ней свою силу, сколь
отошаль? Вадумалъ—рванулъ, съ корнями выр-
валъ, обрадовался. Значить, во мнѣ еще есть
сила и идти могу и подраяться могу, коли до-
ведется мнѣ такой случай.

„Иду я дальше, обламываю на ходу съ
березки вѣтки, корни у ней оборвалъ — стала
палка съ комлемъ, здоровая такая. Сталъ упи-
раться на эту палку, идти легко и приятно.
Дорога вывела меня на самой хребетъ, на вер-
шину. Озираюсь кругомъ: гдѣсь вижу, деревья
рѣденько растутъ, а книзу все голый камень
и березникъ тамъ совсѣмъ изнылъ, такъ все и
видно черезъ него. Вижу, въ одной пади ды-
мокъ закурился, винтомъ такимъ стоитъ далеко
отъ меня. И какъ увидѣлъ я этотъ дымокъ,
словно меня въ спину-то толкнулъ кто и по
ногамъ урѣзалъ. Присѣлъ я на корточки, ползти
началъ, за деревьями прятаться, выползъ изъ-за
деревьевъ, камни пошли; межъ камнями на
брюхо легъ и поползъ ближе къ дымочку, подъ
гору. Поглядѣть мнѣ захотѣлось, кто тамъ.
Долго ползу, тихо ползу. Сталъ подползать—
различаю: огонь развелъ буряты, а не варнаки
наши. На огнѣ буряты пищу себѣ варить, коня
на арканѣ привязалъ къ дереву, винтовку при-
слонилъ къ огню. Я припалъ за камень, ду-
малъ завалиться тутъ и не ползти дальше, ну
ихъ къ черту! Да глянулъ я изъ-за камня-то,
а буряты-отъ повернулся на тотъ разъ рожею,
я такъ и сѣлъ назадъ. Вдрогнуло сердце и
застукало, въ ушахъ опять зазвенѣло, въ ру-
кахъ и ногахъ дрожъ забила: тотъ самый кар-
рымъ, котораго надо, и лошадь его! Радость
такъ и разлилась по всему по мнѣ и въ ко-
сточкахъ моагъ занылъ; я глаза какъ уперъ въ
него, такъ и не сводилъ съ него. Онъ самый!
Теперь ты въ моихъ рукахъ, только бы вотъ
спрятаться-то мнѣ поладнѣе, постой ужю! Знаю
я вашу бурятскую повадку: теперь вотъ ты
нажрешься падали-то своей, спать ляжешь без-
премѣнно и сѣдо себѣ подъ голову подложншь.
Всѣ вы таковы!

„Вадумалъ я такъ-то, прилегъ за камень,
большой такой камень выбралъ; подожду, молъ,

когда ты спать ляжешь. Пустилъ я на него
глазомъ: такъ точно, поѣлъ, свернулся; подъ
голову, можетъ, и одежду-то моихъ товарищей
подложилъ, мягко ему; зубъ даже у меня на
тотъ разъ скрипнулъ. Легъ братской и винтовку
положилъ себѣ къ боку, меня вспомнилъ. Помни!...

„Раза три порывался я къ нему, да все на
умъ приходило: не крѣпко заснулъ, пробудится.
Пусть заберетъ сна побольше, распластаетъ су-
ставы-то, захрапнеть. Рванулъ я въ четвертые
и лѣзъ на него недолго: тутъ онъ весь передо
мною, какъ на блюдѣ, обозначился. Оторвалъ я
винтовку къ себѣ, схватился самъ я на ноги.
Рѣзанулъ его, что было силы во мнѣ, палкой
по головѣ, да за арканъ его. Попробовалъ
арканъ, не крѣпко что-то показался мнѣ;
снялъ свой кушакъ, закрутилъ назадъ руки,
ноги связалъ, подтащилъ его къ дереву, при-
вязалъ его поперекъ. Отошелъ отъ него — и
любуюсь!

„Братской въ себя пришелъ, заговорилъ,
просить, общается:

„— Отпусти, сдѣлай милость! Хлѣбъ возьми,
винтовку возьми, лошадь!

„— Я, молъ, и безъ твоего спросу возьму все это.

„— Денегъ возьми съ меня!

„— И это возьму (думаю), если есть у тебя,
а нѣтъ, такъ и денегъ твоихъ не надо.

„Онъ говоритъ, а я не слушаю.

„— Отпусти, слышь, меня, ловить васъ не
стану и зарокъ такой на себя наложу.

„— Не шути, молъ, чертовъ сынъ, не обиа-
нешь. Гдѣ тутъ хлѣбъ у тебя? показывай, бу-
ратская рожа.

„На торока показаль.

„— Крупа гдѣ?

„И крупу показаль.

„Сталъ я кашницу себѣ варить. Онъ меня
молить, а я и слушать его не хочу, радуюсь.
Сварилъ я кашу, ѣсть ее сталъ, а онъ все
воетъ. Поѣлъ я, котелокъ выпросталъ до суха,
взялъ да еще полой его вытеръ сухо на сухо.
Наломалъ хворосту, огонь подживилъ, затре-
пало, дымъ такой пошелъ. Далъ я этому дыму
прочиститься. Пустой котелокъ подвѣсилъ на
огонь, сталъ его калить. А товарищи съ ума
не идутъ, а братская противная рожа смотреть тутъ.

„Раскалится мой котелокъ до краснаго цвѣта.
Снялъ я его съ огня, какъ онъ былъ, красный-
раскрасный, да и надѣлъ я его братскому за
мѣсто шапки на голову, по самыя плечи при-
шлюся“...

По другому варианту разсказа дѣло было
такъ. Вѣглаго поймали трое буряты (онъ хотя
и спрятался, но его примѣтили), привязали къ
дереву. Сами стали ѣсть и разговаривать по
своему. Изъ разговора ихъ бѣглый хорошо по-
нялъ, что они хотятъ поживиться его лошади,
а его убить. Затѣмъ поѣли, напились араки
(рисовой китайской водки), спать легли. При-

вязанный ссыльный, замятив нож, забытый ими, стал измышлять как бы высвободиться, достать нож. Ловкими поворотами и напряжениями мышц ему удалось опуститься по дереву ниже, ближе к корню, к землѣ и ножу. Здѣсь ему удалось высвободить одну ногу и доткнуться ею до ножа и послѣ мучительных усилій придвинуть ножъ къ себѣ, ногою поднять его съ земли и перерѣзать имъ веревки такъ, чтобы освободилась рука одна, а тамъ стало быть и весь онъ всталъ на ноги, развязался. Первымъ дѣломъ его было зарѣзать этимъ ножомъ одного спавшаго бурата, затѣмъ второго. Надъ третьимъ, рѣшившимъ его смерть, вознамѣрился потѣшиться: въ свою очередь привязалъ его къ дереву и продѣлалъ все то, что рассказано выше и съ тѣми же самыми подробностями въ основной легендѣ.

Таковы забайкальскія легенды, рассказываемыя ведѣй, съ нѣкоторыми мелкими добавлениями. Но вотъ и официальное дѣло, до сихъ поръ памятное всѣмъ старожиламъ и ваятое нами цѣлкомъ изъ архива Нерчинскаго завода.

„Крестьянинъ Бурцовъ жнетъ въ Козловской пади рожь.

„Въ десятомъ часу вечера къ нему скачутъ на лошадахъ трое ссыльныхъ изъ Кутомарскаго завода и строго приказываютъ Бурцову варить имъ ѣсть.

„— При мнѣ котла не имѣется,—отвѣчалъ Бурцовъ:—онъ въ юртѣ *), гдѣ ночую.

„— Вотъ тебѣ конь, скачи!

„Бурцовъ сѣлъ и ускакалъ. Не проѣхавъ десятины, онъ увидѣлъ сосѣда, боронившаго пашню, подовалъ его къ себѣ и успѣлъ вымолвить:

„— Ко мнѣ пріѣхали три человѣка гостей изъ злодѣевъ. Какъ бы съ ними поправиться?

„Сосѣдъ совѣтовалъ:

„— Ты поѣзжай назадъ къ нимъ и какъ можно, мѣшкой, я поѣду повѣщу нашихъ.

„Бурцовъ возвратился „къ онимъ возжирамъ“ съ котломъ и началъ варить имъ картофель. Одинъ изъ ссыльныхъ послѣшилъ спросить его:

„— А кто къ тебѣ подходилъ?

„— Ко мнѣ подходилъ крестьянинъ Чирковъ и спрашивалъ: „Кто къ тебѣ пріѣхали трое на коняхъ“? И я сказалъ, какъ вы приказали, что казенные люди у меня въ гостяхъ, просятъ ѣсть.

„Ссыльные повѣрили.

„Потомъ Бурцовъ, прося у нихъ позволенія идти молотить, съ тѣми мыслями, когда его гости увидятъ себѣ облаву отъ повѣстителей, не прекратили бы его, Бурцова, жизнь.

„Черезъ часъ времени прискакалъ Чирковъ съ тремя крестьянами, которые и кричали бродягамъ:

*) Собственно не юрта, а обыкновенный балаганъ или шалашъ.

„— Вставайте и раздѣвайтесь до нага! Ножи бросайте!

„Но отъ такого внезапнаго нападенія оные ссыльные, не оробѣвши, схватились за свое оружіе: за топоръ, косу и за жердь, кинулись стремглавъ на оныхъ, и при первомъ боѣ ссыльный Никифоровъ замахнулся косою на крестьянина Чиркова. Чирковъ, имѣвши въ рукахъ стягъ, отвелъ поразительный замахъ косою онимъ стягомъ и, отъ пересѣченія косы на двое оній стягъ переломился и въ горячности не помнить Чирковъ, кто ему проломилъ въ то время голову и чѣмъ, не знаетъ.

„Увидя упавшаго на землю Чиркова, двое крестьянъ ускакали въ деревню. Ссыльные Никифоровъ и Коурый бросились на третьяго крестьянина Бурцова: одинъ съ топоромъ, а другой съ косою. Но въ это время пришедшій въ себя Чирковъ схватился съ земли, на которой лежалъ ошеломленъ, осколкомъ стига ударилъ Коураго въ голову такъ сильно, что тотъ сунулся лицомъ въ землю и выронилъ изъ рукъ отнятое отъ крестьянъ оружіе. Ружье это подхватилъ третій крестьянинъ (Обуховъ).

„Пользуясь суматохой, третій ссыльный (извѣстный забайкальцу разбойникъ и пѣсенникъ) Горкинъ скрылся, а Никифоровъ успѣлъ вскочить на лошадь въ то время, когда Коурый пришелъ въ себя, поднялся съ земли, ухватился за пошубокъ сидѣвшаго на лошади товарища и сажень пять тащился за нимъ. Стащивши такимъ способомъ Никифорова съ лошади, Коурый, вмѣстѣ съ нимъ, повалился на земь. Первымъ опомнился Никифоровъ, вскочилъ на ноги, выронилъ косу и мгновенно выхватилъ ножъ. То же, въ свою очередь, сдѣлалъ и крестьянинъ Обуховъ. Лошадь очутилась между ними. Тотъ и другой, стараясь черезъ нее достать другъ друга ножами, наносили взаимныя раны. Вольнѣ другихъ пришлось Никифорову, который въ азартѣ закричалъ Коуруму: „Не выдавай! руби топоромъ!“ Въ это время Коурый успѣлъ уже схватиться съ Чирковымъ, который отбивалъ его удары. Тогда же Бурцовъ успѣлъ зарядить ружье, выхваченное у Чиркова, и пулей, попавшей въ правый бокъ на вылетъ, положилъ на мѣстѣ Никифорова. Коурый, воспользовавшись минутой, „видя неустойку“, сѣлъ на лошадь и ускакалъ.

„Обуховъ остался при мертвомъ, а Чирковъ „палъ на коня“ и пустился въ погоню за Коурымъ хребтами до такъ называемой горы Убиенной *). Потерявши слѣдъ и истощивши свои

*) Убиенныхъ горъ и хребтовъ въ Сибири немало. За тѣмъ же Байкаломъ, подлѣ Селенгинска, одна такая гора названа такъ потому, что у подошвы ея бураты напали на конвой, сопровождавшій посольство Головина, въ 1689 году, ѣхавшаго въ Китай. Произошла сильная стычка. Головинскихъ солдатъ бураты сильно тѣснили. На подкрѣпленіе ихъ вышолъ изъ Селенгинска гарнизонъ подъ начальствомъ ссыльнаго мало-

и лошади силы, Чирковъ принужденъ былъ вернуться назадъ въ деревню, которая находилась верстахъ въ пяти отъ мѣста побойща. Туда же Обуховъ привезъ убитаго и „положилъ въ яму въ дабинной ветхой рубашкѣ и нюрткахъ“. На полѣ битвы слѣдственная коммиссія нашла трофеи и записала въ дѣло такъ: „Бѣлая даха, голубой конь, правое ухо провернуто трубкой; сѣдло—некрашенная деревяга безъ стремянъ, потникъ ветхій, сивая кобыла вдова Дружихи, уведенная изъ Кутомарскаго завода въ ночное время, съ худымъ сѣдломъ и потникомъ, худой кушакъ съ маленькимъ ножомъ“. Всѣ эти вещи принадлежали ссыльнымъ. У крестьянина Чиркова, при осмотрѣ, оказались три раны“.

Если прибавить къ этому еще три-четыре дѣла, сопровождавшихся также убійствами (не менѣе ожесточенными) и также грабежами (не менѣе смѣлыми), то на этомъ и завершается всѣмъ рѣзкія злодѣянія бродягъ въ Забайкальскомъ краѣ *).

Въ остальной Сибири дѣянія бѣглыхъ становились опасными во всѣхъ тѣхъ безлюдныхъ и голодныхъ мѣстахъ, гдѣ имѣли неосторожность указывать каторжникамъ какія либо работы. Всѣмъ памятна разбойничья шайка, собравшаяся изъ тѣхъ каторжниковъ, которые посланы были на закладку соляной варницы (теперь уже не дѣйствующей) на пустынномъ пространствѣ за Леною. Жестокое обращеніе, при всевозможныхъ физическихъ и матеріальныхъ лишенияхъ, вызвали частые побѣги. Убійства и поджоги вскорѣ наполнили весь край тревогою и страхомъ. Въ лѣсахъ приленскихъ бѣгле собрались въ грозную шайку разбойниковъ, хорошо вооруженную и потому имѣвшую возможность долгое время держаться на Ленѣ. На лодкахъ съ двумя пушками бродяги гуляли по широкому раздолью рѣки, богатой извилинами и заливами, защищенными древесными корнями и подручною непроходимую лѣсною трещею. Изъ этихъ притоновъ они нечаянно нападали на деревушки, не обезпеченныя и не приготовленныя къ отпору, и на жителей, давно уже обмѣнявшихъ военныя орудія на земледѣльческія. Приленскія деревни представляли для разбойниковъ вѣрную и безопасную добычу. Страхъ обуялъ весь приленскій край. Разбойники начали нападать уже на остроги и города. Въ одномъ острогѣ успѣли даже выдержать отчаянную свалку съ мѣщанами, но побѣдили:

російскаго гетмана Многогрѣшнаго, который и разбилъ буряты. Съ тѣхъ поръ селенгинскіе братскіе — настоящіе братскіе, мирные сосѣди города.

*) Между прочими ссыльно-каторжными Егоръ Григорьевичъ разбойничалъ съ шайкою изъ 7-ми человекъ; братскихъ кляла на огонь и жгли, добывалъ денегъ. Въ дѣлѣ его были сильно замѣшаны семейскіе раскольники.

дома сожгли, имущество разграбили. Начальство спохватилось, стало принимать возможныя мѣры: выслали солдатъ, собрали облавы. Шайка была разбита и разбѣяна, разбойники переловлены, отданы подъ судъ и въ 1801 году наказаны кнутомъ и посажены на цѣпь въ тюрьмахъ нерчинскихъ рудниковъ. Между ними попался ссыльный (не за политическое, а за уголовное преступленіе) полякъ Левицкій, дожившій до 50 годовъ нынѣшняго столѣтія. Человѣкъ этотъ въ послѣдующей жизни успѣлъ представить собою такой характерный типъ неутомимаго и непосѣдливаго бродяги, что мы рѣшаемся остановиться на немъ и рассказать со словъ знавшихъ его и бесѣдовавшихъ съ нимъ.

„Левицкій, посланный на работы въ нерчинскихъ рудникахъ, снова урвался въ бѣга; независимый характеръ его не долго могъ носить каторжное ярмо. Послѣ различныхъ приключеній, руководимый счастьемъ и удачами, то пресмыкаясь, какъ дикій звѣрь, въ лѣсу, то снова прокрадываясь, какъ разбойникъ на дорогу, Левицкій добрался до Каспія, здѣсь былъ схваченъ, снова битъ кнутомъ и присланъ въ рудники. Изъ рудниковъ онъ учинилъ третій побѣгъ, на этотъ разъ въ Китай, черезъ Монголію, гдѣ нѣсколько грабежей его вызвали облаву. Облава замкнула его въ подвижную колонну и, измученнаго и проголодававшись, взяла безъ сопротивленія и представила въ пограничный караулъ. Такъ какъ побѣги за китайскую границу сильно отягощали нашихъ властей большими хлопотами и длинною перепискою, а еще больше платежами за покраденное вдесятеро (согласно мирному трактату), то и раздраженіе начальства на таковыхъ бѣглыхъ выразалось наибольшою строгостью наказанія. Левицкій не посмотрѣлъ и на это: въ четвертый разъ онъ убѣжалъ изъ рудниковъ и бѣгалъ до тѣхъ поръ, пока отъ кнута и палокъ не согнулась его маленькая фигурка, а изодранное тѣло не представлялось шитымъ изъ различныхъ доскутковъ кожи. Въ 1832 г. польскіе изгнанники 1831 года узнали своего оригинальнаго земляка уже сѣдымъ старикомъ, уволеннымъ отъ работъ, но продолжавшимъ непосѣдливо таскаться по всему Забайкалью за кускомъ хлѣба, зарабатываемому различными способами. Вѣчный бродяга таскался по горамъ и лѣсамъ съ мѣшкомъ за плечами и бубномъ. Въ мѣшокъ онъ складывалъ куски руды, либо шерды, которые потомъ и продавалъ. Вубномъ подыгрывалъ пѣсни и пѣснями подспорялъ работу, пронзительно-тонкимъ голосомъ вызывая воспоминанія о родинѣ въ полузабытыхъ польскихъ пѣсняхъ. Мѣшекъ и бубенъ были съ нимъ неразлучны. Разъ натолкнувшись на земляковъ своихъ, на вопросъ ихъ о томъ, чѣмъ содержитъ себя, отвѣчалъ: милостынею людей, о которой не просить. На предложенную мило-

стыню согласился, получить хорошее обезпечение, но благодарностями не воспользовался. Через несколько недѣль пребывания въ домѣ изгнанниковъ, Левицкій выскочилъ, какъ обваренный кипяткомъ, собравъ рвань свою, взявъ мѣшокъ съ рудою и бубень, и сказавши: „*Badzie mi tu zdgowi, serce ojszuzno!*“ пустился на старую дорогу бродяжества. Остановившись въ какойнибудь деревнѣ, заводилъ школку и нѣсколько недѣль училъ крестьянскихъ ребятъ, но, разсердившись и поворчавши на ребятшекъ, бралъ мѣшокъ съ рудою, разгонялъ свою школу и, ударяя въ бубень маршъ на погребеніе, покидалъ деревню. Крестьяне, по звуку въ бубень, узнавали, что учитель опять почуялъ въ себѣ волка. Ходя, такимъ образомъ, отъ деревни до деревни, вездѣ училъ, но вездѣ жить недолго. Однажды въ Култуминскій заводъ пріѣхалъ горный начальникъ Татаринковъ. Все селеніе торжественно настроилось къ приему его и когда онъ спалъ самымъ пріятнымъ образомъ, раздался стукъ въ бубень; Левицкій выбивалъ генеральный маршъ. Безпокойство, причиненное имъ, привело его къ отвѣту. Ему грозили разбить бубень. Левицкій отвѣчалъ: „Вы начальники людей, а не бубновъ. Меня накажите и расшибите, но бубна не трогайте. Ежели хватитъ совѣсти бить старика, бейте, но берегитесь моего бубна“. Левицкаго рекомендовали чудакомъ и гнѣвъ начальства смягчили: начальникъ далъ ему рубль и отпустилъ безъ наказанія. Получая деньги, бродяга спѣшилъ напиться пьянымъ. Разъ, не имѣя на себѣ ничего, кромѣ своихъ рваныхъ тряпокъ, свалился на морозѣ въ 25°, но не замерзъ, а отморозилъ только пальцы, которые, придя домой, самъ же и поспѣшилъ отрубить топоромъ. Добравшись изъ Шилкинскаго завода до Акатуя, познакомился тамъ съ арестантомъ изъ Московской губерніи, богатыремъ по росту и силѣ и къ тому же хвастливымъ. Богатырь приглашалъ на поединокъ, общая полнитофа тому, кто поборетъ, но никто не являлся. Левицкій, остановясь въ это время на площади, принялъ вызовъ и, какъ Давидъ, пошелъ на Голиаа. Молодой арестантъ сбросилъ съ себя армякъ и, засучивъ рукава рубахи, гордо ожидалъ противника. Левицкій, тѣмъ временемъ, смѣясь и подшучивая, неожиданно перевернулся и всталъ на рукахъ, поднявъ ноги вверхъ. Перевернувшись во второй разъ, онъ стрѣлой бросился на противника, ударилъ его каблукомъ въ переносье, потомъ схватился на ноги и быстро повалилъ подъ себя озадаченного и испуганнаго силача. Такова-то была старость этого человѣка, истаскавшаго свою жизнь въ бродяжествѣ! Къ прочимъ свойствамъ его должно отнести рѣзко бросавшееся въ глаза безвѣріе, религиозный индифферентизмъ. Онъ любилъ спорить со священниками и показывалъ глубоко

испорченную душу. Прекословилъ всякому, священниковъ и церковниковъ хваталъ за рясы и говорилъ: „Нѣтъ Бога!“ Кто готовъ былъ войти съ нимъ въ споръ, тѣмъ охотно подбивалъ и ублажалъ чѣмъ могъ этотъ Вольтеръ въ лохмотьяхъ. При такомъ паденіи онъ, однако, сумѣлъ уберечь съ давнихъ временъ неуступчивость, гордость и уваженіе къ собственному достоинству. На свои лохмотья онъ смотрѣлъ, какъ король на пурпуръ. Злодѣйствъ своихъ совѣсть не стыдилась. Въ началѣ 60-хъ годовъ объ немъ уже не было слышно, навѣрно онъ умеръ гдѣнибудь въ дѣсу, либо на пути къ какомунибудь новому Ханаану, которые во всю жизнь казались ему не тѣми, все не по немъ, всѣ безъ соблазновъ на осѣдность. Неволя не сломала и не переименовала характера, но сдѣлала то, что въ аловонной ея атмосферѣ чело-вѣкъ потерялъ внутреннія достоинства, достигъ до совершеннаго униженія и только на лучшій конецъ сталъ чудакомъ и не разучился пѣтъ пѣсни отъчизны“.

За Байкаломъ, большею частью, дѣянія бѣглыхъ оканчиваются мелкимъ воровствомъ, на которое идутъ они, по силѣ обстоятельствъ, вынуждаемые голодомъ первопутья и предусмотрительностью для успѣха и облегченія дальнѣйшихъ странствій. Впрочемъ, на этотъ случай въ тюрьмахъ сложилась и выговорилась такая притча:

— Что же, батька (спрашиваетъ сынъ у отца), ты меня посылаешь на добычу: вотъ я мужика зарѣзалъ и всего-то луковицу нашель.

— Дуракъ! луковица, анъ копейка. Сто душъ, сто луковицъ, вотъ-те и рубль!..

Кстати: въ Сибири бродяжество до того за обычай, что даже въ сказкахъ (разумѣется, заимствованныхъ изъ Россіи) похождения сказочныхъ героевъ переведены на бродягъ и въ этомъ отношеніи сибирскія сказки являются съ значительными вариантами. Вотъ почему архивныя дѣла съ примѣчательною подробностью повѣствуютъ о похищеніяхъ бѣглыми лошадей. Похищеніе крестьянскихъ лошадей—самое обыкновенное и частое преступленіе бродягъ, идущихъ мелкими партіями, свидѣтельствующихъ этимъ о томъ, что они не на шутку собрались въ дальнюю дорогу, а вовсе не для легкой по-тѣхи пошалить, покататься и развлечь скуку одиночнаго тоскливаго сидѣнья взаперти. Сибирь переполнена рассказами проѣзжихъ, которые сводятся почти всѣ на одно: на проселкахъ, въ угрюмой окрестности, натолкнулись на шайку бродягъ. Разбойничьи лица, осанки, наружность показывали смѣлость и отвагу. Здѣсь они у себя, въ дѣсу, на волѣ, оборванные, съ топорами и ножами за поясомъ, нападуть, ограбятъ и убьютъ. Бродяги робкими голосами попросили подаянія; такъ дѣлають зашедшіе далеко. Не такъ поступаютъ начинаю-

щие свой путь. Хорошо обдумавшая побѣгъ, бывшая партія съ того начинается первые шаги на пути, что подстережетъ какого нибудь ротозѣя или просто одинокаго человѣка и ограбить. То и дѣло заводскіе слѣдователи записываютъ такіа показанія:

„Находились мы при шурфовкѣ въ Акатуевскомъ рудникѣ, въ зимовѣ бѣжали оттуда. Пошли лѣсами къ Алгачинскому руднику, ночью скрывались въ чащахъ. Не доходя рудника, увидѣли въ колкѣ человѣка, собирающаго таловое лыко для приготовления въ казну ужищевъ; отняли у него ружье съ порохомъ и пулями. Зашли въ падь, называемую Талмакъ. Тутъ, при жженіи угля, находился отставной слугитель; подождали мы, пріѣхалъ товарищъ на лошади, мы лошадь украли. Когда оба заснули, украли мы хлѣба 4 ковриги, картузь, шинель, кушакъ и юфтовые чарки (родъ сапоговъ). Пошли на пашню, выпрягли двухъ лошадей изъ сохъ; на одной пади „Янки“ отняли у крестьянина сѣдло. Въ лѣсу встрѣтились съ 4 человѣками, бѣжавшими изъ Кутумарскаго завода. Отъ него пошли въ Донинской хребетъ и у деревни того же имени остановились. Я съ другимъ товарищемъ отправленъ былъ въ деревню для воровства коровы, но, увидѣвъ ѣдущихъ съ рудой конвойщиковъ, мы ударились въ другую сторону хребта, гдѣ у встрѣтившагося крестьянина выпросили хлѣба. Онъ намъ далъ хлѣба и мы его не трогали“, и проч.

А то и такъ (по архиву Петровскаго завода): „Бѣгле съ Кары на р. Шилкѣ выстроили избу и зимовали въ ней. Весной согласились бѣжать дальше; въ ближней деревнѣ украли лошадей, одну лошадь отняли у встрѣтившагося имъ на дорогѣ братскаго. Въ одной пади жили съ недѣлю; товарищи по-знати сходили въ Петровский заводъ и привели оттуда, для пропитанія своего, корову“, и проч.

Съ другою партією встрѣтились конные буряты. Бѣгле бросились на нихъ и всѣхъ съ лошадей поснимали, а сами сѣли и ускакали. Спѣшенные братскіе пришли въ заводскую петровскую контору жаловаться и, между прочимъ, рассказывали о томъ, что бродяги, взмостившись на братскихъ коней, кричали имъ вслѣдъ: „Можно васъ, братскихъ, легко намъ убить, такъ какъ мы-де уже каторжнаго званія люди“.

— Безъ воровства и не пройдешь,—толкуютъ сами бѣгле:—что украдешь, тѣмъ и проживешь; ѣшь прошенное, носишь брошенное, живешь краденнымъ. Какимъ бы способомъ нашъ братъ могъ такіа большія дороги дѣлать и такіе подвиги совершать? Отъ Нерчинска до Москвы дойти—не мутовку облизать.

Показанія эти находятъ себѣ оправданіе и въ архивныхъ кладовыхъ, въ формальныхъ дѣлахъ. Вотъ, между прочимъ, изъ множества другихъ случаевъ, одинъ образецъ (найденный на-

ми въ Кяхтѣ), образецъ признанія, сдѣланнаго бѣглымъ, задавшимся одною изъ труднѣйшихъ задачъ бродяжества: изъ Охотскаго порта въ Кяхту.

Являетъ признаніе мѣщанинъ кяхтинскаго общества, наказанный за преступленіе кнутомъ и сосланный въ ссылку въ Охотскій портъ, а въ чемъ, тому слѣдуютъ пункты:

„По конфирмаціи главной команды въ 1800 г. сосланъ я былъ въ ссылку и препровожденъ подъ карауломъ, черезъ земскія правительства, и по приводѣ въ городъ Якутскъ сданъ былъ дворянскому засѣдателю и со онымъ былъ отправленъ, въ числѣ прочихъ преступниковъ 350 человѣкъ, для чищенія дороги къ рѣкѣ Маѣ, за присмотромъ казаковъ безъ всякихъ крѣпей. Слѣдуя къ рѣкѣ Маѣ, въ іюнѣ мѣсяцѣ укравъ у якутовъ ружье и пять котиковъ, изъ партіи бѣжалъ одинъ и въ хребтахъ сошелся съ таковыми же смыслными, всего шестью человѣками, и съ ними шелъ хребтами и лѣсами 45 дней, питаясь украденнымъ въ разныхъ мѣстахъ у промышленныхъ тунгусовъ звѣриннымъ мясомъ. Вверхъ по р. Алдану нашли мы на бѣглыхъ тунгусовъ 4 человѣкъ. Здѣсь товарищи отъ меня отстали, а съ тунгусами согласясь, которые и вели меня на Амурь-рѣку къ устью, впадавшему въ море, называемому разливу, гдѣ жительствоють орочены, и сами остались въ томъ мѣстѣ, а я оттоль пошелъ одинъ по жилью, а гдѣ есть орочены, то, зайдя ко онымъ, вытребуя пищи, называлъ себя промышленнымъ и заблудшимъ человѣкомъ которые мнѣ показывали путь, какимъ образомъ можно вытти къ р. Горбицѣ. По словамъ ихъ вышелъ къ оной, покралъ тутъ со степи лошадь; доѣхалъ на оной до г. Нерчинска ночью, переночевалъ у отставнаго солдата Семена (а чьихъ прозывается—не знаю). А оттоль ѣхалъ братскими улусами и мелкими деревнями, и, отѣхавъ отъ Нерчинска верстъ съ 200, переѣхалъ за границу; промѣнялъ тамъ мунгаламъ имѣвшіеся при мнѣ 5 котиковъ и винтовку, покраденные у якутовъ, за которые вымѣнялъ серебра съ 16 ланъ и чунчу (дешевую шелковую китайскую матерію). По вымѣнѣ оныхъ вещей слѣдовалъ до здѣшней крѣпости (Селенгинска) извѣстными мнѣ мѣстами, а укрывался въ домѣ матери. Сверхъ того воровства чинилъ: въ-1-хъ, толмача Анжинка быка шерстью бурого и безхвостаго; во-2-хъ, четырехъ лошадей; въ-3-хъ, двѣ лошади; въ-4-хъ, двѣ же лошади и всѣ оныя, также и прежнюю лошадь, на которой ѣхалъ, провелъ я за границу потаенными мѣстами и продалъ за наличныя деньги мунгаламъ (монголамъ) за сто руб., съ которыми прежде до ссылки имѣлъ дѣло. Вчерашняго числа примѣрно пополудни, часу въ 8-мъ, пришедъ въ здѣшнюю крѣпость и въ стоящемъ за выѣзжемъ рогаткомъ кабакѣ подъ

окномъ выпилъ вина за три раза по 10 коп., а узналъ ли сидѣлецъ, знать не могу. И оттоль, мимо рогатки и гобвакты, прошелъ къ дому тетки подь окно и просилъ у нее хлѣба. На вызовъ мой вышелъ изъ избы какой-то служивый и отъ онаго я бѣжалъ, а гдѣ служивый остался, я уже не знаю. Потомъ уже, въ другой или третій разъ пришедъ въ дому тетки, вызвалъ ее на дворъ и въ то время выбѣжали изъ двора, а сколько человекъ, не упомяну, втащили меня въ избу, а оттоль взять на гобвакты. А имѣвшій на мнѣ лабашекъ (полушубокъ), камзолъ и котомку съ деньгами, кто съ меня снялъ или я самъ сбросилъ, того за пьянствомъ не упомяну. Признаніе это Карпъ Патюковъ учинилъ „черезъ посаженіе въ деревянную колодку и устраивали посаженіемъ же въ большую колодку и желѣза“ (добавилъ къ дѣлу писарь).

Расчитывающіе на дальнюю дорогу бывалые бродяги весьма нерѣдко запасаются фальшивыми паспортами. Мастерять ихъ сами въ тюрьмахъ, покупаютъ и на сторонѣ у знающихъ это мастерство людей, крадутъ по ночамъ и у тѣхъ счастливыхъ товарищей, которые успѣли застаться ими. Попадаютъ иногда на томъ, что полуграмотный писарь выставитъ очень крупный номеръ, длинную цифру, но чаще пропускаютъ ихъ безъ паспорта вездѣ тамъ, гдѣ бродяжке дѣло за великій обычай. Съ паспортомъ бродяга, разумѣется, всѣми мѣрами уклоняется оттого, чтобы не встрѣтиться съ опасными и гибельными случайностями, которыя могли бы повернуть заработанный путь на обратную. Выгоднѣе для бродяги пробраться безъ задержекъ на широкій просторъ матушки-Сибири и тамъ уже подвергнуться всѣмъ неожиданностямъ и случайностямъ бродячей жизни. Полезнѣе совершить мелкое воровство, вынужденное голодомъ и крайностью, чѣмъ прежде времени лишитъ себя тѣхъ удобствъ, которыя такъ легко достаются въ предѣлахъ Восточной и Западной Сибири. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что многіе бѣглецы, не доходя еще до Байкала, погибаютъ: кто заблудится въ глухихъ тайговыхъ мѣстахъ и умереть тамъ съ голода, кто, дерзко довѣрившись утлой лодкѣ, потонетъ на бурливомъ Байкаль-морѣ, „отправится на дно омулей ловить“.

Кромѣ извѣстной пѣсни, сочиненной какимъ-то опытнымъ стихотворцемъ, существуютъ цѣлыя рассказы неподдѣльные, изъ которыхъ намъ кажется искреннѣе и характернѣе другіхъ нижеслѣдующій, а потому мы и приводимъ его со всѣми подробностями.

Вѣдутъ трое и доходятъ до р. Селенги, на берегу которой видятъ готовый плотъ, приспособленный для кяхтинскаго хлѣбнаго транспорта. Плотъ этотъ бѣглецы спускаютъ въ воду и плывутъ на немъ рѣкою въ устье, т. е. въ

озеро Байкаль. На Байкаль ихъ встрѣтилъ попутный вѣтеръ, направлявшій ихъ прямо на Николаевское селеніе и Лиственничную станцію. На серединѣ озера вѣтеръ переимѣнился и плотъ поволокло въ противоположную сторону къ Баргузину и грозило затащить въ мертвый и безлюдный уголь Байкала, къ Душкачану. Для бродягъ наступили третьи сутки голода и холода: вѣтеръ знобилъ ихъ тѣла, истощенныя постомъ, и съ успѣхомъ боролся съ ихъ оборванною и измызганною одеждою. Пловцы пришли въ крайнее изнеможеніе. Одинъ изнуръ совсѣмъ, мучился, крѣпился и, не выдержавъ напора бѣдствій, на глазахъ товарищей опустился въ воду и потонулъ.

„Мы перекрестились оба. Къ вечеру и другой мой товарищъ опустился слѣдомъ за нимъ. Я опять перекрестился. И мнѣ туда же лежала дорога, да знать здоровъ и крѣпокъ быть, да на родинѣ, въ деревнѣ, можетъ старуха мать за меня Богу помолилась. Приблио мой плотъ къ берегу. Я вышелъ мокрымъ и пошелъ брести на удачу. Увидалъ дымокъ звѣровщика - русскаго; подошелъ къ нему, споялся; накормилъ. „Живи-де у меня въ работникахъ“. Ладно! Жилъ я у него въ сторожахъ, въ его промысловой избѣ. Да скучно мнѣ стало: онъ уйдетъ въ лѣсъ бѣлковать, а мнѣ и говорить не съ кѣмъ, слова перекинуть не съ кѣмъ, хозяинъ и собакъ всѣхъ увозилъ съ собой. Ушелъ я отъ него: пойду-ка, молъ, къ своимъ старымъ товарищамъ на заводы. На дорогѣ мнѣ бурята попались, связали меня и привели на Кару. Тамъ мнѣ, дѣло извѣстное, розогъ надавали, сколько влѣло, и указали жить не по своей, а по ихней волѣ“.

Иного бѣглаго изломаетъ мѣдвѣдъ въ лѣсу, отошавшаго и измученнаго, тѣмъ болѣе, что горы и отроги Яблоноваго хребта такъ многочисленны, перевиты и перепутаны, такъ много въ нихъ фальшивыхъ падей, обманчивыхъ колковъ, что и самый опытный бродяга имѣетъ полное право растеряться, придти въ отчаяніе, потерять рѣшимость и твердость духа и заблудиться или провалиться. Нѣкоторые бродяги, счастливо одолѣвшіе лабиринтъ лѣсовъ и горъ, сейчасъ же за ними попадаютъ въ новыя опасныя мѣста съ правомъ умереть съ голоду на обширной Братской степи, гдѣ самъ бурятъ ѣсть плохо, живетъ разбросанно и все стремится встать жильемъ по окраинамъ степи, поближе къ жильямъ русскимъ и къ лѣсамъ, а стало быть и къ водѣ. Не лучше и дальше, если попадетъ онъ на такъ называемую кругобайкальскую дорогу или „кругоморскій путь“, идущій безлюдными мѣстами, съ которыми вотъ уже сколько лѣтъ не можетъ сладить искусство сибирскихъ инженероу и старанія подрядчиковъ. О многихъ бродягахъ высылаются только глухіе рапорты многихъ уѣздныхъ полицейскихъ

властей, что вот найдемъ въ такомъ-то „зимовъ неизвѣстный бродяга замерзшимъ“, на такой-то „заимкѣ, въ банѣ, столько-то умершихъ, вѣроятно отъ угара“. Великое множество бродягъ представляется въ заводѣ и на судѣ въ саняхъ и телѣгахъ съ отмороженными руками и ногами, оконченными на морозѣ до смертельной агоніи. Серьезныхъ ушибовъ и разрывовъ вывиховъ бродяги уже въ счетъ не ставятъ, дѣло обыкновенное, каждому набѣжать приводится. Рѣдкій изъ вернувшихся не вывихнулъ либо руки, либо ноги, не зашибъ спины, либо боковъ и груди.

Какъ ни значительно число погибшихъ въ Забайкальѣ, все-таки еще очень много изъ является за Байкаломъ на безконечныя хлопоты земскихъ властей, на безпокойство мирныхъ и честныхъ обитателей изъ сибирскихъ старожиловъ по деревнямъ и селамъ, по городамъ уѣзднымъ и губернскимъ. Трудно одолѣвать бѣглымъ забайкальскія пустыни. Бродяги по сю сторону Байкала, въ мѣстахъ, по гуще населенныхъ, считаютъ себя почти внѣ всякой опасности: уже на югѣ Иркутской губерніи и даже вблизи губернскаго города они становятся смѣлѣе и развязнѣе. Въ окрестностяхъ города Иркутска у нихъ какъ бы первая станція съ продолжительнымъ отдыхомъ; здѣсь они набираются и новыми силами и новыми свѣдѣніями и паспортами, а смѣлы и развязны становятся на столько, что даже пошаливаютъ. У самаго города Иркутска, на такъ называемомъ „Островѣ Любви“ (противъ московскаго переезда черезъ Ангару), найдены были дѣлатели фальшивыхъ видовъ, матеріалами для которыхъ служили аттестаты и прочіе документы, украденные изъ присутственныхъ мѣстъ. У пойманныхъ отобраны были паспортные бланки, указы объ отставкѣ нижнихъ чиновъ и печать конторы иркутскаго военнаго госпиталя. У подгородныхъ крестьянъ то и дѣло случается такого рода горе. Приходятъ къ нимъ наниматься въ работу незнакомые люди. Рабочій дорогъ, крѣпко нуженъ такъ, что уже и такой обычай установился, чтобы приручить его къ себѣ крупнымъ задаткомъ (безъ задатку въ Сибири никто шагу не дѣлаетъ). Даютъ задатки большіе, пойдутъ предъявлять виды въ полицію, а виды тамъ, сплошь и рядомъ, оказываются фальшивыми, но при этомъ зачастую только опытный полицейскій глазъ различаетъ поддѣлку отъ настоящаго. Получившіе задатки, само собою разумѣется, богаты. Мы помнимъ два случая, изъ которыхъ въ одномъ поплатился поселенецъ 26 руб. задатка, въ другомъ крестьянинъ 10 р., представившій въ полицію оставленные имъ въ обезпеченіе документы, написанные одною рукою и завѣренныя одинаковыми печатями. Бросились по горячимъ слѣдамъ и, на 19-ой верстѣ отъ Иркутска (на московскомъ трактѣ), настигли

виновныхъ, сознавшихся въ составленіи фальшивыхъ видовъ, въ поддѣлкѣ печатей, въ пережѣвѣ именъ, побѣгѣ съ золотыхъ промысловъ и въ совершеніи различныхъ кражъ въ Иркутскѣ. Кражи въ Иркутскѣ—явленіе обычное и притомъ совершаются съ поразительною ловкостью и изобрѣтательностью.

Прибрежные жители Ангары каждую весною, тотчасъ же по проходѣ льда въ рѣкѣ, видали плывущіе мимо маленькіе, на скоро сплоченные плоты, шириною бревна въ три-четыре, связанные ветлами и на нихъ груды ветоши (пропшодней травы), какую нибудь носильную рвань и по два по три человекъ рабочихъ. Это—бродяги, пустившіеся искать себѣ счастья на бойкой водѣ этой замѣчательно быстрой и оригинальной рѣки; пороги они обходятъ гнѣшкомъ и ниже ихъ дѣлаютъ новые плоты. Быстрота течения, усиленная еще, сверхъ того, весеннею водою, позволяетъ бродягамъ доходить до такой смѣлости, чтобы плыть подъ самыми окнами каторги (каковъ былъ иркутскій солеваренный заводъ) и даже отдыхать на заимкахъ въ самой близкой окрестности ея. Начальство заводовъ, обремененное опекою и надзоромъ за собственными каторжными, равнодушно смотрѣло на проѣзжихъ съ чужой каторги и, страдая недостаткомъ людей въ собственныхъ заводскихъ командахъ, находилось даже въ невозможности преслѣдовать прибылыхъ и новыхъ. Въ тѣхъ только случаяхъ, когда губернское начальство, напр., казенная палата, задастъ большой заказъ на вино или соль, а рабочихъ рукъ не достаетъ (своихъ заводскихъ рабочихъ много въ бѣгахъ), заводское начальство командировало солдатъ для осмотра сосѣднихъ заимокъ и отъ этого маневра было всегда въ барышахъ. Солдаты въ одинъ разъ приводили человекъ по 12—15 бѣглыхъ, изъ которыхъ обыкновенно цѣлая половина просила одной только милости: задержать ихъ на заводѣ и не пересылать на перчинскую каторгу, откуда сѣжали они и куда не хотѣли бы возвращаться. Немалая часть бѣглыхъ уходитъ дальше и, добравшись до золотыхъ приисковъ частныхъ людей, живутъ тамъ лѣтъ по 8—10, получая денежную плату, хотя и ничтожную.

Въ глухое время бродягъ обыкновенно ловятъ не часто, а потому рѣдкій проѣзжій по сибирскому тракту, въ любомъ мѣстѣ до Урала, не встрѣтитъ артелей бродягъ человекъ 5—6 (а иногда и до 30-ти вмѣстѣ), скромно пробирающихся по направленію къ Россіи, съ котомками за плечами, съ сапогами про запасъ. Такими рекомендовали намъ понимать тѣхъ нашихъ встрѣчныхъ, которые пять разъ перерѣзали намъ дорогу отъ Екатеринбурга до Иркутска и которые, по туземнымъ примѣтамъ, тѣмъ отличаются отъ невинныхъ путниковъ, что имѣютъ про всякій случай, на дневную пору,

робкій, запуганный видъ и рѣдко находчивы до того, чтобы снятъ пробѣжему шапку, какъ дѣлаютъ это поголовно всѣ сибиряки не изъ бѣглыхъ. Туезъ (буракъ) у пояса, да топоръ за поясомъ, нищенское одѣяніе (старыя измызганныя сермяги), за плечами мѣшки, да блѣдныя, изнуренныя лица съ синими кругами подъ глазами—считаются также въ числѣ обычныхъ бродяжскихъ признаковъ. Нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, если они попадаютъ вблизи Уральскаго хребта, эти прохожіе все-таки на большую половину бродяги, бѣглецы съ заводовъ, которымъ смиренность и кротость помогли одолѣть всѣ соблазны: и Красноярскъ и Томскъ. „Красноярскъ,—говорятъ бѣглецы:—строгий городъ и не мастеръ ютить у себя вольныхъ охотниковъ, свободныхъ путешественниковъ; Томскъ—такой городъ, гдѣ нѣкогда былъ для вольнаго жителя бродягъ широкой просторъ при помощи разныхъ случайныхъ сложившихся обстоятельствъ“. Томскъ, и въ самомъ дѣлѣ, одинъ изъ такихъ городовъ, гдѣ дѣятельность полиціи больше всѣхъ сибирскихъ городовъ находится въ затрудненіяхъ и гдѣ меньше всего частная собственность находилась въ безопасности. Хроника полицейской практики, по поводу убійствъ, кражъ, грабежей и мошенничествъ всякаго рода въ городѣ Томскѣ обильно испещрена весьма крупными и яркими чертами. Судя по хроникѣ этой, Томскъ какъ будто центральное мѣсто для отдохновенія ссыльныхъ, вродѣ огромнаго постоялаго двора, а городскія задворья нѣчто даже вродѣ базара или даже ярмарки *). Зашалившись, наигравшись и отдохнувъ здѣсь, счастливые изъ бѣглыхъ идутъ дальше съ тѣмъ же смущеннымъ видомъ и кроткимъ сердцемъ, мало обращающаго вниманія на ѣдущихъ на встрѣчу, не поднимая даже глаза на нихъ, какъ бы появленію ихъ отъ давней привычки не придають въ этихъ мѣстахъ никакого значенія. Въ крайнихъ случаяхъ они приближаются къ кошевѣ, просятъ милостыни и только въ самыхъ крайнихъ и очень рѣдкихъ случаяхъ рѣшаются грабить и убивать. Да къ этому и большой нужды не предвидится: бродяга въ этихъ мѣстахъ уже сытъ, да и весьма близь къ цѣли странствій. Бараба живетъ домовито и по ней на каждыхъ 20 верстахъ вытянулись людныя деревни, которыя и сыто ѣдятъ и въ рабочемъ, при богатствѣ угодій, нуждаются. Къ тому же нынѣшніе жильцы этого коммерческаго тракта сами либо дѣти, либо внуки и правнуки такихъ же несчастныхъ и

*) Но и для Томска бывали строгія времена и бродяги, говорятъ, подходя къ городу, стали ослѣдомляться, «кто правитъ полиціей, и если-де все еще Петька Любимовъ—то ну, его къ черту!—и ходить нечего, не рука!». Однако, послѣ него въ 1863 году, въ первые три дня Святой недѣли полиція нашла семь труповъ, изъ которыхъ нѣкоторая часть лежала подлѣ разграбленныхъ лавокъ.

ссылныхъ людей. Въ такихъ мѣстахъ бродяги не задумываются безобязательно входить въ самыя деревни и подъ видомъ нищихъ и богомольцевъ выпрашивать подъ окнами плаксивымъ голосомъ, на напѣвъ „Милосердной“: „Милостивые наши отцы и матушки, не оставьте несчастныхъ прохожихъ! Христа ради, подайте милостынку“. Если прежніе крестьяне не ловили бродягъ изъ состраданія къ нимъ: „пушай-де идутъ себѣ съ Богомъ, зачѣмъ мы станемъ обижать несчастныхъ, на что у нихъ свое начальство есть“, то барабинскіе жители и тѣ, которые живутъ благодушно и богато по Иртышу и дальше, умѣютъ издавна обращать слово въ дѣло. Въ этихъ деревняхъ и селахъ милостынею несчастному обязываетъ себя всякая домовитая и сердобольная хозяйка, выставляя за окно на улицу на особой полочкѣ первый подвернувшийся подъ руку харчъ и хлѣбъ въ достаткѣ. Пронадеетъ этотъ хлѣбъ и харчъ съ окна и полочки—хозяйка сотворитъ благодарственную молитву, крестъ на себя положить и опять поищетъ остатковъ и выставитъ за окно новую и свѣжую провизию. Такъ ведется дѣло искони и по всѣмъ сполутнымъ для бродягъ деревнямъ не только въ Сибири, но даже и кое-гдѣ въ Россіи. Прежде обычай этотъ былъ повсемѣстенъ, теперь онъ ослабѣлъ отъ преслѣдованій и внушенія, и полочку съ хлѣбомъ велятъ искать теперь прямо и безъ церемоніи въ самой избѣ на красномъ столѣ, а ночлежное ложе въ подъизбицѣ. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію то, что, поселившись въ дѣсныхъ землянкахъ, бродяги зачастую выходятъ въ деревни просить милостыню на правахъ нищихъ либо погорѣльцевъ. Сбившіеся въ большія артели бѣглецы рѣшались даже затѣвать по деревнямъ пѣніе пѣсни „Милосердной“, по образцу этапныхъ партій. Давно практикуемый въ Россіи обычай сѣять горохъ и рѣпу около дороги на помощь и лакомство для прохожихъ, въ Сибири сталъ обязательнымъ въ такой степени, что продукты эти уже и не сѣютъ иначе, какъ у самаго полотно пробѣжей дороги, у самыхъ пѣшеходныхъ тропъ про нужду бродягъ и въ отвращеніе вѣроятныхъ бѣдъ отъ голодныхъ. Сибирская рѣпа вкусна и крупна, а потому у дороги всегда выщипана, во имя закона соединять пріятное съ полезнымъ.

Оправданіе этому явленію можно искать въ такой же живой симпатіи простолюдиновъ средней и южной Италіи къ бандитамъ—этимъ изгнанникамъ, поставленнымъ внѣ закона и ушедшимъ въ горы разбойничать, въ недовѣріи къ правосудію судебной власти, во многомъ не согласной съ юридическими понятіями и обычаями самого народа. Находите ее въ чувствѣ народнаго самосохраненія, желающаго предупредительною дачею отвратить вѣроятный фактъ сердитаго и смѣлаго нападенія голодающаго и, въ

случаѣ отпора, мести его за неудачу; находите причину таковой благотворительности въ христіанскомъ чувствѣ сердолобія къ несчастной братіи, которую незапамятный народъ нашъ перестаетъ считать преступною, коль скоро преступленіе выкуплено карою и очищено возмездіемъ, хотя и заслуженнымъ, но все-таки обращающимъ вора и душегубца въ жертву, возбуждающую состраданіе. Можетъ быть, и вѣрнѣе всего, главная причина покровительства и защиты бродягъ въ путешествіи—во всѣхъ этихъ чувствахъ вмѣстѣ взятыхъ, но не въ нынѣшней любви къ удалымъ добрымъ молодцамъ, а именно въ той тоскѣ о памяти времени „шатанья“, тоскѣ, которая до сихъ поръ громко сказывается и сильно заявляется въ безчисленномъ множествѣ видовъ бродяжества. Значительная часть ихъ обусловлена даже кореннымъ законнымъ дозволеніемъ и самая большая половина обезсилила законъ и живетъ помимо его прочно и крѣпко. Бродяжествомъ жила Русь далеко послѣ тѣхъ временъ, когда плотили ее въ государство; бродягами расширила она свои предѣлы и ими же отстояла свою независимость отъ дикихъ кочевыхъ ордъ, напиравшихъ на нее съ востока и юга. Бродяги колонизировали сѣверъ, завоевали Сибирь, населили Донъ и Уралъ, когда еще это слово не получило настоящаго своего значенія и нынѣшніе бродяги носили названіе „гулящихъ, пришлыхъ, вольныхъ людей“. Не умаляю этого народнаго коренного свойства искать способныхъ и выгодныхъ мѣстъ на свободномъ и широкомъ раздольѣ земли своей и Московское государство, когда ослаблено было экономическое и государственное значеніе Филипова заговѣнья и уничтоженъ крестьянскій выходъ на Юрьевъ день. Бродяжество, какъ вольный переходъ съ однихъ земель на другія, и теперь живетъ въ народѣ, какъ одно изъ коренныхъ началъ его быта, и движетъ народомъ на всѣхъ путяхъ, хотя и подъ другими именами, съ иными отгѣнками. Проявилось въ немъ и святое религиозное чувство; почувствовали въ элементахъ его нужду для себя и торговля, и ремесла и промыслы, и самая общественная жизнь успѣла уже выродить настоящихъ бродягъ, въ европейскомъ смыслѣ этого слова, и на нихъ пока затворилась. Бродяжеству еще долго придется жить на Руси и въ народѣ.

Замѣчено, что большая часть бѣглыхъ не заходитъ дальше предѣловъ Западной Сибири. Чаше другихъ посылаютъ иркутскій, нижнеудинскій, канскій и канскій земскіе суды, но всѣхъ чаще ялutorовскій (Тобольской губерніи), хотя сюда-то по преимуществу и направляются бродяги, желающіе попасть на Волгу и въ южную Россію. Бѣгле изъ Успенскаго винокуреннаго завода (Тобольской губерніи) наладили и завоевали себѣ путь въ Россію по направленію

на гор. Челябину, а оттуда уже на Уфу и дальше, куда кому вздумается. Этапной дороги по Россіи боятся, ходятъ дорогами малоторенными, но по Сибири зачастую, говорятъ, почувютъ на этапахъ, въ самыхъ полустаннхъ зданіяхъ, пользуясь прежнимъ знакомствомъ и побратимствомъ съ солдатами.

Весною 1866 г., по поводу одного убійства, сдѣлали тщательные розыски около Омска и въ недѣлю наловили 180 бродягъ. Замѣчено, что особеннымъ усердіемъ и настойчивостью на побѣги отличаются мусульмане (татары и горцы), съ тупымъ равнодушіемъ выживающіе каторжные сроки, но бѣгущіе тотчасъ на родину, лишь только выпустятъ ихъ на прощаніе или на поселеніе. Такое явленіе подмѣчено было начальствами и вызвало сенатскій указъ, который установилъ: вслѣдствіе безпрестанныхъ побѣговъ изъ Сибири сосланныхъ на каторгу магометанъ, такихъ преступниковъ изъ губерній Казанской, Симбирской, Пермской и Оренбургской отправлять на будущее время въ финляндскія крѣпости. Впрочемъ, судя по цифрамъ сосланныхъ мусульманъ послѣ изданія этого указа, послѣдній не примѣнялся въ полной силѣ: мусульмане ближайшихъ къ Сибири губерній бѣгали назадъ, пользуясь близостью мѣста и удобствомъ прикрытій. Бѣгали и черкесы, безсильные совладать съ острыми припадками опасной болѣзни „тоски по родинѣ“. Извѣстный путешественникъ по Сибири Аткинсонъ въ непроходимыхъ окрестностяхъ Алтынъ-Жуля и долины Віи встрѣтилъ партію въ 40 человекъ такихъ бѣглыхъ черкесовъ.

„Занимаясь въ розсыпяхъ промывкою золота, черкесы съумѣли тайно припрятать небольшое количество золота, на которое добыли себѣ необходимое оружіе и снаряды къ нему. То и другое было спрятано ими въ одной отдаленной пещерѣ, находящейся въ дикой недоступной мѣстности. Въ условленный день они бѣжали всѣ разомъ изъ разныхъ рудниковъ, гдѣ были распределены по работамъ, и довольно удачно соединились въ пещерѣ. Потомъ они успѣли захватить киргизскій табунъ, изъ котораго выбрали себѣ хорошихъ скакуновъ, принудивъ пастуховъ быть ихъ проводниками черезъ Саянскій хребетъ. Лѣсъ служилъ имъ палаткою, лѣсная дичь—пищею. Конечно, голодъ и нужду приходилось имъ терпѣть очень часто, но надежда поддерживала смѣлыхъ горцевъ. Наконецъ, все-таки они достигли такихъ мѣстъ, гдѣ проводники сказали имъ, что дальше не знаютъ, куда вести ихъ. Черкесы отпустили проводниковъ и пустились далѣе на удачу. Ужасныя, крутыя пропасти Алтая и дикіе горные потоки принуждали ихъ къ безконечнымъ обходамъ и переходамъ и до того сбили съ толку, что они, наконецъ, попали въ трущобы Алтынъ-Жуля. Тутъ-то у нихъ и произошла стычка съ

обитавшими тамъ калмыками. Хотѣли ли послѣдніе захватить ихъ въ плѣнъ и потомъ выдать русскимъ, или черкесы, вынуждаемые крайностью, прибѣгли къ насилію, этого нельзя было узнать: результатъ былъ, однако, тотъ, что нѣсколько калмыковъ было убито, и аулъ ихъ былъ преданъ пламени. Обстоятельство это послужило сигналомъ къ заключительному акту трагедіи. Быстро разнеслась вѣсть о появленіи вооруженныхъ людей и, переходя изъ аула въ аулъ, достигла, наконецъ, съ подобающимъ превеличеніемъ до казачьяго поста Сандинскаго. Случилось, что командовавшій въ форпостѣ офицеръ былъ тогда немного болѣе обыкновеннаго веселъ, по случаю праздника“. Долго не размышляя и не теряя времени на бесполезныя думы, онъ тотчасъ же отправилъ въ Барнаулъ нарочнаго съ тревожнымъ извѣстіемъ. Извѣстіе пришло въ то время, когда развеселый Барнаулъ приготовлялся къ предстоящимъ баламъ и святочнымъ увеселеніямъ; сказали, что три тысячи азіатовъ идутъ мѣшать этимъ удовольствіямъ и, вмѣсто паркетнаго вальса, могутъ заставить кружиться въ нескѣ на арканѣ. Весь городъ пришелъ въ страшное смущеніе. Новые вѣстники изъ долины Вѣи говорили, что войска состоятъ изъ семи тысячъ человекъ, а другіе даже увѣряли, что всего десять тысячъ, снабженныхъ ружьями и проч. Между тѣмъ, дѣло кончилось, по словамъ Аткинсона, слѣдующимъ образомъ:

„Всѣ общества калмыковъ, населявшихъ долину рѣки Вѣи и окрестности Алтынъ-Куля, соединились и, зная отлично всѣ ущелія и тропинки, сначала преградили черкесамъ пути ко спасенію, а потомъ загнали ихъ въ такую тупую, откуда не было никакого выхода. Когда, наконецъ, черкесы приблизились на разстояніе ружейнаго выстрѣла, между ними и калмыками завязалась отчаянная перестрѣлка. Скрываясь въ засады, калмыки были въ очевидныхъ выгодахъ передъ черкесами и могли стрѣлять въ нихъ почти въ упоръ. Черкесы такъ и падали одинъ за другимъ отъ мѣткихъ выстрѣловъ своихъ озлобленныхъ враговъ. Къ вечеру того дня число черкесовъ съ 40 уменьшилось до 15, которые, побросавъ своихъ лошадей, пытались было по острымъ камнямъ и утесамъ выползти изъ ущелья. Не перекусивъ за дѣлный день ни крошки и совершенно выбившись изъ силъ, они принуждены были провести ночь на голыхъ камняхъ, подъ открытымъ небомъ. Когда разсвѣло, черкесы пустились карабкаться дальше и уже доползали до маленькаго лѣсочка, какъ вдругъ на встрѣчу имъ раздался ружейный залпъ засѣвшихъ въ лѣсу калмыковъ: трое черкесовъ пали мгновенно, а еще пятеро были подстрѣлены на бѣгахъ. Отчаянная погоня возобновилась опять. Черезъ нѣсколько времени осталось въ живыхъ только четверо черкесовъ, которые успѣли скрыться въ лѣсу. Наконецъ,

кажется, сами стихіи рѣшились принять участіе въ борьбѣ. Небывалая по страшной ярости буря разразилась громомъ, молніею, снѣжною вьюгою и всяческими невзгодами. Калмыки принуждены были послѣдно отступить, предоставивъ рѣшенію высшихъ силъ конецъ этого печальнаго акта. Четыре дня длилась буря съ бураномъ и ни единая живая душа не слыхала потомъ ничего объ остальныхъ четырехъ черкесахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что они вскорѣ потомъ погибли отъ голода, холода и страшно мучившей ихъ жажды“.

Не лучше этой участи и всѣхъ другихъ горцевъ, имѣющихъ обыкновеніе, вопреки общимъ бродяжымъ порядкамъ, направляться въ киргизскія степи, а между прочимъ и тѣхъ, о которыхъ существуетъ въ Сибири такая легенда.

Нѣсколько бѣглыхъ горцевъ брели, томимые голодомъ и жаждою, по необитаемой степи киргизовъ. Но судьба была настолькоъ къ нимъ милостива, что указала имъ въ одномъ мѣстѣ верблюда. Приблизившись къ нему, они нашли его живымъ и привязаннымъ къ кургану. На курганѣ лежало все то, что имъ было надо: кусокъ жаренаго мяса, чашка варенаго риса, чашка кумысу и еще кое-что изъ съѣдобнаго, а между прочимъ кошма (войлокъ), халатъ, башмаки и еще что-то носильное. Все это свидѣтельствовало о томъ, что бѣглецы пришли на могилу киргиза, здѣсь погребеннаго съ любимыми вещами и вдовымъ верблюдомъ. Бѣглецы потребовали все съѣстное и, замѣтивъ во взглядѣ верблюда что-то умоляющее и печальное и почувствовавъ въ сердцѣ участіе къ нему, безъ сомнѣнія обреченному на голодную смерть, отвязали верблюда и пустили на волю, а сами, въ свою очередь, отправились дальше. Верблюдъ пошелъ за ними. Прибавляя шагъ и рассчитывая въ верблюдѣ найти предателя, бѣглецы прятаясь за песчаные холмы, чтобы скрыться изъ глазъ его, но не достигали дѣли. Припадая къ рытвинамъ, они ложились и отдыхали—пресѣдовавшій ихъ верблюдъ также ложился и отдыхалъ. Но лишь только они поднимались, пускались въ путь дальше, рассчитывая, что верблюдъ спитъ и не видитъ, верблюдъ, вѣроятно, движимый чувствами признательности за спасеніе, также поднимался съ мѣста своего ночлега, вытягивалъ свою длинную шею и, пользуясь широкимъ кругозоромъ ровной степи, выглядывалъ своихъ спасителей и пускался слѣдомъ за ними въ догонку. Разъ даровавъ ему жизнь, бѣглецы изъ личныхъ расчетовъ не рѣшались пресѣчь ее и, такимъ образомъ, сами попали на арканъ киргизовъ, нашедшихъ могилу соотчича святотатственно ограбленною и роковаго верблюда отвязаннымъ. Бѣглецы были связаны и представлены въ Омскъ для того, чтобы рассказать въ тамошней пересыльной тюрьмѣ эти свои приключенія. Въ Нерчинскихъ заводахъ начальники ихъ изъ опыта и многолѣтнихъ наблюде-

шій вывели то замѣчаніе въ добавокъ ко всему, что бѣглецы мусульмане довольствуются тѣмъ, что сходятъ подышать воздухомъ родныхъ горъ и долинь и снова возвращаются на каторгу, какъ бы считая для себя постыднымъ и грѣховнымъ дѣломъ обходить судьбу и бороться съ нею собственными людскими средствами. Не даромъ же они покорялись ей во все время, назначенное для каторжныхъ работъ, и пустились въ бѣгъ только потому, что сняли съ ногъ путы и дали достаточную свободу, чтобы ею воспользоваться и полечиться отъ неизбежной тоски по родицѣ.

Конечно, не дѣлаютъ такъ бѣглецы изъ русскихъ преступниковъ. У этихъ свободнаго, произвольнаго возвращенія не замѣчено. Напротивъ, бѣглецы русскіе, въ большинствѣ своемъ стараются не только добраться до родного пеленца, но и забѣжать дальше и, если возможно, позитъ повеселѣе и почуднѣе. По Сибири, въ пятидесятыхъ годахъ, двое ссыльныхъ, подъ видомъ ревизора-генерала, ѣздили по городамъ съ фальшивыми паспортами и наводили на всѣхъ чиновниковъ страхъ и ужасъ. Поссорившись между собою, пошли опять въ каторжные тенета. По Тобольску долгое время ходилъ юродивый, бывший у тамошнихъ дамъ въ великомъ почетѣ: его кормили, ублажали, считали святымъ человѣкомъ. Мужья, справившись съ карманами, стали подозрѣвать его и слѣдить за нимъ, особенно за длинными, грязными волосами, которые безобразно закрывали все лицо юродиваго. Навели справки, сдѣлали легонькій осмотръ: на лицѣ святоши оказались невытравленные каторжные клейма, а юродивый—бѣгло-каторжникомъ изъ тюменскихъ купеческихъ сымоуей. Въ 1863 году бѣглый солдатъ пермскаго батальона Софроновъ, подъ видомъ и званіемъ капитана турецкаго флота и полковника де-Северина, шалалъ по Сибири: въ Тобольскѣ не совѣтъ удачно, въ Тарѣ съ пріобрѣтеніемъ значительныхъ суммъ взаймы, въ Томскѣ съ приглашеніемъ на балы и обѣды. Въ Красноярскѣ въ немъ усомнились, заковали въ кандалы, посадили въ секретную чижовку и пригрозилъ плетями. Съ одного изъ этаповъ за Красноярскомъ Софроновъ опять бѣжалъ, опять надѣлъ гусарскій мундиръ и снова мошенничалъ на право и на лѣво до Иркутска. Въ Иркутскѣ опять его заковали и сослали дальше, преградивъ ему путь къ дальнѣйшимъ обманамъ и самозванству. Ни съ приглашеніемъ, ни безъ приглашенія онъ уже никогда и ни къ кому не ѣздитъ, не бракъ взаймы денегъ и не измышлялъ ловкихъ и неловкихъ надувательствъ. Словомъ, проказъ бродягъ по Сибири не оберещяся.

На этомъ для опытныхъ и терпѣливыхъ бѣглыхъ не конецъ. Нѣкоторымъ удается пошалать и проказничать и въ самой Россіи, которая въ этомъ отношеніи не строже Сибири. Въ Россіи пути каторжныхъ безпредѣльно широки и длинны.

Какъ нѣкогда въ нихъ находили для себя много питательныхъ и готовыхъ началъ всѣ тѣ систематическіе разбои (особенно волжскіе), которые еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія были сильны, такъ и теперь въ этомъ элементѣ заключено еще не мало опасности и онъ самъ въ себѣ представляетъ еще много живучей силы и дѣятельности.

Когда, во время разбоевъ Быкова подъ Казанью и послѣ ареста его въ тамошнемъ тюремномъ замкѣ, потребовалось поискать и найти бѣжавшаго его товарища и самаго главнаго злодѣя Чайкина, городская полиція сдѣлала повальный по городу обыскъ. Обыска этого не счумѣли сдѣлать внезапно; значительно огласило его само общество, принявшее живое участіе въ розыскахъ товарищей изъ шайки разбойниковъ, и сама полиція рылась по кабакамъ и тайникамъ долгое время, но все-таки успѣла въ самомъ городѣ Казани (съ 10 августа по 15 сентября) найти 17 человѣкъ бѣглыхъ и безпаспортныхъ. Одни оказались бродягами, не помнящими родства, другіе отлучившимися безъ дозволенія начальствъ и шатавшимися по городу безъ опредѣленной цѣли. Между ними третья часть, девять человѣкъ, оказалась бѣжавшими изъ Сибири съ каторжныхъ работъ. Таковыми же были и сами Дмитрій Ивановъ Быковъ и Севастьянъ Васильевъ Чайкинъ, бѣжавшіе въ 1845 году вмѣстѣ изъ Иркутскаго солевареннаго завода, а Федоровъ изъ Нерчинскаго.

Въ 1849 году, 23 іюня, дано имъ было по тысячѣ пятьсотъ ударовъ шпиртутенами, съ намѣреніемъ отправить въ каторжную работу безъ срока, но, бывъ отправлены въ лазаретъ, оба 25 числа умерли отъ воспаленія легкихъ.

Извѣстный Гусевъ, нѣсколько разъ бѣгавшій изъ Сибири, разбойничалъ подъ Саратовымъ и въ самомъ городѣ святотатственно ограбилъ соборъ. Такой же веселый пѣсенникъ и несомнѣнный поэтъ Кармелюкъ разбойничалъ на Волынѣ и только измѣнѣ и подкупу обязанъ былъ тѣмъ, что его убили въ хатѣ его возлюбленной.

Когда въ Астрахани, на волжскихъ рыбныхъ промыслахъ, велѣно было привести въ извѣстность количество рыбаковъ, не имѣющихъ паспортовъ, и земскими властями произведенъ былъ учетъ всѣмъ людямъ на всѣхъ ватагахъ, число бѣглыхъ выяснилось въ громадную цифру пятнадцати тысячъ. Близъ той же цифры полагаютъ число безпаспортныхъ на рыбныхъ ловляхъ Азовскаго и Чернаго морей. Полиціи городовъ приморскихъ находятся во всегдашнихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ при стремленіяхъ охранять частную собственность гражданъ среди такого наплыва всякаго сброда людей, гдѣ почасту кто съ борка, кто съ сосенки, кто прямо-таки съ нерчинской каторги. Всегда подобный фактъ становится явнымъ, лишь только полиція, по какому либо возбужденію, усилитъ

свою дѣятельность, напряжетъ свое вниманіе и старательнѣе осмотрится кругомъ себя. Въ Астрахани до сихъ поръ памятенъ человекъ, нѣсколько недѣль свободно ходившій по тамошнимъ исадамъ (рынкамъ) съ подвязанными щеками, которыя потомъ оказались клейменными штемпелевыми точеными знаками, и видимо мирный обыватель былъ бѣгло-каторжнымъ. И едва ли гдѣ частная собственность наименѣе находится внѣ опасности, какъ именно въ тѣхъ городахъ, гдѣ безростые въ извѣстное время обуславливаетъ возрастаніе многолюдія въ извѣстныхъ мѣстахъ. Нѣкоторые города въ этомъ отношеніи получили даже крупную общественную извѣстность читателямъ нашихъ газетъ, обращающихъ вниманіе на болѣе характерныя иногороднія корреспонденціи. Не мудрено такіе города распознать и выдѣлать.

Вообще, путь сибирскихъ бѣглыхъ по Россіи замѣчательно великъ, безконечно разнообразенъ подробностями и обстановкою и въ разнообразіи своемъ и тягучести какъ будто даже и кон-

ца не имѣетъ. Обрываясь для однихъ, менѣе счастливыхъ и смѣлыхъ, онъ идетъ для другихъ, взысканнымъ слѣпымъ счастьемъ. Для ссыльно-каторжнаго Быкова онъ былъ черезъ кабакъ, два года тянулся по деревнямъ оренбургскаго тракта, оборвался на разбояхъ въ Спасскомъ и Ланшевскомъ уѣздахъ Казанской губерніи и подъ городомъ Казанью, и повернулъ было снова туда же, назадъ, на каторгу, но вдругъ пересѣлся по причинамъ, отъ самого Быкова не зависящимъ. Для бѣгло-каторжнаго Попова путь этотъ вышелъ на ветлужскія помѣстья, вывелъ этого смѣлаго искателя приключеній въ Петербургъ въ честь и славу, гдѣ то же счастье дало ему во владѣніе чинъ большой, два дома большихъ и большія кучи денегъ; оборвался этотъ путь на сенатѣ и опять повернулъ съ нимъ же, невоздержнымъ и зарвавшимся на удачу счастливецомъ, на каторгу, снова туда же, откуда проходилъ онъ за этими предательскими подачками слѣпного счастья.

Г Л А В А І V . НА ПРОПИТАНІИ.

Испытующіеся.—Воздержные.—Нсвоздержные.—Казенные порядки и степени облегченія.—Прикованные къ тачкамъ.—Прикованные на стѣнную дѣль.—Колоколь.—Сумасшествія.—Акатуй.—Тамошніе дѣлныя.—Секретные.—Каторжныя селенія и жители.—Юрдовки.—Теробиловки.—Фабрика фальшивыхъ паспортовъ.—Горные служители.—Торговля краденными металлами.—Желтая пшеничка.—Бармы.—Фабрикантъ червонцевъ.—Соколовъ.—Успенская фабрика.—Бумажныя фальшивыя деньги.—Каторжныя боѣзни.—Пропитанные.—Исправившійся каторжный.—Шатаніе и воровство.—Увольненіе отъ работъ.—Каторжныя дѣти.—Пѣсна.

Прежде, чѣмъ ссыльный приобрѣтетъ себѣ право выйти на пропитаніе, поступить въ разрядъ такъ называемыхъ пропитанныхъ, ему предстоитъ еще много степеней и разрядовъ. Вотъ этотъ порядокъ по официальнымъ бумагамъ, правиламъ и предписаніямъ. Начинаемъ съ каторги на заводахъ.

Всѣ ссыльно-рабочіе, по прибытіи на заводъ, поступаютъ въ разрядъ и спытующіеся. Они живутъ въ казармахъ, свободные отъ оковъ, подъ ближайшимъ надзоромъ надзирателя и непосредственнымъ наблюденіемъ смотрителя, довольствуются нищею въ артели; лѣтомъ лучшіе увольняются для обработыванья огородовъ, правомъ отдыха пользуются только въ табельные дни. Поступившимъ изъ партій дозволяется жить въ квартирахъ воздержныхъ. Эти воздержные пользуются слѣдующими правами и преимуществами: могутъ строить для себя дома, могутъ пользоваться землею для хлѣбопашества, сѣнокосовъ, огородовъ, заниматься скотоводствомъ. Не имѣющіе собственныхъ домовъ могутъ пускать ихъ въ казенныя работы, за установленную плату. Для отдыха и поправленія своего быта

пользуются всѣми воскресными и табельными днями. „Но если бы кто изъ употребляемыхъ по мастерствамъ въ цехахъ принадлежащіе ему дни отдыха посвящалъ, по назначенію начальства казенной работѣ, таковой за эти дни имѣетъ право на двойной плакатъ и въ обоихъ случаяхъ пользуется отпускомъ провіанта сполна определеннымъ пайкомъ“. Изъ этого разряда воздержныхъ назначаются надзиратели по разнымъ цехамъ. Ссыльно-рабочіе этого разряда, какъ приобрѣвшіе право на снисходительное вниманіе начальства къ лучшему устройству ихъ быта, увольняются въ страдное (рабочее) время для полевыхъ работъ, смотря по мѣрѣ надобности, для заготовленія корма скоту и уборки лѣса. Сверхъ того, дабы болѣе исправить ихъ нравственность и укоренить благонравіе тѣхъ изъ этого разряда, которые отличаются своимъ поведеніемъ, будутъ подавать примѣръ своимъ со товарищамъ, предоставляется управляющему право (на основаніи утвержденной для него инструкции и высочайшаго указа, даннаго правительствующему сенату въ 10-й день октября 1821 г.) исключать изъ ссыльныхъ и помѣщать

въ мастерские, производя въ подмастерья и мастера, если искусство своимъ сдѣлаются того достойными, съ распространениемъ на нихъ и дѣтей ихъ всѣхъ правъ, мастерскимъ присвоенныхъ. И чтобы отличить этотъ разрядъ самымъ наружнымъ видомъ, то молодымъ изъ нихъ дозволяютъ носить бороды. „За прожитіе на заводѣ совершенно безпорочно, съ должнымъ прилежаніемъ къ работѣ и покорностью къ начальству, ссыльно-рабочимъ прибавляется, сверхъ положеннаго плаката, по роду работъ, ежемѣсячно: проведеннымъ пять лѣтъ—по 50 коп., проведеннымъ 10 лѣтъ—по 1 руб. и за 15 лѣтъ выпущать ихъ на собственное пропитаніе. Воздержные получаютъ плакатъ на руки, другая же половина поступаетъ въ сохранный артельный капиталъ, которому ведется отчетная книга“.

Тѣ рабочіе, которые въ разрядѣ испытующихся окажутся „нравственности неблагонадежной, поведенія недобропорядочнаго и сомнительнаго, склонны къ побѣгу и замѣчены въ нерадѣніи къ устройству своего быта“, образуютъ третій разрядъ, которому официальное предписаніе даетъ названіе **невоздержныхъ**. **Невоздержными** называются всѣ тѣ рабочіе, которые выпущены послѣ наказанія за побѣги, воровства, драки и прочія не уголовныя преступленія, оканчиваемыя наказаніемъ по полицейскому разбирательству. Въ разрядъ **невоздержныхъ** поступаютъ и тѣ, которые исключены изъ разряда **воздержныхъ** за проступки, „замѣченные неоднократно въ невоздержности отъ пьянства, ссоръ, дракъ и грабежей“, и тѣ ссыльно-каторжные, которые присылаются въ заводы впредь до полученія справокъ, и тѣ, наконецъ, ссыльные, которые сдѣлали въ Сибири преступленія, какъ изъ поселенцевъ, такъ и изъ рабочихъ, находящихся въ другихъ заводахъ. **Невоздержные** содержатся въ казармахъ скованными и также получаютъ содержаніе въ артели. Право отдыха имѣютъ они только въ высокопраздничные табельные дни. Тѣ изъ нихъ, которые „совершенно погасили послѣднюю искру совѣсти, истребили не только желаніе, но даже и намѣреніе къ исправленію, дѣлали вторичные изъ заводовъ побѣги, замѣчены неоднократно въ воровствахъ, мошенничествахъ, обманахъ, въ подговариваньи другихъ къ побѣгамъ и подобныхъ пакостяхъ,—словомъ, по распутству своему не подающіе никакой надежды къ обузданію“, образуютъ четвертый разрядъ заводскихъ ссыльно-рабочихъ, разрядъ **неисправимыхъ**.

Неисправимые содержатся также въ казармѣ и въ особой артели и также, наравнѣ съ **невоздержными**, скованы, но съ тою разницею, что, для предупрежденія побѣговъ, ихъ обязали замыкать на ночь. Головы этихъ ссыльныхъ на половину должны быть выбритыми; на работу выводятся они не иначе, какъ за военнымъ ка-

рауломъ. Мѣрою исправленія для нихъ полагаются кандалы, которыя они должны носить полгода (тогда какъ **невоздержные** носятъ ихъ только два мѣсяца).

Оба эти разряда, **невоздержныхъ** и **неисправимыхъ**, не получаютъ въ собственное распоряженіе изъ плаката ни копейки; заработки ихъ записываются въ особую шнуровую книгу и истрчиваются смотрителемъ на одежду для нихъ. **Неисправимые** только черезъ годъ, при хорошемъ поведеніи, имѣютъ право поступать въ разрядъ испытующихся; въ противномъ случаѣ, управляющіе заводами имѣютъ право (не испрашивая даже позволенія губернскаго начальства) отсылать **неисправимыхъ** въ нерчинскіе горные заводы.

Время содержанія въ нерчинскихъ рудникахъ (а стало быть и въ тамошнихъ заводахъ) постановлено сводомъ законовъ въ слѣдующей подробности. Безсрочные арестанты (перваго разряда) должны пробывать въ тюрьмѣ 8 лѣтъ; приговоренные къ работамъ на срокъ отъ 15 до 20 лѣтъ (1-го разряда) живутъ въ тюрьмѣ четыре года; назначенные на срокъ отъ 12 до 15 лѣтъ (2-го разряда)—въ тюрьмѣ два года; каторжные третьяго разряда (отъ 6 до 8 лѣтъ) живутъ въ тюрьмѣ полтора года; осужденные на срокъ отъ 4 до 6 лѣтъ—въ тюрьмѣ живутъ годъ. Подающіе въ теченіи этого времени надежду на исправленіе поведеніемъ своимъ и трудолюбіемъ, перемѣщаются въ разрядъ **исправляющихся** и находятся уже подъ полицейскимъ присмотромъ. Ссыльно-каторжные перваго разряда черезъ три года, а третьяго разряда черезъ годъ послѣ поступленія въ разрядъ **исправляющихся**, могутъ, съ разрѣшенія горнаго начальства или казенной палаты, получать дозволеніе жить не въ острогѣ, а въ комнатахъ заводскихъ мастерскихъ. Могутъ даже построить для себя домъ на землѣ, принадлежащей заводу и вступить въ бракъ (но оба эти дозволенія красивы только на бумагѣ, но не на самомъ дѣлѣ, какъ увидимъ впослѣдствіи).

Тюремный надзоръ обусловленъ также особыми правилами и предписаніями, которыя, въ главныхъ своихъ чертахъ, сопровождаются слѣдующими подробностями на бумагѣ и отчасти на дѣлѣ:

„По прибытіи на заводъ, ссыльные, должствующіе поступить въ извѣстные разряды и содержаться въ острожныхъ казармахъ, принимаются во всякое время, какъ днемъ, такъ и ночью, не исключая воскресныхъ, праздничныхъ и торжественныхъ дней“. То же самое, разумеется, и о тѣхъ ссыльныхъ, которые, проживая на заводѣ, внѣ острога, по распоряженію заводскаго начальства должны поступить въ острогъ. Приемъ производится при караульномъ офицерѣ или унтеръ-офицерѣ смотрителемъ острога, который записываетъ въ шнуровую книгу

число и время поступления, имя и прозвание ссыльного, разрядъ его, отъ кого присланъ и по какому преступленію или изъ партіи, приимты его, собственныя вещи и деньги, отбирая ихъ отъ ссыльнаго, буде найдутся. По приимѣ врачъ свидѣтельствуесть тогда же или непремѣнно на другой день. Въ случаѣ болѣзни, ссыльный отсылается въ больницу. Свидѣтельства врача записываются въ книгу. „Число находящихся въ острогѣ людей, какъ закованныхъ, такъ и безъ оковъ, должно быть вполнѣ извѣстно караульному офицеру. Деньги, отобранныя у арестантовъ, записываются въ книгу; ссыльный, хозяинъ ихъ, если грамотный, подписывается. Принятые деньги запечатываются въ пакетъ, который, вмѣстѣ съ другими, хранится въ заводской кладовой, а прочія вещи— въ кладовой при острогѣ, въ общемъ ларѣ или сундукѣ“. Ключи отъ всего этого, а также припасы и прочее, приготовляемое на счетъ артельной суммы (какъ обувь и одежда) и на счетъ сохраннаго капитала, хранятся у смотрителя острога. „Когда ссыльный долженъ выбыть все изъ острога, по переводѣ въ высшій разрядъ или, по заслуженному довѣрію, для житія на квартирѣ, слѣдующія ему по расчету деньги выдаются на руки. Ссылные въ острогѣ размѣщаются сколько возможно безъ тѣсноты, а подсудимые или присужденные по какому либо наказанію отсылаются изъ острога на заводскую гауптвахту. Часовые въ острогѣ не должны стоять внутри комнатъ, но въ дверяхъ, корридорахъ и другихъ мѣстахъ, гдѣ окажется удобнымъ, и чтобы они всегда имѣли въ виду ссыльных“.

Въ острогѣ „не дозволяется имѣть бумагу, чернила, карандаши и т. п. и писемъ отъ нихъ не принимать, не дозволяя и получать таковыя. Не дозволять игры въ карты, въ шашки, кости и никакія другія; также не дозволять играть ни на какихъ инструментахъ. Строго запрещается курить табакъ. Всегда запрещаются всякаго рода рѣзвости, произношеніе проклятій, божбы, укоровъ другъ другу, своевольства, ссоръ, разговоровъ, соблазнительныхъ пѣсенъ, хохота и т. п. Виновнаго смотритель отдѣляетъ отъ другихъ въ особое помѣщеніе (карцеръ), опредѣляя самую умѣренную и меньше другихъ пищу, отъ одного до шести дней включительно, на хлѣбъ и воду“.

Рисуня этими подробностями отчасти бытовую сторону тюремной жизни, предписанія и предначертанія начальства дальше идутъ въ сторону отъ предписаній, смыслъ которыхъ истекаетъ изъ закоположеній. Выходя на собственную дорогу, предполагающую практическую подготовку, предначертанія ихъ являются уже самостоятельными, закладываютъ въ себѣ интересъ практической. При внимательномъ изслѣдованіи мы видимъ совсѣмъ другое. Какъ бы отыскавъ въ своихъ воспоминаніяхъ, нашупавъ въ своихъ представлені-

ихъ знакомые образцы, начальство тюремное не задумалось, по милымъ образцамъ корпуснаго дѣтства, рисовать дальше наивныя картины тѣхъ же порядковъ, какіе введены во всѣхъ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ. Насколько правила эти ушли отъ практическаго примѣненія, мы знаемъ изъ второй главы этого тома. Насколько они не замысловаты и красиво прилажены на бумагѣ, но безжизненны и недѣйствительны, увидимъ сейчасъ.

Предписывая „ссылнымъ брить бороды черезъ инвалиднаго цирюльника, также волосъ длинныхъ не запускать, а стричь ихъ, по обыкновенію, пристойно, по солдатски, а подозрительнымъ и склоннымъ къ побѣгамъ брить половину головы“, мѣстное начальство въ дѣлѣ итѣмъ теченіи предначертаній впадаетъ въ идиллію и пишетъ такія картины: „Ссылные въ острогѣ встаютъ поутру, лѣтомъ и зимою, за часъ до пробитія звонка, призывающаго на работу. Караульный офицеръ, вмѣстѣ съ острожнымъ смотрителемъ и нарядчикомъ, идутъ по камерамъ и дѣлаютъ перекличку. Вставшій ссыльный, умывшійся и спрятавшій койку подъ нары, чешется; комнаты метутся. Когда послѣднія будутъ выметены и вычищены, читается внятно, во всеуслышаніе, утрення молитва, и всѣ ссыльные должны стоять смирно, не разговаривать и ни подъ какимъ предлогомъ не лежать при этомъ. По совершеніи молитвы дается завтракъ, исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней, на первой и на Страстной недѣлѣ и, вообще, въ продолженіи Великаго поста по средамъ и пятницамъ. Какъ колоколъ возвѣститъ время работъ, нарядчикъ объявляетъ нарядъ по работамъ, кто чѣмъ долженъ заниматься во время дня, для чего ссыльные выводятся во дворъ острога, гдѣ вновь производится перекличка при военномъ караулѣ. Скованные отдаются конвойнымъ, нескованные сдаются на руки десятникамъ и потомъ отправляются на работы мѣрнымъ шагомъ, по три въ рядъ: караульные впереди, позади и по сторонамъ, въ приличномъ разстояніи; военные съ заряженными ружьями, а десятники съ палками“.

Таково начало этой тюремной эпопеи во вкусѣ всяческихъ плащевъ и всякихъ корпусовъ и пансіоновъ. Отступленій почти нѣтъ. Нить повѣствованія порвалась два раза: въ первый для того только, чтобы сказать, что „на дворѣ нельзя терпѣть сору, а нужно выметать оный, выносить и сваливать на отведенное нарочно для сего мѣсто“. Во второй разъ оборвалась повѣствовательная нить ради слѣдующаго: „часто ссыльные, пользуясь ночнымъ временемъ, употребляютъ оное для злыхъ замысловъ. Дабы воспрепятствовать сему, острожный смотритель почасту обязанъ, въ ночное время, по нѣскольکو разъ осматривать комнаты ссыльных“.

Затѣмъ снова идетъ потокъ порядковъ въ

такихъ выраженійхъ: „Когда звонъ колокола извѣститъ обѣденное время, каждый долженъ сдать приставникамъ инструменты съчетомъ и тѣмъ же порядкомъ (т. е. по три въ рядъ) отправляются въ острогъ, гдѣ строго дѣлается перекличка, и, послѣ молитвы, всѣ садятся за столъ обѣдать, благоприсойно и не разговаривая между собою. Послѣ обѣда читается благодарственная молитва и допускается отдохновеніе. Когда пройдетъ часть отдохновенія, тогда повѣщается о томъ колоколомъ“. Для вечера тотъ же порядокъ: „По окончаніи ужина, спустя полчаса и когда со столовъ уберется посуда и прочее, караульный офицеръ дѣлаетъ перекличку. Въ камерахъ огонь долженъ быть до тѣхъ поръ, пока не запрутъ всѣхъ по вечерней перекличкѣ, и послѣ зари и по выходѣ изъ комнатъ надзирающихъ за ссыльными ни подъ какимъ видомъ огня въ комнатахъ не оставлять“.

Послѣ всего, уже сказаннаго нами прежде, мы считаемъ излишнимъ для себя и читателей нашихъ говорить о томъ, насколько не похожа картина, нарисованная на бумагѣ, на ту, которая невозможна при существующихъ порядкахъ тюремныхъ на дѣлѣ. Сильно ошибется тотъ, кто найдетъ въ прописанныхъ порядкахъ какое нибудь сходство съ тѣми, которыми хвалятся и славятся тюрьмы улучшенныхъ системъ (пени-тенціарной—съ обѣтомъ молчанія, и пенсильванской—одиночнаго заключенія). Призрачное сходство въ началѣ можетъ привести на этотъ разъ развѣ только къ тому заключенію, что и мы не прочь похвастаться тамъ, гдѣ этого желаютъ и требуютъ. На самоѣ же дѣлѣ, на всѣхъ затѣяхъ лежитъ печать худо скрытой непрактичности во всѣхъ дѣлахъ, явная бесплодность начинаній, способная довести до отчаянія, но доводящая только до равнодушія. Отъ него-то и прористекаетъ цѣлый рядъ бесплодныхъ мѣръ и цѣлая цѣпь недоразумѣній, крупныхъ ошибокъ и повсемѣстныхъ неудачъ. Послѣдуемъ за рассказчикомъ далѣе.

„Конвойные обязаны наблюдать, чтобы ссыльные не учили утечки, не просили по улицамъ милостыни, не останавливались для сего противъ домовъ, не заходили ни въ какія публичныя мѣста, не позволять имъ въ пути пить вино, не позволять принимать ни отъ кого изъ проходящихъ какія бы ни было вещи или оружіе. Въ праздничные дни и въ воскресные, если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, нѣсколько человѣкъ, по очереди, должны собираться въ церковь, подъ присмотромъ караула. Ворота острога во всякое время бывають заперты, но когда приходятъ въ острогъ чиновники и другіе имѣющіе на то дозволеніе или же когда приводятся ссыльные, то обо всякомъ приходящемъ дается знать караульному унтеръ-офицеру, который потомъ отпираетъ ворота и выпускаетъ пришедшаго; если посторонній, то осматриваетъ, не имѣетъ

ли при себѣ какихъ вредныхъ орудій. Впрочемъ, послѣ зари отнюдь ворота не отпираются ни для кого, кромѣ острожнаго надзирателя. Посѣщеніе посторонними ссыльныхъ въ казармахъ дозволяется не иначе, какъ при острожномъ смотрителѣ и воинскомъ караулѣ, которые должны наблюдать, чтобы, подъ видомъ свиданія, не было проносимо вина, пища, платья, писемъ, орудій и т. п.“.

Настоящая тюремная жизнь ведетъ свои порядки и выработала особые законы.

Счастливые и умѣлые ссыльные искали утѣшенія и воли въ бѣгахъ; несчастные и меньше опытные оставались въ рукахъ начальства, подчиняясь различнымъ опытамъ исправленія. Нерчинскія тюрьмы для неисправныхъ предлагали крутыя, рѣшительныя мѣры. Мѣры эти оставлены были тамъ во время нашего посѣщенія, а потому, пользуясь случаемъ, скажемъ объ нихъ нѣсколько словъ. Приковка къ тачкѣ и къ стѣнной цѣпи—вотъ пока тѣ средства исправленія, которыя придуманы были въ самыхъ строгихъ и самыхъ крайнихъ мѣстахъ ссылки и заточенія. Второе наказаніе обусловлено, сверхъ того, необходимостью одиночнаго заключенія, столь ненавидимаго русскими преступниками, по замѣчаніямъ всѣхъ, близко стоящихъ къ этому дѣлу. Когда пронесся объ этой мѣрѣ слухъ по Сибири, всѣ ссыльные пришли въ ужасъ.

Приковываютъ на цѣпь обыкновенно на пять лѣтъ, но бывали случаи и десятилѣтняго заточенія.

Такъ, напр., по отчетамъ Петровскаго завода, видно, что въ 1851 году тамъ было четверо прикованныхъ на десять лѣтъ, хотя приковывали обыкновенно по положенію на пять лѣтъ. Всѣхъ прикованныхъ тамъ было: въ сентябрѣ 1851 года 15 человѣкъ такихъ, которые успѣли уже посидѣть на цѣпи въ Минускѣ, Енисейскѣ и Красноярскѣ. 30-го ноября 1851 года цѣпныхъ было 12-ть человѣкъ и между ними мужъ съ женою за смертоубійство. Женѣ, не имѣвшей одежды, выдали рубаху и юбку (холщевыя), чарки и платье, хотя забайкальское областное правленіе и рѣшило выдать имъ только нижнее платье, „ибо-де оно одно только и необходимо“. У нихъ въ Газимурскомъ селеніи жила дочь. Прикованные супруги просили милости перевести ихъ изъ Петровскаго завода ближе къ дочери, именно въ Акатуй; дозволили. На время пути (9 дней) положили выдать по 63 копейки (3½ копейки въ сутки) на каждого. Акатуй специально предназначался впоследствии для такихъ несчастныхъ. Въ утѣшеніе страдающимъ участи ихъ сохраняли онъ преданіе о первомъ приставѣ этого рудника. Приставъ, говорятъ, спускалъ своихъ цѣпныхъ съ цѣпи погулять недѣли на три на четыре и они, возвратившись, аккуратно вносили половину добычи. Кто не исполнялъ заказа, того приставъ са-

жалъ въ подземелье собственной квартиры (и подземелье показывали).

Люди эти въ работу не употребляются. Какъ великой милости, просить они, во время заточенія, награды подышать свѣжимъ воздухомъ, хотя бы и съ приправою самой трудной и тяжелой работы. Освобожденные по истеченіи положеннаго срока отъ содержанія на цѣпи (приколачиваемой къ стѣнѣ) или отъ тачки на всю жизнь затѣмъ содержатся въ острогѣ въ вѣчныхъ ножныхъ кандалахъ. Заключенные въ ножны желѣза, они также не употребляются въ работы. Какъ милость позволяютъ имъ копаться въ огородахъ каземата или дѣлать что нибудь въ камерѣ, и притомъ въ то время, когда всѣ другіе уведены на работы. Иногда содержаніе на цѣпи пробовали замѣнять заключеніемъ въ темной комнатѣ, но арестованные просились на цѣпь. Статейные списки людей этихъ обыкновенно наполнены всякаго рода преступленіями, гдѣ убійства по нѣсколько разъ переижданы съ побѣгами, разбоями, кражами, переиждою имени и тому подобнымъ. Содержаніе таковыхъ казнѣ обходилось дешевле, чѣмъ содержаніе всѣхъ другихъ арестантовъ, сколько и потому, что имъ выдавали только нижнее платье, столько же и потому, что пища полагалась имъ скуднѣе, въ уменьшенной пропорціи. Такъ, напр., въ Акатуѣ положено было выдавать въ сутки каждому по 2½ фунта печенаго хлѣба, раздѣляя его на части: къ завтраку, обѣду и ужину. Цѣлой порціи давать вдругъ не велѣно. Въмѣсто приварка и для питья выдавали только одну воду. По расчету, сдѣланному въ 1847 г., каждый такой арестантъ обходился казнѣ въ годъ 43 руб. 68 коп. сер. *), считая въ томъ числѣ цѣпь, освѣщеніе, мыло, мытье бѣлья, дрова, кромѣ расходовъ на военную команду. Содержаніе это производилось, большею частью, на счетъ губернской, а не заводской казны, а заводы принимали ихъ къ себѣ только въ такомъ случаѣ, когда имѣлся свободный казематъ. Часто, впрочемъ, отказывали, а потому рѣдкая изъ сибирскихъ тюремъ (и въ особенности тобольская) не имѣла при стѣнахъ своихъ подобнаго рода несчастныхъ. Акатуйская тюрьма (изъ нерчинскихъ), при рудникѣ этого имени, долго имѣла своею исключительною спеціальностью помѣщеніе арестантовъ подобнаго рода. Тамъ замѣченныхъ въ дурныхъ поступкахъ сажали въ отдѣльную комнату. Для исполненія церковнаго обряда исповѣди и св. причастія иногда ихъ отковывали, иногда нѣтъ; а иногда, и весьма нерѣдко, арестантамъ въ этомъ отказывали. Цѣпь обыкновенно дѣлалась въ три аршина длиною, изъ звеньевъ одина-

*) Имъ полагалось два чарка (обуви), 2 аршина холста на онучи, шинель сермяжная, двѣ холщевыхъ рубашки, двое портокъ и провіанту по 1½ пуда въ мѣсяцъ.

ковой величины съ ножными кандалами, вѣсомъ вся въ 5½ фунтовъ. Въ Петровскомъ заводѣ арестанты обыкновенно отходили на всю длину цѣпи, которая давала имъ возможность класть шею на порогъ двери и выставлять голову въ корридоръ. А такъ какъ цѣпные помѣщены были въ то время въ опустѣлыхъ казематахъ, выстроенныхъ для декабристовъ, гдѣ нѣсколько комнатъ выходило въ корридоръ, то эти цѣпные придумали на бездѣльѣ развлеченіе. Одинъ рассказывалъ сказки, остальные его слушали; затѣмъ начиналъ другой, третій и т. д., по очереди. Лишенные этого права, особенно содержащіеся въ акатуйской и другихъ нерчинскихъ тюрьмахъ, въ тоскѣ одиночества устремляли обыкновенно главное вниманіе свое на казематъ. Комнаты ихъ поражали необыкновенною опрятностью и поразительною чистотою: нары, стѣны, полы, самая цѣпь были вычищены, вымыты, выскоблены, нерѣдко разрисованы. Одинъ арестантъ всю одежду свою разшилъ кантиками и шнурками чрезвычайно прихотливо и замысловато, на маверъ гусарскихъ мундировъ. Нѣкоторые просили себѣ пѣтуха, кошку и считали для себя самымъ жестокииъ и сильнымъ наказаніемъ, когда за какую нибудь провинность отнимали у нихъ этихъ пернатыхъ и мохнатыхъ товарищей-благодѣтелей. Вообще, замѣчено было при этомъ, что тоска одиночества и безвыходность заточенія порождала въ заключенныхъ небывалыя до того способности: многіе выучивались шить, дѣлались сапожниками, рѣзчиками. Одинъ изъ прикованныхъ къ тачкѣ сумѣлъ такъ ее раскрасить и разрисовать разными фигурами, что приводилъ многихъ въ изумленіе, но затѣмъ, при всякомъ появленіи главнаго заводскаго начальства, съ горькими мольбами, съ неспротивными слезами на глазахъ, неотступно и отчаянно просилъ отковать отъ красивой тачки, приговаривая:

— До того надоѣла, напротивѣла она мнѣ, что глаза бы мои на нее не глядѣли! Топнить даже!

Случаи конечныхъ помѣшательствъ были, судя по отчетамъ, рѣдки, а случаевъ самоубійствъ хотя и насчитывается за все время двадцати лѣтъ немного, но за то въ архивѣ нерчинскаго Большаго завода сохранилось много указаній на покушенія: цѣпные доставали острое оружіе, ножи и проч. и порывались зарѣзаться. Между прочимъ сохранился слѣдующій актъ.

Прикованнымъ въ Акатуевскомъ рудникѣ на стѣнную цѣпь давали положенные въ сутки 2½ ф. печенаго хлѣба и воду вмѣсто приварка и для питья. При этомъ велѣли наблюдать, какое вліяніе заточеніе это „будетъ имѣть на умственное состояніе (душевныя силы) и на физическое состояніе (тѣлесныя силы)“. Вскорѣ донесено было, что смышленые, прикованные къ стѣнѣ, въ силахъ и духомъ замѣчательно ослабѣваютъ. „Не имѣя движенія, у нихъ на лицѣ

сдѣлалась блѣдность; по временамъ чувствуютъ во внутренностяхъ одуть и давленіе, а потомъ колотье; производятъ слабый органъ голоса (?) и при проходѣ, сколько цѣпъ позволяетъ, дѣлается головокруженіе“. Опытъ подобнаго рода производимъ былъ въ теченіи двухъ лѣтъ, 1847 и 1848, и въ показаніяхъ врачей слышался все одинъ и тотъ же отзывъ, т. е., что прикованные въ силахъ слабѣютъ.

Лиса—желѣзная полоса въ 1½ пуда вѣсомъ, надѣваемая къ рукамъ для того, чтобы цѣпной не могъ ходить по своей конурѣ, полагается самую вышнюю, конечною и послѣднею мѣрою наказанія, равносильнаго европейской висѣлицѣ. Люди, подвергнушіеся наказаніямъ этого рода, весьма рѣдко выходили на свободу въ послѣдствіи, и только нѣкоторымъ удавалось, черезъ долгую и длинную градацію смягченій, доходить до вожделѣннаго званія испытующихся.

Акатуй для цѣпныхъ и секретныхъ избранъ былъ не даромъ, сосредоточивали ихъ здѣсь не безъ задній мысли: врачѣе этой мѣстности нѣтъ уже другой во всемъ Забайкальѣ. На Аленуѣ кончается долина Газимура, начинается другая, принадлежащая какой-то рѣчкѣ, которой даже и имени не дано. Горы заслоняютъ эту долину съ обѣихъ сторонъ, но горы эти безжизненны и однообразны до тоски. На дорогѣ деревушка Кукуй. При выѣздѣ изъ нее дорога въ гору, съ которой черѣбется съ юга и востока цѣлый лабиринтъ черныхъ и синихъ горъ, съ накиннутымъ на ихъ могучія плечи чернымъ плащомъ, представляемымъ густыми лѣсами, покрывающими покати и подошвы. Въ долинахъ господствуетъ гробовая тишь и мракъ; на горахъ то и дѣло глазъ встрѣчаетъ мертвые голыши, охотливо являющіеся на сѣгну лѣсной растительности. Горы то одиноко водружены въ дно долинъ, то цѣпляются другъ за друга рядами, очень рѣдко пересѣкаемыми новыми долинами. Вдали ряды горъ кажутся безконечными и видимыя глазу представляются уже бѣлымъ облакомъ. Не мелькаетъ птица, не слышатъ звѣринаго голоса, не видать нигдѣ ни креста, ни избы. Съ горы опять спускъ въ долину, похожую на всѣ остальные, затѣмъ въ третью, также не оживленную ни встрѣчнымъ человекомъ, ни случайно избушкою. Опять подъемъ на гору и только уже съ этой горы глазъ примѣчаетъ селеніе, но не видать ни трубъ, ни дыму. Новая гора заслоняетъ видъ, начинающій веселить и радовать, и только съ этой третьей спутной горы становится виднымъ въ глубокой, мрачной и тѣсной долинѣ кладбище съ деревянными крестами на пригоркѣ—подушечкѣ. За кладбищемъ вытягиваются двѣ длинныя улицы съ почернѣлыми и погнившими избушками и клѣтками. За селеніемъ одиноко стоитъ знаменитая, страшная даже въ Сибири—тюрьма Акатуй.

Акатуйскій рудникъ, первый, открытъ въ 1815 году при кряжѣ, раздѣляющемъ рѣки Газимуръ, Унду и Ононь-Боракъ въ отрогѣ горъ, отдѣлившимся отъ него и проходящемъ на юго-востокъ, между источниками Акатуемъ и Кунгу-жею. Гора, заключающая мѣсторожденіе, довольно крута, и покрыта лѣсомъ. Въ ней, въ известнякѣ, заключена серебряная жила, весьма убогая свинцомъ. Руды акатуевскія настолько сухи, что для извлеченій металла подспаривались богатыми Култуминскими. Въ послѣдствіи открыты были поверхностныя руды и въ рудникѣ (первомъ) углублена Златоустовская шахта на 7 сажень и Благодатская на 9½ саж. Во второмъ акатуевскомъ рудникѣ, открытомъ въ 1822 году, углублена была третья шахта—Тимофеевская. При выломкѣ мягкихъ и слюпныхъ рудъ употребляли кайла, во всѣхъ же пріискахъ добыча съ жильною породою была кайловая же, но производилась съ помощью пороха. Въ зимнее время сюда присылались ссыльно-работіе люди изъ заводовъ Александровскаго и Газимурскаго: Акатуй нѣкогда подавалъ большія надежды. Онъ лежитъ на той возвышенности, которая составляетъ высочайшую точку рудоносной части Нерчинскаго округа и даетъ начало тремъ рѣкамъ: Уидѣ, Газимурѣ и Ононь-Боракѣ.

При этомъ рудникѣ въ послѣднее время выстроена новая каторжная тюрьма. Она начата постройкою въ 1882 г., но вскорѣ работа была пріостановлена, въ 1886 возобновлена и къ 1889 г., была готова на 250 преступниковъ. Общая стоимость постройки, произведенной хозяйственнымъ способомъ, трудомъ арестантовъ, обошлась въ 39 тыс. руб. (по смѣтѣ исчислено было 89.500 руб.). До серебро-свинцоваго рудника около версты.

Такая же новая тюрьма построена на устьѣ Кары, начатая около 12 лѣтъ тому назадъ, но приведенная въ настоящій видъ лишь въ 1882 г. на 240 человекъ (иногда содержится и болѣе). Точно также возстановлены работы и выстроены каторжныя тюрьмы при рудникахъ: Горномъ Зерентуѣ, Савинскомъ, Кадаинскомъ, Алгачинскомъ, Мальцевско-Кильгинскомъ, Кличкинскомъ, Трехсвятительскомъ и при Кутомарскомъ сереброплавильномъ заводѣ. Въ Горномъ Зерентуѣ—тюрьма самая обширная (болѣе 300 чел.). Строилась она трудомъ арестантовъ съ 1877 г. по 1889. Урокъ нѣтъ разсчитывался въ 2/3 урочнаго положенія. За выполненіе его мастеровымъ назначается 10% вольнонаемной платы и сверхъ того, въ 4 лѣтніе мѣсяцы, выдается усиленное пищевое довольствіе. При тюрьмѣ лазаретъ на 40 кроватей.

Кромѣ цѣпныхъ, бывали еще такъ называемыя секретныя арестанты. Этихъ содержали въ особыхъ чуланахъ. Надзоръ за ними былъ не обыкновенно строгъ; случалось кому заболѣть—

и приставы отправляли ихъ изъ состраданія въ госпиталь, но высшее начальство давало приставамъ сильнѣйшій выговоръ съ пропискою въ формуляры и приказывало больнымъ возвращать въ чуланъ и лечить ихъ тамъ. Одинъ секретный попробовалъ выдти изъ госпиталя и побродить въ цѣпяхъ по улицамъ, велѣно за то приковать его къ стѣнѣ на цѣпь. Другого выпустили изъ каземата въ казарму служителей поиграть въ кости, виновнаго часового солдата били за пропускъ плетью и велѣли написать вѣчно въ работу, хотя солдатъ и клятвенно свидѣлствовалъ, что „выпустилъ съ простоты, взятки не бралъ и между игравшими никакихъ безпорядковъ не происходило“. Солдатъ былъ наказанъ, не смотря на то, что ближайшее начальство оправдало его тѣмъ, что солдату-де „усмотрѣть за ними хитро, ибо онъ бываетъ больше въ посылкахъ, нежели при заводѣ, отчего ему и невозможно помнить всѣ тюремныя положенія“.

Существованіе круговаго кредита и взаимнаго довѣрія, закрѣпленныхъ такими же неразрывными связями униченства и обусловленныхъ одинаковостью положенія, какія понятны только въ тюрьмахъ и ссылкѣ, а также дешевизна и обиліе строительныхъ матеріаловъ и, главное, бережливость, умѣющая и въ заточеніи копить деньги, помогаютъ иногда, хотя и въ рѣдкихъ случаяхъ, ссыльному, выпущенному изъ тюрьмы, обзаводиться собственнымъ хозяйствомъ. Безъ всякаго сомнѣнія, хозяйство это почти только призрачное и возможность житейскаго обезпеченія далека отъ существенности. Тѣмъ не менѣе, всѣ селенія ссыльныхъ пригѣтно застроены, всѣ тюрьмы каторжныя окружены большимъ количествомъ домовъ, множествомъ улицъ. Большой Нерчинскій заводъ—цѣлый городъ, передъ которымъ городъ Нерчинскъ уступаетъ въ величинѣ и населенности. Хорошаго и сильнаго соперника этому городу мы встрѣчаемъ даже въ Петровскомъ, Александровскомъ и Усольскомъ заводахъ. Городъ Селенгинскъ гораздо меньше любого изъ промысловъ карійскихъ. Каждый изъ Нерчинскихъ заводовъ (Кутомарскій, Зерентуйскій, Благодатскій и друг.) представляютъ людныя селенія, съ которыми мудро спорить любой изъ большихъ казачьихъ деревень. Правда, что селенія эти непрочно, жильцы ихъ ненадежны и искусственно вызванныя селенія эти все-таки не прибавляютъ цвѣта сибирской колонизаціи и не увеличиваютъ мѣстнаго населенія въ желаемой степени, какъ увидимъ впоследствии. Но правда, что строенія этихъ казенныхъ мѣстъ ссылки ветхи и печальны наружнымъ видомъ своимъ и, какъ полузабытая птичья гнѣзда, полураскрытыя и покинутыя звѣриныя норы, приводятъ всякаго свѣжаго человѣка въ уныніе и наводятъ тоску. Тѣмъ не менѣе, строеній этихъ очень много.

Настойчиво лѣпятся они по окольнымъ горамъ, устойчиво застѣиваются въ падахъ, распадахъ и оврагахъ этихъ каменныхъ, богатыхъ рудами горъ. Нѣтъ между ними пустыхъ; рѣдкій изъ нихъ не набить до возможной тѣсноты жильцами изъ несчастныхъ. Несчастье и круглая бѣдность—неизбѣжные сосѣди этихъ жилищъ и непремѣнные гости каждаго изъ нихъ. Въ рѣдкомъ изъ домовъ не живутъ эти обычные и тяжелые гости и, во всякомъ случаѣ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ и, по преимуществу, съ тѣми изъ ссыльныхъ, которые успѣли обсемениться, сдѣлаться окончательно осѣдлыми, ради дѣтей и собственности. Для людей этихъ окончательно заросла дорога къ побѣгамъ вдаль; но къ преступленіямъ мелкимъ и проступкамъ невольнымъ остаются на этомъ пути проходы и обходы и бывають иногда лазейки и выходы. „Безнадежная бѣдность,—сказалъ одинъ французскій криминалистъ:—такъ же способна ненавидѣть законъ, какъ чрезмѣрное богатство презирать его“. Примѣняя этотъ выводъ къ тѣмъ изъ ссыльныхъ, которые прошли черезъ тюрьмы, этапы и каторгу и которые выселяются въ дома около заводскихъ и промысловыхъ мѣстъ заточенія, мы не удивляемся, если встрѣчаемъ вездѣ особые кварталы, носящіе названіе Теремиловокъ, Юрдовокъ, Слободокъ, Кукуевъ и проч.

Кварталы эти или слободки такъ же неизбежны и такъ же необходимы для всякаго заводскаго и промысловаго селенія, какъ для каждаго большого города слободы солдатскія, архіерейскія, стрѣлецкія и проч. Здѣсь селится крайняя бѣдность, въ дешевыхъ и старыхъ домахъ; сюда идетъ жильцомъ всякій и всякая, кому незнакомъ прямой и честный трудъ, для которыхъ легкія, хотя и рискованныя работы—самое любимое и знакомое средство для пропитанія. Здѣсь помѣщается явный развратъ и темный промыселъ, направленный на приобрѣтеніе чужой собственности. Бродяги и мелкіе мошенники—обитатели этихъ подгорныхъ слободъ въ Россіи; арестанты, выпущенные на пропитаніе—жильцы этихъ, на половину врытыхъ въ землю и обмазанныхъ глиною лачугъ, какія во множествѣ группируются на выѣздахъ изъ казенныхъ заводскихъ селеній. Юрдовками называются эти притоны (для игръ въ юрдовку и др.) въ селеніяхъ Карійскихъ золотыхъ промысловъ и въ Петровскомъ желѣзодѣлательномъ заводѣ. Теремиловкою называется такая же слободка въ Александровскомъ винокуренномъ заводѣ.

„Существуетъ и у насъ такое мѣсто,—увѣрили меня въ иркутскомъ Усольѣ:—сюда всякій житель подбирается ужъ такой“...

Такой житель, обыкновенно, женится при первой возможности, порывисто и безрасчетно, долго надъ этимъ не задумываясь. Если не охотно и почти никогда не пойдетъ за ссыльнаго дочь вольнаго человѣка, т. е. казака или

крестьянина - старожилы, то ссыльно - каторжная женщина, пришедшая въ заводъ, охотно бросается на шею первому, предложившему ей руку и сердце. Она съ большою охотою выходитъ замужъ за того, который живетъ не въ тюрьмѣ, а на пропитаніи или поселеніи. Становясь женою, ссыльная дѣлаетъ двойную услугу: съ одной стороны, привывая мужа къ обогрѣтому мѣсту, она, насколько можетъ и умѣетъ, закрываетъ ему путь къ побѣгу и крупному преступленію. Съ другой стороны, сама освобождается отъ оковъ и, поселившись въ теплой до духоты избѣ, забываетъ о побѣгѣ и бродяжничествѣ по морозамъ, дождямъ и грязи *). Вѣрность супружескому ложу не составляетъ для ссыльной женщины добродѣтели, не входитъ въ кругъ ея заветныхъ обязанностей, не вынесена ею изъ прошлой жизни и, въ особенности, изъ недавней на этапамъ и не вошла въ ея убѣжденіе, какъ неизбѣжное и неподкупное начало. Мужу до дѣлъ жены нѣтъ нужды, у мужа свои дѣла, радіусы которыхъ все сходится на одномъ пунктѣ — пріобрѣтеніи средствъ къ жизни. Если жена стремится къ той же практической цѣли, то она и права и свободна, и бита бываетъ только подъ пьяную руку, по одному капризу, изъ одного желанія напомнить ей о подчиненности. Понятіе объ этой подчиненности безразлично, бессознательно и лишнее бремя тамъ, гдѣ существуютъ иные законы, выработывались иные нравы, непонятные для жителей правильно организованныхъ мѣстъ.

Теребиловскій житель, котораго счастье и случай вывели изъ тюрьмы на свое пропитаніе, не задумывается искать средствъ къ этому тамъ, гдѣ ему легче это сдѣлать, гдѣ все пути ему привычны и извѣстны до подноготной. Въ теребиловку идетъ всякій, кому хочется попытать счастья въ большой игрѣ. Карточная игра, очутившись на большомъ просторѣ и совершенной свободѣ, идетъ крупнѣе, смѣлѣе и безразсчетнѣе. Игра въ юрдовкахъ и теребиловкахъ обставляется всякимъ доступнымъ комфортомъ. Содержатели игорныхъ домовъ держатъ водку въ большомъ обиліи, способны доставить и средства къ исполненію чувственныхъ удовольствій. Все, что подъ сильнымъ страхомъ и за крѣпкимъ надзоромъ творится въ темныхъ и грязныхъ тюрьмахъ, здѣсь въ не менѣе темныхъ и

*) Въ отчетахъ о бѣглыхъ чрезвычайно мало видно женщинъ и нѣтъ ни одного показанія на то, чтобы онѣ возвращались обратно. Рассказываютъ, что тѣ изъ бродягъ, съ которыми уяжется какая нибудь ссыльно-каторжная женщина, непременно когда нибудь и гдѣ нибудь убиваютъ ее, чтобы, такимъ образомъ, уничтожить неизбѣжнаго, слабого, склоннаго на соблазнъ доносчика и доказчика темныхъ и нечистыхъ дѣлъ и преступленій бродяжества. Впрочемъ, это только слухи; на самомъ дѣлѣ мало въ бѣгахъ женщинъ потому, что ихъ разбираютъ замужъ нарасхватъ.

грязныхъ домахъ совершается на распашку и въ обширныхъ размѣрахъ.

Въ теребиловку идетъ, для всяческихъ наслажденій, тюремный сидѣлецъ, подкупившій сторожей или за ихъ глазами ускользнувшій съ работы. Въ теребиловкахъ группируются въ шайки все тѣ изъ тюремныхъ сидѣльцевъ, которые выпущены на пропитаніе. Находятъ они его въ своихъ небольшихъ артеляхъ, для которыхъ то и занятіе, которое легче, вѣрнѣе даетъ деньги, хотя бы это занятіе и требовало непрямыя пути риска, смѣлости и дерзости. Смѣлость города беретъ, она же въ заводскихъ юрдовкахъ собираетъ деньги на дневное пропитаніе.

Въ теребиловку идетъ всякій изъ тѣхъ тюремныхъ, которому надоѣла каторга и соблазняетъ вольная жизнь въ бѣгахъ и бродяжествѣ. Въ этихъ притонахъ всегда найдется такой мастеръ, который шелъ изъ рѣзчиковъ какой либо столицы, или изъ Екатеринбурга, гдѣ былъ гранильщикомъ, или изъ нижегородскихъ селъ Павлова и Ворсы, гдѣ выучился слесарному мастерству и искусству рѣзбы на камняхъ и металлахъ. Люди на бездѣлѣ, при нуждѣ и соблазнахъ, не прочь отъ всякаго предложенія, лишь бы только оно обезпечивало имъ насущный день. Мастера эти отъ аляповатыхъ печатей и темныхъ гербовъ доходятъ до Цезика, который осколкомъ перочиннаго ножичка вырѣзалъ на камняхъ замѣчательно красивые миниатюрные ландшафты, дѣлалъ фальшивыя бумажки, которыя съ трудомъ отличали отъ настоящихъ, и мастерилъ вазы, усыпанные мелкими мушками и другими насѣкомыми, за которыя любители платили большія деньги.

Пріобрѣтая вновь и совершенствуясь въ тюрьмахъ, на досугѣ и при руководствѣ, въ разныхъ знаніяхъ и мастерствахъ, эти люди за тюрьмою, видѣ стѣны ея, даютъ художествамъ своимъ практическое примѣненіе, на свободѣ пускаютъ въ оборотъ и на пользу тѣхъ, которые жаждутъ, ищутъ и просятъ этихъ знаній. Вродяга, задумавшій совершить дальній побѣгъ, по возможности въ Россію, и желающій обезпечить его большимъ успѣхомъ, идетъ въ теребиловку и здѣсь за рубль, за два рубля серебромъ получаетъ такой видъ, который ведетъ его свободно по забайкальскимъ селеніямъ и уводитъ далеко, если набалованныя руки не стащатъ чужого, гдѣ нибудь въ селеніи на воровствѣ и гдѣ нибудь за селеніемъ на грабежѣ.

Въ фальшивыхъ билетахъ ссыльные обыкновенно прописывались поселщиками или крестьянами, а потому и плата, вслѣдствіе того, была пережѣнная (за поселщика 3 руб., за крестьянина 5 руб. сер.). Нерѣдко билеты эти мастерились на цѣлую артель вдругъ, въ нѣсколькихъ экземплярахъ.

Бродяга, привыкшій бродить лѣтомъ по заводскимъ окрестностямъ ради страсти къ при-

ключеніямъ, ради неодолимаго желанія подышать волею, въ тѣхъ же теребилловкахъ и юрдовкахъ, если пожелаешь на всякій случай обезопасить прогулку, можешь получить билетъ съ погѣткою ему, какъ поселенцу или какъ бы отпущенному на пропитаніе. Малоопытныхъ, не бывавшихъ въ теребилловкахъ съумѣютъ зазвать, съумѣютъ выучить и направить.

— Не нужно ли тебѣ вида на свободное прожитіе?— спрашиваетъ одинъ такой мастеръ ссыльно-каторжнаго Денежкина (въ одномъ изъ слѣдственныхъ дѣлъ, попавшихъ намъ въ руки въ Петровскомъ заводѣ).

— Какъ бы не надо!—отвѣчаетъ на это ссыльный:—Да гдѣ возьмешь?

— Есть ли у тебя деньги?

— Есть, да немного.

— А если два рубля найдется, то и довольно.

Въ заводскомъ кабакѣ совершена была передача вида и učinены литки, на которыя ссыльный истратилъ еще 50 копеекъ серебромъ.

Счастливымъ и новымъ бродяга съумѣетъ потомъ во-время изловчиться съ этимъ видомъ, предусмотрительно показать его тому, кто мало видитъ, спрятать отъ опытнаго глаза и ограбить того, кто за собою не смотритъ. Такой бродяга и пограбленное нигдѣ не прячетъ, нигдѣ его не сбываетъ иначе, какъ въ тѣхъ же заводскихъ юрдовкахъ и теребилловкахъ, и вырученныя деньги нигдѣ не пропиваетъ, какъ въ тѣхъ же утлыхъ мазанкахъ. Водку нигдѣ онъ не беретъ, какъ въ томъ же заводскомъ кабакѣ, и пьетъ ее со своимъ же братомъ, покровителемъ и руководителемъ.

Такъ говорятъ архивныя дѣла, настоящіе житейскіе живые факты. Слѣдствія и обыски сказываютъ потомъ, что дѣлатели употребляютъ печати чаще свинцовыя, рѣже мѣдныя (приготовляемыя на мѣдномъ пяткаѣ, у котораго вытирается одна сторона подпилькомъ), что печати, вслѣдствіе того, часто бываютъ больше надлежащей величины, что оттискъ такого рода печатей прочтѣ, потому что коптятъ ихъ на сѣнной берестѣ. Одинъ мастеръ подобныхъ надѣлій, чтобы вѣрнѣе скрыть преступленія, бумагу для видовъ покупалъ не въ лавкахъ у торговцевъ, а у школьниконъ, и покупалъ дешево—за волосяныя колечки, приготовляемыя женою этого ссыльнаго. Другой приготовилъ и выдалъ билетъ, но проставилъ крупный, длинный номеръ и, такимъ образомъ (и можетъ быть безъ всякаго злого умысла), сгубилъ пріятеля. Повальный обыскъ у третьяго изъ теребилловскихъ открылъ въ углу между поломъ и стѣною, подъ половицею, фунтъ олова, два небольшихъ подпилька, малое зубило, пять готовыхъ печатей и пестю, начатую, на мѣдной двухкопеечной монетѣ, у которой вытерты были обѣ стороны; на одной уже красовалась надпись „Козмодемьян-

ской градской думы“. Четвертый попался на пути въ мастера фальшивыхъ бумажекъ, а именно съ двумя небольшими деревянными циркулями, съ желѣзными проволочными шпильками, съ двумя долотцами изъ иголокъ, съ бумажною печатью, сръзанною съ конверта, „съ роговою костью“ и проч., и проч. Разсматривая подобныя дѣла въ достаточномъ количествѣ, выносишь такое убѣжденіе, что не однѣ теребилловики занимались мастерствомъ приготовленія фальшивыхъ паспортовъ. Ссылные во множествѣ дѣлаютъ указанія на Тарбогатай и другія селенія такъ называемыя семейскихъ, гдѣ были мастера, конкурировавшіе съ заводскими, но слабо: билеты, тамъ приготовленные, часто предавали ссыльныхъ въ руки земскихъ, потому что были плохо сдѣланы. Между тѣмъ билеты, написанный и выданный въ Петровскомъ заводѣ, украденъ былъ у бѣлаго изъ рукавицы ссыльнымъ въ Успенскомъ заводѣ (Тобольской губ.) и отнятъ у послѣдняго и задержанъ вмѣстѣ съ нимъ уже въ Лайшевѣ (Казанской губ.).

Казенныя бумаги, выводя наружу эти грѣхи, въ то же время даютъ намъ свидѣтельства и указанія, что не одни только пропитанные поселенцы, своею семьею или своею шайкою, бываютъ участниками прегрѣшеній. Не упало бы ихъ дѣло далеко и не много выиграло бы оно само по себѣ, если бы они не находились подъ непосредственнымъ покровительствомъ тѣхъ людей, которые пользуются свободою и ея выгодами.

Вотъ какой случай (болѣе другихъ характерный) рассказываетъ намъ одно архивное дѣло.

Два шмельцера играютъ съ однимъ ссыльнымъ въ карты. Ссыльный выигрываетъ, требуетъ деньги.

„— Я тебѣ деньги заплатилъ и ты поди вонъ изъ моего дома!—отвѣчалъ одинъ изъ шмельцеровъ и гонитъ выигравшаго въ шею.

„Ссыльный закидался по избѣ, схватилъ ножъ, бросился съ нимъ въ сѣни“, но не нашелъ тамъ проигравшихся и убѣжавшихъ партнеровъ.

По поводу покушенія на убійство, завязалось дѣло. Слѣдствіе обнаружало, что у этихъ шмельцеровъ былъ въ квартирѣ открытый и гласный игорный домъ, неизвѣстный только одному начальству, что вольные заводскіе служители эти держали настоящія печатныя, а не дѣланныя карты, что при этой роковой игрѣ водка была обычнымъ угощеніемъ.

„Когда между шмельцеровъ и ссыльнымъ завязалась драка, другой шмельцеръ уговаривалъ товарища:

„— Ежели бы ты добрый служитель былъ, то ты бы Исаева, какъ ссыльно-каторжнаго, билъ бы и давно выгналъ вонъ, коему и законъ, если онъ пойдетъ въ судъ, не велитъ вѣрять“.

Судъ приговорилъ ссыльнаго Исаева, задѣ-

таго за самую щекотливую струну сердца, хорошо известную по чувствительности ее всем горным, наказать 50-ю ударами плетей, а служителей судъ оставилъ безъ всякаго наказанія. Участъ горнаго служителя, облегченная современнѣмъ намъ положеніемъ, прежде далеко не обеспечивала его быта. 12-ти-лѣтній сынъ служителя поступалъ уже на работы, хотя бы и легкія, хотя бы и въ лѣтнее время; въ 18 лѣтъ его уже впрягали, наравнѣ съ каторжными, въ настоящую службу, каковую онъ обязанъ былъ продолжать 25 лѣтъ, если поступалъ изъ рекрутъ, и 35, если былъ сыномъ заводскаго служителя или родился отъ ссыльно-каторжнаго, во время нахождения отца въ работахъ, или же солдата преждебывшаго батальона. Такимъ образомъ, служитель, получая одинаковое жалованье и содержаніе съ ссыльно-рабочимъ, разнился тѣмъ, что работа для него была почти безсрочною, тогда какъ ссыльно-каторжный имѣлъ въ перспективѣ самый долгій срокъ двадцатилѣтній. Тѣ же дѣла и тѣхъ же архивовъ переполнены рассказами о случаяхъ побѣговъ съ работъ горныхъ служителей. Поиманные на допросахъ показывали единогласно, что „побѣгъ учинили въ единое отбывательство казенныхъ работъ съ тѣмъ предпріятіемъ, сколько возможность позволить, пробывъ отъ оныхъ празднымъ“. Они совершали въ бѣгахъ преступленія для того, чтобы получить наказаніе плетями или шпицрутенами и быть записанными въ разрядъ ссыльно-каторжныхъ, т. е. срочныхъ горныхъ работниковъ. Правда, что мелкія преступленія въ бѣгахъ оцѣнивались, по поимкѣ, уменьшеніемъ жалованья, назначеніемъ на усиленные работы и розгами, но нѣкоторымъ сразу удавалось прямо попадать на каторгу, на срокъ.

Возвращаясь къ теребиловкамъ и юрдовкамъ, а съ ними вмѣстѣ и къ тѣмъ родамъ и видамъ промышленности, которая обеспечивать существованіе жителей этихъ слободокъ, мы встрѣчаемъ новые виды торговли и промысла. Промыселъ этотъ ведется въ мелкихъ размѣрахъ и слишкомъ исключителенъ по своей специальности, но, тѣмъ не менѣе, находится въ рукахъ пропитанныхъ поселенцевъ и самихъ ссыльно-каторжныхъ. Опять-таки промыселъ этотъ не имѣлъ бы приложения и выхода, если бы не встрѣчалъ на сторонѣ людей покровительствующихъ, рукъ поддерживающихъ. Мы говоримъ о контрабандѣ казенныхъ золота и серебра. Украсть то и другое ссыльному не мудрено, въ особенности золото; спрятать еще легче: самые тщательные обыски тутъ ничего не дѣлаютъ. Крадутъ всего чаще при разработкѣ росыши, да тогда и легче: усмотрѣть за рабочими, растянутыми на большомъ пространствѣ или спущенными во мракъ шахтъ, нѣтъ никакой возможности. Труднѣе красть при промывкѣ, гдѣ и глаза приставниковъ смотрять зорче и онъ весь на виду. Здѣсь крадутъ уже сами надзиратели,

а потому арестантъ, лишній человѣкъ, долженъ воспользоваться добычею при первоначальныхъ работахъ: не попадется ли самородокъ. Самородки же попадаются рѣдко и достаются только самымъ счастливымъ; но и въ этомъ случаѣ счастье найдшаго дальше кабака въ теребиловкѣ не простирается. Не несетъ онъ находки въ контору, хотя и знаетъ, что конторамъ велѣно платить по рублю за золотникъ, но знаетъ также и то, что вѣшаютъ тамъ на вѣскахъ, ему не понятныхъ, и обсчитываютъ. Съ купцомъ сходивъ дѣло: съ нимъ и поторговаться можно, и выпить съ него магарычъ на его же счетъ, и пропить, проиграть полученные деньги тотчасъ же. Куда ихъ беречь и прятать? въ казармѣ товарищи украдутъ. Большія деньги въ тюрьмѣ бѣда: иной злодѣй убереть, пожалуй, измученный соблазномъ и завистью.

Украденныя серебро и золото обыкновеннымъ путемъ ссыльно-рабочіе, за ничтожную плату, сдаютъ на надежныя руки въ теребиловки. Здѣсь знакомымъ путемъ находятъ его заводскій служитель и передаетъ въ руки казака, выбирая при этомъ (чтобы скрыть слѣды) казака такого, который былъ въ заводѣ при промыслѣ проѣздомъ и который знакомъ уже съ этимъ дѣломъ и привыкъ къ нему. Для передачи краденнаго, ссыльные рѣдко казакамъ предпочитаютъ кого другого; часто употребляютъ на это дѣло солдатъ и всегда прибѣгаютъ къ болѣе вѣрному посредству, т. е. служителямъ. Попадая, такимъ образомъ, черезъ третьи въ четвертыя руки, покраденное „хищническое“ золото въ порошокъ и серебро въ слиткахъ *) отвозилось казакомъ изъ завода. Никогда самъ казакъ не пускалъ его дальше въ ходъ; передачею краденнаго занимались исключительно ихъ жены и дочери, для которыхъ передача контрабанды—привилегированный промыселъ и притомъ такой, который женщины (по долгимъ опытамъ, съ незапамятныхъ временъ) производили съ большимъ успѣхомъ, съ большею чистотою отдѣлки. Процессъ этотъ, по рассказамъ, совершался весь такимъ образомъ.

Контрабандное золото везетъ баба обыкновенно завязаннымъ тщательно въ бумажку и тряпочку и зарытымъ въ крупу или муку. Добывая до условленнаго, примѣтнаго мѣста въ лѣсу, близъ дороги, контрабанда прячется подъ кустомъ, подъ деревомъ. Кустъ и дерево должны отличаться условными, известными всемъ контрабандистамъ примѣтами. Сама баба съ возомъ отправляется къ главному покровителю—капиталисту, къ кушцу или торгующему крестьянину.

*) Не только казакамъ, но и бурятамъ за Байкаломъ и киргизамъ за Алтаемъ хорошо известенъ способъ плавки, въ особенности серебра. Тѣ и другіе инородцы украшаются сами и украшаютъ женъ кольцами, запястьями, серьгами. На сѣдлахъ, на ганзахъ (трубкахъ), на огнивахъ серебряныя оправы—ихъ собственнаго издѣлія.

— Желтую пшеничку привезла, не купишь ли?

Купец понимает дѣло, но притворяется, старается замаскировать себя и отправляет продавщицу къ другому.

— Тотъ не возьметъ ли? На него указываютъ слухи, а я такимъ дѣломъ не занимаюсь! Мнѣ не надо.

Этотъ „тотъ“ всегда агентъ этого главнаго купца, обязанный сбывать съ золота цѣну, но также еще не покупщикъ, и онъ отсылаетъ бабу къ третьему.

— У меня денегъ нѣтъ, а тотъ охотился.

Третій обыкновенно платитъ деньги послѣ многихъ проводочекъ и притѣсненій, платитъ большую часть такую цѣну, какую захочетъ, и всегда выговариваетъ:

— Мои деньги малыя, да мнѣ благодѣтель поможетъ, а я ему зароблю.

Сказывая при словѣ „благодѣтель“ его имя, третій агентъ даетъ тѣмъ знать, чтобы все-таки и на будущій разъ баба относилась къ нему и шла этимъ радомъ мытарствъ, истощая терпѣніе, ослабляя цѣну, и доходила опять до него, до этого третьяго.

Этотъ третій идетъ обыкновенно за бабою вонъ изъ селенія, къ показанному мѣсту, примѣты котораго общи и общеприняты (нѣкоторыя даже открыты и начальствомъ). Беретъ онъ золото и отвозитъ его къ своему благодѣтелю. Дѣло послѣдняго держатъ около себя такихъ вѣрныхъ, надежныхъ и опытныхъ казаковъ, у которыхъ имѣются бойкія, приспособленныя къ провозу контрабанды лошади. Лошади эти бѣгаютъ безъ дороги, не затрудняются въ лѣсахъ, не задумываются надъ рѣками. Вплавъ черезъ рѣку Аргунь лучшіе забайкальскіе контрабандисты, аргунскіе казаки (русскіе и карымы), отвозятъ покраденное золото, „желтую пшеничку“, къ монголамъ. Здѣсь, въ степи, въ условномъ мѣстѣ, золото пріятелями-монголами охотно промѣнивается на кирпичный и всякій чай. Тѣмъ же путемъ риска, съ торопливостью, ночью ввозится чай въ большія селенія и сбывается на руки купца-благодѣтеля. Въ крупныхъ выгодахъ были тѣ и другіе. Контрабанда процвѣтала и усиливалась по мѣрѣ обремененія кяхтинской торговли высокими, стѣснительными пошлинами *).

*) Золотникъ золота продавался купцамъ за 1½ руб., иногда за 2 руб. (въ казнѣ онъ стоилъ 3 руб. 57¼ коп.). Монголы давали за этотъ золотникъ десять кирпичей чая (по 70 коп. за кирпичъ), т. е. 7 руб. сер. Въ Нерчинскомъ заводѣ за тотъ же кирпичъ чая давали купцы въ лавкахъ, смотря по величинѣ кирпича, 90 коп. и 1 руб. Стало быть, на каждомъ золотникѣ главнаго контрабандиста выигрывалъ до 8 руб. сер., не считая расходовъ на перевозчиковъ. Съ перенесеніемъ таможи въ послѣднее время въ Иркутскъ, сцена дѣйствій перемѣнилась, но способности дѣйствія—едва ли. Во всякомъ случаѣ, на китайской границѣ стало теперь посвободнѣе и поспособнѣе.

На мѣстахъ сбыта золота монголамъ совершались обыкновенно шумныя попойки на китайской водкѣ (араки); на мѣстахъ пріобрѣтенія и добычи золота—бывали неудачи и крупныя несчастья.

Одинъ торговецъ выгодно поставилъ въ казну мясо, съ нѣкоторымъ даже убыткомъ для себя. Начальство смѣкало дѣло, но, имѣя въ виду казенную пользу, молчало до времени. Въ одинъ годъ торговца этого заведенія контрабандисты обманули, подсунувъ ему второпяхъ мѣдный слитокъ, гальванически позолоченный, за самородокъ. Купецъ купилъ его, отдалъ наличныя деньги, выѣхалъ изъ промысловаго селенія; продавецъ доказалъ на него. На дорогѣ купецъ былъ схваченъ, обысканъ, заплатилъ штрафъ и на слѣдующій годъ на торги не явился и контрабанду бросилъ.

Не бросили контрабанду другіе. На молодую, вновь открытую золотую россыпь Кудею, прежде всего, потащились ловкіе продавцы съ платочками, ситцами и другими красными товарами для „желтой пшенички“. Это не такъ давно, а очень давно Шилкинскій заводъ былъ центромъ операций, производимыхъ надъ карійскимъ золотомъ (очень высокой пробы). Сюда пріѣзжали покупатели изъ окрестныхъ селеній по временамъ; мѣстные купцы такимъ дѣломъ не занимались, довольные тѣмъ, что, оберегая нравственность ссыльныхъ въ Карѣ,—по обычаю всѣхъ золотыхъ промысловъ и по закону,—не дозволили торговли. Вся она для карійскихъ сосредоточилась въ Шилкинскомъ заводѣ, гдѣ купцы, на первыхъ порахъ, наживали на товарахъ своихъ рубль на рубль. Дѣлъ объ золотѣ и серебрѣ въ архивахъ много. Уличали, подозревали и ловили торговцевъ изъ ссыльныхъ евреевъ, подозревали и (въ 1848 году) пріѣзжавшихъ на заводы венгерцевъ и другихъ иностранцевъ для мелочной разносной торговли, съ заграничными товарами, безъ положенныхъ клеймъ или съ поддѣльными пломбами и штемпелями. Торговали они и лекарствами и, пріобрѣтая исключительно одно серебро въ монетахъ и слиткахъ, пускали въ оборотъ фальшивые кредитные билеты. Этимъ заграничнымъ гостямъ, не безъ основанія, приписываютъ правильную организацію всего дѣла по части сбыта золотой и серебряной контрабанды.

Въ 1850 году существовала въ Кяхтѣ слѣдственная коммиссія „для раскрытія вкоренившейся беззаконной торговли съ китайцами золотомъ“ *). И въ нашъ пріѣздъ указывали на одного изъ контрабандистовъ, который велъ

*) Сенаторская ревизія, назначенная потомъ такъ же, какъ и кяхтинская коммиссія, въ изслѣдованіи контрабанды золотомъ не имѣли успѣховъ, хотя первая и подпускала подъ перекупщиковъ ловкихъ жидковъ. Попадалась въ сѣти мелкая рыба съ долями или съ золотниками и прогуливалась за то по зеленой улицѣ (ходила сквозь строй); крупная рыба выскакивала.

сильную карточную игру, и на другого, о котором у насъ имѣлось слѣдственное дѣло.

Контрабандистъ этотъ, нѣкто Соколовъ, въ 1850 году уличенъ былъ въ томъ, что приобрѣтенное золото не сбывалъ за китайскую границу монголамъ, а превращалъ его въ червонцы и червонцы эти пускалъ въ обращеніе за Байкаломъ, черезъ жену свою. Въ кабакѣ Дучарскаго завода, у цѣловальника, найдены были четыре такія золотыя монеты, которыя отправлены были въ Петербургъ на монетный дворъ для испытанія. Эксперты двора нашли, что золотые не фальшивые, ибо-де, будучи сдѣланы безъ лигатуры, стоятъ выше существующаго курса,—и писали въ Нерчинскій заводъ, что представленные имъ золотые сдѣланы изъ серебристаго золота, а потому цвѣтомъ желтѣе настоящихъ; въ окружности, также „въ надписи буквъ овальныя и менѣе явственны, зубчики крайняго ободка толще, вмѣсто звѣздочекъ точки“, и проч.

Въ дѣлѣ этомъ участвовали: ссыльно-каторжный Соколовъ при участіи поляка Брановскаго и подсудимаго бродяги Андреева. Соколовъ съ женою, которая передавала монету, объявленъ былъ подъ подозрѣніемъ и переведенъ для жительства въ другой заводъ, Шахтаминскій. Брановскій, разъ уже наказанный кнутомъ за дѣланіе въ тѣхъ же Нерчинскихъ заводахъ фальшивыхъ ассигнацій, былъ наказанъ. Бродяга Андреевъ, разъ уже сужденный за продажу поселенцу Чернову золота около 1¼ фунта и наказанный за то шпиртсанами черезъ 500 человекъ одинъ разъ, наказанъ 30-ью ударами плетей за участие въ дѣлѣ Соколова.

Занятіе контрабандою золотомъ и фальшивою монетою (фальшивыми кредитными билетами) успѣло многихъ обогатить, мадую и почти ничтожную только часть обездолить.

Указывали на многихъ обывателей въ городахъ, ближайшихъ къ мѣстамъ производствъ и добычи серебра и золота, какъ на людей, основавшихъ свои дѣла на торговлѣ краденнымъ съ разныхъ золотыхъ промысловъ золотомъ или черезъ распространеніе въ народѣ фальшивыхъ ассигнацій. Указанія шли на многіе города въ Западной и Восточной Сибири. Въ Tobольской губерніи также нерѣдко попадалась золотая монета пробой выше казенной монеты, для которой существовалъ открытый путь на Омскую линію, а оттуда съ караванами въ Бухару, Хиву и Ташкентъ.

Помимо приготовленія изъ контрабанднаго золота червонцевъ, ссыльные Нерчинскихъ заводовъ не отставали передъ множествомъ другихъ мѣстъ въ Россіи и Сибири въ приготовленіи другихъ денегъ—бумажныхъ. Фабрикація фальшивыхъ ассигнацій была до того сильно распространена въ Нерчинскомъ и вообще въ Забайкальскомъ краю, что горное нерчинское прав-

леніе пробовало было считать сорты ихъ и записывать, да и счетъ потеряло. Насчитало оно сортовъ до 25-ти и, видя бесполезность работы, вело дальнѣйшій счетъ только для формы по заказу и по привычкѣ. Венгерцы, приходившіе съ товарами, и другіе иностранцы, появившіеся въ край, распускали фальшивыя деньги заграничнаго дѣла и вывозили краденое русское серебро. Къ тому же и товары развозили безъ таможенныхъ клеймъ и пломбъ, а деньги за нихъ брали все-таки выше сибирскихъ цѣвъ. Бѣдили большими партіями. Не всегда подобное приготовленіе имѣетъ безразсчетныя и безразличныя цѣли; были случаи, имѣвшіе политическій характеръ. Такимъ отзывается имѣющееся у насъ въ рукахъ дѣло (1839 года) польскихъ ссыльныхъ 1830 года, затѣянное для освобожденія всего множества сосланныхъ туда поляковъ изъ узъ неволи и тюремнаго заточенія. Дѣлу этому мы даемъ мѣсто въ слѣдующихъ томахъ этого сочиненія.

Въ Западной Сибири указывали на Успенскій винокуренный заводъ (Тобольской губерніи, Тюменскаго округа, въ 326 верстахъ отъ Тобольска и въ 52 отъ Тюмени), какъ на главную фабрику приготовленія ссыльными фальшивыхъ бумажекъ. Рассказываютъ, что наряженное по этому случаю слѣдствіе кончилось тѣмъ, что одному изъ депутатовъ кака-то старуха подсунула толстую пачку самодѣльныхъ ассигнацій. Слѣдователь началъ съ того времени богатѣть, оставилъ службу, а дѣло было, по обыкновенію, замято и спрятано. Слѣдственные дѣла обнаруживаютъ при этомъ, что передатчики часто рискуютъ, попадаютъ въ просакъ, ссыльные часто ихъ надуваютъ, отчего при такомъ рискѣ выигрываютъ больше первые, теряютъ вторые. Случай противоположнаго свойства—большая рѣдкость, ихъ знаютъ наперечетъ и рассказываютъ въ похвалу изобрѣтательности ссыльныхъ, основанной, главнымъ образомъ, на томъ, что операція производится въ потьмахъ и поныхахъ, торопливо и на вѣру.

Такъ, одному удалось сунуть пачку скверной и мягкой бумаги, обложенную настоящими ассигнаціями только сверху и снизу и связанную веревочкою. Счастливому плуту удалось эту пачку сунуть въ торопяхъ и получить 250 руб. только за 45 руб., образовавшихся изъ синенькихъ и красенькихъ, лежавшихъ наверху и внизу. Этотъ пересыльный арестантъ возбудилъ въ передатчикѣ полную довѣренность къ искусству своему въ приготовленіи „блиновъ“ тѣмъ, что данную имъ на пробу (настоящую вмѣсто фальшивой) бумажку разгнѣвали въ кабакѣ; 250 руб. покупщикъ охотно далъ за 500 фальшивыхъ и вмѣсто нихъ нарвался на газетную бумагу.

Выпускаются на пропитаніе или, лучше, на отдыхъ тѣ изъ ссыльныхъ, которымъ не по-

счастливию: казенная работа отняла отъ нихъ послѣднія, растроченныя по дорогамъ и тюрьмамъ физическія силы. Тяжкія страданія, исключительность работъ дѣлаютъ такихъ рабочихъ совершенно бесполезными, и притомъ большую часть изъ нихъ. Въ рудникахъ — отравленіе свинцомъ (свинцовая колика и удушье, *asthma metalurgica*), падучая болѣзнь (*epilepsia*) — какъ слѣдствіе свинцоваго отравленія у мужчинъ, такъ и у женщинъ; грыжи, вслѣдствіе тяжести работъ; узлы (*varices*), какъ послѣдствія работъ, производимыхъ стоя, и питья воды, застоившейся въ рудникахъ; воспаление глазъ отъ плохого освѣщенія, мерцающаго полусвѣта и чада отъ плохихъ салныхъ свѣчь; переломы и вывихи такіе же частые гости, какъ удушье. Удушье постигаетъ тѣхъ неосторожныхъ рабочихъ, которые, послѣ 12-часовой напряженной работы, вызывающей испарину, выходятъ на холодный воздухъ, пьютъ и ѣдятъ потомъ безъ осторожности и притомъ очень плохо. Въ тюрьмахъ, какъ сказано выше, неизбежно постигаютъ арестантовъ также воспаленіе глазъ (*ophthalmia callosaris*), зависящее отъ сѣро-водороднаго газа, какъ продукта собственныхъ испареній и выдѣленій. Замѣчательны обыкновенно скорбутъ, диссентерія и тифъ, очень часто язвы отъ худосочій скорбутнаго и ревматическаго (часты наружныя язвы и отъ тренія кандалами); ознобленіе и отмороженіе членовъ отъ недостатка обуви и одежды и какъ слѣдствіе побѣговъ, сифилисъ въ страшныхъ формахъ отъ неправильнаго и безчеловѣчнаго леченія своимъ же братомъ-знахаремъ; чесотка (*scabies*), какъ неизбежная, непрѣлная и вѣчная принадлежность всякихъ тѣсныхъ, сырыхъ и грязныхъ артельныхъ помѣщеній *). Чесотка между горнозаводскими жителями, особенно между дѣтьми, распространена такъ, какъ едва ли гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ. Только работающіе на фабрикахъ (въ сѣрныхъ парахъ) освобождены отъ нее.

Выпускаютъ также ссыльных на пропитаніе въ видахъ экономической мѣры, напр., по случаю неурожаевъ хлѣба, когда казна затрудняется снабженіемъ этими припасами, и какъ мѣра награды, неизбежная и обусловленная закономъ и обычаемъ для тѣхъ ссыльныхъ, которые покойно выжили тюремный срокъ, но не заслужили еще вождѣннаго званія поселенцевъ или, по сибирски, поселщиковъ. Уходя на пропитаніе, семейные ссыльные уводили съ

*) Въ Кутумарскомъ заводѣ вредное вліяніе мышьяковистыхъ паровъ оказывало свое дѣйствіе на телятъ, а потому заводскія бабы отправляли стельныхъ коровъ въ сосѣднія деревни. На людей эти пары имѣли даже благоприятное вліяніе: въ чесночномъ запахѣ мышьяковистой кислоты работали ссыльные и въ Александровскомъ заводѣ (Нерчинскаго края). Заболѣвшіе лихорадкою (упорною) ходили на заводскія фабрики работать и здѣсь излечивались мышьяковистыми парами во время самыхъ пароксизмовъ.

собою и дѣтей, но заводское начальство считало ихъ виновными вмѣстѣ съ отцами, возвращало назадъ, назначало въ работы, хотя потомъ само же увѣряло въ форменныхъ бумагахъ, что „водворить сбродъ людей этихъ, слѣдатель изъ пропитанныхъ постоянныхъ работниковъ и домохозяевъ нѣтъ никакой возможности“. Ссылные, не семейные, выходя на пропитаніе, бѣгутъ изъ заводовъ при первой открывшейся возможности къ побѣгу, къ которому нерѣдко представляются случаи при употребленіи на работу вѣ крѣпости, гдѣ дровосѣкъ и проч.

Поступая для житія къ семейнымъ хозяевамъ, которые охотно принимаютъ къ себѣ ссыльныхъ, пропитанные (т. е. вышедшіе на пропитаніе), за крайнюю ограниченностью казеннаго содержанія, по неволѣ принуждены бывали изыскивать мѣры къ приобрѣтенію денегъ. На винокуренныхъ заводахъ они, провертывая дыры въ тѣхъ трубахъ, по которымъ идетъ вино, воровали спиртъ и полугаръ, на солеваренныхъ — соль; на золотыхъ промыслахъ — золотой песокъ; на желѣзодѣлательныхъ заводахъ — желѣзо, преимущественно во время работъ въ кричной фабрикѣ и т. п. Мелкія воровства и кражи по заводамъ до того обыкновенны, что послѣ многихъ опытовъ перестали употреблять какія либо опредѣленные и вѣрныя мѣры; подвернется какойнибудь случай, не предусмотрѣнный, не основанный на расчетѣ и поразительный по крайней случайности. Объ немъ рассказываютъ, какъ о чудѣ, и рассказъ превращается въ легенду, которая, однако, изживается въ памяти народа цѣлыя десятки лѣтъ. Такъ, напр., черезъ тридцать лѣтъ мы получили въ Петровскомъ заводѣ изъ вторыхъ рукъ такую повѣсть, рассказанную самимъ авторомъ казуса.

„— Былъ я воръ отпѣтый и каковы ни мастера всѣ наши, а я былъ лучше есѣхъ. Иного выпорютъ, онъ и отстанетъ, а мнѣ и розги, что съ гуся вода. Сидѣлъ во мнѣ вороватый чертъ самый сильный и такой притомъ, что никакого мнѣ ладу съ нимъ не было. Увижу что чужое, сейчасъ у меня заболитъ брюхо и такой таскунъ въ немъ нападетъ, что глазъ не сомкну, куска не съѣмъ, покулъ чужая вещь перестанетъ ѣсть глаза и руки отстанутъ чьсаься. А таскалъ я все, что подъ руку подвернется, и не надобна иная вещь, да силенъ чертъ внутри сидитъ: что ни видитъ изъ чужого, все подавай! Сидишь бывало, задумаешься, о своей судьбѣ перебираешь мысли: дай-ка пойду да стащу чтонибудь, что плохо лежить. Разъ пошелъ погулять за заводомъ, поднялся на горку, погулялъ. Свернулъ съ тропинки въ заводъ, къ домиѣ (доменной фабрикѣ). У домы увидѣлъ казенку, гдѣ складываютъ всякія казенныя вещи, у казенки ребятъ увидалъ: наши подъ амбаръ этотъ подкапываются. Мнѣ бы и пройти мимо, ужъ будетъ съ меня,

да чертъ-оть во мнѣ завозился и мои мысли разсѣять, сталъ толкать меня да подговаривать: „иди, помоги, вдвоемъ имъ не сладить“. Пошелъ я къ нимъ: что дѣлаете? Да такъ-де и такъ, казенныя вещи считать и провѣрять пришли.

„Стать я имъ пособлять, а тропинка за спиной у меня осталась. Копался я вдвоемъ съ чертомъ утрое сильнѣе товарищей: моя яма глубже всѣхъ и краемъ однимъ совсѣмъ ужь въ амбарѣ. Сдумалъ я такъ, вскинулъ глаза на товарищей, нѣту ихъ—убѣжали. Я оглянулся назадъ, а сзади меня стоитъ нашъ начальникъ; тоже погулять вышелъ. Стоитъ и молчать и во всѣ глаза на меня смотреть, а луна на ту пору такъ и обошла его всего свѣтомъ, даже страшень онь сталъ. Увидалъ я Нестерова, да такъ и обмеръ: человекъ онь былъ суровый, засѣкалъ нашего брата до смерти (за то его и смѣнили начальство). Меня поролъ столько, что я и счетъ потерялъ. Вижу его и смѣкаю: такое, молъ, наказаніе придумаетъ мнѣ теперь, о какомъ въ заводѣ наши каторжные еще не слыхивали. Слышу, заговорилъ: „Ну-де, я тебя наказывать не стану, палки не донимаютъ, а пусть-де тебя теперь самъ Богъ накажетъ!“ Словомъ этимъ онь такъ и пригвоздилъ меня къ тому мѣсту. Какъ я всталъ столбнякомъ, такъ и простоялъ я куда долго. Онь ушелъ, а я все наказанія себѣ выжидалъ; думаю: такъ вотъ и разразитъ меня на мѣстѣ. Съ той поры какъ рукой съ меня сняло: убилъ онь моего черта. Съ мѣста я сошелъ, какъ изъ бани вышелъ, легко таково“.

Ссылный этотъ пересталъ воровать и сдѣлался однимъ изъ лучшихъ и честныхъ рабочихъ. Другая арестантская гроза, громившая ссылныхъ на Карѣ въ первое время по открытіи тамъ золотого промысла, напугала палача. Карійскій палачъ торговалъ виномъ и поживлялся около каторжныхъ. За виномъ онь ѣздилъ въ Шилкинскій заводъ и привозилъ его тайкомъ на Кару. Разъ онь наскочилъ со своею контрабандою на самого. Приведенъ былъ къ нему и до того былъ напуганъ свиданіемъ, что затрясся весь какъ въ лихорадкѣ, и не зналъ, что съ собою дѣлать. Начальникъ былъ доволенъ собою и ограничился короткою сценою. „Боишься ты меня?“—спросилъ онь палача. „Боекъ очень!“—отвѣчалъ тотъ. „А какъ очень?“ „Больше Бога!“—отрѣзалъ палачъ—и выигралъ: взыскація не послѣдовало.

Какъ бы то ни было, но это шатаніе по чужимъ дворамъ въ ближнихъ къ заводу селеніяхъ, этотъ мнимый отдыхъ отъ каторги посреди ежечасной заботы о насущномъ хлѣбѣ, этотъ хлѣбъ, горькій и черствый, дѣлаегъ житье на пропитаніи немногимъ лучше самой каторги. Выходовъ изъ него немного и всѣ неблагопріятны. Уйти за границу назначеннаго округа въ чужой, не найдя въ своемъ средствѣ къ

пропитанію, значить, включить себя въ отдѣлъ бродягъ, строго преслѣдуемыхъ закономъ. Гдѣ нибудь и когда нибудь поймутъ, посадятъ въ острогъ, стануть судить, накажутъ и отправятъ туда же или дальше того самаго мѣста, откуда вышелъ. Бродить по домамъ заводскихъ рабочихъ, такихъ же голышей и такихъ же несчастныхъ, значить не идти дальше мелкой кражи и крупнаго за то наказанія. Чѣмъ дольше длитсѣ срокъ, назначенный для этого средняго, неопредѣленнаго переходнаго состоянія, тѣмъ невыносимѣе становится нравственная пытка, тѣмъ запутаннѣе житейскія обстоятельства и печальное житейское положеніе свободнаго поселенца кажется уже какимъ-то раемъ и эльдорадо. Большая часть уходитъ въ бѣга, меньшая хитритъ, скрипитъ и ждетъ своего срока и желаннаго дня. Самая малая часть запутываетъ себя женитьбою и за нею кое-какъ привязывается къ семьѣ, дому и хозяйству. На заводахъ пропитанный крадетъ чужую лошаадь, чтобы поступить въ разрядъ такъ называемыхъ конныхъ рабочихъ. Лошадь дастъ ему лишній заработокъ, лишнюю кроху на семью, лишній грошъ на себя, всегда почти вѣрный и неизмѣнный. Начальство догадывается о кражѣ, пути ея узнаетъ, но молчать объ этомъ агъ, какъ неизбѣжномъ, давно укоренившемся и нѣмлющемъ, въ большей части случаевъ, вѣрный успѣхъ.

У нѣкоторыхъ „пропитанныхъ“ страсть къ воровству доходить до ужасающихъ предѣловъ, граничить съ серьезнымъ помѣшательствомъ и нѣтъ формы положительной настоящей болѣзни. Одинъ, напр., воспиталъ въ себѣ страсть раскапывать могилы, вскрывать гробы и сдирать съ мертвыхъ тѣло одежду. Другіе „пропитанные“ на досугѣ дѣлали порохъ и отправляли за китайскую границу (нашли у многихъ порохъ въ плиткахъ). Иные покупали порохъ у китайцевъ, которые-де „продаютъ его не таясь, а чтобы нашимъ пороху у нихъ не покупать, такого-де запрещенія не слыжали“.

Мудренѣе вести дѣло тѣмъ ссылнымъ, которыхъ забросила судьба въ Перчинскій край и о которыхъ люди, близко ихъ наблюдавшіе, пишутъ такіа строки: „Ссылные, пробывъ большею частью двадцать, а съ добавленіемъ срока работъ за побѣги тридцать и болѣе лѣтъ, по истеченіи этого времени освобождаются отъ работъ и водворяются на поселеніе. Но люди эти—или воры или пьяницы; благонадежнѣе изъ нихъ оказываются тѣ, которые просидѣли на цѣли или пробыви прикованными къ тачкамъ. Иногда бываютъ добропорядочные люди между женатыми, но пьянство—общій порокъ всякаго рода арестантовъ, а бѣдность—удѣлъ каждаго изъ нихъ до той поры, пока не измѣнится къ лучшему настоящая плохая, отжившая свой вѣкъ, тюремная система. По численности преступни-

ковъ, по огромному развитію и разнообразію работъ заводскихъ, улучшеніе быта ссыльныхъ, исправленіе нравовъ преступниковъ въ Сибири— дѣло трудное, а мѣствъ его почти невозможное. Инициатива этого великаго дѣла, по всѣмъ правамъ, принадлежитъ Россіи, должна начаться и совершаться въ русскихъ тюрьмахъ. Въ Сибири людей нѣтъ свободныхъ и способныхъ для такого человѣколюбивѣйшаго подвига и сильный въ Сибири только обязательный казенный работникъ, механическая сила, рабочая машина, которая постольку и цѣнится, поскольку она больше зарабатываетъ. Таковымъ, по крайней мѣрѣ, это дѣло стояло во время нашихъ наблюденій; не знаемъ, какимъ оно будетъ впоследствии.

Что такое, въ самомъ дѣлѣ, „пропитанный“, даже и тотъ, у котораго отпала охота къ бродячеству и лѣни, котораго называютъ лучшимъ и исправнымъ? И получивъ право на 15 десятинъ удобной земли въ надѣлѣ, равномъ съ крестьянами, онъ все-таки воспитался на специальныхъ работахъ такъ, что отбиться отъ нихъ для него нѣтъ расчета, и едва ли не происходитъ оттого все его несчастье. Потому-то, выпущенный на пропитаніе, наприм., на винокуренный заводъ, продолжалъ рубить дрова для печей, топить эти самыя печи, чистилъ виничную посуду, приготовлялъ заторы изъ муки, солодъ на гонку вина, качалъ машиною воду въ сосуды, спускалъ брагу изъ одного ящика въ другой, качалъ машиною раку изъ нижней десяти въ верхнюю, приготовлялъ лѣсъ и дѣлалъ бочки, и проч. и проч. Попадая въ руки контрагентовъ, пропитанные несли еще большую тяжесть. На одномъ заводѣ мы нашли, что положеніе ихъ въ рукахъ казны было гораздо лучше: пропитанные занимали полицейскія должности. У контрагента они поступали въ конные рабочіе, получали лошадь или деньги, которые потомъ вычитались у нихъ изъ плаката, а затѣмъ уже наваливалась на нихъ всякая подходящая тяжесть: вези все, что ни наложить, а за то ему лишнее количество барды для скота, да и только. Эти и дома строили и всякія починки исправляли, а хлѣбъ получали солодѣлый, тотъ самый, который для винокуренъ такъ пригоденъ и который, само собою, контрагентъ покупалъ дешевле обыкновеннаго. Но такъ какъ всякое дѣло тѣсно связано съ сознаниемъ труда чернорабочими, а на сибирскихъ заводахъ былъ принятъ трудъ обязательный, то понятно, что и неудовлетворительность дѣйствій казенныхъ заводовъ явилась неизбежнымъ послѣдствіемъ. „Въ самомъ дѣлѣ, 60 коп. мѣсячнаго плаката на Нерчинскихъ заводахъ и 80 на нѣкоторыхъ солеваренныхъ и 40—20 на винокуренныхъ не удовлетворяютъ простымъ животнымъ, не только человѣческимъ потребностямъ и вынуждаютъ рабочихъ прибѣгать къ кражамъ и другимъ проступкамъ и преступленіямъ. Они воруютъ порученные имъ матеріалы, воруютъ производственные предметы заводовъ, крадутъ время и трудъ, принадлежащіе заводамъ, и все это считаютъ позволительнымъ, тогда какъ кражи и обманы между собою (у тѣхъ, которые вышли на волю) и рѣдки и самими рабочими сильно преслѣдуются“.

На Троицкомъ солеваренномъ заводѣ (Енис. губ., Канскаго округа, въ 193 вер. отъ Канска) на пропитаніе увольнялись отъ работъ только неспособные за старостью лѣтъ и увѣчьемъ и приписывались вмѣсто богадѣльни къ селеніямъ. На Селенгинскомъ солеваренномъ же заводѣ (въ 40 вер. отъ города и 96 отъ Верхнеудинска), по свидѣтельству одной официальной записки, эти уволенные отъ работъ на пропитаніе, переходя въ мѣста новаго жительства, перепродавали дома свои другимъ рабочимъ, которые, въ свою очередь, дѣлали то же самое. „Отъ этого каждый, зная некоренѣлость и шаткость жизни своей на заводѣ и существованія самого завода (который и былъ-таки уничтоженъ), не радѣлъ ни о расширеніи усадебъ, ни о расчисткѣ земель для пашень. А пашни, какъ вообще въ краю Забайкальскомъ, требуютъ еще устройства водопроводныхъ каналовъ для весенней и лѣтней поливки, чему также подвергаются и сѣнокосы, если только они не на лугахъ, поливаемыхъ водой“.

Когда, въ 1838 г., ссыльныхъ раздѣлили на разряды, время пребыванія въ работѣ было ограничено, а дѣтей рабочихъ вѣдно приписать въ крестьяне—всѣ молодыя руки успѣли воспользоваться свободой. Всѣ дѣти ссыльныхъ изъявили желаніе выбыть изъ заводовъ. Казенныя палаты ходатайствовали оставить ихъ на прежнихъ мѣстахъ, но просьба ихъ не была уважена и только кое-гдѣ, „по усиленнымъ убѣжденіямъ“, нѣкоторые пропитанные согласились жить на заводахъ по билетамъ отъ волости, а малолѣтки остались при отцахъ на воспитаніи. Переворотъ 1838 года подалъ только надежды, облегчилъ участь рабочего, но быта его не улучшилъ. Правда, заведены были артели для улучшенія продовольствія и установленъ экономическій капиталъ на помощь при домообзаводствѣ, а между прочимъ и при женитьбѣ; но капиталъ до половины наличнаго количества тратился, вмѣсто главной цѣли, на поимку бѣглыхъ, на различныя и частныя иллюминаціи, на сложение казенныхъ долговъ съ умершихъ и въ награду ссыльныхъ обувью. Артели удержались только при тюрьмахъ, но и тѣ были такъ непрочны, искусственны и легки въ замыслѣ, что опытомъ своимъ не умудрили ссыльныхъ и не выучили ихъ придерживать артельного начала на волѣ, на пропитаніи. Каждый вышедшій на волю дѣйствовалъ уже самъ по себѣ, а всѣ вмѣствѣ, дѣйствіями своими, сложили то убѣжденіе въ умахъ заводскаго начальства, что таковое

Когда, въ 1838 г., ссыльныхъ раздѣлили на разряды, время пребыванія въ работѣ было ограничено, а дѣтей рабочихъ вѣдно приписать въ крестьяне—всѣ молодыя руки успѣли воспользоваться свободой. Всѣ дѣти ссыльныхъ изъявили желаніе выбыть изъ заводовъ. Казенныя палаты ходатайствовали оставить ихъ на прежнихъ мѣстахъ, но просьба ихъ не была уважена и только кое-гдѣ, „по усиленнымъ убѣжденіямъ“, нѣкоторые пропитанные согласились жить на заводахъ по билетамъ отъ волости, а малолѣтки остались при отцахъ на воспитаніи. Переворотъ 1838 года подалъ только надежды, облегчилъ участь рабочего, но быта его не улучшилъ. Правда, заведены были артели для улучшенія продовольствія и установленъ экономическій капиталъ на помощь при домообзаводствѣ, а между прочимъ и при женитьбѣ; но капиталъ до половины наличнаго количества тратился, вмѣсто главной цѣли, на поимку бѣглыхъ, на различныя и частныя иллюминаціи, на сложение казенныхъ долговъ съ умершихъ и въ награду ссыльныхъ обувью. Артели удержались только при тюрьмахъ, но и тѣ были такъ непрочны, искусственны и легки въ замыслѣ, что опытомъ своимъ не умудрили ссыльныхъ и не выучили ихъ придерживать артельного начала на волѣ, на пропитаніи. Каждый вышедшій на волю дѣйствовалъ уже самъ по себѣ, а всѣ вмѣствѣ, дѣйствіями своими, сложили то убѣжденіе въ умахъ заводскаго начальства, что таковое

переходное состояніе—самое обильное побѣгами, и время это самое удобное для бродажества.

Нельзя не прибавить къ тому весьма частаго исчезновенія многихъ сибирскихъ заводовъ, которые какъ бы намѣренно начинали быстро возростать въ одномъ мѣстѣ вопреки всякихъ экономическихъ законовъ, какъ произошло въ Западной Сибири (съ винокуренными заводами), или быстро упраздняться, когда экономическія условія края доводили до сознанія ихъ вреда, какъ случилось въ Восточной Сибири, гдѣ пали два завода винокуренныхъ въ Иркутской губ. (Николаевскій и Ильгинскій), два въ Забайкальской области (Михайловскій винокуренный и Селенгинскій солеваренный), одинъ въ Енис. губ. (Каменскій) и Тельминская суконная фабрика (въ Иркутской губ.). Исторія у всѣхъ одна: либо быстрое возростаніе цѣны на хлѣбъ порождаетъ сильныя и повсюдныя жалобы, либо дурное хозяйство превращаетъ заводы эти въ ветхость. Исторія Тельминской фабрики служитъ прототипомъ. Вызванная искусственно для приготовления солдатскихъ суконъ, она щелкала челноками до тѣхъ поръ, пока не стала требовать исправленій. Прорвалась дыра въ одномъ мѣстѣ, надо бы положить заплату—пшнуть, но отвѣта нѣтъ, а въ это время готова уже другая дыра; опять пшнуть или получаютъ разрѣшеніе, но пока на починку первой. Въ концѣ концовъ, пробойнъ и промоень накопилось отъ времени такъ много, что ремонтъ сталъ дороже капитальной перестройки за-ново. Надо новую одежду шить. Такъ и сказано о томъ, кому слѣдуетъ. Но тѣ подумали было выворотить сукно на изнанку, стали считать, и оказалось, что выгоднѣе было продать ветхость старьевщику и отступить. Позвали покупателей. Тѣ осмотрѣли, одумались и нашли, что ветхость нигуда не годится и покупать ее не стоитъ. А между тѣмъ, фабрика присела и прикормила много рабочихъ, много народу скопилось. Куда его дѣвать? Смотрись—земли забрали старожилы - крестьяне, разумющіе сибирскія дѣла по настоящему, а заводъ изъ ссыльныхъ приготовилъ техниковъ, тотъ знаменитый фабричный народъ, который для поселенческой жизни нигуда не годится. Ткачи такъ и остались со вдавленною грудью отъ постояннаго нажиманія ея у станка, сухіе какъ жимолость, кашляющіе и притомъ гордые сознаниемъ своего достоинства, не позволяющаго имъ смѣшиваться съ вахлаками поселенцами-земледѣльцами.

Ссылные, если сами и уходили на пропитаніе, то дѣтьми своими поступали на пользу заводовъ. Хотя до совершеннотѣи ихъ не велѣно принимать въ работу, но начальство, съображая то, что ихъ все-таки въ это время кормило казеннымъ хлѣбомъ, брало для работъ гдѣ съ 14, гдѣ съ 12, а верѣдко и съ 10 лѣтъ. Потомъ хвасталось: „сыновья ссыльно-рабочихъ

составляли классъ людей самыхъ способныхъ и употребительныхъ при техническихъ работахъ“. По 8-ой ревизіи (1834 года) всѣхъ ихъ велѣно было приписать въ крестьяне ближайшихъ селеній и заводы попали на новую бѣду. Они стали жаловаться: „Не смотря на старанія приохотить ссыльныхъ къ мѣсту, заводскія селенія не распространялись; по минованіи срока работъ всѣ, выходящіе на собственное пропитаніе, отчислялись отъ заводскаго вѣдомства“. Уволеннымъ уже „не производилось ни опредѣленной по заводу платы, ни хлѣба даже и въ тѣхъ случаяхъ, если рабочіе отпускались на временное пропитаніе, когда приостанавливались заводскія работы (на винокуренныхъ, напр., глухое время бездѣйствія тянулось съ 1-го ноября по 1-ое марта). А потому отцы, ухидившіе на пропитаніе, брали съ собою и дѣтей побираться вмѣстѣ съ ними по-міру. Заводскія начальства требовали ихъ возвращенія, но „пропитанные“ старались уходить такъ далеко, что всѣ мѣры оказывались недѣйствительными, и заводы оставались при работахъ изъ вновь присланныхъ ссыльныхъ и кое-какихъ вольнонаемныхъ. Результаты извѣстны: вольнонаемныхъ нѣтъ, конныхъ рабочихъ очень мало, дрова приходятъ въ истощеніе, ссыльные бѣгутъ цѣлыми толпами и заводъ виситъ на волоскѣ, пока не примутъ усиленныхъ мѣръ. Затѣмъ все-таки отвѣтъ одинъ: „Водворить изъ сброда этихъ людей постоянными работниками, сдѣлать ихъ домохозяевами и, наконецъ, коннорабочими не представляется никакой возможности“.

Во всякомъ случаѣ, приготовленіе поселенцевъ изъ каторжныхъ, черезъ переходное и странное состояніе пропитанныхъ, еще до сихъ поръ не достигло желаемой цѣли и не привело къ тѣмъ результатамъ, которыхъ ожидали и которые казались такими красивыми на бумагѣ. На самомъ дѣлѣ, эта мѣра усилила количество бродягъ, увеличила число нищихъ въ Сибири, организовала въ томъ краю цѣлый классъ людей опасныхъ, о которомъ давно пора подумать и позаботиться. Не всегда на пропитаніе уходять люди дряхлые и изувѣченные, но и въ этихъ живуща та язва, которая въ силахъ вліять заразительно на здорové организмы.

Сами ссыльные, долгимъ путемъ страданій, успѣваютъ выработать себѣ кое-какія надежды, заручаются посылнымъ терпѣніемъ и, на безвыходности тяжелой жизни, умѣютъ еще складывать пѣсни и выливать въ нихъ свое горе. Въ горѣ этомъ проглядываетъ и надежда, и терпѣніе и вѣра въ будущее. Въ тюрьмахъ каторжныхъ поется, между прочимъ, такая пѣсня:

Сѣдина ль моя, сѣдинушка,
Сѣдина ль моя молодецкая!
Ты къ чему рано появилась,
Во черны кудри веселилася?
Ахъ ты, молодость, моя молодость!
Ахъ ты, молодость молодецкая!

Я не чаю тебя измыкать.
Ахъ, измыкать я свою молодость
Не въ житье-бытьи, богатствѣ,
Во проклятомъ одиночествѣ!
Измель-то я, добрый молодецъ,
Съ устья до вершинишки
Всю сибирскую сторонушку:
Не нашель-то я, добрый молодецъ,
Ни батюшки, ни матушки,

Ни братцевъ-то—ясныхъ соколовъ,
Ни сестриць-то—бѣлыхъ лебедушекъ;
А нашель-то я, добрый молодецъ,
Полояночку—красну дѣвицу.

Пѣсня эта собственно должна принадлежать поселенцамъ, къ житью-бытью которыхъ и переходимъ теперь.

Г Л А В А V. НА ПОСЕЛЕНИИ.

Сибирское население изъ поселенцевъ.—Худая слава.—Безвыходное положеніе.—Отношенія къ старожиламъ.—Бродяжество и шатаніе.—Пѣсня.—Испорченность поселенцевъ и причины этого явленія.—Прочнаго водворенія семьныхъ не существуетъ.—Бесплодность мѣрь.—Первые шаги семьнаго.—Вражда туземцевъ.—Богадѣльни.—Посельщики.—Неспособные.—Смотрители поселенцевъ.—Воровство.—Свободныя самовольныя поселенія.—Киржаки.—Каменьщики.—Семьныя колонія невѣдомыя и вѣдомыя.—Задичалые поселенцы.—Золотые промыслы.—Поселенцы на прискахъ въ тайгѣ.—Олганджи и міряки.—Евреи въ Сибири.—Иностранцы въ ссылкѣ.—Русскіе раскольники за Байкаломъ.—Цѣтущія хозяйства.—Духоборы.—Уральскіе казаки.—Невинно сосланные и возвращенные.—Поручикъ Козлянской.—Монахиня.—Странникъ Иванъ Захаровъ Спасовъ.—Перемѣна имени.—Неправильность распредѣленія семьныхъ по Сибири.—Палачи.—Презрѣніе къ нимъ и результаты его.—Кнутъ.—Вогачи изъ каторжныхъ.—Чужеземцы въ ссылкѣ.

„Поселенецъ, что младенецъ,—что видитъ, то и тащить“, говоритъ сибирская поговорка, явившаяся результатомъ двухсотлѣтнихъ наблюдений сибиряковъ-старожилъ (потомковъ промышленныхъ людей, доброю волею пришедшихъ въ Сибирь на жительство) надъ тѣми русскими людьми, которыхъ увела изъ Россіи чужая воля и преступленія и для которыхъ придумано новое названіе поселенцевъ.

„Хоть того лучше посельщикъ (будь самый лучший поселенецъ) не вѣрь ему!“—выговорилось сибирякомъ другое изреченіе, имѣющее смыслъ пословицы, какъ руководящаго житейскаго правила, съ тѣмъ отгѣнкомъ въ смыслѣ, что поселенецъ, названный такъ въ отличіе отъ переселенца (доброю волею покидающаго родину для новыхъ и счастливыхъ мѣстъ), превратился уже въ посельщика. Слово „посельщикъ“ на языкѣ сибиряковъ-старожилъ сдѣлалось браннымъ и поселенецъ, слыша его обращеннымъ къ себѣ, глубоко оскорбляется имъ въ равной степени съ другимъ обиднымъ, бьющимъ прямо въ сердце и браннымъ сибирскимъ прозвищемъ—варнакомъ. Сибирякъ, готовый называть бродягу, бѣглаго съ каторги, человѣкомъ гульнымъ, прохожимъ, и даже признавать его на самомъ дѣлѣ таковымъ, сибирякъ, называющій всякаго ссыльнаго, идущаго въ партіи по этапамъ, не иначе, какъ несчастнымъ и даже болѣзненнымъ,—того же сакаго несчастнаго, умудренный опытомъ и короткимъ знакомствомъ съ нимъ, обзываетъ уже посельщикомъ, бранитъ варнакомъ. Слово „варнакъ“ онъ пріурочиваетъ именно къ поселенцу, потому что собственно для ссыльно-каторжныхъ

у сибиряка придуманы другія бранныя слова: хань, хань-майоръ, каторжанъ, чалдонъ.

Слову отвѣчаетъ и дѣло. Хорошо извѣстенъ всѣмъ тотъ фактъ, что только такой старожиль-сибирякъ не задумается выдать свою дочь за пришельца изъ Россіи, за человѣка изъ поселенческаго сибирскаго люда, только тотъ, который сумѣлъ осилить въ себѣ природное предубѣжденіе и успѣлъ стать внѣ общаго народнаго понятія. Становится поселенецъ зятемъ старожила развѣ лишь въ томъ случаѣ, когда дѣйствительно честнымъ житьемъ сумѣлъ смыть съ себя безъ слѣда пятно и клеймо, принесенныя изъ Россіи, или, на крайній случай, такъ заполонилъ сердце красной дѣвицы, что она рѣшилась выйти изъ воли родительской и отдалась доброму молодцу обычнымъ сибирскимъ свадебнымъ способомъ убѣга. Въ этомъ отношеніи положеніе поселенца, дѣйствительно, безвыходное и сваты изъ мѣстныхъ властей, съ казеннымъ способомъ принужденія, до сихъ поръ еще явленіе нерѣдкое, когда имъ вздумается считать его политически-обязательнымъ или экономически-выгоднымъ. Взамѣнъ того, мы видимъ совершенно противоположное явленіе: благодаря предубѣжденію сибиряковъ противъ поселенцевъ, оказывается множество помѣсей съ иностранцами, метисовъ. На р. Оби русскіе обостячились, на Енисеѣ—отунгузились, на рѣкѣхъ Ленѣ, Айдонѣ и Маѣ обьякутились, а за Байкаломъ явилось цѣлое племя карымовъ отъ матерей бурятокъ и монголокъ и отцовъ изъ сибирскихъ казаковъ и русскихъ поселенцевъ. Во второмъ поколѣніи, во внукахъ, во всѣхъ этихъ четырехъ-пяти случаяхъ превращеніе пол-

ное, при недостаткѣ освѣжающихъ русскихъ началъ, за безлюдіемъ и удаленіемъ въ тайгой и пустынной глуши людей славянской расы и русской кости. Всякихъ дикоринковъ въ Сибири не мало, но отчужденіе сибирскаго старожила отъ русскаго пришельца тамъ не диковинка. Въ этомъ отношеніи сибирякъ послѣдователенъ и даже злопамятенъ. Не простилъ онъ шимцамъ стараго грѣха—фабрикаціи фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, и до сихъ поръ зоветъ ихъ блинниками (выражаясь ихъ же условнымъ терминомъ, называя фальшивыя бумажки блинами). Не забылъ сибирякъ, что таровцевъ (жителей г. Тары) когда-то Петръ Великій, за упорство въ расколѣ и за бунтъ 1721 года, велѣлъ сажать на колъ, и до сихъ поръ зоветъ ихъ коловичами, какъ туринцевъ самосадошниками (за тайную сидку вина) и курганцевъ—конокрадами. До сихъ поръ енисейцевъ зовутъ сквозниками (за грѣхи, объясненіе которыхъ не укладывается въ печать) и гробилазами. По поводу послѣдняго охотливо рассказываютъ про нихъ такой случай: плыла-де по Енисею барка, остановилась у города. На баркѣ этой гробъ стоялъ и лежалъ въ томъ гробу покойникъ. Енисейцы приняли гробъ за ящикъ, покойника—за какіе-нибудь продажные присковые товары и, когда заснулъ ночной караульный, они этотъ гробъ съ покойникомъ украли съ барки. Про сосѣдей ихъ, красноярцевъ, у сибиряковъ для укора придуманъ даже цѣлый стихъ, извѣстный въ сибирскихъ странахъ малому ребенку:

Краснояръ
Сердцемъ яры,
Любятъ очень они честь,
Хоть на нихъ козина шерсть.
Оттого они не сильны,
Чте отцы ихъ были смыслны.

Насколько сильно отвращеніе коренного сибиряка отъ пришельца—ярко свидѣлствуютъ тѣ факты, что старожилы не только гнушаются принимать и вводить ихъ, посредствомъ браковъ, въ собственныя семейства, но рѣдкій изъ сибирскихъ крестьянъ охотно соглашается взять къ себѣ поселенца даже на простыхъ обязательствахъ работника-казака. Хотя законъ *) и назначаетъ пошлаката арестантскаго содержанія старожилу, принявшему къ себѣ поселенца, но законъ этотъ болѣе 15 лѣтъ къ дѣлу не примѣняется. Старожилъ гнушается поселенцемъ и дѣлаетъ для него исключеніе развѣ лишь въ томъ случаѣ, когда теревитъ нужда и поселенецъ стучится къ нему въ лѣтнее время. Тогда на уборку хлѣба не хватаетъ хозяйскихъ средствъ, а всю траву скосить ни у одного еще сибиряка-хозяина не доставало собственныхъ, а не наемныхъ силъ. Лѣтомъ сибирякъ посе-

ленца беретъ, зимою гонитъ, но, и принявъ его въ рабочую страдающую пору, стѣсняетъ его всемъ и обижаетъ тѣмъ ни пошло. Старожилы-сибирякъ за грѣхъ этого не считаетъ, зная и тотъ коренной законъ, что „посельщику нѣтъ вѣры и давать ему ее не велѣно“. Условную заработанную плату хозяинъ охотнѣе даетъ поселенцу передъ праздникомъ и на кабакъ, и притомъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы и водку-то нанять выпилъ вмѣстѣ съ хозяиномъ. На необходимое и полезное для работника хозяинъ давать не любитъ, но у него достаетъ соображенія, что если задавать деньги хорошему работнику изъ поселенцевъ исключительно на выпивку и задавать впередъ этихъ денегъ больше, поселенецъ запутается въ тенетахъ неоплаченныхъ долговъ. Онъ долго удержится на одномъ мѣстѣ при тѣхъ условіяхъ, которыя ему, разумѣется, весьма не по вкусу, но для сибирскаго сельскаго хозяина весьма на руку.

Въ притѣсненіяхъ подобнаго рода сибиряки-старожилы послѣдовательны и форма эксплуатаціи чужого труда, посредствомъ чрезвѣрныхъ и неправильныхъ задатковъ, является въ Сибири своего рода закономъ даже и у золотопромышленниковъ. Доказательства тому мы увидимъ ниже при послѣдовательномъ разборѣ обюдныхъ отношеній новыхъ людей со старыми, рабочаго съ наемателемъ. У самихъ же поселенцевъ высказалось это въ цѣлой глѣсѣ, которую, не смотря на ея искусственность, охотно расписываютъ въ Сибири повсюду:

Воля грознаго монарха—
Мы спѣшимъ въ восточный край.
Мы же рѣчкѣ приходили,
И сѣдлись на песокъ.
Тамъ увидѣли—увидѣли
Слѣзнаго старичка на бережкѣ.
Не подалеку въ песочкѣ
Посошокъ его стоялъ,
Хлѣба чорнаго кусочекъ
Въ сумкѣ положень лежалъ.
—Ужь ты, старичекъ любезный!—
(Тутъ одинъ изъ насъ спросилъ)
— Отчего ты такой бѣдный,
Или свѣтъ тебѣ не милъ?
—Ты дитя ли мое милое!
(Отвѣчалъ ему старичекъ):
Ужь я тридцать лѣтъ въ Сибири
И спокою не имѣлъ:
Винокурные заводы
Всѣ состарили меня,
Солеварные заводы
Скрыли бѣлый свѣтъ изъ глазъ.
Отъ крестьянскихъ савотѣекъ *)

*) Савотѣйки въ Сибири—небольшія круглыя булки, сѣренныя на видъ и дурныя на вкусъ. Ихъ выкладываютъ на окна для прохожихъ бродягъ, ихъ подаютъ въ окна прохожимъ и ими же кормятъ тѣхъ изъ бродягъ, которые поступаютъ въ работу. Оттого стрѣлять савотѣекъ—выпрашивать ихъ, на арестантскомъ языкѣ значить бродяжить; оттого-то и мозоли на плечахъ, что только ими и умѣютъ расплачиваться сибиряки съ бродягами за тяжелыя работы на заимкахъ.

*) Ст. 676 Уст. о семл., изд. 1857 г.

Все моголи на площадях;
Отъ пузастаго начальства
Все здоровье расторгать *).

Эта пѣсня едва ли не единственный гласный отвѣтъ самихъ поселенцевъ на всѣ обвиненія, взводимыя на нихъ, но, во всякомъ случаѣ, она прямѣе и непосредственнѣе сядитъ стать только за тотъ разрядъ ссыльныхъ, которые вышли на поселеніе черезъ чистилище, нами уже описанное и для насъ оставшееся теперь назади. Впередѣ и прямо передъ нами тотъ разрядъ ссыльно-поселенцевъ, котораго не оаобляла каторга и не портила въ конецъ безтолковая и бездѣльная бродяжья жизнь. На поселеніе, какъ извѣстно, идутъ изъ Россіи непосредственно осужденные на этотъ родъ наказанія ссыльные, по судебнымъ приговорамъ русскихъ судовъ. На такихъ-то, по преимуществу, „несчастныхъ“, на ихъ-то житейской судьбѣ и бытовой обстановкѣ мы намѣрены теперь сосредоточить вниманіе, въ расчетѣ на частныя видоизмѣненія и кое-какія отлечія, хотя въ общемъ всѣ наши данныя не даютъ намъ никакой возможности рисовать картину самостоятельную и другую. Сами ближайшіе оцѣнщики такого дѣленія не признаютъ и на тотъ и на другой видъ поселенцевъ кладутъ одинаковое подозрѣніе и взводятъ валовое обвиненіе безразлично. Такъ поступаютъ старожилы, которые изъ практики выводятъ даже такое заключеніе, что поселенецъ изъ каторжныхъ, ухидившійся, достаточно пошадившій, „надуровавшійся“ на своемъ вѣку,—сходнѣе и руннѣе для работъ, тѣмъ поселенецъ, прямо пришедшій изъ Россіи и предназначенный для тѣхъ же цѣлей свободнаго труда и вольнонаемныхъ работъ. Первый трудолюбивѣе, добросовѣстнѣе второго и требуетъ только кое-какихъ рѣшительныхъ уступокъ и особенныхъ приемовъ въ отношеніяхъ съ нимъ. Второй, какъ необъязанный конь, настолько еще дикъ и своеобразенъ, что общепринятыхъ приемовъ и способовъ дѣйствія никакъ къ нему не приладишь. Какъ въ первомъ замѣчаются задатки къ непрѣминутому исправленію, такъ во второмъ—наклонность въ противную сторону: нельзя ли и въ Сибири походить по той стезѣ, съ которою свылся, но, по несчастью, сорвался въ Россію.

Общественное мнѣніе единогласно остановилось на томъ, что поселенцы, приходящіе изъ Россіи и поступающіе на жительство, люди испорченные, никуда и ни къ чему не годные. Мало того, они—язва молодой страны, жаждущей свѣжихъ силъ и честнаго труда. Испорченность, безнравственность ихъ до такой степени сильны, что вредно и губительно дѣйствуютъ

* Пѣсня эта, говорятъ, сочинена однимъ ссыльнымъ въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія, вскорѣ послѣ учрежденія атаповъ, по проэктамъ и указаніямъ графа Сперанскаго.

на коренное населеніе, заражая его своимъ тлетворнымъ ядомъ. Какъ въ сѣверозападномъ краѣ Россіи невозможно найти такого старожилы, который не былъ бы глубоко убѣжденъ въ настоятельной необходимости, ради пользы края, въ поголовномъ выселеніи евреевъ въ какія угодно трущобы, такъ рѣдкій изъ коренныхъ сибиряковъ не желаетъ прекращенія высылки изъ Россіи ссыльныхъ, въ тѣхъ же расчетахъ на несомнѣнное и даже близкое пресупяніе своей родины во всѣхъ отношеніяхъ. Съ общественнымъ мнѣніемъ не идутъ въ противорѣчіе и убѣжденія начальственныхъ лицъ, въ отзывавъ которыхъ по этому дѣлу замѣчается изумительное постоянство и сходство. Еще въ 1835 году одинъ изъ сибирскихъ губернаторовъ печаталъ въ своемъ сочиненіи *) о ссыльныхъ, между прочимъ, слѣдующее: „Рѣдко случается, въ особенности лѣтомъ, чтобы ссыльный исполнилъ въ точности обязанность свою противъ хозяина и противъ начальства. Онъ беретъ задатокъ, получаетъ одежду и, не смотря на билетъ, уходитъ въ горы и лѣса, воруетъ, мошенничаетъ и живетъ или едва живетъ. Иногда застагаетъ его глубокая зима и онъ, голодный, замерзаетъ въ пустынѣ. Иногда сталкиваются они вмѣстѣ и составляютъ шайки разбойниковъ, отъ 8 до 10 человекъ; отбиваютъ винтовки у промышленниковъ, лошадей у поселянъ и, подъ начальствомъ атамана, грабятъ крестьянъ, рѣдко проѣзжающихъ и никогда ничего казеннаго. Такихъ шайекъ бываетъ иной годъ двѣ, три. Они жгутъ дома, пытаются на огнѣ хозяевъ и обираютъ все, что можно обобрать. Для нихъ-то учреждены ведеты отъ Ачинска до Красноярска. Вольшая дорога совершенно спокойна, но глухія мѣста подвержены опасности. Казаки, съ помощью крестьянъ, преслѣдуютъ ихъ, уничтожаютъ, дорятъ. Волѣ трехлѣтъ не появлялись они въ Енисейской губерніи и рѣшительно съ тѣхъ поръ, когда Высочайшей волѣ угодно было за поимку ихъ награждать одного храбраго крестьянина медалью. Иногда большими толпами бѣгутъ ссыльные къ Россіи, но Сибирь есть тюрьма колоссальная, съ безчисленными полисадами, въ которыхъ нибудь изъ нихъ бѣглецовъ ловятъ. Это случается, по большей части, къ зимѣ и вотъ, пока идетъ слѣдствіе, пока собираютъ справки, ибо они безпрестанно обманываютъ, ихъ зиняя квартира есть тюрьма“.

Тридцать лѣтъ позднѣе (уже въ 1861 г.) печаталось въ одномъ изъ московскихъ ученыхъ изданій **) уже про всѣхъ сибирскихъ поселенцевъ то же самое, но въ такомъ видѣ: „Слѣдую

*) А. П. Степановъ, енисейскій гражданскій губернаторъ, въ извѣстномъ сочиненіи своемъ «Енисейская губернія», Спб. 1835, ч. II.

**) Чтенія въ Имп. моск. общест. ист. и древ. россійскихъ.

общепринятому порядку, ссыльные, по достижении Тобольска, распределяются по губерниям; въ губерніяхъ они росписываются по волостямъ и отправляются на мѣста въ сопровожденіи кзавковъ, которые, по малочисленности своей, служатъ имъ болѣе провожатыми, нежели конюшми. Въ волостяхъ ссыльные распределяются по деревнямъ и отправляются туда уже по одиночкѣ или нестройными толпами, безъ всякаго полицейскаго надзора. Получивъ, такимъ образомъ, полную свободу, которую не умѣютъ пользоваться, они предаются порочнымъ своимъ склонностямъ: пускаются въ воровство, мошенничество и нерѣдко въ грабительство. Тѣ изъ нихъ, которые по необходимости отыскиваютъ работу, по большей части не исполняютъ своихъ обязанностей ни въ отношеніи къ хозяевамъ, у которыхъ нанимаются, ни въ отношеніи къ начальству. Вернутъ задатки, получаютъ одежду и, обокравъ часто своего хозяина, бѣгутъ отъ него и дѣлаются бродягами. Обширность и малонаселенность края, лишая мѣстное управленіе всякой возможности преслѣдовать ихъ въ свое время, даютъ имъ всѣ средства къ укрывательству до тѣхъ поръ, пока наступленіе зимы не заставитъ ихъ облизаться съ селеніями и искать гдѣ имъ убѣжища отъ холода и голода. Въ этомъ-то положеніи многіе изъ нихъ погибаютъ въ пустыняхъ, а остальные попадаютъ въ руки мѣстныхъ властей. Къ зимѣ всѣ тюрьмы наполнены бродягами, начинаются розыски объ ихъ происхожденіи, а между тѣмъ они, обезпеченные человѣколюбивымъ правительствомъ во всѣхъ естественныхъ нуждахъ своихъ, ведутъ праздную жизнь и, передавая одинъ другому свои преступныя похождения, еще болѣе укореняются въ безравственности. Къ веснѣ окончиваются дѣла о бродягахъ. Они, ежели не откроется уголовныхъ преступленій, послѣ легкаго полицейскаго наказанія, отправляются прежнимъ порядкомъ въ волости и деревни, къ которымъ положительно никогда не присоединяются и возобновляютъ прежніе безпорядки“.

„Крайне трудно (свидѣтельствуетъ А. П. Степановъ) изобрѣсть средства, со стороны казны, удерживать ссыльныхъ отъ побѣговъ“. „Въ 1827 г. сентября 15-го (говоритъ онъ дальше) утвержденъ проектъ поселенія 5.955 ссыльныхъ въ Енисейской губерніи, имѣющей въ предметъ, черезъ усредоточенный надзоръ и занятіе въ хлѣбопашествѣ, удержать преступниковъ отъ побѣговъ и праздности. Поселенія сіи должны заключаться въ 25 деревняхъ: отведена 15-тидесятинная пропорція прекраснѣйшей земли; изъ сихъ поселеній 6 на большой дорогѣ, остальные по сторонѣ. Въ каждомъ дворѣ назначено помѣщеніе четыремъ поселщикамъ: тремъ, какъ работникамъ, и четвертому, какъ хозяину или кашевару. Онъ приготавливаетъ все нужное для своихъ товарищей по тогдашнему хозяйству“.

Каждый ссыльный получилъ топоръ—и дѣса пали подъ руками работниковъ поселеній или будущихъ хозяевъ домовъ. Я видѣлъ уже на большой дорогѣ прекрасныхъ пять селеній оконченными и не могъ ими налюбоваться. Я видѣлъ семь достигающихъ своего конца; я видѣлъ четыре, какъ чертежи, лежали на зеленѣющихъ долинахъ по берегамъ Кана“...

„На это дѣло (продолжаетъ другой авторъ) употреблено до 270 тыс. руб. асс. безвозвратно и, сверхъ того, на продовольствіе поселенцевъ до урожая, роздано имъ около 211 тыс. руб. асс., которые они обязаны были возвратитъ впоследствии, по частямъ. Но благотѣльная сія мѣра не достигала цѣли. Посельщики, едва водворенные, оставили, по большей части, свои дома и устремились къ глухой волѣ, бродяжничеству и преступленіямъ. Это служитъ неоспоримымъ доказательствомъ, что безъ дѣйствительнаго хозяйственнаго быта, т. е. безъ семейства, любви къ собственности и надежды на будущее, никакое свободное поселеніе существовать не можетъ. Но какъ достигнуть этого, гдѣ взять женщинъ для брачныхъ союзовъ, тогда какъ число ихъ въ Сибири вообще составляетъ только около $\frac{1}{3}$ противъ числа мужчинъ, а въ числѣ ссыльныхъ бываетъ ихъ обыкновенно не болѣе $\frac{1}{10}$ часть“?

Между тѣмъ, „большинство поселенцевъ не имѣетъ прочнаго домохозяйства и благосостоянія“, говоритъ одна изъ позднѣйшихъ не напечатанныхъ, но замѣчательныхъ записокъ о поселенцахъ Томской губерніи. „Къ причинамъ этимъ можно отнести: 1) нравственную порчу поселенцевъ и пріобрѣтенную ими до поступленія въ Сибирь, привычку жить не своимъ трудомъ; 2) бѣдное и безпомощное положеніе поселенцевъ при первоначальномъ ихъ водвореніи въ Сибирь, и 3) общее нерасположеніе къ нимъ сибиряковъ-старожиловъ, выражаемое въ бранномъ словѣ: варнакъ, поселщикъ“! Прислушайтесь къ рассказамъ туземцевъ, проверьте ихъ личнымъ внимательнымъ наблюденіемъ, обращайтесь съ запросомъ къ прошедшему и въ официальныхъ и неофициальныхъ сказаніяхъ ищите отвѣта,—ведѣтъ и неизбежно встрѣчается одинъ непреложный выводъ, что положеніе ссыльнаго поселенца въ Сибири далеко не удовлетворяетъ всѣмъ, даже самымъ снисходительнымъ требованіямъ человѣколюбія и цивилизаціи.

Замѣчательная правда объясненій этого факта, приведенныхъ въ запискѣ, обязываетъ насъ къ подробному разбору всѣхъ трехъ, высказанныхъ ею положеній.

На вопросъ, гдѣ происходитъ окончательная нравственная порча ссыльныхъ и пріобрѣтается ими привычка жить чужимъ трудомъ, давно уже готовъ отвѣтъ положительный, прочно вкоренившійся въ общественное положеніе и—должно

сказать правду—отвѣтъ, не подлежащій сомнѣнію. Спрашивайте официальныхъ наблюдателей, спрашивайте самихъ ссыльныхъ о томъ, гдѣ больше и чаще наталкивались они на случай совращенія своихъ помысловъ и убѣжденій съ прямого пути чести и долга,—вамъ единогласно отвѣтятъ: въ тюрьмѣ!

Вникните въ подробности и глубину смысла этого слова, слѣдите за историческою жизнью этого вида государственныхъ учреждений (по тѣмъ немногимъ даннымъ, которыя кое-гдѣ разбросаны), вездѣ и всегда вы встрѣтите одно, что тюрьма или, по просту, острогъ, была складочнымъ мѣстомъ всѣхъ тѣхъ нравственныхъ нечистотъ, которыя порождаются разложениемъ кое-какихъ частей общественного организма. Складчики и носильщики—это тѣ преступные и порочные люди, которыя выдѣляются изъ общественной среды, для ея же безопасности, и которыя тѣмъ съ большею охотою и рвеніемъ исполняютъ свою обязанность, что находятъ себѣ слушателей и послѣдователей. Въ этомъ смыслѣ тюрьмы, послѣ воровскихъ притоновъ и домовъ разврата, были самыми благонадежными и прочными резервуарами, куда способнѣе входить и гдѣ легче скопляться всѣмъ гнилымъ и заразительнымъ миазмамъ, характеризующимъ въ извѣстный моментъ болѣзнь общественного организма.

Чего прежде всего не доставало русскимъ тюрьмамъ? въ чемъ главнѣе всего нуждались русскіе тюремные сидѣльцы? — Отвѣтъ теперь отыскать: нашимъ тюрьмамъ не доставало правильнаго рациональнаго устройства и сосредоточеннаго надзора и вниманія, а заключенные въ нихъ, прежде и главнѣе всего, нуждались въ занятіяхъ, въ работѣ. Трудъ—этотъ основной законъ и главный дѣятель нашего существованія, и притомъ такой дѣятель, участие котораго въ судьбѣ человѣка настолько сильно и важно, что трудъ возвышенъ въ достоинство добродѣтели,—въ нашихъ мѣстахъ заключенія преступниковъ возымѣлъ только теперь достаточно практическое приименіе, въ чемъ могли наглядно убѣдиться посѣтители международной тюремной выставки минувшаго 1890 г. Трудъ, какъ самая добродѣтель, предохраняющей волю человѣка отъ дурныхъ наклонностей, въ тюрьмахъ былъ забытъ, какъ забыто было и то, что если можно что нибудь поставить выше самой добродѣтели, выше встанетъ трудъ, какъ утѣшитель въ нашихъ печаляхъ и какъ всемогущее услажденіе въ нашихъ несчастяхъ. Тѣми и другими въ избыткѣ преисполнилась жизнь большей части тѣхъ людей, которые съѣзъ въ тюрьму, на большую половину такихъ людей эти неудачи и несчастья сложились въ такомъ обиліи, что довели ихъ до преступленія, а затѣмъ лишили свободы.

Съ увѣренностью, основанною на фактахъ, можно сказать, что большая часть тюремныхъ

сидѣльцевъ, а въ особенности тѣхъ, которые приговорены на поселеніе—не что иное, какъ именно жертвы праздности, бродяги. Презрѣніе къ труду выработало изъ этихъ людей особый классъ, организовало ихъ въ самостоятельное цѣлое, обрекло на иной бытъ, не имѣющій ничего сходнаго съ обыкновеннымъ, законнымъ и естественнымъ теченіемъ настоящей жизни. Постоянная жизнь въ праздности привела ихъ къ тому, что они лишились всякой предусмотрительности, основанной на заботахъ и запасахъ на будущее, и всякой энергіи, за отсутствіемъ которой явилось тупое равнодушіе, отнявшее у нихъ даже тѣнь самостоятельнаго характера. Въ бродягѣ неизбежно выяснился первообразъ всѣхъ классовъ злодѣевъ. На почвѣ бродячества свободно улеглось и возросло всякое злое сѣмя, вредное и враждебное обществу. Бродяга, въ видѣ дерзкаго вора, смѣлаго мошенника, конокрада, контрабандиста, съѣзъ въ тюрьму, чтобы оставить въ ней слѣды своей науки и своего опыта и потомъ уже ушелъ въ ссылку на поселеніе, еще болѣе изуродованный и испорченный. Бродягами, людьми легкаго промысла, не требующаго честнаго труда, переполнены наши тюрьмы. У бродяги либо совсѣмъ нѣтъ пріюта и онъ (говоря мѣткимъ выраженіемъ изъ ихъ же искусственнаго языка, ими на досугѣ придуманнаго)—либо „куклишь четырехугольной губерніи“, либо онъ житель каменнаго мѣшка, студентъ палочной академіи или попросту обыватель острога. Острогъ достаточно убѣдилъ насъ (даже въ Сибири) въ томъ, что бродяжій духъ повсюду вѣетъ и цѣлостно живетъ во всемъ составѣ нашихъ тюремъ. Внутренній порядокъ общепитія устроенъ по уставу, принесенному непосредственно изъ мошенническихъ ассоціацій, бродяжскихъ товариществъ. Въ условномъ тюремномъ языкѣ ясны слѣды того языка, который извѣстенъ у столичныхъ жуликовъ и мазуриковъ подъ именемъ музыки.

Какое же понятіе о трудѣ и какія средства къ полезному взаимодействию могли внести въ сибирскія тюрьмы эти люди безъ правилъ, безпечные и лѣнливые до самыхъ крайнихъ предѣловъ возможности! Могли ли они не вліять вредно, не развивать на досугѣ своихъ правилъ, когда и въ тюрьмѣ встрѣчали они безграничный досугъ въ длинные сроки при казенномъ обезпеченіи во всемъ томъ, для чего онъ прежде ходилъ, будучи на волѣ, съ легкими орудіями празднаго и порочнаго человѣка? Тюрьмы стремились только къ одной цѣли—удержать заключенныхъ въ своихъ стѣнахъ (а потому и строились предпочтительно каменными и обставлялись вооруженными часовыми), а зрители старались не уморить сидѣльцевъ съ голода (а потому и руководствовались кое-какими подаяніями и жертвами благотворителей). О томъ, чтобы занять сидѣльцевъ дѣломъ и помѣшать испорченной волѣ развивать

себя на бездѣлы и праздности, въ тюрьмахъ не думали.

Какъ и слѣдуетъ быть жилищамъ бродягъ, людей, подчиняющихъ себя только собственной волѣ, но теперь заключенныхъ, сибирскія тюрьмы ведутъ нескончаемую лѣтопись о различныхъ способахъ къ побѣгамъ, т. е. достиженію того самаго состоянія бродяжества, которое на этотъ разъ дѣлаетъ уже изъ бродяги искателя приключеній и сильныхъ ощущеній въ самомъ широкомъ значеніи этихъ словъ. До тюрьмы бродяга чловѣкъ еще очень терпимый и не всегда опасный; бѣжавшій же изъ тюрьмы бродяга—одно изъ звеньевъ въ цѣпи опасныхъ и вредныхъ классовъ населенія. Между тѣмъ, положительно извѣстно, что ни одна изъ русскихъ внутреннихъ тюремъ не можетъ похвалиться тѣмъ, что въ ней не было сдѣлано подкоповъ и не учинено побѣговъ. Въ самыхъ счастливыхъ изъ нихъ только что не каждый годъ случались эти несчастія. Но для обезпеченія бродяжества надобится на крайній случай паспортъ, какойнибудь видъ и, хотя на первое время, какаянибудь денежная сумма. И вотъ, опять рѣдкая тюрьма не писала въ своихъ ежегодныхъ дневникахъ случаевъ находокъ, при обыскахъ, поддѣльныхъ штемпелей и печатей и ясныхъ слѣдовъ работы фальшивыхъ бумажекъ. Въ этой круговой подчиненности и взаимной зависимости одного преступнаго дѣла отъ другого уже счастливымъ результатомъ должно полагать то явленіе въ нѣкоторыхъ нашихъ тюрьмахъ, когда арестанты начнутъ выпускать на охотниковъ и любителей плоды своихъ работъ въ видѣ голубковъ, искусно сдѣланныхъ изъ лучинокъ, въ видѣ разныхъ бездѣлушекъ точильнаго мастерства, поразительныхъ тщательною и терпѣливою отдѣлкою. Но въ тѣхъ и другихъ, съ одной стороны, нельзя не видѣть большого избытка во времени, истрачиваемомъ на такіе непроизводительные пустяки, а съ другой стороны, нельзя не видѣть и того, что заключенники совсѣмъ не прочь отъ труда, что они все-таки трудятся, хотя трудъ ихъ и не направленъ въ полезную сторону; кромѣ того, нельзя не видѣть также и того, что руководство и наблюденіе приставниковъ слишкомъ вялы, безцѣльны и непроизводительны и собственно сибирскія тюрьмы, въ этомъ отношеніи, стоятъ по своему уровню очень низко.

Если же дѣло стоитъ за случаями, на которые наталкиваютъ осмотры, то мы можемъ указать на одну такую тюрьму, гдѣ арестанты на досугѣ и ради шалостей устроили въ острожной казармѣ малое подобіе питейному откупу со всѣми его департаментами. Въ разныхъ мѣстахъ обширной казармы найдены были застигнутыми врасплохъ различныя питейныя выставки: въ одномъ углу питейный майданъ назывался ведерною, въ другомъ углу носилъ

прозваніе штофной лавочки, въ третьемъ—распивочной. Конечно, въ ведерной продавали не болѣе косушки, въ штофной производили торговлю стаканами, въ распивочной рюмками. Такое устройство существовало въ этой тюрьмѣ—по сознанію самихъ арестантовъ—не одну недѣлю, до того „недостаточна была заботливость о томъ завѣдывающихъ тюрьмами“ и до того не „тѣсно помѣщеніе“! Водку доставлялъ въ острогъ тотъ самый сторожъ, который ходилъ съ ящичкомъ въ аптеку за лекарствами для больныхъ арестантовъ. На открытіе такого подвального натолкнулъ также случай. Разъ онъ, проходя мимо начальства, споткнулся и разбилъ сткланки. Начальство, ошеломленное спиртнымъ запахомъ, не менѣе удивлено было тѣмъ, что и сигнатурки были поддѣльныя, а поддѣливалъ ихъ, какъ показалъ на допросѣ сторожъ, одинъ изъ тюремныхъ фельдшеровъ. Вотъ когда догадался смотритель, отчего отъ многихъ арестантовъ припахивало, а другіе попадались ему и совсѣмъ пьяными.

„Духовныя назиданія совершаются въ немногихъ тюрьмахъ и весьма рѣдко (свидѣтельствуетъ статья „Сѣв. Почты“, составленная по официальнымъ даннымъ). Даже тамъ, гдѣ есть церкви и особые священники, эти послѣдніе всю свою дѣятельность ограничиваютъ обыкновенно совершеніемъ службы въ праздничные дни и вовсе не заботятся объ исправленіи арестантовъ, не говоря имъ ни проповѣдей, ни поученій, и вообще далеко не выполняютъ той обязанности, которая лежитъ на нихъ въ отношеніи порученныхъ попеченію ихъ арестантовъ. Директоры тюремныхъ комитетовъ, хотя и принимаютъ въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ на себя обязанность пещись о нравственномъ совершенствованіи арестантовъ, но дѣятельность ихъ, какъ одиночная и совершаемая по преимуществу безъ системы, мало плодотворна. Большинство между ними остается совершенно равнодушнымъ къ дѣлу исправленія преступниковъ. Обученія арестантовъ не было до послѣдняго времени и лишь только въ недавніе годы заведены въ немногихъ тюрьмахъ школы или, вѣрнѣе, введено обученіе частными лицами изъ благотворительности, безъ всякаго вознагражденія, но и тутъ встрѣчаются затрудненія въ отводѣ помѣщенія. Книги духовно-нравственнаго содержанія находятся въ немногихъ тюрьмахъ, но ихъ арестанты не читаютъ и не хотятъ читать; другихъ же общеполезныхъ книгъ нѣтъ и, по правиламъ, онѣ не допускаются“.

Не только безграмотность заключенниковъ, не только недостатокъ книгъ и отсутствіе духовныхъ назиданій, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и равнодушіе тюремныхъ попечителей должно полагать въ числѣ коренныхъ причинъ тюремнаго несовершенства. Причины эти только косвеннымъ образомъ оправдываютъ существованіе зла, ко-

день которого, несомненно, лежит въ дурномъ устройствѣ всего дѣла, въ неправильности и безтолковщинѣ отношеній между дозорщиками и дозираемыми и, конечно, главнымъ образомъ, не въ одномъ лѣтвомъ отправленіи своихъ обязанностей первыми, но и въ томъ, что обязанностямъ этимъ не придано надлежащаго направленія, духа единства и духа жизни. Живы на бумагѣ, правила эти мертвы въ жизни и на практикѣ произвели на противоположной сторонѣ сильный противовѣсъ, выразившійся въ существованіи тюремной общины. Острогъ, воспользовавшись тѣмъ, что враждебная ему сила, няло дѣйствуя вообще, вооружалась на него урывками, кое-какъ и кое-когда, велъ свою работу систематически и доработался-таки до того, что организовалъ изъ себя отдѣльный міръ, мало похожій на тотъ, который кишитъ за стѣнами его. Въ тюремной общинѣ выдержанность общаго тона поразительна: „онъ составляетъ изъ какого-то особеннаго собственного достоинства, какъ будто званіе каторжнаго составляло какой нибудь чинъ, да еще и почетный“ *). Хотя составъ этого міра и не многочисленъ (бываетъ, впрочемъ, въ нерѣдкихъ случаяхъ не меньше 400 душъ населенія), хотя онъ, повидимому, и изолированъ, какъ отдѣльная община, но для людей, обреченныхъ въ ссылку, изъ одной общинѣ перваго острога онъ только начинается. На пути (въ этапкахъ) онъ только нѣсколько видоизмѣнился, но въ основныхъ чертахъ остался тѣмъ же, а въ сибирскихъ тюрьмахъ достигъ конечнаго своего развитія; „не даромъ,—говорятъ острожные:—чертъ изнасилъ трои лаптей, чтобъ сбить насъ въ кучу“. Всѣмъ своимъ составомъ міръ этотъ противодѣйствуетъ всякимъ начинаніямъ, направленнымъ къ благой цѣли исправленія, и въ немъ-то, главнымъ образомъ, надо видѣть основную причину всѣмъ неудачамъ, испытываемымъ и тюремными зрителями и попечительными комитетами. „Замѣчательно то, что въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ (говоритъ наблюдатель, сидѣвшій съ арестантами), я не видалъ ни малѣйшаго признака раскаянія, большая часть изъ нихъ внутренно считали себя правыми. Это фактъ. Конечно, тщеславіе, дурные привычки молодечества, ложный стыдъ во многомъ тому причиной“. Замѣчательно при этомъ также и то, что руководящія жизненные начала до того выработаны и дѣятельны, что по всѣмъ тюрьмамъ они поражаютъ сходствомъ и въ русскихъ правила тюремной жизни преподаются только новичкамъ. Въ русскихъ тюрьмахъ, однимъ словомъ, начинается та нравственная порча ссылныхъ, отъ которой въ Сибири не знаютъ тѣмъ защититься. Вотъ почему тамъ въ общее сознание прошло то убѣжденіе и желаніе, чтобы исправленіе ссылныхъ начинать во время содержанія въ остро-

гахъ при судѣ, т. е. въ русскихъ тюрьмахъ. По численности преступниковъ, по огромному развитію и разнообразію требованій молодой страны, при недостаткѣ свободныхъ и способныхъ людей на такое дѣло—въ Сибири исправленіе преступниковъ весьма трудно, даже невозможно.

Мы отчасти видѣли прежде, до какой степени бесполезно посылать въ Сибирь преступниковъ, присужденныхъ къ работамъ собственно-каторжнымъ; впоследствии мы увидимъ это еще яснѣе. Теперь остановимся по поводу занимающаго насъ разряда ссылныхъ—на поселенцахъ. Вопросъ о каторжныхъ, по гораздо меньшей численности ихъ въ сравненіи съ количествомъ поселенцевъ, намъ кажется нѣсколько менѣе важнымъ, чѣмъ вопросъ о поселенцахъ. Исключительное назначеніе первыхъ на казенныя работы на промыслахъ и въ рудникахъ, самый способъ примѣненія труда ихъ, подробности содержанія и ничтожность вознагражденія за трудъ ясно показываютъ, что ссылка этихъ людей имѣетъ исключительное значеніе карательной мѣры. Ссылкою хотять ихъ наказывать, работами бесплатными и принудительными имѣютъ намѣреніе привести въ чувство и раскаяніе, да кстати и возмѣстятъ тѣмъ на нихъ неудовольствіе и презрѣніе общества. Совсѣмъ противоположное предполагается въ судьбѣ ссылнаго поселенца: его высылаютъ, чтобы очистить испорченное имъ мѣсто и не дать ему возможности еще больше вредить обществу. Въ разлукѣ съ родиною ему полагается мѣра взыскапія и наказанія, но въ актѣ поселенія его въ новой странѣ видится уже желаніе имѣть въ немъ для новой страны жителя, дѣятеля, со временемъ гражданина, впоследствии на честномъ трудѣ селянина и семьянина, т. е. честнаго человѣка. Можетъ ли онъ быть такимъ, выйдя изъ русской тюрьмы, пройдя сквозь мытарства этаповъ и сибирскихъ тюремъ, наглотавшись ихъ смраднаго и заразительнаго духа?

Русская тюрьма (да и всякая), прежде всего, отрицаетъ всякую собственность: денегъ держать при себѣ нельзя, а также ни табаку, ни водки; платье казенное, пища казенная и ремесло и искусство—также чужое достояніе. Тюремная община, сложенная, какъ мы сказали, бродягами, людьми ничего не имущими, и руководимая и направляемая ими же, такъ какъ изъ нихъ состоитъ большинство тюремныхъ сидѣльцевъ,—въ этомъ отрицаніи собственности ушла еще дальше. Воровство вина у собственниковъ его, табаку у товарищей, заручившихся имъ, не считается за грѣхъ и не виѣняется въ преступленіе. Да и всякое воровство какихъ бы то ни было вещей у зазѣвавшихся союзника до такой степени обычное дѣло, что тюрьма воруетъ поголовно. Бездѣлье породило игру, внезапные обыски денегъ развили пьянство: надо тратить, а то отнять. На пьянство нужны

*) Э. М. Достоевскій (Мертвый домъ).

деньги, взять негдѣ—надо красть либо эти деньги, либо такую вещь, которая стоит денег и которую охотно покупает свой же брат арестантъ, умѣющій выпустить ее за тюремныя стѣны. Обворованный имѣетъ право самъ выслѣдить зазѣвавшагося товарища и на его собственности выместить свою бѣду; въ совмѣстномъ житіи такая круговая порука—дѣло понятное. „Я и самъ бы сдѣлалъ такъ“ — думаетъ арестантъ и только слегка ругается для очистки совѣсти. Вотъ почему тюремное воровство безконечно. Эта болѣзнь такъ заразительна, что разъ попавшій на эту стезю, съ нее не срывается; по пословицѣ: „воръ бѣду избудетъ, опять на воровствѣ будетъ“. Если и существуютъ въ тюрьмахъ замысловатыя и остроумныя хитрости и дозволяются собственные сундучки, воровство тамъ одна изъ сильныхъ и прилипчивыхъ болѣзней, какъ у людей, не имѣющихъ никакой движимой и недвижимой собственности и у которыхъ всякая тряпка въ цѣнѣ. Исключенія въ добрую сторону до такой степени рѣдки, что брать ихъ въ соображеніе мы совершенно не можемъ. Тюрьма есть и школа воровства и первый пробный камень этого замысловатаго искусства. Воровство въ тюрьмахъ доходитъ до изумительной степени совершенства, которому не посвященные въ дѣло съ трудомъ могутъ вѣрить *). Отъ легкаго способа пріобрѣтенія немного шаговъ до страсти къ расточительности послѣ удачи, а потому въ тюрьмахъ собственникъ пропиваетъ все, потому что одновременно развиваются въ немъ и два другихъ недостатка: непредусмотрительность и вѣра въ случай. Последняя очень пригодна для картежной игры, значительно распространенной въ тюрьмахъ и любимой этими людьми сильныхъ страстей и живыхъ темпераментовъ.

Въ такую-то сферу, подъ влияніе такихъ-то началъ и правилъ поступаетъ тотъ, кому судьба судить потомъ сдѣлаться гражданиномъ Сибири, эксплуататоромъ ея богатствъ и сокровищъ! Поступающій изъ бродягъ, разумѣется, не теряетъ присутствія духа. Тюрьма его не пугаетъ. Время, которое онъ въ ней проведетъ, бродяга сочтетъ за неудачный случай въ его бродяжьей жизни, но вскорѣ и въ томъ успокоится, встрѣчая въ тюремныхъ правилахъ и житейскихъ пріемахъ много знакомаго, много того, чѣмъ онъ и самъ руководился до сихъ поръ. Но трудно овладѣть тюрьмою человѣку, оторванному отъ честнаго крестьянскаго труда какимъ нибудь несчастнымъ случаемъ, часто невольнымъ и не во всемъ отъ него зависѣвшимъ. Положеніе этихъ людей въ

*) Напр., въ одной изъ сибирскихъ тюремъ арестанты украли лошадь, на которой пріѣхалъ подрядчикъ — поставщикъ съѣстныхъ припасовъ. Арестанты на подрядчика были сердиты и украденную лошадь спрятали подъ поломъ бани, такъ что искать ее тамъ и въ голову придти никому не могло.

такихъ тюрьмахъ должно, преимущественно, возбуждать состраданіе и больше всего требуетъ защиты и участія, каковыя къ тому же и дать имъ легче. Насколько не затрудняютъ тюремныя обычаи преступниковъ, порождаемыхъ городами, настолько они исключительно и непрежнѣнно дѣйствуютъ вредно на сельныхъ, вышедшихъ изъ деревень и преимущественно попадающихъ на поселеніе (мы это докажемъ впоследствии фактами и цифрами). Остановимся на нихъ.

Пока человѣкъ упорно и крѣпко держался за семейное и общественное право, пока первое обуздывало его примѣрами, а второе — своими учрежденіями, догматами и законами, пока, наконецъ, трудъ увлекалъ его, человѣкъ былъ крѣпокъ обществу и связывался съ нимъ прочно. Но лишь только какое нибудь внѣшнее враждебное возбужденіе, каковы, напр., крайняя и безнадежная нищета, чужіе примѣры, испорченная и безнравственная общественная среда, успѣли зародить въ сердцѣ порочную наклонность и ее воспитать—паденіе не далеко. Кто-то давно сказалъ, что въ праздномъ человѣкѣ уже зародился опасный порокъ, уже гнѣздится въ сердцѣ и преступленіе ждетъ только урѣченнаго часа и поводовъ. Та же общественная среда, которая умѣла до сихъ поръ обуздывать человѣка, сумѣетъ разнуздать страсти, давая изъ себя избытки зла едва ли не въ большемъ количествѣ, чѣмъ сколько давала она добрыхъ примѣровъ и хорошихъ руководствъ. И, теряя въ средѣ своей только порочнаго человѣка, общество уже не терпитъ преступнаго. Преступленіе обязываетъ общество выбросить изъ себя виновнаго и, выбрасывая его вонъ, оно уже отрывается отъ него. Съ этой поры перестаютъ дѣйствовать законы общественные, болѣе уступчивые, мягкіе и терпѣливые. Настаетъ время дѣятельности и проявленія силы другихъ законовъ, для которыхъ уступка, смягченіе и кротость не составляютъ уже обязательнаго и неизбѣжнаго качества. Карающая сила, ищущая возмездія, заступаетъ мѣсто силы, много прощавшей и уступчивой.

Преступникъ, взятый не только изъ среды общества, но изъ собственнаго семейства, становится въ новое положеніе, зависимое и несвободное. Лишенный правъ располагать своею волею, онъ уже заключенникъ, тюремный сидѣлецъ. На первыхъ порахъ эта огромная разниа, этотъ крутой жиаенный переворотъ для неопытныхъ людей не проходитъ даромъ. Они, прежде всего, теряютъ всякую волю и обязываютъ себя на исключительное подчиненіе всѣмъ новымъ порядкамъ чужого монастыря. Ихъ даже намѣренно и застрачиваютъ взятіемъ особой суммы денегъ, такъ называемаго „власянаго“, поступающаго въ обширный тюремный капиталъ. Отъ нихъ настойчиво требуютъ подчиненія об-

рядамъ и обычаямъ общины и серьезно пресѣдуютъ и наказываютъ за всякое уклоненіе жгутами, молчаніемъ, лишеніемъ дорогихъ и завѣтныхъ вещей посредствомъ кражи и проч. Страніе убить волю до такой степени искусно ведется и приспособляется въ тюрьмахъ, что рѣдкіе изъ новичковъ выстаиваютъ, не подчиняясь боевымъ и бывалымъ, каковы бродяги и другіе, не разъ посидѣвшіе въ тюрьмахъ преступники. Угожденіе товарищамъ, желаніе подслужиться имъ и подчиниться имъ—единственный выходъ и въ тюремныхъ общинахъ, какъ дѣйствителенъ онъ же и во всякихъ другихъ товариществахъ, хотя бы даже и въ корпусныхъ, гимназическихъ и семинарскихъ при прежнихъ положеніяхъ. Человѣкъ съ воли и съ широкаго деревенскаго раздолья всегда въ этомъ случаѣ играетъ страдательную роль. Забѣчаютъ, что люди подобнаго закала на первыхъ порахъ безропотно покоряются своей участи, покорны и почтительны къ своимъ начальникамъ и спокойны въ своемъ несчастьи до тѣхъ только поръ, пока пагубные совѣты старшихъ кадетъ, ихъ опасныя примѣры и отчаянность не сдѣлаютъ ихъ столько же развратными, какъ и тѣ. Какимъ образомъ совершается такая переимѣна—это тюремная тайна, но фактъ превращенія происходитъ замѣчательно скоро. Посидѣвшій въ тюрьмѣ нѣсколько мѣсяцевъ (что силно и рядомъ случалось при старыхъ судахъ) превращался уже изъ простошлетнаго, добродушнаго человѣка въ скрытнаго, уклончиваго, ловкаго и опаснаго плута. Эта опасность можетъ исчезнуть только тогда, когда правительство, обязанное заботиться о благосостояніи и свободѣ своего народа, удалить этого преступника вмѣстѣ съ его товарищами и учителями въ другую и отдаленную страну. Тамъ, имѣя меньше возможности вредить кому либо, они должны будутъ заняться работою, отказаться отъ своихъ порочныхъ наклонностей и принять убѣжденія болѣе общественныя и правила болѣе нравственныя, подходящія къ назначенію человѣка.

Общество въ такомъ удаленіи порочныхъ людей нашло для себя залогъ собственнаго спокойствія и нѣкоторой безопасности. Нравственность много выиграла, потому что ссылка предупредила преступленія больше, чѣмъ всевозможныя наказанія, внушивъ страхъ остальнымъ людямъ, находящимся на пути къ преступленію. Пусть вообразятъ они себѣ то отчаяніе, которое причинило ушедшимъ разлука съ родиною, друзьями и ближними навсегда. Между ними могъ попасться мужъ и отецъ, разлученный съ женою и дѣтьми, не пожелавшими слѣдовать въ ссылку. Везъ сомнѣнія, было бы лучше и полезнѣе для человѣчества найти основу преступленій и предупредить ихъ, истребивъ причину въ корнѣ, чѣмъ наказывать преступниковъ; но

какъ бесполезно стараться уничтожить зло, пока человѣческое сердце служить мѣстомъ для страстей, то усиліе отвращать зло—пока единственное къ тому средство, а самый удобный способъ—это ссылка.

Человѣкъ можетъ перенести самую тягостную жизнь, потому что, не смотря на всѣ страданія и несчастья, онъ видитъ возможность избавиться отъ нихъ въ будущемъ и эта надежда его утѣшаетъ. Мысль потерять навсегда то, что ему дорого, уже выше его силъ. И какой неопытенный случай заставъ его въ этихъ размышленіяхъ, развитъ въ немъ сознание преступленія, если бы наши ссыльные находились въ рукахъ людей, разумѣющихъ и опѣивающихъ въ нихъ человѣческое достоинство! То ли бываетъ на самомъ дѣлѣ у насъ, въ Россіи, которой сознательно и справедливо завидуютъ европейскія государства, не имѣющія подъ руками такихъ удобныхъ и счастливыхъ мѣстъ для колонизаціи? Наши ссыльные на пути въ раскаянію попадаютъ въ руки, еще сильнѣе увлекающія ихъ къ пороку, а на дорогѣ въ ссылку наталкиваются на новыя искушенія и соблазны, еще болѣе рѣзкіе, грозныя и гибельныя. Не будемъ же удивляться теперь, послѣ знакомства со всею предшествующею ссылкой обстановкою, тому, что опытные старожилы сибирскіе встрѣчаютъ ихъ недоувѣрjemъ и даже презрѣніемъ. Поговорки сибиряковъ потому и сильны своимъ смысломъ, что характеризуютъ одну изъ главныхъ чертъ поселенцевъ, благоприобрѣтенную въ тюрьмахъ и развиваемую въ Сибири, на самыхъ мѣстахъ поселенія. Дѣйствительно, рѣдкій поселенецъ свободенъ отъ страсти къ воровству, потому что онъ утратилъ въ тюрьмахъ уваженіе къ чужой собственности и потерялъ въ дорогѣ по этапамъ, отъ безчисленныхъ вымогательствъ, послѣднюю надежду на личную собственность. Поселенецъ не отстаетъ отъ тюремной привычки и на мѣстѣ водворенія, потому что, какъ извѣстно, онъ въ Сибири, по прибытіи изъ партіи на „мѣсто причисленія“, пособія не получаетъ и самъ ничего не имѣетъ, кромѣ ветхаго рубища и измызанной обуви, прослужившихъ ему на сотняхъ верстъ. Насколько онъ сохранилъ въ себѣ самоуваженіе, насколько принесъ онъ съ собою сознанія человѣческаго достоинства—это еще вопросъ, подлежащій большому сомнѣнію, послѣ того, какъ привели ссыльныхъ гуртомъ, въ стадѣ, которое и гонятъ къ тому же такъ, какъ будто это не люди, а что-то подобное скотамъ, нѣчто отличное отъ обычныхъ людей. На этапамъ и въ тюрьмахъ нѣтъ особыхъ протестовъ противъ униженія человѣческаго достоинства. Арестанты одѣты такъ, что одеждою ихъ, не обинуясь, можно назвать лохмотьями, хотя лохмотья, на всѣхъ ступеняхъ человѣческихъ состояній, больше всего унижаютъ и се-

честият того, кто покрыть ими. Пища, которую кормят ссыльных, завершая полноту унижения, в то же время качеством и количеством своим немного дает задатковъ къ тому, чтобы ссыльный могъ достаточно сберечь въ себѣ силы для предстоящихъ работъ въ Сибири. Вся обстановка подготовительнаго быта какъ бы наизвѣстно стремится къ тому, чтобы унижить, а по возможности и уничтожить въ человѣкѣ человека.

Этакое путешествіе производитъ наклонность къ бродячей жизни даже и въ тѣхъ поселенцахъ, которые не были до сихъ поръ бродягами, и подрываетъ охоту къ болѣе порядочной, осѣдлой жизни. Тюрьмы приучили поселенца къ грубой и празднои жизни и, во всякомъ случаѣ, сдѣлали его неспособнымъ къ постоянному усидчивому труду, какого требуетъ и въ правѣ требовать отъ него новая страна, дѣятельная земля и новая и незнакомая бытовая обстановка. Отчужденіе отъ семейной и лишеніе правильно размѣренной и устроенной жизни въ концѣ довершили ударъ и произвели окончательную порчу надъ этими людьми, которымъ судьба указываетъ быть колонизаторами богатой страны.

Внушаетъ ли кто до ссылки и во время путешествія арестантовъ въ ссылку о тѣхъ обязанностяхъ, которыя ожидаютъ ихъ на новомъ мѣстѣ? Знакомятъ ли ихъ съ тѣми требованіями, которыя тотчасъ же заявить новая страна, и дадутъ ли даже какое либо понятіе о Сибири? Въмѣсто того, чтобы каждый день и каждую минуту внушать о предстоящемъ счастьи для тѣхъ, которые честно исполняютъ свой долгъ, основанный на трудѣ и предусмотрительности, ссыльные остаются въ томъ же убѣжденіи, что ихъ гонять въ такую темную безпросвѣтную даль, гдѣ, судя по началу, и ждать лучшаго нечего, и надеяться на какія либо льготы и уступки никакъ невозможно. По прибытіи ихъ на мѣста ссылки, принимаютъ ли ихъ лица, спеціально назначенныя для попеченія объ нихъ, долго жившія между преступниками, хорошо изучившія, посредствомъ долгаго и пристальнаго наблюденія, ихъ характеръ, нравы и привычки и, наконецъ, лица, хорошо знакомыя съ требованіями страны, съ сельскимъ хозяйствомъ, съ условіями торговли, съ ходомъ ремеслъ и съ нуждами окольного люда?—Напротивъ, дѣятельность и значеніе смотрителей поселенцевъ ослаблены. Люди, косвеннымъ и прямымъ образомъ вѣдающіе ссыльныхъ, люди случайные, весьма часто новые и, во всякомъ случаѣ, не имѣющіе никакого понятія о томъ, что требуется положеніемъ поселенцевъ. Внимательное изученіе и наблюденіе приведетъ даже къ тому заключенію, что быть поселенцевъ оставленъ на произволъ судьбы. Люди, которымъ они ввѣрены, слишкомъ равнодушны къ нимъ, даже до того, что въ

отношеніяхъ къ ссыльнымъ показываютъ, при постоянномъ равнодушіи, въ моменты вниманія, болѣе раздражительности и несправедливости, чѣмъ правды и сердечнаго участія. Какъ будто ссыльные—лишнее бремя и посторонняя инстанція, которая отвлекаетъ отъ прямыхъ обязанностей по должности, безъ вознагражденія за труды, безъ ежемѣсячнаго жалованья и безъ надежды на награду и отличія. Скажемъ настоящую правду: на всѣхъ дѣлахъ, по отношенію къ ссыльнымъ, лежитъ печать слишкомъ явнаго равнодушія и распущенности. Предупредительныхъ мѣръ никакихъ, карательныхъ очень много, и все дѣло поселенцевъ такъ запутано и въ такомъ заколдованномъ кругѣ, какъ будто изъ него и никакого выхода нѣтъ. Покажемъ все это на фактахъ.

На первыхъ шагахъ въ Сибири, послѣ освобожденія пришельца отъ тюрьмы и этаповъ, къ довершенію бѣды испорченнаго ими человѣка, его встрѣчаетъ обязательство податей, наравнѣ съ крестьянами-старожилами, но отъ повинностей поселенцы освобождаются. Такъ установилъ уставъ о ссыльныхъ 1822 года: „Поселенцы должны были по уставу платить подати, по прибытіи въ волость, съ перваго января; не уплатившихъ во-время уставъ велѣлъ отдавать за приличную плату и содержаніе въ работу старожиламъ. Вообще, они состоятъ подъ строгимъ надзоромъ, пока не обезвѣдута. Для обезвѣденія положенъ пятилѣтній срокъ. Если ссыльный въ это время устроится, то причисляется въ крестьяне и поступаетъ подъ обыкновенный земскій надзоръ; причѣмъ съ перваго по водвореніи года пользуется трехлѣтнею отъ податей и 20-ти-лѣтнею отъ рекрутства льготою и получаетъ собственные деньги, которыя имѣлъ онъ до отправления въ Сибирь. Если же въ теченіи пяти лѣтъ не обезвѣдется, то платитъ положенную подать, оставаясь въ прежнемъ положеніи“. Вотъ чего желалъ гр. Сперанскій и вотъ что оказалось въ примѣненіи на практикѣ черезъ два-три года, судя по словамъ генераль-губернатора Восточной Сибири, написавшаго 20 марта 1825 года: „Съ 1823 по февраль 1825 поступило въ Енисейскую губернію на поселеніе 5.306 и неспособныхъ 476; всего 5.782. При этомъ найдено, что въ губерніи немного уже остается селеній, къ которымъ можно приселять ссыльныхъ, да и тѣ вскорѣ могутъ наполниться и, въ такомъ случаѣ, должно будетъ приступить къ поселеніямъ на счетъ казны. Приселенные ссыльные, бывъ обложены податями, оказываются несостоятельными къ платежу, потому что немногіе изъ старожиловъ могутъ принимать ихъ въ работу, и оттого ссыльные, не имѣя ни занятій, ни средствъ къ пропитанію, самовольно переходятъ въ другія селенія и волости, въ которыхъ или работаютъ изъ-за одного хлѣба или прожива-

ить правдою, со вредомъ для старожиловъ, и́ры же обыкновенной полиціи не сильны кому оставить преграду". Нельзя ожидать скорого водворенія ссыльныхъ, ибо „сверхъ невозможности выдавать имъ деньги вскорѣ по прибытіи въ волости, они поступаютъ въ мѣста своего назначенія въ ноябрѣ и декабрѣ и, не успѣвъ осмотрѣться, находятся въ обязанности платить подать, къ приобрѣтенію которой удобно въ Сибири только лѣтнее время, прочее же затрудняетъ ихъ даже и въ пропитаніи. Почему и остаются они у казны въ долгу и едва ли въ продолжительнѣйшее время будутъ въ состояніи водвориться". То же самое происходило и въ Западной Сибири. Представленія губернатора разрывшны были тѣмъ, что ссыльныхъ, поступающихъ на поселеніе съ сентября до мая, велѣно облагать податями и 50-ти-копеечнымъ сборомъ съ 1 іюля; поступающихъ же съ мая по сентябрь облагать съ 1 января, „дабы они могли воспользоваться рабочимъ временемъ для приобрѣтенія денегъ на подати". Тогда же разрѣшено выдавать ссыльнымъ собственныя ихъ деньги при началѣ поселенія. Въ отвѣтъ на это двѣсти человекъ ссыльныхъ, поступившихъ на поселеніе въ одной изъ волостей Канскаго округа, жаловались (и жалоба ихъ дошла до Петербурга) на то, что съ нихъ, едва лишь они начинаютъ помышлять объ обзаведеніи домами и скотомъ для хлѣбопашества, уже требуютъ подати со всею настойчивостію и, при невозможности уплачивать, продаютъ скудное ихъ достояніе за бездѣнокъ, а сами они отдаются за малую плату (по 25 и 30 руб.) въ годъ въ работники въ тѣхъ же самыхъ селеніяхъ, къ которымъ причислены, тогда какъ и въ другихъ селеніяхъ могли бы они получать гораздо большую плату. Сенаторы, ревизовавшіе Западную Сибирь, удостовѣрились на мѣстѣ въ крайней и величайшей трудности поселщикамъ, по освобожденіи ихъ изъ тюремнаго заключенія безо всего, кромѣ полуизношеннаго, оставшагося имъ казеннаго одѣянна, вдругъ найти средства къ пропитанію домохозяйствомъ и къ платежу податей, и что „собственно отъ сего многіе изъ нихъ впадаютъ въ умныя и даже отчаяніе, а нѣкоторые дерзостивѣйшіе, съ того самаго времени, какъ освобождаются изъ тюремнаго заключенія, ищутъ случая къ побѣгу назадъ въ Россію или начинаютъ въ Сибири новыя преступленія, покушенія на воровство, грабежи и разбой". Эта жалоба вызвала льготные годы и 9 ноября 1832 года постановлено: тѣхъ изъ ссыльно-поселенцевъ, которые обзаведутся, въ теченіи льготныхъ трехъ лѣтъ, хозяйствомъ, записывать въ крестьяне и освободить отъ податей и повинностей еще на три года. Не успѣвшихъ обзавестись велѣно облагать поселенческою податью, отдавать за неплатежъ въ работники и продолжать за ними строгій

надзоръ; по совершенномъ же водвореніи записывать въ крестьяне, но безъ вторичной льготы.

Неопредѣленность положенія ссыльно-поселенцевъ этими мѣрами все-таки не исправлена; намъ приходится убѣдиться въ томъ, что прочнаго водворенія ссыльныхъ не достигнуто. Сибирь, до сихъ поръ, представляетъ страну, гдѣ бродячіе народы мало по малу становятся осѣдлыми, но осѣдые люди сдѣлались бродячими. Ссыльное населеніе этой страны представляетъ движущуюся массу, постоянно перемѣняющую свое мѣсто, гдѣ ни одинъ индивидуумъ не сидитъ спокойно на мѣстѣ. Если у кочующихъ народовъ замѣчается опредѣленный законъ, по которому они совершаютъ свои передвиженія, за то у кочевниковъ изъ осѣдлаго племени людей, вмѣсто закона, всталъ произволъ и передвиженіями ихъ управляетъ какой-то неарійскій и непонятный рокъ. Только нѣкоторая часть этихъ людей обнаруживаетъ опредѣленное стремленіе на западъ, въ Россію, на родину. Остальная часть безразлично и непосѣдливо бродитъ по всѣмъ сторонамъ Сибири, наполняя ея тюрьмы снизу до верку и затрудняя мѣстнымъ власти до крайней степени. Вотъ что говорятъ правдивыя цифры въ подтвержденіе нашей первой мысли. Въ 1833 году принято Сибирью посланныхъ на поселеніе и на житье 5.011 мужч., 970 женщ. Въ 1838 году возвращено изъ Россіи бѣжавшихъ съ мѣсть поселенія 995 мужч., 41 женщина (слишкомъ пятая часть всего количества *).

Въ 1834 г.	принято новел.	4.919 м.	1.291 ж.
» 1835 »	»	5.455 »	1.538 »
» 1836 »	»	7.251 »	1.357 »
» 1837 »	»	6.560 »	1.260 »
» 1838 »	»	5.221 »	1.117 »
» 1839 »	»	6.057 »	1.135 »
» 1840 »	»	6.284 »	1.256 »
» 1841 »	»	6.203 »	1.129 »
» 1839 »	возвр. бѣжавш.	727 »	14 »
» 1840 »	»	813 »	20 »
» 1841 »	»	1.067 »	41 »
» 1842 »	»	826 »	23 »
» 1843 »	»	564 »	15 »
» 1844 »	»	574 »	10 »
» 1845 »	»	506 »	28 »
» 1846 »	»	328 »	16 »

Такимъ образомъ, изъ 52.651 мужч. и 11.123 женщ., посланныхъ на житье и на поселеніе, бѣгали въ Россію 5.800 мужч., 208 женщ., или слишкомъ 10-ая часть всего поселенческаго населенія, вновь собраннаго въ Сибирь за тѣ же девять, случайно нами взятыхъ лѣтъ.

*) Года беретъ на выдержку, но въ сопоставленіи ихъ предполагаемъ, что годъ поселенцы жили на новомъ мѣстѣ, годъ добирался до стараго пеналаща, годъ удалось имъ прожить подъ угрѣвою и защитою родимыхъ, два года посидѣти въ тюрьмѣ за справками и, послѣ долговременныхъ справокъ и стараго суда, черезъ пять лѣтъ снова явиться на осмотръ и учетъ въ Тюмени.

Нѣкогда, въ тридцатыхъ годахъ, подобное яркое явленіе объясняли просто тѣмъ, что „смыльнымъ не нужно поселеній, ихъ желаніе стремиться къ бродяжеству, глупой волѣ и преступленіямъ“, что „побѣги повторяются нѣсколько разъ сряду, пока бѣглецы, узнавъ по опыту невозможность побѣга въ Россію, не сдѣлаются домохозяевами“. Теперь намъ нѣтъ нужды прибѣгать къ такимъ голословнымъ выводамъ, мы достаточно видѣли и причину постоянного скитанія поселенцевъ по чужимъ дворамъ, и доказательства, слишкомъ яркія для того, чтобы считать побѣги въ Россію не только возможными, но и весьма легкими *). Конечно, всему бываетъ конецъ: смыльные поселенцы дѣйствительно дѣлаются, послѣ безчисленныхъ шалостей, преступленій и бродяжества, осѣдлыми. Бываютъ и такіе случаи, что поселенецъ съ перваго раза садится на мѣсто и сидитъ на немъ, не срываясь и не сбѣгая. Но это все частные, отдѣльные случаи; общая картина показываетъ другое. Такъ, наприимѣръ, въ теченіи тридцати пяти лѣтъ **) сослано въ Сибирь на поселеніе и на житье 214.583 человекъ (181.822 муж. и 32.761 жен.), а между тѣмъ, сибирскій край не заселяется въ такой мѣрѣ, какъ это необходимо для его собственного блага и пользы государства вообще. Съ отигомъ, въ 1753 году, смертной казни въ Россіи, изъ русскихъ губерній отправляется въ Сибирь ежегодно около 10 тысячъ человекъ, изъ которыхъ до 8 тысячъ назначается на поселеніе. Казалось бы, что народонаселеніе Сибири должно значительно увеличиться, но факты не оправдываютъ этого предположенія. Не смотря на

*) Разказываютъ за достовѣрное люди, лично знавшіе арестанта, бѣгавшаго въ Ярославскую губ. для свиданія съ семействомъ. Три раза онъ уходилъ изъ Сибири и всѣ три раза дальше Пермской губерніи путь его не простирался. Его ловили, били вкучомъ, отсылали въ рудники; онъ бѣжалъ въ четвертый разъ и уже достигъ до цѣли, сговорилъ жену, явился съ нею къ тамошнему начальству, попалъ въ ярославскую тюрьму, получилъ 60 плетей и снова сосланъ на долгій срокъ каторги, но пошелъ въ Сибирь уже съ женою.

**) Съ 1823 по 1852 и съ 1854 по 1859 годъ. За два года промежуточныхъ и за всѣ послѣдующіе мы не имѣемъ цифръ подъ руками. Въ этомъ числѣ мы, разумѣется, не считаемъ сосланныхъ на каторжные работы. Число каторжныхъ за пѣлѣтные намъ года возросло до 44.503 человекъ (40.357 мужчинъ и 4.146 женщинъ). Такимъ образомъ, число всѣхъ пришедшихъ въ Сибирь смыльныхъ (поселенцевъ и каторжныхъ) равняется 259.086 чел. Считая среднимъ счетомъ на недостающіе намъ года только по 8-ми тысячамъ на годъ, мы получимъ приблизительную цифру съ 1854 по 1868 годъ всего количества смыльнаго населенія, которое дала Сибирь Россіи, около девяносто тысячъ душъ обоого пола. А такъ какъ число каторжныхъ, по отношенію къ поселенцамъ, составляетъ $\frac{1}{4}$ часть, то на одно поселеніе во всѣ 113 лѣтъ поступило въ Сибирь больше 750 тысячъ человекъ.

естественное умноженіе русскихъ старожиловъ, общее народонаселеніе Сибири давно уже остается въ одномъ и томъ же положеніи. Къ числу многихъ причинъ относить также и безнравственность поселенцевъ, ихъ распутную жизнь, а вслѣдствіе того и ту порчу отъ нихъ, которая пускаетъ глубокие корни даже между старожилами. Одинъ изъ старожиловъ выражаетъ такое сѣтованіе: „Исчезло прежнее простодушіе сибиряковъ, которымъ они такъ славились. Обиліе страны и легкость пріобрѣтенія всѣхъ жизненныхъ потребностей породили лѣность, безпечность, а затѣмъ плутовства всякаго рода сдѣлались главными основаніями ихъ дѣйствій“. Отсюда произошло немѣрное возвышеніе цѣнъ на хлѣбъ и другіе продукты. Все это произошло въ такой странѣ, гдѣ „необыкновенное плодородіе почвы, безъ всякаго удобренія, даже обработанной, даетъ нерѣдко урожаи ржи самъ-15-ть и болѣе и гдѣ необъятныя пространства тучныхъ пастбищъ покрывались прежде многочисленными стадами разнаго рода скота! Лѣность и нерадѣніе—вотъ главные виновники всего зла и нужны сильныя мѣры, чтобы остановить эту нравственную болѣзнь. Для этого необходимо: 1) измѣнить въ нѣкоторой степени образъ ссылки и водворенія преступниковъ въ Сибири; 2) изыскать средства къ ихъ занятіямъ, которыя принесли бы большую пользу какъ имъ самимъ, такъ и обществу и государству; 3) принять мѣры къ устраненію, по возможности, безбрачной жизни смыльныхъ; 4) прекратить бродяжничество между смыльными, нынѣ въ Сибири находящимися; и 5) устроить всѣ возможныя мѣры къ прекращенію плутовства при всѣхъ сдѣлкахъ и по всѣмъ отраслямъ промышленности“.

Такова картина, представляемая въ настоящее время бытомъ поселенцевъ, когда взглянемъ на нее попристальнѣе и вникнемъ въ частности.

Ни одинъ еще поселенецъ не уходилъ въ Россію тотчасъ по прибытіи на мѣсто; во всякомъ изъ нихъ довольно еще энергія, чтобы попытаться: не будетъ ли здѣсь лучше, нельзя ли пожить на себя и на семью. Даже въ поселенцахъ, пришедшихъ одиночками, достаточно уберечься покорности судьбѣ и желанія подчиниться своей участи. Надо весьма пожить въ тюрьмахъ и тамъ поучиться, надо много и сильно осмотрѣться и въ самой Сибири, кругомъ себя, чтобы дерзнуть предпринять такое смѣлое и трудное дѣло, каково обратное путешествіе на дальнюю родину. Если, съ одной стороны, чрезвычайно сильно развита и весьма знаменательна въ русскомъ человѣкѣ любовь къ роднымъ мѣстамъ и, при разлукѣ съ ними, желаніе пожить и увидѣть ихъ снова, то, съ другой стороны, понадобятся много сильныхъ причинъ,

чтобы привести въ исполненіе такое дѣло, которое на глазахъ самихъ же поселенцевъ не всегда удается. Въ рѣдкомъ селеніи нѣтъ такихъ, которые были за то наказаны и, возвращенные опять, водворены съ новыми стѣсненіями при кое-какихъ правахъ и льготахъ (отданы въ работники, записаны въ крестьяне безъ вторичной льготы, съ хорошихъ мѣстъ водворены на худшія, побывали въ заводскихъ работахъ и проч.). Между тѣмъ, не рѣдкость такіе случаи, что бѣжали въ Россію семейные поселенцы и уводили съ собою женъ, дѣтей и родственниковъ, пришедшихъ за сельными по собственной волѣ. Конечно, въ большинствѣ случаевъ прочіе сидятъ на мѣстѣ семейный поселенецъ, но опять не диковинка тотъ фактъ, что неудачи и несчастья разбиваютъ семью и члены ея расходятся въ разныя стороны искать пищи и заработка. Отецъ-большакъ дѣлается кукушкою въ истинномъ и переносномъ значеніи слова: либо покидаетъ дѣтей въ чужомъ гнѣздѣ, либо бродитъ по лѣсамъ и дебрямъ, на вѣстяхъ у генерала Кукушкина. Про одиночекъ изъ поселенцевъ и говорить много нечего. Для нихъ, разумеется, уже нѣтъ крикшихъ путей, привязывающихъ къ мѣсту, даже и такихъ, не совсѣмъ надежныхъ путей, какими, по видимому, пользуются семейные ихъ товарищи. Одиночку, а въ особенности вновь прибылаго, старожилъ всегда встрѣчаетъ недружелюбно. Сколько бывало такихъ случаевъ, что поселенецъ, получившій надѣлъ земельного участка, отдавалъ его первому охотнику изъ крестьянъ въ короткому, а самъ брелъ искать счастья въ чужихъ и дальнихъ людяхъ.

Противъ одиночекъ изъ поселенцевъ ставятъ преграду, какъ мы выше сказали, сибиряки-сторожкы, не охотно отдающіе дочерей своихъ за поселенцевъ. Правительство издавна хлопотало объ истребленіи этого предразсудка льготами, острасками, наставленіями и внушеніями синода. Въ 1825 г. женскій вопросъ все-таки остановился на приобрѣтеніи „покункою или вымѣномъ“ отъ сопредѣльныхъ Сибири кочующихъ народовъ дѣтей женскаго пола для вознагражденія недомки въ Западной Сибири женскаго пола. „Приобрѣтеніе дѣтей,—говоритъ сенатскій указъ отъ 11 февраля 1825 г.:—удобнѣе рослыхъ и на будущее время средство сіе упрочиться могло бы съ лучшею удобностью. Довольно употребить для лучшаго успѣха нужную денежную награду тѣмъ, кои таковыхъ женскаго пола дѣтей приобрѣтатъ будутъ“. Малолѣтнихъ дѣвочекъ, окрестивъ въ православную вѣру, велѣно размѣщать по семействамъ, въ женскомъ полѣ наиболѣе нуждающимся, а чтобы содержаніе ихъ не было тягостнымъ, опредѣлить для каждой потребное денежное и хлѣбное содержаніе до 15-ти—лѣтнаго возраста. При выдачѣ за мужъ никогда не принуждать выхо-

дить въ тѣ семейства, гдѣ онѣ воспитывались, а предоставлять каждой въ томъ полную свободу. Расходы по этому предмету дозволено употреблять, по принадлежности, изъ остатковъ сбора на земскую повинность, „яко издержки для общественной пользы потребныя“. Въ 1831 году положено было выдавать 150 руб. казенныхъ денегъ каждому старожилу изъ казенныхъ крестьянъ и мѣщанъ, который отдастъ за ссыльно-поселенца свою дочь или родственницу и приметъ зятя для житія и работъ въ собственномъ домѣ; въ 1840 году принуждены были придумать новую мѣру, вызванную неудачею первой. Женщинѣ свободнаго состоянія, вышедшей въ замужество за поселенца, вступающаго въ Сибирь въ первый бракъ, велѣно выдавать 50 руб. Поселенцу, вступающему въ первый же бракъ со ссыльною, выдается отъ казны 15 руб. сер. безвозвратно и 15 руб. сер. въ десятилѣтнюю ссуду заимообразно. Пробовали заинтересовать и семейства, предоставляя имъ наградныя деньги, если невѣста выходитъ изъ дома, и невѣстѣ самой, если она живетъ отдѣльнымъ хозяйствомъ (указъ 3 мая 1843 г., разъясняющій положеніе 5 апрѣля 1837 г.). Но предначертанія не обезсилили предубѣжденій. Бракъ — этотъ легкій и вѣрный способъ для смягченія сердца, даже у людей жесткихъ, злыхъ и сильно огрубѣвшихъ въ порокахъ, не способствуетъ ни пережѣнью испорченныхъ нравовъ у поселенцевъ, ни служитъ и основаніемъ надежды, что эти несчастные могутъ воспользоваться благотворными послѣдствіями священнаго союза. Браки поселенцевъ въ Сибирь до того большая рѣдкость, что многимъ туземцамъ приходила въ голову мысль исправить это зло посредствомъ переселенія въ Сибирь публичныхъ женщинъ изъ обихъ столицъ и другихъ большихъ городовъ Имперіи, по примѣрамъ, неоднократно повтореннымъ въ царствованіе Екатерины II.

Замѣчательно, что предки нынѣшнихъ сибиряковъ, первые пришельцы русскіе, казаки, воровали себѣ женъ въ Россіи, оправдываясь дозволеніемъ царя Грознаго, выраженнымъ въ грамотѣ атаману Кольцу, подписанной дьякомъ Андреевымъ. На эту грамоту ссылались сибиряки въ 1622 г., когда патриархъ Филаретъ вознамѣрился прекратить зло и послать тобольскому архіерею Кипріану обличительную грамоту. Филаретъ приказалъ выслать въ Москву эту грамоту, какъ несовѣстную съ уставами православной церкви, и поставилъ на видъ: 1) „что въ Сибирь не носятъ крестовъ, не хранятъ постовъ, живутъ съ некрещеными женами, кумами и свояченицами, при отъѣздѣ закладываютъ ихъ на срокъ и, не имѣя тѣмъ выкупить, женятся на другихъ; 2) что духовные вѣнчаютъ безъ оглашенія и потворствуютъ воеводамъ, которые краденныхъ въ Россіи дѣвицъ

продаютъ въ замужество и заставляютъ при себѣ ихъ вѣнчать. Монахины уходятъ изъ обители и живутъ въ мирѣ“. Въ 1637 году прислано было въ Тобольскъ 500 семей и 150 дѣвицъ, для женитьбы казаковъ, изъ Вологды, Тотмы, Устюга и Сольвычегодска. Въ 1728 году сибиряки начали женъ уже покупать; такъ, въ этомъ году дѣлается известнымъ, что русскіе березовцы покупали у остатковъ дѣвочекъ и платили за семилѣтнюю остатку 20 коп. мѣдью. Покупали они и мальчиковъ, которые, того же возраста, стояли 25 копеекъ.

Пособія, выдаваемые поселенцамъ и ихъ женамъ (по 766 ст. Уст. о ссыл.) для поощренія къ семейной жизни и „для улучшенія домообзаводства“, не достигаютъ своего назначенія. Деньги иногда выдаются совершенно бездомнымъ, живущимъ на золотыхъ приискахъ или въ чужихъ домахъ. Надзора за правильнымъ употребленіемъ денегъ никакого нѣтъ. Деньги выдаютъ исправники, которымъ нѣтъ физической возможности наблюдать за тѣмъ, куда истрачены онѣ, даже и волостныя правленія не поставлены ими въ подобныя обязательства надзора. Волостныя правленія знаютъ отъ экспедиціи о ссыльныхъ, что деньги назначены къ выдачѣ такому-то, а когда и сколько получатъ онѣ ихъ—правленіямъ неизвѣстно. Смотрители поселенцевъ не знали даже и того, кому, когда, сколько назначено пособія, и сами губернскія правленія, сообщая въ казенныя палаты о выдачѣ денегъ, не имѣли свѣдѣній ни о времени, ни о количествѣ выданнаго. Само собою разумѣется, что и деньги эти, переходя изъ рукъ въ руки, значительно сокращаются, мельчаютъ и доходятъ по принадлежности въ уменьшенномъ размѣрѣ (волостные писари въ Сибири наживаютъ большіе капиталы). Мы знаемъ случай въ Томской губ. (Канискаго округа), гдѣ, вмѣсто 50 р. сер., получено тремя поселенцами только по 112 р. ассигнаціями, т. е. всего 32 р. сер.; 54 р. завязали въ карманѣхъ передатчиковъ. Вотъ какова процедура выдачи денежнаго пособія на вступленіе въ бракъ: назначаетъ деньги губернское правленіе и сообщаетъ казенной палатѣ; эта предписываетъ казначейству, казначейство выдаетъ исправнику, исправникъ, если не можетъ выдать поселенцу самъ, отправляетъ деньги въ волость. Не лучше ли было бы поступать такъ (во избѣжаніе безполезной переноски и излишней проволочки времени): ассигновать на этотъ предметъ ежегодно известную сумму и тогда назначенныя губернскимъ правленіемъ деньги изъ экспедиціи отсылать прямо въ волостное правленіе, возложивъ на обязанность послѣдняго наблюденіе, а на смотрителей поселенцевъ повѣрку на мѣстѣ, что именно сдѣлано на выданныя деньги, и доносить о томъ экспедиціи? Къ чему былъ припутанъ исправникъ, когда специально для ссыльныхъ учре-

ждены экспедиціи, а смотрители поселенцевъ были ни что иное, какъ писцы экспедиціи?

Болѣе действительными мѣрами по усиленію женскаго населенія въ Сибири оказались слѣдующія мѣры: 1) жены крѣпостныхъ людей, пересылаемыхъ въ Сибирь по волѣ помѣщиковъ, обязаны были слѣдовать за мужьями, хотя бы, по рожденію своему, онѣ принадлежали къ состоянію свободному съ дѣтми (указъ 22 марта 1832); 2) воспрещено евреямъ слѣдовать въ Сибирь за женами ихъ, ссылаемыми туда на поселеніе (указъ 1 окт. 1827); 3) дозволено евреямъ слѣдовать за мужьями только съ дѣтми женскаго пола (указъ 1836 г.); 4) позволенъ бракъ поселянокъ съ каторжными.

Если, такимъ образомъ, уходъ поселенцевъ съ мѣстъ водворенія въ русскую сторону вызывается, въ одно время, и тоскою по родитѣ и негостепримствомъ новаго мѣста и новыхъ соседей, то вообще тасканье по чужимъ людямъ и въ сосѣдствѣ вынуждается другими причинами, въ которыхъ поселенцы также мало повинны и являются страдательными участниками. Въ число бродягъ и въ это званіе, поставляемое въ укоръ поселенцамъ, попадаютъ въ Сибири силошь и рядомъ даже тѣ изъ нихъ, которыхъ, собственно, этимъ именемъ и называть несправедливо. Такъ, напр., губернскіе остроги и остроги тѣхъ городовъ, въ которыхъ бывають торговые и промышленные сѣзды (въ видѣ ярмарокъ, базаровъ и сѣздовъ для найма на золотые промыслы), часто пережолываются, подъ видомъ бродягъ, тѣми изъ поселенцевъ, которые переняли за предѣлы района, дозволеннаго закономъ. Какъ извѣстно, по распоряженію высшаго начальства, поселенцы, по прибытіи на мѣсто, не имѣютъ права отлучаться изъ своей волости въ продолженіи двухъ лѣтъ, полагаемыхъ достаточными для обзаведенія хозяйствомъ. Мѣра эта, благодѣтельная по принципу, когда сопровождается правильнымъ надзоромъ, безъ матеріальнаго пособія въ неблагоприятномъ положеніи поселенцевъ не приноситъ пользы даже и на половину. Для хозяйства нужны деньги и упорный трудъ; у большей части поселенцевъ нѣтъ гроша мѣднаго, а мовоприбылымъ и собственнымъ денегъ ихъ не выдаютъ до окончательнаго ихъ водворенія; въ тому же этапы и тюрьмы выучили враждебнымъ труду началамъ. Ссылнымъ идти въ другую волость, гдѣ сильнѣе требованіе на работника, идти въ городъ, гдѣ всегда вѣрнѣе заработокъ—и попадаетъ въ тюрьму. Въ тюрьму попадаетъ безъ разбора даже и такой, который шелъ по приглашенію и съ намѣреніемъ непременно заработать деньги для платежа податей и собственной надобности. Въ томскомъ острогѣ, въ концѣ іюля 1858 г., сидѣло такихъ поселенцевъ 20 человекъ; и такіе минимые бродяги содержатся нерѣдко отъ 6 мѣсяцевъ до 1 года и болѣе, всѣ—изъ

водворенныхъ въ ближайшихъ къ Томску волостяхъ, всё—прѣбывавшіе на базаръ и взытые „за безнѣсьменность“. Эти люди, просидѣвшіе въ тюрьмѣ лѣтніе мѣсяцы, необходимые для крестьянина, нерѣдко приходять въ крайнее разореніе, особенно, если таковой поселенецъ одинокій человѣкъ. Пока онъ сидитъ въ тюрьмѣ, у него растаиваетъ и послѣднее достояніе, и только лишь вынелъ изъ нее—онъ уже пролетарій насквозь и не плательщикъ никакихъ податей. Въ томъ же томскомъ острогѣ пишущій эти строки, въ числѣ этого сорта бродягъ, видѣлъ и такого, который при нашемъ появленіи, вслѣдъ за другими, сползъ было съ наръ, хотѣлъ встать на ноги и тотчасъ же, противъ собственной воли, опрокинулся снова на наръ. Этотъ несчастный былъ дряхлый старикъ, суторбый, съ одышкой, весь искалеченный и до невозможности слабый, какъ можетъ быть слабъ сибирскій поселенецъ въ 76 лѣтъ и уже давно записанный въ разрядъ неспособныхъ. Сидѣлъ этотъ безногій старикъ, этотъ живой мертвецъ, также за бродяжничество и отвѣтъ его о причинахъ ареста, сказанный громко и съ кашлемъ, вызвалъ неудержимый хохотъ всей серьезной казармы. Несчастный, вмѣсто богадѣльни, попалъ въ тюрьму.

Изъ богадѣль, назначенныхъ для ссыльныхъ поселенцевъ, намъ извѣстны двѣ, обѣ въ Томской губерніи. Выстроеныя въ г. Маринскѣ (недавноемъ селѣ Кіѣ—бойкомъ и достославномъ гвѣогда пунктѣ найма рабочихъ на золотые промыслы) содержалась опратно и даже щеголевато, но въ ней помѣщалось только 20 чел. На 20 же человѣкъ устроена и другая намъ извѣстная богадѣльня въ Боготолѣ (селеніи Маринскаго округа). Про третью (и послѣднюю для всей Томской губерніи) богадѣльню въ селѣ Покровскомъ (Канискаго округа) мы знаемъ то, что она занимала два ветхихъ дома, надѣленныхъ огромнымъ дворомъ, который обнесенъ полуразвалившимся плетнемъ. Но въ этой помѣщались избранные счастливыя, тогда какъ сотни другихъ „неспособныхъ“ терпѣли холодъ и голодъ въ полнѣйшемъ значеніи этихъ словъ. Въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ находятся волостныя правленія, существуютъ такъ называемыя частныя богадѣльни или, вѣрнѣе сказать, „полуразвалившіяся лачужки, гдѣ лежатъ на клочкахъ соломы полунагіе, въ изорванныхъ рубищахъ, дряхлые и совершенно безпріютные поселенцы безъ всякаго приврѣнія. Кто изъ нихъ можетъ передвигать ноги и бродить по-міру, тотъ собираетъ малые куски для своихъ товарищей, лишенныхъ силъ просить даже милостыню. Здѣсь, такимъ образомъ, бѣдность и нищета являются въ самомъ грязномъ и отвратительномъ видѣ“ *). Между тѣмъ обѣ губерніи,

Тобольская и Томская, по силѣ указа сената (18 іюля 1853 г.), предписывающаго отсылать всѣхъ поселенцевъ въ Восточную Сибирь, оставались, преимущественно, при прежнихъ поселенцахъ, дряхлыхъ и слабыхъ старикахъ, которые не только не могли обзавестись домами, но и прокормить себя трудомъ рукъ своихъ.

Разрядъ „неспособныхъ“, какъ извѣстно, опредѣляется тюменскимъ приказомъ о ссыльныхъ, который распредѣляетъ всѣхъ ссыльныхъ поселенцевъ по четыремъ губерніямъ и по пяти категоріямъ (во временные заводскіе рабочіе, въ ремесленники, въ цехъ слугъ, на поселеніе и на житье и въ неспособные). При этомъ, судя по табели тобольскаго приказа за 29 лѣтъ (1828 по 1852 г.), замѣчательно то, что во временные заводскіе рабочіе изъ всего числа поступило всего больше въ бывшую Омскую область; ремесленниками обильнѣе заручилась Тобольская губернія, слугами она же (своя рука—владыка). На поселеніе и житье больше ушло въ Енисейскую губернію, а на Томскую, въ утѣшеніе, всего больше досталось неспособнаго люда. При этомъ особенно замѣчательно, что на Томскую губернію во всѣ 29 лѣтъ попало только четыре ремесленника. Предѣлы статьи не позволяютъ намъ уходить въ дробныя частности, представляемыя табелями приказа (смыслъ которыхъ мы разъясняемъ въ отдѣльномъ трактатѣ). Возвращаемся снова къ поселенцамъ, которые уносятъ насъ снова въ сторону и опять на торную дорогу ихъ бездомовнаго скитанія и безкончнаго бродяжества. На этотъ разъ, вмѣстѣ съ самими поселенцами, мы радуемся тому счастливному случаю, что нѣкоторымъ удастся сразиться со всѣми трудностями и препятствіями перваго обзаведенія, и они заводятся хозяйствомъ и попадаютъ въ число бродягъ только по ошибкѣ, вслѣдствіе недоразумѣній. Другіе, достаточно поматавшіеся, находятъ пріютъ, но тамъ, гдѣ ихъ не ожидаютъ, и такъ, что въ Сибири ихъ за то не одобряютъ. Но первымъ хуже, вторые счастливыѣ; докончимъ о первыхъ, намъ остается сказать немного.

селепцевъ, проживавшихъ въ частныхъ избушкахъ, получили одежду, обувь, бѣлье и дневное пропитаніе. хлопотами того же лица составлены были проекты о постройкѣ въ волостяхъ домовъ для приврѣнія поселенцевъ. По даннымъ главнаго тюремнаго управленія, представленнымъ международному тюремному конгрессу, видно, что въ 1890 г. существовали: богадѣльня для ссыльно-маторжныхъ при Александровскомъ заводѣ; дѣтскій пріютъ при Нижне-Барейскомъ промыслѣ; въ 55 верстахъ отъ послѣдняго промысла устроено, въ видѣ опыта, въ 1884 г. селеніе изъ ссыльно-ваторжныхъ, освобожденныхъ на житье въ тюрьмы и имѣющихъ семьи; въ немъ теперь 14 домохозяевъ, занятыхъ преимущественно земледѣліемъ. Въ 1883 г. такое же поселеніе организовано въ 7 верстахъ отъ Покровскаго рудника, гдѣ живетъ 10 домохозяевъ.

*). Состраданіе и участіе благороднаго чловека, написавшаго эти строки, вызвали до нѣкоторой степени облегченіе ихъ участи; 18 по-

Если благоразумному и предусмотрительному поселенцу удастся каким-нибудь образом выстроить себѣ домъ и обзавестись маленькимъ хозяйствомъ, онъ и тогда не избѣгаетъ разныхъ притѣсненій. Между прочимъ, ему не даютъ въ достаточномъ количествѣ ни земли, ни луговъ. Поселенцы единогласно и повсюду жалуются, что лучшія земли и покосы остаются въ пользованіи старожиловъ, что старожилы постоянно ихъ окашиваютъ и опаливаютъ. Во многихъ мѣстахъ на притѣсненія, дѣлаемыя въ земляныхъ угодьяхъ, жалуются не только поселенцы, но и бѣдные крестьяне-старожилы. На это зло въ Сибири давно сложился крупный типъ мироѣда — богатѣя. Ерофей Хабаровъ, знаменитый герой Амура, былъ однимъ изъ первыхъ, положившихъ начало и корень такимъ алчнымъ пріобрѣтателямъ и обидчикамъ. Знаменитый богатъ Кандинскій, ворочавшій въ недавнія (уже въ наши) времена всѣми торговыми и промышленными дѣлами дѣлой половины Забайкалья, т. е. всего Нерчинскаго края, былъ не послѣднимъ. Простодушіе сибирскаго люда привыкло видѣть въ такихъ ловкихъ капиталистахъ не только первыхъ и коренныхъ цѣновщиковъ ихъ труда, но и соотѣнниковъ во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ и политическихъ вопросахъ. Если время и ослабило ихъ деспотическую дѣятельность и грозный образъ Хабарова, — отнявшаго у поселенца жену и поколотившаго и искалѣчившаго якутскихъ поселенцевъ, присланныхъ въ Киренскъ на его заимку для поселенія, — значительно поблѣднѣлъ теперь. Онъ измельчалъ, но все-таки идея его живуща и способы эксплуатаціи чужого труда все тѣ же. Не такъ крупны, грубы и жестоки сдѣлались припадки, но болѣзнь все еще гнѣздится въ организмѣ. Больныхъ такихъ числомъ стало еще больше и нѣтъ въ Сибири околотка, гдѣ бы какой-нибудь мироѣда не путалъ въ своихъ крѣпкихъ тенетахъ и простодушныхъ старожиловъ и беззащитныхъ поселенцевъ. Въ Россіи такіе люди уже не такъ сильны, въ Сибири они еще поражаютъ силою своего вліянія, прочностью положенія, не смотря на то, что со стороны властей дѣлались на нихъ энергическія вылазки и насакивала коса на камень, но не вездѣ. Западной Сибири въ этомъ отношеніи счастливилось меньше Восточной. Мироѣды эти, извѣстные каждый въ своемъ околоткѣ подъ шутивымъ прозвищемъ „губернаторовъ“, во многихъ мѣстахъ поражаютъ до сихъ поръ крупными дикими чертами, какъ почти все въ этой сильной и дикой странѣ, называемой Сибирью. Обидчики, вродѣ купцовъ Л..., П... и другихъ, и для Западной Сибири настолько сильны, что быть поселенцевъ, успѣвшихъ водвориться, значительно утѣсненъ и обездоленъ.

Присяжные защитники поселенцевъ, такъ называемые смотрители, настолько слабы значеніемъ своимъ передъ богатыми тузами, умѣю-

щими хорошо кормить и угощать, и настолько ничтожны вліяніемъ, парализованнымъ вѣщательствомъ болѣе крупныхъ властей, что на нихъ даже и крестьяне смотрять съ пренебреженіемъ, только за то, что они, хотя и чиновники, но все-таки предстатели поселянцевъ. Общее, вкоренившееся недоброжелательство къ поселенцамъ до того сильно въ сибирскихъ крестьянахъ, что они, всегда считая ихъ чуждыми своего общества въ дѣлахъ ни интереса, ни парія. Отсюда передъ крестьяниномъ поселенецъ всегда виноватъ. Смотрители, вмѣсто того, чтобы быть адвокатами и посредниками въ дѣлахъ поселенцевъ, нѣтъ строгого наблюденіе за сборомъ съ нихъ податей, принимать должныя мѣры къ устройству ихъ быта, — на самомъ дѣлѣ остаются безъ правъ (которыхъ имъ не дано). Въ своихъ дѣйствіяхъ они постоянно встрѣчали оппозицію со стороны земскаго и волостного начальства. Оттого положеніе смотрителей было пассивнымъ. Сибирскій крестьянинъ, привыкшій передъ всякимъ новымъ челоѣкомъ снимать шапку, передъ поселенческими смотрителями этого не дѣлалъ, смѣло оправдываясь тѣмъ, что онъ-де крестьянинъ, а не поселенецъ. Волостныя правленія не исполняли никакихъ смотрительскихъ требованій, какъ бы желая, чтобы права смотрителей были болѣе укрупнены, чтобы административныя и хозяйственныя дѣла поселенцевъ, для пользы и блага послѣднихъ, исключительно были переданы въ ихъ вѣденіе и проч. Сюда находились необходимыя отвести слѣдующія обязанности: увольненіе поселенцевъ на работы и золотые промыслы, выдача билетовъ, сборъ податей, всю отчетность въ денежныхъ суммахъ, заботы о бытовыхъ нуждахъ въ качествѣ депутата при исковыхъ дѣлахъ между поселенцемъ и крестьянами. И тогда на смотрителей возлагали обязанности, подобныя заведенію алфавитовъ, приведенію въ порядокъ всегда сильно запущенныхъ дѣлъ по поселенческой части, но все это въ формѣ временныхъ правилъ и частныхъ распоряженій. Права и обязанности смотрителей закономъ совершенно не были опредѣлены, а съ 1841 г. поселенцы и всѣ дѣла объ нихъ переданы были въ земскія полиціи. Между тѣмъ, уже въ 1852 году замѣчено было, что незаконный поборъ за выдачу билетовъ на золотые промыслы началъ, въ особенности, возвышаться съ тѣхъ поръ, какъ выдача билетовъ перешла изъ вѣденія смотрителей въ вѣденіе волостныхъ правленій. До 1841 года злоупотребленій было меньше, сборъ податей шелъ успѣшнѣе и недоимка на поселенцахъ начала значительно накопляться съ 1842 года.

Когда, подъ вѣденіемъ земской полиціи, поселенческія недоимки стали значительно возрастать и возбудили серьезную заботу и когда изслѣдованы были ближайшія причины (не во мно-

гомъ отъ самихъ поселенцевъ зависѣвшія), то замѣчена была одна любопытная. Подати съ поселенцевъ, какъ извѣстно, собираютъ особые сборщики изъ крестьянъ, отличающіеся добросовѣстнымъ исполненіемъ обязанностей относительно земляковъ — односельцевъ. По отношенію же къ поселенческимъ деньгамъ, въ силу общественнаго положенія поселенцевъ и обыкновеннаго взгляда на нихъ, сборщики податей нерѣдко взысканныя деньги совѣтъ не представляли, или сдавали въ уменьшенномъ количествѣ или, наконецъ, дѣлали такимъ образомъ, что взысканныя съ поселенцевъ подати вносили за крестьянъ — своихъ родственниковъ или пріятелей. Если крестьяне уплачивали, то сборщики вносили за поселенцевъ, въ противномъ случаѣ оставляли такъ, какъ было дѣло, и на плательщикахъ считалась недоимка увеличенною. Къ тому же волостное начальство, по укоренившемуся съ давнихъ временъ обычаю, собирало подати съ однихъ наличныхъ поселенцевъ, занимающихся на приски, при выдачѣ имъ билетовъ, и то не всегда, за цѣлый годъ, а только за половину слѣдующаго. Недоимка росла на безчестье поселенцевъ и на валовое обвиненіе ихъ, а между тѣмъ волостныя правленія сами не исключали изъ списковъ умершихъ, бѣжавшихъ и выбывшихъ разными случаями или оказавшихся, по медицинскому свидѣтельству, неспособными къ работамъ (при чемъ крупнѣе цифра недоимки за умершими, потому за несособными и, наконецъ, за бѣжавшими). Казначейства считали недоимки также неправильно, насчитывали большія цифры. Исправный платежъ податей падалъ не на общество, а на личную отвѣтственность каждаго поселенца. Между тѣмъ, поселенцы, уличенные въ новыхъ преступленіяхъ, до рѣшенія дѣла сидѣли въ тюрьмахъ иногда по нѣскольکو лѣтъ, податей въ это время не платили, а недоимка росла. Между тѣмъ, экономическій капиталъ ссыльныхъ, нарастающій отъ взносовъ поселенцевъ и не идущій на нихъ, — значительный. Изъ этого капитала весьма малая часть тратилась на леченіе ссыльныхъ въ больницахъ, а добрая доля его прилагивалась обыкновенно къ какому нибудь крупному предпріятію, совершенно стороннему и ничего общаго съ дѣломъ ссыльныхъ не имѣющему (вродѣ, напр., пріобрѣтенія Амура, яму котораго долгое время хорошенько завалить не могли). Каторжныхъ увольять отъ обязанностей, причислять къ какой нибудь волости, на томъ всѣ и работы покончатъ, а тамъ хотя трава не растетъ. Стяни что нибудь, иди въ кабакъ и опять ступай на прежнюю дорогу, въ каторгу или на заводъ, смотря по преступленію или проступку, обличившему тебя, горемыка!

Преступленія, за которыя судятся поселенцы въ Сибири, группируются болѣе крупною цифрою около такъ называемаго преступленія „по-

бѣга изъ Сибири“; затѣмъ слѣдуетъ воровство со валомомъ, — преступленіе, которое служитъ обыкновенно коренною причиною ссылки поселенца, а въ Сибири является слѣдствіемъ безвыходности положенія. Затѣмъ поселенцы дѣлаются убійцами, потому виновными въ развратномъ поведеніи (въ особенности поселенки), въ побѣгахъ изъ — подъ стражи, во валомѣ тюремъ и въ дѣланьи фальшивыхъ билетовъ *). Число другихъ поселенческихъ преступленій, по количеству и сравнительно съ предыдущими, довольно незначительно, чтобы дѣлать какіе либо серьезные выводы. Во всякомъ случаѣ, они не такъ многочисленны, какъ можно бы было ожидать при условіяхъ бродяжьей жизни, при сильно развитомъ въ людяхъ этихъ нѣяствѣ и по тому поголовному обвиненію, которое возводятъ на нихъ люди, судящіе не по цифрѣ и скрытому въ ней смыслу, а изъ своекорыстнаго расчета оправдать свою неправильную дѣятельность или совершенное бездѣйствіе. Исканіе одной дикой воли и совершеннаго бездѣйствія, въ которыхъ эти люди находятъ оправданіе себѣ и обвиненіе поселенцамъ, — аргументы крупныя и сильныя на бумагѣ, но на дѣлѣ не выдерживаютъ критики. Всякій человекъ ищетъ для себя лучшаго — таково свойство людской природы. Вообще, всѣми давно признано, что человекъ остается охотно тамъ, гдѣ ему хорошо, охотно работаетъ и трудится, когда его положеніе кажется ему сноснымъ и когда постоянныя неудачи и препятствія не доводятъ его до утраты вѣры въ себя и не уничтожаютъ его бодрости. Не забудемъ, что поселенцы довольно часто приходятъ съ семействами: въ 29 лѣтъ двѣсти тысячъ сосланныхъ на поселеніе лицъ обоаго пола увлекли за собою семнадцать тысячъ пришедшихъ по собственной волѣ женъ, дѣтей и родственниковъ. Въ той же Сибири имѣются доказательства противнаго, слишкомъ опредѣленные, но достаточно не изслѣдованныя. Въ Сибири нѣтъ того мѣста, гдѣ бы не жили старовѣры или, по тамошнему, киржаки и гдѣ бы не рассказывали за вѣрное, что рѣдкій изъ этихъ богачей не имѣетъ собственной деревушки, куда онъ ѣдетъ, какъ помѣщикъ, и встрѣчается, какъ архіерей. Сюда, по завѣту отцовъ, богатые киржаки за удовольствіемъ полагаютъ для своей души принять всякаго странника и тщательно уберечь его отъ грядущихъ напастей и

*) Въ теченіи 9 лѣтъ (съ 1838 по 1847 годъ) всѣхъ поселенцевъ присуждено въ Сибирь 6.829 мужчинъ, 301 женщинъ, — цифра, уступающая, однако, преступникамъ изъ бродягъ, которыхъ за тѣ же годы присуждено 14.861 мужчинъ, 3.785 женщинъ, и преступникамъ изъ каторжныхъ; по числовому отношенію общаго количества тѣхъ и другихъ, число каторжныхъ въ 6 разъ меньше общаго числа поселенцевъ, но всѣхъ каторжныхъ, за тѣ же годы, осуждено 2.669 мужчинъ, 30 женщинъ.

золь. Говорят, что некоторые приходилось прятать и бѣглых каторжннхъ и натаившихся поселенцевъ. При обыскахъ они угали откупаться по древнему способу, котораго не чудался и самъ де-Геннингъ—основатель города Екатеринбургa, умѣвшій не брезговать бѣглыми ссыльными и за крѣпкіе подкупы приселявшій къ новому городу даже бѣглыхъ съ каторги. Около Екатеринбургa и около Тюмени испоконвѣку бывали притоны для бродягъ изъ раскольниковъ.

Въ Сибири повсюду рассказываетъ недавній случай находки однимъ изъ земскихъ чиновниковъ цѣлаго селенія, нигдѣ въ книгахъ не записаннаго, нигдѣ на картахъ не нанесеннаго, о которомъ ближайшій становой приставъ (по сибирски засѣдатель) ничего не зналъ и ни отъ кого не слышалъ.

Для кого же теперь тайна организаціи свободныхъ или, какъ привыкли выражаться, самовольныхъ поселеній, не говоря о ежегсячныхъ приселеніяхъ каторжннхъ къ поселенцамъ и наоборотъ? Кому не ясно, что болѣе счастливыя плодородіемъ и болѣе защищенныя природою и безопасныя мѣста въ Сибири охотѣе избираются самовольными поселенцами для свободныхъ поселеній и что между ними Алтай, по преимуществу, облюбленное мѣсто? Въ томъ обширномъ клинѣ благодатной земли, который вѣзался между рѣками Биею и Катунью, стремившимся слиться въ Обь, давно уже велась эта опасная игра въ ставки новыхъ деревень по народнымъ образцамъ до-петровскихъ временъ, еще очень живучимъ и хорошо прилаживаемымъ въ Сибири. Для Сибири вопросъ о свободной народной колонизаціи не кончился, хотя, правда, и въ Россіи онъ совершенно убитъ только въ серединѣ нынѣшняго столѣтія. Въ Сибири мы сами видѣли, въ 1861 году, десятокъ малороссовъ, пришедшихъ изъ Киевской губерніи въ наваленную имъ Сибирь поискать хорошихъ земель, подъ Омскомъ схваченныхъ за бродягъ и въ Омской тюрьмѣ откровенно и простосердечно высказавшихъ намъ то же самое показаніе, какое дали они и по начальству. А сколько сибирскія экспедиціи о ссыльныхъ записали подъ именемъ поселенцевъ,—также въ недавнія и наши времена,—дворовыхъ людей (преимущественно губерній Московской и Пензенской), бѣжавшихъ отъ господъ, и крѣпостныхъ крестьянъ, пришедшихъ изъ густо населенныхъ губерній на золотые прииски, побившихъ Сибирь больше родины и пожелавшихъ въ ней остаться. Схваченные за бродягъ, посаженные въ тюрьму и выученные тамъ по денежному способу показать себя непомятими родства—они достигали цѣли: наказанные при полиціи, они записывались въ званіе поселенцевъ. Некоторые, для вѣщаго удостовѣренія въ показаніяхъ своихъ, дѣлывали на лицахъ искус-

твенные шрамы, чтобы походить на поселенца освобожденнаго отъ каторжныхъ работъ. Такихъ же способомъ показанія непомятими родства остались въ Сибири жены, приходившія повидаться съ мужьями и также запертыя въ остроги. Званіемъ непомятими прикрываются бродяги и есмляются безъ наказанія, но только сдѣлавшихъ должное показаніе сбькутъ при этомъ. Требовалось много искусства для того, чтобы званіе это оставить за собою: надо хорошо знать увертки и крючки въ уголовныхъ законахъ и, сверхъ того, запастись духомъ упорства, упрямства, устойчивости и скрытности. Бродяги бываютъ одарены этими качествами въ высокой степени совершенства: они легко и храбро отказываются на очныхъ ставкахъ (если таковыя даютъ имъ) отъ родныхъ, родителей, жены и дѣтей. Неопытные приобретали эти способности въ тюрьмахъ. Сдѣлавшись арестантомъ, непомятій бродяга стоитъ вѣдъ опасностію въ томъ смыслѣ, что его уже никто ни наказать, ни допрашивать въ тюрьмѣ не имѣетъ права, кромя его непосредственнаго начальства, каковы на этотъ разъ судебныя власти. Грубости и дерзости онъ, кромя этихъ лицъ, можетъ говорить всѣмъ: оттого-то многіе изъ бродягъ пользуются этимъ правомъ охотно и отводятъ на томъ свою грѣховную душу. Вольное количество бѣглыхъ дворовыхъ людей въ поселенцахъ служило также одною изъ причинъ, задерживавшихъ въ Сибири развитіе земледѣлія и ремесла: бывшая дворня гнушалась соли и согласна скорѣе идти въ ящики, ходить въ лѣсъ на козуль и сохатыхъ. Некоторымъ ящикамъ счастливоудось: за Байкаломъ были такіе, у которыхъ водилось троекъ до 15-ти.

Внутри Алтая, близъ китайской границы, на правомъ берегу Катуня, при устьѣ рѣки Аюлу и на верхней Вухтармѣ до сихъ норъ живутъ инородцы, составляющіе Ойманскую управу. Это — ойманцы бѣглопоповичинской секты, русскаго происхожденія; предки ихъ—бѣглые солдаты и заводскіе рабочіе люди. Придя въ Алтай, они бродили съ мѣста на мѣсто, отбивались отъ военныхъ отрядовъ, посланныхъ для поимки, и хотѣли уйти за границу. Но имъ было объявлено въ 1791 году, по ходатайству губернатора, челоуѣка великодушнаго, прощеніе императрицы Екатерины Второй и дозволено приписаться въ какое либо податное состояніе. Они избрали инородческое и коренные русскіе люди славянской крови поселились здѣсь подъ видомъ и именемъ дикарей-инородцевъ! Люди эти, извѣстные подъ именемъ каменъничковъ, живутъ вблизи рудовознаго тракта между Зырянковскимъ рудникомъ и пристанью Иртыша, на прострaнствѣ 70 верстъ, не имѣющемъ никакихъ жилыхъ мѣстъ. Въ прошломъ столѣтіи сюда доступъ былъ затруднителенъ и они довольно долгое время могли

поддерживать свое существование охотою и разбоем. Бѣжали рабочіе съ женами и дѣтьми, но къ нимъ успѣли присоединиться разные молодцы—охотники до чужого добра. Самы заводскіе не были людьми съ мирными наклонностями: тяжесть работъ, соединенныхъ съ лишениями, голодовками и частыми и суровыми мѣрами взысканія, успѣли ихъ озаботить такъ, что еще до побѣговъ они дѣлали частые проступки. Заводскія селенія раздѣлили на кварталы, учредили непрѣмьные денные и ночные караулы, построили будки и при вѣздахъ въ селенія разставили рогатки; предполагали со временемъ окружить всѣ селенія рвами и обставить тѣми же рогатками. Разные „злоумышленные развратники“ продолжали склонять заводскихъ и горныхъ людей къ преступленіямъ и побѣгамъ. Устройства и безопасности въ селеніяхъ не было. Начальство, черезъ сторожей стариковъ, сидѣвшихъ у воротъ, стало знать о всякомъ новопрѣзжемъ въ селеніе, но о приходящихъ соблазнителяхъ все-таки не получало точныхъ и желаемыхъ знаній. Религіозная пропаганда, съ соблазнами на вольную жизнь въ темныхъ лѣсахъ и въ безопасныхъ горахъ, приготовила вполне независимыя селенія, родъ маленькихъ республикъ. Екатерина, прощая ихъ, принуждена была освободить ихъ сначала отъ всѣхъ налоговъ и только, какъ съ инородцевъ, указала брать небольшой ясакъ шкурами пушныхъ звѣрей. Такая первоначальная осторожность позволила впоследствии обложить ихъ податями наравнѣ съ прочими крестьянами. Къ селеніямъ „каменьщиковъ“ мало по малу добровольно присоединялись другіе крестьяне и выселились изъ своихъ деревень правительствомъ тѣ, которыхъ оно считало благонамѣренными и способными благотворно вліять на независимый духъ коренныхъ поселенцевъ рѣки Катуня и сосѣднихъ дикихъ мѣстъ, бесплодностью и безлѣсіемъ живо напоминающихъ степь.

Раскольники сибирскіе унесли съ собою русскій обычай „брести врозь“, чтобы сбиваться въ подворнища, отдѣльныя поселенія на новыхъ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ церквей. Для этого Алтай и Чернь представляются имъ самыми удобными. Въ Байскомъ округѣ то и дѣло заводятся новые выселки и сошываются новые вольные люди „копяти слободы, рыбу ловити и пахоты заводити“. „Сюда привлекаютъ ихъ (пишетъ одинъ сибирскій священникъ), какъ выгоды нашего мѣста и сосѣдство съ кочевыми инородцами, такъ и пустынная дикая мѣстность, представляющая удобства къ своевольной жизни“. Селятся пришельцы между аулами дикихъ инородцевъ, но, заселившись, все-таки состоятъ причисленными къ другимъ деревнямъ. По лѣвую сторону р. Вишъ готовы три селенія, выродившіяся изъ семи селеній раскольничьихъ, на-

ходящихся въ Байскомъ округѣ. Въ одномъ изъ новыхъ селеній (Тайнѣ) было тогда уже 20 дворовъ.

Сибирь представляетъ два сильныхъ контраста именно въ томъ отношеніи, насколько разнятся свободное поселеніе отъ принужденнаго, руководимое наемными и неопытными руками казенныхъ людей, отъ поселенія, организованнаго самими поселенцами внѣ всякихъ стороннихъ вѣвшательствъ и независимо отъ теоретическихъ кабинетныхъ соображеній. Въ 1827 г. утверждёнъ былъ проектъ поселенія 5.975 осмыльныхъ въ Енисейской губерніи, имѣвній дѣлю, черезъ усредоточенный надзоръ и занятіе ихъ въ хлѣбопашествѣ, удержать преступниковъ отъ праздности и побѣговъ. Въ пособіе отъ казны назначено было 479.927 руб., сумма, имѣвшая двѣ дѣли: первое—обзаведеніе и продовольствіе съ засѣвомъ; 269.091 руб. истрачены были на покупку хозяйственныхъ и земледѣльческихъ орудій, лошадей, коровъ и овецъ,—сумма, не подлежащая возврату. 210.835 руб. назначены были на пособіе осмыльнымъ для двухгодичнаго предводительствія и закупа сѣянъ и подлежала возврату. Въ мартѣ 1829 г. назначены по близости усадебъ лѣса, указаны сборные пункты для своа провіанта, опредѣлены лица для надзора, отчислено количество осмыльныхъ, нужное для водворенія (за исключеніемъ обзаведшихся хозяйствомъ или принятыхъ старостами). Вся масса отобранныхъ новыхъ хозяевъ разбита была на отдѣленія для каждой деревни. Деревни были уже готовы: большая часть на большой дорогѣ, меньшая въ сторонѣ; двумъ поселеніямъ на р. Удуй въ Ачинскомъ округѣ, 6-ти въ Минусинскомъ, 10-ти въ Казанскомъ (на р. Вирусѣ) по р. Кану, Обь, Рибинской (на ключѣ Медвѣденскомъ). Всѣ 22 импровизированныя деревни надѣлены 15-ти-десятинною пропорціею лучшихъ земель. На каждомъ дворѣ назначено помѣщеніе четырехъ поселенцамъ; трое опредѣлены были въ работники, четвертому выговорилось прозваніе кашевара и предназначалась обязанность хозяина. Товарищи его должны работать, кашеваръ заготовлять для нихъ все нужное. Арачьевскіе планы осуществлялись въ Сибири: военныя поселенія воскресали въ новыхъ средствахъ приспособленія въ отдаленныхъ странахъ Сибири. „Въ мартѣ 1829 года,—говоритъ свидѣтель этого дѣла енисейскій губернаторъ А. П. Степановъ (въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: „Енисейская губернія“):—всѣмъ отдѣленіямъ осмыльныхъ сообщено движеніе къ мѣстамъ, для ихъ деревень опредѣленнымъ. Каждый осмыльный получилъ топоръ—и лѣса пали подъ руками работниковъ поселеній или будущихъ хозяевъ домовъ. Отъ сего времени каждое поселеніе должно было черезъ два года кончиться и черезъ четыре наполниться“. Въ

1833 году А. П. Степановъ писалъ слѣдующее: „Я видѣлъ уже на большой дорогѣ прекрасныхъ пять селеній оконченными и не могъ ими налюбоваться. Я видѣлъ семь, достигающихъ своего конца; я видѣлъ четыре, которыя, какъ чертежи, лежали на зеленѣющихъ долинахъ по берегамъ Кана“.

Въ 1835 году видѣлъ эти селенія начавшими свою жизнь генералъ-губернаторъ С. Б. Вроневскій и писалъ нижеслѣдующее: „Жители разбѣжались за неизмѣнимъ силы расчищать лѣсъ подъ пашни. Много домовъ въ жалкомъ запустѣннѣи отъ водворенія малосильныхъ семействъ, а снаружи дома, крытые досками или дранями съ бревенчатыми или досчатыми заборами. Избы обшпирныя въ 5 оконъ на улицу на четыре семьи, раздѣленные корридормъ съ обширнымъ дворомъ; съ амбарами и сараями съ навѣсами, но впущены холостяки; содержаніе одной чистоты въ такихъ обширныхъ заведеніяхъ и ремонтированіе поврежденій въ окнахъ, печахъ и проч. не подъ силу бѣднякамъ, ничего не имѣющимъ, обезоховиваетъ къ прочному водворенію въ слишкомъ затѣнныхъ для нихъ жилищахъ и постояльцы бѣгутъ, замѣняясь новыми таковыми же, почему трудно ожидать чего нибудь безъ новыхъ пожертвованій. Я посѣщалъ многіе изъ этихъ домовъ, находя тамъ невыразимую скудость въ первѣйшихъ потребностяхъ жизни. Странно было видѣть въ домѣ одну женщину и четырехъ мужчинъ. При вопросѣ: котораго она жена?—указывала на одного изъ четырехъ, добавляя, что они, однако же, не вѣнчаны, а только, по своему желанію, обречены одинъ другому начальствомъ, ибо ссыльныхъ прежде двухъ лѣтъ находенія въ Сибири, по закону, вѣнчать нельзя. Меня крайне удивилъ такой предварительный союзъ!“ Не удивительно то, что большая часть такихъ поселенцевъ бросила новые дома и разбѣжалась по старымъ лѣсамъ.

За Байкаломъ „семейскіе“ старовѣры съ охотою рассказываютъ всѣмъ такое преданіе, завѣщанное отцами, о временахъ и способахъ ихъ водворенія послѣ Вѣтки и Стародубскихъ слободъ. „Казна дѣдамъ нашимъ не помогала. Привелъ ихъ на мѣсто (на р. Иро) чиновникъ *). Стали его спрашивать: гдѣ жить?—указалъ въ горахъ (дѣйствительно, всѣ три волости, словно провалились сквозь землю: кругомъ высокія лѣсистыя горы). Стали пытаться чѣмъ жить? Чиновникъ сказалъ: а вотъ станете лѣсъ рубить, полетать щепки, щепы эти и ѣшьте! Поблагодарили его, стали лѣсъ рубить. На другой годъ исподволь другъ около друга начинали кое-чѣмъ заимоваться, запасаться нужнымъ. На восемь дворовъ одна лошадь приводалась. Поселились. Земля оказалась благодатной. Ожили и повеселѣли. Пріѣхалъ знакомый чиновникъ и руками

*) По Иркутскому лѣтописцу, подполковникъ Иванъ Ивановъ.

развелъ: „Вы-де еще не подошли? Жаль, очень жаль, а васъ — чу! затѣмъ и послали, чтобы вы всѣ перекопали“. О подробностяхъ переселенія рассказываютъ слѣдующее: народъ собирали въ Калугѣ, гдѣ на берегу Оки за городомъ стояли нарочно-выстроенные амбары (барраки). Въ баракахъ этихъ много перемерло народу. По Окѣ въ Волгу везли на судахъ до Казани. Въ Казани много взяли въ рекруты: цѣлый полкъ потомъ былъ сформированъ изъ семейскихъ въ Тобольскѣ. За Байкалъ пришли уже малыми частями. Первая партія шла на Чикой въ 1755 г.; вторая, вышедшая съ марта 1756, пришла на Иро въ 1758 и оттуда, за негодностью мѣста, на Бичуру въ 1780 г. Третья ушла за хребты, гдѣ теперь двѣ волости: Тарабогатай и Мухорь-Шибирь. На Иро прошло только 26 семей: Пересычины (6 душъ), Разуваевы (3), Афанасьевы (6), Савичевы (3), Просвирняковы (2), Терюхановы (4), Петровы (4), Павловы (2), Нестеровы (4), Куприяновы (3), Ивановы (4), Пантелѣевы (1), Гавриловъ (1), Юдинъ (1), Олейниковъ (1), Авдѣевы (2), Турковы (2), Ткачовыхъ (2), Гладкихъ (2), Вѣлыхъ (2), Головановыхъ (2), Кочневъ (1), Родионовъ (1), Утенковыхъ (4), Холмоновыхъ (2), Алексѣевыхъ (4)—всего 70 душъ. Теперь изъ 70 душъ стало 1.600, отъ которыхъ слышатся уже жалобы на тѣсноту житья въ одномъ селеніи, хотя Бичура протянулась на 4 версты въ длину (старожилы, т. е. первые пришедшіе, живутъ на горѣ).

Въ 1830 году декабристы, шедшіе изъ Читы въ Петровскій заводъ, получили такіа впечатлѣнія: „Помѣщали насъ въ крестьянскія избы. Избы имѣли по нѣскольку комнатъ съ обоями, большими окнами и досчатыми крышами. Съ одной стороны сѣней была просторная комната для работниковъ съ могущественной русской печкой, по другую сторону отъ 2 до 5 комнатъ съ голландскими печами; полы были устланы коврами туземнаго издѣлія. Столы и стулья были чисто выструганы и даже не было недостатка въ зеркалахъ, купленныхъ на Ирбитской ярмаркѣ. Хозяйки гостеприимно угощали насъ ветчиной, осетриной и разными пирогами. На дворахъ мы видѣли окованные желѣзомъ телги, хорошую сбрую, сильныхъ и сытыхъ лошадей и здоровыхъ осанистыхъ людей, производившихъ на насъ удивительно хорошее впечатлѣніе. Было воскресенье: всѣ шли въ моленную, мужчины въ длинныхъ армякахъ синяго сукна и въ хорошихъ собольихъ шапкахъ, женщины въ шелковыхъ съ собольимъ воротникомъ душегрѣйкахъ, на головахъ шелковые платки, вышитые золотомъ и серебромъ. Многіе изъ нихъ капиталисты; у нѣкоторыхъ — тысяча до ста“. Съ 1857 года, въ теченіи девяти лѣтъ, семейскіе неустанно, безпрекословно и безъ особыхъ ущербовъ для себя, своимъ хлѣбомъ кормили Амуръ

и не только отдавали зерно или муку даромъ, но приплачивали еще 10—20 коп. на пудъ за доставку хлѣба до Читы вольнымъ возчикамъ (казна давала за пудъ 60 коп., доставка изъ Тарабогата, напр., стоила 70—80 коп.).

— Отчего ваши сосѣди такъ бѣдны?—спрашивалъ одинъ изъ декабристовъ.

— Какъ же имъ не быть бѣдными, — отвѣчалъ нашъ хозяинъ: — мы идемъ на работу въ поле съ пѣтухами, а сибирякъ варить себѣ кирпичный чай и пока соберется на работу, солнце уже успѣетъ высоко подняться. Мы уже первую работу сдѣлаемъ и отдыхаемъ, а сибирякъ въ самую жару мучитъ и лошадей и себя. Кроме того, поселенцы предаются пьянству, они тратятъ каждую копейку и не могутъ скопить капитала.

Въ нашей дорожной книгѣ по горячимъ словамъ записались слѣдующія строки (16 янв. 1861 года): „Сибирскимъ народомъ недовольны, какъ бичурскіе семейскіе, такъ и мухорь-сибирскіе. Встанетъ сибирякъ — чай пьетъ, въ поле идетъ — глядишь, опять домой тащится ѣсть; въ вечеру опять дома чай пьетъ. Хозяйство для нихъ второе дѣло. Опять же у насъ молодежь до 20-ти лѣтъ водки не смѣетъ пить, а у тѣхъ ему и въ этомъ воля. Казаки же народъ совсѣмъ гиблый и не домовитый, ни въ чемъ они на насъ не похожи“.

Декабристы видѣли старика 110 лѣтъ, поминившаго первыя времена поселенія, когда стремились не къ водворенію ихъ, а имѣли въ виду наказаніе. Старикъ жилъ въ домѣ четвертаго младшаго сына, которому было 70 лѣтъ. Хотя самъ дѣдъ и не работалъ, но, по привычкѣ, постоянно носилъ топоръ за поясомъ. Рано поутру онъ будилъ своихъ сыновей и ввучать на работу. Каждый изъ сыновей имѣлъ по отдѣльной избѣ со дворомъ и амбаромъ и по отдѣльной водяной мельницѣ. „Зачѣмъ тебѣ, дѣдушка, такъ много мельницъ?“ — спросилъ его. Отвѣчалъ: „Видите, какія у насъ поля!“ и указалъ на окрестныя горы, повсюду расѣянные. По богатству и довольству этихъ крестьянъ намъ казалось, что передъ нами русскіе въ Америкѣ, а не въ Сибири. Въ этой области Сибирь никакъ не хуже Америки. Тѣ же старообрядцы, живущіе на основахъ общиннаго труда (прибавимъ мы отъ себя), счастливы результатами обезпеченной и сытой жизни именно потому, что во многомъ сходятся съ заатлантическими сектаторами: квакерами, мормонами и друг. Семейскіе имѣютъ собственное общественное управленіе, при помощи котораго поставили себя, до извѣстной степени, въ независимое положеніе. Они поняли секретъ обходиться съ чиновниками, готовые всегда къ платежу податей и способные платить даже сверхкоммлектные въ видѣ поставокъ хлѣба на полугодный и ненасытный Амуръ. Когда Амуръ легъ на семейскихъ неожиданно тяжестью, долговременные урожаи облегчили

возможность борьбы съ невзгодою; общинная справедливая раскладка по семействамъ довершила удачу борьбы и доставила имъ полную побѣду, не смотря на то, что на хозяевъ средней руки приводилось ежегоднаго взноса до 40 пудовъ (на богатыхъ больше, на бѣдныхъ меньше). Виднымъ, сверхъ того, предоставлено было право воспользоваться платою за доставку въ Читу на сплавныя лодки и баржи. Богачами стужѣли сдѣлаться тарабогатыйскіе, бичурскіе и мухорь-сибирскіе старообрядцы отъ торговли съ китайцами, отъ казенныхъ подрядовъ и доставокъ, въ силу той находчивости и изворотливости великорусскаго человѣка, которая въ равной степени и неизмѣнно сохранены, какъ этими выселенцами изъ Бѣлоруссіи въ концѣ прошлаго вѣка, такъ и живущими тамъ же въ наши дни. Такими же живыми, трудолюбивыми и предприимчивыми людьми старообрядцы являются и за Байкаломъ между ненаходчивыми сибиряками, какими представляются ихъ единомышленники и родичи между забытыми и полудикими бѣлоруссами големьскіе, вѣтковскіе и стародубскіе старообрядцы*).

Въ томскомъ острогѣ мы видѣли арестанта, весьма почтеннаго, начитаннаго и солиднаго старика, очень богатаго раскольника — томскаго мѣщанина, который судился за образованіе селенія изъ бѣглыхъ въ Томскомъ округѣ на собственный счетъ и за совращеніе этихъ бѣглыхъ въ старую вѣру. Сходцы завели было отличное хозяйство, жили, не навлекая на себя преслѣдованій преступленіями и никого не обижая. Засѣдатель зналъ, бралъ поклонное и покорное — и не трогалъ. Кто-то сдѣлалъ доносъ: вольныхъ людей схватили, рассажали по тюрьмамъ, завели судъ и дѣло. А селеніе было совсѣмъ готово: большое-пребольшое въ привольномъ и дикомъ мѣстѣ, и лѣсъ — глушь, по требованіямъ людей древяго благочестія и староотеческихъ преданій. Стремленія смыслныхъ старообрядцевъ къ организаціи отдѣльныхъ хозяйствъ въ видѣ скитовъ восходятъ до первыхъ временъ ихъ ссылки. Еще при Алексѣѣ Михайловичѣ сосланные въ Якутскій край устраивали скиты даже на рѣчныхъ островахъ. Но суровость климата и невозможность доставать жизненные припасы послужили причиною скорого исчезновенія этихъ

*) Замѣчательно, что, превращаясь въ сибиряковъ, семейскіе постарались забыть, между прочимъ, великорусскія пѣсни. При всѣхъ нашихъ стараніяхъ мы не могли записать у нихъ ни одной былинны, на каковыя разсчитывали. Намъ говорили въ оправданіе: «Старики напѣвали еще кое-какія старинныя и былинны, разговаривая о родинѣ: намъ не завѣщали никакихъ. Изъ нашихъ молодыхъ ихъ и не слышали. Поемъ только тѣ стихи, которые записаны въ цѣтникахъ». Устояла пѣсня свадебная обрядовая, ибо-де обряды завѣщали блюсти крѣпко. Класа нищихъ не выработалось среди достатковъ и при общинной взаимной помощи, а потому бродячихъ пѣвцовъ нѣтъ и въ поминѣ, а съ ними и пѣсенъ.

коломий. Скитъ, образовавшійся около Анадырска и уже значительно увеличившійся, уничтожили сидячіе коряки, напавъ на скитъ и переръзавъ всѣхъ жителей.

Къ числу очень распространенныхъ сибирскихъ народныхъ преданій принадлежатъ повсюдные рассказы о томъ, что тамъ заблудившійся звѣровщикъ, слышавъ звонъ колокола и соблазнившись имъ, нашелъ никому невѣдомое селеніе. Въ другомъ мѣстѣ такое же обрѣлъ засѣдатель, который, не догадавшись скрыть своего званія, былъ убитъ жителями никому неизвѣстнаго и вполне независимаго селенія. Подобные рассказы слышали мы и въ Западной и въ Восточной Сибири (за исключеніемъ одного Забайкалья). „Въ Якутскѣ мнѣ передали (говорить г. Сельскій въ статьѣ „Ссылка въ Восточную Сибирь замѣчательныхъ лицъ“), на Колымѣ и Индигиркѣ тамошніе жители до сихъ поръ рассказываютъ о существованіи съиздавна какихъ-то жителей, прежде сосланныхъ, потомъ бѣжавшихъ и поселившихся на неизвѣстныхъ островахъ Ледовитаго моря. Въ давніе годы какой-то промышленникъ около колымскаго устья осматривалъ на островахъ звѣроловныя снасти. Тамъ застала его пурга и онъ заблудился. Долго блуждалъ онъ по окрестнымъ пустынямъ и, наконецъ, собаки привезли его въ незнакомое селеніе, состоящее изъ нѣсколькихъ домовъ, которые всѣ были срублены въ уголъ. Заблудившійся приняла женщина, но она ничего съ нимъ не говорила. Поздно вечеромъ пришли съ промысловъ мужики и стали разспрашивать прибывшаго къ нимъ: кто онъ, откуда, по какому случаю и зачѣмъ заѣхалъ къ нимъ, не слышалъ ли онъ объ нихъ чего прежде и, наконецъ, не подосланъ ли къ имъ? Промышленника этого они содержали подъ присмотромъ шесть недѣль, помѣстивъ его въ отдѣльномъ домѣ и не дозволяя отлучаться ни на шагъ и ни съ кѣмъ не разговаривать. Заключенный во время пребыванія своего тамъ часто слышалъ звонъ колокола и обитатели этого запреднаго селенія собирались въ моленную, изъ чего онъ и заключилъ, что это былъ раскольничій скитъ. Наконецъ, жители этого дикаго селенія согласились отпустить промышленника, но взяли съ него при этомъ клятву молчать обо всемъ, имъ видѣнномъ и слышанномъ. Затѣмъ они завязали ему глаза, вывели изъ селенія и проводили очень далеко. При разставаніи подарили ему большое количество бѣлыхъ песцовъ, красныхъ лисицъ и сиводушекъ“.

Къ такимъ вольнымъ селеніямъ, на выгодныхъ и соблазнительныхъ условіяхъ свободнаго выбора, охотно льнутъ и бѣжавшіе съ каторги и оставившіе мѣста поселенія; деньги, подкуны и волостные писаря тутъ играютъ существенную и главную роль. Лѣтъ десять тому назадъ волостное начальство открыло въ Иркутскомъ округѣ поселенца, жившаго въ селеніи болѣе 20-ти

лѣтъ. Знавшіе его думали, что онъ приписанъ начальствомъ, а потому и не преслѣдовали, да на бѣду, черезъ двадцать лѣтъ мирнаго его житія, узнали, что въ сосѣднемъ селѣ живетъ другой поселенецъ подъ тѣмъ же псевдонимомъ, съ одинаковымъ именемъ и прозвищемъ (что случается между поселенцами силою и рядомъ). Этому второму несчастному вздумалось бѣжать. Побѣгъ его открылъ и перваго счастливаго. Стали допрашивать: онъ показалъ фамилію бѣжавшаго и всю его подсудность, а когда слышали при мѣты его съ бѣжавшимъ, не то вышло. Сколько ни бились, настоящей фамиліи своей поселенецъ не показывалъ; такъ и оставили его, благо, что раньше наказанъ былъ за бродяжество. Поблагодѣявъ ему сельскій писарь, привавшійся въ такой штукѣ: этого поселенца 20 лѣтъ тому назадъ поймали въ Минусѣ (Минусинскѣ), гдѣ онъ сказалъ, что бѣжалъ изъ-подъ Иркутска. Земскій судъ и послалъ его въ волость показать крестьянамъ, тотъ ли-де тотъ; оказалось, что не тотъ. Старшина обратилъ его въ волость съ пакетомъ. Поселенецъ, смѣкнувъ, что дѣло недоброе, бѣжалъ отъ ямщика съ дороги, прихвативъ съ собою и пакетъ. Съ пакетомъ онъ явился въ другомъ селѣ къ писарю; писарь пакетъ изорвалъ, а поселенцу велѣлъ жить тутъ и сосѣдямъ такъ рассказавъ, что присланъ-де съ пакетомъ. А сколько подобныхъ дѣлъ не наслѣженныхъ, а сколько селеній выросшихъ и окрившихъ не по законнымъ предписаніямъ и обычнымъ программамъ!..

На сколько осмысленны готовы сами вести осѣдлую жизнь, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, слѣдующій недавній случай. Къ осени 1862 года по бродяжьи притонамъ прошелъ глухой слухъ о манифестѣ, въ которомъ будто бы сказано, чтобы всѣхъ бродягъ каторжныхъ приписывать на поселеніе, если только они добровольно явятся къ начальству. Слухъ этотъ расшевелилъ и поднялъ бродягъ, многие изъ нихъ и въ разныхъ мѣстахъ объявились и, конечно, попали въ хлопку, т. е. получили плети и опять каторгу. Особенно много, говорятъ, явилось такихъ охотниковъ по Томской губерніи.

Идя съѣдомъ за поселенцами по всѣмъ ихъ мытарствамъ, мы приходимъ, наконецъ, къ той важной отрасли государственнаго хозяйства, которая доставила столько денегъ Россіи и причинила столько горя и бѣды Сибири. Мы говоримъ о золотыхъ промыслахъ, которые нѣкогда разрабатывались исключительно руками ссыльно-поселенцевъ. Мѣщане изъ амбиціи, а крестьяне отъ домождливости на эти работы не ходили *).

*) Въ 1840 году, изъ всего наличнаго числа ссыльныхъ 134.630 человекъ (64.340 въ Западной и 70.290 въ Восточной Сибири), работало на золотыхъ промыслахъ одиннадцать тысячъ, т. е. почти двѣнадцатая часть всего наличнаго ссыльнаго населенія Сибири.

Старые времена миновали. Золотопромышленность кончила свою безобразную историю и начала, по новым образцам, другую, но следы старого еще не совсем остыли и от прошлого еще кое-что осталось на бѣду поселенцевъ. Нѣтъ теперь той сильной борьбы между партіями золотоскателей, которая нѣкогда принимала и грозную, и безчестную, а временами и до нечеловѣчности смѣшную форму. Давно не удивляютъ дорогу гостямъ отъ города до заимки шампанскихъ сами хозяева, не ѣдутъ ихъ довѣренныя по улицамъ на бабкахъ изъ враждебнаго промыслового лагера. Приутилли хозяева, присмирѣли рабочіе. Не ходятъ несгѣднѣ по улицамъ города въ парчевыхъ курткахъ и парчевыхъ шароварахъ, не ступаютъ по грязи на кредитныя бумажки, подбрасываемыя подъ сапоги, испробовавшіе тальковой грязи на разрѣзахъ, чтобы, при переходѣ черезъ улицу изъ кабака, не загрязниться. Кончилось поголовное безобразіе, ужасавшее своими капризными и неожиданными формами. Кончилось, однако, не все.

Меурожан и развитіе золотопромышленности, поднимая цѣны на жизненные припасы, обращаютъ на этотъ промыселъ и мѣщанъ, и крестьянъ и даже пришельцевъ изъ Россіи *). Осталось еще вербовка рабочихъ, перебой, необходимость выдачи задатковъ, тяжелыя, на первоначальныхъ приемлахъ основанныя работы; осталось, словомъ, то, отъ чего и прежде поселенцу бывало скверно и теперь не сдѣлалось лучше. Отъ дурной неэкономической разработки россыпей золотой промыселъ унадеваетъ; открытій новыхъ стало меньше по невозможности отыскать богатныя. Самая охота къ поискамъ оттого замѣтно ослабѣла, прежніе же прииски постепенно выработываются. Содержаніе золотоссыпыхъ несквозь видимо уменьшается и добыча по частнымъ промысламъ Сибири, особенно Западной, ощутительно упала. На поселенцевъ надвигается гроза и съ этой стороны. Къ тому же, надо сказать правду, безусловный наемъ поселенцевъ въ работы на золотые прииски мало приноситъ имъ пользы.

До работъ ожидая поселенца наемъ съ задаткомъ. Задатокъ (рублей въ 40, 50, 60 вмѣсто доволеннаго закономъ не свыше 7 руб. 50 коп.) находилъ его послѣ долгаго поста и бездѣвелья, а на глазахъ торчатъ кабаки со всякимъ соблазномъ и господствуетъ старый приемъ вербовщиковъ нанимать рабочихъ съ подтасовкою ньяными, умяченными и сговорчивыми. А тамъ дѣло извѣстное: ободолѣть, обмануть, подстунуть гнилой товаръ — московскую

*) Нижегородскіе рабочіе, да и всѣ русскіе приходятъ артелями (что и законъ требуетъ). Но артельныя правила съ силой общаго голоса за каждого члена и собственной расправы нѣкоторымъ довѣреннымъ не нравятся; ихъ стараются стѣснить и ослабить. Между тѣмъ, артели работаютъ отлично и требуютъ только хорошей пищи и побольше.

залежь; цѣною повыше, добротой хуже всякой возможности; придумать вычетъ изъ заработка помудренѣе и позапутаннѣе, подвернуть условіе, на которое трезвый человѣкъ не ходитъ, но голодный и пьяный идетъ. Тутъ является и обязательство, вопреки законному смыслу всяческихъ контрактовъ, считать рабочіе дни не со дня сдѣлки, а по приходѣ на приискъ. Тутъ и обязательство обѣ одеждѣ нѣтъ, и орудія записаны въ расчетной, какакъ не дано, и самая работа не приведена въ условную ясность — словомъ, цѣлая цѣпь стѣсненій всякаго рода. По этой причинѣ рабочій, обязанный иногда идти късица полтора и два до прииска, даромъ тратитъ время и идетъ рваный и голодный, пятакъ милостыней, а при случаѣ и воровствомъ. На приискѣ, сверхъ обязательной, рабочій получаетъ работу всякую, какавъ придетъ въ голову довѣрителю и приказчикамъ. Жаловаться некому, жаловался тотъ, кто не зналъ, въ какихъ отношеніяхъ стояли засѣдатели къ довѣреннымъ.

Извѣстно, что сами золотопромышленники рѣдко въ Сибири живутъ, дѣйствуютъ откупщики по старымъ образцамъ и наукамъ: изводятъ много хозяйскихъ денегъ на карты, на ниры, на вечера, на смазку сложныхъ колесъ золотопромышленной машины, чтобы она не скрипѣла. Траты большія — надо ихъ возмѣстить. Другой крѣпко зарвется, а выходу нѣтъ; но отчеты и у нихъ спрашиваютъ. Тутъ и волоостной писарь не малая подмога, чтобы показать хозяину выдачу задатковъ большому числу людей, чѣмъ сколько принято на самомъ дѣлѣ. Писарь бумагу такую и казенною печатью припечатать можетъ, а хозяину одинъ отвѣтъ: взяли рабочіе задатки, на приискъ не пришли, извѣстное дѣло, поселщики, варшакки. Кто заглядывалъ въ сибирскіе остроги, тотъ знаетъ, что много рабочаго схватили съ домашней печи и по этапамъ высылали на приискъ для отработки стараго долга; что другіе бѣжали съ самыхъ работъ, на дорогѣ пойманы, скрытаны въ тюрьму, потому что подлежатъ отправкѣ назадъ на счетъ нанIMATEЛЯ, да ждутъ отъ него присылки казачьяго конвоя для путешествія по тѣснымъ дорогамъ. Последнія существуютъ только по имени, но не въ самомъ дѣлѣ, хотя на нихъ истрачено столько, что можно бы имѣть теперь уже желѣзную дорогу.

На самыхъ работахъ, т. е. на приискахъ, поселенцы-рабочіе живутъ въ дрянныхъ избушкахъ, помогающихъ развитію цынги. Здѣсь они уже кабальные въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. Плети не утратили своего внушительнаго значенія и, вообще, тѣлесное наказаніе всегда наготовѣ. Напускать страхъ, вымогая исполненіе всякихъ требованій, считалось тамъ педагогическимъ приемомъ. Сверхъ того, на приискахъ для рабочихъ большіе уроки, которыхъ они никогда не выработываютъ по невозмож-

ности, а задаток на авось; вѣдь и расходъ по принску не маленькій: рабочій проситъ рукавицы, чирки, табакъ курить, къ кирпичному чаю привыкъ, да къ тому же и задатокъ всякъ большой. Надо наверстать и то и другое и себя не обидѣть. И вотъ, въ праздничные и торжественные дни вводятся такъ называемыя старательскія работы, которыя, вмѣстѣ съ усиленными уроками, крайне истощаютъ силы поселенцевъ. Между тѣмъ, „старанія“ съ платеемъ съ золотника золота, самая справедливая форма вознагражденія, теперь вывелись и „старанія“ теперь ни что иное, какъ спекуляція на отдыхѣ, на истребленіе праздничныхъ дней у рабочихъ. Урокъ становится не подъ силу, и благо еще, что хозяевъ обязываютъ лекарями и лазаретами, хотя и туда иногда не принимаютъ. Вмѣсто лекарства — казачья команда съ извѣстными военными медикаментами, потому что болѣзнь можно иногда по ошибкѣ принять и за лѣнь *). Впереди рабочему предстоитъ дней сто выгнѣть какъ въ котлѣ; урокъ не подъ силу, а между тѣмъ магазинный долгъ нарастаетъ. Что дѣлать? Уступчивые и смиренные машутъ рукою и въ работѣ валяютъ черезъ пень въ колоду; рѣшительные и бывалые обгуютъ съ промысловъ, обгуютъ въ такомъ множествѣ, что хозяйева сильно на это жалуются и просятъ въ свою пользу кое-какихъ уступокъ и новыхъ привилегій.

Въ самомъ дѣлѣ, лѣтомъ каждый рабочій дорогъ. Другой наймется и придетъ на принскъ, поработаетъ немного, заберется въ магазинъ, да и объявить, что онъ неспособенъ. Станетъ докторъ свидѣтельствовать: либо грыжу найдетъ, либо рука вывихнута, либо другая хворь, закономъ предусмотрѣнная. Съ горяча нанимаютъ и совсѣмъ старыхъ людей, въ расчетѣ на ихъ совѣсть, авось поработаютъ и не скажутся. Надо такихъ рассчитать, долгъ ихъ, разумѣется, смарать со счетовъ. Такимъ образомъ, большіе задатки, на перебой совѣстниковъ, и хозяину невыгодны и рабочему идутъ на баловство и порчу. Одно хорошо — кормятъ не дурно, но на южной системѣ лучше, чѣмъ на сѣверной.

Порчи для рабочихъ не мало и въ примѣрахъ приказчиковъ; воровство золота — укоренившійся обычай. Для этого въ окрестности промысловыхъ „резиденцій“ и евреи набѣгаютъ изъ достославныхъ городовъ Каянска, Томска, Красноярска, Баргузина и другихъ. Немного правды и въ расчетахъ: либо за добровольное стараніе выдаютъ тѣмъ, которые не старались, либо старавшихся обчитываютъ. За выданныя вещи всегда берется двойная цѣна. Противъ воровства самородковъ, съ давнихъ временъ, употребляется система взаимнаго шпіонства. Нѣкоторые хозяева нечестными расчетами воз-

буждаютъ противъ себя всѣхъ рабочихъ до того, что никто къ нимъ не идетъ: надо употребить хитрость, пробивать нечистыя тропы, а для такого дѣла опять употребляютъ тѣхъ же поселенцевъ половчѣе и посмышленчѣе. Теперь уже не рѣдкость такіе случаи, что, послѣ восьмидесячнаго тяжелого труда, рабочіе выходятъ съ промысловъ только съ долгомъ. Нѣкоторые ходятъ въ отрешьяхъ, чтобы выгадать на одеждѣ. Тутъ, если не поворуютъ, не попутуешь по образцу привазчиковъ, то и не проживешь. Теперь уже рабочіе ѣдутъ домой съ промысловъ (послѣ 12 сентября, когда кончается расчетъ, производимый съ 8 числа) человекъ по двѣнадцати на одной тройкѣ и въ кабакахъ не скупаютъ цѣлой полки полуштофовъ и шкаликовъ для того, чтобы разбить ихъ въ дребезги со всѣмъ содержимымъ. Выходъ рабочихъ все еще, однако, нажива кабакамъ и мелкимъ торговцамъ.

Вообще, современное устройство промысловъ и обстановка ихъ дѣла не производятъ такой громады вреднаго вліянія на поселенцевъ, какъ это было некогда, въ тѣ времена, когда промысловая работа считалась безчестною и позорною. Но многое еще продолжаетъ развращать нравы и вредитъ краю. Во многомъ золотые промыслы послужили тому несчастному явленію, что ссыльные не имѣютъ прочнаго домашняго хозяйства и вѣрному труду предпочитаютъ легкую наживу, являющуюся и до сихъ поръ съ наружнымъ обманомъ и обманомъ въ началѣ и горькимъ разочарованіемъ въ концѣ. И теперь, по окончаніи работъ, обчитанные и задолжавшіе, праздно скитаются они въ ближайшихъ къ промысламъ селеніяхъ, въ надеждѣ на то призрачно-счастливое время, когда вновь получать новый задатокъ и вновь обманутся. Золотые прински, въ этомъ смыслѣ, не мало виноваты въ томъ, что поселенцы забываютъ о домѣ, еще больше укрѣпляются въ бродячей жизни, тянутся къ мѣстамъ вербовокъ и держатся около нихъ всегда наготовѣ: голодные и оборванные, а потому и дешевые, избаловавшіеся на бездѣльѣ и плутняхъ всякаго рода, а потому и не годные для всякаго дѣла. Если и худъ поселенецъ въ дѣлахъ золотыхъ промысловъ, то на этотъ разъ по словицѣ: „сама себя раба бьетъ, коль нечисто жнеть“. Какія были ремесла — золотопромышленность почти совсѣмъ убила; земледѣіе и скотоводство уменьшилось; „народъ развратился и пошелъ въ кабаки“, говорятъ многіе изъ тѣхъ, кто любитъ говорить правду. Въ Сибири тайга съумѣла изъ лучшихъ людей, изъ образованнаго и болѣе устойчиваго класса создать тотъ несимпатичный типъ, который извѣстенъ тамъ подъ именемъ „таежнаго волка“. Золотая лихорадка успѣвала искалѣчить ихъ до того, что весь міръ переставалъ для нихъ существо-

*) Поселенцевъ, сдѣлавшихъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ преступленіе, вѣчно было судить военнымъ судомъ.

вать, золото дѣлалось у нихъ богомъ и отыскать новый приискъ было задачей всей жизни. Таежный волкъ ни минуты не задумывался завладѣть чужимъ приискомъ. Пустить по-миру благодѣтеля у такихъ людей за грѣхъ не считалось. Сибирскіе суды были переполнены тяжбыми дѣлами по такимъ вопіющей несправедливости захватамъ. Штука дѣлалась просто. Довѣренныя, дѣйствующіе на деньги капиталистовъ и сами имѣющие право на разысканіе золота, найдя приискъ, заявляли его на свое имя. Они брали хозяйское жалованье, но, въ то же время, захватъ считали собственностью и творили зло въ расчетѣ на то, что законъ пресгѣдовать ихъ не въ силахъ. Презрѣнный металлъ отнял совѣсть у многихъ людей не дюжинныхъ, подававшихъ большія надежды. Что мудреного, если подъ влияніемъ его уродуется менѣе стойкая натура рабочихъ изъ простого люда, и тѣмъ болѣе поселенцевъ. Самъ себя рабочий прозвалъ „окаяннымъ таежникомъ“ и уже мало обижался, получая въ глаза это бранное прозвище отъ другихъ.

На приискѣ рабочий смиренъ, переносивъ въ трудѣ, терпѣливъ до нельзя вездѣ, гдѣ труду его умѣютъ дать надлежащее направленіе. Не тотъ рабочий въ деревнѣ послѣ расчета, когда онъ прогуливаетъ все, что такъ тяжело ему досталось. Двѣ недѣли онъ совсѣмъ другой человекъ и находится въ какомъ-то бѣшенствѣ, какъ будто бѣлая горячка постигла его. Онъ, съ твердымъ намѣреніемъ и убѣжденіемъ въ законности своихъ поступковъ, старается истребить все, что есть у него, и какъ будто намѣренно заботится о томъ, чтобы изломать и изуродовать свою крѣпкую природу. Если это ему не удастся, онъ опять отправляется въ тайгу „быгать“, какъ говорятъ они сами. Въ первой же деревнѣ по дорогѣ онъ снова такой же безотвѣтный труженикъ-горемыка, какимъ былъ до расчета. Въ январѣ и февралѣ опять время наемки, опять пьяному даютъ деньги впередъ за „окаянную“ работу въ потъ лица, въ теченіи пяти мѣсяцевъ, въ золотоносной слякоти и болотахъ. Нѣкоторымъ удается принести рублей 200—300, которые пропиваются либо проигрываются засѣдательскимъ же казакамъ и волостнымъ чинамъ. Существующій порядокъ выдачи билетовъ поселенцамъ требовалъ коренной перемѣны и на этой мысли, не безъ основанія, остановились сибирскія власти.

Между тѣмъ, промышленные богатые люди обижать и такихъ поселенцевъ, каковы, напр., якутскіе, заброшенные въ болѣе негостеприимныя страны Сибири. Живутъ они въ юртахъ или, лучше, въ ямахъ и роютъ ихъ, по возможности, въ сухой землѣ; но и тогда имъ необходимо поддерживать безпрестанный огонь, чтобы просушивать юрту и просушиваться самимъ. Жилища этихъ осѣдлыхъ людей все-

таки похожи на звѣриныя логовища. Устройство немудрое и очень незavidное: на вертикально утвержденныхъ столбахъ (винообразныхъ сверху) кладется въ распорки или въ эти вилы поперечный брусъ, отъ котораго до боковъ ямы положены мелкія бревна. Постлѣднія открыты вѣтками ельника, а сверху его обложены дерномъ. Среди юрты—очагъ изъ тонкихъ жердей конусомъ, выходящимъ изъ ямы, обмазанной глиною внутри и снаружи. Тутъ и телята и ребята. Лѣтотъ юрты берестяныя. Скотъ стоитъ на вѣтру, хлѣбовъ во всей Ленѣ нѣтъ и въ заводѣ.

Въ якутскихъ странахъ, при неблагоприятныхъ условіяхъ сырой мѣстности и гигиеническихъ правилъ, среди поселенцевъ существуетъ особый видъ оригинальной болѣзни, однородной кликушеству лѣсныхъ губерній и неkotъ тундрныхъ сѣверныхъ, обладающей признаками сильного нервного расстройтва. Прокляженные и болѣею частью испуганные по Ленѣ называются „миряками“ и „мирячками“. Припадки выражаются обезьянинымъ свойствомъ безотчетнаго подражанія тѣмъ дѣйствіямъ и явленіямъ, которыя нечаянно попадаютъ на глаза больному во время болѣзненныхъ кризисовъ. Стоитъ крикнуть несущему въ рукахъ вещь „бросай!“ — онъ немедленно броситъ. Одна мирячка встрѣтила на мосту въ Якутскѣ спутника, поднявшаго щепку и бросившаго ее на ея глазахъ черезъ перила въ рѣку; большая въ мгновеніе ока вскочила на перила, спрыгнула въ воду и утонула. Такіе же шутники, встрѣченные больнымъ, заставляли поднимать подошвы только тѣмъ, что передъ глазами сбрасывали собственные напки на землю и тотчасъ же ихъ поднимали; тѣ бросали хрупкія и ломкія вещи при видѣ другого, бросившаго что нибудь, причѣтъ предварительно вскрикивали, судорожно икали и рыдали. Одна мирячка, видя ящичка, грѣвшаго надъ угольями руки, не задумалась положить свои на горячіе уголья и навѣрное продержала бы до безвозвратнаго антонова огня, если бы во-время ихъ не сняли. Одинъ поселенецъ бѣжалъ дорогою и, видя хворостъ, сложенный кучею, захотѣлъ воспользоваться готовымъ матеріаломъ, чтобы развести огонь. Хворостъ завялся огнемъ, но изъ-подъ него неожиданно выгѣзъ человекъ, спавшій и укрывшійся имъ отъ мороза и снѣга. Поселенецъ испугался, сталъ мирячить; припадки съ годами усилились. Замѣчено, что лишь только завелась правильная доставка по Ленѣ хлѣба и уничтожился кредитъ сосновой коры—миряковъ стало меньше. Водятся они кое-гдѣ и за Байкаломъ и называется тамъ олганджи. Это—тѣ же великорусскіе дурачки, каженники, юрдивые (съ монгольскаго—пугливый, боязливый; а мирякъ съ якутскаго, собственно имерехъ, имеряхъ — вздрагивать, бѣсноваться).

Кромѣ естественныхъ причинъ и главной—испуга, болѣзнь появляется отъ жалости, состоящей въ подражаніи большому огаджамъ, а потомъ отъ злоупотребленія половыми удовольствіями и эванизмомъ.

Живеть поселенный народъ такъ бѣдно, что вызываетъ слезы. Во всѣхъ другихъ мѣстахъ Сибири есть съ кѣмъ слово перекинуть и, пожалуй, у своего же брата-поселенца найти на первый случай и пищу, и пріютъ и состраданіе; живутъ тамъ поселенцы въ селеніяхъ. Въ Якутской области совсѣмъ не то. Тамъ поселенецъ, въ видахъ развитія хлѣбопашества и распространенія прочнаго хозяйства по обычаямъ осѣдлыхъ людей, селятъ между инородцами. Якуты живутъ разбросанно и больше скотоводы. Противъ смыльных они предубѣждены еще сильнѣе, чѣмъ сибиряки русскіе. Приходящій сюда смыльный живетъ, питаясь кислымъ молокомъ съ тарою (древесною корою) и изрядка рыбою; работы себѣ не находятъ и, дойдя до мѣста назначенія, беретъ билетъ, чтобы идти въ городъ на заработокъ или на золотые прииски. Тамъ онъ, если нажилъ плюсовыя шаровары, красную рубаху, кумгурскіе сапоги и суконый картузь—значить, богатъ сталъ. Если перекинулъ черезъ плечо красную шаль и взялъ гармоникку—значить веселье и счастье, а если пляшетъ около кабака—стало быть денегъ нѣтъ, всѣ пропалъ. Бѣжитъ онъ отсюда рѣже, но за то и якутовъ хозяйству не выучилъ и еще больше возстановилъ дикаря противъ себя и противъ будущаго товарища, потому что лѣнивъ и ничего дѣлать не хочетъ: двора якутхозяину онъ не почиститъ, дровъ не нарубитъ, за скотомъ не приметреть...

Впрочемъ, въ Якутской области есть и богатые поселенцы и изворотливые люди. Это—переселенные изъ Туруханскаго края (съ Енисея на Лену) скопцы, чловѣкъ до 500, поселенные верстахъ въ 15-ти отъ Якутска около Олекмы и по рѣкѣ Алдану. Эти не погибнутъ, потому что принесли съ собою деньги и потому что знаютъ секретъ и искусство торговства. Зато они и бесполезны и ссылка относительно скопцовъ, стремясь къ одной только дѣли наказанія, не достигала никакой. Эти забѣе и драблые, слабодушные и хитрые люди—настояще отчаянные фаталисты, что съ твердостью и стойкостью и безъ ропота покорялись своей участи и не сознавали разницы ни между Аландскими островами и Закавказьемъ, ни между Туруханскимъ краемъ и Якутскимъ. Ссылка въ Сибирь для нихъ имѣетъ еще тотъ религіозно-мистическій смыслъ, что Сибирь для нихъ обѣтованная земля, а Иркутскъ—Иерусалимъ, ибо сюда былъ сосланъ ихъ живой богъ, Кондратій Селивановъ. Оттуда, съ Иркутской горы, придетъ онъ, батюшка живой богъ, чтобы соединиться съ своими дѣтками. „Они ждутъ его всяко времячко,

по суду-глаголу небесному, обогрѣтъ сердца ихъ внутренни“. Пришествіе это они вымаливаютъ и выраниваютъ на своихъ радѣннѣхъ, а между тѣмъ, въ ожиданіи, наколачиваютъ копейку въ Туруханскомъ краѣ на Енисей извозомъ, да и на рѣкахъ Охотскаго края (Алданъ и Маѣ), куда переселяли ихъ съ весны 1860 года, они гроша своего не теряли, но для края ничего не дѣлали. Географическое перемѣщеніе могло только еще болѣе ожесточить ихъ противъ остальныхъ людей. Извѣстно, что они на помощь погибавшимъ въ мятелѣхъ и сибѣннѣхъ пустыняхъ Туруханскаго края никогда не являлись и тѣмъ извѣстны были всѣмъ старожиламъ. Большая часть этихъ скопцовъ были изъ лютеранъ-чужоцъ, сосланныхъ изъ Петербургской губерніи. Но въ томъ же Туруханскомъ краѣ, вдоль того же Енисея, двумя селеніями (Мирнымъ и Искутъ) поселены были дуборосы и жили богато. Эти въ другомъ мѣстѣ могли бы принести большую пользу, какъ это доказываютъ молококане, поселенные на Амурѣ.

Вообще, смыльные, судя по природѣ и по благопріобрѣтенному досужеству, кладутъ на картину поселенческаго быта своеобразные и новые оттѣнки. Если въ Якутской области выслаемые въ административномъ порядкѣ лица, исключенныя изъ духовнаго званія, стужили сдѣлать изъ Киренска и Якутска города, извѣстные своими кляузами и ябедами въ ибѣлой Сибири, но все-таки несутъ бѣдственную участь, за то кладутъ на ссылку не менѣе яркія краски, но живутъ, не бѣдствуютъ. Мѣста, гдѣ сучили татаръ, славятся конокрадствомъ; гдѣ поселились евреи, тамъ коммерческая суетня и толкотня. Въ Сибири также думали было превратить евреевъ въ хлѣбопашцевъ, но и здѣсь, какъ и въ западной Россіи, народъ этотъ стужилъ разбить всякія надежды и прямо остался при своихъ качествахъ. Изъ города Каннска евреи успѣли сдѣлать такой же городъ, какихъ нечелюслимое множество во всемъ западномъ краѣ Россіи. Каннскъ сибиряки справедливо прозвали „жидовскимъ Иерусалимомъ“ (евреи составляютъ $\frac{1}{5}$ части всего городского населенія). Изъ городка, не имѣющаго никакого промышленнаго и торговаго движенія и, какъ всѣ города Сибири, вообще углубленнаго въ себя и мертвенно молчаливаго, евреи сдѣлали крикливый, живой и торговый. На площадкѣ приладилъ рынокъ, выросли какъ грибы, лавченки, въ лавченкахъ засѣли еврейки. Евреи, сбиваясь въ многообразныя и многочисленныя кучки, машутъ руками; бѣгала по улицамъ, машутъ фалдами длиннополоыхъ казнетовыхъ сюртуковъ и пейсами, которые здѣсь, въ Сибири, они-таки отстояли. Словомъ, въ Каннскѣ все, какъ въ любомъ изъ городовъ и мѣстечекъ Вѣлороссіи: удивляешься тому, съ кѣмъ торгуютъ грудями тряпья и всякой рвани еврейки. Евреи же до-

былись того, что въ Канискѣ теперь одно изъ главнѣйшихъ мѣстъ склада всего пушного товара (особенно бѣлчиныхъ хвостовъ), отправляемаго за границу, на Лейпцигскую ярмарку. Потому-то на такой песчаный и убогий городокъ съ 700-ми жителей насчитывается до 70 кушновъ; на десять русскихъ мѣщанъ одинъ еврей маклачить комиссіонерствомъ и факторствомъ по закупкѣ мѣховъ, а въ вознагражденіе за хлопоты получаетъ всякую разнокалиберную мелочь-галатерю. Съ женою онъ таскается потомъ, въ урѣченное время, по торжкамъ и ярмаркамъ, по селамъ, городамъ и деревнямъ Западной Сибири. Такъ какъ въ Канискѣ мѣстѣ съ евреями поселены и цыгане, т. е. худшее изъ худшихъ, то полиція бываетъ довольно работы доходить до правды въ плутовской путаницѣ этихъ народовъ.

Въ Восточной Сибири евреи устраиваютъ такой же кипучій оборотливый городокъ въ Баргузинѣ и тамъ еврей не лянется и не затерявается. Придетъ онъ на каторгу нищъ какъ Ювъ, босъ, голыдегъ и оборвантъ; мѣсяца черезъ три-четыре, при своей юркости, втерся въ урочные работники: дровосѣки, рудовозы, взявъ годовой урокъ, нанялъ за себя охотниковъ изъ заводскихъ крестьянъ, кончилъ ихъ руками и своею сметнею этотъ годовой урокъ въ недѣлю; сдѣлался по закону на весь годъ свободнымъ. Смотря, у жиды уже появился на рукахъ изъ мѣховъ возлюбленный имъ инструментъ - коробочка, на которой онъ и играетъ угѣлыми руками такъ, что коробочка превращается въ коробку, коробка въ лавченку и лавку. Прешній, совсѣмъ истрепанный еврей преобразуется уже въ торговца, угѣлошаго убогаторвать мыломъ, табакомъ, желѣзомъ, чаемъ и омулями. Мыло варить самъ понемножку, лить свѣчи, панпресы крутить. На омуляхъ онъ обсчиталъ, желѣзо у него ворованное изъ казны, чай онъ держитъ только контрабандный; онъ и самъ пришелъ сюда „за тайный ввозъ заграничныхъ товаровъ“. Тѣмъ не менѣе, гдѣ зашевелились евреи, тамъ мелочная торговля процвѣтаетъ: еврей дѣлается образцомъ и примѣромъ для неподвижнаго сибиряка-горожанина, которому есть чему у него поучиться. Для Сибири еврей пригоденъ и полезенъ. Въ Сибири для нихъ—широкое поле вѣсто того, на которомъ они живутъ теперь и гдѣ такъ надоѣли всѣмъ туземцамъ. Если не мало возни съ ними въ Сибири по поводу участія въ перепродажѣ хищническаго золота и въ продажѣ заграничныхъ европейскихъ контрабандныхъ товаровъ, то, по словицѣ, на то и шука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ. Евреи спланиваются въ ассоціаціи, чтобы ссылка не могла нарушить единства, и, черезъ живую и непрерывную связь изъ ловкихъ евреевъ черезъ города сибирскіе, не обрывалась связь Нерчинска съ Верхне-Болозовъ, Радзивило-

вынъ и Лейпцигомъ, и наприимѣръ, канискіе евреи, принадлежащіе къ ассоціаціи „Новаго Іерусалима“, не утрачивали симпатій и связей съ сотоварищами, живущими въ Минскѣ *). Впрочемъ, съ евреями въ Сибири, по дѣламъ золотымъ и чайнымъ и по ихъ тайному ввозу и торговлѣ, съ успѣхомъ соперничаютъ туземные казаки и русскіе поселенцы. За то, гдѣ бы ни открылась золотая россыпь и ни начались работы на ней—еврей-торговцы не медлятъ отправиться туда на границу дозволенной законами дистанціи съ ситами, илисомъ, платками, пуговками и иголками, съ винами и водкою, чтобы съ достоинствомъ и выгодною принять на свое попеченіе „желтую пшеничку“ или краденный золотой песокъ. Если попадаются евреи на каторгу, приходятъ туда за убійство, то злодѣи эти бываютъ настоящіе и на каторгѣ остаются непримиримыми.

Относительно перевоспитанія еврея въ сибиряка замѣчено, что торговая изворотливость, давая возможность приобретенія небольшихъ капиталовъ и обезпеченія добраго быта (который для сибиряковъ-евреевъ можно назвать помѣстнымъ), торговля, требующая ежечасныхъ сношеній—значительно пособила евреямъ обезличить собственную національность. Евреи въ Сибири одѣваются по русски, женщины ни въ чемъ не отличаются отъ сибирскихъ мѣщанокъ; по костюму, въ средѣ мѣстнаго населенія, они не представляютъ особенной группы. Только физіономія обособляетъ ихъ. Старики говорятъ по польски и по русски; поколѣніе, народившееся въ Сибири, не знаетъ польскаго и довольно сильно въ русскомъ. Третье поколѣніе забываетъ и еврейскій языкъ и даже дома со своими непремѣнно говоритъ по русски. Прежде, изъ боязни кнута и всегда изъ интересовъ денежныхъ, евреи принимали православіе, хотя и увергали въ сердцѣ любовь къ талмуду. Дѣти неопитовъ еще носили еврейскія имена, но для свѣта имѣли уже русскія. Обычаями отцовской вѣры таковые охотно пренебрегаютъ и зло подсмѣиваются надъ ними. Въ четвертомъ, третьемъ поколѣніи неопита всѣ слѣды еврейства совершенно сглаживаются по тому же способу, какъ и въ дѣтахъ перекрестей-солдатъ. Мѣры, принятія законодательствомъ для сибирскихъ евреевъ, принявшихъ христіанство, и состоящія въ ослабленіи 8-ми-лѣтняго срока пребыванія въ цехѣ слугъ до четырехъ лѣтъ, не произвели на евреевъ, поселившихся въ городахъ, благотворнаго дѣйствія относительно ихъ водворенія, но произвели его въ томъ отношеніи, что евреи сѣвшились креститься. Крещеные не уживались у хозяевъ и вызвали новую мѣру, по силѣ кото-

*) Недавно (тридцать лѣтъ назадъ) въ Минскѣ дано было знать канискою полиціею, что тамошніе евреи послали слитокъ золота, но что этотъ слитокъ—краденый.

рой всё таковы названы виновными въ развратномъ и непослушномъ поведеніи. Оставшіеся безъ пристанища должны быть отправляемы на поселеніе.

Судя по архивнымъ дѣламъ и по наблюденіямъ сторожидовъ и начальства, слышные изъ инородцевъ финскаго племени, отличающіеся угрюмымъ характеромъ и крайнею неспособностью (въ особенности сосланные изъ Финляндіи), замѣчательны тѣмъ, что безропотно поворяются своей участи, какъ бы она ни была тяжела, и съ мѣстъ водворенія никогда не бѣгутъ. За то инородцы болѣе жгучей крови и болѣе живого темперамента (каковы, напр., кавказскіе горцы) признаютъ волю судьбы только до тѣхъ поръ, пока не истекъ каторжный срокъ. Но лишь только сняли съ нихъ кандалы, приливъ тоски по родинѣ становится такъ силенъ, что южные инородцы бѣгутъ тотчасъ же. Насколько прочны и усидчивы на мѣстѣхъ поселенія рыжіе и блѣнокорые люди сѣвера, настолько мало охотятся въ поселенці черноволосые и статные бѣгуны съ южныхъ горъ *). Кочевниковъ (вродѣ киргизъ, калмыковъ и татаръ) никакія силы не удерживаютъ на осѣдлыхъ поселеніяхъ и стремленіе въ степь, на свою волю, у нихъ едва ли не сильнѣе горской тоски. Поселенцы изъ поляковъ, по множеству крупныхъ архивныхъ дѣлъ, часто замѣшиваются въ дѣланы фальшивыхъ ассигнацій, приготовленіе которыхъ всегда оправдываютъ тѣмъ, что намѣревались возвратиться на родину и помочь въ той же цѣли остальнымъ своимъ товарищамъ. Въ намѣреніи къ побѣгу шляхтичи и дворяне западныхъ губерній и царства Польскаго не останавливаются ни передъ какими препятствіями: бѣгутъ, напримѣръ, за китайскую границу, самую опасную и ненадежную, но убѣгаютъ и въ Европу по сѣвернымъ гундрамъ, черезъ Швецію и Норвегію, а большая часть, заурядъ со всѣми, попадаетъ въ опасное положеніе искателей приключеній, во главѣ которыхъ стоитъ знаменитый своими похождениями охотскій герой Беньовскій, убитый въ Африкѣ, на островѣ Мадагаскарѣ (см. въ 3-мъ томѣ).

Русскіе раскольники отличаются на мѣстѣхъ поселеній стремленіемъ къ пропагандѣ своего ученія (и не безъ примѣтнаго успѣха, блестящаго въ старыя времена, замѣчательнаго и въ новѣйшія). Даже и скопцы уловляли въ свои сѣти (судя по архивнымъ дѣламъ Нерчинскихъ заводовъ), и молокане и духоборцы находили себѣ слушателей и послѣдователей даже между такими извѣрившимися и холодными людьми, каковы

*) Исключая армянь, которые, подобно евреямъ, спѣшатъ укрѣпить себя въ Сибири посредствомъ коммерческихъ путей и разносную офенскую торговлю предпочитаютъ сидячей; но указъ 1828 года (26 декабря) остановилъ ихъ дѣятельность въ предѣлахъ той губерніи, въ которой они поселены.

наши каторжные. Такъ по одному архивному дѣлу, намъ извѣстно, что нѣкоторые изъ каторжныхъ „не шли къ священнику, говоря, что они дѣламъ рукъ человѣческихъ не поклоняются и присяги учинить не хотятъ; работы же, какія по службѣ съ нихъ требованы будутъ, исполнять не отрекаются, и что они присягу имѣютъ внутреннюю, а дѣлами рукъ человѣческихъ называть св. евангеліе и животворящій крестъ, что они дѣланы руками“. По другому дѣлу видно, что нѣкто Ярошенко совратилъ многихъ служителей и слышныхъ, „пользуясь Библией—книгою, дозволенною для чтенія слышныхъ“. Одинъ изъ уклонившихся служителей Кухтинъ, когда тамошнія духовныя власти позвали его для увѣщанія, простеръ свою дерзость до того, что, не уважая святости мѣста, прошелъ по паперти собора, не снимая съ головы шапки и съ рукъ рукавицъ. Въ томъ же самомъ видѣ явился и въ присутствіи духовнаго правленія передъ зеркаломъ. На спросъ священника: почему онъ такъ поступаетъ? отвѣчалъ: „Вѣдь это есть писанное руками человѣка, а потому и не хочу снять предъ нимъ шапки и рукавицъ“. Этому Кухтина судили военнымъ судомъ и велѣли прогнать два раза черезъ 500 человѣкъ. Въ пользу молоканства и духоборчества замѣтна между вообще холодными въ вѣрѣ слышными большая симпатія. На этихъ примѣрахъ дѣло не остановилось, а шло дальше. Нѣкто Кудрявцевъ подвелъ подъ судъ еще 8 человѣкъ служителей. Судъ обратилъ ихъ всѣхъ въ солдаты; служителя Суходомина сослалъ въ Турханскъ и велѣли поселить между некрещеными инородцами, какъ негоднаго къ службѣ по лѣтамъ (41 годъ). Одинъ изъ обращенныхъ въ молоканство слышныхъ (Нероновъ) оторвалъ иконы „въ небытность никого въ церкви“ и бросилъ ихъ на полъ; вошедшему дьякону говорилъ: „Вотъ ваши боги идолы, которыхъ я побросалъ; поди, молись я, если они святые, то пусть встанутъ“. На судѣ показалъ, что все это говорилъ въ здравомъ разсудкѣ. Наказаніе не вразумило. Нерчинскому начальству удалось уличить еще новыхъ совращенныхъ, изъ которыхъ одинъ расколотовъ на-двое икону носилъ въ сапогахъ подъ пятою. И снова судили одного, увѣрявшаго, что „въ церкви нѣтъ надобности“. Духоборцевъ начали ссылать въ Сибирь вскорѣ послѣ того, какъ эта секта сдѣлалась извѣстною властямъ. Въ 1799 году состоялся указъ, повелѣвающій ссылать въ вѣчную каторжную работу изблеченныхъ въ духоборческой ереси, „отвергающихъ высшую власть на землѣ“. Въ 1805 г. участь сосланныхъ была облегчена, въ одно время съ облегченіемъ такой же участи духоборцевъ, находившихся въ Россіи. „Духоборцамъ, сосланнымъ въ Сибирь, предоставлены были тѣ же права, которые даенъ поселеннымъ на Молочныхъ-Водахъ (Мелито-

польскаго уѣзда Таврической губ.), но не возвращая ихъ изъ Сибири въ Россію. До 1847 г. всѣхъ сектаторовъ ссылали, между прочимъ, и въ Минусинскій округъ, но, по донесеніи сенатора Толстого о томъ, что этотъ округъ лучший во всей Восточной Сибири и притомъ пограничный съ китайскимъ государствомъ, постановили (указомъ 18 апрѣля) ссылатъ скопцовъ въ Туроханскій край, а послѣдователей всѣхъ прочихъ сектъ въ Якутскую область.

Ряные изъ старообрядцевъ, приверженцевъ до-никоновскихъ книгъ и обычаевъ, подтвердили исторію ссылки весьма нерѣдкими случаями крайняго отшельничества, начинавшагося исканіемъ одиночества и сосредоточеннаго созерцанія гдѣ нибудь въ лѣсной пещерѣ и кончавшагося въ нерѣдкихъ случаяхъ собираніемъ маленькой слободки. Указанный нами примѣръ Гурія Васильева — въ Сибири не послѣдній. Политическихъ и религиозныхъ убѣждений ссылка не мѣняетъ; образъ поселенія и приемы, при этомъ употребляемые, не мѣняютъ оставаться при томъ же, что принесено въ запасъ изъ Россіи. Каторга на время тушить огонь, но пещеръ скопляется. Вслѣдствіи, на поселеніи, огонь опять разгорается, а тушить его тамъ не умѣютъ.

Въ архивѣ нерчинскаго Большаго завода сохранился рассказъ о приключеніи 20-ти старообрядцевъ изъ уральскихъ казаковъ, сосланныхъ въ 1809 году на Нерчинскіе заводы. Казаки упорно не соглашались получать казенное довольствіе и находиться на казенныхъ работахъ. Нѣкоторые изъ нихъ довели себя, такимъ образомъ, до крайней нищеты и, отказываясь отъ казеннаго пайка, предпочитали питаться милостынею. Принятые противъ этого строгія мѣры были не дѣйствительны. Сибирскій губернаторъ велѣлъ, при всякомъ случаѣ упорства, давать имъ по десяти ударовъ кнутомъ, но казаки все-таки продолжали говорить свое: „Мы требуемъ Государя Императора именнаго повелѣнія, почему мы безвинно посланы, но оно намъ не показывается; ваша воля, что хотите надъ нашими тѣлами, то и дѣлайте, однако же работать не будемъ до конца жизни“. Одинъ, истощенный голодомъ и „принесъ съ собою малое количество хлѣба“, приговаривалъ: „Вудучи сосланъ невинно, непремѣнное мнѣю намѣреніе, хотя и лишиться жизни, но въ работѣ не быть“. Одно изъ казаковъ (Якова Красятова) за такое упорство успѣли уже разъ наказатъ плетью и два раза выбить кнутомъ; послѣдній разъ съ вырѣзаніемъ ноздрей *) и постановленіемъ знаковъ. Точно также четыре раза наказанъ былъ другой казакъ (Данило Лифановъ), а пя-

*) Рвали ноздри до костей особыми щипцами. На Нерчинскомъ заводѣ разъ щипцы эти оказались узки и коротки: пазачъ только съ трехъ приѣмовъ могъ кончить операцію. Старые щипцы велѣно замѣнить новыми и указано кое-какъ не бросать, а прятать.

теро по два раза. Нѣкоторые подчинились, другіе упорствовали. Не зная, что съ ними дѣлать, остановились на той мѣрѣ, чтобы выдавать имъ провіантъ въ ограниченной дачѣ, достаточной только для поддержанія жизни, и учрежденъ былъ строжайшій надзоръ за тѣмъ, чтобы казаки ни отъ того со стороны не получали. Успѣха не было: казаки продолжали стоять на своемъ (какъ доносила нерчинская горная экспедиція иркутскому гражданскому губернатору). Чѣмъ кончилось все это дѣло, по дѣламъ архива не видно.

Случай невинно сосланныхъ и гласно признаваемыхъ таковыми, конечно, большая рѣдкость въ сравненіи со всею массою осужденныхъ и мы не входимъ въ разборъ этого темнаго вопроса за неизмѣнѣмъ данныхъ. Данные же тщательно скрываются, какъ особенный и величайшій секретъ. Кое-что, однако, извѣстно. Сперанскій нашелъ въ Томскѣ поручика Козлинскаго, который, лечась отъ ранъ или болѣзни въ Перми, вдругъ былъ схваченъ и препровожденъ въ ссылку. Другого сослалъ подъ ячій изъ какой-то Шенгурской губерніи; нѣкую Крестину Яковлеву гнали уже въ ссылку за рижскую уроженку Редоко-Янгъ. Н. О. Лаба, ревизовавшій забайкальскія поселенія въ началѣ нынѣшняго столѣтія, нашелъ, между прочимъ, такой безпорядокъ: иркутскій нижній земскій судъ заслалъ назначенныхъ на поселеніе въ Нерчинскіе заводы на каторгу. Между прочимъ изъ таковыхъ показана „женка Настасья Фалѣева въ 1802 году изъ дворянокъ, въ замужествѣ была за поручикомъ Измайловскаго полка Кашниковымъ и, по смерти мужа, принята была Новагорода въ Духовъ монастырь бѣлицею и за самовольную отлучку изъ онаго на ночь въ гости, по гѣвву игумена того монастыря, отправлена въ здѣшніе заводы безъ наказанія“. Лѣтъ 20 тому назадъ совершено было какое-то важное преступленіе. Виновныхъ не наши: по однимъ слухамъ они задобрили слѣдователя, по другимъ не отысканы по бездарности слѣдователей. Виновныхъ велѣно было разыскать во что бы то ни стало. Усердіе, возбужденное приказаніемъ, выразилось въ томъ, что схватили, судили, выбили кнутомъ и сослали въ Сибирь первыхъ встрѣчныхъ. Вслѣдствіи обнаружались настоящіе преступники: невинно-сосланныхъ возвращали. Тѣмъ, которые остались въ живыхъ, выдали за каждый ударъ кнута по сколько-то рублей; умершіе же такъ и отошли не рассчитанными. Извѣстенъ лейтенантъ Борисовъ, сосланный за разбитіе датскаго корвета якоремъ и за мужеложство, по протекціи прощенный потомъ; однако, не возвратился, говоря: „Законъ прислалъ въ Иркутскъ меня, зачѣмъ стану возвращаться въ другой какой либо городъ“. Въ Красноярскѣ въ кабакѣ убитъ былъ сидѣлецъ; его поднос-

чикъ мальчикъ въ ту ночь не вѣчалъ дома. Его заподозрили, онъ указалъ на домъ дяди, какъ на мѣсто своего ночлега; справка не подтвердила показанія, его били кнутомъ и переплавали черезъ Енисей; онъ обернулся къ городу и выкричалъ клятву, что ни въ чемъ не повиненъ. Прошло довольно времени; въ Красноярскѣ поймали бродяго-поджигателей и двое показали на себя убійство цѣловальника. Подносчика прострелили, вернули, стали спрашивать, послѣ расчета по пяти руб. асс. за каждый напрасный ударъ кнутомъ, и узнали, что подносчикъ не указывалъ ночлега потому, что ночлегъ этотъ былъ въ домѣ купеческой дочки, на которую не указывалъ онъ, не желая ее срамить. Въ Оренбургѣ извѣстенъ былъ такой случай противоположнаго характера. Всѣхъ извѣстенъ былъ и у всѣхъ на почетѣ богатый купецъ, приговоренный въ каторгу и посланный туда вмѣсто себя другого. Въ Онегѣ мы лично знали другого, считавшагося умершимъ. Въ Тобольскѣ живъ въ памяти случай вѣзда въ тюремныя ворота, за партией ссыльныхъ, кареты и въ статейныхъ спискахъ указаніе на княгиню, ссылаемую за дѣтубійство; изъ кареты вышла на перекичку самая отчаянная неуклюжая баба. Княгиня, говорятъ, стала жить въ изгнаніи, но въ Швейцаріи.

Довольно извѣстна исторія одного такъ называемаго „Странника“. 28 августа 1835 года въ Твери взятъ былъ полиціею неизвѣстный человекъ, имѣвшій видъ богомольца. На вопросы онъ не отвѣчалъ ни слова, а только послѣ многихъ настояній рѣшился объявить, что три года назадъ получилъ благословеніе отъ родителей на странническую жизнь и вотъ съ тѣхъ поръ онъ ходитъ по разнымъ мѣстамъ на богомолье. Когда потребовали отъ него рукоприкладства, онъ такого дать не согласился и заявилъ, что далъ обѣтъ Богу никому не открывать своей родины, имени и отчества, и потому отвѣчать будетъ только Богу, а не присутствію полиціи и уѣзднаго суда. Сенатъ, признавъ странника бродягою, умыленно скрывающимъ свое имя, происхождение и вѣдомство, опредѣлилъ наказать его, на точномъ основаніи 242, 243 и 399 ст. XV т. Св. Угол. Зак., при полиціи плетми 30-ю ударами и потомъ сослать въ Сибирь на поселеніе. Приговоръ этотъ приведенъ въ исполненіе 12 марта 1836 года. Странникъ безмолвный безропотно и безотвѣтно перенесъ наказаніе и былъ водворенъ на жительство въ Енисейской губерніи Ачинскаго уѣзда.

Восемнадцать лѣтъ прожилъ онъ тамъ забытымъ, хладнокровно перенося незаслуженное имъ наказаніе и именуя себя странствующимъ въ мірѣ, ищущимъ не здѣ лежащаго града, но взыскающій грядущаго, во всякомъ случаѣ не ближе горнаго Иерусалима. Теперь ему, из-

гнанному правды ради, и царство небесное не далеко отстоятъ, какъ будто и дорога стала легче и пріятнѣе, по крайней мѣрѣ, вмѣсто тумана впереди, обозначился просвѣтъ, явилась надежда увидѣть то, чего ищеть. Онъ, по приходѣ на мѣсто поселенія, такъ и назвалъ себя „Странникомъ“, не объявляя ни имени, ни отчества. Но такъ какъ, не понявъ волостного правленія, безъ имени и овца барана, то, прислушавшись къ мнѣнію сосѣдей, назвали его такъ, какъ называли его эти сосѣди: Иваномъ Захаровымъ Спасовымъ, во имя пророка Іоанна Крестителя, сына Захаріина. Странникъ прозвищу такому не противорѣчилъ, жалъ, молясь этому угоднику и стараясь подражать его страннической и постической жизни. Нѣкоторые искушенія, однако, показались ему не подъ силу; онъ долго боролся, боролся семь лѣтъ, но духъ не выдержалъ, терпѣніе его истощилось и онъ рѣшился открыть мѣсто своего пребыванія родной сестрѣ своей, коллежской ассесоршѣ В., которая не замедлила подать прошеніе московскому гражданскому губернатору въ февралѣ 1854. Изъ прошенія этого видно, что Странникъ—бывшій подпоручикъ А. 2-го Егерскаго полка, гдѣ занималъ должность квартирмейстера, казначея и адъютанта. Выйдя въ отставку въ 1824 г., двадцати лѣтъ, проживалъ при родителяхъ въ имѣніяхъ Серпуховскаго и Мценскаго уѣздовъ. Онъ былъ довольно образованъ и зналъ хорошо языки нѣмецкій и французскій. Возникъ въ твердое намѣреніе оставить свѣтъ для странствій, пошелъ въ монастыряхъ и другимъ св. мѣстамъ Россіи. Странствуя въ 1832 и 1833 году, онъ былъ уже на пути въ Иерусалимъ, но, безмолвствуя, въ г. Кишиневѣ навлекъ на себя подозрѣніе и былъ задержанъ. Однако, губернатору Аверину могъ еще представить указъ объ отставкѣ и согласился написать адресъ родителей. Его препроводили въ Мценскъ. Здѣшняя полиція немедленно освободила его, но почему-то сочла нужнымъ удержатъ нѣкоторые изъ его бумагъ. Онъ вновь отправился странствовать уже безъ нихъ. Въ 1835 г. зашелъ на моленіе въ Тверь въ соборъ. Отсюда, какъ странникъ, былъ приглашенъ купцомъ Кудеровымъ въ его домъ пообѣдать. Придя туда, продолжалъ безмолвствовать, чѣмъ разсердилъ купца и Кудеровъ не замедлилъ представить его въ полицію. Отсюда начались тѣ преслѣдованія, о прекращеніи которыхъ просила сестра. Московскій губернаторъ отнесся къ тверскому; тверское губернское правленіе, въ ноябрѣ 1855 г., черезъ ужурское волостное правленіе отобрало показаніе отъ Ивана Захарыина Спасова, вытребовало документы изъ мценскаго земскаго суда, копію съ формуляра изъ инспекторскаго департамента военнаго министерства, отъ губернскихъ предводителей дворянства Московской и Орлов-

ской губерній свѣденія о родѣ дворянъ А., отъ сестры его черезъ серпуховскаго городничаго подробныя свѣденія о братѣ. 17 опытныхъ чиновниковъ слѣдили почеркъ А. по письмамъ отъ 1822 года съ почеркомъ на показаніи, данномъ въ Ужурской волости въ 1854 г. Получены были вполнѣ удовлетворительныя свѣденія изъ всѣхъ этихъ мѣстъ и отъ всѣхъ затронутыхъ лицъ. Дѣло въ апрѣлѣ 1856 года поступило въ сенатъ; въ февралѣ 1859 г. сенатъ рѣшилъ: оставшему подпоручику А., находившемуся подъ именемъ Ивана Захарова Спасова въ Енисейской губерніи, предоставить возвратиться изъ Сибири. Но — по выраженію законодательницы Екатерины — лучше десять виновныхъ простить, чѣмъ одного невиннаго наказывать. При современныхъ гласныхъ и открытыхъ судахъ такихъ крупныхъ несчастій случиться не можетъ и нѣтъ сомнѣній въ томъ, что и сами ссыльные перестанутъ прибѣгать къ извѣстнымъ проповѣдямъ о томъ, что они совершенно напрасну сосланы *).

Въ Сибири ссыльные еще продолжали производить такого рода операціи: осужденные на поселеніе мѣнялись именами съ каторжными за какое нибудь ничтожное вознагражденіе. Настоящій каторжный оставался на поселеніи, настоящій поселенецъ, по прибытіи на чужое мѣсто, открывалъ свое званіе. Точно также и поселенцы мѣнялись именами и прозвищами между собою, когда одному приходилось идти не туда, куда было сподручнѣе, а другому, беззавѣтному бродягѣ, куда ни идти было все равно. Постановили: всякаго ссыльнаго, давшаго на прокатъ свое имя каторжному, оставлять въ каторжной работѣ пять лѣтъ, а каторжному, по наказаніи на мѣстѣ ста ударами розъ, прибавлять еще пять лѣтъ сверхъ срочныхъ. Обижавшихся между собою именами поселенцевъ указано назначать на два года въ каторжныя заводскія работы. Относительно перемены именъ и происходящей оттого путаницы рассказы сибирскіе безчисленны. Что же касается до того, что весьма многіе поселенцы и каторжные и безъ перемены именъ въ былую недавнюю пору попадали туда, куда было имъ сподручнѣе и желательнѣе, то это тоже не секретъ. Прежде въ приказъ тобольскій (въ особенности въ первое время его существованія) откомандировывали для занятій тѣхъ же грамотныхъ каторжныхъ и за цѣлый мѣсяцъ услужливаго писанія отдѣльвались гривною, двумя. За ту же гривну этотъ писарь съ удовольствіемъ отчислялъ собратіевъ туда, куда они просятся; какого нибудь тюменскаго кунца, удивившаго въ каторгу, писалъ на Успенскій винокуренный заводъ, находящійся

въ Тюменскомъ округѣ, и проч. Въ 1861 г. шелъ на заводы Енис. губ. каторжный изъ бродягъ Черниковъ. Дорогою переговорилъ онъ съ поселенцемъ Федоровымъ, шедшимъ на золотые прииски Рязановыхъ; сталося такъ, что Черниковъ очутился на приискахъ, а Федоровъ на каторгѣ. Каторжаникъ въ поселенческомъ званіи на работѣ не былъ; очень тяжело стало, сказалося своимъ званіемъ. Подобнаго рода слугами полнится сибирская земля.

Служили ли развѣщать ссыльныхъ поселенцевъ такъ, чтобы лѣсной житель не попалъ въ степь (и наоборотъ) и, слуганный такою независящею отъ него ошибкою, уходилъ въ лѣсъ съ волчьимъ паспортомъ по чужой винѣ? Изучилъ ли приказъ вѣренную его дозору и попеченію Сибирь, чтобы звать, гдѣ ей надобится больше всего люди такихъ-то знаній, такого-то ремесла? Сомнѣнія нѣтъ въ томъ, что цѣль расноруженій приказа меньше всего карательная и значеніе поселеній, столь существенно важныхъ для Сибири въ другихъ случаяхъ, должно пониматься такъ, какъ желаетъ Сибирь и указываютъ различными способами сами ссыльные поселенцы. Сколько ушло въ Сибирь всякаго рода ремесленниковъ и нерѣдко мастеровъ замѣчательныхъ. Приказъ знаетъ, по фальшивымъ монетамъ, бумажкамъ и печатямъ, какіе искусные граверы попадаютъ въ число ссыльныхъ и часто въ тѣ мѣста, гдѣ и безъ нихъ этому промыслу дано нѣкоторое развитіе. Мы видѣли въ цифрѣ, составляемой самимъ приказомъ, какъ много поставлено имъ ремесленниковъ въ Тобольскую губ., находящуюся въ этомъ отношеніи гораздо въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ, наприм., Томская. Тобольская ближе къ Россіи и ее захватываетъ огромная дуга отхожихъ промысловъ, издавна и до нашего времени направляющихъ сюда свою дѣятельность изъ лѣсной Россіи (напр., губ. Костромской, Ярославской, Вятской и даже Тверской). Если ссыльный боится объявить при спросахъ за собою ремесло и художество, то изъ собственныхъ расчетовъ; если самъ приказъ недостаточно опытенъ, чтобы самому открывать секреты знаній каждаго изъ ссыльныхъ, если онъ удовлетворялся такими глухими показаніями въ статейныхъ спискахъ, что въ такой-то къ такому-то сословію принадлежалъ (и только) и имѣетъ такія-то пріжѣты (по которымъ ни одного не отличишь отъ другого)—то кто виноватъ во всѣхъ этихъ неясностяхъ, невѣрностяхъ, неточностяхъ и путаницахъ? Сибирь ощущаетъ сильнѣйшій недостатокъ въ опытныхъ рабочихъ и, напр., въ дѣлѣ плотничества руководится мастерами изъ солдатъ и приходящими изъ далекой Россіи (какова, между прочими, Костромская губ.). Ремесленниковъ вовсе нѣтъ и крестьяне самыя необходимыя вещи въ хозяйствѣ, не выучившись готовить дома, поку-

*) Между тѣмъ тобольскій приказъ въ партияхъ, приходившихъ изъ Россіи на поселеніе, находилъ очень нерѣдко рѣшительныхъ дураковъ, идіотовъ.

паютъ готовыми. Изъ Кунгура привозятъ сапоги; съ Нижегородской и Ирбитской ярмарокъ готовое платье въ видѣ армяковъ и тѣхъ же сибирюкъ; модное платье—изъ Москвы; сибирскіе мѣха, выдѣланные въ Москвѣ, везутъ обратно въ Сибирь на продажу. Даже желѣзные и мѣдные и стеклянные товары — преимущественный сибирскій продуктъ — привозятся съ заводовъ около Нижняго и отчасти съ уральскихъ. Голландскою сажеею, скипидаромъ, сѣрною и соляною кислотами Сибирь, богатая гѣсомъ и ископаемыми химическими матеріалами, довольствуется изъ Россіи, и проч. и проч. При этихъ условіяхъ, ссыльный ремесленникъ и русскій промышленникъ безслѣдно гложутъ и исчезаютъ въ Сибири, со всѣмъ своимъ досужествомъ и знаніями, только потому, что ихъ распределяютъ зря, одиночками, не группируя въ артели въ необходимыхъ мѣстахъ и угнѣтаясь только какими-то приврачными цехомъ какихъ-то слугъ, который только и оставался на бумагѣ. Между тѣмъ, сибирскіе сторожилы видятъ одесскаго матроса въ Курганѣ, а не на Байкалѣ, повара въ Березовѣ, а не въ Томскѣ, Красноярскѣ, Енисейскѣ или Барнаулѣ, гдѣ испоконъ-вѣку задавались роскошныя лукулловскіе пиры. Херсонскій степнякъ ума не приложить въ дремучей туринской тайгѣ. Вятскій отличный хозяинъ, всю жизнь отбивавшій у гѣса поля и луга, сидитъ на Барабинской степи, гдѣ такъ хорошо было исконнымъ ямщикамъ и извозчикамъ. Лакей бродилъ безъ дѣла по Пелыму, пока послѣ долгихъ исканій не выучился торговать и обманывать остяковъ, вогузовъ и самоѣдовъ. Тѣ самые смыльные, которыхъ самъ приказъ назначалъ въ цехъ слугъ, бродили изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, отъ одного хозяина къ другому, и при этомъ искусственно создаваемые слуги—самые невѣрные, самые неспособные и самые несчастные люди.

Отъ всей этой путаницы повростаеъ, постепенно увеличиваясь, та громадная масса движущагося вдоль и поперекъ всей Сибири кочевого населенія бродягъ, которая, какъ саранча, временами поѣдаетъ, временами глушитъ свѣжіе всходы молодой страны, достойной лучшей участи. Вѣдь въ Сибирь не даромъ тянутся и до сихъ поръ вольные переселенцы и поселенцы съ дозволительными свидѣтельствами. Не даромъ люди, обязанные распечатывать и читать поселенческія письма, говорятъ про безконечныя похвалы этой странѣ, расточаемыя на соблазнъ и на уговоръ родныхъ, оставшихся въ Россіи, чтобы шли сюда, въ эту страну, гдѣ рѣдко урожай не бывають самъ—15 и поля не отдыхаютъ года по 3, по 4 даже въ Енисейскомъ округѣ (не говоря о странахъ при—иртышскихъ, минусинскихъ, забайкальскихъ и иркутскихъ, гдѣ даже коренные инородцы стали превращаться въ земледѣльцевъ). Не даромъ же сторожилы,

питающіе зло противъ бѣглыхъ и каторжныхъ, на вопросъ бродяги: „Нѣтъ ли работы“?—отвѣчаютъ коротко и ясно: „Иди въ кладовую—и выбирай по рукѣ либо серги, либо литовку“. Такимъ образомъ, бѣглецы, сѣмью укрывшіеся и ловко спрятанные, пилать гѣсъ въ городахъ и селахъ, правятъ всякую пощенщину на заникахъ, оканиваютъ роскошныя сибирскія степи, помогаютъ сибирскимъ крестьянамъ убираться съ пашнями и сѣнокосомъ. За одно только укрытельство, за парную баньку, кирпичный чай, за обѣдки отъ стола и обноски изъ стараго платья, работаетъ не только поселенецъ, но и каторжный. Между тѣмъ, страна все-таки отъ поселенцевъ несчастна. Несчастны въ ней и сами поселенцы, но несчастіе всѣхъ изъ нихъ тотъ небольшой разрядъ, который пользуется у всѣхъ сибиряковъ и даже у самихъ поселенцевъ полнѣйшимъ презрѣніемъ и отвращеніемъ. Это—палачи. Преступники, которымъ судъ и судьба судили поселеніе, но которые, по доброй волѣ и по вызову, рѣшились на извѣстное мастерство, въ расчетѣ на лучшую участь. Согласіе ихъ избавило отъ плетей, служба освободила отъ тѣлеснаго наказанія; особая школа выучила владѣть орудіемъ наказанія. Такое искусство у нѣкоторыхъ мастеровъ доведено было нѣкогда до такого совершенства, что они могли по произволу и разрѣзать, какъ острою бритвою, листъ бумаги и такъ подхватить кнутъ, пущенный со всего размаха, что подставленный листъ бумаги оставался невредимымъ. По закону, если кто изъ поселенцевъ не соглашался идти въ палачи, то губерскимъ правленіемъ предоставлено право опредѣлять въ эту должность: или людей, приговоренныхъ къ отдалѣ въ арестантскія роты, по ихъ на то согласію, или вольнонаемныхъ. Впрочемъ, послѣдніе случаи представляютъ замѣчательную рѣдкость и въ законахъ можно считать это дозволеніе остаткомъ стариннаго законодательства, внесеннымъ въ новое лишь про всякой случай. Въ Уложеніи велѣно въ палачи на Москвѣ прибирать изъ вольныхъ людей за поруками, а жалованье обѣщали давать изъ государевой казны; въ городахъ выбирать палачей указано съ посадовъ и съ уѣздовъ съ сохъ, съ двorcовыхъ и черныхъ волостей и со всякихъ сошныхъ людей. Избиратели давали подписки (но неохотно). Палачи присягать должны; сошныя люди отъ выборовъ отказались; ихъ принуждали штрафами. Охотниковъ явилось мало. Царь Федоръ (въ 1680 г.) соблазнялъ жалованьемъ по 4 руб. человѣку, но въ слѣдующемъ же году принуждены были бояре приговорить: послать грамоты къ воеводамъ, чтобы они въ заплечные мастера брали изъ посадскихъ людей (не насильно), а тѣхъ, которые „волею своею въ тое службу быть похотятъ“. Совѣтовали посадскихъ и сошныхъ людей заставить выбрать изъ самыхъ молод-

чихъ или изъ гулящихъ людей, чтобы во всякомъ городѣ безъ палачей не были. Воеводы то и дѣло жаловались, что въ палачи оочихъ людей не находится или выбранные принужденіемъ убѣгаютъ. Въ прошломъ вѣкѣ жалобы эти затихли. Сенатскіе указы (вродѣ указа 10 іюня 1749 г.) стали настолько требовательны, что на каждую губернскую канцелярію потребовали уже по два палача. Съ 1738 года имъ уже и жалованья не полагалось, а потомъ давалось солдатское (за платье и за хлѣбъ по 9 руб. 95 коп. въ годъ). Въ этотъ вѣкъ на нихъ объявилось большое требованіе и крупный запросъ. Въ первую половину его заплечные мастера имѣли большіе заработки и получали крупныя заказы, когда—по народному, сильно распространенному преданію — и воду събли кнутомъ, если дерзала она отъ вѣтровъ затѣвать возмущеніе. По свидѣтельству знаменитаго адмирала Мордвинова, когда „для 20 ударовъ кнута потребенъ былъ цѣлый часъ, а при многочисленности ударовъ наказанія продолжалось отъ восходящаго до заходящаго солнца“,—платили по десяти тысячъ рублей, чтобы не изувѣчить или менѣе мучительнымъ сдѣлать наказаніе“. (См. Чтеніе Общ. Ист. и Древн. Росс. 1869 г. книга четвертая). Становился въ заплечные мастера какойнибудь забудыга, безшабашная голова, зашалавившійся либо до казни, либо до ссылки. Вѣдомому вору оставался одинъ выходъ—„встать въ палачи за свои вины“. Званіе это пятнало позоромъ передъ лицомъ народа, но оправляло передъ властями.

Палачъ, находящійся на службѣ и живущій обыкновенно въ острогѣ при гауптвахтѣ (въ особомъ помѣщеніи), пользуется полнѣйшимъ уваженіемъ всѣхъ арестантовъ. При встрѣчѣ съ нимъ склатываются съ бритыхъ головъ шапки; его зовутъ не иначе, какъ по имени и по отчеству. Ихъ фамиліи, какъ историческія имена, уходятъ въ потомство. Въ честь московскаго палача Бархатова всѣ послѣдующіе заплечные мастера, поступившіе въ это званіе изъ непомнящихъ родства, предпочитаютъ выбирать себѣ эту фамилію (по Сибири большая часть палачей Бархатовы, нѣкогда всѣ палачи были Бархатовы). Если про себя позволяютъ еще себѣ арестанты обывать мастеровъ полунименемъ (Кирюшка, извѣстный палачъ петербургскій, отсюда и кирюшкина кобыла — мѣсто казни на языкѣ современныхъ мазуриковъ, Изоська—сибирскій, Криворотый и проч.), то въ глаза палачу оказывается такое почтеніе отъ всѣхъ арестантовъ, что люди эти усѣиваютъ забаловываться до высокаго мнѣнія о себѣ, на манеръ господскихъ кучеровъ и столичныхъ швейцаровъ. Палачъ передъ начальствомъ всегда чѣмъ-то недоколетъ, всегда на чтонибудь жалуется и чегонибудь проситъ, какъ обязательной льготы. Между тѣмъ, на палача удѣляетъ аре-

стантская артель изъ пожертвованнаго и благопріобрѣтеннаго все: булки, чай, сахаръ, вино и проч. Сверхъ того, въ хорошо организованныхъ тюрьмахъ на палача отъ арестантской общины полагается по полтиннику въ мѣсяцъ за каждаго наказуемаго. Часть тѣхъ денегъ, которыя бросаетъ народъ на одежду наказуемому, удѣляется также палачу подѣ особымъ именемъ „рогожки, полурогожки“ и проч. Сердечный сердцемъ палачъ (каковыми, по опыту ссыльныхъ, бываютъ солдаты и поповичи: „крошати и ломати безъ зазрѣнія совѣсти“), сверхъ обусловленнаго обычаемъ, старается вымогать.

Вообще, палачамъ деньги доставались легко; палачу стоило пройтись по базару, напримѣръ, на пути къ мѣсту наказанія, чтобы всякій крестьянинъ далъ ему грошъ или пятакъ, какъ бы въ видѣ задатка и по приказу пословицы, повелѣвающей отъ тюрьмы и отъ сумы не отказываться, и по требованію самого палача, сказывавшаго у каждаго воза: „Давайте кату плату“!

Если приходится наказывать коголибо изъ почетныхъ тюремныхъ сидѣльцевъ, изъ артельныхъ любимцевъ, тотъ же староста или самъ приговоренный шелъ по казармамъ съ „ниманиною кружкой“ (первою подвернувшейся подъ руку посудиною) и собиралъ. Сборъ такой называется „подаркомъ почетныхъ старожилковъ“. Вообще, отъ этихъ подарковъ палачамъ жилось хорошо: люди эти на большую половину свою хорошо откормленные, сытые, жирные, толсторожіе; хорошо высыплются, хорошо отгуливаются, хотя и подѣ конвоемъ, и вообще, пользуются хорошимъ здоровьемъ. Единственная болѣзнь, на которую они чаще всего жалуются,—полнокровіе, приливъ крови; единственный недугъ, который они испытываютъ—тоска и скука. Многие серьезно жалуются на то, что имъ не даютъ работы. Бережливые усѣиваютъ даже накопить достаточное количество денегъ. Во всякомъ случаѣ, по окончаніи срока службы, если палачей, вообще очень наклонныхъ къ побѣгу, успѣли удержать и не выпустить на волю, они выходятъ на волю и деньгами могли бы начинать тамъ болѣе обезпеченную жизнь; но дѣло въ томъ, что отлеваются волю оветчи слезы.

Поселенные въ волостяхъ на правахъ государственныхъ крестьянъ, палачи — самые несчастные люди не только въ мѣстахъ Тобольской губерніи, гдѣ выдумали было селить ихъ кучкою, но и повсюду. Изъ волости не дозволяютъ имъ выходить. Взрослые сосѣди-крестьяне гнушались раздѣлить съ ними кусокъ хлѣба, посадить ихъ за столъ; женщины боялись поделить съ ними хозяйственнымъ запасомъ, считая прикосновеніе ихъ руки оскверненіемъ, взглядъ, брошенный на нихъ, нечистымъ, требующимъ особаго очищенія и молитвы Ивану

Воину *). Мальчишки не упустили на улицах случая, чтобы не потравить проходящего присекальца из палачей. Ни купить, ни продать бывшие палачи ничего не могли, и самая жизнь их на волю являлась хуже каторжной. Некоторые сознательно бѣжали и въ бѣгахъ дѣлали преступленія исключительно и намеренно для того только, чтобы попасть именно на каторгу. Только тамъ они еще могли избѣгать крайней степени позора **). Устанавливали немногіе, но ни одинъ еще изъ палачей не женился на сибирячкѣ. Члены экспедиціи, въ концѣ 60-хъ годовъ снаряженной сибирскимъ отдѣломъ географическаго общества въ Туржанскій край, нашли тамъ русскихъ поселенцевъ отунгуанскими. Отцы этихъ метисовъ были русскіе люди, матери — тунгуски. Большая часть потомковъ носятъ фамилію Вархатовыхъ; все это потомки палачей, приходившихъ изъ бѣговъ съ волчьимъ именемъ и называющихся фамиліею знаменитаго московскаго кѣта.

Случаются, впрочемъ, въ Сибири и другого рода явленія. Въ Сибири указываютъ на множество смышленыхъ, которые успѣли сдѣлаться крупными богачами ***). Самый рѣзкій образецъ тому представляетъ Петръ Кандинскій, крестьянинъ, сосланный въ каторжную работу на Нерчинскіе рудники, успѣвшій жениться и тамъ, выйдя на пропитаніе, начать маленькую торговлю офенскимъ способомъ коровьянка. Поселился онъ на Шилкѣ въ страшныхъ трущобахъ и близъ большихъ горъ, наз. Ворцовскимъ хребтомъ. Семейство его очень размножилось: въ 50 лѣтъ дѣтьми и внуками его, до 60-ти человекъ, населилась цѣлая слобода Байкина, съ церковью каменною и благолѣпно украшенною. Петръ Кандинскій началъ наживать значительное состояніе, послѣ офенства, хлѣбомъ торговлею въ этомъ въ то время скудномъ краѣ, жители котораго постоянно звѣровали и полей не пахали; хлѣбъ имѣлъ постоянную цѣну. Вымѣнъ его у крестьянъ на звѣриныя шкуры позволялъ Кандинскому заняться торговлею пушнымъ товаромъ и завести дѣла въ г. Нерчинскѣ по 2 гильдин, а потомъ записаться и въ Кяхтѣ по первой. Соляные казенные подряды увеличили еще болѣе состояніе его; хлѣбопашество производилось на добрыхъ лошадяхъ хорошими работниками и плугами, да-

вало сильныя и вѣрные урожаи, когда у другихъ были постоянныя неудачи. Кандинскіе съ успѣхомъ развели посѣвы гималайскаго ячменя, имѣли непосредственное вліяніе на цѣнность хлѣба во всемъ заводскомъ округѣ и, принадлежа къ сословію заводскихъ крестьянъ, отбывали легко и свободно повинности по купечеству и крестьянству. Губернаторовъ они умѣли встрѣчать на рѣкѣ Шилкѣ, на противоположномъ берегу противъ Байкина на огромныхъ лодкахъ, украшенныхъ коврами, сами, убѣленные сѣдинами, въ длинныхъ кафтанахъ и съ медалями. Принимали въ домихъ вродѣ старинныхъ барскихъ палатъ, пригласившимъ къ столамъ отвѣсной горы, съ балкономъ или террасою, утвержденною на столбахъ и висящею надъ водою рѣки Шилки. Лѣтъ 50 тому назадъ не было хозяина, который не былъ бы долженъ Кандинскимъ, не было товара, который бы не выходилъ изъ ихъ складовъ. Когда заводскихъ крестьянъ переименовали въ казаковъ и, для воспоминанія ихъ новому быту, разрѣшили имъ не платить старыхъ долговъ, домъ Кандинскихъ былъ сильно потрясенъ и быстро пошелъ къ паденію на мѣстѣ. Однако, они совершенно не обанкрутились. Правнуки Петра продолжаютъ вести торговлю не только за Байкаломъ и на Амурѣ, но и въ Россіи (въ Москвѣ), и продолжаютъ пользоваться честнымъ именемъ и коммерческимъ довѣріемъ. Конечно, теперь далеко не то, потому что и сыновьямъ Петра, Хрисанфу и Алексѣю, досталось до 5-ти милліоновъ оборотнаго капитала, пріобрѣтеніа, которое ждетъ своего историка и прольетъ много характернаго свѣта на состояніе всего Забайкальскаго края. Въ первой половинѣ XIX столѣтія Кандинскіе были царями всего обширнаго края.

Образецъ подобнаго рода не послѣдній: почти на каждомъ рудникѣ, почти при каждомъ заводѣ найдется не одинъ каторжанинъ, торгующій съ порядочнымъ капиталомъ. Дѣти ихъ пользуются уже всеми правами людей свободнаго состоянія. Не возвращаясь въ Россію, они служатъ прочнымъ фундаментомъ для основанія мѣстнаго купеческаго сословія, у котораго впереди такая блестящая будущность и отъ котораго страна въ правѣ ожидать большого подспорья и дѣятельной помощи на поступательное шествіе впередъ. Этими людямъ грѣхи отцовъ и дѣдовъ давно отпущены и сосѣдами не вспоминаются. Свободнымъ и прямымъ путемъ полезнымъ дѣятелей они становятся безразличными въ массѣ и во второмъ поколѣніи уже являются звеньями въ той цѣпи, которую образуютъ коренные жители, такъ называемые сибирскіе старожилы.

Изъ европейскихъ путешественниковъ Симпсонъ посѣтилъ около Канска смышленнаго, котораго сытъ, пріѣхавшій изъ Петербурга, нашелъ владѣльцемъ богатаго имѣнія и обширнаго хозяйства, для веденія котораго онъ употребляетъ

*) Св. Ивана Воина, какъ извѣстно, чутъ и арестанты и изображеніе этого угольника въ рѣдкой сибирской тюрьмѣ не виситъ въ почетномъ, правомъ отъ входа углу.

**) Тобольскій палачъ, напр., убилъ собственную жену и тогда сдѣлался смышлено-каторжникомъ. Въ Нерчинскомъ заводѣ, въ квартирѣ должностнаго палача, нашли три трупа, имъ приготовленныхъ.

***) Между тѣмъ, поселенцамъ не дозволено производить развѣдокъ золотыхъ присковъ и люди эти теперь пока участвуютъ въ дѣлахъ на чужое имя.

140 работников. Эрманнъ зналъ другого, изъ Новгородской губерніи, домъ и хозяйство котораго съ одиннадцатью работниками и работницами представляли кѣто образцовое и заслуживающее изученія: рогатый скотъ и лошади помѣщались въ крытыхъ сараяхъ и тѣмъ сѣно, которое привозилось за 20 верстъ съ немецкихъ, обильныхъ травой острововъ Лены. Этотъ сельный получалъ превосходный урожай ржи, ячменя, капусты и рѣпы. Превосходный птичникъ находился въ людской. Сельный жилъ богатымъ помѣщикомъ.

Политическіе изгнанники и сельные нерѣдко бывали благодѣтелями тѣхъ странъ, въ которыя приводила ихъ судьба. Французскіе изгнанники при Людовикѣ XIV основали въ Англіи фабрики шелковыхъ издѣлій; другая партія научила саксонцевъ выдѣлывать сукна и шляпы, составлявшія до того времени монополію Франціи; третья на мысъ Доброй Надежды развели виноградъ. У насъ, князь В. В. Голицынъ, любимецъ царицы Софьи Алексѣевны, сосланный въ Пинегу, развелъ тамъ лошадей, до сихъ поръ извѣстныхъ подъ именемъ „мезенокъ“. Меншиковы устроили въ Березовѣ богадѣльню, первую въ Сибири; баронъ Менгенъ, сосланный въ 1742 году, съ 4 членами своего семейства, завелъ въ дикомъ Новоболыскѣ коровъ и лошадей, снабжалъ чукчей различными товарами, приобретаемыми имъ въ Якутскѣ. Тогда же сосланный Ивашкинъ обучалъ дѣтей въ Камчаткѣ, и проч.

Сибирь, отъ ссылки государственныхъ людей, политическихъ преступниковъ и другого грамотнаго люда, выиграла въ томъ, что въ ней всѣ классы народонаселенія гораздо развитѣе, свободнѣе, способнѣе и образованнѣе соответствующихъ имъ классовъ во многихъ другихъ частяхъ Россіи. Политическіе сельные пользовались всѣми возможными облегченіями; старожилы не встрѣчали ихъ съ недоверіемъ, а сельные на житье пользовались значительною долею свободы для примѣненія къ дѣлу своихъ знаний, способностей и плодовъ образованія. Они имѣли право селиться обществами, изъ которыхъ и распространялась образованность. Начало этому дѣлу положено еще во времена Петра Великаго. Баронъ Страленбергъ, одинъ изъ шведскихъ офицеровъ, взятыхъ Петромъ въ сраженія подъ Полтавою, вмѣстѣ съ товарищами своими, принесъ въ Восточную Сибирь ремесла Европы. Имъ основаны тамъ первыя училища. Фридрихъ фонъ-Врехъ (изъ секты піетистовъ), адъютантъ Михаэлисъ Шлегель и пасторъ Габерманъ основали, въ 1715 году, въ Тобольскѣ школу для единовѣрцевъ, а потомъ и для дѣтей русскихъ (въ 1719 году въ школѣ обучалось 96 мальчиковъ). Предпріятіе вызвало сочувствіе въ Европѣ и знаменитый профессоръ Франке собралъ за границею по подпискѣ, въ пользу этой школы, до 5.000 рублей на тогдашнія русскія деньги.

Когда Нинтадскій миръ возвратилъ всѣхъ пѣннскихъ въ отечество, школа прекратилась, но въ это время существовала уже другая школа, основанная раньше нѣмецкой (въ 1707 году) митрополитомъ Филоосемъ Леонидскимъ, которая послѣдствіемъ превратилась въ семинарію. Изъ нее до сихъ поръ выходятъ не только духовныя лица, но и чиновники.

Пригѣръ шведовъ былъ для Сибири только первымъ по счету, но громадную услугу привелось оказать странѣ повдѣйшимъ дѣятелямъ, труды которыхъ и въ наши дни продолжаютъ быть благотворными. Сибирь знаетъ и благословляетъ имена своихъ учителей, особенно много подвинувшихъ страну на пути образованія во второй четверти текущаго столѣтія. По Сибири слишкомъ живы и ясны слѣды этихъ дѣятелей и они настолько значительны, что не можетъ быть въ томъ и тѣни сомнѣнія.

Возвращаемся назадъ для нѣсколькихъ заключительныхъ словъ.

Быть сибирскихъ поселенцевъ не обезпеченъ въ достаточной и надлежащей степени: поселенцы, неправильно и непрочію водворяемые, оставляютъ мѣста и бродятъ. Въ бродяжествѣ, увлекаемые нуждою и случайностями, зачастую добиваются тягчайшихъ правъ: дѣлаются каторжными. Въ то же время каторжные, прикрываясь оригинальнымъ званіемъ непомянутыхъ родства, становятся поселенцами. Когда, такимъ образомъ, улочки доставляютъ случаи къ честной и полезной жизни, истинное право остается таковымъ только на бумагѣ, на самомъ же дѣлѣ является въ формѣ самаго грустнаго и очевиднаго обмана. Дѣйствительныя, живыя силы сельнаго люда въ надежной мѣрѣ не вызваны и значеніе карательныхъ мѣръ не опредѣлено въ той степени, чтобы взмыканіе уже не мѣшало другой задачѣ ссылки, существенной для молодой и мало-развитой страны, именно—колониализаціи ея. Экономическій капиталъ настолько великъ, что могъ бы залечить многія раны, а теперь, представляя только крупное казенное сбереженіе коренной переработкѣ тюремнаго и сельнаго дѣла, становится далеко недостаточнымъ. Способъ надзора не приведенъ въ правильную систему и при постоянной апатіи дѣятельность возбуждается только порывами и строгостями, а потому и не произошло желаемыхъ плодовъ. Выросшія плебелы продолжаютъ расти подъ защитою равнодушія. Словомъ, исправленія производятся на поверхности, тогда какъ середина и корень продолжаютъ гнить и болѣть серьезными болѣзнями. Между тѣмъ, наука ушла впередъ и даже теперь, когда еще не пронаведено внимательнаго и надлежащаго діагноза, новыя приемы лекарствъ успѣли показать ихъ состоятельность и нѣкоторую близость къ настоящимъ специфическимъ средствамъ. Заботы объ улучшеніи тюремъ, вызванныя измѣненіемъ

судопроизводства, получили фактическое начало, выразившееся въ устройствѣ тюремъ по европейскимъ образцамъ, въ измѣненія способовъ препровожденія ссыльныхъ въ Сибирь. Теперь на очереди вопросъ о самой ссылкѣ и способахъ ея пригнѣнія.

Въ Сибири условія хозяйственнаго быта находятся именно въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя наиболѣе всего благоприятствуютъ коренной и прочной осѣлости, сильно способствуютъ наилучшему водворенію. Оно ничѣмъ не отстало бы отъ образцовъ, представляемыхъ Америкой, если бы давались уступки народнымъ требованіямъ и не затрудняли бюрократическія тонкости и многочисленныя формальности, излишняя подозрительность и боязнь присутствія опасностей тамъ, гдѣ онѣ всего наименѣе имѣютъ мѣсто.

Уроки прошлаго не проходятъ даромъ, развѣтанныя преобразования не могли остаться на полпути. Этапный способъ препровожденія ссыльныхъ, возбудившій справедливое негодованіе и вызвавшій стремленія къ отгнѣнъ и улучшениямъ, не перестаетъ поддерживать самое зоредоточенное вниманіе со стороны министерства, которому ввѣрено попеченіе о ссыльныхъ. Съ каждымъ годомъ мы наталкиваемся на измѣненія и улучшения, сумма которыхъ накопила за нами обязательства добавить въ заключеніе еще слѣдующія строки.

Десятокъ лѣтъ, которыя въ эпоху преобразованій не проходятъ даромъ, на этотъ разъ въ специальномъ вопросѣ, насъ занимающемъ, не остались безъ пригнѣтнаго слѣда. Гуманныя стремленія, вызываемыя сознаніемъ собственныхъ недостатковъ, успѣли на практикѣ отразиться крупными задатками надеждъ на дальнѣйшія усовершенствованія впереди и объявиться въ крупныхъ чертахъ благоприятныхъ результатовъ. Расчеты, вытекшіе изъ чистаго и вѣрнаго источника и подчиненные строгой повѣркѣ, оправдались съ такимъ успѣхомъ, что заявленіе объ нихъ мы считаемъ для себя прямымъ и приятнымъ долгомъ.

Свѣти желѣзныхъ дорогъ, прорѣзающія Россію въ различныхъ направленіяхъ, успѣли облегчить движеніе пересыльныхъ и ссыльныхъ партій внутри имперіи. Южными дорогами министерство внутреннихъ дѣлъ успѣло уже обезпечиться, чтобы доставлять ссыльныхъ въ Одессу на пароходахъ Добровольнаго флота для доставки ихъ на островъ Сахалинъ.

Отъ Нижняго до Ачинска еще въ 1865 г. установлена была перевозка зимою на подводахъ, а весною и лѣтомъ на пароходахъ по Волгѣ и Камѣ до Перми, по желѣзной дорогѣ отъ Перми до Тюмени, а далѣе опять на пароходахъ по рѣкамъ сибирскимъ до Томска и снова на подводахъ до Ачинска. Когда опытъ

показалъ дороговизну перевозки подводами и огромные расходы при заготовкѣ зимней одежды—зимній способъ бытъ оставляетъ. Осужденныхъ стали оставлять до лѣтняго времени въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ они приговорены въ ссылку, или сгруппировывали въ болѣе центральныхъ мѣстностяхъ по главному ссыльному тракту. Пунктами этими назначены: Орелъ, Москва, Нижній, Казань, Пермь, Тюмень, Томскъ и проч. Здѣсь устроены были центральныя тюрьмы экономическимъ способомъ изъ готовыхъ зданій, за исключеніемъ Томска, гдѣ возведено было новое тюремное зданіе. Въ остальныхъ городахъ послужили для этой цѣли зданія арестантскихъ ротъ. Въ Москвѣ и Тюмени построены новыя тюрьмы. Сбереженія отъ различныхъ денежныхъ сокращеній обезпечили возможность для министерства постройку этихъ зданій круговымъ возвратомъ суммъ, истрачивавшихся прежде на ненужные излишки. Сократилось путевое довольствіе, прекратилась выдача прогоновъ на пространства между Нижнимъ и Пермью, уменьшились издержки на заготовку зимней одежды *), отъ сокращенія конвойныхъ командъ съ 40 на 8 на пространства отъ Нижняго до Томска и отъ упраздненія этапныхъ зданій на этомъ пространствѣ **). Солидная цифра 300 тысячъ руб. сбереженія перваго года предупредила и отвратила, сверхъ того, издержки цѣлаго милліона на этапы, если бы они существовали здѣсь въ томъ же числѣ и въ такомъ же разрушенномъ видѣ.

Въ настоящее время эти гуманныя цѣли преслѣдуются среди такой обстановки: передвиженіе по рѣкамъ на баржахъ обезпечено обязательствомъ пароходовладѣльцевъ.

Устройство этихъ баржъ вызвало справедливую похвалу, какъ соблюденію условій гигиены, такъ и способу безопаснаго препровожденія.

Въ Тюмени арестантскія партіи садятся на баржи, буксируемыя пароходами, по рѣкамъ Турѣ, Тоболу, Иртышу, Оби и Томи обыкновенно въ теченіи 20 дней.

Въ настоящее время опытъ указалъ на удобство внутренняго устройства при тѣхъ условіяхъ, которыя и въ настоящее время строго соблюдаются. Внутри баржъ устроены три отдѣленія съ нарами въ два яруса, на которыхъ свободно помѣщается человекъ высокаго роста. Для каждаго назначено отъ 5¹/₄—2¹/₂ аршинъ въ длину и не менѣе одного аршина въ ширину. Свѣтъ и воздухъ проникаютъ въ отверстія, въ ненастную погоду закрываемыя стеклянными ра-

*) Выдавали мужчинамъ рукавицы съ варежками, полушубки, шаровары и теплую шапку; женщинамъ—суконныя юбки, шубы, тѣ же рукавицы съ варежками и теплый картузь на голову. Тѣмъ и другимъ, валявшъ ватъ и портянокъ, валенки и суконныя ошучи.

**) Оставлены только тѣ части этапныхъ зданій, которыя озазились удобными для помѣщенія арестантовъ; прочія проданы съ торговъ.

нами. Вентиляция производится через деревянные трубы, выведенные на палубу. На палубѣ каюты для офицера, гражданского чиновника и врача, сопровождающих партиямъ. Тамъ же каюты для конвоя, больныхъ и для кухонь, а внутри баржи—два отдѣльныхъ карцера для одиночнаго заключенія. По бортамъ сдѣланы прочныя рѣшетчатые перила, высокія, равныя верхнимъ каютамъ.

Заботы министерства внутреннѣхъ дѣлъ на этомъ не кончились. Прежде всѣ ссыльные тракты соединялись въ Казани, откуда начинался одинъ общій сибирскій трактъ; теперь желѣзныя дороги сосредоточили ссыльные пути въ Москвѣ и кончились въ Нижнемѣ, составляющемъ, такимъ образомъ, крайній восточный пунктъ. Поэтому уничтожены всѣ этапы, гдѣ идутъ желѣзнодорожныя линіи. Съ упадкомъ значенія Казани уничтожена въ этомъ городѣ экспедиція о ссыльныхъ. Персская экспедиція образована на новыхъ началахъ съ увеличеніемъ и измѣненіемъ ея работъ; тобольскій приказъ о ссыльныхъ переведенъ въ Тюмень. Всѣ эти крупныя перестройки, при значительномъ удешевленіи этапнаго пути, сдають въ архивъ исторію часть изъ того, на что приходилось печалиться намъ при личномъ обзурѣнн сибирскихъ этаповъ. Крупные шаги увѣнчались успѣхомъ и если остановились они на Томскѣ и тянутся этапы еще дальше Кары, до окончанія перевозки всего доставленнаго количества ссыльныхъ, то, во всякомъ случаѣ, добрая половина пути пройдена.

Путники не истомлены, сохранивъ свѣжія силы; этапная атмосфера ихъ не заражала. Въ Томскѣ они являются не съ прежнимъ запахомъ, но съ Томска они могутъ не попадать на старыя правила и стародревнюю порчу, если благодѣтельныя мѣры не будутъ медлить: или приближать каторгу, сокративъ дороги хотя бы до Алтая (что желательнѣе), или, уведя на дальнія, не поведутъ ихъ подъ надзоромъ такихъ конвоировъ, о злыхъ замыслахъ и преступныхъ поповзновеніяхъ которыхъ въ послѣдніе года сами арестанты неоднократно принуждены были доводить до свѣденія начальствъ. За Ачинскомъ, до котораго конная перевозка существуетъ круглый годъ, гѣше-этапный путь еще во всей своей силѣ.

Пусть же нашъ рассказъ объ этапахъ поскорѣ уходитъ въ преданіе, въ качествѣ и значенія историческаго матеріала, какъ ушелъ въ преданіе рассказъ историческаго страдальца Аввакума. Въ виду исчезновенія большей половины утлыхъ этапныхъ зданій и ослабленія несостоятельной системы медленнаго и дорогаго гѣшаго порядка передвиженій (на каковое щедро, удачно и счастливо искусились мѣропріятія послѣднихъ лѣтъ), надежды не далеки и ожиданія быточны. Надеждами этими заключаемъ нашу первую главу и съ ними готовы встрѣтить на счастливый часъ и въ доброе время фактическія доказательства исчезновенія и отгѣны того, что нами сказано въ послѣдующихъ главахъ этого перваго тома нашей работы.

ПРИБАВЛЕНІЯ.

I.

ТЮРЕМНЫЯ ПѢСНИ.

Сорокъ восемь тюремныхъ сибирскихъ и русскихъ пѣсней (старинныхъ и новыхъ) съ вариантами и объясненіями.—Творцы пѣсней: Ванька Каинъ.—Разбойникъ Гусевъ.—Малороссійскій разбойникъ Кармелюкъ.—Пѣсня о праведѣ.—Мѣстные сибирскіе пѣнты.—Ученая пѣсня.—Пѣсня Кармелюка.—Пѣсни Вадорта.—Ворожбюкъ.

Подробности быта ссыльныхъ, особенно же частности тюремнаго быта, привели насъ къ тѣмъ развлеченіямъ, которыя измышлены заключенниками на досугѣ, чтобы поддѣлать праздное бездѣліе и сократить досадное и скучное время. Въ числѣ тюремныхъ развлеченій не послѣднее мѣсто принадлежитъ—какъ и быть слѣдуетъ—пѣснямъ. Не смотря на то, что строгія тюремныя правила, запрещая „всякаго рода рѣзвости, произношеніе проклятій, божбы, укоровъ другъ другу, своевольства, ссоры, брань, разговоры, хохотъ“ и т. п., преслѣдуютъ, между

прочимъ, и пѣсни,—онѣ все-таки не перестаютъ служить свою легкую и веселую службу. Хотя пѣсенниковъ приказано смотрителямъ „отдѣлать отъ другихъ (не поющихъ) въ особое помѣщеніе (карцеръ), опредѣляя самую угѣренную и меньше другихъ пищу, отъ одного до шести дней включительно на хлѣбъ и на воду“, все-таки отъ этихъ красивыхъ на бумагѣ и слабыхъ на дѣлѣ предписаній пѣсенники не замолчали. Люди и въ заключеніи продолжаютъ пѣть и веселиться. Пѣсни береглись въ тюрьмахъ даже въ томъ самомъ видѣ и формѣ, что мы, не обинуясь,

имѣемъ право назвать ихъ собственно-тюремными, какъ исключительно воспѣвающія положеніе челоѣка въ той неволѣ, которая называется „каменной тюрьмой“. Скажемъ даже болѣе: тюремныхъ пѣсенъ скопилось такъ много, что намъ представляется возможность составить исключительно изъ нихъ цѣлый сборникъ (свыше сорока нумеровъ), при этомъ болынею частью изъ извѣстныхъ только сибирскихъ смыслиныхъ. Впрочемъ, большая часть пѣсенъ принесена изъ Россіи готовыми, въ Сибири онѣ и не улучшались даже, напротивъ, нѣкоторыя, по сравненію съ подобными же русскими, являются въ неполномъ видѣ и нерѣдко искаженными отъ позднѣйшихъ приставокъ и перестановокъ. Въ Россіи эти произведенія народнаго творчества являются полнѣе и законченнѣе, а въ Сибири случается, что одно цѣльное произведение дробится на части и каждая часть является самостоятельной, но при этомъ замаскирована до того, что какъ будто сама по себѣ представляетъ самобытное цѣлое. Бываетъ и такъ, что мотивы одной перенесены въ другую, отчего кажется иногда, что извѣстная пѣсня еще не приняла округленной и законченной формы, а все еще складывается, ищеть подходящихъ образовъ, вполнѣ удовлетворительныхъ. Нѣкоторыя пѣсни людская забывчивость урвзала и обезличила такъ, что онѣ кажутся и бѣдными по содержанію и несовершенными по формѣ. Въ Сибири уцѣлѣли и такія, которыя или забыты въ Россіи или ушли въ составъ другихъ пѣсенъ, и наоборотъ.

Въ тюремныхъ пѣсняхъ два сорта: старинныя и новѣйшія. Помѣщая послѣднія для сопоставленія и сравненія съ настоящими и неподдѣльными произведеніями самобытнаго народнаго творчества (каковы пѣсни древнѣшаго происхожденія), изъ новѣйшихъ мы выбрали только нѣкоторыя болѣе распространенныя. Старинныя мы включаемъ въ сборникъ (для нихъ собственно и предпринятый) съ тѣмъ убѣжденіемъ, что онѣ начинаютъ исчезать, настойчиво вытѣсняемыя дѣланными искусственными пѣснями. Мы едва ли не живемъ именно въ то самое время, когда перевѣсъ борьбы и побѣды склоняется на сторону послѣднихъ *).

Лучшія тюремныя пѣсни (чѣмъ пѣсня старше, древнѣе, тѣмъ она свѣжѣе и образнѣе, чѣмъ ближе къ намъ ея происхожденіе, тѣмъ содержаніе ея скуднѣе и форма не представляетъ возможности желать худшей), лучшія тюремныя пѣсни выходятъ изъ цикла пѣсенъ разбойничьихъ. Сродство и соотношеніе съ ними настолько же сильно и неразрывно, насколько и самая судьба пѣсеннаго героя тѣсно связана съ „каменной тюрьмой—съ наказаньемъ“. На-

*) Въ приложеніи этомъ не повторяемъ тѣхъ пѣсенъ, которыя свободно улеглись въ текстъ нашего сочиненія.

сколько древни похожденія удалыхъ добрыхъ молодецъ повольниковъ, ушкуйниковъ, воровъ-разбойниковъ, настолько же стародавни и складныя сказанія объ ихъ похожденіяхъ, которыя, въ свою очередь, отзываются такою же стариною, какъ и первоначальная исторія славной Волги, добытой руками этихъ гуляцкихъ людей и ими же воспѣтой и прославленной. Жизнь широкая и вольная, преисполненная всякаго рода борьбы и безчисленными тревогами, вызвала народное творчество въ томъ поэтическомъ родѣ, подобнаго которому нѣтъ уже ни у одного изъ другихъ племенъ, населяющихъ землю. Отдѣлъ разбойничьихъ пѣсенъ про удалую жизнь и преслѣдованія—одинъ изъ самыхъ поэтическихъ и свѣжихъ. Тамъ, гдѣ кончатся вольныя похожденія и запѣваетъ пѣсня о неволѣ и возмездіи за удалые, но незаконные походы, начинается отдѣлъ пѣсенъ, принятыхъ въ тюрьмахъ, въ нихъ воспѣганыхъ, украшенныхъ и облюбленныхъ,—словомъ, отдѣлъ пѣсенъ тюремныхъ. Оттого онѣ и стали таковыми, что въ тюрьмѣ кончатся послѣдніе вздохи героевъ и сидятъ поддѣвалы и загибалы, рядовые пѣсенники—хористы и сами гололобые составители или авторы пѣсенъ. Отъ самыхъ древнихъ временъ сибирскихъ тюремъ готовая и сильная передача о дѣлахъ удалцовъ въ послѣдовательномъ своемъ теченіи не прерывалась, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ перестали атамановъ водить ко вѣшалю и рубить ихъ буйныя головы по самымъ могучимъ плечамъ. Непосредственно съ Волги и изъ самыхъ первыхъ рукъ завѣщаны сибирскимъ тюремнымъ русскимъ тюремнымъ пѣснямъ, изъ которыхъ многія получены нами не изъ первыхъ рукъ (изъ тюремъ), а можетъ быть уже и изъ десятыхъ (изъ старожитныхъ селеній, отъ свободныхъ сибирскихъ людей—старожяловъ). Завѣщаніе, такимъ образомъ, возымѣло широкое приложеніе и отъ прямыхъ наслѣдниковъ имущество перешло въ боковыя линіи и, наконецъ, сдѣлалось общимъ достояніемъ, какъ все въ Сибири: гвса, тайга, дуга и степи. Посѣянное уквѣнилось и устояло два столѣтія въ цѣльномъ и несокрушимомъ видѣ. Впрочемъ, время и въ Сибири сдѣлало то же, что и въ Россіи (съ которою первая находится въ непрерывномъ и сильномъ общеніи): между всходами чисто-почвенными и облиматизированными выросли псевелы и выросли въ такомъ обилии, что грозятъ серьезною опасностью заглушить и послѣдніе остатки самостоятельныхъ и отечественныхъ растений.

Связь и послѣдовательность не теряютъ своей силы; иноземное вліяніе, особенно долговременное (какъ сказалъ П. В. Кирѣевскій), необходимо проникаетъ во всѣ отношенія внутренняго быта, глубоко уничтожаетъ и искажаетъ народный духъ. „Царствованіе Петрова можно назвать границею настоящихъ народныхъ историческихъ пѣсенъ,

которые, послѣ Петра, продолжали воинствовать только среди волжскаго и донскаго казачества". Позднѣйшія пѣсни о позднѣйшихъ походахъ и войнахъ „разительно отличаются отъ всѣхъ настоящихъ народныхъ пѣсней; онѣ лишены всякаго поэтическаго достоинства и заслуживаютъ вниманія только какъ любопытныя памятники времени". Пѣсни, приписываемыя преданіемъ удалымъ товарищамъ Стеньки Разина и ему самому и, стало быть, пѣтыя до Петра, оживлены свѣжею мыслью и блестятъ поэтическимъ колоритомъ; но уже во многомъ лишены того и другого тѣ, которыя составлены дѣятелемъ въ началѣ прошлаго столѣтія, извѣстнымъ въ народѣ подъ именемъ Ваньки Каина. Въ концѣ же прошлаго столѣтія выросли и появились уже во множествѣ тѣ мотывы, на которыхъ ясны слѣды крутой ломки и крупныхъ народныхъ переворотовъ. На эти произведенія народнаго творчества намело пыли и накипѣло пѣсени городовъ съ ихъ фабриками и заводами, трактирами и барскими передними. Живой памяти народной подслужились печатныя пѣсенники, особенно сильно пущенные въ народъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, богатаго подобнаго рода сборниками даже во многотомныхъ изданіяхъ. Уцѣлѣла коренная народная пѣсня только въ заолустыяхъ, не тронутыхъ городскимъ чужеземнымъ вліяніемъ, и еще въ 30 годахъ нынѣшняго столѣтія изъ южно-русскаго племени (изъ малороссійскаго народа) вышелъ авторъ (Кармелюкъ) тюремной пѣсни, въ которой еще не утрачена сила народнаго творчества, хотя уже и видны нѣкоторые слѣды посторонняго вліянія. Само собою разумѣется, что потребители изъ ссыльныхъ, съ прекращеніемъ доставки отечественнаго матеріала, по неволѣ должны были довольствоваться издалека привозными продуктами, которые и цѣною ниже и достоинствомъ хуже. Крѣпкія льняныя издѣлія домотканнаго производства и на этотъ разъ уступили мѣсто гнилымъ или непрочнымъ бумажнымъ товарамъ машиннаго дѣла, набивнымъ ситцамъ московскаго фабричнаго досужества. Въ этомъ отношеніи законъ послѣдовательности не утрачиваетъ своей живой и дѣятельной силы даже и въ томъ, что творцами пѣсней и въ наши дни остаются тѣ же самые удалые молодцы, разбойники.

Замѣчено близко стоявшими къ тюремнымъ героямъ и жившими съ ними долгое время бокомъ бокомъ, что эти угрюмые, обидчивые и завистливые люди, въ то же время, въ высшей степени тщеславные, хвастливые, слишкомъ увѣренные въ собственныхъ внутреннихъ силахъ и сознательно любующіеся личнымъ характеромъ. Черты эти становятся тѣмъ крупнѣе и очевиднѣе, тѣмъ богаче извѣстный герой похождениями и заслугами, приведенными его на каторгу. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что од-

ранный поэтическою натурою старался самъ похвастать своими похождениями и уложить ихъ въ складномъ пѣсенномъ произведеніи, предоставляя товарищамъ своимъ только два права: добавить забытое и недосказанное и довести сказаніе до свѣденія людей темныхъ и несвѣдущихъ. Вотъ почему, исходя изъ такихъ наблюдений, народъ приписываетъ разбойничьи пѣсни самимъ разбойничьимъ атаманамъ. Такъ, народное преданіе, ни мало не ошибаясь, увѣряетъ въ томъ, что Стенька Разинъ, сидя въ тюрьмѣ и дожидаясь лютой казни, сложилъ пѣсню и теперь повсюду извѣстную въ видѣ завѣщанія его товарищамъ, которыхъ проситъ онъ „сторонить его между трехъ дорогъ: межъ московской, астраханской, славной кievской". Удалымъ шайкамъ Степана Тимофеевича то же народное преданіе приписываетъ и тѣ пѣсни, которыя унесены въ сибирскія тюрьмы: „Ты возмой, возмой туча грозная" (игнѣющая два начала: „Не рябинюшка со береженькой совивается" и „Ахъ, туманы, вы туманушки, вы, туманы мои непроглядные"); „Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго, изъ-за горъ, горъ высокихъ *)".

Ванька Каинъ, въ лицѣ котораго народъ привыкъ понимать окаяннаго грабителя, но который, по собственному его признанію, былъ и воромъ, и разбойникомъ и сыщивомъ, въ то же время былъ однимъ изъ самыхъ тщеславныхъ людей этого полета. Въ собственномъ признаніи его, данномъ въ русскай крѣпости Рогервикѣ (теперь Валтійскій портъ), настолько сильно стремленіе его къ хвастовству и неводержимо желаніе покрасоваться и похождениями, и подвигами передъ судьями, и въ крайней бѣдѣ, что Ивана Осипова Каина можно считать протипомъ и народное преданіе особенно не грѣшитъ, приписывая ему десятка четыре пѣсней. Между этими пѣснями „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ, отъ крутыхъ красныхъ бережковъ, разыгралася погодушка верховая, волновая", извѣстная всей Россіи, приписывается всюду этому разбойнику-пѣсельнику. Изъ Каинныхъ пѣсней въ сибирскія тюрьмы пробрались двѣ: „Не шумика ты, мать, зеленая дубровушка" и „Усы **); между русскими тюремными приписываются ему же: „Изъ Кремля-Кремля крѣпка города", „Не былинюшка въ чистомъ полѣ зашаталася" и проч. ***). Остроумный на словахъ, находчи-

*) Въ Россіи Разинными пѣснями называются: 1) «Помутился славный тихій Донъ», 2) «Изъ славнаго изъ устьяца синь-морья», 3) «У насъ-то было, братцы, на тихомъ Дону», 4) «Ужъ какъ по морю синему, по синему по Хвалынскому», 5) «Ужъ вы горы, мои горы! прикажите-ка вы, горы, подѣ собой намъ постоять», 6) «Какъ во славномъ городѣ, во Астрахани, очутился-проявился тутъ незнамый челоувѣкъ» и проч.

***) «Усы» несомнѣнно воспѣваютъ подвиги извѣстнаго разбойника Васки Уса.

***) Каинными пѣснями, изъ которыхъ большая часть вращается около разбоевъ и тюремъ,

вый и ловкий на дѣлѣ, умѣвшій перенести страсть къ иносказательнымъ выраженіямъ и искусственному воровскому языку и въ пѣсни свои, Иванъ Осиповъ Кайнъ разсказъ о своихъ похожденияхъ изложилъ письменно и пустилъ въ народъ. Изуродованная переписчиками тетрадка попала въ руки нѣкоего, жителя города Москвы Матвѣя Комарова, который, по своему разумѣнію, передѣлалъ разсказъ и издалъ его въ печати три раза (въ 1773, 1778, 1784 годахъ). Въ 1755 году надъ Кайномъ наложена была слѣдственная коммиссія при сыскомъ приказѣ и издатель его пѣсень и походовъ (Комаровъ) выдалъ тамъ и слышалъ его лично. „Кайнъ, по благодѣянію секретарскому, содержался въ сыскомъ приказѣ не такъ, какъ прочіе колодники .и, имѣя на ногахъ кандалы, ходилъ по двору и часто прихаживалъ въ переднія сыскаго приказа горницы и тутъ съ подъячими и бывшими иногда дворянами вольно разговаривалъ. Разсказывать онъ свои походы бывшему тогда въ томъ приказѣ дворянину Фед. Фомину Левшину“. Будучи сыщикомъ, онъ проворовался на сыскихъ дѣлахъ до того, что уворовалъ даже чужую жену. Его судили и присудили выбить кнутомъ, положить клейма, вырвать ноздри и сослать въ каторжныя работы въ Рогервикъ, а оттуда въ Сибирь.

Сибирь, съ его легкой руки, не переставала, по образцамъ и примѣрамъ, давать изъ удалыхъ разбойниковъ авторовъ тюремныхъ пѣсень. Страшный не такъ давно для дѣлага Забайкальскій разбойникъ Горкинъ не менѣе того извѣстенъ былъ, какъ отличный пѣсельникъ и юморстическій разсказчикъ. Живя по окончаніи срока каторжныхъ работъ на поселеніи, онъ ушелъ весь въ страсть къ лошадямъ и на сво-

полагаются, между прочимъ, изъ извѣстныхъ слѣд.: «Палъ туманъ на сине море», «Не бушуйте вы, вѣтры буйные, не шумите вы, лѣса темные», «Ты рабинушка, ты кудрявая», «Скучно, матушка, весною жить одной». Впрочемъ, съ большимъ вѣроятіемъ можно принимать за Кайновы пѣсни тѣ, которыя отличаются болѣе искусственнымъ складомъ, отсутствіемъ поэтическаго элемента и стремленіемъ къ тому остроумію, которое составляло его отличительную черту и въ жизни и въ слѣдственныхъ показаніяхъ. Таковы: 1) «Во славномъ было городѣ во Нижнемъ», 2) «Въ Архангельскомъ во градѣ ходятъ дѣвушки въ нарядѣ», 3) «Еще что вы, братцы, призадумались?», 4) «Чарочки по столу купоухаживаютъ», 5) «Дѣвушки вино курили», 6) «Вѣщевало мое сердце, вѣщевало», 7) «Веселъ я, веселъ сегодняшний день». Съ фабричнымъ людомъ Кайнъ (къ тому же еще самъ бѣглый лакей) хорошо былъ знакомъ по обязанности сыщика. Для вяжого успѣха по должности онъ получилъ право устроить въ Зарядѣ въ Москвѣ веселое заведеніе съ бильярдомъ, картами и зернью, получившее въ Москвѣ огромную извѣстность. Къ нему валили, по новости дѣла, всякій праздный народъ, а особенно суконщики. Фабричные рекомендовали сами себя для услугъ и онъ давалъ имъ пристанище, иногда держалъ чело-
вѣкъ по 30-ти.

ихъ рысакать возилъ откупныхъ повѣренныхъ, потѣшая ихъ своими лихими пѣснями и необычайно быстрою ѣздой. Съ пишущимъ эти строки онъ охотливо подѣлился разсказами о своихъ похожденияхъ. Затѣмъ послѣдніе годы онъ приписывалъ и припѣвалъ на потѣху деревенскихъ ребятъ, шатаясь по Забайкалью въ званиіи нищаго. Разбойникъ Гусевъ, бѣжавшій изъ Сибири въ Россію и ограбившій соборъ въ Саратовѣ, въ саратовскомъ тюремномъ замкѣ сложилъ пѣсню: „Мы заочно, братцы, распростились съ бѣлой каменной тюрьмой“, которая ушла и въ Сибирь. Самъ Гусевъ, нѣсколько разъ бѣгавшій оттуда, вновь, послѣ саратовскаго грабежа, уже не пошелъ: его сгубило то же хвостовство разбойничьего закала и та же страсть къ остротѣ и красному слову, которыми отличались и предшественники его. Когда онъ приведенъ былъ на саратовскую торговую площадь и палачъ хотѣлъ привязывать его ремнями къ кобылѣ, Гусевъ, обращаясь къ скамейкѣ, закричалъ на весь собравшійся народъ: „Эхъ, кобылка, кобылка! вывозила ты меня не одинъ разъ, ну-ка, вывози опять!“— „Нѣтъ, Ив. Вас.,—замѣтилъ палачъ:—теперь она тебя не вывезетъ!“ И сдержалъ слово: Гусева сняли съ эшафота мертвымъ.

Извѣстный малороссійскій разбойникъ Кармелюкъ былъ также поэтомъ и авторомъ не разбойничьихъ, но элегическихъ пѣсень, сложенныхъ на родномъ ему языкѣ. Онъ „шалилъ“ на Волыни, долго не давался въ руки властей и, наконецъ, убитъ былъ своею коханкою, которая подкушена была сосѣднимъ помѣщикомъ *).

*) На Волыни объ этомъ событіи разсказываетъ народная пѣсня:

Ой ты, Кармелюкъ, по свѣту ходишь,
Не одну дѣвчину изъ ума сводишь,
Не одну дѣвчину, не одну вдову
Вѣлолицу, румяну ще-й черноброву!
Ой ты, дѣвчина, ты чорнявая,
Ой де-съ ты мне приваду ¹⁾ дала?
Во дай ты такъ знавь зъ сѣней до хаты,
А якъ знаю чимъ чаровати:
Ой у мене чары оченьки карі,
А въ мене отрута ²⁾ въ городѣ рута!
Пишовъ Кармелюкъ до кумы въ гостѣ,
Покинувъ платя въ лѣсѣ при мостѣ:
— Ой кумцю, кумцю, посвоимося ³⁾,
— Дай горилочку да нашіемося.
•Ой раду, раду, ходишь до саду,
Нарвемо грушоку повесть хвартушоку ⁴⁾,
Сядемо собі подъ яблонею,
Будемъ пити медъ за горѣшкою,
Прійде чорнява, пидемъ гуляти!
— Скажи-жь, дѣвчино, якъ тебе звати,
— Що бъ я потрапивъ ⁵⁾ до твоей хаты?
«А мене звати Магдалиною,
А моя хата надъ долиною,
А моя хата снопами шита ⁶⁾.
Прійди, Кармелюкъ, хочъ буду бита,
Хочъ буду бита—знаю за кого:
Пристало серденько мое до твого!»
Ой самъ я дався зъ свѣта сгубити

Въ сибирскихъ тюрьмахъ также сохранилась одна хорошая пѣсня его, безъ сомнѣнія оставленная самимъ Кармелюкомъ, такъ какъ онъ въ Сибири былъ и отсюда убѣжалъ разбойничать на Волны. На Волны сохранилась о Кармелюкѣ такая пѣсня въ народѣ:

Повернулся я зъ Сибири

Но ма мнѣ долъ.

А здається, не въ кайданахъ,

Еднакъ же въ неволѣ и т. д. (См. ниже).

Намъ самимъ лично удалось видѣть на Карійскихъ золотыхъ промыслахъ ссыльно-каторжнаго Мокѣва, сосланнаго за грабежъ и обличавшаго въ себѣ несомнѣнно-поэтическую натуру, высказавшуюся и въ жизни на волѣ, и въ жизни на каторгѣ и даже выразившуюся въ порывахъ къ стихотворству. Ему заказана была пѣсня на отправленіе эскадры для приобрутенія Амура и муза Мокѣва, вдохновляемая пидкинскими картинками и руководимая аккомпаниментомъ торбана, бубна, тарелокъ и треугольника, высказалась въ большой пѣснѣ, которая начинается такъ:

Какъ за Шилкой за рѣкой,
Въ деревушкѣ грязной,
(Собрался народъ простой,
И народъ все разной,

а кончается:

Вдругъ раздался пѣсенъ хоръ,
Шумѣжъ залпъ раздался.
И по Шилкѣ, между горъ,
Флотъ сибирскій мчался.

Пѣснѣ этой не удалось удержаться у казаковъ (придумавшихъ про Амуръ новую пѣсню, совсѣмъ противоположнаго смысла и настоящаго склада), но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Мокѣву не мудрено было соблазнить каторжныхъ тѣмъ своими пѣснями, которыми приладился онъ къ общему настроенію арестантскаго духа, т. е. когда его муза спускалась до сырыхъ казармъ и тяжелыхъ работъ или хотя бы даже и до купоросныхъ щей. Арестанты, какъ мы видѣли, не взыскательны и въ ущербъ настоящимъ народнымъ пѣснямъ привыкли къ тѣмъ, которые

Що я и сказавъ кулъ ¹⁾ святити.
Сама-жъ ты дала до двора знати,
Щобъ мене вбили у твоей хатѣ!

¹⁾ Приманку, приворотное; ²⁾ отраву; ³⁾ будемъ свои; ⁴⁾ передникъ; ⁵⁾ нашеть путь; ⁶⁾ обложена свлзками (обыкновенно коноплями); ⁷⁾ пули. Стихи 6—11 разговоръ съ дѣвушкой; Кармелюкъ идетъ къ кумѣ, у которой были тайны свиданія его съ дѣвушкой; ст. 14—21—разговоръ съ кумою; ст. 22—29—разговоръ съ дѣвушкой въ домѣ; ст. 30—33—пѣсня отъ лица Кармелюка, жившаго, по народному преданію, въ началѣ нынѣшняго столѣтія. По образцамъ прошлыхъ вѣковъ и по обычаю время коліевщины, пѣсня эта также намекаетъ на гайдамака-характерника, знавшагося съ нечистою силою и умѣвшего зачуровывать направленія на него пули. Освятить пули въ противодѣйствіе чарамъ было въ обычаѣ у казаковъ время коліевщины.

нуждаются въ торбанѣ и трескотнѣ тарелокъ; вкусъ давно извращенъ и поэтическое чутье совсѣмъ утрачено.

Вотъ для примѣра пѣсня, пользующаяся особенно любовью тюремныхъ сидѣльцевъ не только въ Россіи, но и въ Сибири, пѣсня, распространенность которой равносильна самимъ извѣстнымъ и любимымъ стариннымъ русскимъ пѣснямъ. Столичные пѣсельники въ публичныхъ садахъ и на народныхъ гуляньяхъ, извѣстные подъ страннымъ именемъ „русскихъ пѣвцовъ“, вмѣстѣ съ цыганами представляютъ тотъ источникъ, изъ котораго истекаетъ вся порча и безвкусіе. Здѣсь же получилъ образованіе и авторъ прилагаемой пѣсни и здѣсь же выучились находить вдохновеніе новѣйшіе творцы псевдо-народныхъ русскихъ пѣсней. Такова пѣсня въ цѣломъ видѣ и съ болѣе замѣчательными вариантами:

Ни въ Москвѣ, ни за Москвой,
Межъ Бутырской и Тверской,
Тамъ стоятъ четыре башни,
По срединѣ Вожій храмъ.
(Или по московскому и върнѣ:
Въ срединѣ большой домъ),
Гдѣ крестъ на крестъ каландоры
И народъ сидитъ все воры;
(Или: сидятъ въ тоскѣ).
Сидѣль воронъ на березѣ,
(Или: Рыскаль воинъ на войнѣ),
Ерчить воронъ не къ добру: (или на войну)
«Пропадать тебѣ, мальчишкѣ,
Здѣсь въ проклятой сторонѣ.
Ты зачѣмъ, бѣдный мальчишка,
Въ свою сторону бѣжалъ? *)
Никого ты не спросился,
Кромѣ сердца своего **).
Прежде жилъ ты, веселился,
Какъ имѣлъ свой капиталъ.
Съ товарищами поводишься,
Капиталъ свой промоталъ.
Капиталу не сыстало—
Во неволю жить попалъ,
Во такую во неволю:
Въ бѣлый каменный острогъ.
Во неволѣ сидѣть трудно.
(Или: Хороша наша неволя, да—)
(Но) кто знаетъ про нее?

*) Въ Россіи поютъ:
Своей родины бѣжалъ.

**) Въ Россіи прибавка:
На кого же ты покинулъ
Мать родную и отца?
(Или: Ты спокинулъ, ты оставилъ
Ты старушку свою мать,
Отца своѣго старика!)
— «Уже некому мальчишку
Моя было научить,
А треприча мальчишку,
Меня поздно научать!
Ужъ и жилъ я, веселился,
Но имѣлъ свой капиталъ;
Какъ и этотъ капиталъ
Весь я пропилъ-прогулялъ
(Дальше «во неволю жить» и проч.)

Или: «Жилъ бы, жилъ бы веселился,
Капиталецъ свой имѣлъ;
Капиталецъ миновался,
Во неволю жить попалъ.

Посадили насъ на недѣлю—
Мы сидѣли круглый годъ.
За тремя ми за стѣнами
Не видали свѣтлый день.
Но не бось: Творецъ-Господь съ нами,
(Или: Богъ-Творецъ одинъ Онъ съ нами),
Части звѣзды намъ въ ночи сіяли;
Мы и тутъ зарю видали,
Мы и тутъ (или: Лихъ мы здѣсь) не про-
падемъ!

Часто звѣзды потухали,
Заря бѣла заналася.
Варабанъ зорю пробилъ,—
Барабанушко пробивалъ,
Ключникъ дверь отпираетъ,
Офицеръ *) съ требой идетъ,
Всѣхъ на имя насъ зоветь **):
«Одѣвайтесь, ребятенки,
Въ свои сѣры чапаны!
Вы берите сумочки, котомки,
Вы сходите съ веру въ низъ,
Говорите вѣ одну рѣчь».
Что за шутова коляска
Показалась въ городу?
Коней пару запрятають,
Подають ее сейчасъ,—
Подають эту коляску
Ко поратному крыльцу:
Сажаютъ бѣднаго мальчишку
Къ эшафотному столбу.
Палачъ Оедька разбѣжался,
Меня за руки беретъ;
Становитъ меня, мальчишку,
У траурнаго стола.
Велятъ мнѣ, бѣдному мальчишкѣ,
На восходъ солнца молиться,
Со всѣмъ міромъ распроститься.
Палачъ Оедька разбѣжался—
Рубашонку разорвать,
На машину меня клали,

*) Вм. офицера—писарь съ требо-
сми идетъ, намъ указы выдаетъ, собираться
скоро во походъ.

**) Въ Россіи эта трагическая сцена разма-
левана иначе:

Свѣтъ небесный во сіяньи:
Варабаны зорю бьютъ,
Варабанъ зорю пробьетъ
Вундеръ двери отворяетъ:
Писарь съ требой идетъ;
Онъ по требованью кличетъ,
Намъ къ суду иди велеть.
Взяли сумки, помозились
И отправились себѣ...
Насъ въ карету посадили
И съ конвоемъ повезли...
Или: Взяли сумки—подхватили
И въ походъ скоро пошли,
Торбанъ, торбанъ покатылся.
Что за чудна за карета!
Сдвинулся весь народъ,
Что кругомъ конвой идетъ.
У родныхъ сердца забьются,
Слезно плакали объ насъ,
Слезно плакали объ насъ,
Отправляли въ Сибирь насъ.

Здѣсь и конецъ—какъ мы выше сказали—
россійскому издѣлю. Сибирскіе арестанты не
задумались надъ описаніемъ дальнѣйшей кар-
тины и изобразили ее въ послѣднемъ придаткѣ
къ пѣснѣ. По словамъ сибирскихъ арестантовъ,
пѣсня эта сочинена въ концѣ 40-хъ годовъ ны-
нѣшняго столѣтія и основная канва ея припи-
сывается, какъ сказано нами, разбойнику Гусеву.

Руки, ноги привязали
Сиромятиннымъ ремнемъ.
Вереть Оедька кнуты въ руки,
Закричалъ: «братъ, берегись!»
Онъ ударилъ въ первой разъ—
Помлился слезамъ изъ глазъ.
Онъ ударилъ другой разъ—
Закричалъ я: «помилуйте насъ!»

Вотъ какой пѣснѣ въ наше время удалось
попасть во вкусъ потребителей настолько, что
намъ привелось замѣтить нѣсколько сортовъ ея
съ обычною фабричною набойкою; основа гни-
лая и проклееная, угокъ линючихъ цвѣтовъ и
красокъ, и въ Москвѣ, и въ Сибири, и въ Ка-
зани и въ Саратовѣ. Пѣсня стала и люби-
мою и распространенною; рѣдкой другой пѣснѣ
доставалась такая счастливая доля, не смотря
на то, что за нею нѣтъ никакихъ достоинствъ,
каковыми красятся старинныя, настоящія
народныя пѣсни. Въ этой пародіи на рус-
скую пѣсню нѣтъ уже искренняго чувства и
поэтическихъ образовъ, хотя и замѣчается то-
ническій размѣръ и рима. Между тѣмъ, тако-
го склада пѣснямъ, съ конца прошедшаго сто-
лѣтія, судьба судила занять чужое, не при-
надлежащее имъ мѣсто, какъ бы въ доказа-
тельство того, что народъ уже успѣлъ забыть
старые образы и приемы, самобытные и худо-
жественные, и потянулся къ новымъ, искус-
ственнымъ и прозаическимъ. Во всякомъ слу-
чаѣ, нельзя не видѣть въ этомъ явленіи упад-
ка поэтическаго чутья и художественнаго вку-
са въ силу причинъ, исключительно не зави-
сѣвшихъ отъ народа. Съ такими ли красками
подходили къ своимъ идеаламъ прежніе народ-
ные пѣвцы и такъ ли легко отходили отъ нихъ
прежніе люди? Для образца представляемъ од-
ну старинную пѣсню (записанную въ Сарато-
вской губ.), получившую вдохновеніе и содер-
жаніе свое въ томъ же источникѣ, изъ кото-
раго вытекла и новая торевная пѣсня,—близ-
кая свойственница новомоднымъ лавейскимъ,
трактирнымъ и фабричнымъ пѣснямъ.

Еще сколько я, добрый молодець, не гуливалъ,
Что не гуливалъ я, добрый молодець, не поха-
живалъ,

Такова я чуда-дива не нахаживалъ,
Какъ нашель я чудо-диво въ градѣ Кіевѣ:
Среди торгу-базару, середѣ площади,
У того было колодечка глубокова.
У того было ключа-то подземельнова,
Что у той было конторушки Румянцевой,
У того было крыльчѣкка у перильчата:
Ужъ какъ бьютъ-то добра молодца на правѣжѣ,
Что на правѣжѣ его бьютъ,
Что нягова бьютъ, босова и безъ пояса,
Въ однихъ гарусныхъ чулочкахъ-то, безъ чобо-
товъ: *)

Правятъ съ молодца казну да монастырскую *).

*) У пѣсни вариантъ:

Били добраго молодца на правѣжѣ
На жемчужномъ перехрестычкѣ !)
Во морозъ во хрещенскіе

!) Въ Москвѣ урочище: мѣсто старыхъ казней.

Изъ-за горь-то было горь, изъ-за высокихъ,
Изъ-за лѣсу-то было лѣсочку, лѣса темнова,
Что не утреняя зорюшка знаменуется,
Что не праведное красно солнушко выкатается:
Выкаталась бы тамъ карета красна золота,
Красна золота карета государева.
Во каретущкѣ сидѣлъ православный царь,
Православный царь Иванъ Васильевичъ.
Случилось ему ѣхать посередѣ торгу;
Ужъ какъ спрашивалъ надежа-православный

царь,
Ужъ какъ спрашивалъ добра молодца на прав-
вежѣ:

«Ты скажи-скажи, дѣтина, правду-истину:
Еще съ кѣмъ ты казну крадъ, съ кѣмъ разбой
держалъ?»

Если правду ты мнѣ скажешь—я пожалую,
Если ложно ты мнѣ скажешь—я скоро скавню.
И пожалую тея, молодецъ, въ чистомъ полѣ
Что двумя тебя столбами да дубовыми,
Ужъ какъ третьей перекладной кленовою,
А четвертой тебя петелькой шолковою».
Отвѣчать ему удалый добрый молодецъ:
— «Я скажу тебѣ, надежа-православный царь,

Во два прутика желѣзные.
Онъ стоитъ удаленькій, не тряхнется,
И русы кудри не шелохнутся,
Только горючи слезы изъ глазъ катятся.
Наважалъ къ нему православный царь,
Православный царь Петръ Алексѣевичъ.
Не золотая трубышка вострубила,
Не серебряна сыповочка возыграла,
Тутъ возговоритъ царь Петръ Алексѣевичъ:
«Вы за што добротнова казните?
Вьете-казните казнью смертною?»
Тутъ возговорятъ мужики приходскіе:
«Ужъ ты гой еси, православный царь,
Царь Петръ Алексѣевичъ!
Мы за то его бьемъ-казнимъ:
Онъ покралъ у насъ Миколу-то Можайскова
И унесъ казны сорокъ тысячей».
Тутъ возговоритъ добрый молодецъ:
«Ужъ ты гой еси, православный царь,
Православный государь Петръ Алексѣевичъ,
Не вели меня за слово казнить-вѣшати,
Прикажи мнѣ слово молвити,
Мнѣ себя, добра молодца, поправити.
Не я покралъ у нихъ Миколу-то Можайсково,
И не я унесъ у него золоту-казну,
А покрали его мужики-кашлы.
Только случилось мнѣ, доброму молодцу,
Это дѣло самому видѣти.

Гулялъ я, молодецъ, по берегу
На желтомъ песку, при мелкомъ лѣску,
И увидѣлъ, что они дѣлятъ казну,
Не считаючи дѣлять—отгребаячи.
У меня, у молодца, сердце разгорѣлося,
Молодецкая кровь раскипѣлася,
Ломалъ я, молодчикъ, мостовиночку дубовую,
Перебилъ я мужиковъ до полу-смерти,
Иныхъ прочихъ чуть живыхъ пустилъ.
И взялъ я у нихъ золоту казну.
Взявши казну, сталъ пересчитывать:
Насчиталъ казны сорокъ тысячей».
Тутъ не золота трубышка вострубила,
Не серебряна сыповочка возыграла,
Какъ возговоритъ надежа-православный царь,
Православный государь Петръ Алексѣевичъ:
«Ты куда такову казну дѣвалъ?»
Тутъ возговоритъ добрый молодецъ:
«Ужъ ты гой еси, православный царь,
Православный государь Петръ Алексѣевичъ,
Прогулялъ я во кружалѣ
Со голытьбою со кабацкою!»

Я скажу тебѣ всю правду и всю истину,
Что не я-то казну крадъ, не я разбой держалъ!
Ужъ какъ крали-воровали добры молодцы,
Добры молодцы, донскіе казаки.

Случилось мнѣ, молодцу, идти чистымъ полемъ,
Я завидѣлъ въ чистомъ полѣ сырой дубъ стоять,
Сырой дубъ стоять въ чистомъ полѣ крако-
вистый.

Что пришелъ я, добрый молодецъ, къ сыру дубу,
Что подъ тѣмъ подъ дубомъ подъ краковистымъ,
Что казаки они дѣль дѣляютъ,
Они дѣль дѣляютъ, дуванъ дуванили.

Подошелъ я, добрый молодецъ, къ сыру дубу.
Ужъ какъ бралъ-то я сырой дубъ посередѣ его,
Я выдергивалъ изъ матушки сырой земли,
Какъ отряхивалъ коренья о сыру землю.

Ужъ какъ тутъ-то добры молодцы испугались:
Со дѣли они, со дувану разбѣжались:
Одному мнѣ золота казна досталася,
Что не много, и не мало—сорокъ тысячей.
Я не въ кладъ-то казну клалъ, животомъ не
звалъ,

Ужъ я клалъ тое казну во большой-отъ домъ,
Во большой-отъ домъ, во царевъ кабакъ».

Вотъ тѣ пѣсни, которыя намъ удалось слы-
шать въ Сибири отъ ссыльных или собствен-
но тюремныя пѣсни:

I.

При долинушкѣ выросъ кустъ съ малинушкой
(или съ калинушкой)
На кусточкѣ ли (или на калинушкѣ) сидятъ
младъ соловаяшко.

Сидятъ, громко свищеть.
А въ неволушкѣ сидятъ добрый молодецъ,
Сидятъ, слезно плачеть;
Во слезахъ-то словечушко молвилъ:
— Растоскуйся ты, моя любезная, разгорюйся!
Ужъ я самъ-то по тебѣ, любезная,
Самъ я по тебѣ сгорѣвался.
Я отъ батюшки, я отъ матушки
Малой сынъ остался
«Кто тебя, сироту, вспоилъ, вскормилъ?»
— Вскормилъ, вспоилъ православный миръ,
Возлелѣяла меня чужая сторонка,
Воскачала-то меня легкая лодка.
А теперь я, горемышный, во тюрьму попалъ,
Во тюрьму попалъ, тюрьму темную.

II.

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ-за горь, горь высокихъ,
Выплывала лодка легкая.
Ничѣмъ лодочка не изукрашена,
Молодцами изусажена;
Посередѣ лодки былъ шаторъ стоять;
Подъ шаторомъ-то золота казна;
Караульщицей красна дѣвица,
Дѣвка плачеть, какъ рѣка льется;
У ней слезы, какъ волны бьются.
Атаманъ дѣвку уговариваетъ:
— Не плачь, дѣвка, не плачь, красная!
«Какъ мнѣ, дѣвушка, не плакати?
Атаману быть убитому,
Палачу (есаулу?) быть разстрѣлену!
А мнѣ, дѣвушкѣ, тюрьма крѣпкая
И сосланице далекая.
Въ чужедальную сторонущу,
Что въ Сибирь-то некрещеную!»

III.

Ты воспой, воспой,
 Жавороночекъ,
 На крутой горѣ,
 На проталинкѣ.
 Ты утѣшь-ко, утѣшь
 Меня молодца,
 Во неволюшкѣ,
 Во неволюшкѣ
 Въ каменной тюрьмѣ,
 За тремя дверьми
 За дубовыми,
 За тремя пѣвьями
 За желѣзными.
 Напишу письмо
 Къ своему батюшкѣ,—
 Не перомъ напишу,
 Не чернилами,
 Напишу письмо
 Горючьи слезы.
 Отецъ съ матерью
 Отступилися:
 «Какъ у насъ въ роду
 Воровъ не было,
 Ни воровъ у насъ,
 Ни разбойниковъ».

IV.

Ужъ ты, гуленька мой голубочекъ,
 Сизокрылый ты мой воркуночекъ!
 Отчего ко мнѣ, гуленька, въ гости не летаешь?
 Развѣ домичка моего ты не знаешь?
 Мой домикъ раскрашенной: ни дверей нѣтъ, ни
 окошекъ,
 Только печка муровая, труба дымовая.
 Какъ во трубочку дымокъ повѣваетъ,
 А у моей любушки сердце занываетъ.
 Ахъ, вы нянюшки-мамушки!
 Вы берите ключи золотые,
 Отпирайте замки вы витые,
 Вынимайте вы уборы дорогіе.
 Вы идите къ чиновникамъ съ поклономъ—
 Выручайте, дружки, изъ неволи!
 Или голоску моего, гулинька, ты не слышишь:
 Мой громкой голосъ вѣтеркомъ относить?
 Или сизыя твоя крылья частымъ дождемъ
 мочить,
 Холоднымъ осеннеыкимъ сверху поливаетъ?
 Какъ не ласточка кругомъ саду летаетъ,
 Не касаточка къ землѣ низко припадаетъ,
 А про мое несчастье видно не знаетъ:
 Будто я, добрый молодецъ, во тюрьмѣ сижу,
 во неволѣ.
 Что никто-то, никто ко мнѣ, доброму молодцу,
 Не зайдетъ, не зайдетъ, никто не заглянетъ.
 Тутъ зашла-зашла къ нему гостюшка дорогая,
 Вотъ его-то любушка милая;
 Не гостить зашла, а провѣдать.
 Ужъ ты, любушка, ты моя радость дорогая,
 Выкупай ты меня Бога для изъ неволи!
 Не жалѣй ты своихъ цвѣтныхъ уборовъ:
 Ты сходи-тва, сходи въ домъ къ прокурору,
 Попроси ты его слезно, попросай-ка:
 Не отпустить ли онъ меня, молодца,
 На вольной свѣтъ погуляти,
 Свое горе лютое разогнати? *)

*) Въ Холмогорахъ (Арх. г.) мнѣ удалось записать еще вариантъ этой пѣсни древнѣйшаго происхожденія:

Мой сизой голубчикъ,
 Ты зачѣмъ, для чего

V.

Соловейко ты мой, соловейко,
 Разнесчастный ты мой соловейко!
 Ты не вей себѣ, не вей себѣ теплаго гнѣздышка,
 Не вей при дорожкѣ,
 А совей-ка лучше его при долини:
 Тамъ никто его, никто не раззорить
 И твоихъ малыхъ дѣтушекъ никто не разгонитъ.
 Какъ у Троицы было подъ горою,
 За каменною было за стѣною,
 Тамъ сидитъ, сидитъ добрый молодецъ,
 Онъ сидитъ, сидитъ въ каменной тюрьмѣ;
 Онъ не годъ сидитъ, онъ не два года.
 Что никто къ нему, разудалому,
 Никто не зайдетъ, никто не зайдетъ.
 Тутъ зашла къ нему гостюшка дорогая,
 Къ нему матушка его родная;
 Не гостить зашла, а провѣдать:
 — «Какое-то тебѣ, сыну милому,
 Во тюрьмѣ сидѣть, во неволюшкѣ?
 Во тюрьмѣ сидѣть за рѣшетками,
 За рѣшетками за желѣзными?»
 — Ахъ ты матушка, ты родимая!
 Ты сходи, сходи къ прокурору въ домъ,
 Попроси-ка ты его милости,
 Не отпустить ли меня, добраго молодца,
 На свѣтъ бѣлый погулять еще?

VI.

Привелось мнѣ, доброму молодцу,
 Вхвать мимо каменной тюрьмы.
 На тюремномъ-то на бѣломъ окошечкѣ
 Сидѣлъ добрый молодецъ:
 Онъ чесалъ свои русы кудерушки
 Частымъ бѣлымъ гребешкомъ.
 Расчесавши свои русы кудерушки,
 Самъ восплакалъ слезно и сказалъ:
 «Вы подуйте-ка, бурны вѣтры,

Въ садикъ не летаешь?
 Буйнымъ вѣтромъ
 Сизова относитъ,
 Частымъ дождемъ
 Крылья-перья мочить.
 Мой миленькой,
 Мой милой дружечекъ!
 Ты пошто, для чего
 Рѣдко въ гости ходишь:
 Твой отецъ да мать
 Тебя не спускаютъ,
 Родъ они, племя
 Тебѣ запрещаютъ?
 Сидѣль-посидѣль
 Удалой молодчикъ
 Въ темной темницѣ.

У той у темной, у темной темницы
 Ни дверей нѣту, нѣту ни окошекъ,
 Еще въ ней нѣту ни красна крылечка,
 Только есть одна труба дымовая,
 Изъ той трубы дымъ-отъ повѣваетъ,
 Меня молодцу горе разбираетъ.
 Пойду я, млада, съ горя въ зеленъ садикъ,
 Пойду-возьму я ключи золотые;
 Отопру я сундуки-ларцы кованы,
 Возьму денегъ ровно сорокъ тысячъ,
 Стану дружка-дружка выкупати,
 Изъ неволюшки его выручати,
 Грозенъ судья, судья-воевода,
 Моей казны - казны не примаешь.
 Меня молодцу горе разбираетъ!
 Пойду молада я съ горя въ чисто поле,
 Пойду, нарву я лютаго коренья,
 Буду, стану я судью оповти.

На родиму сторону!
 Отнесите-ка вы, вѣтры буйные,
 Моему батюшкѣ низкій поклонъ,
 Какъ моей родимой матушкѣ челобитице!
 А женѣ молодой вотъ двѣ волюшки:
 Какъ первая воля—во вдовахъ сиди,
 А вторая воля—замужъ поиди!
 На меня-то, молодца, не надѣйся,
 У меня-то, молодца, есть своя печаль
 непридуманная:
 Осуженъ-то я на смертную казнь,
 Къ наказанью-ль кнутомъ да немилостному *).

VII.

Ты не пой-ка, не пой, младъ жавороночекъ,
 Сидючи весной на проталинкѣ,
 На проталинкѣ—на прогалинкѣ.
 А воспой-ка, воспой, младъ жавороночекъ,
 Воспой-ка, воспой при долинкѣ.
 Что стоитъ ли тюрьма,
 Тюрьма новая,
 Тюрьма новая, дверь дубовая;
 Что сидитъ ли тамъ, сидитъ добрый молодець,
 Онъ не годъ сидитъ, онъ не два года,
 Сидитъ ровно семь годовъ.
 Заходила къ нему матушка родная!
 «Что я семь-то разъ, семь разъ выкупала,
 Что и семь-то я, семь тысячъ потеряла,
 Что осьмой-то, осьмой-то тысячи не достаю».

VIII.

Садъ ли мой, садочекъ,
 Садъ зеленый виноградъ!
 Отчего садикъ поблекъ?—
 Въ саду Ванюшка гулялъ,
 Красныхъ дѣвокъ забавлялъ,
 Во побѣдушку попалъ,
 Во побѣду, во нужду:
 Въ крѣпку каменну тюрьму.
 Подъ окномъ Ваня сидѣлъ,
 Съ конемъ рѣчь говорилъ:
 «Ахъ, ты, конь мой вороной,
 Конь, добра лошади мой!
 Ты не выведешь меня
 Изъ побѣды, изъ нужды,
 Изъ крѣпкой каменной тюрьмы».
 Какъ солнце на восходѣ,—
 Ведутъ Ваню на допросъ.
 Попередъ палачъ съ плетью,
 Позадъ жена съ дѣтми
 Уливается слезми.
 «Ахъ, ты, женушка мой!
 Жена, барыня мой!
 Чѣмъ дарила палача?»
 —Со бѣлой шеи платкомъ,
 Со правой руки кольцомъ.—
 Красно солнце на закатъ,
 Ведутъ Ванюшку назадъ.

Сопоставляя эти пѣсни рядомъ, мы видимъ въ нихъ разительное сходство въ основныхъ мысляхъ: одна служить основаніемъ другой. Если источникъ этихъ пѣсней лежитъ въ думахъ заключенниковъ русскихъ тюремъ (гдѣ онѣ, по всему вѣроятію, и придуманы), то, тѣмъ же

*) Въ известной русской пѣснѣ: «Ужъ какъ палъ туманъ на синѣ море», мотивъ этотъ повторяется въ концѣ съ такимъ вариантомъ:
 «Молодой женѣ скажите мою волюшку—
 На всѣ ли на четыре сторонушки,
 Малышъ дѣтушкамъ благословеньце».

менѣе, пѣсни эти любимы и у сибирскихъ арестантовъ. Одна пѣсня (№ IV) даже до такой степени освоилась въ Сибири, что ее тамъ признаютъ всѣ за свою, называютъ сибирскою національною и знаютъ ее и поютъ всѣ, начиная съ тюремныхъ казармъ и крестьянскихъ избъ и кончая богатыми кабинетами и гостинными богатыхъ кушцовъ и золотопромышленниковъ. Эта—одна изъ самыхъ извѣстныхъ и распространенныхъ пѣсней въ Сибири, не смотря на то, что коренной сибирякъ вообще пѣть не охотникъ, мало знаетъ пѣсней и почти ни одной своей не придумалъ. Сибирскою можно назвать упомянутую пѣсню развѣ потому только, что сибиряки нѣсколько измѣнили напѣвъ, отличающійся отъ русскаго большею тоскливостью (къ тому же онъ и растянутѣе). Творчество въ Сибири, повидимому, нешло дальше того, что завѣщено Россію, и остановилось, удовлетворенное старыми русскими образцами. Взаимнъ того, въ Сибири замѣтно явленіе противоположнаго свойства: тамъ изъ готоваго матеріала составляются новыя пѣсни, въ которыхъ начало взято изъ одной, конецъ приставленъ изъ другой. Эта перетасовка и перекройка стиховъ—дѣло обычное у арестантовъ, примѣры мы укажемъ ниже. Вотъ, между прочимъ, одинъ, отвѣчающій сразу тремъ пѣснямъ, помѣщеннымъ нами подъ №№ III, IV и V. Въ Россіи III пѣснѣ отвѣчаетъ слѣдующая очень распространенная:

Ты воспой, воспой, младъ жавороночекъ,
 Сидючи весной на проталинкѣ.
 Сидитъ молодець въ темной темницѣ,
 Во темной темницѣ-заключеньницѣ;
 Пишетъ онъ грамотку къ отцу, къ матери,
 Къ отцу, къ матери, къ молодой женѣ:
 «Охъ ты, матушка, родной батюшка!
 Выкупи, выручи добраго молодца,
 Добраго молодца изъ темной темницы».
 Какъ отецъ-то и мать отказались,
 Всѣ сродники отступаются *).
 Ты воспой, воспой, милъ жавороночекъ,
 Сидючи весной на проталинкѣ.
 Сидитъ молодець въ темной темницѣ,
 Во темной темницѣ, въ заключеньницѣ;
 Пишетъ грамотку къ красной дѣвицѣ,
 Къ красной дѣвицѣ, прежней полюбовницѣ:
 «Выкупи, выручи добраго молодца,
 Ахъ ты, душечка—красная дѣвица,
 Ты, прежняя моя полюбовница!»
 Красная дѣвица горько всплакнула,
 Горько всплакнула, слово молвила:
 «Охъ, вы нянюшки, мои мамушки!
 Вы берите скорѣй золотыя ключи,
 Отпирайте вы кованыя ларцы,
 Вы берите казны сколько надобно,
 Выкупайте добраго молодца,
 Добраго молодца изъ темной темницы,
 Изъ темной темницы-заключеньница».

Пѣсня подъ № VIII составлена изъ двухъ, изъ которыхъ одна поется въ Россіи такъ:

*) Въ Россіи вариантъ:
 Какъ у насъ въ роду воровъ не было,
 Ни воровъ у насъ, ни разбойничковъ.

Ужъ ты, веснушка наша весна!
 Ты не къ радости, весна, пришла,
 Не къ радости, весна, не въ честь,
 Во великой большой сухотѣ.
 Ужъ ты, садъ ли мой, садикъ,
 Садъ—зеленый виноградъ!
 Отчего ты, садикъ, весь посохъ?
 Въ саду Ванюшка—Ваня гулялъ,
 Всею травненьку Ваня помялъ,
 Алы цвѣтики всѣ Ваня перервалъ,
 Красну дѣвицу терялъ,
 Во тюрьму Ваня попалъ.
 Во тюремшкѣ Ваня сидѣлъ,
 Самъ въ окошечко глядѣлъ,
 На добраго коня смотрѣлъ,
 Съ конемъ рѣчи говорилъ:
 «Ужъ ты, конь ли мой конекъ,
 Конь добра лошадь моя!
 Что не вынесешь меня
 Съ бѣлой каменной тюрьмы?»

Вторая однородная русская пѣсня (древнѣйшей формы) такова:

Добры молодцы всѣ на волюжѣ живутъ,
 Одинъ Ванюшка въ побѣдушкѣ сидитъ:
 Въ каменной, Ваня, государевой Москвѣ,
 Въ земляной тюрьмѣ, за рѣшетками,
 За желѣзными дверями,
 За всякими замками.
 За утра Ваню къ наказаньцу ведутъ,
 Къ наказаньцу—ко ременному кнуту,
 Къ столу крашенному, дубовому.
 По праву руку отецъ съ матерью идутъ,
 По лѣвую руку молада жена съ дѣтьми,
 Молада жена съ дѣтьми малыми,
 Позади его православный весь народъ.
 Какъ и сталъ Ваня говорить женѣ:
 «Ты синими съ меня шелковой поясъ
 Съ позолоченными на немъ ключиками.
 Отопри, жена, окованъ сундукъ,
 Ужъ ты вынь отоль золотой казны,
 Ты дари, жена, молодого палача,
 Чтобы молодой палачъ меня легче наказывалъ!»

Для пѣсни подъ № IV имѣется въ Россіи такой вариантъ:

Не ласточка ко мнѣ прилетала,
 Насаточка вѣстку приносила:
 Будто бы мой-то миленькой сидитъ во неволѣ,
 Во той тюрьмѣ, въ губерскомъ острогѣ.
 Во той тюрьмѣ нѣтъ ни дверей, ни окошекъ,
 Одна труба и та дымовая;
 Изъ трубочки дымокъ повѣваетъ,
 У дѣвушки сердце занываетъ.
 Пойду, млада, въ высоки хоромы,
 Возьму, млада, ключи золотые:
 Отопру, млада, зарцы кленовые,
 Пойду, млада, всѣхъ судей дарить.
 Судьи денегъ моихъ не примають
 Любезнаго ко мнѣ не пуцають.

Въ Россіи еще извѣстны слѣдующія прекрасныя тюремныя пѣсни:

1.

Изъ-подъ цвѣтика да каменной Москвы,
 Каменной Москвы да земляной тюрьмы,
 Какъ изъ той ли тюрьмы да ведутъ молодца,
 Ведутъ молодца да вѣдъ ко вѣшанью.
 Идетъ молодецъ да самъ не качается,
 Его буйная головушка не трахнется,

Его русые кудерки не шелохнутся.
 Во рукахъ-то онъ несетъ воскову свѣчу,
 Бѣлы ручоньки да воскомъ зализо.
 Какъ на ветрѣчу ему православный парь.
 Еще сталъ государь его разспрашивать:
 — «Ты скажи-ка, скажи мнѣ, добрый молодецъ,
 Скажи, съ кѣмъ ты воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ?»

— Ужъ ты, батюшка благобѣрный царь!
 Я не самъ-то воровалъ, не самъ разбой держалъ:
 Воровали твои да донски казаки,
 Донски казаки да казаченьки;
 Все казаченьки дувать дуванили,
 Дувать дуванили, казну дѣлили,
 Казну дѣлили, да казну-денежки;
 Ужъ какъ я ли, молодецъ, при томъ случѣ былъ,

При томъ случѣ былъ да все паю проселъ;
 Ужъ какъ мнѣ-то, молодцу, паю не дали..
 Всѣ казаченьки да испугались,
 По низкимъ мѣстамъ разбѣжались,
 По низкимъ мѣстамъ по болотичкамъ,
 Одному-то мнѣ казна досталася.

Вариантъ въ 1-мъ приложеніи: „Еще сколько я, добрый молодецъ, не гуливалъ“ и проч.)

2.

Ходилъ-то я, добрый молодецъ, по чистому полю:
 Мягкая постелюшка—зеленый песокъ,
 Изголовьце мое—шелкова трава!
 Какъ во селѣ было во Лысковѣ,—
 Тутъ построена крѣпкая темница.
 Какъ во той во крѣпкой темницѣ
 Посажень сидитъ добрый молодецъ,
 Добрый молодецъ Чернышевъ, Иванъ

Григорьевичъ.

Онъ по темницѣ похаживаетъ, самъ слезно плачетъ,

Самъ слезно плачетъ, онъ Богу молится:

«Ты возмой, возмой, туча грозная!
 Разбей громомъ крѣпкія тюрьмы:
 Во тюрьмахъ сидятъ все невольнички,
 Невольнички неохотнички».
 Всѣ невольнички разбѣжались,
 Во темномъ лѣсу они собиралися,
 Соходилися они на поляночку,
 На поляночку на широкую.
 «Ты взоуди, взоуди, красное солнышко!
 Обогрѣй ты насъ, добрыхъ молодецъ,
 Добрыхъ молодецъ, сиротъ бѣдныхъ,
 Сиротъ бѣдныхъ, безпашпортныхъ».
 Ниже города, ниже Нижнаго
 Протекала тутъ рѣчка быстрая,
 По прозванью рѣчка Волга-матушка.
 Течетъ Волга-матушка по дикимъ мелкимъ

камушкамъ,

Какъ по рѣченкѣ плыветъ легка лодочка.

Эта лодочка изукрашенная,
 Все молодчиками изукрашенная.

3.

Какъ свѣтилъ да свѣтилъ мѣсяцъ во полночи,
 Свѣтилъ въ половину;
 Какъ скакалъ да скакалъ добрый молодецъ
 Безъ вѣрной дружины.
 А гнались да гнались за тѣмъ добрымъ
 молодецъ

Вѣтры полевые;

Ужъ свистятъ да свистятъ въ уши разудалому
 Про его разбоя.

А горятъ да горятъ по всѣмъ во дороженькамъ
 Костры стражевые;

Уж слѣдять да слѣдять молодца-разбойника
Царскіе разъѣзды;
А сулятъ да сулятъ ему, разудалому,
Въ Москвѣ бѣлокаменной каменны
палаты.

4.

Ужъ ты воля, моя воля, воля дорогая,
Ты воля дорогая, дѣвка молодая!
Дѣвка по торгу (или: во Москвѣ дѣвка) гуляла—
красоту теряла;
Красоту дѣвка теряла (платочекъ украла), въ
острогъ жить попала
Скучно грустно красной дѣвкѣ въ острогѣ
сидѣти,
Во невозможнѣ сидѣти, въ окошко глядѣти.
Мимо этого окошка лежитъ путь-дорожка.
Какъ по этой по дорожкѣ много идутъ-ѣдутъ.
Моего дружка, Ванюша, его слѣду нѣту.
За быструю за рѣкою мой Ваня гуляетъ,
Тамъ мой Ванюшка гуляетъ, товаръ
закупаешь,
Товаръ Ваня закупаетъ купеческой дочкѣ.
Ужъ и то-то мнѣ досадно, хоть была бы лучше!
Развѣ тѣмъ-то она лучше, что коса длиннѣе,
Что коса у ней длиннѣе и брови чернѣе.

5.

Не рабинушка со березонькой
Совивается,
А не травонька со травонькой
Соплетается.
Какъ не мы ли, добрые молодцы.
Совыкались.
Какъ лѣса ли, вы лѣсочки,
Лѣса наши темныя!
Вы кусты ли, наши кусточки,
Кусты наши великіе!
Вы станы ли, наши станочки,
Станы наши теплыя!
Вы друзья ли, наши друзья,
Братцы-товарищи!
И еще ли вы, мои лѣсочки,
Исѣ поврубленные!
Всѣ кусты ли, наши кусточки,
Всѣ поломанные!
Вы станы ли, наши станочки,
Всѣ разоренныя!
Всѣ друзья наши, братцы—
Товарищи посаженны,
(Остался одинъ товарищъ—
Стенька Разинъ сынъ).
Рѣзвы ноженьки въ кандалахъ заклепаны.
У воротъ-то стоять грозные сторожи,
Грозные сторожи—бравые солдатшки.
Никуда-то намъ, добрымъ молодцамъ,
Ни ходу, ни выпуску,
Ни ходу намъ, ни выпуску
Изъ крѣпкой тюрьмы.
Ты возмой, возмой туча грозная,
Ты разбей-ка, разбей зсмляны тюрьмы!

6.

Не отъ пламечка, не отъ огнечка
Загорался въ чистомъ погѣ ковыль-трава;
Добирался огонь до бѣлаго до камешка.
Что на камешкѣ сидѣлъ младъ ясенъ соколы.
Подпало-то у ясна сокола крылья быстрыя,
Ужъ какъ пѣшь ходитъ младъ ясенъ соколы по
чисту полю.
Примѣли къ ясну соколу черны вороны;
Они граяли, смѣялись ясну соколу,

Называли они ясна сокола вороною:
— Ахъ, ворона ты, ворона, младъ ясенъ соколы
Ты зачѣмъ, зачѣмъ, ворона, залетѣла здѣсь?
Отвѣтъ держитъ младъ ясенъ соколы чернымъ
воронамъ:

— Вы не грайте, вы не смѣйтесь, черны вороны!
Какъ отрошу я свои крылья соколиныя,
Поднимусь я, младъ соколы, высокошенько,
Высокошенько поднимусь я по поднебесью,
Опущусь я, младъ ясенъ соколы, во сырой землѣ;
Разобью я ваше стадо, черны вороны,
Что на всѣ ли на четыре стороны;
Вашу кровь пролью я въ сине море,
Ваше тѣло раскидаю по чисту полю,
Ваши перья я развѣю по темнымъ лѣсамъ.
Что когда-то было ясну соколу пора-времячко,
Что леталъ младъ ясенъ соколы по поднебесью;
Убивалъ младъ ясенъ соколы гусей-лебедей,
Убивалъ младъ ясенъ соколы сѣрыхъ уточекъ.
Что когда-то было добру молодцу пора-времячко,
Что ходилъ гулялъ добрый молодецъ на во-
люшкѣ,
Что теперь добру молодцу поры-время нѣтъ.
Засаженъ сидитъ добрый молодецъ во побѣд-
ности:
У злыхъ вороговъ добрый молодецъ въ земляной
тюрьмѣ.
Онъ не годъ-то сидитъ, добрый молодецъ, и не
два года,
Что сидитъ-то добрый молодецъ ровно трид-
цать лѣтъ.
Что головушка у добра молодца стала сѣде-
шенька,
Что бородушка у добра молодца стала бѣлешенька.
А все ждеть-то онъ, поджидаетъ выкупъ—вы-
ручки:
Быль и выкупъ бы, была выручка, своя волюшка,
Да далечева родимая сторонушка!

Два послѣднихъ стиха приставлены изъ дру-
гой пѣсни; безъ нихъ она поется вся въ цѣль-
номъ видѣ на Уралѣ. Въ нашемъ сборникѣ
пѣсенъ она восполняетъ недостающее и забы-
тое на Нерчинскихъ заводахъ въ той пѣснѣ,
которая помѣщена нами въ текстѣ 2-й главы
„На каторгѣ“, а записана за Вайкаломъ.

Въ Россіи сохранилась въ народной памяти
еще слѣдующая пѣсня, отвѣчающая содержа-
ніемъ своимъ многимъ тюремнымъ пѣснямъ:

7.

Изъ Кремля, Кремля крѣпка города,
Отъ дворца, дворца государева,
Что до самой ли Красной площади
Пролегала тутъ широкая дороженька,
Что по той ли по широкой по дороженькѣ,
Какъ ведутъ казнить тутъ добра молодца,
Добра молодца большого боярина,
Что большого боярина—атамана стрѣлцаго,
За измѣну противъ царскаго величества.
Онъ идетъ ли, молодецъ, не оступается,
Что быстро на всѣхъ людей озирается,
Что и тутъ царю не покоряется.
Передъ нимъ идетъ грозенъ палачъ,
Во рукахъ несетъ остеръ топоръ,
А за нимъ идутъ отецъ и мать,
Отецъ и мать, молода жена.
Они плачутъ, что рѣка летаетъ,
Возрыдаютъ, какъ ручьи шумятъ,
Въ возрыданьи выговариваютъ:
— Ты, дитя ли наше милое,
Покорися ты самому царю,

Принеси свою повинную;
 Авось тебя государь-царь пожалуеть,
 Оставит буйну голову на могучихъ плечахъ.
 Каменѣетъ сердце молодецкое,
 Онъ противится царю, упрямствуетъ,
 Отца, матери не слушается,
 Надъ молодой женой не смежится,
 О дѣтяхъ своихъ не болѣзаетъ.
 Привели его на площадь Красную:
 Отрубили буйну голову,
 Что по самы могучи плеча.

Сохранились и пѣсни, завѣщанныя волжскими и другими разбойниками, нѣкогда наполнявшими сибирскія тюрьмы въ избыткѣ. Ими же занесены и забыты многія пѣсни и въ сибирскихъ каторжныхъ тюрьмахъ, гдѣ успѣли эти пѣсни на наши дни частью измѣнить, частью изуродовать, а частью обмѣнять на другія. Свободное творчество не получило развитія, причину тому ближе искать въ постоянныхъ преслѣдованіяхъ приставниками. Пѣсни въ тюрьмѣ—запрещенный плодъ. Дальнѣйшая же причина, естественнымъ образомъ, зависить отъ тѣхъ общихъ всей Россіи причинъ историческихъ, которыя помѣшали создаваться новой пѣснѣ со временъ Петра Великаго. Вначалѣ вытѣсняли народныя пѣсни соблазнительныя солдатскія (военныя), въ которыхъ ярко и сильно высказалось въ послѣдній разъ народное самобытное творчество (особенно въ рекрутскихъ). Съ особенною любовью здѣсь приняты и особеннымъ сочувствіемъ воспользовались пѣсни рекрутскія и въ сибирскихъ тюрьмахъ: и „По горамъ, горамъ по высокимъ, младъ сизой орелъ высоко леталъ“, и „Какъ по морю-морячку по Хвалынскому“ и „Не шуми-ка ты, не грѣши, мать зелена дубровушка“ *). Затѣмъ растянули по лицу земли рус-

*) Вотъ въ какомъ видѣ являются эти три пѣсни въ Сибири на каторгѣ:

I.

По горамъ, горамъ
 По высокимъ,
 Младъ сизой орелъ
 Высоко леталъ,
 Высоко леталъ,
 Жалобно кричалъ.
 Во строю солдатъ
 Тяжело вздыхалъ:
 „Мнѣ не жаль, не жаль
 Самого себя,
 Только жалко мнѣ
 Зелена сада.
 Во зеленомъ саду
 Есть три деревца:
 Первое деревцо—
 Кишарисово,
 Другое деревцо—
 Сладка яблонька,
 Третье деревцо—
 Зелена груша.
 Кишарисъ древо—
 Родной батюшка;
 Сладка яблонька—
 Родна матушка.

ской войска въ то время, когда уже познакомились они съ дѣланною, искусственною и заказною пѣсней; потомъ завелись фабричныя и

Зелена груша—
 Молода жена.

II.

Какъ по морю-морячку по Хвалынскому
 Плывуть восплываютъ тридцать кораблей:
 Одинъ-отъ корабликъ попередъ бѣжить,
 Онъ бѣжить-бѣжить, соколомъ летить.
 На томъ ли на корабликѣ Рыжковъ атаманъ.
 «Гребите вы, молодцы, подгребайте,
 Своихъ бѣлыхъ рученекъ не жалѣйте!
 Какъ за нами, за молодцами, три погони:
 Первая погонюшка—то солдаты,
 Вторая погонюшка—то гусары,
 Третья погонюшка—донски казаки.
 Первой погонюшки не боюся,
 Второй-то погонюшки не страшуся,
 Третьей же погонюшки я боюся.
 То не пулечка свинцовая пролетаетъ,
 Не калено ядрышко прилетаетъ,
 Атамана Рыжкова убиваетъ.

III.

Не шуми-ка ты, не грѣми,
 Мать зелена дубравушка!
 Не мѣшай-ка ты, не мѣшай
 Мнѣ, молодцу, думу думати!
 Ахъ, приходитъ же на дубравушку,
 Приходитъ невзгода.
 Вотъ невзгодушка да на дубравушку—
 Зимонька холодна.
 Исповысушить, исповыкрутить
 Всѣ листья-коренья.
 Какъ на крутенькомъ и на прекрасенькомъ
 Былъ я на ярочкѣ,
 Какъ на желтенькомъ на разсыпчатомъ
 На мелкомъ песочкѣ.
 Что не черны-то въ полѣ
 Вороны слетались,—
 Солетались-собиралися
 Молодцы ребятушки.
 Вы солдатюшки, вы молодецки,
 Вы новобранны!
 Получили ли вы, ребятушки,
 Царскія присяги?
 Что жъ ты, рѣченька, что жъ ты, быстрая,
 Долго не проходишь?
 Ледокъ тоненькій, ледокъ осененькій
 Долго не проносишь?
 Нашихъ милыхъ голубушекъ
 Долго не провонишь?
 Наши милыя голубушки
 Сами переѣдутъ.
 Извѣстная былина-пѣсня «Соѣзжаетъ князь Михайло со широкаго подворья», рассказывающая объ убійствѣ свекровью невѣстки, въ сибирскихъ тюрьмахъ извѣстна до мельчайшихъ подробностей и даже представляетъ лучшій, полнѣйшій вариантъ. Въ Сибири одно убійство служить поводомъ къ двумъ новымъ убійствамъ:
 Вынимаетъ князь Михайло
 Изъ ножонъ булатный ножикъ:
 Онъ пронзаетъ свое сердце,
 Онъ пронзаетъ ретивое.
 Какъ возговорить его матушка родима:
 «Ахти, злодѣйка я, согрѣшила,
 Три души я погубила:
 Се-де сына, се невѣстку,
 Се младенца во утробѣ!»

потасили въ народъ свои доморощенные пѣс-
ни, находящіяся въ близкомъ родствѣ съ ка-
зарменными; наконецъ, втиснули въ народъ пе-
чатные пѣсенники съ безграмотными москов-
скими и петербургскими виршами, съ романса-
ми и цыганскими бездѣлупками. Но въ сол-
датскихъ и фабричныхъ пѣсняхъ уже утрати-
лась старая, ловкая грань и заявила новая
фальшивая, а потому и не мудрая. Да пусть
живетъ и такая, когда нѣтъ другой: на сво-
бодѣ пѣсня творится, на волѣ поется, гдѣ и
воля, и холя, и доля, а обо всемъ этомъ въ
тюрьмахъ нѣтъ и помина.

Въ сибирскихъ тюрьмахъ есть еще нѣсколь-
ко пѣсенъ, общепотребительныхъ и любимыхъ
арестантами, не смотря на то, что онѣ, по до-
стоинству, сродни кисло-сладкимъ романсамъ
пѣсенниковъ. Рѣшаюсь привести только три въ
образчикъ и въ доказательство, что другія, по-
добныя имъ, и знать не стоитъ.

П Е Р В А Я.

Сидитъ пташечка во клѣткѣ,
Словно рыбочка во сѣткѣ.
Видитъ птичка клѣтку,
Клѣтку очень рѣдку,
Избавиться не можетъ.
Крылья-перья бѣдна перебила,
Все по клѣточкѣ летала.
Вострый носикъ притупила,
Все по щелочкамъ клевала.
Отчего же у насъ слезы льются,
Словно сильны быстры рѣки?
Слезы льются со кручины,
Со великой злой печали.
Вспомню, мальчикъ—сожалѣюсь,
Гдѣ я, маленькій, родился.
Привзведу себя на память,
Съ кѣмъ когда я веселился.
Имѣлъ я пишу, всяку растворенность,
Вѣкъ я хлѣбъ съ сѣною,
Имѣлъ я врать нову тесовую,
Перинушку перовую.
Я теперь, бѣдный, ничего не имѣю,
Кромѣ худой рогозонки.
Я валяюсь, бѣдный, подъ ногами
До такого время-часу:
Ожидая самъ себя рѣшенья
Изъ губернскаго правленья.
Неизвѣстно, что намъ, братцы, будетъ,
Чѣмъ дѣла наши рѣшатся.
Перетеръ я свои ножи рѣзвы
Желѣзными кандалами;
Перебилъ я свои ручки бѣлы
Нѣмецкими наручниками;
Приглядѣлъ я свои ясны очи
Сквозь желѣзную рѣшетку:
Вижу, все люди ходятъ по волѣ,
Я одинъ, мальчикъ, во неволѣ.

В Т О Р А Я.

Хорошо въ острогѣ жить,
Только денежкамъ не водѣ.
По острогамъ, по тюрьмамъ.
Ровно крысы пропадѣмъ.
Какъ поидетъ доходъ калашный—
Только брюхо набивай;

Отойдеть доходъ калашный—
Только спину подставляй... и проч.

Т Р Е Т Ъ Я.

Суждено намъ такъ страдать!
Быть, прелестная, съ тобой
Въ разлукѣ—тяжко для меня.
Охъ! я въ безжалостной странѣ!
Гонимый варварской судьбой,
Я злосчастье испыталъ.
Промель митарства всея земныя
На длинной цѣпи въ кандалахъ.
Тому причиной люди злы.
Судья, судья имъ—небеса.
Знакомъ съ ужасной я тюрьмою,
Гдѣ много лѣтъ я пострадалъ.
Но вотъ ужъ, вотъ ужъ—слава Богу!—
Вдохнувъ, я самъ себя сказалъ:
Окончили тяжкія дороги
И въ Сибирь я жить попалъ,
Гдѣ часто, какъ ребенокъ, плачу:
Свободы райской я лишенъ.
Ахъ! я въ безжалостной странѣ.
Въ странѣ, гдѣ коварство рыщетъ,
Гдѣ нѣтъ пощады никому,
Гдѣ пламенная язва пышетъ,
Подобно аду самому.
Лишь утрення заря восходитъ,
Словно въ адѣ закипитъ,
Приказаніе приходитъ,
Дежурный строго прокричитъ:
«Вставай живѣе, одѣвайся!
Все къ разводу выходи!»
Но вотъ одно, одно мученье:
Манежно учать ходить насъ.
Я Богу душу оставляю,
Жизнью жертвую царю,
Кости себя оставляю,
Сердце маменькѣ дарю *).

Несомнѣнно, что сочиненіе этихъ пѣсенъ
принадлежитъ какимъ нибудь мѣстнымъ пѣснѣмъ,
которые пустили ихъ въ толпу арестантовъ и
занесли, такимъ образомъ, въ циклъ тюремныхъ
пѣсенъ. Не задумались и арестанты принять
ихъ въ руководство: благо пѣсни въ нѣкото-
рыхъ стихахъ близки къ общему настроенію
духа, намекаютъ (не удовлетворяя и не раз-
дражая) о нѣкоторыхъ сокровенныхъ думкахъ и,
пожалуй, даже гадательно забѣгаютъ впередъ
и кое-что разрѣшаютъ. Не гнушаются этими
пѣснями арестанты, потому что требуютъ толь-
ко склада (ритма) на голосѣ (для напѣва) а,
за другими достоинствами не гоняются. Такова,
между прочимъ, пѣсня смыльныхъ, любимая ими:

*) Известны еще длиннѣйшія вирши: «Поз-
вольте вспомнить про бывшее» и проч. и «На
дворѣ шумѣла буря, вѣтеръ форточкой стучалъ»;
«Я видѣлъ, какъ въ странѣ чужой моихъ со-
братьевъ хоронили» и пр., все неудачныя по-
пытка, рассчитывающія на дальнѣйшее развитіе
тюремной пѣсни, но пользующіяся нѣкоторымъ
успѣхомъ только въ воснѣхъ ваторжныхъ
тюрьмахъ. За ними одно досадное право—вы-
тѣснять мало по малу самобытные перлы народ-
наго творчества. Изъ известныхъ романсовъ
пробрался въ тюрьмы между прочимъ Варла-
мовскій: «Что не вѣтеръ вѣтку клонить».

Ужь ты, матушка Расея,
Выгоняла насъ отцеля (2-жды),
Намъ отцеля (отселя) не хотѣлось (2-жды)
Сударушка не велѣла (2-жды),
Любить до вѣку хотѣла (2-жды).
Какъ за рѣчкой за Дунайкой (2-жды),
Красныя дѣвушки тамъ гуляли,
Промежду собой рѣчь говорили,
Все по дѣвушкѣ тужили:
— Что на дѣвушку за горе,
Что на красну за такое?
Съ горя ноженки не носить,
Бѣлы ручки не владають;
Съ плечъ головушка скатилась,
По кроваткѣ раскатилась,
Дружка милого хватилась.

Однако, нѣкоторымъ достоинствомъ и даже искусствомъ, отличающимъ опытнаго стихотворца, отличается одна пѣсня, извѣстная въ нерчинскихъ тюрьмахъ и предлагаемая, какъ образчикъ туземнаго, сибирскаго творчества. Пѣсню подцвѣтили даже мѣстными словами для пушлага колорита: является омулевая бочка—виѣсталище любимой иркутской рыбы омуля, во множествѣ добываемой въ Байкалѣ и, въ соленомъ видѣ, съ достоинствомъ замѣняющей въ Сибири голландскія сельди; слышится баргузинъ, какъ названіе сѣверо-восточнаго вѣтра, названнаго такъ потому, что дуетъ со стороны города Баргузина и замѣчательнаго тѣмъ, что для нерчинскихъ бродягъ всегда благоприятный, потому что попутный. Наталкиваемся въ этой пѣснѣ на Акатуй—нѣкогда страшное для ссыльных мѣсто, ибо тамъ имѣлись каменные мѣшки и ссыльных сажали на цѣпь, Акатуй—предназначавшійся для безнадежныхъ, отчаянныхъ и почему либо опасныхъ каторжниковъ. Въ серединѣ пѣсни выливается мы и въ рѣчку Карчу—маленькую, одну изъ 224 рѣчекъ, впадающихъ въ замѣчательное и знаменитое озеро-море Байкалъ.

Славное море, привольный Байкалъ!
Славный корабль—омулевая бочка!
Ну, баргузинъ, пошевельвай валь,
Плыть молодцу недалечко.
Долго я звонкія цѣпи носилъ,
Душно мнѣ было въ горахъ Акатуй!
Старый товарищъ бѣжать пособилъ:
Ожилъ я, волю почувя.
Шилка и Нерчинскъ не страшны теперь,
Горная стража меня не видала,
Въ дебряхъ не тронулъ прожорливый звѣрь,
Пуля стрѣлка миновала.
Шель я и въ ночь и средь бѣлаго дня,
Вкругъ городовъ я просматривалъ зорко.
Хлѣбомъ кормили крестьянки меня,
Парни снабжали махоркой.
Весело я на сосновомъ бревнѣ
Плыть чрезъ глубокія рѣки пускался.
Мелкія рѣчки встрѣчался мнѣ—
Въ бродъ я чрезъ нихъ преправлялся.
У моря струсилъ немного бѣглець;
Веревъ крутой, а и нѣтъ ни корыта.
Шель я Карчой и дошелъ, наконецъ,
Къ бочкѣ, древную замытой.
Нечего думать—Богъ счастье послалъ:
Въ этой посудѣ и быкъ не потонетъ;
Труса достанетъ и на суднѣ валь,

Смѣлаго въ бочкѣ не тронетъ.
Тѣсно въ ней жить омулямъ—
Мелкія рыбки, утѣштесь словами:
Разъ побывать въ Акатуй бы вамъ,—
Въ бочку полѣзли бы сами.
Четверо сутокъ попусъ по волнамъ,
Парусомъ служить армякъ дыроватнй,
Близко видѣются горы и лѣсъ:
Могъ погулять бы и здѣсь, да бѣсъ
Тяветъ къ родному селенью (Конца нѣтъ).

Вотъ, стало быть, и баринъ какой-то снизошелъ подаркомъ и написалъ арестантамъ стихи, на манеръ столичнаго способа, къ которому приобѣгали стихотворцы и водевилисты, желавшіе приголубить и задобрить трактирныхъ половыхъ, банщиковъ и клубныхъ швейцаровъ.

Около той же темы ходилъ и авторъ слѣдующей, такъ называемой бродяжьей пѣсни.

Обойдемъ мы кругомъ моря,
Половину бросимъ горя;
Какъ придемъ мы во Култукъ,
Подъ оешечко стукъ-стукъ.
Мы развяжемъ торбатѣйки,
Стрѣлять станемъ саватѣйки.
Надаютъ намъ хлѣба-соли
Надаютъ и бараболи (картофеля).
Хлѣба-соли наберемъ,
Въ баньку ночевать пойдемъ.
Тутъ приходять къ намъ старые
И ребята молодые
Слушать Франца-Венцеяна,
Про Вову и Еруслана;
Проводить ночь съ нами ради,
Хотя потъ течетъ съ нихъ градомъ.
Сибирякъ развѣситъ губы
На полкѣ въ бараньей шубѣ...

Арестанты—повторимъ опять—ничѣмъ не брезгаютъ: они берутъ въ тюрьму (хотя тамъ и передѣлываютъ по своему), также и пѣсни свободныхъ художниковъ, какими были, напр., поэты Лермонтовъ и Пушкинъ. Берутъ въ тюрьму (и только переиначиваютъ немного) и пѣсню, сложенную на другомъ русскомъ нарѣчій и тоже поэтомъ и художникомъ, какимъ былъ, напр., извѣстный малороссійскій разбойникъ Кармелюкъ. Въ то же время поютъ арестанты: „Ударилъ часъ—мѣдь зазвучала“, „дно, разужвется, съ приличною прибавкою: „Ударилъ часъ—цѣпь зазвучала и будто стоны издавала; слеза на грудь мою упала, душа заняла—замерла“. Поютъ арестанты и „Лишь только занялась заря“ и „Проснется день моей красы“, „Прощаюсь, ангелъ мой, съ тобою“ и „Я въ пустыню удаляюсь“, „Взвейся ласточка—вскружися“, и „Во тьмѣ ночной ярилась буря“, и „Не слышно шуму городского“;—всѣ тѣ, однимъ словомъ, пѣсни, которыя близко подходятъ своимъ смысломъ къ настроенію общаго тюремнаго духа. Въ особенности распространена послѣдняя:

Не слышно шуму городского
Въ заневской башнѣ тишина,
И на шткѣ у часоваго
Горитъ полночная звѣзда.

Распространена тѣмъ болѣе эта пѣсня, что въ ней есть и бѣдный юноша—ровесникъ младымъ цвѣтущимъ деревьямъ, который въ глухой тюрьмѣ заводитъ пѣсню и отдаетъ тоску волнамъ. Выражено и прощанье съ отчизною, роднымъ домою и семейю, отъ которыхъ уаникъ за желѣзною рѣшеткою на вѣкъ сокрылся, и прощанье съ невѣстою, женою и тоска о томъ, что не быть узнику ни другомъ—ни отцомъ, что застынетъ на свѣтѣ его мѣсто и сломится его вѣнчалное кольцо. Выражена въ пѣснѣ и надежда: „Есть русскій царь въ алатой коронѣ: горитъ на немъ алмазь алатой“, — и мольба: „Яви ты милость намъ на тронѣ: будь намъ отецъ,—помилуй насъ!“ „Устроилъ я себѣ неволю (поетъ пѣсня дальше), мой жребій—слезы и тоска, и горестную эту долю содѣлала рука моя“, — и заключаетъ такъ: „Прошла ужъ ночь—и на разсвѣтѣ алатой лучъ Феба возсіялъ, но бѣдный уаникъ въ казематѣ все ту же пѣсню запѣвалъ“. Рекомендуютъ арестанты и своихъ авторовъ въ большомъ числѣ (изъ заклятыхъ торбанистовъ), но мы пѣсни ихъ приводить не станемъ за бесплодностью содержанія и уродствомъ формы. Но вотъ, для образца, та пѣсня, въ которой извращенъ Лермонтовъ:

Между горъ то было Енисей
Раздается томный гласъ,
Какъ сидятъ несчастный мальчикъ
Со унылою душой.
Вѣлы рученки ломаетъ,
Проклинаетъ судьбу свою:
Злонесчастная фортуна,
Ты на что родишь меня?
Всѣ товарищи гуляютъ,
Забавляются съ друзьями,
Только я, несчастный мальчикъ,
Уливаюсь слезами.
Вы подайте мово друга,
Коня вороного мнѣ,
Ужъ ты конь, ты лошадь добра!
За одно со мной страдай!
Тамъ звѣри люты вогрычали,
Растерзать тебя хотятъ.
Не ходи, несчастный мальчикъ,
Лишь погибель тамъ твоя.
И ваялъ бы себѣ друга—
Свою добраго коня:
На тюрьмѣ-то тамъ высокой
Дверь тяжелая съ замкомъ.
Черноокая далеко
Въ пышномъ теремѣ своемъ.
На коня потомъ вскочу,
Въ степь, какъ вихорь, улечу.
Лишь красавицу милую
Прежде сладко поцѣлую.

У этой пѣсни есть двойникъ, какъ будто переделка Пушкина:

Сидѣлъ молодецъ въ томницѣ,
Онъ глядѣлъ на бѣлый свѣтъ
На чернобровую дѣвицу,
На сивоогриваго коня.
— Я бѣ на конечка садился,
Словно бѣ пташка полетѣлъ.
Весело бѣ съ милою встрѣчался—

Со полуночной звѣздой.

— Ахъ! до зари бы не сидѣла
Въ новой спальнѣ подъ окномъ,
Я украдкой не дарила-бъ
Золотымъ съ руки кольцомъ.
Я слала бѣ изъ воску яраго
Легки крылышки себѣ:
Я-бъ споркнула, полетѣла.
Гдѣ мой миленькій живетъ.
Живетъ мой за рѣченкой далеко,
А я, млада, за другой.
— Если любишь ты меня,—
Перейди, радость моя!
— Я бы рада перешла,
Переходечку не нашла;
Переходечку нашла—
Лежитъ жордочка тонка *).

Третья пѣсня, приписываемая Кармелюку, съ меланхолическимъ оттѣнкомъ въ напѣвѣ, досталась намъ только въ нѣсколькихъ кушетахъ и притомъ въ томъ видѣ, какъ сохранилась она въ сибирскихъ тюрьмахъ. Самъ Кармелюкъ въ сибирскихъ тюрьмахъ, какъ сказано выше, жилъ, будучи сосланъ туда съ Волыни за разбой. До ссылки онъ жилъ у своего пана въ буфетчикяхъ, наблюдалъ за посудой и серебромъ. Серебро украли, подозрѣние пало на Кармелюка; его бить панъ почти ежедневно, Кармелюкъ не стерпѣлъ и ушелъ въ бѣга. Его снова преслѣдовали, онъ рѣшился мстить: поджегъ панскій домъ, собралъ головорѣзовъ, началъ разбойничать, былъ пойманъ, наказанъ и сосланъ. Возвращаясь на родину изъ Сибири, черезъ Уралъ, какъ говоритъ преданіе, переплылъ на воротахъ (дошатахъ отъ казачьей хаты). На родинѣ продолжалъ разбойничать, заступаясь за хлоповъ и преслѣдуя пановъ на всякомъ мѣстѣ, по всякому вызову обиды крестьянской. Похождениями своими онъ наполнилъ всю Волынь; слава о немъ распространилась по всему югу. Рассказы о его подвигахъ составляютъ цѣлую эпопею, которая ждетъ своего рассказчика. По рассказамъ этимъ, онъ одинъ изъ героевъ народныхъ (можетъ быть изъ послѣднихъ), отставившихъ съ энергіею, послѣдовательностью и благородствомъ казачью волю и долю отъ панскаго произвола. Популярность его доказывается не одними пѣснями, которыя распѣваетъ вся южная Русь. Преданіе увѣряетъ, что онъ не загубилъ ни одной души человѣческой и былъ рыцаремъ въ лучшемъ облагороженномъ смыслѣ. Во время своихъ походовъ

*) Конечъ въ этой пѣснѣ выкраденъ изъ известной народной:

Ахъ ты, ночь ли ночь,
Ночка темная,
Осенняя бурная.—

съ тою отиѣною, что мѣрный стихъ народной обмѣненъ на искусственный стихотворный. Въ подлинникѣ такъ:
Перейди сударушка, на мою сторснушку.
Рада бы я перешла—переходу не нашла.
Переходечку нашла—лежитъ жердочка тонка,
Жердочка тонка—рѣчка глубока.

на Волыни, представляющих ряд честных поступков, онъ два раза былъ схваченъ. Одинъ разъ спасся тѣмъ, что, идучи подъ конвоемъ солдатъ въ тюрьму, встрѣченъ былъ въ лѣсу паномъ, вѣхавшимъ въ каретѣ. Панъ спросилъ, кого ведутъ и, узнавъ, что Кармелюка, ругалъ его, упрекалъ въ злодѣйствахъ. Когда Кармелюкъ убѣдилъ его, упреками въ битвѣ лежачаго и несчастнаго, на денежную помощь и панъ отворилъ дверцы, чтобы подать злотку, а Кармелюкъ подошелъ принять милостыню,—дверцы кареты захлопнулись послѣ того, какъ Кармелюкъ былъ схваченъ и посаженъ въ зарету, въ виду оторопѣвшихъ конвойныхъ, его передѣтыми хлопцами-сообщниками. Другой разъ, посаженный въ тюрьму, убѣждалъ изъ нее и увелъ вмѣстѣ съ собою союзниковъ въ темную и бурную осеннюю ночь такимъ образомъ. Тюрьма стояла вблизи ограднаго частокола. Кармелюкъ выломалъ желѣзную рѣшетку въ окнѣ, связалъ рубашки арестантовъ въ длинную веревку; на концѣ привязалъ камень и конецъ этотъ забросилъ между остриями острожныхъ палей: сдѣлался мостъ. По мосту этому ушли утеклцы въ лѣсъ и на волю. Убить онъ былъ въ хатѣ своей коханой, подкупленной паномъ, въ то время, когда шелъ къ ней на свиданіе черезъ сѣни, въ которыхъ засѣлъ панычъ съ товарищами. Убить былъ—по предацію—изъ ружья, заряженнаго пуговницею, какъ характерникъ (колдунъ). Когда проходилъ черезъ сѣни, въ темнотѣ показались головы преслѣдователей. Почувявъ недоброе, Кармелюкъ спросилъ любовницу и успокоился, что это овцы. Въ это время пуля угодила ему въ лобъ и положила на мѣстѣ. При этомъ народное преданіе прибавляетъ, что панычъ съ товарищами были сосланы въ Сибирь за убійство, такъ какъ на подобное преслѣдованіе никто ихъ не уполномочивалъ, а Кармелюкъ не былъ тѣмъ злодѣемъ, который былъ бы достоинъ смерти. Вотъ его пѣсня:

Зовутъ меня разбойникомъ,
Скажутъ: убиваю.
Я никого не убилъ,
Бо самъ душу маю.
Возьму гроши съ богатаго—
Убогому даю;
А такъ гроши подѣливши,—
Самъ грѣха не маю.
Комисары, исправники
За мною гоняють.
Больше вони людей губяють,
Чѣмъ я грошей маю.
Маю жинку, маю дѣтокъ,
Да я тѣхъ не бачу;
Якъ згадаю про ихъ участь,
То горько заплачу
А такъ треба стерегчися,
Треба въ лѣсу жити,
Хоть здається—свѣтъ великій:
Негдѣ ся подити... *)

*) Отрывки эти, оставшіеся въ сибирскихъ

И, въ заключеніе, еще четыре пѣсни сибирскихъ тюремъ, изъ которыхъ одна коренная и самобытная, пѣсня собственно тюремная:

Ты, тюрьма ли моя, ты тюрьма-злодѣюшка,
Для кого построена,
Ахъ, для кого построена?
Не для насъ-то ли, добрыхъ молодцевъ,
Все воровъ-разбойничковъ? (2 раза).
Ужъ какъ по двору-то все, двору тюремному,
Ходить злодѣй—староста (дважды).
Онъ въ рукахъ-то ли несетъ,
Несетъ онъ больша ключи.
Отворяетъ онъ, злодѣй-староста,
Онъ двери тюремныя,—
И выводитъ насъ, добрыхъ молодцевъ,
Онъ насъ къ наказанью...

Конца этой пѣсни я узнать не могъ; сообщавшій мнѣ ее поселенецъ не допѣлъ до конца: „Забылъ-де, живя теперь на волѣ“...

Другая пѣсня—на мѣстномъ тюремномъ языкѣ—извѣстна въ Сибири подъ названіемъ: „Пѣсни несчастнаго“. Она поется на одиѣ голось съ предыдущею.

Нѣтъ несчастіе молодца меня:
Все несчастія повстрѣчались съ молодцомъ
со мной;

тюрьмахъ, принадлежать слѣдующей пѣснѣ, сохранившейся въ пѣльномъ видѣ на Волынѣ и записанной тамъ Н. И. Костомаровымъ:

Повернулся я въ Сибирю,
Не ма мнѣ доли,
А здається, не въ кайданахъ (въ кандалахъ),
Еднакъ же въ неволѣ.
Слѣдятъ мене въ день и въ ночи,
На всяку годину:
Негдѣ мене подѣтися,
Я отъ журбы гину.
Маю жинку, маю дѣти,
Хочъ я ихъ не бачу,
Якъ згадаю про ихъ муку,
То горько заплачу.
Забравъ себѣ жвавыхъ (т. е. рѣввыхъ) хлопцевъ,
И що жъ мнѣ зъ того?
Засѣдаю при дорожѣ,
Жду подорожного?
Чи хто иде, чи хто їде—
Часто дурно ждати:
А такъ треба въ лѣсѣ жити,
Бо не маю хаты.
Часомъ возьму зъ богатаго—
Убогому даю.
А такъ гроши подиллиши,
Я грѣха не маю.
Зовутъ меня разбойникомъ
Кажуть—разбиваю.
Я жъ никого не забивъ,
Бо самъ душу маю.
Ассесоры, справники
Всѣ мене гоняють,
Бильше вони людей забили,
Нижъ я грошей маю.
Пишовъ бы я въ мѣсто, въ село:
Всюду мене знають—
А бы бѣ тилько показався,
То заразъ поймають.
А такъ треба стерегчися,
Треба въ лѣсѣ жити,
Хочъ здається свѣтъ великій—
Негдѣ ся подити.

жания: веселость искусственна и неискренна, насмѣшка сорвалась въ одно время съ большого и испорченнаго до уродства сердца. Съ настоящими юмористическими народными пѣснями эти тюремныя имѣютъ только общаго одно: веселый напѣвъ, такъ какъ и онъ долженъ быть плясовымъ, т. е. заставляеть скованныя ноги, по мѣрѣ возможности, выдѣлывать живыя и ловкія колѣна, такъ какъ и въ тюрьмѣ веселиться, плясать и смѣяться иной разъ хочется больше, чѣмъ даже и на вольной волюшкѣ. Пѣсенъ веселыхъ немного, конечно, и собственно въ смыслѣ настоящихъ тюремныхъ, которыя мы назовемъ плясовыми, изъ извѣстныхъ намъ характернѣе другихъ двѣ: „Охъ бѣдный ежъ, горемышный ежъ, ты куда ползешь, куда ежишься“? и „Эй усы—усы проявились на Руси“. Первая во многихъ частностяхъ не удобна для печати наравнѣ съ десяткомъ другихъ казарменнаго грязнаго содержанія (Фенькой, Мигачемъ, Настей, Кумой и другими).

Вмѣстѣ съ поляками-повстанцами и слѣдомъ за своимъ паномъ княземъ Романомъ Сангушко присланъ былъ въ Сибирь въ Нерчинскіе рудники Онуфрій Ворожбюкъ, крестьянинъ Подольской губерніи, одинъ изъ многочисленныхъ торбанистовъ Вацлава Ржевусскаго, эмира золотобродаго, ученикъ торбаниста шляхтича Видорта.

Григорій Видортъ (род. 1764 г.), народный украинскій поэтъ, былъ съ Ржевусскимъ на востокѣ. Въ 1821 году онъ перешелъ къ Евстафію Сангушкѣ и восхвалялъ его на торбанѣ только годъ; въ этомъ же году онъ умеръ, передавъ свое ремесло сыну Казтану (умершему въ 1851 г.). Казтанъ Видортъ былъ послѣдній торбанистъ-художникъ. Сынъ послѣдняго уже утратилъ искусство отца и дѣда, но продолжалъ забавлять Романа Сангушку пѣснями дѣда. Изъ нихъ въ честь Романа Сангушки сохранились многія, сочиненныя на малороссійскомъ языкѣ. Эмиръ, какъ извѣстно, любилъ лошадей и украинскую музыку. Для лошадей имѣлъ конюшню, не уступавшую въ роскоши многимъ дворцамъ. Въ комнатахъ, украшенныхъ съ турецкою роскошью, Ржевусскій любилъ по вечерамъ слушать торбанистовъ, которые газтазопети рапи пѣли пѣсни, сложенныя въ честь его. Эти пѣсни принесъ съ собою Ворожбюкъ на каторгу, познакомилъ съ ними каторжныхъ, а кстатѣ выучилъ и другимъ малорусскимъ пѣснямъ. Нѣкоторыя изъ пѣсенъ, сочиненныхъ Видортомъ и переданныхъ Ворожбюкомъ, помнили ссыльные поляки. Вотъ одна изъ нихъ, чествующая эмира съ лошадьми:

Гей? выхавъ нашъ Ревуха
Въ чистый степь гуляти,
Перевисивъ черезъ плечи
Сыгдадакъ богатый.

Грай море! черное море, биле море, сине море,

гала гаду гу-гу-гу-гу, гала-гиду гу-гу-гу-гу.

Сивы кони поимали

Гѣдые и черны.

Тѣшите мене, щобъ не тужить,

Ревуха моторный.

Грай море! черное море, биле море, и т. д.

Шахтамиръ. Тамира (наши кони)—

Тон мон соколи!

Коли всегда, смилю иду

Не спаду николі!

(Припѣвокъ).

Ахъ ты, Гульда, моя мила,

Коли на ты сяду.

Носишь мене по вятру—

Николі не спаду.

Подай, Саво, коня свою,

Нехай мене знають;

Коли сяду на коня я

Збили мни драгать и проч.

„Мелодія пѣсни (говорить Аг. Гиллеръ) скорая, красивая и настоящая украинская, весьма сильно свидѣтельствующая о композиторскомъ талантѣ Видорта. Ворожбюкъ въ Сибири пѣвалъ ее съ энергіей и всегда только подъ вдохновеніемъ любимыхъ и милыхъ воспоминаній. Эти пѣсни оживляли его измученное сердце и разглаживали морщины на нахмуренномъ челѣ. А прекрасно пѣлъ Ворожбюкъ и мастерски игралъ на торбанѣ! Онъ былъ извѣстенъ въ ссылкѣ подъ именемъ торбаниста“. Попался онъ въ ссылку такимъ образомъ:

Фантазеръ, эмиръ Zlotobrody, въ 1831 г ушелъ въ повстаніе съ оружіемъ, лошадьми и торбанистами и погибъ въ битвѣ подъ Даховымъ. Ворожбюкъ былъ взятъ въ плѣнъ и приговоренъ въ Сибирь. Въ толпѣ узниковъ шелъ онъ въ ссылку веселый, пѣвучій, остроумный и болтливый. Достоинствами этими и другими онъ сумѣлъ въ походѣ располагать конвойныхъ солдатъ въ свою пользу и выбивать у нихъ различныя уступки и льготы для товарищей. Ссылные товарищи дали ему прозвище „шахрая“ (барышника, жидя, торгующаго ветошью). Всѣ шахрая любили, шахрай всѣхъ веселилъ. Шля по Волини и Украйнѣ не въ скудости, потому что паны и панны дѣлали для узниковъ различныя складчины изъ денегъ, одежды и вещей, потребныхъ на дальнюю и трудную дорогу. Въ Нерчинскихъ рудникахъ Ворожбюкъ женился на сибирячкѣ, занялся хозяйствомъ, торговалъ водкою, но, главное, работалъ деревянныя курительныя трубки, которыя и раскупались товарищами и сибиряками. Низенькій и смуглый, онъ былъ настоящимъ типомъ русина съ черными волосами и яснымъ взоромъ“.

Народныя русскія пѣсни покушались идеализировать преступниковъ и характеризировали, между прочимъ, двухъ преступницъ—убійцъ въ слѣдующемъ видѣ:

1.

По часту мелку орѣшничку
Туть ходилъ-гулялъ вороной конь,
Трое суток непоенный былъ,
Нодвлюшку, не кормя, стоялъ,
Черкасское сѣдо на бока сбилъ,
Золотую гриву изорвалъ,
Шелковъ поводъ въ грязи вымаралъ.
Не въ Москвѣ я былъ, не въ Питерѣ,—
Во стрѣлецкой славной улицѣ,
Во стрѣлецкой, во купеческой.

(Или такъ:).

Ты звѣзда ли моя восхожал,
Восходяая, полуночная!
Высоко ты, звѣзда, восходила,
Выше лѣсу, выше темнова,
Выше садикъ зеленова.
Далеко звѣзда просвѣтила
Дальше городу, дальше Саратова,
Дальше купчика богатова.
У того ли купца богатова
Случилось у него несчастьицо,
Несчастьицо, безвременьицо:
Какъ жена мужа зарѣзала,
Бѣлую грудь она ему зарѣзала
Не простыми ножомъ—булатнымъ.
Вынимала сердце съ печенью
На ножикъ сердце встрепенулося,
Жена - шельма улыбулася,
Улыбулася, разсмѣхнулася;
На холодный погребъ бросила,
Дубовой доской задвинула,
Съ горъ желтымъ пескомъ засыпала,
А на верхъ того землею черною
Лѣвой ноженкой притопнула,
Правой рученькой прищелкнула,
Хоронила и не плакала;
Отъ него пошла—заплакала.
Сама младешенька вошла въ горенку,
Сидялася подъ окошечкомъ,
Подъ окошечкомъ переднимъ.
Прилетали къ ней двои соколы (или два голубя)

Двои соколы, двои ясные
(Или: двои голуби, двои бѣлые)—
Деверья оя любимые.
Они стали ее спрашивать:
— Ты, сноха ль, наша невѣстухка!
А гдѣ нашъ братецъ Иванушка?
— Онъ отѣхалъ во путь во дороженьку,
Во путь во дороженьку, въ лѣсъ за
охотушкой,
За лютымъ звѣрьемъ левипею.
— Ты сноха ль, наша невѣстухка,
Что у ты въ горенкѣ за кровь?
— Бѣлу рыбицу я чистила,
Бѣла рыбаца трепеталася,
По стѣнамъ руда металася,
По горенкѣ она брызгалася.
— Ахъ ты ль, сноха наша, невѣстухка!
На словахъ ты насъ не обманывай:
Его добрый конь въ стойлѣ стоитъ,
Его сбруя ратная на стѣнѣ виситъ.
— Ахъ вы, деверья, вы ясные соколы!
Вы возьмите саблю вострую,
Вы снимите съ меня буйну голову:
Я свою мужа зарѣзала.
Вынимала сердце съ печенью;
Положила въ холоденъ погребъ,
Засыпала тѣло пескомъ желтымъ,
А поверхъ того землею черною.

2.

Что не ястребъ совикался съ перепелушкою,
Соллюбился молодець съ красной съ дѣвушкою,
Проторилъ онъ путь - дорожку,—пересталъ

ходить,
Проложилъ онъ худу славу,—пересталъ любить,
Насмѣялся жъ ты мной, отсмѣю и я тебѣ:
Ты не думай, простота, что я вовсе сирота.
У меня ли у младой есть два братца родныхъ,
Есть два братца родныхъ, два булатныхъ ножа.
Я изъ рукъ твоихъ ногъ короватку смошу,
Я изъ крови твоей пиво пьяно наварю.
Изъ буйной головы ендову сточу,
Я изъ тѣла твоего салныхъ свѣчъ насучу,
А послѣй-то тово я гостей назову,
Я гостей назову и сестричку твою.
Посажу же я гостей на кроватку,
Загадаю что я имъ да загадочку
Я загадочку не отгадывую:
Да и что жъ таково: а—на миломъ сижу,
Я на миломъ сижу, объ миломъ говорю,
Изъ милово я пью, милымъ потчую
А и милъ предо мною свѣчею горитъ?
Вотъ тутъ стала состричка отгадывать:
А говаривала, братъ, я часто тебѣ,
Не ходи ты туда, куда поздно зовутъ,
Куда поздно зовутъ да гдѣ пьяни живутъ.

Въ заключеніе послѣдняя сибирская пѣсня,
называемая бродяжьемъ:

Вы бродяги, вы бродяги,
Вы бродяженьки мои...
Что и полно-ль вамъ, бродяги!
Полно горе горевать:
Вотъ придетъ зима, морозы:
Мы лишились гульбы.
Гарнизонъ стоитъ порядкомъ,
Варааны по бокамъ,
Варабанчики пробили,
За прикладъ всѣхъ повели,
Плечи, спину исчеканятъ,
Въ госпиталь насъ поведутъ.
Разувають, раздѣвають,
Насъ на коечки кладутъ,
Мокрыми тряпичами обкладываютъ:
Знать, насъ вылечить хотятъ.
Мы со коечекъ вставали,
Становилися въ кружокъ.
Другъ на дружку посмотрѣли—
Стали службу разбирать:
Вотъ кому идти въ Бобруцкой,
Кому въ Нерчинской заводъ.
Мы Бобруцка не боимся,
Во Нерчинскѣ не бывать:
Путь-дороженька туда не близко,
Со пути можно удрать.
Туть деревня въ лѣсу близко,
На пути стоитъ кабакъ,
Цаловальникъ намъ знакомой;
Всѣ изъ нашихъ, изъ бродягъ.
Мы возьмемъ вина побольше,
Инвалидныхъ подпоимъ,
И конвой весь перепьетъ,
И въ походъ тогда пойдемъ.
Мы конвой весь перевяжемъ,
Караульныхъ разобьемъ,
Мы оружье все захватимъ,—
Сами въ лѣсъ съ нимъ удеремъ.

Въ такомъ видѣ известна эта пѣсня въ
Сибири. Первообразомъ ей, вѣроятно, послужила
пѣсня, сочиненная, по преданію, разбойникомъ

Гусевымъ, ограбившимъ Саратовскій соборъ. Въ саратовскомъ острогѣ Гусевъ сложилъ такую пѣсню:

Мы заочно, братцы, распростились
Съ бѣлой каменной тюрьмой,
Больше въ ней сидѣть не будемъ,
Скоро въ путь пойдемъ большой.
Скоро насъ въ Сибирь погонять,
Мы не будемъ унывать—
Намъ въ Сибири не бывать,

Въ глаза ее не видать.
Здѣсь дороженька большая,
И съ пути можно бѣжать,
Деревушка стоитъ въ пути близко.
На краю Самарь-кабакъ.
Пѣловальникъ нашъ знакомый:
Онъ изъ насъ же, изъ бродягъ.
За полштофъ ему вина
Только деньги заплатить,
Кандалы съ насъ снимаются,—
Можно будетъ намъ бѣжать.

ТЮРЕМНЫЙ СЛОВАРЬ

II

ИСКУСТВЕННЫЕ БАЙКОВЫЕ, ЛАМАНСКІЕ И КАНТЮЖ- НЫЕ ЯЗЫКИ.

Древность искусственныхъ языковъ.—Разговоръ знаками (ручной, звуковой, ударный).—Разговоръ стукомъ (нѣмецкій гакезенъ).—Поляки и Шпаунъ.—Телеграфисты.—Разговоръ стукомъ декабри-
стовъ.—Улучшенія, произведенныя въ этой системѣ братьями Бестужевыми.—Обожженная палочка изъ вѣшкы.—Тюремный словарь.—Бѣдность его.—Искусственныя слова въ тюрьмахъ.—Древность ихъ прохожденія у насъ.—Ясакъ.—Разбойничій языкъ на Волгѣ.—Слѣды и остатки его въ сказаніяхъ вора Вавки Капна.—Отверницкая рѣчь.—Сравненіе пяти дѣланыхъ языковъ.—Офен-
скій языкъ (словарь разносчиковъ-ходобщиковъ).—Образцы словъ и рѣчи.—Музыка или байковый языкъ карманниковъ.—Образцы словъ и рѣчи.—Образцы языка шерстобитовъ и коноваловъ.—Счетъ.—Языкъ кантюжный.—Языкъ по херамъ и тарбарская азбука.—Языкъ кубраковъ и проч.

Во все время и у всехъ европейскихъ народовъ глубокія тайны, на которыхъ основывается вся суть преступныхъ замысловъ и, преимущественно, мошенничества, всегда прикрывались многочисленными и разнообразными способами изъясненій. Начало мошенническаго языка уходитъ въ древнѣйшія времена, когда слѣды его являются въ неясномъ видѣ, но съ теченіемъ времени языкъ этотъ, подобно мутному оттою, испытывая постоянное броженіе, обогащался и совершенствовался. Нѣмецкій мошенническій языкъ представляетъ собою даже такое явленіе, которое замѣчательно не только въ лингвистическомъ, но и въ культурно-историческомъ смыслѣ,—явленіе, на которое и тамъ до сихъ поръ мало обращалось вниманія. Одна изъ такихъ попытокъ показала даже крайнюю необходимость изученія по этому поводу такъ называемаго еврейско-нѣмецкаго и другихъ старыхъ и новыхъ языковъ. Съ такимъ приѣмомъ автору удалось доказать сильную степень уча-
стья (въ искусственномъ языкѣ мошенниковъ), заявленнаго этимъ гонимымъ племенемъ, потерявшимъ родину и полузабывшимъ свой родной языкъ. На неверкянномъ и спутанномъ со многими другими языкѣ этомъ мошенническомъ приѣмамъ удалось значительно поработать и ловко укрываться въ теченіи многихъ лѣтъ даже и до сего дня.

На этотъ разъ, какъ и всегда, языкъ представляетъ собою лишь высшую степень развитія приѣмовъ и знаній, подлежащихъ вѣденію и руко-

водству, извѣстную степень роскоши, но не отрицаетъ существованія болѣе древнѣйшихъ приѣмовъ, какъ, напр., объясненій посредствомъ знаковъ въ помощь себѣ и на вырчку тамъ, гдѣ разговоръ невозможенъ. Знаки эти до такой уже степени разнообразны, что исчислить все способы подобнаго разговора не представляется никакой возможности. Для товарищей мошеннической шайки понятно каждое движеніе глаза, рта, положеніе ногъ, каждое движеніе пальца. Взявшись рукою за шею, приложивъ руку ко рту, къ уху, къ щебѣ, мошенникъ уже разговариваетъ съ товарищемъ и тотъ его понимаетъ. Посаженные далеко другъ отъ друга, но, по случайности, на виду въ противоположныхъ окнахъ, уличены въ разговорѣ руками по азбукѣ, придуманной для глухонѣмыхъ, но съ тою разницею, что мошенниками усвоена одноручная, такъ какъ азбукою на двухъ рукахъ (употребляемою глухонѣмыми при оживленномъ разговорѣ) въ тюрьмахъ и на допросахъ говорить нельзя. На допросахъ, даже въ присутствіи третьяго лица, рукою передавали обвиняемые другъ другу такія тайны и такъ ловко, при закрытомъ ртѣ, что не могло быть и тѣни подозрѣнія. Доведенный до сознанія, разбойникъ, назвавшій соучастника, на очной съ нимъ ставкѣ оставался нѣмъ, не смѣя повторить своего показанія только потому, что товарищъ запретилъ ему это тяжелымъ вздохомъ, ускользнувшимъ отъ слѣдователей при самомъ внимательномъ наблюденіи. У вора каждый свистъ,

крикъ, подражаніе звукамъ различныхъ животныхъ, особенно ночью въ полѣ или въ лѣсу (филину, перепелу, собакѣ, курицѣ и т. п.), отхаркиваніе, откашливаніе, всякій возможный звукъ приобретаетъ смыслъ и значеніе и гѣмъ вѣрнѣе убергаетъ тайны, чѣмъ онъ кажется болѣе произвольнымъ и естественнымъ. Въ цивилизованныхъ странахъ мошенники разговариваютъ другъ съ другомъ, намѣчая условные знаки мѣломъ, углемъ, разноцвѣтными карандашами на стѣнахъ, на пескѣ и пр. Въ настоящее время въ Европѣ, съ развитіемъ различныхъ тюремныхъ системъ съ одиночнымъ заточеніемъ (оборнской) и съ обязательствами молчанія (пенсильванской), разнообразіе тюремныхъ языковъ сдѣлалось еще богаче и приемы въ настоящее время стали даже получать систематическую организацію. Предположеніе, высказанное сто лѣтъ тому назадъ въ Германіи нѣмцами, что у всѣхъ мошенниковъ слѣдуетъ разорвать барабанную перепонку въ ухѣ, въ настоящее время владѣетъ тою силою значенія, что разговоръ, расчитывающій на слухъ, получилъ наибольшее развитіе и сосредоточилъ на себѣ преимущественное вниманіе заключенныхъ въ послѣднее время. Въ этомъ случаѣ для обогащенія звукового языка посредствомъ постукиванія пущены въ ходъ всевозможныя тонкости; равномерность звука при скорыхъ или продолжительныхъ ударахъ или же очередь ударовъ тихихъ и громкихъ, удары, производимые согнутыми пальцами или мясистою частью ладони и кулака; удары сапогомъ, башмаками, ногою, обувюю въ чулокъ, ковшомъ, ложкою, щеткою, щепкою и т. д. въ безконечность. Способъ этотъ удобенъ тѣмъ, что можетъ подчиняться цѣлой системѣ азбуки, во всемъ ея разнообразіи *). Ключей для пониманія существуетъ довольно много и они ведутъ свое происхожденіе отъ жидовскихъ мошенниковъ, но обыкновенно въ европейскихъ тюрьмахъ нападали только на остатки и слѣды, но никогда на цѣлую систему. Въ королевской тюрьмѣ въ Берлинѣ два поляка разговаривали между собою стукомъ, сидя въ разныхъ номерахъ и этажахъ, такъ, что играли даже въ шахматы. Самыя старательныя изслѣдованія показали, что иныхъ способовъ у нихъ не было и даже номера не находились одинъ надъ другимъ, а помѣщены были въ противоположномъ направленіи, наискось. Кромѣ этого примѣра, нѣмцы указываютъ еще на нѣкоего Шпауна, который былъ заключенъ въ 1826 году въ тюрьму въ Купфтейвѣ и пробылъ въ ней десять лѣтъ. Въ послѣдніе годы онъ получилъ въ сосѣди товарища, отдѣленнаго отъ него толстою стѣною. У Шпауна родилась счастливая мысль разговаривать съ

нимъ постукиваньемъ и онъ создалъ языкъ, который былъ чрезвычайно остроуменъ. Всего болѣе—само собою разумѣется—затрудняло его сообщеніе ключа лицу, которое, можетъ быть, не умѣло понимать по нѣмецки. Шпаунъ началъ съ того, что простучалъ въ стѣну 24 раза и продолжалъ маневръ до тѣхъ поръ, пока не заставилъ незнакомца понять, что въ этихъ 24 разахъ подразумеваются буквы, выражающіяся стукомъ. Въ немного недѣль они усѣли въ быстрой и свободной бесѣдѣ рассказать другъ другу свою жизнь. Сосѣдомъ оказался г. М., впоследствии сдѣлавшійся государственнымъ статсъ-секретаремъ и герцогомъ Б., и былъ довольно извѣстенъ. На свободѣ онъ не забылъ соузника, выхлопоталъ ему свободу и назначилъ пожизненный пенсіонъ. „C'est Spaun ou le diable“! вскричалъ министръ, спустя 10 лѣтъ, когда его посѣтилъ Шпаунъ въ Мюнхенѣ. Къ сожалѣнію, Шпаунъ, не смотря на всѣ хлопоты, ключа своего не повѣдалъ.

Одиночество замкнутого человѣческаго духа, при отсутствіи всякаго искусственнаго способа къ духовному общенію, вынуждаетъ этотъ тюремный способъ разговора посредствомъ стука, уже давно существовавшаго въ народномъ употребленіи, хотя и не имѣвшаго спеціальной системы. Ремесленники металлическихъ издѣлій ушедшаго изъ мастерской мастера, подмастерья и ученика зовутъ cadaго особымъ ударомъ молотка. На улицахъ, гдѣ живутъ эти работники, такими способами быстро и ловко распространяются цѣлыя извѣстія по всей улицѣ. Телеграфисты, не глядя на депеши, просто на слухъ по стуку слышать и читаютъ депеши. Этими людямъ тюремныя системы разговоровъ въ настоящее время обязаны во многомъ своимъ развитіемъ и усовершенствованіями (особенно по морзовскому способу телеграфическихъ знаковъ). Телеграфическому способу удалось теперь обобщить всѣ существовавшія до него системы звуковыхъ разговоровъ. Наше одиночное заточеніе по американскимъ системамъ встрѣтитъ уже готовые формы и, вѣроятно, не замедлитъ ими воспользоваться.

Существованіе языка по стуку извѣстно у насъ въ Россіи изъ книгъ, по неумѣнью примѣнить его неграмотными тюремными сидѣльцами и по тому обстоятельству, что одиночное заключеніе у насъ не практиковалось въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, какъ въ Европѣ. Но тамъ, гдѣ оно имѣло мѣсто, языкъ стуквой не медлилъ своимъ примѣненіемъ и обнаруживалъ существованіе. Декабристы, сидя въ одиночныхъ камерахъ Петропавловской крѣпости, вели разговоръ черезъ стѣну и въ Александровскомъ равелинѣ, гдѣ тому способствовало устройство комнатъ, въ клѣткахъ, построенныхъ въ амбразурахъ. Разговоръ этотъ или вовсе не былъ возможенъ черезъ стѣны, идущія сводомъ,

*) У нѣмцевъ этотъ способъ извѣстенъ подъ именемъ гакезена, отъ еврейскаго слова—гакке—стучать, ударять.

или былъ неуменъ черезъ деревянныя перегородки, гдѣ можно было разговаривать прямо въ полголоса. Если кто пѣлъ (другая форма разговора), то было все слышно и въ номерѣ напротивъ. Въ Роченсальмѣ примѣнялъ стукую азбуку Вестужевъ-Марлинскій, сократившій по возможности безконечное стучанье 30 буквъ отечественнаго алфавита раздѣленіемъ ихъ на три десятка. „Недостатокъ этой азбуки (по словамъ его брата Мих. Алек.) состоялъ въ томъ, что гласныя и согласныя выстукивались одинаково медленнымъ стукомъ, которые все-таки надо было считать, что утомляло и ухо и голову и гдѣ слушающій безпрестанно смѣшивалъ гласныя съ согласными и заставлялъ повторять фразу, что было тяжелою пыткой для стучащаго“.

О примѣненіи звукового разговора по азбукѣ собственнаго изобрѣтенія М. А. Вестужевъ въ Петропавловской крѣпости даетъ слѣдующія любопытныя подробности („Русская Старина“, апрѣль 1870 г.):

„Я хотѣлъ узнать: есть ли живая душа въ моемъ сосѣдствѣ. Началъ стучать желѣзками въ одну изъ стѣнъ—нѣтъ отвѣта. Въ другой мигъ отвѣтили едва слышными звуками слабого стука. А что если мой братъ въ сосѣдствѣ? подумалъ я и засвисталъ мотивъ аріи, извѣстный только моему брату Николаю. Слышу, онъ повторяетъ этотъ мотивъ“.

Передъ тѣмъ временемъ, когда вносили ночникъ, М. А. Вестужевъ садился въ уголокъ и тихо стучалъ пальцами въ стѣну. Въ отвѣтъ получалъ таковой же стукъ отъ брата. Каждый день съ той поры начинался взаимнымъ стукомъ полного похода, что означало: здравствуй! здоровъ ли? Когда же надо было прекратить стукъ изъ осторожности отъ наблюдателей, братья били пальцами отбой.

Для постоянного разговора придумана была азбука, улучшенная въ устраненіе различныхъ затрудненій, напр. по поводу буквъ послѣднихъ въ азбукѣ, до которыхъ нужно было достучиваться десятками двумя-тремя ударами. Воспользовался М. А. при этомъ тѣмъ, что братъ былъ морякомъ „и знакомъ со звономъ часовъ на кораблѣ, гдѣ часы и склянка бьютъ двойнымъ краткимъ звономъ“. На этомъ основаніи онъ составилъ азбуку; гіероглифы ея начертилъ обоженнымъ прутникомъ, случайно выпавшимъ изъ вѣнника, когда подметали комнату, на одной изъ страницъ IX тома исторія Карамзина, полученной для чтенія. „Согласныя были явственно раздѣлены отъ гласныхъ особеннымъ стукомъ *). Эта особенность давала возможность въ разговорѣ, ежели не дослышаны двѣ-три согласныя, ясный стукъ одной или двухъ глас-

ныхъ давалъ возможность возстановить цѣлое слово, не требуя повторенія“. Служь, извуряный напряженностью нервовъ въ тихомъ одиночномъ заключеніи, облегчалъ способы выслушиванья. Постукавъ по стѣнѣ письмомъ, полученнымъ отъ матери, М. А. получилъ въ отвѣтъ на слухъ тоже. Этого было довольно, чтобы начать стучать. Стучалъ онъ не пальцами, которые распухли отъ безпрестаннаго стучанія съ невыносимою болью въ ногтяхъ, а болтомъ желѣзныхъ наручниковъ, замѣненнымъ потомъ обоженной палочкою. Передавая послѣднюю при свидѣтеляхъ одной изъ сестеръ своихъ, онъ имѣлъ полное право сказать: „Prenez, c'est ma langue“!

Впослѣдствіи, въ разговорахъ при взаимной привычкѣ, братья изощрились такъ, что, прежде говоря фразу на полминуты чтенія съ разсвѣта до полудня, стали разговаривать такъ скоро и свободно, что бесѣда стукочная была немногимъ длиннѣе изустной. Потомъ рискнули даже выкинуть изъ согласныхъ 10 и изъ гласныхъ 4 буквы и стали догадываться о смыслѣ фразы по начальнымъ буквамъ.

„Много протекло скучно-томительныхъ дней на усовершенствованіе сношеній, на способы скорѣе передавать буквы, на знаки препинанія и предостереженія, на сигналы для вызова къ разговору, и проч.“. Но люди высшаго развитія въ тяжелыхъ условіяхъ одиночнаго заточенія сумѣли выдти побѣдителями при помощи разговора по стуку. Тамъ же, гдѣ не было келейнаго заточенія, гдѣ заключенникамъ приводилось жить совместно обществомъ и общиною, тамъ, само собою разумѣется, являлся языкъ, искусственно-созданный изъ замаскированныхъ словъ,—образовался тюремный словарь.

Тюремный словарь не великъ. Ничего самобытнаго онъ не имѣетъ, и въ то же время, тою извѣстнаго рода оконченностью и богатствомъ, какія представляются, напр., въ языкѣ „картавыхъ проходимцевъ“ офеней и въ довольно полномъ байковомъ языкѣ мазуриковъ (музыкѣ), тюремный языкъ похвалиться не можетъ. Сочинялись или принимались слова съ вѣтру про дешевый обиходъ тюремнаго быта въ узкихъ интересахъ замкнутой жизни настолько, насколько это нужно было противъ приставниковъ, смотрителей и надзирателей. Крузоръ не великъ и искусственно служебъ такъ, что приводится говорить непонятно для другихъ въ немногихъ случаяхъ и не обо многомъ. Скрыть карточную игру, а не съ нею кое-какія недовольствія въ тюрьмахъ удовольствія, предостеречь товарищей, сговориться съ ними,—для этихъ цѣлей съ двумя-тремя десятками словъ теремные сидѣльцы могутъ свободно и легко обходиться. Самые усердные разпросы въ десяткахъ сибирскихъ тюремъ привели насъ къ такой небогатой находкѣ, которою мы и подѣлились съ чи-

*) Здѣсь отличіе вестужевской азбуки отъ всѣхъ способовъ разговора стукомъ другихъ товарищей.

тателями, истративъ въ предыдущемъ текстѣ почти весь запасъ напѣ. Хотя и дошли до насъ глухіе слухи о томъ, что, напр., въ южныхъ русскихъ тюрьмахъ по казематамъ существуетъ другой языкъ, но фактическихъ доказательствъ тому мы не получили *). Очень можетъ быть, что кое-гдѣ и скопились небольшіе и особенные словари при содѣйствіи остроумной изобрѣтательности, для которой нельзя опредѣлить предѣла, и при помощи тѣхъ тюремныхъ сидѣльцевъ, которые садились съ готовымъ языкомъ. Товарищеская тюремная община не допускаетъ взаимныхъ секретовъ: какой нибудь конокрадъ или шерстобитъ не долго наскрываетъ со своимъ ламанскимъ или бродяганищій со своимъ кантюжнымъ языкомъ, когда увидятъ настоящую необходимость его примѣненія на всякія вылазки и прикрытія. Известно, напр., что мазурики разболтались и тюремный словарь имъ въ этомъ много обязанъ, потому что они-то по преимуществу частые, можно сказать, обычные тюремные сидѣльцы, составляющие громадное большинство. По крайней мѣрѣ, новѣйшій словарь крупно основывается на „музыкѣ“. Изъ московскихъ и петербургскихъ тюремъ, напр., другихъ словъ, помимо воровскихъ, еще до сихъ поръ никто изъ наблюдателей не выносилъ и не заявлялъ. Но такъ какъ воровской языкъ „музыки“ ведетъ свое происхожденіе отъ древнихъ воровъ, языкъ которыхъ былъ, въ то же время, и языкомъ волжскихъ и другихъ разбойниковъ, то понятна и еще большая связь тюремныхъ словъ съ языкомъ воровъ древнихъ и новыхъ. Какъ первыми прежде, такъ вторыми теперь тюрьмы переполнены, обмѣнъ неизбеженъ, взаимное обученіе обязательно. Самостоятельность могла проявиться лишь отъ вліянія большинства и тюремный словарь могъ отразить на себѣ характеръ этого большинства. Мы имѣемъ случай доказать это тѣми словами, которыя подмѣчены Ф. М. Достоевскимъ въ омской военной тюрьмѣ и которыя не входили въ пополненіе собранныхъ нами и не были считаны. Ихъ также очень немного: мелководъ—обыкновенныя кольчатая кандалы не изъ желѣзныхъ прутьевъ (первыя носятя снаружи, вторыя надѣваются подъ панталоны); чистякъ—

*) Замѣчено, напр., что въ Сибири термины, употребляемые при игрѣ въ карты, совсѣмъ другіе. Это понятно изъ того, что по Россіи въ городскихъ тюрьмахъ, гдѣ можно доставать карты въ полномъ составѣ листовъ, арестанты играютъ въ три листика. Въ Сибири они начинаютъ играть въ одно, потому что добыча картъ затрудняется, а принесенныя изъ Россіи измызгались, остались посвѣжѣ лишь убереженныя бросовыя отъ двойки до семерки, не нужныя при подкаретной игрѣ. На нихъ-то и основывается сибирская арестантская игра въ одно со всѣми приемами, а стало быть и терминами.

хлѣбъ изъ чистой муки безъ примѣси мякины, т. е. обыкновенный хваленый артельный хлѣбъ; суфлера—потаскуха, арестантская любовь; Марья-и-котница—обыкновенная арестантская болѣзнь, зависящая отъ обыкновенно дурной и преимущественно сухой, безъ приварка, нищи; Иванъ-таскунъ—та же желудочная болѣзнь съ болѣе сильными и острыми припадками, зависящая отъ тѣхъ же причинъ; самъ-панъ-трэ—нюхальный и самъ-крашэ—курительный табакъ *), марцовка—обыкновенная тюремная нища—вода съ хлѣбными корками, тюрь (петерб. тюрьмы), и прочее, судя потому, насколько озлоблена и остроумна община тюремныхъ сидѣльцевъ. На этотъ послѣдній разъ въ ней чувствуется вліяніе солдатскаго юмора, присутствіе казарменныхъ остряковъ, потому что и въ самой тюрьмѣ указано сидѣть арестантамъ военныхъ ротъ, послѣ многихъ житейскихъ мытарствъ присужденнымъ на каторгу въ крѣпостяхъ Сибири. Въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ то же казарменное вѣяніе не исчезаетъ тамъ, гдѣ, напр., арестантскія щи называются шуримурі, острогъ—палочная академія, лишиться правъ состоянія—слушаться барабанной шкуры, счастье—фартъ, арестанты—бѣдность, обмануть—околпачить. Само собою разумѣется, что сочиненіе новыхъ словъ по вызову и вдохновенію новой обстановки, не останавливалось за обиліемъ готовыхъ формъ, оттого и новыя выраженія: стрѣлять саватѣкъ—бродяжить, простокишки поѣсть—неудачно сбѣгать и пойманнымъ возвратиться обратно въ тюрьму, горбачъ—бѣглый (за котомку за плечами), грязь наѣсться—угодить на каторгу, прохожій, гульный—бродяга, своеручный—фальшивый паспортъ (самодѣльный), маршрутъ—буракъ съ припасами (сибирскій туезъ), желтая пшеничка—контрабандное золото и проч. тому подобное, по случайнымъ вызовамъ и вдохновенію, которые не имѣютъ предѣла.

Это присутствіе сарказма, эти взрывы сердитаго остроумія съ безпощаднымъ самоуниженіемъ составляютъ характерную особенность всѣхъ разбойничьихъ пѣсенъ; оно же слишкомъ примѣтно и знаменательно въ сочиненіи словъ не только новыхъ, но и въ древнихъ тюремныхъ. Вотъ висѣлица—качалка, тюрьма—каменный мѣшокъ; застѣнокъ—немшоная баня (гдѣ людей вѣсятъ, сколько кто потянетъ); студъ желѣзный (орудіе пытокъ)—четки или монастырскія четки, кистень—гостинецъ, тайная канцелярія—стукаловъ монастырь, помойная яма—сухой коло-

*) Въ гражданскихъ тюрьмахъ нюхательный табакъ—прошка, курительный—дымъ; селитра—гарнизонный и этапный солдатъ въ Сибири; они же висла-шерсть въ русскихъ тюрьмахъ.

дець, колодець—холодная баня; грабежь—черная работа, воровство—походъ, мошенникъ—хлынь, хлыновець, мошенничество—тихая милостыня, разбойникъ—углецькій выемщикъ, преступникъ—уголовщикъ, пьяный—сырой, тревога—мелкая раструска, огонь—виногоръ, воры—купцы пропалыхъ вещей, вино—товаръ изъ безумнаго ряда, каторга портовая и крѣпостная—холодная вода, угнали вора въ Сибирь—улетѣлъ коршунъ за море („я не воръ, а воронъ-то еще летаетъ“—сказалъ Пугачевъ Суворову). Железная клѣтка (въ которой возили на казнь)—камчатка, самоубійство—самосудъ, болтливый на допросахъ (откровенный)—нагой, разбойничьи притоны—волчьи гнѣзда, погоня—волна (волна ходить—погоня послана), дѣлать фальшивую монету—тянуть заповѣдное серебро и проч. Это дешевый и обычный приемъ словосочиненія завѣщать и нынѣшнѣмъ мелкимъ ворами, которые составили и составляютъ уже настоящій искусственный языкъ. Въ немъ уберелось немного словъ отъ старины: мазъ—атаманъ разбойничій начала прошлаго столѣтія, у мазуриковъ въ значеніи заводчика воровскаго дѣла и стараго опытнаго вора. Старинный же дульясъ (огонь) взятъ изъ языка офеней: дуликъ и дульясъ; дуванить—также, сламъ—оттуда же, яманъ—тоже общее слово. Хазъ разбойничій, въ смыслѣ избы, по падаетъ намъ въ отвернищской рѣчи (Могил. губ.). Въ народной памяти изъ разбойничьяго языка сохранилось лишь только роковое выраженіе, страшное своимъ значеніемъ: „сарынъ на кичку“. При лозунгѣ ясыкъ или ясакъ бурлаки этимъ обязаны были пасть ницъ и не шевелиться, пока разбойники не ограбятъ и не развѣдаются съ хозяиномъ судна. По объясненію В. И. Даля значило: чернь на носъ, т. е. иди бурлаки на носъ судна (сарынъ—чернь, кичка—носъ судна), хотя можно толковать и такъ: клади деньги на голову, на шапку (сары у разбойниковъ деньги серебряныя, а кичка иносказательно очень легко могла быть съ головного убора перенесена на самую голову), по обычному приему всѣхъ подобныхъ искусственно сочиненныхъ языковъ.

Содѣйствіе остроумія для иносказанія въ новѣйшее время отъ стараго объяснялось лишь тѣмъ, что опытъ и практика умудрили мастеровъ выражать понятіе короткими терминами, однимъ словомъ (у мазуриковъ: трясогузка—горничная, мѣховыя вещи—окорока, барышникъ—мѣшокъ, бѣлье на чердакѣ—голуби, капа—кабакъ, грабляхи—руки и проч.). Въ старину до этихъ иносказаній доходили не сразу, но рядомъ цѣлыхъ выраженій. Тогда же еще надо было, приводя понятіе, объяснить его и втолковывать: пустить рыбу ловить—утопить, судейское кресло—стулъ, на которомъ собаки вырѣзаны, палки (орудіе казни)—

лоза, чѣмъ воду носить, воры—купцы пропалыхъ вещей („что не увидить, все купить, а ежели увидить что дешевое, то ночь не спать“, вора за купца современные мазурики принали уже на слово); часовой—гремѣло, что по ночамъ въ доску гремитъ, вино—товаръ изъ безумнаго ряда и проч. Были, впрочемъ, и готовые слова, изъ которыхъ старинные воры (напр., въ прошломъ столѣтіи) могли составлять цѣлыя темныя фразы, понятныя по языку и современнымъ мазуриковъ. У Ваньки Каина въ собственномъ его сказаніи встрѣчаются двѣ: „когда мазъ на хазъ, то и дульясъ погасъ“ (когда атаманъ въ избы, то и огонь погасилъ, выговорилъ онъ, когда забрался въ чужой домъ съ шайкою) и „трека калачъ ѣла, стромыкъ сверлюкъ страктирила“—съ воли сказалъ товарищъ заключенному, извѣщая его о томъ, что въ калачѣ, который онъ подаль Христа-ради при сторожахъ-свидѣтеляхъ, положены ключи отпереть замокъ кандалной цѣпи. За то Каиново же сказаніе переполнено такими немудреными блестящими дешеваго площаднаго остроумія, въ которыхъ уже нельзя не видѣть стремленія выработать новыя слова для обихода и въ которыхъ столь обычная тюремнымъ сидѣльцамъ озлобленность обнаруживается уже въ полномъ блескѣ.

Ванька Каинъ, какъ сбѣжалъ отъ помѣщика на воровской промыселъ, загубившій его душу, такъ и сострѣлъ, написавъ на господской стѣнѣ: „Пей воду, какъ гусь, ѣшь хлѣбъ, какъ свинья, а работай чертъ, а не я“. Затѣмъ онъ воровалъ и товарищамъ наказывалъ: „Бей во всѣ (въ овсѣ), колоти во всѣ, и того не забудь, что и въ кашу кладутъ“ (забирай все, ничего не оставляй). А уворовалъ, то и выговорилъ: „Тяпъ-да-ляпъ, клѣтка въ уголь, сѣлъ и печка“. Острилъ онъ, живя и подъ Каменнымъ мостомъ въ Москвѣ (а „каменный мостъ ворипкамъ погостъ: полъ да середъ сами сѣли, печь да полаты въ пакъ отдаемъ; пылъ да копоть, притомъ нечего лопать“). Острилъ онъ, когда жилъ и убивалъ на Волгѣ и убитыхъ завертывалъ въ „персидскій коверъ, что соль вѣшаютъ“ (рогожный кулъ). Когда шелъ грабить помѣщика Шубина, извѣщалъ его такъ: „Неужели у тебя лѣтней одежды нѣтъ, а всегда ходишь въ шубѣ? Почему и будутъ къ вамъ портные для шитья лѣтнихъ кафтановъ“. Перебьжаютъ воры черезъ рѣку, офицеръ попадаетъ и спрашиваетъ: „что за люди?“—молчатъ. Сбѣгаютъ на берегъ, отвѣчаютъ: „Ты спрашивалъ насъ на водѣ, а мы спрашиваемъ тебя на землѣ; лучше бы ты въ деревнѣ жилъ да овины жегъ, а не спрашивалъ пробѣжнихъ“. Атаманъ отнять у офицера шарфъ и шпагу, но велѣлъ заплатитъ нѣсколько денегъ и отпустилъ. Ту же сословную озлобленность, вдохновенную лишениями, несъ Каинъ съ товарищами повсюду,

во многія другія мѣста. Не переставалъ онъ острить и тогда, когда попадался на судъ: „Овнѣ горить (бѣда нависла), а молотильщики обѣдать просятъ“ (надо дарить подьячихъ). Онъ и подкупаетъ, подьячему шепчетъ: „Будеть тебѣ муки фунта съ два съ походомъ“, т. е. кафтанъ съ камзолѣмъ. А затѣмъ на судѣ: „согнулся дугой, и сталъ какъ другой, будто и не я“. И опять не прочь острить на допросѣ: „Баня здѣсь дешева, стойка по грошу, лежанка по копейкѣ“; „Какой на господинѣ мундиръ, такой и на холоптѣ одинъ“; „Всѣ вы нашего сукна епанча“, т. е. такіе же воры. Попавшись въ тѣрѣму и сѣдя въ ней, „молятся Петру, чтобъ сберечь сестру“, т. е. удалось бы убѣжать. Побѣгъ удается, потому что выручаютъ товарищи, которые умѣютъ темно говорить и хитро дѣлать. Они сами являются въ тюрьму подъ видомъ благодѣтелей съ подаеніемъ, сами предлагаютъ услуги и спрашиваютъ: „Не хочешь ли бѣжать изъ-подъ караула? У Ивана въ лавкѣ по два гроша лапти“. Сказанную фразу, до кого она касалась, понимали и въ сказаніяхъ Ваньки Каина сохранилась такая фраза на отказъ, что онъ объ этомъ думалъ съ товарищами и время къ побѣгу самъ хочетъ выбрать: „Чай примѣчай, куда чайки летать“.

Этими иносказаніями, этою игрою словъ про-бавлялись тюремные сидѣльцы изъ воровскаго рѣда съ большимъ успѣхомъ еще въ серединѣ прошлаго столѣтія. Каинъ, какъ извѣстно, дѣйствовалъ на воровскомъ промыслѣ еще въ 1745 году; въ 1764 году онъ уже сидѣлъ въ Рогервикѣ (Валтійскій портъ). До него письменныхъ свѣдѣтельствъ о существованіи искусственныхъ языковъ слабы, но послѣднее не подлежитъ сомнѣнію по нѣкоторымъ намекамъ разныхъ старинныхъ актовъ. Такъ, напр., въ новгородскихъ памятихъ сохранился страшно-картинный рассказъ о томъ, какъ царь Грозный, сѣдя за обѣдомъ у новгородскаго архіепископа Пимена въ его грановитой палатѣ, вдругъ вскочилъ изъ-за стола и вскричалъ грознымъ голосомъ „своимъ обычнымъ царскимъ ясакомъ“, послѣ чего московскіе люди схватили и ограбили архіепископа, немедленно бросились грабить Софію, церкви, монастыри, боярскія имущества, рубить гражданъ, жечь и пепелить славный и древній городъ *).

*) Ясакъ въ значеніи знака, условнаго крика, маяка, отзыва, лозунга встрѣчается въ старинной пѣснѣ про Илью Муромца, которая говоритъ, между прочимъ:

Увиайте вы веселочки
Аравитскимъ краснымъ золотомъ;
Увиайте вы уключенки
Альентарскимъ крупнымъ жемчугомъ;
Чтобъ по ночамъ они не буркали,
Не подавали бы они ясаку,
Что ко злымъ людямъ, ко татарамъ.

По Волгѣ ясакомъ наз. до сихъ поръ всякій незнакомый, непонятный, чужой, иностранный

Точно также на другомъ, противоположномъ краю Россіи въ актахъ бывшаго города Орлова (нынѣшняго Воронежа) сохранился такой рассказъ. 20 мая 1682 года изъ села Большихъ-Студенокъ отправилось 20 человекъ, а въ томъ числѣ пять женщинъ за рѣку Воронежъ на степь для борщу. „И переѣдучи рѣку Воронежъ на степь, на Юшины поля (гдѣ, вѣроятно, была посѣяна свекла—борщъ), заночевали. На утренней зарѣ напали на нихъ воровскіе люди, человекъ съ 20 и больше, пѣхотою (въ отиѣну отъ калмыковъ и татаръ, которые нападали на эти украинныя русскія селенія по неизмѣнному племенному обычаю—на коняхъ); напали съ ружьемъ, съ пищальми и съ саблями, а ясакомъ межъ себя говорятъ и называются атаманами-молодцами“.

Въ библиотекѣ казанскаго университета мы видѣли рукописную книжку „Описаніе Кричевскаго графства или бывшаго староства Гр. Ал. Потемкина, въ ста верстахъ отъ Дубровны, между Смоленскою и Могилевскою губерніею“. Рукопись прошлаго вѣка. Въ ней, между прочимъ, попадаетъ такое мѣсто: „Я думаю, что напротивъ будетъ, если я упомяну здѣсь и о томъ нарѣчій, которымъ всѣ кричевскіе мѣщане, портные, сапожники и другихъ мастерствъ люди, а особливо живущіе около польской границы корелы (не отъ кореловъ, а отъ грабежей своихъ такъ названные крестьяне) между собою изъясняются. Сіе нарѣчіе, подобно многимъ російскимъ, а особливо суздальскому, введено въ употребленіе праздношатавшимися и въ распутствѣ жившими мастерами, которые, привыкнувъ уже къ лѣни и пьянству, принужденными находились для прокормленія своего оное выдумать и сплести, дабы посторонніе ихъ не разумѣли и они всѣхъ тѣмъ удобнѣе обкрадывать и мошенничать могли“. Оно не основано ни на какихъ правилахъ и, кромѣ множества произвольныхъ вымышленныхъ, состоитъ еще изъ переломанныхъ нѣмецкихъ и латинскихъ словъ. Употребляемая между ними таковая рѣчь называется здѣсь „отверницкою“ или „отвращенною“. Авторъ „для любопытства“ прилагаетъ; а ясакъ въ значеніи сигнала у разбойниковъ замѣнялся иногда тѣлодвиженіями. Въ орловскихъ (воронежскихъ) актахъ: «на курганѣ видѣли человекъ на лошади, который, снявъ съ себя шапку мякомъ, бросилъ вверхъ; и къ нему со стороны наѣхало съ десять, а съ другой стороны съ двадцать». По Ратному уставу ясакъ—сторожевой опознавательный знакъ: «имѣти всякое береженіе и старосты и ясаки». Въ Нижегород. губ. ходячіе купцы не по русски говорятъ, а ясакомъ (то были зрянно-мѣховщики). У востромичей ясачный паренъ—рѣчистый, разговорчивый. При Елизаветѣ Вас. Вас. Голицынъ наказывалъ прислугѣ: «Крутомъ барскаго дома ходить, колотушками громко стучать, въ рожки трубить, въ доску звонить, въ трещетку трещать, въ ясакъ ударять (?), по сторонамъ не зѣвать».

гайтъ несколько словъ, глаголовъ и рѣченій этого языка. Вотъ все имъ приведенное: „Еперъ укаврюка чуху—украдь у господина шубу; хлизъ въ хазъ, а то Сергѣй смакшунить—иди въ избу, а то дождикъ замочить; клева кургаеть—хорошо поеть; манекъ хямнаеть—мой братъ хвораеть; клева капени по лаудѣ—хорошенько ударь его по головѣ; гримусъ закотаеть—громъ убьеть; мощерникъ—сапожникъ, кулганникъ—портной, лохъ—мужикъ, баба—яруха (около-де Суздаля гируха *), сестра—унхлыть, попь—кочеть, еврей—кудлей, церковь—хазберница, игла—семирка (оттого что ихъ на денежку семь купить можно), чулки—теплухи, деньги—кривцы, рубли—кругляки, рожъ—зедька, хлѣбъ—сумѣха, молоко—лапта, масло—тсекунь, щи—лапуха, хрѣнь—нахринь, рѣпа—кругалка, морковь—солодуха, чечевича—лескушка, гречиха—кудрявка, овесъ—халбуръ, пшеница—бѣлуха, просо—цикаусъ, ячмень—акруша, пиво—милкусъ, вода²—делька, вино—ардимаха, корова—альда, овца—перхутка, голова—лауда или неразумница, дѣвка—шихта (а около-де Суздаля карата), мальчикъ—микрець, молодича—куба (а около Суздаля ламоха), продавать—кухторить, бѣжать—ухлывать, ѣсть—траить, напиться—набусаться, сидѣть—сеждонить“. И все. Несомнѣнна связь языка этого и прямое происхождение отъ офенскаго, по сходству большей части словъ. Замѣчаемая же немногя различія, вѣроятно, слова того же офенскаго языка, забытыя въ Ковровѣ (а не Суздаль) и сохранявшіяся здѣсь. Съ 1700 года, какъ извѣстно, офени разбрелись уже по всему лицу русской земли и даже переходили австрійскую границу, всюду называя себя особымъ народомъ мазыками. Съ ихъ стороны слѣдовали увѣренія, что они—потомки этого исчезнуваго вслѣдъ за другими народа и жившаго будто бы въ IX. вѣкѣ (что, впрочемъ, не доказано). Дѣйствительно въ IX вѣкѣ кочевалъ по Волгѣ народъ ясы или ясыки, которые, по нѣкоторымъ толкователямъ, у офеней превратились въ мясыки, мазыки, и проч. Въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи офеней называютъ различно: варягами, торговавами, коробейниками, ходебщиками, разсочиками, суздалами, офенями, мясками и проч. Во времена возвращенія Бѣлоруссін къ Россіи, какъ извѣстно, въ числѣ средствъ закрѣпленія ея употреблены были различныя сильныя мѣры: бѣлорусскія конфискованія въ казну имѣнія розданы были русскимъ вельможамъ: Голохвастовымъ, Чернышевымъ, Румянцевымъ и другимъ,

*) По офенски: гирий—старый, гирехъ—старикъ, гируха—старуха (замѣчательно, что у грековъ—герон; пять—пенда, pente, десять—деканъ, дека; пятнадцать—декапенда, декаrente. Впрочемъ, эта греческая примѣсь идетъ недалеко. Встрѣчается больше словъ новаго образованія и исковерканныхъ польскихъ и другихъ славянскихъ.

а самыя огромныя количества деревень, городовъ и мѣстечекъ—Потемкину-Таврическому. Между ними досталось ему и мѣстечко Кричевъ, лежащій теперь на московско-варшавскомъ шоссе (въ Чериковскомъ уѣздѣ Могил. губ.). Потемкинъ, владѣвшій громадными средствами, болѣе всѣхъ другихъ воспользовался мыслью обрусенія бѣлоруссовъ и привлечь въ свои имѣнія различныхъ ремесленниковъ въ такомъ числѣ, что бывшія его имѣнія (Дубровна, Кричевъ, Усвятъ въ Витеб. губ.) представляють наибольшія подобія съ русскими селеніями, чѣмъ всѣ другія сосѣднія мѣстности. Въ нихъ до сихъ поръ сохраняются ремесла и развиты промыслы сильнѣе, не смотря на весь гнетъ евреевъ. Такъ сказалося это при нашемъ посѣщеніи Бѣлоруссін въ 1868 году. Въ этомъ привлеченіи въ край русскихъ людей въ видѣ ремесленниковъ и торговцевъ мы видимъ причину появленія и языка офеней, которые ходили сюда торговать и, при поощреніяхъ владѣльцевъ, осѣдали съ большою охотою на торныхъ дорогахъ и въ такихъ мѣстечкахъ, какъ Дубровна и Кричевъ. Когда ослабло поощреніе, они бродили, шатались и, не находя питанія, разбрелись врозь и, вѣроятно, по своимъ старымъ пепелищамъ. Всѣ наши старанія найти слѣды этого языка въ Кричевѣ и Дубровнѣ остались тщетными: отвернищкая рѣчь у тамошнихъ мѣщанъ исчезла. По занятіямъ (земледѣльческимъ исключительно), по развитію, которое кричевцевъ и дубровенскихъ едва видѣляеть отъ тупыхъ и загнаныхъ бѣлоруссовъ, по господствующему дзекающему бѣлорусскому языку, мало остается основанія для предположеній о томъ, что языкъ этотъ живетъ и лишь тщательно сбереженъ и припрятанъ. Къ тому же, на всѣ темныя дѣла въ томъ краю кинулись съ такимъ азартомъ и въ такомъ многолюдствѣ еврей, что, помимо ихъ племена, никто не у дѣлъ и сквозь густую толпу ихъ, тѣсно сплоченную, никому уже теперь не протолкаться. Въ распоряженіи еврея такой замысловатый и темный языкъ изъ смѣси древнихъ еврейскихъ, польскихъ и нѣмецкихъ словъ, что плутовствамъ всякаго рода неизмѣримое поле. Въ Пруссіи между нѣмцами нашъ еврей говорить по польски, между бѣлоруссами и поляками по нѣмецки, но такъ что съ трудомъ понимается коренными нѣмцами. Властящѣе, полнѣе, темнѣе и успѣшнѣе картаваго еврейскаго жаргона едва ли употребляется гдѣ на свѣтѣ другой ему подобный и столько же счастливый. Въ Германіи языкомъ древне-еврейскимъ съ нѣкоторыми лишь урдованіями воспользовались городскіе мошенники и составили, какъ сказано выше, подобно нашимъ, искусственные мошенническіе словари.

О происхожденіи отъ древнихъ корней старорусскихъ „языковъ“ (ясаковъ) новѣйшіе словари свидѣтельствуютъ теперь лишь ничтож-

ними данными. Разбойничій дуванъ (дѣлжка), взятый цѣликомъ изъ татарскаго, удержался среди всѣхъ превратностей судьбы, бережно пронесъ свое право на существованіе и въ средѣ смиренныхъ, но ловкихъ торговцевъ вязниковскихъ и ковровскихъ офеней, московскихъ и петербургскихъ карманниковъ (жуликовъ и мазуриковъ), отъ Ваньки Каина до сего дня, и остался въ нерушимой цѣлости и въ нерчинскихъ тюрьмахъ у арестантовъ; пошли послѣдніе дуванъ дуванить и на островъ Сахалинъ. Разбойничьи сары сохранились въ музыкѣ (сары, рыжая сара—полумперіаль золотой) и неизмѣнными съ примѣненіемъ лишь исключительно съ серебрянымъ денгаемъ (мѣдныя—курынча), сохраняются въ сибирскихъ каторжныхъ тюрьмахъ. Отверницкая рѣчь за литовскимъ рубежемъ (въ Кричевѣ, на Сожѣ, Могилевской губ.) сохранила слово хазъ въ значеніи избы, то самое, которое выговорилъ атаманъ шайки на Волгѣ подъ Макарьевымъ и которое подслушалъ извѣстный проходимецъ Ванька Каинъ. Ему же извѣстенъ былъ дуться, какъ имя огня; тогда какъ то же слово и въ томъ же значеніи неизмѣнно обрѣтается въ словарѣ мирныхъ офеней-торговцевъ ходебщиковъ. Разбойничій атаманъ, мазъ по старинѣ, сохранился въ петербургской музыкѣ въ томъ же значеніи, измелчавшемъ лишь до прозванія заводчика воровскаго дѣла или стараго опытнаго вора. Татарскій яманъ (скверный), которымъ распорядились волжскіе разбойники въ прошломъ столѣтіи по всѣмъ

грамматическимъ правиламъ склоненій родного языка, остается извѣстнымъ и нерушимымъ въ нынѣшнемъ столѣтіи и въ наши дни на языкѣ петербургскихъ мазуриковъ *).

По сличеніи всѣхъ этихъ искусственныхъ языковъ одного съ другимъ нельзя не замѣтить общаго всѣмъ стремленія встать въ независимость, отдѣлиться для самостоятельнаго существованія. Цѣль достигнута. Оттого-то не только трудно, но и почти невозможно узнать и доискаться теперь до корня, до тѣхъ прадрѣвцовъ, отъ которыхъ выродились позднѣйшія многоколѣбныя семейства; черты сходства остались неясными и немногочисленными. Вотъ и примѣры: прежде всего наталкиваемся на того неизмѣннаго друга, для котораго у русскихъ людей придуманы цѣлыя десятки словъ и прозваній, отъ нѣжныхъ ласкательныхъ до грубыхъ ругательныхъ, какова водка, вино. У офеней она зовется гамза, гамзыра и дрябка; въ отверницкой рѣчи извѣстна подъ именемъ ардимахи, въ мазурицкой музыкѣ зовется канка и кановка, на арестантскомъ языкѣ въ тюрьмахъ—хамло, у скрыпенскихъ коноваловъ—лофейка, старинные разбойники называли ее—товаромъ изъ безумнаго ряда. Роковое мѣсто—тюрьма, прозванная офенями качуха, у специалистовъ-арестантовъ называется: у сибирскихъ чижовка, у русскихъ—кучумка и въ болѣе строгомъ смыслѣ у каторжныхъ арестантовъ (военныхъ)—палочная академія. Древніе разбойники звали ее „каменный мѣшокъ“.

Русскія слова.	Офенскія.	Отверницкія.	Музыка.	Тюремныя.
Деньги.	юсы	кривцы	бабки	сары и курынча **)
Женщина.	куба	яруха	маруха	мазиха и суфлера
Рубль.	хрусть	круглякъ	царь и дерсь	сѣдой (у коноваловъ) бирсь (у барышниковъ)
Изба и дворъ.	ряха, рымъ	хазъ (тоже у стар. разбойник.)	куреха, домуха, домовуха	—
Купецъ.	пулець	кухторъ	аршинъ	майданщикъ
Мальчикъ.	ласый	микрець	долото	—
Щи.	чучки	лапуха	—	шури-мури
Овца.	моргуша	перехутка	—	басаргуля (у шерстобитовъ)
Продать.	протулить	кухторить	тырить	—
Кнутъ и плеть.	визжакъ и визжеха	—	минога и манны	лыко и адамово лыко
Солдаты.	грущъ	—	бутыръ, фараонъ, паукъ	селитра
Опасность.	—	—	стрема, мокро, двадцать шесть	вода
Хлѣбъ.	сумаръ	сумѣха	—	чистякъ
Шуба.	бурьмѣха	чуха	теплуха	—

*) Музыка или словарь карманниковъ, т. е. столичныхъ воровъ, которымъ мы пользуемся въ настоящемъ случаѣ, составленъ въ 1842 году, проверенъ и дополненъ сообщеніями новыхъ и подтвержденіемъ старыхъ словъ въ 1869 году.

***) Курынча тюремная встрѣчается у офеней въ названіи пятака мѣднаго (куренша).

У офеней гривенникъ—марошникъ, у мазуриковъ—жирманникъ; у офеней полтина—ламиха, у конныхъ барышниковъ—деръ; четвертакъ у барышниковъ—секана, секисъ, у мазуриковъ столичныхъ—жирма-бешъ, у коноваловъ—хрусть; цѣлковый у коноваловъ, напр.,

скрыпенскихъ—сѣдой, у конныхъ ярмарочныхъ и столичныхъ барышниковъ—бирсь. Сто у офеней—пехаль, по музыкѣ—капчугъ; день у офеней—бендюкъ, у шерстобитовъ—волгажъ. У офеней пѣтухъ—воруханъ, у шерстобитовъ, напр., кинешемскихъ—гогусъ; кровь у офеней—вохра и кира, у шерстобитовъ—канъ, гривна у офеней—маруха, у мазуриковъ—трешка, у барышниковъ—жирмаха; рука у офеней—хирьга, у мазуриковъ—граблюха, у шерстобитовъ—бира; штаны у офеней—шпыни, у сибирскихъ шерстобитовъ—чинары, у мазуриковъ—шкеры и проч. Вотъ нѣсколько словъ шерстобитовъ (изъ языка такъ называемаго кантюжнаго): самоваръ—беззаботный, жеребецъ—агеръ, давать—дыкать, ящикъ—шмякъ, вѣвникъ—било, два—кокуръ, пила—зубила, колоколь—звонарь, зубы—жоры и жоръ, колемить, заколемить—захворать, овца—басаргуля, скоро—башково, кукушка—гадайка, пирогъ—елесникъ и проч. Нѣсколько словъ скрыпенскихъ коноваловъ: клева, неклева (общее), съухтитъ—получать доходъ, схвизнуть—бранить, бакулить—говорить, облобызать—своротить съ дороги для разговора, сакъ—сюда, ламашникъ—полтинникъ (общее). Счетъ ихъ указанъ дальше *).

Въ этомъ общемъ стремленіи на отдѣлъ, для самостоятельнаго существованія на правахъ полнѣйшей независимости, придумывались слова, прикрывающія тайну приемовъ извѣстнаго ремесла и промысла, чтобы скопившіяся изъ нихъ словарь звалъ не всякій; а смышленный человекъ, спознавъ одинъ, могъ бы блуждать и заблудиться, попасть въ трущобы другого словаря. Выдумка новыхъ словъ въ замѣну истаскавшихся старыхъ въ этихъ случаяхъ, прежде всего, являлась на выручку. Зазнавшій, напр., голову за „неразумницу“ (въ отвернищной рѣчи) не распознаетъ ее въ позднѣе придуманномъ прозвищѣ „лауда“. Слышали прежде и узнали всѣ часы за веснухи,—теперь же вмѣсто нихъ и у тѣхъ же мазуриковъ слышится новое прозвище бани; прежняя музыка предостерегала ходящихъ по ней объ опасности словами: стрема и мокро,—теперь говорятъ неизвѣстно почему „двадцать шесть“. Прежде по музыкѣ мошенникъ назывался французскимъ словомъ „жоржъ“, теперь откровенно по русски и не безъ нѣкотораго попопозноненія на остроуміе назвался „торговцемъ“. Прежде сыщику было званіе „фидарисъ, фи́га, поддипало“,—теперь: „двадцать пять“ и придумано всему комплекту

* На сибирскомъ трактѣ черезъ Араамасъ и Луколюновъ въ Ардатовскомъ уѣздѣ, между станціями Тальнинимъ и Олевкою, находится это село Скрыпшино (210 дворовъ) въ сосѣдствѣ съ селами и деревнями: Княжуха, Шамарино. Марьино, Ростиславка, Ратманово, Назарово, Пасыпаевка, Едушево, Чуварлей, Ямское и друг. Во всѣхъ живутъ коновалы въ количествѣ до тысячи душъ. Ходятъ на востокъ и въ Сибирь.

ихъ общее новое названіе „чертова рота“. Кошелекъ съ деньгами назывался шмель, теперь „пипка“; бумажникъ—финаль, шмука, теперь „лопатка“ и „боковня“. Рубль у мазуриковъ оказывался и „колесомъ“, и „царемъ“,—теперь, по новому, это „дерсъ“; полицейскаго же они звали „каплюжникомъ“, теперь согласились называть гуртомъ прежняго фараона и бутыря (буточника) — паукомъ; прежде „начудить“ теперь наѣзидилъ, если сдѣлалъ неудачную кражу, сдѣлавшуюся открытою, и проч. По вызову различныхъ нововведеній, конечно, явились новыя слова уже не для прикрытія, а по необходимости: явилась „халдыговина“—конная желѣзная дорога (у петербургскихъ мазуриковъ); про арестованнаго по приговору мирового судьи говорить, что онъ „на мѣсть“.

Въ хорошемъ, болѣе законченномъ языкѣ (какъ, напр., въ офенскомъ), для лучшаго укрытія отъ любопытнаго и любознательнаго уха, на одинъ предметъ и понятіе существуетъ по нѣскольку иносказательныхъ выраженій: вѣсть—ефить, тронть, брясть; дѣвица—корюкъ, карета, карюха; водка—гамза, гамзыра, дрябка; огонь—дулясъ и дулякъ; работникъ—наешурникъ, придешь; сытъ—фетякъ и лация; пирогъ—спидонъ и кундякъ, а такъ какъ по деревнямъ гостепривно кормятъ парогамъ всякаго захожаго человека, то, напр., и у шерстобитовъ (волнотеповъ) имѣется для него особое имя—елесникъ; божиться—стодиться (потому что Стодь—Вогъ) и щедиться и проч. Въ музыкѣ, по богатству словъ уступающей только словарю офенскому (торговому), точно также на деньги два слова: сара и бабки, на платокъ три: лепень, шемага, персякъ, на явбу также три: куреха, домуха, домовуха; бѣжать—храть и лататы; ничего, не обѣда—сухара! шманалъ! шинель—шельма и накидалище; вынуть изъ кармана—выначить и срубить; соединиться въ шайку—стабуниться и скленться; лакей—алешка, Алексѣй Алексѣичъ, укусъ,—лакъ, халдей—денщикъ, похороны—халтура и проч.

Многія слова утратили секретъ и, прорвавшись въ обще-народное употребленіе, перестали считаться пригодными для обихода въ темномъ ремеслѣ, въ плутовскихъ изгибахъ его, и не перестали лишь смущать близорукихъ собирателей словарей этихъ. Въ мазурнищкой музыкѣ мы находимъ такія слова: одѣтъ—оболочь, бѣжать и убѣжать—храть и ухрать; попасться въ преступленіи—влопаться; скрыть, заслонить—затылить; для виду—для близиру; сдѣлать неудачную кражу—начудить; чертоплешина—плоха по затылку; труба—взоръ, пустяки; жуликъ, который означаетъ по музыкѣ и по офенски ножикъ, по музыкѣ же и мальчика-ученика воровскому дѣлу, перенесено въ Москвѣ на самыхъ мастеровъ про-

мысла; пропить, промотать—проюрдонить *); у офеней пашенокъ (дѣтя, ребенокъ), масья (мать), скрыпы (двери) и глаза—зеньки. Всѣ эти слова знаютъ всѣ петербургскіе мастера-вые, многие изъ этихъ словъ употребляютъ люди и повыше полетомъ.

Само собою разумѣется, что богатство словъ сосредоточивается тамъ, гдѣ вращается и самый промыселъ. Темное дѣло, прикрытое темными условными словами и выраженіями, на этотъ разъ обнаруживаетъ свои живые пункты и поле дѣятельности во всей наготѣ.

Въ такихъ случаяхъ и обиліе словъ и хлопотливая изобрѣтательность ихъ являются въ отчетливомъ видѣ; здѣсь на воръ и шапка горитъ. А такъ какъ все это творится для денегъ, все это вдохновляется ими, то этотъ предметъ и исчерпанъ всѣми до предѣловъ возможнаго и вѣдомаго, и потому объ нихъ-то и первая рѣчь наша. По таблицѣ, приведенной выше, видимо разнообразіе прозваній самыхъ денегъ и одного изъ крупныхъ и основныхъ представителей ихъ—бумажнаго и серебрянаго рубля. Кто на послѣднія видоизмѣненія рубля и денегъ не ходитъ за недосугомъ, но петербургскіе мазурики различили свои финашки, финаги (бумажныя деньги, ассигнаціи), какъ офени свои пельмахи, отъ сары и царей (серебряной монеты) и отъ рыжихъ, веснушныхъ (денегъ), отъ рыжиковъ—червонцевъ и рыжей сары—полумиперіаловъ, потому что эти деньги въ рукахъ ихъ бывали зачастую, также онѣ знакомы и офенямъ (подъ не хитро придуманнымъ прозваніемъ кузлота). Послѣдняго сорта монета неизвѣстна ни коннымъ барышникамъ, ни мелкотѣ промышленникамъ шерстобитамъ и коноваламъ. За то у всѣхъ извѣстны подъ своими именами гривна (маруха у офеней, трепка у мазуриковъ, жирмаха у конныхъ барышниковъ), пятачекъ,—пензикъ у первыхъ, пискаръ (мѣдный), пискарекъ (серебряный) у мазуриковъ; полтина (ламиха офен., ламышникъ мазур., деръ барышн.), четвертакъ, исчезнувшій изъ употребленія (жирма-бешъ у карм., секана и секись у барышн.); цѣлковый (хрусть офен., круглякъ отверницкій, царъ и деръ по музыкѣ, сѣдой у коноваловъ, бирсъ у барышн.); копейка (трофилъ офенс., канька и каника у мазур.). А такъ какъ на руки офеней чаще и больше другихъ перепадаютъ деньги, то у нихъ есть слова и на грошъ (башъ), и на денежку (батень), и на трехгривенный (хрусть съ пензикоу). Умѣютъ считать они и до тысячи, которую зовутъ косухоу (значение слова этого у мазуриковъ ослаблено переносомъ на сотню—косуля—и эти купцы пропалыхъ вещей дальше сотни рублей не считаютъ и счета не знаютъ). У офеней, обя-

завшихъ себя вѣчными счетами и выкладами, это дѣло затемнѣно больше всѣхъ и офенскій счетъ полнѣе всѣхъ и совсѣмъ другой, чѣмъ, напр., у лошадиныхъ барышниковъ и у скрыпенскихъ и другихъ коноваловъ.

С Ч Е Т Ъ.

Обыкновен.	Офенскій.	Галивонскій (шерстобитовъ) и конныхъ барышниковъ.
одинъ	екон	екон
два	здю, взю	кекуръ
три	стремъ	стема, кумаръ
четыре	кисера	дщера, чивакъ
пять	пинда	пенда, вычусъ
шесть	шонда	шонда
семь	сезюмъ	сезюмъ
двугривенный	сезюмаръ	сезюмаръ
восемь	вондера	
девять	девера	кивера
десять	деканъ	деканъ (марнъ у скрып. коноваловъ).
одиннадцать	екодпачъ	
двѣнадцать	здюнадпачъ	двадцать пять—хрусть у скрып. коноваловъ.
тринадцать	стремнадпачъ	
четырнадцать	кисернадпачъ	
пятнадцать	деканъ-пинда	
пятнадцатый	пенда-берюнды	пенда-куреша—пятачекъ
шестнадцать	шондатпачъ	
семнадцать	сизюмнадпачъ	
восемнадцать	вондарадпачъ	
девятнадцать	девернадпачъ	
двадцать	здю-декановъ	тридцать—трехмарнъ (у скрып. коноваловъ).
сорокъ	кивера-декановъ	
пятьдесятъ	пенда-декановъ	
восемьдесятъ	вондера-декановъ	
четвертакъ	вондера-сизюмъ-трофель	
девяносто	деверъ-декановъ	
сто	пехаль	
тысяча	косуха	
полтина	ламиха	

Затѣмъ, само собою, по зависимости отъ предметовъ торга и купли, офени-торговцы успѣшили заручиться своею терминологіею, которая даетъ словарный сборникъ количествомъ словъ больше тысячи. По способу мѣнковой торговли, каковая не гнушается вымѣномъ всего, что придется на руку (и вымѣниваетъ, между прочимъ, съ такими несслыханными барышами, болѣе чѣмъ сто на сто проц.): и яницы (ягреныты), и ложки (свербалки), и медь (емеля), лапти (верзень), пшеницу (кундешница), масло (ласо), всякій хлѣбъ (сумаръ), лошадь (ло-

*) Юрдовка, какъ мы указали, особая игра въ карты.

вакъ, острякъ), овесъ (щуплякъ), ячень (сахаръ), рожь (зеха) и проч. Мужикъ (доху) и бабѣ (кубѣ) и молодницѣ (ламохѣ) и красной дѣвицѣ (каратѣ, карюхѣ) съ завистливыми и склонными на соблазнить глазами торговецъ-холобщикъ и офеня ѣздовой отдають на обмѣнъ все, что надо, что имъ самимъ навалили въ Москвѣ (въ Батусѣ) на кредитъ изъ залежнаго и праховаго товара: гребень (дербужникъ), стаканъ и рюмку (бухарникъ, бухарку), ситець (лепешникъ), платокъ (лепень), сукно (шерсно, вехно), пожикъ и ножницы (жуль и жульницы), стекло и посуду всякую (звеньеху), рукавицы (нахирехи), топоры (машурики), пояса (подбалы), сальные свѣчи (щедреги), а на лакомой вкусъ богатаго мужика и чай бусильникъ (бусильникъ оттого, что люди пьютъ, его—бусятъ), и сахаръ сластимъ, и зеркала вершалъницы (загѣмъ, что вершить—глядѣть въ нихъ надо) и другое тому подобное. Для такихъ дѣлъ у офеней и брысы (вѣсы) такіе сдѣланы, что брысать съ походомъ всегда на его сторону. Пропуливаетъ пулець—продаеть купецъ этотъ вяло и рыхло (много и скоро), больше шпраго, чѣмъ склешево (дороже, а не дешевле) и за то ерчить на громати на своемъ ловакѣ, а не похлить на стухахъ (ѣздитъ на телегѣ на собственной лошади, а не ходить пѣшкомъ на своихъ ногахъ съ коробомъ на горбѣ), да еще сверхъ того; седмаеть въ рахѣ на дудоргѣ, тротъ въ вителку за стропенемъ, сафаетъ скрыжами кундешные кундяки и забусываетъ (на худой конецъ) чкуномъ, а чаще всего клыгой, а не то и керомъ (т. е. въ избѣ, на лавкѣ ѣсть утку за столомъ, мнѣть зубами пшеничные пироги и запиваетъ квасомъ, брагой, а не то и пивомъ). На крестьянскаго обманщика собаки не лають, а мужику голову не даромъ прозвали на Сожѣ неразумницею: бузу (бѣднаго) отъ стодена (богатаго) лоховой обзетальщикъ (крестьянскій обманщикъ) не распознаеть. И все-таки „котюры скрыпы отвандають, похана севраеть шлякомова въ рымъ, нидонятъ дрябку въ бухарку, гируха филосы мурляеть, клюжаеть и чунаеться (ребята ворота отворяють, хозяинъ зоветъ знакомаго въ домъ, наливаетъ водку въ рюмку, хозяйка блины печеть, подаетъ и клаяется): „Спасибо еще и за то, что мимо двора не проѣхаль“. За мужикомъ сплошь и рядомъ у торгована шилку скенъ (долговъ много). Хоть офеня и знаетъ Стода (Бога), но не лучше нефеди и скеса (еврея) бусаеть лохову гиру (пѣть крестьянскую кровь); видку (правду) только по имени знаетъ. Офени говорить: „Масья! ропна нмать, полумеркотъ, рыхло закурешать воруханы“ (мать, пора встать, полночь, скоро запоютъ пѣтухи). „Да, позагорбилъ басвѣ слещить: астана басвинска ухалила дработницей“ (да, позабылъ тебѣ связать: жена твоя померла весной).

Точно также въ отвернической рѣчи встрѣчаемъ наибольшее богатство прозваній тѣхъ продуктовъ, которые служили предметомъ торговли и промысла. У офеней мы не видимъ того, у мазуриковъ не мыслима необходимость знанія гречихи (кудрявки), чечевицы (лескушки), проса (цикауса). Кричевскіе торговцы, жившіе въ болѣе южныхъ и теплыхъ мѣстахъ, возымѣли въ этомъ отношеніи преимущество даже передъ проходимцами сѣверными офенями. Кричевскіе знаютъ и нахригъ—хрѣгъ, и кругалку—рѣпу, и солодуху—морковь. Все это они могли вымѣнивать и на семирки (иголки), и на теплухи (чулки) и проч.

А вотъ и еще художники, которые вертятся и вращаются также около своего темнаго дѣла и стараются затемнить его больше и такъ, чтобы сторонніе ихъ не узнали. Эти также какою рѣкою плывутъ—ту и славу кладутъ, и у нихъ, гдѣ дрова—тамъ и щепы. Воруетъ мазурикъ и то, что на глаза попадается, и что легче украсть, и на что онъ большой охотникъ и мастеръ. Оттого у нихъ шубы—теплухи, мѣховыя вещи—окорока бѣлье на чердакахъ (не безъ остроумія)—голуби, посуда—звенья, кафтаны, шинели—шелъмы, подушки съ извозчичьихъ саней—мякотъ, шапки—камлюхи, и сапоги—коньки; все предметы добычи (тырбана) и дѣлжки (слама). Но такъ какъ мазурикъ больше ходитъ около кармановъ, „береть съ верховъ“, т. е. изъ наружныхъ (оттого и карманникъ), то при обширномъ полѣ для дѣятельности и богатство словъ для названія вещей и предметовъ промысла: табакерка—лохавка, скуржаная—серебряная, рыжая или веснушная—золотая, часовыя цѣпочки—гопа, не шейныя короткія—путына и первязъ, длинная шейная—арканъ, бумажники—дождевики и лопатники, кошельки съ деньгами—шмели, лорнеты—кабалы, кольца—обручи, драгоценныя камни—сверкальцы, перчатки—грабли, театральныя трубки—двуглазыя, портмонэ,—кисы, сакъ-воажки, чемоданы и мѣшки—шишки. А такъ какъ въ такихъ вещахъ вытаскивались и деньги, то на каждый видъ ихъ и форму существуютъ отдѣльныя названія: деньги—сара (старья), бабки (новыя), ассигнаціи—финаги и финашки, трѣка—трѣхрублевая, синька—пятирублевая, канька и каника—копейка, трѣшка—трѣхкопеечникъ, пискарекъ—пятакъ, пискаръ—мѣдный пятакъ, жирмашникъ—гривенникъ, ламышникъ—полтинникъ, осюшникъ—двугривенный, жирма-бешъ—четвертакъ, стремчаговый—трѣхрублевикъ, царь—цѣлковый, капчукъ—сторурублевая бумажка, косуля—тысяча и проч. Платокъ—лепень, но шемага—носовой обыкновенный, персякъ—шелковый. Часы прежде назывались веснухи и веснушки, но такъ какъ слово это узнали всѣ, то стало новое—бани, а зато, что они чаще служатъ предметомъ добычи

и попадаютъ въ руки всякія, то и зовутся: стуканцами—стѣнные, канарейками — карманные, рыжыми—золотые, скуржовыми—серебряные. По причинѣ же того, что у такихъ художниковъ бѣда всегда виситъ на вороту, то и выкриваютъ близость опасности (стремы) либо этимъ придуманнымъ слово, либо говорятъ „мокро“, когда видятъ стрѣлу—казака, михлютку — жандарма, каплюжника или гуртъ—полицейскаго, фигу, чертову роту, двадцать шесть—сыщика; мухорта—статскаго человѣка, наблюдателя, барчука—франта, свидѣтеля, изъ военныхъ—талыга, паука — городского, денщика—Алешку, лаея—укусъ, лакъ; хера (пьянаго) не боялись, жоха—нищаго, подбивали въ свою компанію и давали сламъ. „Отначивались“ (откупались) въ старину и отъ „крючка“—письмоводителя въ кварталѣ, и отъ „кармана или выручки“, т. е. самого квартального надзирателя, и отъ „ключа“ или ключая—слѣдственнаго пристава, и „скипидарничали“, гуляли на волѣ, находясь въ подозрѣніи. За „домотою“ (побоями) не гонялись и „секуюцію“ принимали съ легкимъ сердцемъ.

Такъ какъ на большую часть все это были бродяги, съ фальшивыми паспортами и часто безъ всякихъ видовъ, то мастерили свои и опять обогатили свой языкъ различными новыми, нигдѣ уже не попадающимися словами. Вышли безглазые, темные, т. е. безпаспортные и слѣпныи (бродяги настоящіе), съ липовымъ глазомъ, темными, яманнымъ глазомъ (фальшивымъ паспортомъ, потому что настоящій по музыкѣ называется просто глазомъ, а иногда биркою и картинкою; торговали „пчелами“—фальшивыми бумагами, но, конечно, больше и чаще всего воровали, сбывали стыренное (ворованное) мѣшкамъ (пріемщикамъ) Ходили тырить на клей (воровать на готовое) послѣ подвода (подготовки) на двое, или „ходили въ одиночку“, воровали особнякомъ или „стабунивались“, склеивались (т. е. соглашались вмѣстѣ), сбывались въ шайку, въ „хороводъ“ (товарищество) и „гопали“ (бродили по улицамъ, ночевали на нихъ). Иногда въ карманахъ ничего не находили, „шманъ, сухари“, но, добившись цѣли, дѣйствовали. Въ дѣло употребляли коловороты—„вертуны“, для „сережекъ“ (замковъ), пускали въ ходъ „помаду“ (долото), фомку (маленькій ломъ), „крючки“ (небольшія отмычки), „стриканцы“ (ножницы), „жулики“ (ножи) и т. д.; хаживали и на шарапъ (грудью, приступомъ брали), и на храпокъ (схватывали за горло), и на душецъ и подъ микитки, „схватывали за дыхало“, т. е. душили, зажавши ротъ и ноздри *). За то ловкій человѣкъ,

*) Фомка — короткій желѣзный пруть для свертыванія «сережки» (т. е. всякаго замка). Камышевка—большой въ 1/2 аршина ломъ; имъ очень ловко поднимаютъ двери съ петлей или

когда трокнулъ, т. е. попался и садился въ тюрьму, то выходилъ изъ тюрьмы либо „съ нашимъ почтеніемъ“ (въ подозрѣніи), либо „съ низайшимъ почтеніемъ“ (въ сильномъ подозрѣніи), либо, наконецъ, „съ низайшею благодарностью“ (въ глубокомъ подозрѣніи). Эти обыкновенно отдѣлывались только тѣмъ, что „пробирали ихъ дробью“, т. е. (наказывали розгами), а затѣмъ они опять сидѣли по старому въ „капнѣ“ (кабакѣ) или „шатунѣ“ (погребкѣ), опять искали поживы на „задѣльяхъ“ (свадьбахъ), „уборкахъ“ или „халтурахъ“ (похоронахъ). Краденное, „тыренное“ перетыривали (перепродавали), т. е. спурили, пропуливали въ надежныя руки. Иногда удавалось „ухнуть“—ухватить на подговоренномъ извозчикѣ, иногда удавалось „влопаться“ только, т. е. попасться неопасно, а иногда и „сгорѣть“, т. е. попасться до ссылки, до „мантовъ“ (плетей) и до прогулки „за Вугры“ (т. е. за Уральскій хребетъ), спознавшись и съ кирюшками (палачами), прокатившись и на „форгункѣ“ (позорной колесницѣ), и наѣвшись миногъ (т. е. получивъ наказаніе плетями. „Смѣряли стекла“, выдавливая ихъ, намазывая медомъ или патакою сахарную бумагу; тѣмъ же медомъ смазываютъ и стыренные деньги, чтобы не звенѣли. Главныя достоинства въ этомъ промыслѣ умѣть во время „зетить, стремить“, зорко озираться и глядѣть, умѣть „агалчить“—во время предостеречь товарища, толкнувъ его; во время „трекать“ (оглядываться и вытаскивать изъ кармана), умѣть „заливать“—обходить, заговаривать сыщика, справедливо „тырбанить“ (добычу дѣлать), остерегаться „амбы“ (смертельныхъ ударовъ) и „дуги“ (невѣрныхъ справокъ при рекогносцировкѣ), чтобы „не наѣздить“ (новое слово — не сдѣлать неудачной кражи) и не попасть въ „кряковки“ (т. е. чтобы не связали рукъ).

— Ухрялъ было (печалится мазуриксъ мазурику, ходя по музыкѣ, т. е. говоря своимъ байковымъ языкомъ), ухрялъ было вечеръ, съ бутыремъ справился, да стрѣла подоспѣла и облопался (казакъ прискакалъ и попался).

Предостерегаютъ другъ друга: „Стрема! стремитъ михлютка“! (жандармъ смотреть, берегись!).

Хвастаются: „Вечеръ я было влопался (попался), насилу фомкой отбилса, да, спасибо, звонокъ (товарищъ-мальчишка), со стороны поздравилъ каплюжника дождевикомъ“ (бросилъ въ полицейскаго камень). Или: „Срубилъ шмель, выначилъ скурлажную лоханку“ (вытащилъ кошелекъ съ деньгами да серебряную табакерку).

Крюковъ. Отмычка подходитъ къ большей части замковъ, а для хорошаго внутренняго замка дѣлается ключъ по восковому слѣпку, отъ ключа же или отъ замочной скважины. Камышевку—ломъ прячутъ, подвязывая веревкою, обходящею вокругъ тѣла, и носятъ въ шароварахъ (въ ней пудъ вѣсу).

Разспрашивают друг друга: „Во что кладеть мѣшокъ веснухи“? (во что барышникъ-перекупень цѣвнть часы?) — „Я правлю три рыжика, онъ четыре колеса кладеть“ (я прошу три золотыхъ, онъ четыре цѣлковыхъ даетъ).

Печалются о товарищѣ: „Онъ вѣдь ужъ ѣлъ миноги и спроваженъ, не чиста была бирка“ (наказанъ и высланъ, паспортъ былъ фальшивый), и проч. и проч.

На языкѣ офеней переписывались бѣлокриницкіе (австрійскіе) раскольники съ московскими и вообще живущими внутри Имперіи. Похожій на офенскій существуетъ языкъ у кинешемскихъ и вообще костромскихъ, макарьевскихъ и колотковскихъ шерстобитовъ, уходящихъ въ Восточную Россію, „въ Сибирь“ (какъ они называютъ), и шерсть битъ, и ковоvalить и кодовать. Имѣется свой языкъ у буевскихъ мелочниковъ-гребенщиковъ, ходящихъ по столичнымъ дворамъ съ козлинымъ выкрикомъ: „щетки-гребенки“ и съ ящикомъ за спиною. Подмѣченъ искусственный языкъ у нищихъ, гдѣ нищенство превратилось въ правильно-организованный промыселъ (во Владимирской, Тверской, Рязанской и Московской губерніяхъ). „Картаво“ умѣютъ говорить лошадиные барышники, руководствуясь нужными для тайны цыганскими словами. Языки эти въ народѣ слывуть подъ разными прозвищами: кантюжнаго (собственно нищенскій *), галивонскаго (шерстобитовъ), ламанскаго или аломанскаго (тотъ же офенскій или офинскій), байковый или мазурницкій, музыка. Существовалъ еще языкъ тарабарскій и языкъ „по херамъ“ (херовой). Последний основанъ на приставкѣ въ живой языкъ послѣ каждаго слога **) слова „херь“. Тарабарскій же придуманъ смѣнувшими грамоту школьниками, переставившими согласныя буквы въ обратную, вмѣсто б-щ, в-ш,

г-ч, д-ц, ж-х, з-ф, к-т, л-с, м-р, н-п. Такъ, напр., выходятъ: „Я упулъ у Шаути тасачить“, что значитъ: я унесъ у Ваньки калачикъ. Вообще же тарабарщиною привыкли называть всякую цифрованную и шифрованную грамоту, предлагающую знаніе особаго ключа. Языками этими руководились грамотные люди, ихъ держивались затворники учебныхъ заведеній, въ особенности бурсаки семинарій, откуда языки эти несомнѣнно и вышли. Въ подобіе тарабарскому съ лишними проставками въ живыхъ словахъ существуетъ языкъ кубрацкій (кубракотъ-сборщикотъ подаяній на церкви, обратившихъ это дѣло въ промыселъ и живущихъ въ городѣ Мстиславѣ и мѣстечкѣ Дубровнѣ Могилевской губ.). Проставка раздѣльныхъ словъ, по очереди одно послѣ другого, шайка-шири, употребляется съ такою быстротою и ловкостью (отъ привычки), что затемняемая ими слова дѣйствительно темнѣютъ такъ, что становятся положительно незнакомыми и непонятными. Надо большую сноровку и долгую привычку, чтобы выслушивать быстро и во множествѣ мелькающихъ „шайка-шири“, чтобы брать слоги подходящіе и составлять слова настоящаго предлагаемаго смысла. Знаніе, промыселъ кубраковъ - прошаковъ также не совсѣмъ прямое и открытое дѣло: десятки сборниковъ въ десятки лѣтъ собирали подаяніе на тѣ церкви, которыя послѣ ихъ видимыхъ хлопотъ найдены разрушенными, съ обрѣштившимися крышами, съ битыми земляными полами и соломенными наметами, мало чѣмъ отличавшимися отъ бѣдныхъ полуразвалившихся бѣлорусскихъ хатъ. Въ самомъ Мстиславѣ до сихъ поръ стоятъ деревянныя развалины трехъ церквей и четвертая каменная, построенная, какъ извѣстно, на казенныя деньги, переименованная въ соборъ изъ полковой церкви.

*) Кантюжить—нищенствовать. Наглухо заколачиваютъ избы и уходятъ собирать на мнимо погорѣлое мѣсто множество деревень подъ самою Москвою и почти весь Судогодскій уѣздъ Влад. губ.

**) Существуетъ анекдотъ о братьяхъ семинаристахъ, которые начали сговариваться по херамъ приотцѣ:—Херь-бръ ты! «Херь-что?»—Херь-пойдемъ, «Херь-куда?»—Херь въ кабакъ! «А Херь-плетъ!» — возразилъ на неумѣло составленную рѣчь отецъ, лежавшій на полатахъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВИНОВАТЫЕ и ОБВИНЕННЫЕ.

Злодѣи. Убійцы. Самоубійцы. Бродяги и бѣглые. Воры и мошенники. Грабители и разбойники. Поджигатели. Преступники противъ казны. Преступленія противъ семейныхъ правъ.

ГЛАВА I.

ЗЛОДѢИ.

Злобная сила судьбы и слѣпая народная вѣра въ нее.—Знаменитый Кореневъ—прототипъ злодѣевъ.—Его похождения и злодѣйства; разбойная сторона; нищая братія; Верзило; артель слѣпцовъ-нищихъ; варнаки; ваторга; Кореневъ—сезонный герой; падачи; проблески совѣсти въ злодѣѣ.—Забайкальская знаменитость: разбойникъ и пѣсенникъ Горкинъ и его превращеніе.—Нашъ знакомецъ Дубровинъ.—Понятіе варнаковъ о чести.—Сильные убійцы.—Злодѣи изъ еврейскаго племени: Горбунъ и Хаимъ Вульевъ.—Злодѣй Филипповъ.—Минусинскій злодѣй.—Разбойники сибирскіе.—Судьба убійцъ въ Сибири.

Русская народная пословица говоритъ: „отъ тюрьмы да отъ сумы не отказывайся“. Этою пословицею вѣковая народная практическая наблюдательность стужѣла объяснить въ своей жизни существованіе двухъ сильныхъ враговъ. Оба признаны ею неодолимыми; оба, въ народномъ представленіи, являются тѣми могучими силами, борьба съ которыми внѣ человеческой возможности и всегда неизбежно кончается побѣдою противной стороны. Одинъ врагъ, и именно тотъ, который умѣетъ надѣваться на людскія плечи суму и зовется голодомъ, успѣлъ достаточно ясно заявить себя не только въ предшествовавшіе вѣка народной жизни, но и въ наши времена съ тѣми же самыми подробностями, какія занесены въ древнія лѣтописи. Другого врага, также наталкивающего на несчастья и также запирающего въ тюрьмы, народъ не успѣлъ распознать въ лицо и дать ему опредѣленное и характерное имя. Видитъ онъ въ немъ какого-то злого духа, котораго называетъ и судьбою и несчастьемъ: судьбою—отъ которой не уйдешь и не отчужаешься, несчастьемъ, котораго не обойдешь и не объѣдешь (даже и на кривыхъ оглобляхъ—по мѣткому выраженію одной изъ пословицъ). Эта безнадежность, отчаяніе отъ неувѣренности въ собственные силы, какъ существа разумнаго и независимаго, до такой степени окрѣпли въ народномъ сознаніи, что самая форма уклоненія испорченной воли въ преступленіе признается и зовется несчастьемъ, приписывается влиянію

злобной силы судьбы. Вездѣ они, оба вида увлекающихъ и губительныхъ силъ, являются впереди и прежде всѣхъ другихъ причинъ, порождающихъ тотъ или другой видъ преступленія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ исканіе иныхъ причинъ преступленій увело народъ въ противорѣчія и увлекло въ среду понятій еще болѣе неопредѣленныхъ, какова, между прочимъ, сила влияния на волю человѣка наследственности („благословляетъ отецъ дѣтокъ до чужихъ вѣтокъ“ и проч.). Въ другихъ случаяхъ, это исканіе причинъ, повидному, останавливается вблизи настоящихъ основъ, каково, между прочимъ, влияние посторонней порчи, участіе соблазна („не родится воръ, а умираетъ“), и проч. Иногда отыскивается новое противорѣчіе, но несомнѣнно выясняется болѣе вѣрная и близкая причина („нужда лиха и голодъ не тетка, а голодный и архіерей украдетъ“). Въ общемъ же итогъ преступленіе есть несчастье, преступникъ—несчастный; вотъ конечный выводъ, какой судилъ нашъ народъ по личной практикѣ и дедалъ изъ собственныхъ наблюдений. Воры и воровство ведутся, а кого чертъ свяжетъ: отъ бѣды и отъ грѣха не уйдешь, ихъ и на конѣ не объѣдешь. А потому: что на словахъ, то и на дѣлѣ, преслѣдуемый закономъ находитъ пріютъ; къ совершившимъ преступленіе—столько долготерпѣнія, сколько позволяетъ крайняя степень возможности и пока не принуждаютъ требованія и указанія начальствъ. Вѣжавшій отъ наказанія съ каторги получаетъ готовый при-

тонъ и готовую хлѣбъ-соль и совершенно свободенъ отъ всякихъ преслѣдованій. По тѣмъ же причинамъ и палачъ, на пути слѣдованія къ мѣсту казни, попавшій на базаръ, съ каждымъ воза непременно бралъ грошъ, на дешевое приглашеніе свое: „давайте кату плату“, и потому же, наконецъ, одни изъ самыхъ тяжелыхъ преступниковъ, каковы разбойники, облечены въ народныхъ пѣсняхъ въ симпатичныя формы и воспроизведены въ образъ удалыхъ добрыхъ молодцовъ. А сколько разъ арестующимъ, по поимкѣ преступника (впервые натолкнувшаго на злодѣяніе), доводилось слышать во время прощанья его со своими, посреди горлакъ слезъ разлуки, такое утѣшеніе (сорвавшееся непосредственно съ самаго сердца): „Баклюшко нашъ царь проститъ насъ, слѣпыхъ людей, и помилуется“.

Намъ вѣрнее познакомить читателей съ нашими наблюденіями надъ преступленіями, ведущими въ ссылку, и преступниками, колонизирующими Сибирь, мы въ теченіи нашей работы будемъ имѣть случай не одинъ десятокъ разъ объяснять то, насколько народная „судьба“ осуществима въ природенныхъ физиологическихъ и физическихъ свойствахъ природы чело-вѣка и насколько то, что народъ признаетъ и называетъ „несчастьемъ“, есть ли что иное, какъ политическія и экономическія условія нашего народнаго быта и нашей родины. Вникая въ тѣ и другія, по вызову и указаніямъ различнаго сорта людей и разнаго рода преступленій, обязавшихъ насъ изученіемъ того и другого во время знакомства съ Сибирью,—мы, въ настоящемъ случаѣ, поставлены лицомъ къ лицу съ однимъ изъ тѣхъ героевъ каторги, надъ которымъ въ особенности подшутила эта же самая „судьба“, а около настоящей судьбы этого чело-вѣка въ такомъ множествѣ скопились всякаго рода „несчастій“. Геройъ этотъ служить прототиномъ всѣмъ подобнаго рода несчастнымъ или собственно ссыльнымъ людямъ. Въ немъ счастливо сочетались всѣ тѣ подлинныя несчастья жизни, которыя, въ одно и то же время, успѣли сдѣлать его и законнымъ злодѣемъ и любимымъ идеаломъ, возлюбленнымъ образцомъ для всѣхъ современныхъ ему и послѣдовавшихъ за нимъ сибирскихъ ссыльныхъ. Дѣла его громки во Сибири, разказами о немъ живутъ каторжныя тюрьмы, память его—съ похвалами, даже и въ тѣ времена, когда онъ сошелъ въ могилу. Имя ему—Кореневъ. По роду занятій и образу жизни онъ принадлежитъ къ тому многочисленному сословію сибирскаго населенія, къ тому классу людей свободнаго званія, которыхъ сибирскіе старожилы называютъ и варнаками и чалдонами и которые самихъ себя признаютъ и называютъ бродягами. Кореневъ, однако, представляетъ такой типъ, въ которомъ всѣ свойства сибирскихъ бродягъ совмѣстились въ до-

статочной полнотѣ и своеобразныя краски бродяжяго ремесла на немъ слились такъ густо и въ такомъ избыткѣ, что мѣстами перелились даже черезъ край. Изъ бродяги—непосѣдливаго и неутомимаго искателя воли и доли, надежнаго обеспечивающаго жизнь, чѣмъ неволя и бездолие каторжныя, и уже не по своей винѣ превращающагося вмѣсто того въ небезопаснаго искателя приключеній,—изъ бродяги, еще отчасти симпатичнаго и, во всякомъ случаѣ, исправимаго типа,—въ Кореневѣ выразился настоящій „варнакъ“, подлинный злодѣй и убійца. Характеръ его представляетъ ту особенность, что весь онъ сложился подъ влияніемъ тюремныхъ обычаевъ и каторжныхъ порядковъ. Онъ—воспитанникъ Сибири и дѣлкомъ принадлежитъ ей; онъ—сибирякъ даже по мѣсту рожденія въ одной изъ сосѣднихъ къ Сибири губерній (Пермской), которую до сихъ поръ великорусскій народъ признаетъ и называетъ Сибирью (не по новымъ грамотамъ, но по старымъ памяткамъ, до сихъ поръ не утратившимъ своего правдиваго смысла и значенія).

Вотъ какую игру затѣяла съ нимъ „судьба“, какіе давала ему ходы и, ни разу не сдѣлавъ уступки, на всякую карту требовала рискованныхъ отвѣтовъ и смѣлыхъ выходовъ, потому что ставка была отчаянная. Въ банкъ поставилъ Кореневъ свое чело-вѣческое право: жизнь и свободу.

Бытіе свое Кореневъ получилъ въ маленькомъ, наибѣднѣйшемъ уѣздномъ городишкѣ, обыватели котораго владели свое утлое житейское, плохо-сколоченное суденко между многими опасными подводными рифами: одни крали и давили крестьянскихъ кошекъ и собакъ, а ободранныя шкуры перепродавали на кожевенные заводы богатаго сибирскаго города Тюмени; другіе воровали и перекрашивали крестьянскихъ лошадей и сбывали ихъ въ другую сторону на темныхъ людей по коннымъ торжкамъ и на конной ярмаркѣ бѣднаго вятскаго городка Котельнича. Къ такимъ же занятіямъ приучали они и дѣтей, тѣхъ ребятишекъ, въ общество которыхъ поступилъ Кореневъ—сынъ уѣзднаго чиновника. Конечно, ни кошкодавомъ, ни конокрадомъ, по званію своего отца, ему стать не приводилось. Узнать эти порядки онъ могъ по праву товарищества, но судьба, помимо его воли, могла напостать ему только ту дорогу, которую проторила она для его отца. Кореневъ непремѣнно сдѣлался бы приказнымъ и—если при рожденіи получалъ онъ, по Галлю, головной мозгъ съ болѣе развитыми передними частями, и, по Штурцгейму, приобрѣлъ бугорокъ „приобрѣтенія богатствъ“ увеличеннымъ на счетъ другихъ и, въ то же время, снабженнымъ также развитымъ бугоркомъ, вмѣстимымъ „преступныхъ желаній и стремленій“,—будущность его не заволокалась бы туманомъ неизвѣстности. Кореневъ, въ незавид-

номъ званіи уѣзднаго подъячаго, могъ сдѣлаться преступникомъ, а пожалуй и ссыльнымъ субъектомъ на три статьи: неизбѣжно болѣлъ бы онъ мздомствомъ—этою крайне застарѣлою и спорадически-распространенною болѣзью. Но за этотъ первородный грѣхъ служилаго сословія ссылаютъ въ Сибирь мало и неохотно (около 5—6 человекъ въ годъ; 48 человекъ въ десять лѣтъ, съ 1838 до 1847). Грѣшилъ бы онъ „подлогами по службѣ“, но и за этотъ грѣхъ имѣлъ бы за собою самую ничтожную степень вѣроятія угодить въ ссылку (въ тѣ же десять лѣтъ за такіе грѣхи сосланъ въ Сибирь одинъ только подобный мастеръ изъ чиновнаго люда). Затѣмъ Кореневу, въ званіи и при обязанностяхъ чиновника, оставался достаточный просторъ развить въ себѣ наклонности къ служебнымъ преступленіямъ и, слѣдомъ за другими ссыльными подъячими, уйти въ Сибирь за клеветничество или за поддѣлку документовъ. На прегрѣшенія послѣдняго рода онъ обладалъ замѣчательнымъ количествомъ способностей, выяснившихся въ ссылкѣ мастерствомъ его готовить фальшивыя ассигнаціи и монеты и, вѣроятнѣе обезпечивался правомъ на ссылку именно за этотъ родъ преступныхъ дѣяній по поддѣлкамъ, какъ такихъ, за которыя преимущественно ссылались въ Сибирь русскіе чиновники. Но, какъ мы сказали, судьба для азартной игры съ Кореневымъ не такъ стасовала карты и употребила не обычные рутинные приемы.

— Разъ я игралъ въ лапту съ ребятами на улицѣ—разсказывалъ самъ Кореневъ тюремнымъ товарищамъ и всѣмъ желавшимъ слушать его:—ребята не поладили, стали считаться кулаками. Одинъ, посердитѣй другихъ—Глыздой мы его за то звали—со мной снялся. Досадила онъ мнѣ крѣпко. Я ему: „отстань, отвяжись“, а онъ пуце ко мнѣ. Не втерпѣжь мнѣ это стало: взялъ я да лаптою его и свиснулъ. Скользнула лапта съ шапки на високъ—онъ такъ и сѣлъ, оловно снопъ, и захрапѣлъ ка-быть пьяный. Ребятишки всѣ въ брыаги, кто куда. Я надъ нимъ, да и вздумалъ: сгребъ въ охапку, стащилъ въ закоулокъ, сложилъ между бревнами, а самъ и бѣжалъ—не домой, а въ лѣсъ. Дома отецъ сердитый, пьяный, со своей лаптою сидѣлъ и со мной безпремѣнно то же бы самое сдѣлалъ. А про лѣсъ мы и въ сказкахъ слышали все такое хорошее. Сказывали хорошее про лѣса наши и мѣщанскіе ребятишки: не гинеть-де въ нашихъ пермскихъ лѣсахъ душа человѣчья, а кипать эти лѣса, что мошкой, всякимъ сброднымъ, вольнымъ и гуляющимъ людомъ. Тамъ-де очень хорошо.

„Вотъ съ чего я свою жизнь почалъ. Грамотѣ меня батко успѣлъ выучить въ уѣздномъ училищѣ, стало быть, въ лѣсъ я грамотнымъ пошелъ. Ходилъ я въ лѣсу, неученымъ, не долго; послѣ приловчился такъ, что живалъ въ лѣсахъ

по цѣлымъ годамъ. Въ лѣсу ягодами питался, да онѣ-то меня и проняли; вышелъ я на поляну хлѣбушка поискать, пошелъ къ деревушкѣ. Изъ молодыхъ да ранній, въ деревню иду—потруживаю: не зазнали бы меня за сбѣлаго. Спасибо, баба какая-то выручила. „Ты, говорить, паренекъ, не коня ли своего ищешь?“—Коня, молъ, ищу.—„Такъ у насъ, слышь, не такія мѣста, чтобы краденныхъ лошадей находить; не ты первой ищешь“. Зазвала меня въ избу, не стала спрашивать, стала сама разсказывать:

„— У насъ подзаводскій народъ такой злой, такой злой: попадетъ къ нимъ чужая лошадь—за ночь одну перекрасятъ такъ, что самъ хозяинъ, съ какой стороны ни зайдетъ, не признаетъ живота своего. Развели баловство такое, что удержи нѣтъ никакого. Становымъ, слышь, ста по два рубля на годъ кладутъ.

„Вынула изъ печки горшки, стала кормить меня, а языкомъ болтаетъ безъ удержу. Слышу, разсказываетъ:

„— Жить стало невозможно, разбойства завелись. Въ Суксунскихъ заводахъ мастеровой пропалъ. Жена плачетъ и ночи не спитъ. Разъ въ самую полночь, на первыхъ пѣтухахъ, стучатся къ ней въ окно. Она прислушалась. Кто-то тамъ помолитвовался и закричалъ: „Ищите-де Алексѣя Воробьева на заводскомъ пруду въ прорубяхъ, около огорода Михайла Козлова“. Сыновья бросились на дворъ, а темень такая, хоть глазъ коли, никого не нашли. Пошли на прудъ, нашли мертвое тѣло—онъ самый. Капотъ былъ на немъ чернаго, слышь, сукна, снятъ капотъ съ рукъ, имъ обверчена голова и завязана на шеѣ лычной веревкой, въ палецъ толщиной. Руки по кистямъ тоже веревкой связаны. Сняки на спинѣ и на бокахъ...

„Она сказывается, а я ужъ смѣкнулъ, что мѣста тутъ и впрямъ такія, что уходить мнѣ надо. Пока я кашу сѣлъ, баба ужъ мнѣ и еще разсказала, что тамъ убили да спрятались, тутъ ограбили середь бѣлаго дня и опять никого не нашли. По сибирскому большому тракту деревни горятъ, поджигаютъ. Значить, во всѣхъ дѣлахъ этихъ проложія виноваты. Сдумалъ я и домой вернуться, во всемъ спокаяться. Въ ту сторону я и лыжи направилъ. Село большое высыпалось на дорогѣ. На погостѣ кресты торчатъ и народъ стоитъ кучкой. Дай погляжу, что такое? все старцы и всѣ слѣпые и у всѣхъ котомочки за плечами, въ рукахъ палки; значить, ницья братія. Я спросилъ. „Да вотъ, говорятъ, паренекъ у насъ былъ, поводарь нашъ, зачакъ и померъ, хоронимъ теперъ“. Попробую я къ нимъ пристать, что выйдетъ. Да какъ это сдѣлать? Начали они и меня спрашивать. „Не тутошный ли?“—„Нѣту“.—„Можетъ, съ воля какой?“—„А вамъ что за дѣло?“—„Мы-де не сотскіе, въ становую квартиру тебя не вестн

намъ; къ тому же теперь и безъ ногъ стали и сдѣлать намъ этого не можно“. Я молчу, а они говорятъ таково смирно: „Самые мы теперь несчастные люди и съ погоста сойти, пожалуй, дороги не найдемъ, проводилъ бы ты насъ на дорогу“. Сдѣлалъ я такъ-то, вывелъ. „Мы, говорить, не изъ такихъ, чтобы чужихъ ребятъ стали воровать въ деревняхъ, а кто-де охотой поидеть съ нами, тому мы, коли золота ему нужно, и золота дадимъ. Вотъ теперь по заводскимъ праздникамъ поидемъ, на осень пирогами кормить насъ стануть, меду надають сотами, виномъ поить будутъ. А какъ-де настанетъ зима, то въ Ирбитѣ ярмарка такая, что больше ея другой и на свѣтѣ нѣту; тогда пойдутъ къ намъ деньги, а съ деньгами по здѣшнимъ мѣстамъ отца родного можно купить и ото всякихъ бѣдъ откупиться“. Пуще всѣхъ приставалъ ко мнѣ низенькій, горбатенькій стариченко, Матвѣемъ звали. Я шелъ съ ними и гдѣ лужа, гдѣ мостъ—предостерегаю, сказываю. Иду и слушаю: „Кто-де бы пошелъ съ нами, того бы человекъ мы харчемъ довольствовали и давали бы по рублю деньгами на четыре недѣли. Послѣ Ирбита по пяти давать станемъ. Если-де кто и съ волчьимъ паспортомъ ходитъ, мы и того можемъ оправить: есть у насъ на всякую руку и бумаги такія“. Думать тутъ мнѣ было нечего, я такъ и не отставалъ ужъ отъ нихъ; сталъ я поударемъ нищей братіи.

„На отдыхѣ въ кустахъ слажено было мое дѣло такъ: парнишку-де похоронили, а паспортъ его на рукахъ остался, будто онъ и не помиралъ. Тутъ меня во второй разъ крестили, дали другое имя и велѣли сказываться Григорьемъ Семеновымъ, а былъ я Иванъ Петровъ Кореневъ.

„Ходилъ я съ нищей братіей долго и всякихъ дивъ видывалъ много. Больше доводилось смѣху видать, а кое-когда и кое-какія горя перепадали. Какъ собрали денегъ, такъ и пить и плясать, а напились—ссориться да кориться. Этакого злющаго народа я и на каторгѣ мало видывалъ. Ходили они промежъ себя такъ-то: кто больше стиховъ знаетъ и пѣньемъ заводилъ, что всякое слово знать было — всѣхъ больше тотъ денегъ мѣдныхъ огребалъ себѣ. У одного къ тому же горло широкое было, что у бурлака на Чусовой, — тотъ всѣхъ богаче былъ. Безпамятнаго стариченку Матвѣя всегда обижали. У него и голосъ куринный и человекъ онъ самый злющій. Какъ дуванъ дуванить и его одѣлать, такъ онъ и драться: „Я-де нонече шибче всѣхъ вась пѣлъ и меня-де сегодня купецъ приласкалъ; въ мою чашку больше денегъ наклали!“ Задираетъ ихъ, значить. Артель у нихъ была, артелью они звались. Дуванъ въ лѣсу дѣлали, а въ кабакѣ размѣивали: подгоняли только это дѣло всегда къ ночи. Въ кабакахъ это знали, а я не зналъ, да какъ-то послѣ такой-то первой дѣлежки усѣлись они на ба-

зарѣ, меня такой смѣхъ пробралъ, что чуть всю грудь не разломилло. Сѣла моя нищая братья, какъ на иконахъ святыхъ пишутъ: слѣпенькіе да хворенькіе, всякъ ихъ обидитъ. Вы ли, молъ, это, братцы, что вчера въ кабакѣ-то были? Святѣ всѣхъ старецъ Иванъ — Верзилою дразнили—выше всѣхъ онъ былъ и зрячій. Какъ на базаръ выходить, такъ ему и надо какое-никакое темное мѣсто. Тамъ онъ сядетъ, подхватитъ подъ себя правую ногу, подниметъ лѣвой рукой съ глазу кожицу да по красному мѣсту и начнетъ стрекать иглой. Ему и сведетъ оба глаза, слѣпѣе всѣхъ кажетъ. Къ вечеру, когда плясать, либо деньги считать надо—отпускало, онъ опять видѣлъ. А былъ онъ за то и старостою артельнымъ и плутомъ большимъ. Какъ старцы ни щупаютъ руками деньги (а щупанье у нихъ какъ бы глазъ здоровый), какъ ни ощупываютъ, а у старосты всегда денегъ больше. Ласкалъ онъ меня пуще всѣхъ. Былъ онъ для меня и заступой, когда другіе старцы за что нибудь вскидывались щипать, а не то и драться. Въ первый разъ били меня за то, что на базарѣ смѣялся; бивали и еще не одинъ разъ. За тычками и пинками и не гонялся, въ этомъ промыслѣ привычку къ тому возымѣлъ. За большую драку разъ пригнулъ, однако: „убѣгу-де“,—такъ за эту угрозу кинулись на меня всѣ до одного: „Этигъ, молъ, насъ не пужай, а вонъ въ мошнѣ у Верзилы нашихъ денегъ съ полсотни будетъ; всѣ за тебя отдадимъ становому, чтобы на козлѣ выпоротъ“. Я испугался.

„Не отставалъ я отъ старцевъ до самой Ирбита. Прибрело туда нищей братіи артелей шесть. Сшиблись такъ, что либо всѣмъ въ одну слаживаться, либо которыя уходи вонъ; вѣмъ будетъ тѣсно. Одну артель такъ и выдавли—ушла. Наша на волоску висѣла, потому сильнѣе насъ деньгами была одна ближняя, тутошняя, сибирская. Пришла она раньше, дала больше, стала ярмаркой заправлять на манеръ старосты. Нашъ Верзила сладился съ ней на ведрѣ вина, и чтобы пѣть не вмѣстѣ и сидѣть дальше, имъ обѣдни, намъ заутрени очищать. Къ вечернямъ третьихъ и четвертыхъ припускали; пятая на сибирскомъ выгздѣ пѣла. Мы въ самой-то гущѣ и усѣлись представлениа наши дѣлать. Однако, выпѣли мы негусто: старцы считали ста на три, а и одного ста не вышло. Собирались назадъ такіе сердитые, а къ тому одного нашего за то, что въ кабакѣ раму высидилъ, въ вучумкѣ держали. Надо было его выкупать. Шли мои старцы назадъ, что мухи къ осени, закусались очень больно. Я изъ сняжковъ не выхожу и бока спрыщевали; гдѣ коленегъ, а гдѣ и заносетъ. Къ тому же и надоѣли мнѣ эти злющіе люди, не лучше злыхъ собакъ. Все грызутъ да ворчатъ, а денегъ дали мнѣ немного, да и дали какія, такъ и тѣ съ покоромъ да со

рванью. Черть ли, молъ, мнѣ за эти корысти въ ваши слѣпныя очи глядѣть. И глаза-то мнѣ ихніе за годъ-отъ надоѣли пуще горькой рѣдьки. Вагляну въ нихъ—тошнить. Думалъ я объ этомъ разъ цѣлую ночь на пролетъ, поутру всталъ такимъ, словно оправдали меня и всякую мнѣ вину начальство отпустило.

Идти надо было въ село на базаръ, а ужъ весна и мы подъ Шадринскомъ. Они прирядились въ полный нарядъ: Верзила и глаза свои накололъ, сталъ словно слѣпой отъ рожденія. Уговоръ такой былъ у насъ: коли вскричу „вода“—всѣмъ раздѣваться; значить, вбродъ идти. Привелъ я ихъ къ забору. Крапивищи тутъ—лѣсъ непролазный. Ухватился передній за подогъ, а остальные другъ за дружку, что гуси, вбродъ идти приспособились. Я ихъ, вмѣсто рѣки, завелъ въ эту самую крапивищу жечься, а самъ палку изъ руки выпустилъ и убѣжалъ. На этомъ я съ ними и покончилъ. И что плохо лежитъ—прибирать и куръ воровать они меня, святые старцы, выучили. Науку эту я съ ними прошелъ. Послѣ нихъ мнѣ и въ бѣгахъ стало жить легче. Воятся сталъ я меньше и не вдогать мнѣ въ томъ сомнѣваться. Когда жилъ я со слѣпными и правилъ ихъ дѣломъ, все казалось, что самъ ослѣпну, а кинулъ ихъ да одумался—непремѣнно прозрѣлъ я такъ, что вверхъ ногами ничего ужъ съ той поры не видалъ. Теперь пойду, молъ, по вѣтру, куда вѣтеръ тянетъ; все равно оно потому, что я къ шатанью-то этому попривыкъ такъ, что и оно мнѣ работой казалось. Съ нищей братіей только ни за что таскаться не стану, развѣ, когда отдохну.

„Думалъ я такъ и дѣлалъ этакъ не долго. Разъ какъ-то на опушкѣ лѣсной мнѣ новая находка. Лежатъ пятеро молодець чудныхъ какихъ-то: у всѣхъ бороды не то подстрижены, не то рости послѣ бритья въ одно время начали, а волоса у всѣхъ, какъ у новопоставленныхъ поповъ бываютъ. У двухъ и рожи пятнашныя. Такихъ я не видывалъ, а такимъ потомъ и самъ сталъ. Вотъ какъ это дѣло случилось.

„Подошелъ я къ нимъ—сгребли меня сзади, связали конскими путами, на землю кинули, а за что про что, не сказываютъ. Я оробѣлъ и струсилъ, да на этотъ разъ въ послѣдній разъ. Съ ихъ тяжелой руки я ужъ никого не робѣлъ. Спутали меня такъ-то крѣпко, что хотъ кричать. Стали разговаривать: „Наломайте вѣниковъ, станемъ палить его, все скажетъ“. Сказалъ я имъ и безъ вѣниковъ. Повѣрили. Повелъ ихъ знакомой дорогой—полобили, я не отставалъ, они пуще ластились. Дѣлалъ я съ ними путь въ обратную, надо быть, дней десять, до того самаго утра, какъ мы наткнулись на облаву. Не то звѣря травать, не то бѣглыхъ ловятъ: народу много, кто на лошадяхъ съ веревками, кто пѣшкомъ съ ружьями. „Стоя!—

кричать намъ:—это вы у насъ бабу съ ребатами задушили и избу подожгли“? Бабу задушила и избу сожгла не наша партія, а видно нашъ отвѣтъ. Мужики такъ и сказываютъ. Дѣло понятное, разбирать не стануть, а стануть бить: по кулакамъ и по палкамъ это видно. Тутъ либо сквозъ землю уходи, либо полѣзай на стѣну. Земля каменная, а люди жильные, мы и кинулись на людей. Плоха та бродяжья партія, гдѣ хотъ одного ружья нѣтъ, а палки всегда при себѣ. Стали мы отбиваться. У кого ружье было, тотъ выстрѣлилъ. Выбють изъ рукъ твою палку, вырвешь и бьешь тѣми, что мужики принесли съ собой. Однако, не отбились. Посадили насъ въ клѣтъ и спать никакъ не можно, всего ломить. Веревками такъ закрутили, что словно боялись, чтобы мы не расклеились. Мы въ клѣтѣ лежимъ, а они гадаютъ. Погадаютъ да въ стѣну палкой постукаютъ: сторожимъ, молъ, васъ! Поутру стали своимъ міромъ разбирать, кто чего заслужилъ. Сказали намъ, что кто-де съ ружьемъ былъ, тотъ парня убилъ. Приѣхалъ засѣдатель, взялъ насъ. Квартиру намъ перемѣнили. Стали мы въ городѣ жить на казенной квартирѣ. Занятіе легкое и работа не мудреная: все больше спали. Когда вина выпьешь, когда въ карты сыграешь. Разъ за что-то выпороли. Скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается, а рассказывали-то намъ сказку про бѣлаго быка. Сказка эта длинная. Однако, кончили. Меня за убійство на каторгу рѣшили. Подводили мнѣ дѣло къ кнуту, я такъ и занялъ. Когда еще съ нищей братіей таскался, видѣлъ я это въ селѣ, на базарѣ, такъ, что какъ будто съ самого лыки драли. Затосковалъ я. Тоску мою арестанты переняли. Сталъ я имъ всю свою подноготную рассказывать, они такъ и захохотали. „Кому, говорятъ, бѣжать отъ этого хорошо, а тебѣ и того дѣлать не надо. Скажешься тѣмъ, что ты и впрямь есть, кнута по закону минуешь“. Приходитъ прокуроръ, я ему и объявился чиновничьиимъ сыномъ. Навели справки: такъ точно. Объявилъ мнѣ это самое прокуроръ да и обругалъ притомъ. Котораго я зашибъ на родинѣ товарища, тотъ отошелъ, живеть-де теперь, и надо быть, слѣпныхъ лошадей крадетъ. Не оживалъ только послѣдній убитый. За него меня кнутаомъ не били, а погнали на каторгу несвященнымъ.

„Попалъ я на Кару, на каторгу настоящую. Тамъ нашего брата и на работу иначе не зовутъ: „Эй-де вы, кони!.. подавайте коней!.. берите кони сбрую!.. впрягайте коней въ работу“!.. Сталъ я думать: воля, молъ, лучше боля, а спина стала казенная, каждый день зуботычина. Розогъ меньше трехсотъ не даютъ. Уходить въ бѣга товарищи, хвастаютъ: въ бѣгахъ-де царство небесное. А ужъ если и попадешься, за всѣ семь бѣдъ одинъ отвѣтъ. Тоска такая подступила, что всѣ стали ка-

заться чертами и злые всех черти-начальники. Вспоминал я слыхных своих так и этак, одно и то же. Бѣжалъ я отсюда. Лѣсъ, да степи да своя воля, страхи кругомъ. Обланы про тебя, что про звѣря, все въ такихъ мѣстахъ, гдѣ не ждешь, не чаешь. Сталъ понимать себя выше всехъ, давно бы мнѣ такъ-то: всякій о тебѣ заботится, всякому до тебя дѣло, словно ты и великъ человекъ. Кое-гдѣ знаютъ ужъ: Кореневъ - де! Соблазнила жизнь такая! Пуще всего то тебя занимаешь, что вотъ хлопнушку наставили, пасти налаживали, человекъ сто у этого дѣла стояло и умомъ ворочало, а ты взялъ да и обошелъ, только слѣдъ оставилъ: мѣсто обогрѣтое, еще тепленькое и траву примялъ, а самъ сквозь землю ушелъ. Стыжно даже. Меня ни разу не словили.

„Поймали меня, когда сталъ ходить не одинъ. Съ товарищами связался, а промежъ нихъ, что ни трусь, то ротозѣй: сейчасъ подведутъ и скажешься дома. Разъ сгребли, другой разъ сгребли; однава съ бабой чертъ меня веревочкой связалъ; эта свой подолъ защемила и меня уволокла. Дальше тюрьмы не сажали, да ужъ ни одна тюрьма въ тѣ времена меня не держала, что проклятаго человека могила. Сталъ занимать меня не побѣгъ самый: мудро ли бѣжать? — Огляднись, прислушаешься — сейчасъ слабое мѣсто засвиститъ: въ прорѣху-то эту и выскочишь. Надо бѣжать такъ, чтобы товарищи не знали и чтобы за штуку твою они тебя похвалили, удивлялись бы тебѣ. Объ этомъ надо было думать; мудренѣй это было. Однако доводилось. Такъ-то я разъ до пяти бѣгалъ.

— Пуцай мнѣ печенку отобьютъ совсѣмъ, я опять побѣгу пуцай; мнѣ ноги изломаютъ, я на рукахъ побѣгу. Лѣсъ по мнѣ стонать станетъ, пташки не запоютъ. Кореневу быть на волѣ! — увѣрялъ онъ, сидя на стѣнной цѣпи прикованнымъ на всегда, въ секретномъ номерѣ тобольскаго острога.

Сюда попалъ онъ послѣ всехъ житейскихъ превратностей на каторгѣ, пойманный на убійствѣ въ Тобольской губерніи. Содержался онъ въ губернскомъ острогѣ сначала какъ подсудимый. Здѣсь запутывалъ слѣдствія, посылалъ въ разные дальнія мѣста за справками съ указаниемъ на различные совершенныя имъ и вымышленныя преступленія. Прежде, чѣмъ уголовный судъ успѣлъ выяснитъ для себя всю запутанную совокупность его злодѣяній и, между прочимъ, убѣдиться въ совершенныхъ имъ убійствахъ, его посадили на цѣпь и записали въ разрядъ „заключенныхъ на всегда“. Въ 1850 году онъ былъ одинъ изъ 18-ти, прикованныхъ къ стѣнѣ на цѣпь, и, по случайному значенію цифры, на самоѣ дѣлѣ не смѣшивался, но выдавался изъ остальной цѣпной дюжины. На него ходили смотрѣть, какъ на дикаго звѣря. Слава объ его злодѣяствахъ наполняла Тобольскъ.

Онъ былъ долгое время сезоннымъ героемъ, во всехъ классахъ общества говорили объ немъ. Мнѣнія были различны, взгляды расходились.

Начальство смотрѣло на Коренева, какъ на чудовище, на феноменъ изъ ряду вонъ, на злодѣя, которому хороша одна только петля и, на крайній случай, ружейныя пули. Глубоко убѣжденное еженедѣльно примѣняемыми опытами законныхъ тѣлесныхъ наказаній въ томъ, что настоящіе преступники отъ частаго употребленія плетей и розогъ стали привычны къ нимъ до отупѣлости, начальство знало также и то, что въ рѣдкихъ случаяхъ наказуемые и истязуемые обнаруживаютъ признаки какой либо робости или боязни. Извѣстно было, что для новичковъ и робкихъ придуманы тюремными общинами различные облегчающіе способы, предотвратить которые не было никакой возможности. Сила товарищескаго участія и состраданія была настолько велика, что выражалась въ многочисленныхъ видахъ, изъ которыхъ одна половинка поражала своею неожиданностью и мудренымъ измышлениемъ, другая отзывалась общими мѣстоми. Къ числу послѣднихъ относился извѣстный приемъ арестантовъ избавитъ рѣшеннаго товарища простымъ способомъ, устройствомъ ему побѣга. При этомъ для общаго любимца замыселъ приводился въ исполненіе всѣми членами тюремной общины, вообще хорошо слаженной на законахъ круговой поруки и взаимныхъ, самыхъ сложныхъ долговыхъ приспособленій. Большая часть арестантовъ, „валомавшихъ“ тюрьмы и скрывшихся во мракъ лѣсовъ и темноту ночей, были тѣ, которымъ выходило скорое рѣшеніе. Въ случаѣ неудачи арестанты прибѣгали къ другому способу, также весьма обыкновенному и вѣрно облегчающему боль истязанія. Способъ этотъ выражается подкупомъ палача. Въ хорошо организованныхъ тюрьмахъ (какъ, напримеръ, въ тобольской, гдѣ число подсудимыхъ ежегодно доходило свыше 200 человекъ и рѣдко бывало меньше 150) палачи пользовались львиною долей изъ купеческихъ праздничныхъ пожертвованій на арестантовъ. Сверхъ того, получали они, вродѣ приватнаго жалованья, нѣкоторую сумму изъ складчины денежной, поголовно собираемой со всехъ тюремныхъ сидѣльцевъ. Обыкновенный преступникъ, всегда снабжаемый, по пути къ мѣсту казни, обычною денежною дачею отъ проходящихъ, имѣлъ право отдать ему собственность свою, извѣстную подъ именемъ „рогожки“, именно тому палачу, на очередь и подъ руку котораго попалъ онъ. Для острожнаго любимца находилось у товарищей на столько душевнаго участія и сердечнаго состраданія, чтобы, сверхъ того, дѣлать въ его пользу новую денежную складчину, ображаемую въ тюремныхъ стѣнахъ. Поступая такъ, арестанты убѣждены на опытѣ (какъ начальство

на многочисленныхъ разказахъ и несомнѣнныхъ свѣдѣніяхъ), что чародѣйская сила руки палача получаетъ въ школѣ и на практикѣ извѣстную ловкость. При видимомъ сильномъ замахѣ ослабляетъ онъ силу удара въ такой мѣрѣ, чтобы пускать кровь только для вида и для защиты собственной спины, и на самомъ дѣлѣ преступникъ испускаетъ неистовые крики для той же цѣли. Разсказовъ о ловкости рукъ палачей такъ много ходитъ по сибирскому міру народному и чиновному, что вѣроятіе ихъ не подлежитъ сомнѣнію, какъ по отношенію къ рядовымъ замечнымъ мастерамъ, изучающимъ искусство на листѣ бумаги, такъ включительно и до того палача, который на спинѣ собственного сына хвастался искусствомъ и рвалъ кнутомъ листъ бумаги, не касаясь тѣла и кожи.

Злодѣянія Коренева вращали чиновный міръ около мысли измыслить такое наказаніе, которое послужило бы въ страхъ и поученіе всѣмъ сибирскимъ бродягамъ и злодѣямъ, чтобы опомъ надъ нимъ, хотя бы даже и въ формѣ смертной казни, имѣлъ облегчающее значеніе для самого начальства и произвелъ бы устрашающее вліяніе на массы бѣлаго и преступнаго люда. Въ такомъ тонѣ заготовлялись, говорятъ, представленія, а одинъ изъ сильно ревнованныхъ дѣлу, менѣе другихъ увѣренный въ томъ, что Кореневъ побѣгомъ не избѣгнетъ наказанія, предлагалъ испытать старое средство: надрѣзать ему пятки и насыпать въ раны мелко настриженного конского волоса. Словомъ, противъ Коренева были возбуждены сильно. Это время для него было однимъ изъ тѣхъ, когда онъ вызывалъ преимущественную заботливость и вниманіе, каковыхъ лишеть былъ въ прежнее, болѣе дорогое для него время и каковыя въ настоящее поразительны были крайнею своею непродуктивностью. Не принося никому и никакой пользы, онъ выгодны были для самого Коренева только потому, что самъ онъ ихъ сдѣлалъ таковыми. Кореневъ поснѣшилъ возмоститься на пьедесталъ необыкновеннаго передового человѣка и извлекалъ изъ этого матеріальную пользу, хорошо зная, что деньгами ему воспользоваться удастся, что, вмѣсто петли или ямы, ему навѣрное придется нести грѣхное тѣло свое опять-таки на каторгу, по этапамъ. Въ положеніи спекулятора, умѣвшаго воспользоваться своимъ исключительнымъ положеніемъ, Кореневъ остался во все время содержанія на цѣпн и въ одиночномъ заключеніи. Онъ не вышелъ изъ своей роли даже и при тѣхъ условіяхъ, когда высшее тобольское общество (въ то время увеличенное приливомъ новыхъ людей, декабристовъ — присланныхъ на поселеніе и помѣщенныхъ на житье въ самомъ городѣ), было сильно возбуждено чтеніемъ Сведенборга и наэлектризовано мистицизмомъ. Общественное настроеніе, не дошедшее только до

верченія столовъ, выражалось вѣромъ въ кликушг, покровительствомъ идиотамъ, юродивымъ, вызвало пророковъ. Между юродивыми оказался даже такой, у котораго подъ нависшими на глаза волосами обнаружались потомъ три хорошо извѣстныхъ въ сибирской азбуцѣ буквы К. А. Т. (каторжный), а подъ засаленною и грязною ряскою на спинѣ знаки кнута.

Этимъ глубоко убѣжденнымъ мистикамъ, бомапутымъ крутыми житейскими неудачами и потрясеннымъ неожиданными и многочисленными ударами судьбы, Кореневъ казался какимъ-то роковымъ вырожденіемъ, лицомъ избраннымъ, съ одной стороны, для того, чтобы изобразить собою испорченность и негодность человѣческой природы, а съ другой — дать поученіе грѣхному человѣчеству къ собственному его исправленію. Въ испорченной природѣ Коренева чтители Сведенборга видѣли злого духа и въ изреченіяхъ убійцы и бродяги, вызванныхъ непосредственностью его натуры, желали получать и слышать вдохновеніе этого духа лукавства и злобы.

Кореневъ, въ силу такихъ увлеченій, сдѣлался предметомъ разспросовъ и долговременныхъ бесѣдъ. Къ нему, какъ къ Ивану Яковлевичу въ Москвѣ, какъ къ Феклушѣ на Бердовомъ заводѣ въ Петербургѣ, ходили тобольскія дамы за совѣтами. Кореневъ ощутилъ перемену своего положенія и въ этомъ новомъ также въ грязь лицомъ не ударилъ. Свою циническую откровенность онъ смѣнилъ на такія признанія, въ которыхъ старался выражать въ себѣ игралице судьбы, и, конечно, былъ отчасти справедливымъ и въ настоящемъ случаѣ счастливымъ только тѣмъ, что получилъ указаніе для выхода на дорогу. Зная его близко соузники замѣчали даже, что въ послѣднее время заточенія въ Тобольскѣ онъ самъ сталъ колебаться въ истинномъ значеніи своего званія. Онъ сталъ временами толковать о себѣ, какъ о какомъ-то исключеніи изъ человѣческой породы, сталъ вѣрить въ сверхъестественную силу свою, началъ завираться и оправдываться. Кончилось все это на концѣ срока его заточенія, за которымъ послѣдовала высылка его на нерчинскіе рудники.

Прежде чѣмъ совершили надъ нимъ такое чародѣйство и сдѣлали въ немъ превращеніе, Кореневъ успѣлъ въ тобольскомъ острогѣ показать себя въ настоящемъ видѣ, съ одной стороны, какъ злодѣя, съ другой, какъ бродяга.

Когда суевѣрные дамы, съ замираніемъ сердца, дрожащими, несмѣлыми тонами въ голосахъ спрашивали сидѣвшаго на цѣпн Коренева:

— Не случалось ли тебѣ видать, правда ли это, что изъ раны убитаго начинала сочиться кровь, когда къ трупу подходилъ самъ убійца?

— Нѣтъ! — отвѣтилъ Кореневъ.

И отрубилъ:

— Однажды я нарочно для этого убилъ жидка

въ Каинскѣ и черезъ полчаса былъ тутъ, подгѣ. Жиды собрались всѣ. Гвалтъ жиды сдѣлали на цѣлый городъ. Я самъ съ ними по бедрамъ хлопалъ и головой качалъ; давалъ совѣты, какъ ловить убійцу. На убитаго смотрѣлъ, какъ на свою ладонь, крови не показалось.

— Можетъ быть оттого,—заклучилъ Кореневъ съ усмѣшкою на лицѣ, которую онъ не очель даже нужнымъ скрывать:— оттого, можетъ быть, что убитый-то былъ некрещеный.

Въ другой разъ одно духовное лицо, увлеченное общимъ примѣромъ посѣтителей Коренева и на правахъ предсѣдателя тюремнаго комитета, возымѣло желаніе вступить съ нимъ въ бесѣду и дать ему кое-какія духовно-нравственныя наставленія. Въ видѣ вступленія, лицо это спрашивало злодѣя:

— Чувствуешь ли ты когда угрызеніе совѣсти?

— Никогда!—грубилъ Кореневъ.

— Столько ты злодѣяній совершилъ, столько ты убійствъ содѣлалъ!!..

— Говорять, восемнадцать, — подтвердилъ Кореневъ.

— Неужели у тебя хотя разъ не вострепело сердце, не дрогнула рука, рука Каинова, проливающая кровь своего брата по Христу?

— Мнѣ тогда о родствѣ не доводилось спрашивать.

— А для чего ты столько невинныхъ душъ загубилъ, для какой цѣли?

— Цѣль, я полагаю, у насъ съ вами одна, батюшка. Вѣдь и по писанію всѣ убитыя мною души въ царствѣ небесномъ. А насъ еще съ вами никто не вѣшалъ, кто больше тянетъ: вы ли молитвой больше отправили туда, али я ножомъ...

Пробовали другіе подходить къ нему съ другой стороны и спрашивали его такимъ способомъ:

— Понимаемъ мы, Кореневъ, что встрѣтиться съ тобою въ дорогѣ одинъ на одинъ невыгодно. Встрѣча съ тобою—твое счастье. Ты голодный, я на станціи поѣлъ и съ собою везу съѣстные запасы; тутъ они у меня подъ бокомъ, захотѣлъ поѣсть, вынулъ. На тебѣ рваный полушубокъ, измызганный кафтанашко, а я— въ лисьей либо енотовой шубѣ и за пазухою у меня деньги, на которыя, говорятъ, весь свѣтъ покупается.

— Это такъ точно.

— Тебѣ завидно мое счастье. Возьми шубу, возьми деньги, возьми кулечекъ со съѣстными припасами.

— Да вѣдь вы не дадите, стрѣлять, поди, станете, вѣтъ ружья—драться. Начнете прилаживаться, чтобы забить меня до смерти. Все же радостно хоть одного варнака истребить съ корнемъ. А вѣдь и у меня душа та же самая, а къ тому цѣлымъ рублемъ для меня дороже вашей. Вы свою душу на коняхъ возите, на подушки кладете, а я свою, грѣшную, протаскивалъ есквозь огонь, межъ ножами. Прилаживалъ ее

на сучья, на камни. Вотъ и здѣсь ее прилаживаю на доскахъ. Вотъ откуда вынесъ ее, голову—то свою, изъ самаго Нерчинска. Дѣлать мы станемъ оба одно: вы свою, я свою оборонять.

— Положимъ, я обороняться не стану, мнѣ нечѣмъ. Ружья у меня нѣтъ, саблею не занасяся, ѣду я безопасно, какъ большая часть ѣздитъ, и встрѣчи съ тобою не ожидаю. Эта встрѣча— мое несчастье, моя неудача. Ты и накажи меня за то, что я такъ неостороженъ: возьми то, чего у тебя нѣтъ и чего у меня много.

— Я возьму это и безъ вашего спросу.

— За что же убивать меня, два раза наказывать за промахъ?

— А за то—не ходи пузато, не носи брюхо въ пазухѣ. Убиваю, я себя берегу. Опять же голова у меня своя, не покупаю. Порѣшился съ ней, другой головы не купишь, на базарахъ ее не продаютъ. Я и самъ сначала такъ же думалъ, по вашему: за что, молъ, я ограбленнаго убивать стану?! Молодымъ человѣкомъ я былъ тогда, несмышленнымъ, первоукомъ. Расскажу я вамъ про этакій случай.

„Шелъ я съ Нерчинской каторги. Шелъ не одинъ, а съ товарищами, изъ Иркутска къ Красноярску. Жилия тутъ мало, все гдѣсь стоитъ. Затошали мы, хоть въ землю зарывайся, надо грабить. Заслышали колокольчикъ. Завалились въ канаву, кто направо, кто налѣво. Ждемъ. Позаячли насторожили уши. Ёдетъ пара: ящикъ носомъ клюетъ, рыбу удить, и оттого рыбу удить, что самъ проѣзжіи спитъ. Такъ, молъ, намъ и надо. Слово мы, молъ, сами нигъ заказали этакъ-то. Вышли мы на дорогу, лошадей за узды придержали, сняли ящика съ козель, связали по рукамъ и ротъ ему завязали, чтобы не кричалъ. Проѣзжаго мы разбудили. Поступили съ ними такъ, какъ и всѣ сказываютъ, какъ бы и малый ребенокъ сдѣлалъ. Стали съ проѣзжимъ разговаривать накороткѣ, чтобы поскорѣ кончить. Вынимаю деньги, снимаю платье—разговоръ извѣстный. Чемоданъ его сами вынули и его вынули. Стоить онъ на ногахъ, трясется весь; извѣстно, дѣло такое ему непривычное, въ первый разъ доводится. Со страху онъ сталъ рассказывать: чиновникъ, ѣдетъ въ Россію, казенныя деньги получилъ, мать у него есть и жениться хочетъ. Деньги отдалъ всѣ, повалился на колѣночки, заревѣлъ. Слезъ такъ горохомъ и катятся, крупныя такія. Взяла тутъ меня жалость за самое сердце и такъ-то шепнуть и теревить! „Отпустите“, слышь. Клянется, божится: „никому не скажу“. Сталъ я товарищей своихъ уговаривать, они долго не соглашались, уломать-таки я ихъ. Сказали: „на тебѣ весь отвѣтъ“. Ладно. Отпустили мы его живымъ и пошли своей дорогой. Идемъ-идемъ да и вдуваемъ: „А ну, братцы, божбу не исполнить! пойдѣмъ пошибче, высмотримъ“. Пошли мы впе-

редь, стали подходить къ деревнѣ, а та—вся на ногахъ. Крику развела полонъ лѣсъ и скazujeтъ тѣмъ, что облаву сдѣлала. Пронесли мимо насъ верховые съ кольями: за нами, значитъ. А мы тутъ подь деревней въ лѣсу выжидали. Ночь, молъ, теперь наша, пуганный чиновникъ непременно переночуетъ. Ночью мы обошли деревню, перетянулись на ту дорогу, по которой намъ идти, а пройдемъ ѣхать. Зашли на конецъ станка. На первомъ свѣту выбрали мѣсто такое способное: мостъ. Опять завалились въ канаву подь мостъ, стали чиновника выжидать. Выспитя, поѣдетъ дальше, а на ночь ни за сто рублей не пустится. Выжидали мы его на другомъ станкѣ, остановили, да и содрали съ живого лыки“...

Вообще угрюмый и неразговорчивый, Кореневъ на умѣлые разспросы любилъ отвѣчать. Иногда хвасталъ, глалъ, но пойманный съ личнымъ, не медлил выходить на путь правды и откровенности.

Разъ удалось услышать отъ него такую формулу идеи бродяжества:

— Для бродягъ одинъ законъ и все тотъ же. На дорогу въ заводъ запасъ возьмешь, безъ того не пускаешься, развѣ когда въ сосѣдяхъ обзавелся знакомымъ человѣкомъ. Запасъ съѣшь, а брюхо—алодѣй никогда стараго добра не помнитъ: опять слюну сушить, ѣсть просить. Къ жильямъ подтягиваешься. У знакомаго человѣка милосердію просишь—дастъ, а то на уру и у встрѣчнаго клянчишь, тоже дадутъ. Въ незнакомыхъ деревняхъ, гдѣ бродяги шалили, сердятся; на ласку тѣ мужики не даются, надо самому брать, значить, грабить. Ограбилъ кого, слѣды хорони, кошка тому дѣлу примѣръ даетъ. Не оставляй своего хвоста на дорогѣ, заметай слѣдъ: ограбленнаго убивай. Не убьешь, языкъ за собой оставишь. По немъ дойдутъ до тебя. Примѣру не было такого, чтобы грабленый не мстил и по слѣдамъ звѣря не натравливали. Такой ужъ законъ. Я какъ одинъ разъ остушился, такъ съ той поры другу и недругу заказалъ падить ограбленнаго. Такъ вотъ и всѣмъ товарищамъ рассказываю, учу ихъ. Что разъ потеряешь, того долго не найдешь. На божбу людямъ не вѣрь и честное ихнее слово они для плутовства себѣ придумали, чтобы лучше обманывать. Воръ слеаливъ, а плутъ богомоленъ—давно это сказано. И я скажу: у бродяги только два клина, поле и лѣсъ, больше ему никакихъ нѣтъ воротъ и ходить не стоитъ, чтобы отыскивать лазы.

Кореневъ былъ настоящій бродяга и сколько слова и показанія его имѣли значенія неотразимой правды, столько бродяжьи свойства выступали въ немъ рѣзче всѣхъ другихъ. За нимъ товарищи его не видѣли (или не хотѣли видѣть) настоящаго злодѣя. Тобольскій простой людъ видѣлъ въ немъ колдуна и тамошнія тор-

говья бабы рассказывали на базарѣ, что стоитъ Кореневу только начертить вокругъ себя мѣломъ или углемъ кругъ, чтобы сдѣлалась лодка. И „не давай ему при этомъ только воды, только воды не давай ему ни въ ротъ, ни въ руки“, чтобы лодка, сдѣлавшаяся изъ круга, не вынесла его изъ тюрьмы на вольную волю. Каплю воды особымъ, ему одному вѣдомымъ наговоромъ онъ умѣетъ превращать въ рѣку и выплываетъ по ней на свободу съ лѣсами и любимыми товарищами. Не дѣлаетъ онъ такъ потому, что не хочетъ. Онъ и разрывъ—траву умѣетъ отыскивать по крупнымъ росамъ, по яркимъ звѣздамъ. Съ нею ему никакія кандалы не страшны; передъ нимъ ни одинъ замокъ не стоитъ, всякія двери и ворота отпираются. Знаетъ Кореневъ, какъ въ холодной банѣ изъ черной кошки выварить и изъ множества другихъ передъ зеркаломъ выбрать косточку—невидимку, передъ которою не выстаиваютъ тюремныя стѣны. Подставишь противъ зеркала передъ собою—и исчезнешь.

Товарищи понимали Коренева иначе, видѣли дѣло другою стороною. Въ тюрьмѣ Коренева любили, ему угождали наперерывъ другъ передъ другомъ. Арестанты считали его рыцаремъ чести и благородства, видѣли въ немъ прямую, открытую душу, у которой не было ничего завѣтнаго и запретнаго. Они забывали, что сердце онъ давно истаскалъ, что въ немъ сидѣлъ самый страшный чертъ изъ всѣхъ, отъ какихъ только ни приходилось отчуровываться русскому человѣку. Чертъ у него это сердце совсѣмъ вынулъ и только пустое мѣсто оставилъ.

Всего видѣе была въ немъ крупная опытность, около которой всегда такъ тепло несмышленнымъ. Замѣчательная даровитость его доходила до изобрѣтательности, всегда основанной на одолженіяхъ заточенному люду и направленной на возможное преуспѣяніе быта среди всяческихъ стѣсненій въ неволѣ. Отъ него шли и юридическія и практическія совѣты. Подсудимый учился у него судебной практикѣ, молодые бродяги—географіи и этнографіи. Когда одинъ изъ совопросниковъ выразилъ, между прочимъ, сомнѣніе въ возможности бродягамъ враждовать съ зимними палачами морозами, среди лѣсной трещи, когда и олень уходитъ къ самой глушь лѣсовъ и, уткнувши морду въ снѣгъ, стоитъ окаменѣлымъ, Кореневъ отвѣчалъ:

— Кто промахнулся и попалъ на дорогу, гдѣ кромѣ зайцевъ никого не встрѣчается, тому на зиму такое правило: разгрести снѣгъ до самой земли, выложить логовище еловыми либо сосновыми лапками. Такая изба не обманетъ. Мнѣ изъ сотни разъ ни одного не доводилось худого. Спать тутъ лучше, чѣмъ въ каменномъ домѣ. Самый первый законъ: раздѣться до рубашки, все снять, а ее оставить. Я снималъ и въ яму кидался; въ ногахъ огонь разводить

и закрывался наглухо полушубкомъ; лежишь, что купецъ въ кошевѣ. А если приладить надъ ямой изъ тѣхъ же лапокъ шалашникъ, то и умирать не надо. Съ запасомъ можно пересидѣть и переждать всю пору лютыхъ морозовъ. Отсидживались мы. Днемъ я ходилъ, а ночью спалъ опять этакъ. Спишь какъ убитый, словно дома. Поутру только вставать очень скверно: лучше бы, кажется, не ложиться, а встанешь, одѣнешься — и забудешь. Холодно вставать, а здорово. Тунгусы меня этому выучили“.

Собственнымъ опытомъ изъ общепотребительной тюремной игры въ петлю, гдѣ надобится снять веревку съ двухъ пальцевъ, связанныхъ ею, Кореневъ дошелъ до практическихъ результатовъ, пригодныхъ и благодѣльныхъ для кандалныхъ арестантовъ. На тюремномъ досугѣ, сидя на цѣпи, онъ изобрѣлъ секретъ снимать съ себя въ банѣ нижнее платье, имѣя на ногахъ кандалы, при которыхъ эта операція являлась невозможною. Досужеству своему, не требующему особенной сноровки, но вызывающему нѣкоторую долю терпѣнія, онъ охотно, даромъ, изъ одного участія и состраданія, выучилъ тѣхъ смѣльныхъ петербургскихъ дворянъ, которыхъ черезъ Тобольскъ провозили на каторгу, въ 1849 году, осужденными по дѣлу Петрашевскаго.

Въ числѣ прочихъ знаній Кореневъ обладалъ въ совершенствѣ искусствомъ готовить фальшивую (изъ олова) серебряную монету. Живя въ тобольскомъ острогѣ и безъ цѣпи и на цѣпи, этому мастерству онъ отдавалъ все свободное время, подъ руками въ острожныхъ стѣнахъ передатчиковъ (изъ солдатъ), платившихъ за рубль фальшивый 30 копеекъ серебромъ настоящихъ. За осторожными стѣнами онъ полагался на слѣпое царство темныхъ остяковъ, татаръ и киргизовъ, охотно принимавшихъ фальшивую монету по настоящей цѣнѣ. Говорятъ, что около этого самаго времени прошелъ по сибирскимъ тюрьмамъ слухъ объ указѣ омскому казначейству, которому предписывалось (изъ политическихъ видовъ привлеченія въ нашу сторону кочевниковъ) принимать отъ киргизовъ фальшивыя бумажки и монеты и развѣивать ихъ на настояція. Фабрикація фальшиваго серебра по всѣмъ сибирскимъ тюрьмамъ значительно усилилась. Кореневъ, въ числѣ первыхъ, призналъ это и первымъ, какъ купецъ, воспользовался; онъ съ одинаковымъ искусствомъ умѣлъ дѣлать и старинные екатерининскіе и нынѣшніе цѣлковые и полтинники. Мелкой монеты онъ не дѣлалъ, ассигнацій не любилъ, имѣя въ этомъ искусствѣ неподржаемаго соперника въ Цезикѣ, за которымъ полуграмотному Кореневу нельзя было гоняться. Кореневъ предпочиталъ придерживать зубрида, подпилковъ, деревянныхъ маленькихъ цир-

кулей съ ножками изъ иголокъ и долотцовъ изъ тѣхъ же иголокъ. Онъ доставалъ олово, покупалъ ртуть, алебастръ, добывалъ солдатское сукно; алебастръ разбивалъ и просѣивалъ на формы, ртуть смѣшивалъ съ „тѣмъ-то“ (sic). Натиснутый деревянный кружокъ, чтобы удалить излишекъ окиси, клалъ на ночь въ ротъ и на другой день наводилъ амальгаму такъ плотно и искусно, что ртуть держалась на его надѣляхъ дольше, тѣмъ на надѣляхъ его товарищей. Последнихъ ловили и хоронили находили, — его никогда. Всѣ знали объ этомъ, дѣлали обыски — и нечаянные и повальные — и ничего не находили. У Коренева были и золотыя руки, и глубокіе секретные карманы и какія-то какъ бы и впрямь закодированныя и зачурованныя хоронунки.

Одинъ смотритель возгорѣлъ желаніемъ поимать его и уличить еще въ то время, когда Кореневъ не сидѣлъ на цѣпи, а жилъ съ другими въ общей казармѣ. Выискался и унтеръ-офицеръ, который рѣшился помогать смотрителю и хвастливо обѣщалъ поймать Коренева съ поличнымъ. Пришелъ онъ къ нему и сдѣлалъ заказъ на киргизовъ. Кореневъ заказъ принялъ и выпросилъ задатку двадцать пять рублей серебромъ, обязавшись поставить за это сто цѣлковыхъ. Унтеръ сходилъ къ начальнику, задатокъ принесъ и вручилъ, а черезъ два дня получилъ отъ Коренева сто цѣлковыхъ новенькихъ, чистенькихъ, свѣтлыхъ. Монеты эти должны были рекомендовать мастера, какъ образчики его искусства. Цѣлковые унтеръ одобрилъ и не могъ иначе сдѣлать, потому что они были настоящей работы петербургскаго монетнаго двора. На этотъ разъ все искусство мастера состояло лишь въ дешевомъ терпѣніи, съ которымъ онъ ихъ высвѣтлялъ и охорашивалъ. По окончаніи условленнаго срока, заказчикъ является къ монетчику за полученіемъ работы.

Кореневъ удивленъ; спрашиваетъ, что надо, приглашаетъ унтера говорить пониже. Искусно поднимаетъ тотъ его голоса, самъ начинать говорить громко и достигаетъ желаемой цѣли, т. е. возбуждаетъ вниманіе всей казармы. Дѣлаетъ онъ изъ товарищей свидѣтелей, разсчитывая за ними и спинами ихъ на несомнѣнное вниманіе и защиту прокурора. Когда показалось ему, что зрители всѣ собрались и насторожили глаза и уши, онъ неожиданно поразилъ слухъ затрепичною, отпущенною унтеру, и доставилъ товарищамъ несказанное удовольствіе видѣть и любоваться, какъ онъ потомъ, подавая киселя и пивеями въ шею и спину, выталкивалъ унтера за дверь. Всѣ хорошо помнятъ его обиженное лицо, его жалобы на несправедливыя подозрѣнія и обвиненіе. Если онъ и игралъ на этотъ разъ роль, то игралъ ее съ такимъ искусствомъ, что всѣ арестанты обидѣ его повѣрили и за оскорбленіе

товарища рѣшились постоять горю. Начали арестанты шумѣть, требовать смотрителя.

— Въ чемъ дѣло?—приходить тотъ.

— Просить у меня унтеръ фальшиваго серебра,—отвѣчалъ за всѣхъ самъ Кореневъ еще дрожащимъ отъ волненія голосомъ, въ оскорбленномъ и глубоко-обиженномъ тонѣ:—Что у меня для него монетный дворъ, что ли?

— Запишите это въ журналъ,—требовали арестанты:—Доложите губернатору. За что насъ обижать?

— Значить, унтеръ переводчикъ денегъ,—подкрѣплялъ и пояснялъ Кореневъ:—Онъ знаетъ дворы такіе, дѣло уголовное! А мы въ старыхъ грѣхахъ точно что повинны, а на новые никакъ не согласны.

Смотритель покачалъ головою, усмѣхнулся:

— Дуракъ, дуракъ солдатъ! Гдѣ ужъ такому дураку братья за такое мудреное дѣло, а еще хвастался!

Кореневъ, и на нарахъ лежа, все ворчалъ и сѣтовалъ, но на законномъ преслѣдованіи унтера не настаивалъ. Однако, на своемъ онъ устоялъ и подмастерства этого не покидалъ даже и на стѣнной цѣпи вплоть до того времени, когда выкричали его за сверхъестественнаго человѣка и едва не признали въ злодѣйствахъ его святого юродства. Товарищи, впрочемъ, и въ это время знали одно (и убѣждены въ этомъ до сихъ поръ), что, попадись на хорошія, опытные руки—онъ бы исправился. „Не толкая его судьба въ опасности бродяжьей жизни, онъ былъ бы другимъ человѣкомъ и, можетъ быть, очень хорошимъ“. Какая-то беззаветная доброта, исключительно, впрочемъ, направленная въ пользу обиженныхъ и обездоленныхъ товарищей; всегдашнее желаніе подѣлиться съ ними всѣмъ, что онъ имѣлъ, до послѣдней полушки, и готовность постоять за ихъ право съ рискомъ для себя и не принимая въ расчетъ и для соображеній никакихъ опасностей (и все это въ такихъ яркихъ чертахъ, въ такихъ крупныхъ формахъ!),—вотъ тѣ основы симпатій, которыми пользовался Кореневъ отъ товарищей въ большей мѣрѣ, чѣмъ всѣ ему предшествовавшіе и за нимъ послѣдовавшіе тобольскіе заключенники.

Когда на его глазахъ одинъ изъ ссыльныхъ московскихъ дворянъ (извѣстный Москвѣ Зыковъ—убійца княгини Голицыной) злоупотребилъ довѣріемъ и воспользовался увлеченіемъ ханжлившей дѣвушки для того, чтобы довести ее до паденія, Кореневъ первый поднялъ недовольный голосъ. Онъ пригласилъ своихъ товарищей къ гласному и фактическому протесту и, вызвавъ необходимость самосуда, явился въ званіи исполнителя приговора, первымъ жестоко билъ растлителя, билъ въ кровь при свидѣтеляхъ, каковыми была вся общинная казарма. (См. слѣд. главу).

Свернулась его жизнь на одно и, безъ опекуновъ и руководителей, пошла тою кривою колеєю, которая и сильно тянетъ и безвозвратно затягиваетъ. Въ тюремномъ болотѣ, на каторжной трясинѣ не устоялъ и онъ, вслѣдъ за другими, какъ ни сильна была его натура, какъ ни крѣпки были его нервы. Валилось на него сверху, давило съ боковъ, да и свой братъ, спутанный съ нимъ по рукамъ и по ногамъ, тянулъ его туда же—въ этотъ омутъ, гдѣ нѣтъ ни дна, ни покрывки. Кореневъ оказался тяжеле другихъ, а потому и загрязялъ глубже и крѣпче всѣхъ. Полѣзъ ли онъ дальше въ тину и трясину—это не подлежитъ никакому сомнѣнію, да и доставать до самаго дна ему уже недалеко.

Вотъ онъ, спущенный съ цѣпи, идетъ изъ Тобольска по знакомой дорожкѣ, опять на дальнюю и темную каторгу. Идетъ онъ въ партію, вмѣстѣ съ другими. На дорогѣ подъ Иркутскомъ попадаютъ ему двѣ каторги и обѣ хорошія, обѣ знакомыя: одна при винокуренномъ заводѣ, другая при солеваренномъ. Но не тѣ судили ему судьба-злodeйка. Эти для простыхъ, а для него, важнаго человѣка, за Байкаломъ—моремъ, жестокая и самая дальняя—нерчинская.

На большой почтовой дорогѣ къ Иркутску, на одномъ перекресткѣ, „разстани“, вышла на столбовую дорогу слѣва маленькая, но также каторжная. Ведетъ она въ Иркутское-Усолъе и называется у народа воровскою дорогою съ давнихъ временъ. Съ недавняго времени, а въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ стали ссылать въ это Усолъе преступниковъ изъ азіатовъ и мусульманъ, всѣхъ въ одно мѣсто: татаръ, киргизовъ, персіанъ и кавказскихъ горцевъ (въ томъ числѣ, между прочимъ, помѣстили и Шамилевыхъ мюридовъ), за перекресткомъ дорогъ оставили право разстаха, мѣста отдыха. Не показанъ онъ въ законныхъ распisanіяхъ, ибо находится между двумя близкими этапамъ, но завоевано это мѣсто остановки обычаемъ, который могущіе не даютъ и оставляютъ въ несокрушимой цѣлости, потому что, кромѣ симпатичныхъ сторонъ, обычай этотъ ничего уже въ себѣ и не заключаетъ. Мусульмане, слѣдуя за вѣту пророка, имѣли обыкновение выходить на эту разстанъ дорогъ и нескать не только родичей, но и всякихъ правовѣрныхъ чтителей пророка, не различая земляка отъ чужеземца, знакомаго отъ незнакомаго. Заводскіе мусульмане выносили сюда путешествующимъ все, что могли принести во славу имени Магомета: хлѣбъ и табакъ, лукъ и черемшу, и даже русскаго дѣла квась.

Остановилась на этой разстаніи и та партія, въ которой шелъ Кореневъ. Остановились съ цѣлью послужить мусульманамъ, изъ которыхъ кое-кого также сдавали сюда на каторгу. Кореневъ ходилъ по партію, торопливо искалъ

бумаги клочекъ, карандаша обгрызочекъ; находилъ то и другое.

На бумажкѣ напарпалъ онъ, какъ умѣлъ, скоро и коротко: „Навѣсти, братъ, Ипполитъ Васильевичъ, стараго бродягу Коренева“. Записку взялся доставить первый же, попавшійся ему на глаза изъ заводскихъ татаръ и доставилъ. Старый знакомый Коренева, союзникъ его по тобольской тюрьмѣ, жившій въ Усольѣ на пропитаніи—Кашкадамовъ—получилъ эту записку и ни минуты не медлилъ.

Зная порядки, захватилъ онъ съ собою, что успѣлъ и что могъ, и побѣжалъ на рысяхъ къ мѣсту разстаня, которое дѣлается на это время мѣстомъ довольно продолжительнаго отдыха. Вскорѣ онъ былъ тамъ.

— Видѣлъ я Коренева черезъ нѣсколько лѣтъ, —разказывалъ мнѣ Ипполитъ Васильевичъ:— узналъ онъ меня, обрадовался, сколько могъ я судить по веселой улыбкѣ, которая долго не пропадала съ его страдальческаго старческаго лица. Говорилъ онъ мнѣ:

„— Голь, братъ, я, какъ соколъ.

„Вижу: шапка какъ блинъ — свою ему отдай. Сапоги съ ногъ сползли, свои сапоги сталъ я снимать. Придержалъ было онъ меня за плечо, да раздумалъ, взялъ мои сапоги. Я его опметки надѣлъ на свои ноги.

„— Денегъ, подя, нѣту? всѣ, чай, въ карты проигралъ либо, того хуже, прошилъ?—спросилъ я его.

„— Отъ самаго Красноярска шальной копейки не выдалъ,—отвѣчалъ онъ мнѣ.

„Нашелся у меня рубль горячій, самому крѣпко нужный, да въ этихъ дѣлахъ не считаться, зачѣмъ и пришелъ я сюда?! Говорю:

„— Возьми себѣ рубль.

„— Не надо бы брать, самому тебѣ нужно.

„Подумалъ, поглядѣлъ въ землю, протянулъ руку и говоритъ:

„— Давай! Сочтемся мы съ тобой на другомъ.

„Рубль спряталъ за щеку.

„Сталъ я заговаривать съ нимъ, отвѣчаетъ неохотно, говорить тихо и вяло. Да и о чемъ бесѣдовать, про что разспрашивать? Били его; вновь перековали; новую шинель получилъ; новыя чарки получилъ; голицы выдали. Вотъ идетъ, по сторонамъ смотреть; опять поидеть, и еще поидеть и еще поидеть до самой каторги...

„Договорились мы, однако, до того, что и рубашка у Коренева съ плечъ сползла, совсѣмъ ея нѣту. Держить онъ казенную овчину, какъ тунгусъ, прямо на тѣлѣ. На мнѣ ситцевая рубашка была, да и домъ недалеко, въ сундукѣ нашлась бы другая-третья, да время заморозковъ, скидать неудобно, холодно.

„— Возьми, Корень, рубашку!

„И руками замахалъ: не надо! Замоталъ головой. Отъ рубахи отказывается.

„— Балуетъ ты меня, зазнаюсь, погордѣю, не сладить!—и усмѣхнулся.

„Я тѣмъ временемъ рубашку успѣлъ снять и принять скортучишко свой на голое тѣло. Свернулъ я рубашенку, сунулъ ему; отталкиваетъ. Запихнулъ я ему за пазуху, а онъ все головой машетъ. Слышимъ, забилъ барабанъ походъ; смотримъ, всѣ стали подбирать котомки, кричатъ и подниматься съ насиженныхъ мѣстъ. Раздался грубый крикъ команды: „по мѣстамъ!“

„Заавенѣли цѣпи, забрякали кандалы. Стали и мы съ Кореньемъ прощаться.

„— Прощай!

„Положилъ онъ мнѣ обѣ тяжелыя руки свои на плечи. Долгимъ пристальнымъ взглядомъ посмотрѣлъ мнѣ въ лицо. Думалъ о чемъ-то, тяжело вздохнулъ:

„— Прощай, Ипполитъ Васильичъ!

„Смотрю и глазамъ не вѣрю: изъ глазъ слеза выкатилась, но поймалъ онъ ее, спряталъ въ кулакъ и кулакъ унесъ за спину. Еще разъ посмотрѣлъ на меня, еще разъ вздохнулъ, обнялъ меня, поцѣловалъ крѣпко, выговорилъ:

„— Прощай!.. Навсегда прощай!.. Теперь ужъ больше не увидимся.

„— Такъ ли, полно? не зарекайся, Корень!..

„— И впрямъ нѣту! Не на всегда прощай!..

„Между тѣмъ, барабанъ нылъ у насъ подъ самыми ушами, отбивая послѣднія трели. Нечего было больше прохлаждаться. Корень снялъ съ моихъ плечъ свои руки.

„Опусти голову, пошелъ онъ отъ меня своимъ тяжелымъ развалистымъ шагомъ, но шелъ недолго. Еще разъ искоса, черезъ плечо, поглядѣлъ на меня, остановился, опять подошелъ:

„— Спасибо тебѣ за все. Рѣзать придется тебя—не зарѣжу!..

„Сильно и размашисто махнулъ онъ вслѣдъ затѣмъ правой рукой, порывисто и визгливо завзвенѣли на ногахъ его цѣпи и хорошо знакомый мнѣ звукъ кандаловъ смѣшался съ подобными же, производимыми въ гуртѣ только одинъ глухой гулъ. Звукъ этотъ исчезъ, а вскорѣ исчезъ съ толпой и самъ Корень, но слова его и теперь еще, черезъ много лѣтъ, живы въ моей памяти, какъ бы сейчасъ выговоренныя. Слова и слезы мнѣ не попричитались, въ этомъ я могу поручиться за Коренева. Зналъ я его хорошо, жила въ съ нимъ въ Тобольскѣ подъ одной кровлей. Меня его характеръ не обманеть. Сорвется съ цѣпи—другихъ убьетъ, для меня исключеніе сдѣлаетъ, слово дасть. Впрочемъ, кажется, уходился, завязнеть. Вѣроятнѣе станетъ теперь на старости лѣтъ пробовать свой характеръ, а если и не выдержитъ, убѣжитъ, то, во всякомъ случаѣ, перестанетъ выгибаться на оглобляхъ, поднимать хвостъ кольцомъ и, по способу необъѣзанныхъ лошадей, красоваться и хвастаться. Гдѣ нибудь да долженъ быть копецъ. Горкинъ, впрочемъ, лошадей держать, на

купца смахиваетъ. Наши каторжныя знаменитости хороши тѣмъ, что до тѣхъ поръ и знаемъ, пока сами напоминають; замолчалъ—и забыли и онъ самъ сквозь землю провалился. Пронадай ты совсѣмъ, давай те новаго“!

Героемъ на нашъ прѣздъ былъ Иванъ Васильевичъ Дубровинъ, также злодѣй и убійца. Два раза онъ бѣгалъ изъ Карійскихъ тюремъ. Послѣ перваго побѣга съ шайкою грабилъ по Шилкѣ, но былъ пойманъ. Убѣжалъ во второй разъ—напустилъ на всѣхъ паническій страхъ, всѣ непокойно стали спать. Стражу усилили, въ набатъ бьютъ, патрули ходятъ, всѣ объ немъ говорятъ. Уши у всѣхъ на макушкѣ. Онъ не объявляется, всѣ успокоились, но сонъ въ руку. Въ одну ночь Дубровинъ далъ о себѣ знать, расписавшись кровью. На Нижнемъ промыслѣ убилъ женщину съ двумя малютками, съ которою даже и знакомъ вовсе не былъ, убилъ, чтобы похвастаться: перестали ждать, вотъ и я. Приходилъ онъ втроемъ, но вскорѣ всѣ были открыты, посажены въ тюрьму. По оплошности стражи, Дубровинъ опять убѣжалъ и снова привелъ всѣхъ въ ужасъ. По слѣдамъ его погнались казаки, въ разныхъ падахъ и распадкахъ заблудились, не нашли. Голодный, истощенный разбойникъ найденъ былъ въ лѣсу лежащимъ безъ силъ и почти полумертвымъ. Пойманнаго приковали къ стѣнной дѣлѣ и, чтобы обезопасить себя отъ его злодѣйства и побѣговъ, на руки надѣли лису — желѣзную полосу въ полтора пуда вѣсомъ. Съ лисою онъ и ходить не могъ и началъ, съ нею и на дѣлѣ сидѣть, смиряться духомъ. На дѣлѣ скверно кормятъ: пища кругая, безъ приварка. Въ постѣ и въ воздержаніи Дубровинъ умиллся духомъ и началству это доказалъ. Его отковали отъ стѣны, сняли лису, выпустили въ общую арестантскую казарму, нарядили въ кандалы. Стали всѣ надѣяться и разчитывать на то, что Дубровинъ пообломался, уходилъ и сталъ неопасенъ. Выбрали его старостомъ. Вскорѣ послѣ того понадобилось начальству новую каторгу заводить на Амурѣ подъ Николаевскомъ на такъ называемомъ Чиниррахѣ. Свободныхъ рукъ было мало. Вездѣ и во всемъ чувствовался недостатокъ. Сколько ни было оберъ и унтеръ-офицеровъ, всѣхъ послали на Амуръ съ хлѣбными барками и лѣсными плотами. Попробовали рискованнымъ, но довольно извѣстнымъ въ Сибири способомъ, довѣрить отобранную на Карѣ партію каторжныхъ надежному человѣку изъ таковыхъ же. Выборъ палъ на Дубровина. Далъ онъ начальнику сплава честное варнацкое слово, съ товарищами сѣлъ на баржу и поплылъ по Шилкѣ и Амuru посреди соблазновъ къ побѣгамъ на цѣлыхъ трехъ тысячахъ верстъ. Съ баржи зерна не пропало, соленой росняки не исчезло. Бѣжали каторжные веселѣе всѣхъ, съ лѣсными. По дорогѣ, въ Албазинѣ, одинъ

изъ каторжныхъ кукушки заслушался, убѣжалъ; Дубровинъ его розыскалъ, жестоко выпоролъ и никому не велѣлъ сказывать. На мѣстѣ всѣ сданы были Дубровинымъ въ томъ же счетѣ, какъ были приняты, и въ томъ же числѣ, сколько ихъ на Амурѣ пѣло. Помѣстили ихъ въ новыхъ сырыхъ казармахъ. Самъ Дубровинъ, разумеется, сѣлъ вмѣстѣ съ ними, но сидѣть тутъ не долго. Черезъ недѣлю онъ убѣжалъ и увелъ съ собою еще трехъ товарищей. По Амuru предостерегали пишущаго эти строки бѣжать осторожно, по всѣмъ станицамъ дали о Дубровинѣ знать, но нигдѣ его не видали. Только съ одной изъ нихъ дошли до начальства вѣсти, что приходили ночью трое, съ ними Дубровинъ, увели съ собою бродяги бабу изъ приселенныхъ каторжныхъ женщинъ. Дальше по Амuru Дубровинъ не пошелъ, а ударилъ черезъ хребты, на Лену. Что съ нимъ случилось? тоже неизвѣстно, можетъ быть также провалился сквозь землю.

Изъ этого мрака неизвѣстности выводятъ насъ третье лицо, также знаменитое въ исторіи злодѣйствъ и также извѣстное цѣлой Сибири. Онъ—современникъ обонхъ и всюю дѣятельностью своею, какъ Дубровинъ, принадлежитъ краямъ нерчинскимъ и, какъ Кореневъ, по воспитанію своему сибирякъ. Всѣ злодѣйства его совершились также въ предѣлахъ Сибири. Вышелъ онъ также изъ бродягъ и на этомъ пути безмѣстнаго шатаанія полуголоднымъ и разсерженнымъ доработался до крайней степени озлобленія, задичалъ въ бѣгахъ до звѣря и сдѣлался разбойникомъ и убійцею, вѣкогда страшнымъ для всего Зайбикаля, а теперь извѣстнымъ въ цѣлой Сибири. Это—Горкинъ. Все, что въ судьбѣ Коренева было скрыто, въ судьбѣ Горкина отчасти проясняется, въ особенности по отношенію къ тому періоду времени, которое легло между первоначальнымъ побѣгомъ изъ каторжной тюрьмы и окончательнымъ приговоромъ къ наказанію за вся тяжкая и во вся тяжкая. Кореневъ объ убійствахъ своихъ не рассказывалъ, Горкинъ также старательно умалчивалъ объ нихъ, но за послѣдняго говорятъ преданія и официальные дѣла.

Этотъ съ расчетомъ на всевозможныя приключенія и безразсчетно на преступления ушелъ изъ тюрьмы Кутомарскаго завода втроемъ съ товарищами *). Въ Козловской пади (долинѣ) встрѣтили они на жнивѣ крестьянина, велѣли варить себѣ вѣсть. Крестьянинъ Бурцовъ отвѣчалъ, что у него котла не имѣется. Ему дали лошадей. Онъ поѣхалъ за котломъ, на пути повѣстилъ другого крестьянина, что пришли къ нему недобрые люди: „Съѣздили бы ты въ деревню, далъ тамъ знать“. Самъ воротился, сталъ кормить бѣглыхъ, оттягивать время. При-

*) См. Томъ I: Въ бѣгахъ, глава III.

скакали крестьяне, кричали бродягамъ: „Вставайте и раздѣвайтесь до нага, ножи бросайте“. Бѣдные не послушались, стали отбиваться, схватившись за свое оружіе: топоръ, косу и жердь. Свалка произошла отчаянная. Одинъ бѣглый (Никифоровъ) былъ пронизанъ пулею на вылетъ, другой (Коурый) былъ жестоко избитъ, во многихъ мѣстахъ раненъ, но успѣлъ вскочить на лошадь и ускакать. Третій бѣглый, Горкинъ, успѣлъ бѣжать раньше, выскользнувъ во время общей свалки такъ, что никто того не замѣтилъ.

Первый дебютъ былъ удаченъ. Горкинъ обстрѣлявъ, получилъ урокъ осторожности, видѣлъ кровь, потерялъ товарища, созналъ на опытѣ, что прогулка каторжника не безопасна; сталъ извѣстенъ по мѣрѣ того, какъ слухъ о побойщѣ началъ расходиться. Отбившись отъ товарищей на одиночное скитанье и въ полное отчаяніе голодовки (съ правомъ на самую тяжкую смерть), Горкинъ сталъ ходить хотя также окольными путями, но уже болѣе вѣрными.

Гдѣ-то поймали они слухъ о богатствѣ бурята, Горкинъ и отправился прямо на него. „Переночевавши на гривѣ (разсказываетъ другое архивное дѣло), онъ на дорогѣ встрѣчаетъ пробѣзжаго бурята. Этотъ спрашиваетъ:

„— Кто ты таковъ?

„— Бѣглый. А гдѣ стоитъ братскій Кубухонъ? (намѣреваясь у него чѣмъ нибудь поживиться).

„— Нѣтъ, другъ, у Кубухона шибко строго, къ нему не попадешь; а поди вонъ, этга (указалъ на правую сторону) стоитъ крайняя юрта. Тутъ живетъ одна братская (бурятская) баба. У ней деньги есть, ищи въ ошкурѣ у штановъ.

„И уѣхалъ.

„Я пролежалъ въ тотъ день въ кустикахъ. Дождавшись ночи, примѣрно, часу въ одиннадцатомъ, пришелъ къ юртѣмъ близъ деревни Харауза. Зашелъ въ крайнюю юрту, гдѣ огня не было. Я оцупалъ въ потьмахъ соннаго человѣка, схватилъ его за горло и, по косамъ на головѣ, узналъ, что это женщина. Спрашивалъ ее:

„— Гдѣ у тебя деньги?

„Она по русски отвѣчала:

„— Нѣтъ, другъ, денегъ нѣту.

„Потомъ я, обыскавъ у нее въ ошкурѣ у штановъ, денегъ не нашелъ. Спрашивалъ опять: гдѣ деньги? — она говорила, что нѣту. Оборотясь, чѣмъ-то задѣла меня въ щеку. Я осердился и, взявъ въ руки тряпицу для того, чтобы не нанести ногтями царапинъ, за горло ту братскую бабу задушилъ до смерти, оставя ее на постели. Потомъ разломалъ всѣ ея ящики, но денегъ не нашелъ и изъ платья, по ненадобности, ничего не взялъ. Взялъ только четверку кирпичнаго чая“.

Таково было первое признаніе Горкина въ первомъ преступленіи по поимкѣ изъ бѣговъ. Послѣ второго побѣга онъ уже является атаманомъ шайки и съ нею грабитъ и разбойничаетъ тамъ и сямъ по Забайкалью. Является тамъ, гдѣ его не ожидаютъ, не боятся „шалить“ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ его стерегутъ. Удачные подвиги и ловкость успѣваютъ вызвать сочувствіе. Онъ пріобрѣтаетъ дружбу между тѣми изъ ссыльныхъ, которые успѣли выйти на поселеніе и живутъ своими домами. Чѣмъ сильнѣе опасность отъ преслѣдователей, тѣмъ друзья эти находчивѣе. Чѣмъ меньше поживы, тѣмъ друзья эти дѣятельнѣе. Они наводятъ на пробѣжихъ, указываютъ на богатыхъ; не задаются набѣги—ловко прячутъ. Сочувствіе отъ поселенцевъ переходитъ и на кое-кого изъ крестьянъ и отсюда получается помощь и содѣйствіе. Разбойники разгулялись, закружились въ вихрѣ приключеній и похощеній, и чѣмъ больше осталось похощеній назади, тѣмъ болѣе запасъ осторожности сдѣланъ на будущее время. Товарищи дѣлаютъ промахи, нагавливаются и гибнутъ, самъ атаманъ остается цѣль и невредимъ. Когда и онъ попадаетъ прямо подъ кнутъ и на цѣпь, за нимъ уже цѣлая эпопея похощеній и злодѣлій въ такомъ случайномъ, безтолковомъ и безсвязномъ порядкѣ.

„Вродуть въ семеромъ; вотъ и большая шайка. По деревнямъ про случай ходятъ, не разбиваясь. По ночамъ получаютъ подаваніе. Въ рабочую пору на пашняхъ собираютъ милостыню, ходя порознь. За деревнями встрѣчаются, сходятся вмѣстѣ. Разъ двое товарищей не пришли, дальше пустились только въ пятеромъ. Около Верхнеудинска, въ такъ называемой Воровской пади (оврагѣ), встрѣтили три повозки купеческія и напали: приказчикамъ связали руки, возы ограбили, наши все бумажные товары, вино, тафту; въ гѣсу вино выпили, товары спрятали въ „удобное мѣсто“. „Надобно скрыть слухи“ — пошли къ морю (Байкалу). Попадались рѣчки, строили плоты и переправлялись. На Селенгѣ въ гѣсу наткнулись на верховыхъ русскихъ и братскаго. Встрѣчные спрашиваютъ:

„— Что вы за люди и есть ли билеты? Если нѣтъ, идите къ городничему.

„— Какая тебѣ до того надобность? — спрашиваютъ они съ укоромъ.

„— Я городничаго человѣкъ.

„— А вотъ мы тебѣ дадимъ знать, что мы за люди?

„Верховые испугались и бросились прочь. Опять надо слѣды хоронить, переправлялись за Селенгу на плоту. Въ слѣдующей деревнѣ снова разбрелись за милостыней, опять сошлись за околицей. Еще двое товарищей не вернулись, также отшиблись. Оставшіеся не долго таскались въ горахъ, двое рѣшились идти въ Иркутскъ и

ушли. Атаманъ не согласился и остался одинъ. По дорогѣ украли онъ у братскаго винтовку въ дневное время, а въ ночное наткнулся на саврасую кобылу, сѣлъ на нее и поскакалъ прямо на каторгу, по направленію къ заводу. Зачѣмъ? покаяться, смириться?

— Нѣтъ, стало холодно (конецъ октября), одежда измыгалась. Надо потолкаться по юрдовкамъ (тайнымъ притонамъ у живущихъ на пропитаніи), не выиграю ли? Погляжу кстати, гдѣ что плохо лежитъ“.

„На юрдовкахъ встрѣтилъ онъ двухъ товарищей; одинъ пришелъ съ женой повидаться. Атаманъ обогрѣлся, запасся теплой одеждой. Поспалъ въ подпольяхъ, поигралъ въ карты и опять пошелъ на вольный свѣтъ и опять съ товарищами, изъ которыхъ двое старыхъ, три новыхъ.“

„Подъ заводомъ въ лѣсу услышали они гнилой запахъ. Искали слѣды на досугъ и увидѣли трупъ товарища (тоже погрѣться шель). Осмотрѣли—застрѣлеть.“

„Въ ближнемъ селеніи отъ завода (въ Хонхоловѣ) у крестьянина пристань. Съ нимъ сведено знакомство еще въ заводѣ на юрдовкахъ: попить, поиграть пріѣзжалъ и самъ сиживалъ въ тюрьмѣ съ каторжными, стрѣляныи звѣрь.“

— Идите,—говорить:—въ падь. Тамъ меня дожидайте!

„Привезъ онъ хлѣба. Живутъ двѣ недѣли, а онъ все хлѣбъ возить. Разъ привезъ задокъ баранины, туезъ молока, полсотни яицъ. Другой разъ притащилъ омудей соленыхъ, киселя въ мѣшкахъ, пшеничныхъ булокъ и такой же муки. На третій разъ привезъ четверть вина и за виномъ, въ разговорахъ, указалъ на богатаго мужика въ деревнѣ Загагъ.“

— Теперь время хорошее, способное, идите грабить того мужика.

„Лошадей привелъ самъ добротный датель, самъ онъ и домъ указалъ, когда и какъ пройти и скрылся. Поѣхали, лошадей привязали въ лѣсу, сами влѣзли въ баню, выжидаю утра, когда хозяинъ уйдетъ съ работниками на покось. Онъ и уѣхалъ, да скоро вернулся, было большое несастье.“

„День и ночь лежать бѣгле въ банѣ, дожидаются. Хозяинъ отправился въ поле; бѣгле вбѣжали въ избу, трехъ бабъ—въ чуланъ. Пришли съ рѣки съ бѣльемъ еще двѣ дѣвки и ихъ туда же запртали. Пошли въ чуланъ къ бабамъ и дѣвкамъ пытать правды. Старшая баба дала 8 руб. и больше-де нѣтъ. Не повѣрили. Взяли ключи и нашли 60 р., разное платье и разный товаръ.“

„Бабъ перевели въ другое мѣсто, заперли въ казенкѣ, сами ушли въ лѣсъ, оттуда пріѣхали на „станъ“. Вещи раздували на три пая. Другъ прибылъ, вина и шанегъ привезъ.“

— Вду,—говорить:—въ заводъ, что вамъ надо?

„— Вина надо! Вотъ деньги за вино и за хлопоты.“

„— Привезу вамъ за это ружье еще.“

„Вскорѣ другъ все привезъ, что обѣщалъ, да сверхъ того новыя вѣсти.“

„— Бдетъ приказчикъ-татаринъ съ товаромъ, можно хорошо поживиться.“

„— А куда мы дѣнемъ поживу?“

„— Отвезу вашими женами.“

„Ладно. Пошли на трактовую дорогу, кушца не дождались, а попали на сыщиковъ; кинулись въ лѣсъ, переночевали, а когда пришли на свой станъ, то увидѣли огнище разрытымъ: погоня, знать, близко, надо утекать. Зашли въ деревню къ другу. Эготъ сварилъ имъ ужинъ. Дали ему 10 руб., вина привезъ, а за хлопоты синей дабы (бумажную матерію) подарили. Другъ опять послалъ въ лѣсъ, привозилъ къ нимъ туда вино и разныя извѣстія. На богатаго братскаго указалъ. Трехъ связали, четвертый не давался. „Рѣзали его ножами, конечно, отчего онъ обезсилѣлъ“. Обыскали, ничего не нашли. Стали спрашивать, не сказываютъ, начали палить огнемъ, добились 21 руб. 75 коп. серебряною монетою и разной рухляди. Попробовали сходить на заводъ, тамъ украли корову. У проходившей по дорогѣ бабы отняли деньги, полученные ею за проданныя ягоды и огородные овощи. Въ заводѣ достали фальшивые паспорта и опять ушли на старый станъ, куда снова приходилъ старый другъ навѣщать съ виномъ и вѣстями.“

„Разъ онъ извѣстилъ, что одного изъ товарищей поймали, рѣшились отбить отъ конвойныхъ, вышли на дорогу, но, увидѣвъ сильный конвой, не рѣшились. На пути украли трехъ лошадей и согласились ограбить крестьянина. Зажгли восковую свѣчу, поставили ее въ туезъ, влѣзли на крышу, разобрали ее. Пришли въ сѣни, вошли въ избу, хозяинъ огонь погасилъ и закричалъ. „Если больше будешь кричать, то тутъ тебѣ и смерть“. Дѣтей прогнали въ подизбицу, засвѣтили лучину. Хозяинъ послалъ жену за деньгами. Стали дѣлать. На каждого пришлось по 180 р. серебряною монетою и по 3 р. 15 коп. мѣдными. Забрали рухлядь и къ старому, испытанному другу похвастаться, да и поплакаться, а если не согласится, то и припугнуть.“

„— Стосковались по избѣ, какъ ни какъ, пусть ночевать, давно въ теплѣ не сиживали. Просто не въ моготу стало!“

„Вли въ избѣ баранье стегно, брюшину похлебку, пили изъ туеза вино, хвалили хозяина, дали ему 30 руб. и, какъ начало на дворѣ зориться, отправились къ заводу, чтобы въ сосѣдствѣ приладить землянку, удобную къ прожитію въ зимнее время. Самому атаману этого не удалось сдѣлать. Онъ такъ былъ пьянъ, что дорогою свалился съ лошади (а та-

кие же пьяные товарищи того не замѣтили). Около поскутины нашелъ атамана хараузскій крестьянинъ крѣпко спавшимъ, узналъ. На первыхъ порахъ онъ испугался, подозревалъ товарищей и общими силами связали его и представили къ заводскому начальству. Изъ остальныхъ товарищей его одинъ попалъ на двухъ сыщиковъ да и спрятался въ засаду, въ пустую избу. Сюда казаки ходить не любятъ, опасаются. Начали вытравливать по своему: одинъ засѣлъ за уголь, другой кричалъ „выходи“! Его не послушались онъ, влѣзъ на крышу, въ трубу просунулъ жердь: „выходи-де“! Вышелъ: „Я не здѣшній, я изъ-за Камня (нерчинскій)“—и побѣжалъ въ лѣсъ. Погвадился за нимъ, не нашли“.

Самъ Горкинъ посаженъ былъ на цѣпь; ваяясь на нарахъ, онъ смирялся.

Пока рассказы о немъ росли въ гору, зацѣпляли небывалое, мѣшали съ былыми—Горкинъ пѣлъ пѣсни, заученныя въ Россіи, выдумывалъ, говорятъ, и свои. Когда спустили его съ цѣпи въ казарму, умѣнье пѣть пѣсни и хватать ими прямо за сердце развилось въ Горкинѣ въ неподдѣльный, настоящій талантъ. Съ нимъ хорошо прожилося ему по окончаніи каторжнаго срока на пропитаніи, въ разрядѣ исправляющихся. Такимъ же мастеромъ-пѣсенникомъ зазнали его мы въ четвертомъ разрядѣ ссыльныхъ, куда перевела его судьба по окончаніи долгихъ мытарствъ. Здѣсь объявилась въ немъ новая страсть, подвернувшаяся кстаті на выручку. Полюбилъ удалой пѣсенникъ бойкихъ лошадокъ; ходилъ и гладил ихъ и выходилъ такую лихую тройку, о которой стали ходить хвастливые слухи даже и въ этой (восточной) сторонѣ Забайкалья, гдѣ сартольская лошадка стоитъ въ большой славѣ. Приманилъ къ себѣ Горкинъ молодецкою ѣздою и придержалъ на своей тройкѣ удалому пѣсенно, остроу присказкою и веселыми прибаутками слабого съ этого боку сибирскаго кушца. Горкинъ и другую тройку подобралъ, и третью обзавелся и возилъ въ нашъ проѣздъ по каторгамъ откупныхъ повѣренныхъ, какъ подрядчикъ и какъ кровный любитель, прямо изъ села Кабанскаго черезъ все озеро Байкаль въ Лиственичную *). О старыхъ злодѣйствахъ онъ забылъ, но любилъ рассказывать въ оправданіе себя такой казусъ:

— Толковали про меня много всякаго вздору. Съ этимъ и по сю пору всякій лѣзетъ ко мнѣ, чтобы я ему сознавался. Одно сказать могу: ни одной я души человѣческой не тронулъ. А вотъ это разъ было. Ушелъ я отъ сыщи-

*) По позднѣйшимъ полученнымъ мною свѣденіямъ, Горкинъ сдѣлалъ хозяйство сыну, а самъ ударился въ нищенство. Ходя по деревьямъ и вѣтамъ, любилъ забавлять малыхъ ребятъ сказками и шутками. Умеръ любимцемъ всего окрестнаго молодого поколѣнія лѣтъ 40 тому назадъ.

ковъ да и умаялся, спать захотѣлъ. Известное дѣло, всякій бродяга всякое мѣсто оглядываетъ. Хорошо просыпаться не въ петлѣ. Такое правило. Оглядѣлся и я: понравилась мнѣ яма, легъ я въ нее и заснулъ. Спать, надо быть, такъ, какъ убитый; проснулся, сталъ въ себя приходиться, пѣсно заслышалъ. Чудесно, молъ, такъ-то поетъ кто-то. Знать, не сибирякъ, потому народъ этотъ пѣть, что рыба омуль, не умѣетъ, а нашъ-де братъ російскій и, можетъ, такой же бродяга. Однако, посмотрю. Правило наше блюду, смотрю во всѣ стороны, нѣтъ никого, а кто-то мурлычить. Глянулъ поближе, а тутъ на заплотѣ (огородѣ) мурхортый казачишко сидитъ, ко мнѣ спиною, и изъ стороны въ сторону покачивается. Сталъ я прислушиваться: по нашему, по російски, ничего не выходитъ, по сибирски значить пѣсня; что ему на глаза попалось, то онъ и на голосъ поднимаетъ, про корову, про собаку вытягиваетъ. Мурлычить и этотъ казачишко. Я поближе, а у него въ пѣснѣ выходить стало, что ему-де на заплотѣ-то теперь очень хорошо и никого-де онъ теперь въ цѣломъ свѣтѣ не боится. „Медвѣдя,—говорить не боюсь,—волкъ прибѣжить,—не боюсь и волка, и Горкинъ придетъ, и Горкина, слышь, не боюсь! Ахъ! и взяла же меня тутъ обида поперекъ самаго живота! Подкрался я къ нему сзади на цыпочкахъ. Правой-то по спинѣ бачиной (прутомъ) хлестнулъ, лѣвой за плечо повернулъ его рожей къ себѣ, да и спрашиваю: „Какъ, молъ, такъ, и меня не боишься“?! Онъ на меня взглянулъ, взвизгнулъ, да какъ сногъ и свалился на землю. Какъ я его ни трогалъ, какъ ни пихалъ, не шевелится, ухо приложилъ—не дышетъ. Померъ онъ такъ, словно я ему всадилъ ножъ въ самое сердце. Вотъ въ этой душѣ каюсъ. Отъ нее и отрекаться не стану. Да развѣ я тутъ въ чемъ причиненъ?—любилъ вопрошать ямщикъ и пѣсенникъ Горкинъ, кончая любимый свой рассказъ, который онъ успѣлъ рассказать чуть ли не всему Забайкалью.

Примѣровъ довольно (за Горкинымъ ходить, повторять сказанное). Грабежи на каторгѣ—болѣзнь хроническая, не подчиненная тѣмъ законамъ, до которыхъ многосложными вычислениями дошелъ Гэрри, увѣряющій, что убійства и грабежи на общественныхъ дорогахъ производятся преимущественно въ періодъ времени съ октября по январь. Для каторжныхъ мѣсть это время—время затишья.

Оголодавшіе и иззябшіе бѣглецы, съ приближеніемъ зимнихъ морозовъ, начинаютъ тѣмъ или другимъ способомъ добываться угрѣви, искать тепла и обезпеченія на зимніе мѣсяцы. Большею частью являются они на тѣ же казенные заводы съ каторжными работами, предпочитая легчайшія тяжкимъ. Карійскій бѣглый старается помѣститься на желѣзномъ заводѣ,

бѣглый съ солевареннаго—на винокуренногъ, а бѣглый съ послѣдняго сорта работъ ищетъ работъ вольныхъ либо на частныхъ золотыхъ промыслахъ, либо на купеческихъ и крестьянскихъ фермахъ (займакахъ). Такихъ добровольно пришедшихъ начальство, считая виновными, наказываетъ домашнимъ негласнымъ судомъ и въ годовыхъ отчетахъ своихъ хвастливо представляетъ ихъ пойманными и пинетъ наказанными въ двухъ разрядахъ: „за побѣги“ и за „самовольныя отлучки“. Противъ общаго числа ссыльныхъ количество возвращенныхъ бѣглыхъ составляетъ немного больше половины; добровольно явившимся принадлежитъ значительно большая часть *). Весна, съ соблазномъ тепла и вѣроятіемъ вольныхъ работъ у лѣбопашцевъ, увеличиваетъ по всяческому казеннымъ заводамъ количество побѣговъ и число голоднаго люда—дешевыхъ работниковъ для крестьянскихъ, по сибирскому обычаю, большихъ хозяйствъ. Весеннее время теряетъ значеніе (по Гэрри) времени, соответствующаго, по количеству преступленій, осени. Сибирская осень представляется тою порою, когда число преступленій, направленныхъ противъ собственности (кражи и грабежи), идетъ въ соответствующей пропорціи съ тѣми, которыя направлены покушеніями противъ лицъ (разбой и убійства). Августъ и сентябрь представляются тѣми мѣсяцами, когда наибольше сибирскимъ судамъ доводится встрѣчаться съ виновными въ разбояхъ, сопряженныхъ съ убійствами. При этомъ убійства, противъ всякаго ожиданія, не составляютъ вблизи каторжныхъ мѣстъ такого явленія, которое можно было бы назвать частымъ, и этотъ родъ преступныхъ злодѣяній является здѣсь съ особенными характерными признаками и представляется, сравнительно съ Россіею, въ самостоятельной формѣ и совершенно въ другой обстановкѣ.

Всѣхъ убійцъ изъ Россіи, въ теченіи десяти лѣтъ, сослано 2.179 человекъ на нерчинскіе заводы. Всѣ убійцы, по характеру этихъ казенныхъ учрежденій и по экономическому значенію таковыхъ, поставлены въ исключительное положеніе рабочей силы, „стали конями“, по выраженію каторжнаго бывальца и проходимца Коренева. Насколько велика, пригодна и примѣнима ихъ сила, на столько готовы расцѣвлять ихъ болѣе самостоятельные и человѣколюбивые руководители работъ, но не блюстители нравственности. Послѣдняя не входить въ обязательства, для которыхъ не оставлено мѣста и рѣшительно не достаетъ времени. Ссылные предоставлены самимъ себѣ и притомъ въ совмѣстномъ жителствѣ и ежедневно имѣютъ все противъ себя.

*) Съ 1 янв. 1847 по 1 янв. 1857 г. число всѣхъ ссыльныхъ рабочихъ на Нерчинскихъ заводахъ составляло 6.213 человекъ; въ тотъ же періодъ наказано за побѣги и самовольныя отлучки 2.923 (2.741 за побѣги, 182 за отлучки).

Оборванная „сбруя“, въ видѣ форменныхъ одежныхъ вещей, въ одно и то же время и затягиваетъ въ безконечныя и неоплатныя казенныя долги и вѣрвѣйшимъ образомъ унижаетъ чело-вѣческое достоинство тѣхъ, кого эти лохмотья прикрываютъ. Нигдѣ, кромѣ каторги, всѣ данныя не складываются въ такомъ обиліи и согласномъ сочетаніи для того, чтобы оскорбить и унижить привилегированное и прирожденное чело-вѣку чувство собственной гордости и разумнаго личнаго достоинства. Въ способахъ обращенія, распредѣленія работъ и ихъ примѣненія, въ условіяхъ быта и взаимныхъ отношеніяхъ, все направлено къ тому, чтобы низвести людскую породу до крайней степени униженія и презрѣнія къ самой себѣ. За то нигдѣ уже эта цѣль не достигается съ такимъ успѣхомъ, какъ на этотъ разъ.

У людей, лишенныхъ всякой собственности, потерявшихъ законное право на владѣніе движимою и недвижимою, отрицаніе собственности является на первомъ мѣстѣ въ видѣ кореннаго каторжнаго закона. Ссылные воровства за грѣхъ не считаютъ и воруютъ всѣ поголовно не только у стороннихъ, свободныхъ и счастливыхъ людей, но и въ своей средѣ, у такихъ же голышей и оборвышей. Сюда, въ эту сторону, направляются преступныя покушенія всякаго сорта ссыльныхъ подъ влияніемъ благопріятнаго вѣтра, по быстрому теченію рѣки, которая на каторгѣ торопливѣе течетъ и гуще пѣнится. На каторгѣ не тѣ только воры, которые совершили разбой и кражи или обвинены въ святотатствѣ, но воруютъ и наталкиваемые голодомъ поджигатели и ищущіе спасенія въ побѣгѣ убійцы. Нѣтъ на каторгѣ разницы. Въ этомъ смыслѣ она умѣетъ уравнивать, подъ одну краску окрашиваться и зарождать во всѣхъ одинаковыя желанія. Большинство послѣднихъ сходится на глухомъ протестѣ противъ обязательныхъ и бесплатныхъ трудовъ и противъ всей каторжной тяжести, выражается стремленіями на волю, безчисленными побѣгами. На каторгѣ считаютъ возвращенными только тѣхъ, которые, по малой опытности, были неосторожны и несчастливы, но и эти ходили въ бѣга съ дурными зачатками. Отъ постоянного озлобленія, отъ дурной пищи и сырыхъ жилищъ, развивающихъ брюшныя болѣзни, цыготное худосочіе и меланхолію, бѣглецы уносятъ съ собою крайнюю раздражительность. Таковая болѣзненно возрастаетъ отъ пьянства и молчитъ только до времени. Съ набалованными на воровствѣ руками, они на волѣ являются посреди тысячъ соблазновъ и подъ безвыходнымъ гнетомъ нужды и голода. Простое воровство, хорошо приспособляющее себя тамъ, гдѣ плохо берегутъ себя и живутъ неосторожно-распущенно, но въ средѣ населенія, постоянно находящагося въ осадномъ положеніи отъ бѣглыхъ и потому осторожнаго,

воровство обязательно переходить въ грабежъ и разбой. Нерчинское горное начальство только потому мало судить за грабежъ (въ 10 лѣтъ 8 случаевъ) и за воровство (64 человекъ), что уходить его пациенты дальше, вонъ изъ предѣловъ округа, и уходить съ должными предосторожностями, на которыя обязываетъ желаніе уйти отъ рудниковъ дальше, по возможности въ Россію или, по крайней мѣрѣ, въ мѣста Сибири, болѣе гостепріимныя для бѣглыхъ. По близости дѣйствуютъ только отчаянные и живутъ, подчиняясь всѣмъ случайностямъ судьбы, которая такъ характерно отразилась на судьбѣ Горкина, представляя въ немъ лицо до очевидности страдательное, лишенное всякой изобрѣтательности. Для того, чтобы его преступной и испорченной волѣ дѣйствовать, надобно вѣншее возбужденіе; чтобы надѣлать преступленій, необходимо было умалиться до человекъ, не обладающаго ни энергіею, ни изобрѣтательностью. Весь результатъ похощеній, все счастье удачи послѣ многотрудныхъ опасностей—ведро вина и право быть въ томъ состояніи, въ которомъ такъ легко забывается на время весь сумракъ и тяжесть безповоротно испорченной жизни. Забловавшись удачами и закружившись во всѣхъ запутанныхъ похощеніяхъ, онъ, такимъ образомъ, понесъ на себѣ всю тяжесть значенія, какъ разбойника, перепачкался въ людской крови послѣ того, какъ вышелъ только отдохнуть и погулять.

Конечно, такіе субъекты—явленіе далеко не ежегодное, но, тѣмъ не менѣе, періодическое и поучительное тѣмъ, что въ такихъ людяхъ какъ бы совмѣщается все недовольство людей „каторжнаго званія, которымъ и законъ не защитникъ“ (какъ говорятъ они сами). Такіе, временами показывающіеся злодѣи, какъ бы избранные изъ среды своей мстители за товарищей, выходящіе на поле дѣятельности тогда, когда мѣра каторжнаго терпѣнія переполнилась и незримая наблюдающимъ взорамъ внутренніи причины сложились именно такъ, что появленіе злодѣя кажется неизбежнымъ и законнымъ. Онъ для того и не уходитъ далеко, а мститъ, злодѣйствуя тутъ же. Мститъ онъ, поощряемый и поддерживаемый товарищами, испытавшими тяжесть ссылки, и злодѣйствуетъ на ихъ имя, на свою спину. Вѣрно, по крайней мѣрѣ, одно, что періоды появленія въ Нерчинскомъ краѣ злодѣевъ довольно приятны и имена рѣзче другихъ выдающихся личностей хорошо извѣстны. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія заботить горныя власти разбойникъ Егоръ Григорьевъ и наводитъ страхъ и обязываетъ разсказами о своихъ похощеніяхъ мѣстное забайкальское населеніе долгое время. Слава его стала тускнѣть и разказы мельчать въ 30-хъ годахъ нынѣшняго же столѣтія, когда на смѣну ему выступилъ гѣсенникъ Горкинъ, а вотъ въ

концѣ пятидесятихъ годовъ загорѣлась звѣзда третьяго — Дубровина. Разъ случилось такъ, что въ то время, когда въ этой половинѣ Забайкалья злодѣйствовалъ Григорьевъ, въ восточной половинѣ, въ самомъ центрѣ нерчинскихъ рудниковъ, разбойничалъ Морозовъ, подъ Иркутскомъ — Гондюкинъ, въ окрестностяхъ Якутска на Ленѣ—Левицкій съ товарищами. Люди эти, поставляя главною своею цѣлью грабежъ на проѣзжихъ дорогахъ и устремляя свои нападенія, преимущественно, на кучеческіе обозы и казенные транспорты, совершали убійства иногда въ такомъ числѣ, которое поражало своею необычайностью; нѣкоторые винились въ 10, 18 душахъ. Этимъ людямъ доводилось быстро поднимать цифру совершенныхъ злодѣйствъ въ предѣлахъ каторжныхъ мѣстъ. Безъ нихъ злодѣйства не отличаются рѣзко выдающимися особенностями и растутъ, подчиняясь уже, какъ мы сказали, другимъ вызовамъ и особымъ законамъ.

Такъ, изъ числа 2.197 убійцъ, присланныхъ изъ Россіи въ тотъ же періодъ десяти лѣтъ, во всемъ Нерчинскомъ краѣ (жившемъ все это время разсказами о недавнихъ злодѣйствахъ Горкина) суждено за убійства (съ 1847 по 1857 г.) всего одиннадцать человекъ. Стало быть, изъ 200 убійцъ только одинъ (и то повидимому) подтвердилъ народное повѣріе, что разъ обогрившійся чужою кровью заражается жаждою ея и, по роковому влеченію злобной судьбы, уже не останавливается передъ новыми поводами къ подобнымъ злодѣйствамъ. Только одинъ на 565 ссыльныхъ (изъ всего числа присланныхъ на каторгу) нашелся такой, который поддержалъ укоренившееся въ образованныхъ классахъ русскаго общества убѣжденіе въ томъ, что въ ссылкѣ находятся тѣ порочные люди, для которыхъ нѣтъ ничего святого и завѣтнаго и, стало быть, пролить кровь ничего не значить.

Въ самомъ же дѣлѣ изъ Россіи являются сюда убійцами люди, отдавшіеся тому непосредственному чувству звѣрскаго раздраженія по вдохновенію кровной тяжелой обиды, которая ищетъ помощи на томъ же мѣстѣ, гдѣ присѣлъ часъ мщенія, и содѣйствія въ тѣхъ орудіяхъ, которыя являются подъ руками и первыми являются на глаза: скалки, полѣнья, топоры и проч. Присутствіе предварительной подготовки, преднамѣренной рѣшимости совершить преступленіе убійства у большей части ссыльныхъ изъ простого необразованнаго люда замѣчательно слабо и участіе развращенной воли подозрительно. Каторга даетъ многочисленныя доказательства тому, что эти люди, не умѣвшіе совладать съ приливомъ звѣрскихъ чувствъ на моментъ рѣшительнаго жизненнаго вопроса и строгаго испытанія, живущіе подъ непосредственнымъ вліяніемъ природы, вовсе не тѣ, которыхъ нельзя

было бы исправить въ Россіи, и именно тѣ, для которыхъ на каторгѣ представляется масса поводовъ натолкнуться снова и на новые случаи, дозволяющіе выразить присутствіе злой воли. Изъ ближайшихъ мѣстныхъ наблюденій оказывается, что поводы эти, становясь равнозначущими для всѣхъ живущихъ на каторгѣ, успѣшнѣе обходятся ссыльными, врасплохъ застигнутыми несчастьемъ каторжной ссылки за убійство, и поддаются соблазну этого злодѣйства на мѣстахъ ссылки безразлично всѣ, сосланные за другіе роды преступленій. Меншинство убійцъ въ этомъ случаѣ уступаетъ полѣ и мѣсто большинству другихъ преступниковъ, присланныхъ на каторгу.

Здѣшнія убійства начинаютъ свою исторію, вызывающія новыми причинами и сказываются въ другой обстановкѣ. Убійства сибирскія являются послѣдствіемъ неудавшагося грабежа въ замѣчательномъ большинствѣ случаевъ. Убійцею становится тотъ, кто пошелъ въ бѣга изъ мѣста заточенія, не успѣвъ примириться съ каторжною системою возмездія за преступленіе. Онъ дѣлается снова преступникомъ на этотъ разъ во время крайней опасности отъ голодной смерти и въ тотъ моментъ, когда послѣднія надежды его встрѣчаютъ сильный отпоръ и вооруженное противодѣйствіе. Орудіями злодѣйства, всего чаще, служатъ сами преступныя руки, скватывающія за горло для задушенія, и опять таки ножъ—орудіе для всякаго бѣглаго необходимое и всегда готовое къ услугамъ на поясу или за пазухою. Случаевъ убійствъ по любви къ искусству, подобно Дубровину (натолкнутому, впрочемъ, особымъ родомъ удалства и хвастовства передъ ослабѣвшею бдительностью начальства и всѣми испуганными его побѣгомъ изъ тюрьмы), случаевъ такихъ ссыльных мѣста даютъ такъ мало, что они блекнутъ передъ громаднымъ большинствомъ убійствъ, вызванныхъ случайнымъ моментомъ *).

Человѣкъ, осужденный на каторгу, повесѣ въ ссылку уже съ родного мѣста зачатки той нравственной болѣзни, которая имѣетъ основу въ лишеніи всѣхъ правъ состоянія, развивается въ нѣчто серьезное по мѣрѣ того, какъ этапы начинаютъ, а сибирскія тюрьмы продолжаютъ представлять и осуществлять, на опытѣ въ тяжелыхъ и настойчивыхъ формахъ, практическое значеніе того несчастья, которое называется лишеніемъ всякихъ правъ. На мѣстахъ ссылки

*) Какъ въ Россіи, такъ и въ Сибири, мусульмане отличаются наибольшою наклонностью къ убійствамъ, и не смотря на то, что надъ ихъ голову бритыми головами разразился ударъ тяжелаго молота каторги, Иркутское—Усолье представляло не совсѣмъ безопасное мѣсто. Ссылаемые сюда кавказскіе горцы (до Шамилевыхъ мюридовъ включительно) очень часто производили убійства: то рвали, то душили. За то и дорогу съ этого завода старожилы прозвали «воровскою».

достаточно развившаяся болѣзнь, подѣ впечатлѣніями общаго презрѣнія, выражаемаго словами и дѣломъ, складывается въ окончательныя формы. Если ссыльный, въ отчаяніи отъ боли, не прекратитъ жизни самоубійствомъ, то, во всякомъ случаѣ, въ немъ готовъ внутренней, невещественный нарывъ, который сказывается потомъ при всякомъ случаѣ, при малѣйшемъ вызовѣ, при ничтожномъ уколѣ. На этотъ разъ только случайность, и въ весьма рѣдкихъ случаяхъ предупредительность, основанная на разумномъ опытѣ, способны не вызывать болѣзненного раздраженія до опасныхъ и злодѣйскихъ примѣненій, часто даже характеризующихся убійствомъ. Въ ссыльныхъ мѣстахъ практическіе и умные люди, по опытамъ людей неосторожныхъ и злыхъ, хорошо знаютъ, насколько опасно, въ сношеніяхъ съ этими больными, примѣненіе средствъ ѣдкихъ и раздражительныхъ и до какой степени дѣйствительны, необходимы и способны творить чудеса успокоительныя средства. Въ то время, когда неосторожные и неопытные платились жизнью, практическіе и осмотрительные достигали блестящихъ результатовъ, только умѣя доказать самимъ дѣломъ одно, что и въ лишенномъ человѣческихъ правъ они видятъ и признаютъ человѣка. Возвращеніемъ обратно нѣкоторыхъ правъ, прибавкою этимъ больнымъ даже самыхъ незначительныхъ льготъ, достигаются тѣ неожиданныя результаты, которые свидѣтельствуютъ о живучести въ самыхъ тяжкихъ преступникахъ чувства чести и сознанія человѣческаго достоинства. Самый закоренѣлый злодѣй Дубровинъ доказалъ это тѣмъ, что довѣлъ довѣренныхъ ему каторжныхъ съ Кары до Николаевска, не упустивъ ни одного. Тѣмъ же способомъ довѣрія сумѣлъ достичь болѣе блестящихъ результатовъ тотъ этаный командиръ, которому поручено было перевезти изъ нерчинскаго Большого завода (по уничтоженіи тамъ тюрьмы) всѣхъ каторжныхъ на Кару—въ новыя тюрьмы и новыя работы на золотыхъ промыслахъ. На этой системѣ до половины зиждется утлое зданіе всей этапной системы. Большую часть деревянныхъ частныхъ домовъ въ г. Томскѣ построили рабочія артели изъ каторжныхъ, подъ надзоромъ рядчиковъ изъ своихъ же и пользовавшихся полною свободою, внѣ всякаго начальничьяго дозора. Лишь только успѣлъ замѣшаться посторонній наблюдатель (по поводу одного побѣга, о которомъ тосковала и кручинилась каторжная артель больше всѣхъ), дѣло было испорчено, рабочіе начали бѣгать. Большое мѣсто получило уколъ и уколъ произвелъ раздраженіе. Оно на этотъ разъ не сообразилось ни со временемъ, ни съ мѣстомъ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ вызова раздраженіе не умѣетъ уже различать и лицъ. Оно высказывается мщеніемъ за обиду не только въ тѣхъ

случаяхъ, гдѣ вызовъ производится со стороны могущаго и сильнаго, но и тамъ, гдѣ заявляется стороною болѣе слабою, какъ горные рабочіе, и совсѣмъ слабою, какъ свой братъ-арестантъ. Убіиства своихъ, убійства въ тюремныхъ стѣнахъ являются новымъ видомъ этихъ преступленій на самой каторгѣ.

Два шмелцера играютъ въ карты съ каторжникомъ Исаевымъ. Исаевъ выигралъ, но выигрыша ему не отдаютъ. Онъ спорить, рѣшается въ крайнемъ случаѣ идти для разбирательства въ полицію. При немъ говоритъ одинъ шмелцерь другому:

— Ежели бы ты добрый служитель былъ, ты бы Исаева, какъ ссыльно-каторжнаго, билъ бы и давно выгналъ вонъ, коему и законъ, если онъ пойдетъ въ судъ, не велитъ вѣрять.

Исаевъ закидался по избѣ, схватилъ ножъ, побѣждалъ за обидчиками и когонибудь изъ нихъ непременно бы зарѣзалъ, но въ потьмахъ не нашель ни одного.

Въ Петровскомъ заводѣ былъ извѣстенъ всѣмъ декабристамъ горбуны, ходившій постоянно съ палочкою—еврей, сосланный съ австрийской границы за контрабанду въ Енисейскъ. Оттуда горбуны, за воровство со взломомъ, былъ присланъ въ Петровскій заводъ. Здѣсь рассказывалъ онъ про себя, что сдѣлалъ его горбатымъ кнутъ, и между прочимъ откровенно передавалъ такую повѣсть.

Дали ему за преступленіе 101 ударъ кнута, стали налагать извѣстныя клейма: В. О. Р. Онъ неладно сѣлъ. Квартальный разсердился, выхватилъ у палача кнутъ, сталъ бить по головѣ сверхъ законныхъ ударовъ.

„Постой же, думаю. Снесли меня въ больницу. Здѣсь я притворился, что умираю, и скажываю: пусть-де возьметъ у меня квартальный поясъ, а въ поясѣ, моль, деньги. Пришелъ онъ. Я свалился съ койки на полъ, началъ стонать, рукой на поясъ показываю. Наклонился квартальный за деньгами. Я наловчилъ руку, сгрѣбъ припасенный ножъ, распоролъ квартальному брюхо и грудь ему подпаль“.

На нашихъ глазахъ въ Верхнеудинскѣ окончилось послѣднее дѣйствіе драмы, которую затѣялъ другой еврей, Хаимъ Аврумовъ Вульевъ. Кончилось оно тѣмъ, что его прогнали сквозь строй за побѣгъ съ каторги Кутомарскаго завода, за нанесеніе по понимѣ изъ этого побѣга тюремному смотрителю Верхнекарийскаго промысла ножомъ раны и за убійство ссыльно-каторжнаго Николая Семенова *). Послѣднее

*) Гоняли его сквозь строй черезъ тысячу человѣкъ одинъ разъ и указали, сверхъ прежняго срока, приковать къ телѣжкѣ на два года, а восемь лѣтъ потомъ содержать въ отрядѣ испытанныхъ. Вульевъ всю тысячу сразу не прошелъ, упалъ въ обморокъ. Когда фельдшеръ привелъ его въ чувство, Вульевъ первымъ дѣломъ ударилъ благодѣтеля по щекѣ; вторымъ—пригрозилъ

убійство обставилось для Вульева такими подробностями.

Работалъ онъ съ товарищами на тюремномъ арестантскомъ огородѣ подъ наблюденіемъ часовыхъ, стоявшихъ у тюремнаго помѣщенія. Захотѣлось ему отдохнуть и онъ вошелъ въ кухню въ то время, когда староста Семеновъ вынулъ изъ котла мясо и хотѣлъ рѣзать его на пайки. Для этого получилъ и ножъ, сохраняющійся всегда у военнаго караула. Пока товарищъ Семенова ходилъ за комнатнымъ надзирателемъ, чтобы пригласить его развѣрять на пайки вареное мясо, Семеновъ лежалъ уже на нарахъ близъ двери зарѣзаннымъ. У Семенова съ Вульевымъ были какіе-то счеты, ничтожныя до того, что слышавшій споръ изъ сосѣдней комнаты не счелъ за нужное войти и мирить. Но Семеновъ успѣлъ выговорить: „Ты злодѣй не только мнѣ, но и всему міру“.

Вульевъ, тотчасъ подскочивъ къ Семенову, ударилъ его по лицу и съ азартомъ требовалъ отъ него доказательства, почему онъ злодѣй, и притомъ ткнулъ въ лѣвый бокъ Семенова тѣмъ ножомъ, который вырвалъ изъ его рукъ. Семеновъ застоналъ и легъ на нары. Вульевъ—по собственному сознанію и по свидѣтельству очевидцевъ—видя Семенова въ отчаянномъ положеніи, бросилъ ножъ и пошелъ въ казарму на заковъ объявить, что онъ зарѣзалъ старосту. Рану убитаго пробовали присыпать табакомъ и прикладывать тряпку „для удержанія кровоизліянія“, но Семеновъ черезъ нѣсколько минутъ умеръ, не объяснивъ причинъ ссоры.

Вульевъ растолковалъ ее такимъ образомъ: „18 дней не выходилъ я на работу и занимался шитьемъ одеждыхъ вещей: починкою штановъ и шитьемъ куртки. Пришелъ на кухню по просьбѣ товарища-арестанта портного же Янкея Трусселя, отъ котораго получилъ 1 руб. сер. для того, чтобы прибить Семенова, а Труссель былъ въ ссорѣ съ Семеновымъ „за непродажу ему сапоговъ“.

Изъ медицинскаго свидѣтельства видно, что Вульевъ „тѣлосложенія слабого, страдаетъ хроническимъ разстройствомъ сердца съ сильнымъ біеніемъ онаго, имѣетъ изломанную головную кость, на лѣвое ухо глухъ и боленъ лопотомъ ногъ, изъ которыхъ правая одеревѣла и не чувствительна“. По статейному списку узнаемъ, что ему 44 года, изъ мѣщанъ, что онъ присланъ въ каторжную работу на заводы за грабежъ, наказанъ кнутами съ постановленіемъ знаковъ.

По самому дѣлу и допросамъ подсудимыхъ ясно, что драки и ссоры—обыкновенный тюремный способъ препровожденія времени, что

убить судью и стряпчаго, лишь только удастся ему бѣжать изъ тюрьмы. То же самое настойчиво повторялъ онъ и на койкѣ въ лазаретѣ, излечиваясь, чтобы доходить остальную тысячу.

затѣваются онѣ на этотъ разъ не впервые, по вызову самыхъ пустыхъ и ничтожныхъ поводовъ, и навѣрное на этихъ невинныхъ занятіяхъ многимъ удастся срывать свое сердце и облегчать душу, не догрызаясь до ножа, не раздражаясь до убійства. Граница лежитъ тамъ, гдѣ уколы бьютъ по сосѣдству и не попадаютъ въ жгучую рану, снабженную наболѣвшими и раздраженными нервами. Такихъ, у которыхъ разбереженная рана никогда не заживала и постоянно ныла, однимъ словомъ такихъ, о которыхъ любятъ повѣствовать французскіе писатели (какъ, напр., Arret), на нашихъ галерахъ почти нѣтъ совсѣмъ. Сживали они всѣ когда-то въ одномъ мѣстѣ: въ Акатуйской тюрьмѣ на цѣпяхъ, но передъ французскими злодѣями, вроде Венуа, Шоффрана, Полипинеля, Режеса, Ласенера и Авриля наши убійцы—грубая мелкота, далеко не такъ тонко выдѣланная и замѣчательно простоватая. Попрочьѣ и поядовитѣ другихъ выдался нѣкто Филипповъ. Придетъ припадокъ, онъ и когти припрячетъ, приладитъ оружіе—когти выпуститъ. Освобожденный отъ кандаловъ, онъ купилъ себѣ въ Акатуй домикъ. Разъ подступилъ къ нему приливъ злыхъ мыслей: посадилъ онъ въ печь именитый пирогъ и пошелъ къ надзирателю рудника кланяться, просить осчастливить посѣщеніемъ. Тѣмъ же упросилъ содержателя и смотрителя. Всѣ любилъ выпить (онъ это зналъ). Напилъ онъ ихъ до безчувствія водкою съ дурманомъ, разорвалъ на нихъ платье, подбилъ глаза, наломалъ бока, перебилъ собственные горшки и оконныя стекла, переломалъ мебель. Являсь къ главному начальнику, онъ жаловался, что гости его крѣпко изубыгчили. Представилъ тому наглазныя доказательства: вотъ валяются на полу. Успокоился онъ, когда гости заплатили ему большія деньги, по приказанію главнаго начальника. Его нѣсколько разъ приковывали на цѣпь и увольняли.

Разъ, когда онъ сидѣлъ на цѣпи, услышалъ стороною разговоръ о собственной жентѣ, которая будто бы завязала связь съ выпущеннымъ недавно на волю арестантомъ. Ревность заставила его притвориться больнымъ и лечь въ лазаретъ. Въ лазаретѣ прикинулся онъ умирающимъ, просилъ жену навѣстить его передъ смертью. Эта пришла съ калачами. Филипповъ притиснулъ ее къ окну, схватилъ за горло и уже подыалъ на воздухъ, чтобы совсѣмъ задунить, но на выручку прибѣжали арестанты съ солдатами. Сидѣлъ онъ въ послѣдній разъ на цѣпи рядомъ съ Безногимъ, убійцею и бродягою, лишившимся ногъ въ лѣсу на морозѣ. Оба жила дружно и дожили до того, что у нихъ могла сладиться игра въ карты. Разъ за игрою повздорили и подрались. Безногий схватилъ Филиппова за горло и такъ сильно ударилъ его лоловою о желѣзную рѣшетку, что расколося

черепъ и Филипповъ исчезъ изъ списка злодѣевъ.

Восточная Сибирь, какъ преимущественное складочное мѣсто всѣхъ убійцъ и злодѣевъ, сохраняется между прочимъ объ одномъ такое преданіе (въ Минусѣ). У мѣщанина живетъ бѣглый и ходитъ съ нимъ на охоту. Разъ въ одну изъ такихъ прогулокъ замѣтилъ онъ звѣровщика, доставшаго съ дерева подстрѣленную бѣлку. Бродяга хладнокровно прицѣлился и ухлопалъ на повалъ этого незнакомаго и перваго встрѣчнаго. Содравъ одежду, онъ пошелъ домой. Натолкнувшись на другого, съ нимъ поступилъ также. Мѣщанинъ-спутникъ сталъ его упрекать. Бродяга скрутилъ ему руки и ноги, ограбилъ, потомъ началъ отрывать ему члены одинъ за другимъ съ наслажденіемъ, не торопясь. Жена мѣщанина, не дождавшись мужа, объявила о пропажѣ его. Полиція нашла трупъ и поймала бродягу. На допросѣ онъ повинился еще въ 15 убійствахъ и охотливо разсказалъ, что съ убитыми не разставался разомъ, а находилъ большое удовольствіе въ томъ, чтобы полежать воалѣ него и даже поспать цѣлую ночь рядомъ съ труномъ.

При условіяхъ возбужденій, подобныхъ тѣмъ, которыя натолкнули на убійство даже евреевъ Горбуна и Вульева (народа наиболѣе осторожнаго и наименѣ причастнаго смертному грѣху смертоубійства), не мудрено возрости въ десять лѣтъ цифрѣ до 11 (представить по одному случаю на годъ) и затѣмъ оставить такое слабое вѣроятіе для убійства всѣмъ смыслнымъ, такъ что собственно старымъ убійцамъ для новыхъ убійствъ остается ничтожное мѣсто. Не потому это такъ, что злодѣйской рукѣ мало простора въ слабо населенныхъ забайкальскихъ и сибирскихъ краяхъ, обладающихъ всѣми средствами раздраженія, но потому, что и здѣсь убійство—явленіе необычайное, будучи взято не во времена народныхъ бѣдствій, когда усиливаются кражи, возростають грабежи и появляются разбои, обливающие слѣды свои человѣческой кровью.

Такия времена для Сибири миновали съ тѣми тяжелыми для новой страны днями, когда неправильныя, насилуванныя заселенія ея всякимъ обродомъ вызывали разбои и убійства повременю; во времена Петра на Иртышской линіи; въ половинѣ прошлаго столѣтія въ юго-западной Сибири, въ алтайскихъ странахъ (разбойникъ Аванасій Селезневъ), въ концѣ прошлаго столѣтія между Красноярскомъ и Иркутскомъ (Гондохинъ), въ началѣ нынѣшняго за Байкаломъ (Григорьевъ и Горкинъ). Разбои и убійства перекочевывали туда, куда направляли и гдѣ сосредоточивали искусственныя заселенія. Не исчезло это явленіе и при болѣе неблагоприятныхъ географическихъ и экономическихъ обстоятельствахъ: разбойничалъ бывший князь Баратаевъ за Леною, когда прокладывали дорогу изъ Охотска на рѣку Алданъ; нарожда-

лись разбой и производились убійства и тогда, когда заселяли пустынную Камчатку. Кемчугскія горы и дремучіе тайговые лѣса за Ачинскомъ къ Красноярску считались долгое время страшными для путешественниковъ. Мѣста придорожныя окружены природными вертепами, обезпеченными непроницаемыми лѣсными трущобами. Разбой были сильны и прочны въ силу принудительныхъ поселеній, устроенныхъ такъ, что всѣ жители разбѣжались за немѣнимою силой расчищать лѣса подъ пашни.

Сибирскія современныя убійства, отчасти подчиненныя вліянію возмездія каторгою, но въ такой мѣрѣ, что каторга дѣйствуетъ оглушающимъ способомъ острастки и вовсе не владѣетъ способами исправленія. Свидѣтели злодѣйствъ, опираясь на предварительную порчу преступниковъ въ Россіи, не имѣютъ средствъ и времени опредѣлить свое мѣсто и взвѣсать тѣ благоприятныя для преступленій причины, которыми обильно снабжены мѣста, доверенныя ихъ надзору и попеченіямъ. Какъ самъ убійца, раскаляясь на судѣ въ собственномъ злодѣяннѣ, ищетъ для опредѣленія своего нравственнаго раздраженія и вступленія въ словахъ и говорятъ „разсвирѣтѣвъ и какъ бы окаменѣвъ, я бросился на него и проч.“, такъ въ тѣхъ же словахъ ищутъ оправданія себѣ приставники ссыльнаго люда, находяще свое оправданіе въ предварительной и безвозвратной порчѣ ссыльныхъ. Между тѣмъ, на ихъ же глазахъ происходятъ изумительныя факты исправленій злыхъ людей, конечно, помимо ихъ участія и вовсе независимо отъ каторжнаго вліянія. Превращеніе контрабандистовъ въ убійцъ и исчезновеніе въ убійцахъ убійцъ—слишкомъ извѣстны на каторгѣ факты и слишкомъ осязательныя явленія для того, чтобы можно было въ нихъ сомнѣваться.

У пристава одного изъ каторжныхъ мѣстъ мы нашли разбойника, ограбившаго почту и убившаго ямщика съ почтальономъ—въ водовозахъ, живущимъ и ночующимъ на кухнѣ; у начальника промысловъ женщину, зарѣзавшую собственнаго ребенка—въ кормилицахъ, отличающуюся неуспыннымъ надзоромъ, необычайною любовью въ вскармленнику и прочимъ дѣтямъ, братьямъ и сестрамъ ея питомца. Извѣстный всему Забайкалью, ловкій и весьма опасный разбойникъ и знаменитый пѣсенникъ Горкинъ кончилъ тѣмъ, что въ наше время возилъ, темными ночами, по пустынному и пятидесятиверстному перегону, черезъ замерзшій Байкаль, откупныхъ повѣренныхъ послѣ того, какъ они успѣли обобрать во всѣхъ забайкальскихъ кабакахъ всѣ деньги, натасканныя богатѣлюю торговою—казацкою и голытьбою каторжною—казацкою, и совсѣмъ кончилъ уличнымъ шутомъ—скоморохомъ съ пляскою подъ веселый и шаловливый пригѣвокъ на потѣху деревенскихъ ребятшекъ.

Таковы, на выдержку, первые попавшіеся подъ перо частныя случаи изъ каторжной практики. Но и на этотъ разъ частныя случаи предшествуютъ общимъ и пополняются ими. Миліоны воевъ съ чаемъ изъ Кяхты въ Москву, тысячи троекъ съ серебромъ, предназначеннымъ на выгнѣть этихъ чаевъ, изъ Москвы въ Кяхту прошли и пробѣжали по тому же Забайкалью, населенному предпочтительно самими опасными и испорченными людьми, выброшенными за негодностью изъ опасливой и трусливой Россіи. Подъ самыми воротами и стѣнами каторжныхъ жилищъ казна провозитъ огромныя суммы, назначаемыя въ два свои, самыя отдаленныя казначейства. Трехмилліонная торговая компанія провезла свои милліоны и, не потерявъ въ дорогѣ, всѣ безслѣдно и безвозвратно сама утопила въ Амурѣ до послѣдняго рубля и копейки. Ежегодно изъ самаго нутра каторжнаго пекла въ концѣ зимы, на почтовыхъ тройкахъ, та же казна возитъ на многія сотни тысячъ золото и серебро въ слиткахъ, подъ охраною самаго ничтожнаго числа забайкальскихъ казаковъ, носящихъ удалое званіе только по преданію. Туземецъ-сибирякъ вовсе не видитъ въ этомъ рискованнаго дѣла, но даже ждетъ такого времени съ нескрываемымъ нетерпѣніемъ, суевѣрно вѣруя, что когда „пробѣжитъ золотуха“ (транспортъ съ золотомъ), въ воздухѣ полетчатъ, морозы съ этой поры станутъ сдавать и слабѣть, а пробѣжитъ „серебрянка“—придорожный сибирякъ набожно крестится и приговариваетъ: „слава Богу и Инокентію, чудотворцу иркутскому! увезли мірскую кровь и людскія слезы! надо телѣгу чинить, скоро кукушка закукуетъ“.

Во всю длину битой дороги, идущей черезъ Сибирь, добротные люди изъ старожиловъ даютъ проѣзжимъ легкіе совѣты быть осторожными на ночное время въ двухъ-трехъ мѣстахъ на всѣхъ четырехъ тысячахъ верстъ всего пути въ самыя дальнія мѣста самой строгой каторги. Тамъ же, гдѣ сама каторга считаетъ собственныя сотни верстъ, предостереженій таковыхъ проѣзжихъ не получаетъ. Затѣмъ уже нигдѣ не испытываетъ онъ большихъ неприятностей отъ дорожной встрѣчи съ обозами, беззаботно растянувшимися по всему полотну битой зимней дороги. Словно и бѣдятъ здѣсь эти извозчики круче и дахи ихъ телѣге, а потому и спать они на возахъ крѣпче.

Что на виду, то и на самомъ дѣлѣ. Не скрываемою, насмѣшливо-хвастливою улыбкою встрѣчаютъ настоящіе знатоки каторжныхъ порядковъ и ближайшіе приставники и блюстители ссыльныхъ людей всякое сомнѣніе въ безопасности ихъ положенія среди испорченнаго на родинѣ и озлобляемаго на чужбинѣ ссыльнаго люда. Какою нибудь сотнею казаковъ, гдѣ старый зачастую пугается на службѣ съ малымъ—

эти, увѣренные въ себя люди защищаются сами и защищают казенное и свое имущество отъ огромнаго сброда настоящихъ порченныхъ преступниковъ, у которыхъ утратилось все заветное и святое, у которыхъ даже собственная одежда, въ зимніе холода, на плечахъ не держится, и либо проигрывается въ карты, либо обигивается на вино. Наблюдатели, официально обязавшіеся должностью и службою, увѣряютъ, по личному опыту, что большая часть преступленийъ вѣранныхъ имъ людей выродилась изъ нужды, доведенной до крайности, и сопряжена съ захватомъ чужой собственности, что только незначительная часть совершена подъ влияніемъ страстей, что это такъ и должно быть, потому что большинство пришедшаго на каторгу народа—люди простые, необразованные, либо крестьяне, либо мѣщане. Другіе наблюдатели (не присяжные, но сторонніе), которыхъ судьба привела въ каторжную жизнь изъ среды образованнаго и даже высшаго круга, рядомъ опытовъ и долговременнаго изученія, пришли къ тому же основному выводу, что всѣ эти каторжные люди пали подъ влияніемъ какихъ нибудь случайныхъ обстоятельствъ. Въ дѣлѣ паденія ихъ всего меньше замѣтно участие сердца. Оно, это сердце, во всякомъ случаѣ не злое, а испорченнымъ является уже потомъ и именно здѣсь, на каторгѣ. Все это—именно *несчастные* люди, какъ совершенно вѣрно и достаточно мѣтко опредѣлили ихъ самъ же простой народъ, выдѣлвшій изъ себя этихъ преступниковъ. Вотъ почему (говорятъ намъ) и среди этого народа, не вооруженная револьверами и ружьями, не защищенная заборами и стѣнами, красуется тихая сельская жизнь съ тою же прелестью совершенно обезпеченнаго и защищеннаго труда на Шилкѣ, и на Аргуни, на Хилкѣ и Газимурѣ, какъ бы и на матушкѣ Волгѣ, и что едва ли даже не въ большей распущенности проводится и не съ большею безпечностью устроивается и семейная жизнь здѣсь, чѣмъ, напримѣръ, въ большихъ городахъ русскихихъ, оберегаемыхъ полиціею.

М. М. Сперанскій, побывъ генералъ-губернаторомъ Сибири, писалъ къ своей дочери (1819 г.): „Число ссыльныхъ, какъ капля въ морѣ; ихъ почти не видно, кромѣ нѣкоторыхъ публичныхъ работъ. Невѣроятно, какъ вообще число ихъ маловажно. По самымъ достовернымъ свѣденіямъ они едва составляютъ до двухъ тысячъ въ годъ и въ томъ числѣ никогда нѣтъ и десятой части женщинъ. Со временемъ я издамъ таблицы, которыя удивятъ просвѣщенную Европу! Они докажутъ, что у насъ въ 20 тысячахъ едва можно найти одного преступника, да и то ворышку маловажнаго; важныхъ нѣтъ и на сто тысячъ одного. Я самъ не повѣрилъ бы сему прежде и считаю это великимъ въ моральномъ мірѣ открытіемъ“.

Онъ же говорилъ генералъ-губернатору Восточной Сибири, Сем. Богд. Броневскому: „Мнѣніе, будто бы въ Сибирь ссылаютъ людей самыхъ порочныхъ, не точно. Объясню притчей. Многіе переходили ровъ, одинъ за другимъ, по узкой кладкѣ. Осторожные всѣ перешли, а одинъ упалъ, взглянувъ на сторону, замарался и ушибся“! Затѣмъ этотъ же Броневскій писалъ въ посмертныхъ запискахъ: „Притча Сперанскаго объясняетъ нѣкоторымъ образомъ, что, дѣйствительно, большая часть зѣвакъ туда попадаетъ. Вѣдность, вино, любовь, солдатство и несносные господа либо управители влекутъ народъ на заселеніе Сибири. Многіе говорятъ, что преступники, перейдя границу европейскую, т. е. Уральскій хребетъ, совершенно перерождаются къ лучшему,—и не мудрено! — широкое раздолье угольевъ, довольство въ первыхъ потребностяхъ и свободное состояніе, выжѣненное на рабство, при разныхъ облегченіяхъ, даруемыхъ правительствомъ ссыльно-поселенцамъ, хотя какого заблудшаго образумить. Не должно впадать въ заблужденіе, считая и варнаковъ людьми опасными и безнадежными. Разбойничать, по внушенію ловкаго соблазнителья, при нуждѣ и бѣдности оглушеннымъ вномѣ, впадъ въ преступленіе, вдругъ видитъ пропасть, въ которую себя ввергъ. Совѣсть начинаетъ его со всею силою мучить и онъ, чтобъ освободиться отъ этого страданія, часто добровольно отдаетъ себя на другое: въ руки правосудія, и съ сильнымъ раскаяніемъ терпѣливо влечитъ свою жизнь въ работѣ и изгнаніи. Есть много сосланныхъ за политическія и противорелигіозныя преступленія и по замѣшательствамъ, происходящимъ въ городахъ, селеніяхъ и полкахъ, увлеченныхъ общимъ движеніемъ или повѣрившихъ, по невѣжеству своему, нелѣпымъ внушеніямъ злокозненныхъ лицъ. Я знаю, что въ заводахъ и рудникахъ многіе каторжные исполняютъ, со всею вѣрностью, интересныя должности. Зародышъ добра въ такихъ до того силенъ, что худые примѣры и разные рассказы въ сонмѣ закоренѣлыхъ преступниковъ не производятъ на нихъ ни малѣйшаго влияния. Въ Сибири почти у всѣхъ чиновниковъ и купцовъ прислуга изъ класса ссыльныхъ. Однако, примѣры побѣговъ съ воровствомъ, тѣмъ болѣе злодѣянiami, довольно рѣдки“.

Короче Сперанскаго и Броневского, но согласно съ ними, выразился Кетляэ (въ своей *Physique sociale*), что преступленіе есть нѣмой, въ большей части случаевъ, безсознательный протестъ человѣческой природы противъ несовершенствъ общественнаго устройства. „*Chaque criminel est le martyr de l'ordre sociale*. Крупныя преступленія—исключенія въ общественной жизни, они не нарушаютъ обычнаго, заведеннаго порядка. Важность ихъ заключается въ ихъ необычности, преступленія же мелкія со-

вернаются ежедневно и всего болѣе колютъ глаза заведенному порядку, хотя вниманіе публики къ нимъ равнодушно“. Къ тому же (какъ сказалъ Фурье) „безнадежная бѣдность такъ же способна ненавидѣть законъ, какъ чрезмѣрное богатство его презирать“.

Нерчинское горное начальство приняло на свои каторжныя работы изгнанныхъ изъ Россіи, за негодностью и признанныхъ опасными для нее, въ теченіи одного десятка лѣтъ (съ 1-го января 1847 г. по 1-ое января 1857 г.), шесть тысячъ двѣсти тринадцать человѣкъ самыхъ тяжкихъ преступниковъ. Въ этомъ числѣ, въ расчетѣ на большее преусиѣвіе края и на пущую опасность для бессмысленнаго и непроступнаго населенія изъ старожиловъ, явилось изъ Россіи однихъ убійць 2.179 человѣкъ, болѣе чѣмъ третья часть всего числа убійць, приговоренныхъ на каторгу въ Россіи и высланныхъ въ Сибирь въ предыдущій десятокъ лѣтъ (съ 1837 по 1847 г.). Кромѣ того, съ единственнымъ, но призрачнымъ выигрышемъ для себя, Россія выслала въ нерчинскіе рудники, въ тотъ же десятокъ лѣтъ (конечно, не для исправленія), разбойниковъ и грабителей (воровъ со валомомъ) 1.136 человѣкъ; фальшивыхъ монетчиковъ и покушниковъ краденнаго 191, поджигателей 174, святотатцевъ — 72, произведшихъ растлѣніе—54, возмущеніе 12 и оскопленіе—7,—и 2.256 человѣкъ, „завиненныхъ въ неоднократныхъ побѣгахъ“, сопряженныхъ съ другими преступленіями и, вообще, не даромъ скрывшихъ свои настоящія имена и объявлявшихся на судѣ „непомнящими родства“ *). Если, можетъ быть, и не всѣ провинившіеся въ этихъ преступленіяхъ въ Россіи, за періодъ предшествовавшаго десятка лѣтъ, а только пойманные и уличенные явились на нерчинскую каторгу, если даже и изъ замѣненныхъ и приговоренныхъ въ ссылку нѣкоторая часть (и довольно, впрочемъ, значительная) оставлена для работъ по сю сторону Байкала (на сибирскихъ казенныхъ заводахъ и фабрикахъ **), тѣмъ не менѣе предлагаемая цифра сосчитана вѣрно и закрѣплена поголовною переключкою и повѣр-

*) Общее число ссылныхъ въ нашу десятилѣтнюю сложность дополняется, сверхъ того, еще 2-мя сосланными за пристанодержательство (то есть притонниковъ, державшихъ притонъ для преступниковъ), 77-ью сосланными за „дѣловость противъ начальства“, 19-ью за утрату казенныхъ вещей и поврежденіе у себя членовъ (за членовредительство, какъ привыкли выражаться наши законники по нѣмецкому способу словоизмысленій) и 54-мя, присланными за Байкалъ за политическія дѣла (то есть поляками).

**) Такъ, напримѣръ, большая часть ссылныхъ женщинъ оставялась, не доходя Иркутска, на Тельминской сужонной фабрикѣ, въ силу указа 1798 г. (26 марта). Только на короткое время эта фабрика уступала семейныхъ женщинъ для отправки на Александровскую фабрику въ Тифлисъ.

кою. Не вся она на лицо (это также вѣрно), не только въ первые мѣсяцы по приходѣ, но даже и въ первыя недѣли, и измѣнилась эта цифра побѣгами, однако, въ ней достаточно есть грязной, враждебной и опасной силы для туземнаго населенія, имѣющаго несчастье жить въ сосѣдствѣ съ каторгою, владѣющаго отъ труда нажитою собственностью, нерѣдко именно въ такомъ размѣрѣ, чтобы порождать соблазнъ и возбуждать зависть въ немущемъ своей и потерявшемъ все, даже доброе имя.

Мы видѣли, насколько не крѣпки бандалы, какъ скованныя въ Россіи, такъ и замѣнившія ихъ въ Сибири. Всѣ знаютъ, до какой степени застоялись тюрьмы Россіи, хотя онѣ построены за дорогія деньги изъ каменнаго матеріала по системѣ подряднаго соперничества. Въ Сибири даже и тюрьмы не всѣ каменные, а тѣ, въ которыхъ скопляется наибольшее число опасныхъ людей (каковы тюрьмы каторжныя), какъ бы намѣренно деревянные, но съ тѣмъ же ржавымъ желѣзомъ въ окнахъ и на дверяхъ, съ такими же подкупными сторожами и, вообще, съ ненадежными затворами и запорами. Къ тому же на каторгѣ цѣнится рабочая сила, которая возила бы руду и разгребала бы пески; для педагогическаго заведенія на каторгѣ нѣтъ ни мѣста, ни времени. Какъ творится то чудо, что опасное для Россіи населеніе, безъ видимыхъ внутреннихъ причинъ и безъ всякаго старанія и попеченія извнѣ, становится безопаснымъ для Сибири,—возбуждаетъ недоувѣріе и порождаетъ обязательство повѣрки такого знаменательнаго и замѣчательнаго факта. Мы старались произвести ее при содѣйствіи лицъ, близко стоящихъ къ дѣлу, разспросами самихъ преступниковъ и личными нашими наблюденіями надъ тою частью Россіи, которая такъ грозно, своеобразно и самостоятельно отдѣлилась отъ всѣхъ другихъ частей Россіи, не имѣющей съ Забайкальемъ, въ этомъ отношеніи, никакого сходства.

Мы останавливались на убійцахъ и на самомъ преступленіи смертоубійства, какъ на такомъ, которое не есть слѣдствіе разбоя или грабежа и не вытекло изъ бродячества—этого богатаго источника многихъ злодѣяній, но то смертоубійство, которое и нерчинскую статистическою таблицею выдѣлено въ отдѣльную графу и на самомъ дѣлѣ, въ общественномъ значеніи этого слова, стоитъ отдѣльно и одиноко. Убійство, какъ болѣзненный наростъ на общественномъ организмѣ, не оправдываемое никакими законами, но, тѣмъ не менѣе, подчиненное своимъ, служить, въ одно и то же время, и мѣриломъ для выясненія болѣе или меньшей степени развитія нравственнаго состоянія извѣстныхъ классовъ общества въ данную эпоху и характеризуетъ цѣлый народъ, объясняя ступень, на которой стоитъ его цивилизація. Это обязава-

еть насъ оглянуться назадъ, припоминая одну тѣмъ въ Москвѣ, и съ убійцею, выходящимъ случайную встрѣчу съ убійствомъ, надѣланнымъ изъ ряда обыкновенныхъ, на мѣстѣ его изгнаннымъ на всю Россію и до сихъ поръ не забы-

ГЛАВА II.

У Б І Й Ц Ы.

Причины смертоубійствъ и проявленіе этого преступленія у насъ.—Мѣста, наиболѣе богатыя убійствами.—Монгольскія племена.—Прочіе инородцы.—Уралъ.—Заводскіе люди.—Дѣтоубійства.—Убійства женъ и мужей.—Вратоубійства.—Убійства родственниковъ.—Убійства помѣщиковъ крестьянами и дворовыми.—Крестьянскіе бунты.

Въ Россіи ежегодная цифра убійствъ принадлежитъ по разрядамъ преступленій къ самымъ крупнымъ. Въ средѣ ихъ, по количеству преступниковъ, она занимаетъ третье мѣсто. Преступленіе этого рода уступаетъ числомъ жертвъ лишь бродячеству и разнаго вида воровству (кражѣ и мошенничеству). Раздѣляясь на смертоубійство умышенное и случайное („неосторожное“), оно даетъ число ссыльныхъ по первому виду почти въ семнадцать разъ больше, чѣмъ по второму. Въ года, ближайшіе къ годамъ нерчинской таблицы, въ теченіи девяти лѣтъ (съ 1838 по 1847 г.), всякаго рода убійцы прошло въ Сибирь 4.952 мужчины и 1.451 женщина *). Изъ этого числа крупныя цифры принадлежатъ тѣмъ губерніямъ, которыя по преимуществу населены инородческими племенами, стоящими на самой низшей ступени гражданскаго развитія, не отставшими отъ кочевой жизни и тѣхъ привычекъ и вѣрованій, которыя являются ея слѣдствіемъ. Монгольскія племена, составляющія большинство населенія восточныхъ русскихъ губерній, за долгое историческое существованіе въ средѣ вліянія славянской расы, оказали большое упорство и крайнюю устойчивость въ коренныхъ народныхъ началахъ и неподатливость вліянію чуждыхъ. Упрямо и медленно поддаваясь успѣхамъ и условіямъ гражданственности чужого племени, монгольскія, въ большинствѣ, сумѣли остаться при тѣхъ же первобытныхъ грубыхъ нравахъ, которые характеризовали ихъ и въ отдаленную эпоху ихъ политическаго существованія. Если замѣтна между нѣкоторыми изъ нихъ большая мягкость нравовъ, уступившихъ духу времени и нѣкоторымъ правительственнымъ настояніямъ, то за то другая и большая часть отстаиваетъ упорно свои племенные особенности. Если лихой татаринъ успѣлъ

*) Въ это число тобольскія табели о ссыльныхъ включили, вмѣстѣ съ самими убійцами, и количество тѣхъ преступниковъ, которые знали о преступленіи и не объявили начальству, и тѣ, которые суждены по подозрѣнію и, наконецъ, тѣ, которые нанесли тѣлесныя поврежденія другимъ лицамъ съ намѣреніемъ къ убійству.

измельчиться въ бывшемъ Казанскомъ царствѣ въ торгаша-бухарца и буряты начали мирно распахать поля подъ Иркутскомъ, то, съ другой стороны, киргизы не отстаютъ еще отъ грабежей и хищническихъ наѣздовъ, обливая слѣды баранты человѣческой кровью, а татары и буряты берегутъ на крайній случай и на благоприятный вызовъ неудержимую дикую вспышку. Они не потеряли понятія о мести кровъ за кровъ, этой характерной черты азіатскихъ народовъ, еще не осѣдлыхъ и не гражданственныхъ,—черты, выразившейся съ большею опредѣленностью и послѣдовательностью въ жизни кавказскихъ и закавказскихъ горцевъ. Вотъ почему и тобольская табель о ссыльныхъ должна была выразиться въ такомъ видѣ: убійцы-татарь 67, башкирь 44, киргизовъ (только изъ Оренбургской губ.) 8, черкесовъ (только мирныхъ) 7 (между прочимъ, грузинъ 62). Наклонность къ убійствамъ въ магометанахъ выразилась такъ, что составляетъ самую видную и крупную черту ихъ нравовъ.

Точно также и въ тѣхъ инородческихъ племенахъ, происхожденіе которыхъ этнографы и филологи приписываютъ чуди, коренныя народныя свойства крайне живучи и дѣятельны. Не такъ давно начали рѣдѣть слухи о такъ называемой „сухой бѣдѣ“—особенномъ видѣ самоубійства, требующемъ отъ обиженнаго вояка, чуваша и черемиса веревки и петли, чтобы повиснуть на ней надъ воротами обидчика. До сихъ еще поръ на нашихъ глазахъ воровство всякаго рода не считаютъ грѣхомъ ни вогулы, ни цыгане, ни дальнее сибирское племя якутовъ; за то у тунгусовъ оно—поразительная случайность, преслѣдуемая и нетерпимая пѣлымъ племенемъ. Нигдѣ въ Европѣ законодательство не стоитъ въ такой крайней зависимости отъ требованій разноплеменности и нигдѣ оно не находится въ такихъ крайностяхъ и трудностяхъ и въ большей отвѣтственности передъ законами человѣчества, какъ у насъ въ Россіи. Нигдѣ также нѣтъ большей трудности рѣшать о степени нравственнаго развитія народа по ста-

статистическимъ числамъ его преступлений; до сихъ поръ мало извѣданы и выяснены всякія пружины, руководящія духомъ извѣстнаго племени, мало изслѣдованы и изучены самыя племена, населяющія Россію. Тѣмъ не менѣе, въ спискѣ губерній, объявившихся съ болѣе крупною цифрою убійствъ, первое мѣсто заняли губерніи, населенныя инородческими племенами, преимущественно магометова закона: Оренбургская, Тобольская, Пермская, Казанская, Вятская, Грузино-Имеретинская (нынѣшняя Тифлисская), Симбирская и Кавказская область (нынѣшняя Ставропольская губернія). Хотя, въ то же время, почти всѣ эти губерніи принадлежатъ къ однѣмъ изъ самыхъ населенныхъ (въ особенности Вятская) и, повидимому, такое отношеніе преступниковъ къ общему числу жителей должно уравновѣшиваться въ одинаковой мѣрѣ съ другими столько же населенными губерніями, но этого нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Столько же и даже болѣе населенныя губерніи (каковы всѣ южныя степныя) уходятъ на второй и третій планъ, составляя вторую и третью количественную категорію. Только здѣсь, въ этихъ губерніяхъ, свободныхъ отъ инородцевъ-мусульманъ, число убійцъ встало въ соотвѣтственныя отношенія къ числу жителей, уравнивая, такимъ образомъ, преступность ихъ населенія *). Раздѣленіе преступниковъ по губерніямъ не представляетъ мѣрила, достаточно законнаго и опредѣленнаго: нигдѣ произвольное раздѣленіе Россіи на губерніи, не объясняющее ясныхъ и правильныхъ основаній, не является съ болѣе поразительною очевидностью, какъ на этотъ разъ, и не представляетъ большей запутанности и затрудненій, какъ именно въ стремленіяхъ, подобныхъ нашимъ **). Если принять въ соображеніе, что,

*) За 20 лѣтъ.	Убийцъ.	Число жителей.
Курская	540	1.900.000
Харьковская	478	1.600.000
Черниговская	430	1.500.000
Полтавская	379	1.900.000
Пензенская	339	1.900.000

**) Будущая работа въ этомъ родѣ потребуетъ отдѣленія преступниковъ городскихъ отъ сельскихъ, ибо города вездѣ грѣховитѣ селеній. Также немалая трудность и большая осмотрительность понадобится въ томъ случаѣ, когда придется сѣмъ и успѣтъ отдѣлить пришельцевъ отъ туземцевъ. Въ кочующемъ населеніи торговаго и промысловаго русскаго люда, мѣняющаго свои мѣста, какъ мѣняются цвѣта въ калейдоскопѣ, и теперь лежитъ много причинъ тому, что раздѣленіе преступниковъ по губерніямъ не имѣетъ достаточнаго основанія и права. Барышники изъ касимовскихъ татаръ и изъ цыганъ, не имѣющихъ опредѣленнаго мѣста, вѣрнѣе попадутся въ конюраствѣ вблизи конныхъ ярмарокъ и пойдутъ въ Сибирь изъ Лебедяни и Котельнича за рязанца и вятскаго. Убийца-бурлакъ изъ тверскихъ уйдетъ изъ Астраханской губ., гдѣ ему больше вѣроятія голода, грабежей и убійства, а пензенскій крестьянинъ, обреченный на постоянное пльство на каспійскихъ рыбныхъ ватагахъ, уйдетъ въ Сибирь оттуда же за грабежъ подѣ

напримѣръ, губернія Московская имѣетъ большее число жителей, чѣмъ Казанская, а Пермская и Оренбургская, отдѣльно взятыя, меньше Вятской, то вопросъ о тайныхъ пружинахъ, руководящихъ народными инстинктами и наталкивающихъ на извѣстный родъ преступления, не теряя своей важности, все-таки остается не разрѣшимымъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ существовать у насъ уголовной хроники и юридической характеристики мѣстностей. Теперь для нихъ самое важное и необходимое время, но ни тѣхъ, ни другихъ до сихъ поръ литература наша не имѣетъ; тѣ и другія являются пока дѣломъ случайностей. Со временемъ опредѣлится, съ цифровымъ подтвержденіемъ, та несомнѣнная истина, что, напримѣръ, губерніи Оренбургская и Пермская (меньшія) преступивше болѣе населенной губерніи Вятской въ грѣхахъ убійствъ и оттого, что въ этихъ губерніяхъ происходитъ наибольшее скопленіе бѣглыхъ преступниковъ изъ Сибири, и потому, что большинство населенія ихъ, помимо инородцевъ, принадлежатъ заводскому люду, истощенному до крайней бѣдности и отчаянной нужды недавними порядками посессіоннаго и владѣльческаго права. Теперь уже довольно ясно можно видѣть изъ отчетовъ горныхъ начальниковъ о происшествіяхъ на казенныхъ и частныхъ заводахъ, насколько убійства были тамъ не рѣдкостью и сколько безнравственно рабоче населеніе вдоль всего богатаго и рудовоснаго Уральскаго хребта.

Изъ просмотра уголовныхъ дѣлъ видно, что большое количество преступленій совершается по Уралу на частныхъ заводахъ; на казенныхъ сравнительно меньше. Грабежи отличаются удаленностью и смѣлостью и не обходятъ даже главнаго заводскаго города Екатеринбургъ, который рѣдко выдается въ этомъ отношеніи изъ ряда другихъ русскихъ городовъ. По дѣламъ 1858, 59 и 60 годовъ, наибольшее количество преступленій группируется около частныхъ заводовъ; Кыштымскихъ (9 убійствъ), Невьянскихъ (6 случаевъ), Нижнетагильскихъ (6 случаевъ), Алапаевскихъ и Уфалейскихъ (по 5). Изъ казенныхъ преступленій другихъ Вогословскіе, причѣмъ на одинъ городъ Екатеринбургъ и при этомъ на одинъ только годъ (1859) выпало семь случаевъ убійствъ. Грабежи идутъ въ соотвѣтствующей пропорціи и самоубійства также явленія нерѣдкія. Убиваютъ довольно часто мужья любовниковъ своихъ женъ; убиваетъ сынъ отца, съ участіемъ матери и товарищей, заставъ его на мѣстѣ прелюбодѣнія; своякъ удавилъ свояка,

призрачнымъ именемъ астраханца и проч. и проч. Такъ, между прочимъ, Петербургская губ. со столичнымъ городомъ по населенію равная Костромской, по количеству убійцъ встала въ ней въ такія отношенія: въ 20 лѣтъ съ 1827—по 1846 убійцъ Спб. 398 муж. и жен., Костромск. 254. Весь палишекъ дополненъ съ избыткомъ г. С.-Петербургомъ.

по просьбѣ жены послѣдняго, и вмѣстѣ съ нею вывезъ трупъ за селеніе, положивъ въ сани съ бандурою и полуштофомъ водки. Сестра зарѣзала ночью сестру за то, что та доносила матери о распутной жизни убійцы, и созналась въ томъ, что сначала собиралась изрубить ее топоромъ, потомъ хотѣла устукать пестомъ. Мужъ задушил беременную жену за то, что она не дала ему на свадьбу рубахи и обругала варнакомъ, а чтобы скрыть преступленіе, по селѣту бабки, ѣздилъ къ священнику съ просьбою расторгнуть въ церкви царскія врата, а въ домѣ отперъ всѣ замки: мучилась-де родами, отъ мукъ померла. Мертвый младенецъ плаваетъ въ озерѣ; маленький мальчикъ, посланный за милостынею, лежитъ зарѣзаннымъ въ холостой избѣ. Одинъ коновалъ въ кабацкѣ далъ заводскому вмѣсто молотого табаку пережженного купоросу; обижанный вышелъ было вонъ, да вернулся, и говоря про себя себѣ подъ носъ: „Кто смѣлъ меня ударить?“ прыгнулъ, вмѣсто коновала, ножемъ въ бокъ заводскаго. Одного убитаго сожгли въ печи въ банѣ; другой, услыжавъ ночью шумъ, выскочилъ на дворъ съ двернымъ запоромъ и не возвращался; онъ найденъ избитымъ, окровавленнымъ и уже бездыханнымъ. Третій заводскій крестьянинъ ѣдетъ по дорогѣ и слышитъ, какъ впереди его кричитъ одинъ голосъ: „Начинай!“ а другой: „Не робѣйте!“ Затѣмъ „карауль!“ раза четыре и просьба: „Васенька, заступись!“ И опять „Не шевелись, Васька, и тебѣ то же самое будетъ“. И снова просьба: „Ребята, пожалуйте, перестаньте!“ И снова крикъ: „Ну, ребята, въ которой крови я плаваю теперь; въ той же крови будете плавать и вы“. Въ итогѣ опять трупъ убитаго и новые преступники-пастухи, которые выпросили убитаго подвезти ихъ на лошадекѣ, и проч.

Конечно, и на этотъ разъ большинство случаевъ убійствъ являются слѣдствіемъ грабежа, меньшинство вызвано ничтожными и пустыми поводами, драками и ссорами въ пьяномъ видѣ. Орудія на половину обычныя: сверкаетъ топоръ, бьетъ кулакъ въ високъ, сылятся мускулистыя руки сократить жизнь, сдавливая горло или причинное мѣсто. За то уже въ большемъ ходу яды, долговременная подготовка къ преступленію. Между убійцами мало людей неизвѣстныхъ, изъ бродягъ. все свои—заводскіе и фабричныя люди. Бродяги „шалать“ отчасти въ Екатеринбургѣ вольгѣ хозяйничаютъ за городомъ, въ предѣлахъ ближайшихъ къ Сибири и настоящихъ сибирскихъ. Раздраженные каторгою, а за тѣмъ всякими неудачами во время побѣга, сибирскіе бѣглецы, вмѣстѣ съ поселенцами, успѣваютъ установить такое рѣзкое явленіе, что Тобольская губернія соперничаетъ съ Пермскою и также на всѣ роды преступленій умѣетъ отвѣчать самыми крупными цифрами. Однихъ убійцъ въ 9 лѣтъ, намъ извѣстныхъ, губернія эта дала

176 муж., 23 жен.; Пермская 171 муж., 26 жен. Въ 20 лѣтъ Пермская успѣла дать уже 538 муж. и 144 жен. — 682 убійцы и превзошла и Оренбургскую (617 убійцъ), и Курскую (540), и Вятскую (447) и С.-Петербургскую (398). Издавна Тобольская губернія населялась преступнымъ и дурно обезпеченнымъ на поселеніи людемъ и притомъ въ такой системѣ, которую не давалось правильной осѣдлости, не указывались работы и не направлялся трудъ—это самое вѣрное исправительное нравственное начало. Съ давнихъ временъ Тобольская губернія представляетъ до сихъ поръ такое мѣсто, гдѣ скучивается наибольшее количество бродягъ—бѣглыхъ съ каторги и мѣсть поселенія, жаждущихъ проскользнуть въ Россію. Какъ у дверей кассы, въ ожиданіи очереди, они производятъ тѣсноту и на бѣдѣльѣ и досугѣ пошалаиваютъ, а въ грабежахъ натапливаются на убійства.

Къ болѣе вѣроятнымъ и опредѣленнымъ заключеніямъ ведутъ другія дѣленія людей, пойманныхъ на убійствѣ. Разбивая общее число убійцъ всякаго рода на отдѣльныя категории, мы приходимъ къ тому выводу, что въ этомъ числѣ большая цифра принадлежитъ матерямъ, убившимъ своихъ дѣтей. Въ теченіи шести лѣтъ (съ 1838 до 1844) ушло въ Сибирь 317, тогда какъ мужчинъ за тоже преступленіе осуждено было 23 человекъ. Чаще также убиваютъ жены своихъ мужей и рѣже жень мужья, но за то, естественнымъ образомъ, чаще братъ брата, чѣмъ сестра брата, и примѣчательно рѣже умерщвляютъ своихъ родителей дочери, чѣмъ сыновья *).

*) Убійства этихъ видовъ находятъ между собою въ такихъ числовыхъ отношеніяхъ (по годамъ, въ общей сложности):

ПРЕСТУПЛЕНІЯ.	1838	1839	1840	1841	1842	1843	Всего.
Убійство мужей..	30	28	23	16	27	19	143
„ жень... „	26	20	9	11	21	36	123
Дѣтоубійство:							
Матерями.....	39	53	67	43	59	56	317
Отцами.....	3	5	3	5	3	4	23
Братоубійство:							
Братьями.....	3	5	1	3	3	5	20
Сестрами.....	—	1	—	1	—	—	2
Убійствъ родителей:							
Сыновьями.....	3	3	3	7	6	5	28
Дочерями.....	2	2	—	1	3	—	8

Остановившаяся на этихъ жертвахъ столько же семейнаго деспотизма, самаго мучительнаго и опаснаго изъ всевозможныхъ деспотизмовъ на свѣтѣ, сколько и личнаго животно-звѣрскаго проявленія чувствъ въ испытуемомъ, мы снова должны сожалѣть о томъ, что послѣдующія табели тобольскаго приказа о ссыльныхъ, по какому-то непонятному соображенію, измѣнили планъ сортировки преступниковъ и разнородныхъ сбили въ одну кучу, подчинивъ ихъ общей таинственной рубрикѣ, какова, напримѣръ, «оскорбленіе родительской власти». Надо замѣтить, что приводимыя цифры до того устойчивы, что еще въ

Убийство дѣтей для женщины есть одно изъ тѣхъ преступленій, которое прежде другихъ обрекаетъ ее на несчастье ссылки и становится для нее обязательнымъ въ силу тяжелыхъ бытовыхъ условий, зависящихъ въ одно время и отъ неправильныхъ деспотическихъ отношеній мужей и семьи и отъ того позора, каковымъ ее встрѣчаетъ общественная среда. Насильственные браки для увеличенія тяголъ при крѣпостномъ состояніи, принудительна супружества въ средѣ болѣе свободныхъ земледѣльцевъ (каковыми были прежде крестьяне государственные и удѣльные, а теперь всѣ), супружества, основанна на волѣ большаковъ семей для приобрѣтенія дешевой рабочей силы, а не на взаимной любви и согласіи створенныхъ, обиліе разнаго рода отхожихъ промысловъ, требующихъ продолжительныхъ отлучекъ, а также и раннихъ браковъ для замѣны себя женою въ семьѣ; при этомъ зимнія стоянки громаднаго количества солдатъ, холостыхъ и одинокихъ, изъ которыхъ значительная часть, въ свою очередь, покидаетъ на мѣстахъ родины и въ постоянныхъ городахъ, на правахъ вдовъ, собственныхъ женъ-солдатокъ,—вотъ гдѣ находятъ себѣ оправданіе этотъ видъ убійства, убійство дѣтей. Оно для женщинъ является тотчасъ роковымъ, какъ только вступаетъ она въ періодъ дѣторожденія; встаетъ на первое мѣсто въ возрастѣ свыше двадцати и затѣмъ, до 40 лѣтъ, не уступаетъ его ни одному изъ другихъ родовъ женскихъ преступленій. Въ періодъ ранній (отъ 15 до 20 лѣтъ) женщина производитъ еще расчеты съ мужемъ, пробуетъ силы собственнаго терпѣнія и покорности и, при недостаткѣ таковыхъ и при безсиліи, выставляетъ на первое мѣсто убійство мужей, каковое преступленіе въ послѣдующіе два десятка лѣтъ женскаго возраста (до 40)

1759 году, когда возмѣрились всѣхъ преступныхъ женщинъ выслать для браковъ къ холостякамъ на Иртышскую линію, изъ 77 женщинъ, прошедшихъ туда черезъ Омскъ, 54 оказались сосланными за убійство мужей, 10 за дѣтоубійство, 1 за отцеубійство, 1 за блудъ съ отцомъ, а прочія съ тою же несокрушимою послѣдовательностью, какъ и въ наши дни: за поджоги въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, за кражу, побѣгъ и порчу волшебными травами и словами.

Замѣчательно то, что Сибирь начинала свою исторію нѣрѣдкими случаями дѣтоубійствъ. Это преступленіе до такой степени было усвоено женскимъ населеніемъ молодой страны, что вызвало сильныя сокрушенія и жалобы, однообразныя и взаимно-подкрѣпляющія другъ друга съ обѣихъ сторонъ. Объ огромномъ количествѣ часто повторившихся случаевъ этого тяжкаго преступленія свидѣлствуютъ: тобольскій митрополитъ Филоевъ, находившій причину его въ сильномъ развратѣ сѣмьныхъ женщинъ, и Иннокентій Нероновичъ (епископъ иркутскій), говорившій, что убитыхъ и вытравленныхъ младенцевъ хоронили матери въ ямахъ отхожихъ мѣсть.

отходить на задній планъ и уступаетъ участію женщинъ въ поджогахъ и виновности ихъ въ убійствѣ чужихъ. По сравненіи процентныхъ отношеній, съ этой стороны женщинъ замѣчается даже особенная склонность къ убійству мужей. При этомъ жены большею частью прибѣгаютъ къ помощи ядовъ. Въ 4 года (1843 по 1847) изъ 128 убійцъ собственныхъ женъ было только 5 отравителей, изъ 190 женщинъ, за тотъ же періодъ времени, 67 отравительницъ. Въ періодъ улаженнаго семейнаго быта ненависть къ мужу женщина продолжаетъ вымещать на дѣтяхъ и выражать страхъ преслѣдованія убійствомъ даже до конца своихъ дней, даже за 60-ые годы жизни. Для солдатокъ убійство дѣтей вѣроятнѣе, чѣмъ для крестьянокъ, а преступность дѣтоубійства у мѣщанокъ слабѣе обонхъ видовъ этихъ русскихъ сословій, наиболѣе другихъ виновныхъ въ отнятій жизни у собственныхъ созданий. По различнымъ мѣстностямъ Россіи преступленіе этого вида распредѣлялось въ соотвѣтствіи съ количествомъ населенія: съ большимъ числомъ случаевъ исключеній (въ 9 лѣтъ) въ губерніяхъ малороссійскихъ и съ меньшою цифрою на тѣ губерніи, гдѣ преобладаетъ мужское населеніе въ силу еще продолжающагося заселенія ихъ бродягами-одиночками (губ. Астраханская, напримеръ, не дала ни одного случая убійства дѣтей во всѣ десять лѣтъ).

Убийство родителей (безъ раздѣленія въ тобольскихъ табеляхъ отцовъ отъ матерей), по примѣтной исключительности, вовсе не свойственно обитателямъ большей части степныхъ губерній, организующихся при участіи отбившихся отъ семейныхъ молодыхъ паръ или бобылей, и губерній сѣверныхъ, гдѣ патриархальная чистота нравовъ сохранилась во всей цѣлости такъ же, какъ и во всѣхъ пяти бѣлорусскихъ губерніяхъ. Въ большей виновности по убійству родителей оказываются двѣ губерніи заводскія (Чернская и Оренбургская)—готовыне участники во всѣхъ родахъ злодѣйствъ и преступленій. Въ нихъ, какъ и во всѣхъ другихъ, перевѣсъ убійствъ обращается на сторону сыновей; соотвѣтствуетъ у нихъ и у дочерей въ большей степени возрасту зрѣлому (у сыновей отъ 20-ти до 40 лѣтъ, у дочерей отъ 16-ти до 30-ти). Разбирая убійцы родителей по сословіямъ, увидимъ, что процентное отношеніе сильнѣе въ дворянствѣ и у казаковъ. Въ купечествѣ, духовенствѣ и у дворовыхъ преступленія этого не существуетъ вовсе *).

*) Въ Сибири убійцы отцовъ и матерей никогда не переводились въ разрядъ испытующихся и не освобождались отъ заключенія въ въ тюрьмахъ даже за дряхлость. Въ Восточной Сибири, именно въ Минусинскомъ округѣ, въ 30 годахъ нынѣшняго столѣтія извѣстна была одна замѣчательная убійца изъ женщинъ. Она памятна всѣмъ страстью къ шегольству, которую не покинула и въ острогѣ, сохраняя при этомъ всѣ признаки душевнаго спокойствія. Сидѣла

Убийство родственников, а также сестер и братьев, не представляет никаких характерных особенностей, оставаясь в незначительных цифрах даже и для густо-населенных губерний. Мужчины, естественно, виновны в этом отношении женщин, не по праву исключительности отношений в общественном (не семейном) смысле, а в силу того закона, что, вообще, мужская натура несравненно грубее и преступнее женской.

И жертвы вслед за жертвами обязывают нас перейти к тем из них, которые пали, как очистительныя, за тяжкий грех, иногда исповедуемый всем, населяющим земной шар человечеством и не так давно присущий всему нашему государству. У нас, в России, эта упорная и застарелая болѣзнь государственнаго организма в наши времена разрѣшилась под влиянием хирургическаго ножа. Мы говорим о крѣпостном правѣ и, по плану нашего разсказа, переходимъ къ темъ преступникамъ, которые совершили убійство помѣщиковъ. Возвращаемся къ прошлому аду, чтобы быть послѣдовательными при дальнѣйшемъ объясненіи цифры убійцъ, присланныхъ вообще въ Сибирь и въ частности на нерчинскую каторгу. Эти преступники на меньшую половину крестьяне, отбывавшіе на помѣщиковъ повинности деньгами и задѣлѣмъ, на большую—дворовые люди, т. е. тотъ непроизводительный классъ русскаго населенія, который въ послѣдніи сто лѣтъ возросъ до громаднаго количества, способнаго привести всякое другое государство, заключенное въ тѣсныхъ географическихъ границахъ и не богатое свободными землями, до отчаянія и на край погубели. Усиленными побѣгами въ разныя стороны (и преимущественно въ Сибирь) и усиленными стремленіями откупаться на волю посредствомъ чрезвычайныхъ услугъ и денегъ дворовое сословіе отчасти предотвратило опасность само собою, отчасти земельными надѣлами по силѣ узаконеній. Во всякомъ же случаѣ, оно сжумѣло, за долгое время существованія, образоваться въ особую касту, совершенно отличную отъ того сословія, которое легло въ его основу, а равно не превратилось и въ то, которое его вызвало и приблизило къ себѣ. Тяжесть своего положенія оно выразило въ тѣхъ преступленіяхъ, которыя послѣдовательно истекали изъ ложныхъ бытовыхъ отношений и направлялись къ она въ острогѣ за то, что удушила четырехъ евреевъ вмѣстѣ съ каторжнымъ своимъ супругомъ. Супругъ этотъ былъ у нее послѣдній, третій. Перваго она зарѣзала въ Россіи и за это попала на каторгу; второго, приобретеннаго въ Сибири, она задавила пьянымъ. Нѣсколько разъ была бита кнутомъ; судъ обличилъ да и сама она призналась въ убійствѣ евреевъ, за что получила 35 ударовъ кнута и сослана въ нерчинскіе рудники. Женщина эта была пригожая лицомъ, румяная, полная собою, съ заманчиво-кокетливыми глазами.

сознательнымъ цѣлямъ выхода изъ принужденныхъ обязательствъ. Обезземеленные и обдѣленные собственностью, они воровали до такой степени несправимости, что, помимо всѣхъ системъ наказанія, употребляемыхъ въ Россіи и послѣ нихъ, въ большомъ числѣ уходили въ Сибирь. Они выражали личную месть въ поджогахъ представительствомъ женской половины своего сословія, поднимали и участвовали въ возмущеніяхъ, на счастливые случаи прибѣгали къ поддѣлкамъ документовъ съ цѣлью денежныхъ пріобрѣтеній или для побѣга и—на крайніе и несчастные случаи—производили убійства, направляя ихъ противъ своихъ господъ. Какъ поджигатель и какъ воръ, дворовый преступилъ всѣхъ, какъ поддѣлыватель фальшивыхъ актовъ, онъ слабѣе только дворянъ, какъ убійца, дворовый уступалъ одному только солдату. Дворовыя женщины, въ видѣ поджигательницъ, преступилъ всѣхъ мужчинъ, изъ какого бы сословія эти послѣдніе ни были нами взяты.

Вглядываясь въ цифру убійцъ помѣщиковъ, мы видимъ то поразительное и важное явленіе, что не было губерній въ Великой Россіи, населенной крѣпостными людьми, которая не дала бы нѣсколькихъ преступниковъ, осужденныхъ уголовными законами на ссылку въ Сибирь, если не ежегодно, то по нѣсколько разъ въ теченіи нашихъ восьми дѣтъ. Большинство убійцъ принадлежитъ мужчинамъ въ зрѣломъ возрастѣ. Сопровождалось преступленіе истязаніями. Въ женщинахъ общее число убійцъ помѣщиковъ въ четыре раза меньше противъ количества мужчинъ. Убійцы-женщины выходили на преступленіе съ ядомъ и ходили при этомъ въ самую нѣжную пору жизни (отъ 10 до 20 лѣтъ). При этомъ охотливѣе поднимали онѣ руку на владѣльцевъ, чѣмъ на своихъ родственниковъ и мужей (больше убивали крѣпостныя женщины только дѣтей и постороннихъ). Всего чаще убивали помѣщиковъ въ губерніяхъ: Саратов. (34 м., 3 ж.), Симбир. (33 м.), Владим. (22 м., 3 ж.), Полтавск. (14 м., 11 ж.), Костром. (18 м., 4 ж.), Витебск. (9 м., 10 ж.), Екатер. (10 м., 8 ж.), Курск. (13 м., 4 ж.), Воронежск. (15 м., 2 ж.), Пенз. (9 м., 7 ж.), Харьк. (3 м., 12 ж.), Дон. зем. (6 м., 8 ж.), Тульск. (9 м., 4 ж.), Херс. (8 м., 4 ж.), Рязан. (8 м., 4 ж.), Казанск. (11 м.), Псковск. (6 м., 6 ж.). Рѣже убійства въ губ.: Могил. (10 м.), Нижегород. (9 м.), Тверск. (4 м., 4 ж.), Подол. (8 м.), Орлов. (6 м., 1 ж.), Смол. (2 м., 5 ж.), Оренб. (4 м., 2 ж.), Яросл. (3 м., 2 ж.), Спб. (3 м., 2 ж.), Тамб. (2 м., 2 ж.), Гродн. (4 м.), въ Вятской, Виленской, Грузино-Имеретинской, Минской и Московской (по 3 м.), въ Новгородской, Вологодской и Черниговской (по 2 м.), въ Оренбургской, Пермской и Таврической (по 1 м.). Не было выслано, само собою, убійцъ помѣщиковъ только изъ тѣхъ губерній, которыя рас-

положены по окраинам Имперіи (въ упомянутыхъ таковыхъ же самое наименьшее число) и, волею историческихъ судебъ, освобождены были отъ вліяній крѣпостного права, каковы: Арханг., Астрах., Олонецк. (отчасти Волог. и Вятск.) *). Не видимъ также убійць изъ трехъ губерній остзейскихъ; также не выслано изъ Киевской ни одного во всѣ восемь лѣтъ. Тобольскія табели секретовъ этихъ объяснить не могли, потому что на этотъ разъ списки составлялись по какому-то неизвѣстному плану. Между тѣмъ, извѣстно, въ что 1845 г. убійствъ помѣщиковъ было произведено 12, въ 1848 г. — 18 **).

Убійство по процентному отношенію и по разнымъ родамъ сословій, выясняется на первомъ планѣ изъ дворянъ: для служащихъ и служившихъ въ военной службѣ. Въ равной же степени ссыльные солдаты за убійство идутъ чаще дворовыхъ и заводскихъ крестьянъ съ фабричными. Дворовые количествомъ убійствъ превосходятъ владѣльческихъ крестьянъ; не уступаютъ этимъ послѣднимъ и заводскіе, потому что и самыя условія ихъ жизни складывались неблагоприятнѣе условій крѣпостного быта собственно помѣщичьихъ крестьянъ (приписныхъ къ землѣ, а не къ заводамъ и фабрикамъ). По сравненію крестьянъ съ мѣщанами,

*) Впрочемъ, изъ Архангельской высланъ былъ одинъ, завезенный туда дворовый, убившій своего господина.

**) По годамъ, намъ извѣстнымъ, количество этихъ преступленій расположилось въ такомъ порядкѣ:

	1838	1839	1840	1841	1842	1843	1859	1860
Муж.	43	49	78	14	16	4	14	10
Жен.	14	10	6	8	5	12	неизвѣстно.	

Конечно, по тобольскимъ табелямъ, ссыльные извѣстнаго года не всегда преступники прошлаго года. Вотъ тому доказательство: изъ Владимирской губ. сосланы въ 1859 годъ два такихъ, которые совершили преступленіе еще въ 1841 году, два изъ Саратовской, убившіе господъ своихъ въ 1842 году, и т. д. Точно также въ 1860 году изъ 10 убійць 9 считались таковыми съ 1842 г., а остальной одинъ съ 1843 года. Въ 1859 году сослано было двѣ женщины, учинившія убійство въ 1858 году (1 Саратовской губ. и 1 по рѣшенію правительствующаго сената, не указавшаго тобольскому приказу губерніи), обѣ «за приготвленіе яда на отравленіе помѣщиковъ», и въ 1860 изъ Тамбовской губ. 1 женщина 1858 года за «отравленіе госпожи ядомъ». Изъ разбора преступленія, названнаго «нарушеніемъ предѣловъ повинности въ крѣпостномъ состояніи», мы увидимъ, что тамъ, гдѣ это неповиновеніе обнаружилось массами — участіе женщинъ почти равносильно участію мужчинъ. Это обстоятельство замѣтно приближаетъ цифру преступленій этого рода, совершенныхъ женщинами, къ таковой же цифрѣ мужчинъ. Въ тѣхъ мѣстахъ работы нашей, гдѣ того или другого рода преступленія увеличиваются или уменьшаются въ количествѣ, мы будемъ объяснять соотвѣтственно причинамъ, вызывающимъ эти явленія: будутъ ли онѣ экономическія или произойдутъ какъ слѣдствіе измѣненія или отбѣны нѣкоторыхъ существующихъ у насъ узаконеній.

у первыхъ случаи убійствъ чаще, а по сравненію крестьянъ двухъ видовъ (владѣльческихъ и государственныхъ), за исключеніемъ изъ владѣльческихъ дворовыхъ и заводскихъ, степенъ вѣроятія и убійство усиливается въ крестьянахъ государственныхъ (вѣсть съ удѣльными и однодворцами). Однодворцы по убійствамъ сейчасъ слѣдовали за заводскими, какъ за однодворцами шли непосредственно военные поселяне. Съ самою слабою степенью виновности въ убійствѣ, какъ и во всѣхъ родахъ преступленій, является сословіе купеческое. Изъ внутреннихъ губерній Россіи, кромѣ Пермской, наибольшій процентъ убійць принадлежалъ (тогда же) губ. Симбирской, затѣмъ Казанской, Харьковской и Курской. Самымъ слабымъ процентомъ отличались губ. Курляндская и Астраханская.

Къ сожалѣнію, должно сказать, что тобольскія табели не представляли собою такого источника, который давалъ бы возможный просторъ для болѣе любознательныхъ и поучительныхъ выводовъ. Временами облегчая работу болѣе или менѣе искуснымъ распредѣленіемъ ссыльных и объясненіемъ родовъ преступленій въ дробныхъ категоріяхъ, въ теченіи первыхъ десяти лѣтъ со времени своего основанія, приказъ на послѣдующія времена измѣнилъ систему къ худшему. Не владѣя задачами, втекающими изъ требованій науки, онъ сумѣлъ усложнить работу до того, что теперь вести ее далеко невозможно. Приказъ сначала выдѣлялъ, потомъ сумѣлъ сбить безразлично крестьянъ всѣхъ родовъ и наименованій, не расцѣпивъ тѣхъ существенныхъ и весьма серьезныхъ различій, каковыя лежали между владѣльческими и удѣльными, государственными и заводскими. Не отдѣлялись войсковые обитатели, пахатные солдаты, мучившіеся въ военныхъ поселеніяхъ, какъ, въ свою очередь, перестали потомъ эти табели отличать помѣщичьихъ крестьянъ отъ дворовыхъ людей. Мы не говоримъ уже о болѣе дробномъ дѣленіи, имѣющемъ весьма серьезное значеніе при оцѣнкѣ убійствъ и другихъ тяжкихъ и необычайныхъ преступленій. Приказъ не владѣлъ, напримѣръ, средствами отдѣлять изъ общей массы владѣльческихъ крестьянъ тѣхъ, которые принадлежали мелкопомѣстнымъ, отъ крестьянъ крупныхъ собственниковъ. Не умѣлъ также выдѣлять приказъ крестьянъ, пользовавшихся въ Россіи различными льготами (допмаковъ, вольныхъ матросовъ, половниковъ, бѣлопашцевъ). Льготы эти, какъ оказало время и опытъ, не улучшили крестьянъ этихъ въ нравственномъ отношеніи настолько, чтобы не подозрѣвать въ нихъ значительной доли участія во многихъ и весьма важныхъ преступленіяхъ *).

*) Сусанинскіе бѣлопашцы, напримѣръ, поступились въ недавнее время многими изъ своихъ,

Всѣ эти обстоятельства несомнѣнно должны облегчить степень виновности въ одномъ изъ самыхъ тяжелыхъ преступленій крестьянъ, сидящихъ на землѣ безъ всякихъ льготъ и преимуществъ и платящихъ подати. Даже и теперь крестьяне, по проценту тяжелыхъ преступленій, стоятъ въ заднихъ рядахъ другихъ сословій и званій, или искусственно созданныхъ или неудачно вывезенныхъ на русскую почву (солдаты, дворовые, фабричные, бѣглецы, бывшіе тюремные сидѣльцы или освобожденные и поселенцы). На этотъ разъ тѣ же крестьяне, но поставленные въ другія бытовые условія, сдѣлались преступяще во всѣхъ родахъ преступленій и многія изъ признаваемыхъ тяжкими, дѣликомъ взяли на себя, облегчивъ тѣмъ тяжесть упрека, лежащаго на такъ называемыхъ простыхъ русскихъ людяхъ. Мѣщане и солдаты—эти два чужеземныхъ растенія, пересаженныхъ съ нѣмецкой почвы въ томъ видѣ, какъ они росли тамъ,—повинуясь естественнымъ законамъ, на нашей почвѣ, въ полтора-два лѣта, успѣли прорасти глубоко, но, въ то же время, приняли иной видъ и оттѣнокъ. Новая свойства почвы и климата изъ возлюбленнаго всѣмъ нѣмецкимъ народомъ цвѣтка на новомъ и неприготовленномъ мѣстѣ выродили волчцы, у которыхъ внѣшніе признаки однородны, но внутри оказалась гниль и червоточина.

Одно изъ этихъ растеній начинаетъ въ наше время принимать иной видъ и оживляться, но за то другое все еще ждетъ, когда и у него начнутъ подрѣзывать сухія вѣтки, срѣзать дикіе наросты и дадутъ растенію новую поливку, свѣтъ и теплоту. Тутъ и тамъ со временемъ

перетрасутъ и провѣтрятъ землю, комокъ накипѣвшую около самыхъ корней и задержавшую, такимъ образомъ, правильный ростъ. Солдаты и мѣщане, отсаженные отъ корневого растенія и не привитые къ другому живому тѣлу, продолжали существованіе, въ которомъ примѣтны были и зачатки агоніи, съ одной стороны, и избытокъ заразительнаго яда—съ другой. Мѣщанинъ безъ земли, солдатъ безъ собственности; одинъ, обманувшійся на искусственной почвѣ города, другой—обманутый жизнью въ казармѣ и оба стояли на покатои дорогѣ къ пороку. Причина извѣстна: трудъ есть одно изъ началъ морализаціи, работа и занятія—сильное испытанное противоядіе дурнымъ стремленіямъ и привычкамъ. Рѣдко порокъ остается одинъ; онъ соединяется, обыкновенно, съ безнравственностью, за которую неизбежно слѣдуетъ преступленіе. Крестьяне—люди труда земледѣльческаго, промысловаго и торговаго, оттого и преступность ихъ не такая тяжелая, какова она у солдатъ, мѣщанъ и тѣхъ людей, которые, сгущивъ разъ впасть въ преступленіе, успѣли пожить совмѣстно съ другими преступниками по тюрьмамъ, рабочимъ домамъ и арестантскимъ ротамъ. Учрежденія же эти или существовали на старыхъ, суровыхъ и озлобляющихъ порядкахъ, или—и вновь основанныя—не руководствовались настоящими образцами и человѣколюбивыми правилами.

За то, съ другой стороны, владѣльческіе крестьяне отличаются отъ многихъ другихъ сословій наибольшою пропорціею сыльныхъ за тотъ родъ убійства, который называется самоубійствомъ.

Г Л А В А Ш.

САМОУБІЙЦЫ.

Причины и проявленіе самоубійствъ въ Россіи и Сибири.—Самоубійства въ городахъ и деревняхъ.—Орудія и способы этого преступленія.—Утопленіе.—Петли.—Яды.—Огнестрѣльные орудія.—Неволя.—Роковыя мѣста.—Сухая бѣда.—Ямки.—Самосожигатели.—Морельщики.—Огромное количество жертвъ.—Причины этого явленія.—Особый видъ сибирскаго раскола.

Отъ судей, какъ и отъ общества, обыкновенно скрыты тѣ тайныя пружины, какія направляютъ человѣка на стезю преступныхъ дѣяній. Имъ неизвѣстны тѣ благородныя усилія, какія дѣлаетъ человѣкъ передъ преступленіемъ, противъ наплыва черныхъ мыслей и для умягченія раздраженныхъ чувствъ. Они не знаютъ всей внутренней борьбы, которую выдерживаетъ бѣднякъ для того, чтобы сохранить твердость противъ слѣпыхъ внушеній судьбы. высланными за воровство (конокрадство), корчемство и содержаніе пристаней для бѣглецовъ.

Кромѣ его самого, нѣтъ другихъ свидѣтелей этой скрытой и великой драмы, гдѣ виновный является главнымъ актеромъ. Сила нравственнаго чувства у нѣкоторыхъ субъектовъ направляетъ эту борьбу на тотъ пунктъ, на которомъ они предпочитаютъ скорѣе расквитаться съ жизнью, чѣмъ покинуть стезю долга. Причина этого самоотверженія, какъ послѣдней жертвы, на которую идетъ человѣкъ отъ гнета нужды, также скрыта отъ судей и общества; они также не знаютъ, что вѣра въ дѣйствительную силу чести, чувство собственнаго до-

стойства успокаивают актера незримой драмы и онъ отдается въ руки смерти, не желая, можетъ быть, разстаться съ жизнью, но до-вольный и счастливый тѣмъ, что провелъ ее безъ пятна. Вотъ причина большей части самоубійствъ.

Покушенія на этотъ видъ убійствъ возростають по мѣрѣ разныхъ случайностей, каковы болѣе или менѣе продолжительные кризисы, которыми подчинена и подвержена всякая промышленность и которые неблагоприятно дѣйствуютъ не только на существованіе самого работника, но и на существованіе его семейства. Въ той же мѣрѣ сильно дѣйствуютъ и гражданскіе беспорядки (къ счастью, очень рѣдкіе), которые сопровождаются тѣмъ же исходомъ, вредящимъ общественному спокойствію мирно налаженной жизни и ослабляющимъ даже источники заработковъ. Остановка, крупная затрудненія въ работахъ—тѣ бѣдствія, которыя равно тягостны для всѣхъ, но тяготѣющія преимущественно надъ рабочимъ людемъ. Неурожаи и зараза одинаково страшны, но они, болѣею частью, не такъ опасны для работниковъ, какъ сильныя промышленныя и политическія кризисы. Эти-то времена въ ту же силу, по преимуществу, пора самоубійствъ.

Неурожаи и народныя бѣдствія въ началѣ сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія выработали болѣе значительную цифру сосланныхъ въ Сибирь за покушеніе къ самоубійству. На всѣ другіе года она выразилась въ болѣе равной цифрѣ, подчиненной вліянію на самоубійство того тяжелаго ярма безвыходнаго положенія, которое усложнилось отъ гнета рабства. Наиболѣе покушались на самоубійство (предпочтительно передъ всѣми другими сословіями) крестьяне владѣльческіе (въ 12 лѣтъ 63 случая) и въ особенности дворовые люди (въ 9 лѣтъ 11). Слабѣ замѣтна эта наклонность (по процентному отношенію) у государственныхъ крестьянъ (въ 12 лѣтъ 36), въ военномъ сословіи (12), у мѣщанъ (4). Въ сословіяхъ, матеріально обезпеченныхъ въ жизни, имѣющихъ въ рукахъ несравненно большее количество способовъ для противодѣйствія,—покушеній на самоубійство въ тобольскихъ табеляхъ вовсе не замѣтно (у духовенства, купечества, у военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, у неслужащихъ и отставныхъ). Обладали ли они большимъ искусствомъ довести свои намѣренія до конца, которому не удалось выразиться покушеніемъ; избѣжали ли они ссылки при помощи средствъ, имъ болѣе доступныхъ, подвергшись, напримѣръ, церковному покаянію и тюремному заключенію въ предѣлахъ своей родины,—по Сибири судить о томъ невозможно. Тобольскія табели и тѣ случаи, о какихъ дано имъ въведеніе, сумѣли зацѣпить такъ, что во весь періодъ лѣтъ веденія табелей также нельзя составить опредѣленнаго

понятія. За ними закрыты тѣ остроумные выводы, къ которымъ пришелъ, напримѣръ, Кетла въ своей книгѣ „Sur l'homme“.

Тобольскія табели, въ отношеніи къ различнымъ мѣстностямъ Россіи, съ нѣкоторою ясностью указываютъ на большее число покушеній къ самоубійству въ губерніяхъ западнаго края, гдѣ, такимъ образомъ, этотъ видъ убійствъ сталъ на мѣсто тѣхъ преступленій, которыя въ другихъ губерніяхъ съ крѣпостнымъ правомъ высказались въ отчаянной формѣ убійствъ помѣщиковъ. Губерніи эти съ большимъ постоянствомъ ежегодно преслѣдовали этотъ видъ преступленій, выразившихся въ великорусскихъ губерніяхъ порывами въ одинъ годъ. Такъ, въ одинъ 1843 годъ крупнѣе другихъ дали цифры губерніи: Орловская (14 мужчинъ и 2 женщины), Саратовская (9), Санктпетербургская (6—3), Харьковская (4 мужчины и 5 женщины), Рязанская (6 мужчинъ и 2 женщины), Московская (4—3), Полтавская (6 мужчинъ и 1 женщина), Черниговская (7 мужчинъ), Могилевская (6 мужчинъ). Въ тотъ же годъ по 5 самоубійствъ выпало на губерніи: Виленскую, Витебскую, Подольскую и Минскую *). Порывы женщинъ (особенно въ сословіи дворовыхъ людей) къ прекращенію собственной жизни тѣмъ или другимъ способомъ выражаются въ одинаковой пропорціи по отношенію къ мужчинамъ; вообще же, наклонность къ самоубійствамъ, по отношенію ко всѣмъ родамъ другихъ преступленій, слаба до исключительности. Меньше совершаются уже немногія преступленія. Самоубійству, на большинство случаевъ, предшествуетъ долговременное злоупотребленіе спиртными напитками и покушеніе на себя является послѣдствіемъ страшной тоски, происходящей отъ пьянства. Такъ—въ Россіи.

Полнѣе и разнообразнѣе представляются самоубійства въ большихъ городахъ, преимущественно въ столицахъ. По отношеніямъ къ поламъ, это—по ученію церкви—тройное преступленіе выражается тѣмъ, что трусъ-мужчина и робкая женщина такъ же убиваютъ себя, какъ и человекъ, привыкшій пренебрегать всевозможными опасностями. Какъ для мужчинъ самоубійство является бредомъ самолюбія, заставляющимъ забывать самыя священныя обязанности, даже чувство самосохраненія, такъ и для женщинъ преступленіе этого вида не представляется исклю-

*) Все число покушавшихся на самоубійство (за 9 лѣтъ) равняется 347 м. и 134 ж. По годамъ распредѣлялись такъ: въ 1838—6 м., 8 ж.; 1839—6 м., 4 ж.; 1840—9 м., 1 ж.; 1841 году 64 м., 35 ж.; 1842—78 м., 27 ж.; 1843—154 м., 40 ж.; 1844—14 м., 8 ж.; 1845—7 м., 9 ж.; 1846—9 м., 2 ж. Самое меньшее число выпало на губ.: Пермск., Спб., Тоб., Смол., Симб. и Казанск. Заводскіе съ фабричными примѣчательно рѣдко прибѣгаютъ къ этому способу освобожденія себя изъ-подъ гнета тяжелой жизни, но за то финскіе инородцы долгое время практиковали сухую бѣду, вѣшаясь на воротахъ обдѣлчика.

ченіемъ, не смотря на слабость физическаго темперамента, на мягкость характера и на природенную боязливость. Въ столицахъ покушенія на собственную жизнь кажутся въ размѣрахъ ежегоднаго возрастанія, какъ бы въ подтвержденіе повсюду распространеннаго мнѣнія, что самоубійства всего чаще встрѣчаются въ тѣхъ странахъ и городахъ, гдѣ наиболѣе распространено образованіе.

Въ большихъ городахъ самоубійства случаются чаще во время молодости и зрѣлаго возраста (отъ 25 до 40 лѣтъ), когда люди больше всего подвергаются борьбѣ честолюбивыхъ и эротическихъ страстей. Старость менѣе всего подвержена отчаянію, а во время сильнаго наплыва всякихъ страстей, самоубійства являются лишь тогда, когда случается какой либо непредвидѣнный и неожиданный вызовъ. Побудительными вызовами считаются: злоупотребленіе спиртными напитками, породившими болѣзнь шизоидри, обманутая любовь, вызванная измѣною которой либо изъ двухъ любящихъ сторонъ. Чрезмѣрная ревность, нераздѣляемая любовь сводитъ въ преждевременную могилу нерелигіозныхъ людей прежде всѣхъ другихъ; подобная наклонность сильнѣе развита у безбрачныхъ, чѣмъ у семейныхъ, какъ болѣе привязанныхъ къ жизни.

Обращаясь къ способамъ, къ которымъ прибѣгаютъ самоубійцы, нельзя не замѣтить, что наиболѣе употребителенъ и у насъ, въ Россіи, какъ и во всемъ свѣтѣ, способъ самоотпленія. Бросаются въ воду чаще, чѣмъ испытываютъ другіе способы. За водою слѣдуютъ петли, вѣшаются и давятся въ столицахъ и большихъ городахъ съ тою же охотливостью, какъ и въ деревняхъ и селахъ. Затѣмъ рѣжутся острыми орудіями, причѣмъ тѣми, которыми сподручѣе: цирюльниками бритвою, сапожники ножами; прачки вѣрнѣе поспѣшатъ отравить себя угаромъ, прусскою синькою и проч. Отравленіе ядами охотливѣе и чаще производятъ съ собою женщины, чѣмъ мужчины, и первыя въ наши времена изъ ядовъ предпочитаютъ фосфоръ. Женщины же готовѣе бросаются въ окна. За то военные мужчины вѣрнѣе спѣшатъ достигать цѣли расчета съ жизнью при помощи огнестрѣльныхъ снарядовъ. Этотъ способъ наиболѣе достигаетъ цѣли въ противоположномъ смыслѣ; изъ всѣхъ, прибѣгающихъ къ послѣднему способу, значительная часть оказалась виновною лишь въ покушеніи. Изъ таковыхъ наибольшая часть и попала въ ссылку. Вообще, должно сказать, что это общественное преступленіе равно присуще людямъ всякаго рода занятій и общественныхъ положеній отъ высшихъ до низшихъ. Русскіе не подтверждаютъ собою того наблюденія, которое сдѣлано въ Европѣ, что зажиточные классы наиболѣе наклонны къ самоубійству. Оно всего вѣрнѣе зависитъ отъ ослабленія религіозныхъ

вѣрованій или, какъ сказалъ одинъ изъ наблюдателей, „когда общественная нравственность и страхъ Вожей не обуздываютъ страстей, то въ самоубійствѣ находятъ вѣрное прибѣжище отъ страданій нравственныхъ и физическихъ“.

Сибирь представляется тою страной, гдѣ самоубійства и покушенія на такое преступленіе—теперь явленіе не только нерѣдкое, но и бросающееся въ глаза. Распространено самоубійство преимущественно между ссыльнымъ людомъ (въ большей степени между поселенцами, чѣмъ между каторжными), какъ будто для пришедшаго изъ Россіи (со скрытыми наклонностями къ тому) не доставало еще одного лишенія, еще лишней тяжести, одной только капли, чтобы сосудъ перелился черезъ край. Человѣкъ въ неволѣ не имѣетъ глубиной вѣры, чувствуетъ тяжесть жизни, неволя отняла надежду и счастье. Съ надеждою утратилась и свѣжесть чувствованій, и сила воли и готовность на борьбу съ препятствіями. Отнявъ счастье, неволя отняла и охоту къ жизни и поставила на ея мѣсто отвращеніе ко всему. Присоединя къ этому какое либо несчастье, даже просто обычный матеріальный недостатокъ, неволя погружаетъ своего пациента въ отчаянную глухоту равнодушія. Въ такомъ состояніи, при томъ же обычномъ недостаткѣ вѣры и религіозной холодности, раскаяніе и жалобы на себя, или страхъ наказанія, или капля водки прямо вызываютъ покушеніе на собственную жизнь. Самоубійство такъ и выражается въ самой простой формѣ. Убійца долго не думаетъ, кончаетъ съ собою тамъ же, гдѣ часть приспѣлъ. Дальше надворныхъ строеній (обыкновенно клѣтѣй и хлѣбовъ) и подволокъ (то есть чердаковъ) самоубійцы рѣдко ходятъ. Способовъ и орудій другихъ, кромѣ веревки съ петлею, они мало знаютъ. Въ 1866 году за Байкаломъ, въ девяти случаяхъ самоубійствъ, только двое зарѣзались, но семь человѣкъ задавились. За Байкаломъ, между Малкинскимъ зав. и Екатерининскимъ рудникомъ, указываютъ на гору Павловку, какъ на роковую. Въ Россіи, даже подъ Петербургомъ, имѣются таковыя же облюбленныя самоубійцами мѣста. Тутъ повѣсился нѣкто Соколовъ, измученный за связь съ любовницею офицера всякими преслѣдованіями со стороны послѣдняго. Въ томъ же году и тутъ же повѣсился писарь Смагинъ, говорить, отъ запоевъ. Въ Иркутской губерніи въ 1867 году семнадцать человѣкъ, подвергнувшихъ себя насильственной смерти, были на большую часть поселенцы. На большую часть избрали они мѣсто для расчета съ неудавшеюся жизнью хлѣвы и всѣ задавились, надѣвъ на шею петлю изъ собственной опояски и закинувъ шнурокъ за брусъ или стропила хлѣбовъ.

Въ первыя времена сибирской исторіи самоубійства составляли какъ бы исключительное свойство молодой страны. Едва ли гдѣ можно

встрѣтить роковую силу наибольшую той, которая вынуждала людей так не дорожить жизнью и съ такою готовностью и легкостью разставаться съ нею. Если этотъ родъ самоубійствъ, выразившійся самосожженіемъ и убіеніемъ себя посредствомъ голода, въ силу мистическихъ увлеченій, перешелъ сюда непосредственно изъ Россіи въ формѣ какъ бы особаго религіознаго толка, то, во всякомъ случаѣ, въ Сибири выразился онъ наибольшимъ фанатизмомъ и погубилъ гораздо большее количество жертвъ. Молодая страна, богатая силами и сильная воспримчивостью, сгумѣла и увлеченія свои показать въ болѣе грандіозныхъ формахъ. Все въ ней развивалось быстрѣе, все прижилось въ самыхъ широкихъ размѣрахъ подѣ впечатлѣніемъ экономического простора и географической шири. Съ 1679 по 1823 годъ сожглось въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ, по свидѣтельству лѣтописей, народныхъ преданій и официальныхъ документовъ, въ одной Тобольской губ. до двухъ тысячъ человекъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ самоубійцы увлекались ученіемъ, обязывавшимъ для душевнаго спасенія умерщвлять себя голодомъ и огнемъ. Этотъ фанатизмъ сильнѣе заражалъ филиппоновъ, ученіе которыхъ велитъ бѣжать изъ своей страны, отъ родныхъ и своего племени, удалиться въ пустыню, въ особенности отъ ревизій и платежа податей. Секта эта, выродившая въ позднѣйшія времена секту странниковъ или скитальцевъ, грядущаго выскующихъ, до того времени возбуждала самоубійства, позволявшія предполагать прежде особую секту самосожигателей. Въ Сибири слѣдованіе этому толку выражалось терминомъ „уходить въ ямки“ и, дѣйствительно, въ нѣрѣдкихъ случаяхъ обнаруживалось тѣмъ, что ревнующіе душевному спасенію и предавшіе себя „тебѣ ради Господи“ выкапывали глубокую яму такъ, чтобы можно было въ ней свободно двигаться, и помѣщались тутъ на постоянную молитву. Къ такимъ являлись фанатики-учителя (приходившіе въ Сибирь болѣею частью съ уральскихъ заводовъ), нѣрѣдко закладывали яму хворостомъ и подвижники умирали съ голоду. Во многихъ случаяхъ самоубійства выражались самосожженіемъ и вызывали крутыя мѣры правительства, руководившагося желаніемъ истребленія секты и отдавашаго дѣло въ жесткія и неумѣлыя руки. Какъ въ Россіи сгумѣли сгорѣть старовѣры въ избахъ и разъ даже сожгли вмѣстѣ съ собою цѣлые монастыри (Палеостровский, Олонец. губ., и Зеленецкій, Новгород. губ. Тихв. уѣзда), такъ и въ Сибири сгорали въ одиночку, сгорали семьями, большими толпами, цѣлыми деревнями. Сжигали себя по причинѣ записи въ двойной окладъ. Сожглось много народу тотчасъ, какъ объявленъ былъ указъ исетской провинціальной канцеляріи (въ январѣ 1751 года), предписывавшій ловить волочащихся съ паспортами и

безъ паспортовъ раскольниковъ и доставлять подѣ крѣпкимъ карауломъ въ консисторію. Въ отвѣтъ на записъ въ двойной окладъ сожглось 189 человекъ, осенью и зимою 1751 г. (въ разныхъ деревняхъ 61 чел., близъ Челябинской крѣпости 12; въ деревнѣ Смолиной Буткинскаго прихода Окуневскаго дистрикта 64, въ Туголымскомъ приходѣ 25, въ дер. Вурмистровой, прихода Орлова-городища Ишимскаго округа). На январскій указъ исетской канцеляріи, въ мартѣ 1757 (12, 13 и 14 ч.) сгорѣло немалое число въ дер. Окуневой (Куртоминской слободы) и, въ то же время того же марта и года, сгорѣло 72 чел. въ дер. Коноваловой. Изъ присланныхъ въ консисторію нѣкоторые обратились, другіе бѣжали въ Исетъ и тамъ въ пашенныхъ избушкахъ (на займкахъ) сгорѣли муж. и жен. пола 64 чел. 15, 16, 17 и 22 марта того же года сожглись изъ деревни Гусевой (Тюм. окр.) 39, въ деревнѣ Кулижной (Каминскаго прихода) 6, въ деревнѣ Гилевой (Карменскаго прихода) 25 (всего 70). Въ апрѣлѣ того же года въ Буткинской слободѣ собравшіеся въ дома и готовые сгорѣть объявили дозорщикамъ, что если не будетъ притѣсненій, горѣть не стануть и будутъ платить подати бездомночно. Въ апрѣлѣ 1751 г. въ пашенной избушкѣ дер. Березовой (вѣдомства рафайновскаго духовнаго правленія) сгорѣли 33. Въ дер. Дворцахъ (Шатровскаго прихода) собралась горѣть многіе, но увѣщатели умѣли уговорить и сгорѣлъ только домъ крестьянина Чикишова съ нимъ, его семействомъ и съ кое кѣмъ изъ постороннихъ; еще сгорѣла крестьянка Епанчинцова съ двумя дѣтьми. Изъ деревни Журавлевой и Барсукиной неизвѣстно куда бѣжали крестьяне съ семьями, всего 29 человекъ. Въ Куртамышскомъ приходѣ въ пашенной избушкѣ сжегъ себя крестьянинъ Жерновниковъ съ двумя малолѣтками (жена съ сыномъ успѣли выскочить изъ пламени). Въ февралѣ и мартѣ все того же несчастнаго (1751) года воскресенскій заказчикъ Протасовъ потребовалъ раскольниковъ на увѣщаніе, но окуневская управительская канцелярія отказала, боясь самосожженій. Однако, отъ притѣсненій дьячка и пономара села Кислянскаго крестьянская жена Кудрявцева (въ апрѣлѣ 1752 г.) утопила въ дер. Курьей 7 человекъ своихъ дѣтей и восьмью сама бросилась въ прорубь. Донесли синоду и сенату, но оттуда получили строгіе указы ловить подговорщиковъ и совратителей. Въ 1756 г. въ Чаускомъ приходѣ, въ деревнѣ Мальцевой, сгорѣло 175 человекъ. Долго они не рѣшались, выжидали. Явились, прознавъ про то, увѣщатели; сидѣвшие въ ямкахъ предложили ультиматумъ: уговорить попа не брать поборовъ, начальство смѣнить, ибо отбивало отъ земли, мучило на работахъ, раззоряло; чиновникамъ не вѣрять. Увѣщанія не подѣйствовали—они подожглись. Однако, выхватили изъ

огня обгорѣлыхъ, вылечили, посадили въ острогъ въ кандалахъ и отдали свѣтской власти. Въ 1759 г. сгорѣло нѣсколько человѣкъ въ с. Шатровскомъ, на 14 февраля 1761 г. нѣсколько крестьянъ въ дер. Самсоновой (Кузной) нынѣшней Соломатовской волости. Императрица Екатерина II простила вернувшихся изъ бѣговъ, сняла срамное платье и велѣла указомъ оставить раскольниковъ въ покоѣ и прекратить преслѣдованія въ 1762 году. Страсть къ самоубійству ослабѣла, но, разъ возбужденная, продолжала обнаруживаться кое-гдѣ. Екатерининскія мѣры были полумѣрами, давали много ключковъ приказнымъ. Начались поборы, хотя Екатерину и назначены были мѣста поселенія. Въ 1763 на 13 февраля сгорѣли 35 чел. въ избѣ крестьянина Агапитова, въ деревнѣ Кулаковой Линчинскаго (теперь Луговскаго) прихода. Бывали случаи самосожженій въ смежныхъ волостяхъ округовъ Ишимс., Курган. и Ялutor. Лѣтъ 80 тому назадъ сгорѣло около 30 чел. въ дер. Шумаринской (Ермолиной) подлѣ Уваровскаго (единовѣческаго) села. Бывали случаи единичные въ дер. Бабаковой (Утечьей вол. Курган. округа) по убѣжденію крестьянина Мензелина, въ дер. Курганъ (той же волости) и въ Ингалинской вол. въ дер. Лепехиной. Послѣдній случай самосожженія замѣченъ въ Утечьей волости послѣ 1823 года. Крестьянинъ Тихонъ Мятлевъ (поморскаго толка), отправившій многихъ на тотъ свѣтъ огнемъ, наконецъ и самъ рѣшился на самоубійство въ погребѣ своего дома. Сюда завелъ онъ всѣхъ своихъ дѣтей и внуковъ обманомъ и подпустилъ огонь. На дѣтскій крикъ и на дымъ собрались сосѣди и спасли погибавшихъ. Народъ до сихъ поръ зоветъ потомковъ этого семейства Горѣлками; нѣкоторые изъ нихъ приняли (въ 1846 г.) единовѣріе. Надо замѣтить, что поповцы (по сибирски стариковщина) этихъ самоубійцъ оправдываютъ, но за упокой ихъ не молятся и именъ ихъ не поминуютъ, не смотря на то, что молятся и поминуютъ всѣхъ, замученныхъ на пыткахъ или казненныхъ, и вообще всѣхъ, пострадавшихъ отъ суда въ острогахъ и ссылкѣ *).

*) До вызововъ самоубійствъ указами, самоожженіе по фанатическому увлеченію релігиозными принципами произошло впервые, по свидѣтельству тобольскаго лѣтописца, въ 1679 году: 270 душъ изъ разныхъ мѣстъ Сибири собрались на Березовкѣ при Тоболѣ и сожглись. Въ 1682 г. сгорѣло въ избахъ 400 чел. Утатской слободы Кург. окр., за то и до сихъ поръ слышущей въ народѣ подлѣ именемъ Погорѣлки; въ 1687 сгорѣло 323 души въ трехъ деревняхъ около Тюмени; въ 1688 съ женами и дѣтьми 150 чел. на р. Пышневкѣ Куяровской слободы дер. Боровиновой; въ томъ же году въ дер. на Юрмычѣ 50 чел. (также съ женами и дѣтьми). По Дмитрію Ростовскому въ это же время сжигались въ Енисейскѣ и Томскѣ. Въ 1722 г. близъ слободы Коркиной (на Ишимѣ) — неизвѣстное число въпустивъ Смирнова; также близъ Абатска въ дер.

Приходившіе съ уральскихъ заводовъ приносили также и другіе способы душевнаго спасенія. По всему Ялutorовскому округу въ 1782 году, по предложенію губернатора Осипова, разыскивали крестьянина Мензелина (по народному Менвелинца), который утопилъ 10 душъ крестьянъ муж. и жен. пола изъ дер. Шадринной (Суерской вол.) въ озерѣ Сазыкулѣ. Но и этотъ родъ смерти былъ не принудительный, а добровольный, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ другихъ многихъ. Подговорщиками, кромѣ Менвелинца, явились: Грамотѣевъ, Матѣевъ, Калиничъ (Фоминцовъ), Зайцевъ, Плюснинъ. Они опускали въ яму ревнителей и черезъ 12 дней приходили и вынимали; если находили въ живыхъ, то вывозили на середину озера (Сазыкула, Осетроваго, Сладкаго, Сухменя и друг.) и бросали въ воду. Выплывшіе трупы хоронили подлѣ лабы. Всѣ совратители не избѣгли наказанія, кромѣ Фоминцова, который, будучи пойманъ, распоролъ себѣ животъ ножомъ и черезъ три дня умеръ (въ 1828 г.). Нѣкоторые уходили изъ ямокъ и умирали въ православіи. Остался нераскаяннымъ одинъ только Грамотѣевъ; вышедъ изъ ямы, онъ принялся съ неистовствомъ умерщвлять товарищей. Пойманный — зарѣзался. Эти случаи 1828 года были послѣдними уходами въ ямки. Съ тѣхъ поръ о подобныхъ способахъ самоистязанія и самоубійства не слышно. Въ Тюмени теперь спорятъ и расходятся только въ догматахъ о крещеніи и бракѣ.

Прямымъ противоядіемъ аду самоубійства на каторгахъ и на мѣстахъ поселенія служатъ, какъ извѣстно, побѣги. Въ бѣгахъ ссыльные умѣютъ, съ примѣтнымъ успѣхомъ, изнашивать накопившую на сердцѣ тоску. Бродяжество, такимъ образомъ, является новымъ видомъ болѣзней ссыльныхъ и включается въ число преступленій, наиболѣе господствующихъ между ними.

Въ эту-то массу искателей приключеній мы и углубимся теперь, придерживавшись сначала дѣсной опушки, каковою на этотъ разъ представляется Россія.

Сибирь, какъ ссыльное мѣсто, обреченная прикрывать грѣхи Россіи, достаточно притягивавшая къ нимъ и пробѣряющая себя съ похвальной точностью и откровенностью, обладаетъ въ настоящее время возможностью опредѣлить господствующія болѣзни, указать болѣзненные мѣста и нѣкоторые другіе признаки, характеризующіе страданія организма своей мѣрой. Выводы, какъ въ 1724 за Пышмою 145 душъ; въ 1743 и 1746 неизвѣстное число изъ записанныхъ въ росписяхъ священниковъ православными; на 1 авг. 1750 близъ Тюмени 14 чел. въ дер. Зайковой; въ Песчаномъ зимовьѣ, въ дер. Шумариной, въ селѣ Уваровскомъ (гдѣ и мѣсто показываютъ), въ дер. Крѣпость, Межеуиной, Потаниной, Тетерей, Вольшомъ-Песьяномъ, дер. Утечьей, Бѣлаковкѣ, Орловой и друг.

трополіи. Само собою разумѣется, что средствъ врачеванія она сама, зараженная приносимымъ ядомъ и страдающая отъ собственныхъ эпидемій, представить не можетъ. За то, съ другой стороны, съ тою точностью, каковой, къ несчастью, не можетъ похвалиться Россія, Сибирь указываетъ на постоянные и временные недуги, подтверждаетъ цифрами количество заболѣвшихъ, объясняетъ полъ и возрастъ, сословіе и мѣсто жительства ихъ по крайней мѣрѣ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ ее увѣряютъ. Не можетъ Сибирь поручиться за то, что заболѣвшіе всѣ присланы въ ея госпитали; это уже не ея отвѣтъ, но, съ нѣкоторою увѣренностью въ собственный авторитетъ, заслуживающій уваженія при ея долговременной практикѣ, Сибирь свидѣтельствуетъ о томъ, что опредѣленіе многихъ болѣзней произведено неправильно, что въ другихъ присутствіе заразительнаго и опаснаго яда слишкомъ ничтожно, въ третьихъ послѣдній не выразился вовсе и здоровый ошибочно признанъ за больного, и проч.

Прислушавшись къ общимъ сибирскимъ наблюденіямъ и приглядѣвшись къ частнымъ ея выводамъ, требовавшимъ повѣрки, приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

Самая обыкновенная болѣзнь, господствующая въ Россіи и поставяющая наибольшее число

страдающихъ въ сибирскіе госпитали, носитъ названіе бродяжества. По этому виду цифра самая крупная. Ей уступаетъ даже такая значительная цифра, которая принадлежитъ присланнымъ за воровство (третье мѣсто, по цифровой величинѣ, занято сосланными за убійство). Величина этихъ трехъ цифръ, ежегодно выражающихся крупными сотнями (по первому виду) и большими десятками (по двумъ другимъ), настолько поразительна и настойчива, что у Сибири есть достаточно основаній умоуключать, что метрополія ея, судя по количеству бродягъ, далеко еще не представляетъ собою такого государства, въ которомъ исчезли неблагоприятныя причины, заставляющія населеніе руководиться старыми историческими приемами „брести врозь“. Съ одной стороны—въ Россіи замѣчаются тѣ же наклонности къ перегибѣ старыхъ попилицъ на новыя, какія проявляются сильнѣе всего въ германскихъ нѣмцахъ, а съ другой—примѣтны очевидные признаки сходства со вновь организуемою странкою по ту сторону Атлантического океана.

Такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Видимое сходство и непримѣтныя различія объясняются для насъ изъ разбора различныхъ формъ бродяжества въ отдѣльномъ видѣ и изъ сопоставленія ихъ въ зависимость одного отъ другого.

ГЛАВА IV.

БРОДЯГИ И БѢГЛЫЕ.

Страна изгнанія.—Бродяжество въ современномъ видѣ.—Бѣгство крестьянъ отъ помѣщичьей власти.—Гулягіе люди. Побѣги солдатъ отъ военной службы (дезертиры).—Покрывшіе отечество (эмигранты).—Пристанодержательство.—Притонщики.—Хлѣбосольство.—Сибирскіе займы.—Варнаки и чалдоны.—Опасности отъ бродягъ и бѣглыхъ.—Причины народныхъ бѣдствій.—Псевдонимы каторжныхъ (принятіе чужой фамиліи).—Городскіе бродяги.—Бродяжество, какъ самобытное явленіе русской народной жизни.—Историческій очеркъ русскаго бродяжества.—Колонизація Россіи.—Многочисленные остатки древняго народнаго скитанія: беспаспортные, богомольцы, нищіе, запрочники, губраки и лабори, бѣгуны, офени-ходебичи и проч.

Огромныя толпы людей этого своеобразнаго званія и исключительныхъ свойствъ ежегодно съ неизмѣннымъ постоянствомъ очищаютъ Россію и расходятся по Сибири. Здѣсь составляютъ они болѣе $\frac{2}{3}$ частей всего количества ссыльныхъ преступниковъ, свидѣтельствуя о постоянномъ, твердомъ и настойчивомъ желаніи Россіи избавиться отъ этихъ людей, повидимому, признаваемыхъ самими опасными. Въ то же время появленіе бродягъ на той сторонѣ Уральскаго хребта служитъ доказательствомъ, что бродяжество по южную сторону хребта, въ Россіи, одно изъ тѣхъ явленій, противодѣйствіе которому ведется съ неизмѣннымъ постоянствомъ, но и съ таковою же неудачею; каждый годъ приходятъ новыя толпы, столько же густыя и

почти равныя одна другой своимъ количествомъ. Сибирь выигрываетъ въ населеніи своемъ, Россія не выгадываетъ на своемъ, черезъ ежегодную высылку этихъ людей, называемыхъ ею бродягами и признаваемыхъ преступными. Освободившись отъ полуторы тысячи этого народа на прошлый годъ, Россія имѣетъ надобность и возможность выкидывать въ будущіе годы еще по двѣ новыхъ тысячи. Борьбѣ, давно начатой и практикуемой при посредствѣ старыхъ орудій, и конца не видать. Сибирь, принимая и считывая военно-плѣнныхъ, глубоко убѣждается въ томъ ежедневными осозательными фактами и имѣетъ основательныя данныя заключать, что старыя формы быта въ Россіи и живущи и дѣятельны. Сама Сибирь, оглядываясь на прош-

лое и провѣряя свое настоящее, имѣеть полнѣйшее право думать, что въ этомъ отношеніи у нее съ метрополіею одні и тѣ же основы и поразительное сходство.

Правильной и опредѣленной характеристики бродячества мертвая цифра дать намъ не можетъ. Отсутствие у насъ уголовныхъ хроникъ и въ литературѣ характеристикъ преступленій оставляетъ бродячество подъ непроглядною завѣсою тайны, какою вообще любилъ прикрываться всѣ канцеляріи и судебныя мѣста. Гадательныя представленія уводятъ въ область предположеній, порождаютъ теорію вѣроятностей, а подобная теорія не можетъ служить руководствомъ въ области статистики. Вотъ почему мы съ большою подробностью останавливаемся на общихъ положеніяхъ и развиваемъ только ихъ одни. Къ этимъ же общимъ выводамъ мы станемъ прибѣгать и въ дальнѣйшемъ теченіи нашего разсказа, будемъ слѣдовать указаніямъ и сказаніямъ цифръ, одушевляя ихъ, по мѣрѣ нашихъ силъ и средствъ, наглядными наблюденіями надъ бытомъ простаго народа, преимущественно идущаго въ ссылку.

Цифра бродягъ представляетъ естественное и простое явленіе — ежегодное колебаніе, поврежденное уменьшеніе и возростаніе ея, какъ будто чья-то невидимая, но сильная рука, скрытая за мертвою и пестрою декорациею цифръ, какъ фокусникъ, разставляетъ ихъ именно въ такихъ, а не другихъ размѣрахъ. На этотъ разъ фокусникъ спрятанъ не одинъ и фокусы показываются, въ одно время, и по хорошо выработанной программѣ и по капризу, основанному на произволѣ. Переставляютъ цифры временныя, народныя движенія, временныя правительственныя распоряженія. Вотъ нѣкоторыя изъ тѣхъ и другихъ.

Въ 1826 году въ предѣлахъ Уральскаго войска появились во множествѣ помѣщичьи крестьяне по ложнымъ разглашеніямъ о новомъ поселеніи и вольности. Губернское начальство, руководясь указомъ 23-го февраля 1823 г., распорядилось всѣхъ таковыхъ крестьянъ, какъ бродягъ, отправить въ Сибирь на поселеніе, но сенатъ рѣшилъ возвратитъ ихъ на прежнія мѣста жительства, „признавая за бродягъ только тѣхъ безпаспортныхъ людей, кои отъ лѣности и по распутному поведенію, избѣгая повиновенія поставленнымъ властямъ и уклоняясь отъ исполненія повинностей, удаляются отъ жительства своихъ для праздношатательства и, не желая имѣть постоянного мѣстопробыванія, вдаются въ разныя распутства, нерѣдко вовлекающія ихъ въ весьма важныя преступленія“. И вотъ, увеличилась, сверхъ обычной, годичная цифра сосланныхъ за бродячество. Увеличилась она также въ 1831 году во время кровавыхъ возставій въ Старой-Руссѣ. Увеличилась во время картофельныхъ бунтовъ въ Вятской и Казан-

ской губерніяхъ и въ 1846 году на то время, когда остзейскіе нѣмцы въ прибалтійскихъ губерніяхъ начали примѣнять европейскую систему частной собственности къ раздѣленію земель на участки и возмутили все населеніе тѣхъ краевъ. Въ 1847 году Витебская губернія поплатилась сосланными за бродячество изъ числа тѣхъ, которые двинулись толпами къ Петербургу и стансвлены были уже подъ Порховымъ, и проч.

Вотъ причины, которыя уменьшали цифру бродягъ, шедшихъ въ Сибирь. Сенатскій указъ 4-го августа 1827 г. запретилъ отправлять въ Сибирь за бродячество престарѣлыхъ, глухихъ, нѣмыхъ и слѣпыхъ, признанныхъ сибирскими властями совершенно бесполезными для тамошняго края. Въ слѣдующемъ году рѣшено бродягъ, неспособныхъ по лѣтамъ, слабому сложению или увѣчью въ исправительные рабочіе дома, равно всѣхъ женщинъ, взятыхъ за бродячество, ссылатъ въ Сибирь. Бродягъ южныхъ степныхъ губерній (новороссійскихъ и малорусскихъ; изъ войска Донскаго и губ. Ворон., Тамб., Саратов. и Астрах.) нѣкоторое время ссылали на Кавказъ; мусульманъ за безпрестанныя побѣги изъ Сибири даже изъ тяжкихъ преступниковъ—въ финляндскія крѣпости. Неспособныхъ къ слѣдованію бродягъ предписано обращать въ вѣденіе приказовъ общаго призрѣнія, но престарѣлыхъ ссылатъ, „не взирая на ихъ лѣта, если не будутъ они дряхлы“. Видно увеличеніе цифры на то время, когда бродяги, сбиваясь въ шайки, производятъ изъ народъ какія либо бѣдствія (такъ, напримѣръ, пожары отъ поджоговъ, періодически повторяющіеся и часто повторявшіеся въ 1846 годахъ). Уличенные въ преступленія, при разслѣдованіи причинъ этихъ бѣдствій, бродяги уходили массами въ Сибирь на слѣдующіе годы и затѣмъ, ослабѣвшіе числомъ внутри государства, ослабляли цифры ссыльныхъ въ Сибирь на слѣдующіе годы. Періодическое скопленіе бродячихъ массъ въ ссылкѣ естественно слѣдовало за скопленіемъ ихъ внутри Имперіи въ шайкахъ; уменьшеніе—отъ перемѣны ссылки на Кавказъ для бродягъ изъ степныхъ губерній и отъ поглотенія многихъ другихъ губерскими арестантскими ротами гражданскаго вѣдомства, и проч.

Большимъ постоянствомъ, при ничтожныхъ колебаніяхъ, отличается цифра бродягъ-дезертировъ, сбѣгавшихъ отъ тяжести военной службы и всѣхъ крупныхъ, иногда подневольныхъ и не въ пору вынуждаемыхъ обязательствъ этого рода государственной повинности. Въ Сибирь проли самыя упорныя и несправимыя, поплатившіеся еще, сверхъ обычной, годичная преступленія, которыя явились прямымъ послѣдствіемъ голода и несчастій, сопряженныхъ съ бродяжествомъ. Солдаты-дезертиры, по сибирскимъ примѣтамъ, успѣваютъ запутываться наичаще другихъ въ

самых тяжких преступлений, каковы убийства, грабежи и разбои*), хотя Суворовъ и говаривалъ про нихъ такъ: „Овечка отстала отъ стада; ну, пусть ее погуляетъ! рано ли, поздно ли—придетъ“. Овечка гулять не умѣетъ, гуляла волчьимъ обычаемъ и назадь доброю волею не приходила. Въ дезертирахъ Россія находила и враговъ отечества**), становившихся въ

*) Въ ряду другихъ арестантскихъ преступлений (изъ остального числа 254 согласныхъ) на первомъ мѣстѣ стоятъ убійства (99), на второмъ— тотъ видъ преступлений, который названъ «тѣлесныя поврежденія съ намѣреніемъ къ убійству» (41), затѣмъ воровство (30), побѣгъ изъ-подъ стражи и взломъ тюремъ (29), возмущеніе противъ властей (20) и, наконецъ, грабежъ (10 случаевъ).

**) «Оставленіе отечества» хотя и представляется въ тобольскихъ табеляхъ отдѣльною рубрикою, но рубрика эта замѣщена цифрами очень слабо; не такъ покидаютъ родину, чтобы оставить за собою возможность возврата и право ссылки. Не Сибири считать этихъ людей, и если она протавляетъ цифры, то цифры эти представляютъ поляковъ, а преступниками, оставившими отечество, табели считаютъ польскихъ эмиссаровъ, появлявшихся изъ-за границы время отъ времени. Перепадалъ кое какой и кое когда сбѣжавшій за границу раскольникъ и прѣхавшій въ Россію или со сборною памятью или на соборныя дѣянія. Временами выдавали бѣглецовъ сосѣднія правительства, рѣшавшіяся быть исполнительными въ отношеніи трактатовъ. Вообще же, эмиграція для русскаго человѣка стѣснявшася выѣздомъ за предѣлы родины и покупавшаго паспортъ высокими цѣнами, прежде была затруднена; для среднихъ и низшихъ сословій она представлялась немисланнымъ и невозможнымъ явленіемъ, но не въ силу отвлеченнаго чувства патриотизма. Въ 20 лѣтъ съ 1827 по 1847 г. сослано въ Сибирь за побѣги за границу 174 мужч. и 10 женщ., преимущественно изъ губ. пограничныхъ: Бессар. обл. 29, Волынской 29 мужч. и 4 женщ., Оренб. 15 мужч. и 1 женщ., Подол. 14 ж., Вилен. 17 мужч. и 3 женщ. и проч. Эти убѣжали недалеко, если же попались въ Сибирь, то нижегородецъ Иванъ Стенановъ Сюсюмовъ (цѣловальникъ), промотавшійся въ Астрахани, бѣжалъ въ Азовъ, въ Константинополь, оттуда моремъ во Францію и Голландію, гдѣ обманомъ взялъ его въ матросы на корабль оеть-индской компаніи; 7 лѣтъ бродилъ онъ въ морѣ, былъ въ Индіи, Японіи и, наконецъ, остался на мысѣ Доброй Надежды. Здѣсь выучился онъ кузнечному мастерству, нажилъ деньги и поселился въ готтентотской Голландіи, гдѣ женился, имѣлъ трехъ дѣтей и извѣстенъ былъ подъ названіемъ «ганць-русъ» (настоящій русскій). Не былъ бы онъ извѣстенъ своимъ соотечественникамъ и считался бы безвѣстно погибшимъ, если бы не встрѣтилъ его знаменитый мореплаватель В. П. Головнинъ, проходившій въ тѣхъ мѣстахъ на шлюпѣ «Диана». Архангельскіе промышленники проѣздомъ въ Норвегію замѣтили чистую русскую рѣчь въ пріѣзжавшихъ и ругательствахъ отъ промышленниковъ на норвежскихъ островахъ около Гаммерфеста, Вадае и Вардегуа; это—пропавшіе безъ вѣсти промышленники. На персидскихъ берегахъ, прилегающихъ къ Каспійскому морю, въ городахъ и селеніяхъ на островахъ Мешедесера, Энзели и особенно въ деревушкахъ около устьевъ

чужіе вражескіе полки (преимущественно у азіатскихъ деспотовъ, вродѣ бухарскаго, эмира ташкентскаго хана, персидскаго шаха) и прусскіе и австрійскіе негодяи находили въ нихъ людей, готовыхъ наносить ущербъ казнѣ нелегальнаго контрабанды черезъ западную границу. Въ мѣстечкѣ Котычевѣ, неподалеку отъ Тильзита, у шмуглера Тирбаха, постоянно находилась цѣлая шайка нашихъ дезертировъ, которымъ вообще покровительствовали самогитскіе помѣщики. Подъ видомъ и званіемъ арестантовъ, исключенныхъ изъ военныхъ арестантскихъ работъ, они поступаютъ въ такомъ количествѣ, которое примѣтно ослабляетъ цифру всѣхъ другого рода преступниковъ. Они, наприжуръ (вѣдѣтъ съ товарищами, исключенными изъ тѣхъ же ротъ гражданскаго вѣдомства), успѣваютъ убѣгать изъ Сибири почти всѣмъ наличнымъ количествомъ своимъ (изъ 3.761 мужчины и 15 женщинъ въ девять лѣтъ сослано было обратно за побѣгъ изъ Сибири 3.509 мужчинъ и 13 женщинъ). По отношенію къ ежегодному колебанію цифръ дезертировъ, и именно на повременное ослабленіе ея, и здѣсь во многомъ дѣйствуютъ временныя мѣры, ослабляющія, съ одной стороны, строгость взысканій по службѣ, и съ другой—

богатой рыбою персидской рѣки Сифудъ-Руди, значительными группами живутъ русскіе промышленники изъ черноземныхъ губерній, гдѣ по 15—20 не освѣжавшіе своихъ паспортовъ и не бывшіе на родинѣ. Въ Тегеранѣ, въ войскахъ шаха, и во многихъ пограничныхъ городахъ въ военной службѣ и въ офицерскихъ чинахъ живутъ и служатъ русскіе эмигранты—бѣгле солдаты кавказской арміи (изъ числа которыхъ значительная часть, болѣе тысячи человѣкъ, недавно возвращена въ Тифлисъ). Въ Турціи—цѣлыя деревушки русскихъ раскольниковъ, эмигрировавшихъ во время преслѣдованій и гоненій за вѣру, и притомъ одно селеніе расположилось въ Азіатской Турціи. Не говоря о раскольникахъ, забывшихъ родину и поселившихся въ Австріи и Пруссіи; нѣкогда нужда эмиграціи для людей, придерживавшихся стараго креста и вѣры, была явленіемъ законнымъ и неизбѣжнымъ. Народъ бѣжалъ во всѣ стороны безъ разбору и, во времена самостоятельности Польши, поселялся за литовскимъ рубежомъ огромными деревнями и селами, вродѣ Вѣткя, Новозыбкова, Мглина и проч.; при этомъ мало въ Литвѣ и Вѣлоруссіи городовъ, гдѣ бы не было подгородныхъ раскольниковыхъ слободокъ; не исключаемъ изъ этого числа и большихъ городовъ остзейскихъ: Риги, Дерпта, Митавы и Ревеля. Эмиграція дворовыхъ людей не знала также предѣловъ и русскихъ людей изъ этого класса встрѣчаютъ современные путешественники наши и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ и въ Неаполѣ,—нѣкоторыхъ даже хозяевами торговыхъ заведеній, содержателями гостиницъ и ресторановъ. Чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ болѣе эмиграція становилась сильнѣе и острѣе и готовилась перейти какъ бы въ форму хроническую. По Сибири ходятъ въ народѣ доволно опредѣлившіеся слухи, что бѣгле съ мѣста заключенія эмигрировали за китайскія

уменьшающія сроки этой службы, облегченной въ то же время частыми и болѣе или менѣе продолжительными отпусками. Сибирь, конечно, не можетъ быть судьей въ томъ, насколько сильны и характерны этотъ родъ преступленій въ Россіи, потому что дезертиры умѣютъ прибѣгать къ другимъ средствамъ побѣговъ. Матросы покидаютъ службу тамъ, гдѣ приводится случай и много соблазновъ, предлагаемыхъ вербовщиками во время кругосвѣтныхъ плаваній. Америка и, въ особенности, порты Калифорніи (каковъ, между прочимъ, С.-Франциско) увеличиваютъ цифру дезертировъ. Солдаты убѣгаютъ и за австрійскую и за турецкую границу, а въ войскахъ персидскаго шаха они составляли цѣлые отряды и занимали высшія и низшія офицерскія должности и проч. Сибирь несомнѣнно убѣждена лишь въ томъ, что причины, вынуждающія дезертирство, въ Россіи достаточно дѣятельны: она, между прочимъ, знакомится съ тѣми видами преступниковъ, которые высылаются изъ Россіи за членовредительство (за поврежденіе членовъ) для избѣжанія военной службы. Преступленіе это, характеризующееся стремленіемъ народа избавиться отъ тяжести службы, въ случаѣ неудачи или недостатка самостоятельности въ желающихъ избавленія, переходитъ въ тотъ видъ преступленія, которое насъ остановило. Притомъ, число ищущихъ средствъ спасенія въ побѣгѣ примѣтно превосходитъ число причиняющихъ себѣ для той же цѣли уродства всякаго вида *).

Какъ рядомъ съ дезертирствомъ, такъ и непосредственно въ тѣсной связи вообще съ бродяжествомъ, является новый видъ народнаго преступленія, обрекающаго народъ въ ссылку. Преступленіе это является пособникомъ двухъ первыхъ и покровителемъ обоихъ: оно, съ одной стороны, выходитъ изъ народнаго обычая гостепримства, глѣбосольтва и радушія, не спрашивающихъ относящихся къ нимъ съ просьбою о пріютѣ, кто они и откуда, а приглаша- границы и поселились тамъ деревнями. Нѣсколько глуше слухи и менѣе вѣроятны рассказы о бѣглецахъ въ Ташкентѣ, Самаркандѣ, Бухару и Хиву и не имѣетъ никакого вѣроятія и ничѣмъ не доказанъ рассказъ объ эмигрантахъ-раскольникахъ, убѣжавшихъ въ Японію, какъ увѣряетъ о томъ распространенное между старовѣрами сказаніе объ Опоньскомъ царствѣ. Много русскихъ поселилось навсегда въ Америкѣ и особенно счастливитъ таковымъ изъ матросовъ съ военныхъ судовъ въ Калифорнію; въ Санъ-Франциско существуетъ даже цѣлая система соблазновъ и цѣлая компанія соблазнителей для золотыхъ промысловъ.

*) За поврежденіе членовъ 442 человекъ, за дезертирство 751 въ девять лѣтъ, съ тѣми свидѣніемъ, что разъ уличена женщина, способствовавшая къ избѣжанію военной службы другого. Замѣчательно то, что во всѣ девять лѣтъ за обычное явленіе подлога въ отправленіи рекрутской повинности сослано только двое и оба въ одинъ годъ..

ющихъ садиться и ѣсть. Съ другой стороны, это преступленіе опирается на ту же преступную корысть, умѣющую превращать дѣло гостепримства въ промыселъ, специально и завѣдомо направленный на пользу тѣхъ, которыхъ ищетъ и преслѣдуетъ законъ. Русское слово на нѣмецкій ладъ, „пристанодержательство“ или „передержательство бѣглыхъ съ укрывательствомъ оныхъ“, выражаетъ этотъ родъ народныхъ преступленій и прикрываетъ въ числѣ ссыльныхъ и тѣхъ, которые дѣйствовали намѣренно или по принужденію, и тѣхъ, которые совершили по невѣдѣнію закона, по безграмотству, мѣшающему разумѣть хотя бы единую букву, и по необразованности, которая понятіе о законѣ переноситъ и на палача („законъ бьетъ“—палачъ съчетъ) и слутываетъ его съ законникомъ—крючкотворцемъ и ваяточникомъ („законъ—что дышло: куда хочешь, туда и воротись“).

Въ сибирской цифрѣ нѣтъ возможности отдѣлить различные виды становщиковъ, державшихъ притоны, отъ тѣхъ, которые дали пріютъ и сдѣлались поворовщиками, но несомнѣнно, что пришли сюда и тѣ, которые подслужились самымъ сердечнымъ и невиннымъ гостепримствомъ, укрывшимъ подъ своимъ теплымъ кровомъ того, кого законъ призналъ за бродягу, и усадившимъ къ готовому глѣбу-соли, за столъ и въ красной уголъ тѣхъ, кого ищутъ, какъ преступниковъ - дезертировъ *). Пришли и тѣ, которые подслужились кабакомъ съ подпольями для воровъ и грабителей, теплою избвою для преслѣдуемыхъ за разбой и побѣги отъ службы, но и въ послѣднемъ случаѣ тѣ же сердечныя побужденія имѣютъ немалое значеніе. Такъ, напримѣръ, въ укрывательствѣ военныхъ дезертировъ играютъ роль, равносильную мужчинамъ, женщины (жены, родственницы и любовницы) въ пропорціи 8 женщинъ и 10 мужчинъ. Трудно это послѣднее выдѣленіе и потому, что намѣренно держащіе станы или притоны обла- даютъ болѣею степенью осторожности и мастерства, чѣмъ тѣ, для которыхъ укываніе преслѣдуемаго входитъ въ христіанскія обязательства и весьма часто вынуждается экономическими причинами, превратившимися въ обычай и особый своего рода законъ. Изъ распределенія цифръ сосланныхъ за притоны по губерніямъ, мы видимъ, что крупнѣе становятся онѣ тамъ, гдѣ бродяжество — явленіе обычное, а нужда въ пришлыхъ людяхъ, въ качествѣ работниковъ на земляхъ глѣбородныхъ и богатыхъ, является во всей безвыходности. Всего чаще, такимъ образомъ, укываютъ бѣглыхъ въ губерніяхъ предкавказской (Ставропольской), въ закавказскихъ, гдѣ поселились русскіе сектанты, въ Екатеринбургской и Таврической; укываютъ мѣщане чаще крестьянъ,

*) Въ 9 лѣтъ за укрывательство бѣглыхъ сослано 247 муж., 151 жен.

а мѣщанки немногимъ меньше солдатокъ *). Въ Сибири подобныя дѣянія до такой степени ярки и знаменательны, что укрывательство бѣглыхъ представляетъ одну изъ коренныхъ основъ, на которыхъ зиждется сибирское хозяйство, въ особенности, въ тѣхъ отдѣльныхъ формахъ его, которыя выражаются въ тамошнихъ фермахъ, называемыхъ займками. Здѣсь бѣглый съ каторги является рабочимъ, выгоднымъ по необыкновенной дешевизнѣ и по тѣмъ требованіямъ, которыя ограничиваются работою изъ-за одного хлѣба и угрѣвы и не простираются дальше скромнаго желанія не выдавать въ руки властей, чтобы не возвращаться снова на каторжныя бесплатныя и подневольныя работы. При помощи этихъ людей удавалось въ Сибири не только расширять одиночныя хозяйства, расположенныя большею частью въ отдаленныхъ и уединенныхъ лѣсныхъ мѣстахъ, но и собирать цѣлыя селенія и деревушки (какъ сплошь и рядомъ случалось это всюду, а особенно ярко въ Алтайскомъ краѣ). Подобныя явленія настолько въ Сибири за обычай, что начальники нѣкоторыхъ заводовъ при казенномъ заказѣ, не исполнимомъ наличнымъ числомъ каторжныхъ, прибѣгаютъ къ осмотру займокъ вооруженною командою, какъ къ такой мѣрѣ, которая всегда вѣнчается полнымъ и желаемымъ успѣхомъ. Въ Сибири содержаніе притоновъ является неизбѣжнымъ и непобѣдимымъ зломъ во всѣхъ околныхъ селеніяхъ, ближайшихъ къ казеннымъ заводамъ, промысламъ и рудникамъ. Хотя по временамъ и возбуждается бдительность надзора и возрождается энергія преслѣдованій, но опытъ указываетъ, въ равной мѣрѣ, и на государственныхъ крестьянъ - старожиловъ и на такъ называемыхъ семейскихъ (старообрядцевъ), какъ на содержателей притоновъ и укрывателей бѣглыхъ.

Бѣглые представляютъ особый, только Россіи свойственный, видъ бродягъ и въ Сибири, подъ именемъ „варнаковъ“ и „чалдоновъ“, являются многочисленнымъ и какъ бы особымъ сословіемъ людей. Бродяги эти соответствуютъ вполнѣ тѣмъ требованіямъ, которыя понятны въ этомъ опасномъ сортѣ людей для Европы. Эти люди неопасны въ одинаковой степени съ голодными прозябаніями европейскихъ городовъ потому только, что руки ихъ всегда свободны и способны находить трудъ и внѣ законнаго покровительства и защиты и еще не нуждаются въ Шульце-Деличахъ. Другія теоріи они вызываютъ и другія начала къ нимъ примѣнимы. Грозная опасность, представляемая ихъ поразительнымъ многолюдствомъ, ослаблена значительно

*) Между крестьянами наибольшіе покровители бѣглыхъ встрѣчаются между заводскими, но столь распространенное обвиненіе въ этомъ грѣхѣ старообрядцевъ цифрами не подтверждается и виновность старообрядцевъ не выдается впередъ другихъ сословій и вѣроисповѣданій.

на самомъ дѣлѣ, на практикѣ, въ бытовой средѣ ихъ. Они увеличиваютъ количество преступленій, но еще не висятъ домокловымъ мечемъ надъ лѣнвыми и недогадливыми. Хлѣбосоольство сибиряковъ и готовность ихъ давать работу бѣглымъ значительно сдерживаетъ враждебныя силы этихъ испорченныхъ и озлобленныхъ людей и Сибирь, дѣлаясь виновною въ пристанодержательствѣ, во всякомъ случаѣ служитъ не малую службу Россіи.

Вотъ что говорятъ факты: въ десять лѣтъ (къ 1852 году) въ Петровскомъ желѣзномъ заводѣ считали бѣжавшими 771 мужчину, 5 женщинъ, а пойманными только 19; исключено за десятилѣтнюю давностью 31. Изъ Александровскаго завода (винокуреннаго) въ 14 лѣтъ сорвалось въ лѣса и на волю (съ 1-го янв. 1846 по 1 нояб. 1859) 1013 муж. и 19 женщ., а схвачено 277 муж., 4 женщ. Всѣ остальные успѣли устроить себя по своимъ соображеніямъ и сна полной своей волѣ по той же Сибири. Бѣжали они и въ Россію, попадались тамъ и подъ прозвищемъ „оборотней“ возвращались въ Сибирь, но съ такимъ же подозрительнымъ успѣхомъ. Въ семь лѣтъ (съ 1854 по 1860) возвращено изъ Россіи въ Сибирь обратно всего 354 человека обоого пола; между тѣмъ, какъ только съ четырехъ заводовъ (не считая рудниковъ и многихъ другихъ заводовъ), только въ теченіи пяти лѣтъ бѣжало всего 2704 чел. *). При этомъ на одномъ Успенскомъ винокуренномъ, ближайшемъ къ Россіи, людской утечки насчитывается среднимъ числомъ въ годъ 94 (или въ семь лѣтъ на 354 возвращенныхъ — 358 бѣжавшихъ).

Тяжести казенныхъ работъ, при неправильномъ распредѣленіи труда и занятій, стремящемся къ тому, чтобы устроить по возможности тѣ работы, которымъ усвоено названіе каторжныхъ, служатъ основною причиною побѣговъ. Онѣ заключаются, главнымъ образомъ, въ дурномъ содержаніи въ сырыхъ, грязныхъ и душныхъ помѣщеніяхъ, превосходящихъ всякую мѣру вѣроятія. За тяжелыя работы днемъ они ложатся усталыми на жесткія нары; голодными получаютъ несчастный приварокъ и въ достаточномъ количествѣ только крутую и сухую пищу, поражаютъ арестантскую болѣзнь „иванъ-таскунъ“ (колотье). Поставленный въ исключительное положеніе каторжнаго, лишеннаго всякихъ средствъ пріобрѣтать какую либо собственность, ссыльный не имѣетъ ее даже и въ томъ призрачномъ видѣ, какой могъ бы явиться въ платѣ за трудъ и работу, не полагающихъ мѣры и не при-

*) Изъ Иркутскаго солевар. завода 1344, гзъ Троицкаго винокуреннаго завода 801, изъ (Селенгинскаго солевар. 203, плъ Николаев. винокур. 356 ч. (съ 1836 по 1841 г.). Между тѣмъ, съ одного Александровскаго винокуреннаго въ такой же періодъ семи лѣтъ (съ 1835 по 1841) бѣжало 1837 чел. об. пола.

знающихъ праздничныхъ дней. Его собственность—только та рвань, которая унижаетъ его человѣческое достоинство и которую, къ тому же, онъ получилъ въ счетъ ничтожной годовой платы своей, носящей громкое имя жалованья. На заводскихъ, а въ особенности на промышленнѣйшихъ работахъ одежды вещи, подвергаясь великимъ испытаніямъ, сроковъ не выдерживаютъ и смотрители принуждены давать новую одежду, а во избѣжаніе личной отвѣтственности за казенное имущество, обязаны вычитать на этотъ разъ у каторжнаго не половину, а все жалованье и съ кормовыми. Оттого за казеннымъ долгомъ ссыльный всегда въ неоплатныхъ долгахъ и той крайней нищетѣ, изъ которой единственный выходъ— побѣгъ. Желаніе отдыха и стремленіе на волю, будучи естественными правами всякаго человѣка, на этотъ разъ могутъ быть приведены въ исполненіе только посредствомъ этого же пути—„самовольной отлучки“ или рѣшительнаго побѣга. У однихъ тоска по родинѣ, у другихъ старая привычка къ бродяжеству, у третьихъ соблазнъ на путешествіе шайкою съ товарищами, у четвертыхъ дѣйствительно безвыходное положеніе, которое немного не довело до самоубійства,—все это достаточные поводы къ побѣгамъ, рѣже по направленію къ завѣдомымъ цѣлямъ, чаще въ неувѣдѣнность, въ темную среду приключеній.

Въ самой обстановкѣ каторжныхъ работъ для побѣговъ, сверхъ тяжести каторжнаго сверла, неустанно нажимающаго при помощи безчисленныхъ болѣзней собственно рудниковыхъ и заводскихъ,—представляется много соблазновъ и возбуждающихъ средствъ. Тамъ, гдѣ работы скучены и надзоръ силенъ, выручаетъ долговременный опытъ бывальцевъ, высидѣвшихъ въ тюрьмѣ и примѣнившихъ къ дѣлу многочисленныя остроумныя средства, иногда изумительныя по находчивости, иногда поразительныя по той отчаянной смѣлости, съ какою приводятся они въ исполненіе. Тамъ, гдѣ работы раскидываются на значительныхъ пространствахъ, недоступныхъ равномѣрному наблюдению, средства къ побѣгу упрощаются до того, что не бѣжить только безногій, или совсѣмъ хилый или дождающій на дняхъ законнаго освобожденія отъ казенныхъ работъ. Въ послѣднемъ случаѣ побѣги многочисленнѣе и чаще; въ первомъ они являются въ сообществѣ съ самими сторожами, которые на большую часть простоватые казаки, вовсе не знакомые со своими воинскими обязанностями и на значительную часть штрафные солдаты, сами бывавшіе дезертирами и не лишены способности вкусить снова этого запрещеннаго вѣтви плода. Вѣглы сплошь и рядомъ уходили вмѣстѣ съ ними и даже подъ защитою ихъ ружья и форменнаго вида. Какіхъ средствъ ни выдумывали сибирскія власти, начиная съ особыхъ командъ для поимокъ, вы-

дачи денежныхъ наградъ тѣмъ, которые, имѣя случай бѣжать, не убѣжали *), и кончая измышленіемъ одного начальника засыпать въ надрѣзанныя пятки измельченный конскій волосъ,— побѣги являются столь частымъ явленіемъ, что его смѣло можно полагать обыкновеннымъ и можно считать неизбежнымъ. Укрываются всего чаще каторжные и поселенцы заводскими крестьянами по Уралу (въ 20 лѣтъ изъ этого края выслано 7.275 чел. бѣглыхъ изъ всего числа бродягъ, 13.769). Слѣдовательно, такъ называемые варнаки между бродягами составляли около 53% (въ южныхъ степяхъ Новороссіи бѣглыми изъ Сибири принадлежатъ только 4 1/2%) **).

Такимъ образомъ, въ Сибири не только тѣ, которые замѣчены съ бродяжскими наклонностями въ Россіи, но безразлично бѣгутъ и бродяжатъ преступники всякаго рода и званія. Сибирь въ этомъ отношеніи самобытна и исторію бродяжества начинаетъ вновь и ведетъ ее по собственнымъ даннымъ и образцамъ, но съ неизмѣннымъ рѣзкимъ постоянствомъ и съ нескрываемыми признаками долготѣія. На каторгѣ размѣры побѣговъ необычайно широки и число одержимыхъ этою трудно излечимою болѣзнію бродяжества поразительно: въ нерчинскихъ заводахъ въ десять лѣтъ (съ 1847 по 1857) подверглось наказанію 3.045 человѣкъ за прямые побѣги и за тотъ видъ ихъ, который тамъ называется „самовольными отлучками“ (въ этомъ числѣ сбѣжало 22 женщины). Къ 1-му января 1859 г. за десять лѣтъ считалось въ бѣгахъ тамъ же 2 1/2% всего населенія ссыльных (3.104 чел.), да сверхъ того 508 человѣкъ вольныхъ людей, называемыхъ горными служителями. Одинъ Александровскій винный заводъ (по сю сторону Байкала) подарилъ Сибирь въ 25-ти-лѣтній періодъ 6.899 бѣглыми, готовыми ко всякимъ услугамъ, но на сторонѣ вѣтъ постылыхъ мѣстъ и невynosимыхъ каторжныхъ заведеній. Эти послѣдніе остаются всетаки при созерцаніи вѣчнаго *perpetuum mobile* и съ правомъ любоваться на круговое вращеніе, при которомъ обмѣвъ матеріи новыми элементами великъ, но возстановленіе стараго матеріала незначительно. Число сбѣжавшихъ и пойманныхъ относилось во многихъ заводахъ, какъ 1 : 15. Пятнадцатая часть уходила за Уральскій хребетъ и разгуливала по огромнымъ и безлюднымъ пространствамъ Сибири, гдѣ всякій надзоръ находится вѣтъ человѣческихъ

*) Одному ссыльному за поимку 5-ти бѣглыхъ назначена была награда въ 25 руб. «въ примѣръ и поощреніе прочимъ».

***) Въ этомъ числѣ мы не считали пойманныхъ, но принимали въ расчетъ тѣхъ, которые сбѣжали, въ такихъ цифровыхъ отношеніяхъ:
 Въ 1833 по 1837 . . . . . 2.728
 > 1837 » 1843 . . . . . 3.420
 > 1846 » 1859 751

силъ. Съ нѣкоторыхъ заводовъ бѣжала по часту цѣлая половина всего количества ссыльныхъ рабочихъ *).

Тѣми же безконечными и многочисленными побѣгами отвѣчаютъ и поселенцы (въ сословіе которыхъ, преимущественно, поступаютъ русскіе ссыльные бродяги), отвѣчаютъ за ошибочную и несовершенную систему водворенія. Поселенцы не получаютъ достаточнаго пособія на первыхъ шагахъ своей новой жизни, встрѣчаютъ общее нерасположеніе къ себѣ стариковъ — старожиловъ и сами являются въ среду ихъ достаточно испорченными нравственно въ тюрьмахъ и на этапахъ. Большинство ихъ находится въ крайне бѣдномъ положеніи. Видимая помощь, предполагаемая въ поселенческой привилегіи работъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ, ведетъ къ тѣмъ же побѣгамъ отъ тяжести уроковъ и къ безпримѣрному пьянству отъ неправильнаго способа денежных вознагражденій. Большинство поселенцевъ, такимъ образомъ, не имѣетъ прочнаго домохозяйства и лишено даже тѣни какого либо признака благосостоянія. Побѣги поселенцевъ также многочисленны **) и также имѣютъ двѣ болѣе характерныя стороны: заурядъ съ каторжными они вынуждаются на бродяжество исканіемъ лучшей участи и бѣгутъ, стороною отъ бѣглокаторжныхъ, прямо въ Россію на родину. Здѣсь эти люди, которымъ выпала жестокая доля изгнанія за менѣе важныя и тяжкія преступленія, ищутъ только того, чего не нашли они на мѣстахъ водворенія. Имъ дорого съ бою добытое право свиданія съ родными людьми и мѣстами. У нихъ настолько не истратилось сердце, чтобы возможный покой, тайное укрывательство и невинный процессъ простаго бродяжества предпочитать исканіемъ приключеній, которыя бѣглыхъ каторжныхъ ведутъ къ грабежамъ, убійствамъ и всякаго рода злодѣйствамъ. Если у нихъ уже развилась ненависть къ закону и пошатнулась вѣра въ общественное благосостояніе, то всетаки поселенецъ охотнѣе принимается за такія дѣла, гдѣ меньше отвѣта и короче обратная дорога въ Сибирь. Такъ говорятъ изъ Россіи. Въ Сибири поселенцы всего больше осуждаются за побѣги изъ Сибири, за побѣги изъ-подъ стражи и за взломъ тюремъ, за развратное веденіе и, наконецъ, за убійство.

Бѣглецы съ каторги, достигшіе Россіи, отли-

*) Такъ, напримѣръ, на Николаевскомъ винокуренномъ заводѣ (въ Нижнеудинскомъ окр. Иркутской губ.) общее число рабочихъ было 442 человека, изъ нихъ бѣжало 215 (въ 1857 г.). Въ 1858 г. всѣхъ было 347, изъ этого числа бѣжало 248, а въ 1859 году изъ 462 человекъ пустились въ бѣга 291 человекъ.

**) Въ Енисейской губерніи, напримѣръ, съ ея немногихъ каторжныхъ и съ многочисленныхъ поселенческихъ мѣстъ водворенія въ три года бѣжало 6.572 человекъ, а поймано и возвращено 1.850, около 25% въ общей пропорціи.

чаются тамъ большею готовностью на разбой и какъ люди, горькимъ и тернистымъ путемъ выбравшіеся на Русь между множествомъ страховъ и опасностей, устремляются на скрытыя и тайныя преступленія, обусловливаемые заговоромъ, предполагающимъ шайки (воруютъ, дѣлаютъ фальшивыя монеты, ассигнаціи и виды, путаются въ поджогахъ). Въ шайкѣ Быкова, съ которою онъ производилъ разбой въ Спаскомъ и Лаишевскомъ уѣздахъ Казанской губерніи, слѣдствіе обнаружило шесть человекъ бѣглыхъ съ каторжныхъ работъ. Самъ атаманъ пришелъ съ есауломъ, свирѣпымъ Чайкинымъ, изъ Иркутскаго солевареннаго завода, а одинъ изъ товарищей (Федоровъ) даже изъ нерчинскихъ рудниковъ. Такіе же бѣглецы производили грабежи въ Смоленскѣ, разбой въ Киевской губерніи и большая часть хотя и сказывались — по обычаю и съ повадки — непомнящими родства, но въ Сибири оказывались старыми знакомыми, снова здоровыми. Бѣглецы изъ Сибири, во всякомъ случаѣ, принимаютъ на себя значительную долю тягчайшихъ преступленій и бѣглецы съ каторги сильнѣе и вѣрнѣе, чѣмъ тѣ, которые бѣжали съ мѣстъ поселенія. Имъ несомнѣнно обязаны ближайшія къ Сибири губерніи (Пермская и Оренбургская) тѣмъ, что, при всякомъ видѣ преступленій, краска на нихъ лежитъ гуще, чѣмъ на всѣхъ другихъ русскихъ губерніяхъ. Губернія же Тобольская, еще сверхъ того, ко всякому роду преступленій успѣваетъ сама прибавить примѣчательныя цифры виновныхъ, въ чемъ немного отстаетъ отъ нее и соседняя ей Томская губернія. Лѣтъ десять тому назадъ „Восточное Обзореніе“ сообщало слѣдующее:

„Бѣглыхъ каторжниковъ разгуливаетъ толпа по Сибири; когда они соединяются вмѣстѣ, то держатъ въ осадѣ населеніе обширнаго района, какъ это было нѣсколько лѣтъ назадъ въ Енисейской губерніи. Здѣсь разбойники плавали на лодкахъ по Ангарѣ и Енисею и наводили ужасъ на прибрежныя села и деревни. Удержатъ каторжниковъ въ тюрьмахъ почти нѣтъ возможности; они бѣгутъ оттуда каждую весну, толкаемые страстью къ бродяжеству. Не всѣ они, конечно, готовы вновь совершать убійства, но среди нихъ значительный процентъ смѣлыхъ и почти дикихъ людей, которые не остаются передъ убійствомъ. Грабежи и убійства встрѣчаются на каждомъ шагу, какъ вдоль большаго тракта, такъ и въ сторонѣ отъ него, и огромное большинство изъ нихъ проходитъ безнаказанно“.

Нѣтъ сомнѣнія также и въ томъ, что пришедшіе изъ Сибири преступники (во всякомъ случаѣ люди испорченные, опасные и всегда озлобленные) находятъ себѣ безопасный пріютъ въ Россіи; пока экономическія средства ея достаточно удовлетворяютъ ихъ насущнымъ жи-

тейскими потребностямъ, они непримѣтны, до известной степени поглощены струею правильно и спокойно налаженного быта. Укрываясь отъ преслѣдованій и соблюдая свою безопасность, они обязательно прилаживаются, по старымъ знакомымъ и не забытымъ въ ссылкѣ приемамъ, къ общему строю народной жизни. Въ этомъ ихъ ихъ основное желаніе и коренное право на безопасность въ мѣстахъ, до которыхъ достигли они такимъ тяжелымъ путемъ бѣгства, такими опасными средствами и орудіями долговременнаго и голоднаго скитальчества. Разумѣя цѣну и важность побѣды, пришельцы изъ новыхъ мѣстъ, чужихъ и дальнихъ, на родныя и знакомыя настолько не слышны тамъ, гдѣ имъ даютъ притонъ, что и самые обычные роды преступленій по Россіи идутъ, не возростая и въ подчиненіи вѣчнымъ человѣческимъ законамъ нравственныхъ паденій и прегрѣшеній, какъ будто экономическія условія страны, по отношенію къ избытку вновь появившихся потребителей, устанавливаются въ ту норму, при которой лишній человѣкъ не затрудняетъ задачу работъ и не тяготитъ излишнимъ потребленіемъ. Не тяготитъ онъ другихъ прокормомъ и постоемъ, не нуждается и самъ въ изысканіи средствъ къ существованію темными преступными путями кражи, грабежей и разбоевъ; равновѣсіе сохраняется и въ обыденной жизни нѣтъ рѣзкихъ крайностей, по которымъ можно было бы судить о скопленіи враждебныхъ и опасныхъ силъ, порождающихъ эти крайности уклоненія отъ обычая и эти противорѣчія строгому и послѣдовательному складу жизни.

На высокой горѣ лежитъ вѣчный снѣгъ. Къ нему наметаютъ вѣтры новые сугробы, но гора способна удержать на себѣ еще многія крупныя и новыя массы снѣга. Ледникъ на горѣ—дѣло привычное и селеніе у подошвы ведетъ свою обычную жизнь въ беззаботности, спокойствіи и не боится обвала, который несомнѣнно долженъ нанести вредъ, спутать всѣ соображенія и порядки, напугать близостью опасности и наказать за излишнее довѣріе и презрѣніе къ мѣрамъ предосторожности. Равновѣсіе подчиняется вѣчнымъ законамъ и нарушается тотчасъ, какъ скопленіе противодѣйствующихъ силъ перейдетъ законную границу: обвалъ сползаетъ съ горы или всею своею массою быстро рушится на подгорную окольность. Онъ не измѣняетъ своихъ законовъ, не противорѣчитъ сроку появленія и ошибаются тѣ, которые принимаютъ его за явленіе неожиданное.

Такимъ образомъ, пока вновь прибывающіе въ данную мѣстность нахлѣбники (изъ сибирскихъ бродягъ), не прошенные по работамъ, восполняютъ недостатокъ рукъ, больше пьютъ, чѣмъ злодѣйствуютъ, пока худшіе изъ

нихъ, совершающіе преступленія, кражи и разнаго рода поддѣлки отъ фальшивыхъ ассигнацій до паспортовъ, являются неосторожными быскачками, безопасность бѣглыхъ обезпечена, они не бросаются въ глаза начальству и не будятъ обычно дремлющихъ силъ его и силъ общественныхъ. Безопасность такая становится соблазномъ для новыхъ охотниковъ, потому что въ гостепріимныхъ мѣстахъ долговременная практика подготавливаетъ тѣ приемы и способы, которые обезпечиваютъ для бѣглыхъ безопасность. Между тѣмъ, со стороны сибирской не перестаютъ дѣйствовать тѣ же несокрушимые вѣчные законы, по влиянію которыхъ прибываютъ новыя толпы и—опасная снѣжная лавина растетъ отъ наметовъ сибирскаго снѣга. Она рухнетъ, когда придетъ часъ и нарушится равновѣсіе.

Предвозвѣстниками этого опаснаго явленія, по отношенію къ скопленію бѣглыхъ, полагаются увеличеніе количества кражъ; значитъ, объявился избытокъ рабочихъ силъ и новыхъ не нужно. Новымъ пришельцамъ дорога на глѣсъ, съ обширнымъ правомъ самимъ промышлять насущный хлѣбъ. Одинъ на такомъ дѣлѣ не воинъ, „одному страшно, а всѣмъ не страшно“, на міру смерть красна! собираются бѣглецы въ шайки, образуютъ товарищества. Даромъ не кормятъ, стало много ѣдаковъ, надо кормъ силою брать. Бѣглецы послѣ воровства грабить стали; разбудили дремлющее око, свели хоянина съ полатей: онъ обулся, одѣлся, взялъ веревку, пошелъ искать и ловить грабителей. Съ сосѣдями онъ сдѣлалъ облаву. Облава имѣла успѣхъ: въ тенета много волковъ попалось. Шайку ослабили, но оставшіеся сбѣгались плотнѣе: всякій товарищъ въ артелѣ сталъ рублемъ дороже. Вырвутъ одного—у всѣхъ шерсть щетинкою: надо мстить обычнымъ, дешевымъ, съ испоконъ вѣку народнымъ средствомъ поджоговъ. Количество пожаровъ примѣтно увеличилось именно отъ того, что бѣглыхъ ловить и выдають; пожаровъ стало такъ много и зарево отъ нихъ такъ велико, что и въ Петербургѣ стало видно, хоть и непоятно. Пожары расплодятся погорѣльцевъ нищихъ, новыхъ бродягъ, но на этотъ разъ неопасныхъ. Опасны дѣлаются тѣ, которыхъ обозлили преслѣдованіями. Шайки, избѣгнувшія отъ преслѣдованій, ладятъ уже такъ, что онѣ имѣютъ всю форму разбойничьихъ. Найдется не одинъ такой удалой добрый молодецъ, для котораго и жизнь копейка и море по колѣно, въ природѣ его столько зла, что на многихъ хватаетъ, а въ характерѣ столько силы и воли, что идутъ за нимъ товарищи, какъ послушное стадо, какъ гуси за вожакомъ, какъ кони за передовымъ табуннымъ жеребцомъ. Такимъ образомъ, вслѣдъ за пожарами и грабителями, объявился и разбой: грабежъ, характеризующій себя только однимъ

насиліемъ, стать разбоемъ, взявъ въ руки оружіе. И, хотя безъ оружія, онъ сталъ все-таки грозить опасностью жизни, здоровью и свободѣ людей; съ разбоемъ въ тѣсной связи оказались разнообразныя убійства.

Здѣсь мы видимъ причину періодическаго появленія злодѣйствъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ преимущественно укрываются бѣглые каторжные и поселенцы. Таковы въ особенности губерніи, ближайшія къ Сибири: Пермская и Оренбургская, Казанская и Симбирская, умѣющія сильно отвѣчать на всѣ виды поименованныхъ преступленій. Тобольская губернія, населенная преимущественно арестантами, выбывшими изъ арестантскихъ ротъ и смиренныхъ домовъ и не принятыхъ обществами, и наибольшее скопляющая въ себѣ бѣглыхъ со всѣхъ концовъ Сибири,—является самою преступною изъ всѣхъ губерній *). Отсюда же изъ этихъ слѣдуетъ и наибольшее количество бродягъ, путешествующихъ въ глубь Сибири, не потому больше, что здѣсь владѣютъ лучшимъ умѣньемъ и искусствомъ ловить ихъ (или прилагаютъ къ этому дѣлу энергію), а потому, что въ этихъ дѣсахъ грибовъ много: сами валяются въ кузовъ. Въ Сибири хорошо вѣдѣно извѣстно, что бродяги, съ отчаянія голодовки и по мѣрѣ приближенія зимнихъ палищихъ морозовъ, отъ которыхъ и птица на землю валится, являются изъ бѣговъ добровольно. Добровольное возвращеніе вмѣняется въ добродѣтель, ослабляющую степень взысканія и мѣру наказанія; такого бродягу выскуютъ и водворяютъ на прежнее мѣсто до новой весны и кукунки, съ каковой поры онъ снова пациентъ на леченіе „березовою настойкою“, предметъ практики для палача и полицейскихъ секуторовъ. Сибирскіе опыты выучили разумѣть, что minimum побѣговъ для одного человѣка изъ опытныхъ бродягъ 6, среднее количество 11 и maximum 18 побѣговъ. Количество же бѣжавшихъ изъ Сибири въ Россію и возвращенныхъ назадъ далеко не соотвѣтствуетъ другъ другу во взаимныхъ между собою от-

*) Вотъ сравнительно преступленія такихъ арестантовъ и бѣглыхъ (за 9 лѣтъ):

	Бродяги:		Арестанты:	
	муж.	жен.	муж.	жен.
Побѣгъ изъ Сибири	—	—	3.509	31
Бродяжество	13.788	3.528	34	—
Воровство	434	86	32	—
Грабежи	36	4	10	—
Разбой	10	1	—	—
Самоубійства	120	6	99	—
Тѣлесныя поуряженія съ намѣр. убійства	28	1	39	2
Имѣніе и составъ фальшивыхъ видовъ	345	134	—	—
Поддѣлка ассигнацій и монеты	39	1	7	—
Принятіе чужой фамиліи	10	3	—	—
Возмущеніе противъ властей	13	—	20	—
Оставленіе отечества	5	—	—	—

ношеніяхъ; если возьмемъ количество бѣглыхъ только съ солеваренныхъ заводовъ Восточной Сибири, то и тогда число ихъ больше чѣмъ вдвое превосходить число пойманныхъ въ Россіи каторжныхъ *).

Какъ сибирскому бродячеству бѣглыхъ и скитанію русскихъ бродягъ въ равной степени предшествуетъ преступленіе, наказываемое ссылкой и называемое „взломомъ тюрьмы“, такъ точно тутъ и тамъ бродячество неизбѣжно сопрягается съ особымъ родомъ преступленій „имѣнія и приготовленія фальшивыхъ паспортовъ“ и порождаетъ третій родъ—„принятіе чужой фамиліи“. Между этими тремя сосѣдами бродячество считаетъ себя въ большей безопасности. Фальшивые виды заказываются грамотнымъ людямъ съ тѣхъ поръ, какъ завелся на Руса паспорта. Ломаютъ тюрьмы съ тѣхъ самыхъ древнихъ временъ, когда земляныя тюрьмы замѣнены были срубамъ, выведенными на поверхность земли и прикрытыми дырявою крышею, а стало бродячество защищать себя псевдонимами съ тѣхъ поръ, когда установился правильный образъ ссылки и водворенія по методѣ Сперанскаго.

Ломаютъ тюрьмы или, собственно, подкапываются подъ нихъ, или—еще проще—подкупаютъ сторожей такъ часто, что трудно представить себѣ хотя одну такую тюрьму въ Россіи и Сибири, надъ которою не было бы произведено опытовъ этого рода. Исторія этого дѣла пахнетъ затхлою стариною, когда бѣглецы назывались „утеклецами“. Способы и количество опытовъ безконечны и безчисленны. Цифра можетъ сказать, что чаще производятъ „взломы“ такъ называемые арестанты; за ними чаще поселенцы, чѣмъ бродяги и каторжные (потому что и количество людей перваго званія несравненно больше количества людей остальныхъ обоеихъ, взятыхъ вмѣстѣ). Цифра и говоритъ это, свидѣтельствуя еще сверхъ того о томъ, что женщины весьма рѣдко прибѣгаютъ къ этой мѣрѣ освобожденія отъ заточенія, представляя исполненіе ея сильнымъ рукамъ тюремныхъ сидѣльцевъ мужского пола; женщины не ломаютъ тюрьмы, а бѣгутъ просто съ работъ на волю, въ остроговъ. Цифра пришедшихъ изъ Россіи за это преступленіе изъ мужчинъ и женщинъ не характеризуетъ его, какъ мѣстное явленіе, въ достаточной степени уже потому, что судъ гонитъ въ изгнаніе только такихъ, которые или не умѣли хорошо провез-

*) Minimum ежегодно высылаемыхъ каторжныхъ 94, maximum—210; minimum поселенцевъ—223 и maximum—688. Число осмыленныхъ, судившихся за побѣгъ съ каторги (въ 9 лѣтъ съ 1838 по 1846), равнялось 1.554 м. и 7 ж. Число поселенцевъ, судившихся за побѣгъ съ мѣсть водворенія, 4.462 м. и 91 ж. Намъ придется еще не одинъ разъ обращаться къ разбору, объясненію и пополненію этихъ краснорѣчивыхъ цифръ.

вести операцію, или, произведя ее, не умѣли хорошо спрятаться. Счастливые гуляютъ на волѣ и виновные въ старомъ грѣхѣ идутъ уже за какой нибудь изъ новыхъ. Несчастливыхъ и неловкихъ усчитываетъ Сибирь въ такомъ количествѣ, которое уже возбуждаетъ справедливое подозрѣніе *). Тюрмы портятъ тюремные сидѣльцы всевозможными способами и только не жгутъ ихъ (что весьма, впрочемъ, знаменательно).

Въ тѣхъ же тюрьмахъ идетъ дѣло приготовления подложныхъ штемпелей и печатей и приготовление паспортовъ и другихъ видовъ за дѣны весьма невысокія, на каковыя въ Сибири въ хорошихъ тюрьмахъ установлена даже такса. Трудно и въ этомъ отношеніи представить себѣ такую сибирскую и изъ русскихъ маломальски жилую тюрьму, гдѣ бы при тщательныхъ обыскахъ не найдено было и готовыхъ и начатыхъ паспортовъ, и орудій дѣла въ видѣ кусковъ свинцу, мѣдныхъ монетъ (обыкновенно пятаконъ), истертыхъ съ обѣихъ сторонъ и отмѣченныхъ новыми нарѣзками, указывающими на невѣроятно далекія отъ Сибири городскія думы и волостныя правленія. Печати обыкновенно крупнѣе общепринятыхъ формъ, нумера такой величины, что писавшій ихъ иногда и самъ выговорить не сумѣетъ, но попадаютъ и отдѣланные по всѣмъ правиламъ искусства; въ тюрьмахъ не мало мастеровъ настоящихъ изъ тѣхъ же рѣзчиковъ печатей, изъ поддѣлывателей фальшивыхъ монетъ и ассигнацій отъ извѣстнаго Цезика изъ Польши до знаменитаго Коренева изъ Перми). Тюремные паспорта такъ уже и пишутся по приказу собравшихся въ путь: на поселенцевъ, вознамерившихся погулять и отдохнуть въ окрестностяхъ; на мѣщанъ, крестьянъ и купцовъ, желающихъ прогуляться въ Россію. При этомъ обыкновенно избираются тѣ города, которые стоятъ на Руси двойнями, тройнями и четвернями! Петровски, Николаевски, Александровски, Макарьевы, Яры, Суражи и Спасскіе въ этомъ случаѣ занимаютъ самыя видныя и почетныя мѣста. Ссылные изъ Россіи—первые пособники въ этомъ, они не покидаютъ въ Сибири того ремесла, за которое потерпѣли наказаніе

*) Однако и въ 9 лѣтъ «за валомъ тюремъ» сослано было 75 человекъ (32 поселенца, 29 арестантовъ, 8 бродягъ и 7 каторжныхъ). Въ 1338 году въ Россіи бѣжало изъ-подъ стражи 57 м., 1 ж.; въ 1839 за побѣгъ отъ службы и изъ-подъ стражи сослано 84 м., 2 ж.; въ томъ числѣ 19 изъ одной Перм., 5 Тул., 5 Грод., 6 Минск., въ 1840—118 м., 4 ж. (18 изъ Перм., 12 Минск., 6 Ярослав., 8 Бесс.); 1841—108 мужч. (17 изъ Мин.), 1842—86 м., 1 ж. (17 изъ Хере, 9 Перм., 4 Вят.), въ 1843—132 м., 14 ж. (27 Перм., 7 Киевск.), въ 1845—7 м. (изъ нихъ: 3 Ряз., 3 Волин., 1 Ярослав.). Въ 1844 г. не показано число, съ этого года замаскированное ными темными рубриками.

и впади въ несчастье. Ловятъ въ такомъ преступленіи въ равной мѣрѣ каторжныхъ и поселенцевъ. Изъ Россіи приходятъ и дворяне (служащіе и не служащіе), и купцы (торгующіе и не торгующіе), для которыхъ, впрочемъ, поддѣлка фальшивыхъ паспортовъ исчезла въ итогѣ преступленій, называемыхъ „поддѣлкою актовъ и другихъ бумагъ“ (однако, нижніе канцелярскіе чины, ссылаемые чаще за поддѣлку актовъ и за воровство, выясняются для насъ въ числѣ ссылныхъ, какъ поддѣлыватели паспортовъ). За фальшивые паспорта изъ Россіи идутъ въ одинаковой степени солдаты и мѣщане, но примѣтно чаще—само собою разумѣется—тотъ классъ людей, который названъ бродягами *). При этомъ замѣчательно то обстоятельство, что бродяги особенно не считали для себя нужнымъ прикрываться какими бы то ни было видами на жительство и прибѣгать къ фальшивымъ, бродили же просто съ такъ называемыми волчьими паспортами; изъ пятнадцати тысячъ присланныхъ въ Сибирь въ теченіи девяти лѣтъ уличены съ фальшивыми паспортами только почти 32-ая часть, т. е. 479 чел. (345 муж. и 134 жен.). Главныхъ пунктовъ этого рода поддѣлокъ (между которыми принадлежатъ самыя видныя мѣста обѣимъ столицамъ) Сибирь не указываетъ, привыкнувъ различать получаемыхъ изъ Россіи преступниковъ въ валовомъ счетѣ по губерніямъ. Но этой системѣ подозрительнѣе другихъ ей кажется: 1-ая Тобольская, 2-ая Пермская, 3-ья Оренбургская, 4-ая Киевская, 5-ая Казанская, 6-ая Московская, 7-ая Петербургская, а прочія губерніи въ полномъ безразличіи.

„Принятіе и имѣніе чужой фамиліи“ или псевдонимы, употребляемые для подспорья бродяжеству и для пущей легкости и возможности скрывать старые грѣхи, — въ Сибири и Россіи дѣла обычныя. Польза такихъ выдумокъ несомнѣнна и въ этомъ отношеніи неизмѣримо практичнѣе и прочнѣе литературныхъ псевдонимовъ; ничто не вѣнчается такимъ полнымъ успѣхомъ, какъ этотъ видъ преступныхъ измышлений на пользу каторжныхъ, поселенцевъ и бродягъ, исключительно пользующихся ими. Отсутствие сплетни и существованіе круговаго заступничества, вставшаго на ея мѣсто у этихъ со всѣхъ сторонъ и всѣми преслѣдуемыхъ, дѣлаетъ то, что разоблаченіе псевдонимовъ—находка въ Сибири равносильная, напр., откры-

*) Въ такихъ чичловыхъ отношеніяхъ:

Солдаты 17, солдатки 11, мѣщане 82, мѣщанки 7, бродяги муж. 345, жен. 134. Торопливая и странная система составленія тобольскихъ табелей о ссылныхъ, зачастую сбивающая разнаго рода преступниковъ въ одну общую каторгію, на многіе года мѣшаетъ отдѣлать поддѣлывателей паспортовъ отъ имѣвшихъ и пользовавшихся ими. Обшая же цифра (за 9 лѣтъ) смѣвшихъ подложные паспорта для мужчинъ 1.408, для женщинъ 328.

тію въ самоцвѣтныхъ камняхъ розоваго топаза. Смотрители тюремъ такіе случаи записываютъ въ шнуровыя книги подъ именемъ „чрезвычайныхъ“ происшествій. Такъ, смотритель тобольскаго острога хвастался (въ 1850 г.): „Вѣгло-каторжный Федоръ Ивановъ, отправленный изъ Tobольска въ Томскъ, съ дороги бѣжалъ, въ Тюмени пойманъ, приведенъ въ тобольской острогъ, снова отправленъ въ Томскъ и снова съ дороги бѣжалъ. Въ 1850 г. пришелъ въ Tobольскъ въ третій разъ въ партіи каторжныхъ уже изъ Россіи (но Екимомъ Звѣревымъ)“.

За принятіе чужой фамиліи изъ Россіи ушло всего 21 человекъ въ 9 лѣтъ *). По Сибири едва ли не половина ссыльнаго люда ходитъ подъ прозваніями, взятыми на прокатъ и, смотря по количеству побѣговъ, подъ пятою и десятою фамиліею. Въ сыскныхъ статьяхъ сибирскихъ губернскихъ и областныхъ правленій то и дѣло поручаютъ искать такого-то (который, какъ заяць въ полѣ, два раза на годъ мѣняетъ цвѣтъ своей шерсти): „Дезертира Путилова Палладій Васильева, онъ же Александръ Лебедевъ и Одинцовъ“. Одинцовъ онъ, вѣроятно, потому, что любить быть въ бѣгахъ безъ товарищей, ходилъ по лѣсамъ, какъ лось-одиноцъ, какъ олень-одиноцъ, а вѣроятно это оттого, что псевдонимы каторжныхъ всегда выражаютъ пополозновеніе на своего рода остроуміе. Въ бѣгахъ, кто какую рѣкою плыветъ, тою и славою слыветъ: углы углождатъ бѣглымъ товарищамъ мастерствомъ доставать пропитаніе—Доставаловъ сталь; любилъ встрѣчать прохожихъ и, ограбивъ, отпускалъ ихъ живыми—Разуваевымъ прозвался. По лѣсамъ грабилъ, въ лѣсахъ скитался—Дубровинъ, еще тоньше—Смолкинъ, Кореневъ; въ горахъ разбойничалъ—Горкинъ, на островѣ Ангары пойманъ—Островскимъ назвался. Очень сердитаго Варваровымъ прозовуть, очень угрюмаго—Несмѣяновымъ, очень веселыхъ—Балагуровыми, Сказочниковыми, Пѣсенниковыми, Потѣхинными. Также часто встрѣчаются: Ложечки, Новоженновы, Новограбленые, Монетчиковы, Денежкины, Переплеткины, просто Гришкинъ и просто Солдатовъ, Неспособный, Тайновъ и проч. и проч. Однако, здѣсь то различіе отъ общепринятыхъ русскимъ и сибирскимъ народомъ прозваній, что таковыя чаще берутъ на себя сами бѣглецы (а не даютъ сосѣди), берутъ по первому вдохновенію, но не безъ скрытаго желанія насмѣшки надъ допросчиками и сыщиками. Приходятъ и съ заранѣе надуманными прозвищами, но опять-таки не безъ скрытаго хвастовства своими доблестями, хотя бы на зтогъ разъ и злодѣйскими; арестанты, какъ известно, народъ страшно тщеславный и въ высшей степени хвастливый. Бываетъ, впрочемъ, и такъ, что пойманые со-

*) Изъ бродягъ 10 м., 3 ж.; изъ поселенцевъ 6 м.; изъ каторжныхъ 2 мужч.

всѣмъ врасположъ и не находчивые сказываютъ и просятъ писать себя просто „непоминащими“ (такими фамиліями испещрены сыскныя статьи и слѣдственные бумаги). Нѣкоторые (и это также въ большомъ употребленіи) прозываются именами, получившими на каторгѣ своего рода извѣстность. Такъ, прозываются они по фамиліямъ знаменитыхъ сибирскихъ бродягъ и разбойниковъ: Горкиными, Апрѣлковыми, Дубровинными. Палачи, напр., выбираемые преимущественно изъ бродягъ, на большую часть Бархатовы, ибо былъ-де такой знаменитый криворотый палачъ въ Москвѣ Бархатовъ, человекъ суровый и домовитый (словно просоленный былъ), самъ въ свою очередь, вѣроятно, придумавшій себѣ фамилію также ради острога слова, хотя и не совсемъ удачно (ибо-де „гладилъ не бархатовъ, а чтобъ ему, криворотому черту, икать на томъ свѣтѣ всю жизнь“).

О подобныхъ переѣвахъ именъ и фамилій неукоснительно доводили до свѣденія высшаго правительства и оно неоднократно принимало въ этомъ отношеніи строгія мѣры: осужденные на поселеніе и обвинявшіеся съ каторжными, обязаны были идти туда, куда указала имъ добрая воля за какое нибудь ничтожное вознагражденіе. Такого ссыльнаго велѣно было держать въ каторжной работѣ 5 лѣтъ, а каторжнаго, по наказаніи на мѣстѣ розгами (ста ударами), держать лишнихъ 5 лѣтъ сверхъ законнаго срока. Поселенцевъ, обвинявшихся именами же, велѣно отсылать въ заводскія работы на два года, а потомъ обращать на поселеніе. Строгости не пособили: ссыльные продолжаютъ мѣняться именами до нашихъ дней.

Коренные бродяги, занашивающіе свои природныя прозвища и отеческія имена, для насъ поучительны и въ томъ отношеніи, что прикрываютъ своимъ званіемъ многія изъ тѣхъ преступленій, которыхъ нѣтъ возможности не только въ Сибири, но и въ Россіи опредѣлять по сословіямъ съ нѣмецкою аккуратностью и, вообще, съ европейскою точностью. Но по бродягамъ и по главнымъ свойствамъ ихъ ремесла и званія не предстоить большого труда выдѣлать тѣхъ изъ нихъ, которые вырабатываются уже совершенно по европейскимъ образцамъ и начинаютъ увеличиваться въ количествѣ по мѣрѣ развитія городовъ со всѣми привилегіями и недостатками этихъ многолюдныхъ сходбищъ и стойбищъ людей различныхъ свойствъ, требованій и воспитанія.

Передъ нами бродяги—люди безъ призванія, не имѣющіе ни извѣстнаго жилища, ни средствъ къ существованію, которые не заняты ни ремесломъ, ни промысломъ. Этогъ первообразъ всѣхъ классовъ злодѣевъ, встрѣчающійся, какъ неизбѣжное явленіе, вездѣ, гдѣ производится не-дозволенная и запрещенная закономъ торговля, гдѣ существуетъ преступная промышлен-

ность,—то прозябаніе, которое получает матеріалъ для питанія въ большихъ городахъ. Такого сорта бродяги и рождаются неизбежно въ той части населенія, которая растетъ и прозябаетъ въ этихъ большихъ городахъ и, по причинѣ непрочныхъ средствъ къ существованію, впадаетъ въ крайнюю нищету. Сюда входятъ и взрослые и оборванные дѣти, которыя, лишены родителей или покинуты ими,—дѣти, которыя, оставаясь безъ отцовскаго крова, вернутся на бойкихъ мѣстахъ главныхъ улицъ, на площадяхъ и бульварахъ Парижа и Лондона, стали появляться и въ нашихъ Москвѣ и Петербургѣ въ увеличивающейся прогрессіи. Они живутъ плодами своей навязчивости, милостынею или мелкимъ воровствомъ, и у насъ въ столицахъ начинаютъ изрѣдка собираться въ воровскія шайки или приставать къ таковымъ же взрослымъ воровъ.

У настоящихъ городскихъ бродягъ нѣтъ ни очага, ни угла, но они—обычныя и вседневныя хозяева тѣхъ зловонныхъ и злосчастныхъ вертеповъ, которые открыты для всѣхъ приходящихъ и помѣщены, по большей части, во всѣхъ большихъ домахъ, окружающихъ самые большіе рынки (каковы: Сѣвннная съ домомъ Вяземскаго въ Петербургѣ и Лубянка съ домомъ Шипова въ Москвѣ). Отсюда эти бродяги—гиблыя прозябанія большихъ городовъ, люди, занятые единственно настоящимъ днемъ, стекаются и толпятся на толкучкахъ, чтобы тамъ легкимъ промысломъ (въ Европѣ легко и ничтожною послугою) добыть себѣ хлѣбъ и мѣдную монету на приварокъ или горячее и горячительное,—и то только на насущный день. Вездѣ, гдѣ частная благотворительность раздастъ милостыню, бродяги эти, въ видѣ нищихъ, являются въ полномъ составѣ: будутъ ли то церковныя паперти въ торжественные дни, или крыльца и дворы купеческихъ и барскихъ домовъ во время похоронъ или поминокъ. Нельзя при этомъ не замѣтить, что частная благотворительность старается выбрать иногда для своихъ поданій такія мѣста, гдѣ, по преимуществу, привыкли собираться бродяги, и, желая быть тароватою и искреннею, благотворительность умѣетъ сдѣлаться, такимъ образомъ, вредною и даже преступною. Бродяжество изрѣдка остается въ собственныхъ своихъ границахъ, но всегда слито съ нищенствомъ и воровствомъ—его неизбежными спутниками и естественными помощниками. Мелкое воровство—единственный выходъ для бродягъ и прямая опора для бродячества. На средства, добытыя этимъ ремесломъ, бродяги умѣютъ поддерживать новобранцевъ и трусливыхъ, закрѣпляя, такимъ образомъ, артелныя связи и подкрѣпляя общій законъ, въ силу котораго легкость добычи уничтожается въ бродягахъ понятіе о цѣнности важныхъ въ городской жизни денегъ. Бродяги тратятъ ихъ съ

необузданною расточительностью и поразительною быстротою; безграничное пьянство становится ихъ прямымъ наслажденіемъ и, при благоприятныхъ поводахъ, превращается въ жизненную цѣль, для которой предѣлъ заключается въ смерти. Всѣ мѣста общественныхъ собраний, народныхъ сходокъ—для нихъ мѣста поживы. Беспорядочная жизнь ихъ составлена изъ двухъ половинъ: одна часть принадлежитъ занятію ремесломъ (дневная), а другая—игрѣ и пьянству (ночная). Игра и пьянство—двѣ страсти, соперничающія между собою въ жизни этого погубительнаго класса людей. Онѣ обѣ творятъ съ ними изумительныя превращенія: изъ легко одѣтыхъ, большую частью оборванныхъ, они въ нѣсколько часовъ становятся почти совершенно голыми и только это послѣднее обстоятельство способно останавливать отъ выхода на промыселъ, страсть къ которому превращается въ нѣкоторый родъ хронической болѣзни. Лѣтомъ они живутъ подъ открытымъ небомъ, зимою—въ самыхъ грязныхъ притонахъ подзрительныхъ домовъ. Они, впрочемъ, привыкли спать и на голыхъ камняхъ, когда не счастливить добыча; привыкли и голодать и умѣютъ приравливать ко всякаго рода нуждамъ и лишениямъ. Бродяжество, соединенное съ воровствомъ, до такой степени сильно затягивающее въ себя болото, что люди, попавшіе въ него, изрѣдко бываютъ способны освободиться. Возвращаемые къ осяздности тѣми или другими случайными способами, они десять-двадцать разъ покидаютъ родительскія семьи и хозяевъ, чтобы снова удариться въ бродяжество и пуститься на воровство. Они снова шарятъ въ чужихъ карманахъ, высматриваютъ слабыя мѣста въ чужихъ квартирахъ, снова истрачиваютъ добытое и собственные силы только на наслажденія, ради ихъ продавая и носильное платье и все, что продать можно. Таково самопроизвольное, свободное бродяжество взрослыхъ, но существуетъ и вынужденное—для дѣтей. Отецъ-ремесленникъ истощаетъ работою своего сына, хозяинъ-мастеръ, принявшій изъ деревни мальчика, не кормитъ его до тѣхъ поръ, пока ученикъ не исполнитъ заданнаго урока, тяжелого и для взрослоаго работника, сурово наказываетъ, больно бьетъ, обѣщается прогнать назадъ свиной пасти; измученный мальчишкѣ бѣжитъ и изъ родительскаго дома и съ хозяйской квартиры, какъ съ каторги.

Разумѣется, бродяжество, нищенство, даже воровство—только печальныя послѣдствія, вынуждаемыя законами необходимости.

Совершенно особнякомъ отъ всѣхъ указанныхъ нами видовъ бродячества, въ подчиненіи собственнымъ законамъ, стоитъ другое явленіе въ народной жизни, на которое указываютъ сибирскія табели, усчитывающія сосланныхъ за бродяжество. Въ группахъ настоящихъ бродягъ

большая половина принадлежит тѣмъ, которые сказались непомнящими родства, но, въ сущности, вовсе не таковы, чтобы можно было оставить за ними прозвание бродягъ и считать ихъ опасными и тѣмъ болѣе преступными людьми. Это — самовольные переселенцы, ушедшіе обмѣнять неблагоприятныя мѣста родины на лучшія, безъ дозволенія начальствъ, но по принужденію многочисленныхъ обстоятельствъ, неблагоприятныхъ осѣдности. Они упорно отказывались объявить свое званіе и имя, чтобы отнять возможность пересылки, этапнымъ способомъ, туда, гдѣ все для нихъ кончено, но, подъ охраною закона, получить право на осѣдность тамъ, гдѣ и по слухамъ и по пословицѣ: „хотя и не растутъ яблоки, но люди не мрутъ съ голода“. Большія толпы людей, ссылаемыхъ въ Сибирь за бродяжество, тѣ переселенцы, у которыхъ отнято право добровольнаго выбора мѣстъ внутри Россіи и замѣнено способомъ принудительнаго переселенія и казенныхъ приемовъ подъ видомъ ссылки на поселеніе въ Сибирь. Имъ не удалось довести своего предпріятія до конца (они пойманы во время самой работы) и, вмѣсто того, чтобы воспользоваться плодами своихъ исканій, на этотъ разъ принуждены видѣть свое дѣло испорченнымъ. Имъ указано вести его сначала при всѣхъ неудобствахъ ссылки и невыгодахъ принудительнаго поселенія. Ихъ признали за виноватыхъ и назвали преступными. Ихъ ссылаютъ въ Сибирь за бродяжество, но за ними историческое право, не допускающее преступности въ этомъ характерномъ явленіи нашего отечества.

Въ Россіи извѣстныя формы народныхъ передвиженій, называемыхъ въ наши времена бродяжествомъ, прошли черезъ всю историческую жизнь народа, подъ благоприятнымъ вліяніемъ времени удѣльно-вѣчевого періода. Оно сохранилось какъ живое и неизбежное начало даже и на то время, когда ковалось Московское государство, медленно и ощупью добираясь до началъ государственныхъ, неблагоприятныхъ этому безконечному и непрерывному шатанію изъ края въ край, изъ одной области въ другую. Когда изъ Москвы начали высылать ограниченія этому народному передвиженію и думали остановить народныя стремленія „брестиврозъ“ — явилась русская Сибирь, обязанная своимъ бытіемъ именно этому стѣсняемому свойству, неразрывно слитому со всѣми другими свойствами, и тѣмъ людямъ, которые назывались сначала вольными, потомъ получили прозваніе гулящихъ и, наконецъ, названы бродягами. Вольные люди до Ивановъ московскихъ, гулящіе при нихъ до Петра, бѣглецы при немъ и бродяги послѣ него до нашихъ дней — все одни и тѣ же представители кореннаго народнаго свойства, стремившагося осилить и оживить обширныя равнинныя пространства, на которыя набрелъ

русскій народъ и которыя легли неодолимымъ соблазномъ передъ нимъ, уснѣвшимъ сознать самого себя и собственныя силы. Бродяжество несло государству громадныя выгоды и было однимъ изъ правильныхъ и законныхъ явленій.

Новгородскіе бродяги — вольные люди, уходившіе изъ Новгорода и его волостей въ силу общаго народнаго настроенія на торговлю и промыселъ или выгоняемые смутами и неурядицею, — эти вольные люди населили весь сѣверъ Россіи. Въ странствіяхъ, придерживаясь рѣкъ, этимъ бродяжествомъ своимъ сзѣмили они оживить самыя отдаленныя страны, каковы закавказскія и сибирскія. Избравъ привольное любое мѣсто, эти вольные люди копали на св. Софію (а потомъ и на государя московскаго) слободы изъ такихъ же вольныхъ людей, бродягъ, извѣстныхъ на старинномъ языкѣ подъ именемъ прибылыхъ людей. Въ предѣлахъ Россіи они устояли подъ защитою частныхъ собственниковъ, сильныхъ капиталомъ и вліяніемъ и явившихся на помощь къ нимъ или въ видѣ частныхъ лицъ — служилыхъ людей, или въ формѣ общинъ, каковы монастыри. Въ предѣлахъ Сибири тѣ же промышленныя поселенія устояли подъ защитою остроговъ и подъ охраною тѣхъ бродягъ, которые назывались въ старой Россіи казаками.

Далеко потомъ, когда уже окончательно установилось Московское государство, когда тотъ элементъ, который породилъ на Русь кавачество, быстро и свободно заселилъ украинны, приобрѣлъ государству много новыхъ земель и земляцъ, покорилъ много непокорныхъ народовъ и уступчивыхъ народцовъ, когда этотъ древній элементъ народнаго духа вмѣненъ былъ народу въ преступленіе, прежніе вольные люди названы были гулящими людьми, — бродяжество еще продолжало руководить народнымъ инстинктомъ. Инстинкъ этотъ сказывался отысканіемъ новыхъ мѣстъ, лучшихъ, прибыльныхъ и привольныхъ. Это исканіе какой-то обѣтованной земли руководило народомъ долгіе годы потомъ. Живетъ оно въ немъ и теперь, даже и послѣ полурастагѣтнаго существованія законовъ, вмѣняющихъ народу „бродяжество“ въ преступленіе. Оно, подъ разными формами и именами, пережило въ послѣднія полтора столѣтія самыя трудныя для его жизни, но представляющія тѣ же питательныя средства, какими богата была древняя Русь и не бѣдна новая. Теперь, когда казалось, такъ проченъ и надеженъ государственный строй, добровольный переходъ съ худыхъ мѣстъ на лучшія, не кончая своей исторіи, ведетъ ея повѣсть съ такими же подробностями, хотя уже не такъ смѣло и открыто, но также примѣтно и настойчиво.

Одинъ ничтожный, неопредѣленный слухъ, распущенный какими нибудь бродягами (обыкновенно солдатами-дезертирами, нерѣдко бѣглецами

помѣщичьими людьми и крестьянами), достаточно силён былъ для того, чтобы, и во время крѣпостного права, поднимать съ мѣста сотни и тысячи осѣдлаго населенія и вести ихъ въ неизвѣстность, въ какую-то призрачную, дальнюю обѣтованную землю. Такъ было это въ 1825 году съ помѣщичьими крестьянами 20 губерній, между которыми Пензенская, Симбирская и Саратовская поступились значительнымъ количествомъ своего населенія, выступившаго на „новую линію“ и дошедшаго уже до предѣловъ Уральскаго войска съ цѣлью разыскать раскваленную и благодатную рѣку Дарью. Волновался народъ слухомъ о какомъ-то сенатскомъ указѣ и, называя его указомъ 23 февр. 1823, вѣрили въ то, что господскимъ крестьянамъ дозволено селиться на казенныхъ земляхъ за рѣкою Ураломъ, что для этого имъ объявлена полная воля, и кто захочетъ, тотъ и можетъ селиться. Народъ шелъ гнѣшомъ безъ денегъ и безъ хлѣбныхъ припасовъ, питаясь подаяніемъ; шелъ безъ женъ, безъ дѣтей, оставляя семейства и хозяйства на произволъ судьбы. Идя дорогою, не только ни одинъ не совершилъ преступленія, но даже и маловажнаго проступка, оставивъ лишь на мѣстахъ подъема слѣды не только неповиновенія и ослушанія помѣщикамъ и управляющимъ, но и слѣды мятежей и своевоія. Всѣмъ хотѣлось дойти безъ препятствій до счастливыхъ мѣстъ, гдѣ на осетрахъ бабы колотятъ выполосканное бѣлье, гдѣ на всякую избу тотчасъ по приходѣ даютъ всякаго скота и птицъ вдоволь и гдѣ всякій, придя въ готовую избу, на дубовомъ столѣ найдетъ 500 руб. на обзаведеніе всѣмъ нужнымъ въ хозяйствѣ. Женщины оставались дома дожидаться подкрѣпленія слуховъ, а мимошедшихъ снабжали холстами, пряжею, деньгами, хлѣбомъ, прося записать ихъ на „новой линіи“. Въ подкрѣпленіе слуховъ рассказывали, что самъ императоръ Александръ I и великій князь Константинъ Павловичъ объявили крестьянамъ свободу и сами поѣхали выбирать имъ мѣста, что киргизскій ханъ, по просьбѣ своихъ, изъявилъ желаніе населить свои земли русскими людьми, что государю это понравилось и онъ ужъ совѣтовался съ Аракчеевымъ и велѣлъ сенату писать указы; къ сенату пристали и сянодѣ, и проч. Разглашала слухи и просянели ихъ прежде всѣхъ, разумѣется, бывалые люди—отставные солдаты (уличено 6 человекъ: Николаевъ, Фроловъ, Шлыковъ, Вѣлоглазовъ и друг.); затѣмъ купеческія дѣти (2) и сами сбѣжавшіе крестьяне другихъ губерній. Лицо духовнаго званія—какъ и быть надо—пономарь, открылъ на пути канцелярію для снабженія желающихъ фальшивыми паспортами. Все число сбѣжавшихъ крестьянъ только изъ трехъ сосѣднихъ къ линіи губерній (Пензенской, Симбирской и Саратовской) простирается до 2.084 чел. Изъ этого

числа наибольшую часть успѣли задержать на мѣстахъ; другую возвратили изъ Оренбурга и Уральска (802) въ позныхъ кандалахъ и за карауломъ отъ внутренней стражи. Кромѣ того, въ Симбирской губ. поймано бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянъ другихъ губерній 203 чел. (Пенз. 86, Саратов. 43, Нижегород. 39, Казан. 15, Тамб. 1, Рязан. 18, Вологод. 1; въ Курмышскомъ уѣздѣ поймано 35 чел. изъ Нижегород. губ.). Однако, изъ всего числа бѣжавшихъ 27 пропало безъ вѣсти, 20 умерло въ дорогѣ, 8 чел. товарищи отбили изъ-подъ караула; многіе успѣли ускользнуть отъ учета. Какъ великъ былъ приливъ народа въ Оренбургскую губ., можно отчасти судить по тому, что изъ одного уфимскаго казначейства израсходовано на отправку бѣглыхъ крестьянъ 15.332 руб. 70¹/₂ коп. Очень многіхъ мѣстныхъ начальства, подъ видомъ бродягъ и цѣлыми семьями, отослали въ Сибирь на поселеніе. По изслѣдованіямъ сенатора князя А. А. Долгорукаго, главнѣйшею причиною побѣговъ было нелѣпное толкованіе распоряженій, предписанныхъ указомъ 23 февраля 1823 года относительно бродягъ.

Въ 1847 году большая часть Витебской губерній двинулась къ Петербургу и уже подъ Порховымъ остановлена была вооруженною силою. Сколько разъ подобныя же слухи шевелили и поднимали большія массы народа во многіхъ другихъ губерніяхъ, какъ случалось, напримѣръ, въ Псковской, Новгородской, Воронежской, Курской, Киевской, Могилевской, Подольской и проч. Старательно преслѣдуя всѣ подобнаго рода движенія и народныя заявленія и сурово устраниая ближайшія причины,—преслѣдователи оставляли въ почвѣ корни, изъ которыхъ одинъ вырванъ великимъ актомъ освобожденія отъ крѣпостного сословія; другіе корни остались въ почвѣ. Малоземеліе въ хлѣбородныхъ южныхъ мѣстахъ, неурожаи, неурѣдко преслѣдующіе изъ года въ годъ въ мѣстахъ лѣсныхъ и болотистыхъ, до сихъ поръ, вмѣстѣ съ другими причинами, даютъ этимъ скрытымъ корнямъ питательные соки въ достаточной мѣрѣ.

Съ поразительною очевидностію Сибирь ежегодно убѣждается въ томъ, что наибольшее количество ссылаемыхъ за „бродячество“ является изъ южныхъ губерній степной полосы Россіи. Средняя цифра принадлежитъ внутреннимъ губерніямъ средней полосы (въ большей мѣрѣ подмосковнымъ, въ меньшей—западнымъ). Самая малая, сравнительно ничтожная цифра падаетъ на сѣверныя губерніи и остзейскія. Сильное на югѣ народное переселеніе слабѣетъ въ центрѣ и уничтожается на сѣверѣ. Оно, какъ бы небалованное условіями теплаго климата и продолжительностію благоприятныхъ временъ года, ослабѣваетъ, истощаясь въ своихъ силахъ при близости полярныхъ холодовъ и пропадаетъ въ

непроходимыхъ, темныхъ и ненаселенныхъ лѣсахъ сѣвера, на топкихъ и скудныхъ тундрахъ и болотахъ его. Приволье степей увеличиваетъ его размѣры и, расширяя пути, даетъ готовыя тропы. Непривѣтливость сѣверныхъ лѣсовъ заслоняетъ эти пути, теряющіеся въ непроходимыхъ чащахъ, и замечаетъ снѣжными сугробами тѣ дороги, которыя легко укладываются въ любомъ мѣстѣ въ степи. Условія народной жизни измѣнились. Примѣненіе труда и народныхъ силъ приняло другое направленіе, противоположное тому, за которымъ до сихъ поръ слѣдила исторія.

Во времена отъ насъ далекія, когда южныя степи оберегались воинственными кочевниками восьми наименованій, разбивавшими и разрушавшими жизнь русскихъ славянъ на югѣ, вся сила движенія направлена была въ противоположную сторону, на сѣверъ. Въ первобытныхъ, непочатыхъ лѣсахъ его выдѣрились два богатыря: Москва и Новгородъ. Когда первой удалось притянуть къ себѣ всѣ разрозненныя, но однородныя части и составить сильное цѣлое, второй уже успѣлъ осилить новыя препоны и далъ народному движенію новое направленіе на востокъ—въ Сибирь. На сѣверѣ отъ степей продолжала укрѣпляться и сосредоточиваться русская жизнь, поразительная своею самобытностью и изумительная по необычайнымъ успѣхамъ колонизаціи. Вольные люди искали новыхъ земель и оживляли трудомъ своимъ тѣ, которыя удалось занять при содѣйствіи собственныхъ общинъ или по призыву богатыхъ собственниковъ, между которыми въ ряду колонизаторовъ очутились даже монастырскія общины и, притомъ, оказались самыми способными и опытными, къ которымъ охотнѣе приставали прежніе вольные люди. Частное право перехода отъ одного владѣльца къ другому, болѣе выгодному, съ безплодныхъ земель на плодородныя, стало на сѣверѣ изъ обычнаго права народнымъ, вошло въ послѣдующія узаконенія, служило народу выходомъ на несчастные случаи, неблагоприятные для оскѣдности. Суровый климатъ и неблагоприятная почва, встрѣтившіе пришельцевъ невзгодами повальныхъ болѣзней и частыхъ голодовъ отъ неурожаевъ, закрѣпили за народомъ право перемѣнять мѣсто, какъ естественное. Къ негостеприимной странѣ и неблагоприятнымъ займищамъ и урочищамъ народъ могъ примѣняться на время, но не былъ въ состояніи прикрѣпиться навсегда. Побѣжденные природою и желавшіе пользоваться естественнымъ человѣческимъ правомъ свободы уходили на призывъ хвастливаго и тароватаго. Равнымъ образомъ, снимались и съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ земля не давала надежныхъ всходовъ и гдѣ прошла война, сопровождавшаяся, по обычаю тѣхъ временъ, страшными опустошеніями и грабежами. Населеніе, оживлявшее лѣса и боровшееся со всѣми пре-

пятствіями, встрѣченными въ нихъ, продолжало находиться въ постоянномъ движеніи и кочевало по тому же способу, какъ и тѣ аборигены страны, которыхъ вытѣсняли они съ лучшихъ мѣстъ. При отсутствіи граней въ русской землѣ, это скитаніе по лѣсамъ было безконечнымъ и вело народъ къ какому-то оскѣдному кочевью, „гдѣ“ — по словамъ одного изъ историковъ нашихъ— „всякая оскѣдность казалась временною, а всякій переходъ совершался оскѣдности ради“. Такимъ образомъ, самое завоеваніе такъ же кочевало, какъ и племена; но завоеваніе на этотъ разъ увѣнчалось тѣмъ успѣхомъ, что вся громадная лѣсная равнина осталась за восточнымъ славянскимъ племенемъ. Здѣсь, въ предѣлахъ этой равнины, главнымъ образомъ сосредоточивалось это кочевье оскѣдлаго народа и находилось въ полномъ разгарѣ, являлось безконечнымъ даже и на то время, когда Московскому царству показалось оно и несвоевременнымъ и вреднымъ. Годуновскій указъ о прикрѣпленіи народа къ той землѣ, на которой кого засталъ указъ, оказался только сильною попыткою остановить народныя стремленія перемѣнять мѣста подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, отъ той или другой причины, которыя на времена первыхъ трехъ царей изъ дома Романовыхъ оставались тѣ же. Число пришедшихъ людей на первое время уменьшилось, но предѣлы расширились приобрѣтеніемъ новыхъ странъ и очисткою хлѣбородныхъ и соблазнительныхъ степей отъ элементовъ, до сихъ поръ сдерживавшихъ стремленіе русскаго народа въ эту сторону. Не сильное въ началѣ, но такое же устойчивое и здѣсь, какъ и на сѣверѣ, такое же неуступчивое ко всякимъ препонамъ, народное передвиженіе заручилось новыми поводами, выразившимися въ крутыхъ и суровыхъ преслѣдованіяхъ за старую вѣру и новые релігіозныя толки. При второмъ изъ Романовыхъ, царѣ Алексѣѣ, народное движеніе, вызванное новыми невзгодами, стремилось и по старымъ тропамъ на востокъ, въ Сибирь, бросалось и въ обратную, на сѣверъ, къ шведскимъ рубежамъ, кидалось въ отчаяніи и по новымъ сиротскимъ дорогамъ на донскія и приволжскія степи, искало помощи и защиты и на западѣ, за рубежомъ литовскимъ. Какъ до сихъ поръ Новгородъ стремился на востокъ, такъ теперь Москва устремилась и на югъ и на западъ, куда ни попало.

Въ такомъ народномъ броженіи принялъ Россію Петръ, думавшій установить государственныя законы по опытамъ и образцамъ Европы, но въ этихъ стремленіяхъ сумѣвшій дать народу новые поводы къ протесту противъ нововведеній. Тѣмъ же бѣгствомъ въ разныя и дальнія стороны отвѣтилъ народъ на указъ Петра о ревизіи, на послѣдующіе указы его о рекрутствѣ, преслѣдованія за старую вѣру, на прикрѣпленіе къ заводамъ и тяжелыя непривычныя ра-

боты и проч. Расширение владѣльческихъ правъ подъ именемъ крѣпостного, сурово выразившееся при Аннѣ и достигшее своего полнаго апогея при Екатеринѣ II, дало новые питательные соки народному стремленію къ переменѣ мѣста. Народъ бѣжалъ и отъ второй ревизіи при Елизаветѣ, и отъ рекрутства, обратившагося въ государственный принципъ и затрогивавшаго чувствительныя семейныя узы въ самыхъ здоровыхъ звеньяхъ и узлахъ. Отъ нерѣдкихъ и всегда неожиданныхъ хозяйственныхъ кризисовъ народъ также попрежнему сгнѣшалъ подниматься съ насиженнаго мѣста и шель искать приволья и счастья тамъ, гдѣ укажутъ ему старинныя преданія или сегодняшній заманчивый слухъ, пущенный какими нибудь доброхотомъ.

Какъ нѣкогда Сибирь была для народа тою обѣтованною страной, гдѣ бабы бьютъ соболей коромыслами, такъ потомъ, когда народъ распозналъ, что и въ Сибири то же солнышко свѣтитъ, Ханаанъ его сталъ въ степяхъ, сначала оренбургскихъ, потомъ новороссійскихъ. Въ настоящее время онъ ждетъ новыхъ указаній, но частями не остановилъ своихъ стремленій по знакомымъ и старымъ тропамъ. Сомнѣнія нѣтъ въ томъ, что съ половины прошлаго вѣка опредѣлительно высказался переливъ населенія съ сѣвера на югъ, и мы, во всякомъ случаѣ, переживаемъ то время, когда эта народная работа еще не доведена до конца. Народъ еще не кончилъ своей роли и не измѣнилъ своему призванію, какъ колонизатора. Какъ прежде ни запретныя указы царей и сената потомъ, ни напrijяженные усилія прежнихъ сыскныхъ и послѣдующихъ воинскихъ командъ не клали препонъ, такъ и теперь не сильны ручательства тому, чтобы народъ отказался отъ миссіи, которую онъ выдержалъ съ такимъ успѣхомъ и которую осязательно выразилъ въ стремленіяхъ къ обладанію Азією. Временныя кровавыя уроки народъ скоро забывалъ, но наболѣвшее мѣсто продолжало по прежнему жить въ народномъ организмѣ и сказываться при первомъ, даже легкомъ уколѣ. Способъ леченія посредствомъ такъ называемой паспортной системы — какъ всѣмъ и давно извѣстно — не имѣлъ никакого успѣха, а огромная корпорація старообрядцевъ приняла паспортъ за печать антихриста.

Къ концу этой борьбы за право существованія на возлюбленномъ и сытномъ мѣстѣ, съ одной стороны, и за право взиманія податей и разнаго рода сборовъ — съ другой, стало ясно теперь, что народныя переселенія устремились въ противоположную сторону. Сѣверъ, нѣкогда сильный огромными городами и богатыми селами, громкій торговлею въ далекихъ заморскихъ странахъ, затихъ, обдѣлѣтъ и опустѣлъ. Оставшимся на немъ и послѣднимъ достались въ наслѣдство кое-какіе слѣды богатства предковъ, которое любило, между прочимъ, выражаться въ большихъ

и богатыхъ церквахъ, выразилось во множествѣ ихъ и въ томъ, что при обилии дѣснаго матеріала, церкви эти выстроены изъ дорогаго матеріала каменнаго. Стоять еще и до сихъ поръ: нѣкогда великій Новгородъ, при 6.095 жителей, съ 12 монастырями и 50-ю церквами; Вологда, куда Грозный царь думалъ перенести свою столицу изъ Москвы, — теперь съ двумя монастырями и 50 церквами на 27.822 жителей, Кострома съ 35 церквами и 2 монастырями на 41.268 жителей, Ростовъ Ярославскій съ 24 церквами и 4 монастырями на 13.016, Угличъ съ такимъ же числомъ церквей и 2 монастырями на 9.698, Владимиръ (Залѣскій) съ 30 церквами на 28.315 жителей, Костромской Галичъ съ 16 на 6.182, Устюжна съ 17 на 5.109, Юрьевецъ съ 17-ю церквами на 4.778. Въ Новгородѣ тѣ монастыри, которые находились въ чертѣ самаго города, лежатъ теперь въ 3 и 7 в. отъ него. Въ Холмогорахъ тѣ Матигоры, на которыхъ жилъ воевода, отстоятъ на 5 верстъ отъ этого города, и теперь протянувшася на три версты и соблюдающаго 6 церквей на 1.112 жит. самаго бѣднаго люда. 24 церкви, большія, каменные и старинныя, сохраняетъ другой древній и торговый городъ Каргополь, съ населеніемъ теперь въ 2.952 жит., въ которомъ, такимъ образомъ, на 80-ти человѣкахъ лежитъ обязательство поддержки дѣлага причта и церкви. Какъ новгородчина (колонизаціонное влияние которой ограничивается на югѣ Волгою) поступилась своимъ народомъ для Сибири, гдѣ два города выросли до двадцатитысячнаго населенія, а селенія стали похожи величиною на города, такъ точно московскіе люди выстроили такіе большіе города, какъ Воронежъ (84.146), Саратовъ (137.109), Харьковъ (174.846) и Астрахань (113.001) на югѣ, и разбрелись въ такомъ количествѣ, что у себя дома оставили воспоминаніе о многихъ городахъ только въ бѣдныхъ селахъ и пустыхъ урочищахъ. Когда понадобились Екатеринѣ города въ селахъ, почти ни одно изъ нихъ не дошло и до нѣкотораго подобія этихъ твореній нѣмецкаго изобрѣтенія, но не русскаго дѣла. Между тѣмъ, во времена этой же императрицы, опиравшейся на завоеванія Потемкина, новороссійскія степи открылись для русскихъ людей и стремление нашего народа на югъ выразилось въ самыхъ очевидныхъ и крупныхъ формахъ. Населеніе съумѣло здѣсь сосредоточиться въ городахъ съ такою быстротою, которая по истинѣ поразительна: Волжскъ съ 1781 года выросъ въ городъ съ 27.039 жителей, Екатеринославль, заложенный въ 1786 г., имѣетъ теперь 121.216 жителей, Херсонъ съ 1778 г. возросъ до 69.219. Изъ крѣпости св. Дмитрія (1749 г.) выросъ на Дону городъ Ростовъ съ 119.889 населенія; изъ бѣдныхъ татарскихъ деревушекъ стали такіе города, какъ Таганрогъ (1770 г.) съ 51.965, Николаевъ (1791 г.)

съ 92.060 и Одесса съ 405.041. Въ 1837 году деревушка, превратившаяся въ город Бердянскъ, имѣеть теперь 27.247 жителей. Воронцовъ принималъ бѣглецъ за пришельцовъ и, подобно де-Геннингу (основателю Екатеринбургa), умѣлъ дѣлать изъ опасныхъ людей безопасныхъ и полезныхъ, вѣдряя ихъ на пустопорожнихъ благодатныхъ черноземныхъ земляхъ юга.

Такой обмѣнъ и переливъ народныхъ силъ, устремившихся изъ лѣсовъ въ степи, съ сѣвера на югъ, счлмѣлъ до нѣкоторой степени послужить причиною, что многія цивилизующія начала, прилагаемая по европейскимъ образцамъ, до сихъ поръ не имѣють успѣха, въ особенности по отношенію ко введенію такъ называемой паспортной системы. По самому существу колонизации, та же причина выразилась въ неправильномъ распределеніи народныхъ силъ, которыя успѣли во многихъ мѣстахъ расположиться такъ, что перелили черезъ край, выяснились же тѣмъ закономъ малоземелія и высказались прежнимъ желаніемъ народа переселиться дальше на новыя мѣста. Въ наше время на призывъ на вновь приобретенныя земли, наравнѣ съ нѣкоторыми изъ лѣсныхъ губерній (каковы Вятская, Пермская, Московская и Владимирская), вызываются охотники изъ степныхъ (каковы Орловская, Тамбовская, Воронежская и Киевская). Такъ сказалося это при заселеніи Амура и сказывается въ призывѣ въ Крымъ и на Кавказъ и въ нынѣшнія времена на Уссури, Аму-Дарью, въ южныя сибирскія страны, въ Ташкентъ. Въ то же время не перестаетъ народное передвиженіе въ прежнемъ направленіи на черноземныя степи и черезъ нихъ: подъ названіемъ „самовольно зашедшихъ“ изъ губерній, бѣдныхъ поземельныхъ надѣломъ, являются въ русскихъ степныхъ и южныхъ губерніяхъ эти остаточные служители древняго русскаго начала и представители отживающей, но еще живой силы народнаго духа. Мнѣе находчивые изъ нихъ возвращаются по этапамъ на родину; болѣе твердые въ своихъ настрѣненіяхъ, для которыхъ опостылѣла родина, закрываютъ себѣ на всегда обратный путь въ нее, сказываясь „ничего не знающими“ и прикрываясь именемъ „непомнящихъ родства“. Эти люди терпятъ заточеніе, подвергаются суду, получаютъ наказаніе. Зная, что за упорное заперательство въ показаніяхъ законъ судить имъ замѣну добровольно избранныхъ мѣстъ на ссылку на поселеніе, эти люди, настойчиво увѣряя въ томъ, что ничего не знаютъ и не помнятъ, идутъ въ Сибирь только для того, чтобы не возвращаться назадъ на немилую родину, съ которою успѣли окончательно разсчитаться. Въ Сибири не придется имъ установиться на мѣстѣ, тамъ снова начнутъ они бродить, но уже отъ другихъ причинъ, порождаемыхъ самою страной

и способами сибирскаго поселенія (объ этомъ дальше).

Не смотря на то, что многимъ, „самовольно зашедшимъ“ на югъ и по нѣсколько лѣтъ не пережвняющимъ паспортовъ, удается до несчастныхъ случаевъ укрываться на дальнихъ морскихъ рыболовныхъ ватагахъ *) (не по одному десятку лѣтъ жить со старыми видами и по знати на персидскихъ и турецкихъ водахъ), не смотря на это, число пойманныхъ и выразившихъ желаніе идти на поселеніе въ Сибирь, каждый десятокъ лѣтъ, весьма значительно. Съ соразмѣрнымъ постоянствомъ цифра ссылаемыхъ въ Сибирь за бродяжество ежегодно повторялась въ болѣе крупныхъ размѣрахъ въ губерніяхъ южныхъ и при этомъ ярко выяснялся тотъ законъ, что таковое переселеніе производится семьями: количество женщинъ немного уступаетъ количеству мужчинъ. Слѣдовательно, предпринимаема оно не ради бездѣльнаго скитанія съ мѣста на мѣсто, чтобы, на правахъ бродягъ, считаться людьми безъ призванія, лишенными предусмотрительности и энергіи и пришедшими въ то нравственное состояніе, при которомъ исчезаетъ даже тѣнь самостоятельнаго характера. Тянулись на югъ, при крѣпостномъ правѣ, дворовые охотливѣе и чаще всѣхъ другихъ сословія; брели въ большомъ числѣ болѣе свободные государственные крестьяне. Оказалось, что теперь сравнивались съ ними въ этихъ стремленіяхъ и бывшіе помѣщичьи крестьяне, облегченные отъ пути крѣпостнаго права. Идутъ на югъ и бѣглецы изъ Сибири (въ 20 лѣтъ выслано оттуда попавшихся и уличенныхъ 430 человекъ **).

Какъ на волжскихъ, каспійскихъ и азовскихъ водахъ еще многимъ охотникамъ скрываться непомятыми родства удалось схорониться отъ ссылки подъ прикрытіемъ экономической необходимости и безвыходнаго положенія блюстителей закона ***), такъ и въ Россіи удастся от-

*) Извѣстно, что когда приводили въ ясность число безпаспортныхъ, занимающихся рыбною ловлею на астраханскихъ водахъ, цифра изумила величиною: насчитано было такихъ людей около п я т н а д ц а т и т ы с я ч ѣ! Нисколько не меньше ихъ на водахъ Азовскаго моря; не считаны они на Куринскихъ рыбныхъ (Божьихъ) промыслахъ. На южномъ берегу Персидскаго залива, въ особенности на водахъ богатой рыбной рѣки Сифудъ-руды, русскіе рыбаки живутъ по дѣльмъ десяткамъ лѣтъ, не принявъ персидскаго подданства, но и не поддерживая особенныхъ связей съ отечествомъ.

**) Изъ Астр. губ. выслано за бродяжество 333 муж. и 55 жен., изъ земли войска Донскаго 1.245 муж. и 214 жен. въ 20 лѣтъ (съ 1827 по 1847 годъ).

***) Въ извѣстныхъ намъ девять лѣтъ (съ 1838 по 1846 г.) число сосланныхъ въ Сибирь за бродяжество распредѣлилось въ такомъ отношеніи по южнымъ и степнымъ губерніямъ (считая мужчинъ и женщинъ вмѣстѣ: 1) Ставро. 947; 2) Екатер. 730; 3) Херс. 642; 4) Полт. 642; 5) Черн.

бывать много изъ тѣхъ, которыхъ, по всѣмъ признакамъ, можно считать истинными бродягами въ болѣе близкомъ къ настоящему смыслу, чѣмъ тѣ, о которыхъ мы рассказали сейчасъ. При всѣхъ усиліяхъ и частныхъ и упорныхъ преслѣдованіяхъ, въ народѣ не могли искоренить живучаго начала бродячества и оно съумѣло проявиться въ такихъ формахъ, при которыхъ стало терпимо, очутилось внѣ преслѣдованій. Прихотливо развѣтвляясь на многія отрасли, русское бродячество, въ каждомъ изъ видовъ своихъ, успѣло прикрыться благовиднымъ покровомъ и встать подъ защиту того самаго общества, которое изъ породило, воспитало и въ отживающей и одряхлѣвшей формѣ охотливо покровительствуетъ пріютомъ, питаеъ и грѣетъ. Общественная оборона явилась для многихъ изъ этихъ родовъ бродячества въ такомъ крѣпкомъ видѣ, что для преслѣдователей нѣтъ ни правъ, ни возможности одолѣть ловко прикрытые остатки наслѣдія отцовъ и пращуровъ.

Всматриваясь съ большею подробностью въ различные виды скитальцевъ, мы видимъ, что многіе изъ нихъ, по разнообразнымъ вызовамъ, основали свое право на экономическихъ условіяхъ страны и представляются тѣмъ законнымъ явленіемъ, безъ котораго не полна народная жизнь. Для нихъ скитальчество — наружная форма: одни изъ скитальцевъ стоятъ подъ защитою коренного народнаго свойства — всеобщаго стремленія къ такъ называему благоденствію; другіе прикрылись ремесломъ; для третьихъ оказалась удобнымъ промыселъ; четвертые бродятъ подь видомъ торговцевъ, и проч.

Нѣтъ тѣхъ силъ, которыя могли бы остановить цѣлыя массы народа, движимыя принципомъ религіозности и увлекаемыя къ мѣстамъ, почему бы то ни было признаннымъ народомъ за священныя. Нѣтъ тѣхъ знаній, которыя были бы способны разграничить искреннія религіозныя побужденія съ меркантильными, чисто-коммерческими предпріятіями, только снаружи прикрытыми маскою неподдѣльнаго религіознаго чувства. Нѣтъ тѣхъ средствъ, которыя могли бы противостать наплыву массъ шарлатановъ и обманщиковъ, которые, подь видомъ духовнаго дѣла, ведутъ мелочную торговлю, спекулируютъ

на религіозныя вѣрованія такимъ же нечистымъ промысломъ и, устроивая на той и на другомъ свое личное благосостояніе, въ то же время поддерживаютъ въ народѣ суевѣрія, питаютъ въ немъ крупныя и многочисленныя остатки язычества. Для такихъ обѣтныхъ хожденія по святымъ мѣстамъ русскимъ, ближнимъ и отдаленнымъ, сдѣлались цѣлью существованія, превратились въ вѣчное движеніе, безконечное скитаніе, въ хроническую болѣзнь, въ промыселъ. Люди эти понятны народу и любезны ему: нѣтъ того мѣста въ Россіи, для котораго не было бы своего Іерусалима, какогонибудь города или села, или родника съ чудотворною мѣстною-чтимой иконою, съ подслудными мощами святого подвижника и цѣлителя тѣлесныхъ и душевныхъ недуговъ. Обѣтное хожденіе къ такимъ мѣстамъ съ молитвою вмѣняется въ обязанность всякому, желающему получить облегченіе и отъ грѣховъ и отъ недуговъ. Восходя мыслью объ обрядномъ обязательствѣ хожденія по святымъ мѣстамъ, народъ нашъ особенно чтитъ дальнія святыя мѣста. Въ мучительно-трудномъ пути къ этимъ мѣстамъ онъ видитъ одинъ изъ путей къ облегченію душевныхъ скорбей и вѣроятіе достиженія блаженства въ райской загробной жизни. Вотъ почему Соловецкій монастырь, удаленный за лѣсами и болотами и поставленный среди моря „на отокѣ океана“, считается ежегодно богомольцевъ и рубли, оставленные ими, тысячами, и путешествіе въ Сирійскій Іерусалимъ, черезъ землю невѣрныхъ и аловѣрныхъ, считается верхомъ торжества для души, ищущей земного спокойствія. Лавры Троице-Сергіевская и Кіево-Печерская, непрежнно достигаемыя пѣшимъ способомъ со вкушеніемъ всяческихъ невзгодъ, для жителей сѣверныхъ лѣсныхъ губерній (вторая) и для жителей степныхъ южныхъ (первая) приближаютъ радость утѣшенія, всецѣло доставляемую собственно лишь однимъ Іерусалимомъ.

Видя въ самомъ процессѣ труднаго пѣшаго путешествія богоугодный подвигъ, задавшись мыслью и твердо стоя на положеніи, что только та молитва скорѣе идетъ къ небу, которая у самыхъ нетлѣнныхъ тѣлъ препоручена заступникамъ и угодникамъ Божиимъ, народъ видитъ за тѣмъ во всѣхъ странникахъ подобнаго рода счастливецъ, божьихъ людей. Препоручая себя молитвамъ этихъ людей, народъ вездѣ, на всѣхъ пунктахъ (даже и на большихъ торныхъ дорогахъ), даетъ этимъ странникамъ бесплатный пріютъ, даровой прокормъ и деньги въ натурѣ на дальнюю путь-дорогу и на задравную и заукояную просфоры. Главнѣе всего, съ этихъ странниковъ берутъ обѣщаніе, приправляемое усердною просьбою, не оставлять ихъ святыми подарками на обратномъ пути и не обходить ихъ избы окольною дорогою, не принеся ими тѣхъ освященныхъ памятокъ, какими съ изъ-

621; 6) земли войска Донск. 566; 7) Кіевской 528; 8) Таврич. 437; 9) Курской 410; 10) Бессараб. 402; 11) Харьк. 368.

Изъ сѣверныхъ лѣсныхъ губерній за тоже время выслано бродягъ: изъ Вологод. 43 (36 м., 7 ж.), Арханг. 27 (22 м., 5 ж.), Олон. 24 (21 м., 3 ж.). Эти цифры самыя меньшія. Изъ Финляндіи и царства Польскаго за бродяжничество не выслали; изъ Остзейскихъ губ. очень мало (изъ Курл. 48, изъ Эстляндской 12). Самая крупная цифра по этому роду ссыльныхъ принадлежитъ губерніямъ Тобольской, Оренбургской и Пермской по причинамъ, которыя мы объяснимъ дальше (въ первой собрано 2.553, изъ второй выслано 957; изъ третьей—953 человекъ).

бытком запасаются монахи святых мѣстъ и какими въ обилии снабжаютъ они богомольцевъ. Не знаютъ того и не хотятъ знать простые и доврѣчивые деревенскіе люди, что почасту мимо нихъ проходить въ Соловки такіа артели, которыя въ прошломъ году бродили около Москвы, года черезъ два очутятся въ Киевѣ, еще черезъ нѣсколько лѣтъ попадутъ на Аѳонъ и въ Іерусалимъ. Не знаютъ они, что вся жизнь артелей этихъ проходитъ въ постоянномъ, неутомимомъ бродяжествѣ, что бродяжество успѣло опутать ихъ соблазнами и тенетами легкаго промысла такъ, что многіе странники сами не видятъ во мнимомъ спасеніи своемъ необлыжнаго грѣха противъ личной совѣсти и противъ общества. Нѣтъ простому человѣку дѣла до того, что это—тунеядцы, что артели ихъ сбиваются грѣховно и большею частью на самыхъ корыстныхъ расчетахъ и служатъ одному изъ семи неутомимыхъ и смертныхъ грѣховъ. Нѣтъ нужды рѣшать такіа дѣла, гдѣ замѣшалось дѣло совѣсти—самыя темныя дѣла, судить которыя народъ нашъ, по многовѣковой привычкѣ, не умѣетъ и не любитъ. Охотно слушаетъ онъ потомъ рассказы о всѣхъ необычайныхъ явленіяхъ вродѣ стона грѣшныхъ душъ, слышимыхъ во адѣ черезъ отверстіе въ іерусалимскомъ храмѣ, и вѣрить имъ всею слѣпотою своего ума, всею воспримчивостію своего сердца, боясь не доврѣить имъ изъ страха смерти. Вѣрить народъ въ обоихъ случаяхъ и тому рассказчику, который самъ воспринять все слышанное и видѣнное на свою слѣпую вѣру, и тому, который живо-привычно и медово-сладкою рѣчью хитро прикрываетъ личное безвѣріе и, выкладывая съ языка рассказы о чудесахъ, въ умѣ своемъ раскладываетъ счеты и грѣшныя соображенія о количествѣ и качествахъ денежныхъ и другихъ наградъ за повѣствованія *).

Насколько слѣпо въ народѣ довѣріе, производимое религіозными возбужденіями, и насколько простосердечна вѣра, преданная разумѣнію одной внѣшней обрядности, настолько часты въ жизни народа такіа заключенія, которыя происходятъ отъ обмановъ и подлоговъ, употребляемыхъ людьми хитрыми и злонамѣренными. Сколько разъ ловила въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи наша неумудрая земская полиція цѣлыя шайки бродягъ съ перламутровыми образами и крестами, съ поддѣльными частицами мощей и отломковъ отъ креста Христова, бродягъ, переодѣтыхъ въ монашеское платье и выдававшихъ себя за грековъ изъ Іерусалима или съ Аѳонской горы. Нахичеванскіе армяне такіе подлоги обратили въ особый видъ промысла и коммерческаго предпріятія,

*) О бродяжествѣ этого характера и разныхъ видовъ авторъ говоритъ въ отдѣльномъ сочиненіи, изд. въ 1877 году подъ названіемъ «Бродячая Русь Христа-ради».

основаннаго на запасѣ вещами, хорошо идущими въ торговлѣ: камешками разнаго вида, образками, четками, евангеліями, кусочками разнаго рода и даже пескомъ, увѣряя, что все это изъ Іерусалима и что деньги собираютъ на гробъ Господень. И сколько еще ходятъ по большимъ и столичнымъ городамъ такихъ странниковъ въ полумонашескомъ платьѣ, которые, со смиреніемъ на лицахъ, повѣствуютъ о сверхъестественныхъ явленіяхъ, но сбиваются на географическихъ и другихъ показаніяхъ и потому ловятся въ кабакахъ въ пьяномъ и безобразномъ видѣ и безъ всякихъ видовъ.

Замѣчательно, что любилъ спекулировать этимъ большею частью армяне деревень Нахичеванскаго уѣзда, запасавшіеся передъ уходомъ заграничными паспортами на Джульфинской таможенной заставѣ въ персидскихъ предѣлахъ. Здѣсь разрѣшена персидскимъ шахомъ выдача билетовъ персіанамъ, идущимъ на заработки въ Россію. За условленную плату закавказскимъ (русскимъ) армянамъ здѣсь же выдавали билеты съ пропискою, что они—греческіе священники. Нѣкоторые запасались заграничными паспортами и отъ тѣхъ армянъ, которые приходятъ изъ Турціи. Опытные и бывалые умѣли накалывать на рукахъ татуированные знаки, изображающіе распятіе, лики святыхъ или просто кресты. По деревнямъ русскимъ они увѣряютъ, что эти знаки наколоты самимъ іерусалимскимъ патриархомъ. Эти плуты не бреютъ бородъ, носятъ священническія рясы и шляпы, вродѣ невысокаго монашескаго клобука; службою молебновъ наживаютъ большія деньги, особенно на ярмаркахъ въ Нижнемѣ, Харьковѣ и Полтавѣ. Въ опасныхъ мѣстахъ они рыски снимаютъ и ходятъ они купцами съ коробками, предъявляя уже нахичеванскіе паспорта. По многимъ мѣстамъ у нихъ заведены притоны и передатчики награбленныхъ обманомъ денегъ. Черезъ притонщиковъ этихъ ведется переписка съ родными; въ домахъ у нихъ производятся и переодѣванія. Нѣкоторые изъ мошенниковъ-армянъ успѣвали сдѣлаться кое у кого по купечеству духовниками, помимо которыхъ къ настоящимъ уже и не ходили, а у этихъ пришлецовъ крестили младенцевъ и проч. Наслѣжены такіе мошенническіе притоны на Волгѣ, на Дону (въ землѣ казачьей), въ Харьковѣ, Сибирскѣ, Новочеркасскѣ,—по большей части у армянъ же *).

*) 7-го іюня 1890 г. московскій окружной судъ приговорилъ къ восьмимѣсячному тюремному заключенію перса Якова-Боба Ибрагимова, выдававшего себя за священника православной константинопольской патриархіи и присвоившаго крупныя пожертвованія на Аѳонскіе монастыри. На судѣ выяснилось, что въ Москвѣ существуетъ правильно организованная партія персовъ-христіанъ, занимающихся тѣмъ же. Одѣтые въ священническія рясы, они по подлож-

Огромныя толпы нищихъ покрываютъ всѣ церковныя паперти въ городахъ и селахъ, площади на базарахъ и площади на ярмаркахъ. У одиночно-просящихъ милостыню нищихъ кругъ скитальчества не широкъ, ограниченный своимъ околоткомъ. У каждаго во всѣхъ деревняхъ по сосѣдству имѣются такія избы и семейства, которыя во всякое время готовно отпираютъ нищей братіи ворота и двери, открываютъ печь, припасаютъ теплое и уготованное мѣсто для ночлега и красный уголь для разказовъ о сонныхъ видѣніяхъ и приключеніяхъ въ сосѣдствѣ. Носить эта нищая братія худыя вѣсти съ чужого двора, не видя и не чуя въ нихъ грѣха сплетни, не предполагая въ своемъ лицѣ ясныхъ и опредѣленныхъ чертъ неумытнаго ремесла вѣстовщицы, междворницы, готовой подслужиться и семейному раздору и общественной неурядицѣ. Смиреніе, обязательное для молитвенницы, переходитъ въ грѣхъ пересуда и осужденія въ чужомъ глазу спицы; изъ легкаго ремесла становится привычкою и промысломъ, у котораго опять-таки одинъ исходъ—бродяжество, безмѣстное шатаніе, безконечное кочевье. Если по смыслу словословицы: „отъ поваженнаго, что и отъ наряженнаго, отбою не бываетъ“, то и нищенство, подпадая подъ форму бродячества, не имѣетъ на Руси конца и мѣры и въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи доходитъ до страшныхъ, неожиданныхъ и крайнихъ предѣловъ. Вездѣ, гдѣ только какое нибудь случайное возбужденіе—во имя молитвы, а кстати тутъ же и ради торговли—собираетъ толпы народа, сбиваетъ торгъ, базаръ, ярмарку, вездѣ во всѣхъ такихъ мѣстахъ нищая братія является съ неизмѣннымъ и несокрушимымъ своимъ правомъ, столько же древнимъ, какъ сама Русь. На большую часть въ бойкіе торговые пункты нищие приходятъ въ плотно слаженныхъ артеляхъ. У этихъ артелей нѣтъ уже иныхъ цѣлей, кромѣ разсчитанныхъ коммерческихъ соображеній на промыслѣ горломъ и смиреннымъ видомъ. Часть заработаннаго капитала поступаетъ въ руки того слѣпца-подрядчика, который сбиль эту кучу попрошайекъ въ артель и подобралъ голоса по давней привычкѣ и личнымъ соображеніямъ: громкому голосу, при хорошей памяти, положилъ большую плату, слабый голосъ, при маломъ знаніи стиховъ и старинѣ, оцѣнилъ меньшимъ паемъ. Смиренное сидѣніе надъ деревянною чашечкою, съ опущенными долу слѣплыми очами, поддѣлано и наведено только для базара и народа. За глазами базара оно скидается, какъ тяжелое, гнетущее бремя, и видимо благочестивая и смиренная артель въ заговоренныхъ кабакахъ развѣртываетъ сдержанныя базаромъ и корыстью страсти: многіе слѣпые оказываются

нимъ свидѣльствамъ собираютъ на восточныя православныя святыни и добытыя деньги дѣлили между собою.

зрячими, многіе хромые и безногіе пляшутъ трепака подъ вліаніемъ разжигающей влаги. У цѣловальниковъ до сихъ поръ свято правило наливать самую лучшую водку нищимъ. Ни одна артель не живетъ такимъ обиліемъ всяческихъ дразгъ и сваръ, ни въ одной не бываетъ такихъ ожесточенныхъ кровопролитій и темныхъ нечистыхъ дѣлъ, вродѣ умыканія (похищенія) чужихъ дѣтей, нерѣдко сопряженнаго съ искалѣченьемъ членовъ и, во всякомъ случаѣ, съ неизбѣжною порчею ихъ нравственности на полномъ просторѣ и раздолѣ этого вида бродячества. Большая часть бродягъ деревенскихъ нищихъ живетъ въ постоянныхъ круговыхъ переходахъ изъ мѣста на мѣсто, съ базаровъ на ярмарки, съ харьковской на полтавскую, съ Коренной на кіевскіе Контракты и проч. Живетъ этотъ родъ бродячества-промысла съ самыхъ отдаленныхъ и темныхъ временъ нашей исторіи до настоящаго дня, надежно пристроившись къ тому народному свойству, которое истекаетъ изъ религіи. Во многихъ губерніяхъ, въ особенности во Владимирской (Судогодскаго уѣзда), изъ-подъ Москвы, въ Пензенск. губ. Саранскаго уѣзда, цѣлыя волости заколачиваютъ избы и уходятъ нищенствовать. При этомъ побирание Христовымъ именемъ принимаетъ форму настоящаго, правильно организованнаго промысла, вызваннаго либо замѣчательнымъ безплодіемъ почвы (какъ въ окрестностяхъ Судогды), либо вѣковыми обычаями, не только ничѣмъ не сдержаннымъ, но даже находившимъ покровительство при крѣпостномъ правѣ (какъ въ деревняхъ подмосковныхъ и въ Калужской губерніи *).

На всегдашней готовности русскаго народа къ благотворенію немущимъ, несчастнымъ и страдающимъ основалъ расколъ самую живую и дѣятельную сторону своего дѣла—дѣло пропаганды, и разсчитанно достигъ богатыхъ и счастливыхъ результатовъ. Такъ называемые „запросчики“, въ постоянныхъ переходахъ съ мѣста на мѣсто, полагали свое общественное служеніе, какъ долгъ, радвіе и священное обязательство общинѣ. Семень Укленинъ всю жизнь свою не имѣлъ гдѣ главу преклонить, но въ итогѣ увидѣлъ то, что молокоство изъ тамбовскихъ деревень перекинулось на Хоперь

*) Въ прошломъ вѣкѣ и въ началѣ нынѣшняго всѣхъ странствующихъ нищихъ, хромыхъ, слѣпыхъ, нѣмыхъ и убогихъ, приходившихъ изъ сосѣднихъ губерній, хотя бы и по собственнымъ дѣламъ, а не только для испрошенія милостыни, принимали за бродягъ и ссылали въ Сибирь. Указъ 23-го февраля 1823 года повелѣвалъ даже всѣхъ не предъявившихъ паспортовъ, не наводя никакихъ справокъ, ссылать въ Сибирь. По почину калужскаго губернатора точнѣе опредѣлено закономъ значеніе бродяги, дозволено помѣщикамъ возвращать крѣпостныхъ людей изъ бродягъ на пути слѣдованія въ Сибирь, а убогихъ и нищихъ отдавать, по принадлежности, на призоръ самого народа, оставлять на родныхъ мѣстахъ и на родной почвѣ.

и съ Дону перебралось за Волгу, далеко въ Самарскую степь. Кондратій Селивановъ, съ тѣмъ же странническимъ посохомъ и въ видѣ бродяги, прѣшелъ по черноземной полосѣ глубоко съ юга до Петербурга, посѣщая хлыстовскіе „корабли“ и устроая сіонскія „горницы“ скопцовъ. Наконецъ изъ того же принципа бродяжничества возникъ особый видъ раскольничьей секты, извѣстной подъ именемъ бѣгуновъ или такъ называемаго софѣлковскаго согласія, ревнители котораго уже въ истинномъ смыслѣ люди, не имѣющіе гдѣ главу преклонить, по религиозному принципу уходящіе въ глубь лѣсовъ и во мракъ подпольевъ (подробности въ томъ же сочиненіи „Бродячая Русь“).

На разнообразномъ пространствѣ огромной русской земли народныя передвиженія съ мѣста на мѣсто для отысканія средствъ къ существованію на сторонѣ, когда ихъ нѣтъ на мѣстѣ, между прочимъ, разительно высказались въ существованіи такъ называемыхъ отхожихъ промысловъ. Изъ нихъ нѣкоторые многознаменательны до того, что выводятъ населеніе многихъ мѣстностей поголовно (по крайней мѣрѣ на лучшую и здоровую часть его). Какъ промыселъ и ремесло, такъ и торговля искала примѣненія и путей для себя въ тѣхъ же переходахъ и скитаніяхъ по лицу земли русской. Эта разнообразная подвижность населенія также глубоко скрыла начальные основныя корни свои въ давнихъ временахъ народной исторіи и также не стѣснялась пространствами и разстояніями. Какъ плотники и печники, шерстобиты и шубники уходятъ въ глубь Сибири, такъ нѣкогда ковровскаго и вязниковскаго ходебщика-офеню видали за австрійскою границею и считали сотнями за Кавказомъ и за Ураломъ, десятками на самыхъ отдаленныхъ окраинахъ государства, каковы побережья Вѣлаго моря и ссыльные мѣста Забайкальскаго края. Съ коробкомъ за плечами, съ аршиномъ въ рукахъ, офеня-разносчикъ почти круглый годъ (отъ середины одной макарьевской ярмарки до начала ея въ слѣдующемъ году), бродилъ изъ села въ село, съ люднаго базара и малаго торжка на большую и бойкую ярмарку. Шерстобиты ходятъ съ мѣста на мѣсто всю зиму, коновалы половину зимы и весну и проч.

Хотя кое-какія частныя распоряженія и, наконецъ, самое время и измѣненія экономическаго быта, съ проведеніемъ шоссеиныхъ и желѣзныхъ дорогъ, ослабили это скитальчество торговли, тѣмъ не менѣе оно производится еще и теперь, хотя и примѣтно въ уменьшенныхъ размѣрахъ. Офени прикрѣпились къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ сосредоточивали, они, главнымъ образомъ, свою торговлю, и бродятъ уже только по околицамъ срединнаго пункта, но за то ярославскіе салфеточники бродятъ еще по петербургскимъ и московскимъ домамъ, разнося полотна и полотенцы, а тверскіе и буевскіе гребенщики подаютъ еще свой козлиный голосъ на столичныхъ дворахъ и улицахъ. Отхожіи промыслы въ столицѣ имѣютъ, сверхъ невыгодъ долговременныхъ отлучекъ для нравственности семей, еще ту особенность, что приучаетъ сельскаго жителя къ городской холостой жизни, несомнѣнно вліяющей прямымъ и косвеннымъ образомъ на развитіе преступленій „противъ правъ семейственнаго состоянія“.

Не видать уже теперь въ такомъ множествѣ тѣхъ цыганскихъ таборовъ, которые, съ разломанными кибитками, со рваными и одѣтыми въ лохмотья женщинами, съ подугольными ребятишками и съ краденными лошадьми, во множествѣ становились въ окрестностяхъ уѣздныхъ городовъ и большихъ торговыхъ селъ. Рѣже (и то только въ сѣверныхъ и среднихъ мѣстахъ Россіи) видятся теперь эти бродяги изъ индусскаго племени, женская половина которыхъ занималась ворожебою и кражею куръ и бабьяго тряпья въ то время, когда мужская пускалась на плутовской обмѣнъ краденныхъ лошадей. Тѣ и другіе отслужили свою достославную службу шаловливому бездѣлю помѣщиковъ и чиновниковъ, умѣвшихъ тратиться и пьянствовать подъ обаяніемъ дикихъ пѣсенъ и удалыхъ плясокъ. На пятьдесятъ лѣтъ назадъ ушли для бессарабскихъ цыганъ тѣ времена, когда они, своими таборами, какъ бы татарскими ордами, осаждали молодые города Новороссіи (напримѣръ, херсонскій Елизаветградъ) и высылали изъ лагеря въ городъ пословъ съ требованіями денегъ и имущества и съ угрозами смерти и пожара на случай отказовъ. Тамъ, по всему югу и даже на западъ (по Вѣлороссіи), цыгане — еще при старыхъ правахъ бездомныхъ скитальцевъ.

ГЛАВА V.

ВОРЫ И МОШЕННИКИ.

Народныя понятія о собственности.—Вѣдомый большой воръ.—Воровскія мѣста въ Россіи.—Причины воровства.—Столичные жулики и мазурики.—Карманники.—Музыка (воровской языкъ).—Мѣшки (барышники-пріемщики).—Честный человекъ въ воровствѣ.—Мошенники высшихъ слоевъ общества: карточные шулера.—Сословія и мѣста, наиболѣе видныя по воровскому промыслу.—Воровство—повальная тюремная и поселенческая болѣзнь.

Древняя Русь придавала это прозваніе „ворами“ всѣмъ вообще лихимъ и злымъ людямъ, тѣмъ недоброхотамъ и злодѣямъ, отъ которыхъ народъ ожидалъ для себя несчастій и получалъ всякаго рода невзгоды и бѣдствія. Ворами слыли и литовскіе люди, опустошавшіе московскія страны, и казаки, пользовавшіеся смутными временами и народными неурядицами. Ворами назывались и тѣ русскіе, которые, не имѣя осыдлости, бродили по московской землѣ, наживались плодами чужого труда и прозваны въ наши времена бродягами. Ворами прозвалъ народъ и царьковъ-самозванцевъ, которыхъ соблазнялъ московскій престолъ въ смутное безгосударное время государства. Воромъ въ тѣ времена не былъ тотъ, кто посягалъ на мелкую собственность; недоброхотъ подобнаго свойства назывался татемъ, а ремесло его — татьбою. „Теперь,—по пословицѣ:—люди таковы стали: унеси что съ чужого двора—воромъ назовутъ“ и „кто разъ укралъ—на вѣкъ воромъ стаетъ“. Такимъ образомъ, съ исчезновеніемъ стараго настоящаго слова, другое старое же вступило во всѣ его гражданскія права и приняло на себя всѣ его обязательства. Съ переименованіемъ не измѣнились самыя свойства преступнаго промысла. Отъ въ нетронутомъ видѣ достался въ послѣдствіе и нашимъ временамъ, только съ тѣмъ различіемъ, что несомнѣнно развился въ примѣненіи и развѣтвился на новыя виды, болѣе утонченныя и весьма разнообразныя. Современный законъ призналъ въ воровствѣ два вида, изъ которыхъ за однимъ оставилъ прозваніе кражи, какъ такого способа похищенія, каковое не сопровождалось нападеніемъ съ открытою силою (съ оружіемъ или безъ оружія), какъ разбой, или съ насиліемъ же, но безъ опасности жизни, здоровью и свободѣ человека, какъ грабежъ. Воровствомъ-кражей называлъ законъ всякое преступное посягательство на чужую собственность, произведенное втайнѣ, и назвалъ воровствомъ-мошенничествомъ тотъ видъ кражи, которая произведена посредствомъ обмана. Но сколько ни ясны подобныя опредѣленія, сколько ни точно опредѣлены и предусмотрѣны частныя виды обихъ родовъ воровства, народныя понятія съ этими объясненіями во многомъ расходятся: Народъ не во всемъ согласенъ со

своими законодателями, потому что не во всемъ приладилъ жизнь къ тѣмъ образцамъ, изъ которыхъ выбраны руководящія правила для нравственной жизни и заимствованы вѣсы, вызнающіе степень виновности его въ случаѣ отклоненій отъ общественныхъ правилъ и паденій въ противоположную сторону.

Ни въ чемъ до такой степени не разнообразны (и, повидимому, даже разнорѣчивы) народныя понятія, какъ именно по отношенію къ понятію о собственности. Не смотря на то, что воровство одно изъ тѣхъ преступленій, въ которомъ всего чаще обвиняются люди и всего больше подвергаются наказанію ссылкой, Россія представляетъ поразительныя крайности. Не говоря уже о томъ, что въ цестромъ калейдоскопѣ племенъ, населяющихъ русскую землю, понятія о чужой собственности замѣчательно разнообразны, въ самомъ русскомъ племени это право совсѣмъ не въ тѣхъ рамкахъ, которыя можно считать опредѣленными и окончанными. Въ густо населенныхъ пунктахъ, гдѣ нужда, лишения и житейскія неудачи дѣлаютъ свое законное дѣло, воровство является неизбывнымъ послѣдствіемъ; количество жертвъ велико: имъ въ ссылкѣ принадлежитъ второе, а за исключеніемъ бродяжества первое мѣсто въ ряду всѣхъ другихъ родовъ преступленій. При этомъ ссыльными становятся тѣ лица, на которыхъ испытано значительное количество всякаго рода возмездій, произведено много цѣлительныхъ операцій, но въ ссылкѣ являются неисправимые, отбившіеся отъ рукъ преступники; стало быть, воровство представляется въ болѣе отчаянномъ видѣ, безнадежнымъ и сильно-распространеннымъ въ народѣ преступленіемъ. Съ другой стороны, въ мѣстностяхъ, менѣе населенныхъ, уваженіе въ чужой собственности сильнѣе, при меньшемъ числѣ соблазновъ количество ссыльныхъ жертвъ поразительно слабѣе. Являются такія мѣста, изъ болѣе глухихъ и менѣе оживленныхъ, гдѣ воровство еще одно изъ тягчайшихъ и самыхъ нетерпимыхъ преступленій. Народныя понятія складываются въ совершенно противоположномъ направленіи и нравы народныя представляются во всей чистотѣ патриархальности. Употребленіе орудіи, оберегающей собственность, слабо, а во многихъ мѣстахъ

еще даже и неизвестно. Деревянные замки заменяют железные. На Терском берегу Вьлого моря и на Печерѣ употребленіе таковых оправдываютъ необходимою обороною противъ блудливой рогатой скотины. Въ дѣсныхъ мѣстностяхъ Вологодской, Костромской и Вятской губерній еще живъ обычай заявлять о пропажѣ въ церкви и, въ крайнемъ случаѣ, на базарѣ, обращая на себя вниманіе шапкою, приподнятою на длинной палкѣ. Старинная форма самосуда по всей Сибири и сѣверной Россіи еще продолжаетъ отличаться своимъ простодушіемъ и не встрѣчается насмѣшками, не возбуждаетъ удивленія, не поκειται въ силу несостоятельности. Съ несознаваемаго упрямаго вора снимаютъ на базарѣ шапку, съ бабы—платокъ; въ Шадринскомъ уѣздѣ (Пермск. губ.) на пойманнаго съ полчинымъ надѣваютъ украденную вещь и водятъ по базару. Противъ упорныхъ и забаловавшихся употребляютъ крутыя мѣры, которыя, съ одной стороны, свидѣтельствуютъ о грубости первобытныхъ нравовъ, съ другой—показываютъ, до какой степени щеотливо чувство уваженія къ чужой собственности и обидно и невыносимо даже мелкое нарушеніе правъ ея *).

Особенною строгостью въ этомъ отношеніи отличалась Запорожская сѣчь: за воровство и грабежъ одного отвѣчалъ весь курень, къ которому воръ-казакъ принадлежалъ, если онъ не имѣлъ у себя достатка. Во всякомъ случаѣ, воръ и грабитель отвѣчалъ, при несостоятельности, синику: преступника привязывали или приковывали къ столбу на базарѣ и клали подлѣ нѣсколько кievъ, подобныхъ бичамъ и нарѣзанныхъ изъ дубоваго дерева. Тутъ же ставили разные напитки: горилку, медъ, пиво, брагу. Всякій казакъ, проходящій мимо, ѣлъ и пилъ сколько хотѣлъ, но за даровое угощеніе обязанъ былъ ударить привязаннаго, по чему захочетъ (по головѣ или ребрамъ) съ приговоромъ: „Отъ тоби, сучій сыну, щобъ ты не кравъ и не раз-

*) Не сознающихся въ воровствѣ кормятъ, между прочимъ, селеными пирогами и не даютъ пить. Между родными—судъ Божій, т. е. сними икону со стѣны и скажи: «Порази меня Царь небесный, если я этому дѣлу виновенъ». По дрожанію рукъ, ногъ, губъ судятъ о винѣ; добиваются сознанія соленымъ пирогомъ, которымъ накормятъ и пить не дадутъ. Въ такихъ мѣстахъ еще владутъ надежды на домашнія средства исправленія и нерѣдко достигаютъ цѣли. Простодушныхъ конокрадовъ въ степныхъ губерніяхъ узнаютъ въ церкви по восковой свѣчѣ, поставленной низомъ вверхъ персдѣ образомъ Ивана Воина. Чохъ (чиханіе кстати) идетъ на правду. Вѣрять и бояться, что за воровство придется возить на томъ свѣтѣ попа въ рѣшетѣ. У старца (нищаго) взять—огонь въ домъ. Пугаютъ должника прощеніемъ: «съ бирки срѣжу». Наказываютъ (въ Бѣлоруссіи) за развратъ виновницу битиемъ веревки отъ звоницы (колокольни), а загулявшую покрѣпче тѣмъ же кондомъ веревки на самой звоницѣ, и проч.

бывавъ, мы всѣ за тебя куренемъ платили». Бывали случаи, что забивали до смерти. За убійство платились убійствомъ: вѣшали, подвозя верхомъ на лошади подъ шибницу (висѣлицу) и накинувъ на голову силцо (петлю), лошадь ударяли плетью; вѣшали на горѣ за ноги, за ребро желѣзнымъ крюкомъ и оставляли висѣть, пока не разсыплются кости. Сажали на колъ, т. е. деревянный столбъ вродѣ острожной пали вышиною въ два аршина, съ желѣзнымъ шпилемъ на верху. Посаженный на колъ сидѣлъ до тѣхъ поръ, пока не высохалъ и крутился кругомъ шпилья, какъ мельница, и торохтели его кости, пока не спадали на землю. Придорожныхъ грабителей забивали до смерти палками. Освобождали преступниковъ отъ смерти только въ такомъ случаѣ, когда дѣвушка изъявляла желаніе выдти за него замужъ. Въ Запорожѣ существовали уже правильные суды—„паланки“, съ тремя членами—судьями, панями: полковникомъ, эсауломъ и писаремъ, избранными на три года. Къ нимъ въ помощь опредѣляли трехъ помощниковъ изъ казаковъ—подпанковъ. Сотворилъ казакъ шкodu какукъ: потраву, драгу, обиду, оба берутъ на базарѣ по калачу и идутъ судиться; подпанки производятъ слѣдствіе, паны мирять. Помирились—по домамъ, не помирились—въ Сѣчь.

За то въ другихъ мѣстахъ, гдѣ свѣту стало побольше, за воровство велятъ три раза простить, въ четвертый прохвостить; говорятъ (и дѣлаютъ): хлѣбъ за хлѣбъ, а за пересторожку ведро вина; не пойманъ—не воръ, не уличена—не гулява. Права собственности уже достаточно ясны, имъ положенъ предѣлъ: чей берегъ, того и рыба, чья земля, того сѣно. Воръ еще не бываетъ богатъ, бываетъ горбатъ; для него еще больше накладу, чѣмъ барыша; у воровъ не бываетъ каменныхъ домовъ. Но по мѣрѣ того, какъ рѣдѣетъ дѣсь, пахатныя земли дѣлаются богаче, населеніе гуще, города люднѣе, селенія чаще,—понятія о воровствѣ и ворѣ, подчиняясь таковымъ явленіямъ, становятся на ту настоящую почву, на которой уже воръ да мотъ до вѣку не переводятся, гдѣ пословица „грѣхъ воровать, да нельзя миловать“ представляется во всей наготѣ и неотразимой правдѣ. Здѣсь уже грѣхъ заспать можно, здѣсь десятая вина виновата. Кругозоръ разумнѣе шире, уступчивость грѣху сильнѣе и самый грѣхъ не вызываетъ тѣхъ негодованій и отвращенія, которыя могли бы высказываться со старинною ветерпимостью и съ древними формами возмездія, на этотъ разъ уже и непригодными на практикѣ. Здѣсь уже распознали, что не воруетъ мальчикъ, а сами люди носятъ; здѣсь самъ отецъ благословляетъ дѣтокъ до чужихъ клѣтокъ: воръ воруетъ, а самъ горюетъ. Попуская оставаться сукну и овчинѣ у портного на ножницахъ, по тому же снисхожденію и спо-

собу, въ силу каковыхъ у развитыхъ людей и образованныхъ сословій зачитываются книги, умудренный житейскимъ опытомъ народъ кое-гдѣ продолжаетъ еще соблюдать правила старины и понятія о воровствѣ имѣть по прежнему своеобразныя. Они бросаются въ глаза по своей исключительности, но, въ то же время, въ массѣ понятій видится система, выработался общій законъ. Все, къ чему не приложенъ трудъ и что, такимъ образомъ, не представляетъ благопріобрѣтеннаго капитала—воровать не грѣхъ. Все барское съ тѣхъ самыхъ поръ, когда оно узаконено въ отдѣльную собственность, возбуждаетъ самый крѣпкій соблазнъ, подвергается преимущественнымъ нападеніямъ, наводять на грѣхъ кражи, какъ придорожный горохъ и рѣпа, съ крайнимъ подозрѣніемъ виновности и отвѣтственности—передъ совѣстью. Все добытое трудомъ, береженное уходомъ, выработанное умѣньемъ и искусствомъ становится неприкосновеннымъ до границъ подозрительной собственности, вродѣ господской и поповской. За эту границу способность распознавать чужое отъ своего значительно слабѣетъ, виновность въ грѣхѣ возрастаетъ; количество наказуемыхъ съмыслныхъ жертвъ укладывается въ опредѣленную систему, выражается ежегодными, непрерывными и непобѣдимыми цифрами. Цифры приходятъ въ обязательную подчиненность отъ законовъ, которые для всего народа становятся однообразными. Они одинаково всѣми исповѣдуются по той мѣрѣ, какъ цѣлостно сохраняется въ народѣ общинный складъ его жизни; народный смыслъ наталкивается на распознаваніе и разумѣніе, что создано Богомъ на службу и потребу людямъ, каковы земля, вода и воздухъ, словомъ, все, чего люди не могутъ создать сами. Народъ не расходится въ этомъ отношеніи съ тѣмъ, что вѣками укрѣплялось въ сознаніи съ самыхъ древнихъ временъ, когда Богъ устами законодателя Моисея сказалъ всѣмъ людямъ: „Земля бо Моя есть, вы же на ней пришельницы есте“ и что подтверждено Екатериною II въ земскихъ постановленіяхъ Россіи. Считая землю за средство къ работѣ и не сомнѣваясь въ правахъ на нее, народъ (испытавшій на себѣ, что и съ правомъ на работу можно умереть съ голоду безъ средствъ) съумѣлъ достаточно укрѣпиться въ мысли, что тамъ, гдѣ не приложено силъ, не выказалось прилежаніе—слабо право собственности, подозрительна грѣховность въ нарушеніи его. Рубка чужого лѣсу представляется, такимъ образомъ, самымъ законнымъ способомъ пользованія на домашнюю потребу и повсемѣстно въ цѣлой Россіи выразилась фактомъ, для уничтоженія котораго еще до сихъ поръ не придумано не только вѣрныхъ, но и приблизительныхъ средствъ. Самовольныя порубки—грѣхъ повсюдный, развитіе его не остановили и такіа мѣры, какова ссылка за за-

повѣдныя казенныя лѣса, которая, такимъ образомъ, остается при одномъ правѣ ежегодно повторять старую истину и ежегодно не достигать никакихъ полезныхъ результатовъ *). Неосторожные и чаще другихъ попадавшіеся, глубже и сильнѣе другихъ убѣжденные въ безсиліи грѣха, эти жертвы общаго всей Россіи прегрѣшенія значительно дополняютъ и оправдываютъ цифру съмыслныхъ въ Сибирь за воровство-кражу.

На тѣхъ же основахъ древняго быта, при мало измѣненной обстановкѣ старинныхъ примемовъ и вѣрваній, выродился и уберегся до нашихъ дней въ сельскомъ быту живучій и злобный типъ недоброхота чужого имущества, извѣстный подъ именемъ вѣдомаго вора. Рѣдкая мѣстность Россіи (изъ людныхъ и бойкихъ) не испытываетъ всѣхъ неблагоприятныхъ послѣдствій отъ такого явленія, не находится въ страхѣ и опасности отъ злыхъ дѣяній и воровскихъ прегрѣшеній этого рокового и злого духа. Онъ, благодаря почти непрерывному вліянію благоприятныхъ обстоятельствъ, умѣлъ продать историческое существованіе и уберечь себя на текущее время въ замѣчательной неприкосновенности. Вся тайна его живучести заключается въ наглости и дерзости, съ которыми производятъ онъ свой промыселъ и которыми доводятъ своихъ жертвъ до страха покорности, причемъ всякое противодѣйствіе не способно выразиться достаткомъ силъ и не умѣетъ заручиться из-

*) Въ тѣхъ же лѣсахъ, подъ охраною неписаннаго закона, но домашняго обычая, стоятъ въ неприкосновенной цѣлости, какъ бы зачурованные заговоромъ, борты для пчелъ, силки по луткамъ для звѣрей, въ рѣдкихъ случаяхъ охраняемые какою нибудь тамгою (штемцельемъ), свидѣтельствующею объ имени владѣльца. Ничто съ такою строгостью не наказывается деревенскимъ самосудомъ, какъ именно воровство этой заповѣдной добычи и продуктовъ промысла: рѣчной рыбы, уловленной сѣтями и вынутой хищнической рукою, пчелиныхъ роесвъ, переманенныхъ изъ чужого улья въ свой, или медовыхъ сотовъ, подрѣзанныхъ безъ спроса и въ недоброе время, и проч. Уличеннымъ и пойманымъ на такихъ необычныхъ дѣлахъ не было еще дано ни разу прошенія или снисхожденія ни въ сѣверной Россіи, ни въ Бѣлоруссіи, ни въ Сибири. Особенно ненавистно и истерпно воровство общиннаго имущества тамъ, гдѣ еще не умерщвлены основы общиннаго владѣнія землею и водою. На Уралѣ, у казаковъ уральскихъ, о такихъ преступленіяхъ и слуховъ нѣтъ. Въ Сибири, при слияніи р. Исети и Течи, по наволокамъ, т. е. по прирѣчнымъ кустарникамъ, въ обиліи растетъ хмель—общественная собственность. Его міромъ отдаютъ на откупъ. До назначеннаго дня никто не смѣетъ рвать его, иначе виновному привязываютъ руки назадъ къ колесу, затѣмъ ругаютъ, плюютъ въ глаза и, опутавъ хмелевыми вѣтвями, водятъ по толпѣ любопытныхъ. Помѣщичьихъ крестьянъ за порубку лѣсовъ, въ случаѣ негодности ихъ въ военную службу, начали систематически ссылать въ Сибирь въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

лишком смѣлости и рѣшимости. Избыткомъ добычи, приобретенной воровскимъ промысломъ, вѣдомый воръ умѣетъ прикрывать свои слѣды и заслонить себя отъ предстоящихъ опасностей. Онъ становится вѣ въ всякихъ преслѣдованій, когда имѣетъ право сказать: „Что мнѣ законы, когда судьи знакомы“!. Онъ, въ званіи и съ именемъ большого вора (когда опирается въ промыслѣ на товарищей и вполнѣ зависящихъ отъ него соучастниковъ), становится тѣмъ безопаснѣе, чѣмъ счастливѣе на походахъ и въ добычѣ. За что ворешекъ быють, то ему съ рукъ сходить. „Когда малый воръ обижитъ, этого большой воръ лежитъ“, лежитъ, оберегаемый людскою оплошностью и нерѣшительностью, лежитъ до тѣхъ поръ, пока самъ не зарвется, пока съ другой стороны не перепополнится чаша терпѣнія. До тѣхъ поръ онъ—вѣ въ всякой опасности, потому что всѣ убѣжденія жертвъ его преслѣдованій сводятся на одно: „съ сильнымъ воровомъ тягаться не подь силу“; вѣками дознано и многими тысячами опытовъ и примѣровъ доказано, „что воръ попалъ, а миръ пропалъ (оплатился), одинъ въ грѣхѣ—всѣ въ отвѣтѣ“. Безнадежность эта тѣмъ сильнѣе и вѣрнѣе, что воръ вора терпитъ, воръ на вора не доказчикъ.

Вѣдомый и большой воръ, начиная практику съ приема краденаго, съ потачки и понаровки мелкимъ ворешкамъ, самъ выходитъ на дѣло, придерживаясь сначала деревенскихъ околицъ и клѣтей, и не задумывается потомъ встать на дорогу, чтобы здѣсь воровски разбивать, шапки снимать и встрѣчать изъ-подъ мосту проѣзжихъ. Обычные приемы защиты — поклены на людей неповинныхъ и подкупы людей сильныхъ; наиболѣе легкой предметъ для промысла и практики—крестьянскія лошади, и самая частая виновность—конокрадство. Этотъ видъ воровства—наиболѣе распространенное въ народѣ преступленіе, противъ котораго еще до сихъ поръ, какъ всѣмъ досконально извѣстно, не придумано еще никакихъ средствъ. Передъ неодолимою силою зла пали всѣ учрежденія и дѣятели сошли со сцены побѣжденными, проживъ свой недолгій вѣкъ съ прозваніемъ отъ самого народа конокрадами. И при нихъ, какъ и до нихъ, послѣ уцѣлѣли такія мѣста, гдѣ „что ни дворъ, то воръ“, и что ни годъ, то огромныя толпы неисправленныхъ воровъ и мошенниковъ, которые сумѣли осилить всякое возможное терпѣніе, перейти всѣ степени и рубежи и добиться до тѣхъ печальныхъ результатовъ, которые оканчиваются лишеніемъ правъ состоянія, дальнею ссылкой и всякаго рода заключеніями. Сибирскія табели ссылныхъ не умѣютъ распознавать воровъ по родамъ ихъ промысла и по степени ихъ преступности, но, принимая воровъ изъ крестьянъ и мѣщанъ, несомнѣнно вносятъ въ эту графу большое число конокрадовъ. Вору въ тѣсномъ смыслѣ, похитители безъ разбора

всего, что попадаетъ подь руку и что плохо лежитъ,—составляютъ исключительную особенность городовъ. Конокрады—прозваніе деревень и преимущественные обитатели тѣхъ мѣстностей, гдѣ группируются конные торжки и въ большомъ множествѣ гнѣзятся въ мѣстахъ, ближайшихъ къ спеціальнымъ (коннымъ) армаркамъ. Нѣкоторыя мѣстности успѣли сдѣлаться привилегированными и ремесло, за долгое существованіе, умѣло приготовить такнхъ ловкихъ мастеровъ, что „изъ-подъ себя кобылу украдутъ“, — говоря словами народной поговорки. Тѣ жѣ поговорки отчасти указываютъ и на этихъ мастеровъ, рекомендуя смыскать у татарина кобылу и говоря про торопчанина, что онъ лошадь купилъ, а цѣну забылъ. Цыганъ давно уже выговорилъ, что краденная кобыла не въ примѣръ дешевле купленной обходится. Между русскими конокрадами наиболѣе всѣхъ другихъ выдавалось, между прочимъ, одно изъ перскихъ имѣній гр. Строгоновой, въ которомъ конокрады пользовались наибольшою славой и самое воровство этого рода производилось въ изумительныхъ размѣрахъ (особенно въ теченіи 1844, 45 и 46 годовъ). Въ Уфимскомъ уѣздѣ, въ томъ уголкѣ, который смеженъ съ Белебеевскимъ, деревня Каргала, густо населенная князьями и мурзанами (1.200 душъ), долгое время представляла гнѣздо конокрадовъ, наводившихъ страхъ и трепетъ на всѣ окрестныя деревни. Башкиры воруютъ безъ разбора и у своихъ единовѣрцовъ кочевыхъ, безбожно разоряютъ и русскихъ крестьянъ: таскаютъ лошадей, коровъ и овецъ. Лошадей крадутъ десятками у кочевыхъ и единицами у осѣдлыхъ, угоняя добычу въ далекія страны. Выкупъ лошадей хозяевами за высокую цѣну — одинъ изъ тѣхъ обычаевъ, который полагается неизбѣжнымъ и обязательнымъ (за одну голову руб. 30 — 40). Отдается лошадь въ какомъ либо гѣсу или въ глухомъ оврагѣ. Лошадь приводится 4 — 5-ю вооруженными людьми съ кинжалами и пистолетами; обворованный, сверхъ денегъ, приноситъ вино. Одинъ даетъ ему оплеуху, другой стрѣляетъ надъ его головою и выговариваетъ угрозы, если тотъ вздумаетъ хлопотать и жаловаться. Угрозы превращаются въ дѣло немедленно и нанической страхъ поддерживается въ народѣ. Прекращенное въ одномъ мѣстѣ, конокрадство перекочевывало, цыганскимъ и татарскимъ способомъ, въ другое, и на практикѣ конокрадовъ изъ русскаго племени производится шайками, гдѣ два вора въ одну руку играютъ и гдѣ каждый мастеръ—по словамъ народного приговора—изъ плута воеетъ, мошенникомъ подбигъ, каждый еще сверхъ плута на два фута, каждый умѣетъ свинью продать за бобра, каждый обуетъ и разуетъ. Иногда прикрываются они какимъ нибудь благовиднымъ и

невинным ремеслом и, шатаясь, например, по деревням шведами, в сущности те самые опасные мастера, которые (по словам поговорки) „день сидят съ иглой, а ночью съ оборотью“ (т. е. уздою или недоуздкою), и во всякомъ случаѣ та опасная корпорація людей, которой боится народъ, какъ огня, зная, что здѣсь „воръ по ворѣ и каблукъ кроетъ“. На конныхъ торжкахъ и ярмаркахъ воръ является подъ охраною и защитою барышниковъ и перекушней, такихъ же плутовъ. Если конокрадъ смѣло и ловко крадетъ, то барышникъ еще лучше концы хоронить и на этотъ разъ дѣйствуютъ также стачкою.

На такихъ рукахъ и при такихъ условіяхъ конокрадство есть одно изъ золъ, трудно поправимыхъ, потому что въ самомъ народѣ находятъ много питательныхъ матеріаловъ, а служители ала, столько многочисленны, потому и сильны, что не всякій обиженный рѣшается доказать на нихъ. Изъ боязни мщенія и преслѣдованій, въ расчетѣ на горшее зло, народъ подошелъ къ прямому и неизбежному заключенію: „Пронадай собака и съ лыкомъ, лишь бы не судиться“. Воровство такого рода продолжаетъ собирать шайки вездѣ тамъ, гдѣ не существуетъ обычая содержать пастуховъ, сколько за недостаткомъ свободныхъ рукъ (въ мѣстностяхъ, существующихъ отхожими промыслами), столько же и по отдаленности пастбищъ (какъ, напр., во всѣхъ нашихъ лѣсныхъ губерніяхъ). Придерживаясь торговыхъ конныхъ центровъ, конокрады потому и прочны, что ведется повсемѣстный на Руси обычай мѣняться лошадьми и, стало быть, представляется полная возможность быстрого перехода краденной лошади черезъ многія руки, тѣмъ болѣе, что народъ продаетъ лошадей безъ всякихъ свидѣтельствъ. Въ такихъ случаяхъ даже и перекраски и подтасовки не нужно, а равно и тѣхъ многосложныхъ аптекъ, какими обычно обставляются столичные барышники — дѣятели тамошнихъ конныхъ площадей. Здѣсь на мѣсто воровства самаго грубаго вида является легкое и утонченное мошенничество. Въ степяхъ, у кочевыхъ народовъ, конокрадство принимаетъ форму грабежа, даже разбойничьего набѣга: киргизская баранта является уже характерною особенностью племени, ищущаго показать свою удалъ во славу отцевъ, въ отмщеніе за обиду или, по степному вдохновенію, надъ завѣвавшими и оплошавшимъ или болѣе слабымъ кочевымъ родомъ.

Въ девять лѣтъ (съ 1838 по 1846) за оба вида воровства (кражу и мошенничество) сослано въ Сибирь изъ Россіи 13.180 мужч. и 2.186 женщ. *). Въ этой цифрѣ, по проценту

*) Съ предыдущими 11-ью годами (съ 1827 г.), т. е. за 20 лѣтъ, цифра эта возрастаетъ до 41.666 чел. (35.416 мужч. и 5.250 женщ.). До

сосланныхъ наибольшее количество ссыльныхъ принадлежитъ губерніямъ новороссійскимъ, молодой стражѣ, еще не установившейся, еще организуемой новыми пришельцами въ видѣ бездомныхъ бродягъ, бѣглыхъ голышей, явившихся искать здѣсь счастья; за ними слѣдуютъ изъ губерній, уже искушенныхъ въ житейскомъ опытѣ, а между прочимъ, изъ населенныхъ татарскимъ племенемъ, склоннымъ къ конокрадству (Казанская и Сибирская). Нѣсколько меньше первой и больше второй шло воровъ изъ Бессарабской области—преимущественнаго гнѣздилища цыганскаго племени, откуда народъ этотъ, какъ саранча, не такъ давно выходилъ на промыселъ съ грабежемъ по сосѣдству и съ обманомъ на всякую руку по цѣлой Россіи вплоть до отдаленной Вятки. Между ними съ высокимъ процентомъ воровства встали обѣ губерніи столичныя (С.-Петербургская и Московская), виновность которыхъ, прямымъ образомъ, зависитъ отъ самихъ столичныхъ городовъ. Губерніи Пермская и Оренбургская, само собою, не могли встать дальше другихъ по исключительности своего инородческаго населенія (въ особенности башкирѣ) и русскаго, дурно обезпеченнаго (заводскіе и фабричныя). Наименше запутались въ воровствѣ губерніи бѣлорусскія и сѣверныя, между которыми Олонецкая—наиболѣе другихъ добродѣтельна *).

1781 г. высылка воровъ была обильна. Ссылали всякаго рода безъ различія степеней и видовъ воровства, присуждая къ кнуту и плетямъ. Екатерининскій наказъ разобралъ дѣло съ большимъ вниманіемъ и нашелъ болѣе удобнымъ и справедливымъ населять Сибирь тѣми ворами, которые поживились ниществомъ, превосходящимъ стоимость ста руб. ассиг., и всѣми, которые повторили кражу и ниже ста руб., начиная съ 20 руб. ассиг. Но и на этотъ разъ цѣль Петра I, стремившагося къ пополненію арміи ворами и бродягами, не утратила своей силы: въ Сибирь шли еще несправившие вору, не пригодившіеся въ военную службу. Жалобы главнокомандующихъ арміями на деморализацію войска вызвали указъ 1821 года (11 іюля), по которому такихъ воровъ стали прямо направлять въ Сибирь. Въ 1823 году запрещеніе приема въ военную службу воровъ ограничено было тѣмъ, что стали принимать не наказанныхъ рукою палача. Словомъ, теперь попали въ Сибирь за кражи, превосходящія цѣнность 30 руб., и за кражи меньшей цѣнности, но повторенныя нѣсколько разъ. При этомъ лица до 35 лѣтъ, годныя, отданы въ солдаты либо помѣщены въ арестантскія роты.

*) Губерніи встали въ такомъ порядкѣ (за 20 лѣтъ):

	мужч.	женщ.
Пермская	1.427	193
Казанская	1.354	137
Оренбургская	1.272	92
Сибирская	1.261	78
Кіевская	1.218	212
Саратовская	1.137	111
Московская	1.170	93
С.-Петербургская	866	170
Херсонская	735	184

По отношенію ко всѣмъ другимъ губерніямъ Россіи, гдѣ потребности шире, а средства къ удовлетворенію ихъ ограниченнѣе, количество ссылаемыхъ за воровство возрастаетъ заурядъ съ большею или меньшею количественностью общаго числа жителей. Какъ удалось выдѣлиться изъ общаго числа другимъ двумъ столицамъ, такъ наиболѣе выдаются также и тѣ, гдѣ крѣпостная жизнь поддерживалась наибольшимъ количествомъ владѣльцевъ (Пензен., Рязан., Калуж., Смолен., Ярослав., Черниг.). Въ малороссійскихъ преобладало наибольшее число ссыльныхъ женщинъ. Явленіе это, естественнымъ образомъ, вызывалось общимъ закономъ всего человѣчества, по которому исторія воровства становится, въ то же время, исторіею пороковъ и другихъ страстей человѣка, служа одинаково и исторіею его несчастій и слабостей. Нужда, лишенія, житейскія неудачи, если не оправдываютъ кражи, учиненной съ ущербомъ для другого, то, во всякомъ случаѣ, объясняютъ и ослабляютъ значеніе этого рода преступленій. Случается зачастую, что сами судьи оправдываютъ въ душѣ это преступленіе. Особенно это важно по отношенію къ столицамъ, какъ пунктамъ, наиболѣе привлекающимъ къ себѣ охотниковъ улучшить свое состояніе.

Обстоятельствъ, порождающихъ воровство, много и хотя чрезвычайно рѣдки случаи, чтобы честныхъ людей наталкивали на этотъ грѣхъ нищета и лишенія, но, тѣмъ не менѣе, въ послѣднихъ бѣдахъ — десятки, сотни причинъ, самыхъ разнообразныхъ и неожиданныхъ. Неожиданности эти тѣмъ чаще, тѣмъ сильнѣе становится безвыходность и безнадежность житейскаго положенія. Не только люди, не разъ обманутые въ жизни, потерявшіе всякую вѣру на улучшеніе своего положенія, дѣлаются жертвами этого порока, но даже и тѣ, для которыхъ не померкъ лучъ надежды, которымъ дорога и въ которыхъ сильна еще вѣра, и такіе люди поддаются соблазну и для нихъ не закрыты пути къ гибели. Большіе города, въ особенности, много порождаютъ жертвъ подобнаго рода, привлекая массы искателей работъ. Всякій надѣется имѣть успѣхъ, а надежда, столь свойственная человѣческому сердцу, заставляетъ эти массы покидать семейства для торговли, промысла, для государственной службы. Пришедшій ищетъ протекціи, проводитъ время въ поискахъ вліятельныхъ людей, въ хожденіяхъ за справками. Между тѣмъ, маленькія средства, принесенныя изъ дому, мало по малу истощаются. Поденная работа за скудную плату на нѣкоторое время удаляетъ опасность. Временная помощь только

обманываетъ: лишенія становятся ощутительнѣе по мѣрѣ того, какъ заработокъ удовлетворяетъ только сегодняшнимъ нуждамъ и не позволяетъ произвести сбереженій на будущія. Бѣднякъ испытываетъ голодъ, закладываетъ необходимыя вещи, онъ еще при надеждѣ и далеке отъ паденія, но часть его приближается. Какъ только препятствія и злосчастія преодолѣли чувство гордости и самоуваженія, бѣднякъ преодолеваетъ стыдъ и обращается за помощію къ частной благотворительности. Но эта помощь имѣя узкіе предѣлы, скоро прекращается. Домой возвращатся — не зачѣмъ, тамъ не лучше. Впереди только лишенія, препятствія, несчастія и, въ то же время, какъ бы на зло, передъ глазами тысячи людей, пользующихся богатствомъ и всѣми благами жизни. Бѣднякъ задается сравненіемъ — и сравненіе это унижаетъ его, оскорбляетъ, приводитъ въ отчаяніе. Въ умѣ зарождаются пагубные замыслы, желаніе мстить обществу. Бѣднякъ, подъ гнетомъ такихъ мыслей, дрожитъ, отступаетъ при мысли о безчестіи, но, преслѣдуемъ нуждою и увлекаемый ея непобѣдимую силою, онъ, наконецъ, уступаетъ и становится преступникомъ. „Голодный, — по словицѣ: — и архіерей крадетъ“.

Большіе города, и въ особенности столицы, отогрѣваютъ еще новый видъ воровства, называемый мошенничествомъ, которое также совершается умышленно съ признаками несомнѣннаго обмана. На низшей ступени стоятъ гдѣ изъ мошенниковъ, искусство которыхъ состоитъ въ ловкости и гибкости рукъ. По отношенію къ людямъ они безукоризненны и пользуются только тѣми вещами, которыя носятъ люди, а потому ихъ обыкновенно называютъ карманниками (жуликами въ Москвѣ, мазуриками въ Петербургѣ). Шайки ихъ небольшія, но они съ изумительною ловкостью умѣютъ снова въ толпѣ и дни воскресные и праздничные — для нихъ рабочіе. Гдѣ нѣтъ тѣсноты, тамъ они нарочно производятъ ее, бросаютъ въ толпу разныя запугивающія объявленія, чтобы, пользуясь смятеніемъ и напоромъ, легче очищать карманы. Вещи срываютъ или вытаскиваютъ, производя встрѣчный толчокъ, за который вѣжливо извиняются. Дѣятельность ихъ хотя и мелка, но чрезвычайно разнообразна. Процедура расправы и суда была извѣстна: обвинителей безпокоили разспросами и показаніями, вору позволяли играть всевозможными способами увертокъ, а потому воры въ ссылкѣ нисколько не характеризуютъ этого промысла во всемъ его широкомъ развитіи. Сибирская цифра не служитъ мѣриломъ. Мошенника, по недостатку уликъ, либо освобождали, либо, послѣ полицейскаго наказанія, снова оставляли на свободѣ приниматься опять за старое ремесло. Въ лучшихъ случаяхъ мошенника, судя по цѣнности уворованнаго, предавали суду, гдѣ зачастую

Бессарабская	791	58
Екатеринославская	765	96

Изъ Архангельской воровъ выслано: 80 мужч., 32 женщ.; изъ Олонцкой 32 мужч., 8 женщинъ.

онъ отдѣлялся заирательствомъ или бѣжалъ. По приговору его иногда оставляли въ сильнѣйшемъ подозрѣніи, но выпускали на волю; въ худшемъ случаѣ высылали на родину. Здѣсь мошенникъ бралъ новый паспортъ и радовалъ столичную братію—товарищей по ремеслу—своимъ внезапнымъ возвращеніемъ. Снова вынималъ платокъ, часы, попадался съ полчинымъ, хозяинъ вещи хваталъ за руку, хотѣлъ передать въ руки правосудія, но никого нѣтъ возлѣ, зрители не пособляютъ и свидѣтели не объявляются изъ боязни таскаться по чужому дѣлу. При такихъ условіяхъ воровство быстро возросло: въ 1842 г. серьезная опасность отъ мошенниковъ въ Петербургѣ вызвала особую комиссію, желавшую обозрѣть это дѣло во всей подробности. Комиссія получила оффиціальную цифру: узнала, что на три первые мѣсяца 1842 года случилось по 5 и 6 кражъ, въ теченіи слѣдующихъ отъ 12 до 14, а въ теченіи трехъ послѣднихъ отъ 30 до 40, но увѣрилась, что эта цифра не давала не только истиннаго, но и приближительнаго понятія. Изъ числа 326 кражъ, о которыхъ донесла полиція, только по 50 сдѣлано кое какое открытіе и возвращена весьма незначительная часть украденнаго. Изъ украденныхъ у одной мѣщани 2.178 руб. отыскано не болѣе 137; изъ украденныхъ у одного купца слишкомъ 22 тыс. найдено было только билетовъ на 700 р., а послѣ третьей покражи у второго купца 19 тыс. возвращена была одна только пустая пикатунка. Изъ всѣхъ покражъ на 357 т. отыскано было только на 18 тыс. При такихъ поощреніяхъ, упущеніяхъ и просторѣ воровство разыгралось, но слѣдствіе дало возможность узнать кое-что объ этомъ ремеслѣ. Вотъ нѣсколько болѣе характеристическихъ чертъ.

Столичные воры являются въ трехъ видахъ: карманниками, уличными и барышниками. Карманники—на сборищахъ, начиная отъ театровъ и маскарардовъ до церквей въ праздничные дни; временами (говоря ихъ же байковымъ языкомъ) на задѣляхъ (свадьбахъ) и уборкахъ (похоронахъ). Мѣста наибольшей поживы—площади на масляницѣ и пасхѣ и церкви въ великомъ посту. 9 недѣль въ году—время особенно обильной жатвы (шубы и салоны причастниковъ, деньги и карманная вещь гуляющихъ). Въ тѣсотѣ густой толпы они налегаютъ сзади, невинно уставивъ глаза впередъ и жалуясь на тѣсоту. Часы отрѣзываютъ, въ тѣсотѣ ихъ отрываютъ, ловко свертывая колечко часовъ съ тоненькаго и слабого шпинечка. У военныхъ, наглухо застегнутыхъ, приподнимаютъ кончикъ полы и, подставивъ руку, вытряхиваютъ карманная вещи; подобная ловкость помогаетъ и при операціяхъ надъ людьми во фракахъ. Иногда, кромѣ ловкости, въ этихъ случаяхъ требуются и хлопоты: нерѣдко вырѣ-

зуютъ карманъ снаружи во всю длину его. У женщинъ вырываютъ серьги, у мужчинъ срываютъ цѣпочки съ такою быстротою, что рука только мелькаетъ, но взглядъ на подозрѣваемаго всегда встрѣчаетъ благоприличнаго чело-вѣка, котораго и заподозрить опасно. Такіе никогда и не ходятъ безъ товарищей. Выслѣдивъ добычу, воръ тихо скажетъ: „трекай!“—и начнется толкотня локтями, за нею въ разныхъ мѣстахъ счеты и ссоры за толчки. Вода замутилась и рыба клевать начала. Главное искусство здѣсь состоитъ въ томъ, чтобы во-время замѣтить слѣдящихъ и сказать: „стрема“ (берегись) и успѣть и умѣть „перетянуть“, т. е. украденную вещь передать. Оттого-то пойманный воръ на мѣстѣ и шумливъ, и тревателенъ и обидчивъ („общите“!), хотя, въ сущности, онъ только ловокъ и обладаетъ изумительною сноровкою, какъ привилегією ремесла. Случается, что воры кидаются на обворованнаго, хватаютъ за воротъ, тащатъ въ полицію и отстаютъ, получивъ отступное за безестіе. Наглость мошенниковъ доходитъ до того, что приемщикъ самъ шепчетъ на ухо обворованному, что у него украли вещь и указываетъ на вора, завязываетъ шумное объясненіе, а самъ тѣмъ временемъ скрывается. Иные плачивали потомъ нѣсколько рублей, чтобы только отбиться отъ вора. Эти воры-приемщики всегда отличаются замысловатыми карманами, занимающими все пространство между верхомъ и подкладкою платья и способными вмѣстить дюжины платковъ и фуражекъ. Искусству своему мошенники-карманники также учатся съ малолѣтства. Бывали примѣры, что мальчики 12—13 лѣтъ содержали ремесломъ своимъ цѣлыя семейства. Мальчикамъ воровать легче: что съ него взять? выдернуть за уши и отпустить. Жулики (т. е. мальчишки), по правиламъ воровскаго товарищества, не смѣютъ работать сами по себѣ, а обязаны отчетомъ старшимъ и получаютъ отъ нихъ известную долю. Для рекогносцировокъ нерѣдко употребляются дѣвочки. Комнатные воры подкупаютъ слугъ, являются въ видѣ посланныхъ отъ знакомыхъ; оставленные въ дверяхъ ключи вынимаютъ вертуномъ (особымъ инструментомъ). Простымъ крѣпкимъ долотомъ отпираютъ почти всякую дверь такъ, что никто даже днемъ не услышитъ. Пойманные за дверями умѣютъ притворяться безчувственно-пьяными. Опытные изъ этихъ воровъ, прежде чѣмъ забраться въ комнату, старательно узнаютъ привычки хозяевъ, часы, когда они не бываютъ дома, и предметы кражи, которые могутъ быть наиболѣе выгодны. Въ подражаніе почти всѣмъ вора-мъ, они дѣйствуютъ группами отъ 3 до 5 чело-вѣкъ, и проч.

Уличные воры кидаются внезапно, ищутъ случая, зѣваку захватываютъ врасплохъ, ста-

раются оглушить его сильным ударом по голове или по затылку, а потом быстро обыскать и поспешно раздѣть. Выходят вдвоем и втроем, рассчитывая на пустыя мѣста и на отсутствіе свидѣтелей, которые, впрочемъ, поражаютъ больше равнодушіемъ, чѣмъ готовностью на помощь. Дворникъ боится волокиты, извозчикъ спѣшитъ ускакать, лавочникъ рискуетъ потерять мѣсто за оговоръ воровъ въ томъ, что покупалъ краденное. Эти воры опасаются дурманомъ; подъ видомъ земляковъ предлагаютъ лошадей деревенскимъ простакамъ, и проч.

Барышникъ (по музыкѣ мѣшокъ) иногда даетъ мошенникамъ впередъ задатки и потомъ наблюдаетъ, стоя или расхаживая на условныхъ мѣстахъ. Добычу, выносимую ими, подхватываютъ и часто вырываютъ ее другъ у друга изъ рукъ, ломая часы и театральныя трубки, разрывая пополамъ платья. Украденныя вещи, въ особенности шубы, продаютъ по частямъ (отдѣльно рукава, воротники, верхъ и мѣхъ; бѣлье—поштучно (это называется „периначить“). Сбываютъ частью здѣсь, частью въ другихъ городахъ.

Укрыватели—это одинъ изъ самыхъ опасныхъ классовъ преступнаго населенія, совершающій свои преступныя дѣянія при условіяхъ, до крайности затрудняющихъ ихъ преслѣдованіе. Они, вмѣстѣ съ тѣмъ, обуславливаютъ своею дѣятельностью возможность совершенія многихъ преступленій. Высказываемое мнѣніе, что не будь укрывателей, не было бы и преступленій, не лишено значительной доли истины. Преслѣдованіе укрывателей затруднено, между прочимъ, и тѣмъ, что дѣятельность ихъ нерѣдко заходитъ за предѣлы территоріи. Между тѣмъ, укрывателей по справедливости можно назвать капиталистами преступленія.

Продажа воровскихъ вещей въ 1842 г. была распространена на улицахъ до изумительной степени. Она породила даже особенный видъ мошенничества: подъ видомъ и предлогомъ ворованныхъ (т. е. хорошихъ) отдавали поддѣльныя. Ворахъ пособляли лихачи-извозчики, получая отъ 25 до 100 руб. за ночь. Полиція потворствовала, медлила розысками и бездѣйствовала наблюденіями; пойманнаго или приведеннаго вора отпускали; отдѣлывались замѣчаніями и выговорами. Воры продолжали весело жить въ притонахъ—грязныхъ ямахъ, по гривенъ мѣди за ночлегъ, и отличались общимъ свойствомъ всѣхъ промышленниковъ легкаго заработка—расточительностью. Все свободное время они проводятъ въ трактирахъ. Никогда не богатѣли (богатѣютъ пріемщики), хотя нѣкоторымъ удавалось производить кражи на нѣсколько тысячъ и хотя нѣкоторые организовались въ общества, которыя вели доходамъ и расходамъ счеты. При дѣлежѣ добычи въ ор-

ганизованныхъ шайкахъ существовали слѣдующія правила: жуликъ (ученикъ) отъ малоцѣнной вещи пользуется половиною, отъ цѣнной—третью; всякій помощникъ или товарищъ—половиною, простой зритель— $\frac{1}{4}$, а иногда $\frac{1}{3}$. Гдѣ есть атаманы, тамъ и они получаютъ свою часть. Кроме того, по разнымъ случаямъ, дѣлали раскладку, напр., выкупать попавшаго товарища. Кто прежде участвовалъ съ ними, жертвовалъ всѣмъ, что могъ достать.

На высшей ступени лѣстницы мошенничества стоятъ тѣ ловкіе и искусные мошенники, которые, благодаря приличной одеждѣ и изящнымъ манерамъ, обращаются съ людьми высшихъ слоевъ общества. Эти посѣщаютъ балы по подпискѣ, спектакли, концерты, кабинеты и салоны. Они смѣются надъ тѣми ворами, которые ломаютъ замки и рискуютъ шумомъ. Безъ ломовъ, напорьемъ и поддѣльныхъ ключей они отправляютъ свое ремесло въ такомъ видѣ, что слѣдить за ними чрезвычайно трудно. Самое происхожденіе ихъ представляетъ оригинальныя особенности: если воровство преимущественно вербуетъ своихъ агентовъ въ низшихъ классахъ, то мошенничество зачастую отыскиваетъ дѣятелей въ высшихъ сферахъ общества. Извѣстнаго рода утонченность, ловкость, сноровка и прочія качества, несомнѣнная съ воровствомъ—грубымъ видомъ преступленій противъ собственности—всегда обязательны для мошенничества, которое тѣмъ неожиданнѣе, находчивѣе и поразительнѣе, чѣмъ чище вымыты руки, чѣмъ болѣе развита и завита голова. Если администрація меньше обращаетъ вниманія на порочныя классы, чѣмъ на тѣ, въ которыхъ порокъ соединенъ съ развратомъ и нищетою, то это только потому, что порочный богатъ, расточающій свой избытокъ или даже часть своего состоянія на предосудительныя удовольствія, внушаетъ лишь жалость и отвращеніе. Опытныя администраціи знаютъ, что лишь только подобные люди остаются безъ средствъ въ существованію и съ отвращеніемъ къ труду, воспитаннымъ прежнимъ обезпеченіемъ, они становятся опасными по наклонностямъ къ добыванію средствъ къ жизни легкими способами обмановъ, поддѣлокъ и разныхъ видовъ мошенничества. Наиболѣе благоприятными временами ихъ дѣятельности и появленія считаютъ времена финансовыхъ кризисовъ, мѣстами дѣятельности—большіе города. Здѣсь большая часть мошенниковъ происходитъ отъ богатыхъ и честныхъ родителей. Они получили хорошее воспитаніе, но не умѣли имъ воспользоваться. Съ малыхъ лѣтъ они погрязали въ порокахъ и, послѣ многихъ приключеній, обыкновенно отбиваются отъ родительскихъ домовъ, чтобы смѣшаться съ толпою негодяевъ, организовать въ шайку, по примѣру извѣстной Москвѣ и Петербургу шайки такъ назы-

ваемых „труболетов“. Въ шайкѣ у нихъ происходятъ встрѣчи, производятся собранія, на сходкахъ они вооружаютъ другъ друга противъ общества. На счастливые случаи поимокъ они оказываются людьми, принадлежащими къ различнымъ сословіямъ безъ разбора, лишь бы только предполагалась известная доля достатка и вѣроятіе утонченной и разносторонней порчи. Самыя симпатіи ихъ и мѣста дѣятельности сосредоточиваются на богатыхъ классахъ и въ той средѣ, гдѣ они родились и воспитались. Ниже того они и не сходятъ и тамъ едва ли были бы состоятельны. Самый распространенный классъ, постоянно существующій и рекрутирующійся, является въ видѣ карточныхъ шуллеровъ, поддѣльвателей духовныхъ завѣщаній и цѣнныхъ документовъ. Въ видѣ исключенія и болѣе рѣдкаго явленія, мошенники организуются въ шайки для дневного грабежа, преимущественно, у лицъ торгующихъ и богатыхъ и тогда мошенничества ихъ отличаются поразительною изобрѣтательностью. Во всѣхъ случаяхъ женщины являются пособницами и участницами, либо какъ приманка неопытныхъ и простодушныхъ людей, отличающихся слабостью къ прекрасной половинѣ человѣческаго рода, либо въ видѣ прямыхъ пособницъ, гдѣ женская хитрость имѣетъ наилучшее представительство, а наименьшая законная отвѣтственность является восполняющею причиною. Не исключая того, что и этотъ классъ преступниковъ отличается расточительностью и самое приобрѣтеніе добычи основывается ради ея, — во всѣхъ остальныхъ своихъ приемахъ они мало чѣмъ отличаются отъ воровъ. Все преимущество ихъ заключается въ томъ, что они рѣже попадаютъ, ловчѣе хоронятъ концы и избѣгаютъ судебныхъ преслѣдованій.

Болѣе ясныя признаками продолжаетъ обставляться преступленіе воровства въ широкомъ значеніи этого слова *).

Такъ болѣе развито воровство въ мѣщанскомъ сословіи. По общему проценту ссыльныхъ оно занимаетъ самое видное мѣсто и обнаруживаетъ наклонность къ нарушенію правъ чужой собственности замѣтно сильнѣе, чѣмъ крестьяне.

*) Конечно, сибирскія табели точно такимъ же образомъ не способны подкрѣпить подробныя характеристики воровства въ зависимости, напримѣръ, отъ временъ года. Оно, какъ известно, усиливается на осеннее время: многочисленныя случаи воровства въ началѣ зимы слабѣютъ, на весенніе мѣсяцы и на лѣтнее время значительно упадаютъ. На это обстоятельство, главнымъ образомъ, дѣйствуютъ увеличеніе и уменьшеніе дней и ночей: большая или меньшая продолжительность ночей усиливаетъ или ослабляетъ количество кражъ. Осень — когда люди горохъ молотятъ, а воры замки колотятъ — самое благоприятное время, исключая, можетъ быть, одного только мошенничества, которое дѣйствуетъ, по своимъ законамъ и въ сферѣ собственной обстановки, во всякое время года.

Причина очевидна изъ простаго сопоставленія городской жизни съ соблазнами и деревенской съ условіями, болѣе благоприятствующими честному труду и непрерывной правильной работѣ. Мѣщанамъ уступали въ воровствѣ даже солдаты, для которыхъ вѣроятіе стать преступниками подобнаго рода также было довольно сильно, до введенія закона о всесословной воинской повинности, вслѣдствіе крутого перехода изъ собственника въ казеннаго человѣка, у котораго стороннія заботы о снабженіи ослабляли понятіе о своей и уваженіе къ чужой собственности. Не смотря на то, что солдаты только въ ограниченныхъ и рѣдкихъ случаяхъ наказывались за воровство ссылкой (а потому, по сравненію съ ними, въ сибирской цифрѣ перевѣсъ на сторонѣ солдатокъ), воровство въ солдатскомъ сословіи было однимъ изъ господствующихъ и рѣзко выдававшихся на глаза преступленій *). Для доказательства у народа имѣлся значительный запасъ пословицъ, притчей, сказокъ и при сказокъ, свидѣтельствовавшихъ о томъ, что солдаты и добрый человѣкъ, да плащъ его хапунъ: шинель постель, шинель кошель, а руки — крюки (что зацѣпилъ, то и потащилъ). Здѣсь воровство выразилось также повѣрьемъ (съ постою хоть ложку деревянную, а украсть чтонибудь надо; солдата за все бьютъ, только за воровство не бьютъ), и солдатскіе проступки этого рода также нашли въ народѣ оправданіе (солдаты не украли — просто взяли; ему не грѣхъ поживиться: не украсть, такъ и взять ему негдѣ). Теперь все это уже ушло въ преданіе и пословицы становятся анахронизмомъ.

Такимъ образомъ, по русскимъ сословіямъ и по общему количеству приговоренныхъ въ ссылку за воровство — этотъ видъ преступленія занимаетъ вездѣ первое мѣсто (съ тою разницею для духовенства, что въ этомъ сословіи на первое мѣсто всталъ тотъ спеціальныи видъ воровства, который называется святотатствомъ). По процентному отношенію, наибольшая наклонность къ нарушенію правъ чужой собственности выразилась въ сословіяхъ, слабѣе другихъ упрочившихся и обеспеченныхъ условіями быта: на первомъ мѣстѣ встали дворовые, за ними жители городовъ или мѣщане съ тою неопреоборимою послѣдовательностью фактовъ, что и евреи — исключительные жители городовъ и мѣстечекъ и непрѣмѣнные мѣщане — на воровствѣ представляютъ главнѣйшую особенность, самую характерную черту и сильнѣйшую наклонность **).

*) Вслѣдствіе особенностей уложенія о наказаніяхъ для военныхъ, процентъ сибирскихъ ссыльныхъ воровъ изъ солдатъ былъ очень малъ.

**) Изъ различныхъ видовъ крестьянскаго сословія однодворцы, по проценту высланныхъ въ Сибирь за кражу, превышаютъ все другія сословія. Между женщинами, какъ воровки, примѣтны были на первомъ мѣстѣ дворовыя, на

На мѣстахъ ссылки всѣ эти условія измѣняются, отношенія спутываются и результаты болѣе характерны примѣтны только въ томъ, что у ссыльныхъ воровъ не только не отнято право увлекаться новыми соблазнами на кражу, но заданы еще и другія мудренныя житейскія задачи. На первыхъ шагахъ — долговременная и послѣдовательная порча по тюрьмамъ, какъ такимъ заведеніямъ, гдѣ отбирается нажитая собственность, замѣняемая скудною казенною, и затѣмъ постоянно и настойчиво внушаются увѣренія въ безправности ссыльныхъ на всякую собственность. Для присужденныхъ на каторгу увѣренія эти преслѣдуются во всю жизнь ихъ на работахъ, а потому пересыльныхъ тюрьмы въ частности, а каторжныя въ особенности, такія общины, гдѣ воровство уже не проступокъ, гдѣ воруютъ всѣ поголовно, не распознавая товарищескихъ вещей отъ своихъ. По словамъ сибирской поговорки, измышленной въ самихъ тюрьмахъ: „арестантъ ѣсть прошенное, носить брошенное, живеть краденнымъ“. Для поселенцевъ, куда наибольшее поступаютъ сосланные за воровство, бытовыя условія представляютъ болѣе умягченную форму, но запутываютъ ихъ въ новыя условія, неблагоприятныя для честнаго житія, благоприятныя для безчестнаго промысла воровствомъ. Вотъ причина, почему сибирскими старожилами произведено безапелляціонный судъ надъ поселенцами, выразившійся въ такой несокрушимой правдѣ-пословицѣ: „поселенецъ, что младенецъ, что видить, то и тащить!“ и „хоть того лучше поселщикъ — не вѣрь ему!“ Въ бѣгахъ и на волѣ ссыльный только тѣмъ и живеть, что украдетъ: „не украдешь — не проживешь“. Въ Сибири укрѣпилось даже такое повсюдное, всенародное убѣжденіе, что болѣзнь воровства въ Россіи хроническая: сколько десятковъ лѣтъ въ пришлыхъ новыхъ людяхъ Сибирь не видитъ людей путныхъ. Въ недавніе годы еще сильнѣе она укрѣпилась въ своемъ убѣжденіи, когда новыя поселенцы на Амуръ (штрафные солдаты) прошли во всю длину страны, какъ бы голодное Мамаево войско, со всѣми явленіями опустоши-

второмъ солдатки. Между ссыльными за всѣ роды преступленій, сосланные за воровство женщины составляли $\frac{1}{6}$ часть всего числа (воры-мужчины, противъ общаго числа ссыльныхъ мужчинъ, составляли $\frac{1}{4}$ часть).

тельнаго набѣга. Въ окрестностяхъ нѣкоторыхъ каторжныхъ заводовъ воровство укрѣплялось обычаемъ и возбуждало соблазнъ даже въ тѣхъ ссыльныхъ, которые не хотѣли идти на воровство въ бѣгахъ и бродяжествѣ. Чтобы сдѣлаться коннымъ рабочимъ, т. е. получать болѣе шій плакатъ, ссыльные крали чужихъ лошадей и съ ними являлись къ начальству, хорошо знавшему пути и средства добычи, но равнодушному къ этому злу, какъ къ неизбывному и издавна укоренившемуся. Воровство золота на промыслахъ, вина, соли, желѣза на заводахъ до такой степени было обыкновеннымъ преступленіемъ между ссыльными рабочими, что вмѣнялось въ обычай и преслѣдовалось развѣ настолько, насколько позволяли скудныя средства и ловкая изворотливость самихъ преступниковъ. Словомъ, воровство не изъ тѣхъ болѣзней, которыя лечитъ ссылка, имѣющая всѣ данныя противоположнаго, еще болѣе заразительнаго свойства (доказательства общія и частныя мы имѣли случай представить прежде, имѣемъ множество таковыхъ и впереди). Если нерчинскіе заводы и увѣрили въ томъ, что въ десять лѣтъ (съ 1847 по 1857 г.) вновь наказано на нихъ за грабежъ 8, за кражи 64, за утрату казенныхъ вещей 129, то, во первыхъ, всѣ наказанные въ Россіи ворами не были; во вторыхъ, большая часть совершившихъ кражи ускользнула изъ рукъ (въ тѣ же 10 лѣтъ бѣжало и поймано 2.841 человекъ голодавшихъ и оборвавшихся одеждую); въ третьихъ, опытные бродяги уходятъ съ предосторожностями; они кражами не смущаютъ покоя, чтобы вѣрнѣе скрыться, и, въ четвертыхъ, скрываются такъ, что въ воровствѣ попадаются уже далеко за Байкаломъ. Тобольская, Томская и Иркутская губерніи соперничаютъ между собою въ количествѣ жертвъ, осужденныхъ за грабежи и кражи. Въ Якутской издавна живеть племя (якутовъ), у котораго рѣзче другихъ выдается наклонность къ мелкому воровству, каковое и производится тамъ съ замѣчательнымъ искусствомъ, ловкостью и опытностью: За то у тунгусовъ (иркутскихъ и забайкальскихъ) воровство — одинъ изъ смертныхъ грѣховъ и до сихъ поръ еще не только ни одна изъ городскихъ тюремъ, но и ни одна изъ полицейскихъ сибирокъ и кучумокъ не видала тунгуса, посаженнаго за кражу.

ГЛАВА VI.

ГРАБИТЕЛИ и РАЗБОЙНИКИ.

Причины и корни грабежей.—Происхождение и связь грабежа съ воровствомъ. — Баранта.—Сибирскіе и русскіе грабители и разбойники.—Связь разбоя съ грабежомъ.—Характеръ русскаго разбойника.—Разбойники вообще и въ частности.—Выковъ.—Чайкинъ.—Дуванъ.—Кабаки.—Цѣловальники.—Разбойничьи атаманы и ихъ любовницы.—Притоны и проч.

Старые наши законы и самъ народъ понятіе о грабителяхъ смѣшиваетъ съ понятіемъ о ворахъ и называетъ ихъ этимъ послѣднимъ именемъ, хотя между грабежомъ и воровствомъ лежитъ пропасть. Какъ воровство, по преимуществу, гнѣздится въ городахъ и самый частый посѣтитель населенныхъ и людныхъ пунктовъ, грабежъ выбираетъ для дѣятельности мѣста поглуше, любитъ поле и лѣсъ. Грабежъ сильнѣе, энергичнѣе воровства. Онъ тѣмъ и отличается отъ него, что дѣйствуетъ открытою силою. Безъ смѣлости и дерзости онъ невымыслимъ. Воровство бережетъ себя для завтрашняго дня и ходитъ весьма осторожными шагами, босыми ногами; грабежъ меньше бережетъ себя и не боится опасностей. Забывая объ нихъ, онъ бьетъ на пропалюю а потому его не страшитъ и торная проѣзжая дорога, а потому онъ примѣчательно часто пристраивается, какъ бы на правахъ арендатора, по близости торговыхъ пунктовъ, даже большихъ городовъ. Грабежъ беретъ съ собою про всякій случай кистень и ножъ, а потому нерѣдко переходитъ въ разбой. Границы его съ разбоемъ близко сходятся и нерѣдко съ трудомъ различаются. Онъ любитъ также хоронить концы, заматывать свой слѣдъ, прикрываться тайною, а потому, подъ мракомъ ночи, онъ прячется въ укромныхъ и скрытныхъ мѣстахъ. Какъ и воровству, ему темная ноченька родна матушка, и грабитель точно также день въ растяжку, а ночь на распашку, или день кольцомъ, а ночь молодцомъ.

Точно такъ же, какъ и воровство и разбой, грабежъ основываетъ свои успѣхи на преимущественномъ правѣ товариществъ, слаживается въ шайки. Рѣдко, въ крайне исключительныхъ случаяхъ, онъ ходитъ въ одиночку или въ разбивку. Но и въ такомъ видѣ пойманный, онъ почти всегда скрываетъ какой нибудь изъ слѣдковъ своихъ въ шайкѣ и въ заговорѣ. Почасту свободная отъ законныхъ преслѣдованій, шайка эта бываетъ виновна, если не въ прямомъ и непосредственномъ участіи въ грабежѣ, то косвенный путь укрывательства грабителей, приема или сбыта награбленныхъ вещей является сегодняшнимъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого грубаго вида воровства. Если воры на большую часть труса, то товарищества грабителей,

съ самыхъ древнихъ временъ, отличаются смѣлыми до дерзости свойствами. Близость опасности, возможность скорыхъ и сильныхъ преслѣдованій закаляютъ ихъ буйный характеръ. Въ этой-то борьбѣ со страхомъ и въ тревожномъ положеніи между двухъ огней, они находятъ запасы энергій и, въ силу удачъ и счастья, выходятъ на разбой въ томъ же товарищескомъ союзѣ.

Нѣкогда грабежъ и разбой такъ и ходили вмѣстѣ, въ особенности въ тѣ времена, когда слаживалось русское государству изъ разноплеменныхъ враждебныхъ элементовъ. Съ самыхъ древнихъ временъ явленіе это повторялось съ одинаковымъ постоянствомъ и немедленно обнаруживалось вездѣ, гдѣ развивался процессъ водворенія русскаго элемента. Грабежи и разбой не выдавались рѣзко изъ ряду обычныхъ явленій до тѣхъ только поръ, пока приливъ приплаго насленія уравновѣшивался съ туземнымъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда колонизація опиралась на мирныя средства торговли и промышленности. Грабежи и разбой неизбѣжно обнаруживались тотчасъ, когда появленіе чуждаго и опаснаго элемента дѣлалось примѣтнымъ и опаснымъ, возбуждало и вызывало опасенія и туземцы, въ виду грядущихъ бѣдъ, въ отчаяніи несостоятельности, брались за оружіе, прибѣгали къ послѣднему средству защиты, которое, однако, имъ уже не задавалось. Пришлецы восторжествовали вездѣ: съ большимъ успѣхомъ и съ меньшимъ количествомъ жертвъ въ столкновеніи съ крохотными финскими племенами всего сѣвера, плодили грабежи и разбой, въ замѣчательномъ числѣ поступаая первыми пионерами въ степныхъ и горныхъ мѣстностяхъ, гдѣ русскія приобрѣтенія покупались дорогою цѣною крови и всяческихъ бѣдствій. Особенно рѣзко выдается подобное явленіе во времена, когда русское племя, ослабивъ стремленіе на востокъ за Каму и за Камень, устремилось на югъ, стало приобращать земли за Окою, по Дону и Дибирю.

На сѣверѣ въ лѣсахъ дешевизна приобращеній мѣсть жительства съ достаточною ясностью выразилась въ народныхъ преданіяхъ, угѣряющихъ въ томъ, что бѣлоглазая чуждь, искуганная появленіемъ въ лѣсахъ бѣлой березы (означавшей грядущее владычество бѣлаго царя),

строила стойки, запералась въ нихъ или сожигалась живою, или уходила сквозь землю, проваливалась безъ слѣда. Это преданіе, одинаково общее для всей сѣверной Россіи и для всей Сибири, подтверждается и тѣми мѣстными легендами, изъ которыхъ, по одной, русскимъ людямъ стоило только прорубить ледъ на одномъ мѣстѣ рѣки и загнать всѣхъ чужаковъ въ эту прорубь, а на память объ нихъ прозвать эти мѣста нехитрыхъ побоищъ „кровяными плесами“. Рѣдко являлась здѣсь вооруженная оборона. Только въ житіяхъ самыхъ первыхъ святыхъ вологодскихъ, олонецкихъ и архангельскихъ рассказываются отдѣльные случаи сопротивленія туземцевъ, выражавшіеся оскорбленіями уединившемуся въ лѣсъ подвижнику: жгли его келью, сгоняли съ обогрѣтаго мѣста, приходили съ угрозами и только въ двухъ-трехъ случаяхъ изъ цѣлыхъ сотенъ прибѣгали къ убійству, сдѣлавъ изъ подвижника мучениковъ. То же самое повторилось и на сѣверѣ Сибири, гдѣ сожженіе юраками города Мангазеи (на Енисей) оказывается серьезнымъ случаемъ вооруженнаго и серьезнаго сопротивленія пришельцамъ. На всей картинѣ этихъ пріобрѣтеній лежитъ болѣе мягкій колоритъ на сторонѣ туземцевъ, но здѣсь грабежи и разбои, при всей исключительности своего явленія, производятся уже самими пришельцами. Насилія надъ туземныи племенами столь же древнія, какъ и самые акты пріобрѣтеній, начиная отъ походовъ удалой новгородской молодежи для завоеванія верховьевъ Волги и кончая пріобрѣтеніями земель за Волгою: на Камѣ, Чусовой и Вѣлой. Здѣсь открытыя противоборства, вооруженныя возстанія туземцевъ, называемыя въ послѣднія времена бунтами, дѣлались замѣчательно частыми и грозными, потому что и самые пріобрѣтатели изъ мирнаго купца и промышленника превращались въ завоевателей, намѣренно ходившихъ съ оружіемъ, въ видѣ казаковъ, стрѣльцовъ и, наконецъ, солдатъ. Особенно дороги Россіи пріобрѣтенія побережья Волги отъ истоковъ, гдѣ дѣйствовали ушкуйники, до середины устьевъ, гдѣ выказывали удалство и молодечество вольные люди, разбойники, и дѣйствовали стрѣльцы и казаки. Грабежами и разбоями усыпались берега этой рѣки, столь дорогой для Россіи. Нѣтъ ни одного города, ни одного урочища, которые не вели бы безконечныхъ рассказовъ о разбойничьихъ подвигахъ и похожденияхъ. Здѣсь родилась и разбойничья пѣсня, здѣсь поддержалъ свой начальный закалъ воинственный духъ народа, устремившагося на завоеванія съ лихорадочною поспѣшностью и съ неудержимою энергіею.

Тѣми же грабежами и разбоями началась и съ ними продолжала свое теченіе исторія пріобрѣтенія на рубежахъ южныхъ степей, въ низовыхъ степяхъ, начиная съ орловскихъ и оман-

чивая придонскими (въ воронежскихъ верховьяхъ рѣки Дона и ея притоковъ). Здѣсь нападеніямъ туземцевъ и набѣгамъ татаръ, калмыковъ и черкесъ отвѣчали пришельцы такими же набѣгами, сопровождавшимися грабежами и разбоями по всей долианѣ передовыхъ линій отъ ближайшихъ до отдаленныхъ. Долговременному неустройству, кровопролитнымъ расправамъ и всякаго рода насиліямъ и смутамъ здѣсь способствовало такъ же и то, что украинны эти произвольно и насильственно заселялись бѣглыми и преступными людомъ (бѣглыми холопами и изуродованными каторжниками). Тѣ и другіе, скитаясь по странѣ и покидая ветхія и некрѣпкія тюрьмы, несли пожары и опустошенія и обливали свои слѣды кровью. О дѣяніяхъ ихъ до нашихъ временъ сохранилась память во множествѣ присловій и бранныхъ прозвищъ, свидѣтельствующихъ о томъ, насколько измѣнился народный духъ вслѣдствіе противодѣйствій и въ контрастъ мирнымъ завоеваніямъ на сѣверѣ. Здѣшнія пріобрѣтенія Россіи кушлены дорогою цѣною неволи и крови, посреди ежедневныхъ тревогъ отъ опасностей и при помощи и содѣйствіи людей, не лучшихъ какъ было на сѣверѣ, а тѣхъ, которыхъ сочло отечество негодными и ненужными, выгнало или выселило вонъ. Хотя они и выместили потомъ за это въ смутное безгосударное время лихолѣтъя опустошеніемъ родины до отдаленныхъ предѣловъ тундры, за то ими упрочилось пріобрѣтеніе всѣхъ благодатныхъ земель по Дону, по Волгѣ, до Десны на западъ, до Оки на сѣверъ, до Маныча на югъ *).

Словомъ, во время строенія русской земли, грабежи и разбои были однимъ изъ послѣдовательныхъ и неизбежныхъ явленій, народившихся вслѣдствіе самой системы завоеванія, неправильныхъ способовъ водворенія поселенцевъ и направленія ихъ силъ и колонизаторскихъ способностей. Разбои въ низовыхъ странахъ и таковыя же по Волгѣ слѣдовали одни за другими по вызову времени и по закону обстоятельствъ, отдѣльно и независимо другъ отъ друга, но дѣйствовали сообща и за одно подъ руководствомъ сильныхъ и талантливыхъ натуръ, вродѣ Булавинныхъ, Хлопковъ, Разинныхъ, Пугачевыхъ и безконечнаго числа другихъ многихъ.

*) На сколько бранныя прозвища и присловья согласно характеризуютъ духъ населенія низовыхъ украинъ, служить доказательствомъ, между прочимъ, Орловская, гдѣ нѣтъ города, который бы похвалила народная память. «Хорошъ заяцъ да тулякъ, хорошъ малый да тумакъ»; орловцы—проломанныя головы; Орель да Кромь—первыя воры, да и Карачевъ на поддачу; Амченина бы тебѣ во дворъ, городъ Амчонскъ (Мценскъ) цыгане семь верстъ обходили; Ливны—всѣмъ ворами дивны; Елецъ—всѣмъ ворами отецъ. Крестись, Андронъ (курае) бдутъ. Нѣтъ у бѣлаго царя вора супротивъ курянина, и проч.

Грабежи и разбои въ Россіи кочевали вмѣстѣ съ ея неосѣвшимъ населеніемъ и изумляли количествомъ и разбѣрами. Изумляютъ они теперь богатствомъ присловій (особенно по Волгѣ), заклеившихъ обитателей многихъ мѣстностей нелестнымъ прозвищемъ воровъ и разбойниковъ. То же самое повторилось и въ Сибири во времена столкновеній съ туземцами на югѣ; вызывались открытыя возстанія и изъ путаницы взаимныхъ отношеній и неурядицъ выходили разбойники изъ племени пришельцевъ, порожденные воинственнымъ настроеніемъ духа, разъ возбужденнымъ и постоянно раздражаемымъ. Такъ, корыстывались отъ грабежей и разбоевъ и въ мутной водѣ ловили рыбу выродки общественнаго неурядиства: въ серединѣ прошлаго столѣтія (около 1765 г.) казакъ Федоръ при заселеніи иртышской линіи (имѣвшій притонъ въ селеніи Маслинскомъ Шадринскаго уѣзда Пермской губерніи и шайку въ 400 человекъ). Такъ, около того же времени, когда заселяли омскую линію и населяли Алтай, вышелъ на удале подвиги разбоя Аванасій Селезневъ, руководившій изъ Вухтармы нѣсколькими шайками, разбивавшими русскіе и бухарскіе караваны и производившими баранты, т. е. угонявшими табуны лошадей и гурты скота и овецъ. Многія урочища и рѣчка, до сихъ поръ нося его имя, сохраняютъ память объ немъ. Такъ, при заселеніи тѣсной пустыни, между городами Красноярскомъ и Иркутскомъ, злодѣйствовалъ разбойникъ Гондюхинъ, покровительствуемый самимъ иркутскимъ губернаторомъ Нѣмцовымъ, ограбившій, по его же заказу, губернаторскихъ гостей, собравшихся для гулянки на Ангарѣ. Въ 1805 году ночью, за 50 верстъ отъ Иркутска, ограбленъ былъ камеръ-юнкеръ Гурьевъ, принадлежавшій къ свитѣ китайскаго посольства Головкина, шайкою изъ тѣхъ поселенцевъ, которые по указу Павла слѣдовали для водворенія за Байкаломъ. За Байкаломъ водворенія эти послѣдовательно вызывали Григорьева, Горкина и другихъ *).

Точно такъ же, какъ и въ Россіи, разъ возбужденный разбойничій духъ долго не поддавался укрощенію и разбой наметъ себѣ привилегированныя, заусловленные мѣстности внутри Россіи и по Волгѣ **), въ Сибири наклон-

*) Объ этомъ мы уже говорили, какъ равно о разбойникѣ—князѣ Баратаевѣ, вызванномъ неурядицею заселеній охотскихъ краевъ, когда, по проекту вице-адмирала Оумина, замыслили перенести Охотскій портъ на р. Алдагъ. Прокладывали туда дорогу; каторжные стали бѣгать и вмѣстѣ съ Баратаевымъ разграбили городъ Жиганскъ. Баратаевъ этотъ пойманъ (сылъ во льдахъ уже на устьяхъ Лены и взять въ плѣнъ преступленнымъ восемью пулями).

*) На нихъ съ достаточною ясностью указываютъ уже народныя присловья и рассказы. Въ Сибири указываютъ на подобныя пункты подѣ Иркутскомъ (окрестныя селенія Тольминской

ности къ грабежамъ (и на крайній случай къ разбоямъ) также сохранилась въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, у Алтая и во многихъ селеніяхъ, лежащихъ на почтовыхъ и купеческихъ трактахъ. До тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія и тамъ также убереглись остатки грабежнаго духа и выходили удалцы на разбойничьи походы. Съ тридцатыхъ годовъ, съ наибольшаго развитія золотыхъ промысловъ, на больномъ тѣлѣ открыта фонтанель и разбойники ушли въ тайгу промысывать золото. Такъ случилось въ Сибири.

Въ Россіи, по мѣрѣ того, какъ развивалась промышленность и заводились фабрики и заводы внутри территоріи, укрѣплявшіе мирное направленіе и силу народнаго труда, по той степени усиленія надзора и систематическихъ преслѣдованій, до которыхъ додумались черезъ рядъ косвенныхъ и невѣрныхъ путей административныя распоряженія—разбои пропали на Волгѣ. Пароходы окончательно ихъ добили и явленіе въ послѣдней четверти XIX вѣка Рузавина (около Нижняго), со всѣми признаками стараго волжскаго разбойника, героя пѣсень—явленіе исключительное, послѣдній вздохъ героевъ. Теперь разбои стали случайнымъ явленіемъ, зависящимъ отъ предназнченнаго соединенія или стачки вышедшихъ на грабежъ, при благоприятныхъ условіяхъ мѣста и времени,—явленіе всегда неожиданное, рѣдко предугадываемое. Причину его народъ скрываетъ въ себѣ и до сихъ поръ опредѣлительно не повѣдалъ. Видимыя, наслѣженныя причины слишкомъ еще неопредѣленны и малочисленны, чтобы по нимъ можно было составить общее, а тѣмъ болѣе конечное заключеніе. Между прочимъ, одинъ изъ поводовъ заключается въ уничтоженіи крѣпостнаго права, имѣвшаго тѣ особенности, что при немъ, какъ село Вороное (Юстр. губ. Галицк. уѣзд.), по народному присловью „бывшее днемъ семидесяти господъ, а ночью—одного“ (всѣ на грабежъ выходили) и что, по вызову его, ходили на преступный промыселъ и дворяне и крестьяне, а по свидѣтельству древнихъ актовъ и новѣйшихъ документовъ—сами помѣщики, и притомъ не изъ однихъ только мелкопомѣстныхъ, каковы одноворцы и шляхта. Теперь тоны на картинѣ грабежей и разбоевъ измельчали, преступленія преступленій стало удобнѣе для полицейской администраціи, по частямъ и по мѣстамъ труднѣе для внимательнаго и подробнаго изученія въ общемъ видѣ. Но многое и сохранилось и все находитъ оправданіе въ прошедшемъ.

Рѣдка изъ губерній нашихъ не имѣетъ хотя одного заповѣднаго мѣста, гдѣ бы по временамъ не производился преступный промыселъ грабежа, гдѣ бы, говоря общепринятымъ и любившей суконной фабрикой, подѣ Томскомъ (деревни Воронова и Вемилужная).

бимымъ народнымъ выраженіемъ, не „пошаливали“. Грабежамъ въ особенности покровительствуютъ мѣстности, гдѣ, по административному или политическому дѣленію, приходится границы съ чужими землями (какъ въ Бессарабіи и Подольской губерніи), или такой внутренней клинъ, гдѣ сходятся границы трехъ губерній. Въ особенности послѣднее условіе ярко выясняется тамъ, гдѣ одна изъ губерній пользуется привилегированными правами и благоприятными условіями такого рода, что не представляетъ трудностей для перехода въ третью губернію (каковы малоземельныя градоначальства). Определеніе другихъ выясняется количествомъ грабежей и удобствомъ для нихъ мѣстности на Дону и Западной Двинѣ, вродѣ окрестностей Таганрога, Ростова съ Аксаемъ и Нахичевани или окрестностей Динабурга. Подъ гнетомъ и ущемленіемъ соблазна, въ послѣдней мѣстности и еврей становится грабителемъ и на раскольниковъ падаетъ до половины справедливое подозрѣніе въ грабежахъ *). Затѣмъ, и послѣ такой исключительности, грабежи въ остальной Россіи подчиняются приемамъ, которые имѣютъ уже много чертъ общихъ и свои заповѣдныя мѣста. Мѣста эти, по большей части, большія дороги и преимущественно торговые тракты, а цѣль грабежей—купеческіе обозы. Въ верѣдкихъ случаяхъ грабежъ выбираетъ для своей дѣятельности почтовые дороги и тогда устремляетъ нападеніе безразлично и безрасчетно, на удачу, на проѣзжаго и на казенную почту. Первый видъ грабежей встрѣчается чаще. Его можно назвать хроническимъ за тѣмъ, что у него есть и опредѣленные пункты, и приемы и опредѣленное время, именно, предшествующее большимъ ярмаркамъ. Второй видъ грабежей, на почтовыхъ дорогахъ, имѣетъ форму періодическую и этотъ грабежъ, какъ случайность, выжидаетъ совокупности многихъ, также случайныхъ, но благоприятныхъ причинъ, не всегда готовыхъ и дѣятельныхъ. Мѣстами онъ не стѣсняется и загорается безразлично, и въ степяхъ саратовскихъ, пензенскихъ, подъ Самарою (близъ извѣстной дуки Волги), и въ лѣсахъ Виленской губ., въ лѣсахъ костромскихъ. И этотъ грабежъ любитъ лѣсъ, особенно, когда дорога

*) Двинскъ (бывшій Динабургъ) стоитъ при такихъ условіяхъ, что тотчасъ за Двиною начинается Курляндская губернія съ ея явлымъ и медленнымъ нѣмецкимъ судопроизводствомъ средневѣковаго дѣла и съ презрѣніемъ къ русскимъ интересамъ. Въ 20-ти верстахъ отъ города губ. Ковенская и нѣсколько подалеже Виленская (самъ Динабургъ губ. Витебской). Опасность жителей увеличивается тѣмъ, что чрезвычайно распространяемое мелкое воровство нерѣдко доходитъ до дерзости грабежа. Полиція стоитъ въ самыхъ затруднительныхъ положеніяхъ при желаніи поймать, припугнуть и застрашать воровъ и грабителей силою вліянія своего и самостоятельностью образа дѣйствій.

тянется длинными волоками (извѣстнымъ „шестидесятинымъ“ въ Велужскомъ и Макарьевскомъ уѣздахъ Костр. губ.). Грабежъ, направленный на купеческіе транспорты, не испугался проѣзжихъ дорогъ, ведущихъ въ Нижній, вызывая на эти мѣста ежегодные сторожевые пункты, пикеты—особый видъ земской повинности для окольныхъ жителей и казаковъ. Тѣми же пикетами предупреждаются (но не всегда предотвращаются) грабежи по болѣе глухимъ и дальнимъ дорогамъ, какова пермская, гдѣ грабежи направлялись на чайные транспорты и являлись въ систематическомъ видѣ между городами Пермью и Кунгуромъ, Кунгуромъ и Екатеринбургомъ. Такими же грабежами славятся нѣкоторыя изъ оренбургскихъ дорогъ. Здѣсь башкиры и мещеряки умѣютъ выказывать присутствіе въ нихъ натурѣ остатковъ степного хищничества (очевидное и по тобольскимъ табелямъ смыльныхъ). Предостерегаютъ вѣроятіе придорожного грабежа снабженіемъ конвойными по весьма многимъ мѣстностямъ Кавказа. Здѣсь грабежъ, изъ обычнаго политическаго принципа горцевъ, смѣнился въ наши дни на особенный видъ ищенія покровителямъ, продолжаетъ выражаться и по старымъ образцамъ племенныхъ расчетовъ за обиду, за угонъ скота (и по тобольскимъ табелямъ горцы, преимущественно, ссылаются за грабежи и разбой). Не говоримъ уже о киргизахъ, гдѣ грабежъ барантовъ—одна изъ политическихъ основъ кочевого племени, и о татарахъ, въ которыхъ сильная склонность къ грабежамъ находитъ объясненіе въ старыхъ привычкахъ, вырожденныхъ и доказанныхъ исторіею, а оправданіе въ религіозныхъ принципахъ, завѣщанныхъ кораномъ (татаринъ, по русской пословицѣ, либо насквозь хорошъ, либо насквозь мошенникъ). На Кавказѣ мусульманство сумѣло выродить юридикзмъ: истребленіе людей неправовѣрныхъ (глюровъ) возведено было въ догматъ и настоятельно требовалось обѣими главами секты (Шамилемъ и Махметъ-Аминемъ). Во всѣхъ этихъ случаяхъ въ грабежахъ мы видимъ прочное существованіе и упорную устойчивость. Наслѣдственная болѣзнь тѣмъ и опасна, что корни ея крѣпко и глубоко уходятъ въ испорченную почву и, какъ у всякаго подобнаго явленія, имѣющаго основаніемъ племенные особенности, болѣзни не предстоитъ внезапнаго или скорого исчезновенія. Внутри Россіи, въ русскомъ племени, болѣзнь эта представляется въ другой обстановкѣ, но и въ болѣе смутныхъ и спутанныхъ явленіяхъ.

Останавливаясь на русскомъ племени и слѣдя за цифрами смыльныхъ въ Сибирь, мы приходимъ къ слѣдующимъ общимъ выводамъ о грабежахъ.

Цифра, не отличаясь постоянствомъ, не принадлежитъ къ крупнымъ: грабежъ не изъ тѣхъ преступленій, которыя можно считать на ряду

съ крупными цифрами другихъ преступленій и, въ особенности, по сравненію съ ближайшимъ видомъ его—воровствомъ. Грабители, при недостаткѣ благоприятныхъ причинъ, мельчаютъ числомъ и пропадаютъ въ разрядъ воровъ или, при противоположныхъ данныхъ, уходятъ въ Сибирь въ разрядъ ссылаемыхъ за разбой. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, при усиленіи административнаго вниманія и надзора и увеличеніи преслѣдованій грабителей вслѣдствіе какихъ либо случайныхъ, сильно наталкивающихъ обстоятельствъ, цифра грабителей увеличивается и при противоположныхъ условіяхъ упадетъ *). Уменьшеніе этой цифры въ особенности примѣтно по отношенію къ женщинамъ. Возрастаніе цифры доказываетъ, что виновность въ грабежахъ женщинъ совершилась подъ защитою мужчинъ, при участіи которыхъ только и мыслятъ для женщинъ грабежъ, какъ преступленіе, наиболее требующее тѣхъ силъ душевныхъ, каковыхъ недостаетъ этому слабому и забытому полу. Грабежъ и разбой—не женскія преступленія, они уступаютъ мѣсто воровству и поджогамъ. На серьезные кражи съ грабежемъ и въ расчетѣ на разбой женщинъ не берутъ. При этомъ вѣроятнѣе это преступленіе для нихъ въ возрастѣ отъ 20 до 40 лѣтъ; въ ранній возрастъ это—самое рѣдкое явленіе изъ всѣхъ преступныхъ женскихъ дѣяній.

По количеству ссыльныхъ по сословіямъ, у крестьянъ, солдатъ и мѣщанъ грабежъ занимаетъ первое мѣсто послѣ воровства, стоящаго у всѣхъ на первомъ планѣ. По процентному отношенію самый высокій стоитъ за военными поселенцами, заводскими крестьянами, однодворцами и солдатами, а у мѣщанъ сильнѣе развита склонность къ грабежу, чѣмъ у крестьянъ. По различнымъ мѣстностямъ Россіи грабежъ выразился сильнѣе въ странѣ сходцевъ (въ Новороссійскомъ краѣ и Бессарабіи). Въ Бессарабіи процентъ, по общему отношенію ссыльныхъ къ нессыльнымъ обитателямъ,

*) Вотъ доказательство въ цифрахъ, по годамъ:

Въ 1838 сослано за грабежъ	139	мужч.
» 1839 » » »	127	»
» 1840 » » »	142	»
» 1841 » » »	105	»
» 1842 » » »	143	»
» 1843 » » »	241	»
» 1844 » » »	210	»
» 1845 » » »	146	»
» 1846 » » »	111	»
Въ 1838 сослано за грабежъ	9	женщ.
» 1839 » » »	4	»
» 1840 » » »	11	»
» 1841 » » »	10	»
» 1842 » » »	10	»
» 1843 » » »	6	»
» 1844 » » »	4	»
» 1845 » » »	4	»
» 1846 » » »	8	»

Такимъ образомъ, количество сосланныхъ женщинъ въ 18 разъ меньше числа мужчинъ.

настолько великъ, что подобнаго ему нѣтъ во всей Россіи. Вдвое меньшая населеніемъ Пермской губерніи, Бессарабская превосходитъ ее числомъ грабежей, не смотря на то, что Пермская вмѣстѣ съ Тобольскою въ одно время и заводская и случайно заполняемая большимъ количествомъ бѣглыхъ, а вмѣстѣ съ Казанскою и Симбирскою съ избыткомъ населена инородческими племенами, исповѣдующими исламъ *).

Разбой—это послѣднее и крайнее звено въ цѣпи преступленій, вытекающихъ послѣдовательно изъ бродяжничества и непосредственно изъ грабежа, какъ неизбежное слѣдствіе послѣдняго, но крайней исключительности своей,—стало принадлежать къ явленіямъ случайнымъ, но, въ то же время, и къ такимъ, гдѣ всѣхъ запутаннѣе основныя причины и вызывающіе поводы. Съ другой стороны, вѣтшій видъ разбоевъ счумѣлъ и успѣлъ принять кое-какія опредѣленныя формы, которыя можно типировать такимъ образомъ.

Нѣкогда на разбой выходили казаки, въ числѣ которыхъ бродяга, въ видѣ бѣглаго холопа и солдата, игралъ первую роль. Теперь разбоемъ охотнѣе занимаются заводскіе люди и опять тѣ же солдаты. Иногда съ крайней голлодовки пускается на такое дѣло мѣщанинъ, обыкновенно прямо изъ цѣловальниковъ или вѣдомыхъ пригородныхъ воровъ. Бываютъ и такіе годы, когда путается въ разбойникахъ мелкопомѣстный дворянинъ, избаловавшійся до конца въ званіи однодворца (сословіи, какъ извѣстно, не отличающемся нравственностью и не свободномъ отъ тяжелой преступности). Хаживали на разбой и капитаны Копейкины (имѣющіе, впрочемъ, основаніемъ историческую почву, бывалое событіе). Но—повторимъ опять—и этотъ типъ измельчалъ и только временами,

*) По губерніямъ число грабителей распредѣлилось такъ (въ 9 лѣтъ съ 1838 по 1847 годъ):

	мужч.	женщ.
Пермская	55	11
Тобольская	64	5
Грузія	56	6
Бессарабія	61	—
Симбирская	60	—
Подольская	56	2
Казанская	49	5
Курская	50	1
Кавказская область	40	2
Кіевская	38	— и проч.

Губернія Олонеккая во всѣ 9 лѣтъ выслала только двухъ; Архангельская, Псковская, Вологодская, Лифляндская и Астраханская по пяти. Въ Финляндіи и Польгѣ грабежи также исключительное явленіе. Въ 20 лѣтъ для Олонеккой поднялась цифра до 10, Архангельской до 21, Вологодской до 28, Лифляндской до 34, Астраханской до 20. Наибышій процентъ для грабежа остался за Новороссійскимъ краемъ съ ногайскими татарами на востокѣ, съ крымскими на югѣ и цыганами на западѣ и кое-гдѣ въ серединѣ.

въ представительствѣ крупныхъ злодѣевъ, обнаруживааетъ нѣкоторые признаки отжившихъ своей вѣкъ удалыхъ молодецвъ, въ средѣ которыхъ разгоряченное народное воображеніе сумѣло поставить даже страшный образъ женщины-разбойника. Вотъ какимъ образомъ складываются эти остатки въ цѣльномъ видѣ злодѣя-разбойника.

Онъ, по большей части, дезертиръ изъ солдатъ, озлобленный неудачами жизни, строгостью и невзгодами службы; всѣмъ былъ бить, и о печку бить, развѣ только печкою не бить. Чаше—это бѣглый съ каторги, опять—таки тертый калачъ, мятые бока, но въ этихъ случаяхъ нерѣдко выясняется въ немъ бѣглый солдатъ и непремѣнно сосланный за убійство. Убійства у этихъ героевъ въ аттестатахъ (статейныхъ сибирскихъ спискахъ) повторяются иногда по нѣсколько разъ. Преступникъ подобнаго рода забрызганъ чужою кровью, на которой онъ какъ будто приобретаетъ закалъ и повадку.

Прежде, чѣмъ пуститься въ разбой, онъ обыкновенно бродяжничаетъ долгое время и, въ занятія этомъ отыскивая потерянной воли и доли, находитъ то, чего не даетъ людская семья и жилое мѣсто, но чѣмъ богата лѣсная дичь и постоянное отчужденіе. Въ лѣсу бродяга дичаетъ, отвыкая отъ людей, теряя къ нимъ любовь и всякую вѣру, додумывается до равнодушія къ чужой и собственной жизни и выносить невѣріе ко всему. Выходя изъ лѣсу только въ кабаки для разжѣна легкой добычи на вино, онъ получаетъ ту внутреннюю болѣзнь, которая характеризуется хандрою въ самомъ сердитомъ значеніи этого слова. Ипохондрикъ онъ самаго крупнаго и опаснаго свойства. Дальнѣйшія неудачи и преслѣдованія—неразлучные спутники бродячей жизни—при крайнемъ недостаткѣ началъ успокоительныхъ и примирительныхъ, развиваютъ въ сердцѣ бродяги озлобленность и зависть къ свободѣ и счастью другихъ до болѣзни. Озлобленію не долго перейти въ непримиримую злобу: ненависть честныхъ людей раздражаетъ народившееся чувство, а отсутствіе средствъ къ жизни довершаетъ гибель, когда, и по пословицѣ, „голый разбою не боится, голому разбой не страшень“. Переходитъ же эта непосредственная озлобленность въ прямую и открытую злобу всегда, когда бродяга-пустычникъ наталкивается на такихъ же горюновъ, заготовившихъ одинаковый образъ воззрѣнія на жизнь и поставленныхъ въ одинаковыя бытовыя условія. Это, большею частью, тѣ же бродяги, бѣгло-каторжные голыши.

Встрѣча происходитъ, обыкновенно, въ лѣсахъ и знакомство сводится въ скрытыхъ и укромныхъ станахъ и притонахъ, дорога къ которымъ указывается на каторгѣ и хорошо из-

вѣстна всякому желающему про то знать и этого искать. Затѣмъ—кабакъ: мѣсто прибіжища для честнаго работника и пьяницы по профессіи, въ то же время, съ древнѣйшихъ временъ до новѣйшихъ, притонъ и для недовольныхъ, для всякаго незваного и непрошеннаго. Цѣловальникъ и по тюремнымъ пѣснямъ далеко не доносчикъ, не полицейскій агентъ, тѣмъ болѣе, когда знаменитый казанскій разбойникъ Дмитрій Быковъ изъ этого званія ушелъ въ Сибирь и вернулся назадъ на старымъ мѣста сильно злодѣйствовать. Выпивки не всегда на чистыя деньги сумѣли выучить этого сорта промышленниковъ и торговцевъ пріему подъ закладъ вещей, въ которыхъ составляютъ избытокъ и берутъ перевѣсъ надъ собственными краденныя, приобретенныя воровствомъ, грабежемъ и разбоями. Такихъ и скрывать негдѣ, таковыя и приобретаются предпочтительно для обмѣна на цѣлебное зелье, умѣющее укладывать тоску по прошлому и развивать веселыя мысли и свѣтлыя взгляды на будущее. Цѣловальникъ непремѣнно, косвеннымъ или прямымъ путемъ, впутается въ біографію разбойника, попадетъ въ шайку и попадетъ суду и наказанію (отъ которыхъ откупъ въ былую пору умѣлъ откупать большими деньгами). Главнымъ же образомъ, бродяги, рѣшившіеся на правильныя вылазки и на отчаянный походъ, приобретаютъ дружбу и участіе, помощь и содѣйствіе въ мѣстномъ „зазнамомъ“ ворѣ, который только потому попалъ въ Сибирь, что откупился. Нуждою и тюрьмою выученъ онъ ловкости изворотовъ на слѣдственныхъ показаніяхъ и на самомъ судѣ, а потому приладилъ жилище на бродяжьей тропѣ и пріотворилъ дверь для бродяги, потому что законы и судьи, за неясностью уликъ и доказательствъ, оставили его на родинѣ, хотя и въ сильнѣйшемъ подозрѣніи.

„Вѣдомый воръ“ теперь—соумышленникъ и соучастникъ пришлыхъ недобрыхъ людей. Сговоренъ онъ ими въ томъ же кабакѣ, при помощи развязывающей языкъ и окрыляющей помыслы влаги. Онъ указываетъ имъ на цѣль нападеній, на тѣ бреши, гдѣ шире проломъ и крѣпче спитъ стража, даетъ онъ имъ совѣты, мѣстно-пригодныя и имъ, старымъ ворами, самимъ нащупанные и не разъ испытанные. Товарищи молодцы—ночные дѣльцы, идутъ сначала мастерить, „заугольничать“ по постояннымъ дворамъ, а потомъ „съ дубовой иглой портвѣжить по большимъ дорогамъ“. Они грабятъ обозъ, грабятъ домъ богатаго мужа или попа, грабятъ церковь, грабятъ все и у всѣхъ, гдѣ только вѣрна и прибыльна добыча и по мѣрѣ накопленія храбрости и дерзости. Умѣлые вору „возъ разсыплютъ—два нагребутъ“, умѣлые вору, съ помощью добраго знакомца, и концы спрячутъ чисто, хотя слѣды воровскіе и не

идутъ дальше кабака или дома подговореннаго благодѣтеля. Нерѣдко въ такихъ случаяхъ откуда ни возьмется на помощь вдова-солдатка или баба-солдатка, 25 лѣтъ выжидающая своего мужа и на досугѣ привыкшая прятать чужое и поваженная соблюдать грабленное. Является въ пособницахъ и другая женщина (но рѣже), полюбившая какого нибудь изъ удачныхъ добрыхъ молодцовъ, плѣненная не ростомъ и дородствомъ и сильною бородою (какъ бы солдатка какая, вѣдающая по опыту, въ чемъ больше сласти), а плѣненная удалствомъ, заболѣвшая кручиною къ его горькой долѣ, не позволяющей ему и головушку поклонить на невертлявую подушку. Защемляетъ она больше сердце, тѣмъ разумъ. На атамана обыкновенно налетаетъ хватившая опыта въ жизни солдатка, которая перестала вѣрить въ суженыхъ и призраки и привыкла любоваться въ очи смѣльчаку и недюжинному, не умному да смѣлому, не богатому да гароватому. Съ рожки ей не воду пить, а изъ кармана вмѣстѣ водку пить. Та или другая любовница поить и кормить и пристань держать, а участье и сочувствіемъ даетъ разбойникамъ силу, которая наталкивается на новые замыслы, и свѣжую бодрость, съ которою такъ легко ходится на всякія самыя трудныя предпріятія.

Безъ „соприкосновенности въ преступленіи“ женщины разбой не бываетъ, безъ ея „сопричастности злодѣяніямъ“ мало найдется даже официальныхъ хроникъ и слѣдственныхъ дѣлъ по грабежамъ и разбоямъ. Какъ бы то ни было, разбой ходитъ всегда снабженный и закрѣпленный многоразличными пружинами. Пружины эти крѣпнуть въ упругости по мѣрѣ того, какъ усиливаются неудачи и ослабѣваютъ надзоръ и преслѣдованія, и становится злымъ и лихорадочно-дѣятельнымъ, когда погоня и поиски начнутъ ходить по пятамъ и попадать на горячіе слѣды. Тогда чувство самосохраненія начинается послѣднюю борьбу и обѣ силы затѣваютъ ожесточенный споръ, нерѣдко кровавую битву. Сторона слабѣйшая пускаетъ въ ходъ послѣднія свои средства и всѣ разомъ: ловкость и хитрость, бѣшеную храбрость и замысловатую изворотливость. Сколько станovýchъ и исправниковъ улетѣло подъ судъ за то, что не умѣли поймать атамана подъ самымъ носомъ! Вотъ онъ, истомленный безсонными ночами, напившійся до безпамятства и безсилія, валялся на самой торной дорогѣ у огорода и принять бытъ въ лохмотьяхъ за нящаго. Какъ бы то ни было, но послѣдніе вздохи героя громки и черезчуръ слышны и чувствительны! убійства становятся чаще, производятся безразсчетнѣе и ожесточеннѣе. Грабежъ и разбой додумываются до такого ужаснаго правила, по которому: грабъ того, кто первый попадется, людская оплошность за тѣмъ и на свѣтъ создана, чтобы доб-

рый воръ не дремалъ. Ограбленнаго убивай— слѣды хорони. Не убьешь — самъ пропадешь, оставишь на слѣдахъ своихъ языкъ, который непремѣнно докажетъ.

Примѣняя правило на опытѣ къ дѣлу, разбойничья шайка тутъ напала на обозъ и убила извозчиковъ, а тѣла ихъ зарыла въ болотѣ; тамъ накинуди на проѣзжую торговку съ товаромъ платокъ и задушили до смерти, а лошадей увели съ собою въ лѣсъ. Здѣсь ограбили избу, а самого хозяина зарѣзали и трупъ сожгли въ печи. Тамъ ограбили проѣзжаго кунца и тѣло его бросили въ рѣку, которая принесетъ потомъ въ руки земской или городской полиціи „трупъ неизвѣстно кому принадлежащій, по знакамъ на тѣлѣ коего видны знаки насильственной смерти“. Надуменная такимъ казусомъ, ревнивая къ милостямъ и вниманію начальства, поджигаемая рассказами въ обществѣ о злодѣяствахъ и упреками знакомыхъ въ бездѣйствіи, принуждаемая частными просьбами, обличенными въ официальную форму, а всего болѣе предписаніями и понужденіями начальства, — земская полиція приходитъ въ сознаніе своихъ служебныхъ обязанностей и начинаеть дѣйствовать.

Находятся, въ расчетъ на денежную награду, сыщики и доносчики, каковыя и рассыпаются по завѣдомымъ кабакамъ. Изъ околныхъ людей собирается облава. Само начальство выѣзжаетъ на мѣсто скорбей и обидъ временнымъ отдѣленіемъ. Всѣ болтають о разбояхъ. Всѣ наперерывъ другъ передъ другомъ стараются пособить и, съ растерянными головами, сначала только путають. Завязывается изъ рассказовъ цѣлый романъ въ домосовскомъ вкусѣ, гдѣ бывалое съ небывалымъ путается до громадныхъ размѣровъ, такъ что нерѣдко случалось первымъ слѣдователямъ уѣзжать безъ успѣха и просить на помощь себѣ изъ губерніи свѣжихъ и опытныхъ людей. Кто нибудь изъ трехъ или пяти, и всегда случайно, нападаетъ на первый слѣдъ. Если съумѣютъ не дать остыть этому слѣду, то схватятъ, прежде всего, мелкихъ ворюшекъ, которые, по пословицѣ, любить зѣвать. Но это не всегда прямые дѣятели, болѣею частью они соучастники тѣхъ, которые держать пристани и даютъ притонъ. Эти только тѣмъ запачкались, что попользовались крохами отъ добычи, да и то безпутьно, да и то неосторожно: у нихъ и остатки дувана найдены; пойманные съ полиціемъ, они зачастую уходятъ въ ссылку за большихъ и главныхъ. Силошь и рядомъ на нихъ возмѣщаютъ успѣхи и торжество побѣды. При умѣнн и ловкости, а всего чаще при помощи угрозъ и легионныхъ пытокъ, страхами и запугиваньемъ, у этихъ попавшихъ въ силки добиваются языка, который и ведетъ начальство на первыхъ разбойниковъ, но не главныхъ. Атамана съ близкими друзьями ищутъ долго, его берегутъ пуще всѣхъ, да и самъ

онъ, стрѣлянный звѣрь, хитрѣе и ловчѣе всѣхъ. Находятъ его съ помощью той же случайности, иногда далеко въ другой губерніи или въ дальнемъ уѣздѣ. Его либо предасть, напоить и связать подкупленная полиціею полюбовница, либо онъ самъ, чтобы не мрачить своей славы, напьется-нагуляется въ кабацѣ въ послѣдній разъ и свалится снопомъ подъ лавку. Цѣлительникъ, которому при этомъ надо и себя защищать и выслуживаться на подручномъ и легкомъ случаѣ, удалого молодца свяжетъ и представитъ начальству. Такъ поступаютъ смѣлые и рѣшительные. Опасливые, но также опытные, выводятъ одурѣлаго и зачумѣлаго гуляку на торную дорогу и бросаютъ тутъ. Сюда-то сыщикъ и приводитъ начальство, обыкновенно руководимый тѣмъ же питейнымъ сидѣльцемъ, дѣйствующимъ за его спиною и осторожно, съ цѣлью застоять кабацъ отъ поджога. Берите теперь и казните! вотъ главный воротило, докучливый звѣрь лежитъ, растянувшись пластомъ, словно убитый, и руки раскидалъ и ноги выставилъ; отяжелѣлыми глазами ничего не увидитъ, сквозь стиснутые зубы ни словечка не вымолвить и похмѣлья не дастъ влить. Связанный веревками, заклепанный въ кандалы, со включенными головою и бородою и опухшимъ отъ пьянства лицомъ, онъ приходитъ въ себя въ секретномъ казематѣ острога (если крупенъ звѣрь, то въ губернскомъ). Теперь онъ сытъ и готовъ на всякую казнь, затѣмъ что покинуть всѣми друзьями-товарищами. Пойманный раньше ихъ непремѣнно станетъ стараться убѣжать и рѣдко не настаиваетъ на своемъ. На выручку атамана Быкова, наводившаго въ 1848 году ужасъ на Казанскую губернію и городъ Казань, пришелъ товарищъ и другъ его Чайкинъ, такой же бѣглый съ каторги молодець. Пришелъ Чайкинъ самъ, зная, что его усиленно ищутъ и что за его голову (слыхалъ въ народѣ) какія-то деньги положили, онъ пришелъ въ городъ, зашелъ въ трактиръ, поигралъ на билліардѣ, сталъ водку пить въ общей комнатѣ, гдѣ сидѣлъ и частный приставъ за чаемъ послѣ бани. Богатырь Чайкинъ былъ неладно кроенъ и нелѣпо сшитъ: рѣзко бросался въ глаза своимъ угловатымъ лицомъ, на которомъ (судя по слѣпку маски и скелету его, хранящимся въ казанскомъ университетѣ, верхнія скулы сильно были развиты и орбита глазъ глубока. Бросился онъ въ глаза и всею своею фигурою, и манерами тому полицейскому лицу, которое, вѣстѣ съ другими, на то время думало объ одномъ только Чайкинѣ и готово было принимать за него всякаго встрѣчнаго. Къ тому же и примѣты злодѣя были повѣданы; не доставало рѣшимости. Но вотъ и она, на крайній случай явившаяся вдохновеніемъ. Смѣлость города беретъ. Ей удалось взять и Чайкина, ошеломленного смѣлымъ приступомъ и словами:

— Вѣдь ты Чайкинъ?

— Такъ точно.

— Зачѣмъ пришелъ сюда?

— Попытать счастья повидаться съ Быковымъ, нельзя ли какъ его изъ острога спасти (а на то время, вслѣдствіе городскихъ слуховъ, острогъ былъ оцѣпленъ сторожами).

— Я тебя долженъ буду взять.

— Вамъ ничего больше не остается дѣлать.

Самъ я это теперь вижу, вяжите!

Очутившись въ острогѣ, разбойникъ зналъ, что дѣлать. На слѣдствіи постарался показать невозмутимое спокойствіе. Въ теченіи начатаго объ немъ дѣла пускался путать и запутывать другихъ, чтобы было дольше и труднѣе распутывать. Наплеталъ онъ столько ложныхъ показаній и на себя и на стороннихъ, что дѣла о злодѣйствахъ копилась огромными томами. Обывались больше не причастные люди—богатые мужики, на которыхъ обрывались надежды на добычу (какъ дѣлать это орловскій—Малоярхангельскаго уѣзда—разбойникъ изъ кантонистовъ „Сирота“). Попадали подъ словоохотливый и расхвалившійся языкъ и настоящіе пособники: „за одно отвѣчать“. Процессъ слѣдствія и суда тянулся мѣсяцы и отъ самого героя романа зависѣло протянуть его дольше цѣлаго года, если не получится предписанія судить его по полевому уголовному положенію, такъ называемымъ военнымъ судомъ, въ 24 часа. Такъ поступили и съ шайкою Быкова и Чайкина.

Дальнѣйшая судьба преступника известна: дадутъ ему прогуляться по зеленой улицѣ и пройдетъ онъ ее, если не ослабѣли на злодѣйской безпутной жизни силы и если не было помѣчено количество ударовъ шпидрutenами особымъ зловѣщимъ придаткомъ. Быковъ ходитъ, Чайкинъ глядитъ: попросить полушубокъ снять и кваску испить, пожелаетъ, чтобы опять накинули и застегнули полушубокъ и опять проситъ квасу. Возвращенный въ тюрьму окровавленнымъ и раздутымъ отъ ударовъ тысячи чловѣкъ, онъ или пойдетъ на вылечку, чтобы выходить положенное, или добытый сразу (какъ Быковъ одиннадцать разъ) въ тотъ же самый день (и, во всякомъ случаѣ, не дальше другого дня) умереть въ острожномъ лазаретѣ отъ острога воспаления въ легкихъ. Нѣкоторые, увѣренные въ томъ, что любопытная толпа любить эффектъ и охотно ходитъ на различные блестящи, разсчитанно бросаютъ въ толпу блестящи остроумія, тяжелаго краснаго слова. Выговорились этимъ Пугачевъ, Чуха, Разинъ. Не высказался Быковъ, а Чайкинъ совѣмъ изъясъ, но саратовскій злодѣй Гусевъ, ограбившій соборъ, убившій сторожа, совершившій кощунство и святотатство, не удержался. Когда его поставили на эшафотъ, онъ самъ снялъ рубаху и надѣлъ на шею ремень. Когда всѣ сняли шапки и прочитана была сентенція суда, Гусевъ, при видѣ наклонной

знакомой скамейки кобылы съ одною большою дырою для головы и съ двумя маленькими для рукъ, закричалъ на весь народъ громкимъ голосомъ:

— Эхъ, кобылка, кобылка! Въжалъ я на тебѣ, вывозила ты меня! ну-ка, вывози опять!

— Нѣтъ, Иванъ Петровичъ!—отвѣчалъ ему не тише его саратовскій палачъ:—нѣтъ, она тебя теперъ не вывезетъ.

Положилъ онъ его на пологую скамейку, прикрутилъ голову на исподней сторонѣ машины къ рукамъ, просунутымъ въ дыры, укрѣпилъ ноги на кольцѣхъ вьизу кобылы и снаружи ея (причемъ сильно выгнулась спина и невозможно стало ни шевельнуться, ни перевернуться), отошелъ на нѣсколько шаговъ и съ промежутками секундъ въ 6 началъ съ прискокомъ давать удары. Послѣ 15-ти обязательно перемѣнилъ кнутъ, сдѣлавшійся слишкомъ мягкимъ отъ крови. Счетъ былъ съ подлиннымъ вѣренъ, а удары такъ сильны, что обѣщаніе свое палачъ исполнилъ. Когда сняли Гусева съ кобылы, чтобы приложить ко лбу и щекамъ машинку съ желѣзными иглами, рисующими слово К. А. Т. (каторжный) и ударить по ней нѣсколько разъ ладонью руки, Гусева уже не было въ живыхъ. Не зачѣмъ было и порохоми притирать заклеенныя части лица.

Отвернувъ глаза отъ ужаснаго зрѣлища (къ счастью человечества и славы Россіи давно уже не существующаго), народъ, расходясь по домамъ, станетъ рассказывать дѣтямъ и внукамъ обо всемъ, но по другому, а не то, что видѣлъ онъ и видѣли другіе. Рѣдкій изъ разбойниковъ не останется въ народной памяти и преданіяхъ не колдуномъ и чародѣемъ, спознавшимся съ нечистою силою и отъ нее надѣлавшимъ столько злодѣйствъ. Половину злодѣйскихъ подвиговъ разбойника народъ забудетъ и, рассказывая о памятныхъ, съумѣетъ умягчить ихъ жестокость, приписать ищению, гдѣ кровь за кровь и жертва за жертву идутъ, цѣпляясь и не прерываясь. Повѣдаетъ народъ потомству, что казенный разбойникъ отличался красотою лица, окладистою черною бородою, живыми глазами, широкими плечами и такимъ высокимъ складнымъ ростомъ, что такъ всѣ и ахнули, увидя его на эшафотѣ, и всѣ пожалѣли объ немъ. Въ этомъ народная память не ошибается: таковъ былъ и Гусевъ, и Рузавинъ, и Васька Торинской (костромской), и Митька Выковъ (казанскій), скелетъ котораго въ музеѣ университета поражаетъ пропорціональною костью, обѣщая красавца и въ анатомическомъ значеніи этого слова. Полагаютъ даже (не безъ серьезнаго основанія), что красивый и дородный молодецъ оттого и сталъ разбойникомъ, что забаловался на женскихъ ласкахъ и требованіяхъ отъ нихъ похвалы и бахвальства. Забаловавшись, онъ запыль, закутилъ, закружился въ вихрѣ удо-

вольствій до того, что сталъ никуда не годенъ; началъ останавливать на себѣ и общее и бабье вниманіе и другими удалыми подвигами, не отличая за недосугомъ грабежа отъ разбоя. Расскажутъ про разбойника, что онъ такъ пѣлъ пѣсни, что сыр-боръ прислушивался и птицы примолкали, и самъ умѣлъ складывать такія пѣсни, что рѣдкаго человѣка не прошибала слеза и у рѣдкаго не защемливало сердце. И въ этомъ много правды: начиная со Стеньки Разина въ XVII вѣкѣ, затѣмъ первообраза всѣхъ остряковъ изъ воровскаго рода—Ваньки Каина въ прошломъ и въ нынѣшнемъ того же Гусева, малороссійскаго разбойника Кармелюка и проч. Всѣ они были авторами пѣсенъ.

Переноса дѣянія съ одного на другого, народная память какъ одному, такъ и всѣмъ, припишетъ однородное: всѣ разбойники были милостивы къ несчастнымъ и угнетеннымъ и, разбойничая, только мстили обидчикамъ: богатыхъ грабили, казну грабили, купцовъ обижали, на чиновниковъ и господъ нападали, но бѣднымъ и нужнымъ людямъ давали милостивно щедрою рукою. И здѣсь народная память не противорѣчитъ дѣйствительности: отпуская въ дорогу невредимыми и цѣлыми, дѣйствительно не скупилась на дачу бѣднымъ и обиженнымъ эти люди по тому обстоятельству, которое имѣетъ оправданіе въ характерѣ всѣхъ грабителей изъ бродягъ. Бродяги еще въ тюрьмахъ выработываютъ презрѣніе къ деньгамъ и привыкаютъ къ безразсчетнымъ тратамъ. Скопидомы въ бѣгу не ходятъ, а ушедшіе тратятъ прахомъ нажитое съ расточительностью, составляющею одну изъ самыхъ главныхъ чертъ ихъ характера. Великодушіе также въ свойствахъ людей съ сильною волею; къ тому же, на виду и при случаѣ, можно имъ похваляться, похвастаться: ограбивъ помѣщика, высѣчь и отпустить; чиновниковъ перевязать спинами и прикрѣпить къ дереву; нападать исключительно на казенные транспорты и не трогать обозовъ купеческихъ, а крестьянскіе провозать своимъ конвоемъ въ цѣлости и сохранности, и проч. Все это ловко попадаетъ въ цѣль и въ началѣ поисковъ и гонокъ за разбойниками непоимѣрно затрудняетъ искателей. Въ околномъ народѣ встрѣчается нерѣшимость, отсутствіе всякой энергіи: у кого отъ страха, у кого отъ тайныхъ причинъ. Большая часть другихъ безтолковою хлопотливостью, не скрывающею равнодушія къ успѣху, раздражаютъ искателей и помѣщиковъ такъ, что они обыкновенно рѣшаются просить помощи у военной силы, на окольную перестаютъ надѣяться. Ловятъ милосердныхъ разбойниковъ всего чаще солдатами. Хвастливость и желаніе красоваться и въ тюрьмѣ ихъ не покидаетъ, съ одной стороны, чтобы съ особеннымъ тщаніемъ на время казни приготовить для толпы хвастливыя изрѣченія и острые слова, а съ другой — чтобы

не памятовали объ нихъ иначе, какъ объ уда-
лыхъ добрыхъ молодцахъ, и—достигаютъ цѣли.
Подъ призваннымъ идеаломъ народъ уже не
видитъ въ разбойникѣ потеряннаго жестокаго
человѣка, у котораго все на выворотъ, который
запачкался во всевозможныхъ порокахъ и нрав-
ственно развращенъ до самаго корня. Чайкинъ
разрываетъ людей на двѣ части, привязавъ къ
двумъ наклоненнымъ вершинамъ гибкаго дерева
за ноги, а Выковъ стоитъ вдали и любуется
и на слѣдствіи клянется и божится, что онъ
неповиненъ, ибо своими руками не дѣйствовалъ,
а только придумывалъ и заказывалъ своему
эсаулу. Чайкинъ рѣжетъ бѣдную попавшуюся
на дорогѣ беременную женщину, а Выковъ под-
ходить и смотреть, оправдывая потомъ пре-
ступленіе и приказъ свой тѣмъ, что хотѣлъ
полюбопытствовать, какъ лежить въ утробѣ
матери еще не родившійся ребенокъ; затѣмъ и
приказалъ убить ее.

Всматриваясь затѣмъ въ уголовныя хроники,
мы встрѣчаемъ еще немногія дополнительныя
черты, въ которыхъ если мало общихъ, то много
характерныхъ. Большею нетерпимостью отлича-
ются разбои, производимые бѣглецами съ каторги
(въ шайкѣ Выкова такихъ было 9, въ томъ
числѣ самъ атаманъ и эсаулъ были изъ тако-
выхъ же, бѣжавшихъ съ иркутскаго солеварен-
наго завода). Большую ловкость и изворотли-
вость обнаруживали бѣглецы кантонисты и боль-
шую жестокость — бѣглецы солдаты. Какою-то
дикую силою, нерасчетливостью и непредусмо-
трительностью отличаются тѣ грабежи и разбои,
которые производятся татарами, и неумолимъ и
жестокъ тотъ разбойникъ, который вырождается
къ кочевыхъ племенахъ и въ башкирахъ. За-
тѣмъ племенные особенности выступаютъ на
видъ и берутъ свои права во всѣхъ случаяхъ:
замѣшался татаринъ въ шайкѣ Выкова—послѣ
разбоя, при дуванѣ, онъ выговариваетъ себѣ
лошадь, сброу, телѣгу. Телѣгу сжигаетъ, ко-
лесный накатъ катитъ домой. Вмѣшался въ дѣло
цыганъ — при грабежахъ указываетъ на ко-
нюшни, самъ уводитъ, подъ защитою товари-
щей, лошадей мастерски и осторожно и еще съ
большимъ искусствомъ загоняетъ ихъ въ скры-
тыя мѣста, гдѣ вытраиваетъ клейма, перекра-
шиваетъ масти, выгодно перепродаетъ. При
дѣлежѣ дувана ограбленныхъ и убитыхъ кра-
сильщиковъ онъ не беретъ деньги натурою, бер-
етъ выпивкою, но, отказавшись отъ золота, съ
охотою бросается и выговариваетъ себѣ кубо-
вую краску и опять тѣхъ же лошадей.

И гдѣтъ худа безъ добра: разбои, какъ и
всякое другое преступленіе, наводящее ужасъ,
выходящее изъ ряду обыкновенныхъ, грозное
многочисленностью участниковъ, пробуждаютъ
общество изъ временной апатіи, будятъ въ немъ
остывшую осторожность и въ дѣятеляхъ адми-
нистративныхъ возбуждаютъ энергію и усердіе.

Энергія сказывается въ усиленіи надзора и
вниманія, дѣятельность, черезъ это удвоенная,
наталкивается на множество скрытыхъ престу-
пленій. Застигнутыя въ располъхъ и выведен-
ныя наружу, преступленія эти освѣщаютъ для
судей много такихъ дѣлъ, которыя, за неясно-
стью уликъ и видимыхъ доказательствъ, преданы
были суду и волѣ Божіей. Дѣло о Выковѣ от-
крыло въ Казани цѣлую толпу въ 27 чело-
вѣкъ бѣглыхъ и безпаспортныхъ, изъ которыхъ
одни оказались преступниками, бѣжавшими изъ
Сибири съ каторжныхъ работъ, другіе бродя-
гами, „отлучившимися отъ своихъ жительство-
въ безъ дозволенія ихъ начальствъ и мотающимся
по городу безъ определенной цѣли“. Побѣги
разбойниковъ изъ тюремъ наводятъ мысль на
тщательный осмотръ острожныхъ помѣщеній.
Осмотръ наталкиваетъ на существованіе въ
тюрьмахъ дѣлателей фальшивыхъ ассигнацій и
монеты. Продолжительные и усиленные поиски,
внезапные повальные обыски разбойничьихъ
притоновъ обнаруживаютъ мастерскія дѣлателей
тѣхъ же фальшивыхъ денегъ, канцеляріи для
фальшивыхъ паспортовъ, притонщиковъ и мѣста
складовъ краденныхъ вещей. Искатели попа-
даютъ на слѣды ковокрадства и на тѣ пути и
дороги, по которымъ проводятся краденныя
лошади и проч.

Возвращаясь къ сибирскимъ цифрамъ пре-
ступниковъ, ушедшихъ въ Сибирь за разбой, мы
видимъ, что количество женщинъ, осужденныхъ
за это преступленіе, несравненно меньше коли-
чества мужчинъ, и участие ихъ въ разбояхъ
даже несравненно слабѣе, чѣмъ въ грабежахъ.
Разбойницы остались только въ пѣсенной па-
мяти и такія дѣла имъ совсѣмъ не по природѣ
и не по характеру (на 341 муж., ушедшихъ
за разбой въ девять лѣтъ, 17 разбойницъ, съ
исключительнымъ перевѣсомъ на губ. Виленскую
(6 чел.), и съ преобладаніемъ мужчинъ въ той
же губерніи и въ Бессарабіи, Грузіи, губ. Яро-
славской, Симбирской, Кіевской, Воронежской,
Подольской, Каспійской области— словомъ, чаще
на рубежахъ, чѣмъ внутри государства; пред-
почтительнѣе въ мусульманской средѣ (въ Кав-
казскихъ и Казанской губ.); въ Приволжѣ
больше, чѣмъ по системамъ другихъ рѣкъ, у
заводскихъ крестьянъ чаще, чѣмъ у помѣщичь-
ихъ и государственныхъ. Между солдатами
сильнѣе пособничество въ видѣ содержанія при-
тоновъ, чѣмъ между всѣми другими женщинами
изъ прочихъ сословій.

На мѣстахъ ссылки и на каторгѣ за разбой
приводится судить рѣдко (въ нерчинскихъ за-
водахъ въ 10 лѣтъ ни одного случая изъ 1.136
человѣкъ, сосланныхъ за грабежи и разбои).
Въ Тобольской губ. въ 9 лѣтъ предыдущихъ
(съ 38-го по 46) шесть, изъ поселенцевъ ни
одного; за то за грабежъ каторжныхъ въ это
же время 13, поселенцевъ 23 (20 м., 3 ж.);

взломали тюрьмы 7 каторж., 32 посел. Бѣжало изъ Сибири и возвращено 8.246 муж. (каторжныхъ и поселенцевъ) и 235 жен. Вотъ тотъ источникъ, изъ котораго предоставляется Россіи право почерпать для себя всё невзгоды, происходящія отъ воровства, грабежей, разбоевъ и поджоговъ. Бродягъ поймано въ 9 лѣтъ на разбояхъ 10'муж., 1 жен. Дома эти люди не такъ скоро рѣшаются на обиду, но разбойникъ выходитъ на злодѣйства, вдохновляемый на большую часть одинаковыми съ Россіею причинами. Скопленіе опасныхъ и голодныхъ людей въ одной мѣстности, затрудняющейся ослаблять вражью силу прокормомъ и приютомъ, порожда-

етъ грабежи и разбои, теперь временно, періодически. Объ этомъ рассказано подробно въ своемъ мѣстѣ. Въ Сибири опасныхъ разбойниковъ и злодѣевъ сажали на цѣпь, а для этого, кромѣ всѣхъ каторжныхъ, существовала особая тюрьма въ Акатуй — одномъ изъ нерчинскихъ рудниковъ.

Переходимъ къ поджогамъ, какъ къ такому преступленію, которое часто имѣетъ отношеніе и къ смутнымъ временамъ извѣстныхъ мѣстностей, накопившихъ сибирскихъ бѣглыхъ, и нѣкоторыми корнями своими укрѣплено въ той же почвѣ бродяжества и изъ нее вырастаетъ.

ГЛАВА VII.

ПОДЖИГАТЕЛИ.

Причины поджоговъ.—Проявленіе ихъ.—Пожары городовъ и деревень.—Гдѣ нѣтъ поджоговъ?—Поджоги—дѣтское и женское преступленіе.—Поджоги въ Россіи.—Красный пѣтухъ.—Миценіе.

Поджоги или (какъ привыкли выражаться казенныя бумаги и лица, а за ними и сибирскія табели) зажигательство — одно изъ тѣхъ преступленій, причина которыхъ всего меньше опредѣлена. Ни при одномъ изъ всѣхъ другихъ не выразились до такой степени несостоятельность слѣдствій и безсиліе слѣдователей недавнихъ временъ, спутанныхъ и затрудненныхъ тѣмъ особеннымъ явленіемъ, что поджоги являлись періодически и въ нѣкоторые годы разомъ, массою случаевъ, приносятъ несчастье цѣлымъ мѣстностямъ, чаще всего въ одинъ и тотъ же годъ, и при этомъ значительно одна отъ другой удаленнымъ. Подозрѣвая въ такомъ явленіи обыкновенно результаты сильно возбужденнаго неудовольствія партій и политическихъ движеній, руководящихся поджогами, какъ средствомъ для возбужденія народа, — слѣдователи, въ своихъ исканіяхъ, наталкивались на цѣлый рядъ неодолимыхъ препятствій. Запутавшись въ нихъ, они обыкновенно никуда не выходили и, послѣ тщетныхъ исканій, являлись съ тѣмъ же, съ тѣмъ и ушли. Подозрѣніе какъ будто стало яснымъ; схвачены и виновные, но, на большую часть это — дѣти, которые опредѣленнаго ничего не говорятъ (и сказать не могутъ): дали имъ деньги, поджигательные снаряды и указали, гдѣ начинать. Кто эти заказчики, они не знаютъ, въ первый разъ видятъ. Эти дѣти въ большихъ городахъ, по большей части, кинутыя родителями, вкусившія плодовъ бродяжьей жизни или отбившіеся отъ мастеровъ-хозяевъ ученики, начавшіе изучать приемы и правила увлекательнаго ремесла бродягъ. Въ деревняхъ — это ни-

щѣ, проводники слѣпыхъ старцевъ, тоже подкупленные и тоже никого не знающіе. Поджигали они потому только, что ихъ юное, неопытное сердце не привыкло правильно различать добро отъ зла; пошли на преступленіе поджога, не давая себѣ въ томъ отчета; пошли потому, что ихъ приласкали, соблазнили, дали денегъ и пообѣщали всего, чего они залотать и чего ни попросятъ. Иногда ихъ ловятъ событиями въ шайкахъ (въ которыхъ безразлично попадаютъ и мальчики и дѣвочки), но при этомъ показанія ихъ еще запутаннѣе. Каждый противорѣчитъ одинъ другому и такъ, что представляется обширное поле для предположеній о томъ, на сколько подстрекатели и руководители тонко обдумывали каждый свой шагъ и ловко припрятали всѣ концы, по которымъ можно было бы доходить до нихъ. До нихъ и не дошли, ни во время ближайшее къ намъ, ни во время отдаленное (какъ, напримѣръ, въ 1848 году), когда сгорѣли цѣлые города (какъ Кострома, Орель и проч.). Сгорѣли они столько же и отъ несомнѣнныхъ и настойчивыхъ поджоговъ, столько же и потому, что всѣ, по стариннымъ приемамъ, стоятъ на горахъ, надъ водою, но далеко отъ воды (какъ, напр., всѣ, а Сибирскъ въ особенности). Не найдя виновниковъ по задачѣ — не ходили искать вѣдъ ея и въ скопленіяхъ опасныхъ людей, прибѣжавшихъ изъ Сибири, причинъ поджоговъ по вызову ищенія за преслѣдованія не искали. Народъ, знакомый съ такими дѣлами по опыту, заказалъ себѣ одно правило гостепріимства и укрываніемъ бродягъ и потворствомъ опаснымъ людямъ предотвра-

щает на время бѣды поджоговъ. Въ городахъ для этого меньше средствъ и охотниковъ и больше готоваго люда для исполненія, а потому здѣсь жгутъ тѣ шайки воровъ, которыя надѣются на суматоху пожаровъ, какъ на выгодное средство къ легкой, но богатой поживѣ. Въ деревняхъ причины поджоговъ выясняются больше и самое преступленіе возрастаетъ на то время, когда ко многимъ народнымъ бѣдствіямъ присоединяются частые и многочисленныя грабежи и когда чинятся разбои.

Поджигаютъ деревни всего чаще женщины. Поджоги являются такимъ преступленіемъ, которымъ какъ будто гнушается мужское населеніе, и не будь тутъ мальчиковъ (значительно восполняющихъ количество сосланныхъ за поджоги мужчинъ), этотъ видъ преступленій можно было бы назвать исключительно женскимъ. По сибирскимъ табелямъ ссыльныхъ такъ и выходитъ, что въ общихъ цифрахъ самая крупная принадлежитъ женщинамъ, осужденнымъ за поджоги; нигдѣ уже цифра женщинъ такъ не приближается къ цифрѣ мужчинъ (за девять лѣтъ 528 мужчинъ и 434 женщины). По процентному отношенію женщины также характеризуются въ ряду поджигателей со всею очевидностью правъ на подозрѣніе въ сильнѣйшей наклонности вымещать житейскія неудачи охотливѣе этимъ, чѣмъ, напримѣръ, даже убійствомъ мужей. При этомъ наибольшая пропорція принадлежитъ раннему возрасту (отъ 14 до 20 лѣтъ), когда преступная воля охотливѣе пускается на мщеніе путями болѣе легкими, какъ, напримѣръ, на этотъ разъ подбросить огонь и высмотреть къ тому болѣе удобное время и болѣе скрытое мѣсто. Даже и въ зрѣломъ возрастѣ простая русская женщина, увлекаемая порывами непосредственныхъ чувствъ и руководимая грубыми природными инстинктами, старается поджогомъ излить накопившую на сердцѣ злобу, высказать мщеніе за невѣрность любовника, за жестокое обращеніе мужа. Поджигаетъ она домъ соперницы, поджигаетъ домъ мужа, невѣста у жениха, измѣвившаго слову, обманутая сговорена у счастливой суженой и проч. Сибирскія табели высокимъ процентомъ поджигательницъ изъ дворовыхъ людей указываютъ на иную причину, переставшую въ настоящее время дѣйствовать, но прежде выдвигавшую это сословіе на первый планъ впереди крестьянъ, однодворцевъ и солдатъ (или собственно солдатокъ).

По отношенію къ различнымъ мѣстностямъ Россіи число поджигательницъ преобладаетъ въ губерніяхъ, гдѣ и по отношенію къ поджигателямъ цифра эта велика. Таковы прежде всѣхъ двѣ: одна малороссійская—Полтавская, другая полумалорусская—Черниговская. За ними непосредственно слѣдуютъ: Сибирская, ярко заявившая себя богатою по поджогамъ и въ

последнее время (въ девять лѣтъ съ 1838 по 1847 г. изъ Сибирской сослано 28 мужчинъ, 18 женщинъ; изъ Черниговской 24 мужчины, 14 женщинъ; изъ Полтавской 11 мужчинъ, 21 женщина). Изъ остальныхъ губерній чаще другихъ случались поджоги въ такихъ, которыя по преимуществу и гуще другихъ населены были крѣпостными людьми и могли быть названы помѣщичьими. Не было поджоговъ во всѣ наши девять лѣтъ ни въ одной изъ губерній сѣверныхъ (каковы: Архангельская, Олонецкая и Вологодская) и, вообще, во всѣхъ тѣхъ, гдѣ избытокъ народонаселенія принадлежалъ или казеннымъ крестьянамъ, или казакамъ, или инородцамъ. Въ Новороссійскомъ краѣ, гдѣ оказалось наибольшее количество бродягъ, значительная степень участія въ воровствахъ всякаго рода, грабежахъ и даже убійствахъ—самая слабая степень виновности въ поджогахъ: гостепримство тамъ еще въ той степени радушнаго настроенія, при которой нѣтъ мѣста для злобы и мщенія, и отношеніе женскаго пола къ мужскому, слабое по количеству, находится въ благопріятныхъ (мирныхъ и уступчивыхъ) границахъ. Рѣзче выясняется преобладаніе поджигательницъ въ Остзейскомъ краѣ, а въ преступномъ населеніи Закамья (губерніяхъ Оренбургской и Пермской) процентъ поджигателей самый низкій.

Въ Сибири хотя и существуетъ обычай у бродягъ мстить отказавшимъ въ пріютѣ краснымъ пѣтухомъ или поджогомъ, но случая эти настолько не выдаются, по сравненію съ таковыми въ Россіи, что, напримѣръ, въ перчинскихъ заводахъ въ десять лѣтъ (съ 1847 по 1857 г.) на 174 человекъ, присланныхъ за поджоги, не было ни одного такого, который оказался бы большимъ пироманіемъ или высланъ былъ вновь за такое тяжелое для сельскаго населенія злодѣяніе. Стало быть, страхъ поджоговъ теперь только тотъ призракъ, высматривающій изъ мрака далекихъ временъ, который для бродягъ становится духомъ-защитникомъ, а для туземцевъ покровителемъ, оправдывающимъ отвѣтственность передъ судомъ за укрывательство бѣглыхъ съ каторги и мѣсть поселенія. Въ десять лѣтъ (съ 1838 по 1847 г.) не было замѣчено ни одного поджигателя ни между арестантами, выпущенными въ Сибирь изъ Россіи, ни между каторжными, ни въ средѣ поселенцевъ. Поджоги въ Сибири такая же временная болѣзнь, какъ разбой и грабежъ шайками, и въ такомъ случаѣ немедленное и непремѣнное послѣдствіе этихъ двухъ родовъ злодѣянія. Между тѣмъ, и ссыльныя женщины бѣгутъ въ лѣса и на волю, не справляясь съ силою, испрашивая только согласія и позволенія у мужчинъ каторжныхъ; бѣгутъ немного (по три на годъ), но, опять-таки на новой своей родинѣ поджогами заниматься не любятъ.

Въ новомъ крупномъ положеніи ихъ все женщины, остаться въ безбрачїи. За мужемъ и согласно направляеть къ дѣятельности противоположныхъ свойствъ. Рѣдкой изъ нихъ не удается сдѣлаться матерью еще на дорогѣ; ни одной не привелось еще, за недостаткомъ и предубѣжанія.

Г Л А В А VIII.

ПРЕСТУПНИКИ ПРОТИВЪ ВѢРЫ.

(Святотатцы.—Преступность духовенства.—Гробокопатели.—Колдуны.—Богохуленіе.—Отступленіе и отвлеченіе отъ вѣры.—Ересь и расколъ.—Скопцы.—Церковные воры въ Сибири и Россіи.—Богрядскій-гробокопатель.—Распявшійся на крестѣ фанатикъ.—Скопцы въ Сибири.—Хлысты.—Хлыстовщина въ монастырѣ.—Субботники.—Духоборцы.—Щельники.—Охохонцы.—Молокане.—Старовѣры.—Масляниковъ.—Отшельникъ.—Алтайскіе старовѣры.—Семейскіе старовѣры за Байкаломъ.—Витвы за попа.—Часовенная Сибирь.—Духовенство въ Сибири.—Заводское духовенство.—Филипповъ.—Расколъ въ Сибири.—Причины его и развитіе.

Сибирь, какъ громадная тюрьма, вмѣщающая все наичисло количество пойманныхъ и осужденныхъ преступниковъ, могла бы, повидимому, давать данныя для повѣрки нравственнаго уровня Россіи, но на самомъ дѣлѣ этого не только нѣтъ, но и предположить какую либо возможность подобной повѣрки не представляется въ настоящее время никакихъ данныхъ. Въ Сибири записываютъ наличное число приходящихъ преступниковъ по такой же системѣ, по какой ведутъ счеты принятому товару въ пакгаузахъ, ограничиваясь отиѣткою времени приѣма, количества мѣстъ, и заботливо заносять въ книгу только номера тюковъ. О содержаніи принятаго и о другихъ любопытныхъ подробностяхъ не заботятся. Составляя образцы для книгъ старей подъячій, посѣдѣвшій на рутинныхъ приѣмахъ и высидѣвшій примѣтное равнодушіе и нескрываемую ненависть ко всему живому. Ко всему тому, что возбуждаетъ интересъ науки и служить ея достоинствомъ, у этого писца полнѣйшее неуваженіе и преднамѣренное недоверіе. Временами онъ уступалъ настойчивымъ требованіямъ и начиналъ записывать потолковѣе, но вскорѣ затѣмъ опять сводилъ на свое и снова писалъ зря, придерживаясь приѣмовъ старой рутинны и образцовъ, завѣщанныхъ его сдѣлами и отписывавшими свой вѣкъ предшественниками.

На этотъ разъ, такъ же какъ и въ тысячахъ другихъ случаевъ, въ столкновеніи интересовъ науки съ казенною практикою замѣчается обоюдный разладъ и огромное отчужденіе. Старый подъячій, разумеется, не догадался самъ и не былъ возбужденъ другими къ тому, чтобы остановиться и подумать, насколько примѣнимы къ дѣлу и пригодны для практическихъ и поучительныхъ выводовъ его длинныя и скучныя записи. Отсюда произошло то, что прежде онъ писалъ даже какъ будто толковѣе и, напротивъ, въ убійствахъ умѣлъ отдѣлать отцеубій-

ства, дѣтоубійства, убійства мужей женами, женъ мужьями,—затѣмъ все это сбилось въ одну кучу подъ фирмою умышеннаго убійства и успокоился, придумавъ отдѣлъ убійства случайнаго. Точно также писалъ онъ, для ускоренія акта писанія и для пущей темноты разумѣнія, всѣхъ преступниковъ противъ вѣры въ одну графу. Прежде отдѣлялъ онъ всѣ роды этого преступленія и зналъ число отступниковъ отъ господствующей вѣры и число отвлекавшихъ отъ нее, зналъ и различалъ святотатцевъ, колдуновъ и привявшихъ ложную присягу; отдѣлялъ богохуленіе и порицаніе вѣры и велъ отдѣльный счетъ разрытыми могилами. Перемудрило ли тутъ новое начальство, какъ не домудрило старое, оба, повидимому, руководившія высшими взглядами,—и теперь, за давностью, опредѣлять трудно и излишне. Результаты невыгодны тѣмъ, что къ такимъ уголовнымъ хроникамъ и статистическимъ выводамъ, къ какимъ пришли европейскіе криминалисты, у насъ легко и скоро не подойдешь. Ученныя общества съ одной стороны, а съ другой, казенныя учрежденія—это два незнакомца, случайно встрѣчающіеся на улицахъ и безучастно проходящіе мимо другъ друга, каждый своею дорогою. Въ Tobольскѣ, гдѣ принимали смыслныхъ и записывали ихъ преступленія, не могли указать, напримѣръ, на то, какія наичаще употребляются орудія для убійствъ, какое время предпочитали для кражъ, какіе способы мошенничества приняли господствующую форму, чтобы при случаѣ можно было обществу встать въ оборонительное и охранное положеніе. Не объясняютъ и въ Тюмени, что грабежи совершаются товариществами въ извѣстныхъ мѣстностяхъ наичаще всего, что разбои находятъ мѣсто и пищу себѣ при такихъ-то общественныхъ и экономическихъ условіяхъ и проч. Не говоримъ уже о мелкихъ, повидимому, частно-

стать, однако, серьезных настолько, что, например, Кетля сумел из них выработать вѣские и поучительные выводы, о которых мы нѣгди неоднократно случаи говорить.

Впрочемъ, Сибирь не въ состоянн представить мѣрку для нравственной оцѣнки Россн и потому еще, что существующн тамъ приказъ о ссыльныхъ ведетъ счетъ только тѣмъ преступникамъ, которые приговорены къ ссылкѣ въ Сибирь. Многие оставляются въ Россн по особннымъ соображеннмъ судовъ и администрацн. Остановливаясь на преступникахъ противъ вѣры, мы должны помнить, что для таковыхъ нѣбются мѣста заточеннй и въ Россн, каковы монастыри, между которыми тюрьмы при Спасо-Евфимьевомъ въ Суздаль и Соловецкомъ монастыряхъ занимали главное мѣсто. Извѣстную хлыстовскую богородицу Ульяну Васильеву, послѣднюю отрасль знаменитаго Даниила Филипова, перваго хлыстовскаго бога *), лица полумонашескаго, смирили монастыремъ (дѣвичьимъ) Пермской губернн; извѣстнаго пропагандиста старообрядцевъ Папулина — Соловецкнмъ заточеннмъ и т. д.

Въ расчетѣ на то, чтобы, до нѣкоторой степени, объяснить степень влннн каторги и ссылки на нравственные и религиозныя убѣжденн сосланныхъ въ Сибирь, мы останавливаемся на извѣстной намъ таблицѣ тобольскаго приказа, нѣбющей важное значенн потому, что она, во первыхъ, считаетъ сосланныхъ въ Сибирь, а во вторыхъ, считаетъ ихъ вѣрно, нѣсколько разъ пересчитываетъ и провѣряетъ. По этой таблицѣ, наказанные ссылкой грѣшники опредѣлились въ слѣдующнхъ числовыхъ отношеннхъ.

Самая крупная цифра принадлежатъ святотатцамъ, вторая—сосланнымъ за отступленн и отвлеченн отъ вѣры и третья—ссыльнымъ за богохуленн и порицанн вѣры.

Святотатцы въ большомъ числѣ завннались въ Сѣверо-Западномъ краѣ, гдѣ православнн, обезличенное унию, но не побѣжденное католичествомъ, должно было вести борьбу съ тою массою религиозныхъ предразсудковъ и суевѣрнй, которые достались тамошнему русскому народу въ наслѣдн отъ предковъ. Здѣсь, въ этой странѣ, во время давней борьбы о преимуществѣ господствующихъ исповѣданнй, въ которой народъ высказался (по сравненн съ малоросснйскнмъ) полнымъ равнодушнмъ, суевѣрня убероглись въ такой массѣ, въ какой они уже не являются нгдѣ въ русскомъ народѣ, населяющемъ громадную равннну Русскаго царства. У русскихъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ остатки народныхъ вѣрованнй настолько крупны и серьезны, что несомнѣнно обличаютъ древнее происхожденн отъ языческаго славян-

*) Существованн его, помимо хлыстовскнхъ преданнй, не доказано никакими историческими документами.

скаго культа, и до того многочисленны, что представляютъ вѣроятнн восстановнть эту древнюю славянскую языческую вѣру въ цѣльномъ видѣ. Когда въ Великой Россн тому же наслѣдн предстояло великое испытанн въ пропагандѣ монастырей и обезсилнлось, сверхъ того, оно отъ примѣчательной подвижности племени, дававшей возможность обнѣна вмѣстѣ съ продуктами и мыслей,—въ Вѣлой Россн изоднрованное положенн народа и его неподвижность на то же наслѣдн произвели противоположное влннн. Вѣлорусскнй народъ лучше сохранился въ прародительскомъ видѣ и бережно донесъ до нашего времени стародавннй до-хрнстнйскнй законъ предковъ. Вѣлорусскнй народъ умѣлъ отъ общенн съ инородцами смѣшать наслѣдство съ новыми прнобрѣтеннми и обезлнчить то, что у вѣлоруссовъ является почти въ безпрнмѣсномъ и цѣльномъ видѣ. Вѣлоруссы успѣли за вѣру и въ дѣла разбѣжаться, и въ ту же Вѣлоруссню кннуться, и Сибирью, и Новорусскнмъ краемъ, и Предкавказьемъ и Закавказьемъ быть наказанъ. Умѣлъ онъ броснться по дѣламъ вѣры и въ крайность мнстнцнзма (духоборцы), и въ крайность особаго и болѣе строгаго вида язычества (хлысты и скопцы). Попытался смѣннть вѣру отцовъ на обрядовую ветхозавѣтную (суботники) и на безобрядную вѣру послѣдннхъ трехъ вѣковъ (молоданы). Вѣлоруссы оставались неподвиженъ. Въ его прононшла борьба православнаго и римско-католическаго исповѣданнй, коснувшнсь его только въ той мѣрѣ, что, не обезлнчнвъ и мало обезлнчнвъ старую славяннцнну, является передъ нами законный и правнльный результатъ безразлнчнн и холодности. За отступленн отъ вѣры и совращенн, за ересь и расколъ—нѣтъ ни одного ссыльнаго; за святотатство—самое большое число. За это преступленн шли именно изъ тѣхъ губерннй, гдѣ больше всего, въ послѣднее время, велась католическая пропаганда, успѣвшая охладнть въ глазахъ нетвердаго въ хрнстнйскнхъ догматахъ народа все то, что дорого истннно вѣрующему вообще на Руси, отъ храмовъ и церковнаго имущества до могилъ умершихъ и ихъ погребальныхъ савановъ. Въ девять лѣтъ (съ 1838 по 1846) за святотатство сослано было изъ западныхъ губерннй 124 муж., 24 жен., т.-е. почти 1/2 часть количества всѣхъ сосланныхъ изъ всей Россн по отношенн къ мужчинамъ (124 на 389 чел.) и почти 1/2 по отношенн къ женщинамъ (24 на 53). При этомъ Виленская губернн дала 29 м., 12 ж., Минская 24 м., 6 ж., Внтебская 22 м., 4 ж., Подольская 26 м., съ тѣмъ, можетъ быть, „ослабляющнмъ вину обстоятельствомъ“, что на этотъ разъ святотатство обезлнчивается до извѣстной степени въ простое воровство и тѣмъ болѣе въ этой странѣ, гдѣ безчисленныя дѣ-

шенія и повсюдная бѣдность разлиты въ примѣчательномъ обиліи среди загнаннаго и угнетеннаго народа. Неурожай—ежегодное явленіе въ той или другой мѣстности лѣсного и морскаго края. Урожай, кромя немногихъ счастливыхъ оазисовъ, даютъ такое количество сбора, который всегда недостаточенъ для прокормленія мѣстнаго населенія, съ давнихъ временъ знакомаго со множествомъ хлѣбныхъ суррогатовъ *).

Странный родъ преступленія, каково разрытіе могилъ, явившееся въ немногихъ случаяхъ съ объясненіемъ („ограбленіемъ мертвыхъ тѣлъ“), увело жертвъ народнаго суевѣрія, жертвъ ничтожныхъ по общей численности (12 человекъ въ 9 лѣтъ), также въ большинствѣ изъ западныхъ губерній (по 3 человекъ изъ Гродненской и Киевской, 2 изъ Витебской и 1 изъ Волынской). Цифры эти, указывая, такимъ образомъ, на существованіе особаго промысла воровъ, имѣющаго въ понятіи великорусскаго народа значеніе святотатства, въ то же время свидѣтельствуютъ и о крайней его исключительности, а по отношенію къ Сѣверо-Западному краю принимаетъ онъ особый характеръ, чѣмъ въ Великой Россіи, неизмѣнный до нашихъ дней.

Уголовныя характеристики сумѣли указать на основной принципъ, руководящій этимъ преступленіемъ, и отдѣлили изъ общаго числа преступниковъ тѣхъ, которыхъ побудила корысть и стяжаніе одежды и украшеній, полагаемыхъ во гробъ по прадѣдовскимъ обычаямъ, отъ тѣхъ, которыхъ увлекало къ преступленію странное и печальное суевѣріе. Тогда въ понятіяхъ опредѣлялись оба вида. Въ Россіи тогда выяснялся на этомъ преступномъ промыслѣ солдатъ-дезертиръ, испортившіяся въ казармѣ и оголодавшій въ бѣгахъ, дѣйствовавшій преступно въ тѣхъ губерніяхъ (каковы, по нашимъ даннымъ, Казанская, Пермская и Пензенская), гдѣ инородцы, а особенно татары, любили снабжать гробы и гробы умершихъ самыми дорогими одеждами и украшениями. Такъ точно, и тогда же, приметъ это преступленіе другой видъ по отношенію къ губерніямъ сѣверо-западнымъ, гдѣ поводомъ къ преступному дѣйствию служить суевѣріе, основанное либо на мистической необходимости,

*) Сибирскія табели и въ послѣдующіе годы продолжаютъ увеличивать число святотатцевъ на сторону тѣхъ же губерній. Возьмемъ на выдержку: въ 1854 году сослано 10 изъ Гродн., 9 Минск., 6 Весс. обл., 5 Киевск.; въ 1855—8 Вит., 10 Минск.; то же самое открывается и по сравненіи цифръ за 20 лѣтъ (съ 1827—46 гг.), которое приводитъ къ тому главному выводу, что по всей Россіи нигдѣ святотатство не развито такъ сильно, какъ въ губ. Минской (58 м., 8 ж.) и Витебской (42+7), Московск. дала 53+2, Владим. 41+7, Киевск. 46+4, Костр. 28+2, Новгор. 29+2. За то, какъ во всѣхъ этихъ губерніяхъ западнаго края, такъ равно и малороссійскихъ, процентъ сосланныхъ за чисто-религіозныя преступленія замѣчательно слабъ, даже ничтоженъ.

выкопавъ трупъ, отнять голову, чтобы обнести ее кругомъ селенія для прекращенія скотскаго падежа на тотъ случай, если не рѣшится какая нибудь женщина голою объѣхать верхомъ на лошади вокругъ деревни. Либо суевѣріе основывается на приготовленіи свѣчи-невидимки, которая дѣлаетъ лицо, приготовившее свѣчу, невидимымъ для тѣхъ, кого оно вздумаетъ обворовать, и которую необходимо готовить именно изъ жира умершаго колдуна, съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ сложныхъ, но исполнимыхъ, мистическихъ приготовленій и обрядовъ.

Взаимное недоразумѣніе, обоюдный обманъ (суевѣрнаго грушника) сумѣли выгородить этихъ преступниковъ, ожидающихъ лекарства отъ церкви и, на худшій конецъ, отъ больницы психіатра, чтобы сослать въ Сибирь вмѣстѣ съ ними и такихъ людей, на судьбѣ которыхъ снова встрѣтились обманъ и вѣра въ черта и всякую нечистую силу. Въ сибирскихъ табеляхъ явились колдуны.

Колдовство признано за преступленіе, обрекающее на изгнаніе и предполагающее въ ссылкѣ исцѣленіе. Въ этомъ случаѣ что нибудь изъ двухъ: или мы настолько просвѣтились, что стали различать врача-шарлатана отъ настоящаго мастера своего дѣла, или вѣрнимъ черту, съ которымъ спознался чародѣй-колдунъ. Конечно, такъ называемый колдунъ не имѣетъ возможности украшать свою приемную предметами вовсе ненужными, но возбуждающими уваженіе и довѣріе въ пациентъ. Тѣмъ не менѣе, не можемъ отрицать, что въ большинствѣ этого рода шарлатановъ живетъ глубокая вѣра въ собственную силу, исходящую изъ личнаго убѣжденія и укрѣпляемую постояннымъ довѣріемъ массы. Едва ли подобный человекъ больше шарлатанъ и обманщикъ, чѣмъ тѣ, которые изрѣдка налетаютъ къ намъ изъ Европы; едва ли онъ не настолько же убѣжденъ въ себя, какъ и всѣ остальные убѣжденные и убѣждаемые въ своемъ врачебномъ знаніи. На самомъ дѣлѣ, колдунъ—представитель той медицины, которая извѣстна была древнимъ и перешла къ русскимъ отъ шамановъ, называвшихся въ старину „волхвами“ и „кудесниками“. „Колдунъ“—лекаръ, у котораго большая часть лекарствъ дѣйствуютъ какъ симпатическія средства и ни одно изъ нихъ не крушитъ болѣзнь безъ таинственной обстановки и многосложныхъ суевѣрныхъ обрядовъ. Нонятно, что попалъ онъ въ Сибирь потому, что плелъ на себя въ судѣ напраслину, которую самъ не считалъ таковою, и не жалѣлъ себя, падя прежнюю славу и будущую славу послѣдователей и товарищей. Попался онъ потому, что не былъ такъ ловокъ, какъ другіе, и подвернулся подъ ударъ судьбы на время случайныхъ народныхъ бѣдствій, когда народъ его околотка, озлобленный несчастьями неурожаевъ и повальныхъ бовѣзней и растеряв-

пійся отъ нихъ, вышелъ изъ себя, измѣнилъ себя до того, что предалъ нужнаго человѣка въ руки казенныхъ судей и на судъ уголовныхъ законовъ. Впрочемъ, такихъ случаевъ было немного и колдуновъ все-таки берегаеъ народъ про себя.

По приговорамъ прежнихъ судей, въ числѣ другихъ преступниковъ, ушедшихъ въ Сибирь за преступленія противъ вѣры, меньшее количество налоеъ выпало за богохульство и порицаніе вѣры (въ 9 лѣтъ 21 чел.), нѣсколько больше (31) за отступленіе и отвлеченіе отъ вѣры, и всего больше (59) сослано за ересь и расколъ. По первому роду самое большее число шло изъ губерніи Пермской. По второму виду религиозныхъ преступленій (отступленіе и отвлеченіе отъ вѣры) цифра представляется большою на сторонѣ мужчинъ и ничтожною на сторонѣ женщинъ (хотя, на самомъ дѣлѣ, бываетъ наоборотъ), а въ общемъ цифра явилась одною изъ самыхъ малыхъ по сравненію съ иными по вѣрѣ другимъ родамъ. Повсюдныя факты говорятъ противное и сибирскую цифру можно объяснить тѣмъ, что изъ отступниковъ шли сюда только тѣ, которые жили въ мѣстностяхъ, издавна пользующихся какъ бы привилегіею, по дѣламъ вѣры, на ссылку въ Сибирь. Оттого крупнѣе цифра явилась на губерніяхъ Тифлисской и Ставропольской, какъ такихъ, которыя предназначены были правительствомъ для поселенія всякаго рода сектаторовъ. Объясилась величина цифры (хотя, сравнительно, меньшая) въ губ. Тамбовской (въ которой, прежде другихъ, обнаружались молокане) и Таврической (куда перевело правительство всѣхъ замолочанившихся, духоборцевъ и суботниковъ, поселивъ ихъ въ Мелитопольскомъ уѣздѣ, на урочищѣ „Молочныя Воды“). Пойманы вѣроотступники и въ землѣ черноморскихъ казаковъ, гдѣ сильно бродитъ религиозная пропаганда. Сосланы увлеченные и увлекавшіе изъ губ. Симбирской, куда устремилось молоканство, до сихъ поръ путешествовавшее по степямъ, и изъ Тобольской, гдѣ на всякое увлеченіе и на всякое преступленіе всегда находится не одинъ отвѣтчикъ.

Третій родъ религиозныхъ преступленій, расколъ и ересь, отвѣчаетъ цифрами тому же обязательству, какъ и предъидущій видъ: больше шло изъ губерній, населенныхъ сосланными изъ Россіи за измѣну господствующей вѣрѣ (каковы губерніи Таврическая, Казанская и закавказскія) и, разумѣется, на большей свободѣ и при вполне очищенной изгнаніемъ совѣсти, не переставшихъ выяснять себя и разсказывать другимъ любопытныя истины новой вѣры. Явились въ Сибирь по такимъ дѣламъ люди болѣе зрѣлыхъ лѣтъ, приобрѣвшіе большую сосредоточенность и самоуглубленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательную стойкость и крѣпость въ

тѣхъ нравственныхъ убѣжденіяхъ, которыя, ба утѣшеніе старости, выработались въ начала, очищающія совѣсть и поддерживающія духъ. Большая часть людей, поплатившихся за свои религиозныя вѣрованія и убѣжденія лишеніемъ правъ состоянія и ссылкой въ Сибирь, принадлежали по возрасту къ людямъ свыше шестидесяти лѣтъ, который рѣдко уже замѣчается виновнымъ въ другихъ, болѣе важныхъ и дѣйствительныхъ преступленіяхъ, а по сословію къ купцамъ—сословію, занимающему по вѣрѣ другимъ родамъ преступленій самое отдаленное мѣсто съ примѣчательно некрупоною цифрою. Ересь и расколъ, совращеніе и отступленіе отъ вѣры—какъ будто привилегированныя купеческія преступленія. Процентъ сосланныхъ за вѣру купцовъ значительно превосходить всѣ другія сословія *).

Оскопленіе, какъ крайній результатъ извѣстныхъ религиозныхъ убѣжденій скопческой секты, по самой исключительности своей не можетъ быть объясненъ сибирскими цифрами. Ссылали этихъ „божьихъ людей“ и на Аландскіе острова, и за Кавказъ и въ Сибирь одновременно. Шли въ Сибирь тѣ прозелиты, которымъ удалось оскопить другихъ, повѣрившихъ живому Богу, живущему въ городѣ Иркутскѣ, въ сибирской сторонѣ, а шли, разумѣется, оттуда больше, куда были высланы скопцы изъ Россіи. Такъ и по нашимъ табелямъ, наибольшее число „оскопившихъ себя“ и „оскопленныхъ другими“ вышли изъ Закавказскаго края и Новороссійскаго (губ. Херсонской и Таврической) **). Всѣ эти прозелиты ушли либо на рѣку Енисей въ Туруханскій край, либо на Лену въ Якутскій. Скопился чаще солдатъ и мѣщанинъ и всего меньше — крестьянъ; большое число оскопившихся людей ушло въ холодныя

*) Сибирскія табели собственно по дѣламъ старобрядства—плохой судья. Съ 1831 года, по случаю увеличенія раскола, перестали ссылатъ преступниковъ этого рода. Въ послѣдніе годы передъ этимъ запрещеніемъ по цифрамъ табелей замѣтно было сильное распространеніе раскола въ Воронежской губ., Рязанской, Пензенской, Тамбовской и Орловской. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что это увеличеніе произошло не въ сторону старовѣровъ, уживающихся преимущественно въ лѣсныхъ и сѣверныхъ губерніяхъ, а въ сторону нововѣровъ (сектъ рационалистовъ), которые наиболѣе облюбили степныя и южныя губерніи. Въ этомъ отношеніи враждебныя вѣроисповѣданія приняли противоположное географическое направленіе другъ другу, какъ бы предвѣтренно условившись между собою въ отмежеваніи мѣстностей.

**) Въ концѣ 20-хъ гг. нынѣшняго столѣтія изъ великорусскихъ губерній сильнѣе скопцами губ. Орловск. (съ 1823 по 1831—55); Тамб. (50), Курскія (46) и Калужская (35)—мѣста преимущественнаго религиознаго движенія хлыстовщины до скопчества, отъ духоборства до молоканства. Самый основной и древній пунктъ хлыстовщины, Костромская губ., выразилась также и скопцами (20).

тундры и самыя неудобныя сибирскія мѣста, изъ инородческихъ племенъ—изъ племени финновъ (или, попросту, чухонцевъ) по преимуществу. Множество скопцовъ убѣжало изъ Россіи и за австрійскую границу. Одинаково осклопiali бо младенцевъ, скопились и въ молодые и въ зрѣлыя годы, мужчины и женщины безразлично и почти въ такихъ же взаимныхъ числовыхъ отношеніяхъ *).

Совсѣмъ другими свойствами отличается тотъ видъ преступленій противъ вѣры, который вель грѣшниковъ прямо на каторгу, въ нерчинскіе рудники и который называется святотатствомъ. Церковные воры, за исключеніемъ губерній сѣверо-западнаго и юго-западнаго края, въ русскихъ губерніяхъ попадались въ большомъ числѣ, конечно, тамъ, гдѣ древняя Русь настроила большее количество церквей и монастырей, богаче украсила ихъ отъ избытка собственныхъ денежныхъ богатствъ и гдѣ, такимъ образомъ, при обиліи соблазна для голодной гольтыбы укрѣпился грѣхъ святотатства. Онъ, въ сибирскихъ табеляхъ ссыльныхъ, сдѣлался судьбою, какому-то виду неизлечимой и постоянной болѣзни; последовательно и настойчиво повторялся въ губерніяхъ: Владимирской, Кіевской, Черниговской, Московской, Костромской, Нижегородской и Новгородской. Не выразились только Ярославская и Тверская, поступающіяся значительнымъ числомъ своего населенія для дальнихъ отхожихъ промысловъ **).

Шли въ Сибирь за воровство церковнаго имущества изъ всего множества русскихъ сословій, преимущественно и почти исключительно три: одно, ближе стоящее къ церкви, и два, ставшія отъ нее примѣчательно дальше другихъ. Такъ, напримѣръ, лица духовнаго званія, причастныя въ примѣтной степени преступленію воровства—кражи и рѣже воровства—грабежа, упорно отстаиваютъ за собою въ ежегодной цифрѣ

*) Между преступленіями противъ вѣры указана въ табеляхъ графа для сосланныхъ за «ложную присягу», но графа эта только разъ оживлена была преступниками этого рода (съ 1846 г. сосланы были изъ Ковенской губ. 1 муж. и 1 жен.), не смотря на то, что подобное преступленіе, въ прежней судебной практикѣ, являлось дѣломъ обычнымъ. Всѣмъ памятенъ обычай очистительной присяги, всенародно, при звонѣ колоколовъ. Цѣлой Москвѣ памятенъ тотъ случай, когда завѣдомо всѣмъ виноватый, сходилъ подъ колокола и не устыдился, а за это—какъ извѣстно по народнымъ примѣтамъ—до седьмого колѣна не смывается съ потомъ вѣхъ грѣхъ «ложной присяги».

**) Женщины по отношенію къ мужчинамъ, въ общемъ числѣ святотатцевъ, составляютъ 1/4 часть. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, последовательно за всѣ годы, высланы были одни только мужчины (изъ Моск., Новгор., Воронежск., Перм., Подол., Тифл. и Оренб.). Западные губерніи отличаются также довольно значительнымъ процентомъ церковныхъ воровъ; губерніи Витебская и Минская сильно выдаются впереди всѣхъ другихъ.

тотъ видъ этого рода преступленій, который извѣстенъ на юридическомъ языкѣ подъ именемъ святотатства. Въ равной степени падаетъ этотъ грѣхъ и на священнослужителей и на церковнослужителей, если принять въ расчетъ то, что число причетниковъ въ общей сложности превышаетъ вдвое количество священниковъ и дьяконовъ *).

Изъ двухъ остальныхъ сословій оба, искусственно водворены на русской почвѣ и оба не обезпечены въ экономическомъ отношеніи: одинъ пролетарій безъ земли, другой безъ всякой собственности, раздѣлили съ духовенствомъ преступленіе церковнаго воровства между собою. Связъ такимъ образомъ, всю вину обвиненія въ преступленіи съ русскаго простого народа, они оказались между собою въ тѣхъ количественныхъ отношеніяхъ, по которымъ ясно, что цифра святотатцевъ, послѣ духовенства, всею тяжестью своею тотчасъ падаетъ на солдатъ, а затѣмъ на мѣщанъ. Вѣроятіе святотатства для крестьянъ въ 40 разъ слабѣе, чѣмъ для духовенства. Въ числахъ эти отношенія, за наши 9 лѣтъ, выражаются такъ:

Лицъ духовнаго званія. 104 муж.

Солдатъ служащихъ и

отставныхъ. . . . . 87 „ 2 женщ.

Мѣщанъ. . . . . 51 „ 5 „

Для духовенства вѣроятіе тяжкаго грѣха церковныхъ кражъ составляетъ исключительную особенность наравнѣ съ преступленіями по службѣ чиновниковъ.

По отношенію ко всѣмъ другимъ родамъ преступленій, совершенныхъ этими тремя сословіями—святотатству у духовныхъ и мѣщанъ принадлежитъ третье мѣсто, у солдатъ же оно занимаетъ пятое (убійства, побѣги, воровство, грабежи и — святотатство). Само же духовенство, по проценту для тяжкихъ преступленій, занимаетъ самое видное мѣсто; за исключеніемъ его, по другимъ родамъ, духовенство встаетъ на самое дальнее, превосходя только купеческое сословіе. Попады и поповны тутъ ни въ чемъ не повинны, точно такъ же какъ и всякая другая преступность въ нихъ замѣчательно слаба.

Въ періодъ послѣдующаго десятка лѣтъ (съ 1 янв. 1841 по 1 янв. 1857) въ нерчинскіе заводы поступило рабочихъ, сосланныхъ за святотатство—72 и за осклопленіе—7. Послѣдуюема суда за ними по нашей задачѣ и ради вопроса о томъ, что происходитъ съ этими ссыльными тамъ, на каторгѣ: остаются ли они при своемъ, исправляются или больше портятся?

Самое собою разумѣется, что, съ уничтоженіемъ основныхъ поводовъ и вызывающихъ причинъ

*) Такъ, въ 1845 г. сослано за святотатство священнослужителей 9, церковнослужителей 11, въ 1844 г. священниковъ и дьяконовъ—7, причетниковъ—15, и т. д.

или съ ослабленіемъ питательныхъ соковъ,— преступленіе уничтожается вовсе или ослабѣваетъ количествомъ жертвъ. Вѣрно также и то, что ссылка, со своими рѣзкими, рѣшительными и грозными послѣдствіями, производятъ съ преступниками то, что они или, оглушенные и озадаченные крутымъ бытовымъ переворотомъ и крупнымъ житейскимъ несчастьемъ, зарекаются на новыя преступленія, или, въ крайнемъ случаѣ испорченности и забалованности, дѣлаются болѣе осторожными и опытными. Въ ссылкѣ, какъ извѣстно, существуетъ признанная законами и весьма возлюбленная ссылными форма, нравственное значеніе которой состоитъ въ томъ, что совершившій преступленіе и умѣвшій спрятать его, можетъ высказаться потомъ подъ видомъ бродяги, не помнящаго родства. На огромную массу людей этого званія, не безъ нѣкотораго практическаго основанія, возлагается участие въ не объясненныхъ и не открытыхъ преступленіяхъ. Тѣмъ не менѣе, въ числѣ ссылныхъ, завиняемыхъ въ Сибири за новыя и различныя преступленія, исчезаетъ видъ богототупниковъ, еретиковъ и раскольниковъ, какъ бы въ силу того, что разъ содѣянный фактъ подобнаго рода не имѣетъ возможности повториться. За преступленія противъ вѣры и даже за такой видъ ихъ, какъ святотатство, въ нерчинскихъ заводахъ, въ числѣ вновь осужденныхъ, не указано ни одного въ теченіи десяти лѣтъ (1847 по 1857 г.), а въ теченіи предыдущихъ девяти (съ 1837 по 1846) на всю Сибирь, изъ всего числа каторжныхъ, указанъ виновнымъ въ святотатствѣ только одинъ, изъ числа поселенцевъ 5, изъ арестантовъ, выключенныхъ изъ арестантскихъ ротъ военнаго и гражданскаго вѣдомства, только 2. Конечно, на этотъ фактъ должно было имѣть значительное вліяніе то обстоятельство, что Сибирь примѣчательно скудно надѣлена церквами. Въ часовой Сибири святотатства, конечно, лежала болѣе торная дорога къ другимъ преступленіямъ и полнѣйшая возможность (по силѣ народной пословицы, гласящей, что „разъ украдь—на вѣки воромъ сталъ“) уйти на воровство съ болѣе широкими (а не специальными) примѣненіями и исчезнуть въ цифрѣ осужденныхъ вообще за похищеніе чужой собственности. Таковыхъ въ тѣ же десять лѣтъ въ однихъ нерчинскихъ заводахъ только уличено и осуждено 201 человекъ, а по всей Сибири за 9 лѣтъ предыдущихъ суждено за явное воровство изъ каторжныхъ 34, изъ бродягъ 476, изъ поселенцевъ 144 и изъ арестантовъ 30, всего 684 человекъ. По другимъ родамъ вѣропреступныхъ дѣйствій, исчезнувшихъ сами собою на каторгѣ, за неимѣніемъ пищи и поводовъ,— живая присяга потеряла свою силу, конечно, потому только, что законъ воспрещаетъ ссылнымъ всякое формальное клятвенное обѣщаніе

и не допускаетъ ихъ ни до какой присяги. Точно также всѣ русскіе колдуны очутились бы въ Сибири не у дѣлъ уже потому, что тамъ и своихъ довольно, въ видѣ шамановъ съ одной стороны и бурятскихъ ламъ—съ другой, изъ которыхъ послѣдніе готовы полечить, а первые полѣчить и покуситься. За то нерчинскія архивныя и казенныя хроникі сохранили слѣдующій случай въ отвѣтъ на вопросъ объ исправленіи сосланныхъ за разрытіе могилъ и воровство положенной въ гробы съ мертвыми тѣлами одежды.

Нѣкто Богрядскій (судя по фамиліи, уроженецъ тѣхъ мѣстъ, на которыя мы указали въ началѣ статьи и которыя, по преимуществу, усвоили себѣ этотъ видъ страннаго воровства) сосланъ былъ на каторгу и помѣщенъ въ работы на Селенгинскій солеваренный заводъ (давно не существующій). Здѣсь онъ завялся грабежомъ мертвыхъ въ могилахъ и за то былъ наказанъ кнутомъ и переведенъ на нерчинскій заводъ, на глаза духовнаго и гражданскаго начальства, такъ какъ въ заводѣ этомъ—центральномъ пунктѣ мѣстнаго административнаго управленія—гражданскія и военныя власти организовались въ цѣлое правленіе, а духовныя—въ соборъ. При нерчинскомъ заводѣ Богрядскій сидѣлъ въ тюрьмѣ. Въ тюрьмѣ онъ снова задумалъ тотъ же промыселъ и на помощь себѣ и въ участники наживы успѣлъ подговорить товарищей. Для успѣха предпріятія онъ днемъ часто посѣщалъ тюремный госпиталь и тщательно осматривалъ всѣхъ умершихъ; ночью, „обѣгая скрытно изъ тюрьмы“, выходилъ на промыселъ, т. е. разрывалъ могилы и обиралъ съ покойниковъ все до послѣдней нитки. Въ могилахъ иногда ошибался по причинѣ ночной темноты. Разъ разсчитывалъ попасть на могилу горнаго служителя, а попалъ на могилу ссылнаго: „ободравши рубаху—видѣлъ знаки на спинѣ отъ наказанія“. Успѣлъ разграбить пять могилъ. На послѣдней попался и указалъ на товарища Полещука (необлыжнаго бѣлоруса и вѣроятнаго земляка), „который умѣлъ сбывать краденныя вещи заводскому служителю, любившему принимать все краденное и платившему за то наличными деньгами“. Деньгами Богрядскій и Полещукъ користовались; вотъ единственная цѣль преступленія и единственное объясненіе его, которое дали виновные на судѣ въ заводѣ.

Такимъ образомъ, тамъ, гдѣ замѣшался фанатизмъ, проявилась болѣзнь своего рода, монomanія, гдѣ, словомъ, замѣшалась твердая и настойчивая воля, желающая дѣйствовать по личнымъ убѣжденіямъ, хотя бы и ошибочнымъ,— тамъ каторга въ полной несостоятельности, и она уже не только не лекарство, но даже еще одна изъ предрасполагающихъ причинъ.

Когда-то (впрочемъ, не такъ давно) во Владимирской губ. фанатикъ сжегъ свой домъ

и въ немъ собственныхъ малютокъ, предварительно зарѣзанныхъ имъ ножомъ на горѣ за селеніемъ. На допросахъ онъ хладнокровно показывалъ, что поступилъ такъ, начитавшись Библии, и совершилъ дѣтоубійство по образцу Авраама, приносящаго въ жертву Богу сына своего Исаака. Въ то время, когда онъ кололъ ножомъ, жена его, мать малютокъ, говорила слово, молитвенно объяснявшія цѣль закланія. Дѣтоубійца этотъ былъ нѣкто Никитинъ. И вотъ, въ Средней Борзѣ на Аргунн живеть старичекъ у тамошнихъ казаковъ въ работникахъ, сосланный изъ Россіи и то же Никитинъ; поживеть у одного, поработаетъ у другого, вскорѣ непосѣдиво бредеть работать на третьяго, по праву и званію выпущеннаго на пропитаніе. Вопреки всѣмъ аргунскимъ казакамъ, онъ былъ человѣкъ трезвый, вопреки всѣмъ поселенцамъ—послушливымъ и не сварливымъ; въ отъѣзду ото всѣхъ сибиряковъ—человѣкомъ набожнымъ и начитаннымъ. Начитанъ онъ былъ такъ, что всѣ дивились тому и оказывали почетъ и уваженіе. Всѣ свободные дни отдавалъ онъ чтенію Библии и при всякомъ случаѣ и со всякимъ любилъ говорить о божественномъ. Не въ мѣру былъ онъ этимъ докучливъ, не въ мѣру во все другое время былъ угрюмъ и задумчивъ. Думали, что онъ человѣкъ какой нибудь русской секты: все хулилъ церкви, все говорилъ о алѣ, въ нихъ царствующемъ. Между тѣмъ, чѣмъ больше читалъ онъ, тѣмъ угрюмѣе становился: пересталъ ходить въ компаніи, избѣгалъ шумныхъ и людныхъ собраній, началъ дичать и уединяться. Все это было всѣмъ видно, но всѣмъ непонятно, отчего сталъ чаще уходить въ лѣсъ чудной старичекъ и подолгу тамъ оставаться. Вскорѣ объяснилось дѣло, а объясненія его пастухи-ребятишки, привлеченные стопами къ часовнѣ и натолкнувшіеся въ ней на невиданное диво. На томъ крестѣ, который самъ Никитинъ вкопалъ въ землю и въ которомъ видѣвшіе его не видѣли ничего страннаго, такъ какъ дѣло это въ Сибири за обычай,—на крестѣ этотъ, подъ навѣсомъ въ часовенкѣ, висѣлъ человѣкъ. Голова въ терновомъ вѣнцѣ склонена была на бокъ, въ крѣпкій морозъ висѣлъ онъ голымъ, только подпоясавъ низъ живота бѣлымъ платкомъ. Въ боку была рана, все тѣло было обито и забрызгано кровью. Подъ крестомъ лежало копье и валялись орудія Христовыхъ страстей. Когда сбѣжавшіеся люди сняли распятаго съ креста, онъ былъ еще живъ. Когда въ нерчинскомъ заводскомъ лазаретѣ его вылечили и призвали къ допросу, Никитинъ отвѣчалъ что жертвовалъ собою за грѣхи людскіе и выбралъ для того вечеръ великой пятницы. Распиналъ себя самъ, хотя и трудно ему было, но передъ тѣмъ онъ долго молился. Сначала онъ прибилъ къ кресту ноги правою рукою, придерживаясь лѣвою за поше-

речное древко креста, потомъ лѣвою рукою насадилъ на большой гвоздь, вбитый предварительно съ задней стороны поперечной доски. То же самое хотѣлъ сдѣлать и съ правою рукою, да совсѣмъ измѣнили силы: онъ ослабъ и повисъ. Такъ съ опущенною рукою онъ и найденъ былъ пастухами. „Захотѣлось умереть, какъ умеръ Христосъ за людей, и тѣмъ угодить Богу“ *).

На этомъ стремленіи угождать Богу по собственнымъ способамъ (въ самыхъ исключительныхъ и рѣдкихъ случаяхъ) и по тѣмъ образцамъ, которые завѣщаны и указаны св. отцами (и это всегда), остановились всѣ тѣ ссыльные, которые сосланы сюда за „расколъ и ересь“. Начнемъ съ сектаторовъ, ссылаемыхъ въ Сибирь съ большою готовностію и постоянствомъ.

Говорить про скопцовъ много не приходится; разумѣется, въ ссылкѣ они остались тѣми же самыми фанатиками. Для нихъ возврата не можетъ быть никакого. Крупный и рѣшительный актъ совершенъ—остается исполнять обязательные при немъ обряды, чтобы не утратить сочувствія единовѣрцевъ, умѣющаго высказываться въ замѣчательно единодушной денежной помощи, которую не забываютъ и въ енисейскихъ деревняхъ, вблизи Туруханска, и въ приленскихъ, за Якутскомъ. Несомнѣнно пользовались тѣми же самыми денежными присылками и тѣ, которыхъ судьба отдѣлила отъ прочихъ и послала за Байкалъ. Мы лично были свидѣтелями (въ петергофской тюрьмѣ) того холоднаго равнодушія и поразительнаго безстрастія, съ какими нашли мы скопцовъ (въ 1861 году) наканунѣ того дня, когда имъ приходилось идти изъ тюрьмы въ холодныя и суровыя мѣста дальней Сибири. Ни сожалѣнія, высказанныя нами, ни свѣденія, какими мы готовно дѣлились съ ними, ни совѣты на дорогу, имѣвшіе цѣлью руководить ихъ первыми шагами на чужбинѣ,—ничто не озабочивало и не трогало ихъ. Они какъ будто въ какомъ-то оступѣніи готовились на предстоящую борьбу со ссылкой, и притомъ видно было, что ей не сломать ихъ характера и не поколебать ихъ рѣшимости. Намъ казалось тогда, что это люди, выступающіе на битву съ огромнымъ запасомъ силъ, что передъ этими героями самое тяжелое изъ наказаній (какова ссылка) объявится въ полнѣйшемъ ничтожествѣ и крайней неприѣмимости: все равно, жили здѣсь, поживемъ и тамъ. Они тяготились однимъ и жаловались и просили объ одномъ—чтобы ихъ скорѣе отравили: зачѣмъ жить въ теневой, свѣтлой и чистой тюрьмѣ и подъ бокомъ богатыхъ благодѣтелей, когда судьба судила идти въ негосте-

*) Никитина сослали въ Иннокентьевскій монастырь, подъ Иркутскомъ, на покаяніе, откуда снова возвратили за Байкалъ и поселили въ Нерчинскѣ, гдѣ онъ еще живъ былъ въ 50-хъ годахъ.

примыны, мерзлыя пустыни, въ сосѣдство полу-
дикихъ, полуголодныхъ тунгусовъ и юравовъ? За то во
время путешествія по русскимъ и сибирскимъ
этапамъ вездѣ готовится имъ встрѣча отъ такихъ
же дряблыхъ, съ морщинистыми лицами, съ писк-
ливымъ птичьимъ голосомъ почитателей Петра III
и Селиванова. Всякую арестантскую партію не-
избынно встрѣчаютъ скопцы въ городахъ и се-
леніяхъ, выходящіе посмотреть: вѣтъ ли кого
нибудь изъ „голубей“, чтобы надѣлать ихъ
деньгами.

Отправляются туда скопцы не безъ запасовъ
настоящихъ, не безъ надеждъ на будущіе и, во
всякомъ случаѣ, съ вѣрою въ свое призваніе
и съ твердою увѣренностью, что именно въ
этихъ-то страданіяхъ выражается для нихъ,
подъ видомъ мученичества, одинъ изъ путей
къ блаженству, къ тому же, на зтоѣ счастли-
вый случай, ведетъ ихъ въ сосѣдство той страны
и горы того города (Иркутска), откуда явится
ихъ живой богъ (Кюдратій Селивановъ)*). Другой
путь къ довершенію религіозныхъ стремленій
и одно изъ средствъ къ духовному совершен-
ству, достигаемая посредствомъ привлеченія въ
секту новыхъ прозелитовъ, для ссылаемыхъ въ
Сибирь дѣло не особенной трудности. Удачная
скопческая практика въ Сибири не рѣдкость.
Въ Сибири, какъ и за Кавказомъ, на Енисей,
какъ и на Ріонѣ, паразиты они тѣмъ не-
злобнымъ характеромъ, которымъ отличаются
въ сношеніяхъ между собою, и тѣмъ отсут-
ствиемъ распрей или ссоръ, которое они пола-
гаютъ для себя какъ бы за обязательный ре-
лигіозный догматъ въ отношеніяхъ къ прочимъ
туземцамъ. Нельзя не замѣчать и не чувство-
вать того удивленія и уваженія, которымъ поль-
зуются они у сосѣдей, умѣющихъ обнаруживать
эти чувства, помимо недовольства ихъ грѣхомъ
оскопленія. Скопцовъ никто и никогда не обя-
заетъ, имѣя глубокое состраданіе къ тѣмъ
затрудненіямъ, которыя встрѣчаютъ ихъ слабыя
силы при исполненіи различныхъ многотрудныхъ
работъ, задаваемыхъ дикими и дѣвственными
мѣстами поселенія. Работаютъ они усердно и
безропотно, гдѣ требуется примѣненіе ихъ силъ
и способностей, или по указаніямъ доброй воли,

*) До Иркутска шелъ Селивановъ въ пере-
сильной партіи на канатѣ и успѣлъ совершить
надъ собою вторичное полное оскопленіе. Въ
Иркутскѣ, со смиреніемъ искренняго православнаго
(въ примѣръ и поученіе своимъ послѣдова-
телямъ), живя на свободѣ, онъ ходилъ по городу
съ чашечкою и собиралъ на церкви. Около двад-
цати лѣтъ пробылъ онъ въ ссылкѣ, не склонив-
шись на подговоры двухъ скопцовъ, явившихся
изъ Россіи предложить ему услуги къ побѣгу
и укрывательству. Въ 1795 году императоръ
Павелъ освободилъ его и позволялъ возвра-
титься въ Петербургъ. Въ 1832 году Селивановъ
умеръ въ Суздаль въ Спасо-Евфиміевомъ мона-
стырѣ, но скопцы думаютъ, что онъ до сихъ
поръ скрывается въ окрестностяхъ Иркутска,
откуда и ждутъ его для начала новаго царствія.

или по вызову различныхъ начальствъ. На Ріонѣ
изъ нихъ составили рабочую роту, ввѣренную
военному офицеру; на Енисей они занимаютъ
легкимъ промысломъ извоза и сплавами. Оско-
пленіе ссыльными ссыльныхъ въ нерчинскихъ
заводахъ не обнаруживается въ надеждахъ
силъ оттого, что это дѣло находится въ ру-
кахъ самихъ острожныхъ и уже достаточно
наловчившихся, но, обнаруженное въ одноѣ
мѣстѣ, всегда указываетъ на многіе другіе
случаи. Такъ замѣчено было сильное распро-
страненіе секты скопцовъ въ Петровскомъ за-
водѣ (одноѣ изъ нерчинскихъ), въ 30-хъ го-
дахъ, въ такой степени, что генералъ-майоръ
Лепарскій (приставникъ декабристовъ) рѣшилъ
не принимать скопцовъ въ Петровскій заводъ,
а отправлять ихъ въ нерчинские рудники. При
этомъ обнаружено было, что скопцы уговари-
ли въ свои сѣти и соблазняли ссыльныхъ ден-
гами, въ большомъ количествѣ получаемыми
изъ Россіи. Точно также секта эта, углубляя
скрывать и периодически обнаруживаться во
время самыхъ крайнихъ увлеченій прозелитизма,
въ 1854 г. замѣтно распространялась въ То-
больской губерніи между старожилами Юргин-
ской волости (Ялтуровскаго округа). Виновные
и уличенные были суждены и высланы дальше
въ Сибирь. Этимъ приостановлено было даль-
нѣйшее распространеніе секты, которой въ той
странѣ не благоприятствуетъ то, что адепты ея,
сосланные по судебнымъ рѣшеніямъ, живутъ
разсѣянно и ихъ по губерніямъ очень немного.

Хлыстовъ Сибирь также не угомонила: самыя
первыя хлысты на Руси — ученики стрѣльца
Проконія Лупкина, не прерывали сношеній съ
оставшимися въ Россіи: ни тѣ трое, которые
были сосланы въ Тару, ни сестра извѣстной
хлыстовской богородицы Акулины Ивановны (за-
точенной въ пермскомъ Далматовскомъ мона-
стырѣ), Александра Ивановна, увезенная въ
г. Илимскъ. Сношенія эти были очевидны еще
въ то время, когда уличенъ былъ въ ереси
сынъ Лупкина, Серафимъ, іеродиаконъ Симеоновъ
монастыря въ Москвѣ. Его разстригли, позвали
къ суду, въ 1735 году за его важныя вины
били кнутомъ и сослали въ Охотскій портъ.
За Байкаломъ найдены были тѣ же погреба,
которые замѣняли сектаторамъ церковь, и за-
мѣчены были такіе же успѣхи въ пропагандѣ,
съ рѣзкимъ отличіемъ отъ скопцовъ въ томъ,
что хлыстовская проповѣдь имѣла поразительный
успѣхъ. Въ деревнѣ, пристроившейся къ стѣ-
намъ Троицкаго монастыря, нашли многіхъ
новыхъ хлыстовъ, сдѣлавшихся таковыми вѣдѣ-
ствіемъ соблазновъ отъ сосланныхъ въ монастырь
изъ Россіи. Ссылные хлысты совратили мно-
гихъ монаховъ, вѣкоторыхъ крестьянъ и куп-
цовъ. Отступничество соблюдалось въ самой
строгой тайнѣ, пропаганда проведена была
весьма осторожно, не сразу узнали о томъ.

Узнали сначала сосѣди-крестьяне и сказали властямъ; власти, по троицкимъ крестьянскимъ избамъ, добрались до монастырскихъ келій и разрѣшили вопросъ тѣмъ, что скакавшихъ и оставшихся монаховъ, для исправленія, разослали по русскимъ монастырямъ, другихъ же хлыстовъ сослали въ Туруханскій край. На мѣсто старыхъ монаховъ изъ Россіи присланы были новые; хлыстовщина въ монастырѣ исчезла.

Сила религіознаго увлеченія, доводимого до крайностей мистицизма, не могла обойти и забайкальскаго купечества, въ особенности кяхтинскаго и верхнеудинскаго. Незадолго до описываемаго нами событія общественное вниманіе было возбуждено появленіемъ подвижника изъ Россіи, успѣвшаго дать сильный нравственно-религіозный толчокъ дремлющему равнодушію и индифферентизму. Возбужденіе это фактически выразилось въ постройкѣ Чикойскаго монастыря на скалѣ, въ мѣстѣ дикомъ, но картинномъ, на берегу рѣки Чикоя. Сюда удалился для созерцательнаго уединенія извѣстный всей Кяхтѣ Василій Надеждинъ—человѣкъ свѣтлаго ума и замѣчательной религіозности, родной братъ извѣстнаго ученаго Н. И. Надеждина. Въ Россіи онъ странствовалъ по монастырямъ и святымъ мѣстамъ русскимъ; пришелъ и въ Сибирь, увлеченный подвижничествомъ къ уединенію. Въ Кяхтѣ, при соборѣ, исполнялъ онъ должность пономаря. Благочестивая и добродѣтельная жизнь и тогда уже привлекала общее вниманіе и уваженіе, а когда черезъ нѣсколько лѣтъ открытъ былъ его центральный скитъ, въ кяхтинскомъ купечествѣ нашлось довольно лицъ, пожелавшихъ оставить въ потомствѣ память о подвижничествѣ знакомаго отшельника, и довольно денегъ, чтобы, уговоривъ его, выстроить на мѣстѣ скита монастырь. Самъ Надеждинъ остался въ немъ монахомъ, подъ именемъ Варлаама, и умеръ тамъ въ 1840 году. Религіозное настроеніе кяхтинскихъ купцовъ, сильно возбужденное этииъ человѣкомъ, послѣ его смерти не оладѣвало до новаго кризиса въ скромномъ быту Забайкалья.

Вскорѣ послѣ смерти Варлаама прибылъ въ ту же Кяхту монахъ Израиль, посланный изъ Россіи въ Сибирь на исправленіе, на житье, человѣкъ лѣтъ около сорока, статной осанки. До сихъ поръ помнятъ въ Кяхтѣ его вдохновенные глаза, выраженіе смиренія и святости на лицѣ, тонкія руки, его краснорѣчивыя, глубоко западающія въ душу бесѣды и его образованность. Въ обществахъ много толковалъ онъ о портѣ православія, раздражался противъ корыстолюбія священниковъ, указывалъ на отступленія ихъ отъ истинъ Христова ученія; онъ говорилъ, что возвышенное ученіе Спасителя затуманено обрядами. Видя ослабленіе вѣры, а въ силу того и умноженіе грѣховъ между людьми, милосердный Богъ, для исправленія

того, что испорчено, во второй разъ прислалъ на землю Единороднаго Своего Сына и онъ-то, дескать, Израиль, и есть тотъ сынъ Божій. Евангельскія сказанія старался онъ уподобить и приравнять къ своей личности и событіямъ изъ собственной жизни. Одну молодую особу назвалъ богородицею, другую Марію Магдалиною, одного старца назвалъ спасителемъ. Израиль нашелъ послѣдователей не только между монастырскими учеными (какъ было сдѣлано имъ въ Россіи), но и между купцами (какъ случилось въ Кяхтѣ и Верхнеудинскѣ). Собиралъ онъ ихъ и въ Кяхтѣ для религіозныхъ обрядовъ, въ домѣ одного купца, но всего чаще въ Троицкомъ монастырѣ, гдѣ его въ санѣ архимандрита успѣли сдѣлать настоятелемъ. При немъ монастырь быстро обстроился, какъ бы невидимую десницею. Прекрасныя зданія встали на мѣсто старыхъ лачугъ. Здѣсь-то онъ давалъ полнѣйшія толкованія о второмъ явленіи Христа и о новомъ законѣ. Здѣсь-то, говорятъ, онъ велъ немонастырскую, нецѣломудренную жизнь; все это обратило на него вниманіе правительства и Израиль, за связь съ купчихою и за ересь, сосланъ былъ въ Соловецкій монастырь (гдѣ и умеръ въ 1863 году). Секта распалась; теперь нѣтъ ея и слѣда. Въ 1836 году С. В. Броневскій, генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, объѣзжая ввѣренный ему край, въ Верхнеудинскомъ острогѣ видѣлъ „еретикомъ Израилемъ произведенныхъ изъ ссыльныхъ святыхъ, облеченныхъ въ бѣлые стихари, съ голубыми поясами и въ волосахъ на подобіе Иисуса. Онъ самъ и послѣдователи его имъ благоговѣнно поклонялись въ ноги. Мнимо-святые ожидали въ острогѣ рѣшенія участи“.

Въ Западной Сибири (въ Тобол. губ.) распространялъ хлыстовщину (лугинскую вѣру) крестьянинъ Частоозерской волости, деревни Денисовой, Лугининъ. Онъ долго бѣгалъ на Уралъ и, вернувшись, выучилъ собираться въ одинъ домъ, чествовать мужика за Христа, дѣвку—за Богородицу. Ее пеленали и сажали въ сторону къ востоку, сами бѣгали кругомъ кадки и на голосъ гѣли; „По водѣ хлецу, Христа ицу; встань Христось, растянись Христось, выйди Христось наружу—дай денегъ на нужу“. Со смертью Лугинина вѣра пала въ деревнѣ Щетниковой (въ 1824 г.), а началась въ Курганскомъ округѣ (д. Межеумная), Ялуторовск. (д. Семенова и Менщикова) и Омскомъ (Русина, Червоная, Шипицына).

Суботники также не дѣлаются здѣсь, на каторгѣ, православными и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что нерчинское начальство принуждено было запрещать сношеніе суботниковъ съ евреями и не позволять браковъ суботницъ - поселенокъ съ евреями - поселенцами (какъ, напр., судя по архивнымъ дѣламъ, запретило таковой поселенкѣ Худяровой, желав-

шей сочетаться бракомъ съ евреемъ Юсиновичемъ). Въ селѣ Укырѣ (по почтовому Читинскому тракту) суботники молятся по русски, но въ Христа не вѣрятъ, ожидаютъ Мессію; на молитвахъ прикрываются саваномъ и называютъ его по еврейски талесомъ; привязываютъ также во время молитвъ скривали съ заповѣдями на лобъ и также носятъ на плечахъ, вмѣсто жилета, цыцисъ. Женщины бреютъ головы и обрѣзаніе признается за обычай и за символъ примиренія. Жидовъ почитаютъ братьями и не гнушаются ѣсть съ ними изъ однихъ чашекъ. По Сибири они живутъ разсѣянно, по кое-гдѣ и группами (какъ, напр., въ Томской губерніи и въ окрестностяхъ Иркутска). Пропаганда ихъ не сильна; вѣра, рекомендуемая жидовскую молитву и жидовскіе обычаи и цыцу, и въ Россіи не пользуется особыми успѣхами, а въ Сибири объ ней даже рѣдко слыхивали *). Въ Сибири, и то преимущественно въ каторжныхъ мѣстахъ, сильнѣе выразилась пропаганда духоборцевъ; впервые появились они на каторгѣ въ 1800 г., послѣ указа, повелѣвающаго ссылать въ вѣчную каторжную работу извѣстныхъ въ духоборческой ереси и отвергающихъ высшую власть на землѣ.

Нѣкогда пропаганда духоборцевъ была сильно развита по сѣверному Нерчинскому краю. Теперь, нануганная, она ослабѣла, но несравненно сильнѣе пропаганды суботниковъ и успѣшнѣе таковой же скопцовъ. Обязательства взаимной помощи и содѣйствія, выражающіяся въ денежныхъ пособіяхъ и братской любви—достаточныя приманки для людей, совершенно безпомощныхъ и обнищавшихъ. Милосердіе къ несчастнымъ и обязательное участіе ко всѣмъ изъ своихъ дѣлаютъ изъ секты молоканской и духоборческой привлекательный пріютъ и надежную утѣву, на манеръ нѣмецкой клики, столь сильно и мощно распространенной по цѣлой Россіи. Какъ всѣ чужеземцы на чужбинѣ и какъ иностранцы въ Россіи, духоборы въ Сибири стараются жить общинами, группами и не тяготятся даже житьемъ на дальнемъ Енисей въ сосѣдствѣ скопцовъ и по близости Туруханска, потому что община помогаетъ жить съ достаткомъ. Немного опечалились и потеряли тѣ изъ духоборцевъ, которые разсѣянно жили по Нерчинскимъ руд-

*) Въ Западной Сибири, именно въ Петропавловскѣ, уличены были нѣкоторые изъ солдатъ (Аристовъ и Соколовъ), «спраждовавшіе еврейскую пасху». Въ субботу не работали, во Христа не вѣрили, постовъ не соблюдали. Причастившись въ полковой церкви, выбросили причастіе. Ихъ арестовали, прозавели слѣдствіе и сослали въ дальніе батальоны. Сына Аристова опредѣлили въ Омскій полубатальонъ кантонистовъ, дочь—на тамошнюю казенную суконную фабрику. Замѣченъ былъ также въ Солторайской волости одинъ изъ сосланныхъ чиновниковъ, дочитавшійся по книгамъ Ветхаго Завета до сектаторства этого же рода.

никамъ и, послѣ наказанія за успѣшную пропаганду между каторжными и между вольными крестьянами и купцами, были сосланы изъ Чабучей съ Аргуни на Енисей въ Туруханскъ (Мизгиновъ съ нѣкоторыми товарищами). Подъ вліяніемъ ихъ, а еще больше при ловкости четырехъ главныхъ (Хабарова, Ярошенко, Кудрявцева и Алексѣева), община духоборцевъ въ Забайкальѣ росла. Одинъ Кудрявцевъ сумѣлъ подвести подъ военный судъ за ересь 8 членовъ служителей, превращенныхъ потомъ въ солдатъ. Нѣкто Ярошенко умѣлъ совратить и многихъ каторжныхъ—людей холодныхъ и совершенно извѣрившихся. Убѣжденія влагались до того глубоко и твердо, что когда удмиченныхъ призывали на церковный судъ, они со стѣпостью и рѣшимостью говорили за свою вѣру и дѣйствовали по ея принципамъ.

Каторжные не шли къ священнику на исповѣдь и говорили, что «они дѣлаютъ рукъ человѣческихъ не поклоняются и присяги учинить не хотятъ; работы же, какія по службѣ съ нихъ требуютъ будутъ, исполнять не откажутся и они присягу имѣютъ внутреннюю, а дѣлами рукъ человѣческихъ называютъ Евангеліе и крестъ, потому что они дѣланы руками».

Служители горные говорили подобное же, но дѣйствовали еще рѣшительнѣе; одинъ изъ служителей (Кухинъ), позванный на судъ въ субботу, прошелъ по церковной паперти въ шангъ и рукавицахъ, которыхъ не снялъ и въ то время, когда былъ позванъ въ духовное правленіе передъ зеркаломъ, говоря, что «все это есть писано руками чловека».

Это были духоборцы, сосланные въ нерчинскій заводъ. Здѣсь они упорно не соглашались трудиться, не входили въ обязательства работъ, какъ въ Россіи отданные въ солдаты не принимали ни амуниціи, ни провіанта. За упорство изъ нерч. зав. велѣно было ссылать на Селенгинскій солеваренный заводъ. Когда въ Астраханской губерніи, въ 1802 г., духоборцы попробовали цѣлыми толпами съ шумомъ выступить на торжище и явно говорить о своей вѣрѣ, главныхъ изъ нихъ сослали въ Колу.

Одинъ изъ обращенныхъ въ секту духовныхъ христіанъ ссыльный, а именно Нероновъ, когда никого не было въ церкви, сорвалъ со стѣны иконы и бросилъ на полъ. Подоседему дьякону онъ говорилъ: «Вотъ ваши боги, идолы! иди—молись, а если они святые, то пусть-ка встанутъ» (на судъ онъ самъ подтвердилъ показаніе дьякона и свидѣтельствовалъ о томъ, что сказалъ такіа слова съ здравомъ разсудкѣ и твердой памяти).

Въ Лоншаковѣ (старомъ, близъ Шилкинскаго завода) на Шилкѣ, нѣсколько новообращенныхъ изуродовали образъ Богоматери и выкололи ей глаза. Въ нерчинскомъ заводѣ одинъ изъ таковыхъ же расколотый на двое обра-

зобъ (обѣ половинки) положилъ въ сапоги вмѣсто стелекъ и ходилъ такъ. Наказали этого, били кнутаи и жоншаковскихъ отступниковъ: Кухтина прогнали сквозь строй два раза черезъ 500 человекъ; служителя Суходолна, наказаннаго кнутомъ и признаннаго негоднымъ къ военной службѣ по годамъ (41), велѣли поселить далеко на сѣверѣ между некрещенными инородцами; Кудрявцева, Алексѣева и Хабарова гоняли сквозь строй и также угнали въ тундру. Такія рѣшительныя мѣры приостановили пропаганду; проповѣдники замолчали, новообращенные притаились по деревнямъ и рудникамъ. На время стало духоборство какъ будто поменьше, но за дѣйствительное уменьшеніе числа ихъ ни одно изъ нерчинскихъ начальствъ въ будущемъ поручиться не могло.

Въ предѣлахъ Западной Сибири, въ тѣхъ мѣстахъ, которыя смежны съ Россією и отличались всегда сильною воспримчивостью ко всевозможнымъ ученіямъ, духоборчество также нашло себѣ пріютъ и послѣдователей. Въ прошломъ вѣкѣ II домовъ въ дер. Гилевой и Петелиной (около Ялугоровска въ волости Томилловской) перестали молиться иконамъ и за то прозваны были народомъ немоляками, духовенствомъ — нежертвенными, правительствомъ — иконоборцами, сплетниками чиновными — щельниками и сплетниками сосѣдями и насмѣшниками — охохонцами. Эти исповѣдники стали толковать и вѣрить, что внѣшняя молитва не нужна, она даже запрещена св. писаніемъ; съ 8-ой тысячи лѣтъ бывшая наружная молитва пропала, потеряла силу; Богъ не требуетъ ни свѣчь, ни ладону, ни другихъ приношеній, не нужно и крестнаго знаменія, а съ нимъ и за нимъ и церкви; молитва непрестанно должна быть въ сердцѣ, а сердце — храмъ, украшеніе его — доброе житіе. Молиться надо непрестанно, а потому на работѣ, въ дорогѣ всегда твердятъ про себя какое либо мѣсто св. писанія. На молитву собираются въ избѣ, садятся въ кружокъ, одинъ читаетъ книгу (Виблію, Маргаритъ, Ефрема Сирина, Златоустаго, Псалтырь), всѣ другіе слушаютъ и вздыхаютъ: „Охъ-охъ-охъ“! Въ 1821 году въ деревнѣ Гилевой появились настоящіе духоборцы: свадьбы не дѣлали, дѣтей не крестили, иконы занавѣсили и перестали имъ молиться. Въ 1850 годахъ въ д. Куиновой Ишимскаго окр. въ шести домахъ и въ дер. Кривошековой въ двухъ домахъ иконы вынесли совсѣмъ; стали побранивать молоканъ; стали толковать, что если-де у кого разумъ, тотъ и самъ исправится безъ всякихъ таинствъ; читать не нужно. Стали наблюдать чистоту и опрятность, какъ религиозное обязательство; грязными руками конша не возьмутъ и даже не прихватятъ его фартукомъ, а позовутъ другого съ

чистыми руками, если не успѣютъ сами вымыть свои. Праздники перестали чтить, стали работать, а слѣдомъ затѣмъ начали ихъ сосѣди рассказывать, что и въ день Христова Воскресенія считаютъ необходимымъ хотя топоромъ три раза ударить въ уголъ избы, чтобы доказать свое мнѣніе. Вдохновляя поселенецъ, котораго засадили въ острогъ и сослали по суду, духоборство прекратилось, но слѣдомъ за тѣмъ въ дер. Гагарей почти всѣ жители выбросили иконы и перестали принимать поповъ.

Количество молоканъ въ Сибири увеличилось по поводу поселенія ихъ въ такомъ отдаленномъ краю, какъ Амуръ (близъ г. Благовѣщенска, на рѣкѣ Зеѣ) и по причинѣ сознательнаго и фактическаго стремленія оставшихся въ Россіи приселаться доброю волею къ тѣмъ, которые высланы были въ Сибирь по выбору и назначеніямъ мѣстнаго начальства. Въ среду молоканскихъ общинъ прислались, по временамъ, даже и такіе ловкіе ловцы въ человекѣцѣхъ, какимъ явился, на примѣръ, между минусинскими молоканами знаменитый основатель секты „общихъ“, Михайло Акинфіевъ Поповъ. Человекъ этотъ разъ уже роздалъ все богатое имущество свое, еще живя въ Самарской губерніи, и надѣлилъ имъ своихъ бѣдныхъ шабровъ (сосѣдей), чтобы, по слову писанія, гласящаго, что „все вѣрные живяку вкутъ и имѣху вся обща“, возстановить древнюю христіанскую гонимую общину и такимъ путемъ очистить молоканство, блуждавшее, по смерти Улелена, во тьмѣ сомнѣній и съ крупными задатками разложенія. Этотъ же Михайло Акинфіевичъ, сосланный на Кавказъ, съумѣлъ и тамъ, не умудренный наказаніемъ и ссылкой, сладить такую же оригинальную общину на общемъ трудѣ по способу всевозможныхъ религиозныхъ и экономическихъ коммунъ. Вторая ссылка (въ Шушу — волость Минусинскаго округа Енисейской губерніи), при большемъ просторѣ пропаганды, не съумѣла сбить его съ пути апостольства и не оставила его безъ слушателей, а стало быть и послѣдователей *).

Въ Акатуѣ, въ тюрьмѣ, жилъ прикованнымъ на цѣпь нѣкто Масленниковъ, новая жертва собственныхъ религиозныхъ убѣжденій. Въ рудникахъ онъ очутился за проповѣданіе старой вѣры до-никоновскихъ обрядовъ, каковую втолковывалъ и здѣсь товарищамъ съсылнымъ. Онъ успѣлъ совратить такъ много, что начальство обратило на это вниманіе, посадило проповѣдника на цѣпь, приковало къ стѣнѣ въ одиночномъ казематѣ, давало ограниченную дачу воды и хлѣба и только по праздникамъ при-

*) Въ западной Сибири извѣстны духоборцы въ Поповской волости Омскаго округа (деревни Мотарова и Батенинская), а молокане въ томъ же округѣ въ волостяхъ Карасутской, Кобирдатской и Юдинской (почти всѣ жители).

варокъ. Масленниковъ и на цѣпи продолжалъ возставать на господствующую вѣру. На судѣ вель себя со смѣлостью, какъ глубоко убѣжденный, и цѣлый протоколъ наполнилъ такими данными, что и слѣдователю пришлось надъ нимъ задуматься и смотрѣть на подсудимаго, какъ на человѣка изъ ряду вонъ. Погубили его только нѣкоторыя дерзкія словесныя выходки.

Старовѣръ Гурій Васильевъ, сосланный за расколъ изъ Екатеринбургa и поселенный въ Удинскомъ округѣ, сговорилъ двухъ товарищей и вмѣстѣ съ ними бѣжалъ на Амуръ, который тогда еще не былъ русскимъ. Въ пещерѣ на р. Урсѣ онъ провелъ цѣлую зиму, какъ въ молитвенномъ скитѣ, но былъ схваченъ манчжурями и выданъ въ пограничной крѣпости нашей на Аргуня; въ нерчинскомъ заводѣ его наказали и опять водворили въ томъ же Забайкальскомъ округѣ. Оттуда Гурьевъ опять убѣжалъ на Амуръ, опять лѣтомъ схваченъ и опять выданъ. На этотъ разъ въ нерчинскомъ заводѣ его били плетями и написали въ каторжныя работы. Черезъ четыре года послѣ того, при первыхъ признакахъ возможности, онъ въ третій разъ бѣжалъ на Амуръ и въ ту же пещеру на р. Урсѣ. Питаясь кореньями, дичью и рыбою, онъ жилъ въ скитѣ еще одну зиму, но, боясь старыхъ исторій, поплылъ искать большаго уединенія дальше по Амуру. Это сразу ему не удалось; удалось потомъ позже попасть черезъ весь Амуръ въ Охотское море, по немъ, на маленькой лодочкѣ, къ устью рѣки Тугура и оттуда, черезъ шесть лѣтъ послѣ послѣдняго бѣгства, явиться въ Удскій островъ, въ мѣсто истиннаго уединенія. Только такими острыми средствами и притомъ принятыми съ твердостью и настойчивостью, этотъ старовѣръ исцѣдилъ самъ себя отъ жестокой болѣзни и уже больше не бѣгалъ и уединенія не искалъ.

Вотъ два пациента собственно каторжной больницы душевныхъ болѣзней, взятые какъ образцы, рисующіе болѣзнь въ спеціальному видѣ въ одиночно-взятыхъ субъектахъ. Но вотъ эти болѣзни и цѣлыми массаами и также не исцѣленные.

Въ Алтайскихъ горахъ, какъ извѣстно, въ 1765 году расселена была часть тѣхъ старообрядцевъ, которые присланы были въ Сибирь изъ стародубскихъ и вѣтковскихъ слободъ, дежавшихъ тогда за литовскимъ рубежемъ. Живутъ они на югѣ Кузнецкаго округа къ сторонѣ Бійскаго округа. Народъ зажиточный, отличающийся замѣчательными хозяйственными способностями, но для насъ на этотъ разъ поучительный въ томъ отношеніи, что за старую вѣру стоитъ крѣпко и притомъ съ такою замѣчательною ревностью, каковой немного при мѣровъ и въ Россіи. Седьми ихъ не безъ

стѣсненій; дальнѣйшую жизнь не позволяли проводить безъ прижимокъ, преслѣдованій и вымогательствъ всякаго рода. Выстрадать при велось многое, немало повидать и соблазновъ на случай обращенія въ православіе. Но не смутили люди, не смутили и льготы: алтайскіе старообрядцы съумѣли и въ жизни сохранять приемы древле-русскихъ обычаевъ, хотя и зовутъ себя поляками. Такъ, напримѣръ, они еще до сихъ поръ бредутъ врозь по старинному и оживляютъ дикія и глухія алтайскія мѣста новыми выселками. Село Алтайское уже отличается многолюдствомъ. Сюда пожелалъ пріѣхать къ нимъ для поученія тобольскій архіерей Аванасій, а потому послалъ впередъ священника провѣдать о томъ, насколько они согласны будутъ послушать его и какъ его примутъ съ походною церковью. Передовой вернулся и сообщил такіе отвѣты.

— Христось висѣлъ на крестѣ не со щепотью, (одни говорили), а съ нашими двуверстными крестомъ и всему міру показалъ свой истинный крестъ и апостоловъ благословилъ этимъ креститься до конца вѣка, съ тѣмъ и на небо вознесся, а Никонъ патриархъ перемѣну сдѣлалъ.

— Никонъ (говорили другіе) помутылъ и порудилъ вѣру Христову и Христовъ крестъ перемѣнилъ, ввелъ щепоть, бритоусіе и проч., а потому-де архіерея слышать не хотимъ.

— Мы отъ священства не отбѣжны (отвѣчали третьи), а можетъ, кого дома не случится... Опять другого силою молиться не заставишь. Куда поѣдетъ отецъ-владыка, мы поведемъ; гдѣ будетъ служить, мы посмотримъ; будетъ учить, послушаемъ! Для чего не послушать?!

Четвертые велѣли отвѣчать такъ:

— Мы надобности не имѣемъ видѣть его преосвященство, а если ему угодно пріѣхать, мы встрѣтимъ и проводимъ; мы и корчменныхъ встрѣчаемъ и провожаемъ. Кто хочетъ смотрѣть, смотри, а мы видали.

Вторая партія (и самая значительная), также выгнанная изъ бѣлорусскихъ лѣсовъ Могилевской и Черниговской губерній, прошла дальше, на юго-востокъ Сибири, и теперь въ людныхъ, веселыхъ и богатыхъ селеніяхъ живетъ въ западной половинѣ Забайкалья, въ горахъ, тремя волостями. Сами себя эти старообрядцы называютъ также поляками, но у русскихъ сибиряковъ извѣстны болѣе подѣ именемъ „семейскихъ“, такъ какъ пришли сюда семьями въ разные годы (первая партія въ 1755 году, вторая въ 1768 году, третья въ 1780 г.). При сытой и обезпеченной жизни и при нѣкоторой свободѣ ея (въ послѣднее время), эти семейскіе выродились въ людей замѣчательно крѣпкаго и красиваго тѣлосложенія, а женщины поражаютъ красотою лицъ и дородствомъ. Сибиряки, хотя и прозвали ихъ „востроголо-

выми сычами“ (за довольно вѣрную и примѣтную особенность), далеко уступаютъ имъ въ дородствѣ и силѣ. Женщины вольны на словахъ и на дѣлѣ, мужчины отличаются всѣ до одинаго бойкостью языка и свободою въ разговорахъ. Про Россію и про своихъ тамъ единовѣрцевъ знаютъ всю подноготную, не теряя общеній и сближеній. Сами по себѣ остались вѣрны старой вѣры и старымъ обычаямъ; въ единовѣріе успѣли перейти изъ нихъ только тѣ, которые поселены на р. Чикой, небольшое число въ селеніи Тарабагатаѣ, а больше нигдѣ. Иконы получаютъ изъ Екатеринбургa и тамъ писанныя; въ церковныхъ книгахъ чувствуютъ недостатокъ. „Въ Иркутскѣ хвастаютъ, что тамъ-де у архіерея нашихъ старопечатныхъ книгъ на десяти возахъ не свежены; все наворовали отъ насъ семинаристы и поотобрали попы и всякій, кому и не надо“. Издавна отнимали все завѣтное и наговаривали на нихъ всякія неподходящія злодѣянія. При всемъ этомъ семейскіе устояли на своемъ съ примѣтною твердостью и цѣльностью.

Въ 1812 году отняли у нихъ бѣлаго попа (Ивана Петрова, въ Куналейскомъ селеніи) и они руководились безъ него бабами и начетчиками, но безъ попа стало жить „не можно, утѣснительно“. Ходоки съѣздили въ Москву, добыли тамъ попа, охотливаго и рѣшительнаго, въ 1840 году. Попъ этотъ крестилъ младенцевъ, благословлялъ новоженцовъ и погребалъ умершихъ. Совершитъ онъ обрядъ и спрячется. Начальство прознало, стало слѣдить, искать, нашло уже и мѣсто его пребыванія, но семейскіе успѣли спрятать его въ горахъ и рѣшились не выдавать. Пришелъ генералъ Безюсыковъ съ войскомъ и съ приказаніемъ взять попа силою. Старобрядцы сначала не испугались, но когда главнѣйшихъ изъ нихъ, окруженныхъ толпою, солдаты вывели въ поле и какъ въ бунтовщиковъ прицѣлились изъ ружей и направили дула, всѣ упали на колѣни и обѣщали выдать попа. Увели генерала въ горы. Въ горахъ попа отдали, но опять заболѣли тою же болѣзью: опять безъ попа стало жить „не можно, утѣснительно“. Снова семейскіе послали ходоковъ въ Россію и снова получили въ 1850 году новаго попа, но на этотъ разъ изъ Калуги. Начальство опять узнало о томъ и опять пустилось на поиски. Засѣдатель, узнавъ отъ шпионовъ, что попъ такого-то дня поѣдетъ тайною и скрытою дорогою, засѣлъ въ кустахъ и попа выждалъ, схватилъ, связалъ, отдалъ своимъ провожатымъ, а самъ поѣхалъ въ Бичуру, куда впередъ его поскакалъ верховой (говорятъ, одинъ изъ его провожатыхъ), который и рассказалъ въ селѣ бывальщину о попѣ и засѣдателѣ. Когда самъ засѣдатель показался въ гарантасѣ на улицѣ, нѣсколько сотенъ народа броси-

лось на него, вытащили изъ экипажа и, влача по улицѣ, били, мучили, насмѣхались надъ нимъ разными способами. Приведа засѣдателя въ избу и угрожая ему смертию, они вымогли у него приказъ отпустить попа. Сторожъ, видя приказъ написаннымъ дрожащею рукою, не хотѣлъ попа отдать. Послѣ того опять всѣ накинулись на засѣдателя, но на этотъ разъ одинъ изъ стариковъ оборонилъ его. Засѣдатель написалъ второй приказъ, по которому попа освободили, но самого засѣдателя старовѣры заперли въ склепъ. Эстафета, извѣщающая о событіи, убѣжала въ Иркутскъ, самъ Муравьевъ-Амурскій пріѣхалъ въ Бичуру, ласково поговорилъ со старовѣрами, склонилъ на отпускъ засѣдателя и на выдачу попа; самыхъ виновныхъ строго наказалъ. Попа посадили въ иркутскій монастырь, но въ 1860 году старовѣры эти говорили намъ: „Намъ безъ попа стало опять жить не можно; опять попа надо выписывать, а надъ прежнимъ попомъ твори Богъ волю Свою“...

Бичурское дѣло на нашей памяти завершаетъ цѣлый рядъ такихъ дѣлъ, въ которыхъ, съ одной стороны, высказывается, на сколько ссылка не повліяла на дѣла вѣры сосланныхъ, а съ другой стороны, выясняется взглядъ на то же начальство и способы, ими употребляемые, изъ которыхъ, можетъ быть, только послѣдній былъ всѣхъ ближе къ цѣли. Но чѣмъ дальше въ тѣбъ, тѣмъ больше дровъ; чѣмъ глубже въ прошлое, тѣмъ неопровержимѣе та истина, что сосланные по дѣламъ вѣры ссылкой не только не исправлялись, но даже приводимы были еще въ большее ожесточеніе и упорство. Въ этомъ отношеніи даже замѣчательно, что ссылки были первыми проповѣдниками раскола и насадителями ученія, которое велитъ держаться всего стараго, начиная съ креста и книги и кончая бороною *).

Въ то же время, когда начался въ Россіи расколъ, началась и ссылка въ Сибирь раскольниковъ и, разумѣется, самыхъ упорныхъ изъ нихъ. Сибирь нашли они безъ церквей и священниковъ, населеніе разбросаннымъ по причинѣ той быстроты, съ которою разлилось оно по обширной странѣ и расселилось по ея широкимъ, многоводнымъ и привольнымъ рѣкамъ**).

*) Старую икону ссылки старовѣры старались внести между нераскольниками и, судя по архивнымъ памяткамъ, начаше записывались въ цѣхъ иконописцевъ. Указомъ 1845 г. это было запрещено.

***) Быстрота, дѣйствительно, изумительная: въ 1586 г. основанъ Тобольскъ и Тюмень, черезъ 6 лѣтъ (1592) Целимъ, въ слѣдующемъ году Березовъ и Сургутъ, въ слѣдующемъ (1594) Тара, затѣмъ (1595) Нарымъ и Бетсъ, черезъ три года (1598) Верхотурье, 1600 Обдорскъ и Мангазея, Туринскъ въ 1601. Черезъ 18 лѣтъ русскіе были за Барабинской степью: въ 1604 основали Томскъ, въ 1609 году они уже на устьяхъ

Во сто лѣтъ, предшествовавшихъ появленію въ Сибири старообрядцевъ, занята была вся обширная сѣверная пустыня. Когда жилъ въ Тобольскѣ передовой изъ нихъ и самый ревностный проповѣдникъ, протопопъ Аввакумъ, передовые казаки съ Хабаровымъ пробрались на Амуръ и строили на его берегу Албазинъ. Во сто лѣтъ русское племя успѣло уже достаточно укрѣпиться, освоиться и завести свои порядки. Расселялось оно съ тѣми приемами, какъ населялся и сѣверъ Россіи, тѣми же людьми новгородскаго происхожденія, но съ тѣмъ отличіемъ, что на этотъ разъ промышленные люди и казаки шли одни, безъ существенной помощи и поддержки, которая на сѣверѣ Россіи выразилась въ содѣйствіи монастырей и отшельниковъ, благочестивыхъ людей, которые умѣли закрѣплять пріобрѣтенныя мѣста новыми поселеніями, едва ли не болѣе прочными, чѣмъ поселенія промышленныя. На сѣверѣ Россіи едва скоплялась слобода, какъ уже являлась въ числѣ первыхъ сооруженій и церковь, а при ней погѣ. Въ Сибири прежде слободы сооружался острогъ въ дикихъ и непроходимыхъ лѣсахъ, окруженный ровомъ въ сажень глубину, въ двѣ шириною, затѣмъ землянымъ валомъ и защищенный частоколомъ изъ заостренныхъ бревенъ по угламъ съ 4-мя бойницами. Около рва, на осадное время, насыпался рядъ чеснока (рогулекъ о 3 и 4 спицахъ) сначала деревяннаго, а за нимъ желѣзнаго, сдѣланнаго изъ копейцовъ со стрѣль. Брошенный на землю чеснокъ становился на двѣ ножки, двумя другими торчалъ вверхъ, затрудняя приступъ. На частоколѣ становились колья, куда клали смолевою лучину для освѣщенія ночью. Палисадъ защищалъ нѣсколько деревянныхъ избушекъ, нерѣдко землянокъ, нѣсколько лавокъ и высокой раскатъ, срубленный посреди острога, изъ котораго стрѣляли изъ пушекъ; тутъ же былъ и колодезь, отъ котораго на четыре стороны шли желоба, чтобы, на случай пожара, у каждой стѣны была вода. Здѣсь надо было, среди непріятельныхъ сосѣдей, отстаивать сначала свою жизнь отъ стрѣль и голодной смерти, упрочивать за собою занятое мѣсто, чтобы вскорѣ потомъ, по указу разгудявшихся воеводъ и атамановъ, уходить искать новыхъ земель и строить новые остроги. Въ нихъ, вмѣсто церкви, являлась часовня и нерѣдко далеко послѣ всѣхъ другихъ сооруженій. О погѣ на первыхъ порахъ и помину не было. Казаки и промышленные люди, вооруженные ружьями, ножами и топорами, по временамъ таща на себѣ ржаную пушку, продирались сквозь трещи мрачныхъ и густыхъ Енисея основали Туруханскъ, въ 1619 на Енисейскѣ, въ 1632 на Ленѣ Якутскъ, вскорѣ на Ангарѣ въ 1652 Иркутскъ, въ 1695 русскіе были уже въ Камчаткѣ. Съ небольшимъ во сто лѣтъ занята одна изъ громаднѣйшихъ странъ въ свѣтѣ.

тайговыхъ лѣсовъ или, довѣрившись уткой ладѣ, неслись по рѣкамъ, пытаясь проникнуть въ невѣдомыя страны. Пораженные видомъ русскихъ людей съ бородами, которые не боятся смерти, лѣзутъ на копья и стрѣлы, горсть нападаетъ на силу втрое большую, — туземцы или добровольно сносили мѣха и асагъ всякаго рода, или на встрѣчу чужеземцевъ высылали стрѣлы и выходили сами съ боемъ. Но и тогда, какъ казаки останавливались острогомъ, дикари не переставали высиживать наѣздами и всякою изворотливостью, какая только могла быть доступна неразвитому, но озлобленному уму. Стрѣлы не вредили людямъ въ доспѣхахъ, а казачьи пули клали на смерть дикарей, которымъ оставалось одно: назвать пришельцевъ „лоча“ (лѣшми). Безъ огнестрѣльнаго оружія, безъ всякой организаціи, дикари, однако же, уступили и изнемогли передъ ничтожною горстью казаковъ, шедшихъ шайками изъ сотни либо полусотни человекъ, и видѣли, какъ рѣжутъ атамановъ, сбьютъ и рубятъ остальныхъ и бьютъ изъ князья и владѣльцы. Эти сотни и полусотни, крадучись волками промежду туземныхъ жилищъ и пробираясь лѣсами, утоптали первые слѣды историческаго грунта Сибири и проблаги тропы для цивилизаціи. Гдѣ можно было удержаться отъ боя, пришельцы брали лестью и уговоромъ. Черезъ толмачей, которыхъ всегда брали съ собою, говорили сибирскимъ туземцамъ: „Нашъ государь-царь силенъ, и великъ и страшенъ, но милостивъ и праведенъ, кровей не искатель. А у государя въ одномъ сибирскомъ царствѣ ратныхъ людей много множество, къ ратному дѣлу привычныхъ, а бьются они, не щадя головъ своихъ“. Обросшіи волосами и зачерствѣлыи отъ трудовъ и необычныхъ походовъ, сибирскій казакъ горѣлъ одною страстью грабежей и завоеваній, привыкъ къ приключеніямъ въ лѣсахъ, степяхъ и льдахъ; забаленный морозами, онъ уже былъ безразличенъ ко всему, кромѣ жажды стяжаній. Изнашивая наслѣдственными свойствами, пріобрѣтенныя на родинѣ, сибирскіе пришельцы изъ Россіи не ступались ими, въ силу обстоятельствъ и ради корысти, въ виду новыхъ туземныхъ, вліявшихъ неотразимо и настойчиво. Износили казакъ одежду, сталъ наряжаться по сибирски; оладѣлъ къ вѣрѣ, сталъ заражаться языческою туземною, къ воспріятію каковой и безъ того мягкая почва, сверхъ того, была еще сильнѣе разрыхлена и еще болѣе приспособлена.

Когда, черезъ тридцать пять лѣтъ послѣ построения Тобольска, въ немъ была открыта епископская кафедра (30-го мая 1621 г. прибылъ первый сибирскій архіерей), когда, такимъ образомъ, представилась возможность повѣрки тѣхъ религіозныхъ убѣжденій, при какихъ оказались въ Сибири пришедшіе изъ Россіи люди, — многое представилось въ ужасномъ видѣ. Казаки,

увлеченные завоеваниями и промысламъ, успѣшнѣе ознакомились съ туземцами и вошли съ ними въ ближайшія сношенія, оказались задичавшими почти до уровня тѣхъ же дикарей-язычниковъ. Уже въ 1622 г. извѣстно было на Москвѣ, что сибиряки не носятъ крестовъ, не соблюдаютъ постовъ, ѣдятъ всякую скверну, живутъ съ некрещенными женами, кумами и сестрами своихъ женъ (своаченицами). При отъѣздѣ закладываютъ ихъ на срокъ и, не имѣя чѣмъ выкупить, женятся на другихъ. Какіе успѣхи завести монастыри, въ тѣхъ обителяхъ монахи и монахини живутъ вмѣстѣ или, уходя изъ монастырей, опять живутъ въ мирѣ. Сами духовные потворствуютъ всѣмъ новымъ порядкамъ, какіе завели русскіе люди въ новой странѣ: умыканіе (воровство) невѣсть, многоженство, отчужденіе отъ церкви. Уже отъ простыхъ служивыхъ людей начинали слышаться дерзкія рѣчи противъ уставовъ церкви (одного Сургутчева думали даже сжечь за то живымъ въ самомъ Тобольскѣ), уже многіе и въ самомъ епископскомъ городѣ (по свѣдѣніямъ 1649 г.), вмѣсто духовныхъ лицъ, стали обращаться къ „чародѣямъ и волхвамъ и богомерзкимъ бабамъ“. „Въ дома пускаютъ и тѣ волхвы надъ больными и надъ младенцами чинятъ всякое бѣсовское волхование и отъ правотѣря всякихъ православныхъ христіанъ отлучаютъ“. Между тѣмъ, наличное духовенство о паствѣ своей не заботилось, думая больше о себѣ и услаждая себя „грѣховнымъ и зельнымъ пьянствомъ“, такъ что ирополитъ сибирскій Павелъ (въ 1681 г.) принужденъ былъ отобрать въ архіерейскую кладовую всѣ церковныя суммы изъ опасенія, чтобы поны и церковники, бражничая вмѣстѣ со старостами и раздавая казну въ частныя долги, не растратили ее вовсе.

Не останавливаясь пока на объясненіи тѣхъ безчисленныхъ причинъ, которыя заключены въ самомъ духовенствѣ и въ силу которыхъ расколъ имѣлъ такой успѣхъ въ Сибири, снисшедшей до язычества, мы не станемъ, изъ боязни повториться, рыскаывать объ успѣхахъ такихъ толковниковъ, какъ Аввакумъ, который, живя долгое время въ Тобольскѣ, увлекалъ массы. Все это происходило въ то время, когда самъ архіепископъ сибирскій Симеонъ цѣлый годъ находился подъ запрещеніемъ, не имѣя права служить даже литургію. Не меньшимъ успѣхомъ пользовался сосланный въ 1660 году монахъ Іосифъ Истоминъ, 24 года странствовавшій съ проповѣдью по сибирскимъ городамъ: Верхотурью, Туринску и Тюмени, гдѣ и теперь значительное число старообрядцевъ. На помощь имъ бѣжали въ Сибирь гонимые тамъ старовѣры значительнымъ многолюдствомъ. Успѣхъ раскола казался настолько опаснымъ, что стали прибѣгать къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ. За тарскими жителями до сихъ поръ со-

храняется отъ старины прозваніе „коловичей“ за то, что прадедовъ ихъ искоренители сильно развившагося раскола за упорство сажали на воль. Успѣхъ проповѣдниковъ былъ настолько великъ и почва народная до того воспримчива, что когда, за неизмѣнимъ дѣйствительныхъ средствъ къ вразумленію, прибѣгли къ помощи и содѣйствію вооруженныхъ командъ, раскольники отвѣчали самоубійствами въ формѣ неоднократныхъ самоожженій большими толпами въ Тобольскомъ, Тюменскомъ, Томскомъ и другихъ округахъ. Испуганный успѣхами пропаганды, Петръ I, указомъ 1722 г., принужденъ былъ воспретить ссылку въ Сибирь раскольниковъ и обратилъ ихъ для заточенія въ крѣпость Рогервикъ (нынѣшній Валтійскій-Портъ). Въ итогѣ осталось одно: расколъ усилилъ въ сибирскомъ населеніи подвижность, бродяжество и этимъ способствовалъ тому, что, уходя въ лѣса за учителями, сибирскій народъ ладилъ селенія тамъ, гдѣ не могли бы они имѣть мѣста по обычнымъ и завѣтнымъ приемамъ промышленныхъ людей держаться береговъ главныхъ рѣкъ. Продолжимъ наши наблюденія за Байкаломъ въ мѣстахъ каторжныхъ, а потомъ обратимся къ мѣстамъ ссыльныхъ поселеній.

Удержался расколъ старообрядства и до нашихъ дней за Байкаломъ и приобретаетъ новыхъ прозелитовъ, благодаря тому главному обстоятельству, что сибирское духовенство было безсильно бороться съ нимъ—бѣдное нравственными средствами (недавно еще или необразованное или совсѣмъ безграмотное), но богатое средствами матеріальными, на приобретение которыхъ, въ ущербъ прямому долгу, тратило и тратитъ много времени и много силъ *). Значительная часть духовныхъ лицъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи достигла того матеріальнаго довольства, что ихъ справедливо называютъ богачами, и встала въ то положеніе, когда народъ, и ближій и дальній, начиналъ смотрѣть на нихъ съ уваженіемъ, какъ на замѣчательныхъ хозяевъ, умѣвшихъ забрать въ свои руки всю окольную торговлю. Въ купцѣ-монополистѣ, вродѣ Кандианскаго, въ хозяинѣ-счастливцѣ, у котораго и лошади и рогатый скотъ ведутся въ великомъ множествѣ, а клѣти трещать отъ избытка ссыпного хлѣба, въ кладовыхъ сложены сорочки пушного драгоцѣннаго товара—въ такихъ чудодѣяхъ для сибирскаго народа нерѣдко совсѣмъ исчезаетъ безъ слѣда образъ друга, болѣе необходимаго и дорогаго. Не съ желаніемъ руководства и поученій, ради душевнаго спасенія и объясненія грѣховныхъ

*) Какъ образчикъ слабости духовнаго вліянія, представляются, между прочимъ, финны изъ секты скауновъ, сосланные на поселеніе изъ Ингерманландіи и разсыянные по Якутской области:—съ 1859 года они не выдали ни одного пастора. Живущему въ Иркутскѣ приходится объѣзжать 6 тысячъ верстъ, чтобы попасть въ Якутскъ.

сомнѣній, а для того же грѣховнаго дѣла, со шкурами соболей и бѣлокъ для продажи или съ просьбою о денежной ссудѣ подѣ залогъ имуществомъ, ходятъ свободные сибиряки къ своимъ духовнымъ отцамъ, не только по многимъ мѣстамъ Сибири, но и за Байкаломъ. За Байкаломъ еще больше, чѣмъ гдѣ либо, духовенство слабо численностью и духовнымъ вліяніемъ на окрестный народъ, во всякомъ случаѣ нѣтъ больше имѣющій право на духовную помощь и руководство. Здѣсь злодѣи, бродяги и всякій испорченный людъ всего чаще нуждаются въ объясненіи нравственныхъ истинъ, а между тѣмъ, на всѣхъ 1.200 человекъ (въ нашъ проѣздъ еще работавшихъ въ кандалахъ на Карійскихъ золотыхъ промыслахъ) полагался одинъ священникъ и одна церковь, но и тѣ подѣ наметомъ.

Если казна открывала рудное богатство, на этомъ мѣстѣ очень скоро она успѣвала собирать скороспѣлое населеніе и въ числѣ заботъ полагала, между прочимъ, сооруженіе церкви; но или церкви эти являлись настолько малыми, что далеко не вмѣщали въ себѣ всего числа моельщикоу, либо храмъ освящался тогда, когда рудникъ уже выработался или заводъ оказался невыгоднымъ и непроизводительнымъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ появленіе церкви прямо свидѣтельствовало о томъ, что забота объ исправленіи ссыльныхъ вовсе не входила въ число нравственныхъ обязанностей попечителей. Это мѣсто вѣроятнаго и временнаго успокоенія духа и совѣсти являлось, какъ обязательная и необходимая принадлежность при селеніи и при священникѣ, который получалъ командировку сюда вмѣстѣ съ причтомъ и ассигновкою жалованья *). Если рабочіе немного родятъ, не часто брачуются, то все же они и умираютъ, а начальство требуетъ отъ нихъ ежегодной исповѣди и причащенія св. тайнъ.

Такимъ образомъ, арестантъ на каторгѣ только рабочая сила, а въ жизни и быту преступный спитъ на одной койкѣ съ невиннымъ, молодой со старымъ, опытный бродяга со вчера пришедшимъ, и для всѣхъ равно жизнь безъ услады, сомнѣній безъ разрѣшенія, тоска безъ утѣшенія. Обязательныхъ утѣшителей видятъ

*) Такъ, напримѣръ. Александровскій винокуренный заводъ (подѣ Иркутскомъ) основанъ былъ въ 1787 году—церковь освящена въ немъ въ 1835. Въ Ильгинскомъ заводѣ, въ 1842 году, построена была (разумѣется, деревянная) церковь; въ 1844 году она сгорѣла, а вскорѣ и самый заводъ былъ уничтоженъ. Петровскій желѣзный заводъ построенъ въ 1790 г., а дѣло о церкви въ горномъ правленіи началось въ 1801 году; въ 1760 построенъ Дучарскій серебряный заводъ, въ 1783 началось дѣло о постройкѣ въ немъ церкви въ одно время съ таковою же для Бутомарскаго завода, построеннаго въ 1764 г., и проч.

только при случаѣ смерти товарища и, издали, при проходѣ на работы. Суровое обращеніе постоянно раздражаетъ, беспросвѣтная жизнь становится тяжелымъ бременемъ, а безконечныя работы доводятъ до отчаянія. Гдѣ же тотъ человекъ, который умѣетъ бы заглянуть въ прошлое и узнать изъ него о вѣрныхъ способахъ къ исправленію и сокрушенію о старыхъ грѣхахъ, гдѣ этотъ человекъ, который внушалъ бы нравственность и все то, что должно служить цѣлью и средствомъ карательныхъ учреждений? Таковыхъ на каторгѣ не полагается вовсе. Бываютъ зачастую только такіе, для которыхъ эти высокія цѣли совсѣмъ не понятны или все не доступны, особенно, если остановились на дальнихъ мѣстахъ заточенія, каковы интересующіе насъ нерчинскіе рудники и заводы. Бывали тамъ и совсѣмъ безнадѣжные люди, о которыхъ архивныя дѣла и народная память сохранили такіе факты.

Вотъ два архивныхъ и судебныхъ факта, которые нарочно мы беремъ изъ двухъ, весьма отдаленныхъ одинъ отъ другого заводовъ. Между обоими событіями легко разстояние 20-ти лѣтъ.

Въ Дучарскомъ заводскомъ госпиталѣ умираетъ казакъ Ослоповъ и желаетъ видѣть священника. Горный унтеръ-офицеръ побѣждалъ за послѣднимъ. Священникъ находился въ догѣ рудовоза Московскаго и былъ пьянъ.

Унтеръ-офицеръ Калашниковъ подошелъ подѣ благословеніе и сказалъ:

— Ступай, батюшка, я за тобой пришелъ! у насъ больной есть и умираетъ, а ты пьянствуешь.

— Я и самъ боленъ, — отвѣчалъ батюшка:—и не иду. Ты ступай за гындыбойскіи попомъ, а я еще не явился въ команду и иди надобности не имѣю.

— Какъ не идишь, я и за волосья потану, такъ какъ въ нашѣмъ мѣстѣ вашу братью, поповъ, бьютъ, не спрашиваютъ.

Священникъ, вставъ съ мѣста „непримѣтно, чтобы былъ довольно пьянъ“, говоритъ Калашникову:

— Когда имѣешь волю бить, такъ бей же! И легъ на лавку, говоря:

— Вишь, я боленъ, у меня душа выходитъ.

Священникъ, однако, въ госпиталѣ былъ и больного исповѣдывалъ, но, произнося три раза слова: „прощаю и разрѣшаю“, три раза ударялъ больного палкою.

Больной умеръ, а дѣло было перевзслѣдовано подѣ присягою.

Въ Петровскомъ заводѣ, въ праздничный день, приходитъ священникъ служить заутреню, шатаясь во всѣ стороны. Причетники старались его отклонить отъ служенія, „однако, отвратитъ отъ того никакъ не могли“. Попадъ въ алтарь и возложивъ на себя эпитрахиль и саму

лучшую ризу, онъ растворилъ царскія врата, сдѣлалъ начало, но „засимъ, въ виду довольноаго числа предстоящихъ мужского и женскаго пола мирянъ, не могъ сказывать эктени, потому что былъ въ хмѣльномъ положеніи. За всѣмъ симъ, при неоднократныхъ выходахъ изъ алтаря, въ бѣшемъ на немъ облаченіи, ваялся по полу церкви, такъ что мы неоднократно онаго поднимали и вводили въ алтарь, упрасивая, дабы онъ оставилъ дѣйствіе служенія“. Священникъ не согласился и вслухъ всѣхъ предстоящихъ дьячковъ ругалъ „площадными ругательствами“, затѣмъ снялъ ризу, вышелъ изъ алтаря въ церковь „къ мирянамъ и погналъ всѣхъ вонъ; между тѣмъ, бывшая пожилая дѣтъ старушка Московича, по описанной старости нѣсколько отъ прочихъ приостановилась въ церкви; упоминаемый же священникъ, замѣтивши оную, бросаясь къ ней, выгонялъ изъ церкви съ причиненіемъ ей удара. Послѣ же всего онаго, упавши на амвонъ, уснулъ. Почему мы, тогда распорядясь, послали въ квартиру его за лошадей; по приводѣ же оной, мы, взявши того священника подъ руки, вывели изъ церкви, положили въ пошевни и отправили въ его квартиру“.

А вотъ и тотъ фактъ, который сохраненъ народною памятью.

Въ Акатуѣ жилъ спущенный съ цѣпи извѣстный бродяга и большой злодѣй Филипповъ—человѣкъ невысокаго роста, худощавый, сугорбый, но обладавшій необыкновенною силою. Выраженіе лица его отличалось чрезвычайною скромностью. Говорилъ онъ всегда тихимъ, вкрадчивымъ, богомольнымъ голосомъ. Самъ себя называлъ неумытнымъ грѣшникомъ, молился всегда горячо, обливаясь слезами. Когда усиливалась его набожность, знавшіе и привыкшіе къ нему боязливо присматривали за нимъ съ вѣрнымъ расчетомъ на то, что Филипповъ таятъ на умѣ что нибудь недоброе, прятать какое нибудь звѣрское или злодѣйское намереніе. Разъ, въ такомъ настроеніи, онъ пошелъ на испытаніе и соблазнъ священника, такъ какъ по званію „пропитаннаго“ гулялъ уже на свободѣ послѣ акатуевской стѣнной цѣпи.

Явился онъ съ низкими поклонами и, сложивъ на груди преступныя руки, своимъ обычнымъ набожнымъ голосомъ выразилъ раскаяніе, желаніе исправленія и поученій. Священникъ обратилъ на него вниманіе, сталъ говорить и слушать.

— Одно,—говорилъ ему Филипповъ:—одно мѣшаетъ моему примиренію съ Богомъ, я знаю дьявольскій секретъ удвоить всѣ твои деньги, какія имѣешь. И забыть его не могу и жжетъ онъ мнѣ и мозги и внутренности.

Секретъ этотъ Филипповъ повѣдалъ. Исполненіе секрета требовало кое какихъ рѣшитель-

ныхъ мѣръ: надо было на цѣлую ночь положить на себя заклятіе, лечь спать, не молившись Богу, и снять съ шеи крестъ; деньги положить подъ подушку и въ постели лежать не шевелиться. По утру деньги найдешь удвоенными.

Священникъ, рассказываетъ народная молва, соблазнился; легъ попытать счастья и поутру вынулъ вмѣсто пяти рублей десять. Филипповъ сдѣлался другомъ. О нравственныхъ поученіяхъ перестали и думать и говорить. На деньги охотились еще раза два: чертъ хорошо служилъ свою службу, производя по ночамъ свои коммерческія операціи. Рѣшились положить подъ подушку всѣ триста рублей. Филипповъ, по обыкновенію, сунулъ бумажку съ заклятіемъ подъ подушку, но на этотъ разъ деньги прилипли къ его рукамъ и онъ пересталъ показываться въ домѣ священника. При встрѣчѣ на улицѣ отговаривался тѣмъ, что рано-де всталъ и помѣшалъ черту, а при угрозахъ и самъ пригрозилъ архіерею. Чиновники, въ свою очередь, посоветовали махнуть рукою на мошенника и никогда съ нимъ больше не связываться.

Эта недавняя и, въ то же время, свѣжая легенда, еще владѣвшая возможностью и правомъ указывать на лица, называть имена и мѣста дѣйствія, заключаетъ собою весь рядъ данныхъ о взаимныхъ отношеніяхъ духовныхъ лицъ къ ссыльнымъ, отношеніяхъ, въ которыхъ много матеріальнаго, но мало духовнаго. О другихъ мы не рассказываемъ теперь по недостатку мѣста и неудобству, но еще не слышать было ни объ одномъ такомъ случаѣ, гдѣ бы участіе священниковъ благотворно поддѣйствовало на обращеніе и исправленіе ссыльныхъ. Вмѣсто того, въ архивныхъ дѣлахъ то и дѣло получались свѣденія о томъ, что въ такомъ-то заводѣ двое ссыльно-каторжныхъ духоворцевъ обратили въ свою вѣру ссыльно-каторжнаго православнаго; тамъ скопцы оскопили нѣсколько человѣкъ изъ прихожанъ несмысленныхъ; здѣсь замѣчено, что многіе изъ православныхъ, чтобы избѣжать говѣнія и исповѣди, нарочно сказывались старообрядцами. Столь обычное дѣло въ Россіи здѣсь выразилось тѣмъ же исходомъ: уличенные охотно платили денежные штрафы, но отъ церковныхъ обрядовъ уклонялись, не будучи вовсе старообрядцами. Не способные оправдаться при помощи вятки, по русскому обычаю, за Байкаломъ подвергались наказанію строгою эпитиміею: ихъ ставили на колѣни въ церкви, держали ихъ въ притворѣ, на паперти; въ случаяхъ упорства ссылали въ монастыри на сроки. Дѣла живыя не поправлялись, потому что и архивныя съ поразительною ясностью продолжали указывать на то, что вотъ надзоръ за отступниками вступилъ въ обычную и привычную колею

равнодушія, а между тѣмъ, ссыльный подъ рукою крестить бурята и становится субъектомъ дѣлаго судебного разсказа, подъ заглавіемъ: „О ложномъ крещеніи ссыльнымъ Орловымъ братскаго Даримова“. Въ силу поужденій, адресованныхъ издалека и подтвержденныхъ вблизи, началась усердная систематическая дѣятельность на пользу православія; горное начальство рѣшилось показать образцы и способы пропаганды своему духовенству, само принялось за стряпню—и, вотъ, въ архивѣ слѣды этого дѣла въ жалобахъ на крупнаго жѣры и въ рапортѣ разсказъ одного пристава о томъ, что такая-то женщина, изъ раскольницъ, съ сыномъ перерѣзала себѣ горло. Когда возникаетъ вопросъ о томъ, что это за вѣра, за которую ссыльные рѣшаются на самоубійство?—мѣстное духовное начальство, по собраннмъ справкамъ у знающихъ людей, свидѣтельствовало свои знанія и рекомендовалось ими передъ горнымъ начальствомъ и передъ нотомствомъ такою краткою историческою запискою (сохранившеюся въ архивѣ нерчинскаго Вольскаго завода):

„Содержащаяся ими секта разнится отъ греко-россійской церкви въ сложеніи креста, съ малою переменою въ словахъ при церковномъ служеніи. Въ житіи же проносятся такъ, что у нихъ, по неизвѣнью въ этой сектѣ священниковъ, рождающихся младенцамъ именованья нарекаютъ и погруженіе, подобно крещенію, дѣлаютъ иногда бабки, а иногда и грамоту разувѣющіе старики, а когда случаются той секты священники, то оныя дѣлаютъ муропоманіе“. И только!

Если удивять такіе невѣдомые, словно изподъ земли вышедшіе люди (какъ поступили, напр., казаки, сосланные изъ уральскаго войска), удивять и обидять болѣе рѣзкимъ и крайнимъ упорствомъ (не позволяютъ стричь волося и бороду, не пойдутъ на работу)—ихъ исправляли кнутомъ, давали удары десятками. На этомъ же кнутѣ ѣхали и дальше: одинъ и послѣ наказанія готовъ „лишиться жизни, но въ работѣ не быть“, его снова подвергали наказанію: два раза плетью и два раза кнутомъ. Кто упорствовалъ и послѣ того, тѣмъ полагали „ограниченную дачу провіанта, достаточную только для поддержанія жизни“, и учреждали надзоръ, чтобы ни отъ кого пособій со стороны ни получали“. „Успѣху не было“—сокрушалась нерчинская горная экспедиція *).

*) Въ 1775 году яцкіе казаки, приверженцы Пугачева, разселены были по разнымъ мѣстамъ Забайкалья: наиболѣе виновные и упорные при ввводахъ и рудникахъ на каторгѣ, остальные на поселеніи въ деревняхъ. Такъ, между прочимъ, въ Газимурской сотнѣ (въ деревнѣ Балгинской) поселены были 32 челоуѣка. Каждому выдано было отъ казны на покупку лошадей по 5 руб., а начальникамъ велѣно наблюдать, чтобы

За Байкаломъ существовала на англійскія деньги великобританская миссія, направленная противъ явчниковъ и жившая въ Селентинскѣ. Существуетъ тамъ же, въ Посольскомъ монастырѣ, на русскія деньги православная миссія для обращенія въ христіанство мѣстныхъ бурятъ; но миссія, направленная на поощреніе и содѣйствіе ссыльнымъ, для поученія и исправленія заключенныхъ, еще не было и въ проэктѣ. До тѣхъ поръ тѣ, которые прегрѣшили противъ вѣры и за эти преступленія сосланы въ Сибирь, продолжали жить тамъ предоставленными самимъ себѣ и если оставались и здѣсь при старомъ—при полной возможности пуститься на другія и новыя преступленія, то зачѣмъ они здѣсь? Зачѣмъ въ Россіи всѣ равнородные виды противорелигіозныхъ дѣяній сведены безразлично въ одну категорію?

На каторжныхъ работахъ, само собою разумѣется, преступниковъ противъ вѣры не различали отъ убійцъ и грабителей, не имѣя на то никакого права, а зачѣмъ, сообразно съ такимъ взглядомъ, и трактовали этихъ людей.

Для полноты картины, перенесемся изъ Восточной Сибири въ Западную и, для характеристики отношеній старообрядцевъ къ мѣстному духовенству и наоборотъ, остановимся на тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ преимущественно распространена старая вѣра въ близкомъ соседствѣ съ уральскими заводами и Россією. Эта мѣстность, ограниченная на востокѣ Варабинскою степью, на югѣ Киргизскою и теряющая границы на западѣ въ пространствахъ Россіи, представляетъ собою непрерывную цѣпь населенія, придерживавшагося стараго креста и доиконовскихъ церковныхъ обрядовъ. Въ ней расколъ почти столько же древенъ, какъ и въ самой Москвѣ. Въ деревнѣ Лепехиной, Ялуторовскаго округа (Ингалинской вол.), до сихъ поръ молитвенный домъ старообрядцевъ въ рукахъ потомковъ извѣстнаго въ исторіи ссыльнаго стрѣльца Якова Лепехина. Церковь эта была небольшая ветхая избушка, возбуждавшая сильное археологическое подозрѣніе на ту, въ которой молились древніе стрѣльцы. Стояла она въ глубокой, съ трудомъ проникаемой тѣснинѣ обывательскихъ домовъ. Внутренность ея представляла нѣчто необыкновенное по богатству окладовъ образовъ, которыми уставлена была избушка сверху до низу въ два яруса, вродѣ иконостаса. Иконостасъ этотъ, по обилію иконъ древняго пошиба, въ глазахъ старообрядцевъ представлялся громаднымъ сокровищемъ, не имѣвшимъ даже цѣны. Деревушка, сохранившая за собою имя своего древняго основателя, населена крестьянами-поповцами, носящими въ Сибири у своихъ названіе „стариковщины“, у постороннихъ извѣстныхъ подъ об- казаки лошадей непременно купили (дѣло Нерч. Бол. Зав. 25 мая 1776 года).

щимъ прозваніемъ „кержаковъ“, — прозваніемъ, приписываемымъ всѣмъ старовѣрамъ за то, что, большею частью, они имѣли сношенія со скитами рѣки Керженца (съ керженецкими поповами Нижегород. губ., Семеновскаго уѣзда). Приняли они сюда съ Урала, изъ тамошнихъ заводовъ, какъ бѣглые отъ тяжелыхъ работъ, а здѣсь и сейчасъ всѣхъ старовѣровъ зовутъ также „кержаками“, уже по прямому указанію на извѣстный притокъ Волги.

Во всей западной половинѣ Сибири, по рѣкамъ Иртышу, Ишиму и Тоболу, гуще другихъ населенной, общественное мнѣніе и свидѣтельство крестьянъ указываютъ на поселенцевъ, сосланныхъ за религиозныя мнѣнія, какъ на совратителей. Хотя еще до сихъ поръ не избрѣтены средства унавать, кто кого совратилъ, и хотя, само собою разумѣется, прямой путь — нападать на невинныхъ (путь, которымъ привыкли ходить и въ Сибири), тѣмъ не менѣе, поселенцы завиняются первыми. Въ особенности пользуются успѣхомъ, говорятъ, тѣ изъ нихъ, которые перечислены изъ Восточной Сибири въ Западную, а между ними наибольшую склонностью къ пропагандѣ отличаются филиппоны и еедосеевцы. Увѣренію наслѣженныхъ оказалось немного: извѣстенъ Плотниковъ, вѣнчавшій сводные браки. Его приговорили въ ссылку и сослали въ Каинскъ; онъ не унялся — услали дальше. Онъ дѣлалъ своды священническихъ вѣнчаніемъ. Послѣ него стали сводить родительскимъ благословеніемъ съ прочтеніемъ молитвъ и съ возложеніемъ на главы иконы. Другой передъ смертью завѣщалъ раздать своимъ единовѣрцамъ 25 тыс. руб. сер. Изъ другихъ совратителей извѣстны: солдаты Кайгородовъ и Колмаковъ, вліяніе которыхъ выразилось въ молитвенныхъ приѣмахъ. На молитвѣ стали становиться правильными рядами или шеренгами, поклоны начали вѣнчать не врозь, но желанію, а всѣ разомъ по уставу и по образу „полета птицъ, дѣлающихъ взмахи крыльями передъ небеснымъ Царемъ вдругъ, или, подобно метанью ружья солдатами, передъ царемъ земнымъ“. Кромѣ архіерея, жившаго въ 15 верстахъ отъ Оренбурга, старовѣры пользовались вліяніемъ даже одного изъ сильныхъ поляковъ, умѣвшаго разыгрывать роль старовѣрскаго наставника и попа, нажившаго такимъ способомъ большія деньги. Этотъ полякъ (старовѣрскій попъ) былъ сосланъ въ сибирскіе батальоны за участие въ революціи 1831 г. и такъ ловко поддѣлался къ старовѣрамъ, что они деньгами купили для него увольненіе отъ военной службы. Въ странѣ, гдѣ издревле религиозный фанатизмъ былъ такъ великъ, что велъ къ самоожженіямъ (по Тобольской губ. извѣстны 33 случая, изъ которыхъ первый принадлежитъ 1682 году, а послѣдній 1828), въ странѣ, гдѣ всѣ мѣстныя условія благопрі-

ятны свободѣ ученія, старообрядство воспользовалось значительными успѣхами (см. статью „Самоубійства“). Успѣхи до того были примѣтны, развитіе въ Сибири раскола такъ сильно, что съ 1831 г. прекратили туда ссылку преступниковъ противъ вѣры и обили счетъ. Участіе духовенства въ этомъ отношеніи, именно здѣсь, выразилось чертами характерными и доказанными.

Прежде всего, положеніе среди двухъ огней, изъ которыхъ одинъ больно жегся, другой приятно грѣлъ, всегда ставило и сибирское духовенство въ тѣ ложныя условія, при которыхъ выходило одно изъ двухъ: или мало пишешь бывшихъ на исповѣди — значить, нерадивъ, небрежешь объ овцахъ, не миссіонерствуешь, а за это — архіерейскій выговоръ, замѣчаніе, штрафъ, вызовъ въ консисторію для личныхъ объясненій; или пишешь не бывшихъ бывшими, некрещенныхъ крещенными — стало быть усердіе есть; виновные доносить не умѣютъ и, на жѣсто доносовъ, привыкли платить приносами, т. е. хлѣбомъ и деньгами; практика извѣстная, освященная вѣковымъ опытомъ. Въ 1751 году въ селѣ Кармечкомъ сожгли 25 человѣкъ крайнихъ фанатиковъ еедосеевскаго толка, которые оказались въ приходскихъ книггахъ всѣ записанными въ православіе, бывшими на исповѣди и у св. причастія. Не такъ давно умеръ священникъ, отправившій въ банкъ 36 т. р. асс., и крестьяне объясняютъ гласно оба эти яркія явленія тѣмъ, что за дозволеніе не быть у исповѣди платятъ по 1 руб. за душу и что бывали примѣры, когда священники продавали право перехода изъ православія въ расколъ за такое ничтожное вознагражденіе, какъ, напр., фунтъ чая. Процедура въ послѣднемъ случаѣ была обычная: православный крестьянинъ пересталъ ходить въ церковь и на исповѣдь — священникъ доносилъ объ этомъ. Назначалось слѣдствіе. Отступника вызывали на увѣщаніе или утѣшаніе (какъ крестьяне привыкли выражаться); въ духовномъ правленіи онъ устанывалъ на своемъ. Совѣщательный комитетъ, по закону, отдавалъ его затѣмъ на увѣщаніе мѣстному священнику, тому самому, съ которымъ уже сдѣлана сдѣлка. Увѣщатель писалъ начальству своему: „непреклоненъ“. Число остальцевъ древняго благочестія увеличилось. Новоприбылые самодовольно говорили всѣмъ: „Хоть и дорого встало, да за то ужъ теперь спокоенъ“. Православному священнику оставалось наблюдать только за тѣмъ, чтобы отбившаяся отъ стада овца не сдѣлала „вѣшняго оказательства“. Конечно, она этого не дѣлала, никогда и ни за что этого не дѣлала.

Лѣтъ 40—45 тому назадъ, въ этомъ краю, гдѣ, по народному выраженію, „лопаты многіе, но поповъ мало“, гдѣ народъ давно выговорилъ, что „не бѣжить церкви, а бѣжить свя-

щенниковъ“, извѣстенъ былъ между послѣдними одинъ такой, который никогда не служилъ обѣднѣ, а развѣ только отъ скуки часы или вечерню и за котораго все правили причетники. Бывало и спросятъ прихожане: „Будетъ ли обѣдня“? и довольствуются такимъ отвѣтомъ: „Обѣдня не будетъ, мы старенькую разогрѣли и ужъ кончили“. Этотъ попъ продалъ или, лучше сказать, пропилъ весь свой приходъ и отписывалъ въ расколъ за полуштофъ. Другого разжаловали въ причетники за то, что онъ, ходя на Пасху мимо раскольничьихъ избъ, бросалъ къ нимъ на дворъ черезъ заборъ крестъ, заводилъ ссоры, грозилъ доносами, бралъ отступное. Крестьяне, какъ извѣстно, не оправдывающіе въ своихъ пастыряхъ только запоевъ, охотно прощаютъ подгулы. „Почему и попамъ не подгулять, человѣкъ есть; напился, надурилъ—приди, извинись передъ старшими и младшими, попроси молитвъ, зла не попомнимъ“. Но гдѣ же у крестьянина силы примириться съ тѣми, которые, нося въ глазахъ бревна, ищутъ у другихъ спицы, и выносить тѣхъ, которые являются въ тѣсномъ деревенскомъ кругу присяжными врагами, доносчиками и вымогателями? Одинъ, напр., единовѣрческій священникъ больше ничего и не дѣлалъ, какъ только подсматривалъ: не тайнодѣйствуютъ ли? Замѣтивъ, онъ вторгался въ избы, вымогалъ отступное. Гдѣ не смогаль самъ, туда приглашалъ засѣдателя, общалъ ему 300 руб. сер. наживы. Другой (православный) служилъ только разъ въ году на Пасху. Къ третьему, который едва 5 разъ въ году правилъ службу (утреню, часы и вечерню), въ 1860 г. собрались на любимыя сибирскимъ народомъ „водокрещи“ (въ крещенье), а попа и дома нѣтъ, уѣхалъ въ дальнія деревни за поборомъ; на перваго Спаса въ 1861 г. сдѣлалъ то же. Собравшіеся подождали и уѣхали съ ропотомъ, тѣмъ болѣе сильными, что вообще сибирскіе люди на церковную молитву не охотливы, а считаютъ важными и серьезными только молебны: Богородицѣ, Николѣ, Власію и Модесту, Ильѣ пророку, а въ особенности любятъ молебствія на поляхъ и принятіе въ дома иконъ на Пасху. На такія непритязательныя народныя требованія не такъ давно имѣлись такіе священники, которые вовсе не были грамотными: либо не доучившись, живя въ глуши, перезабыли все, либо прямо изъ причетниковъ посвящены были въ пасторскій санъ. Люди эти стараго закала стали переводиться, но, тѣмъ не менѣе, являются еще противниками и недоброжелателями молодого поколѣнія и новыхъ священниковъ. Эти выразились для крестьянъ, хотя и въ новыхъ формахъ, но, тѣмъ не менѣе, не въ идеальныхъ. Крестьяне жаловались на ихъ грубое обращеніе, на гордость, „чехвалство“, на то примѣненіе высшихъ семинарскихъ взглядовъ, которое выражается презрѣніемъ

къ неграмотному люду. Крестьяне предпочитали имъ стариковъ уже по тому одному, что старые были обходительны, привычны и, стало быть, уступчивы. Молодые попы на первыхъ же порахъ оказывались бранчивыми и крутыми. Отъ тоски ли по городѣ стали они раздражительными, отъ униженія ли средою стали обидчивыми, прихожане этого не разбирали; о старыхъ попахъ тосковали, о новыхъ рассказывали, что одинъ во время крестнаго хода курить напиросы; другой, при всякой встрѣчѣ, ругался, при всякомъ дѣлѣ и заказѣ капризничалъ; третій за исправу требъ, чтобы слишкомъ не беспокоиться, положилъ большую плату. По этой самой причинѣ отъ этого послѣдняго прихожане стали ѣздить къ единовѣрческому попу, который за свадьбу бралъ довольно дешево, нестѣснительно, всего три рубля, а не красную. Другой (съ неодолимою привычкою къ табаку) какъ разъ очутился въ гнѣздѣ раскольниковъ, гдѣ, съ подстриженными усами, казался человѣкомъ и безъ того немилымъ, да кстатѣ мѣсто принялъ отъ того, который во время службы нюхалъ табакъ на всю церковь. Молодые попы сердились на мужичье невѣжество, презирали крестьянъ, а сами, въ то же время, исполняли только обряды (и, надо сказать, аккуратное старыхъ): окрестить, похоронить, исповѣдуеть, повѣнчать, а о назиданіи нѣтъ и помину (и сами никакихъ книгъ не читали). Подъ носомъ у такихъ издавна приладили наставники, начетчики—старообрядцы. У раскольниковъ стариковъ первое дѣло, какъ извѣстно, назиданіе, публичное чтеніе книгъ: Маргаритъ, Ефремъ Сирій, псалтырь старопечатная и проч. живое и упрощенное толкованіе; „въ моленной избѣ посидѣть любо, и навздыхаешься до самаго донушка сердца, и всплакнешь не одинъ разъ у хорошаго и доточнаго наставника“. Сводили молодые попы дружбу съ засѣдателями, съ этими вѣдомыми охотниками на раскольниковъ, какъ бы на какую вкусную птицу либо жирную рыбу*). Многіе изъ молодыхъ по старому за ними погнались: при обыскахъ ходили съ понятиями и положили уже на себя въ народѣ худую славу. Многіе убереглись отъ преслѣдованія потому только, что засѣдатели умѣли прикрывать дѣла. Старые порядки остались на томъ же положеніи: старовѣры женятся и „сводятся“ (свободнымъ, гражданскимъ бракомъ) съ православ-

*) Въ 1852 году ген.-губ. Западной Сибири вынужденъ былъ формально запретить чиновникамъ ходить по старовѣрскимъ домамъ облавною ночью или вѣщиваться въ дѣла раскольниковъ, отбирать книги и проч. Но это не остановило: чиновники продолжали впутываться и исправники, напримѣръ, по прежнему получали 500 р. за каждый молитвенный домъ. Одну начетчицу довели до истерической неоправимой болѣзни заточеніемъ за то, что въ стариковщинѣ (попупинцамъ) читала каноны за едино-умершаго и за умершихъ.

ными, и если раскольница попала въ домъ къ православнымъ, въ семьѣ рѣдко кто устанвалъ.

Уходили въ расколъ, между прочимъ, отъ тяжести общественныхъ должностей: смоленскимъ выселенцамъ велѣно было участвовать въ постройкѣ церкви,—они объявились раскольниками. Псковскіе переселенцы (изъ Великолукскаго уѣзда), съ начала водворенія, будучи раскольниками на родинѣ, объявились въ Курганскомъ округѣ православными всѣ, за малыми исключениями; когда въ 15 лѣтъ успѣли приглядѣться къ сибирскимъ порядкамъ, они сказались старовѣрами, отстали отъ церкви и всѣ ушли въ расколъ. Когда въ деревнѣ Мальцевой (1756 г.) приготовившіеся къ самоожженію (ушедшіе въ ямки—по туземному выраженію) долго раздумывали и успѣли явиться увѣщатели, крестьяне требовали: уговорить священника не брать поборовъ, смѣнять начальство за то, что отрывало отъ земли и мучило на работахъ, заставляя строить дощаники и возить дѣло въ дальнія мѣста. Они говорили, что раззорены такъ, что не мила жизнь, что словамъ чиновниковъ не вѣрятъ и боятся расположиться на нихъ. Какъ ихъ ни увѣщевали потому, они все-таки подождлись; одного обгорѣлаго успѣли выхватить изъ огня, вылечить, посадить въ острогъ, заковать въ кандалы и отдать на судъ свѣтской власти. Въ то же время 600 человекъ изъ Верхъ-Исетскаго завода и 300 изъ Екатеринбургскаго вѣдомства бѣжали въ Польшу. При 9-ой ревизіи съумѣли схватить уважаемыхъ миромъ, зажиточныхъ людей 12 человекъ, отправить въ этапный казематъ, тамъ желѣзными цѣпами приковать къ столбамъ, оттуда отправить въ Тюмень на увѣщаніе; при этомъ вели по городу съ обрѣтыми половинами головъ, въ домахъ оставлены были только малыя дѣти. Этотъ казусъ произвелъ такое сильное впечатлѣніе, что многіе православные поспѣшили обратиться въ расколъ. Въ 1860 году изъ разныхъ волостей Тюменскаго округа крестьяне съ семействами, въ количествѣ 519 душъ, подали просьбу по начальству объ отпискѣ ихъ въ расколъ; до того времени всѣ они числились православными. Тюмень застроилась было каменными церквами, свидѣтельницами усердія жителей къ православію, но иконостасы почернѣли, церковныхъ капиталовъ не стало, все обвѣтшало. Народъ ушелъ въ расколъ и причетники не такъ давно ставвали въ рубищахъ на перекресткахъ. Появились новые священники—все стало поправляться и умѣнья и усердія явилось больше.

Сводные браки, вообще, не прочны: кто нибудь изъ сведенцевъ непремѣнно нарушитъ контрактъ и потребуетъ новаго свода, а съ нимъ кадыма и новыхъ расходовъ. Теперь многіе стали прибѣгать къ вѣнчанію въ православныхъ и, разумѣется, чаще всего въ единовѣрческихъ цер-

квахъ. Послѣ того неумудренная неправа: нѣскольکو лѣтосовокъ (лѣтосовка—сто поклоновъ), очистительныя молитвы и—дѣлу конецъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ не велѣло считать такихъ браковъ законными, но сведенцы отвѣчали: „Пожалуй, не считай; мы и такъ живемъ и проживемъ“, а своды усилились до высшей степени.

Архіерей Георгій велѣлъ писать раскольниками всѣхъ, не бывшихъ на исповѣди. Столочначальникъ консисторіи показалъ эту резолюцію раскольникамъ и слухъ проникъ глубоко. Захотѣли отписаться и православные, придерживавшіеся раскола, и для того рѣшились подать о себѣ особыя ревизскія сказки. Въ 10-ти волостяхъ заварилась каша: писаря помогали, а земское начальство поощряло. Нарядили слѣдствіе: виновныхъ посадили въ острогъ, нѣкоторые тамъ умерли; другихъ лишили правъ состоянія и сослали въ Восточную Сибирь; остальныхъ съ рукъ сошло.

По отношенію къ высшимъ духовнымъ властямъ, у старовѣровъ остались въ воспоминаніи только мимолегныя проѣзды владыкъ и ихъ поѣзды со свитою, напоминающіе древніе воеводскіе поѣзды съ челядью, которая хватала по дорогѣ серебряныя ложки, скатерти со стола и все, что ни попадало подъ руку. „Да и станеть ли владыка (говорили крестьяне) примѣрять священника къ мужику, а тѣмъ щуче мѣнять его на старовѣра“? Такимъ образомъ, обаяніе „вѣдать вся да всяко нѣкія спасуть“ не вѣдали и не хотѣли вѣрять, между прочимъ, такимъ несомнѣннымъ даннымъ.

Въ бытописаніяхъ тобольскаго лѣтописца сохранился, между прочимъ такой оригинальный типъ. Въ началѣ прошедшаго вѣка въ Тобольскѣ, въ Знаменскомъ монастырѣ, жилъ архимандритъ Порфирій, происхожденіемъ изъ подъячичъ. При монастырѣ состояли крестьяне, платившіе вмѣсто сдѣлокъ (задѣлья) деньгами. Порфирій уговорилъ ихъ дать подписку въ томъ, что они, за скудостью денегъ, пришли въ изнеможеніе и что, вмѣсто денегъ, желаютъ производить платежи сдѣлками. „Недомышленный народъ пережѣвлялъ свою бѣду на напасть“, замѣчаетъ нашъ лѣтописецъ. Архимандритъ накладывалъ сдѣлки дровами, бревнами, сѣномъ, круглыми лѣсомъ и тесомъ. Монастырь началъ богатѣть. Для вящаго успѣха Порфирій прикармливалъ и одаривалъ подъячичъ, а черезъ нихъ кланузы достигъ до того, что выбылыхъ по указамъ крестьянъ и бобылей, какъ изъ крестьянства, такъ и изъ ямщиковъ, многихъ людей, по прежнему обратилъ въ монастырскіе служители и, конечно, раззорилъ. „Самъ же жилъ въ монастырѣ роскошнымъ и полноправнымъ помѣщикомъ, мало того—сибаритомъ: умывался кипячею и пропѣженною сквозъ полотно водою; отъ кельи до церкви, внутри монастырской ограды, и до другихъ покоевъ ѣздилъ на лошади въ эки-

нажѣ, хотя бы то было и въ лѣтнее время. Подражая древнихъ отецъ, въ кушанье пекли ему хлѣбъ ячменный, а ячмень ему чредили, по его приказу, крестьянскія жены и ихъ дочери, такъ что у всякаго зернушка ячменнаго оскабливали скорлупу ножичками и такъ чищенные зерна мололи на нарочно на то построенныхъ мельницахъ и всякій день готовили ему хлѣбцы и булки новые и свѣжіе; варили ему рыбу живую, дѣлали кашу изъ топленнаго молока со снятыми пѣнками“. Разоренные имъ до тла крестьяне подали на него челобитье въ губернскую канцелярію. Канцелярія рѣшила: главныхъ челобитчиковъ выбить кнутомъ, вырвать имъ ноздри и 50 человекъ послать на каторгу, изъ остальныхъ 300 старшихъ десятого наказъ кнутомъ, а прочихъ, по состоянію ихъ лѣтъ, бить плетью и батожемъ. Витые крестьяне вырыли для монастыря пруды и построили мельницы. Въ пруды архимандритъ напустилъ рыбы и кормилъ ее печенымъ хлѣбомъ, но рыба вся поколѣла и выплыла на поверхность воды. Въ Тобольскѣ отгородилъ онъ себѣ большое мѣсто, стѣснивъ сосѣдей, и еще больше стѣснилъ крестьянъ, вытребовавъ ихъ вновь на житье въ монастырь. Такія дѣла дошли до вѣденія синода. Порфирія перевели въ Тюмень, въ Троицкій монастырь. Здѣсь онъ началъ творить то же, „но“ — говоритъ лѣтописецъ: — „умножившаяся въ немъ болѣзнь и скорбь, отъ печали и стыда бываемая, не допустила его до дальнихъ предпріятій и тягостью своею ввергнула во изступленіе ума, да къ тому и смерть не преминула употребить свои наблюденія. Притомъ она, опасаясь столь хитраго политика и приказнаго происка, чтобъ какими нибудь приказными крючками не могъ ее довести до дальнихъ волокиты, не опуская времени, изъ знатной себѣ такой добычи, изъ своихъ рукъ сей жизни лишила его“. Про другого троицкаго архимандрита, управлявшаго духовенствомъ до 1835 г. (Амвросія), рассказываютъ рядъ разныхъ анекдотовъ, дебошей; пить онъ мертвую *). Съ третьимъ архимандритомъ (Іоакимомъ, въ Пыскорскомъ монастырѣ) раздѣлялись самосудомъ — убили. Въ убійствѣ оказались виновными, въ одинаковой степени, и монахи и монастырскіе крестьяне, не любившіе его за строгость. Дѣло произошло въ 1839 году. Курьезны при этомъ допросы.

*) Этого Амвросія разъ посылали увѣщевать со священниками, въ 1828 г., въ дер. Гилсу, гдѣ явились духоборцы (толковавшіе, что истинные поклонники поклоняются Богу духомъ и истиною). Амвросій, какъ пріѣхалъ, такъ и выпилъ, какъ выпилъ, такъ и началъ страшать острогомъ; когда острогу поемѣлялся, онъ обѣщаль разстрѣлять изъ пушекъ. Съ тѣмъ и уѣхалъ, захвативъ съ собою крестьянина Хохлова; 13 мѣсяцевъ прожилъ Хохловъ въ острогѣ и приговоренъ къ ссылке, но синодъ оставилъ его на мѣстѣ жительства.

доведившіе до сознанія: „Исправникъ принужденъ былъ употребить при томъ послѣднія средства, хотя было то съ закономъ и не согласно; не давъ ему, Фотіеву (болѣе другихъ подозрѣваемому), одуматься, толкнулъ его изъ присутствія въ прихожую по затылку и въ оной принужденъ былъ употребить его нѣсколько по зубамъ, повторяя одинъ за другимъ удары, тѣмъ приведенъ будучи въ разстройку и не имѣя случая оправиться — сознался“.

Старовѣры всего края, примыкающаго къ Уральскимъ горамъ и прилежащаго къ Иртышу, Ишиму, Тоболу и прочимъ рѣкамъ — люди грамотные, начитанные, вообще трезвы, любятъ молиться, бесѣдовать и читать священныя книги; не любятъ общественныхъ забавъ, гулянокъ, масляничныхъ катушекъ, пасхальныхъ калачей и, особенно, игрищъ въ праздники. Молодежь хотя и любитъ выпить, но въ большіе праздники въ кабаки не ходитъ, пьетъ мимо праздниковъ. Въ праздники даже помочей не дѣлаютъ и, вообще, стараются не работать, а больше молиться, бесѣдовать и слушать писаніе. За пьянство и другіе грѣхи старики накладываютъ нѣсколько лѣстовокъ, отлучаютъ въ пищу, въ молитвѣ: ѣшь одинъ, молись послѣ всѣхъ. Раскольники люди богатые, они первые плательщики податей, первые помощники бѣднымъ, помогаютъ милостынею и православнымъ (этимъ меньше, своихъ бѣднымъ больше). На слѣдствіяхъ, и безъ присяги, не кривятъ душою. Гостеприимны, какъ всѣ сибиряки, но честны и справедливы, какъ примѣтное исключеніе. Всѣ старовѣры очень набожны, особенно старики: всякое домашнее дѣло начинаютъ молитвою. За обѣдомъ всякое блюдо встрѣчаютъ большимъ крестомъ и безъ креста не ѣдятъ ничего. Вставъ съ постели, кладутъ большой или малый началъ (судя по досугу); также поступаютъ и вечеромъ. На праздники и въ праздники молитвы необходимы отъ стараго до малаго; праздничная служба совершается по книгамъ, а у кого ихъ нѣтъ, по лѣстовкамъ съ подручниками. Памятуя и уважая старину, въ праздники мужчины, обыкновенно, надѣваютъ кафтаны, женщины большіе платки и непременно сарафаны одного цвѣта, либо синіаго, либо чернаго, но не пестраго (только савинская поповщина позволяетъ дѣвкамъ ходить въ молитвенные дома щегольски одѣтыми). Отъ православныхъ крестьянъ старовѣры, въ этомъ отношеніи, значительно отличаются и стоятъ далеко выше; во всѣхъ* толкахъ строгое обязательство грамотности по часослову и псалтырю. Если нельзя выучить грамотѣ, непременно выучать молитвамъ. Изъ православныхъ рѣдкій читаетъ молитвы, у старовѣровъ всякій мальчикъ и дѣвочка знаютъ наизусть такъ называемый малый началъ, другіе знаютъ и большой и много молятся. Попы у стариковъ

щины почти уже дряхлые старики, но трезвые и набожные. Начетчики у поморцевъ представляютъ собою классъ людей высоко нравственныхъ, внушающихъ къ себѣ полнѣйшее уваженіе; все это люди трезвые, разумные, умѣющіе найтись всюду, гдѣ нуженъ ихъ совѣтъ, и не медлящіе идти на помощь всюду, гдѣ въ ней нуждаются. Они—тѣ общественные избранники, народные друзья, тотъ идеалъ, къ которому непремѣнно должны стремиться священники, желающіе дѣйствовать на старовѣровъ и руководить ими.

Когда, въ 1762 году, Екатерина воспретила преслѣдованія, обложивъ старовѣровъ двойнымъ окладомъ, въ „старой Сибири“ многіе прибѣгали къ церкви по чистому сознанию, что безъ церкви нельзя и безъ таинствъ спасеніе невозможно. Они стали вѣнчаться, крестить, иногда исповѣдываться и даже погребать умершихъ близъ церкви. Потомки ихъ остались въ чистомъ православіи. Теперь, когда колебаніе старовѣровъ сдѣлалось примѣтнѣе, не утрачиваются надежды на то, чтобы способомъ постепенныхъ уступокъ поставить дѣло въ лучшее положеніе, чѣмъ нынѣшнее. Крутыя мѣры и рѣзкія требованія не только останавливали дѣло, но и поворачивали назадъ. Прямо и разомъ превратить старовѣровъ въ православныхъ еще никому до сихъ поръ не удалось, опыты постепеннаго обращенія въ Сибири вѣнчались кое-гдѣ успѣхомъ даже и въ тѣхъ мѣстахъ, о которыхъ идетъ наша рѣчь. Тамъ сами старовѣры дѣлаютъ такое уподобленіе: „Разомъ въ церковь войти—это какъ бы на морозѣ раздѣться, искупаться и рубаху переменить!“ А потому нѣкоторые окрестить у пона

не прочь, но муромазаніе уже затрудняетъ ихъ; исповѣдаться у хорошаго охотятся (и зачастую дѣлаютъ это тайно по ночамъ), но причаститься даже изъ рукъ трезваго, не курящаго, усовъ не подстригающаго священника очень трудно; разомъ всего не поднимешь. На православномъ кладбищѣ умершаго положить очень трудно, на своемъ, среди родичей, приятно во все удовольствіе сердца. Крещенаго и вѣнчанаго попомъ, пожалуй, и поправлять не станутъ, если бы священникамъ, при погруженіи, позволено было держать младенца спиною къ востоку. При вѣнчаніи хожденіе кругомъ аналоя супротивъ солнца—тоже крупное препятствіе: ноги не ходятъ. Двуперстное сложеніе, столь обширно распространенное, почти всеобщее по Сибири и въ сѣверной Россіи, желательно имѣть видѣть и у православныхъ священниковъ. Одинъ священникъ шилъ эпитрахиль съ семью крестами и придѣлалъ къ требишку мѣдное распятіе,—стали ходить къ нему все старовѣры и прикладываться къ требишку, хотя и знали, что онъ недавняго синодальнаго изданія. Нѣкоторыми уступками одинъ достигъ того, что въ десять лѣтъ исправилъ дѣло, испорченное его нетрезвыми и корыстолюбивыми предметниками: старовѣры стали снова прославными. Выборъ священниковъ, излюбленныхъ миромъ, является однимъ изъ вѣрныхъ и прямыхъ путей для выхода изъ запущенныхъ и запутанныхъ отношеній. Тогда не будетъ нужды прибѣгать къ составленію фальшивыхъ мѣрскихъ приговоровъ, какъ сдѣлалъ это, въ 1860 г. въ Тобольской губерніи, недостойный служитель алтаря, ссавившій съ мѣста того, которымъ все прихожане были довольны.

Г Л А В А IX.

ПРЕСТУПЛЕНІЯ ПРОТИВЪ КАЗНЫ.

Фабриканты металлическихъ и бумажныхъ фальшивыхъ денегъ.—Мѣста и способы приготовленія.—Деньги въ шубахъ.—Венгерцы.—Лабзинъ.—Знаменитый Цезикъ.—Его замѣчательное мастерство.—Политическія пѣли въ фабрикаціи ассигнацій за Байкаломъ.—Фабрикація фальшивыхъ документовъ; мѣста и лица.—Корчемники; корчемство виномъ и солью.—Контрабандисты.—Кража золота и серебра.—Кяхтинская, сибирская и русская контрабанда.

Покушенія на интересы казны (преступленія противъ имущества и доходовъ ея) выразились абсолютнымъ числомъ сосланныхъ въ Сибирь въ такихъ отношеніяхъ: самое большое количество жертвъ ушло за поддѣлку и переводъ ассигнацій и монеты, затѣмъ за корчемство виномъ и солью, потомъ за нарушеніе таможенныхъ постановленій (контрабанду) и, наконецъ, за похищеніе драгоцѣнныхъ металловъ

на заводахъ и промыслахъ (за кражу золота). Похищеніе и истребленіе казенныхъ лѣсовъ появленіемъ своимъ отдѣльною рубрикою въ сибирскихъ табеляхъ опоздало, а кража казеннаго имущества (облагороженная прозваніемъ „присвоенія и утраты ввѣреннаго по службѣ имущества“) отнесена, вмѣстѣ съ подлогами по службѣ (мздоимствомъ и лихоимствомъ), въ отдѣлъ преступленій должностныхъ лицъ по

службъ государственной и общественной. Подчиняясь этому порядку, преслѣдуемъ задачу нашу прочесть списки ссыльныхъ преступниковъ до конца.

1. Фабриканты металлическихъ и бумажныхъ денегъ.

Прежде всего, не можемъ не выразить сожалѣнія о томъ, что сибирскія табели, путая производителей съ потребителями, слѣпо со значимъ, фабрикантовъ и заказчиковъ, передатчиковъ и обманутыхъ (всѣхъ четырехъ) въ одну кучу, лишаютъ насъ желаемой возможности отдѣлять тѣхъ, которые фабриковали бумажныя деньги, отъ мастеровъ, попавшихся на поддѣлкѣ монеты. На практикѣ, по обычаю и закону всякаго ремесла (требующаго и раздѣленія труда и служенія какой нибудь одной специальности), оба вида преступныхъ дѣяній выразились ясными признаками отдѣльнаго и самостоятельнаго проявленія. Съ перегибомъ способа записей ссыльныхъ табели этой разницы не признавали, но, по нѣкоторымъ старымъ признакамъ (по таблицамъ за 9 лѣтъ съ 1838 по 1846 г.), можно видѣть и убѣждаться на цифрахъ, что монетчиковъ подалось больше, чѣмъ фабрикантовъ бумажныхъ денегъ (слишкомъ въ 4 раза), хотя настоящее время, по всему вѣроятію, переставляетъ картину въ обратномъ видѣ. Съ уменьшеніемъ количества ходячей монеты и съ перегибомъ ея внутренняго достоинства, древнѣйшій способъ денежныхъ поддѣлокъ, требующій меньшихъ подготовительныхъ средствъ отъ безграмотнаго, но опытнаго техника, естественно долженъ былъ уступить новому способу поддѣлокъ, практикующему во время развитія техническихъ производствъ (въ особенности фотографій, литографій и т. п.). Хотя для монетчиковъ цѣлыя столѣтія опыта, а для фабрикантовъ только съ небольшимъ сто лѣтъ практики (со времени манифеста Екатерины II, вводившаго ассигнаціи съ цѣлью „подать способы къ обращенію денегъ, отъ котораго много зависитъ благоденствіе народа и цвѣтущее состояніе торговли“), тѣмъ не менѣе, развитіе поддѣлки фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, въ настоящее время, одно изъ яркихъ и модныхъ явленій. Поддѣльватели ассигнацій, уступая монетчикамъ *) въ первую половину текущаго столѣтія, въ теченіи второй заняли, конечно, болѣе почетное и видное мѣсто по необычайному распространенію кредитныхъ бумажекъ всякаго рода. Прошлое время даетъ настоящему слѣдующія указанія и предостереженія.

Поддѣлка фальшивыхъ денегъ нисколько не

*) За поддѣлку и переводъ монеты сослано 368 чел. (350 муж. и 18 ж.), а поддѣльвателей и переводчиковъ фальшивыхъ ассигнацій за то же время сослано только 86 (82 м. и 4 ж.).

останавливалась при измѣненіи формы денежныхъ знаковъ и поддѣльватели не затруднились ни въ 1817 году, когда ассигнація, дойдя до громадной цифры 836 милліоновъ, ушла въ цѣнѣ (и приняты были мѣры къ изыятію ихъ изъ обращенія), ни въ 1843 г., когда онѣ замѣнены были кредитными билетами. Напротивъ, даже перегибъ ассигнаціоннаго курса (въ 1837 г.) на серебро усилила поддѣлку и увеличила число ссыльныхъ (въ 1841, 1842, 1844 и 1845 гг.). Въ наши дни не задумывались поддѣльватели надъ болѣе трудными сериями и въ поддѣлкѣ кредитныхъ билетовъ не совладали лишь съ радужными (высшаго достоинства) и рѣже снисходили до фабриканціи бумажекъ желтаго цвѣта и самаго низшаго достоинства (рублевыхъ). Наибольшее количество ссыльныхъ по дѣламъ фальшивыхъ бумажекъ, въ извѣстные намъ годы, замѣчалось въ смежныхъ съ границею губерніяхъ, свидѣтельствуя сильнѣе о передатчикахъ, тѣмъ о фабрикантахъ, и издавна указывая на заграничныхъ дѣятелей, подрывающихъ нашу кредитъ съ помощью жадныхъ къ денежнымъ богатствамъ и необыкновенно ловкихъ и опытныхъ въ такого рода операціяхъ евреевъ *). Этими явленіемъ и выразилась первоначальная исторія нашихъ фальшивыхъ бумажекъ на то время, когда свои мастера практиковались еще на древнемъ способѣ чеканки фальшивой монеты и къ способамъ поддѣлки бумажныхъ денегъ только присматривались и приловчались.

Наибольшее число покушеній обогащаться фальшивою монетою внутри Россіи объявилось въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ городская жизнь сумѣла пригнѣть тѣ техническія мастерства и ремесла, которыя облегчаютъ фабрикацію запрещенныхъ продуктовъ, и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ наиболѣе развито заводское и фабричное дѣло. Процентныя сравненія въ ряду многочисленныхъ русскихъ сословій указывали на большую виновность въ этомъ преступленіи именно людей, приписанныхъ къ заводамъ или работавшимъ на фабрикахъ. Имъ уступало даже купечество, наиболѣе въ томъ виновное (по отношенію къ ссыльнымъ за уголовныя преступленія), и замѣчательно далеко остались назади крестьяне другихъ наименованій и духовенство (сословія, наименѣе виновныя въ этого рода поддѣлкахъ). Такимъ образомъ, губерніи: Пермская, Нижегородская, Оренбургская, Казанская, Владимирская и Московская обнаружались въ числѣ первыхъ, съ одной сто-

*) Бывшая Бѣлоостокская область отличается самымъ высокимъ процентомъ по всѣмъ. При этомъ евреи, по процентнымъ отношеніямъ ко всѣмъ другимъ инородцамъ, занимаютъ самое первое мѣсто. Рискъ обогатиться фальшивыми деньгами въ этомъ народѣ уступаетъ только риску въ поползновеніяхъ на контрабанду. Такъ увѣряютъ сибирскія цифры.

роны, по количеству умѣлыхъ рукъ, съ другой—по обилію слѣпыхъ глазъ въ русскихъ заходустяхъ смежныхъ губерній и въ средѣ инородческаго населенія, обильно населяющаго всѣ четыре первыхъ губерніи. Московской и Владимирской пришлось выдвинуться дальше другихъ внутреннихъ губерній по тому счастливому географическому положенію, которое поставило ихъ посреди двухъ самыхъ живыхъ торговыхъ центровъ и на пути къ нимъ, каковы Москва (круглый годъ) и Нижній-Новгородъ (на время двухмѣсячной ярмарки). Тутъ и тамъ, въ обоихъ пунктахъ, руководящихъ всѣмъ торговымъ движеніемъ цѣлой Россіи, при слабости нашего торговаго кредита (вызывающей сильнѣйшую потребность въ денежныхъ знакахъ), преступный промыселъ издавна устроился на болѣе прочныхъ основаніяхъ. Оправдываясь помощью и содѣйствіемъ при тѣхъ затрудненіяхъ, которые встрѣчаетъ товарный обмѣнъ на нижегородской ярмаркѣ и на которыя часто слышатся тамъ жалобы, промыселъ фальшивыхъ денегъ имѣлъ наибольшій успѣхъ въ практическихъ приспособленіяхъ въ то время, когда одна крупная операція, вызывая одновременно вторую, продолжала дѣйствовать въ цѣломъ ряду другихъ, самыхъ крупныхъ и сильныхъ оборотовъ. Когда начинали чай и желѣзо и тотчасъ же шевелили мануфактурные товары, послѣдовательно вызывавшіе движеніе товарами москательными, фальшивыя деньги съ успѣхомъ втирались въ груды разнѣнныхъ знаковъ, которыя быстро переходили изъ однихъ хлопотливыхъ рукъ въ другія, слѣпившія не терять момента, не задерживать хода и успѣха операцій. Подъ видомъ „красноярокъ“ и „гуслицкихъ блиновъ“, фальшивыя бумажки появлялись на свѣтъ Божій, по окончаніи ярмарки, въ самыхъ отдаленныхъ пунктахъ Россіи и, въ шубахъ и безъ шубъ, т. е. въ бумажныхъ рамкахъ, свободно расходились въ болѣе темныхъ и глухихъ заходустяхъ. Тѣ же оптовые приемы торговли и отчасти тотъ же недостатокъ разнѣнныхъ знаковъ въ отдаленныхъ пунктахъ Россіи, при общей слѣпотѣ мѣновщиковъ собственныхъ сырыхъ продуктовъ, омолодившихъ руки и загрубившихъ нравы до противоборства грамотности, указали для фабрикаціи фальшивыхъ денегъ такія же видныя мѣста подъ Казанью, ведущею сильный оптовый торгъ съ Сибирью и Россією, и въ Пермской губерніи, ради Ирбита, ярмарка котораго уступала одной только Нижегородской. Помимо фальшивыхъ бумажекъ, здѣсь въ сильнѣйшей степени укрѣплялась поддѣлка монеты, въ расчетѣ на близость и сосѣдство самыхъ темныхъ людей изъ инородческихъ племенъ, которые въ одно время любятъ задерживать обращеніе монеты; и черезъ приспособленіе ее къ украшеніямъ своихъ нарядовъ и черезъ сохраненіе ее въ землѣ за-

рытою въ кубышкахъ и горшкахъ, какъ древнѣйшій, доисторическій способъ сбереженія капиталовъ.

Насколько силенъ вызовъ фальшивой монеты, обезпеченный и руководимый обычаями и невѣжествомъ инородцевъ, служили доказательствомъ наши тюрьмы—учрежденія наиболѣе неблагоприятныя (по видимому) существованію въ стѣнахъ ихъ фабрикъ подобнаго опаснаго товара. Въ ближайшихъ къ Сибири и въ сибирскихъ тюрьмахъ не было почти ни одной, тщательныя розысканія въ которой не навели бы на слѣды этого преступнаго промысла. Промыселъ фальшивою монетою въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ (напримѣръ, тобольской) и въ нѣкоторыхъ заводахъ каторжныхъ (напримѣръ Успенскій заводъ Тобольской губерніи) издавна считался привилегированнымъ *). По временамъ ослабѣвалъ онъ, по временамъ возрасталъ, въ силу большей или меньшей бдительности и преслѣдованій, но, вообще, подчинялся тѣмъ же законамъ, по которымъ, напримѣръ, въ Россіи Воронежская губернія, въ ряду русскихъ, заняла первое мѣсто безъ всякихъ разумнымъ образомъ объяснимыхъ основаній. Оставаясь подъ прикрытіемъ тайны въ обычное время, промыселъ выбивался наружу при усиленномъ надзорѣ, начинавшемъ устремляться въ одну и ту же точку, но продолжалъ оставлять въ постоянной виновности всѣ русскія губерніи (съ меньшею виновностью для бѣлорусскихъ и сѣверныхъ и съ большею—на правахъ передатчицы и проводницы поддѣлокъ—для приволжскихъ и новороссійскихъ; а изъ малороссійскихъ для тѣхъ, гдѣ существуютъ огромныя ярмарки: для Курской, Полтавской и Харьковской).

Насколько распространенъ этотъ промыселъ и широко его примѣненіе въ Россіи, доказываютъ тѣ же тюрьмы, изъ каковыхъ, по дѣлу о разбойникѣ Быковѣ, оказалась виновною даже такая немногочисленная, какъ ланшевская (Казанской губерніи), а равно и гласъ народный, сознательно указывающій на многія села и деревни, занятыя приготовленіемъ монетъ и бумажекъ, на многіе города и въ нихъ на купеческіе дома, застроенныя каменными домами улицы и украсившіе ихъ богатыми церквами, съ цѣлью прикрыть и замолотить грѣхъ, пособившій первоначальному обогащенію. Въ особенности часты, сильны и убѣдительно подобныя указанія въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ наиболѣе скопились въ согласное цѣлое упомянутыя нами причины, каковы, между прочимъ, губерніи Ка-

*) Отсюда Тобольской губ., по сравненіи съ русскими, принадлежить самое видное и почетное мѣсто: въ 9 лѣтъ въ ней накопилось пойманныхъ монетчиковъ 20 (тогда какъ изъ русскихъ, въ тѣ же годы: въ Саратовѣ 15, въ Симб. 12, въ Перм. 4 и проч.) и дѣлателей ассигнацій 26 (въ Пермск. 6, въ Херс., Волын., Сиб. по 4 и проч.).

занская, Пермская и Тобольская *). Сибирь является страной, наиболее страдающею от разнаго рода поддѣлокъ. Въ ней долгое время, во всей неприкосновенной цѣлости, сохранялся первобытный способъ обмѣна товара на товаръ: пушного звѣря на порохъ, свинець, муку и соль, а въ размѣнную единицу, на одинаковыхъ правахъ съ серебромъ, золотомъ, мѣдью и бумажными деньгами, допущены даба (особая бумажная матерія кнешемскаго дѣла), кирпичный чай (разбиваемый на куски до цѣнности 5 и 3 копейки) и клубныя марки (въ губернскихъ городахъ до Перми включительно). Въ то же время фальшивая монета и ассигнаціи разгуливали тѣмъ свободнѣе, чѣмъ больше высылалось изъ Россіи мастеровъ, чѣмъ сильнѣе приучали тамошнихъ аборигеновъ къ звѣрѣ въ кредитные билеты и металлическіе знаки и чѣмъ чаще являлись затрудненія въ мелкихъ размѣнныхъ единицахъ. Последнее обстоятельство особенно замѣчательно; участіе ссыльныхъ въ денежныхъ поддѣлкахъ несомнѣнно и мѣста временныхъ и постоянныхъ заключеній безразлично служили мѣстами фабрикаціи. Разница заключалась въ томъ, что на востокъ Сибири промышленность эта слабѣе, а на западѣ она является во всеоружіи давняго опыта и искусства. За Байкаломъ (около 1848 года), венгерцы и другіе иностранцы, занимавшіеся мелочною разносною торговлею и ѣздившіе большими партіями съ заграничными товарами безъ таможенныхъ клеймъ, но съ поддѣльными пломбами и штампелями, уличены были въ томъ, что приобрѣтали преимущественно серебро и серебряную монету и пускали въ обращеніе фальшивыя ассигнаціи. Тамъ же считали различныя сорты поддѣльныхъ ассигнацій домашняго дѣла: насчитали 25 видовъ и съ отчаянія прекратили счетъ, оставивъ заведенную книгу для любопытныхъ въ архивѣ. Поддѣлывали татары, поддѣлывали и евреи, но особеннымъ искусствомъ передъ всѣми отличались — по наблюденіямъ начальствъ — тѣ изъ русскихъ, которые были присланы сюда изъ Пермской губерніи за то же самое искусство. Нѣкто Соколовъ дѣлалъ изъ контрабанднаго золота, украденнаго на казенныхъ промыслахъ, такіе червонцы, которые, при осмотрѣ въ Петербургѣ на монетномъ дворѣ, оказались преступными лишь въ томъ, что сдѣланы были изъ чистаго золота (серебристаго золота) безъ лигатуры; „двѣтомъ пожелтѣе, въ окружности больше настоящихъ, буквы поовальнѣе и не такъ явственны, зубчики крайняго ободка потолкае и вмѣсто звѣздочекъ точки“.

Подъ Иркутскомъ нашли фальшивыхъ монетчи-

*) Следственные дѣла указывали наибаче въ Пермской губ. на заводъ Богословскій и въ Вятской на Камско-Воткинскій. Народныя преданія, преимущественно, сосредоточиваютъ свои указанія на городахъ, лежащихъ на перевалахъ Сибири и Россіи.

ковъ на одномъ изъ острововъ Ангары (наз. островомъ Любви), а затѣмъ наталкивались во всѣхъ тюрьмахъ непрерывно. Въ Западной Сибири промыселъ этотъ разсчитывалъ на омскую линію, черезъ которую продукты выдѣла свободно уходили съ караванами въ Бухару, Хиву и Ташкентъ: и золотые, пробой выше казенныхъ, и оловянные цѣлковые, пригодные на киргизскую руку. Ходитъ преданіе, что съ того времени, какъ прошелъ слухъ о предписаніи омскому казначейству размѣнивать фальшивую монету на ходячую, приготовленіе оловянныхъ цѣлковыхъ въ тобольскомъ острогѣ и бумажныхъ денегъ въ Успенскомъ заводѣ производилось въ огромныхъ размѣрахъ. Подъ Тюменью называютъ цѣлыя деревни, указываютъ на заимки, на многіе купеческіе дома, разбогатѣвшіе отъ этого промысла. Нѣкоторые мастера, какъ ссыльно-каторжный Игнатій Поповъ (онъ же Голодаевъ) въ Троицкомъ заводѣ, бѣгло-каторжный Кореневъ въ тобольскомъ острогѣ и Игнатій Цезикъ вездѣ, куда ни приводила его судьба, приобрѣли повсюдную извѣстность, перешедшую въ потомство. Для нихъ солдаты-сторожа и бабы-торговки являлись на помощь, какъ передатчики; кабаки были мѣстами хранилищъ и казначейскими, а базары — размѣнными кассами. Тобольскій острогъ напрактиковался въ этомъ занятіи до того, что лѣтъ 60 назадъ пользовался далекою извѣстностью, потомъ началъ ослабѣвать, но въ пятидесятыхъ годахъ обнаруживалъ ежегодно, среднимъ числомъ, не менѣе трехъ слѣдовъ монетной и ассигнаціонной фабрикаціи. Тобольская губернія одна давала ровно $\frac{1}{3}$ часть всего количества преступниковъ, сужденныхъ за поддѣлку ассигнацій, и почти $\frac{1}{16}$ часть изъ всего числа людей, ушедшихъ въ Сибирь за поддѣлку и переводъ монеты. Кромѣ надежды поправить свое отчаянное состояніе при помощи спекуляціи на темныхъ людей, кромѣ рокового влеченія заблуждавшихся рукъ въ Россію, не сдерживаемыхъ, но поощряемыхъ каторгою и поселеніемъ, стремленіе къ поддѣлкамъ ассигнацій прикрывалось и политическою цѣлью, но тутъ оно не имѣло особеннаго успѣха. Фальшивыхъ бумажекъ, говорятъ, ссыльные поляки выпустили въ народное обращеніе очень небольшое число. Ссыльные за поддѣлку ассигнацій и монеты и въ ссылкѣ оказались несправными: восемь человекъ, учениковъ тверскаго купца Лабзина, и въ верчанскихъ заводахъ объявились такими же ловкими и искусными монетчиками, когда привелось отвѣчать отсюда на запросъ изъ Россіи по новой подсудности Лабзина. Не оставалъ отъ нихъ и Францъ Карговскій, торговавшій на каторгѣ виномъ, спиртомъ и водкою, „подъ названіемъ вѣтенберской“, и скупавшій у крестьянъ свиней, тетеревей и рабчиковъ, не смотря на то, что никуда и ни подѣ

какимъ видомъ изъ нерчинскаго завода его не отпускали и не позволяли ѣздить по аргунскимъ деревнямъ съ лекарственнымъ ящикомъ. Игнатій Цезикъ, въ особенности, оставался цѣльнымъ и неисправимымъ, подчинившись влеченію несокрушимаго жизненнаго духа.

Цезикъ выучился въ Вильнѣ - рисованію и глиннымъ работамъ и долго прожилъ тамъ, показавъ большую страсть и способность. Изъ Вильны онъ перебрался на родину, въ окрестности Слупска, и въ родной деревнѣ, вмѣстѣ съ братомъ (отставнымъ военнымъ), занялся хозяйствомъ. Мастерство совершенно бросилъ. Ничто имъ до поры до времени не благопріятствовало, но подвернулся случай: Игнатій поступилъ въ число членовъ какого-то масонскаго общества и, въ увлеченіи его задачами, остановился на мысли приспособить свои знанія и полузабытое искусство къ приготовленію фальшивыхъ денегъ. Кромѣ личныхъ интересовъ поправить свое разстроенное состояніе, онъ руководился и тою задачею, чтобы ослабить кредитъ правительства, и открылъ фабрику фальшивыхъ бумажекъ. Братъ его, Феликсъ, фабрикованную бумагу проводилъ въ обращеніе и, вмѣстѣ съ Игнатіемъ, рассчитывалъ оказать услугу вольности и свободѣ народа. Искусство Игнатія до нѣкотораго времени обезпечивало успѣхъ, но повадился кувшинъ по воду ходить, преступленіе было открыто и оба брата посажены въ тюрьму.

Въ тюрьмѣ, во время процесса, ни Игнатій, ни Феликсъ не теряли времени даромъ. По обычаю многихъ заключенниковъ, и они принялись глинить фигурки изъ гѣста и хлѣба, но съ тою разницею, что на издѣліяхъ Цезика лежала уже печать даровитости и работы его тотчасъ же обратили на себя вниманіе надзирателей и приставниковъ. Ему облегчили оковы, доставляли глину и по Вобруйску стали расходиться изящные глиняные сосуды, отличавшіеся отъ общихъ арестантскихъ пѣтушковъ и корбочекъ, крестовъ и голубковъ изъ лучины, красотою и изяществомъ отдѣлки. Цезикъ и самъ удивленъ былъ не меньше другихъ.

Вобруйское заточеніе кончилось для Цезиковъ тѣмъ, что имѣніе ихъ было конфисковано, сами они лишены дворянства и приговорены въ Сибирь на каторгу. Въ Тобольскѣ братьевъ разлучили: менѣе искусный Феликсъ ушелъ по назначенію, талантъ Игнатія обратилъ вниманіе начальства и онъ оставленъ былъ въ самомъ Тобольскѣ въ тюрьмѣ. Здѣсь слава его выросла уже настолько, что глинныя работы его оплачивались хорошими деньгами и отправлялись въ Москву и Петербургъ для подарковъ и на удивленіе. „Подѣлки, выходящія изъ его рукъ (говоритъ одинъ изъ знавшихъ его уже восьмидесятилѣтнимъ старикомъ, не встававшимъ съ постели), красотою фигуръ равнялись гречес-

кимъ антикамъ; орнаменты кружекъ, кубковъ и вазъ полны были прелести и готической фантазіи; картины же изъ глины были артистическими созданіями ваятеля. Если бы Цезикъ не бросалъ послѣ Вильны полезнаго ремесла, если бы совершенствовался и учился дальше и больше, въ немъ получили бы необыкновеннаго скульптора“. Судьба распорядилась иначе. Нуждами неволи натолкнутый на трудъ, онъ потому прибѣгалъ къ нему ради хлѣба. Личныя лишенія вынуждали у него ремесленную торопливость, работу на сѣхъ и на сроки, а потому не всѣ издѣлія имѣютъ артистическую цѣнность. Въ старости работы его были даже неудачны. Сдѣлавъ модель, онъ отгискивалъ въ ней кусокъ обыкновенной глины и, пока она сохла, выглаживалъ, выравнивалъ, обряжалъ и украшалъ свои издѣлія. Неблагодарный матеріалъ не позволялъ ему придавать работамъ своимъ надлежащую оконченность: ломкая, хрупкая глина и трескалась, и коробилась, и, во всякомъ случаѣ, отнимала красоту первоначальнаго рисунка, который потомъ уже нельзя было исправить. Въ Сибири мудрено было Цезику искуситься на болѣе твердомъ и лучшемъ матеріалѣ: мраморныя издѣлія, по высокой цѣнѣ своей, не имѣли бы тамъ сбыта, да притомъ онъ долженъ былъ думать о самоскорѣйшемъ сбытѣ товара. „По матеріалу, которымъ пользовался онъ, мы назовемъ его гончаромъ, но гончаромъ-артистомъ настолько же, насколько Венвенуто Челлини былъ золотыхъ дѣлъ артистомъ“.

Въ Тобольскѣ Цезику жилось хорошо. Начальство покровительствовало, заказы непрерывно слѣдовали одинъ за другимъ съ перебоемъ. У него былъ уже домикъ и садъ, наполненный цвѣтами; въ домѣ жена-сибирячка, полюбившая его всѣмъ сердцемъ и помогавшая ему въ работахъ, и двое сыновей на усладу грядущей старости. Завелось пріятелье, имѣлись и доброжелатели, изъ которыхъ одинъ (Петръ Моштинскій) назначилъ ему даже пенсію, ежегодную и пожизненную, въ 800 рублей. Казалось, благопріятно соединились всѣ данныя для того, чтобы на томъ ему и покончить жизнь въ изгнаніи, но ловкая рука измѣнила и съ глины перешла на бумагу, стали выходить рисунки немудреныхъ старыхъ ассигнацій. Одну полицейскій не затруднился принять и спрятать, какъ взытку; поощренный успѣхомъ, Цезикъ приладилъ цѣлую фабрику, былъ уличенъ, опять посаженъ въ тюрьму, снова сужденъ и наказанъ ссылкой въ нерчинскіе заводы въ Акатуйскій рудникъ. Брата тамъ онъ не нашелъ (умеръ въ Олочахъ на Аргуни), старое ремесла не покинулъ, но и здѣсь дѣлалъ фальшивыя бумажки, за что сажали его на цѣпь и приковывали къ тачкѣ. Онъ выдѣлывалъ свою фигуру въ этомъ видѣ—и на томъ успокоился. Уволенный отъ работъ

через нѣсколько лѣтъ, онъ поселился подъ Верхнеудинскомъ, а въ 1857 году переѣхалъ въ Иркутскъ (сосланъ былъ въ 1828 году).

Здѣсь узнали Цезика старикомъ, съ морщинастымъ и блѣднымъ лицомъ, которое нѣкогда было красиво, теперь стало серьезнымъ и украсилось сѣдыми волосами и бородою. Печальная и тревожная жизнь отразилась на немъ во всей своей цѣлости. Работалъ онъ тутъ только для поддержанія себя и семейства. Жена и сытъ ему помогали, выѣзжая по старымъ моделямъ, но эти работы не имѣли уже души и не красовались прелестями артистической отдѣлки; хотя и носятъ онѣ имя Цезика, но не могутъ почитаться за дѣла рукъ его. За Байкаломъ онъ породилъ подражателей, но эти ремесленники, хотя и съ успѣхомъ спекулировали на его имя, только неизмѣримо далеко остались назадъ. Даже неопытный глазъ въ состояніи отличить его подѣлки отъ поддѣлокъ. Изъ нихъ замѣчательны слѣдующія.

Акатуйскій рудникъ (плоская рѣзба): въ долину знаменитая тюрьма, въ отдаленіи—горное селеніе, пристроившееся къ руднику, на горизонтѣ опускающееся за гору солнце, на небѣ нѣсколько облачковъ. На переднемъ планѣ видна штольня и около нее нѣсколько ссыльныхъ съ тачками, везущихъ серебряную руду; впереди, на самомъ первомъ планѣ, онъ, Цезикъ, прикованный по рукамъ и по ногамъ къ тачкѣ, наполненной рудою. Одежда на немъ изорванная и заплатанная. Видны голое плечо, протертое колѣно, сквозятъ помочи, поддерживающія кандалы. Узникъ отдыхаетъ, подхватившись локтемъ и опершись на правое колѣно; у лѣваго боку легла рука съ молоткомъ; на лицѣ грустная, тяжелая задумчивость и спокойствіе отдыха (статуэтка имѣется на столѣ у пишущаго эти строки).

Лучше закончены нѣкоторые образа (какъ, напр., св. Варвары), Аристотель съ книгою, стоящій подъ деревомъ (статуэтка), и Христосъ, благословляющій дѣтей (плоская рѣзба). А вотъ и онъ самъ въ заточеніи: голова, богатая по мысли, оперлась на руку и обращена къ распятію, стоящему на столѣ. Подъ столикомъ играютъ мыши, и, увлеченныя тишиною, приблизились къ ногамъ сидящаго. И опять онъ (плоская рѣзба), съ выжидающимъ взглядомъ, смотритъ сквозь рѣшетку окна, къ которому приближается женщина съ двумя дѣтьми на рукахъ—несчастливая жена счастливаго на этотъ моментъ мужа. И снова онъ (плоская рѣзба) незримымъ въ опустѣломъ жилищѣ его семейства: изба, на потолокъ которой прикрѣпленъ однимъ концомъ шесть съ корзинкою на другомъ концѣ, замѣняющей выбуку; на постелѣ подлѣ сидитъ его жена и кормитъ грудью ребенка; у стѣны кудель съ прялкою, горшки и другая мелочь, отдѣланная съ фламандскимъ терпѣніемъ и чистотою.

Сохранилась плоская рѣзба, изображающая мыльные пузыри, которые пускаетъ мнѣологическій гений, а сонмъ извѣстныхъ въ исторіи великихъ людей ихъ ловить. Степенный и надъ всемъ господствующій Часъ злобно усмѣхается подъ наитіемъ думы о томъ, что вотъ и слава такова же, какъ эти мыльные пузыри. Вторая: птица пеликанъ, какъ символъ материнской любви, кормящій дѣтей кровью, добытою изъ собственного сердца. Третья (плоскою же рѣзбою), въ силу впечатлѣній тюремной неволи и подъ вліяніемъ классическаго воспитанія, полученнаго имъ въ Вильнѣ: римлянка, дочь сенатора, обреченнаго на голодную смерть въ темницѣ, кормитъ отца собственною грудью. Четвертая: карикатура пьяницы верхомъ на скотинѣ. Дѣлалъ онъ и портреты изъ глины: Мошницкаго благодѣтеля, ссыльнаго въ Тобольскѣ, и Муравьева-Амурскаго, и статуи того же Мошницкаго, Будды и другихъ божковъ (для продажи буратамъ). Самое большое количество работъ выпущено имъ на продажу въ видѣ бездѣлушекъ для украшенія будуарныхъ этажерокъ (трубки курительныя съ мельчайшими ландшафтами или въ видѣ мертвыхъ головокъ, распустившихся цвѣтковъ, фигуры греческой мнѣологии, сахарницы изъ коричневой глины, усаженныя мелкими мушками, вазы, облѣпленныя разнообразными листьями), на иной ползетъ ракъ, по другой разлетѣлись птички, расцвѣтъ цвѣтковъ и на немъ усѣлась отягощенная медомъ пчела. Изъ этого сорта особенно замѣчательны двѣ: сигарочница (ссылный, прикованный къ тачкѣ, отдыхаетъ подъ дунистымъ деревомъ; тачка для спичекъ, дуло для сигаръ) и охотничья кружка. Последняя сдѣлана изъ черной глины и украшена принадлежностями охоты, гдѣ полублѣскъ, гдѣ полумракъ, гдѣ наведенъ цѣлый магъ: заяцъ, кабанъ, болотная птица и собака сдѣланы какъ бы тончайшимъ рѣзцомъ. Многие сибиряки увѣряютъ, что нѣкоторыя работы, какъ, напримѣръ, мелкіе ландшафты на курительныхъ трубкахъ, дѣлывалъ онъ въ одиночномъ тюремномъ заключеніи, куда не даютъ ничего остраго, дѣлывалъ тѣмъ ни оупало: рыбьею косточкою, осколочкомъ тарелки, стакана, оконнаго стекла, но всегда съ одинаковою ловкостью и неизмѣннымъ искусствомъ.

Вотъ на какого человѣка пала зараза обогащенія посредствомъ фальшивыхъ денегъ въ Россіи и Сибири! Если въ Россіи удастся отливать монеты такимъ мастерамъ, какъ московскіе пастухи, то понятно, что въ Сибири, въ мѣстѣ сбора неосторожныхъ, но опытныхъ мастеровъ и художниковъ, дѣло подѣлки денежныхъ знаковъ идетъ съ большимъ успѣхомъ и совершенствомъ, тѣмъ въ Россіи. Соперничаетъ съ этимъ ремесломъ тутъ и тамъ одна только преступность подѣлки фальшивыхъ документовъ.

2. Фабриканты фальшивых документовъ.

Въ Сибири эти попользования исходятъ изъ необходимости обставить бродяжество болѣе законными атрибутами и преступленіе практикуется ссыльными въ равной степени съ тѣми, которые сочувствуютъ имъ бездолью и горю или подкуплены ими. Виновы больше всѣхъ ссыльные (грамотные и письменные люди), но помогаютъ имъ и вольные люди: государственные крестьяне и исключенные изъ службы чиновники. Нельзя удивляться тому, что и на этотъ разъ нѣтъ той тюрьмы въ Сибири, которая, при обыскахъ, не оказалась бы виновницею и не указала бы на ясные и неопровержимые слѣды этого рода преступленій. Можно удивляться развѣ тѣмъ требованіямъ и заявленіямъ заключенныхъ арестантовъ, которыя обнаруживаются на слѣдахъ находокъ. Не только въ тюменской тюрьмѣ, но и въ далекихъ тюрьмахъ перчинскихъ, на стертыхъ пятакахъ и десятикопеечникахъ попадаются самыя разнообразныя указанія на волостныя правленія, городскія думы, полицейскія управления иногда до того отдаленныя, что на курьерскихъ тройкахъ раньше двухъ мѣсяцевъ до нихъ не доѣдешь. Останавливаясь передъ запутанностью комбинацій, недоумѣвая передъ намѣреніями и планами заказчиковъ или самихъ мастеровъ и авторовъ, какъ бы передъ задачами многосложнаго и многотомнаго романа, но съ тою разницею, что на этотъ разъ романъ—не вымыселъ, а сама дѣйствительность. Въ тобольскомъ острогѣ оставилъ по себѣ живую память одинъ изъ такихъ мастеровъ—нѣкто Петръ Вѣтвеницкій (чиновникъ). При обыскѣ камеры въ январѣ 1851 г. нашли въ щеляхъ и углахъ и отобрали у него орудія мастерства и самыя продукты издѣлій. Въ мартѣ опять подобная же находка въ кошелькѣ, вмѣстѣ съ деньгами; въ апрѣлѣ перевели его въ новый номеръ, но и въ этомъ тѣ же находки въ тузѣхъ; въ ноябрѣ уже въ войлочныхъ пимахъ, обшитыхъ холстомъ, въ голенищѣ между холстомъ и войлокомъ. По мѣрѣ того, какъ изловчался мастеръ на изобрѣтеніе болѣе скрытныхъ и потайныхъ хоронушекъ, самое ремесло оставалось въ той же специальности. Орудія пребывали неизмѣнными, мѣнялись лишь заказы и разнообразились задачи: циркуль, деревенный съ желѣзными проволочными шпильками, долотца изъ иголокъ, маленькіе ножки изъ стараго желѣза, роговая кость, куски желѣзной проволоки и пемзы, шильца изъ иголокъ въ деревянныхъ черешкахъ, истертые съ одной или двухъ сторонъ пятаки и гроши. Въ первый разъ найдены готовые печати на мѣдномъ пятакѣ: съ одной стороны тобольскаго губернскаго правленія, съ другой—петрозаводскаго

земскаго суда; во второй: бумажная печать, срѣзанная съ конверта и истинная и опять пятакъ съ поддѣльными: на одной—алатырскаго духовнаго правленія, съ другой—симбирской духовной консисторіи; при третьемъ обыскѣ: печать Ишимскаго округа гагарьевскаго волостного правленія, и при четвертомъ—готовая печать на пятакѣ: съ одной стороны саратовской градской думы, а съ другой—градской же думы, но уже симбирской. Въ предыдущемъ году и въ томъ же острогѣ таковыхъ печатей наложено восемь съ не менѣе замысловатыми указаніями (между прочими на одномъ мѣдномъ кружкѣ и на красноярскую и на черныярскую градскія думы). Подозрѣвались и прикованные къ стѣнѣ и ходившіе по волѣ. Издѣлія находили и въ подушкахъ, и закладными подъ поломъ, и въ стѣнѣ, гдѣ нибудь за печью. Вездѣ было мѣсто и по всѣмъ тюрьмамъ широкое приспособленіе этого рода поддѣлкамъ, предшествующимъ побѣгамъ и вызываемымъ бродяжествомъ.

Въ Россіи наибольшее число такого рода фабрикантовъ объявилось въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ сильнѣе развито бродяжество (въ Ногороссійскомъ краѣ) и гдѣ этотъ промыселъ столько же древенъ, какъ сама паспортная система (губернія Саратовская съ землею войска Донскаго и сосѣдними приволжскими, Симбирскою и Астраханскою). Въ поддѣлывателяхъ первое мѣсто въ ряду сословій принадлежитъ дворянству (по процентному отношенію); затѣмъ второе солдатамъ, а дальше: дворовымъ, мѣщанамъ, духовнымъ; между ссыльными: бродягамъ (въ 9 лѣтъ 345 муж., 134 жен.), поселенцамъ (31 чел.) и каторжнымъ (11 чел.). Между ссыльными, виновными противъ интересовъ казны, уличенные въ поддѣлкѣ фальшивыхъ документовъ, составляютъ въ общемъ числѣ цѣлую половину.

Народная молва и слѣдственные показанія пойманныхъ съ фальшивыми видами умѣютъ указывать, и въ Сибири и въ Россіи, не только на отдѣльныя лица и семейства, но на цѣлые города и селенія, гдѣ приготовленіе поддѣльныхъ актовъ (и преимущественно паспортовъ) составляетъ спеціальныя, привилегированныя промыслы. Для нѣкоторыхъ городовъ (вродѣ Казани, Нахичевани и Ростова-на-Дону, Кунгура и Тюмени въ Сибири) и для многихъ селеній (вродѣ семейскихъ за Байкаломъ и села Алексѣевскаго въ Ланшевскомъ уѣздѣ Казанской губерніи) воровской промыселъ, сосредоточенный на ущербахъ казны, покрытъ съдиными древности. Поддѣлки другого вида документовъ и актовъ, входя въ исключительное занятіе служилаго дворянства, сосредоточиваются, естественнымъ образомъ, въ городахъ и усиливаются количествомъ сообразно съ числомъ тѣхъ лицъ, которыя имѣютъ власть и

силу и влаждют искусствомъ и знаніемъ. Сибирскія табели, дѣлая крупныя намеки и рѣзкія указанія на Москву и Петербургъ, для сравнительной преступности городовъ не давали никакихъ данныхъ. Вообще, по дѣламъ этого сословія табели оказались въ крайней несостоятельности. Такъ, напр., табели сводили вмѣстѣ цифры сосланныхъ за „мздоимство и лихоимство“, обѣщающія обиліе жертвъ этого первороднаго грѣха и подъ двумя наименованіями скрывающаго одинъ и тотъ же видъ крайне застарѣлой и сильно распространенной болѣзни—и оставались при полнѣйшей несостоятельности суда и приговора. Считаемо излишнимъ входить въ разбирательство причинъ, ослабляющихъ цифру больныхъ, превратившихъ хроническую болѣзнь въ поразительное ничтожество. Возвращаемся снова къ тѣмъ, которые говорятъ о себѣ съ большимъ откровенностью, но лишены возможности быть судимы самими собою и находить защиту въ адвокатахъ изъ своего же рода и той же кости (не бѣлой, а черной). Вотъ снова два вида крестьянскихъ преступленій, изъ которыхъ одно отжило свой вѣкъ и почти исчезло. Это корчемство виномъ и корчемство солью.

3. Корчменники и контрабандисты.

Искусственно созданный властелинъ, заручавшійся быстро нарастающими денежными богатствами, убитый наповалъ вымѣшеною системою питейнаго сбора, питейный откупъ, нѣкогда державшій въ своихъ рукахъ почти всю Россію, въ Сибири сумѣлъ выразить свое могущество тѣми жертвами, которыхъ онъ услаждал за преступленіе, называемое корчемствомъ вина. Преступленіе, искусственно вызванное и прожившее свой долгій вѣкъ, опираясь на всемогущую силу денегъ и подкупа, имѣло для народа то значеніе, что, уловляло падкое на соблазнъ челоѣчество именно тамъ, гдѣ прилажены были ловецкія сѣти и обильно разсыпаны соблазнительныя приманки. Мѣстами этими полагались тѣ пункты, на которыхъ встрѣчалась задурманенная и некрѣпкая водка съ настоящимъ и добротнымъ продуктомъ вольнаго промысла. съ такъ называемою „вольною“. Мѣста эти были, по преимуществу, мѣстами лова для корыстнаго промысла, не желавшаго ходить прямыми путями и искавшаго себѣ оправданія въ карательной силѣ временныхъ постановленій. Задавалась откупъ охота и ловля съ наименьшимъ успѣхомъ въ средѣ народа, слыжавшаго о вольной продажѣ и добротной водкѣ только по рассказамъ проѣзжихъ купцовъ съ украинскихъ ярмарокъ и прохаживъ солдатъ, возвращавшихся отъ хохловъ или изъ польской стороны на родину. Въ мѣстахъ, ближайшихъ и смежныхъ съ Украиною и Бѣлоруссіею, сила соблазна разрѣшилась

тяжестью ссылки для тѣхъ, которыхъ судьба довела поселиться вблизи самыхъ границъ, на пунктахъ встрѣчи обоехъ враждебныхъ лагерей. Какъ очистительныя жертвы за „вольную“ и напрасныя за откупъ, ушли въ Сибирь преимущественно крестьяне и въ наибольшемъ числѣ изъ губерній, прилегающихъ къ тѣмъ, гдѣ узаконена была вольная продажа вина. Въ 20 лѣтъ 366 чел. изъ Смоленской (съ границъ Могилевской и Черниговской), 364 изъ Курской, 181 изъ Псковской, 153 изъ Орловской, 58 изъ Харьковской, 44 изъ С.-Петербургской и 23 изъ Воронежской явно и сильно высказались протестомъ противъ тяжелаго и неодолимаго запрета. 1.227 муж. и 20 жен. ушли въ Сибирь избранными изъ неосторожныхъ и неумѣлыхъ, оставивъ позади себя массы ловко спрятавшихся или откупившихся высокою цѣною домашнихъ сдѣлокъ. Обрадованный и польщенный силою предоставленной власти, откупъ, на первыхъ же порахъ, успѣвшимъ воспользоваться ею со всею неводержимостью баловня, съ расчетомъ на острастку и съ безразличными порывами на собственное безславіе въ потомствѣ. Съ 1832 года въ немъ обнаружались неводержимыя поползновенія на кару нерадѣвшаго его интересамъ и, въ первые годы, по его ходатайству и указаніямъ выслано было въ Сибирь 805 челоѣкъ (мужчинъ и женщинъ). Когда время охолодило первый нылъ и жаръ охлянулълаго набадника, число подмятыхъ имъ подъ ноги и раздавленныхъ уменьшилось (съ 1840 года) почти на половину (въ семь слѣдующихъ лѣтъ сослано было 442 челоѣка). Таковы орнаменты (въ числѣ другихъ весьма многихъ), которые Сибирь посылаетъ отъ своего избытка на украшеніе памятника умершаго врага народной жизни, одного изъ сильныхъ противниковъ благосостоянія рабочихъ классовъ, для которыхъ гроза ссылки за корчемство прошла теперь мимо. Въ наши дни она виситъ только надъ тѣми изъ представителей русскихъ сословій, которые развели пары и пустили воду подъ винокуренныя заводы, но, говорятъ, эта туча тихо разрядилась и до сихъ норъ не дала громовыхъ оглушающихъ раскатовъ. Въ Сибири, въ старыя времена, корчемство виномъ (само-садка) представлялось явленіемъ повсюду распространеннымъ. Причина его ведалъ была слѣдствіемъ изобилія хлѣба (25 коп. асс. за пудъ), какъ по Иртышу въ Западной Сибири, такъ и въ Минусинскомъ округѣ Восточной Сибири. Тутъ и тамъ выкуренное дома вино становилось въ 15 разъ дешевле кабацкаго. Противъ самосадовиковъ устраивалось вѣчное осадное положеніе и, временами, при поимкахъ затѣвались крупнопролитныя баталіи. Нерѣдко сыщики откупщика злонамѣренно подбрасывали крестьянамъ туезы (бураки) и кубы и при помощи засѣдателей срывали взятки съ невинныхъ или за-

тагивали дѣло. Въ Минусѣ ревизовавшій свою губернію ген.-губер. Броневскій наткнулся, между прочимъ, на такое дѣло, которое было озаглавлено такъ: „Дѣло о найденномъ у крестьянина туеѣ съ запахомъ яко бы корчемнаго вина“.

Второй видъ корчемства, котораго казна не сдавала на откупъ въ частныя руки алчныхъ промышленниковъ и не организовала въ откупную комиссіонерскую систему, было корчемство солью. Оно выразилось въ Сибири замѣчательно слабымъ проявленіемъ своего существованія. Неправильная, воровская торговля тѣмъ продуктомъ, на который крестьянинъ всегда обязанъ былъ приготовить наличныя деньги и который составляетъ для него самое большое сокращеніе и предметъ первѣйшей необходимости, къ счастью, не преслѣдовалась съ азартомъ, ослобленіемъ и постоянствомъ. Сибирская цифра, ничего не доказывая, въ то же время вовсе не свидѣтельствовала о томъ, что тайный промыселъ былъ слабъ, что казенная соль, которая для однихъ мать (напр., для казаковъ уральскихъ), для другихъ мачиха (каковы всѣ остальные ея потребители)—не представляетъ продукта, способнаго окрылить смѣльчака и загавить его взять, сколько можно, на потребу, какъ продуктъ торговли и промысла. Въ числѣ другихъ русскихъ мѣстностей та же Сибирь представляла примѣры удачной практики, съ тѣмъ различіемъ, что корчемная (коряковская или, по туземному, лышевская) соль въ Западной Сибири отличается отъ таковой же казенной торопливою отдѣлкою: она грязна на видъ, горьковата на вкусъ, неустойна въ разсолѣ. Но и при этихъ недостаткахъ соль употребляется въ употребленіи по вызову безчисленныхъ потребностей въ грибной, рыбной и богатой мясомъ Сибири и подтверждаетъ положеніе Либиха, что расходъ соли показываетъ степень благосостоянія народа и развитія его сельскаго хозяйства. Пониженіе цѣны на казенную соль обезвредило корчемство, которое и исчезло теперь въ силу новаго закона о соляной торговлѣ. Тѣмъ же опасностямъ и тамъ же подвергалось и казенное вино, но съ тою разницею, что оно похищалось ссыльными исключительно на собственную потребу и усладу, а соль—преимущественно для продажи на гроши, какъ продуктъ, посредствующій для выгнана того же вина на ту же усладу и потребу. За эти кражи на мѣстахъ ссылки расплачивались гсего чаще домашними наказаніями; сильнѣе смотрѣли и большѣ били за другія кражи, изъ которыхъ одинъ родъ выгнать въ крупную преступность. Между прочимъ, воровство золота, подъ строгимъ именованіемъ „похищенія драгоцѣнныхъ металловъ съ промысловъ“, внесено въ особую графу въ табелей о ссыльныхъ въ Россіи.

Въ Россіи кража золота (не предъявленнаго въ казну и пошлюю не оплаченнаго) выражалась наименьшею цифрою въ общемъ ряду всѣхъ другихъ преступленій, потому что соблазнъ предлагается только въ одной богатой всякими металлами мѣстности. Только одно соловіе заводскихъ крестьянъ отличалось исключительно виновностью. Только три губерніи въ этой кражѣ участвовали (Пермская, Оренбургская и Вятская) по роковому влеченію соблазномъ драгоцѣннаго металла, который лежитъ, быстро истощаясь, въ почвѣ земли рудоноснаго Урала, въ богатыхъ песчаныхъ пластахъ восточнаго склона хребта. Со времени Петра началась промыска золота, а стало быть и его кража, но съ 1835 г. Сибирь получила возможность (въ одно время съ контрабандистами иностранныхъ товаровъ) производить учетъ виновнымъ въ кражѣ золота. На первые годы цифра была велика. Затѣмъ похитители стали осторожнѣе. Цифра примѣтно упала и на практикѣ выразилась тѣмъ, что гдѣ больше существовало соблазновъ, тамъ и большее количество искушенныхъ грѣшниковъ; на югѣ Урала искушенія чаще и изъ Миасскихъ и Златоустовскихъ округовъ, поэтому, высылка сильнѣе и вѣрнѣе (и все тѣхъ же заводскихъ крестьянъ, съ добавкою самаго незначительнаго числа солдатъ и башкиръ, какъ передатчиковъ). Въ Сибири это преступленіе вступаетъ въ болѣе широкія права не столько потому, что Россія успѣла уже снабдить ее людьми умѣлыми и допускими (которые, можетъ быть, стали тамъ, умудренные опытомъ, осторожными), сколько по тѣмъ предрасполагающимъ причинамъ, что производство казенныхъ и частныхъ работъ находится въ рукахъ каторжныхъ и поселенцевъ. Большинство послѣднихъ, какъ извѣстно, принадлежить къ сосланнымъ за воровство и, на самомъ дѣлѣ, сибирскую кражу золота можно назвать преступленіемъ поселенческимъ. Людская молва на частныхъ золотыхъ промыслахъ указываетъ, какъ на пособниковъ и передатчиковъ, на тѣхъ, которые ѣздятъ въ хвостѣ рабочихъ съ водкою и ситцами и останавливаются отъ мѣста работъ и резиденцій въ почтительномъ, установленномъ законами отдаленіи. Здѣсь способности евреевъ и живучести въ нихъ страсти къ драгоцѣннымъ металламъ отдають всѣ и всегда предпочтеніе. Въ Сибири на евреевъ выпало сильное подозрѣніе (особенно въ Западной) въ тайномъ сношеніи съ горными заводами и въ переводѣ за границу дорогихъ металловъ. Хотя, по сибирскому учрежденію 1822 года, и принято въ основаніе не допускать поселенія евреевъ на сибирской линіи (южной границѣ), тѣмъ не менѣе 40 еврейскихъ семействъ водворены тамъ „пущеніемъ мѣстнаго начальства“ (какъ сказано въ сенатскомъ указѣ 5 апр. 1826 г.). Такія злоупотребленія вызвали по-

ложительныя мѣры обращать всѣхъ евреевъ въ Томскую губернію, далѣе отъ горныхъ заводовъ Колывано-Воскресенскаго округа. Оставили только тѣхъ, которые, причислившись къ крестьянамъ, занимаются ремеслами и хлѣбопашествомъ, и, разумѣется, послѣ этого распоряженія не перестали контрабандировать. Не клалъ евреи оулки на руку и на казенныхъ золотыхъ промыслахъ Нерчинскаго горнаго округа, хотя здѣсь приобретателями являлись безразлично всѣ, отъ казенныхъ подрядчиковъ и вольныхъ торговцевъ до крестьянъ, солдатъ и казаковъ. Рабочіе ссыльные воруютъ, вышедшіе на пропитаніе и исправленіе прикрываютъ, свободные люди покупаютъ, а казаки передаютъ за китайскую границу съ тою же ловкостью, съ какою принимали отсюда контрабандный чай всякаго сорта. Женщины и здѣсь охотливѣе ходили на такое дѣло, требующее крайней осторожности, таинственности и ловкости, при помощи каковыхъ въ итогѣ являлся тотъ фактъ, что самая преступность гораздо сильнѣе, чѣмъ доказывающія это цифры пойманныхъ и уличенныхъ; женщина, во всякомъ случаѣ, продавщица, какъ тюремные надзиратели, то есть солдаты, первые пріемщики *). Въѣсть съ золотомъ, извѣстнымъ подъ именемъ „желтой пшенички“, на нерчинскихъ заводахъ шла кража серебра и контрабандная продажа его за китайскую границу, по той же процедурѣ таинственныхъ пріемовъ и почти съ такимъ же успѣхомъ и выгодно въ предпріятіяхъ. Около серебра воровство хитрѣе; при песчаномъ зо-

*) На Карѣ золотникъ краденнаго золота продавался за 1½ руб. и не дороже 2 руб. (въ казѣ стоитъ 3 р. 57¼ к.). Если обвинять у монголовъ на кирпичный чай, то цѣна поднималась на золотникъ до 7 руб. и выше (даютъ 10 кирпичей, а по 70 коп. кирпичъ—въ первыхъ рукахъ; въ нерчинскомъ заводѣ давали за него 90 коп. и 3 руб.). Характерное дѣло объ убійствѣ изъ евреевъ Хаймъ Вульевъ обнажило слѣдующія подробности промысла хищническимъ золотомъ: арестанты разъ подрались между собою по тому поводу, что выпили не по равному количеству водки, принесенной покупателями золота, а въ кражѣ участвовали всѣ въ равной степени. Вульевъ указывалъ при этомъ на самого смотрителя замка. Въ доказательство своихъ словъ, онъ представилъ три слитка, которые перекупилъ у товарища на вѣсъ. Вѣшали золото на тѣхъ же вѣсахъ, на которыхъ развѣшиваются въ арестантской кухнѣ порціи мяса и хлѣба. Тюремный староста (Болобаевъ) взялъ золото по 1 руб. золотникъ и, сверхъ того, обязался угостить виномъ. Купленное золото староста перепродалъ урочникамъ, а вино принесть на разрѣзъ, откуда оно было доставлено на тюремную кухню въ опростанной посудѣ и потомъ, подъ видомъ нищи, принесено въ тюремную казарму. Другой разъ этотъ же представитель алатолюбиваго племени продалъ горному служителю 2 золотника золота за пудъ орѣховъ, которыми и улаживалъ тюремную тоску, сокращалъ доуачное время каторжнаго бездѣля сибирскимъ женскимъ способомъ.

лотѣ рыссышей воровской трудъ облегченъ былъ до крайней степени простоты и возможности. Шилкинскій заводъ, съ самаго начала разработки золотыхъ приисковъ на Карѣ, былъ такимъ мѣстомъ, гдѣ покупка краденнаго золота производилась въ значительныхъ размѣрахъ. Сколько разъ ни пытались ловить, ничего не выходило: попадалась мелкота съ золотниками и долями, пуды и фунты сквозь разставленные сѣти прорывались наружу. Во время одной сенаторской ревизіи выискались жидки-ищейки, нахвастались, наговорили, наобѣщали съ три короба, подложили золото къ одному польскому изгнаннику, но строгое слѣдствіе показало лишь то, что и здѣсь евреи ходили на обманъ, а во 2-хъ, отысканное золото вовсе не карійское, потому что было очень высокой пробы, по всему вѣроятію попало сюда съ частныхъ промысловъ и, вѣроятнѣе, изъ Западной Сибири или даже съ Урала. Въ Западной Сибири тѣ же контрабандисты евреи сумѣли обнаружить прежнія наклонности и не смиренное ссылкою досужество въ такой степени, что сенатъ въ 1826 г. (указомъ 5 апр.) предписалъ переселить ихъ въ другія мѣста Сибири. Евреи объявились въ тайномъ сношеніи съ горными заводами и въ переводѣ за границу дорогихъ металловъ. Способствовало къ тому житіе по линіи 40 семействъ, водворенныхъ поупущеніемъ мѣстнаго начальства, не смотря на то, что сибирское уложденіе 1822 г. подобнаго поселенія не дозволяетъ. Предполагалось оставить впродъ только тѣхъ, которые, причислившись въ крестьяне и мѣщане, занимаются ремеслами и хлѣбопашествомъ. Приказу велѣно обращать всѣхъ евреевъ въ Томскую губернію, далѣе отъ горныхъ заводовъ Колывано-Воскресенскаго округа. Мѣра эта, ослабивъ временное зло, не служила препоною для прекращенія осадного зла и переселенные стали передатчиками. Уральское золото ѣзжало въ чмодачникъ съ евреями, пріѣзжавшимъ за нимъ по нѣскольку разъ въ годъ, въ условное время, изъ г. Гродны даже въ самое ближайшее къ намъ время.

Переходя отъ этого, преимущественно сибирскаго, преступленія къ контрабандѣ, мы на этотъ разъ снова имѣемъ дѣло съ такимъ преступленіемъ, которое составляетъ принадлежность отдѣльныхъ мѣстностей и можетъ быть названо въ Россіи исключительно пограничнымъ. На всѣхъ нашихъ границахъ контрабанда является господствующимъ, сильнымъ и неизлечимымъ зломъ, не исключая сѣверныхъ холодныхъ и южныхъ степныхъ и пустынныхъ, на всемъ протяженіи отъ Прута на Закавказье, по пограничной линіи со средне-азиатскими владѣніями до Иркутска, забайкальскихъ и амурскихъ предѣловъ, пользующихся правомъ rogatio francos. Тамъ, гдѣ граница встрѣчается съ наиболѣе промышленными и торговыми странами,

каковы государства европейскія, преступленіе это является во всемі блестяще, со всею несокрушимую настойчивостью и давнишнею послѣдовательностью. Пѣшкомъ, въ видѣ ящика за плечами или на бойкихъ, приспособленныхъ къ этому дѣлу лошадакъ врывается къ намъ контрабандный, безопытный товаръ, соблазняющій всѣхъ безразлично, отъ бессарабскихъ цыганъ и польскихъ евреевъ до малороссовъ Юго-Западнаго, литвиновъ и бѣлоруссовъ Сѣверо-Западнаго края и кончая чухнами за Петербургомъ и подъ самымъ Петербургомъ. Еще уголовная статистика не рѣшила, кто ловчѣе: петербургскій ли чухонецъ или сибирскій казакъ, закавказскій армянинъ или волынскій малороссъ, или же и въ самоѣ дѣлѣ еврей (какъ подсказываютъ сибирскія табели) взялъ надо всѣми перевѣсъ, объявился съ большею склонностью (по процентному отношенію чиселъ) и съ большимъ искусствомъ (по повсюдному общественному мѣнью) *). Сибирскія табели говорятъ, что мѣщане преступнѣе въ этомъ промыслѣ крестьянъ. Ссылныхъ за контрабанду стали считать въ Сибири съ 1835 года и во второмъ десяткѣ лѣтъ насчитали ихъ почти въ 7 разъ больше, чѣмъ въ первомъ, и контрабандисты противъ общаго числа сосланныхъ за покушеніе на интересы казны составляютъ $\frac{1}{40}$ часть. По абсолютной цифрѣ жертвъ, изъ всѣхъ пограничныхъ и ближайшихъ къ границѣ, выдѣлились губерніи: Волынская (52 муж., 8 жен.), Виленская (34 муж., 5 жен.), Гродненская (15 муж.), Курляндская (11 муж.), Подольская (9 муж.), въ тѣ 12 лѣтъ, которыя слѣдовали первыми послѣ учета въ Тобольскѣ **). Не забудемъ при этомъ, что на мѣстахъ соблазновъ для тайнаго ввоза иностранныхъ товаровъ, при встрѣчѣ дорогихъ таможенныхъ съ болѣе дешевыми непломбированными товарами, для пресѣченія преступленій организована вооруженная стража. По вызову ея и для собственной защиты, контрабанды, въ свою очередь, вооружилась огнестрѣльными снарядами, съ ружьями, заряженными обыкновенно картечью, и въ цѣлыхъ отрядахъ. Отряды эти, во время пути, спереди и сзади прикрываются заводомъ вооруженныхъ людей и, сверхъ того, обезпечиваются, гдѣ нужно, боковыми патрулями и даже разъѣздами. По переходѣ за границу, шайка находитъ подставу, приготовленныхъ верховыхъ

крестьянскихъ лошадей. На нихъ контрабанда доходить до еврейскихъ мѣстечекъ и въѣзжаетъ въ нихъ уже среди бѣлаго дня съ пѣснями. Здѣсь товаръ немедленно разбирается по рукавъ и поступаетъ либо въ экипажи шляхты, либо въ коробки евреевъ для разноски. Оттого-то всего чаще запрещенный товаръ попадаетъ мелочами. Подъ именемъ контрабандистовъ уходятъ въ Сибирь передатчики, а главные оптовые воротилы за пятою спиною подставныхъ остаются на мѣстахъ въ полной безопасности. Границы, по обѣ стороны, усажены комиссіонерами. Ближайшіе города населены оптовыми торговцами; частныя мѣры (а не общія) состоятъ только въ пониженіи нѣсколькихъ тюковъ и не приносятъ никакой пользы. Главныхъ воротилъ въ Сибирь не сослали, а германскіе города, и между прочими Лейпцигъ (во время ярмарки), выработали особый родъ промышленности, состоящей въ заготовленіи огромнаго количества деревянныхъ ящичковъ для товара, идущаго въ Россію тайными путями. Такимъ образомъ, контрабанда, выходя на тайныя дороги свои, иногда обливаеъ свои слѣды кровью, идя на проломъ малочисленной стражи или отстрѣливаясь при неудачѣ и при отступленіи за границу, не щадитъ собственныхъ и чужихъ жертвъ, словомъ—является въ формѣ разбоя. Тогда и контрабандисты, въ видѣ убійцъ, пропадаютъ въ общихъ и темныхъ сибирскихъ цифрахъ. Контрабанда или безопытный провозъ заграничныхъ товаровъ, какъ настоящій промыселъ, выработалъ свои спеціальныя приемы, какъ промыселъ тайный, стоящій среди всякихъ опасностей, потребовалъ условной искусственной терминологіи, непонятной профанамъ. Главные заводчики дѣла—приказчики заграничныхъ конторъ (для Петербурга гамбургскихъ), ежегодно развозящіе образчики полотна, шелковыхъ матерій, муара, ситцевъ, холстинокъ. Заказы даютъ обыкновенно люди, искусившіеся въ опытѣ передачу, и получаютъ товаръ, всего чаще, на девятимѣсячный кредитъ. Такихъ заказчиковъ у каждой конторы бываетъ по 30—50, въ числѣ которыхъ несостоятельные оправдываются аккуратными плательщиками. Запроданные товары имѣютъ свои депо, между которыми предпочитаютъ морскіе острова (вродѣ балтійскихъ Наргена и Голланда) и ближайшіе къ границамъ города и мѣстечки, между которыми наибольшую опытностью отличался Грудскъ (въ Подол. губ., на австрійской границѣ) и Копычевъ (около Тильзита). Впрочемъ, вся прусская и австрійская граница усыпана строевыми и жилыми избами разныхъ наименованій и населенными именно такими жителями, которые, подъ видомъ хозяйственныхъ нуждъ, имѣютъ право свободнаго подхода къ границѣ и переезда ея въ любомъ пунктѣ, хотя до ста разъ въ день. Сосѣди ихъ, живущіе на русской тер-

*) Изъ 26 мѣщанъ всѣхъ городовъ Имперіи выдѣлилось 14 евреевъ.

**) Въ 1819 году отправлена въ Сибирь дѣлая колонія нѣмцевъ и нѣмокъ, сосланныхъ по громкому и навѣстному въ то время ревельскому дѣлу о контрабандѣ. Всѣ они заручились рекомендательными письмами къ тогдашнему губернатору М. М. Сперанскому. «Привезли мнѣ много рекомендательныхъ писемъ (писалъ онъ къ дочери), но много пособить имъ я не могу. Сколько можно, однако же, пособлю».

риторию целыми деревнями, ни что иное, как переводчики, ямщики. Между ними крестьяне графа Зубова, Огинского и друг. особенно пользовались известностью, сколько по ловкости, смелости, наглости, столько же и потому, что действовали артелями, принимали товар на свой страх, обеспечивая его за границей значительными залогами звонкой монеты. Продолжительная игра с большими ставками и большим риском переродила этих крестьян в рвительных, азартных игроков, со всеми свойствами и последствиями. Если товар благополучно доставлен, залог возвращен, барыши разделены соответственно величине залога — счастье тащится в корчмы и там рачительно пропивает заработок. Если товар захватывается, то и залого пропадают, а крестьянин разорен до дна, залого им заняты у жида или шляхты за высокие проценты. Деморализация нравов в таких местах такова, что эти селения невинные соседи считали притонами и гнздами разбойничьими. Услуги контрабанды основывались, между прочим, и на том, что: во 1-х, так называемый аршинный товар отличался лучшею добротой, потому что не было нужды делить его, легче для таможен, которые берут пошлины с вѣсу; во 2-х, подобный товар находился в третьих руках в небольших количествах, поимка только затрудняла, не вела к целу, влекла неприятности осмотра и свидетельства лавок; в 3-х, являлось облегчение на товарах, не подлежащих клею.

Товар, не подлежащий клею и известный у контрабандистов под именем короткаго, немедленно имел право занять место в магазинах и лавках не колеблясь, а потому немедленно выставляли на показ напитки, часы, фарфор, хрусталь. Доказать его незаконность не было особенной возможности, закон ст. 1347 св. зак. т. VI ему даже покровительствовали. А потому, напр., карандаши с пошлиною 20 коп. за дюжину, продавались (лучшие кипарисные) не дороже 15 коп.; в городах и местечках западных губерний за 12 приборовъ бронзовых пуговиц платили пошлины 18 руб., продавали контрабандны от 4—15 руб.; лучшая фарфоровая трубка с живописью и в оправѣ требовала 1 р. 15 к. пошлины, продавалась за 30 коп. и проч. Наибольший соблазн возбуждают, разумеется, прежде всего товары первой необходимости и, по мере того, как вырастает потребность, с тою же силою укрѣпляется контрабанда, напр. кофею, собирающагося большими складами летним временем и вывозимаго обыкновенно зимою. Сахар на западных границах стоит под защитою свекольного и врывается в оборотной бумагѣ с этикетками свекольных заводчиков, изготовленными в городах

близь границъ. Богатство выработанных средств и способствъ ввоза позволило во многих местах составиться целымъ товариществамъ, которые брали доставку товаровъ въ Россію на свой страх (таковыя существовали во Львовѣ, Гамбургѣ, Любекѣ и, особенно, въ Лейпцигѣ), брали 10% задатка и, только по доставкѣ товара, получали остальные 90% и 30% за доставку. Приемъ всегда у нихъ одинаковъ, производился гласно; въ русскіе предѣлы товаръ отправлялся раздробленнымъ; бронзовыя вещи, посуда и прочее разбирались по частямъ и въ одну бочку складывались крышки и подоны, въ другую постаменты, въ одну перчатки съ одной руки, въ другую — всѣ съ другой руки. На аукционѣ могъ купить и покупать только тотъ, кому довели недостающія вещи. Впрочемъ, гуртовая отправка — рѣдкость и требуетъ различныхъ хитростей, изъ которыхъ уже большая часть изучена и предусмотрена. Всего чаще товаръ перевозился безпрестанно по малымъ частямъ. Поимка в эти случаи вѣнчалась ничтожнымъ успѣхомъ, не поддерживала энергій наблюдателей, мимо которыхъ проѣзжал парходный шкиперъ, умѣвший очень искусно прятать запрещенный товаръ, путешественникъ, наловчившійся прятать около себя и нескужащій нѣсколько разъ путешествовать съ судна на берегъ и обратно. Проскользали консулы, пользующіеся своимъ официальнымъ званіемъ, курьеры, разные члены посольства и послы на ихъ имя, наши собственные чиновники и проч. Товаръ подлежащій клею и опасный тѣмъ, что могъ быть признанъ безъ штемпеля и внутри имперіи за контрабандный, во вторыхъ и третьихъ рукахъ поступалъ подъ особое покровительство шляхты, пановъ, портныхъ, модистокъ и тѣхъ же чиновниковъ. Но и въ этомъ случаѣ, будучи контрабандомъ, онъ могъ быть проданъ за купленный послѣ конфискаціи. Евреи иной товаръ не любятъ и у себя не держатъ, предоставляя путь другимъ сословіямъ замѣшаться въ тотъ грѣхъ, за который закупаютъ ихъ исключительно. Замѣшались въ контрабандисты еще и солдаты пограничныхъ войскъ. Способъ этотъ назывался машиннымъ и состоялъ въ томъ, что солдаты таскали товаръ по частямъ и передавали при обходахъ, объѣздахъ и при смѣнахъ. Пойманные врасплохъ извозчики бросали товаръ и лошадей, облегчая таможеннымъ счетъ конфискаціи. Товаровъ, удвояемыхъ такими и иными способами въ 1843 году, по официальнымъ даннымъ, считалось по всѣмъ таможеннымъ государствамъ почти на 300 тысячъ. Если принять расчетъ контрабандистовъ, кои считаютъ въ сложности не болѣе двухъ со ста на перехваченный товаръ, выходитъ, что контрабанды должно быть ввезено на 10 мил. руб. сер., а вся привозная торговля составляетъ 75 мил. (см. „Чте-

ніе общ. ист. и древн. рос.“ 1861 г.). Частныя мѣры, такимъ образомъ, бессильны, общія преобразовательныя общали успѣхъ; кабинетныя правила деморализировали нравственность пограничнаго купечества и выучили всякаго рода уловкамъ и обманамъ. Въ особенности, въ этомъ отношеніи, поучительна была кяхтинская торговля въ то время, когда потребленіе чая (цвѣтнаго) неизмѣнно возрастало, а кирпичный сдѣлался продуктомъ основного потребленія и первой необходимости у сибирскаго простого народа.

При раздѣлкѣ нашихъ товаровъ на Кяхтѣ, наши купцы вовсе не старались выказывать лучшее или настоящее достоинство товара, а напротивъ, прибѣгали къ такимъ сноровкамъ, чтобы товаръ казался, по возможности, худшаго сорта, такъ, напр., заглаживали сукно противъ ворса, чтобы оцѣнка была ниже. Высшей оцѣнки на Кяхтѣ боялись потому, что тогда товаръ могъ залежаться, особенно, если у купца не было для придачи опиума или преимущественно золота и серебра. Одинъ изъ богатыхъ московскихъ фабрикантовъ, торговавшій на большую сумму съ Китаемъ, наработалъ разъ плісу почти всю пропорцію для Кяхты, сдѣлавъ ее противъ устава и общепринятой мѣры полувершкомъ шире. Последняго никто не замѣтилъ. Назначили цѣны. Китайцы тотчасъ увидѣли разницу и весь товаръ разошелся, а у прочихъ его не тронули. Обиженные подали жалобу, но дѣло было сдѣлано. Нѣкоторое время господствовалъ въ кяхтинской торговлѣ извѣстный и любимый въ Китаѣ корень жинь-шенъ. Съ перваго раза казалось странною цѣль этого вымѣна, потому что, какъ аптекарскій матеріалъ, корень этотъ вовсе не требовался въ Россію, а между тѣмъ вывозъ его доходилъ въ иной годъ до милліона руб. Но не долго скрывалось настоящее значеніе корня: купцы, вредя другъ другу, чтобы болѣе вымѣнять чаю и поскорѣе сбыть товары, отдавали ихъ по дешевымъ цѣнамъ. Но какъ этимъ нарушалось строгое положеніе, то на бумагѣ показывали товары промѣненными по настоящимъ цѣнамъ на драгоценный корень, который въ Маймачинѣ заготавлился пудами за нѣсколько рублей. Съ изданіемъ закона 1857 года, по которому отпускъ металловъ дозволялся въ половинномъ количествѣ при пушныхъ товарахъ и при мануфактурныхъ только одна третья часть,—представлялось выгоднымъ сбывать мягкую рухлядь (особенно соболей, лисьи лапы темныхъ цвѣтовъ и т. п.). Но какъ нельзя же было принудить китайцевъ къ роскоши, собственно для боль-

шаго отпуска металловъ, то какая нибудь сотня собольихъ шкуръ странствовала, какъ вѣчный жидъ, изъ Троицкосавска въ Кяхту и оттуда опять обратно. Такіе переходы на бумагѣ давали цифру промѣна дорогихъ пушныхъ товаровъ до такого числа, что вывозъ ихъ въ послѣдніе три года былъ сравнительно больше, чѣмъ въ цѣлое шестилѣтіе. Чтобы болѣе промѣнять серебра, купцы истолковали количество отпуска металловъ по своему: брали общій итогъ цѣнности промѣниваемыхъ товаровъ и металловъ и раздѣляли на двѣ или на три части, смотря по тому, какіе отпускались товары: пушные или мануфактурные. Такъ что если общій итогъ былъ, напр., въ 12 т. руб. (на 6 т. товаровъ и на 6 т. металловъ), то металловъ отпускалась половина на 6 т. руб., тогда какъ дѣйствительно, по закону 1855 г., слѣдовало отдать ихъ только на половину цѣнности однихъ пушныхъ товаровъ (а не общаго итога товаровъ и металловъ), т. е. на три тыс. руб. Нарушеніе закона обнаружилось, заговорили строгіе блюстители ограничительныхъ правилъ, поднялась многотомная переписка; съ своей стороны и купцы представили правоту своихъ дѣйствій. Дѣло кончилось тѣмъ, что велѣно соблюдать Высочайшее повелѣніе 1855 г. Приказаніе исполнили: дѣйствительно расчетъ по отпуску металловъ введенъ былъ тотчасъ же, не смотря на то, что прежній учетъ, въ теченіи двухъ лѣтъ, былъ въ виду начальства, контролирующаго торговля дѣйствія. Но не прошло и дня, какъ купцы нашли способъ отпускать металлы въ такомъ количествѣ, какое нужно,—возвысивъ цѣны на всѣ товары на 20 и 30%. Самолюбіе блюстителей закона было удовлетворено, а Высочайшее повелѣніе на дѣлѣ оставалось одною формою, безъ дѣйствительнаго значенія. Такъ дѣйствовало кяхтинское купечество. Троицкосавское мѣщанство противопоставило стѣсненіямъ обычную форму контрабанды во всѣхъ ея видахъ, даже и по доставкѣ для подспорья сбыту русскихъ мануфактурныхъ товаровъ контрабанднаго казеннаго золота. Безъ контрабанды самый худшій кирпичный чай сталъ у насъ дороже самаго послѣдняго англійскаго и американскаго чая; самые высокіе сорта чаевъ приближались цѣнами на Кяхтѣ къ цѣнамъ въ Гамбургъ и Лондонъ; самые обыкновенные сорта чернаго за границею были дешевле кирпичнаго кяхтинскаго и проч. Съ разрѣшеніемъ въ настоящее время, доставки чая кругосвѣтнымъ путемъ, конечно, сибирская чайная контрабанда въ сильной степени ослабѣла.

Г Л А В А X.

СТАРОВЪРЪ ПАПУЛИНЪ.

Таинственные дома.—Папулинъ по личнымъ воспоминаніямъ автора.—Совратитель.—Борьба съ нимъ.—Успѣхи пропаганды.—Постный товаръ.—Успѣхи безпоповщины.—Женскій вопросъ.—Бѣгствующая церковь.—Параллель между двумя расколами.—Необычайный успѣхъ еедосѣвщины.—Гоненія и упрство.—Посадъ Судиславль.—Свѣтопреставленіе.—Папулинская община.—Соврашенія.—Торжественныя моленія.—Старая книга и старая икона.—Похищеніе послѣднихъ изъ православныхъ храмовъ и самое знаменитое изъ нихъ.—Иконографическія рѣдкости и драгоцѣнности.—Торговля иконами.—Семень Кузьминъ.—Соловецкая тюрьма.—Гдѣ правда?

Мало найдется въ сѣверной лѣсной Россіи такихъ городовъ, въ которыхъ не было бы таинственныхъ деревянныхъ домовъ, окруженныхъ высокими бревенчатыми заборами и построенныхъ отступя отъ жилищъ на версту и менѣе. Лишь только городъ старинный, знакомый лѣтописцамъ и, въ особенности, издревле торговый и теперь не въ особомъ упадкѣ, бывало, ищи въ немъ по ближнимъ околицамъ, гдѣ полагается быть кладбищамъ, эти застоявшіяся, почергѣлыя зданія съ обрѣштившеюся крышею и окруженныя обросшими мохомъ и пожелтѣлыми заборами. Казались эти крѣпостцы совершенно забытыми и давно покинутыми; видимо, въ нихъ никто не живетъ и онѣ какъ будто ждали хорошей бури съ вьюгою, чтобы совершенно разсыпаться. Въ окрестномъ народѣ объ этихъ зданіяхъ, обыкновенно, рассказывались невѣроятныя басни, порождаемыя именно ихъ таинственнымъ видомъ, всегда крѣпко запертыми воротами и вѣчнымъ меланхолическимъ безмолвіемъ. Всѣ рассказы плелись, обыкновенно, какъ лапотъ, на одну колодку и также съ подковыркою. Въ такомъ лживомъ видѣ переходили они и въ официальные бумаги и въ печать. Ревнивъ и безпокоенъ открыто живущій человекъ къ тѣмъ, которые уединяются и прячутся за заборомъ. Любопытство мучится желаніемъ проникнуть въ сокровенное, стучится въ дверь и, въ досадѣ на крѣпкіе запоры, спѣшитъ утѣшиться всякою формою фантастическихъ разсказовъ. Ночью тамъ видятся невидимые огни, слышится топанье босыхъ ногъ и хлопанье плясокъ; затѣмъ предполагается мгновенно наступающая темнота и начинающееся содомское бѣсовское дѣйство.

На самомъ дѣлѣ, старикъ съ бороною по чресла, одинокій и никогда не скучающій, зажегъ лучину или огарокъ и, при вспыханіи слабо мерцающаго свѣта, точаетъ кривымъ шиломъ настоящій лапотъ. Надоѣсть ему работа, выйдетъ онъ провѣтриться и прислушаться, съ какой стороны дуетъ непогода, не собирается ли дождь (поясицу что-то полагываетъ). Вотъ взвыли волки; долетѣлъ изъ города звукъ соборнаго колокола, въ который ударялъ другой

такой же сторожъ; крикнулъ на лошадь, полъ самымъ заборомъ, проѣзжающій на базаръ мужичекъ изъ ближнихъ деревень и т. п. Воробъ бояться дряхлому старику нѣтъ нужды: имъ тутъ взять нечего! Лежатъ безмолвно и неисходно въ землѣ покойнички и стоятъ надъ ихъ могилками также полуразвалившіеся голубцы, въ видѣ бревенчатыхъ срубовъ съ двускатными кровельками и крестикомъ. Ихъ пробовали было запрещать закономъ, но старовѣры отбили себѣ это право и продолжали держаться и въ этомъ, какъ и во всемъ, стариннаго русскаго обычая.

Таинственные подгородныя избы были, въ самомъ дѣлѣ, ни что иное, какъ старовѣрскія кладбища, а если стояли за высокими заборами, то почти навѣрное — безпоповщинскіе молитвенныя дома, по большей части весьма распространеннаго еедосѣвскаго согласія. Изъ многихъ десятковъ такихъ безмолвныхъ, какъ страшная могила, зданій мнѣ яснѣе и знакомѣе прочихъ помнятся два, со временъ далекаго дѣтства. Оба примыкали къ выгонамъ и стояли за обывательскими огородами, подобно знаменитымъ столичнымъ кладбищамъ: Преображенскому въ Москвѣ и Волкову въ Петербургѣ, кровнородственнымъ по единомыслию и находившимся, не смотря на разстоянія, въ тѣснѣйшей дружественной связи. Оба знакомыя мнѣ также примыкали къ выгонамъ древнѣйшихъ сѣверныхъ городовъ, изъ которыхъ одинъ, какъ Галичь, былъ славенъ и гремѣлъ на всю Нижегородскую и Суздальскую земли еще во времена Дмитрія Шемяки, а другой, Судиславль, сохранившій почтенное древнее имя, забылъ, за давностью времени, даже годъ своего основанія и давно утерялъ всѣ документы, свидѣтельствующіе объ его аристократическомъ происхожденіи.

Въ послѣдніе два-три десятка лѣтъ подобныя загородныя строенія мало по малу стали дѣлаться рѣдкостью; они или снесены, или переведены въ самые города или же замѣнены новыми зданіями. Въ сороковыхъ годахъ они были еще цѣлы и по нимъ можно было наблюдать за явленіемъ нѣкотораго чуда и повѣрять нравственныя качества мѣстныхъ правящихъ

властей. Чудо заключалось въ томъ, что утлыя зданія, казавшіяся сложенными изъ гнилушекъ и покрытыми ободранными крышами, продолжали себѣ стоять неизменно и несокрушимо. Строго заказано было не только строить новыя зданія, но и подновлять старыя. Всякая свѣжая заплатка на кровлѣ, всякая новая доска на обшивкѣ, даже колъ, приставленный къ пошатнувшемуся забору, порождали цѣлыя судебныя дѣла, вызывали наѣзды временныхъ отдѣленій съ понятными, производили народныя толки между православными и волненія съ опасливымъ страхомъ среди старовѣровъ. Умные и осторожные изъ нихъ замѣняли совершенно сгнившія бревна и доски, пропускавшія течь, подержанными, но крѣпкими, чтобы не было бросающихся въ глаза оказательствъ. Смѣлые и рѣшительные испрашивали разрѣшенія властей (при помощи денежнаго взноса, сообразно со степенью опасности для самого начальства) и подводили подъ зданіе новыя вѣнцы изъ крѣпкихъ мелкослойныхъ и смолистыхъ сосновыхъ бревенъ. Вліятельные и богатые дерзали соорудить совершенно новыя молитвенныя дома, лишь оберегая ихъ назначеніе какими либо отводами и прикрывая ссылкой на одинъ изъ видовъ заводскихъ, ремесленныхъ и фабричныхъ заведеній. Впрочемъ, послѣднее обстоятельство надо считать большою рѣдкостью, весьма исключительнымъ явленіемъ, такъ сказать, знаменательнымъ историческимъ фактомъ въ жизни едосѣвщины, по чрезвычайной трудности осуществления дерзостной мысли.

Одно изъ подобныхъ сооруженій красовалось (по почтовой дорогѣ въ г. Макарьевъ изъ Костромы) всего въ одной верстѣ отъ этого заштатнаго города Судиславля. Пріѣзжая гимназистами на вакацію, мы могли любоваться не только дерзкою красною крышею, но и внушительными размѣрами новыхъ зданій, очень похожихъ на фабрику. Строенія эти, кажется, такъ и назывались. Строилъ и владѣлъ ими судиславскій купецъ Папулинъ, безпоповецъ едосѣвскаго толка, „батушко-отецъ“, „батушко Николай Андреевичъ“, какъ звалъ его весь окольный свѣрый народъ и городское мѣщанство, щеголявшее въ синихъ сибиркахъ по милости его же, батушки-отца Николая Андреевича.

Я какъ сейчасъ вижу эту бороду, которая вошла въ залу мѣстнаго вліятельнаго чиновника, не кланяясь глубоко въ поясъ, а какъ будто бы даже приподнявшись повыше, чѣмъ была до тѣхъ поръ. Какъ вошелъ твердо и рѣшительною поступью этотъ старый человѣкъ, такъ и заговорилъ, обращаясь къ хозяину и, конечно, не обращая никакого вниманія на молоденькаго гимназиста.

— Хлѣбъ-соль про меня нынче будетъ?

— Какую велишь; про тебя всякая есть.

— Такъ вотъ я на подстлочку скатертку маленькую принесъ тебѣ.

И вынулъ онъ, развернувъ, на преддиванный столъ огромную камчатную скатерть.

— Привыкъ, вѣдь, ты послѣ ѣды-то и обтираться, дворянскимъ дѣломъ, не полотенцемъ, а, чай, салфетками, — продолжалъ онъ и выкрикнулъ своего молодца, который стоялъ за дверями. Худой и длинный, какъ шесть, парень явился съ узломъ.

— Вотъ, пока, на дожинку, а, можетъ, и двѣ твоя барынька выкроятъ.

Солидный человѣкъ во все время не терялъ шутиваго, веселаго тона, но, сѣвъ на диванъ и опершись обѣими руками на колѣни раздвинутыхъ ногъ, вдохнулъ, покачалъ головою и пристально взглянулъ на хозяина.

— Больно что-то крѣпко холодкою потануло отъ Костромы. Слыхалъ, чай?

— Было повторительное секретное предписаніе...

— Все меня соблюдаютъ. Слыхалъ, что протопопъ на-дняхъ туда ѣздитъ и красавецъ-отъ вашъ въ походъ собирается. Готовишь подводы-то?

— Четверку подъ его карету, тройку подъ протодьякона, три пары подъ пѣвчихъ и одну подъ прислугу.

— Многоуко. Тяжеленько мужикамъ-то будетъ въ эту рабочую пору... Больно ужъ сильно воинство, не испугаться ли мнѣ?

— Можетъ быть, и на этотъ разъ мимо пройдетъ.

— Не захочетъ, думаешь, оскверняться? Ладно бы такъ-то!.. Изъ Москвы худыя вѣсти привезали. Хромой графъ, что вотъ надъ этими ребятами самый большой начальникъ, взялъ, слышно, костью своей и пошелъ прямо на насъ. Мнѣ отъ него первая петля. И красавецъ-отъ въ Ипатьевскомъ развоевался: доносъ за доносомъ пишетъ въ Питеръ. Меня кланеть и грозится большимъ судомъ. Сдается мнѣ, что подходятъ мнѣ послѣдніе часы и, можетъ быть, я въ послѣдній разъ говорю съ тобой!

Какъ ни старался Папулинъ говорить обычными старовѣрамъ иносказаніями, мнѣ и тогда понятно было, что намеки шли на архіерея Владимира (Алядина) и графа С. Г. Строганова, бывшаго тогда попечителемъ московскаго учебнаго округа. Ходили слухи, — всякій ямщикъ рассказывалъ намъ объ этомъ, — что Папулинъ отвадилъ всѣхъ судиславскихъ жителей отъ обонихъ православныхъ городскихъ приходоу. Толковали даже такъ, что видѣли соборнаго дьякона, какъ онъ выбѣгалъ на мостъ и протягивалъ къ проѣзжающимъ руку за милостынею. Церковь въ слободѣ уже давно стояла безъ звону и мѣстный священникъ вызвалъ быть въ Кострому и нанимался служить раннія обѣдны по четвертаку за службу, да чтобы

покорили обѣдомъ. Сосчитали также, что всего въ два-три года произвелъ Папулинъ это плѣненіе, что жалобы на него посылались куда слѣдовало, а онъ продолжалъ дѣло безъ помѣхи и даже съ возрастающимъ успѣхомъ. Подъ вліяніемъ его состояли не только всѣ еодосѣвскія общины въ Костромской губерніи, но, по вѣрнымъ слухамъ, даже и тѣ, которыя были разбросаны по Ярославской и Тверской. Хорошо извѣстно было намъ также и то, что, главнымъ образомъ, онъ производилъ торговлю не полотнами и скатертями, а такимъ товаромъ, которымъ нигдѣ за границею не торгуютъ, а прознавшіе тамъ о подобной статьѣ засмѣялись бы и не повѣрили. Николай Андреевичъ производилъ оптовую торговлю грибами во всѣхъ ихъ ботаническихъ и кулинарныхъ видахъ. На первомъ мѣстѣ стоялъ, конечно, сушеный бѣлый грибъ со снѣжнымъ отливомъ мездры или бухтармы, навязанный на суровыя нитки, въ вязкахъ. За нимъ, цѣною гораздо подешевле и достоинствомъ ниже, также сушеные, навязанные въ вязки, слѣдовало черные грибы (масленики съ зеленоватою бухтармою), красные (боровики, подосиновики). На мѣстахъ сборовъ солеными и здѣсь, въ оптовомъ складѣ, сортированными поступали въ грибной товаръ: рыжики, грузди, свиначи и т. д. Эти сорта сбывались въ кадушкахъ, которыя, на этотъ разъ, изготовлялись въ ближайшемъ лѣсномъ городкѣ Кадый. Ткацкимъ дѣломъ Папулинъ занялся лишь въ послѣднее время, соблазненный близостью (всего 50 верстъ) кинешемскаго или, вѣрнѣе, вичужскаго фабричнаго округа, но вель его въ исключеніе, а, по слухамъ, просто для прикрытія (да и вель ли еще?). Подъ видомъ рабочихъ у него жили подъ попеченіемъ и на прокормѣ тѣ ревнители еодосѣвщины, которымъ угрожала опасность въ другихъ мѣстахъ и надо было скрываться. Для укрытія у него находился подъ рукою тотъ дремучій лѣсъ, въ которомъ самъ чертъ искалъ три года этотъ городъ Кадый, выносятъ три пары лапотьковъ и все-таки не нашель. Въ 15-ти верстахъ отъ Судиславля Папулинъ владѣлъ двумя мельницами: одна называлась „Калишкою“, а другая „Шемякиною“. Когда въ 1845 году уничтожили его еодосѣвскую общину, ютившуюся на самомъ виду городскихъ церквей, онъ перевелъ ее сюда, построилъ избы для жилья и отдѣльную мельницу. Изъ Москвы прислали къ нему на поддержку твердаго, какъ алмазъ, наставника, который и помогаль въ устройствѣ общежитія и въ отправленіяхъ молитвенной службы. Имъ же приняты были и всѣ мѣры къ тому, чтобы укрыть дѣла новой общины и уберечь ее такъ, чтобы она казалась провалившеюся и сгнившою въ болотныхъ трясинахъ. Это, однако, не удалось и покровительство общинамъ своего толка признано было преступленіемъ и названо

пристанодержательствомъ. Это-то обстоятельство и послужило вскорѣ начальнымъ и главнѣйшимъ поводомъ къ тому, что Папулина, наконецъ, обвинили, схватили и заточили на вѣчно въ Соловецкомъ монастырѣ.

Главнымъ и самымъ надежнымъ потребителемъ „постнаго товара“, конечно, былъ первопрестольный градъ, неизмѣнно вѣрный старотеческимъ обычаямъ. Съ Москвою непосредственно и вель Папулинъ торговля сношенія со своимъ товаромъ, который, въ грудѣ прочихъ, не особенно былъ примѣтенъ, однако, по слухамъ, съ годовымъ оборотомъ на сто тысячъ рублей. На первой недѣлѣ Великаго поста товаръ этотъ выставлялся наружу, изумляя своимъ обиліемъ. Выставка его занимала огромное пространство москворѣцкой набережной и привлекала поразительное многолюдство. Въ Москвѣ, издавна привыкшей жить годовыми запасами, сюда сходились хозяйки и бродила между ними голодная бѣдность, которой дозволялось пробовать съѣстной товаръ и она даромъ наѣдалась и соленымъ грибомъ, и соленою въ корень рыбою, и сладкимъ медомъ въ теченіи цѣлой недѣли.

Впрочемъ, не эта сторона скучнаго дѣла грибной торговли занимаетъ насъ въ настоящее время. Судиславскіе грибы вяжутся съ другою стороною народнаго быта и подсказываютъ данныя, не лишеныя глубокаго интереса, какъ матеріалъ для исторіи русскаго раскола, въ значеніи новаго эпизода.

Въ то время, когда пеновщина истощалась матеріальными средствами и общинными силами, распавшаяся на толки по поводу исканія истиннаго древлеправославнаго священства до архирейства включительно, — безпоповщина рѣшительно отказалась отъ поповъ и успокоилась на выборныхъ и излюбленныхъ наставникахъ съ попечителями. Она ширилась и крѣпла, благодаря практическому разуму первыхъ и богатству вторыхъ. Поповцы, нуждаясь въ главномъ священномъ чинѣ и не имѣя его, принуждены были обходиться лишенными сана бѣглецами изъ православной іерархіи, попадали на строптивыхъ и кляузныхъ, терпѣли отъ пьяненькихъ и гулящихъ, принимали единовѣрце и благословенныя церкви и т. д. Безпоповцы, заручившись опытными старцами и умудренными въ книжной премудрости уставщиками, могли находиться въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ относительно этого труднаго вопроса. Первые едва добились въ полтора года до бѣлокриничкой митрополіи, вторые давнымъ-давно успокоились на выборныхъ и излюбленныхъ по образцу выговскихъ общежитій, т. е. по правдамъ поморскаго согласія. Ведя борьбу съ господствующимъ исповѣданіемъ въ первыя времена старообрядства подъ однимъ знаменемъ,

сами старовѣры распались, такимъ образомъ, на два раскола, существенно не согласные, а потому немедленно объявились лютыми врагами другъ друга. Они перестали общаться не только въ молитвѣ, но и въ пищѣ, вняли въ полемическій задоръ и повели открытую борьбу, которая довела, наконецъ, до смѣшныхъ крайностей и, во всякомъ случаѣ, до полной невозможности примиренія.

Въ средѣ безпоповцевъ, въ свою очередь, вѣншія давленія могущественной власти послужили также причиною внутреннихъ расколовъ. Смутилъ, прежде всего, женскій вопросъ и сдѣлался предметомъ несогласій и пререканій, тѣмъ болѣе серьезныхъ и оживленныхъ, что въ уставщики и наставники, какъ главы общинъ, попадали, конечно, пожилые люди съ сильно пробившеюся сѣдиною, но не остывшею кровью. Додумались до того, что начали отрицать бракъ, говорить: „Какое же это таинство, когда нѣтъ хриstopодражательныхъ священниковъ, освященныхъ благодатію Св. Духа“? Одни встали за бракъ (секта поморская), другіе отказались признавать его святость (и это—еодосѣвщина). Женщина, однако, возобладала крупными правами, дотогѣ не слыханными: она могла также замѣнять пона при освященіи молитвами браковъ, при перекрещиваньи, при исповѣди. На похоронахъ она уже не разводила языческихъ „плачекъ“, а читала молитвы по старопечатнымъ отеческимъ требникамъ. Не всегда была она орудиемъ приманки и поддержкою сластолюбія, но управляла не женскими только, но и мужскими общинами съ такою же самостоятельностью и искусствомъ, какъ мужчины. Вообще, въ дѣлахъ еодосѣвщины женскія услуги чрезвычайны и если мало извѣстны, то потому лишь, что не изслѣдованы ни по вопросамъ о воспитаніи ребятъ въ духѣ толка и обученія ихъ грамотѣ, ни по отношеніямъ ихъ къ толкованію правилъ и распространенію въ народѣ еодосѣвщины.

Всѣ секты согласились на томъ, что съ оскуднѣніемъ благочестія въ правящей церкви наступило предрѣченное антихристово царство и что гонительная власть—его слуги. И вотъ, изъ поморскаго согласія выдѣлилась филипповщина (они же и филиппоны), учившая бѣжать изъ міра и гнушаться всѣхъ прелестей его. Озлобленность этой самой мрачной и непримиримой секты дошла до того, что послѣдователи ея начали носить за пазухою свои иконы, перестали ѣсть изъ одной чашки, одною ложкою даже съ поморцами и еодосѣвцами, а завершилось все это тѣмъ, что выродилась скрытническая секта (бѣгуновъ). Послѣдователи ея, совершенно покинувъ осѣдлую жизнь поморцевъ и еодосѣвцевъ, рѣшились скитаться изъ мѣста въ мѣсто, охотнѣе жить въ непроходимыхъ дебряхъ лѣсовъ или въ темныхъ подпольяхъ дѣсныхъ

деревушекъ. И всѣ вмѣстѣ—поморцы, филиппоны, еодосѣвцы и скрытники—до того отчуждились отъ православной церкви, что не только войти въ нее, но и встать подъ тѣнь вещественной начали считать тягчайшимъ грѣхомъ. Послѣднюю замѣнили молитвенныя избы, которыя, по случаю гонительнаго времени, въ самомъ дѣлѣ скрыты были на задахъ и выѣздахъ, за высокими заборами, даже въ городахъ, находящихся въ Вѣлоруссіи, и даже въ тѣ времена, когда послѣднею владѣла католическая Польша. Здѣсь были и кладбища и разрѣшенные при нихъ богадѣльни, которыя полагались обязательными и для каждой, гдѣ бы то ни было устраиваемой молельні. Богатый чело-вѣкъ строилъ зданія, подыскивалъ начетчика. Изъ всего множества знающихъ и опытныхъ, какимъ вообще владѣть еодосѣвщина, онъ выбиралъ самаго лучшаго и собиралъ у себя вѣрное стадо избранныхъ. Богадѣльни принимали видъ монастырей и были таковыми въ силу тѣхъ строгихъ правилъ жизни и твердыхъ догматовъ вѣрованій, какими руководится наше старовѣріе и въ средѣ его, главнымъ образомъ, безпоповщинскіе толки. Послѣднимъ отшельническая жизнь въ особенности полюбилась и тамъ, гдѣ заводился мужской монастырь, непременно выростала и женская обитель. Обоимъ не привелось укрѣпиться на избранныхъ мѣстахъ по причинѣ безпрестанныхъ преслѣдованій и потому, что самые крѣпкіе и многолюдные были въ конецъ разорены. Отъ этихъ обителей на память нынѣшнимъ временамъ и для наблюденія любопытныхъ остались лишь гнилушки, какъ остатки двухъ-этажныхъ келій и обширныхъ скотныхъ дворовъ, да ямы, какъ признаки засыпанныхъ погребовъ и разметанныхъ каменныхъ фундаментовъ. И такая-то судьба постигла тѣ жительствова, которыя древнѣе свободнымъ способомъ, любезнымъ народу, устроивались въ обширныя слободы и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ, по многимъ даннымъ, не могло быть особаго приволя людскому труду, какъ бы ни былъ онъ всеиленъ и многоиштенъ. Таковы поселенія безпоповцевъ на крайнемъ сѣверѣ, вродѣ выгорѣцкихъ и лексинскихъ, мезенскихъ и даже такихъ, которыя искали убѣжища на негостепріимной Новой-Землѣ и на гранитныхъ бѣломорскихъ островахъ.

Разсказъ нашъ относится именно къ тому времени, когда гоненія достигли крайнихъ предѣловъ и, стало быть, давали возможность и право усиливаться энергій до упорства со стороны преслѣдуемыхъ. Прогнанные съ одного мѣста разсѣивались въ разныя стороны, чтобы собраться вновь на болѣе безопасномъ. Втихомолку, съ большою осторожностью, они скучивались, а при усиленныхъ матеріальныхъ пособіяхъ богатыхъ покровителей плотнѣе осѣда-

ли, потому что дорожке стояли, как гонимые и страдальцы. Замѣчательна при этомъ та быстрота, съ какою организовались еодосѣвскія общины, однако, снова для того, чтобы быть въ свое время открытыми, разбитыми и разбросанными на мелкія и ослабленныя кучки. Вѣрующіе, обходившіеся безъ поповъ, продолжали попрежнему кочевать и, представляя въ полномъ смыслѣ слова „бѣгствующую церковь“, не поддавались ни точному учету ихъ количества, ни надлежащему наблюденію за ними со стороны властей. Въ этомъ заключается существенная разница ихъ отъ поповщины и старообрѣзовъ, т. е. тѣхъ, которые собственно не уклонились въ догматахъ отъ православія, но привязаны лишь къ старымъ церковнымъ книгамъ и обрядамъ. Эти надежно уживались рядомъ съ православными, являя изъ себя сплошныя поселенія, и свободно вѣровали, живя бокъ о бокъ, при благословенныхъ церквахъ, единобѣрческими приходами. Кочевала только поповщинская іерархія, увлекая за собою въ надежныя мѣста особенно гонимыхъ и искренно вѣрующихъ.

Стокъ и славенъ былъ въ чернораменныхъ заводскихъ лѣсахъ Керженецъ, но ослабѣлъ и онъ, когда возросла Вѣтка въ далекой Вѣлороссіи и возродились въ черниговскихъ предѣлахъ разомъ 14 большихъ слободъ. Процвѣтала здѣсь старая вѣра съ церквами и обѣднями и съ монастырями для обоюбого пола ошельниковъ, но появился въ Поволожѣ Иргизъ—и снова пришлось дѣлить славу и перленство, пока не выродилась старообрядская іерархія въ пущей силѣ и значеніи уже за предѣлами государства—въ австрійской Буковинѣ. „Исправленные“ дома, попы изъ бѣглыхъ замѣнены были рукоположенными безмѣстными греческимъ митрополитомъ и послѣдующими его преемниками въ архіерействѣ. Москва, которая не перестаетъ служить въ миниатюрѣ полнымъ подобіемъ Россіи и, какъ въ зеркалѣ, отражать въ себѣ всякія движенія народной мысли и быта, представляетъ собою наглядныя доказательства тому, насколько поповщина казалась безопасною и вела жизнь поспокойнѣе. Иногородная поповщина не требовала отъ Москвы чрезвычайныхъ усилій въ поддержкѣ матеріальными средствами и исключительныхъ заботъ въ укрѣпленіи ослабѣвшаго среди преслѣдованій религіознаго духа. Въ дѣлахъ этого толка ей не привелось занять первенствующаго мѣста и сдѣлаться руководящимъ центромъ. Предвосхищало у нее славу любое мѣсто и всякій счастливый и находчивый человекъ. Скитокъ „Смольяны“ въ лѣсахъ Заволожья, на рѣчущкѣ Вѣлмашѣ, сдѣлался митрополіею и некижный старецъ Денисъ (Шуйскій)—главою поповщины только потому, что сберегъ довольно запасъ св. муръ и даровъ,

освященныхъ еще при патриархѣ Іосифѣ. Преемникъ его, Θεодосій, ухитрившійся разыскать въ Калугѣ старую церковь и отслужившій въ ней обѣдню, сталъ вліятелемъ и силенъ лишь потому, что приготовилъ новый запасъ даровъ. Когда поселился онъ за литовскимъ рубежомъ въ Вѣткѣ, самый Керженецъ принужденъ былъ преклониться передъ этою новою митрополіею. Θεодосій сталъ во главѣ всего старообрѣвья лишь за то, что началъ варить и муръ и снабжать имъ всѣ общины. Не понадобились и денежныя капиталы: въ нѣсколько дней изъ дубоваго лѣса, сотнями топоровъ, срубили вѣтковцы большую церковь съ высочайшею, въ пять пролетовъ, колокольнею.

Безпоповщина, напротивъ, всегда нуждалась въ покровительствѣ и становилась подъ защиту сильныхъ капиталами богачей. Если вообще замѣчается въ ней наклонность искать послѣдователей въ средѣ фабричнаго и заводскаго населенія, то этимъ объясняется и самое существованіе этого старообрѣвскаго толка тамъ, гдѣ угнѣздился рабочій народъ, закрѣпощенный на всѣ 24 часа въ сутки, отбывшійся отъ сохи и ставшій полукочевымъ и бродячимъ по безнадежности въ жизненныхъ средствахъ и по исключительной зависимости отъ личныхъ капризовъ и денежныхъ сумдуковъ хозяевъ. Этимъ объясняется и то выдающееся явленіе, что для безпоповщины богатая Москва стала дѣйствительною главою, а Преображенское кладбище—митрополіею. Она временами лишь раздѣляла нѣкоторую долю вліянія и силы своей съ кое-какими иногородними общинами. Многочисленные (до 50-ти) мелкіе толки безпоповщины были разсыпаны и разъединены,—Москва умѣла сплотить многіе изъ нихъ и выучила дѣйствовать за одно, согласно своей волѣ и благодаря обстоятельствомъ, благоприятно сложившимся для нее одной, въ исключеніи. На сколько умѣло велось это дѣло именно въ тяжкія времена усиленныхъ преслѣдованій, доказываютъ краснорѣчивыя цифры. До 1826 года во всей Москвѣ едва насчитывалось 30 молельствъ, къ началу же сороковыхъ годовъ ихъ было уже до 150. При этомъ и здѣсь, какъ и въ остальной Россіи, безпоповцы сдѣлались скучиваться въ сплошное населеніе, но, подъ давленіемъ внѣшнихъ препятствій и обидъ, снова разбивались на отдѣльныя мелкія общины и укрывались гдѣ ни попало, лишь бы только объявился тамъ богатый и охотливый покровитель. До указанного года они гнѣздились около Преображенскаго кладбища, въ Лефортовѣ и по Васманнымъ, послѣ того разсыпались по всей Москвѣ и засѣли гнѣздами безъ разбора и безбоязненно въ городскихъ центрахъ и въ Замоскворѣчѣ. Сила этого толка возростала и отъ умѣлаго веденія дѣла искусными, многоопытными книжниками, и отъ поддержки фабри-

кантами съ тѣми известными фамиліями, которыя гремѣли не только по Россіи, но и по всей Сибири до китайскихъ предѣловъ и Кяхты. Фабриканты, какъ бы по влеченію особенною мистическою силою, готовно шли на помощь именно этой наиболѣе гонимой сектѣ едосѣвщины, опиравшейся, съ другой стороны, на энергію и большія нравственныя силы наставниковъ. Такой-то умѣлости послѣднихъ и готовной щедрости первымъ Москва обязана была тѣмъ, что временами принуждена была уступать силу вліянія иногороднимъ общинамъ, въ которыхъ случайно сочетались оба условія: нравственное и матеріальное.

Въ 30-хъ и въ началѣ 40-хъ годовъ неожиданно-негаданно для богомольной столицы обнаружилась соперникъ тамъ, гдѣ всего менѣе можно было его подозревать. Въ Москвѣ принуждены были вступать съ нимъ въ сдѣлку, стараться установить живыя и прочныя связи и дѣлить самую власть пополамъ.

На большомъ сибирскомъ трактѣ изъ Петербурга, шедшемъ черезъ Кострому на Вятку, расположился тотъ маленькій и ничтожный городокъ Судиславль, который Екатериною II оставленъ былъ за штатомъ. Онъ близко примыкалъ къ тому непочатому, по недоступности, дремучему лѣсу, который въ 1839 году устранилъ всю сѣверную Русь необычайнымъ и страшнымъ явленіемъ лѣсного пожара. Пожаръ длился весь августъ мѣсяцъ. Отъ сгустившагося дыма солнце нѣсколько недѣль не давало лучей и казалось вырѣзаннымъ изъ фольги кругомъ; природныя цвѣта отъ сирада видоизмѣнились: зеленъ на поляхъ и огородахъ казалась голубою, красныя крыши отливали желтымъ цвѣтомъ. Въ самый полдень становилось такъ темно, что въ избахъ по деревнямъ начали зажигать огни и работать при лучинѣ. Отъ раскаленного лѣсного воздуха вѣтеръ превратился въ ураганъ. Буря съ вихрями разбрасывала пепель вмѣстѣ съ перегорѣлыми листьями, не долгѣвшимъ лапчатымъ мохомъ, еловою и сосновою хвоею, какъ пухъ, за сотню верстъ отъ пожара и начала пламя съ усиленною быстротою въ сѣверо-восточномъ направленіи. Она перекинула огонь черезъ рѣку Унжу, загнала въ лѣса по Ветлугѣ и, перебросившись черезъ Волгу, опоясала огненною неодолимою стѣною всё тѣ лѣса, которые были смѣжны, тянулись по уѣздамъ трехъ губерній и по рѣкамъ Ветлугѣ и Керженцу и которые, въ особенности, были любезны и дороги всему нашему старовѣрью. Народомъ обуюлъ небывалый страхъ: въ теченіи всего лѣта почти не было дождя и выпавшій одинъ разъ въ теченіи пяти недѣль лишь только вспрыснулъ сильно потрескавшуюся жадную землю, словно испарившись еще на ходу изъ облаковъ. Къ тому же,

дождевыя капли, пробиваясь сквозь воздухъ, наполненный пепломъ, принимали красноватый оттѣнокъ.

— Идетъ кровавый дождь!—съ замираніемъ сердца толковалъ народъ и въ усиленной молитвѣ искалъ успокоенія, ожидая страшнаго суда и конца свѣта. Поднимали православные изъ церквей иконы и служили безпрестанные молебны. Старые люди принялись говѣть, исповѣдываться и причащаться.

— Наступаетъ свѣтопредставленіе! — увѣренно повторяли въ каждой деревнѣ. Надвѣвали чистыя рубахи, вынимали изъ сундуковъ спрятанные на смертный случай саваны съ длинными рукавами и широкими подолами. Приготовлялись къ кончинѣ. Ждали пришествія антихриста и даже выходили къ нему на встрѣчу, вовсе покидая жилища. По крайней мѣрѣ, когда наступала ночь, рѣдкій рѣшался оставить часовенныя и церковныя площадки и идти спать на печи или на полати. Цѣлые дни проводились подъ открытымъ небомъ въ сосѣдскомъ сообществѣ и на міру, гдѣ и смерть считается красною. На всѣхъ лицахъ написанъ былъ ужасъ. Рѣдкій рѣшался вымолвить слово и въ деревняхъ не замѣчалось обычнаго суетливаго движенія. На бѣду, пришлые слѣпыя старцы, усѣвшись въ кружокъ гдѣ нибудь на задахъ селенія, истоиво разводили тоскливыми, хрипыми голосами:

А и мѣсяць-солнце померкнули:

Не видать луча свѣта бѣлаго,—

Словно мать-сыра земля погибается,

Погибается мать-сыра земля, разступается...

— Тошнехонько!—мучительно выговаривалъ каждый отъ мала до велика, когда воздухъ до того уже наполнился дымомъ и сирадомъ, что нечѣмъ было дышать, тупѣло зрѣніе, утрачивался вкусъ, ощущалась во рту горечь и захватывало горло до кашля.

Это было время того страшнаго народнаго отчаянія, когда каждый ницѣтъ утѣшенія въ любомъ ободряющемъ словѣ и прислушивается къ первому указанію, гдѣ искать спасенія. Это время народнаго бѣдствія, въ особенности, пощастливало судиславскимъ начетчикамъ и покровителю ихъ Папулину. Число послѣдователей быстро увеличилось, сколько по ненаходчивости и равнодушію мѣстнаго духовенства, привыкшаго гнушаться сближеній и лишь исполнять однѣ заказныя требы, столько же въ виду помощи тароватаго богача, умѣвшаго пріютить погорѣлый народъ, спасшійся отъ пламени. Погорѣли въ это время не только деревни и села, но и цѣлый городокъ — историческій Кадый, обойденный и пощаженный татарами и литовскими людьми, но сгорѣвшій весь дотла; уцѣлѣла какимъ-то случаемъ одна лишь кладбищенская деревянная церковь, соборная же Никольская каменная сгорѣла.

Приютить Папулинъ весь этотъ обездоленный безнадежно народъ въ своихъ обширныхъ покояхъ и другихъ строеніяхъ; занимать на свои средства и частные дома въ судиславской слободкѣ и на посадѣ. Поить и кормить, навѣщать съ ласковою улыбкою и привѣтливимъ словомъ весь этотъ напуганный людъ, видѣвшій самолично всё ужасы лѣснаго пожара: горячимъ дождемъ сыпалась на него расплавленная смола съ вѣсковыхъ деревьевъ и негдѣ было укрыться; въ одной сторонѣ бѣшеный огонь зажигалъ тѣ сухари, тѣ старыя дуплистыя деревья, которыя, по ветхости, едва отставались на корню, а охваченныя пламенемъ, они валились на молодыя и здоровыя сосны пылающими головешками; съ выгономъ и свистомъ свертывались въ комки молодыя вѣтки и, склубившись отъ жара въ огненные шары, отрывались вѣтромъ и уносились въ невидимую даль зажигать попутные и еще уцѣлѣвшіе боры. Кругомъ и около шли неудержимо, наступая съ двухъ другихъ сторонъ, двѣ другія огненные стѣны, уже наладившіяся на полное разрушеніе всего, что попадалось имъ на дорогу; съ выстрѣлами, съ пушечною пальбою, со згѣбнымъ шипѣніемъ и звѣринымъ боемъ. На время та и другая примолкали, но обманывали: не стало слышно шуму и треску, значитъ, разгорается. Вообще, къ ночи пожаръ, видимо, стихалъ, но снова лукавилъ: налеталъ вѣтеръ бѣшенымъ порывомъ и снова раздувалъ пламя, и снова разливалось огненное море тамъ, гдѣ рассчитывали найти мѣсто для ночлега и укрытія. Всё выбивались изъ силъ, прорубая просѣки, разрывая каналы и пуская вѣтрѣчный пожаръ. Всё опускали руки въ полномъ отчаяніи при видѣ, какъ выли собаки, какъ отрывались отъ коновязей лошади, выскакивали съ выгоновъ коровы и ошалѣлыми бросались въ пламя и обгорали, какъ медвѣди скучивались на полянахъ и лѣсныхъ прогалинахъ въ томъ же беззащитномъ до очумѣнія ужасѣ.

Все это живьемъ возставало въ памяти обогрѣтыхъ, успокоенныхъ и накормленныхъ, твердо вѣровавшихъ, что струсилась бѣда—ясное дѣло—за великіе людскіе грѣхи и беззаконія, но за какіе же изъ прочихъ? Не замедлил Папулинъ объяснить напрямикъ сомнѣнія церковниковъ и ежедневно показывалъ ту силу вѣры своей, которая наглядно выражалась невозмутимымъ хладнокровіемъ, хлопотами о сегодняшнемъ днѣ. Исно видѣлась твердая вѣра и образно оказывалась въ земныхъ поклонахъ передъ образами, въ продолжительныхъ службахъ въ часовнѣ, благолѣпно по всемъ четыремъ стѣнамъ преукрашенной дорожными иконами. Мрачно съ темныхъ фоновъ смотрѣли изможденные лики и тощія фигуры святыхъ, писанныхъ стариннымъ пошибомъ, рассчитаннымъ именно на устрашеніе напуганнаго воображенія. Войти туда и ум-

ляться, искать утѣшенія въ молитвѣ и сладости созерцанія божественныхъ ликовъ можно было не иначе, какъ принявъ повторительное крещеніе—мужчинамъ отъ мужчинъ, женщинамъ отъ наставницъ ихъ же пола—и послѣ многихъ отреченій отъ привычнаго. Здѣсь все необычно и самая молитва требуетъ особаго приѣма и совершается съ такимъ отгѣбнымъ благочиніемъ, какого не видывали пригрѣтые новики ни у деревенскихъ часовенъ своихъ, ни въ сельскихъ церквахъ.

Къ этимъ новоприбылымъ, наиболѣе дорогимъ и желаннымъ гостямъ, привычно называемымъ „совращенными“, раньше уже причислили себя всё тѣ изъ мѣщанъ городка, которые измались на скудости житія и въ безвременья. Одинъ сѣялъ на огородѣ лукъ, да самъ его и ѣлъ; другой поторговывалъ тряпьемъ, да и на этомъ разворился; третій точалъ сапожники, починалъ башмаки, а самъ ходилъ отъ такого промысла круглый годъ босикомъ. Этотъ пробовалъ торговать солью въ развѣстъ, рыбою въ разрѣзъ, соленнымъ судакомъ на вѣсъ, да порѣшили, что ему въ родномъ мѣстѣ выгоднѣе попытаться торговать лаптями, а потомъ уже съ прибылями шататься промежду дворовъ, занимаясь у сосѣдей либо огородецъ вскопать, либо сѣно перетрусить, либо баньку испопить. Кто совсѣмъ сбрелъ отъ бѣдности, а изъ оставшихся многіе словно очумѣли, принявши печь калачи, которыхъ, помимо базарныхъ дней, и покупать здѣсь было некому. Всѣмъ извѣстно это мѣщанское счастье, готовое всегда продать себя во всякую вѣру: было бы уложено предложеніе съ утѣшительнымъ нужду приложеніемъ. Конечно, умный сосѣдъ хорошо зналъ, съ какой стороны подойти къ оскудѣлому и въ какой день и часъ обмотать телегами. При этомъ, какая же вѣра безъ проповѣди и не въ этомъ ли главная суть для всякаго, кто назвался попечителемъ или кого выбрали уставщикомъ и въ наставника?

Провѣстанію Папулинской общины помогало, сверхъ прочаго, также и то, что въ нее присылали изъ Москвы всѣхъ людей, за которыхъ тамъ боялись и которыми, въ то же время, дорожили. Безъ людей, не имѣвшихъ паспортовъ или, облыжно за подкупъ, приписанныхъ неправильно къ московскому и всякому любому мѣщанству, конечно, по силѣ вещей, тутъ не могли обходиться. И затѣмъ, разумеется, въ пригрѣтыхъ и спрятанныхъ попадали и тѣ ловцы въ человѣцѣхъ, для которыхъ труднѣе было заманить новика, чѣмъ закрѣпить его. Если полиція хватала таковыхъ, Москва успѣвала находить новыхъ и присылать свѣжихъ: извѣстный большимъ подворьемъ Чижомъ угнѣ на своихъ лошадяхъ провозить и вывозить, наживая деньги и славу и оставаясь у начальства десятки лѣтъ лишь въ сильномъ подозрѣніи.

Къ этому-то живому и дѣятельному приюту пожарное время привлекло новыя силы, увеличивъ численность и прибавивъ славы и вліянія судиславскому старцу.

Вырядится, бывало, Папулинъ въ одворядку-кафтанъ, на которомъ по спинѣ у тали сдѣланы сборки, а на нихъ справа и слѣва вшиты треугольныя маленькія доскутки; по воротнику и по бортамъ идетъ красный шнурокъ и рядъ серебряныхъ пуговицъ съ чернью, выписанныхъ прямо изъ Устюга, гдѣ только и умѣли выдѣлывать въ тѣ времена таковыя. Волоса на темени у него гладко выстрижены. Пойдетъ бывало онъ въ этомъ молитвенномъ нарядѣ въ часовню слушать всенощную. Тамъ, вмѣстѣ съ прочими, онъ присядетъ на своемъ мѣстѣ прямо на полъ и станетъ ожидать выхода наставника. Появится тотъ самый, что прибылъ изъ Москвы. Тамъ онъ дѣлалъ карды для суконъ и торговалъ въ маломъ скобяномъ ряду, а до того въ Тулѣ съ тремя архіереями имѣлъ состязаніе, защищая еедосѣвщину, и ото всѣхъ съ упрямствомъ и дерзостью отбился. Черезъ это самое онъ прославился на всемъ пространствѣ безпоповщины отъ топозерскихъ скитовъ, вблизи Бѣлага моря, до земли кубанскихъ казаковъ, примыкающей уже къ Черному морю.

Кадить наставникъ указнымъ способомъ изъ ручной кадильницы, крестообразно; кадить Папулину и всѣмъ предстоящимъ, хранящимъ гробовое молчаніе. Восходитъ онъ затѣмъ на амвонъ, провозглашаетъ: „возстаните!“ и ведетъ всенощную службу долго, безъ пропусковъ и отчетливо. На ясно произносимые возгласы бойкимъ и громкимъ пѣніемъ отвѣчаютъ ему пѣвчіе изъ дѣвушекъ и молодыхъ мужичиъ, занимающіе боковыя клиросы. Сквозь открытыя окна выносятся наружу это пѣніе отлично слаженнаго хора, одвогласное, по крюкамъ и съ обычною пригнускою. Какъ нельзя лучше отвѣчаютъ оно настроенію напуганныхъ и тоскующихъ душъ тѣхъ, которые еще не были, послѣ строгой исповѣди и поученія, исправлены, т. е. перекрещены и разрѣшены къ общей молитвѣ. Они лишь издали могли видѣть богато убранныя серебряными ризами съ золочеными вѣнчиками и богато освѣщенный восковыми свѣчами и хрустальнымъ лампадами иконостасъ. Могли все это видѣть и умиляться тому, чего они никогда не знавали прежде, какъ всё согласно и разумно, какъ бы по командѣ, бросали на полъ коврики и становились на колѣни или перебирали въ рукахъ кожаныя лестовки съ кистями кожаныхъ же лепестковъ.

Особенною торжественностью обставлялъ Папулинъ свои моленія и съ особеннымъ усердіемъ клалъ земные поклоны и неустанно перебиралъ лестовку въ это время потому еще, что восходила его звѣзда не надъ одними лишь киевскими и галицкими предѣлами. Она начи-

нала ослаблять свѣтъ всѣхъ тѣхъ звѣздъ, которыя сіяли по стогнамъ Москвы, и даже той, которая давно уже играла яркимъ блескомъ надъ самимъ Преображенскимъ кладбищемъ еще со временъ Ильи Ковылина. Пусть на Филыхъ, въ Москвѣ, кичатся неизсякаемыми денежными капиталами, онъ, Папулинъ, овладѣлъ такимъ сокровищемъ, на которое едва ли хватить этихъ капиталовъ. Самъ великій московскій наставникъ Семенъ Кузьмичъ, со всѣмъ соборомъ попечителей и со всѣмъ Преображенскимъ кладбищемъ, явится теперь къ нему и поклонится до самой земли. За совершенный имъ подвигъ въ прославленіи своей вѣры онъ уже прегуговывалъ свое мѣсто въ сонмѣ отошедшихъ къ праотцамъ праведниковъ: Ильи Алексѣевича (Ковылина), доставившаго Преображенскому кладбищу уваженіе и покровительство высшаго правительства, и Луки Терентьевича, не только установившаго порядокъ на кладбищѣ, но и учредившаго болѣе десятка единовѣрныхъ общинъ въ различныхъ мѣстахъ. Папулинъ имѣлъ уже право воображать себя сидящимъ рядомъ съ съ обоими въ мѣстѣ „полистомъ и прекрасномъ, въ одеждѣ апостольской“. „На главѣ его вѣнецъ изъ цвѣтовъ райскихъ, сплетенный весьма дивно, на ногахъ сандаліи апостольскія. Триста младенцевъ предстоятъ ему и дивно и прекрасно поютъ ему по старонарѣчному: Днесь благодать Святаго Духа нась собра! И то пѣніе превосходитъ умъ человѣческій!“

Въ безпоповщинѣ, гдѣ привязанность къ старой обрядности, почитаемой древнею, доведена до крайнихъ предѣловъ нетерпимости, наибольшая любовь и усиленное исканіе обращены на старую книгу и старую икону. Въ средѣ еедосѣвцевъ послѣднія въ особенности живы и дѣятельны. Это очевидное явленіе объясняется тѣмъ, что (по свидѣтельству даже несомнѣнныхъ враговъ) самый низшій классъ еедосѣвцевъ столь свѣдущъ въ знаніяхъ священнаго писанія, какъ рѣдко можно найти исповѣдниковъ православія въ средѣ образованнаго общества. Съ малолѣтства, какъ только ребенокъ укрѣпится на ногахъ и начнетъ ходить, его заставляютъ три раза въ день класть „началь“ по семи поклоновъ. Съ первымъ лепетомъ онъ начинаетъ уже затверживать молитвы; въ школѣ, для всѣхъ обязательной, онъ поступаетъ въ руки самыхъ искусныхъ и немилосердно строгихъ мастеровъ, изъ которыхъ каждый въ любой изъ обѣихъ книжныхъ премудростей—писмѣ и чтеніи—является доточникомъ и во всѣхъ еедосѣвскихъ общинахъ на виду и на счету. Одинъ съ такимъ искусствомъ переписываетъ сказанія съ книги, что хорошій знатокъ съ трудомъ разбираетъ поддѣлку; другой настолько начетливъ, что не выставляютъ въ спорахъ съ нимъ церковники-никоніане. На обычныхъ всѣмъ старовѣрамъ начаткахъ премудрости въ еедосѣвщинѣ

не останавливаются, а идут гораздо дальше: часословъ смѣняется тріодями, псалтырь—писаніями ветхозавѣтныхъ пророковъ и т. п. Во всемъ множествѣ апокрифическихъ книгъ разбирается потомъ каждый изъ юношей, вернувшись изъ лавки и отъ дневныхъ работъ, и списываетъ полууставомъ для себя интересное изъ книги, полученной на подержаніе и для прочтенія. Всегда суровая и строгая домашняя жизнь, которую отчуждаютъ правила секты отъ всѣхъ развлеченій, представляетъ единственный выходъ въ постоянное чтеніе, размышленія и бесѣды. Въ семьѣ изгнано всякое попользованіе къ расточительности и во всемъ установлены границы самаго строгаго, истинно-монашескаго воздержанія. Ни одинъ еедосѣвецъ, даже очень богатый, не позволяетъ себѣ оскверниться одною каплею постнаго масла, одною ложкою горячей пищи въ обѣ великія недѣли Великаго поста и т. под. Поразительное безмолвіе, темнота во всѣхъ покояхъ, давящее уныніе—царствуютъ въ домахъ этихъ людей, которые бережливы до скарденности, скупы до алчности и, вѣсть съ тѣмъ, лицемѣрны до крайностей пустосвятства. Въ этихъ условіяхъ закаляется еедосѣвецъ, дѣйствительно, въ такого книжника, съ которымъ споръ становится не только невозможнымъ, въ виду его упornaго самоувѣрія, но и досадно-оскорбительнымъ по причинѣ непреодолимаго упрямства начитавшихся до пресыщенія. Нѣтъ ничего удивительнаго также и въ томъ, если изъ подобной среды, сплошь и рядомъ, выдѣляются и стойкіе оберегатели вѣрваной секты и практичные руководители дѣлами всей общины, умѣлые пріобрѣсти и сберечь, и наилучшіе знатоки по иконографіи, по оцѣнкѣ пошибовъ письма старинныхъ рукописей и старопечатныхъ книгъ. Ни въ одной сектѣ не поставлено это дѣло на такую прочную почву и не идетъ такимъ правильно намѣченнымъ путемъ. Здѣсь народились и тѣ знатоки-самоучки, въ которыхъ бывало нуждались и отъ которыхъ многому научились наши историки, археологи, археографы, нумизматы и т. д.

Для прочихъ старовѣровъ съ удобствомъ служить и вполне удовлетворяетъ живую потребность село Палѣхъ, гдѣ пишутся иконы по стариннымъ подлинникамъ, и село Мстера, не только приготавливающее новыя, но и починающее старыя иконы. Для нихъ же, властвующихъ менѣе опытнымъ глазомъ, сходять съ рукъ и многочисленныя поддѣлки, выражающіяся въ искусственныхъ трещинахъ, въ скоробленныхъ доскахъ въ мѣстахъ, отставшихъ отъ грунта, въ краскахъ и т. д. Для нихъ же на сырую глину отпечатывается рельефъ истоиво-старога мѣднаго образа (столь любимаго старовѣрами) *, въ полученную форму заливается

* Любимы металлическіе образа собственно по той причинѣ, что сдѣланы не погаными ру-

расплавленная мѣдь; остывшій образъ держится надъ парами нашатыря, зеленая мѣдь превращается въ красную и образъ принимаетъ закончѣнный старинный видъ. Теперь надо уже звать именно еедосѣвца, чтобы онъ разобрался въ искусной поддѣлкѣ и тонко доказалъ всѣ погрѣшности и отступленія. Въ иконахъ, рукописяхъ и книгахъ любой самоучка-знатокъ разбирается, намѣчая цѣну, съ такимъ же искусствомъ и легкостью, какъ иной торговый приказчикъ, посѣдѣлый на производствѣ въ теченіи многихъ лѣтъ все однихъ и тѣхъ же сортовъ товара.

Вниманіе еедосѣвцевъ обращено совсѣмъ въ другую сторону: на подлинныя и живыя предметы. Нѣкоторые изъ еедосѣвцевъ были сосланы въ Соловецкій монастырь, и вскорѣ богатыя московскія молеельни украсились иконами изъ тамошняго Спаскаго собора, писанными еще въ то время, когда св. митрополитъ московскій Филиппъ былъ тамъ игуменомъ. Сводя знакомство съ монахиными и бѣлицами московскихъ монастырей, еедосѣвцы научили ихъ снимать во время очередныхъ дежурствъ въ церквахъ указываемыя ими старинныя иконы и поднимать ихъ поддѣльными. Такимъ способомъ, изъ верхняго яруса въ большомъ соборѣ Ново-дѣвичьяго монастыря вынуты были и поддѣнены иконы письма знаменитаго русскаго иконописца Андрея Рублева. Извѣстный знатокъ и любитель подкупилъ сторожа кремлевской церкви Двенадцати Апостоловъ и за недорогою цѣною выпросилъ дозволеніе взять къ себѣ на домъ створчатый образъ 12-ти праздыковъ; онъ возвратилъ копію, а драгоцѣнный подлинникъ оставилъ у себя. Онъ же, черезъ подкупленнаго служителя, находившагося неотлучно при продажѣ свѣчей, покупалъ иконы и изъ Успенскаго Большаго собора. Торговецъ мѣдною посудою въ Колокольномъ ряду размышалъ съ ходобщиками церковную утварь вмѣстѣ съ шелковыми и шерстяными товарами и изъ губерній Новгородской, Тверской и Псковской получалъ старопечатныя книги и рукописи, вымѣненныя на шерстяныя платки и разныя безцѣвныя бездѣлушки. Одинъ изъ такихъ же ходобщиковъ, продѣлывавшій подходящія торговыя операціи по мелочи въ деревняхъ около Саввы Сторожевскаго и Кирилла Вѣлозерскаго, привезъ къ воротамъ Преображенскаго кладбища цѣлый возъ старинныхъ иконъ безъ окладовъ (которые были проданы у Сухаревой башни отдѣльно); ходобщикъ сдалъ порученную кладь и исчезъ.

Вотъ тѣ видимыя и вѣдомыя источники, изъ ками, а прошли черезъ огонь. Старинныя складки чуть даже такъ, что къ владѣльцамъ ихъ ходить на поклоненіе, какъ бы въ какое святое мѣсто. При этомъ старую икону стараются обмывать, поливая на нее воду рукою. Эту воду едятъ, попивая съ ликовъ въ чистую посуду и, послѣ молитвы, пьютъ, а недопитую выливаютъ въ печь.

которыя заручалась богатая еедосѣвщина религиозными сокровищами въ такомъ количествѣ, что съ избыткомъ могла снабжать единомышленныя общины даже въ Сибири и на Дону. Приобрѣтенія эти тѣмъ быструе исчезали, что самыя моленные требовали иконнаго обилія не только въ таблахъ, замѣняющихъ иконостасы, но и сплошь по стѣнамъ. Ту моленную и прославляли, въ той часовнѣ и молились охотнѣе, гдѣ не видно было стѣнныхъ просвѣтовъ и всѣ любимыя и требуемыя обычаемъ изображенія были на лицо и стояли на своихъ мѣстахъ. Московскіе богачи находили случаи, по присущему породѣ и природѣ ихъ тщеславію, искать удовольствія не только въ дорогихъ окладахъ, но и въ изяществѣ и рѣдкости письма. Они-то, иробрѣтая иконы не щадя средствъ, уменьшили ихъ количество на рынкѣ и подняли цѣны до недоступной высоты. Спеціальная лавка у Варварскихъ воротъ превратилась въ археологическій музей, куда можно было лишь приходиться любоваться корсунскимъ или строгановскимъ письмомъ и изумляться тѣмъ высокимъ цѣнамъ, за которыя приобретались рѣдкости еедосѣвцами-цѣнителями. За „Воскресеніе Христово съ Возстаніемъ“ письма Никифорова заплачено было 1.700 руб. Серебряные оклады, густо вызолоченные, древней сканной работы, оцѣнивались каждый въ три и болѣе тысячъ. Все это происходило въ виду того обстоятельства, что простымъ иконы новѣйшаго письма, но по стариннымъ подлинникамъ, поступаютъ въ руки офенямъ отъ 2 р. до 25 р. за сотню. Только заказныя палѣховскія, сработанныя тщательно на маслѣ и въ томъ миниатюрномъ видѣ, гдѣ правильность и отчетливость изумительны, возрастаютъ въ цѣнѣ отъ 50 коп. до 1 руб. за каждый ликъ на иконѣ.

Съ усиленіемъ къ сороковымъ годамъ текущаго столѣтія количества еедосѣвскихъ моленъ, изъ которыхъ каждая стремилась заручиться какою либо подлинною старинною рѣдкостью, чтобы, украсивъ богатымъ окладомъ, сдѣлать ее драгоцѣнностью,—требованія на подобныя изображенія сильно увеличились. Въ это-то самое время Папулинъ изловчился приобрести дѣлую древнюю церковь со всѣмъ ея иконостаснымъ и стѣннымъ украшеніемъ. Изумленная до восхищенія еедосѣвщина даже смутилась отъ такого отчаяннаго и крупнаго подвига, который неизбежно долженъ былъ загремѣть, не могъ укрыться и не повлечь за собою роковыхъ послѣдствій. Только привычка жить и дѣйствовать подъ постояннымъ страхомъ преслѣдованій, научившихъ не бояться опасностей и искать приключеній, изловчаться на скользкомъ пути и обгати разверстыя пропасти,—привычка помогла осилить тяжелыя впечатлѣнія отъ дерзкаго, но, очевидно, обдуманнаго и тонко проведеннаго предпріятія Па-

пулина. Преображенское кладбище и, въ особенности, настоятель его, Семень Кузьмичъ, приняли самое дѣятельное участіе и поспѣшили оказать надлежащую помощь, когда она потребовалась рѣшительнымъ и смѣлымъ приобретателемъ. Такой случай повторился въ первый разъ послѣ едва памятнаго подобнаго же и, во всякомъ случаѣ, черезъ полтора года лѣтъ.

Въ городѣ Сольвычегодскѣ, Вологодской губерніи, гдѣ, во времена Грознаго царя именитые люди братья Строгановы на вываркѣ соли наживали основы послѣдующихъ несметныхъ родовыхъ богатствъ, ими построены богатая церкви. Соборная Введенскаго монастыря, испещренная фронтонами и колоннами, высѣченными изъ бѣлаго камня и разноцвѣтными кафельными украшеніями по всѣмъ наружнымъ стѣнамъ, уступаетъ въ изяществѣ одному лишь Василию Блаженному. Всеградская соборная Благовѣщенская церковь, огромнѣйшее готическое зданіе, издавна славилась древностью иконъ, богатствомъ одеждъ и утвари. Отъ двухъ пожаровъ уцѣлѣли соборныя драгоцѣнности и между ними такая, какъ холстинный саккосъ, покрытый живописными образами и приписываемый св. Стефану Пермскому. Строгановы, очевидно, не щадилъ средствъ на приобретение именно рѣдкостей и драгоцѣнностей, а заботу о церковномъ благолѣпіи простерли даже до того, что выписали изъ Италіи мастеровъ и поселили ихъ у себя съ семьями. Этими водчима, кромѣ храмовъ, построены были и жили каменные и деревянныя палаты, также наполненыя дорогими и рѣдкими иконами. Заведена была особенная школа иконописцевъ, слава которой дошла до нашихъ временъ. Позднѣйшіе потомки ихъ, увлеченные государственною службою и громадными дѣлами на Уралѣ, забыли о сольвычегодскихъ сокровищахъ. Ихъ-то и замѣтилъ тотъ проницательный глазъ, который до тѣхъ поръ высматривалъ лишь боровыя грибныя мѣста. Съ помощью галицкихъ единовѣрцевъ, закулавшихъ въ тѣхъ лѣсистыхъ мѣстахъ сырые мѣха на выдѣлку въ селеніи Шокшѣ, доискался онъ до этихъ забытыхъ сокровищъ. Съѣздилъ туда самъ, осмотрѣлъ, залюбовался и, найдя покладливаго человѣка въ протопѣ, повелъ съ нимъ тайныя рѣчи. Рѣшено было большое дѣло легкимъ способомъ на томъ, чтобы испросить у синода разрѣшеніе продать обветшавшія и ако бы уже совсѣмъ облупившіяся старыя иконы и на вырученныя деньги, приблизительно въ тысячу рублей ассигн., починить и подновить разрушающіеся графскіе терема и дворецъ, какъ историческіе памятники. Синодъ не замедлилъ заочнымъ благословеніемъ, а Папулинъ—выдачею настоятелю собора условленной суммы, сверхъ смѣтной тысячи, другую за хлопоты и легкую сговорчивость. Первою „ты-

сачею умадилъ руцѣ протопресвитера Ник. Анд. Папулинъ“, какъ задаткомъ,—говоритъ народное преданіе,—и обѣщаль остальныя шесть тысячъ вручить, когда окончено будетъ все предпріятіе и иконы положены будутъ на воза. Съ пустыми возами пріѣхалъ Папулинъ обратно, съѣздивъ домой за условленною, крупною по тому времени платежною суммою. Онъ остановился въ ближайшей деревнѣ, приказавъ извозчикамъ покормить тутъ лошадей, и, какъ тать въ нощи, сходилъ навѣдаться о томъ, не раздумали ли. На другой день иконы въ соборѣ составили съ мѣстѣ еще засвѣтло и приготовили къ отправкѣ. Деньги вручены были немедленно и, позднѣю ночью, тронулся обозъ на 12-ти лошадахъ и на шести паряхъ подводъ со всѣми предосторожностями отъ недобрыхъ людей и съ иконами количествомъ до 1.350. Тутъ были и мѣстные, мѣрою въ 3 аршина, и складни изъ 5 и 3 иконъ, и походныя полковыя, „писанныя нынѣшнему свѣту на удивленіе (продолжаетъ записанное свидѣтельство само-видца), въ полномъ видѣ какъ въ рисовкѣ, такъ и въ прочности заготовки; и въ изображеніи красокъ, свѣтлости и прочности удивленіемъ состоятъ для нынѣшнихъ изографовъ, какіе у князей были писцы и какъ занимались искусно и не жалѣли времени“ и т. д. *).

„Въ настатіи лѣта того года (продолжаетъ писать откровенный свидѣтель), гдѣ иконы стояли, на стѣнахъ по краскѣ раскинуты разныя цвѣты и травы, съ отливкою разныхъ красокъ по древнему вкусу, а болѣе, чтобы ихъ плутовство не оказалось“.

У Папулина, во всякомъ случаѣ, на возахъ оказались иконы, писанныя св. Петромъ митрополитомъ, извѣстнымъ изографомъ, — именно Петровская Умиленія и копія Владимирской (Пирогощи). Этими иконами благословляли московскіе патриархи именитыхъ людей Строгановыхъ (и свидѣтельствовали о томъ собственноручными надписями на оборотной сторонѣ доски), когда братья, сыновья или племянники пріѣзжали въ Москву и являлись въ дни св. Пасхи христосоваться съ царемъ и патриархомъ,

*) Пользуюсь здѣсь тѣми данными, которыя нашелъ въ Дневныхъ дозорныхъ запискахъ о московскихъ раскольникахъ, отысканныхъ нашимъ извѣстнымъ археологомъ, неутомимымъ искателемъ слѣдовъ родной старины и ея возстановителемъ въ Ростовѣ, А. А. Титовымъ. Эти записки, очевидно, писанныя для г. Липранди, тайно слѣдившаго за движеніями въ средѣ раскольниковъ, напечатаны г. Титовымъ въ 1885 г. въ Читеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ (кн. II). Вѣроятно, это ученое общество не замедлитъ обнаруженіемъ и второй части, какъ продолженія этихъ записокъ, представляющихъ такой живой матеріалъ, совершенно заново оживляющій темное дѣло нашего раскола и, въ особенности, едосѣвщины. Къ изданному же надѣюсь возвратиться еще разъ.

поднося тому и другому золотыя монеты на серебряныхъ блюдахъ. Тутъ же, съ прочими иконами купленною оказалась и икона „Годъ святыхъ“, подлинно писанная извѣстнымъ иконописцемъ Андреемъ Рублевымъ.

Привезенныя иконы Папулинъ исправлялъ и подновлялъ, а для этого у него въ Судиславлѣ жили три года восемь человѣкъ мастеровъ. Подновленными онъ украсилъ двѣ свои каменные молебни: мужскую и женскую; другими торговалъ въ Москвѣ при помощи тѣхъ же мастеровъ, а при участіи своего приказчика Николая Семенова, постоянно жившаго въ Петербургѣ, и въ этой столицѣ. Здѣсь этотъ добренннй человѣкъ торговалъ грибами, салфетками и холстомъ. Въ обозѣ этого товара и въ перекладку съ нимъ онъ возилъ сольвычегодскія иконы и на потребу петербургскихъ едосѣвцевъ для домашнихъ молебенъ и общественной на Волковомъ кладбищѣ. „Денсусъ“ въ трехъ иконахъ продалъ Папулинъ въ Москвѣ за 700 р., Іоанна Предтечу съ крыльями, прямоличный на трехъ иконахъ—за 500 руб. Самому Папулину обошлась каждая икона, мелкая и большая, круглымъ счетомъ по 5 рублей, а онъ бралъ за инныя по 250 и выручилъ отъ продажи въ разныя губерніи до 13 тысячъ и, сверхъ того, 7 тыс. отъ одного Преображенскаго кладбища *).

Этотъ второй случай въ исторіи раскола—случай похищенія священныхъ украшеній полнаго храма—для главнаго виновника не увеличался, однако, тѣмъ же успѣхомъ, какъ случилось въ подобный первый разъ. То было въ 1695 году, когда уже упомянутый нами черныи поппъ Θεодосій, по разорженіи Керженца и послѣ сожженія живымъ товарища его, пошехонскаго дворянина Токмачева, бѣжалъ къ московскимъ рубежамъ и по пути очутился въ Калугѣ. Здѣсь онъ въ ветхой церкви Покрова, стоявшей безъ звона и цѣнныя много лѣтъ, купилъ иконостасъ, сооруженный также во времена Ивана Грознаго. Съ нимъ онъ перебрался въ Вѣтку и установилъ его на вѣчныя времена во вновь отстроенной церкви.

Про Папулина весной 1846 года стали доходить въ Москву на Преображенское недобрые слухи. Писали изъ общины его на мельницѣ Калишки, что всѣ иконы, бывшія въ тамошней молебнѣ, взяты земскою полиціей, что забравъ даже имущество проживавшихъ тамъ людей, и все это отправлено куда-то на 20 возахъ.

*) Здѣсь эти иконы впоследствии, по настоянію гр. С. Г. Строганова, розыскивали, но квартальный надзиратель, подучившій отъ Семена Кузмина двѣ тысячи рублей, отозвался по начальству, что отыскиваемыхъ иконъ на кладбищѣ не имѣется. Между тѣмъ, Семенъ Кузминъ сольвычегодскими иконами переторговывалъ: такъ, напр., за „Распятіе Христа“ получалъ 200 руб. и столько же за „Черукотворенный Образъ“. Продавалъ не только своимъ едосѣвцамъ, но и поповцамъ на Рогожскомъ кладбищѣ.

Груды этих иконъ видѣлъ пишущій эти строки въ Ипатьевскомъ монастырѣ, гдѣ, по порученію попечителя учебнаго округа, переписывалъ сольвычегодскій учитель гимназіи. Известно также было, что много иконъ небрежно хранилось въ губерискомъ правленіи (какая судьба постигла тѣ и другія, осталось неизвѣстнымъ). Известно лишь то, что много иконъ успѣли изъ Судиславля препроводить въ разныя мѣста и тамъ припрятать. Такъ, между прочимъ, изъ другой папулинской общины привезены были воспитанникомъ Папулина въ Москву, на Преображенское кладбище, иконы въ количествѣ тридцати, между которыми были три дорогия строгановскаго письма и изъ нихъ одна, оцененная въ 200 рублей.

Вскорѣ за этимъ транспортомъ съ иконами, уже лѣтомъ, прибыли на Преображенское кладбище два подручныхъ уставщика изъ судиславскихъ мѣщанъ съ извѣстіемъ, что управление общинами Папулина и устройство быта проживавшихъ тамъ едосѣвцевъ поручено тому самому Николаю Семенову, который торговалъ въ Петербургѣ грибами и иконами. Начали прѣзжать оттуда же ихъ монахи и монахини, которыхъ преображенскій наставникъ, въ видахъ безопасности и въ расчетъ на преслѣдованія, отправлялъ въ Судиславль, какъ въ безопасное мѣсто. У него они снова благословлялись теперь, на старомъ мѣстѣ въ Москвѣ, чтобы сохрѣпать службы въ моленяхъ ради пропитанія, а двѣ монахини приняты Семеновъ Кузьминичемъ въ число сестеръ въ женскую кладбищенскую палату. Еще весною того года Папулинъ надѣялся „угодить мѣстному начальству“ и писалъ о томъ этими словами въ Москву, но посланнаго отсюда для устройства калишникскаго общежитія московскаго мѣщанина Ипата Карпова Папулинъ отправилъ назадъ, чтобы не нанести неприятностей самому Преображенскому кладбищу. Писалъ Папулинъ въ апрѣлѣ, что община его весьма стѣснена надзоромъ тамошняго начальства, а затѣмъ вскорѣ достигъ до Москвы вѣрный слухъ о томъ, что онъ задержанъ полиціею, — слухъ, породившій большія безпокойства въ московскомъ богадѣленномъ домѣ не унывавшихъ доселѣ едосѣвцевъ. Купленные въ Судиславль иконы, находившіяся въ часовняхъ кладбища, рѣшено было пережѣстить въ безопасное мѣсто, каковымъ оказалась моленная на фабрикѣ одного изъ преображенскихъ радѣтелей, извѣстнаго въ торговомъ мирѣ фабриканта купца Гучкова.

Въ не менѣе надежное мѣсто помѣщенъ былъ и самъ Папулинъ.

Въ одномъ изъ промежутковъ между циклоническими стѣнами Соловецкаго монастыря, складенными изъ громадныхъ дикихъ камней, и стѣнами живыхъ монастырскихъ строеній, въ

сѣверо-западномъ углу, приютилась отдѣльная палата каменная и двухъ-этажная. Часть ея занята казармами караульныхъ солдатъ, присылаемыхъ на определенное время изъ Архангельска съ офицеромъ; другая часть—арестантскими. 12 чулановъ существовали издавна въ нижнемъ этажѣ очень стариннаго зданія, построеннаго еще въ 1615 году. 16 новыхъ чулановъ прилажены были и въ верхнемъ этажѣ въ 1828 году. Тогда уже наступило строгое время преслѣдованія за всяческія убѣжденія, въ томъ числѣ и за религіозныя, въ виду развитія сектъ молоканской и духоборческой. Основателями этихъ сектъ нашихъ рационалистовъ и были впервые оживлены маленькіе соловецкіе чуланы, похожіе болѣе на собачьи конуры. Соловки стали второю по счету живою могилою послѣ таковой же, приспособленной въ городѣ Суздали, въ тамошнемъ Спасо-Евфиміевомъ монастырѣ.

Мнѣ не разрѣшили попасть туда, не смотря на то, что я былъ снабженъ официальной бумагою, предлагавшею оказывать въ моихъ работахъ возможное содѣйствіе. Готовно показывали мнѣ все, что относилось до монастырскаго хозяйства, столь замѣчательнаго своимъ благоустройствомъ и предусмотрительною обезпеченностью. Я видѣлъ даже и ту палатку въ связи съ Преподобнической церковью, въ два этажа, въ которой сложена была разная церковная ветхая утварь, и тѣ иконы, которыя отбирала кемская полиція въ Поморьѣ и доставила изъ разрушенныхъ едосѣвскихъ скитовъ на Топь-озерѣ и р. Мягрягѣ. Приходилось довольствоваться чужими свѣденіями и, безъ личной провѣрки, на нихъ полагаться.

Проѣзжая прелестнымъ чипеннымъ лѣсомъ поперегъ острова изъ главнаго монастыря въ Анзерскій скитъ, я слышалъ отъ своего возницы-монаха:

— Не выдерживаютъ они у насъ, въ умѣ мѣшаются.

Вотъ и примѣръ.

— Одинъ досидѣлся до того, что возмнилъ о себѣ, яко бы звѣрь въ него вселился и самъ онъ сталъ звѣремъ. Встанетъ на четвереньки и сбоку на бокъ качается и хрюкаетъ. Положить его на постель и отвернуться не успѣютъ, какъ онъ опять на томъ же мѣстѣ мотается. Тамъ, гдѣ колѣнками упирался, большіи ямки вывертѣтъ, гдѣ руками—поменьше; полъ-отъ въ тѣхъ покояхъ мягкій, кирпичный.

— Не спрашивайте: ни имени, ни фамиліи здѣсь нѣтъ, знаемъ только нумера. Вотъ и вашъ подъ 13-мъ, какъ разъ подъ чертовой дюжиной,—поучалъ меня инвалидный капитанъ, на другой день возвращавшійся съ командою въ Архангельскъ и успѣвшій уже на прощанье съ знакомыми монахами подгулять, „наторопить-ся“, какъ выразился онъ самъ.

Добровольно явился онъ въ мой номеръ монастырской гостиницы въ той же походной формѣ, въ которой сидѣлъ поутру за общею трапезою. Разговаривая со мною, онъ все оглядывался по сторонамъ и, оглядываясь, оправдывался:

— Стѣны здѣсь слышать, вотъ какое строгое мѣсто!.. А землякъ вашъ добрый старикъ и ласковый! Да вотъ какой добрый: когда ни придешь, онъ всякій разъ начинаетъ около себя обыскиваться, шарить на столѣ, заглядываетъ подъ кровать. „Подарилъ бы, говорить: что, да взять нечего, все отняли монахи. А седедки моей ѣсть не станешь самъ не ѣшь, гнилая“.

Офицеръ при этихъ словахъ не только оглянулся и приподнял надъ ухомъ настороженный палецъ, но на цыпочкахъ подкрался къ двери и, быстро отворивъ ее съ видимымъ расчетомъ ударить въ лобъ того, кто тамъ подслушиваетъ, заглянулъ въ длинный и неметельный корридоръ. Возвратившись, онъ съ большею смѣлостью говорилъ:

— Доводить до бѣды, потому что исправляютъ. Я готовъ въ рапортъ написать, что нельзя повѣрять монахамъ такихъ людей, которые съ ними переругались. Помилуйте, скажите: я—офицеръ, а къ архимандриту каждое утро долженъ ходить, какъ къ генералу или коменданту, вытягиваться и рапортовать. Онъ выслушаетъ, а чашки чаю не дастъ, гордится предо мною.

Сквозь слегка нескладную болтовню я узналъ отъ этого офицера, что землякъ мой лѣтнею порою сидитъ въ чуланѣ безвыходно, надѣваетъ на носъ большія круглыя очки и безпрестанно читаетъ толстыя книги въ кожаномъ переплетѣ.

— Кроткому человѣку архимандритъ попускаетъ дать книги, а зимой выпускаетъ съ солдатомъ въ старый соборъ помолиться. Конечно, это дѣло его, онъ здѣсь полный хозяинъ, на комендантскихъ правахъ. Онъ каждого монаха можетъ высѣчь.

— Конечно, безъ солдата и ему я не могу дозволить!—хвастался офицеръ: — Положимъ, что лѣды облакадываютъ монастырь такъ, что не вырвешься. Да, здѣсь держи ухо востро! Вдругъ онъ скрылся: можетъ быть, съ берега прибылъ сюда его сообщникъ. Островъ—отъ очень великъ, есть гдѣ спрятаться. Выждалъ время, посадилъ въ карбасъ и увезъ; здѣшній народъ льдовъ не боится. Да по моему лучше морская пучина, чѣмъ эти чуланы. Я къ тому это говорю, что изъ богомольцевъ много народу припроставалось повидаться съ нимъ, давали имъ хорошія деньги. Я не соглашался, я помню присягу...

Слѣдовала затѣмъ похвальба личными достоинствами, къ которой обычно прибѣгаетъ подъ хмѣлькомъ всякій приближенный человѣкъ. Но-

ваго онъ уже ничего не говорилъ и становился просто докучнымъ. Сталъ онъ просить и отъ меня угощенія, для того совѣтовалъ послать къ самому архимандриту:

— Пришлетъ, хорошаго рому пришлетъ. Хорошо бы пунштуку на дорожку. Давно не пилъ. Твоему прїѣзду они не рады. Не поутру имъ. Говорили мнѣ, что писать будешь, грѣхи изъ переписывать. Постарайся, сдѣлай одолженіе!

Дальше пошло уже такое все нескладное, настоящій бредъ, что я и въ самомъ дѣлѣ не зналъ, какъ развязаться съ нимъ. Онъ помогъ мнѣ тѣмъ, что пообѣщалъ самъ пойти просить рому, и ушелъ.

За него договаривалъ самъ архимандритъ, пожелавшій дополнить мои скудныя свѣденія о Палулинѣ, какъ бы въ утѣшеніе за отказаніе личное свиданіе.

— Глубоко огорченъ я былъ, когда, принявъ настоятельство, посѣтилъ тюрьму, неся туда слабое слово утѣшенія,—разсказывалъ мнѣ о. Александръ, прославившійся защитникъ Соловецкаго монастыря во время блокады его англичанами въ Крымскую войну; разсказывалъ онъ тѣмъ говоромъ, который отличалъ въ немъ малоросса и который не сумѣло затуманить и обезличить даже столь богатое и типическое архангельское нарѣчіе и, притомъ, въ теченіи многихъ лѣтъ:—Получилъ я оскорбленіе, откуда не ожидалъ, отъ своего же, такъ сказать, брата духовнаго. Врослся онъ на меня съ зубовнымъ скрежетомъ, намѣревался ударить, круто обругалъ. Я уже не давалъ ему наставленій, ушелъ отъ грѣха. То былъ атеистъ, профессоръ одной изъ духовныхъ семинарій. Номеръ второй обратился ко мнѣ съ крикомъ и слезными жалобами на отца, по просьбѣ котораго онъ и присланъ къ намъ за непочтеніе родительской власти. Я ходатайствовалъ черезъ синодъ и испрошено было повелѣніе, чтобы несчастному отецъ его обязательно высылалъ благопотребную сумму въ приварокъ къ монастырскому продовольствію. Видѣлъ и тринадцатый номеръ и ожидалъ новыхъ оскорбленій; полагалъ—отвернется или приблизится, чтобы сказать укоризненное слово. Взглянулъ онъ на меня изъ подлобы и нависшихъ бровей кроткими глазами, поклонился очень низко, ничего не сказалъ, ничего не просилъ, расположилъ меня къ себѣ своею покорностью и смиреніемъ. Черезъ караульныхъ послѣ выпросилъ книги,—велѣлъ я снабдить. Зимомъ попросился посѣтить старый соборъ, чтобы тамъ помолиться, я благословилъ. Видѣли вы сами, сколь благолѣпенъ иконостасъ нашего древняго храма постройки московскаго святителя и чудотворца Филиппа. Поклонились и явленію ему иконъ Богини матери, именуемой Хлѣбною, по явленію ея въ пекарнѣ. Сказывали мнѣ монахи, что передъ нею съ особеннымъ усердіемъ молился тотъ № 13 и не

хотѣлъ отрываться. Повторялъ онъ и затѣмъ свои просьбы и я благословлялъ ему такковыя утѣшенія. Не разрѣшилъ я только приносить коврикъ и лестовку, ибо нахожу неблаговиднымъ. Да оно и соблазнъ производить: зачѣмъ? При предшественникахъ моихъ были случаи обращенія монаховъ въ едосѣвщину отъ проживавшихъ въ обители на волѣ ссыльныхъ. Не удивляйтесь! большинство иноковъ народъ простой и легкомысленный, очень много изъ простыхъ мужиковъ. Когда вступилъ предшественникъ мой Димитрій, мало нашель онъ монаховъ, умѣвшихъ пѣть и читать; изъ мѣстныхъ штатныхъ служителей принужденъ онъ былъ собрать хоръ и сопровождать службы чтеніемъ по полному положенному уставомъ чину. И еще: предлагалъ я № 13-му посѣщать наши богослуженія; онъ отказался рѣшительнымъ образомъ, безъ всякихъ, однако, объясненій. И еще: изъ докладовъ по командѣ замѣчается въ немъ въ послѣднее время какъ бы какое-то внутреннее безпокойство. Пересталъ старецъ разговаривать, какъ бы наложилъ на себя добровольный обѣтъ молчанія. Нарушаетъ его, чтобы говорить все одни и тѣ же слова: „Раззорили, совсѣмъ раззорили!“ Начнетъ ходить по кельѣ взадъ и впередъ, начнетъ рукой махать. Я постѣ того посѣтилъ его; всталъ онъ передо мною, воззрился мутными глазами и спросилъ: „Гдѣ правда?“ Я не отвѣтилъ. Онъ помолчалъ немного, потомъ крѣпко топнулъ ногою и крикнулъ: „Нѣту правды на землѣ, въ небесахъ она!“ Я распорядился, чтобы не беспокоили его вопросами и не вступали съ нимъ въ подобныя разговоры и подробныя объясненія. Не знаю, исполняютъ ли. А я уже очень давно его не видалъ...

Въ самомъ дѣлѣ, я позволю себѣ въ заключеніе задать не прайднымъ вопросомъ: „гдѣ правда?“ а сопоставленіемъ, въ видахъ сравненія, этихъ двухъ пустосвятовъ, т. е. Зыкова и Папулина.

Очевидно, велика между ними разница уже въ томъ, что одинъ воспользовался монастыремъ въ личныхъ эгоистическихъ видахъ, бралъ его, такъ сказать, на прокатъ за дешевую цѣну. Другой тратилъ капиталы на созиданіе своихъ обителей, хлопоталъ объ ихъ прочности, держалъ подъ руками и на глазахъ, но попалъ въ чужую и самую отдаленную, дѣйствительно уже прочно и безъ возврата. Здѣсь только и получилъ онъ темный и грязный чуланъ въ вѣчное владѣніе. Сдружается ли здѣсь мысль карающаго возмездія съ нравственнымъ исправленіемъ?

Вотъ что говорятъ послѣдующіе факты.

Зыковъ, какъ пріѣхалъ за Байкалъ, такъ и началъ получать отъ своихъ московскихъ пріятельницъ и извѣстныхъ благотворительницъ

нѣкоторыя денежныя суммы. Посылали ихъ ему на дѣла милосердія среди каторжнаго люда, а онъ завелъ лошадей, чтобы подрадомъ содержать почту между Карійскими золотыми промыслами, гдѣ именно и стоятъ каторжныя тюрьмы. Умѣвшій ѣздить въ чужихъ экипажахъ, не счужилъ возить въ своихъ — и получилъ отказъ отъ подряда. Началъ опять перебиваться и на получаемыя изъ Москвы деньги запасаться всякими ненужными бездѣлушками, выписывалъ французскіе духи. За темнотою въ комнатѣ при моемъ посѣщеніи, онъ намѣренно, говорить, не показавъ, сколько кабинетныхъ пустяковъ накопилъ онъ здѣсь, отъ шерловъ и аквариноровъ до пилочекъ для ногтей и ухвертокъ. Когда главный начальникъ заводовъ не разрѣшилъ ему права преподаванія дѣтямъ науки и вовсе не ходатайствовалъ о разрѣшеніи путешествія, онъ жилъ себѣ, не мыкая горя, благодаря московской помощи. Поношенный сюртучекъ, который получилъ онъ въ подарокъ отъ доброхотныхъ дателей, умѣлъ ображать такъ, что старенькій сходилъ за совершенно новый и франтоватый. Не смѣшно и не стыдно ему было въ такомъ по вѣщности улучшенномъ видѣ разсыпать комплименты и подводить турусы на колесахъ даже и послѣ того, какъ въ этомъ же нерчинскомъ заводѣ одинъ изъ обиженныхъ родителей въ третій разъ поколотилъ его также довольно больно. Среди повсюдной нищеты и скарднаго перебиванья изъ кулька въ рогожку, онъ, все-таки, остался прежнимъ. Когда разрѣшили выѣздъ въ Иркутскъ, Зыковъ успѣвши обзавестись собственнымъ возкомъ и, пріобрѣтя рваный и ломаный, ухитилъ и обрядилъ такъ, что хотя бы снова поѣхать въ немъ черезъ Москву въ Донской монастырь торжествующимъ побѣдителемъ. Встрѣтивъ по дорогѣ добрыхъ знакомыхъ, онъ нашель возможность угостить ихъ пожарскими котлетами. Изъ Иркутска Зыковъ передвинулся потомъ въ Ялуторовскъ, ближе къ Россіи. Его перетасили бы и черезъ Уральскій хребетъ и сюда, если бы не постигла его вскорѣ нѣсколько запоздалая смерть.

Только бы не гнилая селедка для Папулина въ монастырѣ, прославившемся этою рыбою, которая посѣщаетъ здѣшнія морскія губы въ такомъ множествѣ, что онѣ превращаются въ густую рыбную кашу. Все это, впрочемъ, въ отношеніи самой простой справедливости. Этотъ изъ заточенія просить только одной милости — смиренно помолиться передъ ликомъ древняго начертанія и искренно признаетъ его чудотворнымъ, хотя бы онъ и находился въ никоніанскомъ соборѣ. Этому надо немногое, хотя онъ также не исправился. Но за то Папулина смирился, смирился онъ, очевидно, до того личнаго права, чтобы не оставаться въ рукахъ несомнѣнныхъ и доказанныхъ враговъ своихъ.

Въ первомъ случаѣ—безповоротная утрата въ концѣ испорченнаго человѣка. Во второмъ—именно то, что только теперь сознано справедливымъ, когда уничтожены монастырскія тюрьмы. Не погибъ бы Папулинъ, виновный въ пристанодержательствѣ по влеченію фанатизма и правилъ секты и виноватый въ преступленіи святотатства, при облегчающихъ вину обстоятельствахъ. Здѣсь два пустосвята, но не два брата: одинъ поставялъ сущность благочестія во внѣшнихъ обрядахъ и суетно упокоивалъ свою совѣсть, домашнимъ способомъ и про себя, мнимымъ богопочитаніемъ. Другой, принявшій на себя подлинную личину ханжи, дерзко и публично, передъ цѣлою Москвою, поспѣшилъ заявить себя преступнымъ лицомъромъ.

Г Л А В А XI.

УВІЙЦА ИЗЪ ПУСТОСВЯТОВЪ.

Публичная казнь.—Голоса изъ толпы.—Молодость и воспитаніе преступника.—Выстрый успѣхъ въ большомъ свѣтѣ.—Разнообразныя похождения.—Тайственная келья.—Монастырскія послушанія.—Злодѣйскіе приемы.—Убийство и способы самооправданія.—Ссылка и новыя приключенія въ странѣ изгнанія.—Тобольскій острогъ и нерчинское пропитаніе.—Встрѣча и бесѣда съ преступникомъ.—Кореневъ и сопоставленіе съ нимъ Зыкова.—Мнѣніе о послѣднемъ союзниковъ.

«На пути по этапамъ я того слышался и слышался, что теперь неохотно читаю романы».
(Изъ записокъ декабриста барона Штейнгеля).

Въ первыхъ числахъ августа 1850 г. (какого именно, не упомяну) площадь Охотнаго ряда въ Москвѣ была необычно запружена народомъ. Тамъ, гдѣ пересѣкается Тверская и предполагается начало Моховой, толпа до того загустѣла въ плотную стѣну, что въ самомъ дѣлѣ нельзя было пробить ее ядромъ. Проходящимъ пришлось остановиться и созерцать.

Въ этомъ народномъ множествѣ преобладали молодцы съ поддернутыми фартуками изъ приказчиковъ мясныхъ и курятныхъ лавокъ, обладающіе извѣстною грубостью въ обхожденіи и препрославленною силою, и ношатые-разносчики, оглашающіе Москву сотнями выкриковъ и распѣвокъ, которые, за ихъ разнообразіе и оригинальность, давно слѣдовало бы переложить на ноты и записать въ сборникъ пѣсенъ. Были въ бѣлоснѣжныхъ рубашкахъ трактирные половые съ распущенными бородами и тщательно, съ очевиднымъ кокетствомъ, причесанными на головахъ волосами. Толпился тутъ же и всякій тотъ праздный сбродъ, который въ любое время готовъ съ неостывающимъ любопытствомъ подолгу смотрѣть, какъ плыветъ на Москвѣ-рѣкѣ плотъ. По разнокалиберности зѣвакъ и по ихъ чрезвычайному многолюдству, возможному только въ Москвѣ, слѣдовало предполагать о предстоящемъ какомъ либо необычайномъ зрѣлищѣ; при крестныхъ ходахъ такого собранія не бываетъ.

Жандармы въ каскахъ, съ сердито торчащею щетиною въ гребнѣ изъ конскихъ волосъ, и казаки на кудрыхъ лошадакахъ, съ дерзко сдвинутыми на-бекрень киверами, успѣли уже сдѣлать свое предопредѣленное дѣло. Толпа крупными огромныхъ жандармскихъ лошадей и при

помощи тяжелыхъ сабель разбита была на двѣ строгія и послушныя стѣнки. Между ними образовался тотъ широкій корридоръ, который и представлялъ собою теперь очевидное и живое продолженіе Тверской до того мѣста, гдѣ клочокъ ея мимо Лоскутнаго ряда выходитъ на Иверскую площадку. Тамъ, вѣроятно, тоже мѣсиво изъ живыхъ людей толклось и переругивалось, стонало и гудѣло, высаживая локтями задорныхъ, а само, все-таки, напирало впередъ, прямо подъ казацкія нагайки и тяжелое холодное оружіе жандармовъ. У насъ толпа, сбившаяся вплотную плечо о плечо, колыхалась, какъ морскія волны, подаваясь вправо и влѣво и назадъ, кажется, отъ одного лишь того, что вотъ этотъ вздумалъ переступить съ ноги на ногу, а тотъ вотъ вздохнулъ полною грудью и нарушилъ напряженное равновѣсіе вытянутой въ струну стѣнки. Казакъ уже не одинъ разъ успѣлъ достать назадъ концомъ нагайки и „снѣгать“ того бунтовщика изъ фабричныхъ ребятъ, который ретиво работалъ плечами, раздражая и надавливая толпу, и который за тычкомъ никогда не гонится, а еще потомъ передъ товарищами хвастается:

— Онъ меня крѣпко ожогъ черезъ правое плечо подъ лѣвое подвздошье, да я ему не покорился.

— У него, надо быть, на концѣ-то пудька вилетена; слѣдовать тебѣ въ баню сходить, отпарить. Вспухнетъ—помрешь; настагаешь вѣнникомъ съ мыломъ—отпустить.

Зубоскальства въ толпѣ, по обычаю, много. Виноватыхъ и обиженныхъ не щадятъ. Московскій радскій законъ таковъ, что если и по-

скользнулся человекъ на слеснутыхъ выбро-сахъ чая, надо того человекъ осмѣять, празд-нымъ дѣломъ, съ головы до ногъ. Лакеевъ, наприжёръ, въ тѣ времена вдоль Ножевой линіи Гостиннаго двора пропускали не иначе, какъ сквозь строй насмѣшекъ, самыхъ ядови-тыхъ и очень обидныхъ. Впрочемъ, знамени-таго и въ полную мѣру еще не оцѣненного московскаго балагурства, срывающагося прямо съ кончика языка острымъ, какъ шило, не переслушаешь. Не затѣмъ мы пришли и оста-новились здѣсь.

— Стой прямо, смотри направо, слушай, какъ трель бьютъ!—совѣтовали мои сосѣди другъ другу. Въ самомъ дѣлѣ, слышались рѣдкіе, нескладные, какъ-то въ перебой, удары барабана. Стукнуть по телячьей шкурѣ бере-зовыми палками—посыплется дробь; начнешь вслушиваться—она и перестала, оборвалась. „Тукъ!“—скажетъ барабанъ еще одинъ разъ и замолчитъ. Гдѣ эти барабаны идутъ, намъ изъ-за плечъ и головъ совсѣмъ не видно. При-ходится принимать на вѣру невидимое, какъ бы видимое, и невѣдомое, какъ бы настоящее.

Видимъ, однако, вскорѣ, какъ на пригоркѣ Тверской улицы, надъ головами многотысячной толпы, заколыхалось что-то чрезвычайно неопредѣленное, странное и Богъ вѣсть почему-то вдругъ показавшееся страшливымъ. Пословица говорить: хорошъ барабанъ въ полѣ, а не въ городѣ, потому-то, должно быть, онъ и на-строилъ на подобную неожиданную мысль. Иному, въ самомъ дѣлѣ, громъ не громъ, а страшнѣе барабанъ. Онъ-то и поддержалъ испуганныя мысли, не смотря на подручныя развлечения: жандармъ, нагнувшись на лошади, таскалъ въ рукавицахъ съ широкими раструбами холлатую голову мальчика изъ-подъ кухоннаго трактир-наго куба, а этотъ молча, старался вырваться. Казакъ опять успѣлъ кого-то смѣрять. Участи-лись крики: „осаживай, осаживай!“—потому что толпа пришла въ сильное возбужденіе, именно то самое, когда еще немножко, еще одно оскорбленіе, какъ капля, переполняющая сосудъ,—и толпа взреветъ, ожесточится и на-рушитъ весь налаженный строй. Этого почему-то не случилось и народная волна начала прини-мать другое направленіе—кверху и внизъ. Всѣ становились на цыпочки и каждый старался приподняться, опираясь самымъ рѣшительнымъ образомъ на плечи сосѣда, тараща глаза и раздвѣвая ротъ, а чужія плечи не медлили обра-сывать чужія руки. Всѣ отъѣнно переругивались.

Мимо насъ медленно, пошатываясь изъ сто-роны въ сторону, промелькнула темная фигура привязаннаго къ черному столбу человекъ. Мы слышали за чужими спинами, какъ сфыркивали лошади, громыхали по мостовой тяжелыя ко-леса; мы видѣли, что привязанная къ столбу сѣрая фигура имѣла блѣдное лицо, опущенные

внизъ и полузакрытые глаза. Мы успѣли про-читать на свѣсившейся на грудь доскѣ страш-ное слово: „убійца“, и одновременно и мимо-ходомъ неловить нѣсколько замѣчаній нашихъ сосѣдей.

Какимъ-то плаксивымъ голосомъ спрашивала женщина въ косынкѣ, съ узелкомъ на лбу, какъ бы внезапно пораженная или что-то по-теревшая и вдругъ спохватившаяся:

— Да гдѣ же у него каблукъ-отъ?

— А на сапогѣ, должно полагать, — отвѣ-тилъ тотъ, который былъ доволенъ тѣмъ, что видѣлъ, хотя чувствовалъ въ сердцахъ, что у него изрядно намяты бока и надавлена грудь.

Женщина, однако, не отвязывалась:

— Да, вѣдь, онъ монахъ. Я, вѣдь, про тотъ каблукъ-отъ спрашиваю, что они на головахъ носятъ.

— А тотъ каблукъ онъ, должно быть доро-гою потерялъ. Далеко, вѣдь; вишь съ самыхъ Вутырокъ везутъ,—острилъ все тотъ же.

— По закону, матушка, передъ торговою казнью извергаютъ духовныхъ лицъ изъ сана,— благодушно успокаивала ее тономъ довольнаго человекъ, по видимому чиновникъ. Онъ успѣлъ, вѣроятно, при содѣйствіи своихъ свѣтлыхъ пу-говицъ и замѣченныхъ нами вразумительныхъ и вкрадчиво-кроткихъ объясненій съ разными по-лицейскими чинами удержать свое мѣсто въ стѣнѣ, далеко впереди всѣхъ насъ.

Не скоро толпа разошлась и прочтителямъ проходъ на Моховую. Всякій старался подѣ-литься своими впечатлѣніями и, какъ всегда бываетъ въ этихъ случаяхъ, выводы и заклю-ченія оказывались не похожими и не только не согласными въ общемъ, но и совершенно противными въ частности. Кто говорилъ, что видѣлъ слезы на глазахъ у преступника, а кто увѣрялъ, что, напротивъ, замѣтилъ усмѣшку и весьма даже злою. На одного такъ страшно глянулъ онъ, что тотъ даже взмахнулъ на лобъ и спустил съ плечъ на поясъ большой исто-вый старовѣрскій крестъ. Иной поймалъ у пре-ступника такой вздохъ, что у него, у свидѣ-теля, даже подъ сердцемъ кольнуло. Одинъ ви-дѣлъ сзади преступника на знафотѣ палача, котораго совсѣмъ тутъ не было. Двое взялись спорить до ругани и косыхъ взглядовъ другъ на друга о томъ, носилъ ли преступникъ пол-ный образъ, или былъ только послушникомъ. Вышавшійся въ споръ третій настойчиво увѣ-рялъ, что онъ и послушникомъ-то не былъ, а только жилъ въ Донскомъ монастырѣ и надѣ-валъ ясу, а отъ міра вовсе никогда не отрекался. Всѣ согласны были на одномъ, что жертвою преступленія была дѣйствительно княгиня и, притомъ, извѣстнаго стариннаго рода, издревле любезнаго городу Москвѣ. Говорили, что съ ранняго утра сегодня на мѣсто казни скакали не только извозчики, но того больше—кареты

коляски, ландо, фаэтоны; вся Москва ѣхала и бѣжала на мѣсто казни еще до разсвѣта. Только недосужные, запоздалые и немощные разсыпались по дорогѣ, какъ брызги отъ слывшей волны, и установились сплошными рядами по уличнымъ тротуарамъ, на всемъ протяженіи длиннѣйшаго пути слѣдованія печальной колесницы. Самодовольный чиновникъ утѣшалъ себя и успокоивалъ, вразумляя всѣхъ насъ, что на мѣстѣ казни и смотрѣть, собственно, нечего: тамъ надломить надъ головою шпагу, ибо преступникъ былъ доподлинно дворянинъ и чиновникъ, не успѣвшій еще пострѣчься въ рясофорные монахи.

— И все тутъ, ничего интереснаго, — старался онъ увѣрять себя и насъ: — Шпага, — увѣрять чиновникъ: — должна быть заранѣе надпилена такъ, чтобы палачъ могъ ее легко и скоро разломить надъ головою преступника.

Немогъ онъ, однако, утверждать, ударить ли палачъ надломленною шпагою по головѣ преступника или разломить ее на воздухъ. Здѣсь онъ самъ запутался, говорилъ свое, но соглашался и съ противоположнымъ мнѣніемъ сосѣда.

— Опять какъ же, вѣдь, и ударить по головѣ? Вѣдь, она не горшокъ! — замѣтилъ вовсе не удовлетворенный рассказомъ торговецъ.

— Ударъ удару рознь! — рѣшительно успокоивалъ онъ себя и пошелъ вмѣстѣ со мною на Моховую. Я видѣлъ, какъ онъ встряхивалъ головою и слышалъ при этомъ его глубокіе вздохи съ приговоромъ про себя: „Охъ, грѣхи наши тяжкіе, немощи наши человѣческія! Подишь ты“!.. и т. п.

Эти глубоко врѣзавшіяся въ моей памяти впечатлѣнія, буквально на первыхъ шагахъ знакомства съ Москвою, вызваны событіемъ, весьма памятнымъ тамъ, кажется, до сихъ поръ. Въ свое время оно переположило весь городъ до самаго доньшка. Замѣчательно и поразительно было не столько само преступленіе, сколько участники и жертва, въ самомъ дѣлѣ (по времени совершенія злодѣяства) вечерняя. Участье духовнаго лица въ преступленіи не казалось особенно выдающимся въ городѣ, гдѣ такъ преизобилуетъ духовенство, что въ средѣ населенія его, ревностно охраняющаго старинные обычаи, даже тотъ древнѣйшій — отругиваться и отплевываться при встрѣчѣ — значительно ослабѣлъ и даже покинутъ. Участье же монаха казалось черезчуръ неожиданнымъ и оскорбительнымъ, хотя бы въ церковномъ и богословскомъ городѣ этомъ было монастырей и монаховъ ровно столько, сколько полагается ихъ на цѣлую губернію, и, притомъ, также издревле населенную и по толику же благочестную. Но, главное, съ одной стороны — монахъ, а съ другой — княгиня: зачѣмъ они вмѣстѣ и при чемъ они оба? Объясняли все это въ то время всѣ вдругъ и каждый по своему, а потому и выхо-

дило что-то такое темное и труппное, гдѣ мудрено было разобраться. Въ официальныхъ документахъ уголовной палаты еще мудренѣе было добраться до сути. Постановленія и протоколы писались тогда такимъ языкомъ, о достоинствахъ котораго обычно говорили такъ: „писано — прописано отъ села Борисова, отъ Макара Денисова“. Послѣ того, какъ разберемся въ уличныхъ и гостинныхъ слухахъ и смахнемъ съ архивныхъ документовъ 50-ти-лѣтнюю пыль, передъ нами возстаетъ нижеслѣдующая внушительная личность.

Съ чердачка на Загѣпѣ, гдѣ ютилась чиновничья семья отца Николая Семеновича, послѣдній поступилъ въ науку и выучился ровно настолько, чтобы быть писцомъ. Москва таковыхъ мастеровъ не бадуетъ и, за немнѣніемъ средствъ, не даетъ имъ пріюта и хода. Какъ губерскій городъ, она владѣетъ только уѣздными и губерскими присутственными мѣстами съ нѣкоторою надбавкою канцелярій временныхъ, кромѣ безсрочныхъ комиссій и кое-какихъ комитетовъ. Въ одинъ изъ послѣднихъ, завѣдующихъ дѣлами самаго сильнаго и привилегированнаго благотворительнаго общества, онъ и попалъ на легкую службу. Проставивъ нетвердую ногу, онъ, благодаря своей природной юркости и угодлиности, сумѣлъ укрѣпиться настолько, что, пересаживаясь отъ стола къ столу, очутился и за тѣмъ изъ нихъ, который вѣдалъ дѣла по части дамской благотворительности и поочетельствъ. Представилась необходимость личныхъ докладовъ титулованнымъ баловницамъ и возможность проявить передъ ними свои скрытые таланты и придавленную силу. Женское безсиліе, постоянно нуждающееся въ мужской помощи и поддержкѣ, тотчасъ же предъявило требованіе на услуги этого уголиваго и ловкаго молодого человѣка и нашло въ немъ аккуратнаго и толковаго исполнителя. Къ побѣгушкамъ онъ пріученъ былъ еще въ родной семьѣ, на посылки сдѣлался способнымъ подъ руководствомъ своего хромого, злого и ворстаго начальника; въ дамскія ручки онъ попалъ уже совершенно-приготовленнымъ. Сдѣлаться же опытнымъ, особенно съ капризами заказчицъ, ему было уже не мудрено въ то время, когда пріобрѣтена была извѣстная гибкость разсудка, при настойчивости природнаго характера. Не даромъ же его закаляла чердачная жизнь въ ежевыхъ рукавицахъ раздраженнаго бѣдностью, служебною неудачею и неподвижнымъ сидѣніемъ на одномъ мѣстѣ родного отца. Всего оказалось въ достаточномъ запасѣ: хитрость и осторожность битой собаки, ея же лъстивость съ поджатымъ хвостомъ и другое все въ надлежащей цѣльности, въ порядкѣ и на мѣстѣ.

Стоитъ Николай Семеновичъ съ докладомъ передъ лубою благотворительною дамою все та-

кимъ же неизвѣннымъ: тотъ же дружескій, улыбающійся взглядъ, когда читаетъ докладъ; та же живая игра наостренныхъ ушей, когда выслушивается приказаніе, точь въ точь, какъ у любимой болонки, когда ее заставляютъ служить. Даже какъ будто и хвостъ вытянуть такъ, какъ у ищейки, которой приказано отыскать запрятанную вещь и принести сейчасъ же и во что бы то ни стало. Все въ немъ мило: и эта пестрая шерстка, худощавое длинное тѣло, чисто вымытая, вылощенная длинная мордочка, а, главное, ласка и готовность ринуться по первому слову со всѣхъ ногъ, хотя бы и не за дѣломъ, а ради одной праздной забавы. Дамская любовь со скучнаго и флегматичнаго мопса, съ извѣннаго шарло перенесена была съ полною готовностью и на этого человѣка. Онъ такой услужливый, онъ такой ласковый, безропотно покорливый и очень умный. Надо было княгинѣ разузнать секретъ у портнихи пш-ше Anette, какаго фасона и цвѣта платье шьеть она на балъ дворянскаго собранія для графини, — и м-г Zykoŋ въ тотъ же день сообщалъ съ подробностями. Онъ дѣлаетъ и не такія крупныя одолженія, онъ оказался способнымъ на величайшія: онъ умѣетъ передать на словахъ ту тайну, которую нельзя выразить на письмѣ даже по французски. Ему одному можно поручить разузнать, кому раньше и кому лучше посланы будутъ на Кузнецкій - Мостъ французскія модныя матеріи. У него десять рукъ на тѣ случаи, когда разгуляется дамскій капризъ и разомъ разохотится на множество порученій. Только и скажетъ онъ какъ-то по своему и странно: „Одна моя нога здѣсь, а другая — тамъ“, — и сдѣлаетъ съ изумительною поспѣшностью. Изъ-за груди поупокъ, привезенныхъ по порученію, самого и не видать, а онъ, однако, всегда привезетъ ихъ въ срокъ и даже гораздо раньше. Незамѣнимый человѣкъ, очаровательный молодой человѣкъ! И въ манерахъ сталъ улучшаться, оставилъ кое какія дурныя привычки. Тонкими платками обзавелся и духами опрыскивается. Можно его кое къ чему и допустить, напримѣръ, дать ему поцѣловать ручку и этимъ не погнушаться, посадить его за чайный вечерній столъ съ серебрянымъ самоваромъ и посудю въ-саксъ. Не надо заботиться и волноваться о томъ, что онъ возьметъ пирожное прямо голыми руками, что онъ вздумаетъ опрокинуть чашку вверхъ доньшкомъ, чтобы, въ знакъ благодарности, положить туда обсушенный кусокъ сахару.

Наступила, въ самое дѣлѣ, для Николая Семеновича Зыкова пора полного блаженства. Вотъ онъ въ надушенномъ будуарѣ докладываетъ, сидя, а товарищи, тѣмъ временемъ, въ сторожевской, пропитанной насквозь мажоркою, стоя и торопливо, затягиваются изъ одной трубки черезъ перышко мусатовскимъ вакшта-

фомъ. Онъ сидитъ и за обѣденнымъ столомъ, — положимъ, на кончикѣ крайняго и дальнаго стула, — однако, ѣсть кушанья, изготовленные настоящимъ французомъ-поваромъ. А небритые и невытые сослуживцы его, забравшись въ низокъ Егоровскаго трактира, требуютъ передъ 2—3 парами чая даровую закуску изъ кусочка ветчины, огурчика и пеклеванника на основаніи обычая, давно вынужденнаго отъ хозяина чиновничью бѣдностью и неизбежно установленнаго. Или, еще хуже того, товарищи сятаго Зыкова спятъ и видать и усиленно шутятъ такого просителя, который угостилъ бы ихъ солянкою въ кастрюлкѣ. Или, какъ консисторскіе нахалы, всю оравую накидываются на иршедшаго сельскаго попа и грабительски вытаскиваютъ у него изъ-за пазухи широкъ съ яшною крупю.

Николай Семеновичъ превознесетъ и отличенъ даже тѣмъ, что освобожденъ былъ отъ прямыхъ служебныхъ обязанностей, отъ ежедневнаго посѣщенія комитета на Маросейкѣ. Онъ весь отдался дамскимъ особымъ порученіямъ и, съ воли и вѣдома прямого и хромого начальства, былъ совершенно откомандированъ къ патронессамъ. Ему у нихъ привольно. Его всѣ онѣ до единой знаютъ, цѣнятъ; большая часть считаетъ его не только полезнымъ, но и необходимымъ человѣкомъ. Отъ него зависѣло то обстоятельство, что для нѣкоторыхъ благотворительницъ онъ сдѣлался правою рукою и ногою: ступить безъ него не умѣли, взяться ни за что не могли даже по домашнему хозяйству. А онъ, тѣмъ временемъ, подбучился болтать по французски цѣлыми фразами и еще болѣе округлил манеры: бралъ у Югеля уроки танцевъ и перемѣнилъ походку, способы кланяться и садиться. Его начали считать своимъ и наружно оказывать ему чрезвычайные знаки вниманія, любезности и откровенной привѣтливости. Вотъ въ это-то время и произошло то крупное недоразумѣніе, которое повело къ роковому исходу. Недоразумѣніе это порождено было грубою ошибкою во взаимномъ пониманіи обѣихъ сблизившихся сторонъ.

Дешевый пріемъ сужденія по наружности, при непривычкѣ лѣнвыхъ и сытыхъ людей къ анализу и какому либо тонкому разбору, послужилъ главнымъ основаніемъ къ заблужденію: сходственныя черты милыхъ домашнихъ животныхъ, въ сущности, не оправдывались и въ данномъ субъектѣ даже совершенно отсутствовали. Если уже идти тѣмъ же путемъ сравненія, то окажется, что все было понятно въ обратномъ смыслѣ и извращенномъ видѣ. Это худощавое, длинное и гибкое тѣло доказывало способность ко всякимъ изворотамъ, подсказывало, что этотъ человѣкъ способенъ пролѣзть во всякую щель, не зацѣпляясь. Не замѣтили тѣ, кому это надежало вѣдать, что эта лести-

вая ласка, усыпляющее мурлыканье, даже эта постоянно вычищенная, вымытая и выбритая мордочка, характеризовали животное совсем другой породы: лукавое и вороватое, полное вкрадчивой хитрости и ужасающей изворотливости. Оно одарено рѣдкою остротою чувствъ именно для того, чтобы въ своей кровожадности быть ненасытнымъ. Нѣтъ нужды, что онъ не бралъ никакихъ вещественныхъ знаковъ благодарности за оказываемыя услуги, а довольствовался казеннымъ содержаніемъ. Онъ искренно увѣрялъ, что помощь, оказываемая имъ дамамъ и самому благотворенію до того ничтожна, что о ней и говорить не стоитъ, ему самому совѣстно слушать о приписываемыхъ ему заслугахъ, — смиреніе невиданное, неслыханное и столь очаровательное.

А затѣмъ у него свѣтящіеся глаза, маленькое ухо, короткая и почти круглая голова, какъ у самыхъ свирѣпыхъ хищныхъ животныхъ. У него и походка неслышная, какъ у этихъ, гдѣ подъ густою шерстью на изогнутыхъ ногахъ спрятаны смертоносные, быстро выскальзывающіе наружу когти. Нѣтъ, это — не шарло, у котораго всегда открытыя когти менѣе опасны, потому что вѣчно бывають измочалены. Какъ настоящій лютый звѣрь, дамскій баловень и угодникъ въ лицѣ комитетскаго чиновника пряталъ свои, чтобы показать ихъ въ то время, когда накопятся силы и подойдетъ случай. Онъ трудился, хлопоталъ, не досыпалъ, подвергался униженіямъ и не просто проходилъ не разъ сквозь строй оскорбительныхъ, презрительныхъ насмѣшекъ. Онъ вознабрался за всѣ испытанныя страданія и очевидная заслуга получить плату, награду и отступное, однако, не мелочью, а какимъ нибудь внушительнымъ кушемъ. Если тѣ ошиблись излишкомъ ласки и привѣтливости, онъ ошибся тѣмъ, что, относя ихъ прямо къ своей личности, не сообразилъ и не догадался, что это — прямое обязательство вѣжливости, деликатнаго обращенія, какъ заурядная привычка людей, воспитанныхъ въ холѣ и нѣгѣ до пресыщенія, въ спокойной средѣ самодовольства, гдѣ нѣтъ мѣста отчаянію или постояннымъ раздраженіямъ. Отъ мягкаго стула и постели улыбающійся привѣтъ дается на рубль цѣною съ твердою увѣренностью, что этотъ низкій и нищій, получая, оцѣнитъ даръ въ полную тысячу. Если онъ, этотъ чужой, облаканный, задумаетъ торговаться и запрашивать больше, — значитъ, перешелъ предѣлы. Необходимость преграды становится настолькоъ ясною, что ее сейчасъ же съ досадою, ловко скрытою и затаенною, начнутъ быстро сооружать тѣ же самыя лица, которыя, шутя и отъ бездѣлья, ее разстроили. Строили же ее изъ гнилыхъ стоекъ и, притомъ, торопливо. Этого-то и не замѣтилъ нашъ слѣпой счастливецъ, а когда на сильный скачекъ свой получилъ такой же отпорный тол-

чекъ, то и выпустилъ свои смертоносныя когти. Теперь пока имъ только намѣчена была самая жертва, но уже производилась страшная скрытая работа мстительной души, соображая подходящее время и соразмѣряя для прыжка разстояніе. У настоящаго звѣря промаха не бываетъ, онъ не скользнетъ лапами мимо чужой шкуры и не разобьетъ своего крѣпкаго мѣднаго лба. Такъ поступилъ и Зыковъ, притулившись, какъ звѣрь, въ ямѣ за камнями и тщательно припрятавшій когти.

Веселый, шаловливый и беззаботный кружокъ московскихъ дамъ-благотворительницъ какъ-то одинъ разъ вздумалъ осмотрѣться, побуждаемый неопредѣленнымъ инстинктивнымъ чувствомъ. На него какъ будто пахнуло откуда-то легонькимъ холодкомъ; не то ему чего-то стало недоставать, не то кого-то изъ своихъ онъ нечаянно потерялъ, да не сразу успѣлъ споквѣтаться.

— Да гдѣ же Зыковъ. Куда пропалъ Николай Семеновичъ?

Одна не видала его больше мѣсяца, по ея довольно приблизительному счету.

— У княгини Вѣры онъ даже очень давно не былъ.

Отъ одной онъ увезъ брабантскія кружева въ чистку и не возвратилъ и записки не оставилъ.

— Конечно, возвратить, если не самъ, то черезъ родныхъ своихъ. У него есть такіе. Самъ онъ про нихъ никогда не говорилъ, а стороною было слышно, что у него они есть, эти родные. Онъ такой честный!

Многихъ занималъ также серьезный вопросъ, съ кѣмъ теперь играть въ карты, въ фанты, въ маленькія игры и т. п.

— Онъ такъ милъ и находчивъ, такъ весело смѣшнить и мило шутить. Я всегда имъ въ это время люблюсь.

Рѣшено было навести справки на мѣстѣ службы, а если уже это не удастся, то и въ томъ домѣ, гдѣ онъ жилъ и куда ходилъ ночевать. Оказалось теперь по справкѣ, что нѣкоторыя дамы настолькоъ не гнушались Зыковымъ, что бывали у него, не боясь подозрѣній и превратныхъ толковъ. Зыковъ былъ весьма дурень, вытянутая фізіономія его походила на лошадиную; помилуйте, кто плѣнится такимъ уродомъ среди щеголевататаго офицерства? „Вотъ ѣзжу къ нему, ѣзжу въ квартиру его, чтобы ускорить одно благотвореніе и осчастливить имъ десять человѣкъ“.

Легкое безпокойство весело настроеннаго кружка весьма легко и скоро удовлетворено было самымъ точнымъ свѣденіемъ, что Зыковъ ушелъ въ монастырь.

— Но въ какой? Ихъ здѣсь такъ много!

Новая справка прямо указала на Донской.

— Если онъ сдѣлалъ настоящимъ монахомъ,

то это очень любопытно; вѣдь онъ отстрилъ волосы, отпустилъ бороду, какъ дѣлаютъ эти попы.

Видали Зыкова въ чистенькомъ фракѣ и въ танцахъ, какъ не посмотреть на него въ рясъ и на молитвѣ.

— Вѣдь онъ будетъ ходить по церкви и дымить этимъ кадидомъ.

Поѣхала въ Донской не одна карета и не одна коляска, къ полному изумленію монаховъ, которые гуляли праздно около церкви, когда шла въ главномъ соборѣ обѣдня. Отъ нихъ узнали дамы, что Зыковъ въ затворахъ.

— Что же онъ тамъ дѣлаетъ?

— Спасается. Никуда не выходитъ, даже въ храмъ Божій. Никого, кромѣ отца архимандрита, къ себѣ не допускаетъ.

— Когда же онъ выйдетъ и покажется? Намъ его надо видѣть, очень надо видѣть.

— Когда найдетъ къ тому благопотребное время. А теперь втай молится, сокрушается о грѣхахъ, что содѣялъ тамъ, въ мирѣ.

Вотъ это слово „спасается“ показалось столь неожиданнымъ и острымъ, что кое-кого кольнуло прямо въ сердце. Рѣшили навѣдываться. Развѣ не все равно, въ какую церковь ѣздитъ молиться, если уже заведенъ у всѣхъ такой обычай по преданію отъ родителей? Каждое воскресенье заведено и фамильную печать припечатано приказаніе по большимъ праздникамъ бывать въ какой либо изъ модныхъ церквей—въ университетской, на Остоженкѣ, въ Шереметьевскомъ домѣ у Сухаревой башни и въ другихъ.

— Все еще въ затворѣ!—продолжаетъ говорить справка въ Донскомъ монастырѣ отъ слоняющихся по аллеямъ и кладбищу монаховъ.

— Да какіе же это грѣхи? И зачѣмъ ему понадобилось отъ насъ скрываться и отмаливаться и такъ строго и такъ даже страшно?—думали посѣтительницы, проходя мимо этихъ двухъ оконъ подъ архимандричьими кельями, которыя занавѣшаны были густыми зелеными шторами.

— Зачѣмъ этого маленькаго человѣка мы допускали столь близко? пусть бы онъ тамъ...—раскаивались другія.

— Начнетъ исповѣдываться на всю церковь—кажется, это бываетъ у монаховъ—надо, во всякомъ случаѣ, постараться заласкать его, повидаться съ нимъ. Ну, просто попросить его, чтобы каялся какъ нибудь по другому.

— Какъ же это сдѣлать, когда заперты двери и наглухо спущены шторы?

За этими шторами, дѣйствительно, въ задумчивости сидѣлъ этотъ паукъ и плелъ паутину. Плелъ онъ ее, конечно, съ искусствомъ и опытностью стараго и зоркаго рыбака и притомъ еще подъ надзоромъ не менѣе опытныхъ глазъ самаго настоятеля. Онъ уже и привыкать сталъ

къ легкой работѣ затвора, да наставникъ сказалъ:

— Довольно. Теперь закрѣпи. Длинная сѣть тоже не всегда полезна бываетъ. Она одну рыбу ловить, а другую пугаетъ,—какъ бы всѣхъ не распугала? Я вотъ пришлю церковнаго старосту; пусть онъ скажетъ, до чего оскудѣло кружечное и кошельковое приращеніе.

Послѣ того встрѣтившіе дамъ монахи обрадовали ихъ неожиданною радостною вѣстью:

— На-дняхъ добродотно вышелъ. И какъ свѣча передъ образомъ, бдитъ на молитвѣ. Даже удивляемся.

— Вотъ и Зыковъ!.. Кажется, онъ?—по крайней мѣрѣ, въ эту сторону указывалъ рукою провожатый монахъ, да и теперь туда же киваетъ головою съ клироса и подмигиваетъ. Не узнать Зыкова въ темномъ углу между большою печкою и церковною стѣною и не разглядѣть его: все стоитъ опусти голову, часто молится и еще того чаще становится на колѣни. Нѣкоторымъ удалось уловить его тяжкіе вздохи.

Это уже очень страшно. Это уже что-то такое невѣроятное, но очень, очень любопытное. Вотъ, даже духъ замираетъ, такъ это прекрасно и умирительно.

Въ слѣдующее воскресенье въ Донской монастырь наѣхало каретъ вдвое больше, на слѣдующее втрое. Зыковъ стоитъ на прежнемъ мѣстѣ, смиренно понуривъ голову и не поднимая глазъ; иная такъ бы вотъ и пошла приказывать ему поднять голову и хотя разъ взглянуть на грѣшницу. Онъ все еще закрѣплялъ на сѣтѣхъ петли: захлестнула крѣпкимъ концомъ и послѣднюю.

— Приемлетъ нынѣ малое послушаніе, „блаугогодилъ“, говоритъ. И отъ священно-архимандрита получилъ благословеніе на церковный сборъ во дни богослуженія.

Ловецкій ударъ былъ рассчитанъ вѣрно. Въ развернутую сѣть стала попадать сначала мелкая рыба съ серебряною чешуею, добывалась и съ золотою. Блюдо, которое носилъ по церкви съ опущенными долу очами Зыковъ, наполнилось даяніемъ до верху, все изъ-за того одного, что интересный молодой отшельникъ въ колпачкѣ, сдвинутомъ на самыя брови, умѣлъ, остановившись, поклониться вкладницѣ по монашески, во всю спину, а не по старому и по свѣтски, какъ въ кадрили, одною головою.

Любопытство заразительно среди праздныхъ людей, а потому вѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что и рогатые и комолые супруги потащились за женами посмотреть на столь рѣдкостнаго монаха.

— Вчера былъ онъ среди насъ, а теперь легъ живымъ въ гробъ, и вотъ, говорятъ, по временамъ встаетъ и тѣнью шатается по церкви. Надо взглянуть!..

Совершилась и въ монастырѣ перемѣна: изъ начальника настоятеля сдѣлался истиннымъ другомъ (переименованнымъ впоследствии въ участника). Объ одномъ только и была его просьба:

— Порадѣй святой обители вѣрнымъ и благимъ послушаніемъ. Токмо не передергивай петлей сѣти. Дѣйствуй косо, не бораяся.

Когда вскорѣ потребовалось поученіе изъ того, о чемъ было надумано въ глубокомыслии затвора, разрѣшеніе дано было на посѣщеніе убогой кельи рыбака одной лишь той, которая могла больше вмѣстить и много вѣровала. То была княгиня Вѣра, не пропустившая ни одного воскресенья, больше другихъ клавшая на блюдо, сильнѣе и настойчивѣе другихъ стучавшая въ затворенную дверь.

Тамъ въ это время за нею успѣлъ уже побывать самъ святой владыка, умнѣйшій и прозорливѣйшій святитель Филаретъ, привлеченный слухомъ о подвигахъ новаго затворника. Онъ бесѣдовалъ съ нимъ. Владыка самъ видѣлъ и рассказывалъ потомъ всѣмъ, что у новаго подвижника на простой деревянной кровати дѣйствительно лежали въ возглавіи два березовыхъ полѣна и стояли въ кельѣ лишь два простыхъ рыночныхъ стула.

Тайнственная келья стала еще святѣе и еще любопытнѣе, въ особенности для такихъ вѣрующихъ, какою была молодая и красивая княгиня Вѣра. У нее былъ старый мужъ, разбитый параличемъ и давно лежавшій въ постели. Врачи обрекли его на смерть и княгиня прибѣгала къ молитвамъ, посѣщала монастыри, дѣлала вклады. Донской монастырь, въ особенности, привлекъ ея вниманіе и полюбился не потому лишь, что былъ близокъ. Въ кельѣ затворника, умѣвшаго выбрать именно эту обитель, нашла она и то кресло, на которомъ сидѣлъ святитель, и тотъ образокъ въ серебряной оправѣ, которымъ онъ благословилъ тайнственного монаха. Видѣла она келью изъ трехъ конурокъ, а не комнатъ; но лишь въ одной стояла та убогая мебель, которую похвалилъ Филаретъ, да шкапчикъ съ образами; въ другой, задней, не было ничего, кромѣ стѣнъ и священо-тайнственного безмолвія. Когда посѣтила келейный сумракъ новая посѣтительница, затворникъ и остальнымъ желающимъ вскорѣ рѣшился дать разрѣшеніе. Да и пора наступила: Богомольныя жены испытали продолжительный искусь. Посѣщенія участливы, келейное безмолвіе нарушилось; затворникъ впалъ въ искушеніе, падалъ, надумывался, тосковалъ и оправдывался тѣмъ, что самъ архимандритъ плѣнился тѣми же удобствами для бесѣды и тихихъ поученій. Затѣмъ всякій, кто хочетъ, пусть то и говорить. Да и что кому за дѣло, что когда умеръ мужъ княгини Вѣры, Зыковъ читалъ псалтырь по немъ, по давнему знаком-

ству? Пусть говорятъ, что у нихъ съ настоятелемъ заведены очередные обѣды черезъ день и у каждаго изъ нихъ имѣется свой поварь. Пусть говорятъ!.. главная задача, во всякомъ случаѣ, теперь рѣшена съ побѣдительнымъ успѣхомъ: попала рыбаку въ сѣти та самая вкусная и большая рыба, на которую и расчетъ былъ сдѣланъ.

Сквозь монастырскія стѣны нельзя намъ было видѣть, что происходило за синими занавѣсками, а слышать и слышать мы не смѣемъ доверяться. Именно въ Москвѣ съ Замоскворѣчьемъ они особенно злоязычны, всякіе слухи перепутаны вкривъ и вкосъ и подозрительны, какъ всякая клевета и диффамация. Вѣру тому лишь, что вышло прямо на Божій свѣтъ и городскія стогны и показалось вѣявъ.

Въ одномъ изъ московскихъ, по большей части либо косыхъ, либо кривыхъ, переулковъ (на этотъ разъ вѣрно въ такомъ, который также затѣмъ-то изгибается, исходя изъ большой улицы) случилось такое событіе. Въ сумерки шелъ по этому переулку къ Каменному мосту одѣтый въ черную ряску нѣкоторый человекъ. Ему на встрѣчу выпли изъ подозрительной „Ямки“ три молодца. Изъ нихъ одинъ несъ большую бутылъ. Поравнявшись съ чернымъ человекомъ, этотъ толкаетъ его плечомъ своимъ въ бокъ и роляетъ бутылъ, изъ которой льется деревянное масло. Поднимается крикъ. завязывается перебранка, послѣ которой пускаются въ дѣло кулаки. Чернаго смяли, повалили и били, какъ могутъ бить только графскіе крѣпостные кучера и конохи, да мясники Охотнаго ряда. Изобитаго, еле дышавшаго, втащили на извозчика и свезли въ часть, гдѣ помѣстили съ ворами и мошенниками на нѣсколькихъ дней (его изъ монастыря исключили, архимандрита удалили). Знать „спозналъ князь да до вѣдался (какъ поется въ пѣснѣ о Ванюшѣ-ключникѣ) что отъ самой отъ послѣдней дѣвки сѣвной горничной, когда уже довольно было пошито и поѣдено, въ красѣ-хоропѣ похорожено, про его ли, княжюю милость, много было ругано“.

Оправлялся Зыковъ очень долго и медленно, ровно столько времени, чтобы монашескимъ обѣтомъ смиренія уврачевать душевныя и тѣлесныя раны, или и въ самомъ дѣлѣ, по мірскому обычаю, растравить язвы до новой боли уже отъ кровавой обиды, которая толкаетъ на ишеніе. Оправившись, онъ и въ самомъ дѣлѣ взялъ съ собою оба орудія и слово примиренія, да встата прихватилъ и ножъ. Княгиня собралась къ Троицѣ говѣть и зашла къ Зыкову попросить, христіанскимъ обычаемъ, прощенія. Онъ готовъ былъ примириться, если позоръ его будетъ смятъ честнымъ бракомъ, въ большой церкви, всенародно. Согласія не было дано, отвѣтъ сказанъ рѣшительный, такъ какъ и самый вопросъ по-

ставленъ былъ въ упоръ. Сверкнуло лезвіе кинжала, кудреннаго на Кузнецкомъ-Мосту, и бездыханный трупъ упалъ къ ногамъ „убійцы“. Онъ быстро схватилъ молитвенникъ, припалъ на колѣняхъ къ трупу и истохо началъ читать отходни молитвы, пока изъ зіяющей раны, нанесенной какъ бы волчьими зубами, хлестала фонтаномъ алая кровь. Въ такомъ видѣ и нашли убійцу, когда, и въ переносномъ смыслѣ, свалилась, наконецъ, съ его плечъ овечья шкурка и объявился подлинный волкъ, какъ высказался о немъ самъ митрополитъ, когда довели до его свѣденія о содѣянномъ злодѣяннѣ. „Вяжите, заточайте, судите и казните!“ говорилъ Зыковъ, а на первый случай и оправданіе было приготовлено въ простыхъ и краткихъ словахъ, такого смысла и значенія:

— Такъ угодно Богу! Я, видимо, избранъ орудіемъ для того, чтобъ изъ этого грѣховнаго міра праведную и святую душу чистой голубицы — княгини Вѣры — препроводить въ горнія селенія. Тамъ, а не здѣсь, подобаеи ей быть.

Я былъ личнымъ свидѣтелемъ дня казни Зыкова, но, по случайностямъ скитальческой жизни, поналъ и въ мѣста уголовныхъ возмездій, въ самое ядро и шкло каторги и ссылки, куда посылають подобныаъ грѣшниковъ. Въ административномъ центрѣ каторжныхъ заводовъ и промысловъ, — именно въ Большомъ нерчинскомъ заводѣ, — я встрѣтился съ этимъ человѣкомъ, начавшимъ свое житейское поприще въ роли Молчалива и кончившимъ его на гражданской свободѣ въ роли Ваньки-ключника и Ваньки-Каина. На этотъ разъ, ровно черезъ десять лѣтъ послѣ казни, въ 1860 году, я нашелъ его тамъ въ казенномъ званіи „пропитаннаго“, т. е. передъ поселеніемъ, въ разрядѣ „исправляющихся“.

— Исправился ли онъ? — спроситъ иной читатель.

— Зайдите къ Зыкову, — совѣтовалъ мнѣ одинъ изъ начальниковъ нерчинскихъ заводовъ. — Онъ васъ ждалъ, онъ намѣревается поѣздить по Забайкалью для собиранія пѣсенъ и записи обычаевъ. Разрѣшенія изъ Иркутска ждетъ. Теперь онъ нуждается въ совѣтахъ и указаніяхъ, не откажите ему въ нихъ. Узнавши о вашемъ приѣздѣ, онъ снова умоляетъ въ нисыѣт уговорить васъ не погнушаться имъ. Конечно, онъ и самъ бы пришелъ, да тяжело боленъ: у него и подагра и хирагра разыгрались на это время. Зыковъ молить о свиданн, говоря, что если не удастся мнѣ уговорить васъ, онъ найметъ людей донести его на носилкахъ. Вы исполните истинно-христіанскій долгъ.

Благоволеніе начальства — видимый первый знакъ въ пользу ссыльнаго.

По узенькой тропѣ, едва проматой въ глубокихъ снѣжныхъ сугробахъ оврага, я поднялся

на ту горюшку, на которой стоялъ домикъ въ два окна, — въ два по своеобразному сибирскому обычаю, не признающему нечетнаго числа оконъ, какъ указано узаконенными нормальными чертежами. Съ горюшки открылись еще лучшіе виды на эти горы, обступавшія селеніе, какъ застывшія волны разсерженнаго океана, — горы, богатая настоящимъ серебромъ и другими минеральными сокровищами. И этотъ выборъ жилища — добрый знакъ въ пользу ссыльнаго.

Единственная комната въ этомъ домикѣ среди бѣлаго дня поразила меня темнотою и, вопреки сибирскаго обычая, въ ней было очень тепло. Во мракѣ мнѣ, прежде всего, бросились въ глаза ширмы на право. Съ тѣхъ поръ первое впечатлѣніе не покидало меня. Ширмы были центромъ всего жилища, изъ-за нихъ затушевывалось все остальное. За ними тотчасъ слышался кашель, опрашивающій голосъ и показалась фигура живого мертвеца, совершеннаго скелета, у котораго только что не стучали кости, какъ у настоящаго. Эта худоба скрывала и черты лица и ихъ выраженіе. Я съ трудомъ успѣлъ разобратся и въ томъ и въ другомъ, когда услышалъ высказанное глухимъ, гробовымъ голосомъ привѣтствіе. Мертвецъ вкрадчиво говорилъ:

— Вамъ уже, вѣроятно, извѣстна исторія моего несчастья?

— Роковой день вашей жизни былъ однимъ изъ счастливыхъ въ моей: я шель предъявить свой гимназическій аттестатъ, освобождавшій меня отъ риска экзамена въ университетѣ.

— Я и Альфонскимъ былъ облаканъ, Оверъ лечилъ меня, вѣдь я въ большихъ домахъ былъ принятъ. На меня воагались серьезные порученія, доходившія даже до графа Арсенія Андреевича. А живъ ли Грановскій, Рулье — ваши звѣзды?

Началась извѣстная пѣсня униженнаго и ссыльнаго, стремящагося приподнять свое прежнее значеніе хотя бы на одну пядень. Я далъ ему волю вспоминать. Видимо, онъ перенесся мыслями на родину и виталъ воображеніемъ по Москвѣ, съ точностью вспоминая адреса милыхъ домовъ и мимоходомъ останавливаясь на спутныхъ зданіяхъ, на соприкосновенныхъ къ главному разсказу лицахъ. О своемъ преступленн, конечно, ни слова, какъ всѣ прочіе ссыльные. Да и никто въ Сибири не нуждается въ этихъ свѣденіяхъ изъ деликатности и убѣжденія, что, конечно, всѣ волки сѣры. Разумеется, всякое признаніе интересно. Стучалось, что вотъ иной сталъ подходить къ интересному мѣсту, но на самомъ же дѣлѣ онъ ушелъ отъ этихъ воспоминаній еще дальше, даже гораздо дальше, чѣмъ отвелъ меня Зыковъ въ самомъ началѣ бесѣды, прямо въ университетъ, изъ Донскаго монастыря на Моховую.

Во все время, пока длилась бесѣда, его

ширмы не давали мнѣ покоя: стоятъ себѣ, заслоняя все, даже интересное лицо хозяина, и кричать, требуя особеннаго къ себѣ вниманія. Точно какая новогодняя реклама. Онъ это замѣтилъ.

— Эту святыню я уберегъ отъ недобраго прошлаго въ полной цѣлости и для нее нанялъ во всю дорогу особую подводку. Вотъ моя главная святыня.

Онъ показалъ мнѣ тотъ образъ, которымъ благословилъ его Филаретъ. Приложившись къ лику, онъ повернулъ ко мнѣ исподку доски. На ней имѣлась собственноручная надпись митрополита, изображенная тѣмъ почеркомъ, который такъ разительна похожъ у всѣхъ духовныхъ лицъ, подобно русскому почерку гѣмцевъ, занимающихся въ коммерческихъ конторахъ.

— У меня есть частица камня отъ Гроба Господня. Мнѣ ее подарилъ добрый князь...

Слѣдовала подробная исторія о характерѣ отношеній его къ этому князю и о причинахъ, заставившихъ послѣдняго обязательно сдѣлать ему этотъ подарокъ; все пока о Москвѣ по поводу своего униженія.

Я замѣтилъ у него подвѣшенными на ширмахъ, унизанныхъ крестиками и образочками различныхъ цвѣтовъ и калибровъ, между прочимъ, и хорошо всѣмъ извѣстныя: шапочку отъ мощей Митрофанія, рукавичку отъ Геннадія Люблинскаго, поясокъ изъ Кіева отъ Варвары великомученицы. Не ширмы, а цѣлый иконостасъ отдѣлялъ отъ меня его постель и столикъ. На постели уже лежали двѣ пуховыя подушки, на столикѣ Евангеліе въ серебряной оправѣ.

„Вотъ онъ и не измѣнился, — охотливо подумалось мнѣ: — И что онъ въ самомъ дѣлѣ: ханжа или истинно вѣрующій?“

И эту мою мысль онъ отгадалъ.

— Я вѣрую, я слѣпо вѣрую. Это одно утѣшеніе въ моемъ несчастіи. Судьба помѣшала мнѣ сдѣлаться монахомъ...

Вотъ, кажется, самъ наскочилъ на большое мѣсто, а настороженные мои уши слышать о томъ, какъ бы онъ былъ счастливъ, если бы Господь сподобилъ его внушить такую же вѣру другимъ, какою живетъ и дышетъ онъ самъ.

— Одна эта вѣра и спасаетъ меня.

И съ этого пункта крутой переходъ совершенно въ противоположную сторону, по крайней мѣрѣ, прямо къ цѣли, которая вызвала наше свиданіе,

— Здѣсь борется съ христіанствомъ сильный врагъ—ламайство. Не по моимъ немощнымъ силамъ борьба эта. Не подумайте, что я съ этимъ намѣреніемъ прошу себѣ дозволеніе путешествовать. Расскажите мнѣ, какъ вы это дѣлаете.

Поставленные мнѣ вопросы всѣ ограничивались практической почвою, доказывая, что онъ

уже раньше присмотрѣлся къ дѣлу и искренно желаетъ ему послужить. Онъ показался мнѣ весьма начитаннымъ человекомъ. Онъ съумѣлъ сдѣлать бесѣду довольно пріятною и поддержать ее такъ, что у насъ вышло какъ бы литературное утро. Онъ все обнаружилъ: искусство хорошо слушать и тонкую осторожность въ возраженіяхъ. Рѣзко бросалась въ глаза и мягкость въ манерахъ, его деликатность въ обращеніи,—все это имъ по дорогѣ въ Сибирь не растеряно. Привезъ онъ сюда и уберегъ и ловкую льстивость въ приемахъ съ легкимъ пересоломъ въ complimentахъ, и удѣлил мнѣ въ малой дозѣ на мой счетъ и по скорости все то, что съ избыткомъ расточалъ во дни оны въ Москвѣ и что послужило началомъ современнаго печальнаго его положенія. Ни одною чертою настоящаго своего внутренняго міра онъ не подѣлился со мною. Можно было уловить лишь только тѣ моменты, когда онъ извертывался, и не шутя любоваться гибкостью и своевременностью чрезвычайно ловкихъ изворотовъ. Игралъ онъ точно змѣя и блестящемъ глянцеютой шкурки и всѣмъ разнообразіемъ окрашивающихъ ее пестрыхъ цвѣтовъ. Неужели онъ искалъ во мнѣ, въ виду возможности, хотя бы и мимоходомъ, попасть въ печать, потому что желалъ представиться не иначе какъ въ благообразномъ видѣ? Правда, онъ крѣпко жалъ мнѣ руку при прощаньи, прижималъ ее даже къ сердцу, убѣдительно, умоляющимъ образомъ пресекая меня еще разъ, хотя одинъ только разъ и на полчаса какіе нибудь навѣститъ его. На больнѣ пожаловался только за то, что она не даетъ ему лично навѣститъ меня на отводной квартирѣ. Онъ даже весьма самоудѣленно и увѣренно рисовалъ планы своего путешествія; при такой изможденной фигурѣ и истощенной натурѣ, онъ, видимо, рассчитывалъ жить еще много годы (чего, впрочемъ, не случилось). Онъ потомъ вступилъ со мною въ переписку: написалъ не одно письмо (я ихъ храню), но всѣ, однако, такія, которыя не требовали отвѣтовъ. Онъ точно помѣшался на самомъ себѣ и въ письменныхъ строкахъ всегда казалось, что онъ все продолжаетъ чиститься, обшаркивается щеткою и вѣничкомъ и опрыскивается духами, хотя и дешевенькими.

Самыя милыя впечатлѣнія я вынесъ отъ него изъ дому и съ готовностью исполнилъ навѣститъ во второй разъ, хотя онъ обазался и послѣднимъ. Тогда, прощаясь со мною окончательно и роняя видныя мнѣ слезы, онъ ужъ не выдержалъ и проговорился прямо съ маху, безъ всякаго вызова съ моей стороны и въ всякой связи съ предыдущимъ нашимъ разговоромъ:

— Повѣрьте мнѣ, княгиня Вѣра была такая святая душа, что я вовсе не совершилъ надъ нею какого либо преступленія насильемъ.

Ея душою я лишь только увеличилъ совмѣ несныхъ ангеловъ.

Обрадовавшись тому, что онъ снизошелъ ко мнѣ и приспустилъ и ослабилъ одну петельку, я догадался ухватиться за нее.

— Вѣроятно, сама книжница довела васъ до этой крайности?

— О, нѣтъ!—отвѣчалъ онъ мнѣ и я видѣлъ, какъ мгновенно глава его вскинулись къ небу и руки повисли, какъ плети:—Книжница была ангелъ кротости, но, вслѣдствіе независящихъ отъ нее обстоятельствъ, она была поставлена въ такое безвыходное положеніе, что для спасенія этой чистой души я рѣшился прекратить жизнь ея.

Въ самомъ дѣлѣ намъ уже больше не о чемъ было разговаривать. Если онъ не говорилъ затверженную фразу, какъ помѣшавшійся на подобномъ выраженіи, то уже во всякомъ случаѣ на каторгѣ онъ не исправился. Онъ все тотъ же и теперь, какимъ былъ и въ то время, когда тянули его за языкъ, именно въ страшный день безжалостнаго убійства, надъ неостывшимъ еще трупомъ его жертвы.

— Я скажу вамъ, какъ онъ исправился или переиначился,—говорилъ мнѣ одинъ изъ интеллигентныхъ людей, очутившихся также на каторгѣ и къ которому я обратился за справками.

Это былъ Ипполитъ Васильевичъ Кашкадамовъ, изъ воспитанниковъ московскаго Воспитательнаго дома. Кашкадамовъ довольно долгое время жилъ съ Зыковымъ въ тобольской тюрьмѣ, гдѣ всѣ оставались подолгу, особенно ссыльные изъ привилегированныхъ сословій (Кашкадамовъ былъ дѣйствительнымъ студентомъ московскаго университета и попалъ въ Сибирь за поддѣлку монеты). Подъ прикрытіемъ того обстоятельства, что приказъ, распредѣлявшій ссыльныхъ по областямъ, уѣздамъ, волостямъ и городамъ, находился въ то время въ Тобольскѣ (теперь онъ въ Тюмени), несчастные люди отъ этапнаго пути отдыхали здѣсь и передъ каторгою запасались кое-какою силою. Въ тѣ времена было попроще и тобольская тюрьма представляла собою нѣкоторое подобіе гостиницы.

Зыкову позволяли, за большую тюремную общюю камерою, устроиться такъ, какъ было ему поспособію, чтобы уединиться и помолиться, не вызывая соблазна и насмѣшекъ (ссыльный народъ—большой охальникъ и злой путникъ).

— Вотъ эти-то ширмы, что вы видѣли у него въ нерчинскомъ заводѣ, видѣли и мы въ тобольскомъ острогѣ. Онъ ихъ возилъ на особой подводѣ, какъ настоящій фокусникъ, который показываетъ, какъ Петрушка всѣхъ колотитъ, а самъ невоздержно при этомъ хохочетъ. Это—не иконстасъ, а, такъ сказать, заборъ,

который въ здѣшнихъ мѣстахъ строятъ въ рѣбѣ для прославленной сибирской рыбы — максуновъ. Иной изъ нихъ придетъ къ кольямъ, ступнется головой, очумѣетъ и не знаетъ дальше, что ему дѣлать. Надо бы повернуть назадъ и утекать, а онъ этого не смыслитъ, и все стоять и все ждать, когда же его возьмутъ голыми руками? Охъ, эти ширмы! Много онѣ бѣды натворили, да и не бѣды только, а настоящихъ преступленій. Правда, что, по его словамъ, тутъ изъ многихъ святыхъ мѣстъ получены имъ подарки. И не столько это, сколько онъ самъ святъ и величественъ изъ-за этихъ самыхъ ширмъ. Такъ онъ благолѣпенъ и медоточивъ, что бери да и пиши его ликъ на икону и ставь ту икону въ славу церковь.

„Вотъ я что хочу рассказать вамъ, — продолжалъ И. В. Кашкадамовъ:—Содержался въ одно время и въ одномъ этомъ же танцевальномъ залѣ бродяжяго и воровскаго російскаго собранія Кореневъ — злодѣй высокой пробы. Онъ 18-ть убійствъ совершилъ и владѣлъ непохѣрною силою духа еще настолько да на полстолька убійствъ. Когда его потомъ приковали на цѣпь и посадили въ одиночную камеру, онъ такъ отрѣзалъ въ отвѣтъ архіерею Θεогносту, что того отшатнуло на нѣсколько шаговъ отъ одного только слова злодѣйскаго (ибо окровавленные руки были прикованы къ собачьей цѣпи).

„Въ то время, про которое я рассказываю, Кореневъ лежалъ съ нами на однихъ нарахъ. Полеживалъ себѣ да посовѣстывалъ. Иногда въ карты игралъ, а чаще по сторонамъ поглядывалъ. Съ Зыкова онъ не спускалъ глазъ. Разъ и толкаетъ меня Кореневъ подъ бокъ локтемъ: „Гляди, Полють Васильчъ, у московскаго-то чудотворца рыба ужъ начала знатно клевать“. Я лично не придавалъ до той поры большого значенія тому обстоятельству, что къ Зыкову дозволенъ былъ доступъ всякому; ходило въ нему народу много, особенно бабы. Известно, ихъ это дѣло—сначала святошей рожать, а потомъ ханжей воскармливать. Къ тому же вѣдомо мнѣ было, что барыни декабристовъ въ городѣ Тобольскѣ, на досугѣ и бездѣлѣ, придумываютъ какую-то новую вѣру и что больше всѣхъ беспокоится объ этомъ Фонвизина. Архіерей Владимиръ и ласкалъ ее и доносы объ ней въ синодъ посылалъ, а она, однако, успѣла натворить то, что на купеческихъ женъ и дочерей нашло самое мистическое настроеніе, замѣсто роднаго язычества. И то не былъ Сведенборгъ настоящій, а что-то около него, только немножко позаволокло мозги туманомъ,—словомъ, одурѣли бабы. На что имъ лучше Зыкова, когда его привезли сюда да прочитали его статейный списокъ, да вѣтеръ кое-что нанесъ, да его самого послушали? Важно кушанье! Чего, помилуйте, лучше? Первостатейную

княгиню убили, въ монастырѣ жилъ, архимандрита загубилъ, въ благотворителяхъ состоялъ, а самъ образованнѣйшій человѣкъ, въ какомъ-то институтѣ курса не кончилъ. Роману тутъ такъ много, что и не выгребешь и не переслушаешь. И въ самомъ дѣлѣ, слушали его очень долго; няня каждый день, какъ одна рябенская купеческая вдова съ двумя пухленькими дочками. Все, бывало, видимъ — проходить онѣ втроемъ за эти ширмы и бесѣдуютъ. А то вдругъ пришла къ нему одна дочка, самая пухленькая, безъ сестры и маменьки. Въ это-то время меня Кореневъ и толкнулъ въ бокъ, да — чертовъ онъ сынъ — такъ-то больно пихнулъ, что я насилу отругался.

„Сталъ Кореневъ помаленьку и предсказывать: „Смотри, — говорить: — Поить Васильичъ, завтра она опять придетъ одна и сидѣть будетъ дольше“. Почему, молъ, ты, дурова голова, знаешь? — „Да ужъ не сумѣвайся! я ихнюю сестру только что не убивалъ, а хороводы съ ними важивалъ и любилъ это дѣло, когда на волѣ жилъ и ножныхъ брушкетовъ еще не надѣвывалъ. Онъ въ монастырѣ не даромъ привыкъ пѣнки снимать“. И предсказалъ проклятый варнакъ: пришла въ самомъ дѣлѣ одна. Намъ изъ-за косака въ ту маленькую комнатку все было видно, потому что двери, по закону, были сняты съ петель. Очень хорошо мы видимъ, какъ она порекнула за ширмочку и даже какъ будто еще и каблучкомъ ее задѣла и покачнула. Кореневъ, лежа на полатахъ, приподнялся даже, оперся на локотки и воззрился, какъ коршунъ. Охъ, воркій у него былъ глазъ и строгій! Когда, бывало, рассердится, врачки такъ и забѣгаютъ, какъ мыши, которыя не найдутъ, въ какую щель безопаснѣе сунуться. Я уже вижу этотъ самый взглядъ и думаю, что и онъ видитъ что-то недоброе. Ну, молъ, худо тому, кто у этого глаза на смотру и на линіи. Меня даже морозомъ по спинѣ продернуло. Однако, Кореневъ меня немного успокоилъ тѣмъ, что, смотру, опять опрокинулся на спину и смотрѣлъ въ потолокъ и даже пѣсню мурлыкаетъ. Дай-ка, молъ, взгляжусь я въ него; ой, худо! онъ рыжую свою бороду закусилъ, приемъ тоже знакомый мнѣ и знакъ весьма внушительный!

„Вышли они парочкою. Зыковъ, какъ вѣжливый кавалеръ, подъ ручку ведетъ барышню. Проводилъ ее за дверь, возвращается. Я и не замѣтилъ, какъ усилъ Кореневъ очутиться съ нимъ лицомъ къ лицу, должно быть, однимъ прыжкомъ, какъ тигры это дѣлаютъ. Понесся по казармѣ его зычный голосъ, неприятно-сильный, какъ у всѣхъ бродягъ, подмоченный и застуженный.

„— Скажи ты мнѣ, дворянскій сынъ, кто изъ всѣхъ л... ?

„Рукою... срежь его за горло и шагу ему не дасть. Самъ оретъ, на свою голову, во всю силу, что было ее въ груди у него и въ горлѣ.

„— Скажи, говорить, кто изъ насъ лучше: ты или я? Не пуцу, пока не дашь ты мнѣ отвѣта.

„Казарма вся гогочетъ. Кто заливается смехомъ, а молодые ребята начали уськать. Я подумалъ: это, молъ, ему будетъ вторая публичная трепка, да послѣдняя ли? Вотъ сторожа показались въ дверяхъ. Мелькнули солдатскіе штаны. Кореневъ, должно быть, это скоро замѣтилъ и началъ накладывать, да такъ быстро, что только кулакъ сверкалъ. Тутъ его и связали ремнемъ и оторвали отъ лежага; онъ и не прекословилъ, даже ногой не брыкнуть. Когда подвали Зыкова, то уже понесли на рукахъ, не могъ идти.

„Долго лежалъ онъ въ тюремной больницѣ. Коренева за это за самое на цѣпъ приковали: но самоуправничай и не озорничай! Про Зыкова мнѣ сказывалъ докторъ нашъ, что у него сильно повреждено легкое и вѣроятно-де приростеть оно къ спинному хребту. Однако, вотъ вы его въ нерчинскомъ заводѣ живымъ выдѣли и онъ еще и васъ успѣлъ обмануть. А не спрашивали вы тамъ про дочку Калининскаго, не рассказывали вамъ про вдовую попадейку? Жаль! Тогда не пришлось бы вамъ сдаваться на его словы и приняли бы вы ширмы за шарманку, слезы — за насморкъ, воздыханія — за привычку дурного воспитанія, а ученое путешествіе — за подвохъ. Ему надо теперь чѣмъ нибудь отличиться и выдвинуться, чтобы попасть сначала хотя въ волостные писаря, а потомъ поискать и высокій чинъ коллежскаго регистратора, который онъ такъ неосторожно обронилъ въ Москвѣ, на Каменномъ мосту. Вотъ онъ и погулялъ бы естли и пѣсенокъ по Забайкальи-то послушалъ бы. Засѣдатели ему въ этомъ дѣлѣ помогли бы: дѣвокъ бы къ нему нагнали, а у семейскихъ онъ такія породистыя и такія гульливыя. Посебралъ бы онъ кое-что изъ веселенькаго и въ печать послалъ, ну, хотя бы въ газету „Амуръ“, что ли. Узнало бы объ этомъ сильное начальство, стало бы объ немъ хлопотать повыше и кричать по всѣмъ землямъ, по всѣмъ странамъ: „Исправился, совсѣмъ исправился нашими стараніями. Нашею помощью вернулся блудный сынъ въ домъ отца своего. Заколемъ на радости теленка или ягненка“, или что иное на тотъ разъ подъ руку попадетъ.

„Не бывать плѣшивому кудреватымъ! Такъ я понимаю это дѣло по пристальнымъ и давнимъ моимъ личнымъ наблюдениямъ. Припоминаю послѣднее объясненіе ваше съ нимъ, которое я уже разъ отъ него самъ слышалъ, когда онъ въ тобольскомъ острогѣ отвѣчалъ на вопросы генераль-губернатора. Онъ тоже тогда игралъ зрачками. Я какъ сейчасъ помню слова егѣ: „Я — великій грѣшникъ!“ и слышу его вздохъ. Онъ былъ даже настолько неостороженъ въ то время, что стукнулъ кулакомъ себя въ грудь, по актерски. Припоминаю рассказъ вашъ о свиданіи, мнѣ хочется задать послѣдній вопросъ:

что лучше: цинизм ли бродяги Коренева или мистицизм горожанина Зыкова? Лично я надъ этимъ вопросомъ никогда не задумывался, можетъ быть потому, что привыкъ на каторгѣ дѣлать все тотчасъ же, какъ только задумалъ. Повѣрять себя нѣкогда,—сейчасъ въ барабанъ забьютъ,—и оглянуться не успѣешь. Я всегда

былъ твердо убѣжденъ, что изъ Коренева, при благопріятныхъ условіяхъ жизни, всегда могъ выйти человѣкъ хотя на что нибудь годный; Зыковъ — безнадежно неисправимъ. Счастлива вся наша русская каторга именно тѣмъ, что такихъ отвратительныхъ личностей попадаетъ на ней очень мало“.

Г Л А В А XII.

ПРЕСТУПНИКИ ПРОТИВЪ СЕМЕЙНЫХЪ ПРАВЪ.

Развратъ.—Кровосмѣшеніе.—Снохачи.—Сводные браки.—Прелюбодѣяніе.—Растлѣніе и насилваніе.—Мужежество и скотоложество.—Развратное и порочное поведеніе дворовыхъ и крестьянъ.—Ябедничество и клеузнничество чиновниковъ.—Ложные доносы.—Неуживчивость чиновнаго люда въ Сибирѣ.

Оскорбленіе родителей и непослушаніе, въ примѣчательномъ большинствѣ случаевъ, оказывали сыновья. Преступленіе это всѣхъ наименше можно считать женскимъ: въ двадцать лѣтъ на 69 мужчинъ ушло въ Сибирь 2 женщины, мимо монастырей и всякаго рода исправительныхъ заведеній. Слабо высказываясь своими особенными характерными чертами, преступленіе это въ Сибирѣ успѣло опредѣлиться, во весь этотъ длинный періодъ времени, только кое-какими признаками, много не говорящими: шло среднимъ счетомъ по три человѣка въ годъ. Сильнѣе выразилось это преступленіе абсолютною цифрою у государственныхъ крестьянъ, затѣмъ у мѣщанъ и дворянъ, а наибольшую пропорцію въ купечествѣ; въ общемъ числѣ всѣхъ сосильныхъ ему принадлежатъ самое послѣднее мѣсто во свидѣтельство той высокой степени положенія, на которой стоитъ родительская власть, злоупотребившая на этотъ разъ своимъ правомъ и не способная сладить домашними средствами въ этихъ исключительныхъ (70) случаяхъ (въ 20 лѣтъ). Деспотизмъ и несостоятельность самосуда, выразившіеся сильнѣе въ купечествѣ (по процентному отношенію), вызвали наибольшее число сосильныхъ за 20 лѣтъ изъ губерній: Курской (7), Вологодской (6), Ярославской (5), Пензенской и Тамбовской (по 4).

Сюда сибирскія табели до 1844 г. относили еще „принятіе чужой фамиліи“ и „прелюбодѣяніе“, какъ преступленія, направленные противъ правъ семейственнаго состоянія; но первое, при широкомъ приспособленіи въ бѣгахъ и сильномъ примѣненіи къ бродяжеству, въ табеляхъ выдѣляется слабо, а прелюбодѣяніе смѣшивается съ плотскими преступленіями, а потому мы и переходимъ прямо къ нимъ*).

*) Также слабо и безхарактерно, временами даже не выдѣляя вовсе, объясняютъ тобольскія цифры: неплатежъ податей (въ 4 г. съ 1838 по

Изъ плотскихъ преступленій по прелюбодѣянію замѣчается сильнѣйшая наклонность въ женщинахъ и, по свидѣтельству сибирскихъ цифръ, виновность ихъ (по всѣмъ родамъ преступленій) на этотъ разъ представляется самою характерною на ряду съ преступленіемъ убійства дѣтей (по прелюбодѣянію одинъ мужчина на пять женщинъ, по убійству дѣтей 1 на 19). Почти исключительно усвоенный женщинами (по числу сосильныхъ), тотъ же порокъ прелюбодѣянія, по житейскому опыту, сильнѣе свидѣтельствуеетъ не о невинности мужчинъ, а о той ловкости увертокъ, къ какимъ удачше прибѣгаютъ послѣдніе, злоупотребляя своимъ правомъ сильного и счастливо пользуясь болѣе обезпеченнымъ и лучше устроеннымъ общественнымъ положеніемъ. Обвиненія, не одобряемая сильнымъ, ложатся всею тяжестью на безсильнаго, страдающаго отъ общественнаго презрѣнія. По процентному отношенію наибольшая наклонность замѣчается въ военномъ сословіи (у мѣщанъ больше, чѣмъ у крестьянъ), а солдаты чаще другихъ дѣлаются жертвами обвиненія на судѣ и ссылки. Всего больше ушло виновныхъ всякаго пола и возраста (за прелюбодѣяніе, кровосмѣшеніе и насилваніе) изъ губерній Пермской (въ 20 лѣтъ 60 м. 15 ж.) и изъ южныхъ: Харьковской (32—5), Полтавской (28—12) и Херсонской (21—7).

1842 г. 12 челов.); подлоги въ отиравленіи рекрутской повинности, сильнѣе выразившіеся въ цифрахъ отдѣла табелей, озглавленнаго «тѣлесныя поврежденія себѣ и другимъ съ намѣреніемъ избѣгать службы». Точно также въ одно время выяснилась «лживая присяга» и произвольно пропадала вслѣдъ за другими, исчезая тамъ, гдѣ этого вовсе и ожидать было нельзя. Принятіе чужой фамиліи или переимѣненіи имени и прозванія въ Россіи преступленіе не такъ часто, въ Сибирѣ—дѣло обычное, съ большимъ успѣхомъ практикуемое поселенцами и каторжными. Въ однихъ нерчинскихъ заводахъ десять лѣтъ уличили и засадили таковыхъ 156 человѣкъ, да за «ложный звѣтъ» одного.

Съ меньшею или большею цифрою ссыльных за плотскія преступленія являются и всѣ до одной другія русскія губерніи.

Дѣйствуя съ большою силою въ большихъ городахъ, развратъ, по рассказамъ путешественниковъ, царствуетъ на всемъ пространствѣ земного шара, существуя подъ двумя главными формами: публичнаго и тайнаго. Нѣкоторые статистики, рассматривая его въ обоихъ видахъ, пришли къ тѣмъ положительнымъ выводамъ, что цифра разврата крупнѣе между 16 и 28 годами человѣческаго возраста, что отъ 14 до 28 лѣтъ она идетъ въ возрастающей прогрессіи, а съ 28 до 40—въ уменьшающейся. Съ послѣдняго термина (40 лѣтъ) прогрессія начинаетъ падать примѣчательно быстро, такъ что въ 50-ти-лѣтній возрастъ доходить до нуля. Замѣчено при этомъ, что развратъ, преимущественно, любитъ гнѣздиться въ семействахъ и между тѣми лицами, которыя соединены кровными узами и, по преимуществу, заражаетъ сестеръ. Чаше предается разврату дочь при матери, показывая, до какой степени развращенія доходятъ иныя семейства, гдѣ сама мать подаетъ примѣры распутства собственнымъ дѣтямъ. Особенно примѣтно это въ средѣ бѣдняковъ большихъ городовъ. Въ деревняхъ порокъ этотъ подчиняется отчасти давнему, укоренившемуся за долгое время обычаю, отчасти зависитъ отъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ и временныхъ обстоятельствъ. Къ числу послѣднихъ относятъ стороннія вліянія, зависящія отъ причинъ географическихъ (сильнѣе развратъ въ приморскихъ мѣстахъ и городахъ отъ прилива матросовъ весною и лѣтомъ) и экономическихъ (напр., чаще паденія женщинъ совершаются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуютъ дальніе и продолжительные отхожіе промыслы). Кое-гдѣ вліяютъ на то же нѣкоторые предрасудки религіозныхъ сектъ, изъ которыхъ сильнѣе другихъ выясняются безпоповщина и хлыстовщина. Существенною же и вѣроятною причиною считается быстрое увеличеніе военнаго сословія съ продолжительными стоянками одинокихъ солдатъ въ губерніяхъ, существующихъ сторонними заработками на отхожихъ промыслахъ. Причина усилена дважды: покинутая мужемъ солдатка грѣшитъ нарушеніемъ вѣрности дома, въ то время, когда солдатъ соблазняетъ чужую жену на чужой сторонѣ. Тѣмъ не менѣе, во многихъ неспорченныхъ солдатскими стоянками мѣстахъ, гдѣ наплывъ холостой молодежи не дѣйствителенъ, противъ согрѣшившихъ существуютъ домашнія мѣры взысканія, мірскаго самосудъ, такъ же строгій и неуступчивый, какъ и всякій народный самосудъ на разныхъ преступниковъ. Въ Вѣлороссіи и Малороссіи наказываютъ виновныхъ вмѣсто того и другого: на мать, отдающую дочь лишенною невинности въ замужество, на-

дѣвають хомутъ и заставляютъ прыгать черезъ огонь или бѣгать по полю и лаять по собакамъ; на дочь надѣвають бабью кичу безъ обрядовъ, не въ избѣ, а въ сѣняхъ и на дворѣ; не прицѣпляютъ красной ленты на наметку, не поятъ красною водкою. Съ уличенныхъ въ прелюбодѣніи женщинъ срываютъ платки на народѣ, простоволосятъ, т. е. позорятъ самымъ тяжкимъ оскорбленіемъ, мажутъ ворота и двери дегтемъ и проч. Евреи западныхъ губерній поступаютъ еще суровѣе. Нарушившую цѣломудріе приводятъ въ школу (синагогу), здѣсь плюютъ на нее, бросаютъ въ лицо тряпки, намоченныя нечистотами; потомъ одѣвають въ оборванную солдатскую шинель, въ высокій колпакъ, даютъ въ руки шесть со рваною шапкою (магеркою) наверху, связываютъ назадъ руки и на веревкѣ водятъ по мѣстечку. Проходящія имѣютъ право бросать тѣмъ на поплаво и плевать въ лицо сколько угодно.

Къ числу укоренившихся народныхъ обычаевъ, которые, отчасти, можно считать историческими, относится, между прочимъ, обычай искать не жену сыну, а въ домъ безплатную работницу, приобретаемую одновременнымъ и необременительнымъ взносомъ калыма („выводного“). Цѣль достигается женитьбою недоростковъ на взрослыхъ, вошедшихъ въ полную силу дѣвушкахъ,—цѣль, которая и теперь не покинута во многихъ глухихъ и отдаленныхъ мѣстностяхъ. Обычай этотъ, сверхъ того, обусловленный обыкновеніями уходитъ на дальніе заработки у крестьянъ и на долговременную службу у казаковъ, съумѣлъ породить новый видъ, тотъ видъ преступленія, который называется кровосмѣшеніемъ и слыветъ въ народѣ подъ именемъ „снохачества“. Отецъ, уславшій сына на службу или на работу, свекоръ, возлагающій сыновнія работы на жену его, сноху свою, на старости лѣтъ впадаетъ въ грѣхъ любовныхъ связей, включаетъ себя въ число снохачей. Когда исходятъ годы и молодому работнику настаетъ надобность и возможность возврата домой (чтобы тамъ и остаться), по смерти отца онъ находитъ жену перестаркомъ, ищетъ любви на сторонѣ, грѣшитъ прелюбодѣніемъ и, въ свое время и въ свою очередь, становится снохачемъ—типомъ людей, осмѣянныхъ во множествѣ скандальныхъ анекдотовъ, поговорокъ, загадокъ и пѣсенъ. Такими людьми примѣтно усиливается цифра тѣхъ, которые высылаются въ Сибирь за кровосмѣшеніе. Кровосмѣшенію со снохою и со свекромъ принадлежатъ первое мѣсто; отцу съ дочерью и невесткѣ съ деверемъ второе; деверю съ невесткою и сестрѣ съ братомъ—третье; вотчиму съ падчерицею и племянницѣ съ дядею—четвертое. Остальные случаи очень рѣдки, но большая часть сопровождается насиліемъ (въ особенности кровосмѣшеніе отца съ дочерью), и только снохачество

является формой любовной связи, закрѣпленною на обоюдномъ (менѣе принудительномъ) соглашеніи. Мужчина чаще всего понадается въ этомъ грѣхѣ въ возрастѣ отъ 50 лѣтъ и не останавливается, а еще больше грѣховодничаетъ и въ лѣта свыше 60-ти. Для жертвъ соблазна и изнасилованія ранній возрастъ женщинъ становится роковымъ, въ особенности между 20 и 30 годами *). По губерніямъ, кровосмѣсители всего больше понесли наказаніе въ Тобольской, Вятской, Пермской, землѣ Донскихъ казаковъ, Полтавской и Харьковской; изъ послѣдней, какъ изъ мѣста военныхъ поселеній, изъ первыхъ пяти, какъ такія, которыя преимущественно живутъ по старозавѣтнымъ обычаямъ; Тобольская, къ тому же и ссыльная, умѣющая отвѣчать на всѣ роды и виды всяческихъ преступленій. Губерніи безъ отхожихъ промысловъ, а въ особенности бѣлорусскія и сѣверныя, свободны въ этомъ отношеніи отъ всякаго упрека.

Во всякомъ случаѣ южныя губерніи по всѣмъ родамъ плотскихъ преступленій успѣли подтвердить законъ о наибольшемъ возбужденіи плотскихъ страстей въ силу климатическаго вліянія. Если же отъ приблизились къ сѣверо-восточнымъ губерніямъ, то въ силу лишь того, что губерніи эти населены исповѣдниками Магометова закона и заводскими рабочими, съ дурно обезпеченнымъ и плохо устроеннымъ семейнымъ бытомъ. Естественныя условія сравнялись съ искусственными и въ этомъ отношеніи оспариваютъ другъ у друга взаимный перевѣсъ. Кровосмѣшеніе же въ Сибири преступленіе настолько давнее, что объ немъ находимъ свидѣтельство еще въ обличительной грамотѣ патріарха Филарета, присланной сибирскому архіерею Кипріану въ 1622 году. Казаки, первые обитатели Сибири, не носили крестовъ, не хранили постовъ, жили съ кумами и сестрами своихъ женъ, находя себѣ оправданіе въ недостаткѣ женщинъ. Московская грамота, выданная Ермакову послу-атаману Кольцу, при возвратѣ его изъ Москвы, позволяла казакамъ увозить изъ городовъ женъ и дѣвицъ, и Филаретова грамота силсилась воспретить подобное умыканіе дѣвицъ, существовавшее въ его время еще во всей своей силѣ. Филаретъ приказывалъ выслать эту грамоту въ Москву и считать привилегію неумѣстною. Имъ же воспрещалось житье русскихъ съ некрещеными женами, воспрещалось совмѣстное житье монаховъ съ монахинями въ одномъ монастырѣ, воспрещалось тѣмъ и другимъ уходить изъ обителей и жить въ мірѣ, обличались воеводы, продававшіе въ замужество

*) Въ 9 лѣтъ общее число кровосмѣсителей равняется 61 мужч. и 48 жен. Чаще другихъ этотъ видъ преступниковъ заявлялся въ средѣ крестьянъ одинаково, но особенно сильную склонность обнаружили бывшіе военные поселенцы и казаки (донскіе). Вообще, плотскія преступления у казаковъ являются на первомъ планѣ.

краденныхъ въ Россіи дѣвицъ и заставлявшіе при себѣ ихъ вѣнчать. Въ 1637 году присланы были изъ Россіи: изъ Вологды, Тотьмы, Устюга и Соль-Вычегодска 150 дѣвицъ для женитьбы казаковъ, сверхъ 500 семей, обязанныхъ поставить въ послѣдствіи невѣсты; но въ 1725 г. митрополитъ Филоеѣй извѣщалъ губернскую канцелярію, что казаки, посланные за ясакомъ, вмѣсто подводчиковъ берутъ красивенькихъ остяцкихъ дѣвушекъ и дорогою ихъ насилуютъ. Въ послѣдствіи узнано было, что русскіе березовцы издавна покупаютъ у остяковъ дѣтей, плата за мальчиковъ по 25 коп. мѣдою и по 20 коп. за дѣвочку. Распушенность нравовъ въ прошломъ столѣтіи была такъ же велика, какъ и въ предшествовавшемъ: воеводы и сильные люди, не исключая амурскаго героя Хабарова, отнимали чужихъ женъ и жили съ ними блудно. Мужья, измученные невѣрностью женъ, принуждены были прибѣгать къ чародѣйствамъ и знахари подслуживались имъ различными способами оригинальными способами привораживания: скоблили съ избѣ струги, смѣшивали съ колесною грязью, распускали въ банной водѣ и давали пить невѣрнымъ женамъ, шептали на воскъ и на сѣру и прилѣпляли къ кресту; брали съ головы волосы, шептали на нихъ и велѣли носить при себѣ рогоносцамъ; шептали по волшебнымъ книгамъ у бѣлой березы всякіе наговоры и невѣрныхъ женъ привязывали къ этимъ березамъ; водили въ баню и кормили тамъ волшебными колобками изъ воску, печины, соли, волосъ и всякой неподходящей дряни. Сибирь продолжала устанвать на своемъ и въ 1836 году одинъ изъ губернаторовъ сибирскихъ писалъ: „Не говоря о мужикахъ, женщины и дѣвки безъ стыда ходили въ кабакъ пьянствовать“. Легкая нравственность и вольная жизнь, выражаемая терминомъ „прелюбодѣяніе“, представляются въ женскомъ населеніи Сибири явленіемъ довольно обыкновеннымъ, причину котораго слѣдуетъ искать въ неравномерномъ пропорціонномъ отношеніи мужчинъ къ женщинамъ, въ портѣ, приносимой поселенцами, и въ обычаяхъ страны, практикуемыхъ съ древнихъ временъ, каковыя сильнѣе всякаго закона. Въ сытой жизни не только въ мѣстахъ золотопромышленныхъ, но и во всѣхъ сибирскихъ, находится много возбуждающихъ причинъ, какъ вызововъ тѣхъ явленій, которыя называются распутствомъ, считаются безнравственностью. У тюменскихъ сытыхъ старовѣровъ издавна пристраиваются займки, на которыхъ они держатъ вторыхъ женъ и сами наѣзжаютъ туда для развлеченій и удовольствій, въ числѣ которыхъ главное мѣсто принадлежитъ пьянству и играмъ съ бабами и дѣвицами. Въ Алтайскихъ горахъ тамошніе старовѣры извѣстны, между прочимъ, тѣмъ, что нѣтъ дома, гдѣ бы не было извѣстныхъ сибирскому люду и любезныхъ ихъ сердцу

подворищъ. Бывшая слобода Кія, теперь городъ Маринскъ, нѣкогда центръ наймовъ рабочихъ на золотые промыслы, вела торговлю крѣпкими винами, всякимъ товаромъ и различными сладкими яствами во всевозможныхъ широкихъ приспособленіяхъ. Слава ея не меньше Енисейска, гдѣ не такъ давно на встрѣчу выходившимъ изъ тайги съ золотыхъ промысловъ рабочимъ выходили мѣщане съ женами и дѣвками и съ виномъ. Отцы поили виномъ, бабы и дѣвки, славящіяся своею красотою, зазывали къ баню, въ дома; тамъ опять напивали, обирали до нитки, возбуждали ссоры и драки и безконечныя дѣла, которыми Енисейскъ и Красноярскъ издавна весьма славятся. Про города эти сложились въ народѣ такія поговорки, которыя не годятся для печати. Войкія, рослыя, видныя бабы семейскія за Байкаломъ сильно попяиваютъ и скромничаютъ въ разговорахъ и въ средѣ тамошняго населенія нравственностью своею не славятся, въ соотвѣтствіе тѣмъ единовѣрцамъ своимъ, которыми переполнена губ. Тобольская. Тамъ издавна весь отвѣтъ потерявшей невинность дѣвушки состоитъ въ томъ, чтобы придти и пасть въ ноги родителямъ: „Простите, я въ упаденіе пала“, и подвергнуться за это эпитимію. У семейскихъ за Байкаломъ существуютъ на святкахъ кладки—родъ свальнаго грѣха. Своды разрѣшаются просто: баба бросаетъ кину подъ лавку и объявляетъ, что она дѣвка. Сводные браки тамъ не удержались долго именно по тому, что давали просторъ бабамъ уходить къ другому и отвѣчать начальству, что не были вѣнчаны. Тамъ, по этому случаю, даже самые ярые старовѣры стали прибѣгать къ вѣнчанію въ православныхъ и единовѣрческихъ церквахъ, чтобы закрѣпить за собою жену и не плакаться потомъ надъ потеряннымъ калымомъ. Такъ, подъ влияніемъ такихъ неблагопріятныхъ супружеской жизни бытовыхъ основъ, странникъ и скиталецъ тюменскій, посадскій человекъ Михаилъ Васильевичъ Десятинъ, во второй половинѣ прошлаго вѣка, сумѣлъ организовать особый толкъ, названный по его имени десятинскимъ. Толкъ этотъ не многолюденъ, но, тѣмъ не менѣе, придерживаются его и въ Тюмени, и въ деревняхъ: Першиной, Межборной, Галевои и Сунгуровой. Десятинъ объявился на всегда холостымъ для спасенія души на старости лѣтъ и поселился въ скитѣ въ дѣсу близъ деревни Черепановой (Тебаницкой вол. Курганскаго округа). Деревня эта при ревизіи уничтожена была по случаю неприяностей, наносимыхъ каторжными казеннаго Боровлянскаго виннаго завода. Здѣсь Десятинъ перекрестилъ себя яко бы по примѣру равноапостольной Феклы, препод. Теофана, Дросиды (дщери царя Траяна) и друг. День и ночь онъ читалъ книги, молился и тѣмъ привлекъ поклонниковъ и подражателей, посе-

дившихся около него скитами. Десятинъ ихъ перекрестилъ. Ему наследовалъ крестьянинъ Вас. Матв. Гусевъ (онъ же Садковъ), переселившійся за пустынное озеро, гдѣ былъ потомъ стеклянный заводъ Вархатовыхъ, тоже въ Тебаницкомъ бору (ум. 1805). Десятинцы вѣрили въ то, что ежеминутно надо ожидать второго пришествія, а потому для браковъ прощью время. Свѣнчанную жену считаютъ за блудницу и потому свѣнчанные ихъ толка всегда подъ эпитимію. Мужу не дозволяется сходитья съ женою, — и этимъ крутымъ воспрещеніемъ секта достигла противоположныхъ результатовъ — развратъ усилился, хотя въ согласъ и поступали больше старики. Къ своей женѣ мужъ могъ ходить не иначе, какъ черезъ окно, въ темную пору. Старики смотрятъ на это сквозь пальцы, пока нѣтъ во чревѣ; тогда на обоня возлагается строгая эпитимія. Сосѣди заподозрѣваютъ ихъ даже въ кровосмѣшеніи но завѣту: „подобаетъ дѣлателью отъ плода своего вкусити“ и ведутъ сплетню о правѣ сожителства въ ихъ толкѣ отца съ дочерью, брата съ сестрою. Но и на этотъ разъ, какъ и во всѣ прочіе по вопросу о сектаторахъ, отдѣльные частные случаи ничего не доказываютъ.

Своды или сводные браки у старовѣровъ понимаются различно: одни бракъ въ православной церкви признаютъ въ гражданскомъ, другіе въ церковномъ смыслѣ и непременно вѣнчаются, чтобы жена не обѣжала. Свѣнчаншихся въ церкви одни исправляютъ: налагаютъ эпитимію, иногда очень значительную (нѣсколько лѣстовокъ, т. е. нѣсколько разъ по сту поклоновъ; отлученіе въ молитвѣ, въ пищѣ); другіе не полагаютъ и того. Вѣнчаются и съ подписками и безъ подписокъ; вѣнчаются и сводятся съ православными, бываетъ и наоборотъ. Когда усилились сводные браки, одни позволили признать ихъ законными, какъ Родіоновщина тюменская, другіе продолжали вѣнчаться въ церквахъ, разумѣется предпочитая православнымъ церквамъ единовѣрческія, гдѣ все-таки водятъ по солонь. Поддержковники (ноповцы) вѣнчаются въ православныхъ и единовѣрческихъ церквахъ, но потомъ ихъ исправляютъ. Теперь свои выборные обществомъ старикъ или старуха (но не наставники, которые ни вѣнчаютъ, ни крестятъ) прочитываютъ чинъ вѣнчанія. Прежде это дѣлали бѣглецы поны въ Екатеринбургѣ въ Полетицовой или Рязановской часовнѣ съ наложеніемъ эпитиміи, куда сибиряки нарочно ѣздили. Появленіе сводныхъ браковъ усилилось съ того времени, какъ умеръ (въ 1835 г.) послѣдній погъ ихъ Никола (бѣжавшій въ 1812 году изъ имѣнія Куракина, а потому Куракинскій). До того времени отпѣвали покойныхъ по канону за единоумершаго, совершали вечерни, повечерницы, полуночницы, утрени и часы, развѣзая по округу, бѣгле

попы изъ Пензенской епархіи Иванъ Грузинскій, Парамонъ Лебедевъ, Петръ Андреевъ и самозванные попы изъ крестьянъ: Аристархъ, Гаврило, Максимъ и болѣе другихъ извѣстный Никола Куракинскій (Парамонъ, во время гоненій, присталъ къ единовѣрью въ 1838 году и поступилъ въ единовѣрческой екатеринбургскій приходъ; другіе всѣ, кромѣ Николы, бѣжали на Ирғизъ и Керженецъ).

Среди заводскаго населенія, въ особенности организовавшагося изъ ссыльнаго люда, нравственность глубоко потрясена. Тамъ оправдываютъ развратъ, какъ промыселъ, вынужденный безвыходною нуждою, и признають за нимъ право, оправданное и отвоеванное цѣлымъ столѣтіемъ. Гмелинъ нашелъ въ Дауріи сифилисъ въ застарѣлыхъ формахъ до elephantiasis'a (слоновой проказы) въ то время, когда о сифилисѣ въ Россіи не имѣли еще никакого понятія. Распустство въ нерчинскихъ заводахъ весьма распространено, почти открытое, и къ тому же нерѣдко весьма раннее. Здѣшнія дѣвочки легко относятся къ своей невинности, зная, что дѣвичьи роды здѣсь грѣхомъ не считаются, а женихи смотрять болѣе на образованіе: руководѣна ли, трудолюбива ли и можетъ ли вести хозяйство. Употребленіе вина дѣвучками и женщинами, обычное по цѣлой Сибири, на ссыльныхъ мѣстахъ Забайкалья кончается только по географическимъ причинамъ. Сифилисъ страшно распространенъ между заводскимъ народомъ, поэтому знахарямъ и знахаркамъ и ламамъ бурятскимъ работъ много, на сулему и киноваръ—расходъ большой; сулему пьютъ въ винѣ, киноваръ курять съ табакомъ въ трубкахъ.

Проведеніе растлѣніе и насилуванье, снѣшиваясь на самогъ дѣлѣ съ виновными въ сравнительномъ и развратномъ поведеніи и съ преступными въ кровосмѣшеніи, въ тобольскихъ табеляхъ временами учитывались отдѣльно, но, къ несчастію, и на этотъ разъ спутаны съ тѣми, которые способствовали преступленію. Разсматривая ихъ отдѣльно, нельзя не видѣть, что съ насиліемъ преимущественно пускались въ плотскую любовь люди военнаго званія, съ тою привиллегіею передъ всѣми ссыльными этого вида, что плотскія насилія военныхъ людей отличаются самою большою пропорціею и уступаютъ только виновности ихъ въ убійствахъ. Въ этомъ преступленіи особенно также отличается дворянство. У мѣщанъ наклонность къ насилію и растлѣнію сильнѣе, чѣмъ у крестьянъ, но у послѣднихъ, сравнительно съ первыми, живѣе порывы къ кровосмѣшенію и противоестественному удовлетворенію страстей (мужеложству и скотоложству). Большое число ссыльныхъ по обоямъ видамъ дали тѣ же губерніи: Харьковская, тогда богатая военными поселеніями, Полтавская, противопоставившая пле-

менное свойство цѣломудрія нападеніямъ солдатъ, и неизмѣнными Пермская съ Тобольскою, умѣющія путаться во всякомъ преступномъ грѣхѣ, и гдѣ изнасилованіе готовы производить и холостые заводскіе работники, и истосковавшіеся бродяги и обрекаемые на монастырское цѣломудріе поселенцы.

Общее число сосланныхъ за противоестественное удовлетвореніе страстей, и именно за тотъ видъ этихъ преступленій, который носитъ названіе скотоложства, въ 9 лѣтъ равнялось 50 мужч. Больше число выслали губерніи Пермская и Вятская; изъ нихъ въ одной (Вятской) это преступленіе находить оправданіе въ стародавнемъ суевѣрномъ обычаѣ лечиться отъ лихорадки, когда истощены всѣ вѣдомыя и симпатическія и самыя ѣдкія средства, неэффективность которыхъ вызываетъ, такимъ образомъ, послѣднее и самое отчаянное, обѣщающее сылку. Подъ влияніемъ послѣдней, преступленіе не исчезаетъ и на каторгѣ, очень бѣдной женщинами, и является въ присылаемыхъ на исправленіе субъектахъ такимъ родомъ преступныхъ дѣяній, который всего чаще усвоивается пастухами, бѣглецами, не помнящими родства, и на довольно значительную часть заявляется на каторгѣ дураками-баженниками, т. е. идиотами. Въ этихъ людяхъ, обездоленныхъ нравственными чувствами, съ извращенными вкусами по физиологическому уродству организма, преступность отразилась съ очевидностью, рѣзко бросающеюся въ глаза на мѣстахъ сылки. Тобольская губ. и самый городъ Тобольскъ выдѣляются по этому роду преступленій впереди всѣхъ другихъ. Причина очевидна въ примѣтномъ недостаткѣ женщинъ; однако же, по дѣламъ приказа было видно, что вообще число обвиняемыхъ въ скотоложствѣ годъ отъ году уменьшалось.

Мужеложству принадлежитъ самая меньшая цифра: въ 9 лѣтъ только четыре случая выпали на долю государственныхъ крестьянъ Россіи. Въ Сибири, въ каторжныхъ тюрьмахъ, это матросское преступленіе сдѣлалось исключительно арестантскимъ. Здѣсь педерастія, надежно пристроившись по выводу кое-какихъ покровительствующихъ причинъ, по свидѣтельству врачей, обнаруживаетъ несомнѣнные и очевидные признаки, при осмотрѣ зараженныхъ сифилитической болѣзнію. Въ нерчинскихъ тюрьмахъ зачастую находили первичныя язвы не тамъ, гдѣ показано, а *circa anus* или же *in recto*.

На сколько незначительна общая сумма сосланныхъ за плотскія преступленія сравнительно съ общимъ числомъ наказанныхъ Сибирию, на столько велика другая цифра ссыльныхъ, которыхъ приказъ силится названіемъ приравнять къ этимъ и называлъ иногда ссыльными за развратное, иногда только за дурное поведеніе или за дерекіе поступки. Въ самогъ же дѣлѣ

это—люди, удаленные на житье въ Сибирь по волѣ помѣщиковъ, по ихъ просьбамъ, съ темнымъ и неопредѣленнымъ обозначеніемъ ихъ преступности. Все это — жертвы умершаго въ наши дни произвола и особый разрядъ ссыльныхъ, сосланныхъ не по суду, а по административнымъ распоряженіямъ (объ немъ послѣ). Ни о какой особенной развращенности нравовъ эти жертвы не свидѣтельствуютъ и мѣрякомъ для объясненія нравственнаго уровня владѣльческихъ крестьянъ служить онѣ ни въ какомъ случаѣ не могутъ. Временное возростаніе или уменьшеніе цифръ по годамъ зависитъ отъ измѣненія различныхъ постановленій: правилами 1827 г. не велѣно ссылать дряхлыхъ, увѣчныхъ, женъ безъ мужей и мужей безъ женъ и вмѣстѣ съ малолѣтними дѣтьми (мужескаго пола до 5-ти, женскаго до 10-ти лѣтъ), не ссылать людей старше 50 лѣтъ. Съ 1829 г. установлена правильная ссылка мѣщанъ и казенныхъ поселянъ по приговорамъ обществъ, а чрезъ два года запрещено женамъ государственныхъ крестьянъ и мѣщанъ слѣдовать за мужьями. Иногда цифры доказываютъ, что злоупотребленіямъ силою и властью, по временамъ, полагались предѣлы и произволъ сдерживался въ границахъ возможнаго приличія законными постановленіями. Такъ, напр. (указомъ 8 января 1827 г.), увеличилась сибирская цифра оттого, что дозволено слѣдовать за мужьями женамъ людей, ссылаемыхъ на поселеніе по просьбамъ помѣщиковъ. Увеличилась цифра сосланныхъ изъ недовольныхъ тѣми способами приспособленія крѣпостного труда, какіе вздумали примѣнять владѣльцы въ черноземныхъ губерніяхъ, заводившіе заводы и фабрики. Въ Пензенской губ. возмущились всѣ мастеровые Сильвинскаго завода, купца Манухина, въ Тамбовской мастеровые Виндреевскаго завода г-жи Очкиной. Въ 1827 г. (сенатскимъ указомъ 28 июня), по вызову этихъ случаевъ, на просьбу Манухина зачинщиковъ сослать въ Сибирь, дано позволеніе горнымъ заводчикамъ посылать на поселеніе ихъ заводскихъ людей за дурное поведеніе, безъ зачета за рекрутъ. Случай, вызвавшій это постановленіе, рассказанъ „Полнымъ Собраніемъ Законовъ“ въ такомъ видѣ: помѣщикъ Рязскаго уѣзда, ротмистръ Батуричъ, привлекалъ жену своего двороваго Трофимова къ прелюбодѣянью и, по несогласію ея, дѣлалъ обоемъ наказанія и притѣсненія, разлучалъ въ разные мѣста и, наконецъ, чтобы удобнѣе достигнуть своей цѣли, предложилъ отправить его въ Сибирь за дурное поведеніе (жену же оставитъ на усадьбѣ). Жена объявила, что не желаетъ разстаться съ мужемъ.

Въ виду этой разницы понятій о развратномъ и дурномъ поведеніи и подъ защитою стариннаго права (*ius primae noctis*), объявившагося у насъ изъ подражанія и въ западномъ

краѣ практикованнаго въ числѣ прочихъ приѣмовъ Польши (оставшейся, по крупности не понятіямъ, средневѣковой до нашихъ дней), мы считаемъ излишнимъ входить въ подробности старыхъ грѣховъ и вспоминаемъ о немъ теперь по поводу учета людей, заселявшихъ Сибирь не по доброй волѣ. Воля и произволъ помѣщиковъ успѣли выслать въ Сибирь 6.886 поселенцевъ только въ 20 лѣтъ и съ тою особенностью на практикѣ, что приговоры частныхъ людей были не милостивѣе и не снисходительнѣе приговоровъ мірскихъ обществъ *). При этомъ помѣщичій произволъ готовнѣе раздѣлялся и разлучался съ дворовыми, чѣмъ съ оброчными крестьянами; охотнѣе прогоняли отъ себя владѣльцы уральскихъ и другихъ заводовъ своихъ рабочихъ, и затѣмъ мѣщанскія общества порочныхъ людей своего соловія. Солдаты оказались меньше, потому что для нихъ существуютъ дисциплинарныя мѣры взысканій, но изъ духовенства выслано въ Сибирь на житье больше, чѣмъ изъ купечества. При этомъ замѣчательно, что съ расширеніемъ полицейскихъ правъ различныхъ обществъ и съ усиленіемъ значенія помѣщичьей власти надъ крѣпостными людьми, невыгоды *status in statu* не замедлили возрасти прогрессивно. Помѣщичья власть успѣшила сослать вдвое противъ прежняго. Въ пять лѣтъ, предшествовавшихъ 1836 году, сослано по волѣ помѣщиковъ 882 чел., а въ слѣдующее пятилѣтіе (съ 1837 по 1841 г. уже 1.980, но затѣмъ въ пятилѣтіе съ 1842 по 1846 г. сослано 2.775 чел. Сталось такимъ образомъ то, что за возмущеніе сослано всего больше крестьянъ и при этомъ наибольшая порція замѣчается у крестьянъ владѣльческихъ. Высшимъ процентомъ ссыльныхъ за дурное поведеніе отличаются дворяне (за ними заводскіе, фабричные и мѣщане). Въ числѣ губерній съ наибольшимъ процентомъ высланныхъ за дурное поведеніе стоятъ обѣ столичныя и чрезвычайно характерно выдѣляются остзейскія, стоятъ на первомъ мѣстѣ именно Эстляндская. Сибирскія цифры людей, сосланныхъ за порочное поведеніе, указываютъ на большую силу произвола, не сдержаннаго правильною регла-

*) Между крестьянами больше доставалось женщинамъ и количество сосланныхъ образуетъ перевѣсъ въ эту сторону. Между государственнымими крестьянами наибольшій процентъ сосланныхъ за порочное поведеніе принадлежитъ малометанамъ (татарамъ и башкирамъ). Ушло много грузинъ, черемисъ и мордвы. Чуваши и вотяки всего чаще высказывались непослушаніемъ и неповиновеніемъ властямъ. Развратное же поведеніе можно считать преимущественно инородческимъ, самое большое число сосланныхъ ушло за него (кромя киргизовъ — грабителей, да татары особенно любятъ бѣгать изъ сыленъ и изъ подстражи). Мѣстныя начальства и мірскія общества, дѣйствуя вдвоемъ при руководствѣ разнородными требованіями, выслали 6.129, помѣщичи—6.886.

ментациею и разнузданного потворствомъ въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: изъ остзейскихъ губерній—въ Эстляндской, въ обѣихъ столичныхъ и въ двухъ восточныхъ заводскихъ (Пермской и Вятской). Внутреннія губернія встали въ соперничество съ этими, какъ преимущественно сосредоточившія въ себѣ крѣпостное населеніе и притомъ выяснились такъ, что Московская, напр., уступаетъ въ процентномъ отношеніи первенство свое баронской Эстляндской губерніи. Бѣлорусскъ, по отношенію къ подобнаго рода ссылкѣ, счастливѣе всѣхъ другихъ и даже малоросса, также счастливо ускользавшаго отъ высылки въ Сибирь. Рабочая сила ихъ оказалась цѣннѣе въ глазахъ владѣльцевъ, сильнѣе и энергичнѣе вводившихъ на своихъ земляхъ плантаторское и рациональное хозяйство. Изъ пяти бѣлорусскихъ и 6 малороссійскихъ угнали въ Сибирь всего 415 человѣкъ, тогда какъ въ тѣ же 20 лѣтъ одна Московская потеряла 627, Орловская 485, Рязанская 512, Тамбовская 452, Тульская 531, Пензенская 354, Нижегородская 367 и проч.

Сибирская цифра не можетъ служить мѣриломъ нравственности еще и потому, что во власти помѣщиковъ оставалось право отдачи неугодныхъ людей въ солдаты съ зачетомъ за рекрута во всякое время, и правомъ этимъ, какъ памятно всѣмъ, они пользовались съ замѣтною охотою. Это—одна изъ причинъ, почему, между прочимъ, сибирская цифра (въ процентныхъ отношеніяхъ) получила склоненіе на сторону сосланныхъ на житье женщинъ. На ослабленіе точной цифры дѣйствовали также, въ сильнѣйшей степени, самовольные побѣги въ разное время и въ разныхъ мѣста, каковыми на памятное намъ всѣмъ время, на правахъ Америки для Европы, считались у крестьянъ и дворовыхъ южныя степи, гдѣ городъ Одесса получилъ значеніе Нью-Йорка, Херсонъ уподобился Чикаго. Крѣпостное право было одною изъ причинъ бродячества и бродяжество пред-отвращало тѣмъ преступленіемъ, которое носитъ въ тобольскихъ табеляхъ названіе „возмущенія и неповиновенія помѣщикамъ“.

Неповиновеніе помѣщикамъ въ абсолютной цифрѣ выразилось слабѣе возмущеній противъ власти, но съ тою особенностью, что число неповиновавшихся женщинъ слишкомъ въ 3 раза меньше числа возстававшихъ противъ властей мужчинъ. Годовыя цифры показываютъ, что тамъ, гдѣ неповиновеніе помѣщикамъ обнаружилось массами, участіе женщинъ почти равносильно участію мужчинъ. Въ одномъ 1846 году всѣхъ случаевъ возмущеній насчитываютъ до 27-ми, но тобольскій приказъ не выдѣлил ихъ и, сѣвшавъ съ неповиновавшимися установленнымъ властямъ, отнялъ возможность идти къ опредѣленнымъ выводамъ. Изъ другихъ годовъ крупнѣе выдаются 1837 и 1845. Въ

1837 г. много выслано изъ Пермской и Оренбургской губерній, гдѣ въ это время существовали столь извѣстные башкирскіе бунты; въ 1845 и слѣдующемъ крупныя цифры по преступленіямъ противъ порядка управленія—въ губерніяхъ Пермской и Оренбургской между заводскими крестьянами. Выводовъ можно сдѣлать немного. Крупныя крестьянскіе бунты бывали явленіемъ періодическимъ; въ памяти народной смуты эти сохранились подъ общимъ именемъ „дубинщины“.

Крестьяне сильнѣе другихъ сказались также въ преступленіи, называемомъ членовредительствомъ, сдѣлавшимся равно обязательнымъ для всѣхъ сословій, подлежащихъ рекрутской повинности. Владѣльчскіе крестьяне превосходятъ въ этомъ всѣ другія сословія снова въ силу того же обстоятельства, что назначеніе въ рекрута основано было на произволѣ владѣльцевъ, такъ какъ для мѣщанъ и крестьянъ государственныхъ такое назначеніе подчинялось болѣе строгимъ законнымъ уставамъ*). Все число сосланныхъ за поврежденіе членовъ въ 20 лѣтъ равняется 854 человѣкамъ. Въ тѣхъ сословіяхъ, гдѣ оно вызывалось рекрутскою повинностью, преступленіе не выразилось ни однимъ случаемъ ни въ служиломъ, ни въ вольномъ дворянствѣ, ни въ духовенствѣ и купеческомъ сословіи, ни въ шляхетствѣ, ни у военныхъ поселенъ и только по одному случаю во всѣ 12 лѣтъ высказалось въ сословіи однодворцевъ и у казаковъ, отбывающихъ эту повинность по народному и политическому принципу.

Въ средѣ самихъ господъ, дворянъ служащихъ и неслужащихъ, и въ средѣ чиновниковъ, сильнѣе обнаружались преступленія по службѣ, побѣги за границу, лихоимство; при этомъ нѣкоторыя, какъ преступленія государственныя (возмущеніе и неповиновеніе законной власти, поддѣлка документовъ), отличаются наивысшимъ процентомъ сравнительно съ другими сословіями. Преступленія по службѣ составляютъ исключительную особенность крестьянскихъ владѣльцевъ, представителей привилегированныхъ и счастливыхъ классовъ. По нѣкоторымъ родамъ, какъ, напримѣръ, по наклонности къ убійству родителей, дворяне отличаются больше и при этомъ у дворянокъ она сильнѣе не только всѣхъ женщинъ, но и мужчинъ всѣхъ сословій (исключая одного—нѣкогда дворянскаго, а теперь однодворческаго). Сосланные за изнасилованіе со-

*) По числу преступниковъ за 12 лѣтъ въ такомъ порядкѣ: мѣщанъ 20 (въ этомъ числѣ евреевъ только 2); государственныхъ крестьянъ 108; помѣщичьихъ крестьянъ 419 мужч.; военныхъ 22 м.; дворовыхъ (за 9 лѣтъ)—13 чел. Преимущественно же часто поврежденіе членовъ у заводскихъ и фабричныхъ крестьянъ. Временами появлялась отдѣльная графа сосланныхъ за подлоги въ отправленіи рекрутской повинности, но эта цифра малозначительна.

перничают процентомъ только съ военнымъ сословіемъ. Если государственныя преступленія не особенно часты, то поддѣлка документовъ—самое частое преступленіе, наравнѣ съ преступленіями по службѣ. Послѣдній родъ, вмѣстѣ съ клеветничествомъ, сильнѣе высказался на сибирской цифрѣ у чиновниковъ. Для нихъ же имѣлись въ тобольскихъ табеляхъ особыя графы: „похищеніе актовъ изъ присутственныхъ мѣстъ, составленіе подложныхъ грамотъ и указовъ, распространеніе вредныхъ слуховъ и составленіе насквидей“. Каждый видъ этихъ преступленій, по своей исключительности, давалъ по небольшому числу жертвъ, которыя потомъ сочли за нужное смѣшать въ общей цифрѣ преступленій по службѣ.

Оставаиваясь на послѣднихъ, не разобранныхъ нами преступленіяхъ, и на этотъ разъ собственно дворянскихъ, мы видимъ, между прочимъ, что за ябеды, доносы и лживые поступки сослано всего въ 20 лѣтъ 358 чел. (327 м., 31 ж.), за растрату казеннаго имущества 157 и за побѣги за границу 184 (174 м., 10 ж.) и за государственныя преступленія (по первымъ двумъ пунктамъ) 443 (439 м., 4 ж.). За побѣги за границу всего больше ушло изъ губерній пограничныхъ: Бессарабской (39 м.), Волынской (29 м., 4 ж.), Виленской (17 м., 3 ж.), Оренбургской (15 м., 1 ж.), Подольской (14 м.). Ябедничествомъ и доносами всего больше отличается дворянство служащее и участь этого обвиненія раздѣляетъ только съ мѣщанами. Наибольшее число за эти роды преступныхъ дѣйствій изъ губерній: Оренбургской (30 м., 1 ж.), Владимирской (19 м., 5 ж.), Тульской (16 м., 1 ж.), Казанской (16 м.), Пензенской (12 м., 3 ж.), Новгородской (11 м., 1 ж.), Тверской и Вятской (по 11-ти). Сравнительно слабое по отношенію ко всѣмъ другимъ родамъ преступленій, мало распространенное и безсильное для Россіи, оно является съ замѣчательно серьезнымъ значеніемъ для Сибири, какъ страны, которая съ самыхъ давнихъ временъ считается страной клеузъ и подъяческаго ябедничества, а со временъ Екатерины, какъ извѣстно, находилась подъ запрещеніемъ и сильнымъ подозрѣніемъ, въ силу котораго нѣкоторое время не принимались отъ сибиряковъ просьбы. Безчисленныя, разнообразныя и самыя тяжелыя притѣсненія отъ тогдашнихъ властей, пользовавшихся удаленіемъ края отъ высшихъ властей: Пестели, Трескины, Кохи, Чичерины, Нѣмцевы, Нарышкины, Милекины и множество другихъ, имъ же имя легіонъ, выродили эту особенную черту въ сибирякахъ, какъ послѣдовательное явленіе отъ встрѣчи недостатка, съ одной стороны, и алчности, съ другой. Въ ссыльныхъ грамотныхъ приказныхъ Сибирь угѣла находить пособниковъ въ старыя времена и не мало тяготится теперь сама отъ поселенія этихъ клеветниковъ преиму-

шественно въ городахъ. Какая-то непосѣдливая и неутомимая докучливость въ сношеніяхъ съ начальствомъ и людьми одинаковаго воспитанія, но свободными, является характерною чертою этихъ людей. Съ одной стороны, черта эта представляется сходною съ тою, которая извѣстна у потерянныхъ, испившихся московскихъ подъячихъ, пристающихъ къ прохожимъ за милостынею и нерѣдко вызывающихъ на обиду, чтобы получить срывку за безчестіе. Съ другой стороны, въ этой чертѣ характера видна та неумѣлость и неспособность примириться съ несчастіемъ, которая такъ сильна въ ссыльныхъ изъ простого люда. Въ несчастныхъ чиновникахъ ссылка умѣетъ обнажить недостатки воспитанія и отсутствіе прочныхъ честныхъ правилъ во всей ужасной наготѣ. Чиновники въ ссылкѣ дѣйствительно становятся несносными, безпокойнымъ людьми и не возбуждаютъ никакого уваженія, не пользуются у туземцевъ ни малѣйшимъ сочувствіемъ. У горнаго начальства ссыльные изъ дворянъ далеко не всѣ пользовались благоволеніемъ, да и сами того не заслуживали. Близко стоявшій къ нимъ и знавшій ихъ свидѣтельствуешь, что худшіе изъ нихъ дѣлались еще большими негодаями. Не приученные воспитаніемъ ни къ какому труду, всѣми способами они старались избавиться отъ работы, употребляли всевозможныя усилія повастъ въ лакеи, въ разсмыльные при канцеляріяхъ и полиціи. Подлое угодничество являлось въ нѣмъ быту самою яркою чертою характера. Оставаиваясь въ средѣ простаковъ, эти люди подстрекали доверчивыхъ людей на разные мерзости, обыгрывали въ карты и т. д. Они казались или очень жалкими или возбуждали къ себѣ презрѣніе. Доносы этихъ людей заставляли начальство не одинъ десятокъ разъ пристрожить содержаніемъ другихъ товарищей, ни въ чемъ неповинныхъ. Между тѣмъ, съ ними старались поступать, по возможности, человѣколюбиво и обращались, вообще, хорошо. Ихъ почти никогда не посылали на работу и если не было особаго предписанія, то даже не содержали и въ тюрьмахъ, а помѣщали на гаушвахтахъ, позволяли заниматься обученіемъ дѣтей и разными ремеслами. Сосланные, хотя и за важныя преступленія, но не кладущія пятна на челоуѣческую честь, положительно не употреблялись ни въ какую черную работу. Не имѣвшая никакой своей работы, ссыльные изъ чиновниковъ и дворянъ все время предавались безпредѣльному пьянству, обыкновенно одной изъ застарѣлыхъ привычекъ и причинъ нѣтъ ссылки. Пьянство рѣдко не имѣло формы запоевъ и положительно всегда вело къ нервному разстройству, которое характеризировалось или неутомимымъ безпокойствомъ или, въ нерѣдкихъ случаяхъ, покушеніями на самоубійство. Въ тобольскомъ острогѣ, на пути въ Нерчинскъ, въ

какихъ нибудь три-пять недѣль отдыха, они успѣваютъ обнаруживать самую богатую и разнообразную серію всевозможныхъ пороковъ. Передъ ними черный народъ—люди высокой нравственности. Порча послѣднихъ сомнительна, испорченность первыхъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Въ тобольскомъ острогѣ, въ 1853 году, караульный офицеръ Путьковскій отпустилъ одного чиновника въ городъ, а когда тотъ не во время вернулся въ замокъ — выпалъ ему 300 ударовъ розгами. Чиновникъ не жаловался, но когда дошло объ этомъ до начальства, то оно имѣло несчастье узнать, что таковъ былъ взаимный уговоръ. Въ тѣхъ камерахъ, гдѣ сидѣли два товарища изъ ссыльных чиновниковъ, ссоры и драки являются неизбежными, обыкновенными. Разказами объ нихъ испещрена лѣтопись происшествій въ острогахъ и разбирательствомъ подобныхъ домашнихъ дѣлъ занята большая часть времени зрителей. Хотя Сибирь не представляется теперь страной особенныхъ неурядицъ, вызывающихъ жалобы, но не такъ давно могла указать на такіе пункты,

гдѣ ябедничество наиболее рѣзко выдавалось. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія славился этимъ Иркутскъ, но къ серединѣ столѣтія губернаторъ Трескинъ ослабилъ эту страсть высылкою безпокойныхъ подъячихъ въ Якутскъ. За то съ 40-хъ годовъ и едва ли не до сего дня стала рѣзко бросаться въ глаза эта городская и чиновничья страсть въ этомъ городѣ. Здѣсь эта страсть къ ябедамъ и жалобамъ сдѣлала перейти отъ сосланныхъ къ русскимъ туземцамъ и заразить даже якутовъ. Хитрый, коварный, мстительный, но даровитый и перемчивый народъ якутскій сталъ, отъ благопріобрѣтенныхъ наслѣдствъ, докучливымъ въ ябедахъ и клеветахъ до крайней степени невозможности. То же явленіе заразы, вызванное тѣми же самыми причинами, сильно обнаружилось въ Тобольскѣ, такъ что за Сибирью, въ сравненіи съ ея метрополіею, ябедничество и клеуничество остаются какъ однѣ изъ характерныхъ чертъ, проявляются и теперь притѣнно чаще и значительно рѣзче. Это даже какъ будто родъ какой-то болѣзни.

ГЛАВА XIII.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ.

Валовое число ссыльных.—Распределение ихъ по родамъ ссылки, по сословіямъ, по поламъ, по возрастамъ.—Наиболѣе преступныя сословія.—Слабая преступность владѣльческихъ крестьянъ.—Распределение ссыльных по наиболѣе обобщеннымъ категоріямъ преступленій.—Роды преступленій, сильнѣе господствующіе въ сословіяхъ.—Преступность инородцевъ, населяющихъ Россію: татары, киргизы, калмыки, башкиры и инородцы финскаго племени.—Преступленія евреевъ и еврейскъ.—Безгрѣховность мусульманокъ.—Преступленія иѣмцевъ и вообще лютеранъ.—Католики.—Православныя.

Постараемся подвести къ предыдущимъ наблюденіямъ слѣдующіе краткіе и заключительные итоги.

Въ теченіи тридцати восьми лѣтъ (съ 1823 по 1861) въ Сибирь изъ Россіи ушло всего обоюго пола лицъ 289.514, сосланныхъ по судебнымъ приговорамъ и административнымъ порядкомъ, не считая пришедшихъ по волѣ женъ и дѣтей. Послѣднихъ (за мужьями женъ и дѣтей и за матерями дѣтей) за все это время ушло въ Сибирь 23.764 лица обоюго пола. Въ этомъ числѣ сослано въ каторжныя работы 19.601 мужч. и 4.330 женщ. и на поселеніе 207.604 мужч. и 37.979 женщ. Принимая въ соображеніе однихъ ссыльныхъ, мы увидимъ, что ежегодно среднимъ числомъ ссылалось по 7.618 человекъ; распредѣляя же ссылку по обоимъ способамъ ея, ясно опредѣляется то обстоятельство, что число сосланныхъ по суду уступаетъ числу сосланныхъ административнымъ порядкомъ; при чемъ волѣ помѣщиковъ принадлежитъ наиболѣе видное мѣсто.

Главную массу ссыльныхъ, по абсолютному

количеству, составляютъ бродяги и бѣглецы (т. е. бѣжавшіе съ каторги, мѣсть поселенія, отъ военной службы, отъ помѣщичьей власти) и выключенные за неспособностью изъ крѣпостныхъ работъ и арестантскихъ ротъ. За ними слѣдуютъ владѣльческіе крестьяне съ дворовыми людьми; затѣмъ государственные, удѣльные и другіе казенные крестьяне; потомъ нижніе воинскіе чины всѣхъ вѣдомствъ, мѣщане, отставные и неслужащіе; духовные: духовенства бѣлаго и монахи; дворяне обоихъ видовъ службы (военной и гражданской); шляхтичи и именовавшіе себя таковыми, купцы, люди всѣхъ другихъ свободныхъ состояній и—наконецъ, иностранцы.

Для доказательства возьмемъ общую сложность 19-ти извѣстныхъ намъ лѣтъ съ 1838 по 1848 и съ 1852 по 1861.

	мужчинъ	женщ.
Изъ бродягъ и бѣглыхъ . . .	29.333	6.181
„ выключенныхъ за неспособностью изъ крѣпостныхъ работъ и арестантскихъ ротъ .	19.203	1.594

	муж.	женщ.
Изъ владѣльческихъ крестьянъ и дворовыхъ людей	18.320	5.017
„ государственныхъ, удѣльныхъ и вообще казенныхъ крестьянъ	16.582	3.406
„ нижнихъ воинскихъ чиновъ всѣхъ вѣдомствъ (унтеръ-офицеровъ, солдатъ, казаковъ, военныхъ поселанъ)	5.214	877
„ мѣщанъ	3.679	559
„ отставныхъ и неслужащихъ	784	108
„ духовенства бѣлаго и монаховъ	523	35
„ дворянъ военной и гражданской службъ	333	—
„ шляхтичей и именовавшихся таковыми	187	56
„ людей свободныхъ состояній	167	48
„ купцовъ	151	8
„ иностранцевъ	89	5

Распредѣляя ссыльных по поламъ, мы увидимъ, что число мужчинъ равняется за всѣ извѣстныя намъ 38 лѣтъ 247.205, а число женщинъ 42.309, т. е. въ массѣ ссыльных женщины составляютъ около шестой части сосланныхъ мужчинъ. Женщины, по наклонности къ различнымъ видамъ преступныхъ дѣяній, опредѣляемой сравнительнымъ процентнымъ отношеніемъ, являются впереди мужчинъ по убійству дѣтей и по плотскимъ преступленіямъ. Первое—почти исключительно женское преступленіе. Убійство мужей представляетъ также особенно опредѣлившуюся наклонность въ женской половинѣ ссыльнаго люда, наравнѣ съ поджогами. Послѣдніе точно также слѣдуетъ считать преимущественно женскимъ преступленіемъ. При слабой виновности въ убійствахъ вообще и въ остальныхъ преступленіяхъ, собственно мужскихъ, преступность женщинъ становится виднѣе между убійцами помѣщиковъ и родственниковъ при извѣстной облегченности сношеній и поводовъ и въ виду значительной стѣсненной общественной дѣятельности и при перевѣсѣ исключительно замкнутой домашней и семейной жизни. Потому-то виновность женщины и сильнѣе въ преступленіяхъ противъ правъ семейственныхъ, чѣмъ общественныхъ.

Разсматривая преступления по возрастамъ, мы замѣчаемъ, что наибольшая преступность развита въ возрастѣ наиболѣе ранній. Большая часть тяжкихъ преступленій совершается до 40 лѣтъ; причемъ ранніе возрасты (отъ 10 до 15 лѣтъ) выясняются для мальчиковъ въ поджогахъ (20 лѣтъ 77 человекъ), святотатствѣ (29), въ убійствѣ постороннихъ (19), въ участіи въ убійствѣ помѣщиковъ (6), въ изнасилованіи (4). Для дѣвочекъ преступность за 20 лѣтъ высказывается въ поджогахъ же (54 чел.), въ убійствѣ постороннихъ (5), въ

участіи по убійству помѣщиковъ (4). Затѣмъ уже преступность этого возраста ни въ чемъ не проявляется. Съ 16-ти лѣтъ для обоихъ половъ, преступность становится одинаково прусущею по всѣмъ видамъ своимъ и одинаково достигаетъ наибольшей абсолютной цифры, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ, въ возрастѣ отъ 20 до 30 лѣтъ. Свыше 60-ти лѣтъ преступныя наклонности мужчинъ сливаются въ 9 разъ сильнѣе таковыхъ же у женщинъ, но за то ранній женскій возрастъ (до 20 лѣтъ)—пора несдержанныхъ инстинктовъ, не установившагося развитія умственного въ противоположность старческому, отличается наклонностями къ наиболѣе тяжкимъ преступленіямъ. Поджоги составляютъ принадлежность этой женской поры развитія. Убійство мужей чаще въ возрастѣ свыше 30 лѣтъ; убійство дѣтей въ возрастѣ раньше 30 лѣтъ. До 30-ти же лѣтъ женщины чаще ссылались за кровосмѣшеніе, чѣмъ мужчины, тогда какъ это же преступленіе сильнѣе возрастаетъ для мужчинъ съ годами (за 40 лѣтъ) и не ослабѣваетъ въ старческой возрастѣ (свыше 60-ти). Старики за 60 лѣтъ наиболѣе виновны въ воровствѣ, какъ одномъ изъ видовъ стѣпанія, столь приличнаго старческому возрасту, и въ ереси и расколѣ, т. е. когда избытокъ и крѣпость личнаго убѣжденія требовали выхода на убѣжденія другихъ, т. е. соvrраченія. Люди отъ 50 до 60 лѣтъ, по преимуществу ссылались за лихонство. Возмущенія противъ властей производились также усиленнѣе въ возрастѣ отъ 50 до 60 лѣтъ, тогда какъ возмущенія дворовыхъ людей противъ помѣщиковъ одинаково часты и до 40, какъ и въ лѣта послѣ 50-ти. Разбой и грабежи, не сильныя для стариковъ, сильнѣе въ возрастѣ до 40 лѣтъ и въ возрастѣ отъ 40 до 50 въ особенности. У женщинъ во всѣхъ возрастахъ самое частое преступленіе—убійство; въ лучшую пору цвѣтущаго возраста—грабежи, святотатство и поджоги (грабежи до 20 лѣтъ—самое рѣдкое). Общая наклонность къ преступленіямъ у мужчинъ примѣтнѣе ослабѣваетъ послѣ 40 лѣтъ; у женщинъ послѣ 30-ти.

Въ виду того, что самая большая часть тяжкихъ (уголовныхъ) преступленій, по пропорціи, оказывается въ высшихъ сословіяхъ (всего болѣе въ духовенствѣ, затѣмъ въ военномъ сословіи и, наконецъ, у дворянъ),—владѣльческимъ крестьянамъ принадлежитъ четвертое мѣсто, а государственнымъ—шестое (купечеству—пятое, мѣщанамъ—седьмое). Духовенству принадлежитъ высшее мѣсто по общему святотатцевъ, военному сословію по наклонности къ убійствамъ и грабежамъ; дворянамъ—по числу сосланныхъ за поддѣлку документовъ и государственныхъ преступленій. За крестьянами остается крупная виновность по убійствамъ (за государственными убійства ро-

ныхъ и убійства супруговъ), по самоубійствамъ (у владѣльческихъ и дворовыхъ), по преступленіямъ противъ власти (за дворянствомъ медленно слѣдуютъ господскіе крестьяне), по возмущеніямъ (у крестьянъ владѣльческихъ), по поврежденію членовъ (у владѣльческихъ), по корчемству виномъ (у владѣльческихъ), по воровству, какъ самой обыкновенной причинѣ ссылки всѣхъ сословій, за исключеніемъ военнаго и духовнаго, и по виновности въ дурномъ поведеніи. Крестьяне, сосланные административнымъ порядкомъ, составляютъ въ массѣ всѣхъ наказанныхъ: государственные $\frac{1}{4}$ часть, владѣльческіе почти $\frac{1}{4}$, дворовые почти $\frac{1}{2}$. Изъ сосланныхъ за преступленія противъ собственности—крестьяне сослались всего болѣе за грабежи; за грабежами слѣдуютъ поджоги, затѣмъ корчемство, святотатство и поддѣлка асигнацій. При этомъ замѣчается, что вѣроятность ссылки сильнѣе въ крестьянскомъ сословіи для фабричныхъ и заводскихъ. Послѣдніе въ значительной степени принимаютъ на себя виновность въ убійствахъ чужихъ, родныхъ и въ убійствахъ супруговъ. Большую часть покушеній на самоубійство снимаютъ съ крестьянъ на себя дворовые, грабежи и разбой—заводскіе съ фабричными, поджоги—дворовые; въ фальшивыхъ монетчикахъ почти исключительно являются крестьяне, приписанные къ фабрикамъ и занятые на заводахъ (въ особенности уральскихъ). Возмущеніе и неповиновеніе нѣсколько чаще заявляютъ дворовые и крестьяне заводскіе, чѣмъ прикрѣпленные къ землѣ и занятые исключительно земледѣліемъ. Земледѣльцы крѣпостные уступаютъ въ воровствѣ преимущество также дворовымъ и еще однодворцамъ и военнымъ поселанамъ. Членовредительство также сильно развито у заводскихъ и фабричныхъ; они же чаще содержатъ притоны для бродягъ и бѣглыхъ и, въ свою очередь, дѣлаются бродягами и бѣглыми. За дурное поведеніе сослано, по процентному отношенію, опять-таки болѣе дворовыхъ и заводскихъ съ фабричными, чѣмъ крестьянъ-земледѣльцевъ. Послѣдніе, такимъ образомъ, при всѣхъ невыгодныхъ условіяхъ общественнаго положенія и быта, представляются болѣе свободными отъ упрека въ преступныхъ наклонностяхъ. Господскіе крестьяне становятся болѣе испорченными и преступными только лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда они искусственнымъ и насильственнымъ образомъ отрываются отъ земли и превращаются либо въ дворовыхъ, либо когда безземельными пролетаріями становятся къ фабричнымъ станамъ и машинамъ, къ заводскимъ печамъ и горнамъ. Государственнымъ крестьянамъ владѣльческіе крестьяне уступаютъ въ преступности убійствъ и грабежей, дворовымъ же людямъ въ общей наклонности ко всѣмъ преступленіямъ, даже въ дурномъ поведеніи,

въ возмущеніяхъ, въ поддѣлкѣ документовъ и въ воровствѣ. Въ тѣсной рамкѣ деревенскихъ и семейныхъ отношеній, въ сосредоточенности трудового земледѣльческаго быта, въ обладаніи городомъ, владѣльческіи крестьянныя уцѣлѣли въ замѣтной безгрѣховности. Обременяемый налогами и тяжестью искусственныхъ и произвольныхъ формъ быта, онъ иногда выражаетъ себя мстью, сопротивленіемъ, но чаще отдѣляется мирною формою побѣга и затѣмъ бродячества. Его ловятъ на поджогахъ чаще, чѣмъ кого либо изъ лицъ другихъ сословій, и на крайній случай ловятъ съ фальшивымъ паспортомъ уже вдалекѣ отъ обогрѣтаго и насиженнаго имъ мѣста, въ видѣ бродяги, который при этомъ не умѣетъ еще такъ искусно скрывать свое происхожденіе, какъ дѣлаютъ это напр., мѣщане и, въ особенности, дезертиры-солдаты и дворовые люди. Нѣсколько сильнѣе лишь обнаруживается преступная наклонность въ женской половинѣ владѣльческихъ крестьянъ, чѣмъ въ крестьянкахъ государственныхъ, да поврежденіе членовъ—одно изъ болѣе мелкихъ преступленій у владѣльческихъ крестьянъ являлось на выручку и помощь при встрѣчѣ и борьбѣ съ однимъ изъ неприятелей тамъ, гдѣ у война не доставало ни умственного развитія, ни достаточной воли, ни силы характера, какъ это наичаще случалось при отбываніи рекрутской повинности, при исполненіи полного числа тяжелыхъ урочныхъ работъ и проч. *).

Въ наибольшей степени крестьяне всѣхъ родовъ и наименованій являются виновными въ преступленіяхъ, направленныхъ противъ собственности частныхъ лицъ; гораздо слабѣе въ преступленіяхъ противъ жизни, здравія, свободы и чести частныхъ лицъ и въ наименьшей степени въ преступленіяхъ противъ правъ семейственныхъ и противъ общественнаго благоустройства и благочынія.

Приводимъ таблицу преступленій, господствующихъ въ сословіяхъ (по расчету на 100 сосланныхъ) **).

Дворовые.

Государственные преступленія — $\frac{2}{3}$ всего числа сосланныхъ (9 проц. на 100 всѣхъ сосланныхъ: 13 проц. служащихъ по военному вѣдомству, 3 проц. по гражд. вѣд.).

Преступленія служебныя — остальная треть сосланныхъ (3 проц. на сто).

*) Болѣе раннія сибирскія табели умѣли членовредительство отчасти освѣщать тѣмъ, что выдѣляли въ особую графу сосланныхъ за подлоги въ отправленіи рекрутской повинности. Цифра эта, однако, слаба: въ 10 лѣтъ сослаано всего трое.

**) Таблица эта составлена по вычисленіямъ г. Анучина въ его изслѣдованіяхъ о процентѣ высылаемыхъ въ Сибирь.

Поддѣлка документовъ: у чиновниковъ 23,5 проц., у служащихъ военныхъ 17 проц., у отставныхъ 14 проц. (у духовенства 7 проц., у мѣщанъ 3,75 проц., у владѣльч. крест. 3,5 проц., у купцовъ 3,5 проц., у дворовыхъ 3,25 проц., у однодворцевъ около 3 проц., у казаковъ и солдатъ около 2 проц.).

Оскорбленіе родителей: дворяне, служащіе въ гражд. службѣ 1 проц., дворяне не служащіе 0,53 (купечество 0,72, казаки 0,21, мѣщане 0,12).

Кляузничество (ябеды): дворяне, служ. по гражд. вѣдом. 4,5 проц., не служащіе 1,5 проц., (военные 0 проц., мѣщане 0,75, купечество 0,72, государственные крестьяне 0,27, помѣщ. крестьяне 0,21, дворовые 0,18, духов. 0,16, казаки 0,11, солдаты 0,10, однодворцы 0,08).

Мздоимство и лихоимство 0,28 (купечество 0,4).

Духовенство.

Святотатство: 34 проц. на сто сосланныхъ (солдаты 3 проц., купцы около 3 проц., дворяне, не служащіе и отставные, около 2,5 проц., мѣщане около 2 проц., казаки 1,81 проц., дворяне служащіе около 1½ проц.).

Дурное (соблазнительное) поведеніе: 91 проц. (у владѣльч. крестьянъ 24,5 проц., т. е. заводск. и фабричн., у мѣщанъ 15 проц., у государственныхъ крестьянъ около 15 проц., у купцовъ 5 проц., у военного сословія 3,5 проц., у дворянъ около 3 проц.).

Мѣщане.

Воровство: около 58 проц., за исключеніемъ однодворцевъ (63 проц.), (купечество 53 проц., дворяне 49 проц., государственные крестьяне около 47 проц., казаки 44 проц., дворовые 39 проц., владѣльческіе крестьяне 38 проц., дворяне не служащіе и отставные 36 проц., духовенство 27 проц., солдаты 21 проц., дворяне служащіе 18 проц.).

Контрабанда: 0,61 проц. (казаки 0,53, государственные крест. 0,47 проц., владѣльч. крест. 0,11 проц.).

Купечество.

Поддѣлка фальшивыхъ ассигнацій и монетъ: 6½ проц.; у солдатъ около 4 проц., у дворянъ, служащихъ по военному вѣдомству, 2,5 проц., у мѣщанъ 1,76 проц., у казаковъ 1,25 проц., у дворянъ не служащихъ и отставныхъ и у дворянъ, служащихъ по гражданскому вѣдомству, 1 проц., у духовенства около 1 проц., у государственныхъ крестьянъ нѣсколько менѣе, у владѣльческихъ, у однодворцевъ, у дворовыхъ почти равная степень склонности.

Преступленія религіозныя 2,25 проц.

(у однодворцевъ почти 1,5 проц., у духовенства 1,25 проц.).

Пристанодержательство 2,25 проц. (солдаты 1,5 проц., гражд. чиновники 1,5 проц., однодворцы около 1,5 проц., крестьяне госуд. 1,25 проц., духовные 1,25). Военные поселане завянялись наименѣе, затѣмъ изъ крестьянъ — заводскіе и фабричныя.

Военное сословіе.

Смертоубійство всѣхъ видовъ: у солдатъ слишкомъ 22 проц., у казаковъ около 21 проц., у дворянъ, служащихъ по военному вѣдомству, 16 проц. (у государственныхъ крестьянъ 15,5 проц., у владѣльческихъ 13,25 проц., у дворянъ не служащихъ 11,75 проц., у купечества 11,5 проц., у дворовыхъ 11,25 проц., у однодворцевъ 11 проц., у духовенства 10,25 проц., у чиновниковъ гражданскихъ 7,25 проц.). Дѣтоубійство (высшій процентъ) у солдатокъ. Убійство мужей у заводскихъ и фабричныхъ, затѣмъ у однодворцевъ, дворянъ и военныхъ поселанъ. По убійству родственниковъ у дворянъ процентъ наивысшій. Убійство родныхъ — у фабричныхъ съ заводскими.

Грабежъ: у казаковъ 10,25 проц., у солдатъ около 9 проц., у дворянъ, служащихъ по военному вѣдомству, около 11,25 проц., (у купцовъ около 6 проц., у госуд. крест. 5,25 проц., у однодворцевъ около 5 проц., у мѣщанъ 4,25 проц., у владѣльческихъ крест. 3,5 проц., у дворянъ не служащихъ около 2 проц., у дворовыхъ 1,5 проц., у духовенства около 1,5 проц.).

Побѣги и бродяжество: у солдатъ 15,5 проц., у казаковъ 2,5 проц. (у владѣльч. крест., фабричн. и завод., около 2,5 проц., у мѣщанъ 2,25 проц., у госуд. крест. 1,5 проц., у дворовыхъ около 1,5 проц., у духовенства болѣе 1,25 проц., у дворянъ военныхъ нѣсколько болѣе 1,25 проц., у однодворцевъ почти 1 проц.).

Поджоги: дворяне военной службы около 5 проц., солдаты 2,25 проц., казаки 2,25 проц. (дворовые 3 проц., владѣльч. крест. около 3 проц., купцы 2,25 проц., госуд. крест. 2,25 проц., однодворцы 1,5 проц., мѣщане 1,25 проц., дворяне не служащіе 1 проц.).

Плотскія преступленія: дворяне военныхъ чиновъ 3,75 проц., казаки 2,75 проц., солдаты 1,75 проц. (граждан. чинов. 1,5 проц., государственные крестьяне 1,25 проц.). Изнасилованіе въ военномъ сословіи имѣетъ высшій процентъ.

Кража золота: солдаты 0,81 (помѣщич. крест. 0,25, госуд. крест. 0,23, дворовые 0,18).

Дворовые.

Возмущеніе и неповиновеніе: 5,5 проц. (чиновники гражд. около 4 проц., владѣльч.

крест. 3,75 проц., солдаты 3,25 проц., государ. крест. 3 проц., купцы 2,25 проц., мѣщане около 1 проц.).

Самоубійство: 0,48. За дворовыми и помѣщ. кр.,—солдаты; затѣмъ казаки, государств. крестьяне и мѣщане.

Помѣщичьи крестьяне.

Поврежденіе членовъ (членовредительство) 1,75 проц. (преимущественно у заводскихъ, фабричныхъ и пахотныхъ съ намѣреніемъ избѣжать военной службы).

Корчемство виномъ: 2 проц. (государств. крестьяне 1,75 проц. и однодворцы 1,5 проц.; корчемство солью столь ничтожно характеризуется ссылкой, что въ 20 лѣтъ, напр., является сосланныхъ только 5 человекъ).

Разсматривая преступленія по отношенію къ населяющимъ Россію инородцамъ, мы увидимъ, что татары и евреи (мѣщане) даютъ большую цифру сколько по сравнительной количественности своей, столько же и по многимъ племеннымъ условіямъ. Татаринъ и еврей, если, вообще, не на хорошемъ счету у русскаго народа, то, во всякомъ случаѣ, наблюденія убѣждаютъ въ томъ, что на татаръ, по преимуществу, падаютъ преступленія самыя тяжкія, каковы смертоубійства, грабежи и разбои; на евреевъ менѣе тяжкія, каковы преступленія противъ собственности.

Татаринъ—по народной примѣтѣ и пословичному выраженію—либо насквозь хорошъ, либо насквозь мошенникъ. Въ послѣднемъ случаѣ убійства ихъ отличаются большою жестокостью, разбои—большою ловкостью и отчаянностью, грабежи—крайнею дерзостью и изворотливостью. Воровство у татаръ, сравнительно, рѣдко и оно, въ большей части, направлено на тотъ пунктъ, на которомъ у нихъ только два соперника: цыганъ и башкиръ; это конокрадство. Такъ, напр., за воровство въ періодъ 6-ти лѣтъ сослано татаръ всего только 20, за то убійствъ сдѣлано 42, грабежей произведено 51, разбоевъ 9 (80 мужчинъ и 3 женщины сосланы въ это же время за такъ называемое развратное поведеніе). Татаринъ часто бѣжитъ отъ службы, бродяжничаетъ, не смотря на незнаніе русской грамоты и письменности, не прочь составить фальшивый видъ, поддѣлать монету; онъ вообще не дурной хлѣбосоль, а потому не ускользнулъ и изъ ссылныхъ-пристанодержателей. Татары охотнѣе укрываютъ бѣглыхъ, чѣмъ какіе либо другіе инородцы, исключая, можетъ быть, однихъ только тештарей. Татары примѣтно ослабляютъ своимъ участіемъ и вмѣшательствомъ, общія цифры дѣтоубійцъ, кровосмѣсителей, отцеубійцъ, святотатцевъ. Въ средѣ братоубійцъ у нихъ только одинъ соперникъ—башкиры. Рѣзко выдается въ татарскомъ населеніи склонность къ

членовредительству, какъ опредѣленное стремленіе къ избѣжанію отъ военной службы по рекрутской очереди. Татары же вмѣстѣ съ башкирами чаще многихъ другихъ успѣваютъ убѣгать изъ-подъ стражи, не выдерживая пытки неволи. Ихъ превосходятъ въ такихъ дѣлахъ и попомановеніяхъ одни лишь кавказскіе горцы.

Какъ будто еще до сихъ поръ живутъ, сильно дѣйствуютъ и долго не иссякнутъ въ природныхъ свойствахъ всѣхъ многочисленныхъ осколковъ монгольскихъ племенъ, свойства, воспитанныя дикою жизнью азіатскихъ степей и горъ и широкимъ просторомъ для воли въ глуши лѣсныхъ и степныхъ губерній восточной Россіи. Здѣсь еще много въ народѣ тѣхъ элементовъ, которые рождаются въ степи и воспитываются ею, оправдываются въ понятіяхъ и законахъ номадовъ. Элементы эти, выдвинутые на видъ и поставленные на судъ осѣдлаго народа, оказались проявленіями дикой и необузданной воли, преступленіями. Варанта оказывается самымъ начальнымъ и отчаяннымъ грабежемъ и разбоемъ съ неизбежнымъ послѣдствіемъ смертоубійствъ; упорное отстаиванье степной воли является также преступленіемъ и называется „возмущеніемъ противъ законовъ установленныхъ властей“; народное удалство, степное молодецтво обываются разбоемъ или грабежемъ и получали оцѣнку на торговыхъ площадяхъ подъ ударами сначала кнута, потомъ плетей и палокъ. Вотъ почему беспокойная неуживчивость съ порядками господствующаго народа, не успѣвшая выразиться открытымъ недовольствомъ, но достаточно надоѣвшая начальствамъ, по преимуществу ведетъ инородцевъ въ ссылку подъ темнымъ именемъ ссылныхъ „за развратное поведеніе“. Калмыки, киргизы, черкесы, чеченцы, легины, куртины преимущественно попадаютъ въ ссылку подъ названіемъ возмущившихся противъ закономъ установленныхъ властей, за грабежи и убійства исключительно. Вотъ почему ногайцы, наиболѣе другихъ сохранившіе свойства степныхъ кочевниковъ, хотя и рѣдко появляются въ спискахъ ссылныхъ, но всегда идутъ за грабежъ. Грузины идутъ за убійства, за вспышки своего горячаго южнаго темперамента. Онъ же уводитъ въ изгнаніе и башкиръ весьма часто за тѣ же убійства и грабежи. Чуваши, вотяки, мордва, черемисы—флегматики по темпераменту, не умѣвшіе племенного недовольства довести до открытыхъ бунтовъ и вооруженныхъ возстаній и ограничившіеся лишь ропотомъ, обвиняются въ такъ называемомъ развратномъ поведеніи, которое, по тягучести своего значенія, совсѣмъ не опредѣленнаго этою рубрикою таблицъ приказа, вмѣщаетъ въ себя и вольныя и невольныя противоборства закону; и неумѣнье примириться съ русскими законоположеніями, и неспособность подчиниться мѣстнымъ административнымъ распоряженіямъ, и

прочее, тому подобное. Все это на темпераментъ монгольскихъ племенъ, разжигаемомъ фанатическимъ учениемъ корана, выразилось открытыми восстаниями у киргизъ и башкиръ, какъ у кавказскихъ горцовъ убійствами глауровъ. Рассматриваемые нами года представляютъ одинъ изъ самыхъ безноконныхъ элементовъ въ племени башкиръ, туго привыкшихъ къ законамъ государственной организаціи, въ прошломъ столѣтіи принимавшихъ самое дѣятельное участие во всѣхъ народныхъ волненіяхъ по Волгѣ и за Волгой, въ нынѣшнемъ затѣвавшихъ бунты въ доказательство своей неуживчивости и своего недовольства русскими порядками. Теперь они огражданились. На смѣну ихъ выступилъ очередной вопросъ колонизирующаго начала надъ степными киргизами, которые, въ свою очередь, въ наши дни успѣли дать немалое количество національных консерваторовъ, угодившихъ въ ссылку. Въ шесть только лѣтъ башкиръ за возмущеніе противъ властей выслано 77 мужч. и 4 женщ.

За то же число лѣтъ сосланныхъ за возмущеніе дали: 41 калмыкъ, 11 чел. киргизовъ, 10 черкесовъ.

Смертоубійствъ учинено: 42 башкирами, 7 черкесами, 8 киргизами.

Грабежей надѣлано: 11 башкирами, 10 черкесами.

За воровство - кражу сослано: киргизъ 12, башкиръ 20.

За развратное поведеніе башкиръ сослано болѣе всѣхъ инородцевъ — именно: въ 6 лѣтъ 77 мужч. и 4 женщ. (въ этомъ числѣ 5 тептарей).

Татары, при своей абсолютной многочисленности (по сравненію со всѣми другими инородческими племенами), даютъ опредѣленіе себя въ слѣдующей таблицѣ:

За развратное поведеніе	80 мужч.	3 женщ.
„ воровство	191 „	5 „
„ смертоубійство	55 „	3 „
„ грабежъ	46 „	5 „

(въ томъ числѣ 2 ногайца)

За пристанодержатель -		
ство	9 мужч.	5 женщ.
„ разбой	9 „	— „
„ поджоги	3 „	1 „

При этомъ на инородцахъ монгольской расы лежатъ упрекомъ столь тяжкія и рѣдкія преступленія, какъ отцеубійство, братоубійство. Кровосмѣшеніемъ они также выдаются изъ ряда.

Нельзя не замѣтить, что въ женской половинѣ мусульманскаго населенія Россіи преступная наклонность несравненно слабѣе всѣхъ женщинъ другихъ господствующихъ исповѣданій. Степные обычаи успѣли такъ уединить женщину отъ общественной жизни, а коранъ такъ закрѣпилъ ее у домашняго очага и въ затворѣ,

что она можетъ грѣшить передъ закономъ лишь хлѣбосольствомъ, т. е. пристанодержательствомъ, но едва ли и здѣсь не та же апатія, не то же тупое равнодушіе, какъ слѣдствіе примѣчательной неразвитости. Продажная вещь, рожавшая героевъ, сама никогда во всѣ вѣка не достала до героини, не имѣла средствъ и случаевъ выразиться какими либо сильными рельефными порывомъ, хотя бы даже и на какое нибудь преступное дѣяніе.

Женщина у евреевъ, умѣвшая выбиться изъ затвора и завоевать своими дарованіями право на участие во всѣхъ хлопотливыхъ и меркантильныхъ дѣлахъ мужа, представляетъ собою болѣе видное явленіе. Рѣзкой границы между мужемъ и женою въ еврейскомъ племени не существуетъ. Скажемъ больше: еврейка во всѣхъ дѣлахъ продажи и купки, гдѣ не требуется хлопотливой, нервной дѣятельности факторства и непосѣдливой бѣготни, въ лавочной и домовою торговлѣ — съ достоинствомъ занимаетъ мѣсто мужчины и еще не рѣшено, чьи способности опредѣленіе и сильнѣе: хлопотливаго ли, вѣчно бѣгающаго мужа, или сидящей за прилавкомъ жены. Вотъ почему еврейка является уже съ болѣе крупною наклонностью къ преступности, чѣмъ мусульманка, хотя и рѣже женщинъ всѣхъ другихъ исповѣданій. Воровство представляется одною изъ крупныхъ причинъ къ преступленію, за которую являются еврейскія женщины въ ссылку; затѣмъ уже стоитъ ихъ соучастіе въ различныхъ преступныхъ поповноненіяхъ мужей *).

Евреи и сибирскими цифрами, столько же какъ и общественнымъ мнѣніемъ, завиняются исключительно и самымъ характеристическимъ образомъ въ тѣхъ преступленіяхъ, которыя направлены противъ чужой собственности. Прежде и сильнѣе всего евреи заявляютъ наклонность къ воровству-кражѣ. По наклонностямъ къ грабежу, къ поддѣлкѣ ассигнацій, къ контрбандѣ чувствуется въ этомъ племени то же присутствіе хищнической наклонности, хотя бы и въ болѣе широкихъ и утонченныхъ размѣрахъ. Мы не исключаемъ отсюда и поджоговъ, которые, по сибирскимъ цифрамъ, ложатся пятномъ на еврейское племя, потому что по опыту еврей сожигаетъ самъ тотъ домъ, который заложилъ далеко выше номинальной своей стоимости. Подобные поджоги, нерѣдко практикуемые, хорошо и подлинно извѣстны во всѣхъ тѣхъ краяхъ Россіи, гдѣ кипитъ еврейское населеніе и гдѣ

* По особенному складу еврейской жизни, доспотически руководимой талмудомъ, у евреевъ наклонность къ смертоубійству, довольно распространенному повсюду преступленію, настолько слаба, что не можетъ даже идти въ сравненіе съ наклонностью къ тому же злодѣянію, напр. вообще безгрѣховныхъ мусульманокъ. Поддѣлка же ассигнацій и грабежъ не избавляютъ евреевъ отъ упрека.

оно имѣть недвижимую собственность. Постоянныя гоненія, неустанный презрѣніе, какими обставляется несочувственная жизнь еврейскаго племени среди христіанъ, послужили основой къ той сосредоточенности отчаянія, которая выразилась на фактѣ стяжаніемъ богатствъ, завистью къ чужому благосостоянію и къ чужой собственности. Явленіе это стало характернымъ, исканіе чужого добра лихорадочно-усиленнымъ въ виду вѣроятія голодной смерти для племени, которое — по темпераменту не способно къ настоящему настойчивому труду и по политическому положенію — не умѣло стать вполне осѣдлымъ и гражданственнымъ, не успѣло согласоваться съ общечеловѣческими и народными требованіями и привилегіями. Неутомимый еврей, весь вѣкъ обязанный закупать свои всякія права, устремился на стяжаніе денежныхъ богатствъ какими бы то ни было способомъ и — потому и въ восстаніи, охватившемъ весь край, имъ населенный, онъ является въ числѣ политическихъ преступниковъ лишь „за тайный провозъ оружія изъ-за границы“, вдохновленный и поддержанный, во всякомъ случаѣ, коммерческими дѣлами, а не политическимъ увлеченіемъ. Слаба въ евреяхъ склонность къ смертоубійству (я только озлобленный ссылкой и каторгою еврей нерѣдко становится злодѣемъ). Еврей никогда не участвуетъ въ преступленіяхъ противъ власти, которой онъ льститъ и которую подкушаетъ безразлично, смотря лишь на степень силы и стойкости этой власти. Въ политическихъ преступленіяхъ замѣшался одинъ только еврей и то успѣвшій воспитаніемъ превратиться въ нѣмца. Подъ гнетомъ и силою талмуда еврей, по коммерческимъ соображеніямъ успѣвающій жениться въ раннихъ лѣтахъ и пользующійся широкимъ правомъ развода, рѣдко завиняется въ такъ называемыхъ плотскихъ преступленіяхъ. За то онъ — первый контрабандистъ, недурной дѣлатель фальшивыхъ денегъ и переводчикъ краденныхъ металловъ съ промысловъ, прісковъ и росыпей; За то ни въ одномъ изъ иновѣрцовъ не развита въ такой степени склонность къ преступленію воровства, какъ въ еврейскомъ населеніи Россіи. Онъ, въ этихъ случаяхъ, готовъ даже измѣнять своей политически-воспитанной трусости характера и нерѣдко попадаетъ на томъ видѣ воровства, которое требуетъ и дерзости и храбрости и которое называется грабежомъ, и видоизмѣняется въ глазахъ судей въ тотъ видъ воровства, который для еврея — воровство-кража, а для православныхъ и иныхъ христіанскихъ исповѣданій — святотатство.

Изъ числа другихъ инородцевъ нѣмцы, при существованіи собственнаго привилегированнаго суда въ остзейскихъ губерніяхъ, не только сами не даютъ возможности судить ихъ по степени склонности къ преступленіямъ, но даже

отнимаютъ возможность производить тѣ же наблюденія надъ безусловно-подчиненными имъ другими инородческими племенами Россіи (каковы эсты, ливы, латыши). По этой причинѣ въ нѣмецкомъ населеніи, присылающемъ въ Сибирь случайныя жертвы ссылки, можно видѣть слабую склонность ко всѣмъ видамъ преступленій. Исключеніе составляетъ одна только контрабанда. Не видать ни виновницъ въ плотскихъ преступленіяхъ, ни виновниковъ въ похищеніи казны и, вообще, во всякихъ многочисленныхъ ущербахъ ея интересамъ и другомъ прочемъ. Съ нѣкоторою отчетливостью выясняется въ лютеранскомъ населеніи остзейскаго края, податномъ и земледѣльческомъ, склонность къ поджогамъ, выражающимся наибольшимъ процентомъ для женщинъ. Наибольшій процентъ сосланныхъ за дурное поведеніе лютеранъ (конечно, эстовъ, ливовъ и, въ особенности, латышей) доказываетъ лишь силу домашняго произвола и безконтрольность суда остзейскихъ собственниковъ надъ ихъ вассалами — крѣпостными рабочими. Очень можетъ быть, что въ этомъ проблескѣ правды, отчасти освѣщаемомъ тобольскими табелями, можно подозрѣвать и оправданіе поджоговъ, какъ мщенія за притѣсненія, и тому подоб. Склонность къ поджогамъ у женщинъ лютеранскаго исповѣданія сильнѣе, чѣмъ у женщинъ католичекъ и православныхъ.

Инородцы финской расы отличаются такою же слабою склонностью къ преступленіямъ, какъ нѣмцы и русскіе поданные лютеранскаго закона, не смотря на то, что обѣ расы стоятъ на двухъ противоположныхъ полюсахъ умственнаго и нравственнаго развитія *). Чрезвычайно непримѣтно мелькаютъ самоѣды заурядъ съ другими инородцами финскаго племени, какъ виновные въ кражѣ. Мордву, черемисъ, чувашей, вогуловъ позднѣйшія тобольскія табели перестали даже выдѣлять изъ общаго числа сосланныхъ. Хотя эти племена наиболѣе успѣли слиться съ сосѣдями и затонуть въ славянскомъ морѣ, тѣмъ не менѣе въ ихъ племенныхъ обычаяхъ, въ темпераментѣ, въ условіяхъ быта, утверждаемаго еще до сихъ поръ на кое какіхъ осколкахъ древнихъ законовъ номадовъ — слѣдуетъ искать оправданіе очень многихъ причинъ ссылки. Едва ли въ виду этихъ данныхъ можетъ что либо опредѣлившееся и характерное подсказать вѣроисповѣданіе, за которымъ можетъ спрятаться живой и пылкій темпераментъ рядомъ съ вялымъ и флегматическимъ; рядомъ съ грамотнымъ и развитымъ нѣмцомъ, испорченнымъ городскою жизнью затчется за-

*) Иностранцы завиняются и высылаются всего чаще за подѣлки всякаго рода актовъ, за переходъ за границу, за тайный ввозъ иностранныхъ товаровъ. Въ послѣднемъ случаѣ довольно примѣтны между русскими евреями еврей-иностранцы. Женщины-иностранки высылаются въ Сибирь исключительно за развратное поведеніе.

битый, задержанный въ развитіи тѣми же нѣмецкими баронами какой нибудь деревенскій эстль или латышъ; съ осѣдлымъ и развитымъ касимовскимъ и казанскимъ татаринимъ подь мусульманиномъ пройдутъ степные дикари вродѣ ногайца и киргиза, или дикари горные, вродѣ чеченца или лезгяна. Этимъ племеннымъ свойствамъ должны уступить свое мѣсто вліянія религіозныя, которыя, при всей тщательной разработкѣ этого вопроса по тобольскимъ табелямъ, подсказываютъ весьма немногое. Онѣ говорятъ, напр., что затворница-мусульманка наименѣе всѣхъ склонна къ преступленіямъ, однако, въ равной же степени процентныхъ отношеній находятся въ безгрѣдовности домохѣдки православнаго исповѣданія: купчихи и жены лицъ духовнаго званія — попадьи, дьяконицы и дьячки, но наибольшую часть сытыя и хорошо обезпеченныя. По тобольскимъ табелямъ католикамъ наиболѣе присущи государственныя преступленія, но подь католиковъ попали поляки, потерявшіе свое очечество и въ поискахъ его свободы дѣйствительно увлекшіе своихъ всендзовъ, — представителей вѣры, и дѣйствительно, въ костелахъ и церковныхъ иѣсняхъ сьумѣвшихъ найти наилучшія мѣста и предства къ политическому возбужденію. Правда, сто индифферентныя въ вѣрѣ, обезличенныя униєю обитатели западныхъ окраинъ Имперіи виновны въ святотатствѣ, но виновы они столько же, какъ и евреи, для которыхъ преступность свя-

тотатства въ національномъ, религіозномъ смыслѣ исчезаетъ въ преступленіи простого воровства. Если въ преступленіяхъ противъ самой религіи наибольшая виновность остается за православными, то и въ этомъ случаѣ она далеко не въ равной степени распредѣляется между сѣверными и южными жителями Россіи: великоруссы, отличающіеся наибольшою пытливостью въ дѣлахъ вѣры, числомъ ссыльныхъ несравненно превосходятъ индифферентныхъ малороссовъ и бѣлороссовъ, какъ въ преступности по богохуленію и отвлеченію отъ вѣры, такъ и по ересямъ, расколамъ, скопчеству и т. под.

Русскіе подданные православнаго исповѣданія, во всякомъ случаѣ, заявляютъ наибольшую склонность лишь къ бродяжеству и тѣсно съ нимъ связанной поддѣлкѣ документовъ (т. е. фальшивыхъ паспортовъ). Сильная виновность православнаго населенія Россіи замѣчается еще въ преступленіяхъ убійства и въ поддѣлкѣ ассигнацій, но въ склонности къ убійствамъ, православные уступаютъ мусульманамъ, у которыхъ она сильнѣе, а по процентнымъ отношеніямъ поддѣльвателей ассигнацій и монеты надь русскими преобладаютъ евреи. Виновность въ бродяжествѣ ослаблена для русскіихъ въ настоящее время совершившимся великимъ фактомъ — освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости. Последняя была основною и несомнѣнною причиною этого исключительнаго русскаго преступленія.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ПОЛИТИЧЕСКІЕ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПНИКИ.

Политическіе ссыльные. Государственные преступники.
Исторія каторги.

ГЛАВА I.

ПОЛИТИЧЕСКІЕ ССЫЛЬНЫЕ.

Ссылка поляковъ въ Сибирь.—Первые ссыльные поляки: Черниговскій на Амурѣ.—Брыжановскій.—Довелась—воевода Обуховъ.—Польскіе конфедераты.—Злодѣяства надъ ними.—Состояніе администраціи въ Сибири.—Цестель.—Трескинъ.—Исправникъ Лоскутовъ.—Сперанскій.—Нѣмцовъ и разбойникъ Гондюхинъ.—Собачья оспа.—Кохъ.—Ушрванскій полкъ.—Народные притѣснители.—Чудакъ Нарышкинъ.—Горные начальники: Рычковъ, Варботъ-де-Марни, Милекинъ.—Фришъ, Черницынъ.—Шведскіе пѣльные.—Татищевъ.—Беневскій—извѣстный искатель приключеній.—Его бѣгство изъ Камчатки; разнообразныя походы вокругъ свѣта и смерть на островѣ Мадагаскарѣ.—Судьба его товарищей.

Переходя теперь къ такъ называемымъ политическимъ и государственнымъ преступникамъ, мы на этотъ разъ останавливаемся на ссыльныхъ за политическія преступленія, т. е. полякахъ, и по задачѣ нашей работы на тѣхъ чертахъ и особенностяхъ, которыми характеризуются ихъ ссылка въ Сибирь. Сосланнымъ за государственный преступленія, по исключительному отношенію къ лицамъ русскаго происхожденія и также къ значенію ихъ на мѣстахъ ссылки въ Сибири, предназначается слѣдующая статья.

Сибирь сдѣлалась мѣстомъ политической ссылки и временнаго пріюта для политическихъ ссыльныхъ, въ значеніи карательной мѣры, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ судьбы Польши тѣснѣе соединились съ судьбами Россіи. Постоянная и притомъ систематическая и ежегодная высылка людей, недовольныхъ этимъ воссоединеніемъ, началась со временъ Екатерины, т. е. съ перваго раздѣла Польши. Вмѣстѣ съ ними, съ этого же времени, начали появляться въ Сибири поляки, ссылаемые и за всѣ другіе роды преступленій, возмѣщаемыхъ ссылкой. Преступники послѣднихъ видовъ освобождали свою родину въ подчиненіи общимъ законамъ человѣческой преступности, не представляя рѣзкихъ и характерныхъ особенностей. Преступники политическіе, появленіемъ своимъ въ Сибири, стали представлять большую или меньшую степень политическаго возбужденія умовъ въ царствѣ, лишенномъ правъ на самостоятельную государственную жизнь. Наибольшее

скопленіе польскихъ патриотовъ въ ссылкѣ, выражаемое значительнымъ возрастаніемъ цифры ссыльныхъ, стало указывать на предшествовавшіе государственные кризисы Польши, когда она противъ русскаго владычества въ краѣ поднимала возстанія и платилась затѣмъ изгнанниками „за бунтъ и измѣну, за преступленія по первымъ двумъ пунктамъ, за неповиновеніе и за оставленіе отечества“. Цифры по годамъ стали указывать на историческія эпохи завоеваннаго и побѣжденнаго народа и, группируясь въ числовые итоги, сумѣли выразить въ ссылкѣ три различныхъ періода ссыльной жизни поляковъ въ Сибири. Къ первому періоду относится время отъ появленія въ ссыльной странѣ первыхъ поляковъ — барскихъ конфедератовъ, съ послѣдующею затѣмъ высылкою поляковъ изъ войскъ Костюшки до времени освобожденія тѣхъ и другихъ императоромъ Павломъ. Время до 26 года нынѣшняго столѣтія протекло безъ калѣбныхъ жертвъ для польскаго народа, но послѣ возстанія 1831 года выразилось въ Сибири быстрымъ увеличеніемъ числа изгнанниковъ, которые оставались въ Сибири до восшествія на престолъ Императора Александра Николаевича. Кромѣ замѣшанныхъ въ какихъ либо новыхъ преступленіяхъ на мѣстахъ ссылки, всѣ, находившіеся въ Сибири, политическіе изгнанники были возвращены на родину; осталась незначительная часть. Въ теченіи шести послѣдующихъ лѣтъ политическихъ ссыльныхъ въ Сибири не было, но съ весны 1863 года стали

прибывать первыя, но новыя и значительныя партіи поляковъ, такъ что къ концу 1866 г. общее число ссыльныхъ поляковъ возросло до 18.000 душъ обоюго пола. Для ссыльной Польши наступилъ третій, современный намъ періодъ. Разсмотримъ каждый изъ этихъ періодовъ отдѣльно, для болѣе яснаго представленія исторической картины политической ссылки поляковъ.

Далеко до временъ Екатерины, до обнаруженія болѣе яркихъ и характерныхъ чертъ польской ссылки въ тѣ времена, когда русскіе казаки кончали свои завоеванія въ Сибири (выстроивъ остроги на Ленѣ, пробирались въ Камчатку) и промышленные люди забрались уже на Амуръ, въ тѣ времена безразсчетныхъ завоеваній и незаконныхъ похищеній и приключеній, въ сибирскихъ лѣтописяхъ является имя перваго ссыльнаго поляка—Никифора Черниговскаго. Насколько можно вѣрить свидѣтельству лѣтописи о польскомъ происхожденіи этого человека, носящаго не польскую фамилію и русское имя, Черниговскій почти единственное лицо, представлявшее поляка въ то темное и малоизслѣдованное время сибирской исторіи. Личность эта, впрочемъ, характерна тѣмъ, что съ нею соединяется исторія первыхъ нашихъ заселеній на Амурѣ. Если въ немъ не выражался типъ польскаго удалца тѣхъ славныхъ воинственныхъ временъ Польши, временъ Яна Собѣскаго, то, во всякомъ случаѣ, въ немъ выяснился одинъ изъ тѣхъ смѣлыхъ и рѣшительныхъ завоевателей, которыми богата была Сибирь въ тотъ вѣкъ окончательнаго ея покоренія подъ высокую руку московскихъ царей. Имя Черниговскаго встало на ряду съ именами Хабарова, Атласова, Пояркова и проч.

Откуда этотъ полякъ былъ родомъ, какія судьбы привели его въ ссылку и поселили на Ленѣ, былъ ли онъ военнопленнымъ, взятымъ на войнѣ 1658 года, начатой за принятіе Россіею подъ свое покровительство Малороссіи—лѣтописи и преданія не говорятъ. Жилъ онъ въ Устькутскомъ острогѣ и былъ досмотрщикомъ за соляными промыслами. При немъ нѣкто Сорокинъ, успѣвшій собрать въ Верхоненскѣ партію головорѣзовъ въ 300 человекъ, съ эсауломъ Краскяромъ и Петровымъ пробирался на суднѣ вверхъ по Ленѣ на Амуръ. Дорогою шайка грабила купцовъ и промышленныхъ людей; въ острогѣ, на устьѣ Куты, ограбила казну, била и пытала купцовъ и служилыхъ людей; поджидала бѣжавшаго съ рѣки Илѣна воеводу, но, потерявъ терпѣніе, отправилась на устье рѣки Олекмы, чтобы и здѣсь ограбить казенные запасы и именно тѣ, которые снаряжены были для отправки на Амуръ, въ Албазинъ. Въ Тугурскомъ острогѣ Сорокинъ отыскалъ порохъ, зарытый въ землю, пробрался на Амуръ, ограбилъ тамъ всѣхъ, кого нашелъ, но тѣмъ и покончилъ; часть шайки его истребили амурскіе

жители, другую—голодъ; третья часть разсыпалась по старымъ знакомымъ мѣстамъ на Ленѣ.

Въ это время (1665 г.) въ Устькутскій острогъ успѣлъ благополучно прибыть илѣнскій воевода Лаврентій Обуховъ; успѣлъ отдохнуть, оглядѣться; осмотрѣвшись, удалось ему запричитывать, что у солянаго надзирателя Черниговскаго жена хороша, да такая, что онъ, не бывавшій въ Польшѣ и притомъ долго голодавшій на сибирскомъ лѣсномъ безлюдьи, много не думалъ. Кладъ на вѣсы свои воеводскія права съ правами ссыльнаго сибирскій воевода стелъ за грѣхъ и за большое для себя преступленіе. Безчисленныя примѣры были у него передъ глазами: самъ знаменитый завоеватель Амура, Ерофей Павловичъ Хабаровъ, слабый въ эту сторону, не клалъ на себя оулки и владѣлъ чужими женами, никого не спрашиваясь. Обуховъ отнял жену у Черниговскаго и, кончивъ дѣла на Ленѣ, поплылъ съ красивою полкою вверхъ по Кутѣ въ Илѣнскъ. Но что Хабарову съ рукъ сходило (онъ отломалъ бока якутскимъ крестьянамъ, присланнымъ въ Киренскъ на его занію для поселенія, и ничего съ ними за то сдѣлать не смѣли), что Хабарову удавалось и чѣмъ другимъ воеводамъ счастливо, на томъ Обуховъ оборвался. Черниговскій рѣшился мстить: собралъ товарищей, напалъ на воеводу, убилъ его и прислугу, захватилъ имущество, не разобравъ казеннаго отъ воеводскаго, и такъ какъ въ это время шатались безъ дѣла свободные люди изъ шайки Сорокина и много другихъ удалцовъ, то Черниговскому и не мудрено было сбить большую шайку. Съ нею, само собою разумѣется, отправился онъ обычною въ тѣ времена и торною дорогою съ бывальными и знающими языками на тотъ же Амуръ, о которомъ не переставали ходить баснословные слухи. Пошелъ онъ туда именно въ то несчастное время, когда преемники и послѣдователи Хабарова успѣли испортить дѣла до того, что русскіе люди стали уходить съ Амура назадъ. Степановъ былъ убитъ, часть казаковъ пустилась черезъ хребты въ Якутскъ, другая по рѣкѣ добралась до Шилки, тамъ отыскала Пашкова и поступила къ нему на службу. Амуръ опустѣлъ.

Черниговскій вышелъ на Амуръ именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ до гла разоренный китайцами Албазинъ. Наскоро построилъ онъ тутъ же деревянную крѣпость (18 саж. длины и 13 ширины); на стѣнѣ къ рѣкѣ укрѣпилъ двѣ башенки, на нагорной къ лѣсу—одну, но со вѣдными воротами. Изъ для своихъ удалцовъ внутри крѣпости онъ не строилъ (какъ сдѣлалъ это Хабаровъ и дѣлали прочіе сибирскіе казаки-завоеватели); казакія жилища приладилъ онъ внѣ, въ сторонѣ; внутри крѣпости соорудилъ только одну кладовую. Построивъ острогъ, Черниговскій принялся за обычныя дѣла тѣхъ мѣстъ и того времени: сталъ соби-

рать съ тунгусовъ асакъ крупными и пушистыми, знаменитыми и въ наши дни, албазинскими соболями, но, памятью объ убійствѣ воеводы и по примѣру Ермака, сталъ отсылать асакъ въ Нерчинскъ, къ воеводѣ. Потомъ уже онъ прямо отъ себя съ нарочными отправилъ въ Москву и отборный асакъ и повинную. 15-го марта 1672 года, по первому приговору въ Москвѣ, Черниговскаго съ сыномъ приговорили къ смертной казни, а 46 человекъ его первыхъ устькутскихъ товарищей къ жестокому тѣлесному наказанію, но, по бывалымъ примѣрамъ, черезъ два дня приговоръ отмѣнили и вмѣсто казни сказано Черниговскому милостивое государево слово: за вину прощенье и грѣха разрѣшеніе, да сверхъ того положена была награда въ двѣ тысячи рублей. Изъ Нерчинска присланъ отъ воеводы приказчикъ, въ 1681 году отъ царя изъ Москвы воевода Толбузинъ; товарищи Черниговскаго выстроили Покровскую слободу и занялись хлѣбонашествомъ. Русская жизнь на берегахъ Амура опять закипѣла и приладилась уже настолько прочно, что нѣкій старецъ, іеромонахъ Ермогенъ, заложилъ неподалеку отъ города, на Брусняномъ камнѣ, монастырь во имя Спаса. Прибыли крестьяне и Покровская слобода стала походитъ на настоящее дѣловое селеніе. Начиная Черниговскаго возымѣлъ блестящій успѣхъ: Амуръ опять потянулъ на русскую руку (но тянулъ недолго). Самъ Черниговскій сошелъ со сцены и исчезъ во мракѣ историческихъ временъ: имя его больше не повторялось, что случилось съ нимъ, съ этимъ первымъ полякомъ въ Сибири, покрыто мракомъ неизвѣстности. Точно также и послѣдующіе военно-плѣнные литовцы, вмѣстѣ съ московскими стрѣльцами, присылаемые изъ Москвы, съ самыхъ древнихъ сибирскихъ временъ, поступали въ казаки и въ этомъ сословіи исчезали безслѣдно. Изъ нихъ на сибирскія письменныя памяти удалось выдѣлиться одному: Юрію Крыжановскому, оказавшемуся въ 1677 году ясачнымъ сборщикомъ у тунгусовъ. Сборщикъ этотъ такъ притѣснялъ этихъ мирныхъ инородцевъ, что они вышли изъ терпѣнія, стали мстить: перебили казаковъ и въ количествѣ тысячи человекъ осадили Охотскъ и пошли валомъ на приступъ острога. Крыжановскій не успѣлъ спрятаться въ острогъ и былъ осажденъ въ собственномъ домѣ. Тунгусы выломали окно у избы, подъ стѣну наклали огня, засѣвъ въ казачьихъ домахъ слободы, стрѣляли по острогу. Приказный Ярышкинъ не могъ помочь Крыжановскому, напрасно вопившему о помощи. Приступъ, однако, не повторился. Явились слѣдователи, начался судъ. Оказалось, что Крыжановскій лучшихъ соборей отбиралъ себѣ; въ казну складывалъ поплеше, бралъ у инородцевъ женъ и дѣтей на блудное дѣло и проч. Его съ Ярышкинымъ нещадно били кнутаомъ и сослали въ даурскіе остроги

съ тѣмъ, чтобы тамъ обонкъ ни къ какимъ дѣламъ не опредѣлять *).

Выхода изъ мрака XVII в. въ ближайшія къ намъ времена прошедшаго (XVIII) столѣтія, мы встрѣчаемъ въ концѣ его слѣдующихъ поляковъ группами, сначала, какъ мы сказали, въ видѣ барскихъ конфедератовъ—выселенцевъ генерала Кречетникова и прусскаго полковника Сюлли (1769 г.), потомъ приверженцевъ Костюшки (1794 г.). По указу 20 июня 1795 г. присланы были поляки „обитатели древнихъ російскихъ областей, къ Имперіи возвращенныхъ“ по одному человекъ въ Пелымъ, Якутскъ, Тобольскъ, Нерчинскъ, Селегинскъ и Березовъ и 9 человекъ въ другіе отдаленные города **). Первыхъ изъ нихъ (конфедератовъ) преданіе приводитъ изъ Польши измученными на родинѣ различными варварскими истязаніями: съ отрубленными носами и ушами ***); сибирскій губернаторъ Шеншинъ встрѣтилъ ихъ, судя по народному же преданію, съ чувствомъ затаенной злобы и непонятнаго мщенія. Онъ, говорятъ, привязывалъ ихъ къ длиннымъ и толстымъ деревяннымъ круглымъ колодамъ по нѣсколько человекъ вмѣстѣ и приказывалъ, такимъ образомъ, спихивать съ высокой горы тобольскаго кремля. „Обрубокъ, катаясь съ крутой горы, разбивалъ несчастнымъ головы и на лучшей конецъ сокрушала кости“. Несомнѣнно одно, что Сибирь не только въ прошломъ, но и въ первой половинѣ нынѣшняго вѣка представляла страну, страдающую отъ произвола властей, отъ ихъ жестокаго корыстолюбиваго нрава и дикихъ чертъ характера въ такой степени, что съ трудомъ вѣрится жалобамъ очевидцевъ и сказаніямъ современниковъ. Еще Геннигъ пи-

*) При царѣ Алексѣѣ сосланъ въ Сибирь извѣстный Крижаничъ, родомъ хорватъ, латинскій попъ за неправославіе, за выходы противъ грековъ и русскихъ. Тамъ написалъ онъ сочиненіе, драгоцѣнное по изображенію въ немъ состоянія Московскаго государства («Русское государство въ половинѣ XVII вѣка»; другое сочиненіе его «О промыслѣ»). Не былъ ли этотъ хорватъ Юрій Крижаничъ однимъ и тѣмъ же Юріемъ Крыжановскимъ—рѣшить не беремся, за неимѣніемъ положительныхъ данныхъ.

**) Одною шляхтича «за убійство русскаго драгуна» сослали вѣчно на каторгу; на житье въ отдаленные города между прочими — извѣстнаго ксендза Булгака и бывшаго поручика пинской бригады Іосифа Копца, оставившаго записки о своемъ пребываніи въ Сибири. Въ слѣдующемъ году Павелъ I всѣхъ освободилъ указомъ 29 ноября.

***) Барскимъ конфедератамъ, подполковнику Реку и майору Древичу, за нарушение реверса, т. е. продолжавшимъ послѣ отреченія участвовать въ конфедерации, но снова попавшимся въ плѣнъ съ оружіемъ, обрубивали руки и ноги. Замѣчательно сдѣленіе случайныхъ обстоятельствъ: въ Сибирь барскихъ конфедератовъ вель (молодымъ человекъ) тотъ самый Лепарскій, который впоследствии и уже дряхлымъ старикомъ былъ комендантомъ декабристовъ.

салъ Петру I изъ Екатеринбурга: „А ты, государь, пожалуйста, не слушай, что тебѣ говорятъ о Сибири. Всѣ они тамъ мошенники и взяточники, вѣрь такъ! Съ чего мнѣ тебя обманывать? И не обманывалъ: князя Гагарина, владителя Сибири, Петръ принужденъ былъ вызвать въ Петербургъ и повѣсить въ 1721 году „за его неслыханное воровство“. Кому неизвѣстенъ сибирскій герой Пестель, одиннадцатъ лѣтъ управлявшій Сибирью изъ Петербурга, съ клеветомъ своимъ, иркутскимъ губернаторомъ Трескинымъ; люди начала нынѣшняго столѣтія! Пестель управлявшаго тобольскою провіантскою комиссіею, генераль-маіора Куткина, за то, что тотъ на званомъ обѣдѣ позволилъ себѣ въ чемъ-то не согласиться съ нимъ, всемогущимъ генераль-губернаторомъ. гналъ до конца жизни: отдавъ подъ военный судъ, девять лѣтъ томилъ подъ строжайшимъ присмотромъ въ его собственномъ домѣ и, разлучивъ съ семействомъ, не позволяя свиданій; дочь отъ слезъ ослѣпла. Самъ отецъ умеръ подъ стражею и оправданъ сенатомъ уже послѣ смерти. Семейство Куткина (жена съ нѣсколькими дочерьми) доведено было до крайней степени нищеты; какой-то добрый человѣкъ, живншійся на одной изъ дочерей больше изъ состраданія, вывезъ несчастное семейство въ Россію уже послѣ смерти страдальца. Въ то же время Трескинъ тѣ же 11 лѣтъ изъ Иркутска управлялъ Пестелемъ въ Петербургѣ, а на мѣстѣ былъ жестокимъ тираномъ и деспотомъ: министерскихъ предписаній не слушался, частныхъ правъ не уважалъ. Зашалившійся на выдохѣхъ произвола, онъ заставлялъ не только старшихъ чиновниковъ, но и самого вице-губернатора снимать и подавать себѣ шубу и, замѣчая неловкость, бранилъ ихъ тутъ же на чемъ свѣтъ стоитъ. При помощи жены своей, ему невѣрной и жадной взяточницы, онъ сдумалъ поставить дѣла управленія на ту ногу, что они стали всѣмъ ненавистны и невыносимы. Вмѣстѣ съ Пестелемъ онъ былъ на своемъ мѣстѣ крепокъ и оба вмѣстѣ они были едва побѣдимы. Трескинъ отставилъ отъ службы одного совѣтника казенной палаты и выслалъ его изъ Иркутской губерніи съ требованіемъ ко властямъ не позволять ему жить въ одномъ мѣстѣ больше десяти дней. Пестель прибавилъ къ этому то, чтобы не выпускать гонимаго изъ предѣловъ Сибири: несчастный чиновникъ съ семействомъ, на цыганскихъ и бродяжьихъ правахъ, всю жизнь свою принужденъ былъ странствовать по Сибири. „Народъ стоналъ отъ несправедливостей и поборовъ, но его стenanія заглушались тою же силою, которая ихъ возбуждала“. Жаловаться было невозможно: на сибиряковъ наложена была Екатериною эпитимія, сибиряки признаны были кляузниками, людьми безпокойными, ябедниками. Въ одномъ указѣ ея было

выговорено слѣдующее: „Читано передъ нами нѣсколько тысячъ листовъ подъ названіемъ сибирскаго Якобіевскаго дѣла, изъ котораго мы ничего иного не усмотрѣли, кромѣ ябеды, сплетень и кляузъ“, и проч. Якобіи были извѣстенъ сибирякамъ за безжалостнаго тирана. Положенное на Сибирь клеймо дѣлало послѣдующихъ тирановъ безопасными, способствуя имъ расширять произволъ и встать не только внѣ закона, но и здраваго смысла. За жителями Иркутской губерніи сдѣла обязанностью заступиться даже и тогдашній архіерей Михаилъ. Можно судить, насколько было тяжело ссыльнымъ уже изъ одного того, что судьба ихъ была ввѣрена такому человѣку, какъ Лоскутовъ (нижнеудинскій исправникъ), которому поручено было устройство дороги между Красноярскомъ и Иркутскомъ. Дорогу онъ приложилъ превосходную; селенія выстроилъ огромныя; изъ бродягъ сдѣлалъ хлѣбопашцевъ и устроилъ дѣла такъ, что, по преданію, вроненнаго проѣзжимъ по дорогѣ кошелька никто не смѣлъ утаить. Каковы были прикладныя средства и въ чемъ состоятъ ихъ секретъ, можно понять изъ того, что слухъ объ его жестокостяхъ проникъ даже до Петербурга. На мѣстѣ одно имя Лоскутова обдавало всѣхъ ужасомъ. Суровый и самовластный, какъ и его начальникъ Трескинъ, Лоскутовъ иначе не вѣждалъ въ селеніе, какъ съ казаками, которые везли возъ розогъ и прутьевъ. Осматривая избы, заглядывая въ печи, въ чуланы, впутываясь насильно во всякую подробность домашняго быта, онъ безжалостно наказывалъ за всякое уклоненіе отъ предписанныхъ имъ правилъ. Если хлѣбъ былъ дурно выпеченъ, онъ немедленно сѣкъ хозяйку розгами; если квасъ былъ кисель или въ лѣтнее время тепель, сѣкъ и хозяина. Вотфорты его, которыхъ онъ не снималъ съ себя и ночью, хорошо помнятъ до сихъ поръ. Когда онъ узналъ о приближеніи ревизоровъ, то по всему уѣзду отобралъ бумагу, перья и чернила; однако, два старика осмѣлились написать прошеніе и вручить его Сперанскому. Когда Сперанскій, въ присутствіи самого Лоскутова, велѣлъ читать секретари своему это прошеніе вслухъ, старики упали ницъ и не вставали, выжидая, что громовыя силы разобьютъ ихъ на мѣстѣ. Когда Сперанскій тутъ же отрѣшилъ исправника отъ должности и арестовалъ и когда приведеннымъ къ чувству просителямъ объявилъ это рѣшеніе, они, трясясь всѣмъ тѣломъ и схвативъ ревизора за полу, умоляли его шепотомъ не губить себя: „Что ты дѣлаешь? не было бы тебѣ самому за насъ чего худого. Вѣдь это Лоскутовъ, вѣрно ты его не знаешь“. Тѣмъ не менѣе имущество исправника, доходившее цѣною до 80.000 руб. (въ деньгахъ, серебрѣ и мѣхачъ), было заарестовано и самъ онъ отправленъ съ

передовымъ въ Иркутскъ. Союзъ друзей, трехъ исправниковъ, всѣхъ столько же злыхъ и отважныхъ, какъ и первый изъ нихъ, Лоскутовъ, былъ, такимъ образомъ, разрушенъ.

Сибирь въ это время была свободна отъ политическихъ изгнанниковъ. На нихъ долю выпали тиранническіе порывы и деспотическія выходки людей предшествовавшаго вѣка, столько же жестокихъ и несправедливыхъ отъ недостатка образованія и нравственнаго развитія. Иркутскій губернаторъ Нѣмцовъ или, какъ онъ самъ подписывался, „со властью губернаторскою бригадирскаго ранга Нѣмцовъ“, учреждаетъ какую-то глухую команду, ѣздить съ нею по городу и наводитъ страхъ на мирныхъ жителей; находится въ дружбѣ съ извѣстнымъ разбойникомъ Гондюхинымъ; разъ зазываетъ гостей на пикникъ за городъ, гдѣ нападаетъ на нихъ этотъ разбойникъ съ шайкою и грабитъ до послѣдней нитки. Мелкихъ подчиненныхъ Нѣмцовъ бьетъ своими руками. Одного изъ чиновниковъ по крупнѣ велитъ привязать къ столбу и держать на привязи долго въ страхъ и поученіе прочимъ. Объяды охотскаго коменданта Козлова-Ургена по его области долго вспоминались въ Камчаткѣ подъ именемъ „собачьей оспы“. Другой охотскій начальникъ оставилъ о себѣ память въ извѣстной поговоркѣ: „На небѣ Богъ, а въ Охотскѣ—Кохъ“. Народъ такъ былъ увѣренъ въ несокрушимой истинѣ подобныхъ поговорокъ и той, что „до Бога высоко, а до Царя далеко“, что охотливо поступалъ по примѣру той сибирской горужанки, у которой воевода отняла куръ съ цыплятами и обиженная утѣшилась тѣмъ, что поставила въ церкви къ иконамъ свѣчу за обидящихъ. Купцы и порядочные посадскіе, удостоенные чести приглашенія къ столу начальниковъ въ большіе праздники и именины, уходя домой, считали обязанностью своею оставить хозяйку за угощеніе по полтинѣ и по рублю. За однихъ утѣшавшихъ гражданъ попробовалъ заступиться городской голова, пожаловался министру и былъ за то ближайшимъ начальствомъ высланъ въ Нерчинскъ (братъ его въ Жиганскѣ), гдѣ оба скоро умерли. Другого именитаго купца довели до сумасшествия, посадили въ домъ умалишенныхъ, откуда онъ пропалъ безъ вѣсти. Въ Иркутскѣ не остановились даже надъ самимъ архіереємъ: вызвали его на судъ, судили его судомъ священниковъ, заставляли ѣздить въ маскарадъ и любоваться фарсами масокъ, скакавшихъ и плясавшихъ передъ нимъ. И такъ далѣе—въ безконечность.

Переходя отъ высшихъ къ низшимъ, мы видимъ цѣлый полкъ, расположенный въ западной Сибири, превратившимся въ организованную огромную шайку грабителей: за притѣсненія, грабежи и безчестія надъ обывателями

сибиряки прозываютъ этотъ полкъ—Ширванскій—Уширванскимъ *). „Сибирь,—по выраженію соликамскаго лѣтописца:—была наполнена присяжными разбойниками, кормящимися властями, т. е. воеводами, комиссарами, приставами, для коихъ украсть, ограбить, даже убить человѣка изъ-за денегъ, продать душу за алтынъ, считалось ни во что“. Горные начальники, будучи независимыми отъ губернатора, за темными лѣсами, за высокими горами, въ нѣсколькихъ тысячахъ верстъ отъ Россіи, пользовались такою обширною властью, что охотно употребляли ее во зло. Они могли производить въ чины до капитана, могли награждать и наказывать чиновниковъ и вотъ изъ такихъ, прѣхавшій въ нерчинскіе заводы въ 1775 году, Вас. Вас. Нарышкинъ, членъ вѣкъ древняго боярскаго рода, крестный сынъ Екатерины II, произвелъ въ офицерскіе чины, на мѣсто исключенныхъ имъ прежнихъ чиновниковъ, новыхъ изъ каторжныхъ. Произвелъ изъ таковыхъ 120 человѣкъ и, въ томъ числѣ, въ офицеры двухъ барскихъ конфедератовъ, которые сосланы были сюда въ солдаты рабочаго горнаго батальона (Перхуровича и Викентія Касаковскаго). Этотъ Нарышкинъ съ самаго прѣзда одиннадцать мѣсяцевъ просидѣлъ дома съ закрытыми ставнями, никуда не выходя, никому не показываясь. Рѣшившись покончить съ затворничествомъ и выйдя на свѣтъ Божій въ Свѣтлое Воскресеніе, началъ цѣлый рядъ чудачествъ и сумасбродныхъ выходокъ: вмѣсто заутрени на Пасху велитъ слу-

*) Кстати нѣсколько словъ объ немъ: полкъ становился на квартирахъ въ наилучшихъ деревняхъ широко и прихотливо, отъбѣдася до отвалу; шагу не дѣлалъ пѣшкомъ—всегда на крестьянскихъ подводахъ, съ изобиліемъ съѣстной провизіи, доставленіе которой лежало тяжестью на крестьянахъ. Шестіе полка въ лагерь нескончаемыми обоями уподоблялось походу двухъ цѣлыхъ армій или цѣлой губерніи, идущей на переселеніе въ обѣтованныя мѣста. Въ лагерѣ солдаты въ палаткахъ не жили, пристроиваясь въ деревняхъ и только офицеры, перебывавшіе по лагерю въ плафрояхъ. Нижніе чины казались исполнителями и красавцами; старика ни одного; ростъ начинался съ 2 арш. 6 вершк. и оканчивался 2 арш. 13 вершк. Сбруя блестящая съ наборомъ, называемая галантерейною лавкою; лошади всѣ одной масти. Щегольство въ одеждѣ было замѣчательное: перевязи, портупей, ратровые ремни и сапоги чистились подъ лакъ; пуговицы и пряжки были полированы. Все это на счетъ сибиряковъ-крестьянъ, все это ради наружнаго блеска. На самомъ дѣлѣ вотъ какъ характеризировалъ это воинство въ 1833 году генералъ съ опытнымъ строевымъ глазомъ. «Выправка и стройка неправильны и некрасивы; маршировка на каблукахъ (все толстяки) со вздернутыми носками; шагъ коротокъ и потому качки и стучу много, ружейные приемы слабымъ, но ловкости и развязки въ рукахъ нѣтъ; стрѣльба залпами хороша, но рядами слаба и шумятъ по фронтѣ, суетятся, толкаются».

жить прежде обѣдню, въ церковь ведутъ его двѣ толстыя женщины, онъ идетъ, прилязая и припѣвая свою любимую пѣсенку („Батюшко богатъ, черевички купишь“); идущіе сзади чиновники ему подпѣваютъ. Принявшись за дѣла, онъ приблизилъ къ себѣ пятерыхъ секретныхъ арестантовъ, изъ которыхъ двухъ сдѣлалъ секретарями; за вины билъ батожьемъ и не сказывалъ за что: „известно-де мнѣ одному“; въ растратѣ казенныхъ денегъ не стѣснялся, отчета объ нихъ и самихъ денегъ въ Петербургъ не посылалъ. Когда не хватало казны, онъ бралъ деньги у богатаго купца Сибирякова, имѣвшаго нѣкоторые заводы на арендѣ. Когда въ другой разъ Сибиряковъ отказалъ, Нарышкинъ явился передъ его домомъ съ пушками и угрозою стрѣлять, если купецъ не выдастъ потребнаго; Сибиряковъ вышелъ на крыльцо съ серебрянымъ подносомъ, на которомъ положены были затребованныя пять тысячъ. Учредилъ какой-то новый праздникъ („Открытие новой благодати“), приказывалъ всѣмъ каяться во грѣбахъ, изстрѣлялъ много пороху, того самага, который столько необходимъ при горныхъ работахъ. Набралъ войско, присоединилъ къ нему вновь организованный гусарскій полкъ изъ тунгусовъ и двинулся съ пушками и колоколами походомъ изъ Нерчинскаго завода черезъ городъ Нерчинскъ, Вратскую степь и Верхнеудинскъ на Иркутскъ. По дорогѣ останавливалъ купеческіе обозы, отбиралъ товары, выдавая росписки. Хотѣлъ завладѣть Иркутскомъ, но это предпріятіе ему не удалось. Самодуръ, названный въ указѣ шалуномъ, успѣлъ натворить много бѣдъ, оставилъ на слѣдахъ своихъ много всякихъ глупостей, чудачествъ и заключеній. Въ Верхнеудинскѣ его арестовали хитростью, увезли въ Иркутскъ, гдѣ онъ снова еще долгое время чудачилъ, пока не увезенъ былъ въ Петербургъ (см. ниже „Исторію каторги“). Последовавшіе за нимъ (исключая Барбота-де-Марни) горные начальники были немногимъ лучше его. Рычковъ хотя и былъ образованнымъ и умѣвшимъ человекомъ, но въ то же время суровымъ до того, что забивалъ людей палками до смерти, хотя смертная казнь и уничтожена была еще Елизаветою. Начальникъ Кутмарскаго завода, Милекинъ, жестокимъ обращеніемъ своимъ навелъ на всѣхъ такой страхъ, что во время прогулокъ его по улицамъ, дѣти убѣгали прочь и старики прятались за углами домовъ, а когда ходилъ по селенію, живой души не было видно, всякій боялся встрѣчи съ нимъ. Другой изъ приставниковъ, еще меньше званиемъ и мельче знаніемъ (урядникъ Кулаковъ) походилъ на рѣшительнаго звѣря: всякій разъ, когда онъ шелъ на мѣсто работъ, за нимъ несли пуки розогъ. Если онъ бывалъ въ неприятомъ расположеніи духа и кто нибудь не понравился ему на первыхъ шагахъ, приказывалъ сѣчь розгами, од-

ного за другимъ, всю громаду работниковъ; нѣкоторыхъ уносили прямо въ лазаретъ. Поднимаясь по чинамъ обратно выше, мы наталкиваемся на одного изъ такихъ, который изъ дозорщиковъ уральскихъ за то, что забилъ палками одного работника за криво вконанный въ землю столбъ, былъ присланъ въ начальники нерчинскаго рудника. Горный начальникъ Теодоръ Фришъ, котораго жена водила за носъ, попускалъ слабостью своею настолько, что злая женщина позволяла себѣ наказывать подчиненныхъ и любила сама присутствовать при наказаніи. Другой горный начальникъ, кривой Черницынъ, былъ настолько жестокъ, что не ходилъ и не ѣздилъ безъ плети. Въ дорогѣ требовалъ, чтобы его везли не иначе, какъ вскачь, и если ящикъ останавливался, онъ самъ выходилъ изъ экипажа и производилъ собственноручную жестокую расправу. Много лошадей пало подъ нимъ; много страху и всякихъ обидъ натерпѣлись отъ него всѣ, надъ кѣмъ ему доводила судьба начальствовать; разъ вскинулся на крестьянина за то, что тотъ во время разговора съ его помощникомъ обратился къ самому Черницыну спиною, и избилъ его такъ, что невинный крестьянинъ черезъ два дня умеръ.

Но эти послѣдніе дѣятели увели насъ изъ прошлаго столѣтія въ настоящее (Черницынъ начальствовалъ въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго); возвращаемся назадъ, въ прошлое, чтобы досказать о судьбѣ первыхъ польскихъ ссыльныхъ въ Сибири.

Народная почва, къ довершенію несчастій первыхъ политическихъ ссыльныхъ, была еще не готова. Имъ на первыхъ же порахъ привелось столкнуться съ самымъ крупнымъ народнымъ предразсудкомъ, основаннымъ на религиозномъ предубѣжденіи, а потому вдвойнѣ опаснымъ. Для православныхъ сибиряковъ поляки были поганые обливанны. Когда появились въ Сибири первые иновѣрцы въ видѣ плѣнныхъ шведовъ изъ войскъ Карла XII, ни одна сибирячка не рѣшалась выходить за нихъ замужъ. Въ 1714 году въ Тобольскѣ ихъ гнали съ квартиръ, выбрасывали на улицу ихъ пожитки, осыпали бранью. У начальства они не находили защиты, получали даже пощечины. Русскіе считали ихъ нехристями, священники не вѣнчали. Хотя нѣкоторымъ шведамъ и удалось жениться на православныхъ, но женъ у нихъ отнимали и выдавали за другихъ мужей. В. Н. Татищевъ, известный устроитель уральскихъ заводовъ, принужденъ былъ выговорить себѣ право дозволять на р. Исети (гдѣ теперь Екатеринбургъ и гдѣ онъ полагалъ основать заводъ) селиться желающимъ изъ шведскихъ плѣнниковъ съ тѣмъ, чтобы имъ позволено было жениться на русскихъ дѣвушкахъ безъ перемѣны религіи. Это требованіе вызва-

до указъ синода, разъяснившій, что бракъ съ иноувѣрцами безгрѣшенъ *). Браки установились, но не было такого высшаго правительственнаго мѣста, которое владѣло бы силою разъяснять и ослаблять другіе общественные предразсудки. Положеніе первыхъ политическихъ смыльныхъ было весьма не блестящее.

Изъ группы первыхъ смыльныхъ поляковъ ярче другихъ выступаетъ одна замѣчательная личность, счумѣвшая своими похождениями значительно оживить вообще однообразную исторію политическихъ смыльныхъ и наполнить рассказамъ о себѣ не только Сибирь и Россію, но и Европу. Имя его стало для Сибири настолько историческимъ, что и до сихъ поръ тамъ жива о немъ память, не смотря на то, что спеца дѣйствій—одинъ изъ самыхъ глухихъ и отдаленныхъ угловъ Сибири. Это Морицъ-Августъ Беневскій, именовавшій себя въ Камчаткѣ венгерцемъ Вейноксомъ и называвшійся тамошнимъ народомъ „Августъ-Полякъ“. Судьба его такъ интересна, что мы рѣшаемся остановиться здѣсь, чтобы возстановить правду событія по сказаніямъ сибиряковъ-свидѣтелей дѣла въ сопоставленіи съ рассказомъ самого героя, неизменно лживаго и не безрасчетно хвастливаго **).

Беневскій съ прочими конфедератами, въ силу правила, обрекавшаго въ ссылку только тѣхъ поляковъ, которые не сдержали даннаго слова и, будучи выпущены изъ плѣна, вновь пойманы съ оружіемъ, былъ приговоренъ къ ссылкѣ въ одинъ изъ отдаленныхъ городовъ русскихъ ***). На его долю выпала Казань,

*) Татищевъ объявилъ этотъ указъ на заводахъ священникамъ и плѣннымъ и тѣхъ, которые женятся, не велѣлъ считать невольниками. Много шведовъ жило, кромѣ Тобольска и Соликамска, на казенныхъ уральскихъ заводахъ Уктусскомъ и Алапаевскомъ и на Демидовскихъ (Невьянскомъ, Верхне-Тагильскомъ, Шуралинскомъ и друг.). Иные изъ нихъ занимались ремеслами, другіе мелочною торговлею, многіе заводскими работами. Татищевъ нашелъ Шенстрема, который имѣлъ въ Швеціи свои собственные желѣзные заводы и, будучи знаткомъ въ металлургію, во многомъ помогъ своими совѣтами первому устройтелю уральскихъ заводовъ. Артиллеристъ Шульцъ составилъ ему карту заводскихъ земель и приписанныхъ къ нимъ слободъ и деревень (и получилъ за то 25 рублей, сверхъ прогонъ и 5 руб. подъемныхъ). Миръ со Швеціею освободилъ всѣхъ, кромѣ добровольно пожелавшихъ остаться; такихъ на заводахъ оказалось двое: Берглинъ и Шедаръ (первый въ Кунгурскомъ уѣздѣ завѣдывалъ рудничными работами, второй былъ смотрителемъ Уткинской пристани).

**) Кромѣ слѣдственнаго дѣла о Беневскомъ, сохранилась, между прочимъ, записка канцеляриста Рюмина, ходившаго съ нимъ до Китая и представившаго ее русскому резиденту въ Парижѣ Хотинскому.

***) Взять онъ въ плѣнъ въ 1768 году и выпущенъ на честное слово, что въ эту кампанію не станетъ драться, но въ маѣ 1769 г. снова попался въ плѣнъ къ полковнику Бринкину.

куда онъ былъ посланъ на житье вмѣстѣ съ плѣнными шведамъ и тоже конфедератомъ Адольфомъ Винбладомъ. Здѣсь—по свидѣтельству ген.-прокурора Вяземскаго—„онъ дѣлалъ разными униженіями и дерзкими поступками между своими единомышленниками возмущеніе, отъ чего и былъ удержанъ“; но на этомъ не остановился. Съ подложнымъ паспортомъ онъ ушелъ изъ Казани въ Калугу, гдѣ на то время также содержались нѣкоторые „изъ знатнѣйшихъ польскихъ арестантовъ“. Изъ Калуги, тщательно скрывая свое имя, Беневскій отправился въ Петербургъ вмѣстѣ съ Винбладомъ. „Въ семь столичномъ городѣ перемѣнялъ свое имя и видъ, до тѣхъ поръ скрываясь по трактирамъ, пока, по увѣдомленіи изъ Казани, узнавъ и взявъ былъ полиціею подъ караулъ“ въ то время, когда готовъ былъ сѣсть на корабль и плыть за границу. „А какъ изъ его разспросовъ и виднѣннаго его страннаго вида усмотрѣвъ онъ человекъ не только злонамѣренный, но и отчаянный“, то и приговоренъ былъ къ ссылкѣ въ Сибирь.

Въ Сибири для опасныхъ преступниковъ, каковыми считались въ тѣ времена политическіе и государственные, полагались самыя отдаленныя крѣпости, а самымъ моднымъ мѣстомъ (съ половины прошлаго столѣтія до начала нынѣшняго) считалась Камчатка, а потому Беневскому и указана была эта мѣстность.

Спутниками ему въ дорогѣ и товарищами въ ссылкѣ оказались государственные преступники: майоръ (изъ шведовъ) Винбладъ, гвардіи поручикъ Василій Пановъ, арміи капитанъ Ипполитъ Степановъ, бывший артиллеріи полковникъ Батуринъ и сенатскій секретарь Иванъ Сольмановъ. Пановъ и Степановъ, кажется, посланы за сопротивленіе наказу о сочиненіи Уложенія при Екатеринѣ II. Съ ними и повезли Беневскаго, въ декабрѣ 1769 г., вдоль Сибири, за 13 тысячъ верстъ отъ Петербурга, черезъ Тобольскъ (гдѣ знаменитый сибирскій администраторъ, Денисъ Ивановичъ Чичеринъ, хорошо принялъ ихъ и обладалъ) на Охотскъ. Здѣсь начальникъ порта, полковникъ Плениснеръ также обошелся ласково, а купцы снабдили разными вещами и припасами. На частномъ суднѣ тотемскаго купца Холодилова смыльные въ іюлѣ 1770 года отплыли въ Камчатку и 1.440 верстъ успѣли проплыть въ девять дней, совершивъ весь путь въ полтора года. На пути по морю до Камчатки Беневскій думалъ запереть стражу внизу, завладѣть судномъ и направиться въ испанскія владѣнія. Но было поздно и намѣреніе отложено. Судно пристало въ Большерецкѣ—столицѣ тогдашней Камчатки, уступившемъ впоследствии старшинство свое Нижнекамчатску, а потомъ Авачѣ или Петропавловску.

Устьемъ широкой рѣки, называемой Большою

и дашею свое имя крѣпости, мимо небольшого селенія, стоящаго у самаго устья рѣки со складочными амбарами для казеннаго провіанта, подошли новые ссыльные къ самому городку Большерѣцку, расположенному на краю свѣта въ отдаленномъ и, можно сказать, дикомъ мѣстѣ. На берегу ихъ встрѣтилъ самъ начальникъ Камчатки, арміи капитанъ Ниловъ. Опросивъ прибывшихъ ссыльныхъ, онъ съ тѣми же разспросами обратился и къ Беневскому.

— Кто ты таковъ?—спросилъ онъ его.

— Солдатъ, бывшій нѣкогда генераломъ, а теперь мевольникъ,—отвѣчалъ Беневскій *).

Отвѣтъ капитану понравился. Задичалый на безлюдьѣ Ниловъ бойко выдѣлившася изъ толпы Беневскаго приблизилъ къ себѣ и, подъ впечатлѣніями самобытной и богатой природы образованнаго, смѣлаго и бывадаго человѣка, очутился вскорѣ въ томъ положеніи, когда простое сближеніе переходитъ въ дружбу и привязанность. Начальникъ съ ссыльнымъ конфедератомъ стали неразлучны: Беневскій обучалъ начальническаго сына иностраннымъ языкамъ и математикѣ. Насколько было искрененъ въ своихъ отношеніяхъ къ ссыльному простодушный и довѣрчивый армейскій капитанъ, настолько была сомнительна къ нему привязанность бывшаго генерала, прошедшаго сквозь огонь и воду. Самую тѣсную и нелицемѣрную дружбу завязалъ Беневскій съ Петромъ Хрущевымъ, капитаномъ гвардіи, сосланнымъ по указу 6 декабря 1763 года—человѣкомъ отличнаго ума и большихъ познаній. Къ нему Беневскій былъ помѣщенъ на квартиру. Взаимная привязанность съ этой стороны была прочнѣе, такъ какъ

*) Графъ Морицъ-Августъ Беневскій—магнатъ королевствъ польскаго и венгерскаго, сынъ кавалерійскаго генерала имперской службы, род. въ 1741 г. въ венгерскомъ комитатѣ Нейтра и началъ службу австрійскимъ лейтенантомъ во время семилѣтней войны, при чемъ участвовалъ въ бояхъ подъ Прагою и Швейдницемъ. Въ 1758 г. его вызвали въ Литву, гдѣ ему пришлось получить значительное наслѣдство; выйдя въ отставку, Беневскій отправился путешествовать, побывалъ въ Гамбургѣ, Амстердамѣ и Плимутѣ, гдѣ ознакомился съ морскимъ дѣломъ. Возвратясь въ Польшу, принялъ участие въ краковской и барской конфедераціяхъ, произведенъ въ кавалерійскіе полковники и назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ. Въ 1765 г. получилъ значительное наслѣдство отъ дяди, но узнавъ, что имѣніемъ этимъ завладѣли его двоюродные братья, уѣхалъ въ Венгрію, вооружилъ людей, съ огнемъ и мечемъ завладѣлъ землями (суда не искалъ). Братья счастливо ускользнули изъ плѣна и пожаловались правительству. Поступокъ Беневскаго сочли за бунтъ, приказали отнять имѣніе и предать его суду. Беневскій бѣжалъ изъ Австріи и окончательно поселился въ Польшу; въ 1767 г. думалъ отплыть въ Индію, но, снова получивъ приглашеніе отъ польскихъ магнатовъ, вступилъ въ конфедерацію съ прежнимъ чиномъ полковника, а 6 іюля 1768 г. за храбрость получилъ чинъ генерала.

основывалась она, при одинаковомъ уровнѣ образованія, на обоюдной симпатіи, порождаемой сходствомъ участіи, страданіями и лишеніями ссылки. Друзья занимались обученіемъ дѣтей, собирались даже завести школу русскаго языка для камчадаловъ, читали книги и, между прочимъ, прочли путешествіе лорда Ансона. Дочитавшись до описанія Мариніанскаго острова Тиніана, они увлеклись до того, что стали задумываться надъ возможностью бѣгства въ ту соблазнительную страну, не боясь всякаго рода приключеній, на которыя столь охотливо ходили въ то время отважные люди всѣхъ націй. Въ томъ же Большерѣцкѣ, пятью-шестью годами позднѣе, майоръ Вежъ угощалъ спутниковъ знаменитаго Кука (Гора и Кинга) такъ, что заставилъ ихъ передъ лицомъ всего свѣта превозносить русскихъ похвалами за ихъ гостепринимство и пособія. Черезъ десять лѣтъ позднѣе, и сюда же, приходилъ Лаперузъ.

Примѣръ европейцевъ, между которыми Ансонъ былъ не первымъ, укрѣпилъ европееца Беневскаго въ мысли на возможности кругосвѣтнаго плаванія, а Хрущева на возможности заговора въ средѣ людей недовольныхъ и озлобленныхъ ссылкойю. Хрущевъ сталъ во главѣ, какъ человѣкъ, успѣвшій присмотрѣться къ камчатскимъ дѣламъ и возбудившій къ себѣ общую любовь и довѣріе. Опытнымъ и осторожнымъ камчатскимъ заговорщикамъ все благопріятствовало: Большерѣцкъ только носилъ имя города. На самомъ дѣлѣ это было маленькое селеніе съ деревянною церковью, худшее чѣмъ обыкновенная сельская, съ казеннымъ домикомъ коменданта, казармою, амбарами и десятками кое-гдѣ разбросанныхъ избышекъ. Въ нихъ жили семейства казаковъ, старыхъ и малыхъ 70 человѣкъ, но изъ этого числа нѣкоторая часть находилась въ раскоандировкѣ по полуострову за разными казенными дѣлами. Крѣпость защищала только ветхими стѣнами самихъ строеній, но Беневскій, оставившій описаніе своихъ походовъ въ книгѣ, изданной въ Парижѣ въ 1791 году *), хвастливо представлялъ мѣсто своихъ камчатскихъ походовъ въ самомъ ложномъ видѣ, называя капитана Нилова—губернаторомъ, казацкаго офицера—

*) Voyages et mémoires de Maurice August comte de Benjowsky. Колебу сдѣлалъ изъ этого романа драму, которая переведена на русскій языкъ, три раза напечатана и нѣкоторое время давалась на петербургскомъ нѣмецкомъ театрѣ (но потомъ запрещена). Самое путешествіе переведено было на англійскій, нѣмецкій и другіе языки и пользовалось въ Европѣ огромною извѣстностью. Между прочимъ, Беневскій влезъ въ свой романъ о своихъ отношеніяхъ къ Анастасіи Ниловой, дочери капитана, который ихъ обручилъ; дѣвушка не захотѣла разставаться со своимъ возлюбленнымъ и приняла участие въ его бѣгствѣ, но въ Макао умерла на рукахъ Беневскаго.

гетманомъ, гнилой палисадъ — крѣпостью, канавку, черезъ которую могъ перепрыгнуть ребенокъ — рвомъ, нѣсколько человекъ престарѣлыхъ казаковъ — сильнымъ гарнизономъ и проч. Заговорщикамъ удалось склонить на свою сторону недовольныхъ изъ ссыльныхъ до 65 человекъ (по другимъ 70, по Бенеvesкому 96) и, кромѣ того, казенныхъ штурмановъ и подштурмановъ. Заговоръ и намѣренія свои сумѣли удержать они въ величайшей тайнѣ; ждали только случая привести его въ исполненіе. Обстоятельства, между тѣмъ, продолжали слагаться благопріятно.

Изъ Охотска вышелъ купецъ Чулошниковъ на суднѣ въ 150 тоннъ для звѣринаго промысла на Алеутскихъ островахъ, но плылъ неудачно; едва дошелъ онъ до камчатскаго берега, какъ судно его было выброшено на прибрежныя отмели. Пѣшкомъ кое-какъ добрался промышленникъ до Большерѣвца и остановился тутъ на зиму. Команда, тѣмъ временемъ, пришла въ уныніе, упала духомъ и, наконецъ, вышла изъ повиновенія. Чулошниковъ обратился къ начальству, прося помощи и содѣйствія; недовольство возросло. Бенеvesкій успѣлъ въ этой мутной водѣ наслѣдить рыбу: заявивъ о своихъ намѣреніяхъ, подобралъ партію для весьма заманчиваго предпріятія. Недовольные обратились къ нему депутаціею, прося покровительства. Онъ отбѣдлся оракульскимъ отвѣтомъ, но такимъ, который всю команду расположилъ въ его пользу.

Для возбужденія сочувствія въ простыхъ людяхъ, заговорщики внушали имъ, что Бенеvesкій и привезенные съ нимъ арестанты страдаютъ невинно за государя великаго князя Павла Петровича. На этотъ случай у Бенеvesкаго имѣлся зеленый конвертъ, каковой онъ неоднократно показывалъ, выдавая печать за царскую и увѣряя, что подъ нею письмо къ римскому императору о желаніи Павла вступить въ бракъ съ его дочерью, съ каковымъ Моріцъ и ѣхалъ, но былъ схваченъ на дорогѣ и сосланъ; драгоценный залогъ высочайшаго довѣрія сохранить онъ до конца жизни и доставить.

Въ январѣ, въ квартирѣ Бенеvesкаго, начались частыя сходбища. Новый приказчикъ, смѣнявшій Чулошникова (Ст. Торговкинъ), пришелъ къ Нилову съ жалобою на команду и съ указаніемъ на поляка, какъ на главнаго виновника смуты. Бенеvesкій сдѣлался осторожнымъ. Когда Ниловъ собрался осматривать Авачу, онъ пришелъ къ нему съ просьбою принять планъ колоніи на южной оконечности Камчатки, на мысѣ Лопаткѣ; обезпечивалъ вѣрность успѣха, при хорошемъ, благопріятномъ климатѣ, на заведеніе глѣбопашества и говорилъ:

— Мы уже сдѣлали между собою всѣ нужныя приготовления и осмѣлились наименовать новое селеніе наше въ честь вашу Ниловою. Теперь остается намъ испросить послѣднюю милость: пожаловать какое нибудь судно для отвоза вещей.

Простой, добродушный, довѣрчивый и нетрезвый Ниловъ плѣнился предложеніемъ и согласился отпустить Бенеvesкаго для предварительнаго осмотра мѣстности. Бенеvesкій съ шестью товарищами уѣхалъ. Возвратившись черезъ 11 дней, онъ получилъ радостное извѣстіе, что Хрущевъ успѣлъ подговорить штурмана Гурина (командира пакетбота), готоваго идти въ началѣ мая въ море. Согласіе Гурина — безповоротно и надежно въ томъ отношеніи, что другого выхода ему не представлялось: идти въ Охотскъ онъ не могъ, безъ стыда и опасностей, по случаю неоплатныхъ долговъ своихъ; согласіе же свое онъ далъ подъ впечатлѣніями недовольства своего на начальство, предавшее его суду за неповиновеніе и развратное поведеніе.

Въ ожиданіи ледохода заговорщики принялись обезпечивать возможность предпріятія съ другихъ сторонъ. Между прочимъ, сочинили и распространили басню о какомъ-то островѣ вблизи Камчатки, до того богатомъ золотомъ, что имъ легко нагруаитъ цѣлый корабль. Говорили:

— Мы придемъ туда скоро, нагребемъ на гальотъ золота. Кто не захочетъ идти съ нами въ Европу, того высадимъ на камчатскій берегъ.

Ниловъ ничего не подозреваетъ, обойденный предложеніемъ устройства Ниловки; доносамъ не вѣритъ, не вѣритъ даже и старику Петру Ивашкину, сосланному Елизаветою въ 1742 г. за дерзкія слова, сказанныя имъ въ трактирѣ *). Ивашкинъ много разъ предупреждалъ командира о грозившей ему опасности и существованіи заговора, совѣтуя содержать Бенеvesкаго и Батурина подъ крѣпкимъ карауломъ. Ниловъ предостереженіямъ не повѣрилъ и совѣтовъ не послушался. Не повѣрилъ и одному изъ чиновниковъ, когда тотъ явился къ нему уже весною (25 апрѣля) вмѣстѣ съ казачьимъ сотникомъ и говорилъ, что число бунтовщиковъ увеличивается съ каждымъ днемъ, что они могутъ завладѣть Камчаткою, что надо принять скорыя и крутыя мѣры и проч. Бенеvesкій же къ этому времени успѣлъ разбить свою партію на три части: одну поручилъ шведу Винбладу, другую — Хрущеву, третью часть оставилъ за собою. Едва онъ успѣлъ распорядиться, какъ пришелъ къ нему сержантъ Нилова съ приказаніемъ явиться. Бенеvesкій, оправдавшись болѣзнию, не пошелъ. Явился за нимъ казачій сотникъ, опять звалъ къ начальнику, но и этотъ получилъ тотъ же отвѣтъ. Сотникъ вздумалъ пристращать:

— Если не пойдешь добровольно, прикажу казакамъ тащить тебя.

Два казака уже и вошли было исполнить приказаніе, но товарищи Бенеvesкаго, вскочивъ изъ-за перегородки, всѣхъ троякъ пришедшихъ связали. Вечеромъ Ниловъ прислалъ

*) Объ Ивашкинѣ и Батуриинѣ и другихъ государственныхъ преступникахъ — въ слѣдующей главѣ.

приказъ выпустить сотника и придти Беневскому. Получивъ въ отвѣтъ обѣщаніе придти завтра, Ниловъ ждетъ терпѣливо до 11 часовъ утра. Заговорщики всю ночь не спали, опасаясь внезапнаго нападенія, и въ эту ночь успѣли обдумать все.

Ниловъ, не дождавшись, велитъ собраться солдатамъ и идти схватить ослушника. Приходить капралъ съ шестью человѣками, требуетъ сдачи; Беневскій зоветъ его выпить чашку чая; капралъ соглашается—входитъ. Беневскій представляетъ къ груди его пистолетъ и заставляетъ вызывать людей съ улицы въ избу поодиночкѣ. Вызвавъ ихъ, связали товарищи его веревками и всѣхъ потомъ посадили въ погребъ. Къ тому времени собираются остальные товарищи, Беневскій разбиваетъ ихъ на двѣ партіи: одну посылаетъ овладѣть канцелярією, съ другою идетъ самъ въ крѣпость.

Квартиру Нилова оберегаютъ 8 человѣкъ, но они всѣ спятъ. Заговорщики стучать и не достучатся. Проснувшійся сынъ Нилова даетъ знать отцу о приходѣ многихъ людей, но въ это время крокъ отъ дверей былъ сорванъ, пришедшіе ворвались съ неистовыми криками. Ниловъ успѣлъ было схватить Беневского за галстухъ, но самъ палъ съ разбитымъ пулею черепомъ, съ порѣзанною лѣвою рукою и глубокою раню въ ногѣ. Трупъ его вытащили въ сѣни и бросили. Подчиненные Нилова, не участвовавшіе въ заговорѣ, успѣли броситься вонъ изъ крѣпости. Одинъ казакъ пролежалъ все время подъ столомъ. Наибольшее сопротивленіе оказалъ сынъ сотника Чернаго, который изъ собственнаго дома стрѣлялъ въ мятежниковъ изъ ружья. Его обезоружили и посадили подъ караулъ въ крѣпости. Въ крѣпость приходитъ Хрущевъ съ извѣстіемъ, что канцелярія взята безъ всякаго сопротивленія. Рѣшено: Панову съ 22 человѣками идти собрать дѣтей и женщинъ въ церковь, обложить ее кругомъ соломою и объявить остальнымъ жителямъ, что, при малѣйшемъ сопротивленіи съ ихъ стороны, жены и дѣти ихъ будутъ сожжены. Буйные промышленники купца Холодилова бросились было грабить и хотѣли убить приказчика, но Беневскій далъ ему случай спастись бѣгствомъ и укротилъ буйныхъ. Затѣмъ отправился въ канцелярію, сѣлъ за судейскій столъ и приводилъ народъ къ присягѣ новому императору.

Пановъ и Ватуринъ дѣлаютъ опись деньгамъ въ казначействѣ и всѣмъ казеннымъ вещамъ, отбираютъ изъ послѣднихъ тѣ, которыя намѣрены взять съ собою *). Когда сосчитаны были деньги, Беневскій сталъ раздавать ихъ едино-

*) Въ цейхаузѣ, вмѣстѣ съ пороховою казною, артиллерійскими припасами и другими военными снарядами, нашли и ясачную казну, собранную съ ясачныхъ камчадаловъ. Беневскій говоритъ, что однихъ бобровъ было 748, а съ 268 и 1.900 соболей.

мысленникамъ и разнымъ купцамъ, находившимся въ Большерецкѣ: одному Кузнецову (котораго назначилъ своимъ адъютантомъ) далъ три тысячи. Въ 9-мъ часу вечера велѣлъ принести привезенное изъ Охотска казенное хлѣбное вино. Виноградъ принесли двѣ фляги, которыя тутъ же и были распиты; остальнымъ виномъ Беневскій поилъ какъ своихъ, такъ и всѣхъ жителей, находившихся подъ карауломъ. Выйдя изъ канцеляріи, поставили около нее заряженные ядрами и картечами пушки и мортиры и значительное число вооруженныхъ людей на всю ночь.

На другой день (27-го апрѣля) Беневскій похоронилъ Нилова самъ, подѣ Успенской церкви. Затѣмъ тотчасъ же велѣлъ готовиться къ походу: къ 28-му числу были изготовлены паромы и для того собраны боты и лодки (числомъ 11-тъ), принадлежавшіе тамошнымъ казакамъ и жителямъ; погружены порохъ и артиллерійскіе снаряды, казенное остаточное вино, провіантъ и рулядь (кромѣ соболей и лисиць); посажены всѣ люди, какъ аманаты (кромѣ малолѣтнихъ). Сообщники его, между тѣмъ, грабили кого хотѣли, отчего многіе жители бѣжали и нѣкоторое время скрывались въ тундрахъ. 30-го апрѣля Беневскій былъ уже въ Чекавинской гавани, вблизи устья Большой рѣки, и занялся приготовленіемъ гальоты „Св. Петра“, бывшаго еще во льду. На немъ-то онъ и ушелъ кругомъ свѣта черезъ 12-тъ дней (12 мая 1771 г.). Доносчиковъ канцеляристовъ онъ взялъ съ собою и одному изъ нихъ, болѣе другихъ виновному, велѣлъ исправлять тяжелую работу коха. На гальотѣ водружено было знамя императора; вся пустившаяся въ плаваніе шайка назвалась „собранною компанією для имени его императорскаго величества Павла Петровича“. Всѣ дали присягу защищать знамя и послѣдней капли крови. Затѣмъ они составили объявленіе для отсылки черезъ Большерецкъ въ правительствующій сенатъ и подписались всѣ заговорщики, кромѣ Хрущева. Въ объявленіи кратко излагалось, что законный государь Павелъ Петровичъ незаконно лишенъ престола, что раззорительная война съ Польшею ведется для одного Понятовскаго, что народная собственность, вино и соль, отданы на откупъ немногимъ; что отъ монастырей взяты крестьяне на воспитаніе незаконныхъ подкидышей, что у депутаціи для составленія законовъ отнято право свободнаго обсужденія; что подати необычайны и оброкъ безразлично собирается съ калѣкъ и младенцевъ, какъ бы со здоровыхъ; что несправедливые, криводушные судьи наказываются только денежнымъ штрафомъ; что добрымъ золотомъ пользуются только одни царскіе любимцы; что народъ коситъ въ неѣжествѣ и страждетъ; что Камчатка раззорена своевольными начальниками.

Какъ до сихъ поръ помогалъ Бенеvesкому умъ, удержавшій въ толгѣ ненадежныхъ людей тайну заговора въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ и постигнувшій возможность достигнуть изъ Камчатки въ Китай, такъ теперь начинается дѣйствовать отвага, разсчитывающая совершить опасное морское плаваніе при пособіи кое какой карты, приложенной къ путешествію Ансона. Тѣмъ не менѣе, придерживаясь береговъ, на шестой день плаванія искатели заключеній завидѣли первый островъ (островъ оказался четвертымъ изъ Курильскихъ, Мазикакомъ). На немъ бѣглецы пекли хлѣбъ, сушили сухари, исправляли судно, шили флаги и вымпелы и творили судъ надъ тѣми, которые рѣшились „всѣхъ тѣхъ злодѣевъ на суднѣ погубить и, овладѣвъ судномъ, идти обратно въ Вольперѣцъ“. Троицъ изъ нихъ Бенеvesкій высѣкъ нещадно кошками, но оставилъ на суднѣ. Трое другихъ (штурманскій ученикъ Измайловъ и камчадалъ Парончинъ съ женою), высѣченные кошками, оставлены были на пустомъ островѣ съ нѣкоторымъ запасомъ ржаной муки. Какъ они потомъ ни кричали, сколько ни плакали, Бенеvesкій оставался въ своемъ рѣшеніи непоколебимымъ *). Подъ англійскимъ вымпеломъ гальотъ „Св. Петра“ пошелъ въ море дальше. Свѣжею водою при слѣдующей стоянкѣ наливался гальотъ уже на одномъ изъ японскихъ острововъ, не смотря на то, что жители, стоя на берегу, отмахивали ихъ лодку отъ берега. Сухари пекли и снова наливались водою, подъ защитою артиллеріи, на берегу новаго японскаго острова Танао-Сима. Слѣдующая стоянка не посчастливила: жители не только не пустили на берегъ, но еще затѣяли перестрѣлку. Островъ этотъ былъ уже Формоза. На немъ изъ прибывшихъ за свѣжею водою туземцы троицъ убили (и, между прочимъ, Василія Павлова), троицъ ранили стрѣлами. Бенеvesкій жестоко отомстилъ имъ за то тѣмъ, что изъ первыхъ понавшихся пльвшими мимо на лодкѣ троицъ застрѣлялъ, за другими двумя послалъ погоню, которая и иврнула ихъ въ куски. Трупы товарищей похоронили, шалаши и лодки сожгли и, выбросивъ на островъ 21 ядро, поплыли дальше. Пять дней бродили, не зная своего мѣста. Пристали къ китайскимъ берегамъ и здѣсь, въ городѣ Макао, при содѣйствіи португальцевъ, Бенеvesкому удалось продать гальотъ губернатору за 4.500 піастровъ. О приставаніи корабля въ Макао пограничное сибирское начальство узнало отъ миссіонера Августина, дало знать въ Иркутскъ уже въ то вре-

*) Судьба сжалилась надъ этими нашими Гобинзонами тѣмъ, что во время одного изъ обходовъ ими острова привела на четвертый день къ судну русскихъ промышленниковъ купца Протодьяконова. Измайловъ во все это время пытался одними ракушками, морскою капустою и кореньями.

мя, когда императрица частнымъ образомъ узнала о камчатскомъ событіи и о возвращеніи Бенеvesкаго въ Европу. Въ Макао русскіе узнали обманъ, до котораго себя допустили. Бенеvesкій, живя у губернатора острова и продавъ гильотъ какъ свою собственность, объявилъ ему, что его отечество Венгрія, почему и всѣмъ русскимъ велѣлъ также называться уграми, запретилъ имъ креститься и молиться образамъ. Винбладъ и Степановъ съ нимъ разсорились, но Бенеvesкій успѣлъ оклеветать всѣхъ въ намѣреніи произвести бунтъ и завладѣть городомъ. Ихъ разсадили по тюрьмамъ, всѣ принуждены были смириться, кромѣ Степанова, не хотѣвшаго дать подписки на подданство римскому императору; онъ предпочелъ за лучшее остаться въ заточеніи. Бенеvesкій его съ собою не ваялъ. На дальнѣйшемъ плаваніи его умеръ Ватурианъ и оставлено больными еще семь человекъ; пять человекъ умерли во Франціи. Часть команды (15 человекъ изъ 70) умерла отъ лихорадки и горячки, другая часть помѣстилась на двухъ французскихъ фрегатахъ и немедленно отправилась изъ Кантона въ море. Въ мартѣ 1772 г. бѣжавшіе изъ Камчатки русскіе пристали къ французскому острову Иль-де-Франсу. Въ концѣ марта слѣдующаго года пробирались они нѣшкомъ въ Парижъ и явились тамъ къ резиденту Хотинскому, который обласкалъ ихъ и удовольствовалъ. 30-го сентября того же 1773 года кругосвѣтные плаватели приплыли въ Кронштадтъ; 3 октября ихъ отправили въ Сибирь, въ сопровожденіи двухъ сенатскихъ курьеровъ и съ извѣщеніемъ новому камчатскому коменданту о томъ, что „по дошедшимъ ко двору извѣстіямъ, Бенеvesкій (извѣстный въ Камчаткѣ подъ именемъ венгерца Бейснокса) явился во Франціи и напечатать себѣ покровительство, какъ у державы, къ Россійской имперіи не доброхотствующей“. „Французскій дворъ (пишетъ далѣе генераль-прокуроръ Вяземскій), вооружа для него фрегатъ и малую флотилію, отправляетъ его съ 1.500 человекъ войска, якобы въ Остъ-Индію для завоеванія тамъ новаго у варваровъ селенія, въ самомъ же дѣлѣ, по примѣчаніямъ, прямое намѣреніе его экспедиціи укрывается. Данное отчаянному оружіе въ руки, сколько ни кажется смѣха и презрѣнія достойнымъ, благоразуміе однакожъ остерегаться и противъ безумнаго стремленія заставлеть и противъ безумнаго отчаяннаго головою въ дѣйство производится. Но какъ притомъ помянутаго Бенеvesкаго во время арестованія въ Петербургѣ самъ я видѣлъ человекомъ, которому жить или умереть все едино, то изъ сего не безъ основанія и подозрѣвать можно, что онъ, зная свободный проѣздъ до Камчатки и имѣя о берегахъ и о жителяхъ ея свѣденія, не покусился бы когда сдѣлать и на нее какіе либо поиски“.

Опасенія были напрасны: Бенеvesкій предла-

галь французскому правительству завести колонию на Формозѣ, но двору хотѣлось занять Мадагаскаръ. Туда онъ и отправился на счетъ правительства. Полтора года провелъ онъ тамъ въ борьбѣ съ жителями и съ начальникомъ острова Иль-де-Франса, но борьбы и интригъ не выдержалъ и бѣжалъ въ Лондонъ. Здѣсь написалъ мемуары свои, наполненные всякаго рода заманчивыми биснями; издатель Магелланъ познакомилъ его съ богатымъ торговымъ американскимъ доможъ въ Балтиморѣ. Въ 1784 году Беневскій былъ тамъ и успѣлъ согласить на завоеваніе Мадагаскара. Двѣ пушки привѣтствовали его, какъ стараго знакомаго на этомъ островѣ съ крѣпости Луибурга 20 сентября 1784 года. Вступивъ на берегъ, онъ вскорѣ началъ усиливаться до того, что версальскій кабинетъ, при содѣйствіи англичанъ, рѣшился выгнать его оттуда и отправилъ фрегатъ съ ротой солдатъ; солдаты Беневскаго затѣяли съ французами свалку. Беневскій не хотѣлъ сдаваться, засѣлъ въ замкѣ, имъ же самимъ построенномъ. Боясь засады, французы четыре дня не рѣшались идти; войдя, увидѣли три трупа и между ними трупа красавца Беневскаго съ орденами св. Духа и Людовика на груди; въ карманѣ—полпистра, въ сердцѣ—пуля, пущенная, говорятъ, 23 мая 1786 г. однимъ изъ туземцевъ, не хотѣвшимъ бороться съ французами.

Возвращаемся въ Камчатку на горячіе слѣды бѣглецовъ. 83 человекъ приказныхъ, военныхъ и кушцовъ выбрали начальникомъ, до прибытія командира, штурманскаго ученика Софьина и приняли присягу на вѣрность императрицѣ. Оставшись безоружными, постигнувши выпросить помощь изъ Верхнекамчатска, состоящую въ двухъ орудіяхъ и 12-ти солдатахъ. Послѣдніе не должны были входить въ Большерѣцкъ до тѣхъ поръ, пока не узнаютъ, что непріятеля тамъ нѣтъ. Двухъ недѣль достаточно было для того, чтобы вся Камчатка пришла въ тревогу. Въ большерѣцкой канцеляріи ежедневно производились допросы. Съ ними, съ запечатаннымъ конвертомъ Беневскаго на имя сената, съ окровавленной постелью Нилова, съ вѣдомостями о расхищенномъ и уцѣлѣвшемъ казенномъ имуществѣ отправился Софьинъ на гальотѣ въ Охотскъ. Командиръ порта, старикъ Плениснеръ, счелъ за нужное дополнить слѣдствіе и опустил время: рапортъ, сберегая казенный интересъ, отправилъ съ попутчикомъ, который, вдобавокъ, долго промедлилъ въ Якутскѣ. Въ Петербургѣ извѣстіе о камчатской катастрофѣ получено черезъ 8 мѣсяцевъ, по сухому пути, когда свѣденія, облетѣвшія кругомъ свѣта, успѣли уже вызвать различныя мѣры: назначено было за cadaго изъ пойманныхъ бунтовщиковъ по сто рублей тому, кто ихъ приведетъ живыми или

мертвыми; приказано промышленнымъ людямъ стараться перевязать бѣглецовъ и проч. Плениснеръ отрѣшенъ отъ должности за слабость надзора за государственными преступниками во время ихъ пребыванія въ Охотскѣ и за медленное донесеніе начальству о произведенномъ ими бунтѣ.

Изъ спутниковъ Беневскаго не вернулись назадъ, кромѣ умершихъ на пути, четверо: шведъ Винбладъ остался въ портѣ Людовика и потомъ возвратился въ Швецію; Хрущевъ вступилъ во французскую службу капитаномъ, Кузнецовъ—поручикомъ, Майдеръ—лекаремъ. Изъ возвратившихся: канцеляристу Судейкину и Рюмину съ женою определено быть въ Tobольскѣ, штурманскому ученику Бочарову въ Иркутскѣ на свободѣ, матросамъ Яшину и Бересневу служить въ Охотскомъ портѣ, матросу Сафронову дать отставку и имѣть ему пребываніе тамъ же, равно какъ и камчадалу Попову и коряку Брехову, а прочимъ 8-ми работникамъ купца Холодкова поступить въ иркутское купечество. Священнику Симеону, приводившему къ измѣннической присягѣ, и прочимъ 27, не соблюдавшимъ своего долга, вѣнчено въ наказаніе двухлѣтнее ихъ заключеніе (они снова были приведены къ присягѣ). „Хотя,—объявлялъ генераль-прокуроръ 31 марта 1774 года:—священникъ Уфтожаниновъ и навлекъ на себя подозрѣніе дружескою связью съ измѣнниками, но какъ онъ сдѣлалъ сіе по примѣру большерѣцкаго командира, сына же отдалъ имъ въ наученіе по родительской любви и уже наказанъ вѣчною разлукою съ нимъ и тюремнымъ заключеніемъ, то объявить ему прощеніе *). Розданныхъ злодѣями казенныхъ денегъ ни съ кого не взыскивать и все дѣло предать забвенію“. Милостивое прощеніе возвратившимся выдано было съ приводомъ всѣхъ вновь къ присягѣ на вѣрность, на томъ основаніи, что они „довольно за свои грѣхи наказаны были, претерпѣвъ долгое время и получивъ свой животъ на морѣ и на сухомъ пути; но видно, что русакъ любитъ свою Русь, а надежда ихъ на меня и милосердіе мое не можетъ сердцу моему не быть чувствительна“. Такъ писала Екатерина генераль-прокурору, препровождая ему письмо резидента Хотинскаго. Узнавъ, что сосланный въ 1762 году Семень Гурьевъ не только не присталъ къ злодѣямъ, но даже потерпѣлъ отъ нихъ побой, императрица возвратила его въ калужскія деревни братьевъ его подъ ихъ присмотръ. Ту же милость она оказала двумъ братьямъ его, поселеннымъ въ Якутскѣ.

*) Сынъ священника Уфтожаниновъ остался съ Беневскимъ и ходилъ съ нимъ въ морскую экспедицію, по порученію французскаго правительства.

ГЛАВА II.

ССЫЛЬНЫЕ ПОЛЯКИ.

Обрусеніе ссыльных поляковъ.—Три эпохи ссылки. — Судьба послѣдующихъ ссыльныхъ.—Польскія восстанія и заговоры въ Сибирь, Россіи и Польшѣ.—Участье русскихъ людей въ польскомъ дѣлѣ.—Вліяніе поляковъ на страну изгнанія. — Четыре разряда ссыльныхъ поляковъ.—Встрѣча прибывшихъ и обращеніе съ оставшимися.—Вліяніе декабристовъ.—Польскій огулъ.—Венжикъ.—Набоженства.—Касса поляковъ.—Товарищество.—Бедровое масло.—Пчелы.—Савичевскій.—Братья Далевскіе.—Обученіе дѣтей.—Несчастная судьба полковника Высоцкаго, ксендза Сионинскаго и доктора Шовальскаго.—Громадный заговоръ.—Самоубійства.—Поддѣлка фальшивыхъ ассигнацій и способъ этого производства.—Побѣгъ въ гробу.—Альбина Мигурская. — Побѣгъ и походы Руфина Шотровскаго отъ Тары и Тобольска до Парижа.

Дѣянія Веневского произвели на Петербургъ такое сильное впечатлѣніе, что Камчатку съ тѣхъ поръ перестали считать хорошимъ ссыльнымъ мѣстомъ; не только государственныхъ, но и никакихъ преступниковъ не стали посылать туда. Слухъ объ его подвигахъ и, особенно, объ удачѣ, быстро облетѣвшей всю Сибирь и съ особеннымъ участіемъ и вниманіемъ принятый въ ссыльныхъ мѣстахъ, произвелъ на его товарищей по польскимъ войнамъ такое впечатлѣніе, что тѣ изъ барскихъ конфедератовъ, которые находились въ нерчинскихъ рудникахъ, рѣшились постѣдовать его примѣру. Сорокъ человекъ согласились попытать подобнаго счастья уплыть по Амуру до океана, съ надеждою встрѣтиться тамъ съ европейскими мореплавателями. Не смотря на смѣлость замысла, на сомнительный успѣхъ предпріятія, они, съ величайшими предосторожностями, успѣли выстроить на Шилкѣ судно и заготовить съѣстные припасы. Бѣглецы готовы были уже отплыть, какъ въ Даурію пришла вѣсть о смерти Екатерины и вступленіи на престолъ Павла. Время побѣга было отложено; поляки стали рассчитывать на помилованіе и въ немъ они не ошиблись; вскорѣ пришло всѣмъ польскимъ политическимъ ссыльнымъ дозволеніе возвратиться изъ Сибиря на родину, въ Польшу.

Возвратились не всѣ. До сихъ поръ между семействами коренныхъ сибиряковъ-старожиловъ сплошь и рядомъ попадаются фамиліи польскія и при нихъ семейныя преданія, указывающія прямо на происхожденіе отъ ссыльныхъ поляковъ. При этомъ преданія не восходятъ дальше дѣдовъ и въ рѣдкихъ случаяхъ нисходятъ ближе къ намъ отъ временъ Екатерины II, богатыхъ высылкою шляхты изъ Заднѣпровья и Польши, изъ Литвы и Вѣлороссіи и изъ губ. Смоленской. Не только отдѣльными личностями, но и цѣлыми группами распоряжалась ссылка въ тѣ времена съ такимъ успѣхомъ, что обрусеніе ссыльныхъ поляковъ представляется въ Сибиря явленіемъ осозательнымъ и безспорнымъ. Въ Западной Сибири, около Семипалатинска, въ красивой и богатой мѣстности на плодородной землѣ, убрѣнились двѣ деревни, образованныя изъ польскихъ потомковъ, до сихъ поръ умѣющихъ говорить по польски и существующихъ

любимымъ бѣлорусскимъ промысломъ — пчеловодствомъ. Въ 20 верстахъ отъ Тары (Тоб. губ.), недалеко отъ Екатерининскаго завода, волостной голова (Пановскій), сохраняя польскій типъ лица и молодцоватую осанку, имѣлъ дѣдомъ конфедерата. Въ самой Тарѣ у двухъ братьевъ, торгующихъ мѣщанъ (Грабінскихъ), былъ полякомъ отецъ, но они считали себя коренными сибиряками и вовсе не умѣли говорить по польски; въ Березовѣ — Новицкій, Шеняевскій; въ казакахъ Западной Сибири: Костылецкіе, Яновскіе, Хлыновскіе и проч. Въ Восточной Сибири, за Байкаломъ, на Ингодѣ, гдѣ такъ цѣльно сохранили свою національность малороссы, во многихъ деревняхъ съ польскими фамиліями живутъ коренные сибиряки, а на Олонѣ (между прочимъ въ Усть-Илинскомъ селеніи) цѣлыя семейства (напримѣръ, Барановскіе) происходятъ отъ барскихъ конфедератовъ. Іосифъ Копецъ, барскій конфедератъ, вѣзавшій въ ссылку въ Камчатку въ 1794 г., въ Иркутской губ. нашель цѣлую колонію, составленную изъ ссыльныхъ поляковъ и русскихъ и наз. Кирьгага. Между чиновниками-туземцами попадаются даже съ такими знаменитыми фамиліями, какъ Ходкевичи (по всему вѣроятію, потомки тоже какого нибудь конфедерата). Внукъ конфедерата Хилковскій, кромѣ фамиліи и памяти, что дѣдъ его былъ полякомъ, ничего польскаго въ себѣ не имѣетъ *). Примѣровъ такого рода настолько много, что наблюдавшіе за подобными превращеніями могли придти къ тому выводу, что дѣти, рожденныя отъ отца-поляка и матери-сибирячки, употребляя языкъ матери, только въ чертахъ лица либо въ характерѣ успѣваютъ сохранять слѣды польскаго происхожденія. Но стоитъ этому метису жениться на сибирячкѣ, чтобы во внукахъ самый пристрастный и увлекающійся полякъ не нашель уже ни малѣйшихъ признаковъ польской крови. Какъ бы то ни было, но всѣ поляки, слѣдившіе за такими превращеніями на мѣстѣ, твердо убѣждены въ

*) Слѣдующія фамиліи также совершенно обрусѣли: Юдицкіе, Тарновскіе и Казановскіе — потомки барскихъ конфедератовъ; Зелнскіе, Войцеховскіе, Зенкевичи, Бржозовскіе (Березовскіе) и Домашевскіе — потомки сосланныхъ за повстаніе Костюшки.

томъ, что главная причина такого явленія заключается въ этихъ смѣшанныхъ бракахъ, обусловленныхъ правительственнымъ узаконеніемъ, чтобы дѣти исповѣдывали грекороссійскую вѣру, а черезъ то „обрекались на одно изъ главныхъ и самыхъ дѣйствительныхъ средствъ къ утратѣ собственной народности,—средствъ постепеннаго и медленнаго обрусенія людей, надъ которыми владеваетъ Россія“. „Знали мы (говорить одинъ изъ поляковъ, долго прожившій въ Сибири) очень много дѣтей супружествъ, въ которыхъ одна особа была православной вѣры; за малыя исключеніями, всѣ тѣ дѣти не обладали польскою народностью и часто въ душѣ были русскими“.

Доказанная опытомъ сила вліянія брачныхъ союзовъ на обрусеніе поляковъ въ Сибири, дѣйствительная для холостыхъ и вдовыхъ изъ желающихъ, отразилась на судьбѣ другихъ ссыльныхъ временъ Екатерины съ подспорьемъ и при участіи другихъ мѣстныхъ причинъ, которыми были одинаково сильны и не менѣе очевидны. Обрусеніе производилось надъ людьми, не имѣвшими надеждъ къ возвращенію на родину при отсутствіи примѣровъ подобнаго рода въ предшествовавшія времена. Судьба ихъ находилась въ рукахъ людей, видѣвшихъ въ системѣ ссылки одну только сторону карательную, убѣжденныхъ прежними опытами въ томъ, что мятежниковъ и политическихъ ссыльныхъ слѣдуетъ считать, по преимуществу, людьми опасными и вредными, и убѣждаемыхъ при всякой новой присылкѣ ихъ въ томъ, что они преступники „великоважные“, что и самая Сибирь съ трудомъ можетъ быть принимаема для нихъ за страну полного возмездія и кары. Минихъ томился въ Пелымѣ; Меньшиковъ и Остерманъ умерли въ Березовѣ. Фика, закованнаго въ тяжелыя ручныя и ножныя кандалы, сослали въ самый отдаленный якутскій острогъ, но вскорѣ перевезли еще дальше на сѣверъ за полторы тысячи верстъ—въ Зашиверскъ. Но и это мѣсто показалось слишкомъ слабымъ для полного мщенія: его перевезли въ Средневилюйское зимовье, имѣвшее три бревенчатыхъ юрты якутовъ и лежавшее въ страшной глуши болотистой тундры. Князя Черкаскаго, смоленскаго губернатора, заточили на вѣчное житье въ Жиганскомъ зимовьѣ и выпускали на воздухъ только днемъ, но и то за присмотромъ двухъ солдатъ. Вице-канцлеръ Головкинъ очутился въ Собачьемъ острогѣ на отдаленной Колымѣ подъ 67° с. ш., въ бревенчатой хатѣ, оберегаемой ночью часовыми. Менгенъ поселенъ еще дальше его, на самой окраинѣ тундры, всего въ 76 верстахъ отъ Ледовитаго океана, на самыхъ устьяхъ Колымы; Ивашовъ попалъ въ Камчатку въ Большерѣдкій острогъ. Самыя отдаленныя трущобы съ трудомъ удовлетворяли мщенію, самыя тяжелыя страданія тамъ едва успѣвали успокоивать мсти-

телей. Приказывали всеобщо опасаться ихъ не допускать ни до какихъ разговоровъ. Людей, оказавшихъ имъ какія либо услуги, жестоко наказывали кнутомъ и засылали еще дальше; предписывали кормить только въ такихъ размѣрахъ питья и пищи, чтобы ссыльные не умерли съ голоду; приказывали стараться забывать даже ихъ имена и, держа въ вѣчномъ темномъ и сыромъ заточеніи, считали и называли ихъ номерами.

Подъ такими-то впечатлѣніями воспитывались дозорщики, укрѣпляемые и руководимы въ своихъ понятіяхъ и воззрѣніяхъ на политическихъ ссыльныхъ тѣми предписаніями, которыми шли отъ Вирона, Шипковскаго, Вяземскаго и другихъ! Подъ вліяніемъ и надзоромъ такихъ-то людей направлялась жизнь первыхъ ссыльныхъ поляковъ, убѣжденныхъ и убѣждаемыхъ въ томъ, что Сибирь для нихъ новая родина, что тѣмъ и другимъ путемъ слѣдуетъ въ ней укрѣпиться въ единственныхъ надеждахъ на ее одну. Средствъ много, большого труда для утѣлыхъ и сильныхъ рукъ не представляется! Въ молодой странѣ почти ничего нѣтъ, кромѣ естественныхъ скрытыхъ богатствъ и жизнь подчиняется закону случайностей, богѣе и чаще образцамъ дикарей-туземцевъ и меньше и рѣже рутиннымъ приемамъ, полученнымъ прежними пришельцами на родинѣ; они либо сдѣлались промышленниками и звѣроловами либо, придерживаясь рѣкъ, исключительно землепашами. Ремесла, оставаясь въ пренебреженіи, такъ и не возрождались въ Сибири и въ наши времена представляются въ прежнемъ жалкомъ, отчаянномъ состояніи *); и безъ нихъ богатая страна кормила пришельцевъ здоровою пищею. Предметы ремесла Россія въ общѣмъ на сырыя произведенія Сибири развили въ новой странѣ огромное количество торговаго люда; торговля расплодила богатые города на русской окраинѣ, у самыхъ воротъ Сибири, и выродила тутъ ямарку, немного уступающую крупнѣйшимъ ямаркамъ метрополій. Пришельцы изъ польскихъ городовъ и мѣстечекъ, организовавшихся по образцамъ европейскихъ городовъ, при замѣчательномъ развитіи ремесленныхъ занятій, въ удовлетвореніи насущныхъ и настоятельныхъ потребностей земледѣльческаго и промышленнаго сибирскаго люда, нашли и первое дѣло и надежное обезпеченіе на будущую жизнь. То и другое выразилось въ такихъ размѣрахъ, что большую часть потомковъ барскихъ конфедератовъ и костюшковцевъ мы находимъ въ хорошо обезпеченномъ бытовомъ состояніи. Всѣ вышеупомянутыя нами лица—люди зажиточные, богатые,

*) Въ описываемыя нами времена не только усибирскихъ, но и у казаковъ (на большую часть русскихъ пришельцевъ) не было, надрѣзъ, портныхъ и солдатское платье шили киргизскія бабы.

пользующіеся почетомъ и уваженіемъ сосѣдей на столько, что служатъ выборными не ниже званія волостныхъ головъ. Не меньшая часть успѣла проникнуть и укрѣпиться въ словѣ туземнаго служилаго, чиновничьяго сословія, не смотря на всю трудность долговременнаго прохода всѣхъ разрядовъ ссыльныхъ сословій отъ званія ссыльно-каторжнаго до того свободнаго состоянія, въ которомъ предоставляется возможность обучить сына въ казенномъ учебномъ заведеніи и затѣмъ видѣть во внука полковника. Длинная перспектива къ улучшенію положенія для поляковъ, назначенныхъ на каторгу, кончалась только на двѣтихъ. Короче былъ путь для поселенцевъ, имѣвшихъ право и возможность поселиться вблизи и внутри сибирскихъ городовъ, сильно нуждающихся въ ремесленникахъ и людяхъ, владѣющихъ иными полезными и прикладными знаніями. Значительному числу изъ трудолюбивыхъ, находчивыхъ и умѣлыхъ удалось настолько воспользоваться своими знаніями къ обезпеченію собственнаго быта, что, по объявленіи имъ права къ возврату на родину, весьма многіе остались въ Сибири жить на всегда. Указъ Павла на значительное число ссыльныхъ поляковъ перваго періода ссылки не произвелъ никакихъ впечатлѣній. То же самое выразилось и черезъ 15 лѣтъ послѣ того весьма многими поляками, изъ числа военноплѣнныхъ послѣ войнъ съ Наполеономъ, присланныхъ въ Сибирь на службу: изъ 900 человекъ, служившихъ въ кавалеріи и поступившихъ въ сибирскіе казаки, по объявленіи въ 1815 году имъ высочайшаго разрѣшенія возвратиться въ отечество, остались добровольно на всегда въ казакахъ 160 человекъ. Значительнымъ соблазномъ для многихъ изъ этихъ поляковъ послужилъ городъ Омскъ, а добрымъ пріютомъ для нихъ оказался организованый въ то время генераломъ Броневскимъ оркестръ казачьей музыки. Чеки, нѣмцы и поляки удивили Омскъ, отъ сложенія міра не слыхавшаго музыки. Въ 1815 году нѣкоторые поляки возвратились на родину, но значительную часть удалось уговорить остаться на всегда за нѣкоторую прибавку къ содержанію. Также поступили многіе за Байкаломъ *).

*) Одни изъ таковыхъ сдѣлались въ послѣдствіи офицерами; между ними Квятковскій установилъ школу трубачей, такъ что всѣ казачьи полки въ Сибири стали получать приготовленныхъ трубачей. Извѣстный русскій композиторъ, сосланный въ Сибирь изъ Москвы, Алекс. Алекс. Алябьевъ, авторъ пьесъ, ушедшихъ въ народъ (Соловей, Вечеркомъ румяну зорю и Вечерній звонъ), довелъ омскій оркестръ до замѣчательной степени совершенства. Полякъ Волицкій, бывшій офицеръ польской арміи, образовавшій себя въ парижской академіи музыки въ превосходнаго учителя и дирижера, въ значительной степени поддержалъ въ омскомъ оркестрѣ алябьевскую славу, такъ что до сихъ поръ духъ стихъ та-

Конечно, времена измѣнились; люди Александровскаго времени являлись въ Сибирь съ гуманнѣе образованіемъ, съ болѣе умягченнѣ нравственнѣ настроеніемъ; самая система правленія отличалась терпимостію, желаніями и стремленіями уничтожать неправду и злоупотребленія. Дошла очередь и до Сибири: Сперанскій присланъ былъ карать сибирскихъ притѣснителей и истреблять многочисленныя и крупныя слѣды произвола, насилій и жестокостей. Появленіе его считается тою эпохою, когда совершился первый переломъ въ сибирской жизни и крутой поворотъ на новую стезю отъ дикой жизни прежнихъ временъ и суровыхъ отношеній ко всякаго рода ссыльнымъ. Сибирь въ администраціи испытала коренныя преобразованія, ими заданъ былъ другой тонъ, а если временами слышались диссонансы, то уже какъ исключенія изъ общаго строя. Люди административныя стали не тѣ; и какъ бы сурово ни высказывались взгляды на политическыя ссыльныхъ въ послѣдствіи, какія строгія мѣры ни предписывались, и въ новыхъ приставникахъ и въ самомъ сибирскомъ населеніи организовалась противодѣйствующая сила. Если политическимъ ссыльнымъ не сдѣлалось хорошо, то, во всякомъ случаѣ, стало несравненно легче. Между первыми временами, когда сибиряки не хотѣли не только принимать въ семейства и отдавать дочерей за плѣнныхъ шведовъ, присланныхъ Петромъ I изъ-подъ Полтавы, но даже и пускаться къ себѣ въ избы,—между этими временами и послѣдними годами царствованія Александра лежала уже огромная пропасть. Польскимъ людямъ слѣдующаго втораго періода политической ссылки досталась несравненно лучшая доля. Плѣнные изъ войскъ Понятовскаго уже не жили въ изгнаніи больше двухъ лѣтъ; политическая ссылка престаала быть безсрочно и возымѣла характеръ временной мѣры, стала питать и подкрѣплять страдальцевъ надеждами; сдѣлалась привилегированнымъ исключеніемъ въ системѣ всѣхъ другихъ видовъ ссылки. Такими свойствами выразились годы Александровскаго царствованія, благоприятнаго для политической самостоятельности Польши. Даже члены „товарищества патриотовъ“, организованнаго въ послѣдніе годы жизни Александра I при дѣятельномъ участіи Лукасинскаго и въ согласіи съ цѣлью и намереніями Пестеля, были осуждены и сосланы уже послѣ смерти любимаго лантливыхъ людей не перестаетъ жить въ омскомъ казачьемъ оркестрѣ. Вотъ имена первыхъ замѣчательныхъ артистовъ въ началѣ омскаго оркестра: Радбольскій, Гиденскій, Голомбетскій, Флекъ, Ганъ. За Байкаломъ обломокъ войскъ польскихъ 1812 года находился въ Кяхтѣ; это былъ выслужившійся солдатъ, носившій знаменитую фамилію Понятовскаго, человекъ, умѣвшій дѣлаться послѣднимъ черствымъ кускомъ своего хлѣба со всякимъ неимущимъ и нуждающимся.

Польшою императора *). При Александрѣ I значительное большинство поляковъ, сосланныхъ въ Сибирь, принадлежало обыкновеннымъ преступникамъ, осужденнымъ за уголовныя преступленія.

Ссылкою членовъ патриотическаго общества начался новый, второй періодъ польской ссылки.

17-го ноября 1830 года началась польская революція, кончившаяся въ слѣдующемъ году штурмомъ Варшавы (6-го и 7-го сентября); въ 1832 году стали появляться въ предѣлахъ Сибири первые польскіе изгнанники, передніе ряды ссыльныхъ меньшей степени виновности, рядовые люди, изъ царства и трехъ уѣздовъ Виленской губерніи. Въ 1833 году прибылъ въ Восточную Сибирь и Петръ Высоцкій, начавшій возстаніе, одинъ изъ дѣятельныхъ начальниковъ его, на 20 лѣтъ каторги. Всѣ суждены были военнымъ судомъ по полемому уголовному положенію. Людей низшаго званія, взятыхъ съ оружіемъ, слѣдомъ за ушедшими на каторгу и въ крѣпостныя работы, прислали на службу въ сибирскіе линейные батальоны. Въ 1834 г. начали прибывать эмисары за справу 1833 г., сидѣвшіе организовать новое повстаніе, а вмѣстѣ съ ними и въ большомъ количествѣ и тѣ, которые оказывали этимъ эмисарамъ сочувствіе и содѣйствіе, выразившіяся въ томъ, что одни давали притонъ, другіе носили въ дѣсь пищу и проч. За эмисарамъ прибыли въ Сибирь поляки изъ справы Симона Конарскаго, разстрѣляннаго въ Вильнѣ въ 1838 году. Въ 1839 г. вмѣстѣ съ руководителями своими (Венжикомъ и Эренбергомъ) явились въ Сибирь члены „товарищеской организаціи польскаго народа“ (Stowarzyszenie ludu polskiego), представлявшей въ Варшавѣ отдѣлъ большого заговора Конарскаго. Вмѣстѣ съ ними пришли въ Сибирь и тѣ, которые вели систематическую пропаганду демократической науки и собирались для бесѣдъ въ соборѣ св. Креста (почему и назывались *swietokrzyzscami*). Въ 1840 году присланы эмисары, бѣжавшіе въ 1831 году за границу и явившіеся, между прочимъ, изъ Англіи и изъ Турціи; за ними участники заговора Каспера Машковского, организовавшаго такъ называемый „союзъ Волинскій“; потомъ сообщники „союза пропаганды“ ксендза Сцѣпѣннаго (1843 г.) **); въ 1844 году члены варшавскаго „союза соединенія польскаго

народа“, затѣяннаго Гзовскимъ *), въ 1846—члены варшавскаго демократическаго союза; за ними сѣдлецкіе и галицкіе повстанцы. Въ 1846 г. дѣло извѣстнаго автора Коменскаго; въ томъ же году высылаются въ Сибирь изъ Варшавы студенты гимназіи, предложившіе убійство Паскевича и знавшіе о имѣющемъ совершиться въ 1846 г. возстаніи. Тогда же выдаетъ Австрія эмигрантовъ изъ Галиціи, затѣявшихъ тамъ пропаганду освобожденія Польши; выдаетъ и Пруссія, высылаютъ эмисаровъ изъ Литвы. Въ 1846 году повстаніе въ повѣтѣ Сѣдлецкомъ, подъ начальствомъ Потоцкаго, и повстаніе въ повѣтѣ Мѣховскомъ. Въ 1847 году пойманы, суждены и сосланы повстанцы 1831 года, эмигрировавшіе за границу и явившіеся въ роли эмисаровъ въ Польшу передъ революціями 1848 года. Въ 1848 году вспыхиваетъ возстаніе великопольское, основанное въ надеждѣ на Венгрію, и, въ то же время, независимо отъ варшавскаго, организовался въ Вильнѣ союз литовской молодежи (*Zwiazek mlodziezi litewskiej*), питавшій надежды, что венгерцы и поляки изъ Венгріи придутъ въ Польшу со знаменемъ возстанія, — союзъ, превратившійся вскорѣ въ заговоръ. Заговоръ приготавливалъ повстаніе на великій четвертъ подъ руководствомъ братьевъ Далевскихъ, но былъ открытъ въ 1850 году. Во множествѣ солдатъ, принявшихъ участіе въ мятежахъ, приходили въ Сибирь и такіе, которые суждены были вмѣстѣ съ тѣми и за побѣги изъ русскихъ войскъ въ повстанскія, и за отбитіе рекрутовъ въ дорогѣ, попадались во второй разъ и такіе (какъ Розанскій), которые уже побывали въ сибирской ссылкѣ, и въ первый разъ являлись въ Сибирь изъ тѣхъ, которымъ предстояла иная участь (напримѣръ, солдатская служба на Кавказѣ), но которые съ дороги бѣжали и были пойманы; приходили и такіе, которые увлеклись европейскими смутами 1848 года и бѣжали за границу. Присылали и за оставленіе отечества, и за оборону себя оружіемъ при арестѣ, и за покровительство эмисарамъ, и въ 1855 году тѣхъ, которые отбили рекрутовъ и намѣревались вмѣстѣ съ ними бѣжать къ французамъ въ Крымъ. Нѣкоторые явились въ Сибирь просто за политическіе замыслы; другіе за перевозъ корреспонденціи заговорщикамъ. Послѣдніе преступности люди были большею частью (но сравнительно въ ничтожномъ количествѣ) изъ еврейскаго населенія царства Польскаго и западнаго края Россіи **). Вмѣстѣ

*) Въ томъ числѣ, между прочими, графъ Мошинскій (въ 1827 г.), одинъ изъ организаторовъ „общества соединенныхъ славянъ“, отличавшійся въ Сибирѣ своею благотворительностью. Поляки успѣли такъ ловко повести дѣло и скрыть дѣйствія польскаго революціоннаго общества, что отправлены въ Сибирь только немногіе: кромѣ Мошинскаго—Крыжановскій и Янушкевичъ.

**) Заговоръ имѣлъ цѣлью основать повстаніе на освобожденіе крестьянъ.

*) Этихъ за разговоры о политическихъ планахъ всѣхъ обратили въ солдаты сибирскихъ линейныхъ батальоновъ.

**) Изъ числа ссыльныхъ въ Сибирь евреевъ только одинъ былъ сосланъ за политическое дѣло—Робертъ Файнбергъ, родомъ изъ Митавы. За дѣятельное участіе въ берлинской революціи въ 1848 года выданъ былъ пруссакамъ и сосланъ на работы въ Екатеринбургскій заводъ.

съ ними за польскую справу ушелъ одинъ только русскій—прапорщикъ Караваяевъ (черезъ нѣсколько лѣтъ пересланный изъ Сибири на Кавказъ, гдѣ ему снова позволено было вступить въ военную службу), одинъ французъ Шарль де-Люсенэ, такъ же какъ и Караваяевъ, участвовавшій въ заговорѣ Конарскаго въ Вильнѣ, и одинъ латышъ (Янна Реке), сосланный за повстаніе 1831 года также въ нерчинскіе рудники. За участіе въ заговорѣ Михаила Воловича изъ Слонима (намѣревавшагося поднять народъ, напасть на Слонимъ, отбить арестантовъ и возвѣстить повстаніе) присланы въ Сибирь, между прочимъ, нѣсколько крестьянъ бѣлоруссовъ. Малороссы юго-западнаго края явились въ Сибирь за повстаніе въ видѣ дворовыхъ холоповъ и иныхъ чиновъ панскихъ экономій; были даже торбаристы и пѣсенники.

Прапорщикъ Кузьминъ-Караваяевъ служилъ въ Новоингерманландскомъ полку, квартировавшемъ въ Вильнѣ. Въ заговоръ замѣшался онъ по любви къ полькѣ (дѣвицѣ графинѣ Оливаръ), требовавшей этой жертвы съ его стороны. Руководился онъ тѣми же желаніями и планами, которые внушены ему были послѣдователемъ Конарскаго Гильдебрантомъ. вмѣстѣ съ собою увлекъ Караваяевъ офицеровъ Эстляндскаго полка, вступившаго въ караулъ, когда уже Караваяевъ сидѣлъ подъ арестомъ: прапорщика Герасимова и де-Люсенэ. Всѣ они помогли Гильдебранту и Мошинскому, арестованнымъ въ кляшторѣ Базиліановъ, выходить по ночамъ въ городъ, давали имъ свои мундиры, сами одѣваясь въ арестантское платье; допускали къ нимъ дамъ и, между прочими, Снядецкую—одну изъ пламенныхъ патриотокъ, изступленную послѣдовательницу пропаганды Конарскаго. Де-Люсенэ искалъ даже бумагъ для побѣга Гильдебранта съ Мошинскимъ. Караваяевъ, держа на арсенальной гауптвахтѣ, въ одной тѣсной комнатѣ вмѣстѣ съ караульными офицерами, дѣятельно велъ свою пропаганду и вызвалъ участіе къ своей судьбѣ: прапорщикъ Герасимовъ нѣсколько разъ выпускалъ его ночью въ городъ; Барвицъ велъ по польски переписку. Судъ рѣшилъ смотрѣть на все это вмѣшательство въ дѣла польскія русскихъ людей—вмѣшательство, выразившееся, главнымъ образомъ, въ покровительствѣ арестованнымъ послѣдователямъ Конарскаго, какъ на затѣю сумасшедшихъ. По этой причинѣ положено было заключить ихъ въ домъ умалишенныхъ, имѣніе отобрать въ казну, пока выздорѣвѣютъ, а потомъ

подъ Тарою. Когда его товарищи были уволены на родину, а онъ нѣтъ, Файнбергъ отъ тоски впалъ въ сумасшествіе и, перевезенный изъ Тары въ Гогольскъ, умеръ тамъ въ 1860 году, въ лазаретѣ. Изъ небольшого числа евреевъ, замѣшавшихся въ послѣднемъ возстаніи, всѣ уличены въ тайномъ провозѣ оружія изъ-за границы, стало быть, увлеклись коммерческими барышами, а вовсе не политическими теоріями.

для испытанія послать ихъ въ Сибирь на поселеніе. Такъ и было поступлено съ Караваяевымъ и де-Люсенэ. Остальныхъ офицеровъ рѣшено было послать на покаяніе на Кавказъ и не повышать ихъ чиномъ, пока не образумятся (поручикъ Огонь-Догановскій, прапорщики Барвицъ и Герасимовъ, потворствовавшіе арестованнымъ и прислушавшимся къ урокамъ ихъ пропаганды).

Во всякомъ случаѣ, громадное большинство политическихъ ссыльныхъ принадлежало къ кровнымъ полякамъ, наибольшую частью уроженцамъ царства Польскаго, преимущественно шляхетскому роду и исключительно людямъ римско-католическаго вѣроисповѣданія *).

*) Для примѣра отношеній царства къ другимъ шляхетскимъ окраинамъ его приводимъ нѣсколько цифръ. Изъ 59 случаевъ ссылки за бунтъ и государственную изиѣну въ 1839 г.: 31 принадлежатъ Киевской, 11 Виленской, 1 Гродн., 16 городу Варшавѣ; въ 1846 году изъ 28 случаевъ 23 принадлежатъ г. Варшавѣ; въ 1847 изъ 24—23 г. Варшавѣ (т. е. царству Польскому) и т. д. Точно также за эмиграцію эмисаровъ (сва оставленіе отечества), какъ сказано тобольскими табелями) наибольшее число сослано изъ Варшавы (26 въ 9 лѣтъ съ 1838 по 1846; 12 изъ Бессарабіи, 7 изъ губ. Виленской, 6 изъ Волынской, 3 изъ Подольской, по 1 изъ Ковенск., Гродн., Витебск.). Наибольшее число эмисаровъ пришло въ Сибирь въ 1834 г. (34 чел.), въ 1839 (18), въ 1840 (15), въ 1838 (8), въ 1841 только одинъ, въ 1845 и 1846 ни одного. Двадцатилѣтняя цифра убѣждаетъ въ томъ же, что, кромѣ царства Польскаго, наибольшее число эмигрантовъ оказалось въ Бессарабіи и губ. Волынской, Виленск. и Подол. Своденія цифръ за 20 лѣтъ въ тѣхъ же семи губерніяхъ западныхъ (Вил., Гродн., Могил., Виѣвск., Волынк., Подольск. и Бѣлостокск. обл.) убѣждаютъ въ томъ, что число сосланныхъ отсюда въ Сибирь за государственныя преступленія составляетъ почти $\frac{2}{3}$ всего числа остальныхъ 39 губ. русскихъ; что изъ числа послѣднихъ 16 губ. не дали ни одного подобнаго сорта преступника; что послѣ западныхъ губ. наибольшимъ числомъ ссыльныхъ отличались двѣ губерніи столичныя (и въ особенности Петербургская) и что изъ западныхъ шляхетскихъ губерній всего больше прислано въ Сибирь изъ губ.: Виленск., Гродн., Виѣвск. и Бѣлостокск. обл. Наибышая наклонность къ государственнымъ преступленіямъ по возрастамъ обнаруживалась въ первомъ періодѣ возмужалости, т. е. послѣ 30-ти лѣтняго возраста. Въ числѣ другихъ Грузія выслала 1 въ 1842 г., 1 въ 1845 и 3 въ 1846 г.

По губерніямъ политическія преступленія и эмиграція въ сибирскихъ цифрахъ выразилась такою таблицею.

	Государств. Оставленіе преступл. отечества.			
	муж.	жен.	муж. жен.	
Виленская	45	4	17	13
Гродненская	39	—	3	—
Кіевская	38	—	2	—
Бѣлостокск. обл.	26	—	2	—
Минская	12	—	—	—
Волынская	11	—	29	4
Подольская	10	—	14	—
Могилевская	9	—	—	—
Витебская	3	—	3	—
Бессарабск. обл.	1	—	39	—

Почти $\frac{2}{3}$ всего числа сосланных за политическія преступленія принадлежатъ дворянству; на ихъ долю приходится 10% изъ всего числа ссыльныхъ этого сословія и большинство всегда остается за шляхтою западныхъ губерній (смѣшанною въ сибирскихъ табеляхъ подъ общою и неопредѣленною рубрикою дворянъ неслужащихъ). Послѣ дворянъ сильнѣйшая склонность къ преступленіямъ этого рода замѣчается у солдатъ, но и здѣсь процентъ ссыльныхъ почти въ 20 разъ меньше процента дворянъ. Такъ говорятъ цифры 20-ти лѣтъ (съ 1827 по 1846 гг.).

Тѣ же двадцатилѣтнія цифры увѣряютъ и въ томъ, что сильная склонность къ преступленіямъ противъ власти и, въ особенности, политическимъ составляетъ отличительную черту католиковъ, для которыхъ вѣроятіе ссылки несравненно сильнѣе, чѣмъ для лицъ всѣхъ другихъ вѣроисповѣданій (въ этомъ случаѣ католики къ православнымъ, напримѣръ, относятся какъ 29,5: 1).

Въ подчиненіи различнымъ степенямъ наказанія и разрядамъ ссылки политическіе изгнанники второго періода размѣщались въ Сибири въ такихъ категоріяхъ: одни сосланы были на два, на пять и болѣе лѣтъ подъ надзоръ полиціи безъ потери достоинствъ и имущества, притомъ съ надеждою на возвращеніе подъ родную стрѣху или, по крайней мѣрѣ, въ ея сосѣдство. Такихъ было очень мало; изъ таковыхъ нѣкоторымъ приводилось выѣзжать изъ Сибири, до возврата на родину, въ русскія губерніи менѣе отдаленныя (Владимирская, Калужская, Рязанская и другія).

Вторая категорія изгнанниковъ, сосланныхъ на поселеніе, сравнительно больше первой, не представляла собою наибольшей количественной величины и съ наименьшею надеждою на возвратъ (хотя нѣкоторому числу удалось дослужиться до чиновъ и поступить на государственную службу); эта вторая категорія находилась въ самомъ худшемъ житейскомъ положеніи. Политическіе поселенцы, происшедшіе изъ шляхты и приговоренные къ конфискаціи имущества, получали помощь отъ правительства въ размѣрѣ 57 руб. на годъ; старикамъ и калѣкамъ доставалось ежегодно 114 руб. Тѣ, которые происходили изъ класса мѣщанъ либо крестьянъ и также приговорены были къ конфискаціи имущества, не имѣли права на правительственное вспоможеніе. Въ Западной Сибири имъ не позволяли, по силѣ закона, выѣзжать за предѣлы 10 верстъ отъ деревни или города, въ которыхъ указано ихъ водворить. Въ Восточной Сибири имъ предоставлена была болѣе свобода; тамъ политическіе поселенцы, съ дозволенія властей, могли разѣзжаться по всей Восточной Сибири. Само собою, тутъ и тамъ дѣти поселенцевъ принадлежали къ со-

словію крестьянскому, до 17 лѣтъ освобождены отъ податей и не отбывали рекрутской повинности. Сами отцы въ первые два года не платили подушнаго, и если въ теченіи 10 лѣтъ не нарушили ничѣмъ благонамѣренности, не провинились передъ начальствомъ, не были штрафованными, они могли черезъ 10 лѣтъ записываться въ крестьяне или купцы. Само собою разумѣется, болѣе счастливый поселенецъ—изъ людей простыхъ и самый несчастный—изъ высшихъ слоевъ общества.

Третья категорія поляковъ была назначена въ арестантскія роты и работала (тоже не въ большомъ количествѣ) въ крѣпостяхъ сибирскихъ, всего чаще по границамъ Западной Сибири. Положеніе ихъ немногимъ рознилось отъ каторжнаго, хотя по степени взысканія между крѣпостнымъ и каторжнымъ состояніемъ законъ устанавливалъ разницу; кое-кому удавалось освободиться и поступать либо въ писцы при канцеляріяхъ, либо въ домашніе учителя на условіяхъ вольнаго и весьма дешеваго найма.

Четвертый разрядъ ссыльныхъ предназначень былъ въ полковую службу, т. е. въ сибирскіе батальоны простыми солдатами, либо на всю жизнь, либо на 15 и 20 лѣтъ безъ выслуги, но съ надеждою возврата на родину, не иначе какъ на такую же солдатскую службу до самой смерти. Не смотря на то, что солдатскій разрядъ полагался слабѣйшею мѣрою взысканія изъ всѣхъ видовъ сибирской ссылки, онъ на практикѣ оказался однимъ изъ тягчайшихъ. Наибольшимъ количествомъ побѣговъ (и притомъ большими шайками, скопомъ и заговорами) отличился передъ другими этотъ разрядъ; наибольшую тяжесть наказанія выдержали поляки въ этомъ разрядѣ. При безцѣльной жизни, безъ будущаго и надеждъ, солдаты-поляки предавались въ Сибири безграничному пьянству. Многие изъ нихъ казались до такой степени деморализованными и потерянными, что утратили какъ чувствованія и впечатлѣнія сердца, такъ благородство вида и игру фисіономіи. Нѣкоторымъ удалось опиваться до смертельныхъ апоплексическихъ ударовъ, не смотря даже на то, что товарищество поляковъ умѣло внимательно слѣдить за таковыми и считало своею обязанностью удерживать ихъ отъ окончательнаго паденія. На бѣду товарищество не всегда доводило свое участіе до конца: трудно исправимыхъ оно исключало изъ своей среды и предоставляло самимъ себѣ и полному вліянію надломленной испорченной воли *).

Самая строгая категорія каторжныхъ, сосланныхъ на 2, 3, 5, 15 лѣтъ, либо на цѣлую жизнь, самымъ учрежденіемъ своимъ показываетъ всю тяжесть взысканій, невыносимую для

*) Такъ, между прочими, за Байкаломъ поступили съ Марціевскимъ, человекомъ весьма независимаго характера и образа мыслей.

людей развитых и образованных (каковыми оказались наибольшая часть присужденных къ самымъ тяжкимъ каторжнымъ работамъ). До Тобольска такихъ везли еще въ кибиткахъ съ жандармами *). По Сибири ссылки уже шли въ партіяхъ со всеми другими преступниками и въ кандалахъ.

Когда ссылки 1831 года въ 33-мъ году принца на нерчинскіе рудники, тогдашній горный начальник велѣлъ представить ихъ къ себѣ. Принявъ строгій видъ, сильнымъ, отрывистымъ и повелительнымъ голосомъ онъ сказалъ имъ:

— Ежели и здѣсь будете мыслить противъ правительства, то ожидаетъ васъ не веревка, не пуля, но палки, которыми прикажу васъ заколотить.

Слова эти были произнесены такимъ тономъ, что одинъ изъ прибывшихъ поляковъ, не воздержавшись отъ смѣха, улыбнулся. Начальникъ это замѣтилъ, пришелъ еще въ большой гнѣвъ, топалъ ногами, брызгалъ и кричалъ:

— Знайте разъ на всегда, что вы пришли въ страну, гдѣ смѣяться не позволено.

Затѣмъ быстро возобладавъ собою и, не давъ въ соотвѣтствіи тону своему хорошенько размыслить пришельцамъ о тяжести будущей

*) Жандармы обязаны были не давать ссылнымъ въ руки ни ножа, ни другой какой либо острой вещи, а потому они на станціяхъ разрѣзали мясо и отбирали даже кости, обязаны были не отходить отъ ссылнаго ни на шагъ, не позволять никому изъ постороннихъ подходить и разговаривать; обязаны были смотрѣть, чтобы не убѣжалъ, и стараться живымъ доставить на мѣсто назначенія. Если ссылный заболѣлъ въ дорогѣ, жандармы обязаны стараться всякими средствами довести до ближайшаго губернскаго города, а если болѣзнь острая и сильная, то до ближайшаго уѣзднаго города. Если болѣзнь продолжается дольше мѣсяца, тогда жандармы отдають арестанта подъ надзоръ мѣстныхъ властей, отъ которыхъ берутъ письменное свидѣтельство и возвращаются къ мѣсту служенія. На паромахъ, на мостахъ, при переѣздахъ черезъ рѣки не позволялось вытѣзать изъ телеги и даже сами жандармы должны были сидѣть въ это время по бокамъ. Одно изъ этихъ правилъ нарушалось въ Сибири, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ для разговоровъ, утѣшеній и напутственнаго успокоенія собирались бывалые изгнанники съ совѣтами и наставленіями вновь прибывающимъ. Судьба сближаетъ людей у почтовыхъ станцій: на встрѣчу политическимъ ссылнымъ изъ поляковъ собирались не одни только поляки. По приходѣ въ Иркутскъ, польскіе солдаты, повстанцы 1831 г., приняты были дружески тѣми изъ гвардейскихъ солдатъ-семеновцевъ, которые за бунтъ 1825 года сосланы были въ Сибирь и рассортированы по тамошнимъ батальонамъ. Семеновцы и поляки составили двѣ дружескія группы; защищали другъ друга, не позволяли, безъ своей воли, ни одного солдата наказывать; негодяевъ исключали изъ своей среды. На первыхъ шагахъ поляковъ въ солдатской неволѣ семеновцы были истинными благодѣтелями.

жизни въ рудникахъ, горячій начальникъ перешелъ въ тонъ мягкій и спокойный. Онъ кротко спрашивалъ каждаго о занятіяхъ и лѣтахъ, о ремеслѣ и знаніяхъ. Узнавъ въ Подгородинскомъ богатого человѣка и опросивъ уже ученаго Вопрэ, говорилъ первому, указывая на второго, въ такомъ смыслѣ:

— Если бы ты былъ ученымъ, какъ этотъ, а бы не удивился, что ты принадлежалъ къ союзу. Но чего же ты хотѣлъ? Конечно, при богатствѣ твоёмъ тебѣ было и безъ этого хорошо. Вотъ-то глупость, настоящая глупость!

И начальникъ качалъ головою и долго не могъ совмѣстить обѣ мысли въ одну; послѣ различныхъ вопросовъ, снова возвращался къ тому же недоумѣнію и удивленію своему.

Между прочимъ, обратилъ онъ вниманіе на европейскій, городской костюмъ ссылныхъ, приказалъ нѣкоторымъ обрить бороды, какъ не присвоенныя людямъ каторжнаго состоянія; велѣлъ оголить бакенбарды и подбородки, замѣтивъ, что такое украшеніе принадлежитъ людямъ честнаго званія. Долго потомъ муштровалъ, осматривалъ, ласкалъ и бранился въ одно время и на одномъ и томъ же мѣстѣ; наконецъ, отпустилъ.

Разославъ ссылныхъ поляковъ по различнымъ нерчинскимъ рудникамъ, начальникъ объѣзжалъ ихъ потомъ. Въ одномъ мѣстѣ кричали на чиновниковъ за то, что посылають поляковъ на работы, заставъ многихъ изъ нихъ при разбиваніи руды, и дивился, что подчиненные его не умѣютъ уважать людей съ образованіемъ и отдѣлять ихъ отъ остальныхъ преступниковъ. Ревизуя рудники во второй разъ, призывалъ горныхъ чиновниковъ и сердился на нихъ за то, что послабляютъ столь опаснымъ людямъ, что не назначаютъ ихъ на рудниковыя работы и проч.

Но этотъ начальникъ былъ послѣднимъ изъ могиканъ. Въ немъ уже боролись два направленія, два противоположныхъ взгляда на ссылныхъ въ такомъ разногласіи, что дѣлали изъ него чудака. Въ послѣдующихъ начальникахъ гуманный взглядъ и мягкія отношенія взяли перевѣсъ. Подобному чуду превращенія гнѣва на милость всѣ ссылные обязаны влиянію декабристовъ на ихъ коменданта Лепарскаго, который къ тому же былъ самъ полякомъ. Когда поляки начали прибывать за Байкаль, влияніе декабристовъ на комендантское управленіе было уже настолько сильно, что поляки встрѣтили самый мягкій приемъ и комендантъ не прешаствовалъ декабристамъ подать имъ помощь значительными деньгами, вещами и книгами. Такимъ образомъ, первое пособіе поляки получили не отъ своихъ и не изъ Польши, а изъ каземата декабристовъ. Не забудемъ, что заводы въ отношеніи ко всѣмъ ссылнымъ, а тѣмъ болѣе относительно „политическихъ“, были подчи-

нены вѣденію Лепарскаго—коменданта нерчинскихъ рудниковъ. „Послѣ стало легче“ (свидѣтельствуеъ одинъ изъ поляковъ, жившихъ на каторгѣ, вообще недружелюбный къ Россіи и озлобленный противъ Сибири, сохранившій приведенное нами преданіе о первой встрѣчѣ поляковъ за Байкаломъ *); „Болѣе человѣчными сдѣлались отношенія (говорить онъ дальше); тиранія и варварство въ тѣхъ рудникахъ стали уменьшаться. Старики, помнящіе старья времена, говорятъ о тогдашнихъ начальникахъ, какъ о грубыхъ тиранахъ, поступавшихъ съ людьми звѣрски. Ныгѣшнее обращеніе—терпѣливое, отношеніе къ польскимъ ссыльнымъ милостивое, деликатное и мягкое. По закону ни одна категорія поселенцевъ, даже политическихъ, не освобождена отъ тѣлеснаго наказанія, но не было ни одного приговора, чтобы наказали политическаго поселенца безъ суда (какъ это дѣлается съ прочими) и чтобы которагонибудь изъ нихъ записали въ цехъ слугъ“.

Другой полякъ въ Западной Сибири зналъ и также за границею писалъ, что „сосланныхъ въ Нерчинскъ обыкновенно въ рудникахъ не заставляли работать, т. е. ихъ не опускали во внутрь шахты, но въ рабочіе часы должны они выходить съ тачками и возить въ нихъ землю, либо добытую руду; однако, трудъ имъ былъ не черезъ силу“. „Поляковъ охотно принимали въ избранная общества, имъ дозволялись сходки для увеселеній. Совершенно нельзя вѣрить тому, что въ нерчинскихъ заводахъ политическихъ ссыльныхъ называютъ только нумерами и что они носятъ только арестантскую форму. Въ самомъ дѣлѣ называютъ ихъ настоящими именами и они носятъ такое платье, какое могутъ“ **).

„Съ ссыльными обходятся снисходительно и готовы раздѣлить съ ними послѣднюю копейку и кусокъ (пишетъ бывшій генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Вроневскій, въ 1836 г., служившій до того долгое время и въ Западной) ***). Ссылные и живутъ, такъ сказать, на счетъ обитателей Сибири; никто не хочетъ доискиваться, что былъ ссыльный и что онъ за преступникъ, знаютъ всѣ его подъ общимъ именемъ „несчастный“. Ни происхожденіе, ни религія, ни нація не имѣютъ различія въ обращеніи съ ними, хотя и часто видимы были разительныя доказательства неблагодарности нѣкоторыхъ“.

„Съ сосланными изъ дворянъ (говоритъ другой свидѣтель нерчинскихъ порядковъ, выслан-

ный по дѣлу Петрашевскаго) и, вообще, съ политическими преступниками обращались по большей части хорошо. Ихъ почти никогда не посылали на работу и, если не было особаго предписанія, не содержали и въ тюрьмахъ (а на гауптвахтахъ). Начальство было съ ними вѣжливо, привѣтливо. Наши дворяне далеко не всѣ пользовались благоволеніемъ начальства (да и того и сами не заслуживали)“. Въ Култумѣ, напримѣръ, поляки жили въ особомъ большомъ домѣ, нарочно для нихъ построенномъ. „Большую частью они ссылались на короткіе сроки на каторгу и, выходя на поселеніе, занимались мелкою торговлею, подрядами и хозяйствомъ; большая часть—небогатая шляхта, всѣ набожные католики, всѣ мало сближались съ русскими, кромѣ подрядчиковъ. Въ послѣднее время (передъ освобожденіемъ по манифесту покойнаго Государя) нѣкоторые поляки по подрядамъ нѣсколько зарисковались, но у народа пользовались довѣріемъ. Для всѣхъ политическихъ преступниковъ было общее названіе поляковъ и главною особенностью для распознаванія полагалось не нарѣчіе, а образованіе. Многіе серьезно занялись своимъ развитіемъ и успѣли образовать себя замѣчательно“.

Въ Большомъ нерчинскомъ заводѣ, на денежную складчину всѣхъ ссыльныхъ поляковъ, составлена была замѣчательная по составу ссчиненій и по количеству томовъ (три тысячи) бібліотека, часть которой временами отдѣлялась для пользованія ссыльнымъ другихъ рудниковъ (между прочимъ, одинъ изъ такихъ отдѣловъ бібліотеки существовалъ въ Култумѣ). Основаніе бібліотекъ положили четыре поляка (Бопрэ, Машковскій, Боровскій и Чапскій), сосланные по дѣлу Конарскаго; они составили между собою за Байкаломъ товарищество, прозванное *Ogól*. Впослѣдствіи подъ этимъ именемъ долгое время существовала община забайкальскихъ изгнанниковъ, которая владѣла бібліотекою, выписывала газеты, выдавала письма и была хранительницею кассы, составлявшейся изъ добровольныхъ взносовъ имущими. Сессія для повѣрки отчетовъ и происшедшихъ тратъ и для соображенія будущихъ расходовъ происходила обыкновенно въ Большомъ заводѣ на праздникъ Рождества Христова. Власти знали о сессіяхъ и объ *Ogul*, но не преслѣдовали. Товарищеское согласіе и взаимная помощь, развиваясь подъ самыми благопріятными условіями, сложилось въ нѣчто такое, что достойно уваженія и подражанія. Въ участникахъ дѣла и въ дѣятеляхъ по товаричеству успѣли выясниться замѣчательные люди, стоявшіе къ товарищамъ самыми завитыми сторонами прекрасной души и въ дѣлахъ помощи и благотворенія въ нерѣдкихъ случаяхъ заявившіе энергію до самопожертвованія и самоотвержен-

*) Агатонъ Гиллертъ, написавшій за границею три тома: «Описаніе Забайкальской украины въ Сибири» (Лейпцигъ, 1867, *Opisanie Zabajkalskiej Krainy w Syberyi*).

**) Руфимъ Піотровскій: „*Pamiętniki z robytu na Syberyi*“. Познань, 1860.

***) Въ неизданныхъ рукописныхъ запискахъ о службѣ.

нія. Въ особенности замѣчательнъ былъ въ этомъ отношеніи Александръ Венжикъ, бывшій основатель варшавскаго товарищества Св. Креста. Вотъ что говоритъ о немъ хорошо знавшій его Гиллеръ:

„Венжикъ былъ сосланъ на легкія работы въ рудникахъ. Посылаемый на луга для уборки сѣна, онъ, сидя въ шалашѣ со своимъ товарищемъ, зачитывался произведеніями Гельвеція и другихъ философовъ XVIII вѣка. Въ нихъ, однако, онъ не нашелъ матеріаловъ для себя въ достаточной мѣрѣ, а между тѣмъ праздность не переставала мучить этого человѣка, нравственный организмъ котораго требовалъ труда и искалъ цѣлей, каковыя бы измѣнили все его существо. Онъ созданъ былъ для дѣятельности, для высокихъ цѣлей и для крупныхъ предпріятій, а не для полумѣр. Безъ высшихъ занятій, въ недѣятельности, онъ не могъ быть покойнымъ и придти въ себя. Въ такомъ положеніи люди либо падаютъ, либо крѣпнютъ больше прежняго. Венжикъ также находился на пути къ паденію. Во время внутренней борьбы и душевныхъ тревогъ онъ узналъ красивую крестьянскую дѣвушку и, всей душой полюбивши ее, привязался къ ней. Если бы она не была русскою, онъ женился бы на ней, но ея вѣра стала преградой. Долго онъ боролся съ собою, долго колебался въ выборѣ средствъ, но въ концѣ превозмогъ любовь и пожертвовалъ ею для товарищей“. „Мысли и начала свои онъ оторвалъ отъ исключительной, эксцентричной почвы и утвердилъ ихъ на твердомъ основаніи сильныхъ и широкихъ убѣжденій: не сдѣлавшись фанатикомъ, онъ сталъ человѣкомъ религиознымъ“. Съ этой поры всю свою жизнь Венжикъ посвятилъ товарищамъ по ссылкѣ, не раздѣляя политическихъ отъ присланныхъ за гражданскія и уголовныя преступленія, лишь бы только то были поляки. Онъ разыскивалъ крайнихъ бѣдняковъ между ними, поддерживалъ колебавшихся, поднималъ упавшихъ и потерявшихъся. „Не было селенія самаго отдаленнаго, гдѣ бы не являлся онъ, неся матеріальную помощь деньгами и нравственную въ словѣ Христовомъ. Чтобы соединить всѣхъ съ Богомъ, возбудить въ нераскаившихся раскаяніе и исправленіе, онъ въ главнѣйшихъ селеніяхъ Дауріи устраивалъ общія молитвы между католиками. Передъ алтарикомъ, устроеннымъ въ квартирѣ кого либо изъ товарищей для произнесенія молитвъ и литаній, собирались, подъ предводительствомъ политическаго ссыльнаго, всѣ католики изъ рудника *). На Пасху и Рождество собиралъ

онъ всѣхъ каторжныхъ поляковъ и дѣлился съ каждымъ узникомъ освященнымъ яйцомъ либо оплаткою; разспрашивалъ о нуждахъ и всегда помогалъ, неизбѣжно имѣя на устахъ слово Божіе, подкрѣпляющее въ несчастныхъ и несущее надежду упавшимъ. Образъ его въ рудникахъ представляется намъ образомъ миссіонера!“ Этотъ видъ богослуженія (особое набоженство), эти молитвы устояли за Байкаломъ и послѣ смерти Венжика въ 1853 году. На могилу его товарищи положили доломитовый камень и, найдя въ имуществѣ 1 тыс. золотыхъ, постановили увеличить эту сумму добровольными взносами для того, чтобы возможно было въ окрестіяхъ его родины купить землю, основать колонію и отдать ее во владѣніе родственнику какаго либо заслуженнаго въ бою или отличившагося въ ржондѣ крестьянина. Прожилъ Венжикъ, отказывая себѣ во многомъ и ничего не жалѣя для другихъ; держалъ себя скромно, не хвастливо, бѣгалъ въ убогой одеждѣ, писать не любилъ; дѣятельная жизнь совершенно оторвала его отъ пера. Временами, въ веселомъ настроеніи духа, въ кучѣ пріятелей, импровизировалъ либо писалъ стишокъ, куплетикъ, который потомъ, пропѣтый товарищами, служилъ приправою бесѣдѣ и поводомъ къ веселымъ шуткамъ товарищескихъ собраний.

Большой нерченскій заводъ въ два великихъ праздника (въ Рождество и Пасху) служилъ мѣстомъ обширнаго собранія всѣхъ поляковъ и, вообще, этотъ заводъ можно было считать важнѣйшимъ и главнымъ пунктомъ польскаго изгнанія въ Сибири; его называли „столицею забайкальскихъ польскихъ изгнанниковъ“. Изъ дальнихъ мѣстъ съѣзжали къ этимъ днямъ всѣ ссыльные для свиданія съ товарищами и для исполненія на великіе дни богослужебныхъ и праздничныхъ обрядовъ, указанныхъ религіею и народными обычаями. Это были и времена заявленій каждаго о личныхъ нуждахъ, планахъ и намѣреніяхъ. Тогда начинала свои дѣйствія общественная касса.

Касса польская, образуемая изъ взносовъ самихъ ссыльныхъ и отъ присланныхъ изъ Польши, всегда владѣла нѣсколькими тысячами рублей *).

далъ въ нихъ, о тѣхъ наводились справки; кто не хотѣлъ идти, тѣхъ строго наказывали. Забайкальскій католическій приходъ заключалъ въ себѣ въ 1860 году 1.635 прихожанъ; за пять лѣтъ до того ихъ было 758 и въ томъ числѣ 150 политическихъ преступниковъ. Приходъ этотъ устроенъ въ 1840 году по желанію и просьбамъ ссыльныхъ этого періода; до тѣхъ поръ Забайкалье принадлежало къ иркутскому приходу.

*) Сооруженію въ заводѣ каплички съ малымъ органомъ и снабженію ея всѣмъ необходимымъ способствовала много Грохольская, изъ Подольской губерніи, высланная за то въ Ярославль. Впослѣдствіи на деньги, собранныя съ прихожанъ и на Волынѣ и Украинѣ Раковскою, предполагено было выстроить костелъ въ Читѣ съ тѣмъ, чтобы упразднить существовавшій въ

*) Для уставщиковъ такого «набоженства» Венжикъ написалъ инструкцію подъ названіемъ «Uwagi o potrzebach nabozenstwa bajkalskiej parafii». Впрочемъ, и само правительство строго требовало исповѣди у ксендзовъ, обязанныхъ составлять списки исповѣдникамъ. Кто не попа-

наблюдалась она особымъ кассиромъ, ежегодно избираемымъ на эту должность (Венжикъ безсмысленно состоялъ таковымъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ). Изъ кассы брали помощь старики, больные, либо оставшіеся безъ занятій; она же дѣвала и займы для устройства быта и различныхъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій. На вспомошествованіе ея имѣлъ право каждый членъ ссыльной колоніи, этой польской общины а: Байкаломъ; не пользовались же этимъ правомъ только поляки, сосланные не за политическія преступленія, какъ не признанные въ составѣ общины, не пользовались не платившіе процентовъ (не вносившіе денегъ) и тѣ изъ политическихъ, которые успѣли жениться на сибирячкахъ, какъ добровольно исключившіе себя изъ нее черезъ нарушеніе одного изъ коренныхъ правилъ колоніи. „Община была и есть утѣхою жизни поляковъ въ ссылке. Взаимная помощь и взаимный контроль уладили ссыльных, облегчили имъ жизнь, спасли ихъ достоинство, возвысили помыслы и сдѣлали то, что поляки имѣли здѣсь неограниченный кредитъ, довѣріе и уваженіе, какъ выразились по отношенію къ нимъ мягкимъ и снисходительнымъ обращеніемъ властей, исканіемъ торговыхъ, товарищескихъ и иныхъ сношеній со стороны тамошняго народа“. Кроме того, въ Вильпомъ заводѣ, черезъ браки поляковъ между своими, образовалось нѣсколько польскихъ семейныхъ домовъ, гдѣ изгнанники не мало встрѣчали утѣшеній и помощи. Гостепріимство, искренность и прелесть приѣма, какими всегда отличаются польки, умѣли не одного изгнанника перенести воспоминаніями на далекую родину, тѣмъ болѣе, что и народныя обычаи въ этихъ семействахъ свято соблюдались.

Такимъ же пунктомъ для сходовъ товарищескихъ и для обмѣна мыслей служилъ нѣкоторое время Акатуйскій рудникъ, гдѣ ссыльные поляки группировались около Высоцкаго. Подъ влияніемъ этого замѣчательнаго человѣка умѣла также уберечься польская національность, склонная не дружить съ русскою, не смотря на благоприятныя условія, предлагаемыя добровольно и безъ принужденія и даже извѣстнаго рода необходимыя. Въ Акатуй къ Высоцкому, во время житія его на поселеніи, изъ ближнихъ странъ нерчинской ссылки собирались товарищи изгнанія и здѣсь, въ его скромномъ жилищѣ, торжественно справляли памятную годовщину 29 ноября. Высоцкій гостепріимно встрѣчалъ всѣхъ званыхъ и незваныхъ, знакомыхъ и незнакомыхъ; временами кто нибудь запѣвалъ веселыя народныя пѣсни, всегда въ день св. Сатурнина раздававшіяся въ жилищѣ общаго любимаго всѣхъ польскихъ изгнанниковъ*),

нерчинскомъ заводѣ иркутскій костель, построенный гр. Литкою.

*) Нѣкоторые поляки, какъ Петръ Сцѣгѣн-

Этотъ тѣсною дружбою, этою готовностью ко взаимной помощи и поддержкѣ прославились поляки между сибиряками въ видѣ поразительнаго исключенія и замѣчательнаго образца. Въ Тобольскѣ встрѣчала ихъ помощь Петра Мошинскаго, сосланнаго туда на житье, и князя-богача Романа Сангущки, надѣлявшаго деньгами каждого изъ проходившихъ въ этапной партіи, и проч. *). Всякій вновь прибывшій въ рудники ссыльный находилъ у старыхъ пріютовъ, обязательную помощь и необходимыя совѣты на предстоящую жизнь, какъ бы отъ родныхъ братьевъ, кровныхъ друзей. Рѣдкій изъ ссыльных поляковъ не зналъ или не имѣлъ понятія объ остальныхъ товарищахъ по изгнанію: Высоцкій зналъ положительно каждого и ни одному изъ своихъ соотечественниковъ не отказывалъ въ гостепріимствѣ и совѣтахъ. Въ обязательствахъ такого всевѣденія предполагалась та возможность влияния на упавшихъ духомъ, которая выражалась, между прочимъ, въ стремленіяхъ не давать смѣшиваться польской крови съ русскою. Браки съ сибирячками считались измѣною отчизнѣ и незримый контроль и наблюденіе всегда являлись съ отговорами, мольбами и запрещеніями вездѣ и тотчасъ тамъ, гдѣ житейскія обстоятельства и сердечныя стремленія завязывали узы Гименея. „Такихъ общественное мнѣніе сурово карало, однако, старанія товарищей не всегда были успѣшны“. Сохраненіе національнаго чувства и патристическихъ вѣрованій, съ самыми крайними и странными проявленіями, низведенными до тонкихъ мелочей, было одною изъ характеристическихъ особенностей и однимъ изъ главнѣйшихъ сознательныхъ стремленій всѣхъ политическихъ ссыльных этого втораго періода ссылки. Успѣхъ заданъ въ такой степени, что изъ всего множества политическихъ ссыльных Восточной Сибири, говорятъ, только 27 остались доживать здѣсь свой вѣкъ послѣ всемілостиваго прощенія. „Община (огуль) такъ устроила дѣла изгнанниковъ Восточной Сибири, что они вернулись на родину, не сломивши духа и не уронивши характера представителей Польши“ свидѣтельствуешь Аг. Гиллеръ.

Жили поляки, подъ влияніемъ товарищества и при содѣйствіи общественной кассы, различными съ братьями (въ Александровскомъ заводѣ), пробовали жить товариществомъ на равныхъ, коммунистическихъ правахъ, но попытка ихъ не удержалась на практикѣ.

*) Романъ Сангущко числился солдатомъ въ тобольскомъ батальонѣ и жилъ на волѣ. Внѣстѣдствіи, по ходатайству родственниковъ, переведенъ въ кавказскія войска съ дозволеніемъ выслуги. Когда дослужился, онъ уже очень мало видѣлъ и оглохъ. Глухимъ онъ встрѣтилъ и глухимъ остался къ послѣднему польскому возстанію, живя въ своихъ имѣніяхъ въ Волынской губ. Съ нимъ вмѣстѣ жилъ въ Тобольскѣ полковникъ Крыжановскій, отличавшійся въ наполеоновскихъ войскахъ въ Испаніи, другъ генерала Хлопицкаго, человѣкъ высокообразованный.

ными способами труда, приспособляемого на большую часть по образцам и требованиям местным: по заказам, подрядам и при содействии купцев, по наймам и под руководством чиновников; поляки искали либо частной службы, либо казенной. Наибольшее число их Сибирь видела мелкими торговцами, купеческими приказчиками, либо станционными смотрителями и писарями; охотливее всего искали они выгодных мест волостных писарей. Привилегия грамотности и умение писать составляли основную причину польских успехов во всех последних случаях: близкие взаимные связи, естественные одноплеменности и союзничества, всегда (как и вездѣ на свѣтѣ) выражались тѣмъ, что тамъ, гдѣ удалось укрѣпиться одному, находилась возможность къ обезпеченію и другого поляка. Исключенія являлись только въ силу неодолимыхъ препятствій, предусмотрѣнныхъ законами физики или запрещеніями начальствъ, временами налагаемыми. Въ заводскихъ конторахъ писали обыкновенно трое, но и такому числу бумажныхъ работъ приходилось по горло: писали съ 8 до 12-ти, потомъ ѣдали, въ два часа опять садились писать и снова писали часовъ до 10 и 11-ти. Не было работы — ходили въ конторы сидѣть и снова писали уже отъ бездѣлья и сверхъ сыта. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ опытные и образованные люди умѣли вызнать и приспособить такіе новые способы производства, о которыхъ въ тѣхъ мѣстахъ до того времени мало разумѣли или не догадывались. Особеннымъ успехомъ пользовались знатоки различныхъ техническихъ производствъ, распространенныхъ въ Польшѣ, а наибольшую пользу сибирской странѣ оказали тѣ, которые, занявшись земледѣіемъ, приспособляли различные способы рациональнаго сельскаго хозяйства.

Между первыми особенными выгодами въ матеріальномъ отношеніи воспользовались тѣ, которые обратили вниманіе на превосходное дерево сибирскаго кедра, рѣдко растущаго сплошнымъ лѣсомъ, но замѣчательно распространеннаго по цѣлой Сибири. Плоды его, шишки съ орѣхами, составляли только любимый кормъ бѣлокъ и любимое лакомство сибирячекъ, превратившихъ щелканье кедровыхъ орѣховъ въ обязательное и ежедневное препровожденіе времени. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ предѣлахъ Западной Сибири, орѣхи — мелада составляли предметъ торговли и въ сыромъ видѣ вывозились за Уральскій хребетъ, продавались на Ирбитской ярмаркѣ. За Байкаломъ масло кедровыхъ орѣховъ составляло продуктъ русскаго приготовления. Масло было лучше, потому что орѣхи чистились лучше, но зато не могло быть предметомъ серьезной торговли. Грызли орѣхи обыкновенно дѣвочки-подростки, но грызли онѣ такъ искусно, что, раскалывая скорлупу, не

касались зубами орѣховъ. За Байкаломъ нѣкоторые поляки основали небольшой заводъ для добыванія изъ орѣховъ масла, для очистки скорлупы и выжимки изъ мякоти продукта; одинъ изъ нихъ (Савичевскій) занялся усерднѣе другихъ, устроилъ даже и мыльный заводъ *). Кедровое масло изъ этой маслобойни тотчасъ обратило на себя вниманіе не столько какъ вещество новое, сколько какъ добротный продуктъ. Когда такой же опытъ произведенъ былъ Морачевскимъ въ Западной Сибири и масло дошло до Москвы, то, по свѣжести, цвѣту и другимъ качествамъ, оно найдено было соответствующимъ тому, на которое существуетъ въ православной Россіи такое огромное и повсемѣстное требованіе и громадный расходъ. Издавна, какъ извѣстно, въ этомъ случаѣ спросъ неизмѣримо превышаетъ фабрикацію привознаго продукта и деревянное или оливковое масло издавна приправляется всякими примѣсами другихъ маселъ, между которыми сурепному принадлежитъ первое мѣсто. При всегдашнихъ замѣчательствахъ по недостатку суррогатовъ, кедровое масло, свѣтлое и сладкое и близко подходящее къ привозному оливковому, показало московскимъ оптовымъ торговцамъ рѣшительнымъ кладомъ. Замѣченный недостатокъ смолистаго вкуса отъ доставки его въ сосновыхъ бочкахъ вскорѣ устраненъ былъ сибирскими заводчиками-поляками тѣмъ простымъ способомъ, что кедровое масло стали доставлять въ кедровыхъ бочкахъ. Дѣла заводчиковъ быстро поднялись: продуктъ ихъ продолжалъ сдабривать деревянное масло вопреки православному обычаю зажигать въ лампадахъ елей чистый и безпримѣсный. Успѣхъ увѣнчалъ начинанія съ большою выгодною для поляковъ Западной Сибири, хотя съ наименьшею для заводчиковъ Забайкалья, но уже по причинамъ географическимъ.

Въ Сибири, какъ извѣстно, нѣтъ вовсе въ лѣсахъ вяза, клена и ясени; за Байкаломъ въ озерахъ и болотахъ — пиявокъ, въ дугахъ и лѣсахъ — пчель. На медъ, какъ на продуктъ, весьма дорого стоящій въ православной Сибири, которая соблюдаетъ посты и сильно потребляетъ чай и пряники, также обращено было вниманіе въ Западной Сибири. Разведенію пчель содействовали также съильные поляки, ископные знатоки и любители этого промысла, сильно

*) Савичевскаго поддержалъ кяхтинскій купецъ Ив. Як. Спѣшиловъ. Предпріятіе было, однако, не совсемъ удачно. Масло стало горько оттого, что у крупныхъ орѣховъ скорлупа вдавливалась въ мякоть, а мелкіе проскакивали съ цѣлою скорлупою между жерновами. Грохоты и жерновъ придуманы въ казематѣ декабристами. Отсюда и взяты И. Я. Спѣшиловымъ. Цѣна на масло не уменьшалась, однако; масло ручнаго производства было такъ дешево, какъ никогда не бывало при машинномъ производствѣ, потому что избонна шла въ кушанье.

развитого въ бѣлорусскихъ и литовскихъ лѣсахъ, содѣйствовали по иниціативѣ начальника алтайскихъ заводовъ, полковника Аршеневскаго, богатаго человѣка и любителя сельскаго хозяйства. Въ 1790 году онъ выписалъ изъ Россіи два улья въ своей полковой штабъ. Съ легкой его руки воспитаны были пчелы около Семипалатинска, въ Устькаменогорскомъ и Бухтарминскомъ краяхъ при содѣйствіи поляковъ и литовцевъ, поселенныхъ деревнями или опредѣленныхъ въ казачьи войска. Теперь пчеловодство сильно развилось и ворочаетъ сотнями тысячъ рублей на всемъ югѣ Томской губерніи, преимущественно въ Бійскомъ округѣ (медъ отсюда везутъ даже въ Иркутскъ); начинаютъ также разводить пчелъ и въ богатыхъ липовыхъ лѣсахъ по р. Тартасу въ Тарскомъ округѣ Тобольской губерніи *).

На сибирское огородничество, вообще находящееся въ зачаточномъ состояніи, поляки вліяли главнымъ образомъ тѣмъ, что, выписывая изъ Польши сѣмена, ознакомили съ нѣкоторыми неизвѣстными и распространенными лучшіе сорта овощей и плодовъ. Въ маленькнхъ щеголеватыхъ огородахъ, даже у самыхъ бѣдныхъ изгнанниковъ, сибиряки увидѣли макъ, пѣтрushку, сельдерей, порей, цвѣтную капусту, фасоль, арбузы и дыни и имѣли возможность, черезъ подражаніе и при указаніяхъ, распространить возростаніе ихъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ (макъ, напримѣръ, хотя и хорошо родится на сибирской землѣ, но весьма мало воспитывался). Сибиряки, между прочимъ, глубоко убѣждены были въ томъ, что арбузы и дыни, кромѣ парниковъ и оранжерей, нигдѣ родиться не могутъ. Воспитанные тамъ плоды эти продавались въ Иркутскѣ отъ 5 до 10 р. асс. Но Вл. Фед. Раевскій (декабристъ) сталъ разводить арбузы въ 80 вер. отъ Иркутска въ Олонкахъ на особыхъ грядкахъ и безъ особенныхъ хитростей. Тамошнія бабы выучились, стали подражать, ихъ примѣру последовали бабы въ Александровскомъ заводѣ и теперь на иркутскій рынокъ натаскиваютъ арбузовъ цѣлые воза, такъ что арбузъ стоитъ уже отъ 10 до 50 копеекъ **).

Какъ ссылки на мѣстѣ Доброй Надежды

*) Между прочимъ, сибирскій медъ—такого качества, что подобнаго ему трудно найти въ Россіи.

**) Огородничество процвѣтало задолго до поляковъ у раскольниковъ Забайкальяхъ и на Алтаѣ и распространено въ лучшихъ видахъ у декабристовъ задолго до прибытія поляковъ, которые вначалѣ даже и сѣменами пользовались изъ каземата. Въ Иркутскѣ задолго до поляковъ были у губернатора Цейдлера, а особенно у купца И. И. Баскина образцовыя оранжереи, которыя были бы замѣчательны и вездѣ. Въ Минусѣ разводились арбузы издавна, а въ Западной Сибири славятся ташкентскіе огурцы, какъ въ Восточной китайскіе, имѣющие ту выгоду, что можно было ихъ выращивать на окнахъ, на трельяжахъ и т. д.

развели виноградъ, эмигранты-французы основали въ восточныхъ предѣлахъ Лондона шелковыя фабрики и научили саксонцевъ выдѣлывать сукна и шляпы (издѣлія, составлявшія до того времени монополію Франціи), такъ, между прочимъ, плѣнные шведы въ Орловской губерніи выучили косить пшеницу, а въ Сибири основали первыя школы *). Поляки кое-гдѣ за Байкаломъ и во многихъ мѣстахъ обихъ Сибирей познакомили съ плугомъ. Въ остальной Сибири съ плугомъ и литовками ознакомили туземцевъ добровольные переселенцы Малороссіи, казаки. Поселенцы косили косякомъ и горбушею, смотря, кто изъ какого мѣста былъ. Самая лучшая за Байкаломъ пшеница называется полька, а у семейскихъ старовѣровъ—кубанка, выписанная впервые изъ Польши и присланная черезъ почту. Подъ Большимъ нерчинскимъ заводомъ у изгнанниковъ былъ образцовый фольваркъ (хозяинъ его Буддескундъ). Нѣкоторые разводили лошадей, каковыхъ сибиряки охотно покупали, увѣренные въ томъ, что лошади, выхлеленныя по европейскимъ образцамъ, крѣпки, красивы и быстры, и до сихъ поръ помнятъ, что между поляками Валецкій искусно способствовалъ улучшенію породы туземныхъ лошадей. Шведы и финны въ томъ же Забайкальѣ, какъ и въ остальной Сибири, познакомили крестьянъ съ приготовленіемъ чухонскаго масла и тѣ же поляки основали фабрики сыровъ польскихъ и швейцарскихъ **). Была даже маленькая фабрика, приготовлявшая сы-

*) Въ Тобольскѣ, между прочимъ, жили Дитмацъ, секретарь Карла XII, и полковникъ Страленбергъ, успѣвшій объѣздить съ ученою цѣлью многія мѣста Сибири. По возвращеніи изъ плѣна въ Стокгольмъ, онъ написалъ книгу (на нѣм. яз.): «Сѣверо-восточная часть Европы и Азіи, содержащая въ себѣ географическія, этнографическія и историческія свѣденія о Сибири и отчасти объ европейской Россіи, съ картою Сибири». Татищевъ написалъ на эту книгу замѣчанія.

**) На Чикоѣ, въ деревнѣ Шембеликѣ, полякъ Савичевскій имѣлъ два завода: мыльный и мыльный (изъ кедровыхъ орѣховъ). Въ 1859 г. выработано имъ было масла на 12 тыс. руб. Савичевскій имѣлъ также чайную торговлю въ Кяхтѣ. Швейцарскіе сыры варили въ Петровскомъ заводѣ братья Карпинскіе. По возвращеніи ихъ въ 1857 году на родину, сыроварня эта исчезла безъ слѣдовъ. Сыръ, какъ извѣстно, везать за Байкалъ изъ Москвы за 6 тысячъ верстъ; порядочное мѣло, пригодное для стирки бѣлья, за 4½—5 тыс. верстъ изъ Казани; даже простыя сальныя свѣчи идутъ въ Иркутскъ и дагѣ изъ Томска за 1½, 2, 2½ тыс. верстъ. Приготовленіе обыкновеннаго польскаго сыра составляло необходимымъ принадлежность всякаго хозяйства польскихъ поселенцевъ. Въ Александровскомъ заводѣ Пасербскій и Вожульскій имѣли свѣчной заводъ. Мыло варили задолго до поляковъ. Казанское привозили оттого, что оно было въ славѣ и провозъ за Байкалъ былъ необычайно дешевъ (напр., отъ моря (Байкала) до Читы 45 коп. асс. съ пуда).

гары изъ монгольскаго и нерчинскаго табаку.

Съ выѣздомъ поляковъ изъ Сибири упала добротность кедроваго масла, вызвавшая теперь въ Москвѣ сожалѣніе, къ тому же вывозъ масла уменьшился, сверхъ того, вслѣдствіе вадорожанія за Байкаломъ и въ Сибири всѣхъ работъ, въ томъ числѣ и добыванія орѣховъ, а особенно вслѣдствіе вадорожанія въ пять разъ и болѣе провоза. Исчезло безъ слѣда сыровареніе *). Не укрѣпился секретъ Валецкаго воспитывать лошадей, не пустила глубокихъ корней выдѣлка березовыхъ трубокъ, на которыя особенно охотливы и искусны были забайкальскіе поляки; не распространились по городамъ ремесла, не смотря на то, что сапожниковъ и башмачниковъ прислано было изъ Польши много, не смотря на то, что между слесарями и кузнецами поляками находились истинные артисты своего дѣла и, вообще, техническія производства и ремесла на городскую и дворянскую руку имѣли въ полякахъ замѣчательно хорошия представители. Первая въ томъ краю вѣтряная мельница, построенная въ нерчинскомъ Большомъ заводѣ, то же недолго похлопала крыльями и не нашла покровителей: вѣтры не крѣпки. Крупнаго вліянія и сильнаго впечатлѣнія дѣла и затѣи ремесленниковъ изъ поляковъ не произвели на сѣмьныя страны; не произвели и потому, что ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ желанія и цѣлей приспособлять свои ремесленныя знанія въ широкихъ размѣрахъ къ мастерству и школѣ, и потому, что всякій работалъ изъ-за насущнаго куска хлѣба. Воспользоваться ихъ знаніями и обратить ихъ на пользу туземцевъ никому и въ голову не приходило: омская весьма успѣшная и иркутская не совсѣмъ удачная попытка образовывать поляками полковыхъ музыкантовъ, вмѣстѣ съ разведеніемъ пчелъ подлѣ Семипалатинскомъ, стоятъ одиноко и остались безъ подражателей *). Всякій работалъ самъ для себя и самъ про себя. И Высоцкій варилъ въ Акутуѣ мыло, но издѣлія его, въ маленькихъ квадратныхъ выпуклыхъ печаткахъ (съ надписью Р. W. Akutuja), не употреблялись по назначенію, а раскупались для храненія на память обожавшими его земляками. Мыло поляка Хлопницкаго приманило было сначала своимъ бѣлымъ видомъ, но когда оказалось не мылко, то и потеряло скоро кредитъ. И братья Далевскіе дили сальныя свѣчи, и на р. Аргунѣ двое поляковъ основали кожевню, но издѣлія первыхъ вовсе не расходились дальше хатъ Газимурскаго селенія, а издѣлія вторыхъ удовлетворяли только мѣстнымъ ну-

*) Впрочемъ, польскій сыръ былъ очень плохого качества.

***) Въ составъ иркутскаго оркестра вмѣстѣ съ поляками поступили, между прочимъ, сѣмьные дворовые гр. Аракчеева, сосланные по дѣлу убійства извѣстной графской любовницы Натасьи.

ждамъ контрабандистовъ. Цециковскія же глиняныя статуэтки, вазы и трубочки весьма мало нашли себѣ подражателей и продолжателей. Съ болѣею охотою пускались поляки на мелкія работы: шили башмаки, дѣлали деревянныя чашки, ложки, ведра, кадучки, глиняныя горшки; на Шилкѣ и Аргуни занимались рыбною ловлею, охотою; у купцовъ жили въ поварахъ, въ приказчикахъ, бухгалтерами, учителями при дѣтяхъ (особенно большую помощь нашли поляки у богатыхъ купцовъ Кандинскихъ). Между прочимъ, поляки любили разносную торговлю коробейнымъ товаромъ; нѣкоторымъ при этомъ приходилось, по вызову и требованіямъ туземнаго населенія (какъ въ Западной Сибири), гадать за яйца для пушлага успѣха на царѣ Соломонѣ, колдовать, ворожить и лечить всякими вѣдомыми и невѣдомыми снадобьями. Нѣкоторымъ удалось отъ торговли и различныхъ подрядовъ разбогатѣть до забвенія о родинѣ, а нѣкоторымъ послѣ того и разоррости (какъ случилось въ Восточной Сибири — именно за Байкаломъ, когда переименовали крестьянъ въ казаковъ и въ вознагражденіе за пожертвованія при этомъ воспретили имъ платить купцамъ долги *).

Несомнѣнно прочнѣе и плодотворнѣе было вліяніе тѣхъ изъ поляковъ, которые посвятили себя обученію дѣтей грамотѣ, тѣмъ болѣе, что это занятіе принадлежало значительному числу ихъ, а притомъ въ такихъ далекихъ мѣстахъ и глухихъ захоlustяхъ, гдѣ безъ этихъ случайныхъ гостей дѣло грамотности коснѣло бы при старыхъ порядкахъ. Недовѣрчивость и упорство, высказавшееся на встрѣчу полякамъ на первыхъ шагахъ ихъ, имъ удалось усилить терпѣніемъ и настойчивостью и, во всякомъ случаѣ, при обстоятельствахъ, болѣе благоприятныхъ (въ городахъ, мѣщанскихъ и купеческихъ семействахъ), ссыльнымъ полякамъ удалось значительно предотвратить и восполнить недостатокъ воспитателей. Съ точностью опредѣлить ихъ услугу и найти ея границы невозможно только потому, что параллельно съ ихъ дѣятельностью на поприщѣ обученія шла таковая же готовная, неустанная, правильная и честная дѣятельность декабристовъ **).

*) Богатый домъ Кандинскихъ съ этого времени пошелъ быстро къ паденію и банкротству. Пострадали отъ этой мѣры и два извѣстныхъ поляка: Гжовскій и Грушевскій. Послѣдній жилъ въ Кузтумѣ и велъ обширную торговлю, имѣя большое хозяйство; на р. Газимурѣ не было чедовѣка, который не состоялъ бы у него въ долгахъ. Самыми выгодными предриятіями и спекуляціями считали поляки тѣ, которыя приводилось имѣть съ казною, по причинамъ, весьма хорошо извѣстнымъ и не требующимъ объясненій.

**) Яснѣе выражалось вліяніе поляковъ въ передачѣ знаній французскаго языка и другихъ иностранныхъ, на преподаваніе которыхъ они охотливѣе соглашались, чѣмъ на преподаваніе

общихъ усилій очевидно: количество грамотныхъ въ казачьемъ сословіи, между заводскими крестьянами и городскими мѣщанами несравненно выше соотвѣствующихъ имъ сословій Россіи. Сибирское купечество вообще отличается наибольшою развитостью въ политическихъ взглядахъ, наибольшимъ такъ называемымъ энциклопедическимъ образованіемъ, тѣмъ, напр., то же купечество, которое покупаетъ у нихъ чай и мѣха и отпускаетъ имъ ситцы, сукна, готовые сапоги и готовое платье, заготавливаемые Москвою. Гостеприимно отворяя двери изгнанникамъ, въ нравственномъ отношеніи сибиряки много выиграли, судя по личнымъ нашимъ наблюденіямъ и по свидѣтельству всѣхъ, имѣвшихъ съ ними дѣла и встрѣчи. Снисходительность и терпимость сибиряковъ, развитыя опытомъ и вызванныя необходимою, даже сильнѣе въ этомъ случаѣ, тѣмъ въ долготерпѣливой и незапамятной Россіи. Этими-то свойствомъ обязаны сибиряки сближеніемъ съ политическими ссыльными и приобрѣтеніемъ отъ нихъ возможныхъ услугъ и помощи. Во всякомъ случаѣ, политическіе изгнанники оставили въ Сибири слѣды глубокіе и примѣтные.

Полякамъ привелось, вслѣдъ за другими, будить мысль, поднимать самосознаніе и направлять самостоятельность. Общими усиліями всѣ политическіе ссыльные, главнымъ образомъ, достигли до того уваженія у туземцевъ и до той сибирской терпимости, которая имъ же самимъ послужила на пользу, пойдетъ вооруженная готовностью и на будущія времена. Мы не говоримъ уже о той пользѣ странѣ, которую принесли, между прочимъ, поляки, явившіеся съ врачебными знаніями, съ каковыми многіе (какъ Шокальскій), не смотря на запрещеніе имъ практики, шли на безвозмездную и готовую помощь сибирскимъ людямъ, предоставленнымъ судьбою въ пользованіе ламъ и шамановъ **).

русскаго языка. Точно также сибиряки много обязаны полякамъ въ обученіи музыкѣ. Музыкѣ они учили также съ замѣчательною охотою. Въ Кяхтѣ они сильно распространили игру на фортепiano. Уже въ 1836 году въ Иркутскѣ молодые купцы танцовали французскую кадрили и принимали самое живое участіе на балахъ, входившихъ въ моду, и на музыкальныхъ вечерахъ, начинавшихъ интересоваться обществомъ. У весьма многихъ купцовъ, въ то же время, существовали уже значительныя библіотеки съ хорошими книгами и имѣлись кабинеты съ рѣдкими и изящными вещами. «Жены и купеческія дочери, по свидѣтельству самовидца, блистали богатими нарядами, выходками Кузнецкаго-Моста». Въ Кяхтѣ поляки весьма нерѣдко давали музыкальные концерты; одинъ изъ такихъ артистовъ остался директоромъ оркестра въ Иркутскомъ театрѣ.

***) Между прочимъ, нѣкоторые поляки по примѣру латы и жмуди, пробовали заводить, на Ленѣ, въ окрестностяхъ Киренска, общества трезвости. Попытка кое-гдѣ привилась. Въ Иркутскѣ подобная же попытка не имѣла успѣха,

Несомнѣнно почувствовала бы Сибирь еще большую помощь и пользу отъ изгнанниковъ и сами они устремились бы въ эту сторону съ большею энергіею и готовностью, если бы не стояли на пути предвзятыя сепаративныя національныя стремленія соблосты и сохранити себя послѣдовательными своимъ идеямъ. Поляки уронили себя въ общественномъ мнѣніи тѣмъ, что сдѣлались участниками всѣхъ злоупотребленій администраціи и увлекли снова на дурной путь евреевъ, которые въ Сибири начали было отставать отъ своихъ прежнихъ привычекъ. Несомнѣнно поляки принесли бы большую пользу странѣ, если бы не замыкались въ свои товарищества, искали, а не сторонились бы отъ сибирскаго общества, если бы въ чужой странѣ между поляками (преимущественно высшихъ слоевъ и образованными) не развивалась жестокая болѣзнь тоски по родиѣ. Не мало силъ, не мало людей утратили политическіе ссыльные въ своей средѣ на борьбу съ часными и сердитыми припадками этой болѣзни, особенно чувствительной въ промышленной и земледѣльческой Сибири для горожанъ и особенно опасной для людей высшаго образованія, показавшихъ столько любви къ родиѣ и пожертвовавшихъ для нее своею свободою. Исканіе этой свободы, стремленіе достигнуть того положенія, при которомъ вѣроятно помощь и служба отчизнѣ, составляютъ одну изъ яркнхъ и существенныхъ особенностей въ ссыльѣ второго періода, предшествовавшего настоящему, современному намъ. Не смотря на громадные географическія препятствія, не смотря на неудачныя попытки прежнихъ временъ, могущія служить урокомъ, новыя попытки побѣговъ повторились съ замѣчательною настойчивостью, но съ тою же непрактичностью пріемовъ, однако, съ тѣмъ же единодушіемъ и въ расчетѣ надеждъ на ту же Францію.

Очутившись въ положеніи сказочнаго богатыря, передъ которымъ протанулись четыре дороги: „прямо ѣхать, — головы не снести, направо ѣхать—коня сгубить“, ссыльные поляки совѣтовъ бывалыхъ не спрашивались, указанія туземцевъ не доискивались; по волѣ личной фантазіи и по указаніямъ кое какихъ учебныхъ географическихъ картъ, рисовали самые смѣлые планы, врачевали свою острую болѣзнь многообразными призраками. Такъ, одному изъ такихъ богатырей, руководившися картою, представлялись различныя средства врачеванія. Пять дорогъ лежитъ передъ глазами, изъ предѣловъ Западной Сибири:

Одна на востокъ, въ глубь Сибири, къ Охотску; тамъ море и корабли, на корабляхъ путь на берега Америки въ Калифорнію и Соединенныя Штаты; другая на югъ, къ Байкалу, по несочувствію властей и духовенства; за Байкаломъ такихъ же приспособленій никто не пробовалъ дѣлать.

ненные Штаты, оттуда в Европу — и во Францію!

Другая дорога на Киргизскую степь в Бухару; через Персію и Кабуль до английских поселеній в Индіи, либо через Персію в Турцію, в Европу — во Францію!

Третья дорога на юго-запад; дойдя до горъ Уральскихъ, взять на лѣво, дойти до истоковъ рѣки Урала и плыть по ней до Каспійскаго моря (?). Дойдя до черкесовъ, остаться у нихъ, либо через Персію и Турцію — опять в Европу, во Францію!

Либо, перейдя Уральскія горы, не брать на лѣво а ставъ на высотѣ губернскаго города Уфы, доплыть до Волги рѣкою, в нее впадающею, потомъ Волгою доплыть до канала, соединяющаго ее съ Дономъ (?), и через Новочеркасскъ до Таганрога, гдѣ сѣсть на корабль и Чернымъ моремъ в Европу до Франціи. Либо, если это не удастся, изъ Таганрога черезъ донскихъ казаковъ, черезъ губерніи: Екатеринославскую, Херсонскую, Бессарабскую, Молдавію и Валахію до Турціи, и оттуда — во Францію.

Наконецъ — прямо на западъ до Уральскихъ горъ; съ высоты Тобольска взять вправо на сѣверъ, рѣками Печорою и Вычегдою доплыть до Двины, а этою рѣкою до Архангельска. Тамъ, сѣвъ на какой нибудь европейскій корабль, достигнуть Швеціи либо Англій, а оттуда — во Францію!

Всѣ эти пути одинаково смѣлы до дерзости, одинаково невѣрны и не безопасны.

Руфиму Потроховскому удалось ѣхать послѣднимъ путемъ, самымъ кривымъ и окольнымъ, и рассказать изумительныя подробности на любопытство постороннихъ и холодныхъ слушателей, на страхъ и сомнѣніе желающихъ подражать. Отъ ѣздившихъ в южную сторону на монгольскія и киргизскія степи, изъ Восточной и Западной Сибири, рассказы всѣ одни и тѣ же: кочевники, замѣтивъ идущаго в степи вооруженнаго человѣка, не нападаютъ на него прямо и вовсе не имѣютъ намѣреній его убивать. Монголы или киргизы в такомъ случаѣ, изъ боязни потерять кого либо изъ товарищей во время стычки съ бѣглымъ, обыкновенно собираютъ облаву и издали замыкаютъ бродягу в подвижную колонну. Отрядъ этотъ ни на минуту не спускаетъ глазъ съ идущаго и подвигается слѣдомъ за нимъ в ту же сторону, в которую направится онъ. В то же время они свой грозный кругъ стягиваютъ все болѣе и болѣе. Нѣсколько дней такая облава имѣетъ терпѣніе мучить бѣглаго, наблюдая за тѣмъ, чтобы онъ не могъ укрѣпиться. Уже совсемъ измученнаго и страшно оголодавшаго берутъ кочевники безъ боя и непремѣнно в ближайшемъ пограничномъ караулѣ выдаютъ живьемъ военному русскому начальству. Начальство при этомъ обре-

меняется значительными хлопотами и большою перепискою съ пограничными китайскими властями, иногда обязывается значительными платежами за все украденное вдесятеро, согласно мирному трактату.

На Киргизскую степь, на вторую невѣроятную дорогу, бросились поляки Западной Сибири по проэкту ксендза Сироцинскаго и жестоко поплатились за попытку. Она имѣла сильное и неблагоприятное вліяніе на судьбу всѣхъ сибирскихъ поляковъ, уже успѣвшую подчиниться большому хладнокровію и обычному равнодушію присяжныхъ приставниковъ и блюстителей. Вотъ что извѣстно объ этой попыткѣ.

Ксендзъ Сироцинскій, бывшій пріоръ базилиановъ в Овручѣ (на Волини), за участие в ноябрьскомъ возстаніи лишился быль капеланскаго званія и, сдѣлавшись изъ пріора простымъ казакомъ, очутился в Омскѣ. Когда образовалось здѣсь казачье училище и понадобился учитель, вспомнили, что Сироцинскій былъ профессоромъ и наблюдателемъ за школами. Ему дали мѣсто, а съ нимъ и наибольшую свободу. На свободѣ онъ сдружился съ ссыльнымъ докторомъ Шокальскимъ и составилъ большое тайное общество в средѣ поляковъ, сосланныхъ в линейныя и казачьи войска. Цѣль заговора: постараться оторвать Сибирь отъ Россіи, освободить всѣхъ „несчастныхъ“ отъ тяжелыхъ каторжныхъ работъ и поднять поселенцевъ на мѣстахъ водворенія. Омскъ съ артиллерійскими запасами, аммунициею, оружіемъ, денежною казною и прочимъ возбуждалъ сильный соблазнъ. Къ этому обществу успѣли примкнуть и татары и русскіе, свободные и невольники. Положено было, в случаѣ неудачи большого бунта, ѣхать всѣмъ, вооруженною рукою, черезъ Киргизскую степь в Ташкентъ, гдѣ предполагалось много католиковъ, и в Бухару. Отсюда, если бы того потребовала окончательная необходимость, направиться в английскую Индію. В Омскѣ и его окрестностяхъ собралось поляковъ тысячъ до двухъ; Киргизская степь, тотчасъ по ту сторону Иртыша, манила недолимымъ соблазномъ искателей сильныхъ ощущеній и приключеній.

В назначенный день вечеромъ должна была начаться революція. Но вышло трое поляковъ, солдаты повстанія 1830 года (Кнакъ изъ Варшавы и Гаевскіе изъ конгрессовой Польши), которые, явившись къ полковнику Деграве, рассказали все: что заговоръ распространился по самымъ отдаленнымъ мѣстамъ Сибири, что в самыхъ глухихъ онъ встрѣтилъ сочувствіе. что если не принять быстрыхъ и рѣшительныхъ мѣръ, онъ обхватитъ всю страну и непремѣнно удастся. Они указали на Сироцинскаго, какъ на вождя, и на многихъ другихъ сообщниковъ, какъ на имѣвшихъ наибольшую власть, вліяніе и значеніе. Всѣ таковыя,

как жившіе либо въ Омскѣ, либо въ ближайшихъ его окрестностяхъ, были тотчасъ арестованы. Изданы были строжайшія приказанія и разосланы распоряженія по самымъ отдаленнымъ мѣстамъ Западной Сибири съ тѣмъ, чтобы наискорѣйшимъ образомъ арестовать всѣхъ подозрительныхъ и вліятельныхъ лицъ: русскихъ, поляковъ, сибиряковъ, поселенцевъ и крестьянъ. Нахватаю было сначала до тысячи человекъ. Доктору Шокальскому съ полякомъ Зубчевскимъ и русскимъ Мелодинымъ удалось ускользнуть на первый день арестовъ и бѣжать на почтовыхъ по тракту въ Оренбургскую губернію. Шокальскій игралъ въ дорогѣ роль войскового доктора, Зубчевскій — фельдшера, Мелодинъ — лакея. Въ Ирѣновской станицѣ бѣглецы узнаны и, подъ сильнымъ конвоемъ, возвращены были въ Омскъ, гдѣ на то время слѣдствие было въ полномъ разгарѣ. Аресты производились и въ концѣ 1834 г. и въ началѣ 1835. Дано было знать въ Петербургъ. Двѣ слѣдственные комиссіи, одна за другой, распутывали дѣло и разошлись, не постановивши никакого рѣшенія. Третья комиссія была прислана изъ Петербурга: она работала три года и довела—таки слѣдствие до конца. Нѣкоторыхъ, по невинности ихъ, выпустили на волю, признанныхъ виновными предали суду. Въ ожиданіи суда главный виновникъ не упалъ духомъ: въ тюрьмѣ писалъ стихи, передъ судомъ ничего не повѣдалъ, на слѣдствіи также ничего не могли отъ него узнать. „Разъ родила мати—разъ пропадати“, говорил Сироцинскій всѣмъ свою украинскую поговорку. Стихи его были распространены между сибирскими поляками: ими онъ оживлялъ энергію, возбуждалъ надежды и укрѣплялъ патриотическій духъ невольниковъ. Дѣло было начато въ широкихъ размѣрахъ и наполнило страхомъ цѣлую Сибирь. Подъ вліяніемъ этого страха и по окончаніи дѣла поляковъ подозрѣвали, преслѣдовали. Между прочимъ, въ Ирѣновской станицѣ заподозрили поляковъ въ поджогахъ и въ умыслахъ на продолженіе замысловъ Сироцинскаго: четверыхъ наказали ссылкой въ Усть-каменогорскую крѣпость, гдѣ пять лѣтъ заставляли работать въ кандалахъ, а въ 1845 г. послали солдатами въ Нерчинскъ. По окончаніи омскаго дѣла, съ заводовъ Западной Сибири стали переводить на заводы Восточной. Въ Иркутскѣ до такой степени боялись поджоговъ, что польскіе солдаты въ тамошнемъ гарнизонѣ окружены были самыми строгими наблюденіями. Ихъ товарищамъ—солдатамъ приказано было имѣть заряженные ружья и вязать всѣхъ поляковъ въ казармѣ, лишь только послышится звонъ набатнаго колокола. Многихъ поляковъ, по подозрѣнію, успѣли запереть на гауптвахты; многихъ разослали по забайкальскимъ городамъ: въ Верхнеудинскъ и Якуту. Пиррофобія въ Сиби-

ри никогда не была такъ повсемѣстна и столько опасна, какъ въ это время. Всякій пожаръ приписывался поджогахъ поляковъ; страхъ изъ Сибири успѣлъ даже перейти за Уральскій хребетъ и распространиться по Россіи. Положеніе политическихъ преступниковъ ухудшилось. Въ 1848 году особенно сильное движеніе между всѣми ссыльными произвело запрещеніе имѣть собственность. Если при увольненіи нѣкоторыхъ произошла неформальность, велѣно снова возвращать на каторгу. Такъ всѣ, пробывшіе 10 лѣтъ, но сосланные на 20, успѣвшіе жениться и обзавестись хозяйствомъ, обязаны были вернуться снова на каторгу доработывать 10 лѣтъ.

Приговоръ по омскому дѣлу былъ утвержденъ въ такомъ смыслѣ: шестерыхъ присудили къ 7.000 палокъ и затѣмъ велѣно на всю жизнь сослать въ тяжкія работы на нерчинскіе рудникахъ. Остальныхъ присудили къ 3-мъ, 2-мъ и 1-ой тысячамъ палокъ либо розогъ, а потомъ первыхъ на всю жизнь въ тяжкія работы, либо на ограниченное число лѣтъ, либо прямо на поселеніе. Послѣднихъ велѣно разослать въ разные отдаленные сибирскіе батальоны и отряды. День, назначенный для экзекуціи, 7 марта 1837 г., былъ морозный: на площади, засыпанной снѣгомъ, поставлены были два тысячныхъ батальона солдатъ, вооруженныхъ палками такой толщины, чтобы три могли войти въ дуло ружья. Батальоны выровнялись, вытянувшись, вопреки устава, въ широко-разставленные шеренги; солдаты должны были стоять вольно въ тѣсныхъ рядахъ; ударяя, они обязаны были недалеко отбивать локоть отъ боку и не выставлять своихъ ногъ изъ рядовъ. Первымъ повели Шокальскаго съ обнаженной по поясъ спиною, съ привязанными къ прикладу ружья руками, за которые держались два унтеръ-офицера. Находившіяся при экзекуціи докторъ заступился за собрата и, идя сзади его, шепталъ солдатамъ бить легче, имѣть состраданіе: „безсилень и хворъ, не выдержитъ“. Когда послѣ 5 тыс. палокъ Шокальскій упалъ и когда на совѣтъ коллеги отходить послѣднюю тысячу и разомъ кончить экзекуцію не согласился, докторъ настоялъ на томъ, чтобы прекратили наказаніе и отправили больного въ лазаретъ. Послѣднимъ водили Сироцинскаго. Подходя къ рядамъ, крѣпительныхъ капель онъ не принялъ, когда услышалъ приказъ начинать,—сталъ говорить на раслѣвъ покаянный псаломъ: *Miserere mei Deus, secundum magnam misericordiam tuam* и проч. Слабый, исхудалый въ заточеніи, Сироцинскій наказанія не выдержалъ; не выдержали и другіе товарищи. Отдохнувшій въ лазаретѣ Шокальскій отходилъ потомъ послѣднюю тысячу и на другой же день увезенъ былъ въ нерчинскіе рудники.

Здѣсь его не употребляли въ работы. Жалъ

онъ на Карѣ, занимался торговлею и отъ нее кормился; лечилъ безвозмездно. Его коричневый самодѣльный сюртукъ съ воротникомъ, опущеннымъ собольимъ мѣхомъ, до сихъ поръ помнятъ тамъ, помнятъ потому, что видѣли его и въ номерахъ каторжныхъ жилищъ, и на самомъ промыслѣ, и въ 7 и болѣе верстахъ отъ него (насколько позволялъ законъ). Днемъ и ночью шелъ Шокальскій на помощь и избавленіе къ каторжнымъ и богатымъ и особенно счастливымъ былъ на леченіе ранъ всякаго рода. Радъ онъ былъ, если за практику получалъ отъ бѣдняковъ въ награду чай съ бѣлымъ хлѣбомъ, но и получалъ подарки отъ богатыхъ на улучшеніе костюма—никакихъ измѣненій въ немъ не дѣлалъ; любя простоту, жилъ самымъ скромнымъ образомъ *).

„Это была натура крѣпкая (говорить Гиллеръ со словъ знавшихъ его), праздность была для него смертию. Ничѣмъ не сокрушенный, и на Карѣ онъ еще успѣлъ составить цѣлый новый планъ побѣга. Всѣмъ товарищамъ сообщилъ онъ планъ общаго поголовнаго спасенія рѣкою Амуромъ до береговъ Великаго океана. Всю свою душу онъ отдалъ на выработку этого плана, но когда планъ оказался невозможнымъ и рухнули всѣ надежды, докторъ впалъ въ тихую меланхолію. Сначала онъ заперся въ своей комнатѣ и ходилъ по ней быстрыми шагами, развивая въ мысляхъ какія-то намѣренія. Одинъ изъ его товарищей, возвращавшійся домой и подошедшій къ окну доктора, замѣтилъ его возбужденное состояніе, но, увидавши въ углу ружье, понялъ въ чемъ дѣло. Просилъ доктора отпереть двери, но получилъ отказъ; рѣшившись приподнять окно, слышалъ угрозы; когда побѣгалъ за помощью—докторъ выстрѣлилъ себѣ въ грудь.

„Ружье заряжено было изломаннымъ гвоздемъ. Когда черезъ нѣсколько минутъ вошла полиція, выломавши двери, то нашла Шокальскаго растянувшимся на полу: изъ груди ручьемъ била кровь, а собака его, Фильяръ, положивши морду на грудь въ предчувствіи смерти благодѣтеля, жалобно выла. Полиція хотѣла оттащить собаку, но пришедшій въ себя Шокальскій сказалъ: „не трогайте, прошу васъ, пусть простится со мною мой навѣрнѣйшій товарищъ и другъ“!

„Послѣ выстрѣла онъ жилъ еще съ недѣлю. На вопросы о поводахъ къ самоубійству, отвѣчалъ одно: „я стрѣлялъ въ себя отъ любви“, и ничего больше не хотѣлъ говорить полиціи. Товарищамъ же своимъ сообщилъ, что выстрѣлилъ въ себя отъ тоски по родинѣ“ **).

*) Кроме Шокальскаго, пользовались уваженіемъ и извѣстностью и оказывали врачебную помощь за Байкаломъ Левницкій и Бопре, посланный по дѣлу Конарскаго. По рецептамъ послѣдняго, аптеки выдавали лекарства безъ подписи (на каковую смыслиный не имѣлъ права); больныхъ возили къ нему изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ.

**) Случай самоубійствъ и сумасшествій ме-

Та же тоска неволи вызвала новое происшествіе уже въ предѣлахъ Восточной Сибири. Двумя годами поздѣе омскаго дѣла (въ 1836 г.), когда еще не былъ произнесенъ приговоръ надъ товарищами Сироцинскаго и еще не началось поголовное перемѣщеніе поляковъ изъ одной Сибири въ другую—задуманъ былъ поголовный побѣгъ тѣхъ поляковъ, которые находились на заводахъ Восточной Сибири. Началось движеніе на Александровскомъ винокуренномъ заводѣ подъ Иркутскомъ. Начинать его бывший полковникъ польскаго возстанія 29 ноября 1830-года Петръ Высоцкій, сложившій исполнскій планъ бѣгства черезъ Сибирь, Саянскія горы, Джунгарію и Туркестанъ до Индіи, откуда надѣялся онъ на англійскихъ корабляхъ достигнуть Европы. Онъ предварительно нарисовалъ карту цѣлой Азіи, проложилъ по ней дороги черезъ лѣсъ, горы и степи между дикими народами, и рѣшилъ лучше умереть, чѣмъ отказаться отъ несбыточнаго плана и долѣе оставаться въ неволѣ. Сдѣлавъ запасъ съѣстныхъ припасовъ, насколько можно было запасти, Высоцкій всемеромъ выбралъ моментъ для побѣга тотъ, когда запирали ихъ тюрьму. Побѣгъ удался: они выскользнули изъ завода и когда одинъ изъ нихъ захворалъ, товарищи вели его подъ руки нѣсколько верстъ до Ан-

жду поляками рѣдки, не смотря на крутое положеніе ссылки, порождающей пессимизмъ. Кроме Шокальскаго, извѣстенъ еще самоубійца Васильевскій, присланный въ 1831 году польскій крестьянинъ, успѣвшій жениться на сибирячкѣ. За нѣсколько дней до смерти онъ ходилъ по знакомымъ (чего никогда въ жизни не дѣлалъ) и просилъ: «Дайте милостивно дѣтямъ, просятъ одежды и пищи». Вскорѣ потомъ нашли его на сѣновалѣ съ перерѣзаннымъ горломъ. Кроме того, замѣчено за Байкаломъ нѣсколько случаевъ умопомѣшательства, характеризовавшихся глубокою меланхоліею, вслѣдствіе тоски по родинѣ. Одинъ, напр., весельчакъ и сказочникъ промолчалъ все время изгнанія на всѣхъ товарищескихъ бесѣдахъ и такимъ уѣхалъ на родину; другой ничѣмъ и ни у кого не хотѣлъ одолжаться даже пищею, не смотря на крайне бѣдное и голодное житіе свое, и возвратился изъ изгнанія окончательно помѣшаннымъ. Третьимъ доказанное помѣшательство, въ силу врачебныхъ удостовѣреній, помогло возвратиться по ходатайству женѣ и семейству на родину, прежде сроковъ и въ видахъ исключенія.

На оловянно-серебряномъ рудникѣ «Тайна» (близъ газимурскаго завода) въ шахтѣ, два поляка и одинъ русскій разбивали кирками оловянно-серебряную руду, соединенную съ сѣрою. Огонь, разведенный на днѣ шахты, вскорѣ наполнилъ удрушляющими газами атмосферу всѣхъ корридоровъ. Поляки вышли на свѣжій воздухъ, но одинъ изъ нихъ, вспомнивъ о третьемъ товарищѣ вернулся за нимъ и назадъ не возвратился. Второй полякъ отиралился за нимъ и, увидѣвъ въ безпамятствѣ, взялъ на плечи и понесъ вверхъ по лѣстницѣ. На половинѣ пути дурнота заслѣпила ему глаза, силы оставили его и онъ вмѣстѣ съ товарищемъ упалъ внизъ, гдѣ разбилъ себѣ объ камень голову.

гары. За нею, въ Иркутскомъ солеваренномъ заводѣ, они намѣревались соединиться съ тамошними земляками. Дойдя до рѣки, для переправы на другую ея сторону, они соорудили плотъ изъ лиственницы, но переѣхать не могли, потому что плотъ, сколоченный изъ свѣжаго дерева, тонуть на водѣ. Тогда они одного изъ товарищей послали за лодкою. Явился крестьянинъ, спустилъ лодку на воду и управилъ ее въ самую середину облавы, которая уже успѣла на погнѣль ихъ, по указаніямъ измѣнившаго имъ и намѣренно вызвавшагося за лодкою товарища. Быстрое теченіе Ангары давало бѣглецамъ нѣкоторую возможность на спасеніе, но облава изъ команды и каторжныхъ, засѣвшая въ кустахъ на берегу Усоцкаго острова, начала стрѣлять. Пули свистали надъ головами и одна изъ нихъ попала Высоцкому въ руку; лодки отъ берега придвинулись къ нимъ и вблизи острова кругомъ ихъ оцѣпили. „Поляки, кромѣ оружія, имѣли другое дѣйствительное орудіе, то есть деньги, но ничто не помогло. Каторжные первыми ихъ связали и представили полковнику Злобину, обобравъ ихъ, что называется, какъ липку“ *). Въ Иркутскѣ приковали ихъ къ тачкамъ и судили цѣлый годъ. Высоцкій получилъ одну тысячу палокъ (не плакалъ, не стоналъ); Вагунскій — 500; остальные были наказаны розгами, а всѣ переведены въ нерчинскіе рудники — въ Акатуй.

Въ Акатуй Высоцкій прикованъ былъ къ тачкѣ, ходилъ съ товарищами въ теченіи двухъ лѣтъ на работу въ горы копать руду и жилъ сначала въ одиночномъ заключеніи. Выпущенный изъ тюрьмы, онъ жилъ при рудникѣ на поселеніи, изъ Акатуя нигде не выѣзжалъ. Къ концу изгнанія и его сильную натуру постигла болѣзнь меланхоліи: онъ часто хворалъ до того, что нерчинское начальство принуждено было ходатайствовать въ Петербургъ объ освобожденіи его изъ тюрьмы, но разрѣшенія не получило. Высоцкій сталъ задумчивъ, избѣгалъ товарищества, не хотѣлъ никого знать, ни съ кѣмъ не говорилъ. Недовѣріе къ людямъ овладѣло его душою до того, что онъ заперся въ квартирѣ и казалось, что всѣ чувства въ немъ окаменѣли. Одинъ изъ товарищей его (Хлопцкій) преданъ былъ ему до самоотверженія, о себѣ не думалъ, думалъ только о Высоцкомъ, его славою и добродѣтелями жилъ, его страданіями и несчастіями болѣлъ. Въ то время, когда еще Высоцкій содержался въ тюрьмѣ и былъ прикованъ къ тачкѣ, этотъ Хлопцкій съ четырьмя товарищами сговорился отбить Высоцкаго изъ каземата и вмѣстѣ съ нимъ бѣжать черезъ Монгольскую степь и Китай на англійскіе корабли. Такъ какъ всѣ заговорщики были самые бѣдные люди (шли женскіе башмаки

*) Изъ записокъ современника, С. В. Броневскаго.

чиновничьиѣ женамъ; кое-кто, запасшись лошадкою, возилъ дрова въ казну), а предприятие требовало денегъ, то и рѣшились они предварительно надѣлать фальшивыхъ бумажныхъ ассигнацій, на нихъ закупить мунгалскихъ товаровъ, запасаемыхъ на монгольскую руку нерчинскими купцами, закупить лошадей, намѣнять серебра и по возможности золота, подкупить сторожей. Затѣмъ, когда все будетъ заготовлено „и денегъ въ массѣ до ста тысячъ рублей, ночнымъ временемъ надобно подкрасться къ часовому во фронтѣ, схватить его за горло и отдать нашимъ прочимъ товарищамъ на руки, а самимъ взять съ фронта ружья и подойти тихими стопами къ дверямъ, сбить замокъ и выпустить арестантовъ, а вмѣстѣ схватить Высоцкаго, посадить на почтовыхъ и отправиться“ *). При обыскахъ найдено иличное: прессъ, фланелевые доскутья, вымытая бумага, обтянутыя кожей колодки, мыльная машинка, квашня съ мятою бумагою, отпечатки на кожѣ и бумагѣ ассигнаціи 25 руб. достоинства. При допросахъ были очевидны доносы одного изъ заговорщиковъ (Бирона) и беспощадные взаимные оговоры остальныхъ участниковъ. Показанія дѣлались обширныя, разнорѣчивыя. Очныя ставки показывали боязливыя и усердныя стремленія одной стороны съ цѣлью выгородить себя, не щадя прочіихъ товарищей. Выдавались самыя сокровенныя тайны, обусловленные страхомъ смерти на случай измѣны; но, въ то же время, во время производства самого преступленія, замѣчательное терпѣніе и единодушіе и при этомъ изумительная осторожность съ настойчивостью дойти до конца, не смотря на громадныя затрудненія.

Показанія участниковъ и взаимные оговоры накопили огромный томъ запутаннаго дѣла, въ трущобахъ втораго съ большою ясностью выясняются слѣдующія обстоятельства (на пунктахъ единогласныхъ показаній, подтвержденныхъ и очными ставками и слѣдствіемъ).

Задуманная цѣль настойчиво преслѣдовалась въ теченіи цѣлыхъ восьми мѣсяцевъ, не смотря на всѣ препятствія, завѣшныя и отъ административнаго надзора и отъ географическихъ причинъ: одинъ жилъ на Благодатскомъ рудникѣ, другой — на Кадаинскомъ, третій — въ Акатуйскомъ. Для свиданія и дѣйствій отправивались то за покупкою хлѣба въ Аргунскій острогъ (на 15 дней), то за покупкою товаровъ въ г. Нерчинскъ (на цѣлый мѣсяць), то подъ видомъ исполненія казеннаго подряда на покупку дровъ. Двое признались въ томъ, что вступили въ бракъ съ сибирячками для того, чтобы „отклонить подозрѣніе начальства отъ обдуманнаго заранѣе побѣга на родину“. Одинъ, узнавшій во время слѣдованія въ Сибирь по

*) Дѣло 1839 года, хранящееся въ архивѣ нерчинскаго Вольскаго завода.

этапамъ, что сѣтка для ассигнацій дѣлается изъ самой тонкой проволоки, каковая бываетъ на канительныхъ струнахъ или офицерскихъ эполетахъ, жертвуетъ для покупки эполетъ собственнымъ капотомъ, полученнымъ сукномъ отъ купца, для котораго сдѣлать пласть мельницы. Другой составляетъ фальшивое письмо отъ имени польскаго магната, жившаго въ Tobольскѣ — письмо съ обѣщаніемъ высылки 400 руб. денегъ, и на это письмо беретъ у имущихъ товарищей въ долгъ деньги; „и всё высосалъ, у нихъ теперь ни копейки не осталось“. Третій пользуется лошадей съ сѣдомъ товарища, пріѣхавшаго по-видать, и закладываетъ ее цѣловальнику. Сдѣлавъ денежный запасъ на покупку необходимыхъ предметовъ и уговорившись, что „хотя и попадемся трое или четверо, прочіе останутся лишній жизни доказника“ — принялись за работу. Александрійскую бумагу купили въ Нерчинскомъ заводѣ въ кабакѣ за простую. Желѣзный винтъ для прессы приобрѣли въ числѣ прочаго желѣзнаго лома; дерево къ прессу, гайки и пунсонъ сдѣлали сами; рѣзцомъ и пилою запаслись еще раньше; лайку (каковая долго задерживала работѣ) купили у татарина, сосланнаго за поддѣлку фальшивыхъ ассигнацій. На покупку лайки употребили даже такую драгоценность, какъ кошпась, приобретенный для того, чтобы, во время побѣга, не блуждать дорогою. Прежде лайки пускали въ дѣло (хотя и неудачно) лоскутки отъ броекъ и бѣлаго сукна; для приобретенья фланели изрѣзали собственную фуфайку; винтъ „достали съ великою опасностью“. Производилась фабрикація въ Каданскомъ рудникѣ, въ домѣ Хлопицкаго, женившагося передъ тѣмъ на сибирячкѣ. Вещи отъ нее прятали подъ половицу въ чуланѣ, а когда она увидала разъ ручной прессъ и спросила: „Для чего это?“ мужъ отвѣчалъ: „Для того, чтобы любовнымъ отвертывать головы“. Работа шла неудачно: изгнѣли гитарные баски — потребовались эполеты; печатныя формы нѣсколько разъ принуждены были передѣлывать: „орелъ хорошъ, но имѣлъ возвышенныя крылья; по отпечатаніи другой ассигнаціи маленькій орликъ подъ большимъ орломъ на концѣ скипетра оказался неправильнымъ“. А рѣзаль опытный и умѣлый рѣзчикъ Вроновскій; и гербъ у штемпеля, и украшенія небольшими рѣзцами, а сѣтку съ обѣихъ сторонъ чеканилъ стальнымъ пудцомъ. Пробовалъ сначала на свинцѣ, но „какъ оный по мягкости оказался негоднымъ, то послѣ сдѣлали форму изъ мѣди, вырѣзанной изъ стараго мѣдника: наложенный свинцовый штемпель поцѣ прессомъ испортился и никакого отиска не далъ“. Наконецъ, наладились. Для приготовленія бумаги поступили такъ: не найдя почтовой, пустили въ ходъ случайную александрійскую, разбирая

ее очень мелко и размачивая въ горшкѣ, изъ котораго выливали потомъ въ приготовленный боченокъ. Въ немъ „стоячимъ валикомъ съ пальцами разгнѣшивали бумажную мякоть до жидкости, похожей на сливки; потомъ растворъ наливали на четвероугольные фланелевые лоскуты такъ, чтобы бумажки выходили величиною въ ассигнацію, для чего по краямъ фланели прикладывали мѣдную четвероугольную рамку. Когда же вода сквозь фланель процѣживалась, то мѣдную рамку накладывали на другой лоскутъ фланели, а тотъ, который съ растворомъ назначался для ассигнаціи, накрывали простою бумагою. Сдѣлавъ 5 или 6 листовъ, сжимали ихъ прессомъ, потомъ сушили и отдѣляли отъ простой бумаги, между которой эти листы были прослоены. Бумага выходила грубою и толстою. Въ прессъ сначала клали штемпель, намазавъ краскою изъ сажи, тщательно растертой на олифѣ, потомъ клалась бумага, на нее лайка, наконецъ, кожаная подушка, которая нажималась. Не могли мы никакимъ образомъ подписать руку кассира, хотя на справедливой ассигнаціи по чертамъ подписи проводили чернилами и на чистую бумагу накладывали, гдѣ и оставалась, хотя не правильная, но похожая на подпись кассира. Поправивъ перомъ, прикладывали на фальшивую и увидѣли, что довольно хорошо. Брали трехъ сортовъ чернила, но еще оказались слишкомъ черны и дѣлаютъ большое подозрѣніе. Теперь приготовлено къ другому отпечатанію 10 тыс. руб., въ которыхъ постараемся наблюдать всю правильность при печатаніи. „Хороши ли эти?“ спрашивалъ одинъ у другого. „Довольно хороши и искусно сдѣланы“. При этомъ онъ вынулъ изъ ящика на 6 тыс. руб. бумажекъ 25-ти-рублеваго достоинства. Я, увидѣвши ихъ, началъ присматриваться, хвалилъ ихъ искусство, не подавая никакого виду и оказывая большую радость“.

Единодушіе ихъ выручало. „Для товарищей тысячи рублей не пожалѣю“, только и слышалось ото всѣхъ. Доносъ и на этотъ разъ сгубилъ ихъ всѣхъ (женѣ Хлопицкаго удалось, однако, припрятать самыя главные и опасныя изъ вещественныхъ доказательствъ). Виновные, по суду, были приговорены къ наказанію, которое и приведено въ исполненіе въ Большомъ нерчинскомъ заводѣ: двое наказаны кнутомъ, одинъ плетью. Впрочемъ, положеніе Высоцкаго вскорѣ было облегчено: онъ выпущенъ на свободу и могъ заняться хозяйствомъ и мыльнымъ заводомъ. Нѣкоторые изъ его товарищей умерли, не дождавшись освобожденія. Высоцкій возвратился на родину въ 1857 г., гдѣ вскорѣ и умеръ.

Неудачная попытка друзей Высоцкаго къ освобожденію себя и товарищей изъ неволи далеко не была врачующимъ средствомъ для

поляковъ, мучившихся тоскою по родинѣ. Въ томъ же Акатуѣ далеко потомъ зародился новый планъ бѣгства, имѣвшій цѣлью воспользоваться временемъ восточной войны 1854 и 1855 годовъ и крейсерствомъ англо-французскихъ кораблей на водахъ Восточнаго океана. Бѣглецы, руководимые однимъ изъ братьевъ Далевскихъ, предполагали въ солдатскихъ шинеляхъ добраться до Аргуни, чтобы на лодкахъ выплыть по ней на Амуръ до его устья, сжечь тамъ всѣ магазины и казенныя сооруженія, приготовленныя противъ непріятеля, а потомъ, на тѣхъ же лодкахъ, дойти до англійскихъ и французскихъ кораблей. Старые и бывалые ссыльные старались противодействовать планамъ и отклонить отъ исполненія проекта увлекавшихся молодыхъ авантюристовъ, но напрасно. Приготовленія производились самымъ дѣятельнымъ образомъ: припасена была лодка, сплетены рыболовныя сѣти, закуплено довольно число солдатскихъ шинелей и заготовлены ружья. Но въ это время пришло извѣстіе о мирномъ парижскомъ трактатѣ, разрушившемъ планы ссыльныхъ поляковъ на соединеніе съ англичанами.

Эта попытка была послѣднею по времени въ большомъ скогѣ ссыльныхъ, но одиночныя побѣги были непрерывны (и также неудачны), а побѣги партіями не останавливались ни передъ какими препятствіями, не отпускаясь изъ виду ни малѣйшихъ поводовъ и случаевъ къ тому, даже безъ предварительной оглядки и подготовки. Такъ, извѣстенъ случай побѣга (еще изъ первыхъ лѣтъ этого втораго періода польской ссылки) съ этапной дороги изъ Томской губерніи. Достаточно было обнадеженія на успѣхъ предпріятія, выраженнаго хлѣбосольными татарами, довольно было увѣренія со стороны ихъ въ томъ, что Бухара приметъ бѣглецовъ гостеприимно, чтобы 240 поляковъ изъ польскихъ войскъ 1831 года, шедшихъ въ Иркутскъ, повѣрили и серьезно принялись выработать планъ побѣга. Все дѣло остановилось только за тѣмъ, что не нашлось достаточнаго количества оружія.

Не только урочища и разныя мѣстности передаютъ преданія о неудачныхъ попыткахъ поляковъ, даже надробные памятники на польскихъ кладбищахъ въ Сибири краснорѣчиво и настойчиво говорятъ о томъ, что побѣгами испещрена исторія польскихъ изгнанниковъ, что на нихъ истрачено понапрасну не мало силъ и времени не только въ Сибири, но и въ Россіи. Въ нерчинскомъ Вольшомъ заводѣ одинъ такой надгробный камень прикрываетъ могилу Альбины Мигурской—истинной героини во всей исторіи польской неволи. Эта молодая женщина презрѣла всѣ общественныя связи, богатство родителей и не обратила вниманія на совѣты родныхъ и друзей, на невзгоды дальняго пути,

на грустную будущность—и поѣхала въ городъ Уральскъ къ своему жениху, сосланному въ тамошній линейный батальонъ солдатомъ. Здѣсь она вступила съ нимъ въ бракъ и сдѣлалась для него дѣйствительною усладою и путеводною звѣздою въ сумрачной ночи неволи. Она родила двухъ дѣтей, но дѣти вскорѣ умерли, оставивъ матери старую тоску на сердцѣ и усиленное желаніе освобожденія себя и мужа отъ неволи. Однажды казаки принесли къ ней съ берега Урала платье мужа и письмо его, въ которомъ онъ проситъ у нее прощенія за то несчастье, которому подвергъ ее, бросившись въ воду отъ тоски по отчизнѣ и оставивъ ее на чужой сторонѣ въ неизвѣстности положенія. Печаль и слезы несчастной женщины были столько искренни и сильны, что въ Мигурской приняли самое сердечное участіе всѣ уральскія дамы и начальство. Визиты были часты, долговременны и въ концѣ начали уже мучить ее, потому что мужъ, спрятанный въ сосѣдней комнатѣ, могъ ежеминутно выдать ее чиханіемъ, кашлемъ, какимъ либо безвременнымъ движеніемъ. Адскія пытки переносила она во все время, пока ходила просьба о дозволеніи ей возвратиться на родину. Тайна была сохранена, даже служанка, привезенная изъ Польши, сдѣлала свято соблюсти ее. Когда получено было разрѣшеніе на отъѣздъ, Мигурская заявила желаніе вырыть изъ казачьей земли трупы дѣтей и увезти ихъ кости въ польскую землю. Сложила она эти кости въ одинъ гробъ и туда же спрятала мужа. На дорогу ей дали въ проводники казака. Гробъ съ живымъ Мигурскимъ поставленъ былъ подъ козлы и, такимъ образомъ, благополучно выѣхалъ изъ предѣловъ уральскаго войска. Въ Саратовской губерніи казаку удалось подслушать разговоръ супруговъ и донести по начальству. Въ Саратовѣ супруги явились уже плѣнными и тамъ еще до сихъ поръ помнятъ тотъ потрясающій моментъ, когда супруги Мигурскіе вошли въ кестель и пали на колѣни передъ гробомъ своихъ дѣтей: она—въ траурѣ, онъ—въ кандалахъ. Мигурская сдѣлалась предметомъ разговоровъ; тамошніе поляки смотрѣли на нее, какъ на святую, на колѣняхъ испрашивая у нее благословенія. Манifestъ по поводу бракосочетанія покойнаго Императора Александра II освободилъ Мигурскаго отъ наказанія; его отправили не въ работу, а только въ сибирскія войска и помѣстили въ Нерчинскомъ заводѣ. Здѣсь Мигурская впала въ чахотку и умерла *).

Большими удачами воспользовался Пютровскій, бѣжавшій изъ-подъ Тары съ Екатерианой

*) Уральскій побѣгъ подробно описанъ В. И. Далемъ въ разсказѣ: «Небывалое въ бываломъ и былое въ небываломъ». («Отеч. Зап.» 1846, т. ХСVI).

скаго винокуреннаго завода *). Послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ ему удалось ускользнуть изъ завода переодѣтымъ, въ парикъ и въ мѣстномъ нарядѣ. Пѣшкомъ по льду Иртыша, глубокими снѣгами и въ сильные морозы, добрался онъ до г. Тары. Здѣсь въ первомъ дожѣ нанялъ лошадей по тракту на Ирбитъ, сказываясь купеческимъ приказчикомъ изъ Томска, нагоняющимъ своего хозяина. На дорогѣ, въ одномъ кабацкѣ его обокрали; въ другомъ мѣстѣ заблудившійся ящикъ вывезъ его обратно туда же, гдѣ онъ его нанялъ. Послѣ многихъ страховъ вблизи завода и опасностей въ окрестностяхъ его, Пиотровскому удалось добраться черезъ Ишимъ и Тюмень до Ирбита на бойкихъ сибирскихъ лошадакахъ; въ трое сутокъ сдѣлалъ тысячу верстъ. Въ Ирбитѣ солдатъ у заставы первымъ дѣломъ потребовалъ паспортъ, но удовольствовался вмѣсто бумаги двургривеннымъ. Изъ Ирбита онъ вышелъ пѣшимъ, съ мѣшкомъ за плечами. Въ попутныхъ деревняхъ паспорта, разумѣется, не спрашивали; въ крайнихъ избахъ онъ старался разспрашивать о дорогѣ. На ночь уходилъ онъ съ дороги въ лѣсъ и тамъ, по обычаю остяковъ, выгребая въ снѣгу яму, дѣлалъ постель и ложился спать. Укрывался полшубкомъ, обращая шерсть его наружу; просыпался съ тяжелымъ чувствомъ, на ходу согрѣвался, становился снова веселымъ. Еловые лапки указывали дорогу прямо на Верхотурье. Въ деревняхъ сказывался рабочимъ, идущимъ на казенные Богословскіе заводы. Имѣя на тѣлѣ три рубашки: двѣ бѣлыхъ и одну красную, и снимая ихъ на ночь, въ одной деревнѣ возбуждалъ подозрѣніе. Мужики потребовали паспортъ и, получивъ фальшивый, успокоились. Пошелъ снова пѣшкомъ и воспользовался на ночь тѣмъ улучшеніемъ, что придумалъ ложиться спать не въ снѣжную яму, а въ тѣ, которыя образуются около древесныхъ пней; въ снѣгъ зарывался совсѣмъ и только палкою пробивалъ отдушину. Ноги, которыя всего скорѣе являлись, сталъ такъ же зарывать въ снѣгъ; стало тепло и удобно. Чуя въ тѣлѣ ознобъ, вскакивалъ и шелъ, не разбирая ночи. Встрѣчая ввозчиковъ, возвращавшихся изъ Ирбита съ ярмарки, подсаживался къ нимъ на облучекъ или, иди стороной, разспросами добирался до необходимыхъ ему свѣденій: о дорогѣ, о мѣстныхъ обычаяхъ, о городахъ. За Верхотурьемъ встрѣтилъ коноваловъ-мезенцовъ, шедшихъ на заработки въ Сибирь. Встрѣча эта рѣшила ему дорогу на

Архангельскъ. Въ одной деревнѣ ночью узналъ онъ, что находится уже въ заводѣ Павдинскомъ, и сказывался, что идетъ въ Соликамскъ въ работу на солеварню по письму пріятели. Перешелъ Уралъ. Подсѣлъ къ ящикамъ, вѣхавшимъ изъ Ирбита въ Чердынъ. Отсюда черезъ Соликамскъ, Кай и Лальскъ, узенькими лѣсными дорогами, гдѣ двоимъ санямъ нельзя развѣхаться, добрался до Великаго - Устюга, въ качествѣ богомольца, идущаго въ Соловки. Отъ Кая шелъ онъ уже въ толпѣ настоящихъ богомольцевъ. По лѣсамъ лѣсныя избушки, гдѣ всегда оставляютъ много огня, выручали отъ бѣды голодовки и замерзанія. Подъ Устюгомъ нашелъ рѣку покрытыми льдомъ, но уже вѣяло весною. Въ Устюгѣ толпа богомольцевъ увеличилась, наняли лодку до Архангельска и поплыли Двиною. Приказчикъ отобралъ паспорта и, взглянувъ на фальшивый и увидѣвъ печать, смѣшалъ его съ сотнею другихъ.

Побывалъ Пиотровскій въ Соловецкомъ, перешелъ въ городъ Онегу и по рѣкѣ Онегѣ пошелъ пѣшкомъ на Каргополь, рекомендуясь соловецкимъ богомольцемъ, возвращающимся черезъ Потербургъ въ Новгородъ съ тѣмъ, чтобы оттуда добраться до Кіева. Шелъ по Вытегрѣ, Онежскому озеру, Свирю, Ладожскимъ каналомъ, Невюю. Вошелъ въ Петербургъ, съ коробкомъ и въ сопровожденіи двухъ корелокъ, прямо на Невскій проспектъ. Надъ корелками проходящіе пошлялись; Пиотровскій погулялъ дня четыре по Петербургу, поглядѣлъ на него, кое съ чѣмъ ознакомился. На Сѣнной принялъ безъ паспорта, а когда показали, сказали, что не надо ходить въ полицію: „все равно, черезъ три дня уѣдешь“. Донскался онъ судна, уходившаго въ Ригу; опять сунулся предъявить паспортъ и началъ доставать, развязывая платокъ, въ который, по крестьянскому обычаю, паспортъ былъ спрятанъ. Паспорта не смотрѣли, велѣли придти завтра получать билетъ на пароходъ. Тогда явился на помощь менторъ, взялъ деньги, паспортъ, купилъ билетъ и послѣ третьяго звонка пикнулъ на палубу. Поплыли 3-го іюля 1846 года. Въ Ригѣ купилъ бритву, обрилса, продалъ полшубокъ, обзавелся одеждою ливонскаго крестьянина и размѣнялъ деньги на иностранныя. Черезъ Митаву и Полагенъ добрался до прусской границы, сталъ выбирать мѣсто для прохода. Купаясь съ таможеннымъ солдатомъ, узналъ о контрабандистахъ, о слабыхъ мѣстахъ границы, о слабостяхъ солдатъ. Зная прусскій обычай вездѣ въ домахъ и корчмахъ первымъ вопросомъ спрашивать: haben Sie Pass?—рѣшился нигдѣ въ домахъ не ночевать; ночевалъ, по сибирски, на поляхъ и въ лѣсахъ. Въ Кролевцѣ (Кенигсбергѣ), выдавая себя за француза, попался. За скверный нѣмецкій выговоръ посадили подъ арестъ, допрашивали: гдѣ паспортъ?— Потерялъ. Чѣмъ занимаетесь?— Ouvrier en coton

*) Зато Розанскій, несчастливо бѣгавшій съ дороги въ Минскъ и сосланный въ нерчанскіе заводы, снова бѣжалъ отсюда; счастливо прошелъ половину Сибири, но въ Тарѣ былъ узнанъ и схваченъ. Его снова возвратили въ рудники, но, кромѣ ареста, другихъ наказаній не налагали, и Розанскій, никому не вѣдомый, скромно исполнялъ обязанности сторожа кухни ка-торжныхъ.

(фабричный съ бумагопрядильной фабрики). Послали во Францію за справками, а самого посадили въ тюрьму; упорно отстаивая свое французское происхождение, онъ не хотѣлъ указывать на Россію; но, объявившись полякомъ, получилъ совѣтъ поскорѣе выбираться изъ Пруссіи. Случайной снисходительности нѣмецкихъ властей Пиотровскій обязанъ былъ тѣмъ, что 22-го октября 1846 года онъ былъ уже, черезъ четыре года, снова въ Парижѣ, въ томъ городѣ, изъ котораго выѣзжалъ въ Польшу эмиссаромъ, побывавъ въ Сибири и ставъ въ настоящее время эмигрантомъ, живя гдѣ-то учителемъ.

Вступленіе на престолъ Императора Але-

ксандра II ознаменовано было въ 1855 и 1856 годахъ прощеніемъ и освобожденіемъ всѣхъ политическихъ ссыльныхъ второго періода ссылки поляковъ. Кромѣ тѣхъ, которые новыми преступленіями увеличили для себя сроки ссылки, кромѣ тѣхъ, которые поступили на государственную службу или, увлекшись потокомъ сибирской жизни, обзавелись семействами, хозяйствомъ, коммерческими дѣлами и проч., всѣ остальные поляки возвратились на родину. Немногіе вернулись въ Сибирь за участіемъ въ новомъ повстаніи. Нѣкоторые, побывавъ на родинѣ, возвратились въ Сибирь, увлеченные соблазнами промышленныхъ и коммерческихъ предпріятій. .

Г Л А В А Ш.

ВРЕМЕНА АЛЕКСАНДРА II.

Ссылка поляковъ съ 1863 года.—Степень участія различныхъ сословій въ повстаніи.—Участіе иностранцевъ.—Сосланные на житье и для водворенія.—Причины замкнутости ссыльныхъ и не-обезпеченность ихъ водворенія.—Отношенія къ нимъ туземцевъ.—Нравственное состояніе ссыльныхъ поляковъ.—Мастерскія въ Тобольскѣ.—Импровизированные земледѣльцы.—Благопріятныя данна.—Обрусеніе шведовъ.—Запорожцы.—Шляхта.

Съ весны 1863 года стали направляться въ Сибирь и прибывать въ Тобольскъ передовыя значительныя партіи ссыльныхъ поляковъ. Съ того времени по 20 декабря 1866 года всего поступило въ Сибирь, со включеніемъ и добровольно пришедшихъ за ссыльными женъ и дѣтей, 18.623 обоихъ пола.

Въ 1863 году . . .	524 чел.
„ 1864 „ . . .	10.649 „
„ 1865 „ . . .	4.671 „
„ 1866 „ . . .	2.829 „

Изъ этого числа ушло на каторгу 3.894, на поселеніе 2.153, прислано на житье 2.254 и для водворенія 8.491 (добровольно пришедшихъ 1.830 чел. *).

Стало быть, присужденные къ тяжкимъ наказаніямъ составляютъ почти $\frac{1}{4}$ ч.; присужденные къ легкимъ (на житье и водвореніе) болѣе $\frac{1}{2}$. Изъ нихъ всего больше распределено въ Западной Сибири (10.407), тѣмъ въ Восточной (8.199), съ тою разницею, что въ первую пришли съ легкойшею виновностью, во вторую ушли приговоренные къ самымъ тяжкимъ наказаніямъ (на каторгу и поселеніе **).

*) За пять лѣтъ съ 1854 по 1859 г. за государственныя преступленія всего изъ дѣлой Россіи было 83 муж.

**) Въ такомъ числовомъ отношеніи: по Тобол. 4.101, Томск. 6.306, Енис. 3.719, Иркутск. 4.424, по Якутск. обл. 56. При этомъ надо замѣтить, что все это люди, приговоренные военно-судными комиссиями прямо въ Сибирь. Между ними нѣтъ тѣхъ, которые первоначально водворены

Сосланные на каторгу, поселеніе и житье распредѣлились по сословіямъ въ такіе цифровыя отношенія:

Дворянъ	4.252 чел.
Духовенства	226 „
Горожанъ	1.148 „
Крестьянъ	849 „
Солдатъ	249 „
Иностранцевъ	385 „

Изъ водворенныхъ почти всѣ принадлежатъ къ низшимъ сословіямъ; дворянство составляетъ $\frac{1}{4}$ ч. (около 25%), не смотря на то, что въ общей массѣ народонаселенія дворяне составляютъ не болѣе $\frac{1}{200}$ ч., т. е. 5%. Такииъ образомъ, ссылка лишила царство и западныя губерніи (за вычетомъ дѣтей и женщинъ) въ дворянскомъ сословіи $\frac{1}{200}$ ч., въ рабочихъ силахъ $\frac{1}{200}$ ч. и въ духовенствѣ $\frac{1}{200}$ *). Распредѣляя уменьшеніе дворянства по губерніямъ, мы увидимъ, что всего больше (почти 3%) своихъ силъ потеряли литовскія губерніи и на 2% уменьшилось дворянство изъ Юго-Западнаго края

были въ Россіи, а потомъ переведены въ Сибирь. Эти послѣдніе прислались въ тобольскій приказъ безъ всякихъ документовъ. Наводитъ же справки о нѣсколькихъ тысячахъ подобнаго люда въ горячее время ссылки не было никакой возможности. И безъ того приказъ едва успѣвалъ принимать, распределѣть и снаряжать ссыльныхъ.

*) Принимая все населеніе въ 15 $\frac{1}{2}$ милл. и считая количество духовныхъ римско-католич. испов. въ 9 западн. губ. въ 3.952 чел.

въ Волынской губернии. Произошло это уменьшение, стало быть выразилось и участие въ мятежѣ лицъ дворянскаго сословія въ такомъ видѣ:

Въ Ковенской губ. на $\frac{1}{20}$ ч.	
„ Виленской „ „ $\frac{1}{20}$ „	
„ Гродненской „ „ $\frac{1}{40}$ „	
„ Витебской „ „ $\frac{1}{60}$ „	
„ Минской „ „ $\frac{1}{50}$ „	
„ Могилевск. „ „ $\frac{1}{65}$ „	
„ Волынской „ „ $\frac{1}{45}$ „	
„ Кіевской „ „ $\frac{1}{50}$ „	
„ Подольской „ „ $\frac{1}{44}$ „	

На каторгу изъ всего числа сосланныхъ дворянъ (4.252) ушло—1.699 чел., т. е. $\frac{1}{2}$ или 40 проц. Пропорція эта по мѣстностямъ распределяется такимъ образомъ:

Изъ Ц. П. сосл. 1.244; на кат. 506, или 40 0/0	
„ Сѣв.-З. кр. с. 2.092; „ 590, „ 28 „	
„ Юго-З. кр. с. 916; „ 603, „ 66 „	

Стало быть, не смотря на то, что въ Юго-Западномъ краѣ мятежъ не развился шире польскаго и Сѣверо-Западнаго края и при меньшей числительности дворянства, сослано лицъ этого сословія въ каторжную работу не только не менѣе, но даже больше.

Изъ каждаго ста дворянъ Сѣв.-Западн. края ушло только 28 проц.

Изъ каждаго же ста Юго-Зап. края на ту же каторгу ушло 66 проц.

Слѣдовательно, одно изъ трехъ: либо на югѣ приговоры дѣлались строже, либо на сѣверѣ мѣстныя средства возмездія умѣли парализировать число присужденныхъ къ тяжкимъ наказаніямъ въ сибирской каторгѣ, либо, наконецъ, содѣйствіе сельскаго населенія къ арестованію и представленію по начальству своихъ взбунтовавшихся пановъ въ средѣ малороссійскаго народа выразилось фактически сильнѣе и ярче, чѣмъ таковое же народное участие къ подавленію мятежа въ средѣ бѣлорусскаго народа. Само собою разумѣется, сибирскія данныя окончательнаго опредѣленія каждой причины и разграниченія всѣхъ трехъ между собою дать намъ не могутъ.

Изъ 3.399 человѣкъ, присужденныхъ къ тяжкимъ работамъ на каторгѣ, сословія встали въ такихъ отношеніяхъ по абсолютнымъ цифрамъ и по пропорціямъ:

Дворянъ	1.699 чел.	или 50 проц.
Духовныхъ	98 „	„ 3 „
Мѣщанъ	676 „	„ 20 „
Крестьянъ	705 „	„ 21 „
Солдатъ	212 „	„ 6 „

Стало быть, городскія сословія приняли участие въ мятежѣ гораздо сильнѣе обывателей сельскихъ; мѣщанамъ и крестьянамъ принадлежатъ почти равная степень участія, не смотря

на громадное числовое превосходство послѣднихъ передъ первыми. Дворянству между всѣми принадлежитъ половинное число.

По вѣроисповѣданіямъ изъ сосланныхъ на каторгу, поселеніе и житье, кромѣ католическаго, всѣмъ остальнымъ принадлежитъ только около 3 проц. или 221 чел. въ такихъ отношеніяхъ: православныхъ 124, униатовъ 17, протестантовъ 37, евреевъ 43. Въ 124 православныхъ замѣшалось 47 дворянъ бѣлорусскихъ юго-западныхъ губерній, 4 лица духовнаго сословія, 6 мѣщанъ, 10 крестьянъ и 57 солдатъ (преимущественно изъ дезертировъ).

Всего сослано на каторгу:

Изъ 1.785 ч. царст. Польск.: высшихъ сословій 565 ч., т. е. 32%, низшихъ сословій 1.220 ч., т. е. 68%; изъ 927 ч. Сѣверозап. края: высшихъ сословій 625 ч., т. е. 67%, низшихъ сословій 302 ч., т. е. 33%; изъ 687 ч. Югозападн. края: высшихъ сословій 607 ч., т. е. 88%, низшихъ сословій 80 ч., т. е. 12%.

Такимъ образомъ, низшія сословія увлеклись сильнѣе въ царствѣ Польскомъ, чѣмъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, а здѣсь гораздо сильнѣе Юго-Западнаго, указывая на разницу литовскаго племени жмудяковъ-католиковъ отъ православныхъ малороссовъ, помнящихъ угнетенія за свою вѣру отъ того же католичества. Ничтожное количество евреевъ (всего 43 человѣка) достаточно свидѣтельствуетъ о той холодности и равнодушіи, съ какими отнеслось къ дѣламъ Польши это многочисленное племя, облѣпившее всѣ деревни, мѣстечки и города всего края, поднявшаго возстаніе. Большая часть изъ всего числа 43 евреевъ, судя по статейнымъ спискамъ ихъ, высланы были въ Сибирь за содѣйствіе мятежу посредствомъ провоза оружія изъ-за границы и другія подобныя преступленія, т. е. скорѣе за увлеченія коммерческими расчетами, чѣмъ политическими планами.

Иностранные подданные, угодившіе въ Сибирь, въ общемъ числѣ 385-ти, распредѣлились въ такихъ размѣрахъ:

Австрійскихъ (преимущественно изъ Галиціи) поляковъ	259
Прусскихъ (преимущественно изъ Познани) поляковъ	102
Итальянцевъ (гарибальдійцевъ)	10
Французскихъ подданныхъ (коренныхъ французовъ).	10
Англійскихъ подданныхъ	2
Гессенъ-дармштадтскихъ нѣмцевъ	1
Саксонскихъ нѣмцевъ	1

Исторія Россіи не представляетъ другаго примѣра административной и судебной высылки по политическимъ преступленіямъ въ такихъ размѣрахъ, какъ теперь. Поэтому, само собою разумѣется, и въ законодательствѣ остались не предусмотрѣнными и достаточно не разрѣшен-

ними тѣ условия, въ какія должны встать сосланные и переселенныя лица въ новыхъ мѣстахъ ихъ жительства. Рядъ административныхъ распоряженій, послѣдовавшихъ въ разное время, казался удовлетворительнымъ и не представлялъ особыхъ затрудненій тогда, когда число лицъ опредѣлялось десятками и едва доходило до сотни. Теперь, когда высланныхъ считаютъ тысячами, прежнія распоряженія являются далеко неполными и недостаточными. Это, естественнымъ образомъ, влечетъ за собою цѣлый рядъ затрудненій и стѣсненій какъ для мѣстной администраціи, такъ и для самихъ сосланныхъ.

Не останавливаясь долѣе на сосланныхъ въ тяжкія работы, отношенія которыхъ къ самимъ сосланнымъ неизбежно должны были выражаться въ старыхъ, нисколько не измѣненныхъ рамкахъ, до подробностей тѣмъ же поголовныхъ стремленій къ свободѣ (вродѣ исторіи на Круго-Байкальской дорогѣ), хорошо извѣстныхъ всѣмъ по сообщеніямъ газетъ. Обратимся къ тѣмъ, которые высланы на житье и для водворенія. Для примѣра беремъ Тобольскую губернію, какъ такую, гдѣ въ разсматриваемые нами года лишенныхъ всѣхъ правъ состоянія только 50 человекъ, всѣ же остальные лишены только нѣкоторыхъ правъ.

Вотъ чѣмъ выразилось въ этой губерніи положеніе новыхъ сосланныхъ.

Въ Тобольской губерніи лишенныхъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ оказалось 591; лицъ, находящихся подъ надзоромъ—1.175 чел. Въ числѣ послѣднихъ болѣе 35 проц. (419 чел.) принадлежало молодымъ людямъ отъ 16 до 25 лѣтъ; между ними оказались сосланными даже такіе, которые въ Тобольскѣ съ увлеченіемъ пускали бумажнаго змѣя, играли мячикомъ и, однако, считались и называли себя политическими преступниками. Въ Тобольской губерніи такихъ оказалось 27 человекъ (сверхъ 61 дѣтей при родителяхъ *). Въ числѣ первыхъ 591 чел., присланныхъ для водворенія на казенныхъ земляхъ, оказались, большею частью, горожане; между ними находились хорошіе музыканты, живописцы и танцоры. Всѣмъ имъ предстояла одинаковая участь съ польскими крестьянами взять клочекъ земли и заниматься хозяйствомъ.

Общая черта сходства для людей обоихъ этихъ разрядовъ выразилась тѣмъ, что въ большинствѣ своемъ они пришли не только безъ приличнаго, но даже и достаточнаго одѣянія (наичаще въ томъ самомъ, въ какомъ были взяты къ суду); нищета въ самыхъ крайнихъ ея предѣлахъ возбуждала всеобщее состраданіе. Не имѣя возможности достать лѣтба на предстоящій день, безъ дневного приюта, безъ азыка, не зная за что при-

*) Между прочимъ 110-ти-лѣтній старикъ-ксендзь.

ваться—люди эти, выпущенные изъ тюрьмы, представлялись на первыхъ порахъ брошенными рѣшительно на произволъ судьбы съ семью копейками суточного пособия, рассчитывающаго на квартиру, пищу, одежду и удовольствія.

Общая черта различія для обоихъ разрядовъ выразилась, при практическомъ примѣненіи, тѣмъ, что судьба слабѣе наказуемыхъ оказалась худшею, чѣмъ судьба лицъ, обреченныхъ на сильнѣйшія мѣры взысканія; положеніе сосланныхъ для водворенія на свободныхъ казенныхъ земляхъ сдѣлалось сравнительно лучшимъ, чѣмъ положеніе сосланныхъ собственно подъ надзоръ. Этотъ „надзоръ“, при возможности наблюденія только внѣшняго, хлопочетъ лишь о томъ, чтобы такой-то не выѣзжалъ изъ предѣловъ указаннаго района, не производилъ наружныхъ безпорядковъ; полицейскій надзоръ имѣетъ право быть довольнымъ собою, если ему удастся достигнуть только однихъ этихъ цѣлей. Въ практическомъ примѣненіи къ судьбамъ политическимъ сосланныхъ этотъ надзоръ въ Сибири выразился такимъ явленіемъ: запрещеніе отлучекъ уничтожило почти всякую возможность къ прочному устройству жизни и къ присканію какого либо рода дѣятельности, при 2 р. 10 коп. ежемѣсячнаго казеннаго содержанія. Чтобы сдѣлаться промышленникомъ, нужны кое какія права состоянія, чтобы стать торговцемъ—необходимо, чтобы развѣздамъ не полагались границы одною мѣстностью; службѣ у частныхъ лицъ суровый контроль мѣшаетъ тѣмъ, что поселяетъ и поддерживаетъ въ послѣднихъ недобвѣріе и затрудняетъ имъ входить съ сосланными въ какія либо соглашенія или приглашать ихъ для какихъ либо торговыхъ занятій. Писменные занятія по вольному найму, разрѣшенныя впоследствии, при множествѣ политическихъ сосланныхъ, оказались мѣрою паллиативною. Занятія же ремесленныя и земледѣльческія не обеспечены никакими средствами. Отсюда механическая связь пришельцевъ съ туземцами и безнадѣжность полнаго органическаго слитія. Между тѣмъ, общество готово, безъ предразсудковъ, отдѣлять ихъ отъ остальныхъ сосланныхъ и обеспечивать работами. Временныя пособия со стороны правительства (безвозвратныя), дробясь между сотнями лицъ, для cadaго въ отдѣльности настолько ничтожны, что не достигаютъ никакой цѣли. И современные сосланные поляки принуждены дѣлать складчины, не только добровольныя, но и обязательныя, т. е. для богатыхъ взносы имѣли значеніе подати. Та же замкнутость и отдѣленность отъ общей жизни, безпомощное положеніе и невозможность существованія единичными средствами, наконецъ, простое человѣческое сочувствіе естественно выразили это благотворительное дѣло, направленное для поддержки крайне бѣдныхъ товарищей. Эти товарищества составляли продолженіе тѣмъ,

которые устанавливались между ссылными самими начальствами во всей России, во время пути следования посылков в Сибирь. Начальства избирали старосту и отдавали партии в полную их зависимость, внутренне сознавая, при недостатке воинских команд, невозможность двигать в порядке эти громадные толпы. На этапах и в тюрьмах были сотни призывов наказания товарищей самими старостами и выборными за малейшие проступки. Этот самосуд или собственно контроль удержался и на местах водворения, помогая ссылным воздерживать преступные наклонности и устранять, ослабляя тем подозрения туземцев, которые, между прочим, и на этот раз выразились подозрениями в поджогах. Общинный надзор во многом сослужил службу полицейскому.

Вот как типично один из местных администраторов положение ссылного, воспитавшегося под надзором и не освобожденного от него по требованиям местных условий быта:

„Политический ссылный приносит убеждение, что весь итог прожитой жизни утрачен безвозвратно, и потому или кажется совершенно равнодушным ко всему окружающему, или является раздражительным, беспокойно-нервным. Если он еще делает надежду возврата, то, тем не менее, эта надежда, оживляя его, мешает труду, прочной оседлости: Сибирь — почтовая станция, минутная остановка жизни, не стоит и братья ни за что серьезное. Это время для политических ссыльных — время утопий, несбыточных надежд и идеалов; все уроки, все ошибки прошлого забыты, утратили свое поучительное значение. С постепенной потерей практического смысла, всякий жизненный вопрос обобщается до чего-то безусловного: примирения с настоящим нет, оттого или всегдашняя болезненная раздражительность или невозмутимое равнодушие. Но, по мере того, как года идут вперед, ослабляя надежду и силу, эти люди становятся сумрачнее; раздражительность, при бездействии, усиливается, недовольство видяется еще глубже и переходит в злобу. Продолжительный надзор, ежеминутный страх контроля не прошли даром, они выучили удивительному умению владеть собою: ни одно слово не пропадает даром, ни один мускул своим движением не извещает внутреннему сердцу настроению духа. Сдержанность и замкнутость осязается на всегда характерными чертами этих людей во всех их сношениях с остальными.

„Кому из политических ссыльных не удалось столкнуться с практической жизнью, тем казались наблюдателю изможденными, обнаруживали страшную нравственную пустоту, которая, при узких взглядах и понимании, ха-

рактерна была лишь одним упорством в отстаивании своих утопий, мелким самолюбием и болезненно раздражительностью. Те же, которые вталкивались в промышленную и торговую деятельность, отравлялись сразу: теряли свой исключительный оттенок, понятия постепенно космополитизировались, жизнь со всею мелочностью охватывала их всецело. Исканшие утешения в прошедшем доживали до консервативного упорства, выход из замкнутого круга считался у них слабостью и даже извращением. В силу таких соображений, главной задачей правительства должна быть забота о том, чтобы дать ссылным занятия, облегчить возможность труда и приспособления способностей“.

В Тобольск за последнее время (1864 по 67 гг.), сделаны были *) опыты учреждения мастерских. Несмотря на недоброжелательство и происки рутин или невежества, устроены были прачешная, столярная, сапожная, слесарная, котельное производство, кузница, швейная, булочная, открыт пивоваренный завод, заведены мелочные лавки, общая столовая для стариков и хворых на 140 чел. (между ними на 70 поляков). В этих заведениях, воплотив соответствующих местным требованиям, занято было большинство ссыльных. Городское население приветливо встретило их; сосланные начали, мало по малу, заручаться надеждами на будущее, привыкать к настоящему своему положению, примиряться с ним и даже выписывать оставленных на родине семейств. В результате из всего этого, из числа 220 человек, 35 человек пользовались казенным пособием, всем остальным доставлена возможность работать и честным трудом приобретать себе средства для жизни. Из Тобольской губ. во все это время бжал только один, из Томской бжали десятками. Конечно, на всю губернию такое влияние не могло распространиться; конечно, оно подвержено таким же случайностям, как и самая человеческая личность и, стало быть, не прочно.

Эти начинания в особенности замечательны тем, что они сдержали бесполезный наплыв на сибирские деревни польских горожан — принужденных, импровизированных земледельцев; в то же время эти начинания служили единственным радикальным средством при безвыходном положении; некоторая безтактность репрессивных мер обнаруживалась. В этих условиях и приемах, во всей своей наготы. Все опыты насильственного водворения горожан на землю, в доброй воле и правильных экономических комбинаций, всегда приводили к отрицательным результатам. В той же Западной Сибири земледельцами сделались люди, пришедшие по воле, а за Байкалом — порочные

*) Губернатором А. И. Деспотом-Зеновичем.

нижніе воинскіе чины, приписанные въ крестьяне, указали на полную безнадежность мѣръ подобнаго рода. Бродяжество, наймы по городамъ, на суда, на золотые прииски—вотъ результаты подобныхъ начинаній. Къ тому же, и сами польскіе ссыльные наотрѣзъ отказались, въ послѣднее время, принять участки земли, заявивъ категорическій отвѣтъ, что такимъ путемъ они рѣшительно не въ состояніи обеспечивать своего существованія. Конечно, вмѣстѣ съ безнадежностью совладать съ землею, много мѣшала, въ данномъ случаѣ, и боязнь закрѣпить себя на землѣ и потерять, такимъ образомъ, надежду возвратиться на родину. Понудительныя мѣры тутъ бессильны: польскіе крестьяне и безъ того встали въ болѣе или менѣе удовлетворительное положеніе: они почти всѣ нашли заработки у крестьянъ, не смотря на то, что въ Сибири спросъ на личную услугу, во время полевыхъ работъ, не великъ, наемъ рабочей силы невыгоденъ и замѣняется искони усиленнымъ семейнымъ трудомъ. Для желающихъ заняться сельскимъ хозяйствомъ, Сибирь представляетъ богатый и неисчерпаемый рудникъ. Страна эта замѣчательна тою своею оригинальностью, что въ ней нѣтъ частной поземельной собственности и общинная начала сохранились въ цѣлости. Огромныя, пустынные и незаселенныя пространства земель даютъ возможность каждому крестьянину пахать землю тамъ, гдѣ онъ захочетъ и найдеть болѣе удобныя; 15 десятинъ земли—въ правахъ каждаго, даже изъ ссыльныхъ. Пастбища при селеніяхъ для всѣхъ общинъ и лежатъ обширныя огороженныя пространства (носкотина), специально предназначенныя для пастбы скота. Въ отдаленныхъ мѣстностяхъ каждый, безъ всякаго дозволенія, можетъ накосить столько травы, сколько захочетъ. Лѣса также общинная либо казенная собственность, не дѣлятся и никому не принадлежатъ, каждый можетъ рубить деревья безъ контроля, когда ему понадобится (въ казенныхъ только платятъ попенныя). Позволенія на торговлю и промыселъ, производимые мѣстно, никто не спрашиваетъ, за патенты никто не платитъ; въ этомъ отношеніи по Сибири больше свободы, чѣмъ гдѣ либо въ Европѣ. Человѣкъ имѣетъ тутъ больше свободы, чѣмъ въ Россіи (въ трудѣ и его примѣненіяхъ). Поземельныхъ податей никто не платитъ, кромѣ мѣщанъ, обязанныхъ земскими повинностями, которыя, къ тому же, общинная свобода значительно ограничила. Къ сожалѣнію, рядомъ съ этими правами, уживаются права бюрократіи и чиновничьей произволъ и нападенія на слабые мѣста сопровождаются нерѣдкими и губительными притѣсненіями. Если недостатокъ средствъ и незнакомство съ мѣстными условіями на первыхъ порахъ затрудняютъ польскихъ крестьянъ и замедляютъ улучшеніе ихъ

быта, то, тѣмъ не менѣе, положеніе ихъ въ сибирскихъ деревняхъ далеко выгоднѣе положенія горожанъ, назначаемыхъ не въ города, а въ селенія *).

Боязнь опасныхъ послѣдствій отъ измѣненія существующихъ формъ напрасна и исторически не оправдывается примѣрами той же самой Сибири (въ Россіи подобные примѣры безчисленны). Не только поляки и малороссы, но и шведы изъ войскъ Карла XII слялись со славянской народностью Сибири до тождества съ нею и поглощены безъ слѣда. На память о шведахъ остались въ Тобольскѣ только такъ называемый „Прямскій взвозъ“ съ каменной аркою и стѣною надъ нимъ; стѣна же кремля, построеннаго плѣнными, давно уже разсыпалась и разобрана; да по дорогѣ въ Якутскъ станція Усть-Ордынская сохранила прозваніе „Шведъ“, можетъ быть, по имени одного, можетъ быть, отъ имени многихъ поселенныхъ тутъ шведовъ. Въ Сибири еврей, въ особенности молодой, измѣняется настолько, что можно ихъ смѣло называть сибирскими, какъ особенный типъ, значительно не похожий на тотъ, который господствуетъ въ западной половинѣ имперіи, и весьма близко подходящій къ настоящимъ сибирякамъ: тотъ же языкъ, костюмъ, обычай и даже иногда вѣра.

Тамъ, гдѣ исчезли безъ слѣда и тѣ 138 запорожскихъ казаковъ, которые присланы были въ 1770 году за причиненныя въ Польшѣ разоренія, свободно и скоро правратились въ сибиряковъ тѣ изъ поляковъ, которымъ удалось личными интересами согласно соединиться съ требованіями страны и ея интересами. Особенно счастливыхъ результатовъ обрусенія достигали съ того времени, когда поляковъ стали приселять къ казачьимъ войскамъ большими группами и одиночками. Та же участь ожидаетъ и новыхъ пришельцевъ, если усвѣютъ благо-разумно устранить все то, что до сихъ поръ мѣшало сближенію вслѣдствіе стремленій видѣть въ ссылкѣ одну только карательную сторону. Въ Сибири становится дѣятелемъ только тотъ, кто пересталъ чувствовать себя наказуемымъ. Законъ этотъ неизмѣнно выразился для всѣхъ національностей. Сначала, плѣнившись сродствомъ родного языка съ русскимъ, забываютъ отечественную рѣчь; потомъ, увлекшись дѣвизою-сибирячкою, женятся и подъ влияніемъ среды и обаяніемъ жены отстаютъ и отъ обычая; въ итогѣ—сынъ поляка уже человѣкъ православной вѣры и коренной сибирякъ, а самъ отецъ

*) Въ Томской губ. горожанъ - поляковъ старались селить въ деревняхъ, ближайшихъ къ городамъ, чтобы ремесленники и вообще люди, не способные къ земледѣлію, не сдѣлавшись настоящими деревенскими пролетаріями, могли сбывать въ городахъ произведенія своихъ трудовъ. Тамъ имъ были дозволены и отлучки въ эти города для обезпеченія себя заработками.

на склонѣ дней человѣкъ національно-обезличенный. Въ особенности искусно дѣйствовала на обрусеніе поляковъ государственная служба.

Сибирь, со своими крупными особенностями, съ исключительными требованиями, умѣла превращать въ сибиряковъ безразлично инородцевъ и иноземцевъ. Такъ, напримеръ, на пространствѣ между Усть-Каменогорскою крѣпостью и Змѣевскимъ рудникомъ—однимъ изъ старинныхъ на Алтаѣ—въ настоящее время живутъ выселенцы временъ Екатерины, потомки шляхты изъ Сѣверо-Западнаго края, помѣщичьи люди и крестьяне, выведенные изъ Польши въ 1764 году и опредѣленные въ Сибирскія войска; они уже не сберегли никакихъ воспоминаній о прошломъ и потому ихъ только стужѣли сохранить нарядъ, рѣзко отъвѣняющійся отъ обычнаго сибирскаго. Въ особенности замѣчательнъ нарядъ женщинъ, умѣющихъ щеголевато и искусно вышивать бумагою и шелкомъ полотенца, нагрудники, оплечья на рубахахъ; дѣвушки до сихъ поръ берегаютъ въ косахъ старинные пятачки чеканки временъ Екатерины—последніе остатки ихъ національныхъ особенностей.

На подобную участь слѣзаться съ туземнымъ населеніемъ впоследствии, во второмъ или третьемъ поколѣніи, обречены были, во время ближайшаго къ намъ польскаго возстанія, тѣ болѣе десяти тысячъ обитателей западной части имперіи, которые присланы въ Сибирь.

Пойманные съ оружіемъ и за то приговоренные по суду, о которыхъ впереди была рѣчь наша, составляютъ отдѣльный контингентъ отъ тѣхъ, которые присланы не на каторгу и поселеніе, а на такъ называемое водвореніе. Сюда впоследствии поступили многіе изъ тѣхъ, которые были судимы и приговорены къ арестантскимъ ротамъ на сроки. По окончаніи сроковъ арестантскихъ ротъ и они включены въ число водворяемыхъ, если только не принадлежали къ привилегированнымъ сословіямъ. Это—большою частью земледѣльцы, обыватели деревень и шляхта западныхъ губерній, обыватели такъ называемыхъ застѣнковъ и околицъ. Въѣстѣ съ шляхтичами пришли и воспитавшіеся въ значительно одинаковыхъ съ ними условіяхъ экономического и общественнаго быта: мѣщане—исключительно обыватели городовъ и мѣстечекъ, отставные солдаты, однодворцы и такъ называемые панцирные бояре—потомки родовъ, въ древности принадлежавшихъ Россіи и занятыхъ службою по крѣпостямъ, взысканіемъ податей и развозкою писемъ, тотъ классъ, изъ котораго свободно выдѣлялись въ шляхетство, мѣщанство, въ классъ свободныхъ крестьянъ и, при особенныхъ подвигахъ, во дворянство. Причина высылки ихъ безразлично заключалась: либо въ косвенномъ участіи въ мятежѣ посредствомъ укрывательства бѣжавшихъ и спасавшихся при разгромѣ бандъ, либо въ томъ (какъ случилось

нерѣдко), что въ деревняхъ этихъ оставались банды, мимо околицъ этихъ случайно проходили они въ лѣсъ и изъ лѣсу, либо около нихъ скрывались эти банды и искали здѣсь средствъ для временной вещественной поддержки своей на стоянкахъ. Система переселенія на правахъ водворенцевъ имѣла правъ свободного и добровольнаго выбора мѣстъ и способовъ передвиженія и осѣлости, стужѣла уравнивать эти толпы высланныхъ изъ родины, не смотря на несходство проступковъ. Административный способъ ссылки на этотъ разъ успѣлъ достигнуть болѣе крупныхъ (суровыхъ) послѣдствій, въ противоположность требованіямъ суда и болѣе или менѣе доказаннаго обвиненія въ виновности. Когда присужденнымъ на каторгу и поселеніе съ опредѣленіемъ сроковъ и съ правами на милостивое прощеніе, представлялась и осуществлялась возможность возврата изъ Сибири,—для этихъ такъ называемыхъ водворенцевъ, черезъ прикрѣпленіе къ землѣ, на всегда отнималось это право. Переселеніе, со всѣми его нравственными условіями и задачами на вѣчную утрату родины, приняло, такимъ образомъ, значеніе высшей мѣры наказанія для людей наименьшей виновности. Разница на этотъ разъ заключалась, можетъ быть, лишь только въ томъ, что одни изъ шляхты водворены были въ предѣлахъ Россіи, но за то другіе уведены за Уральскій хребетъ. Для шляхетскихъ околицъ Могилевской губерніи Рогачевского уѣзда (Антуши, Сѣножатки, Тертежъ), святыхъ съ мѣста въ цѣломъ составѣ*), новую родиню оказалась Оренбургская губернія; для другихъ губерній—ближайшія къ Сибири со свободными казенными землями; для околицъ болѣе глубокихъ мѣстностей западной окраины мѣста для водворенія выбраны въ Сибири: сначала губерніи Енисейская и Томская, а потомъ, когда кончено въ ней водвореніе и мѣста, назначенныя здѣсь, были заняты, и губерніи Тобольская. И сюда, въ Сибирь, явился этотъ живой народъ шляхетской природы немного беззаботный, разгульный, задорный до сварливости и хвастливый, но, въ то же время, словоохотливый и глѣбосольный. Пришелъ онъ на свободныя земли, къ обязательствамъ усидчиваго тяжелаго земледѣльческаго труда на первобытной нетронутой почвѣ, и, надо сознаться, пришелъ не туда, куда влечетъ людей призваніе, гдѣ находятъ люди свое мѣсто и прилагаютъ свои способности. Онъ даже по внѣшнему виду не

*) На мѣстѣ этихъ трехъ околицъ—какъ известно—выстроено новое селеніе, подъ названіемъ Царской слободы, изъ отставныхъ солдатъ. Правильно распланированное, по нормальнымъ чертежамъ, съ форменнымъ видомъ, слободка эта замѣнила собою прежнія неправильно раскиданныя околицы, всегда имѣющія видъ отдѣльныхъ хозяйствъ съ кривыми улицами, закоулками и переулками.

положь на того, отъ котораго можно требовать исполненія подневольныхъ заказныхъ трудовъ. Въ сибирскихъ деревняхъ долженъ поселиться меньше всего земледѣлецъ, а скорѣе горожанинъ, обрившій бороду и отпустившій классическіе усы, одѣтый въ городской черныи камзолъ вродѣ однобортнаго длиннаго сюртука, въ широкія шаровары, въ неизмѣнный черныи картузь во свидѣтельство своихъ наклонностей бѣлоручки, успѣваго отшатнуться отъ роли земледѣльца и, лишь съ сохраненіемъ званія землевладѣльца, служившаго и въ деревнѣ жить съ городскими привычками и обстановкою. На родинѣ онъ успѣлъ отбоекать родовитость и гоноръ и оставить за собою стремленіе въ противоположную сторону отъ работъ, которыя награждаютъ мозолями на рукахъ. На родинѣ они бросались на государственную службу, учились грамотѣ, кончали гимназическій курсъ, искали мѣстъ управляющихъ, поступали въ чиновники, иные богатѣли и дѣлались панями; изъ этой шляхты образовалось почти все мѣстное православное и католическое духовенство. Разсчитывать на такихъ семейныхъ хозяевъ у Сибири мало правъ, дожидаться отъ нихъ вѣрнаго и твердаго земледѣльческаго населенія нѣтъ никакихъ основаній. Шляхтичь, и на родинѣ очень часто не владѣвшій собственными угодьями, вѣкъ кочевалъ, переходя съ земли одного владѣльца къ другому. Ему некогда было привыкнуть къ усидчивому труду, сдѣлаться земледѣльцемъ; онъ стоялъ на перепутьѣ между деревенскимъ и городскимъ жителемъ и возмѣлъ наклонность болѣе къ городскому быту. Онъ только потому не дворянинъ, что не доказалъ своихъ правъ, потерявъ документы или, прогоняемый поднятою платою съ воздѣланнаго имъ уволека земли, предпочелъ записаться въ крѣпостные. Есть много достаточныхъ основаній предполагать, что эта шляхта, жившая на наемныхъ земляхъ, въ городахъ элементъ наиболѣе безопасный при облегченномъ надзорѣ и заработкахъ. И проживъ въ деревнѣ, онъ не утратилъ характера горожанина. Земледѣльцы они были плохіе и на мѣстахъ родины, гдѣ приходилось имъ переимѣнять мѣсто, хозяйство ихъ было скудно, нерашливо. Въмѣсто обыкновенныхъ шляхетскихъ горенокъ они жили въ клѣтущкахъ съ землянымъ поломъ, безъ оконъ, если только можно считать за окна узенькія, продолговатыя щели съ осколками стекла; крыша прорвалась, заборъ рассыпался, ворота покосились; нагорожено-наляпано. Въ деревнѣ онъ живетъ (что въ томъ краю величайшая рѣдкость) на деревянныхъ полахъ съ красными окнами, уставленными бальзаминами, геранью и гортензіями. Настояція городскія горенки служили обыкновеннымъ жилищемъ шляхты. Шляхтянки наряжаются въ бѣлыя какъ снѣгъ юбки, щеголяютъ въ перчаткахъ, въ праздничное

время распускають зонтики; онѣ не повѣтъ на родныхъ пѣсень и употребляютъ всѣ силы, чтобы, какъ масло на водѣ, отдѣляться отъ крестьянокъ всѣмъ и во всемъ. Шляхтичи, въ сношеніяхъ съ сосѣдями-крестьянами, оказывались всегда людьми высшей породы. Шляхтичь въ корчмѣ требуетъ почета, говоритъ громко, не прочь и подраться (бѣлорусь ему уступаетъ, старовѣръ спорить), но за то шляхтичь владѣетъ всѣмъ тѣмъ искусствомъ выиграть передъ высшимъ городскимъ обществомъ искусствомъ, въ которомъ у него мало соперниковъ. Для сибирскихъ городовъ у него всѣ блестящія задатки. Но не то судила ему безразсчетная и слѣпая судьба. Для Сибири обстоятельство этихъ не ввѣсили и, не смотря на указанія и предостереженія свѣдущихъ и опытныхъ людей, поступили иначе.

Сибирскіе города, находящіеся ни низкомъ промышленномъ уровнѣ, въ виду представлявшейся возможности при помощи этихъ людей подняться въ вопросѣ промышленности обрабатывающей, сибирскіе города не надѣлены этимъ полезнымъ классомъ водворенцевъ, стоящихъ на степеняхъ высшаго развитія. Въ то время, когда эти люди, въ массѣ которыхъ преобладають ремесленники, могли бы найти средства въ два-три года сдѣлаться полезными гражданами, — ихъ бесполезно и безслѣдно прикрѣпили къ деревнямъ. Между ними оказались получившіе образованіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и даже воспитавшіеся въ высшихъ и, стало быть, поставленные въ обидную, чуждую и безнадѣжную среду крестьянской обстановки и деревенскаго быта. Шляхтичь, сидѣвшій на приготовленной землѣ, очутился, такимъ образомъ, въ Сибири на новыхъ участкахъ, требующихъ — какъ извѣстно — долговременнаго опыта, громаднаго терпѣнія и необычайныхъ трудовъ, при расчисткѣ вѣковыхъ залежей, такъ называемыхъ новой. Только такія мѣста, поросшія мелкимъ березнякомъ и осинникомъ сибирскаго общества приняла за обычай выдѣлять прибыльнымъ и готовыхъ земель для нихъ не отрѣзываютъ. „Новый пришелецъ долженъ занимать и новый участокъ“ — таково старожилое правило, съ которымъ въ Сибири нѣтъ никакой возможности спорить. Два года тяжелыхъ усилій для того, чтобы воспользоваться только первымъ плодомъ своихъ трудовъ представляются обязательными даже для того замѣчательнаго меньшинства, которое владѣетъ привычкою и умѣньемъ воздѣлывать землю. Плодоносная земля лежитъ въ Сибири подъ листовнымъ лѣсомъ; его надо срубить, оставить пеня сохнуть, чтобы на будущій годъ имѣть силы и возможность ихъ выкорчевать, пройти сохою, посеять и лишь на третій годъ получить жатву. Такимъ образомъ, для польскихъ водворенцевъ судный глѣбъ на три года (и лишь по малой мѣрѣ на два)

стать для казны обязательнымъ. Прибавилась лишняя тягость.

Переселенцевъ, для успѣха водворенія, казна сочла нужнымъ снабдить пособиями. Эти пособия состояли: въ выдѣлѣ 55 руб. на семейство, — суммы, обыкновенно опредѣляемой переселенцамъ изъ государственныхъ крестьянъ, 35 руб. на обзаведеніе домою и 20 на приобрѣтеніе земледѣльческихъ орудій, въ снабженіи одеждою (въ случаѣ надобности) и подводами до самыхъ мѣстъ водворенія. Въ дорогѣ взрослые получали по 16 коп. въ день, малолѣтніе по 8 (всѣ эти расходы отнесены на 10-проц. сборъ въ западныхъ губерніяхъ и на суммы Царства Польскаго). Для водворенія указаны волости со свободными казенными землями и въ нихъ положено водворять либо образваніемъ изъ переселенцевъ отдѣльныхъ деревень, либо припискою къ существующимъ уже. Въ томъ и другомъ случаѣ сдѣлано обязательнымъ избѣгать сосѣдства городовъ и большихъ трактовъ, но принято водворять въ мѣстностяхъ, изобилующихъ свободными и удобными угодьями, годною для пользованія водою, не ощущающими недостатка въ лѣсѣ для строеній. Таковы были распоряженія общія.

Частныя распоряженія по водворенію, какъ-вѣ сдѣланы были по Тобольской губерніи (судя по напечатанной инструкціи), заключались, между прочимъ, въ заблаговременномъ обезпеченіи продовольствія, въ заготовленіи подводъ, въ стараніяхъ и хлопотахъ установить мирныя и кроткія отношенія между пришельцами и старожилами, въ домахъ которыхъ размѣщались на первое время прибылые водворенцы. По водвореніи уступлено было гуманное право отлучекъ на рынки и торжки а въ другіе округа губерніи для сбыта ремесленныхъ издѣлій или сельскихъ произведеній. Одиночкамъ дозволено соединяться по двое на первое время *), признанные неспособными къ устройству самостоятельнаго хозяйства (старики и малолѣтки) назначены для приарбнн въ семейства самихъ переселенцевъ или къ старожиламъ, съ выдачею за взрослого 10 руб., за малолѣтняго до десяти-лѣтняго возраста 5 руб. въ годъ съ правомъ занимать посильными работами. Изъ ближайшихъ запасныхъ сельскихъ магазиновъ выдавался хлѣбъ и для продовольствія и для обсыиванія полей; въ первомъ случаѣ на каждые три мѣсяца впередъ. Тотъ и другой хлѣбъ выдавался займообразно. Частныя распоряженія сумѣли облегчить уплату займа на болѣе продолжительные сроки (въ четыре года послѣ первыхъ шести необходимыхъ для знакомства съ требованіями новой страны). Переселенцы-домохозяева, наравнѣ съ прочими крестьянами,

*) Потому по устройству хозяйства они обязаны были раздѣлиться жить отдѣльными хозяйствами.

приобрѣтали право участія въ мірскихъ угодьяхъ и оброчныхъ статьяхъ, и проч.

Но не всѣ волости и угодья, назначенныя для водворенія, оказались удобными и соответствующими требованіямъ Западнаго комитета. Томская коммиссія, водворявшая этихъ переселенцевъ, нашла, что пособіе, вообще недостаточное и для переселенцевъ изъ государственныхъ крестьянъ, для польскихъ выходцевъ еще сильнѣе и безвыходнѣе усилывало затрудненія. Переселенцы внутреннихъ губерній приходили совершенно обезпеченными, приводили скотъ (лошадей) или приносили деньги, вырученныя отъ продажъ его и назначенныя для той же цѣли на новыхъ мѣстахъ; польскіе водворенцы ничего этого не имѣли. Рабочую лошадь — основное подспорье земледѣлія — должны они покупать, истрачивая не менѣе 25 руб. изъ 55, и въ то время, когда приобрѣтеніе топора, заступа, пилы, телѣги, саней и для земледѣлія сохи и бороны (непремѣнно съ желѣзными зубьями по требованіямъ первобытной сибирской земли), а также и сбруи — по сибирскимъ цѣнамъ на 30 руб. приобрести нѣтъ никакой возможности. Увеличеніе денежнаго пособия, по крайней мѣрѣ на цѣну не предусмотрѣнной лошади, должно было сдѣлаться, при практическомъ осуществленіи проэкта, неизбѣжнымъ и настоятельнымъ. Затѣмъ осуществленіе въ Сибири правилъ о попенныхъ деньгахъ и, вслѣдствіе того, примѣтное уменьшеніе лѣсной промышленности и высокія цѣны на лѣсъ дѣлають невозможною покупку готоваго сруба за 15 руб., а черезъ это укрѣпляютъ необходимость увеличенія пособій еще на лишнія прибавки денегъ до ста рублей на лѣсистыя мѣстности и свыше ста на южныя безлѣсныя.

Подъ такими-то крупными и неблагоприятными условіями приводилось селить польскихъ водворенцевъ по цѣлой Сибири и въ восточныхъ губерніяхъ Россіи. Въ Сибири достигнута только одна цѣль: переселенцы водворены въ округахъ, наиболѣе дающихъ благоприятныя данныя для земледѣльческаго труда, если не принимать въ расчетъ того, что на этотъ благородный, но тяжелый трудъ приглашены люди, не владѣющіе достаточными способностями, на большую часть безъ призванія, безъ охоты, что называется безъ рукъ. Приведены они въ Сибирь или отдѣльными партіями или въ общихъ арестантскихъ партіяхъ на устройство быта по случайнымъ законамъ, которые обыкновенно на практикѣ говорятъ всегда на-двое. Размѣщались они, до распредѣленія, или въ особыхъ казармахъ, или на правахъ обыкновенныхъ ссыльныхъ, при тѣснотѣ и по невозможности въ самыхъ тюремныхъ замкахъ въ соединеніи съ прочими преступниками. На мѣста водворенія ихъ переправляли также на правахъ пересыльныхъ арестантовъ: подъ багажъ 12

человѣкъ полагалась одна одноконная подвода, подъ слабыхъ и дряхлыхъ одна на двухъ, одна же для пяти малолѣтковъ и по одной подводѣ для двухъ женщинъ съ грудными дѣтьми. Пришли они, большею частью, безъ семействъ, оставшихся на родинѣ въ расчетѣ, что высылка ихъ—только временная мѣра наказанія. Не смотря на всѣ внушенія начальствъ, они сначала ни подъ какимъ видомъ не хотѣли выписывать своихъ семей, говоря, что не желаютъ подвергать ихъ тому же неизвѣстному будущему, какому они сами подвергнуты. У всѣхъ твердо укрѣплена была вѣра, что со временемъ возвратятся на родину и трудиться считали здѣсь лишнимъ. Когда ослабѣла подобная вѣра и исчезла надежда, они стали выписывать семьи; болѣе другихъ упорные и заглѣбшіея высланы въ Восточную Сибирь. Однако, на мѣстахъ они получили категорическое заявленіе о томъ, что приведены сюда для водворенія на казенныхъ земляхъ и для занятій земледѣліемъ, что они зачислены въ сословіе государственныхъ крестьянъ, что имъ не только воспрещена приписка къ городскимъ состояніямъ и житье въ городахъ, но даже отлучки далѣе черты той волости, въ которой водворены. Все это внушало имъ земское начальство съ предвареніемъ, что нерадивые и пренебрегающіе земледѣліемъ будутъ безъ всякаго послабленія подвергаться наказаніямъ, какъ-то назначеніямъ въ общественныя работы, арестамъ, тѣлесному наказанію и, наконецъ, удаленію изъ обществъ для неисправимыхъ въ отдаленныя мѣста Сибири. Для того, чтобы водворенцы не имѣли возможности распространять здѣсь какія либо вредныя идеи и затѣвать опасныя замыслы, надъ ними установленъ надзоръ. Насколько послѣдній затруднителенъ и мало ведетъ къ цѣли, мы уже имѣли случай объяснить выше по поводу сосланныхъ на поселеніе. Насколько затруднительна система принудительнаго земледѣльческаго труда доказываютъ сами водворенцы стремленіями своими въ ту среду городской жизни, гдѣ не безъ точнаго основанія мелькаютъ для нихъ надежды на вѣрное и практическое примѣненіе ихъ ремесленныхъ и научныхъ знаній. Въ городахъ—наибольшая сумма врачующихъ средствъ противъ той болѣзни, которую на этотъ разъ предположено лечить ссылкой и водвореніемъ, но которую то и другое еще болѣе раздражаетъ.

Во всякомъ случаѣ, изъ высланныхъ водворенцевъ въ Тобольской губерніи поселены въ семи многоземельныхъ волостяхъ Ишимскаго округа, въ Тарскомъ, какъ не представляющемъ также особенныхъ неудобствъ, въ Омскомъ и Тобольскомъ; въ послѣднемъ на тѣхъ немно-

гихъ удобныхъ земляхъ, которыя остались свободными.

Теперь опытъ указалъ на подобныя неудобства и они мало по малу устраняются.

Къ числу благотворныхъ мѣропріятій, какія привелось испытать новѣйшей системѣ политической ссылки, должно отнести, прежде всего, многочисленные случаи прощенія, имѣвшіе послѣдствіемъ значительную сумму облегченій и не остановившагося передъ дарованіемъ полной свободы тамъ, гдѣ это имѣло возможность.

Прежде, всего освобождены всѣ тѣ молодые люди, не достигшіе 20-лѣтняго возраста, для которыхъ облегченіе участи нашло оправданіе въ уступкахъ неопытной молодости, склонной къ увлеченіямъ, но далекой отъ закоренѣлой и опасной преступности. Во вторыхъ, получили свободу всѣ иностранные подданные, замѣшавшіеся въ мятежъ, всѣ эти искатели приключеній, большею частью люди безъ крова и опредѣленныхъ профессій, ненужные и бесполезные въ ссылкѣ; за исключеніемъ тѣхъ, которые успѣли закрѣпить связи, въ одно время, посредствомъ браковъ и при обезпеченіи себя какимъ либо ремесломъ и занятіемъ. Таковыхъ примѣтное число осталось, по доброй ихъ волѣ, въ Сибири. Болѣе двухъ тысячъ иностранцевъ (считая въ томъ числѣ по тяжкой преступности попавшихъ въ Сибирь) освободили Россію, возвратившись на попеченіе своихъ правительствъ.

Все число приговоренныхъ къ каторжной работѣ, начиная съ 1866 года, постоянно ослабѣвало черезъ уменьшеніе сроковъ, которыми облегчалась участь ихъ сначала на половину, потомъ на $\frac{1}{3}$ до значительно ускореннаго права выхода на поселеніе. Тѣ же неоднократныя распоряженія, и въ то же время, сокращали сроки для приговоренныхъ на поселеніе къ выходу ихъ на житье и къ поступленію въ сословіе государственныхъ крестьянъ. Для другихъ категорій, сосланныхъ съ меньшею виновностью, льготныя послабленія простирались до дозволенной приписки къ городамъ изъ селеній, къ выѣзду изъ Сибири въ Россію и, наконецъ, къ праву житья въ царствѣ Польскомъ. Изъ таковыхъ ссыльныхъ въ Сибирь или отдаленные города Россіи около двухъ тысячъ получили свободу изъ арестантскихъ ротъ и до пяти тысячъ изъ сосланныхъ административнымъ порядкомъ подъ надзоръ полиціи. Въ послѣднемъ случаѣ можно разсчитывать еще на большія льготы и ожидать новыхъ прощеній, когда кончить свои работы особая коммиссія для лицъ, находящихся подъ полицейскимъ надзоромъ, и назначеній которой было своевременно сообщено въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“.

ГЛАВА IV.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПНИКИ.

Древніе способы исканія правды.—Исторія ссылки государственныхъ преступниковъ.—В. Н. Романовъ и его страданія.—Матвѣевъ.—Распопъ Лазарь.—Растрига Ѳеодосъ (Ѳеодосій Яновскій).—Ссылный колоколь.—Тюрьмы для великоважныхъ преступниковъ.—Остроги.—Монастырскія каюты.—Ссылка во время междоусобія, при царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ.—Ссылка малороссовъ.—Гетманы.—Гвинтовка.—Многорѣзный.—Самойловичъ.—Сѣрко.—Войнаровскій.—Желѣзнякъ.—Дятльевъ.—Самозванцы 17 и 18 столѣтій.—Громадная ссылка стрѣльцевъ.—Враги Петра I.—Сообщники Тазикова, царевича Алексѣя.—Ссылка при наслѣдникахъ Петра.—Враги Ѳеофана Прокоповича въ ссылкѣ.—Бироновщина.—Слово и дѣло.—Радищевъ.—Уральскій казакъ пугачевецъ Марушка.—Слово и дѣло въ Сибири и на каторгѣ.—Старецъ Никонъ.—Каурый.—Тверской крестьянинъ Ермолаевъ.—Ссылный Артамоновъ.—Грузинскіе дворяне.—Семеновцы.—Экспедиціи Степановъ.—Коцебу.—Измѣнникъ отечеству.

Древняя Русь, для удовлетворенія законовъ справедливости, считала невозможнымъ: разбойниковъ и татей бить кнутомъ, а пущихъ заводчиковъ поднимать на висѣльцы по одному человѣку въ городъ; зажигателей также вѣшала; дѣлателей фальшивой монеты отсѣкала обѣ ноги и лѣвую руку; женъ, за убійство мужей, закапывала живыми въ землю; бунтовщиковъ въ страхъ прочимъ вѣшала на плотяхъ и спускала внизъ по рѣкѣ. Отступниковъ отъ вѣры, религиозныхъ мыслителей, заурядъ съ колдунами, ставили въ деревянные срубы и сожигали живьемъ. Государственныхъ преступниковъ колесовали, четверговали или клали ихъ буйны головы на плахи липовыя (по словамъ пѣсень), „отрубали буйны головы по могучныя плечи, или брали лопаты желѣзныя, копали двѣ ямы глубокия, становили два столба дубовыхъ, забивали два крюка желѣзныхъ, клали жердочку кленовую, накладывали двѣ петели шелковыя; вывели добра-молодца, очи ясныя черной тафтой ему завѣшивали, рѣзы ноженки въ тяжелыя желѣзы заковывали“ и проч. *). Въ большин-

*) Во время пребыванія нашего въ Архангельскѣ, мы имѣли случай найти свидѣтельство о слѣдующемъ образчикѣ стариннаго судопроизводства и наказаній. Елисеѣвъ, солдатъ гайдукскаго полка, пущенный на ночь сосѣдомъ своимъ и сослуживцемъ Костогоровымъ, ночью ножемъ колодъ хозяина и то же сдѣлалъ съ его женою, прибѣжавшею на помощь. Оправдывалъ себя тѣмъ, что будто бы жена Костогорова изурочила сына его, 13-ти-недѣльнаго младенца; сверхъ того, надѣялся найти деньги, а самого хозяина не засталъ дома. Убоясь криковъ израненнаго Костогорова: «Царевъ (т. е. караулъ), что ты здумалъ, за что рѣжешь?»—Елисеѣвъ засунул раненому руку въ ротъ, а когда тотъ выхватилъ у него изъ рукъ ножъ, выскочилъ въ окно и побѣжалъ въ городъ, а Костогоровы «рѣзанные отъ него остались еще живы». Убійца былъ пойманъ въ одной рубашкѣ, окровавленный, безъ сапогъ. За это произвели пытку (дали 42 удара кнутомъ), да 12 страсокъ и семикратно жженъ казенными клещами и обливанъ водою горячею, «ставленъ въ пристѣнокъ и, наконецъ, по цар-

ствѣ же случаевъ къ нимъ примѣняли ссылку въ самыя глухія и скудныя мѣста, въ расчетѣ на медленныя муки нравственной тоски и одиночнаго заключенія и на вѣроятіе мучительной смерти отъ голода. „Здѣсь копали погребы глубокіе,—по словамъ народныхъ пѣсень:—задергивали рѣшетками желѣзными, желтымъ пескомъ призасыпывали, стѣрымъ хрищемъ-каменемъ призаваливали“. Досиживались же въ земляныхъ тюрьмахъ до того, что проросли тѣльные кресты во бѣлы груди.

Такии путями гонялись за правдою и полагали ее удовлетворенною во все время, пока неизвѣстна была Сибирь и мѣстами ссылки и заточеній могли служить сѣверные монастыри и пограничныя остроги, но къ мѣстамъ короткой расправы прибѣгали еще и тотъ московскій царь, который впервые сталъ титуловаться сибирскимъ. Потухающими глазами одряхлѣвшаго старика, измучившій всѣхъ и самого себя до острой и смертельной болѣзни, взглянулъ Иванъ Грозный на соболей, привезенныхъ атаманомъ Кольцомъ отъ Ермака; успѣлъ выговорить казнь завоевателямъ цѣлаго татарскаго царства за разбой и грабежи на Волгѣ, за своеволія на Камѣ, но за приращеніе московской земли новыми громадными косякомъ плодородныхъ земель на Иртышѣ и Тоболѣ усталый и изнеможенный царь послалъ Ермаку съ своихъ надломленныхъ плечъ бархатную шубу и охотливо выговорилъ прощеніе на этотъ разъ,—во всю жизнь не терпя никакихъ своеволій. Затѣмъ, едва успѣлъ онъ послать въ Сибирь своихъ воеводъ, годъ одинъ повелѣчался въ московскихъ соборахъ сибирскимъ царемъ, въ началѣ марта 1584 года, тяжело занемогъ и, едва успѣвъ уже полумертвымъ постричься въ монахи, скончался. Сыну его досталась готовая страна во всѣхъ соблаз-

скому Петрову указу 28 окт. 1712 г., четвергованъ, т. е. попеременно отрублены руки, ноги и наконецъ, голова. Вини его всенародно читаны и былъ прибитъ къ столбу лить.

нительныхъ условіяхъ лучшаго ссыльнаго мѣста въ цѣломъ свѣтѣ: въ 1592 г. основанъ одинъ изъ первыхъ сибирскихъ остроговъ Пелымъ и для заселенія его употреблены огуломъ первые ссыльные люди за государскія вины—угличане, посланные по дѣлу царевича Дмитрія. Черезъ десять лѣтъ въ городкѣ этомъ сидѣлъ уже новый сибирскій ссыльный—В. Н. Романовъ, посланный за государственное преступленіе „за намѣреніе отравить ядомъ царя Бориса“. Съ тѣхъ поръ возмездіе за государственныя преступленія стало считаться удовлетвореннымъ съ удаленіемъ виновныхъ людей въ самыя глухія мѣста Сибири въ сторонѣ отъ большихъ трактовъ. Оставляя преступниковъ за приставами въ тяжелыхъ желѣзахъ, возмездіе находило предѣлъ собственному успокоенію въ лишеніи ссыльныхъ общенія съ людьми, облегченнаго урѣзываньемъ языковъ. Виновные стали получать патенты на ссыльное право съ вырванными ноздрами, ушами и при иныхъ способахъ искалѣченія. Справедливость считалась отысканною и мѣсть удовлетворенною, если ссылака умѣла подвергнуть ей измучить до голодной смерти. Ограниченная дача пищи продолжала входить сюда, какъ непрежннная принадлежность ссылки, на томъ же основаніи, какъ обязательно было до сихъ поръ это голодное право для всѣхъ, подвергавшихся монастырскому и острожному заточенію еще до предѣловъ Уральскаго хребта.

Молодой юноша Василій Никитичъ Романовъ, посланный въ 1607 году по доносу холопа, къ утѣшенію тосковавшихъ „объ московскомъ винѣ и табакѣ“ приставовъ, истаялъ отъ голоду въ одинъ годъ и умеръ въ душевой землянкѣ въ оковахъ, не смотря на то, что—по преданію—пелымскіе жители выучили дѣтей своихъ, играя воадъ тюрьмы, носить узнику въ дудочкахъ квасъ, молоко и подобные припасы. Приставъ поступалъ съ нимъ круто: держалъ скованнымъ въ избѣ, мимо которой прохожей дороги не было. Василій былъ боленъ все время, чуть живой на цѣпи, ноги опухли. „Я цѣпь снялъ (пишетъ приставъ). Сидѣлъ у него братъ Иванъ и дѣтина (слуга) Сенька. И я ходилъ и попа пускалъ“. Когда умеръ, похоронилъ, далъ по немъ тремъ попамъ да дьячку да пономарю 20 рублей. Иванъ боленъ старую болѣзнью, рукою не владѣетъ, на ногу немного прихрамываетъ (Ивана Никитича перевели потомъ въ Уфу и поверстали на службу въ Нижній). Старшій братъ его, любимецъ московскаго народа, посаженный въ земляную тюрьму въ селѣ Ныробѣ (въ 70 верстахъ отъ г. Чердыни Пермской губерніи), не прожилъ въ заточеніи и одного года, не смотря на то, что владѣлъ громадною физической силою, о которой слава ушла въ преданіе, обладалъ высокими ростомъ и весьма плотнымъ тѣлосложеніемъ. Пока копали яму для тюрьмы и ссыльный стоялъ у са-

ней, на которыхъ привезли его (говоритъ народное преданіе) и когда завалили его сѣткою, М. Н. Романовъ схватилъ обѣими руками сани и отбросилъ ихъ шаговъ на десять въ сторону, а сани едва трогали съ мѣста пять человѣкъ. До сихъ поръ въ Ныробской церкви показываютъ одинъ желѣзъ его на два пуда вѣсомъ: такъ называемый стугъ или плечный желѣза въ 39 фун., ручныя желѣза въ 12 фун., кандалы или ножны въ 19 и замокъ въ 10 фунтовъ. Когда крестьяне попробовали подсобить ему своими скудными съѣстными припасами, приставъ не замедлилъ шесть человѣкъ отослать въ Москву за крѣпкимъ карауломъ; при царѣ Шуйскомъ изъ нихъ вернулись домой только двое, остальные, послѣ жестокихъ пытокъ, умерли въ московскомъ заточеніи.

„Не постыдился бы я (писать позднѣйшій заключенникъ вблизи устья Печоры въ Пустозерскѣ, Артамонъ Сергѣевичъ Матѣевъ), не постыдился бы я—свидѣтель мнѣ Господь Богъ—именемъ Его ходить и просить милостыню, да никто не подастъ и не можетъ подать ради нужды. Жители голодомъ таюгъ и умираютъ. Избенка дана мнѣ, а другая червь моему синишкѣ, ей-ей!—обѣ безъ печи и во всю зиму рукъ и ногъ не отогрѣли, а иные дни мало что не замернемъ, а отъ угару безпрестанно умирали. А въ подлѣтшкѣ запасенко мой и рузлядинка, а въ другомъ сироты мои да караульщики стерегутъ меня, чтобы не убѣжалъ. Таемъ голодомъ, а хлѣбъ привезли: мука, что отруби, и той не продаютъ“. Сынъ страдальца, подкрѣпляя слова отца, свидѣтельствуется, что бывали времена, когда у нихъ оставалось только три сухаря; притавъ (Тухачевскій) удѣлилъ имъ изъ своего запаса половину, самъ получая всего шесть пудовъ ржаной муки и тѣмъ спасъ ихъ отъ смерти.

„А хлѣба даютъ намъ по полутора фунту на сутки (писать въ посланіи царю Алексѣю другой пустозерскій заточникъ, товарищъ Аввакума, распольъ Лазарь), да квасу нужное даютъ. Ей ей, и псомъ больши сего пометають, а соли не даютъ, а одежишки нѣтъ же, ходимъ срамно и наго“. Впрочемъ, четыре товарища по ссылкѣ за государственныя и религіозныя преступленія отъ голодной смерти избѣгли смертью въ срубѣ и огнѣ, уже въ царствованіе Алексѣева сына—Федора.

„Мучаемъ животь свой (писать В. В. Голицынъ, любимецъ Софіи, изъ ссылки съ Пинегы) и скитаемся Христовымъ именемъ, всякою потребою обнищали и послѣднія рубашки съ себя проѣли. И помереть будетъ намъ томною и голодною смертью“.

Уходя изъ XVII въ начало прошлаго столѣтія, мы видимъ, что на той же крайнѣ (въ устьяхъ Двины въ Никольскомъ Корельскомъ монастырѣ) надъ однимъ ссыльнымъ (новгород-

скимъ архіепископомъ Θεодосіемъ Яновскимъ), разыгрывается продолженіе древней русской драмы, оканчивавшейся въ послѣднемъ актѣ тою же голодною смертію. Этому сопернику и врагу Θεοφана Прокоповича, сосланному за дерзость противъ Екатерины I и за бранныя слова на дворцовый караулъ, удалось прожить въ заточеніи всего 7 мѣсяцевъ и 11 дней. Получалъ онъ только хлѣбъ и воду. Архангельскій губернаторъ (Измайловъ), навѣстившій „растригу Θεодоса“ черезъ нѣсколько времени, отписывалъ въ Петербургъ, что онъ еще живъ. Ему отвѣчали: „Когда придетъ крайняя нужда къ смерти чернецу Θεодосу“, губернатору отпереть и распечатать двери, духовнику причастить тутъ же въ тюремной кельѣ, двери которой послѣ того „по прежнему запереть и запечатать ему, губернатору, своею печатью и приказать хранить на крѣпко“, а придетъ смерть, похоронить въ томъ же монастырѣ. Когда велѣно было перевести его изъ-подъ церкви въ новую тюрьму и послѣдняя была готова, Θεодосъ уже не имѣлъ силы перейти въ нее, его перенесли на рукахъ. Старецъ услѣлъ проговорить на переносѣ: „Ни я чернецъ, ни я мертвецъ, гдѣ судъ и милость“? Губернаторъ сказалъ ему „съ сердцемъ, дабы онъ лишняго не говорилъ, а просилъ бы у Бога душъ своей милости“. Измайловъ спросилъ: не желаетъ ли онъ духовника? „И на тотъ вопросъ ничего онъ, Θεодосъ, не сказалъ, не сказалъ и глазъ своихъ, какъ они у него закрыты были камилавкою, не открылъ“. Съ тѣмъ губернаторъ и уѣхалъ. 3-го февраля получилъ онъ отъ фендрика рапортъ, что „онъ Θεодосъ, по многому клику для поданія пищи, отвѣту не отдаетъ и пищи не принимаетъ“. Велѣно фендрику „еще покричать въ окно, какъ возможно громко, и ежели по многому крику отвѣту онъ не дастъ, то на другой день тюрьму, распечатать, отпереть и его, Θεодоса, осмотрѣть“. Фендрикъ покричалъ, отперъ тюрьму, осмотрѣлъ и 5-го февраля съ нарочнымъ солдатомъ прислалъ губернатору объявленіе, что „онъ Θεодосъ умеръ“. Не удалось примѣнить первое столичное предписаніе (предусмотрѣть близость смерти и причастить узника), попробовали исполнить второе: похоронили тѣло при деревянной больничной церкви, гдѣ хоронятъ монаховъ; но петербургская тайная канцелярія этимъ не удовольствовалась! Велѣно „учинить анатомію, изъ Θεодосова тѣла внутренности вынуть“, а если искусныхъ людей не обрѣтается (въ Архангельскѣ), то, „положа тѣло въ гробъ, засмолить и отправить въ Петербургъ на почтовыхъ лошадахъ отъ гвардіи съ урядникомъ и съ двумя солдатами съ подтвержденіемъ, яко бы ѣдутъ съ нѣкоторыми вещами“. Указъ о томъ послѣдовалъ 20-го февраля; 2-го марта писано: „мертвое тѣло не возить“, но было поздно. Кабинетскій

курьеръ встрѣтилъ тѣло Θεодоса въ 60 верстахъ отъ Каргополя, осмотрѣлъ его въ деревнѣ тайно, „не явится ли на томъ тѣлѣ какихъ язвъ, и того не явилось“. 12-го марта 1726 г. тѣло похоронено въ Кирилловомъ Вѣлозерскомъ монастырѣ.

Такимъ образомъ, новый вѣкъ выступалъ только съ тѣмъ новымъ прогрессомъ, что перестали ссылатъ колокола *) и земляныя тюрьмы стали смѣняться надземными. Въ нырбской каменной часовнѣ, подлѣ иконостаса, показываютъ въ каменномъ полу четырехугольное отверстие, служившее окномъ для свѣта и мѣстомъ, черезъ которое подавали узнику Романову пищу. На лѣво отъ входа въ часовню по спуску, устроенному позднѣе, и по каменнымъ ступенямъ вводять въ яму вышиною въ 2½ аршина. И теперь въ подземельѣ такъ мало свѣта, что глазъ съ трудомъ успѣваетъ разглядѣть мокрыя и мрачныя стѣны, выведенныя сводомъ въ одинъ кирпичъ, на фундаментѣ изъ дикаго камня, и на лѣво чуть примѣтные остатки печи. Печь эту сложили—поясняютъ преданіе—вскорѣ, какъ привезли узника, когда морозы стали крѣпнуть. Народъ чтить желѣзныя оковы за святые и надъ землянкою мученика выстроилъ каменную часовню, на мѣсто деревянной и древней, въ 1793 году, по указу Екатерины II. Въ теплой церкви, на мѣстѣ сгорѣвшей вмѣстѣ съ деревянною гробницею, хранится сдѣланная по образцу старой новая гробница. Уже для Аввакума съ товарищами, при благодушномъ царѣ Алексѣѣ, велѣно было рубить лѣсъ на Ижмѣ и сплавлять внизъ по Печорѣ въ Пустозерскъ; тамъ срубили четыре избы, пригодныя для человѣческаго жилья (судя по прописаннымъ въ указѣ размѣрамъ). Однако, и послѣ Петра, при заточеніи Θεодосіа Яновскаго, еще хлопотали Борисовымъ обычаемъ о томъ, чтобы и надзем-

*) До 3 іюня 1892 г. въ тобольскомъ кремлѣ, подлѣ архіерейскаго дома, въ особенномъ огороженномъ мѣстѣ, висѣлъ смышлый угличскій колоколъ, въ который били въ набатъ послѣ убіенія царевича Дмитрія. Смышлый колоколъ висѣлъ въ товариществѣ другихъ четырехъ, подобранныхъ подъ тонъ, но отличался отъ нихъ урѣзанными (отломанными) ушами, хотя съ цѣлымъ языкомъ, за то съ обгрызанными краями. Уши его надломлены и края обиты,—по русскому народному преданію:—въ наказаніе за преступленіе: билъ въ набатъ, звукъ давалъ, народъ собиралъ, народъ возмутился и злодѣйство учинилъ—кровь пролилъ въ самосудъ. На колоколѣ надпись: «Сей колоколъ, въ который били въ набатъ при убіеніи благовѣрнаго царевича Дмитрія въ 1593 году, присланъ изъ города Углича въ Сибирь въ селку во градъ Тобольскъ, въ церковь Всемилостиваго Спаса, что на Торгу (теперь на Яру, на берегу Иртыша), а потомъ на Софійской (соборной) колокольнѣ былъ часобитный». На вопросъ нашъ встрѣчныхъ туземцевъ: за что колоколъ сосланъ?—мы получили въ отвѣтъ: «Пожаръ гдѣ-то былъ, такъ гулку онъ не давалъ, за то и сослалъ». Теперь колоколъ возвращенъ въ Угличъ и помѣщенъ въ музей.

ная тюрьма походила на подземную. Борисъ выдерживалъ Филарета Никитича Романова въ Антоніевъ-Сійскомъ монастырѣ въ подцерковной кельѣ въ 2 $\frac{1}{2}$ аршина длины и 1 $\frac{1}{2}$ аршина ширины. Посланный при Екатеринѣ I ревизоръ изъ Петербурга нашелъ, что у Федосовой кельи окно велико. Ревизоръ этотъ велѣлъ окошко закласть кирпичемъ, такъ что новое имѣло $\frac{1}{4}$ аршина въ вышину и $\frac{1}{2}$ аршина въ ширину. Мостъ (т. е. половицы) изъ той кельи былъ выбранъ, узникъ покинуть на сыромъ и холодномъ полу. Платы при немъ оставлено только что на немъ да постель; денегъ ему ничего не дано. Приобщать его заказано разъ въ годъ въ Великій постъ, не въ церкви, а въ темницѣ. Въ темницѣ сидѣлъ онъ „за тремя дверьми и замками и за печатями и у послѣднихъ дверей поставленъ караулъ—одинъ часовой изъ гвардіи, а другой изъ гарнизонныхъ съ ружьемъ“. Показалось, что и тутъ близко люди ходятъ, велѣли поискать такое мѣсто, чтобы не ходили мимо люди и тутъ построить другую тюрьму, гдѣ сдѣлать печи и наслать деревянный полъ, и печь топить съ надворья „и устье печное чтобы близъ караула было“.

Въ этомъ же вѣкѣ, и именно въ началѣ его (въ 1724 году), въ Березовѣ былъ выстроенъ изъ аданія Воскресенскаго монастыря острогъ, специально предназначенный для государственныхъ преступниковъ: въ 1727 году вошелъ въ него А. Д. Меньшиковъ съ семействомъ, а тотчасъ по выходѣ его и слѣдомъ за нимъ (въ 1730 году) князя Долгорукіе, потомъ въ 1743 г. графъ Остерманъ. Послѣ него острогъ былъ заброшенъ и снесенъ на другое мѣсто подъ присутственныя мѣста; мѣсто Березова полюбилась Камчатка. Уже Петръ не придерживался окраинъ Западной Сибири и, радѣя о портахъ приморскихъ, сдѣлавшій изъ Рогервика (Балтійскаго-Порта) и Петербурга каторжныя мѣста посылалъ государственныхъ преступниковъ въ Охотскій портъ.

До Петра тюрьмами для государственныхъ лиходѣевъ служили еще остроги и острожки, одинъ за другимъ, какъ грибы, выросавшіе въ лѣстныхъ мѣстностяхъ дикой и новой Сибири. Въ остроги эти явились государственные преступники въ числѣ первыхъ обновлять тюрьмы и исправлять новоселье. Въ 1666 г. основанъ былъ за Байкаломъ Селенгинскій острогъ и, пока укрѣпляли его дубовымъ частоколомъ, пока внутри ограды успѣли построить церковь и деревянныя избы съ застѣнками—по московскимъ образцамъ—для пытокъ простыхъ ссыльныхъ, успѣли срубить и избу съ „темными каютами“ для великоважныхъ преступниковъ. Въ селенгинской секретной избѣ въ 1678 г. сидѣлъ уже малороссійскій гетманъ Демьянъ Многогрѣшный. Около 1630 года отстроенъ былъ Кузнецкій острогъ и долго подвергался опасностямъ отъ нападений татаръ и киргизъ,

но лишь смирились послѣдніе и стало безопасно, въ Кузнецкій острогъ привезли иркутскаго полковника Матвѣя Гвизтовку, и т. д. Въ началѣ XVII вѣка такихъ остроговъ въ Сибири было уже много: на „великой рѣкѣ Ленѣ“ стоялъ острогъ Якутскій; въ дальнихъ Даурахъ—Нерчинскій и Селенгинскій и даже „на великой рѣкѣ Амурѣ“—Албазинскій, гдѣ пѣлъ первый молебень государственный осмысленный—протопопъ Аввакумъ Петровичъ. Сверхъ того, такія же сирѣя и темныя тюрьмы стояли готовыми и въ монастыряхъ туруханскомъ (Троицкомъ), киренскомъ (Троицкомъ), иркутскомъ (Вознесенскомъ), селенгинскомъ (Троицкомъ, близъ Байкала), нерчинскомъ (Успенскомъ) и даже въ якутскомъ (Спаскомъ). Для женщинъ выстроены были особыя тюрьмы съ желѣзными рѣшетками въ монастыряхъ женскихъ Богородицкихъ (тобольскомъ и енисейскомъ Рождественскихъ, далматовскомъ Успенскомъ и иркутскомъ Знаменскомъ).

Семнадцатый вѣкъ, кончившійся всплывками неудовольствій по поводу присоединенія Малороссіи, расприми съ раскольниками, нашедшими опору въ своевольныхъ стрѣльцахъ, передалъ новому вѣку много нерѣшенныхъ споровъ государственной важности. Восемнадцатый вѣкъ, къ тому же, начинался для Россіи громадною эпохою всего стараго отечественнаго и народнаго, распадавагося подъ ударами тяжелой руки, направляемой и восполняемой иноземцами. Сильно глынувшая волна схватывала отсталыхъ и, изуродовавъ ихъ тѣла, выкидывала на пустынныхъ далекихъ берегахъ Сибири. Въ числѣ отсталыхъ и погибшихъ первыми и на большую часть оказались лица духовнаго званія, но больше монаховъ, чѣмъ людей изъ блага духовенства. Второй напоръ волнъ потопилъ людей, стоявшихъ во главѣ правленія и руководившихъ судьбами обновляемаго государства. Потопилъ ихъ во время споровъ за престолонаслѣдіе и во время борьбы съ иѣмцами. Волна была неразборчива: съ равнымъ хладнокровіемъ хватала она противниковъ новизны, потащала слѣдомъ за ними и заводчиковъ новыхъ порядковъ. За ними, впоследствии, понесла волна и мелкихъ людей, горожанъ и сельчанъ, людей свободскихъ и черносошныхъ, купцовъ и крестьянъ, злоупотребившихъ государевымъ „словомъ и дѣломъ“, т. е. объявившихъ ихъ за собою и не доказавшихъ одного изъ слѣдующихъ къ тому пунктовъ. Восемнадцатый вѣкъ можно назвать исключительно такимъ, когда за государственныя преступления ссылались, преимущественно, люди русскаго происхожденія и ссылались въ такомъ множествѣ, подобное которому можно найти только въ Испаніи и во Франціи. Въ отиѣну отъ текущаго прошедшій вѣкъ въ частностяхъ представляеть еще ту особенность, что наибольшее количество иѣмцевъ сослано въ

Сибирь въ тѣ времена опредѣленной и энергической борьбы съ ними. Въ нынѣшнемъ вѣкѣ явницы въ ссылкѣ—поразительная рѣдкость, и нашъ вѣкъ, по роду государственныхъ преступлений, объявилъ перевѣсъ ссыльныхъ поляковъ надъ всѣми национальностями, входящими въ составъ разноплеменнаго русскаго царства. Семнадцатый вѣкъ былъ безразличенъ.

Слѣдомъ за угличанами и Романовыми—ссыльными Бориса Годунова, въ молодую страну изгнанія и пущихъ страданій стали прибывать тѣ, которыхъ милости царицы избавляли отъ смертной казни. Борисъ прислалъ Богдана Вѣльскаго, предварительно выщипавъ ему по волоску густую длинную бороду. Съ главными заводчиками все-таки продолжали еще рассчитывать въ Россіи. Волотникова съ атаманомъ Нагибомъ Шуйскій утопилъ въ Каргополѣ; лже-Петра повѣсили; Заруцкаго посадили на колъ въ Москвѣ; Марина умерла въ тюрьмѣ, но сына Марины повѣсили; Шаховского, „всей крови заводчика“, заточили на Кубенскомъ озерѣ въ пустынь. Если Дмитрій Самозванецъ и вызвалъ изъ ссылки всѣхъ Романовыхъ, тѣла умершихъ въ Сибири перевезъ въ Москву и съ почестями похоронилъ въ Новоспасскомъ монастырѣ, то онъ же отправилъ въ Сибирь изъ Галича дядо Отреньева, гласно объявлявшаго о настоящемъ происхожденіи царя; дворянина Петра Тургенева и калачника Федора, толковавшихъ народу, что царь—обманщикъ и орудіе сатаны, Дмитрій казнилъ въ Москвѣ на той же площади, гдѣ они все это разсказывали. Казнили и дьяка Осипа Тимоеева, дерзнувшаго уличить царя съ очей на очи.

При царѣ Михайлѣ отправили въ Сибирь изъ Казани воеводу Никанора Шульгина, внушавшаго войску, что не надо признавать новаго царя, такъ какъ онъ избранъ безъ совѣта съ Казанскимъ царствомъ. Сослали Салтыковыхъ за то, что государевой радости (женитьбѣ) причинили помѣху измѣною, когда царь хотѣлъ жениться на Марьѣ Хлоповой и она занемогла, и не смотря на то, что дядя невѣсты Гаврила приписывалъ болѣзнь племянницы неумѣренному употребленію сладкихъ яствъ на радостяхъ. Въ 1634 году послали въ Сибирь остальныхъ отъ казенныхъ смоленскихъ воеводъ, позволившихъ въ городѣ укрѣпиться полякамъ и говорившихъ о смерти Филарета Никитича много непригожихъ воровскихъ словъ, „чего и написать нельзя“: Семена Прозоровскаго и Михайлу Вѣльскаго безъ женъ и дѣтей. Одного сына Измаилова (Василья) простили, другого били кнутомъ и сослали въ сибирскую тюрьму за то, что, будучи подъ Смоленскомъ, воровалъ съ литовскими людьми, сѣзжался и говорилъ многія непригожія слова и литовскихъ людей дарить. За то же самое и туда же пошли Гаврила Вакинъ и Любимъ Анашевъ (послѣдній жилъ во

дворѣ у Шеина въ шиняхъ и подслушивался и ссорилъ воеводу). Въ концѣ царствованія Михайла появленіе двухъ новыхъ претендентовъ, оспаривавшихъ у царя московскій престолъ, вызвало толпу довѣрчивыхъ людей, изъ которыхъ часть поплатилась за свою простоту ссылкой въ Сибирь, хотя и на этотъ разъ съ главными заводчиками успѣли раздѣлаться домашними средствами—казнею и Сибири имъ не судили. При сынѣ Михайла, Алексѣѣ, злое дѣло противъ государя обрекало на смертную казнь уже по прямому смыслу законовъ, собранныхъ въ Уложеніи. Самъ царь принялъ на себя право судебного приговора и въ томъ случаѣ, когда „кто учнетъ извѣщать великое государево дѣло, а свидѣтелей никого не поставитъ и ничѣмъ не уличитъ и сыскивати будетъ нечѣмъ“, и въ томъ случаѣ, когда „кто свѣдаетъ или услышитъ на царское величество въ какихъ людяхъ скопъ и заговоръ или иной какой злой умыселъ“. Обо всѣхъ такихъ велѣно извѣщать государя, или его бояръ или ближнихъ людей, а въ городахъ воеводъ и приказныхъ людей. Разбойнику только, да вору, да татю (которые скажутъ за собою государево дѣло) не вѣрять и пытать за татюбу, а послѣ пытки уже разспрашивать.

При царѣ Алексѣѣ сибирскіе остроги, слѣдомъ за гилевщиками (ходившими къ царю въ Коломенское смугою и толпою съ жалобою на упадокъ мѣдныхъ денегъ), увидѣли новыхъ довѣрчивыхъ людей, повѣрившихъ новымъ самозванцамъ: Стенькѣ Разину на Волгѣ и самозванцу царевичу Симеону Алексѣевичу въ Запорожьѣ. Анкудинова (Тимошку), выдававшего себя за сына Василія Шуйскаго въ Швеціи и не успѣвшаго найти сообщниковъ въ Россіи, четвертовали въ Москвѣ, но товарищей донско-го казака Федки Шелудяка сослали въ Сибирь. Сибирскіе остроги въ это царствование начали мало по малу приобретать значеніе государственныхъ тюремъ и въ концѣ царствованія этого государя обладали большимъ запасомъ политическихъ ссыльныхъ. На послѣднее обстоятельство въ значительной степени повліяло присоединеніе Малороссіи и тѣ замѣшательства, какими сопровождался непривычныя и не опредѣлившіяся отношенія добровольно по соединившагося края по смерти Богдана Хмѣльницкаго. Въ 1671 году малороссійскаго гетмана Демьяна Игнатьевича Многогрѣшнаго за то, что писалъ хульные рѣчи на государя и государство и обѣщаль отдаться турецкому султану и служить ему, привезли въ Москву съ сообщниками: протопопомъ Симеономъ Адамовичемъ, Грибовичемъ и есауломъ Гвинтовкою. Бояре присудили имъ смертную казнь, привезли на Волото за кузницами, положили головы на плаху, но царь прислалъ гонца: пожаловалъ по упрошенію дѣтей своихъ, велѣлъ Демку да

Ваську (брата его), Грибовича и Гвинтовку сослать въ дальніе сибирскіе города на вѣчно житье. На другой день велѣтъ дать имъ въ милостыню: старшему брату 5 рублей, младшему 10, Грибовичу и Гвинтовкѣ по пяти и отдать гетману всю его рухлядь. Вояре приговорили отпустить съ ними ихъ женъ и дѣтей; съ Демьяномъ отправились жена его Настасья, сыновья Петръ и Иванъ, дочь Елена, племянникъ Михайло Зиновьевъ и двѣ работницы. Съ Гвинтовкою жена и двое сыновей (Ефимъ и Теодоръ). Въ Тобольскѣ указано ихъ держать за крѣпкимъ карауломъ скованными, но сибирскія крѣпости не сдержали Василья Грибовича, онъ изъ Сибири бѣжалъ, скронулся отъ ссылки въ Запорожьѣ, но усугубилъ тѣмъ муки неволи для товарищей. Велѣно было разослать ихъ по дальнимъ острогамъ въ пѣшую казачью службу и держать скованными въ тюрьмахъ: Демьяна Многогрѣшнаго съ женою и однимъ сыномъ— въ Якутскѣ (гдѣ онъ потомъ жилъ на свободѣ и оттуда, по просьбѣ, переведенъ въ Селенгинскій острогъ); брата гетмана, черниговскаго полковника—въ Красноярскій острогъ, нѣжинскаго полковника Матвѣя Гвинтовку съ семействомъ—въ Кузнецкій острогъ. Въ томъ же году и по тѣмъ же городамъ разосланы изъ боярскихъ дѣтей пять человекъ съ женами и дѣтьми, каковыя всѣ, послѣ бѣгства Павла Грибовича, въ Туринскѣ разсажены были по тюрьмамъ, а когда изъ нихъ успѣли нѣкоторые также бѣжать, пойманныхъ бѣглецовъ велѣно быть кнутомъ въ Тобольскѣ и отослать въ дальніе сибирскіе города. Въ Якутскѣ, на мѣсто Многогрѣшнаго, присланъ былъ въ ссылку другой малороссійскій гетманъ Иванъ Самуйловичъ Самойловичъ съ сыномъ Яковомъ, гдѣ оба и умерли (одинъ въ 1692, другой въ 1695 г.). Къ нимъ не допускали людей, не давали ни чернилъ, ни бумаги; невѣстка гетмана, урожденная Швейковская, заключена была въ енисейскомъ Рождественскомъ монастырѣ, но по смерти мужа возвращена на родину. Возвращенъ изъ Сибири и знаменитый запорожецъ Стрѣко, страшный Крымю, но показавшійся опаснымъ тѣмъ, что казаки хотѣли его выбрать на мѣсто Многогрѣшнаго. Впослѣдствіи въ Якутскій острогъ, послѣ разныхъ казачьихъ смуть, присланы были: полковникъ Коноховскій, андрусовскій полковникъ Децень, кievскій Семень Третьякъ, иркелевскій Маляшъ, много казачьихъ головъ, сотниковъ, пятидесятниковъ, войсковыхъ писарей и другихъ лицъ. При Петрѣ въ Енисейскій острогъ былъ посаженъ полковникъ Семень Пацѣй, какъ измѣнникъ, обвиненный въ сношеніяхъ съ Карломъ XII и загубленный Мазею *). Въ 1708 году онъ

былъ возвращенъ изъ Сибири, но слѣдомъ занемъ отправленъ былъ въ Якутскій острогъ племянникъ Мазеи Андрей Войнаровскій, расплатившійся этою ссылкой за бѣжавшаго за границу даду.

Такимъ образомъ, передовыми выборными людьми отъ народа и его любимцами протопренъ былъ путь въ Сибирь изъ Малороссіи, начатый при царѣ Алексѣѣ, не заброшенный и при его трехъ преемникахъ до времени самаго меньшаго изъ его сыновей—Петра. Этими ссылками Великая Россія заявила свои владѣльческія права; въ нихъ Малая Россія получила первые уроки подданнической вѣрности и крупными жертвами искреннихъ и устойчивыхъ патріотовъ низведена была до того уровня, гдѣ ея права очутились въ зависимости и подчиненіи правамъ и стремленіямъ централизирующей Москвы. Сибирь, посреди этихъ расчетовъ двухъ главныхъ и основныхъ племенъ своей территоріи, нашла для себя несомнѣнную выгоду въ томъ, что сторожевая казачья служба въ молодой странѣ выиграла пріобрѣтеніемъ людей опытныхъ и способныхъ, встала въ наилучшія условія боевой жизни. Черкасскіе люди, пріуроченные къ сибирской странѣ на вѣчно и принужденные слить интересы личной безопасности съ государственными выгодами страны, не помня зла, пособили кореннымъ сибирскимъ казакамъ отбить набѣги враждебныхъ инородческихъ племенъ. Тотъ же Демьянъ Многогрѣшный, на долю котораго выпала такая многострадальная жизнь и первые удары дальняго заточенія, сумѣлъ отстоять забайкальскія страны отъ набѣговъ самаго воинственнаго изъ сибирскихъ народовъ монгольскаго племени— бурятовъ. Подъ тѣмъ же Селенгинскомъ, гдѣ онъ нашелъ конецъ своимъ мученіямъ, до сихъ поръ сохраняется въ памяти народа гора Убиенная, названная такъ потому, что здѣсь на свиту посла Ө. А. Головина, ѣхавшаго въ 1689 году въ Нерчинскъ для переговоровъ съ китайцами, напали буряты, били его людей, тѣснили войска; самому послу грозили великою опас-

закъ; казачеству нанесенъ былъ сильный ударъ. Въ 1709 году разгромлена была Запорожская сѣчь и нѣкоторые изъ запорожцевъ примкнули къ составу служилыхъ людей сибирскихъ остроговъ. Въ Селенгинскѣ, въ старомъ городѣ, хранится подъ навѣсомъ деревянный крестъ съ выпуклымъ изображеніемъ Спасителя и съ надписью назади тропаря: «Кресту Твоему поклоняемся Владыко» и проч. Внизу креста замѣчается надпись: «строилъ ятманъ (гетманъ) Діатьевъ (1690)», вѣроятно, одинъ изъ множества запорожскихъ казаковъ, поселенныхъ за Байкаломъ. Крестъ вырытъ въ песчаныхъ буграхъ стараго города, гдѣ былъ старинный острогъ и гдѣ теперь вѣтеръ насыпалъ высокіе бугры и заставилъ перенести городъ на новое мѣсто. Народное преданіе называетъ Діатьева анахаремъ, лечившимъ народъ отъ болѣзней; крестъ почитается чудотворнымъ.

*) Въ 1708 г. при Петрѣ ушли въ Сибирь забавленные отъ вѣсѣлицы сообщники Булавина (успѣвшаго застрѣлиться). Пострадали ка-

жостью, но изъ селенгинской крѣпости выпелъ тамошній гарнизонъ подъ начальствомъ Многогрѣшнаго. Умѣлый гетманъ разбилъ бурята на голову; впоследствии отразилъ набѣги монголовъ и табунгутскихъ сойотовъ и, исполняя такія дворянскія службы, успѣлъ сдѣлать то, что съ тѣхъ поръ бурята—мирные сосѣди русскаго города. За службу отца сына Сергѣя, родившагося уже въ Сибири, пожаловали въ сыны боярскіе. 180 человекъ запорожскихъ черкасъ, высланныхъ при царѣ Михаилѣ на Лену за Кыренскъ вмѣстѣ съ чугуевскими, курскими и воронежскими выходцами, положили основаніе Подкаменской волости, состоящей изъ 145 деревень, носящихъ старыя названія, завѣщанныя на память о родинѣ: Чугуевка, Гребенская и проч. Жители поражаютъ всѣхъ наивною простотою, патриархальностью и теперь въ новомъ поколѣніи представляютъ смѣсь русскихъ, тунгусовъ и запорожцевъ. То же явленіе и на сибирской линіи, населенной 138 запорожцами, присланными за участіе въ набѣгахъ Максима Желѣзняка съ Гонтою и Швачкою. Гонту поляки четверовали, Желѣзняка судила Россія: по наказаніи кнутомъ, его сослали въ Сибирь. За ними ушли всѣ тѣ, которые уцѣлѣли отъ ужаснаго польскаго суда въ Кондѣ, рубившаго руки и ноги, вѣшавшаго, четверговавшаго и пускавшаго ползати по міру и впушати тѣмъ народу страхъ и повиновеніе.

На сколько малороссійскому казачьему элементу удавалось оживлять, освѣжать и усиливать старожилое сибирское казачество и, вмѣстѣ съ нимъ, служить всякія службы, на столько (если даже не больше) тому же старожилему населенію сибирскихъ остроговъ послужили новыя высленцы изъ Россіи—московскіе стрѣльцы въ тѣхъ остаткахъ, которые уцѣлѣли отъ многочисленныхъ казней и многообразныхъ расселеній по отдаленнымъ пунктамъ Россіи. При Алексѣѣ началось и при Екатеринѣ II, разрушившей сѣнь, на 138-ми запорожскихъ казакахъ въ 1775 году кончилось вліяніе малороссовъ, высылаемыхъ за государственныя преступленія; при Петрѣ Сибирь начала заручаться стрѣльцами и увидѣла ихъ въ такомъ множествѣ, подобнаго которому ни до того, ни послѣ Сибирь не видала. Петромъ же, положившимъ конецъ крамольному войску, кончена была и стрѣлецкая высылка, ознаменовавшаяся тѣмъ, что не стало безъ ссылки стрѣльцовъ ни одной крѣпости, ни одного острога, даже такихъ неудобныхъ и далекихъ, какъ Удскій, Анадырскій, Колымскій, Охотскій, Братскій, Илимскій, Балаганскій, Тункинскій. Стрѣльцами положено было основаніе первымъ изъ нихъ и на стрѣльцахъ въ прошломъ вѣкѣ завершились крупныя высылки ссыльныхъ огромными толпами за государственныя преступленія.

Первые 30 стрѣльцовъ, замѣшанныхъ въ дѣлѣ

Феодора Шакловитаго, послѣ его казни, явились въ различныхъ сибирскихъ острогахъ на вѣчное житіе „за злодѣйское покушеніе на жизнь малолѣтняго царя Петра“, послѣ того, какъ въ Москвѣ клали ихъ головы на плахи, урѣзывали языки и били кнутомъ. Слѣдомъ за этими (въ 1690 г.) 13. мѣнѣ виновныхъ сообщниковъ съ женами и дѣтьми прибыли въ Сибирь на службу и поступили, въ какую пригодились. Нѣкоторымъ удалось бѣжать изъ Москвы и объ нихъ по разнымъ городамъ посланы были памяти о сыскѣ: трехъ человекъ Стремяннаго полка, двухъ Жукова полка, одного Сухарева, одного Циклерова полка. Всѣ замыслили мать-царицу, святѣйшаго отца Іоакима, бояръ и близкихъ людей побить до смерти. Въ 1697 г. объявлена, вмѣсто казни, политическая смерть и послѣ нещаднаго битья на козлѣ кнутомъ и урѣзанья языковъ—ссылка на вѣчное житіе въ сибирскіе города съ женами и дѣтьми сообщникамъ Ивана Циклера, составившаго второй заговоръ на жизнь Петра вмѣстѣ съ околичничимъ Соковиннымъ и стольникомъ Феодоромъ Пушкинымъ. Главные злоумышленники четвертованы, второстепенные приговорены въ ссылку; между прочимъ, ушелъ туда ни въ чемъ не повинный отецъ казненнаго Матвѣя Степановича Пушкина со всѣмъ семействомъ. Старика лишили въ Москвѣ боярской чести, въ Сибирь—заключили въ тюрьму въ Енисейскѣ, жену и дѣтей его въ тамошнемъ Рождественскомъ женскомъ монастырѣ. По праздникамъ дозволялось имъ свиданіе; впоследствии Пушкина поверстали въ городовую службу.

Въ 1698 году начались въ Москвѣ казни, направленные къ наказанію возмущившихся стрѣлецкихъ полковъ во время пребыванія царя за границею; одновременно съ ними производилась высылка стрѣльцовъ въ отдаленныя сибирскіе остроги, имѣвшая цѣлью въ корень истребить мятежное старорусское войско. До прѣзда царя бояре успѣли сослать главныхъ застрѣльщиковъ: одного въ Дауры, а двухъ въ Западную Сибирь. По розыску Шеина 74 человекъ были въ іюлѣ 1698 г. повѣшаны, 140 чел. наказаны кнутомъ и сосланы въ ссылку, 26 малолѣтковъ оставлены безъ наказанія, 1965 ч. разосланы по русскимъ городамъ съ провожатыми въ тюрьмы. Осенью этого года началась расправа и началось новыя казни въ присутствіи самого царя. 19 сентября изъ 341 приговоренныхъ къ смерти приговоръ исполненъ надъ 201 человекомъ; сто малолѣтковъ (отъ 15 до 20 лѣтъ) наказали кнутомъ, заклеили въ правую щеку и погнали въ сибирскіе города. Съ 3 по 18 октября изъ приговоренныхъ къ смертной казни только 93 несовершеннолѣтнимъ дарована пощада. Трупы казненныхъ 5 мѣсяцевъ валялись не прибранными. Въ началѣ 1699 г. начались новыя казни: изъ 508, оставленныхъ для розыска,

137 колесованы, четвергованы и повѣшены, 285 малолѣтковъ, по наказаніи кнута, сосланы на каторгу, 86 опять оставлены для новыхъ розмысковъ. 9-го февраля 1700 года изъ этого числа отобраны 40 человекъ для казней, 25 частью отправлены на каторгу, частью въ Сибирь (9 оправданы). Въ 1701 г. произошла расправа съ послѣдними: Маслова, за вѣроятное сокрытіе царевнина письма, казнили; Жукова и Михляева сослали въ Сибирь на пашню съ женами и дѣтьми. Въ 1705 году пошла въ Сибирь астраханскіе стрѣльцы вмѣстѣ съ тамошними казаками за бунтъ, поднятый ими за русскую старину противъ государя. Сибирь стрѣльцовъ не смирила, затѣвались попытки соединиться всѣмъ ссыльнымъ въ полки и идти на Москву; ихъ утомляли тѣмъ, что, размельчивъ стрѣлечіи группы, разослали одиночками ихъ въ самыя неудобныя и дальнія мѣста, носившія названія зимовьевъ: Кольмское, Анадырское, Удское. Поселенные здѣсь отъ крайнихъ лишений голодовки сбивались въ шайки и выскивали пропитаніе грабежами каравановъ и обозовъ торговыхъ людей и разбоями по рѣкамъ и дорогамъ. Много урочищъ сохранило память объ этихъ подвигахъ. Грабежи и разбой прекратились съ тѣхъ поръ, когда стрѣльцы переселены были южнее и когда острожную службу смѣнили на пашенную, какъ сдѣлали это съ стрѣльцами Вратскаго и Балаганскаго остроговъ, водворенными на р. Ангарѣ (въ нынѣшней Яндимской волости). При лучшихъ условіяхъ климата и почвы стрѣльцамъ удалось выродиться въ здоровое, рослое и даровитое племя коренныхъ сибиряковъ; при данныхъ, мѣтѣ благоприятныхъ, привелось переродиться въ племя вялое, мелкое, глуловатое и безпечное, по подобію жителей Орленской волости, отличающейся зобами иногда такъ, что одинъ зобъ нарастаетъ на другой (особенно въ деревняхъ Дядиной, Голой и Шамановой). За то въ началѣ теченія Лены и особенно ниже (Витимской волости) народъ боекъ, смѣливъ, богатъ; до сихъ поръ носить московскую шапку, коротенькій армякъ до колѣнъ и, называя его свысока шемелью (шинелью), до сихъ поръ отличается мягкимъ говоромъ, особенно рѣзко выдающимся среди крутого новгородскаго говора—коренного для дѣлой Сибири. Въ дальнихъ Даурахъ стрѣлечіи слѣды замело налетомъ ссыльныхъ, а въ Западной Сибири, пробиваются они такъ рѣдко и слабо, что подобную находку можно полагать за большую диковинку.

Царствование Петра, ослабившаго ссылку въ Сибирь обычныхъ преступниковъ и восполнившіаго этотъ недостатокъ высылкою цѣлыхъ сотенъ государственныхъ преступниковъ въ видѣ стрѣльцовъ, осталось памятнымъ для Сибири, между прочимъ, и тѣмъ, что слѣдомъ за стрѣль-

цами и вмѣстѣ съ ними ссылались за государственныя вины различныя отдѣльныя лица разныхъ служилыхъ сословій. Въ 1701 году, по указу царя и по боярскому приговору, сосланы въ Сибирь единомышленники типографщика Григорія Талицкого, печатавшаго воровскія письма и называвшаго въ нихъ Петра антихристомъ, 7 человекъ и вмѣстѣ съ ними 5 вдовъ, оставшихся послѣ смертной казни мужей ихъ, въ дальніе города, выбитые кнута и запятанные. Въ 1715 г. оказались виновными въ такихъ же дѣлахъ Левинъ, керженецкіе раскольники и многіе другіе. Въ 1718 г., за подобныя же писанія, колесовали на смерть подъячаго Ларіона Докучкина и сослали тѣхъ, которые прислушивались и вѣрили его разговорамъ и подметнымъ письмамъ, вызывавшимъ противъ царя возмущеніе въ народѣ. Этими десятками ссыльныхъ, сдѣлавшихся извѣстными, благодаря усердной разработкѣ матеріаловъ той эпохи, опредѣляются сотни такихъ лицъ, которыя поплатились Сибирью за недовольство нововведеніями и исторія которыхъ обрѣтается еще подъ спудомъ въ архивныхъ грудахъ. Крутая расправа со стрѣльцами въ началѣ Петрова царствования не предотвратила недовольства народнаго и ссылки, вмѣсто прежнихъ массъ располагавшая единицами, въ концѣ Петрова царствования стала карать безразлично людей всѣхъ сословій—отъ монаховъ самыхъ глухихъ и отдаленныхъ монастырей до приверженцевъ заточенной царицы Евдокии и казеннаго царевича Алексѣя *). Въ той же мѣрѣ, въ какой укрѣплялись нововведенія, измѣнявшія старый порядокъ, возросло число недовольныхъ, распространялись къ народѣ подметныя тетрадки, сочиняемыя и старовѣрами и монахами. Самая подозрительность въ концѣ Петрова царствования возросла прогрессивно, свидѣтельствуя о великихъ опасностяхъ, мнимыхъ и дѣйствительныхъ. „Слово и дѣло“ до Петра проявлялось весьма рѣдко и всегда по убѣжденію, изъ ревности къ царю, государству, вѣрѣ. Съ Петра, при усилившемся требованіи на „слово и дѣло“, съ увеличеніемъ важности значенія словъ и дѣлъ, начались злоупотребленія, стали объявлять ихъ за собою изъ личной мести, вражды, съ пьяна и по другимъ личнымъ видамъ. Главнѣйшимъ же образомъ въ народѣ воспиталась страсть къ доносамъ и отъ этой страсти увеличилось количество ссыльныхъ, какъ новое и неожиданное явленіе въ народной жизни. Въ 1713 г. царскій указъ предписывалъ смертную

*) По дѣлу царевича Алексѣя сослано было въ Сибирь много и, между прочими, въ Солнечскъ фельдмаршалъ Вас. Влад. Долгорукій за слишкомъ вольныя осужденія дѣйствій царя; дальше за Камень: псаломщикъ Семень Ивановъ, битый батогами вмѣсто кнута «по малолѣтству»; подъячій Анфимовъ, затѣ царевичева духовника Якова Игнатова съ женою и дѣтьми, и проч.

казнь всѣмъ преступникамъ и повредителямъ государственныхъ интересовъ; въ 1714 году Петръ принужденъ былъ ограничить значеніе „слова и дѣла“, опредѣляя ихъ дѣлами, касающимися государева здоровья и высокомонаршей чести, бунта и мятежи. Сказавшіе или написавшіе государеву „слово и дѣло“, помимо этихъ причинъ, застраивались великимъ наказаніемъ, развореніемъ и ссылкой на каторгу. Въ 1715 году указъ облегчалъ доносчикамъ подходы: они могли идти прямо ко двору государеву, объявлять караульному сержанту, а тотъ уже представлялъ челобитную самому царю; но доносчики продолжали во множествѣ докучать царю, „не давая покою вездѣ, во всѣхъ мѣстахъ“, не смотря на страхъ жестокихъ наказаній. Дѣла о „словѣ и дѣлѣ“ изъ Суднаго приказа переведены были въ Преображенскій приказъ, поручены были вѣденію крутого и немилосерднаго князя-папы Ромодановскаго, рѣшались имъ безъ апелляціи, но страсть къ доносамъ была уже такъ глубока въ народѣ, что оставалось только отчасти сдерживать ее и регулировать въ возможно доступныхъ предѣлахъ. Страхи Преображенскаго приказа никого не смущали; съ тѣхъ же поръ, какъ доносчику въ Пензѣ въ 1722 году дано было 300 руб., позволено торговать безнапашно и велѣно его охранять отъ всякихъ обидъ, доносчики стали появляться въ великомъ множествѣ. Въ томъ же году священниковъ обязали объявлять объ открытыхъ имъ на исповѣдяхъ преднамѣренныхъ злодѣйствахъ, а челобитчиковъ съ государственными великими дѣлами дозволено принимать и во время божественнаго пѣнія и чтенія. Значеніе „слова и дѣла“ стало возрастать съ годами до тѣхъ предѣловъ, въ какихъ оно явилось при Аннѣ Ивановнѣ и Виронѣ, и возросло соответственно выводу различныхъ обстоятельствъ. При Петрѣ, въ 1722 году, „нѣкоторый человекъ, пришедъ въ г. Пензу, кричалъ всенародно многія злыя слова, касающіяся до превисокой чести царя, на которой крикъ сошлось людей немалое число“. Послѣ Петра, при Екатеринѣ, въ 1726 году „явились противники устава о престолонаслѣдіи, избравшіе наслѣдника и мечтавшіе выслать государыню за границу: Антоній Девіеръ, Толстой съ сыномъ, Вутурлинъ, Григорій Скорняковъ-Писаревъ“. Въ сущности же, всѣ пятеро разговаривали о воспрепятствованіи браку молодого императора съ дочерью Меншикова. Послѣдній поторопился судомъ и приговоромъ и докладъ о иныхъ преступникахъ поднесъ къ подписи въ самый день кончины императрицы Екатерины. Докладъ говоритъ, что эти лица осмѣлились по своему желанію опредѣлить наслѣдника престола и замыслили противиться преднамѣренію по волѣ ея величества супружеству великаго князя. Обвиненныхъ услали въ Сибирь: зятя Меншикова Девіера, со Скорня-

ковымъ — въ Охотскъ (Елизавета ихъ возвратила), Девіера, освобожденнаго отъ смертной казни, Писарева высѣченнаго кнутомъ (Толстой заточенъ въ Соловкахъ съ сыномъ, велѣно ихъ пускать только въ церковь и довольствоваться братскою пищею), Вутурлина послали въ дальнюю деревню, Долгорукаго написали въ полевые полки и проч. Въ 1728 г. (17 іюня) велѣли сибирскому губернатору возвратитъ араба Авраама—крестника Петра. Тогда же и тѣмъ же Меншиковымъ отправленъ былъ въ Сибирь бывший оберъ-церемоніймейстеръ графъ де-Санти, „явившійся въ тайномъ дѣлѣ весьма подозрительнымъ“. Въ слѣдующемъ году, за пять мѣсяцевъ до смерти государыни, „объявились въ разныхъ городахъ, уѣздахъ, селахъ и деревняхъ многіе злодѣи въ непристойныхъ и противныхъ словахъ противъ персонъ покойнаго царя и владѣющей императрицы“. Въ 1728 г., при Петрѣ Второмъ, за непристойныя слова послали въ Сибирь морского капитанъ-поручика Казанцева, гренадера Алексѣева, солдата Кротскаго, прядильщика Лобанова и матроса Чапнскаго. Въ то же время боярская партія Долгорукихъ низвергла временщика князя Меншикова и вмѣстѣ съ дочерью, невѣстою молодого императора, сослала въ Березовъ. При Аннѣ, въ свою очередь, пострадала партія верховниковъ, особенно князья Долгорукіе, когда Виронъ сталъ временщикомъ и свирѣпо сокрушалъ противниковъ. Въ 1731 году Анна услала въ ссылку Долгорукихъ, Варятинскаго, Столтова за то, что „не только полезныя государству учрежденія непристойно толковали, но и персону поносительными словами оскорбляли“. Слѣдомъ за ними и вскорѣ (въ томъ же 1731 году) схватили Алексѣя Алексѣевича Шубина, сержанта Семеновскаго полка, первое лицо при дворѣ цесаревны Елизаветы, за то, что онъ, любя царевну, хотѣлъ тайно освободитъ Долгорукихъ и, съ помощью ихъ, возвести на престолъ Елизавету. Его пытали, заключили въ каменный мѣшокъ, потомъ наказали кнутомъ, вырѣзали языкъ и сослали въ Камчатку, гдѣ принудили жениться на камчадалкѣ. Въ слѣдующемъ году (1732) привезенъ былъ въ Якутскъ бывший любимецъ Петра I, президентъ камеръ-коллегии ст. сов. Фикъ, названный въ бумагахъ велико важнымъ преступникомъ, замѣшаннымъ по дѣлу о призваніи на престолъ курляндской герцогини Анны Ивановны. Въ 1735 г. привезли смоленскаго губернатора князя Алек. Анд. Черкаскаго за зѣло тяжкіе и навѣявшіе измѣнительскіе и возмутительные противъ государыни умыслы въ Джигайское зимовье. Съ нимъ вмѣстѣ посланы были управитель Алек. Пребышевскій, поручикъ Ив. Аршеневскій и шляхтичъ (шуринъ Чечерскаго) Семенъ Юрсагъ съ женою (въ Гижигу). Десятилѣтнее царствованіе Анны Ивановны, такимъ образомъ, является (по

отношениямъ къ исторіи русской ссылки за государственныя вѣны) однимъ изъ обильныхъ количествомъ жертвъ. Оно соперничаетъ со временемъ Петра и не уступаетъ своего значенія ни одному изъ послѣдующихъ царствованій всего XVIII столѣтія. Не только Виронъ, но и Теофанъ Прокоповичъ, содѣйствовавшій нваложению и гибели верховниковъ, присоединилъ свое дѣятельное участіе къ населенію Сибири государственными преступниками. Личныхъ враговъ своихъ онъ, по увлеченію духомъ времени, умѣлъ обвинять въ государственныхъ дѣлахъ и всѣми правдами и неправдами, въ силу своего громаднаго вліянія на церковныя дѣла, успѣвалъ завинять до ссылки въ отдаленныя сибирскіе монастыри духовныхъ лицъ, а друзей и приверженцевъ ихъ до ссылки въ самыя далекія каторжныя мѣста. Архіерея Георгія Дашкова, заподозрѣннаго въ косвенномъ участіи въ устраниеніи Анны отъ престола (затѣянномъ Родышевскимъ), Теофанъ сослалъ въ Нерчинскій монастырь и не велѣлъ слушать никакихъ отъ него объявленій, хотя бы о государевомъ „словѣ и дѣлѣ“. Слѣдомъ за ними отправилъ Теофанъ распопа Родіона въ Охотскій монастырь на вѣчныя и неисходныя труды, братьевъ Никитиныхъ съ женами и дѣтьми туда же на житье вѣчно за карауломъ; Яковлева съ тѣми же правами въ Охотскій портъ; печерскаго старца Исаію, распопа Васильева, Морозова—туда же, Горбунова на серебряные заводы; всѣхъ за какія-то недоказанныя и неопредѣленные подметныя письма, нѣкоторыхъ за дѣйствительныя пасквили на государыню и Теофана. Между прочими подвернулся заѣзжій грекъ Серафимъ Аріонъ — шпіонъ, продававшій себя всякому правительству и явившійся въ Россію для спекуляцій на имя угнетенныхъ турками грековъ; его сослали въ Охотскій острогъ. Вся дѣятельность Теофана, такимъ образомъ, при Аннѣ была поглощена тайною канцеляріею. Ему оставалось выбирать одно изъ двухъ: или погибнуть самому или обороняться тѣмъ же оружіемъ, съ которымъ стояли на готовѣ его противники. Онъ выбралъ послѣднее и, на этомъ основаніи, неустанно запугивалъ государыню бунтами и революціями, указывалъ на своихъ враговъ и держалъ въ страхѣ и подъ своею властью всѣхъ министровъ. Волтинъ такъ рисуетъ бироновское время: „Въ городахъ брацаніе кандаловъ, жалобныя гласы колодниковъ, просящихъ милостыню отъ проходящихъ воздухъ наполняли. Изъ порубежныхъ провинцій многія тысячи крестьянъ, не менѣе 250 тысячъ, бѣжавъ съ женами и дѣтьми, поселились въ Польшѣ, Молдавіи и Валахіи, и даже за Дунаемъ въ Бугаріи“. Тобольскій лѣтописецъ увѣряетъ, что въ теченіи 10 лѣтъ по 9 ноября 1740 г. сослано въ Сибирь дворянъ и чиновниковъ 20 тысячъ. Въ это страшное время для несчаст-

наго народа, пожертвовавшаго сотнями сосланныхъ въ Сибирь — кабинетъ-министръ Артемій Волынской, дерзнувшій возстать на вреннщика, заплатился за свою попытку головою, дочь и сынъ его были сосланы въ Сибирь; туда же посланы сенаторъ Мусинъ-Пушкинъ съ вырѣзаннымъ языкомъ, кабинетъ-секретарь Эйлеръ и Соичиновъ, наказанные кнутомъ, и секретарь Волынскаго, Зуда (въ Камчатку,) битый плетью за переводъ историческихъ книгъ для Волынскаго. Когда фельдмаршалъ Минихъ, по смерти Анны Ивановны, провозгласилъ принцессу брауншвейгскую Анну Леопольдовну правительницею, Эрнстъ Виронъ былъ арестованъ вмѣстѣ съ братьями, Густавомъ и Карломъ, и генераломъ Висмаркомъ и всѣ сосланы въ Пелымъ съ женами и дѣтьми. За приверженность къ Елизаветѣ, Анна Леопольдовна успѣла еще сослать въ Камчатку Петра Калачева, капитана Азовскаго полка. Когда, въ свою очередь, провозглашена была императрицею дочь Петра Елизавета, Минихъ, Остерманъ, Головкинъ, Менделѣвъ и Тимирязевъ, устранившіе отъ престола Елизавету, были сосланы въ Сибирь. Въ 1742 году прапорщика Преображенскаго полка, Иванкина, Елизавета сослала въ Камчатку, въ Большерѣцкій острогъ, товарищей его, сержанта Сновидова и камеръ-лакея, бывшаго камердинера правительницы, Ал. Дж. Гурчанинова — перваго въ Нижнекамчатскъ, втораго въ Охотскъ; всѣхъ троицъ за дерзкія рѣчи противъ Елизаветы, выговоренныя въ трактирѣ. Всѣхъ троицъ наказали кнутомъ, всѣмъ вырвали ноздри, а камеръ-лакею, сверхъ того, за провансенныя имъ великоважныя, непристойныя слова, отрѣзали языкъ. Иванкинъ повинился въ томъ, что намѣревался ночью умертвить императрицу Елизавету, по восшествіи ея на престолъ, а съ нею вмѣстѣ и великаго князя Петра Федоровича, а лейбъ-компанію заарестовать. Гурчаниновъ сознался, что, слыша о томъ, не донесъ, а самъ совѣтовался какъ бы принца Іоанна сдѣлать императоромъ, а принцессу Анну правительницею и склонялъ къ тому двухъ гвардіи унтеръ-фицеровъ, говоря, что сдѣлали-де Елизавету государынею лейбъ-компанцы за винную чарку, да и Екатерины I быть государынею не надлежало, а сдѣлать ее тѣмъ генералъ Ушаковъ, котораго министры устранились. Сновидовъ оказался участникомъ обонъ. Въ 1743 году, за злые умыслы на особу императрицы, туда же отправлены были: Степанъ Лопухинъ съ женою и сыномъ, графиня Анна Гавриловна Бестужева, Ив. Мошковъ, кн. Ив. Путятинъ, Александръ Зыбинъ, Софія Лиліенфельдъ—желавшіе избрать императоромъ принца Ивана Автоновича. За ними приговоретъ быть къ лишенію чиновъ и ссылкѣ въ деревню канцлеръ Бестужевъ „за оскорбленіе величества“. Въ 1749 году поручикъ Бутырскаго полка

Иосафатъ Батурия, посланъ былъ въ Камчатку за то, что предложилъ свои услуги великому князю Петру Теодоровичу возвести его на престолъ при жизни тетки.

Екатерина II, въ самый годъ вступленія своего на престолъ, сослала въ Сибирь оскорбителей величества, совершившихъ умыселъ къ общему возмущенію: Петра Хруцова и трехъ Гурьевыхъ; затѣмъ сообщниковъ различныхъ самозванцевъ, начиная съ казака Пугачова (18 человекъ *), казака Ханнина, крестьянина Юва Мосягина до солдата Кремнева (2 чел.), казака Богомолова (9 чел.) и солдата Чернышева, изъ которыхъ три послѣднихъ сами, вмѣстѣ съ сообщниками, отправились въ вѣчную работу въ Нерчинскъ (Пугачевъ четвертованъ, Мосягина указано повѣсить, если онъ производилъ убійства, или, наказавъ кнутомъ, содержать въ заточеніи, если онъ убійства не совершилъ). Казакъ Богомоловъ, наказанный кнутомъ, умеръ на дорогѣ въ Сибирь. Во время путешествія Екатерины по Россіи, разыгралось въ Шлиссельбургѣ извѣстное дѣло Мировича, желавшаго воспользоваться удобнымъ временемъ, чтобы возвести на престолъ Ивана Антоновича, сидѣвшаго въ крѣпости. Мировичъ кончилъ жизнь на эшафотѣ; ему отѣкли голову и, „оставя тѣло его народу на позорище до вечера, сожгли оно потому купно съ эшафотомъ“. Сообщниковъ его сослали въ Сибирь въ вѣчныя

*) Двоихъ пугачевскихъ друзей четвертовали, одному отѣкли голову, восьмерымъ вырвали ноздри и сослали на каторгу, десятыхъ, послѣ кнута, на поселеніе. Но и послѣ того ссылка не прекращалась; по свидѣтельству одного указа, «подозрительные люди продолжали обнаруживать тѣ же наклонности». Въ нерчинскихъ рудникахъ остался въ памяти преданіе о пугачевскомъ приверженцѣ уральскомъ Марушкѣ. Онъ жилъ еще въ 40-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, въ Бузумѣ имѣлъ собственный домикъ, жилъ холостымъ, давалъ подѣ заклады деньги и въ дѣловой остротности слытъ за богатого человѣка. Марушка, не смотря на почти столѣтній возрастъ, отличался необыкновенною физическою силою. Когда слухъ о богатствахъ привлекъ въ его домъ разбойника и онъ, спустившійся съ чердака по дѣстницѣ, упалъ, оглушенный ударомъ кося въ голову, то злодѣю не удалось его задушить. Подъ тяжелымъ кулакомъ убійцы Марушка успѣлъ очнуться и, почувявъ свою силу, сбиль съ себя разбойника, повалилъ на землю, связалъ и представилъ въ полицію. Богатый скрага Марушка сохранилъ и ревность къ старой вѣрѣ и вѣру въ старыя убѣжденія, послужившія причиною несчастій. Онъ любилъ разсказывать о бунтѣ Пугачова, о которомъ такъ толковалъ: «Не пытали мы, кто былъ Пугачовъ, и знать того не хотѣли. Бунтовали же потому, что хотѣли побѣдить, а тогда заняли бы мѣсто тѣхъ, которые насъ утѣсняли. Мы были бы господами, а вѣра свободною. Проиграли мы, что жъ дѣлать? Ихъ счастье, наше несчастье. Выиграй мы, имѣли бы своего царя, произошли бы всякіе ранги, заняли всякія должности. Господа теперь были бы въ такомъ же угнетеніи, въ какомъ и насъ держали».

солдаты (около 50-ти человекъ) и на вѣчныя работы (3 солдата и три капрала, прогнанные сквозь строй черезъ тысячу человекъ десять разъ а одинъ болѣе виновный двѣнадцать). Екатерина же сослала въ Сибирь, въ Илимскій острогъ, на десятилѣтнее безысходное пребываніе, по лишеніи орденовъ и дворянства, Александра Радицева, за книгу „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“ (въ 1790 г.). А. Н. Радицевъ, прожившій въ Тобольскѣ 7 мѣсяцевъ въ ожиданіи семейства (свояченицы съ тремя дѣтьми), принятый во всѣхъ лучшихъ домахъ города и обласканный губернаторомъ Алябевымъ, въ Илимскомъ острогѣ помѣщенъ былъ въ обширномъ воеводскомъ домѣ, со службами и садомъ. Когда домъ оказался холоднымъ, но былъ исправленъ плотниками, прибывшими изъ Иркутска, то онъ на полномъ просторѣ имѣлъ возможность заняться науками, обученіемъ дѣтей и гончарнымъ ремесломъ и началъ опыты оспопрививанія. Опытъ Радицева, если вѣрить сибирскому преданію, былъ не только первымъ въ Сибири и Россіи, но нѣсколькими годами предупредилъ даже изобрѣтеніе знаменитаго Дженнера, начавшаго привитіе оспы въ 1799 году (Радицевъ возвращенъ изъ Сибири императоромъ Павломъ и въ 1797 г. былъ уже въ Россіи; извѣстно также, что Дженнеръ началъ свои изслѣдованія надъ оспою еще въ 1776 году) Въ Сибири къ Радицеву пріѣзжали сибиряки для леченія изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ. Въ свободные часы: отъ занятій со своими и чужими дѣтьми, А. Н. Радицевъ успѣлъ написать въ Сибири: „Разсужденія о человекѣ и смертности его и о безсмертіи души“, „Письмо о китайскомъ торгѣ“, началъ „Исторію покоренія Сибири“ и историческую повѣсть „Ермакъ“. Сочиненія эти, написанныя въ Сибири и конченныя по возвращеніи въ Россію, въ деревнѣ, изданы Векетовымъ въ Москвѣ въ 1807—1811 г. Въ Сибири онъ женился на свояченицѣ своей. Въ 1794 г. ушелъ въ вѣчную каторжную работу черноморскій капитанъ-лейтенантъ Монтагю за государственную измѣну („за шпіонство“).

Екатерина Вторая, въ указѣ 19-го октября 1762 г., успѣвшия высказаться такъ: „Ненавидное выраженіе, а именно „слово и дѣло“, не должно служить значить отнынѣ ничего и мы запрещаемъ употреблять оно кому нибудь. А если кто употребитъ отнынѣ въ шпанствѣ или избѣгая побоевъ и наказанія, таковыхъ тотъ часъ наказывать такъ, какъ отъ полиціи наказываются озорники и безчинники“.

Если до сихъ поръ „слово и дѣло“ въ Россіи представлялось желаннымъ для охотниковъ къ доносамъ, то „слово и дѣло“ на мѣстахъ ссылки въ Сибири явилось соблазномъ для каторжныхъ въ томъ отношеніи, что выговоренныя гдѣ бы

то ни было освобождали на время от тяжести каторжных работ. Объявившаго за собою государево слово немедленно отдавали сержанту и приказывали вести пѣшкомъ въ Иркутскъ, изъ другихъ каторжныхъ мѣстъ—въ ближайшіе большіе города, держать крѣпко и только въ случаѣ невозможности сажать на подводу. Тамъ допрашивали доносчика, потомъ оговоренныхъ имъ; въ случаѣ разногласія, давали очную ставку, затѣмъ пытали доносчика, если объявляемый не сознавался, пытали обвиняемыхъ, если доносчикъ продолжалъ обвиненіе. Обыкновенно каторжные сознавались въ томъ, что клепали напрасно, или со зла или съ пьяна; наичаще признавались въ томъ, что поступали такъ, отбывая наказанія прочимъ штрафомъ, желая получить награду и, во всякомъ случаѣ, воспользоваться предварительнымъ отдыхомъ и возможною утечкою съ дороги. „Слово и дѣло“ государевы ссыльные сумѣли превратить въ особаго рода спекуляцію. Спекулировали этимъ съ тѣхъ поръ, когда заводились на Руси первыя и настоящія каторги. Такъ, въ указѣ Петра слышатся жалобы на то, что, при основаніи Петербурга, каторжные этого города то и дѣло сказываютъ за собою „слово и дѣло“ и объявляютъ до тайной канцеляріи нужду. Тѣ же жалобы на то же самое, на неуспѣхъ въ работахъ, на воровство и побѣги осужденныхъ слышатся на петербургскую каторгу и гораздо позднѣе, при Елизаветѣ (какъ видно по указу ея 1756 года 12 апрѣля *). По сенатскому указу 20-го сентября 1723 г. видно, что въ Тобольскѣ каторжные непрестанно кричатъ на командировъ государево слово, „коихъ командировъ и выслано въ Москву скованныхъ немало“. По архивнымъ дѣламъ Западной Сибири видно, что въ „слово и дѣло“ входили и такія заявленія, которыя прямо свидѣтельствовали о не-

*) Указъ этотъ, составляющій характерную черту изъ исторіи Петербурга, какъ каторжнаго мѣста, говорить между прочимъ: «Будучи на работахъ, за слабостью караульныхъ солдатъ, ссыльные у прохожихъ и проѣзжающихъ просятъ милостыню, чѣмъ немалое безславіе адѣйшему резидирующему городу наносятъ, ибо между тѣмъ нерѣдко случается, что и чужестранныя persons мимо ихъ проѣзжаютъ. Имѣя же при семъ на работахъ ломы и желѣзныя пѣшны и другіе вредныя инструменты, они даже разбойничаютъ на улицахъ: въ 1751 году у одного каторжнаго Никиты Алексѣева найдено въ мѣшкѣ ядро чугунное, которымъ онъ билъ за Синимъ мостомъ въ переулкѣ по головамъ трехъ купцовъ, съ двухъ сорвалъ шапки, у третьяго отнялъ шапку и рукавицы, хотѣлъ также убить майора Тютчева, смотрѣвшаго за работами. Въ 1752 г. тотъ же Алексѣевъ, у Адмиралтейской крѣпости, близъ Невскаго проспекта, вынулъ изъ палисадника баласину и другую отъ Зимняго двора, иноземку ударилъ въ лобъ и содралъ съ нея атласную голубую юбку съ серебряною сѣткою». Съ этого года каторжныхъ стали отправлять въ Рогервикъ, а полиція стала производить свои работы вольнонасынными людьми.

винныхъ цѣляхъ отдыха и ничего другого не искали. Ссыльная дѣвка Петрова объявляетъ „слово и дѣло“ на крестьянку Иванову, а на допросѣ въ Усть-Каменогорскѣ оказывается, что Иванова, укоряя Петрову за промыселъ развратомъ, сказала ей: „У васъ де, у ссыльныхъ, деньги дешевы — вы-де монетами и г.... подтираете“. Послѣ очныхъ ставокъ Петрова объявила, что по злобѣ на Иванову хотѣла обвинить ее въ оскорбленіи монеты и герба. Въ 1731 году Нотебургскаго полка солдатъ Пермаковъ выкричалъ такое слово и дѣло: „Въ бытность мою за акіаномъ-моремъ нашелъ я мѣста рожденія крупнаго жемчуга и три мѣста тумпасныя“. Въ Якутскомъ монастырѣ старецъ Никонъ говоритъ за собою такое величкое государей и святительское дѣло: „Поставлена церковь безъ святительскаго благословенія и въ ней убился человекъ; промышленный человекъ привезъ съ моря руду серебряную и тое руду плавилъ и изъ той руды родилось серебро“. На судѣ оказалось, что руда, взятая въ Индигиркѣ рѣкѣ, у бору, на камнѣ, не серебряная. Старца Никона побили шелепами, „чтобы впредь не повадно было инымъ такімъ затѣйнымъ слова говорить и никакихъ величкихъ государей дѣлъ не заводитъ“ и проч. Нѣкоторымъ „слово и дѣло“ помогло: помогло проходивцу Козыревскому, котораго взбунтовавшіеся въ 1711 году камчатскіе казаки выбрали атаманомъ и подъ его руководствомъ натворили много бѣдъ. Лихой удалецъ этотъ выстроилъ на грабежныя деньги судно, провѣдалъ Курильскіе острова, награбилъ новую добычу, но и ясакъ не спасъ: онъ сѣлъ въ тюрьму, а ясакъ соблазнилъ самого воеводу. Въ 1717 году онъ съ горя сдѣлался монахомъ, а для этого самъ и монастырь основалъ въ Камчаткѣ (Успенскій). Пожилъ не долго, монастырь ограбилъ и съ вкладами ушелъ въ Якутскъ, гдѣ подрадилъ выстроить желѣзодѣлательный заводъ. Завода не построилъ и въ 1724 году опять сѣлъ въ тюрьму. Изъ тюрьмы ушелъ, попалъ въ закадычные друзья къ якутскому воеводѣ; опять нашалилъ и опять сѣлъ въ тюрьму, пойманный съ фальшивымъ паспортомъ на пути въ Тобольскъ. Но Козыревскій сказалъ государево слово на якутскаго архимандрита и дѣло объ островахъ, будто бы открытыхъ имъ противъ устьевъ Лены. Острова въ поискахъ, никакихъ не нашли. Однако, Козыревскій, вмѣсто вѣстницы, очутился въ Москвѣ и тамъ началъ новый рядъ разнообразныхъ приключеній. Въ нерчинскихъ заводахъ тянулся нескончаемый рядъ секретныхъ дѣлъ о „словѣ и дѣлѣ“ Анны Ивановой и въ нихъ указанія на такія измышленія каторжныхъ: „непріятель идетъ на Россію: у китайцевъ войска собираются; мунгалы ружья приготавливаютъ“ (оказалось, что монголы дѣлали облаву на лосей).

Вчинались въ Нерчинскѣ дѣла и такого рода: сгорича и съ сердцовъ бранять ссыльные каторжную работу. Напримѣръ, одинъ за былъ въ рудникѣ лопату, товарищъ сталъ помогать ее отыскивать, а приставникъ замѣтилъ: „Ты исправь прежде государеву работу, а потомъ ищи мужичью лопату“. У оговореннаго сорвалась съ языка брань—и начались допросы, пытки, судъ и осужденіе. На фабрикѣ Дучарскаго завода канатный подмастерье Лонаковъ рассказываетъ прочимъ ссыльно-каторжнымъ слѣдующее (24-го ноября 1805 г.): „Поднимается на нашего государя иноземецъ, у того иноземца силы до 600 тысячъ, а у нашего императора до 250-ти тысячъ“. Тѣмъ дѣло и кончилось. Кандальники были посажены за рѣшетки въ тюрьму, но вечеромъ продолжали толковать о выслушанномъ. Одинъ изъ нихъ (ссыльный въ оковахъ), Иванъ Коурый, говорилъ: „Дай Богъ, чтобъ иноземецъ своею силою завоевалъ наше государство для того, что черныя людямъ никакой милости не предвидится“. — „Что ты, дуракъ, рачишь (sic), чтобъ бусурманъ завоевалъ нашу землю, и не дай Богъ!“ замѣтилъ на это ссыльный Аванасій Анцыферовъ. Но Коурый отъ ругательныхъ рѣчей не отсталъ. Двое служителей „показали во всемъ сходственно“; показанія, сверхъ того, утвердили одинъ ссыльный и одинъ канатный подмастерье, но Коурый заперся какъ въ личномъ своемъ одиночномъ показаніи, такъ и на очной ставкѣ. На третьемъ спросѣ обозвалъ онъ Анцыферова воромъ за то, что утаивалъ подаваемую въ тюрьму милостыню, „за что-де и имѣлъ Коурый съ нимъ ругательства“. Начальникъ нерчинскихъ заводовъ, Эдлерсъ, велѣлъ, во время производства слѣдствія, держать Коураго въ особенномъ мѣстѣ въ оковахъ и подъ строгимъ карауломъ, безъ употребленія въ работы. 7-го іюля 1807 года сибирскій губернаторъ Пестель далъ знать, что министръ юстиціи (кн. П. В. Лопухинъ) сообщилъ ему, что на докладъ его, по донесенію правительствующаго сената, его императорское величество повелѣтъ соизволить: Коураго освободить отъ законнаго наказанія, подтвердя ему, чтобы впредь постарался исправиться, въ противномъ же случаѣ не избѣгнетъ онъ строгаго наказанія по законамъ.

Взгляды на дѣла о „словѣхъ и дѣлѣхъ“ въ нынѣшнемъ вѣкѣ измѣнились. Въ 1817 г. крестьянинъ Тверской губерніи Ермолаевъ, за непристойныя рѣчи про государя, приговоренъ былъ палатою къ наказанію кнутомъ 40 ударами, рѣшено было вырвать ему ноздри, поставить повелѣнные знаки и сослать на каторгу. Тверской губернаторъ Всеволожскій, извиняя крестьянина пьянствомъ, присудилъ побить виновнаго на міру батогами и оставить въ деревнѣ подъ крѣпкимъ надзоромъ. Сенатъ сдѣлалъ губерна-

тору выговоръ, но утвердилъ рѣшеніе палаты, исключая только вырванія ноздрей, такъ какъ указомъ 25-го декабря 1817 г. такое наказаніе было отиѣвлено. Государь въ 1819 году соизволилъ положить слѣдующую резолюцію: „Быть по сему. А крестьянина Ермолаева, объявивъ ему приговоръ, простить“. 9-го апрѣля 1818 г. ссыльный Семенъ Артамоновъ, бывшій въ работѣ при Уровскомъ казенномъ зимовьѣ у разбивки конопли, приидя въ зимовье, бросилъ топоръ, рукавицы и шапку и изругался. Будучи спрошенъ, кого ругаетъ, отвѣчалъ: „Тѣхъ, кто безвинныхъ ссылаетъ“. Государь рѣшилъ: оставить Артамонова въ нынѣшнемъ положеніи, но безъ наказанія. Вообще, должно сказать, что уже при восшествіи на престолъ Александра I замѣтно сильное движеніе въ дѣлахъ нерчинскихъ заводовъ: многіе были возвращены, о многихъ наводились справки къ возвращенію, выдавались подорожныя и паспорта.

Въ царствованіе Александра I за государственныя преступленія сосланы были (въ 1819 г.) грузинскіе дворяне, избобличенные въ измѣнѣ, и разиѣщены на поселеніи, большею частью, въ окрестностяхъ г. Селенгинска. Въ 1820 г., въ октябрѣ, солдаты лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка забыли долгъ присяги и дерзнули самовольно собраться въ позднее вечернее время для принесенія жалобъ на своего командира (полковника Шварца), а когда за это буйство роты отведена была подъ стражу, то и прочія роты вышли изъ повиновенія. Восемь рядовыхъ, какъ зачинщиковъ всѣхъ безпорядковъ, въ прирѣвъ другимъ, указано было прогнать шпидрутенами сквозь батальонъ по шести разъ, съ отсылкою въ рудники. 3-ью роту назначили въ полки кавказскаго корпуса; 172 человека въ оренбургскій корпусъ, 164 человека 1-ой фузелерной роты и 52 человека 2-ой, виновныхъ въ явномъ возмущеніи противъ начальства и въ продолженіи неповиновенія до отвода ихъ въ крѣпость, — указано распределить безъ наказанія въ полки и батальоны сибирскаго корпуса. Въ спискахъ нерчинскихъ заводовъ за государственное преступленіе въ 1807 году числился всего одинъ: коллежскій ассесоръ Степановъ, бывшій экспедиторъ военно-походной канцеляріи. „Онъ выдалъ еврею Мейровичу нѣкоторые важнаго содержанія документы для списанія съ нихъ копій. Онъ подлежалъ смертной казни, но „какъ въ жалованной дворянству грамотѣ сказано: тѣлесное наказаніе да не подлежитъ до благороднаго, то лишеть чиновъ и дворянства и сослать въ Нерчинскъ въ каторжную работу“ *).

*) Государственная измѣна при Павлѣ (1799 г.) служившаго при Тосканскомъ дворѣ колл. асс. Дрозда-Воначевскаго, предавшагося французамъ и служившаго имъ, наказана была тѣмъ, что имя и дѣянія измѣнника прибиты были къ висѣлицѣ. При Павлѣ же заподозрѣнъ былъ въ

Печальное происшествіе 14 декабря 1825 г., омрачившее день обнародованія манифеста о востовствіи на престолъ императора Николая Павловича, вызвало слѣдственную комиссію. Слишкомъ пять мѣсяцевъ комиссія ежедневно занималась ввѣренными ей дѣломъ, повѣряла каждое обстоятельство, каждое показаніе, каждое происшествіе. Оказавшіеся виновными въ тяжкихъ государственныхъ преступленіяхъ, „въ замысляхъ долголѣтнихъ, обдуманыхъ и упорныхъ, постоянно непреклонно къ одной пагубной ихъ цѣли устремленныхъ“ — преданы были верховному уголовному суду, составленному изъ государственнаго совѣта, правительствующаго сената и святѣйшаго синода съ присоединеніемъ нѣсколькихъ особъ изъ высшихъ воинскихъ и гражданскихъ чиновниковъ. 13-го іюля 1826 г. объявленъ былъ именной указъ о государственныхъ преступникахъ, осужденныхъ къ различнымъ казнямъ и наказаніямъ „за умыселъ на потрясеніе имперіи, на ниспроверженіе коренныхъ отечественныхъ законовъ, на превращеніе всего государственнаго порядка“. 15-го іюля изданъ манифестъ о совершеніи приговора надъ государственными преступниками. 9-го августа объявленъ сенатскій указъ объ офицерахъ Черняговскаго полка, сужденныхъ въ Кіевѣ за участие въ мятежѣ; слишкомъ сто человѣкъ отправлено было въ Сибирь на каторгу и на поселеніе.

Этими ссыльными завершается для насъ рядъ государственныхъ преступниковъ, отдавшихъ свою судьбу сибирской странѣ и, въ свою очередь, поставленныхъ въ обязательство удѣлять ей свою долю вліянія. Въ семнадцатомъ вѣкѣ вліянію этому противодействовалъ самый способъ ссылки, предполагавшій темную кюту, ограниченныя дачи провіанта, строгій надзоръ, хлопотливо стремившійся къ тому, чтобы ссыльные не имѣли никакого сношенія съ посторонними. Для этихъ ссыльныхъ Сибирь предлагала тѣ же тюрьмы, по подобію монастырскихъ и городскихъ русскихъ тюремъ, и оставалась внѣ

измѣнѣ плодovitый драматургъ Августъ Коцебу. Арестованный на границѣ, на возвратномъ пути изъ Вѣны въ Петербургъ, онъ сосланъ въ Курганъ. Откуда его вскорѣ возвратили въ Петербургъ, гдѣ Коцебу нѣсколько времени управлялъ нѣмецкимъ театромъ. Прощень онъ былъ, какъ извѣстно, за драму «Der Leibkutscher Peters des Grossen», которую Павелъ I получалъ въ русскомъ переводѣ. Пребываніе свое въ ссылкѣ Коцебу описалъ въ 2 томахъ (1801 г.) подъ заглавіемъ: «Das merkwürdigste Jahr meines Lebens».

всякаго вліянія пришлыхъ людей до тѣхъ поръ, пока царская милость не отворила тюремъ, не снимала желѣзъ. Демьянъ Многогрѣшный, при такихъ льготахъ, показалъ наилучшій примѣръ незлобивыхъ отношеній къ странѣ собственнымъ несчастіемъ и является едва ли не единственнымъ лицомъ, которому удалось принести свою долю участія тамъ, гдѣ этого требовали. Да и какую пользу могли приносить странѣ изгнанія тѣ люди, которые побывали на правожѣ подъ кнутомъ, повисѣли на дыбахъ; чѣмъ могли послужить тѣ руки, которыя вывихнуты были на встряскахъ, руки, которыя связывались близъ ладоней длинною веревкою, подтягивались посредствомъ ворота къ самому потолку застѣнковъ и при быстромъ опусканіи внизъ ручныя кости выскакивали изъ чашекъ, потому что, падая, тѣла испытуемыхъ висѣли на воздухѣ, не доставая ногами до полу. Нѣкоторыхъ доставалось такихъ встрасокъ и различныхъ пытокъ цѣлыя десятки. Наибольшая часть непронзводительно исчезла безъ слѣда въ сырыхъ тюрьмахъ, на желѣзныхъ стѣнныхъ цѣпяхъ, служившихъ неизбѣжно принадлежностью не только колдуновъ, находящихся „въ тайномъ богомерзкомъ общеніи съ нечистою силою“, но и для преступниковъ государственныхъ, располагавшихъ иными тайными, невидимыми силами *). Восемнадцатый вѣкъ располагалъ не большими знаніями и не отличался мягкостью отношеній къ преступникамъ. Въ этомъ смыслѣ цивилизующій государственный переворотъ сопровождался даже наибольшими жестокостями и вся первая половина прошлаго вѣка представляетъ такіе образцы крутого обращенія съ ссыльными, какіе съ трудомъ можно находить въ дѣяніяхъ предшествовавшаго ему столѣтія. Не смотря на то, что въ серединѣ XVIII вѣка уничтожена была указами смертная казнь, не смотря на то, что пытки признаны противными здравому, естественному разсужденію — и смертная казнь и пытки продолжали существовать съ тѣмъ же значеніемъ. Заботы объ уменьшеніи кровопролитія при пыткѣ, начатыя еще въ 1751 году, не привели ни къ чему. Счастливая доля уничтоженія ихъ принадлежитъ уже къ началу года нынѣшняго столѣтія: въ 1800 году императоръ Александръ I уничтожилъ пытки.

*) Извѣстно, наприм., что сосланному въ Якутскъ колдуну на вѣчное заточеніе не велѣно было давать воды, ибо-де онъ, Максимъ Мельникъ, многожды уходилъ въ воду.

ГЛАВА V.

УЧАСТЬ ССЫЛЬНЫХЪ.

Безправіе ссыльныхъ.—Кормовая дача.—Меншиковъ съ семействомъ.—Долгорукіе.—Наталья Борисовна Долгорукая.—Остерманъ.—Минихъ.—Головкинъ.—Ужасная участь ссыльныхъ, де-Санті Менгдена, Фика, Ивашкина. — Стряпчій Копытовъ. — Левшутинъ. — Соимоновъ. — Самозванецъ Петръ III за Байкаломъ (солдатъ Чернышевъ). — Секретные арестанты.—Анадырскій изгнанникъ Аванасій Петровичъ.—Дѣти Волинскаго.—Великоважность преступниковъ.—Сердечность отношеній сибиряковъ къ этимъ ссыльнымъ.

Во все продолженіе прошлаго вѣка несчастные продолжали выплакивать свои глаза до неизлечимой слѣпоты и вдумываться въ свою несчастную участь до острыхъ припадковъ бѣшеннаго сумасшествія. Определенныхъ правилъ и пріемовъ для ссыльныхъ въ тѣ времена не существовало: не столько степени личной виновности, сколько произвольныя измышленія казней обвинителями полагали предѣлы возмездію ссыльныхъ за государственныя вины. Кормовая дача наиболѣе испытывала на себѣ вліяніе подобнаго произвола. Какъ въ XVII вѣкѣ А. С. Матвѣевъ жаловался на то, что ему дали на день по три деньги въ то время, когда Аввакуму, сосланному съ семействомъ въ Мезень, дали по грошу на человѣка, а на малыхъ по три денежки („плачу, что ветхій сѣдиномъ, древень работами—сверстанъ кормомъ съ единоплѣтнимъ“), такъ и въ XVIII вѣкѣ кормовыя дачи не подчинялись никакому правильно выработанному и установившемуся закону. Войнаровскому положено было въ сутки 1½ копейки, Петру Шафирову—33 коп. на день, Меншикову 2 рубля съ женою—сумму уже довольно значительную по тому времени, по рублю каждому изъ дѣтей и по 10 коп. на каждого слугу (а такихъ отпущено съ нимъ 10 человѣкъ). Долгорукіе стали сначала получать по 25 коп. въ день на человѣка, потомъ только по двѣ и по два пуда муки въ мѣсяцъ. Сыну Волинскаго, Петру, давали въ день по 10 коп., за то канцлеру Вестужеву, по смерти Елизаветы, Екатерина II назначила 20 тысячъ рублей въ годъ пенсію. Минихъ получалъ 3 руб.; Вироновъ и Висмарка велѣно было довольствоваться въ день безъ оскудѣнія (какъ сказано въ указѣ). Декабристы оставлены были въ кормовомъ довольствіи на общемъ положеніи 6-ти коп. мѣдою въ сутки и 2 пудовъ муки въ мѣсяцъ. Нѣкоторыхъ отправляли даже и безъ мормовыхъ, такъ напримѣръ, Ивашкина и Гурчанинова, говорившихъ дерзкія рѣчи противъ императрицы Елизаветы.

Въ самомъ способѣ содержанія и надзора была та же непоследовательность, замѣчалось произвольное неравенство. Князь Меншиковъ, сдѣлавшись временникомъ при Екатеринѣ, съ-

умѣлъ сослать графа де-Санті безъ суда и ордера, такъ что ссыльный даже не сразу нашелъ себѣ мѣсто заточенія. Его привезли сначала въ Якутскъ и семью солдатами стерегли отъ утечки подъ крѣпкимъ карауломъ, никого къ нему не пускали, чернилъ и бумаги не давали; но для большаго успокоенія сильнаго вліянія, мстительнаго и жестоко сердитаго герцога Ижорскаго, сочли за нужное перевести де-Санті въ Верхоленскій острогъ. Отсюда какими-то судьбами сталъ появляться онъ въ Иркутскѣ, пользоваться нѣкоторою свободою по снисхожденію вице-губернатора и даже успѣлъ жениться на дочери таможняго подъячаго; но въ Петербургѣ узнали про это и въ 1734 году де-Санті перевели въ Усть-Вилуйское зимовье. Жена за нимъ не поѣхала, участь его раздѣлялъ, по прежнему, старый слуга, которому, однако, не позволяли разговаривать съ господиномъ, не позволяли ходить за покупками для него на базаръ, каковаго, какъ извѣстно, въ пустынныхъ зимовьяхъ не бывало и въ поминѣ, и при этомъ запрещали также и слугѣ съ кѣмъ либо разговаривать. Ужасное положеніе жертвы слѣпота и безграничнаго мщенія въ подлинныхъ краскахъ описалъ его приставъ такимъ образомъ: „Живемъ мы, онъ, Сантіи, я и караульные солдаты въ самомъ пустынномъ краю, а жилья и строенія никакого тамъ нѣтъ, кромѣ одной холодной юрты, да и та ветхая. А находимся съ нимъ, Сантіемъ, во всеконечной нуждѣ: печки у насъ нѣтъ и въ зимнее холодное время еле-еле остаемся живы. Отъ жестокаго холода хлѣбовъ негдѣ испечь, а безъ печенаго хлѣба претерпѣваемъ великій голодъ и кормимъ мы Сантію и сами ѣдимъ болтушку, разводимъ муку на водѣ, отчего всѣ солдаты больны и содержатъ караулъ не кѣмъ. А колодникъ Сантіи весьма дряхль и всегда въ болѣзни находится, такъ что съ мѣста не встаетъ и ходить не можетъ“ *).

Судьба же самого Меншикова въ ссылкѣ обставлена была наибольшими льготами. Главные

*) Елизавета Петровна его, однако, освободила вмѣстѣ съ другими ссыльными предвѣдущаго царствованія.

и тяжелые удары онъ перенесъ еще въ Россіи: тщеславію его, допустившему золотыя кареты, сто подводъ и множество экипажей при проѣздѣ въ ссылку, нанесенъ былъ первый ударъ тѣмъ, что его пересажали въ простыя повозки и, вмѣсто Раненбурга, велѣли ѣхать въ Сибирь, въ Березовъ. На дорогѣ, около Казани, въ Услопѣ, онъ потерялъ жену, но въ Березовъ привезъ необходимыя вещи и всѣ деньги и остался подъ надзоромъ офицера, которому дана была самая снисходительная инструкция *). Живя на свободѣ, онъ могъ на собственные деньги выстроить деревянную церковь Рождества Богородицы, съ придѣломъ Іліи Пророка, подлѣ острога, вмѣщавшаго въ себѣ окруженное тыномъ невысокое, но длинное деревянное зданіе съ закругленными окнами, оставшееся отъ упраздненнаго Воскресенскаго монастыря. Меншикова смирили несчастія до того, что онъ ежедневно съ дѣтьми ходилъ молиться въ собственную церковь, при сооруженіи которой самъ бралъ въ руки топоръ и пилу. Онъ настолько пользовался свободою, что, выходя гдѣто изъ острога, далеко до начала обѣдни, садился на крутомъ берегу Сосвы и бесѣдовалъ со стариками березовскими о тщетѣ міра и о подвигахъ различныхъ святыхъ мучениковъ. За обѣдней въ собственной церкви исправлялъ должность дьячка, первымъ входилъ, послѣднимъ уходилъ. Время проводилъ въ постѣ и молитвѣ. Это обстоятельство дало поводъ народу, не знавшему объ его прежней тяжелой грѣховности, считать его за праведника. Таковымъ же въ понятіи березовцевъ онъ считается до настоящаго времени, когда открыли его гробъ и нашли останки его (въ 1821 г.) нетлѣнными черезъ 92 года. Смирненіе свое онъ довелъ до того, что надѣлъ армякъ, отпустилъ бороду и отдѣлялся отъ прочихъ крестьянъ только бархатною на ватѣ шалочкою. Религіозное смиреніе и покорность судьбѣ успѣлъ онъ завѣщать и дѣтямъ, которые продолжали ежедневно ходить молиться на могилу отца (умершаго въ 1729 г.) и впоследствии устроили изъ своей церкви богадѣльню. Жили они уже въ собственномъ домѣ внѣ острога: старшей дочери удалось выйти замужъ за Федора Долгорукова, явившагося въ Березовъ тайно подлѣ чужимъ именемъ съ заграничнымъ паспортомъ, но вскорѣ умереть отъ родовъ. Другая дочь, Александра, и сынъ Александръ въ 1731 году возвращены были въ Россію. Могилу отца ихъ подмыла Сосва, оборвавшая берегъ, и давно сгладила слѣды ея. Въ 1825 г. нашли лишь могилу Маріи Александровны Долгоруковой въ кедровомъ гробѣ, въ шелковомъ атласномъ платкѣ и съ тѣми

* *) У Меншикова, какъ извѣстно, было во владѣніи 91 тысяча душъ крестьянъ и 7 милліоновъ тогдашнихъ деньгами, брилліантами и банковыми билетами.

атрибутами, которые свидѣтельствовали о весьма безбѣдномъ существованіи изгнанниковъ на мѣстахъ дальней ссылки.

Далеко не такая участь въ томъ же Березовѣ, въ томъ же самомъ острогѣ, ожидала семейство князей Долгоруковыхъ, свергнувшихъ Меншикова и, въ свою очередь, поплатившихся ссылкой при новомъ государственномъ переворотѣ и въ тотъ же самый годъ, когда семейство Меншикова возвращено было въ Россію. Престарѣлый князь Алексѣй Григорьевичъ съ женою (Прасковьею Юрьевною) не вынесли тяжести ссылки и умерли черезъ три года по пріѣздѣ. Молодые силы 4 сыновей и 3 дочерей и невѣсты старшаго брата Ивана (воспитанной поэтѣмъ Козловымъ Натальей Борисовною, урожденной Шереметьевой) устояли отъ невзгодъ суроваго климата и съ успѣхомъ боролись противъ суровыхъ невзгодъ, исходившихъ отъ злого временщика Бирона. Преслѣдованія его не знали устали и мѣры. На худомъ, продравленномъ суднѣ, которое едва узниковъ не потопило, привезли ихъ въ Березовъ, кормили ихъ тамъ такимъ хлѣбомъ, что „часто зубы не брали, и давали щи, которыя, пока ѣшь, мерзли“. Пищу подавали всегда въ одинъ разъ на нѣсколько дней. Когда княжна Елена задумала въ день своего ангела заказать обѣдню, протопопа (Авдѣя Михайлова) сослала за то подлѣ Иркутскъ въ Илимскій острогъ. Когда подьячій Тишинъ донесъ, что Долгорукие говорятъ нескромныя рѣчи про Анну и Бирона, Долгорукихъ разлучили: Ивана посадили въ холодномъ амбарѣ (жена его Наталья Борисовна съ трудомъ выплакала позволеніе видѣться тайно ночью сквозь оконце и носить ему пищу). Князя Алексѣя съ его крѣпостнымъ дядькою заключили въ тѣсномъ холодномъ хлѣбѣ. Здѣсь нельзя было сдѣлать больше двухъ шаговъ и узники въ темнотѣ потеряли счетъ днямъ и ночамъ. Выпросивъ горсть гороху за послѣдній брилліантовый перстень, князь Алексѣй придумалъ съ дядькою особую игру. Разъ, во время этой игры въ горазѣ, они оба, словно сговорившись, въ голосъ запѣли. „Христосъ Воскресе“ а такъ какъ пѣніе было строго запрещено, то на Оумной недѣлѣ въ среду обомъ дали по 15 розогъ и записали въ штрафной журналъ кодунами: по гороху-де узнали о времени Пасхи. На этомъ мученіи Долгорукихъ не кончились, ихъ увезли въ Тобольскъ, здѣсь судили и приговорили къ новой ссылкѣ. Князя Алексѣя услали въ Камчатку матросомъ; Николая, выбивъ кнутомъ и урзавъ языкъ, угнали въ Охотскъ; Александра, послѣ такихъ же истязаній, въ Камчатку; трехъ дѣвицъ-княженъ заточили въ женскихъ монастыряхъ *); князя Ивана увезли въ

*) Екатерину въ томскомъ Рождественскомъ, Елену въ тюменскомъ Успенскомъ, Анну въ

Новгородъ и тамъ колесовали и отсѣкли голову въ одно время съ двумя его дядями (Васильемъ Лукичемъ и Сергѣемъ Григорьевичемъ). Елизавета простила Долгорукихъ: княженъ освободила отъ монашескихъ обѣтовъ и выдала замужъ. Не такъ легко было простить и возвратить братьевъ. По обычаю того времени, начальства постарались забыть объ ихъ именахъ и мѣстахъ нахождения. Сами они, увлеченные и поглощенные потокомъ ссыльной жизни, скрылись безслѣдно между туземцами и считались мертвыми. Алексѣй, только черезъ два года по воцареніи Елизаветы, случайно узналъ въ Камчаткѣ о своемъ прощеніи. Съ купцомъ Спиридоновымъ онъ явился въ Иркутскъ. Одѣтый въ армякъ и обросшій бороною, онъ не былъ признанъ губернаторомъ и самъ уже своевольно отправился пѣшкомъ въ Москву. Точно также одинъ изъ его братьевъ, вывезенный въ Иркутскъ и забытый въ острогѣ, былъ выпущенъ на волю для пропитанія. Когда прислано было предписаніе розыскивать политическихъ секретныхъ арестантовъ, къ губернатору явился старикъ, сторожъ церкви св. Харлампія, выдававшій себя за князя Долгорукова (Николая).

Освободивъ Долгорукихъ, Елизавета, какъ извѣстно, прислала въ Березовъ государственнаго канцлера графа Андрея Ивановича Остермана и выслала въ Пелымъ фельдмаршала графа Миниха, въ Собачій острогъ кабинетъ-министра Мих. Гавр. Головкина, въ Нижнеколымскъ (еще съвергнута) президента коммерц-коллегии барона Менгдена.

Старикъ Остерманъ, измученный жестокою подагрой, привезенъ въ Березовъ съ женою и остался тамъ въ памяти жителей своими бархатными сапогами и костью; изъ бархата его сапоговъ мѣстные жители надолго потомъ сохраняли головные шамшуръ и дѣтскія подвязки. Остерманъ прожилъ все время отшельникомъ въ своей комнатѣ, не выходя въ другія, наполненные сторожами. Говорятъ, что березовскій климатъ ослабилъ припадки подагры къ концу его жизни. Въ 1747 году, черезъ три года, онъ умеръ здѣсь и легъ въ дубовый гробъ, обитый тафтою внутри, шелковою ма-

верхотурскомъ Покровскомъ. Всѣхъ трехъ постригли въ монахини, пищею и одеждою вѣдно содержать безъ всякой отягч. «Имѣющіяся при оныхъ князь Алексѣевыхъ дочеряхъ въ услуженіи вдовъ такожъ и дѣвокъ освободить и разослать въ разные сибирскіе города на вѣчное житье. Имѣющуюся мѣдную и оловянную посуду и платье, оставя потребное число, безъ всякаго изаищества, прочую всю отобрать. Содержать ихъ подъ крѣпчайшимъ присмотромъ и никуда ни для чего отнюдь не выпускать и ни чѣмъ писать не давать и постороннихъ никого ни для какого сообщенія къ нимъ не пускать и чтобъ никакихъ шалостей и непотребствъ отъ нихъ не происходило».

теріею съ позументами снаружи. Иной памяти по себѣ не оставилъ. Жена, послѣ его смерти, возвратилась въ Москву, гдѣ и умерла въ глубокой старости.

Минихъ поселился въ Пелымѣ вмѣстѣ съ женою и пасторомъ Мартенсомъ въ двухъ-этажномъ домѣ съ балкономъ; изъ дому не выходилъ, казался нелюдимымъ, но на балконѣ нерѣдко выдали старика сухого, крѣпкаго и бодрого. Днемъ онъ писалъ, чертилъ планы, ночной огонекъ показывалъ, что старикъ молился или продолжалъ еще заниматься военными и историческими науками (между прочимъ, писалъ гимны). Лѣтомъ заводилъ онъ небольшой огородъ, зимою обучалъ дѣтей грамотѣ, всегда казался веселымъ и затосковалъ лишь тогда, когда потерялъ вѣрнаго друга, пастора Мартенса, пробуждавшаго въ его душѣ чувства набожности и охоту къ мирнымъ трудамъ писателя. Воеводы, говорить преданіе, боялись Миниха, боялись его доносовъ ко двору и давали ему нѣкоторую свободу, меньшую, однако, той, которою пользовался до него и въ томъ же Пелымѣ Биронъ *) (сосланный при Ангѣ Леопольдовѣ регентомъ Минихомъ). Передъ Бирономъ воевода стоялъ безъ шапки; герцогъ имѣлъ верховыхъ лошадей, часто ѣздилъ на охоту, держалъ многочисленную прислугу, ходилъ въ бархатномъ зеленомъ полукафтанѣ, подбитомъ и опушенномъ соболями. Народъ помнить, что онъ былъ высокаго роста и очень красивъ. Минихъ выжилъ въ Пелымѣ 20 лѣтъ и въ 1762 былъ возвращенъ изъ ссылки императоромъ Петромъ III.

Въ Собачьемъ острогѣ—несчастномъ зимовьѣ, послужившемъ впоследствии основаніемъ Среднеколымску, не болѣе счастливому селенію, Головкинъ съ женою понесъ болѣе тяжкую участь, чѣмъ остальные его товарищи, не смотря на меньшую степень виновности и, вѣроятно, вслѣдствіе его наименьшаго ранга. И въ пустынномъ мѣстѣ его выпускали изъ дому не

*) Биронъ, какъ извѣстно, жилъ въ Пелымѣ въ особенномъ домѣ, выстроенномъ по чертежу Миниха. Биронъ жилъ здѣсь не долго (пять недѣль), успѣлъ оставить въ народной памяти преданіе о своемъ гордомъ и неприступномъ поведеніи; въ 1742 г. его перевела Елизавета въ Ярославль вмѣстѣ съ братомъ Густавомъ (последній даже не доѣхалъ до Пелыма и возвращенъ назадъ изъ Тобольска). Въ Сибири не осталось объ нихъ преданія, осталось таковое въ Москвѣ: когда везли регента съ братомъ и своякомъ въ трехъ закрытыхъ каретахъ черезъ этотъ городъ, чернь винулась на нихъ и хотѣла растерзать; да въ Казани сохранилось всѣмъ извѣстное преданіе, что на мосту черезъ Буякъ встрѣтились два врага и, молча, раскланялись: Биронъ, возвращавшійся изъ Сибири, и Минихъ, ѣхавшій туда на обогрѣтое мѣсто. Третье преданіе сибирское утѣшаетъ себя тѣмъ урокомъ въ превратностяхъ судьбы, что Минихъ зажилъ въ томъ же домѣ, планъ котораго онъ сочинилъ для Бирона.

иначе, какъ подъ конвоемъ солдатъ съ ружьями, а ночью небольшой домикъ его всегда оцѣпляли часовыми. По праздничнымъ днямъ этого стараго и большого человѣка заставляли ходить въ церковь и слушать, какъ священникъ послѣ обѣдни провозносилъ надъ нимъ анагемъ *). Въ своемъ изгнаніи онъ прожилъ почти 25 лѣтъ, слушая чтеніе разныхъ книгъ изъ устъ жены, и впоследствии, когда усталъ дозоръ, занимался рыбною ловлею въ р. Колымѣ. Въ 1766 году онъ умеръ на мѣстѣ изгнанія и жена, получившая дозволеніе возвратиться, увезла его трупъ съ собою, заливъ его, по народному преданію, воскомъ.

Менгденъ привезенъ былъ въ Нижній-Колымскъ съ женою, дочерью, свояченицею, со служанкою и служителемъ. Сынъ съ теткою и слуги вернулись въ Россію, но баронъ умеръ съ женою на мѣстѣ ссылки, пользовавшись нѣкоторою свободою. Ему удалось послужить краю тремя службами, изъ которыхъ одна состояла въ отраженіи набѣга дикихъ чукчей, другая—въ разведеніи рогатаго скота и лошадей въ подспорье собакамъ и оленямъ, и третья—въ торговлѣ, которою занимался Менгденъ, выписывая товары изъ Якутска для ограниченнаго потребностей бѣднаго и неподвижнаго мѣстнаго населенія.

То же странное распредѣленіе ссылныхъ жеребьевъ отразилось какъ на судьбѣ этихъ четырехъ товарищей по изгнанію, такъ и на судьбѣ пятого ихъ товарища, невѣстки канцлера, Анны Вестужевой. Въ то время, когда брать ея, Мих. Гавр. Головкинъ, испытывалъ многообразныя стѣсненія въ Собачьемъ острогѣ, она, живя въ Якутскѣ на полной свободѣ, ѣздила по гостямъ, играла въ карты, обворовала всѣхъ пріятностью въ обхожденіи, жила роскошно, одѣвалась богато *). Хотя ей былъ отрубанъ языкъ, но, по народному преданію, въ такой степени, что разговоръ Вестужевой могли понимать слушатели.

Въ то же время для другихъ та же ссыльная жизнь и судьба обставлялись такими отчаянными подробностями: Фика—любимца Петра—цѣлую жизнь таскали изъ одного мѣста въ другое, намѣренно не давая ему ни отдыха, ни покоя. Сначала содержали его въ тобольской тюрьмѣ нѣсколько мѣсяцевъ, потомъ перевезли въ Иркутскъ опять на нѣсколько мѣсяцевъ, изъ Иркутска въ прежнихъ тяжелыхъ цѣпяхъ въ Якутскъ. Якутскъ показался слишкомъ удобнымъ и веселымъ городомъ, отослали Фика за двѣ тысячи верстъ въ Зашиверскъ,

*) По другому мѣстному преданію, ему однажды въ годъ читали какую-то бумагу, которую онъ обязанъ былъ слушать, скрестивъ на груди руки, къ каковой въ то же время солдаты приставляли ружейные штыки.

*) Въ Петербургѣ она пользовалась славою лучшей танцовщицы.

но и эта крайняя глушь и отчаянная даль оказались въ Петербургѣ слишкомъ видными и людными. Фика перетасали въ Среднее зимовье на Вилкуѣ, въ такое мѣсто, которое злому врагу и супостату могло бы показаться исполнѣ удовлетворительнымъ и безопаснымъ: убѣжать можно было только до первой трасины въ тундрѣ, говорить только съ приставниками; якуты, кромѣ своего языка, другого не понимали, кромѣ своихъ узкихъ звѣроловныхъ интересовъ, другихъ не признавали. И дѣйствительно, Фикъ прожилъ здѣсь десять лѣтъ, но лишенъ былъ свободы, выдерживался въ одиночномъ заточеніи безъ поддержки жены, родныхъ и привычныхъ слугъ, окруженный приставниками, озлобленными его несчастьемъ и живучестью. Въ 1742 году нашла его милость Елизаветы, но добралась до него окольными путями, къ довершенію его несчастій, не вдругъ; тобольская канцелярія не знала о мѣстѣ его жительства, наводила справки; узнавъ, отписывала въ Петербургъ о своей находкѣ, спрашивала, что дѣлать и какъ теперь поступить: несчастный Фикъ принужденъ былъ сидѣть и даже лишенъ былъ удовольствія товарищества съ де-Сантти, когда послѣднему назначено было помѣщеніе въ томъ же зимовьѣ. „Понеже тамъ находится великоважный преступникъ Фикъ, то будетъ крайне опасно держать этихъ двухъ преступниковъ въ одномъ мѣстѣ“—отвѣчали безжалостные люди разжалобившейся судьбы.

Смирялись государственные люди: Сворняковъ-Писаревъ, слѣдомъ за Меншиковымъ, занимался хозяйствомъ, ловилъ рыбу, охотился за медвѣдями и сохатыми; Головкинъ далъ 50 рублей казаку, отобравшему верши изгнанника, поставленныя въ рукавѣ рѣки Колымы, и оговорилъ, что, если бы казакъ поступилъ такимъ образомъ въ Петербургѣ, онъ затравилъ бы его собаками. Князя Долгорукаго смирала ссылка до пономарской должности, Меншикова до работъ плотничьихъ съ топоромъ и проч. Не смирялись крутые нравомъ, какъ Девиеръ (напускавшій страхъ на цѣлый Охотскъ), какъ Минихъ (напускавшій страхъ на воеводу); не смирялись располагавшіе надеждами на остатки силъ своихъ въ Петербургѣ, какъ Биронъ, передъ которымъ воевода стоялъ безъ шапки, какъ Прасковья Федоровна Салтыкова—невѣста царя Ивана Алексѣевича, заставлявшая въ Енисейскомъ монастырѣ своего дядю воеводу стоять у ксяка дверей, и проч. Не смирался Батуринъ въ Камчаткѣ, увлекшись планами бунта и побѣга, составленнымъ конфедератомъ Беневскимъ, но Ивашкинъ предупреждалъ объ этомъ заговорѣ коменданта Нилова. Не смирала духомъ ссылка людей молодыхъ и, въ особенности, не оказала она предполагаемой пользы исцѣленія надъ тѣми паціентами, которые вышли изъ простого народа. Доказательствъ много, приводимъ

наибольше крупныя и характерныя, на первый раз два: одно изъ начала прошлаго вѣка, другое изъ конца его; одно по великому государеву „слову и дѣлу“, другое по самозванству— по этимъ двумъ основнымъ главнымъ государственнымъ преступленіямъ, за которыя преимущественно ссылались въ Сибирь въ прошломъ вѣкѣ доврчивые простые люди—сообщники людей „продерзностныхъ“ и „самозванцевъ“.

При царѣ Теодорѣ присланъ былъ въ Сибирь по царственному дѣлу, по приказу бояръ, страпчій изъ дворцовыхъ волостей Терентій Васильевичъ Копытовъ. Въ 1712 году его отправляли изъ Тобольска по назначенію въ Нерчинскъ на судахъ. Въ Нарымѣ колодники зазимовали. Здѣсь Копытовъ разсказалъ товарищамъ, что онъ уже побывалъ въ Нерчинскѣ, узналъ тамъ многія царственныя дѣла и потаенную казну за нерчинскими жителями Турчаниновыми, выкричалъ тамъ „слово и дѣло“, былъ потребованъ въ Тобольскъ, просилъ отправить его въ Петербургъ передъ царское величество, но губернаторъ, все то утаа, продержалъ его въ тюрьмѣ два года и вотъ теперь обратно шлетъ на старое мѣсто. „Хотя-де мы (говорилъ бывшій страпчій) и въ Москву писали, да тамъ все воля боярская! что они, бояре, хотятъ, то и дѣлаютъ. Нынѣшній царь не печется о народѣ, а печется о нѣмцахъ, потому что онъ и самъ ихней породы, а не царскаго кореня. Истинно я это вѣдаю. Жилъ я въ Москвѣ и насъ было человекъ 12, и мы ночи сживали надъ святыми книгами, а съ нами бесѣдовалъ верховой священникъ и сказывалъ мнѣ и товарищамъ моимъ: „Какъ-де воцарился государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ и совокупилъ съ царицею Натальею Кирилловною и она-де, государыня, рожала царевнѣ. И близь рожденія онъ, государь, изволилъ ей, царицѣ, говорить: „ежели-де будетъ царевна, я-де тебя постригу“. И она, государыня, царица, призвавъ Артамона Сергѣевича (Матвѣева), сказала ему ту тайну, что царь на нее гнѣвенъ. И когда родила царевну, Артамонъ Сергѣевичъ учинилъ сокровенно—взялъ изъ нѣмецкой слободы младенца и подмѣнилъ вмѣсто того младенца, и понынь она въ нѣмечкой слободѣ жива; и по тому дѣлу ему, Артамону Сергѣевичу, великое время стало отъ нее, царицы, за такое умышление“. Слѣпой старикъ Копытовъ разсказалъ эту слетню сначала одному (дозорщику Левшутину), потомъ и другимъ колодникамъ, приглашеннымъ Левшутиннымъ въ свидѣтели тайно. Левшутинъ объявилъ нарымскому воеводѣ за Копытовымъ „слово и дѣло“, но получилъ въ отвѣтъ: „Пожалуйста помолчи здѣсь немного, мнѣ такихъ дѣлъ вѣдать не даво“,—сталъ искать случая отправиться въ Москву. Съѣхалъ онъ изъ Тобольска съ государевымъ желѣзомъ; послѣ сдачи его въ Си-

бирскомъ приказѣ получилъ пропускъ, но остался въ Москвѣ ожидать государя. Не дождавшись, пошелъ онъ въ низовые города для свиданія съ родными, а по пути зашелъ въ керженецкіе дѣса къ раскольникамъ. Здѣсь онъ натолкнулся на новыхъ недовольныхъ: говорили ученые керженецкіе старцы, что царь—антихристъ, архіереи—еретики, а всѣ господа по милости государевой—антихристовы слуги и грабители. Для подкрѣпленія своихъ словъ показывали и тетрадки разныя и книжки. На пыткахъ и допросахъ не отреклись отъ своихъ словъ, когда Левшутинъ снова выкричалъ на нихъ и въ Нижнемъ и въ Москвѣ государево великое слово. Левшутинъ также устоялъ на доносѣ и при мукахъ четырехъ пытокъ, и въ комутѣ на подъемѣ и на дыбѣ подъ кнутомъ; двое оговоренныхъ на пыткахъ померли; третій устоялъ и былъ сосланъ на каторгу. Левшутинъ отпустили на волю шататься по лицу родной земли и только теперь можетъ быть выучилъ заграждать уста и не сказывать князю-панѣ Ромодановскому про тѣ тайныя дѣла, которыя слышали уши. Можетъ быть, въ Левшутинѣ и пропала страсть къ слетнямъ на государеву имя и угомонилась въ немъ пытливость въ сомнѣніяхъ на счетъ заслугъ Петра передъ народомъ, но не угомонила каторга другихъ убѣжденныхъ. Не въ нихъ была сила, не въ ихъ личномъ характерѣ поддержка, смѣлось и устоячивость, но въ общемъ предубѣжденіи, въ народной доврчивости, воспитанной духомъ времени и поддерживаемой стостою молвою.

Самозванца солдата Кремлева, выдававшего себя за Петра III, поддерживалъ мѣстный священникъ Левъ Евдокимовъ и не только (какъ сказано въ указѣ) самъ тому вѣрялъ, „но и всѣхъ вообще со всѣми вѣроятія недостойными и развращенными доказательствами подкрѣплялъ и увѣрялъ“. За такую доврчивость его наказывали кнутомъ во всѣхъ тѣхъ селахъ, гдѣ онъ чинилъ увѣренія и подписи; возили его съ привязанною на груди доскою, гласившею: „помощникъ самозванцу и народнаго спокойствія нарушитель и свидѣтель“; выжгли ему на лбу знаки двухъ буквъ, означавшихъ „ложный свидѣтель“, и сослали въ Нерчинскъ на вѣчную работу. Въ Нерчинскѣ Евдокимовъ присталъ къ новому самозванцу и снова доврчиво ему покорился, во всемъ помогать и всѣмъ о его ложномъ увѣреніи разсказывалъ. Въ свою очередь, и этотъ самозванецъ сдѣлался на каторгѣ таковымъ не впервые и также не былъ вздумленъ дальнею ссылкой и тяжелыми работами.

Этотъ самозванецъ (ускользнувшій отъ вниманія изслѣдователей замѣчательнаго явленія въ русской жизни, представляемаго самозванствомъ) былъ солдатомъ Брянскаго пѣхотнаго полка и назывался Петромъ Чернышевымъ. Въ Изюмскомъ уѣздѣ, въ домѣ Иванацкаго,

при немъ, при попадѣ и дьячкѣ называлъ себя императоромъ Петромъ Федоровичемъ и потомъ увѣрялъ въ томъ же крестьянъ и при этомъ плакалъ. Чернышевъ избавленъ былъ отъ смертной казни, но жестоко наказанъ кнутомъ и сосланъ въ Нерчинскъ въ тяжкую работу вѣчно. За нимъ отправился туда же и располъ Иванецкій. Въ 1763 году Чернышевъ, съ именованъ секретнаго арестанта, заключенъ былъ въ тюрьму при Дучарскомъ рудникѣ. Днемъ его выпускали на работу вмѣстѣ съ прочими колодниками, а на ночь запирали въ секретный казематъ одного. На работахъ съ нимъ выдались многіе, но говорили не всё. Ссылный попъ Левъ Евдокимовъ пришелъ съ осьминою водки, подпоилъ виномъ сторожа и отъ секретнаго арестанта узналъ, что онъ— бывший императоръ Петръ III. Двое другихъ ссылныхъ (Карповъ и Фирсовъ) подтверждали то же самое: одинъ рассказывалъ, что въ бытность его въ услуженіи въ Москвѣ у грузинскаго царевича Георгія Петра III выдалъ и что секретный арестантъ имѣетъ съ нимъ поразительное сходство; другой ссылный сказывалъ, что Петра III выдалъ въ 1763 году въ Петербургъ въ тайной канцеляріи и что Чернышевъ на лицо таковъ же, какъ и императоръ. Самъ же Чернышевъ рассказывалъ всѣмъ, что, „бывши въ Воронежской губерніи для осмотра состоявшихъ въ оной полковъ, подъ видомъ солдата былъ пойманъ и посланъ въ здѣшніе нерчинскіе заводы въ ссылку, не повѣря тому, что я такой великій человекъ“. Успѣхъ рассказовъ превзошелъ всякія ожиданія: не только повѣрили всё на заводѣ, но и изъ дальнихъ мѣстъ стали приходить крестьяне взглянуть на царя и принести ему всякіе подарки: приносили деньги, говядину, масло коровье, туши баранины; наконецъ, лошадей съ наказомъ, чтобы „какъ можно старался ѣздить, а хлѣбомъ не оставлять“. Подаль о себѣ голосъ и располъ Иванецкій, жившій въ Уровской деревнѣ, приславшій Чернышеву письмо такого содержания: „Премилосердый мой государь, Петръ Федоровичъ! желаю вамъ здравствовать на многія лѣта... Черезъ сего письмоподателя прошу ко мнѣ написать все обстоятельно: есть ли какая надежда, или нѣтъ? долго ли намъ здѣсь будетъ мучиться?... Евдокимовъ за Чернышева написалъ такой отвѣтъ: „О чемъ вы изволите писать и слышать хотите о благополучіи, приѣзжалъ генерала комисенской отъютантъ, ходилъ въ тюрьму, осмотрѣлъ Петра Федорыча и и повѣдалъ съ тѣмъ въ Петербургъ къ государынѣ, и писалъ къ Петру Федорычу, что будь надеженъ и такъ буду стараніе прилагать“... Дѣйствительно, адъютантъ Пановъ навѣщалъ Чернышева и опозналъ его императоромъ. Самъ генералъ Ивановъ ходилъ въ тюрьму ночью въ халатѣ и осматривалъ Чернышева. Молва не-

слась все дальше и выше и успѣла поднять сильныхъ войсками тунгусскихъ князей Гантимуровыхъ. Одинъ изъ братьевъ наказывалъ передать Чернышеву о своей готовности собрать тунгусовъ и взять его изъ тюрьмы разбоемъ: „Придемъ въ заводъ, у меня ни одинъ человекъ и въ окно выглянуть не смѣетъ“. Чернышевъ, заручившійся обѣщаніями помощи, гвоздемъ отперъ замокъ дѣпи, на которую былъ посаженъ, увиавъ платкомъ ножныя кандалы, чтобы не бряцали, и по кушаку, съ помощью друзей, вышелъ на волю. Вродилъ онъ по окрестностямъ долго, заблудился, 11 дней шелъ голодомъ, пришелъ въ безсиліе и на 12-ый день, выйдя изъ всякаго терпѣнія, добровольно отдался въ руки судей. Въ нерчинскомъ заводѣ началось слѣдствіе, собрали всѣхъ причастныхъ къ дѣлу, дѣлали допросы и очныя ставки, путались въ труппахъ разнорѣчивыхъ показаній и уловокъ, но не могли приступить къ суду за недостаткомъ твердыхъ убѣжденій. Къ тому же и князь Гантимуровъ сдержалъ свое слово, привелъ въ заводъ свою команду, болѣе ста вооруженныхъ тунгусовъ; въ комиссію онъ не пошелъ, ссылаясь на то, что не принадлежитъ къ горной командѣ, отвѣтовъ никакихъ не давалъ и продолжалъ свободно гостить у генералъ-маіора Иванова. Однако, дѣло кое-какъ довели до конца. Въ 1770 г. изъ Петербурга было написано оставить сообщниковъ безъ вниманія, кромѣ Фирсова, котораго велѣно наказывать плетми, но изъ-подъ караула освободить. Чернышева же указано наказать кнутомъ публично при заводскихъ жителяхъ, повѣрившихъ его разглашенію, потомъ заклеить, какъ человека дерзкаго и злого, и сослать въ Мангазею вѣчно, гдѣ велѣтъ употреблять его въ тяжкихъ работахъ. Въ 1771 г. приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе, но Чернышевъ до Мангазеи не доѣхалъ; онъ умеръ по дорогѣ въ Енисейскъ, оставивъ послѣ себя собственные пожитки: войлокъ, небольшую подушку и одно ветхое овчинное одѣяло безъ покрывки, „а и еще имѣлась при ономъ арестантѣ данная казенная шуба, коя, будучи въ болѣзни этого арестанта подъ него подстилана, и что онъ гнилъ и съ мѣста не вставалъ, оттого и сгнила и затѣмъ брошена“ *).

Это событіе, со включеніемъ участія ссылнаго въ Камчатку Батурина въ смѣломъ побѣгѣ Венивскаго, сдѣлавшагося извѣстнымъ по всей Европѣ, служить дополненіемъ весьма немногихъ другихъ, оживляя однообразную жизнь изгнанниковъ за государственныя преступленія и освѣщая мрачную ночь. Остальные изгнанники остались для страны невѣдомыми, бесполезны-

*) Подробный разсказъ объ этомъ событіи см. ниже въ статьѣ: «Исторія каторги. Нерчинскіе рудники и промыслы».

ми и лишними. Съ одинаковымъ удобствомъ ихъ могли бы довести до ускоренной смерти въ монастыряхъ и тюрьмахъ русскихъ и, конечно, старинному возрѣнію на этихъ людей вовсе не нужно было такихъ героевъ, какъ Ивашкинъ, прожившій въ Камчаткѣ (въ Большерѣцкѣ) тридцать пять лѣтъ, и когда ему разрѣшена была свобода, не только не принявшій права, но и не имѣвшій никакого интереса въ возвратѣ. Онъ какъ милости просилъ дозволенія остаться въ странѣ, гдѣ выучился ловить себѣ рыбу для пищи и доставать деньги и припасы обученіемъ дѣтей грамотѣ и исправленіемъ должности дьячка. Въ 1780 г., за 15 лѣтъ до того, его еще интересовало возвращеніе и онъ писалъ о томъ просьбу къ губернатору; когда же ему перевалило за 60 лѣтъ—онъ могъ отвѣчать на милость только такими словами: „Куда мнѣ ѣхать при такой дряхлости! Я чувствую, что не переживу моего переселенія и умру на дорогѣ“. Такихъ героевъ жестокосердый до утонченности вѣкъ не желалъ; симпатіи его обращались въ другую сторону, изъ которой доносились рапорты комендантовъ и отписки монастырскихъ настоятелей, что такой-то нумеръ (такой-то безымянный секретный арестантъ) умеръ. Для этого извѣстія утѣснителямъ пріятно было назначать для жительства самыя голодныя мѣста (зимовья), самыя глухіе остроги, которые до настоящаго времени представляютъ крайнее безлѣтье и безлюдье. Старымъ вершителямъ человѣческихъ судебъ пріятно было забыть не только о событіяхъ, но и о лицахъ, по примѣру того, какъ 35 лѣтъ былъ забытъ Ивашкинъ, сказавшій, по увлеченію молодости и въ пьяномъ видѣ про Елизавету. Также забытъ былъ нѣкто Родіонъ Ковалевъ, 25 лѣтъ просидѣвшій на цѣпи въ Селенгинскомъ монастырѣ до того времени, когда, по уничтоженіи тайной канцеляріи, отворили монастырскія тюрьмы и выпустили заточниковъ. Ковалевъ, конечно, оказался сумасшедшимъ, какъ и всѣ другіе, остававшіеся въ живыхъ, но онъ, сверхъ того, научился уже говорить до нѣмоты. Одна бумага сохранила его прежнее званіе и объявила, что онъ былъ подпоручикомъ Сибирскаго пѣхотнаго полка, но не было другой, которая сказала бы объ его винахъ, а въ жизни настоящей не было, конечно, ни единого штриха, который могъ бы свидѣтельствовать о степени его вреднаго влияния и великой важности преступленія. Многіе погибли безвѣстно: такъ, между сотнями таковыхъ, сосланныхъ при Аннѣ Бирономъ, одному усердному изслѣдователю ссыльной старины Сибири (Л. С. Сельскому) извѣстенъ одинъ изъ такихъ зачинщиковъ, сосланный въ Анадырскій острогъ безъ означенія имени и виновности. „Когда возникла переписка о всѣхъ, находящихся въ Камчаткѣ и

Охотской области (говорить г. Сельскій *), то анадырскій изгнанникъ отмѣченъ умершимъ“. Какая-то секретная арестантка (безъ означенія имени) числилась въ 1753 году въ Селенгинскѣ и осталась неизвѣстною въ описи дѣлъ, видѣнныхъ нами въ архивѣ бывшей ратуши этого города. Генераль-прокуроръ Вяземскій принужденъ былъ прибѣгать къ строжайшимъ настояніямъ, чтобы отыскивали заключенниковъ и оказывали имъ милость, но на большую часть предписаній получалъ въ отвѣтъ, что узнать имена ссыльныхъ и мѣста заточенія нѣтъ никакой возможности. Иные являлись съ перемѣннымъ именемъ изъ Россіи, другихъ переименовывали на мѣстахъ ссылки. „Иногда (свидѣтельствуешь Манштейнъ въ своихъ мемуарахъ) приказывали дѣлать такую переимѣну, не увѣдомляя о томъ и тайную канцелярію“. Исчезли всякіе слѣды въ народной памяти о Лопухиной, сосланной Елизаветою, о Толстыхъ, Бутурлиныхъ и проч. Объявились неизвѣстные, вроде бывшего флигель-адъютанта / де-ла-Тосоньера и проч., и оставались неизвѣстными ссыльные вроде Аѳанасія Петровича, извѣстнаго въ Сибири въ началѣ настоящаго столѣтія. Помнятъ, что онъ былъ старъ и бодръ и отличался хорошимъ платьемъ. Въ народѣ ходили различныя толки **). Какъ въ прошломъ, такъ и въ предшествовавшемъ ему вѣкѣ отнимали у ссыльныхъ всякую возможность свободного употребленія своихъ силъ и способности въ пользу страны и въ исполненіе основной и существенной идеи всякой колонизаціи. Лишь только тамъ, гдѣ, по случайнымъ привилегіямъ, предоставлялась какая либо свобода и оставался хотя малѣйшій просторъ для малѣйшей самостоятельности ссыльныхъ, полезное влияние ихъ не медлило обнаруживаться. Впрочемъ, разведеніе Меншиковымъ огорода въ холодномъ и бесплодномъ Березовѣ, учрежденіе богадѣльни его осиротѣлымъ семействомъ тамъ же, заведеніе школы Минихомъ въ пустынномъ Пелымѣ, школа Ивашкина въ Камчаткѣ, опыты разведенія лошадей и рогатаго скота въ тундрахъ Нижнеколымска—единственныя памятные слѣды ссыльной жизни государственныхъ преступниковъ прошлаго вѣка ***). Обеспеченіе гра-

*) Въ статьѣ своей «Ссылка въ Восточную Сибирь замѣчательныхъ лицъ».

***) Считали его бояриномъ, сосланнымъ Павломъ. Говорили, что когда везли его въ Петербургъ обратно и на день остановились въ Тобольскѣ, онъ, при видѣ губернатора Канцевича, стоявшаго у полуотворенной двери, сказалъ ему: «Ну, Канцевичъ, гатчинскій любимецъ! Ты еще не узналъ меня?»

****) Опытъ Менгдена не былъ удаченъ: лошадей развести ему не удалось въ неудобныхъ колымскихъ тундрахъ. Въ этомъ отношеніи былъ счастливъ другой ссыльный въ архангельскую тундру, В. В. Голяпинъ, положившій основаніе крѣпкой породѣ мезенокъ, долгое время поль-

ницъ съ Китаемъ услугами гетмана Демьяна Многогрѣшнаго за Байкаломъ — единственное крупное явленіе въ исторической жизни ссыльных, но и оно принадлежитъ ко временамъ болѣе глубокимъ, къ событіямъ XVII вѣка. Въ XVIII вѣкѣ на „секретныхъ“ преступниковъ смотрѣли какъ на людей, преисполненныхъ презрѣльнаго ада, боялись допускать ихъ до сношенія съ людьми даже въ случаяхъ необходимости, при недостаткѣ кормовыхъ, ходить по міру и просить подаянія, „чтобы колодки не рассказали въ народѣ тѣхъ словъ, за что они были сосланы“.

„Великоважность“ преступниковъ понималась приставниками или такъ, что поступали съ ними круто и безсердечно, или опасливостью, великими затрудненіями на крайніе случаи болѣзни и при необходимости подать какую либо помощь и оказать содѣйствіе. Долгорукіе въ Березовѣ получали 15 розогъ за игру въ горохъ и выдали своего пристава, ходившаго на бесѣду со ссыльными дамами въ солдатской епанчѣ, накинутаой на рубашку, и въ туфляхъ на босую ногу. „Дай Богъ (говорить Наталья Борисовна Долгорукая въ своихъ запискахъ), дай Богъ горе терпѣть да съ умнымъ человѣкомъ. Какой этотъ глухой офицеръ былъ! Ему казалось подло съ нами говорить; однако, со всею спѣсью ходилъ къ намъ обѣдать. Я была всёгъ моложе и невоздержна, не могла терпѣть, чтобы не смѣяться, глядя на его смѣшную позитуру. Онъ, это видя, что я ему смѣюсь, какъ-то разъ ему пришлось примѣтить, говорить: „Теперь счастлива ты, что у меня книги сгорѣли, а то бы я съ тобою сговорилъ“. Чего они боялись? Чтобы мы не ушли? Ему ли смотрѣть? Насъ не караулъ ихъ держалъ, а держала невинность наша“. Когда пересылаемый въ Сибирь Ивашкинъ на дорогѣ заболѣлъ такъ, что сопровождавшій сержантъ донесъ рапортомъ, что онъ не перенесетъ дороги изъ Иркутска и умереть, — врачъ Ваксманъ не рѣшился ему помочь, хотя и нашель, что Ивашкинъ весь распухъ отъ внутренней болѣзни и имѣеть отъ кандаловъ язвы на рукахъ и на ногахъ.

Болѣе счастливы были тѣ узники, которые, съ переменою правленія, считались оправданными и успѣвали дожить до воцаренія своихъ благодѣтелей. Въ такихъ случаяхъ нѣкоторыя милости не ограничивали себя тѣсными предѣлами: возвращенные (какъ Долгорукіе) приглашались снова на поприще государственной дѣятельности; ссыльные женщины, обрекавшіяся на монастырское заточеніе и монашеское постриженіе, разстригались. Такъ съ постриженныхъ дочерей Артемія Волинскаго (Анны въ иркутскомъ Знаменскомъ монастырѣ и Маріи въ зовавшихся большою извѣстностью на всемъ сѣверѣ Россіи.

енисейскомъ Рождественскомъ) сняли монашескій чинъ и отпустили на житье въ Москву *). Фед. Ив. Соймоновъ, любимецъ Петра I, успѣвшій однажды спасти ему жизнь, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, первый, составившій карту Вѣлаго моря и описавшій впервые берега Каспійскаго, изъ вице-президентовъ адмиралтействъ-коллегии въ 1740 г. попалъ въ Сибирь за участие въ дѣлѣ Волинскаго, наказанъ кнутомъ и сосланъ былъ Бирономъ въ каторжную работу на Охотскій солеваренный заводъ. Сосланъ онъ былъ съ вырванными ноздрями, которыя, однако — по преданію — искусный лекарь въ Сибири заростилъ кускомъ мяса, вырваннымъ изъ лѣвой руки невиннаго страдальца. Елизавета Петровна, тотчасъ по восшествіи на престолъ, признала его невиннымъ, возвратила шпагу и позволяла жить, гдѣ пожелаетъ. Соймоновъ, однако же, все-таки еще 16 лѣтъ послѣ того жилъ въ Сибири безъ всякаго званія, но не безплодно воспользовался свободою: въ 1753 году онъ избралъ фарватеръ Шилки и развѣдывалъ первый путь по Амуру. Въ 1757 году, именнымъ указомъ, онъ изъ ссыльнаго, жившаго на пропитаніи, сдѣлался сибирскимъ губернаторомъ. Шесть лѣтъ, проведенныхъ имъ въ этой должности, оставили глубокіе слѣды признательности въ преданіяхъ старожиловъ и крупныя доказательства его знаній и службы странѣ. Въ Миллеровомъ журналѣ „Ежемесячныя сочиненія“ сохранились замѣчательные ученые труды бывшаго изгнанника („Сибирь — золотое дно. Извѣстіе о торгахъ сибирскихъ и письмо російскаго навигатора къ молодому Зейману“). Въ Охотскѣ устроена была имъ морская школа, при Посольскомъ монастырѣ на Байкалѣ — маякъ и гавань; имъ же уничтоженъ Анадырскій острогъ для облегченія несчастныхъ коряковъ и камчадаловъ, обязанныхъ непосильною перевозкою туда провіанта и разныхъ припасовъ. Имъ положено начало устройству главнаго сибирскаго тракта черезъ Барабу, раздѣляющую обѣ Сибири и Соймоновымъ оживленную населеніемъ ямщиковъ. Въ 1759 г. при немъ Омская линія была устроена такъ, что съ этого времени набѣги киргизовъ сдѣлались рѣже и южные округи края могли идти впередъ по пути развитія. Въ 1763 г. Соймоновъ, сдѣланный сенаторомъ, уступилъ свое мѣсто знаменитому и памятнаму сибирскому народу „батьшкѣ Денису“ (Д. Ив. Чичерину). Послѣ бесполезнаго для края Салтыкова, сосланнаго въ Сибирь воеводою вмѣстѣ съ племянницею (впослѣдствіи женою царя Ивана Алексѣевича **), ссыльный Соймоновъ былъ

*) Анна вышла замужъ за Нарышкина, Марія осталась монахинею въ одномъ изъ кievскихъ монастырей.

***) Салтыковой изъ всѣхъ ссыльныхъ женщинъ жилось лучше и свободнѣе: она пріѣхала съ

единственнымъ административнымъ лицомъ въ мѣстѣ изгнанія и послѣ Многогрѣшнаго—вторымъ по времени, оказавшимъ несомнѣнныя услуги ссыльному краю.

Для всѣхъ другихъ ссыльныхъ государственныхъ преступниковъ, намъ извѣстныхъ, тяжесть неволи, помимо строгости надзора, облегчалась участіемъ и помощью простыхъ сердецъ, видѣвшихъ мученія жертвъ и сдѣлавшихъ на помощь, насколько это было возможно. Многихъ изъ далекихъ зимовьевъ губернаторы брали на себя смѣлость переводить на житье въ губернскіе города. Камчатскій губернаторъ Козловъ уважалъ Ивашкина за отца и обязанъ былъ ему многими полезными совѣтами по дѣламъ управленія, въ чемъ лично убѣдился и о чемъ свидѣтельствуется знаменитый Лаперузъ. Впрочемъ, и здѣсь мщеніе издалека не медлило налагать свою тяжелую руку: одинъ изъ провожатыхъ казаковъ, доставившій письмо отъ Гурчанинова кому-то въ Якутскѣ, высѣченъ нещадно кнутомъ, „дабы для другихъ было неповадно“. Одинъ изъ жиганскихъ жителей, передавшій князю Черкасскому (сосланному въ 1734 г.) псалтырь, также наказанъ былъ кнутомъ и переселенъ въ дальнее зимовье. 31 человекъ изъ жителей Березова и Обдорска, призерженныхъ къ Долгорукимъ, темною и дождливою ночью были схвачены, посажены на судно и сплавлены въ Тобольскъ. Не смотря на личное ходатайство сибирскаго митрополита Антонія Стаховскаго, священнику Кузнецову вырвали носдри, лишили сана и наказали кнутомъ; священниковъ Прохорова и двухъ Васильевыхъ и дьякона Кокоулина выбили плетью и, безъ лишения сана, сослали на каторгу въ Охотскій портъ. Елизавета ихъ возвратила; Долгорукіе пригласили ихъ съ собою, только березовскіе священники не согласились, рѣшившись дожить вѣкъ

штатомъ дѣвицъ, уѣхала съ великою честью. Могла держать себя гордо: не допускала къ себѣ никого, удостоивала честью посѣщенія только игуменю и не позволяла передъ собою садиться даже дядѣ воеводѣ. Содержалась она въ Енисейскомъ монастырѣ.

въ Березовѣ, но обдорскій священникъ и дьяконъ выѣхали въ Москву, въ домовую церковь Долгорукихъ..

Во всякомъ случаѣ, молва о страданіяхъ, о набожности, о смиренной покорности службѣ ссыльныхъ ушла въ преданіе. Разрыхлилась почва, предназначенная для будущихъ несчастныхъ этого рода въ такой мѣрѣ, что въ туземномъ населеніи приготавлились иныя взрѣнія на этихъ людей, извѣстныхъ въ Сибири подъ именемъ „секретныхъ“. При неусыпномъ надзорѣ они исторгли уваженіе даже среди униженій и страданій. Туземное населеніе, вопреки увѣреніямъ противной стороны и при видѣ частыхъ переиѣнъ судьбы этихъ ссыльныхъ къ лучшему и къ полному прощенію, воспиталось въ наибольшей готовности содѣйствія и помощи и укрѣпилось въ этомъ обязательствѣ въ виду несомнѣнныхъ достоинствъ и крупныхъ добродѣтелей многихъ изъ ссыльныхъ. Настоящій вѣкъ, хвастливый своими гуманными доблестями, увидѣлъ это явленіе въ характерѣ сибиряковъ въ самыхъ яркихъ чертахъ и убѣдился въ его существованіи многочисленными ясными и безспорными доказательствами. „Мы видѣли,—говорить одинъ изъ государственныхъ преступниковъ 1825 года:—сибирскихъ мужиковъ, стоявшихъ на дорогѣ на холодѣ (въ зиму 1826 г.), подъ открытымъ небомъ. Это былъ обычай жителей собираться изъ окрестныхъ деревень на большую дорогу и дожидаться „несчастныхъ“, чтобы продать имъ съѣстные припасы, теплые чулки и т. п. Бѣднѣйшіе получали эти предметы даромъ. Это бываетъ по два раза въ недѣлю. Я узналъ послѣ, что это христіанское обыкновеніе существуетъ съ древнѣйшихъ временъ“. Между петровскимъ временемъ, когда за плѣнныхъ шведовъ сибиряки гнушались выдавать своихъ дочерей и вызвали насильственные мѣры, и настоящимъ вѣкомъ, обильнымъ ссылкою поляковъ, лежитъ уже цѣлая бездна. Томскіе жители, не принимавшіе къ себѣ на квартиру декабриста Ватенкова, представляютъ единственный примѣръ, обладающій всѣми свойствами исключительнаго и страннаго явленія

ГЛАВА VI. ДЕКАБРИСТЫ.

Ссылка декабристовъ.—Путь ихъ по Россіи и Сибири.—Фельдъегери.—Встрѣчные.—Губернаторы.—Казанскій городничій.—Судьба первыхъ восьми.—Жизнь до Читы.—Волконскій.—Трубецкой.—(Оболенскій.—Братья Борисовы.—Якубовичъ.—Волконская.—Трубецкая.—Ген.-губ. Броневскій.—Владодатскій рудникъ.—Свиданія.—Столкновенія.—Прапорщикъ Рикъ.—Приставъ Лепарскій.—Прибытіе остальныхъ декабристовъ.—Встрѣча.—Пребываніе въ Читѣ.—Помѣщеніе.—Казематы.—Поэтъ Одоевскій.—Новая тюрьма.—Работы.—Чита.—Болѣзнь неволи.—Исторія Сухинова.—Бунтъ въ Кличкинскомъ рудникѣ.—Судъ и казни.—Новыя правила.—Строгости.—Дубининская исторія.—Инструкція караульнымъ.—Смольяниновъ и его жена.—Штабъ Лепарскаго.—Клубъ.—Переписка съ родными.—Ослабленіе строгостей.—Общій столъ.—Домашнія занятія и самовоспитаніе.—Корниловичъ.—Мухановъ.—Никита Муравьевъ.—Пушкинъ.—Д. И. Завалишинъ.—Докторъ Вольфъ.—Арт. Зах. Муравьевъ.—Кюхельбекеръ.—Лукинъ.—Юшневскій.—Музыка.—Вороды.—Не-декабристы.—Религіозность.—Женщины героини.—Трубецкая.—Губернаторъ Цейдлеръ.—Волконская.—Правила для женъ.—Муравьева-Апостолова.—Нарышкина.—Фонвизина.—Давыдова.—Анненкова.—Янтальцова.—Розень.—Дѣти.

Представляемая здѣсь свѣденія собраны на мѣстахъ, въ самомъ источникѣ, какъ и всѣ тѣ, которыя вошли въ составъ этого сочиненія и которыя провѣрены подлинными документами, какъ это очевидно для внимательнаго читателя. На этотъ разъ возможность повѣрки матеріаловъ, по счастливому стеченію обстоятельствъ, обезпечивалась наибольшимъ успѣхомъ. Автору этой статьи привелось ознакомиться съ записками и сказаніями десяти узниковъ, по большей части говорящихъ въ одно и то же время объ однихъ и тѣхъ же предметахъ; стало быть, при столь частыхъ противорѣчіяхъ, когда многими измѣняла память или индивидуальныя воззрѣнія, можно было доискиваться истины въ сопоставленіи различныхъ мнѣній и придерживаясь мнѣнія большинства. Сверхъ лично добытыхъ свѣденій, черезъ разпросы и справки въ архивахъ, авторъ дополнилъ и провѣрилъ свѣденія по запискамъ слѣдующихъ декабристовъ: по печатнымъ—А. П. Оболенскаго, М. А. Бестужева, И. Д. Якушкина, автора книги „Межуры декабриста“; по рукописнымъ запискамъ: Н. В. Васаргина, барона Соловьева, Д. И. Завалишина, барона Штейнгеля; по разсказамъ И. И. Горбачевского и по собственноручнымъ письмамъ Н. А. Бестужева. Сверхъ того, въ рукахъ автора этой статьи были рукописныя записки ген.-губ. Восточной Сибири С. В. Броневского, многія печатныя свѣденія (напр., Е. П. Ковалевского „Графъ Блудовъ и его время“, мелкія замѣтки, разбросанныя по журналамъ) и, сверхъ того, многочисленныя разсказы туземцевъ-современниковъ, собранныя во время двухгодичной поѣздки автора по Сибири въ 1859—1861 гг. Наиболѣе другихъ въ этомъ исправленномъ изданіи авторъ пользовался матеріалами и данными, готовно и радушно переданными Дм. Ирин. Завалишинымъ.

То же состраданіе къ участи обреченныхъ въ

ссылку, исходящее изъ непосредственныхъ чувствъ богатаго русскаго сердца, то же безавѣтное участіе всѣхъ случайныхъ свидѣтелей встрѣтило и провожало до крайнихъ предѣловъ изгнанія и этихъ новыхъ ссылныхъ 1826 года, получившихъ по дорогѣ въ Сибирь и въ самой странѣ изгнанія прозваніе „князей“. На этотъ разъ это состраданіе и участіе, составляющія привилегію русскаго народа, выразились съ большею полнотою и въ наиболѣе широкихъ размѣрахъ. Если обыкновеннымъ „несчастливымъ“ успѣвають посягать только встрѣчные и „милостивцы“ являются въ видѣ крестьянъ, мѣщанъ и купцовъ, то на этотъ исключительный разъ тѣ же чувства готовно высказывались и со стороны высшихъ сословій, людей большаго образованія, способныхъ сознавать и давать отчетъ въ собственныхъ поступкахъ. На этотъ разъ христіанскія чувства успѣли обнаружиться даже на самыхъ первыхъ шагахъ въ неволѣ. Петръ Николаевичъ Мысловскій, протоіерей Казанскаго собора, избранный въ духовные отцы заключеннымъ и въ видахъ содѣйствія слѣдственной комиссіи, ставъ единственнымъ и безавѣтнымъ ихъ другомъ. Изъ постоянного собесѣдника и утѣшителя оны превратился для нихъ въ комиссіонера, умѣнаго среди опасностей риска, съ осторожностью, находившею силы въ искренности чувствъ христіанской любви, быть посредникомъ между заключенными и ихъ родными. Его содѣйствію, между прочимъ, обязаны были жены ссылныхъ тѣмъ, что за день узнавали о тщательно скрываемихъ срокахъ отправленія своихъ мужей и имѣли возможность видѣться съ ними на дорогѣ. Ему, въ благодарность за благодѣянія, завѣщала Рылѣвъ одну изъ своихъ золотыхъ табакерокъ.

Команданты объявляли приговоръ о ссылкѣ со слезами на глазахъ, обращались учтиво, такъ что нѣкоторымъ изъ нихъ приходилось выслушивать самую искреннюю и сердечную благодарность. Плачь - адъютантъ крѣпости,

адъютанты военного министра (Татищева), посланные быть свидѣтелями отправленія приговоренныхъ въ Сибирь и обязанные слѣдить, чтобы ссыльные не имѣли при себѣ денегъ, передаютъ въ руки деньги свои собственныя и довѣренныя имъ родными приговоренныхъ и отобранныя при арестѣ. Передавая деньги, эти люди усердно просили дать имъ новую комиссію, предлагали услуги передать какое либо порученіе роднымъ. Прощаясь, они обнимались и плакали. Солдаты и всѣ приставники сильно мирволили; одинъ офицеръ, водившій арестованныхъ гулять на берегъ Невы у крѣпости, рекомендовалъ даже иностранное судно для побѣга за границу и обязывался устроить побѣгъ за 2 тысячи рублей для всѣхъ заключенныхъ.

Фельдъегери, садясь на переднюю тройку для открытія поѣзда (съ четырьмя тройками назади, на которыхъ сидѣли ссыльные по одному въ экипажѣ, съ однимъ жандармомъ на каждомъ), гнали во всю прыть только по Петербургу, за заставою же ѣхали обыкновенно рысью; на станціяхъ намѣренно медлили во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда для свиданія встрѣчались съ путешественниками ихъ жены и родные. Иногда останавливались ночевать; цѣпи на ночь позволяли снимать съ ногъ; служили поварами, завозили къ помѣщикамъ въ гости, когда заѣхали въ глушь Вятской и Пермской губерніи; были покорными слугами. Жандармы также прислуживали съ готовностью и радѣніемъ, оправдываясь тѣмъ, что приказано-де обходиться вѣжливѣе и беречь здоровье. Смотрители на станціяхъ старались угодить, чѣмъ могли, накормить и напоить всѣмъ, что имѣли.

Одну партію (4-хъ человекъ) на станціи за Шлиссельбургомъ встрѣтила со слезами кучка женщннъ, предлагавшихъ деньги, бѣлье, платье; это была случайно проѣзжавшая помѣщица, ѣхавшая изъ имѣнія съ дочерью въ Петербургъ. Другая партія (также изъ 4 человекъ) на почтовой станціи въ Рыбинскѣ, получившая позволеніе отдохнуть, нашла одну изъ двухъ комнатъ, съ диваномъ и кроватью, занятою проѣзжими и потому размѣстились на полу первой. Но лишь только они успѣли лечь, отворилась дверь сосѣдней комнаты и проѣзжіи вышелъ оттуда съ двумя мальчиками, изъ которыхъ одинъ несъ подушку, другой—узелъ. На извиненіе о беспокойствѣ, причиненномъ бряканіемъ кандаловъ, проѣзжіи учтиво отвѣчали: „Прошу васъ, господа, въ мое помѣщеніе, оно теплѣе и вы тамъ лучше отдохнете. Вашъ путь великъ, а мой только до Петербурга“. Незнакомецъ этотъ былъ адмиралъ съ георгіевскимъ крестомъ, ѣхавшій отдавать своихъ сыновей въ Петербургъ въ кадетскій корпусъ. Пока эта партія собиралась обѣдать въ гостиницѣ, въ городѣ Ярославлѣ, на площади собрался народъ. Въ $\frac{1}{4}$ часа площадь пере-

полнилась народомъ такъ, что яблоку упасть было некуда. Начальство приняло мѣры предосторожности: у воротъ извѣтъ поставлены были съ обнаженными саблями жандармы; на тройки въ сани усаживались при запертыхъ воротахъ и, едва лишь послѣднія были отперты, съ быстротою птицы тройки полетѣли черезъ площадь. Одинъ изъ ѣхавшихъ едва успѣлъ поднять руку, чтобы снять шапку, какъ уже вся толпа обнажила головы и всѣ кланялись съ чувствомъ самаго искренняго участія. „О народной мести,— замѣчаетъ одинъ изъ свидѣтелей этой сцены:— и рѣчи быть не могло“. Слѣдовавшую за этою партію народъ продолжалъ убѣждать въ противномъ; толпясь около телѣгъ и повозокъ, онъ бросалъ свои мѣдные гроши. Одну копейку, полученную отъ нищей старухи, Николай Васильевичъ Васаргинъ хранилъ, какъ драгоценность. Въ Ярославлѣ одной партіи разрушено было губернаторомъ пробыть 6 часовъ и все время провести въ свиданіи съ родными; фельдъегерь не противился проводамъ родныхъ этихъ до слѣдующей станціи и не мѣшалъ сдѣлать книжные запасы. Когда случайно съѣзжались двѣ партіи, нѣкоторые фельдъегери не задумывались согласиться ѣхать вмѣстѣ и не мѣшали обмѣну мыслей долго не видавшихся другъ съ другомъ товарищей въ теченіи не одного дня (въ Иркутскѣ давалось прожить въ тѣсномъ кружкѣ товарищей болѣе недѣли). Въ городахъ чиновники, на станціяхъ этапные офицеры—всѣ относились съ участіемъ; во всѣхъ это участіе было неподдѣльно. Ямщики привязывали къ санямъ кибитки, бережно обкладывали ноги сѣномъ. Въ одномъ городѣ Вятской губерніи одной партіи проѣзжихъ сдѣлали обѣдъ и балъ; другая партія сама воспользовалась послѣднимъ уже въ Сибири. Видя освѣщенные окна и соблазнившись долетавшими до слуха музыкальными звуками, четверо товарищей подговорили фельдъегеря нарядиться „ряжеными“, въ видѣ медвѣдя съ козою и проводниками, пришли на вечеринку, потанцовали, поужинали и, оставивъ хозяевъ въ недоумѣніи объ отличныхъ пришлыхъ танцорахъ, опять надѣли кандалы и поѣхали дальше на каторгу.

Дорогою путешественники избѣгали говорить по французски, зная, что фельдъегерямъ дано право, въ случаѣ нарушенія этого приказанія, оставить безъ обѣда. Тобольскій гражданскій губернаторъ, Бантышъ-Каменскій (издатель известнаго въ литературѣ „Словаря“), дарилъ двухдневнымъ отдыхомъ, заботливо разспрашивая о нуждахъ, о здоровьѣ; полиціимейстеръ отлично угощалъ, предлагая до 12 сортовъ всякихъ рыбъ, живущихъ въ сибирскихъ рѣкахъ. Отъ Тобольска въ проводники выдавались уже чиновники, и Бантышъ, прощаясь съ проводниками, говорилъ послѣднимъ: „Примите арестантовъ, но помните, что вы имѣете дѣло

съ благоспитанными людьми“. Въ Тарѣ тѣмъ же гостепримствомъ встрѣчалъ полиціймейстеръ Степановъ, кавказскій воинъ времяемъ Ермолова, который, будучи привлечень къ отвѣту, умѣлъ отвѣчать коротко, что руководился заповѣдью христіанской любви. Въ Красноярскѣ жители спорили за право чести принять у себя проѣзжихъ и угостить ихъ; угощалъ самъ губернаторъ, Алек. Петровъ. Степановъ (авторъ „Постоялаго двора“ и „Описанія Енисейской губерніи). Купцы, добившіеся чести накормить „несчастныхъ“, принимали въ лучшихъ комнатахъ, угощали по русски всѣмъ, что было въ печи, топили бани, снабжали на дорогу винами и закусками. Въ Иркутскѣ самую первую партію приняли съ тою же ласкою, какою пользовались остальные. Исправляющій должность губернатора поговорилъ съ каждымъ съ участіемъ, но особенное вниманіе оказалъ чиновникъ, бывшій свидѣтелемъ разговора. Когда старшіе удалились, онъ остался: со слезами на глазахъ, едва внятнымъ голосомъ отъ душевнаго волненія, молилъ каждаго изъ четырехъ не отказаться принять отъ него по 25 руб., не сдаваясь на убѣжденія, что въ деньгахъ путники не нуждаются. Одну изъ позднѣйшихъ партій въ Каинскѣ городничій, бывшій фельдъегерь, встрѣтилъ въ сопровожденіи двухъ человекъ, несшихъ огромную корзину съ винами и съѣстными припасами всякаго рода, и также убѣдительно приглашалъ принять деньги, говоря: „Ради Бога, примите! Нажилъ не совсѣмъ чисто—взятками. Возьмите, на совѣсти легче станетъ... Семейства у меня нѣтъ, беречь некому; забавите меня, сдѣлаете доброе дѣло“. Прочіе чиновники и купечество, по возможности, старались успокоить и доставить развлечения во время короткаго пребыванія въ городахъ и „никакимъ словомъ, никакимъ поступкомъ не оскорбили въ насъ того чувства собственного достоинства, которое неизмѣнно нами сохранилось“.

Первую партію обвиненныхъ изъ государственныхъ преступниковъ 1825 года, первыхъ восемь отправили въ Сибирь черезъ 11 дней послѣ исполненія приговора верховнаго суда надъ пятью приговоренными къ лишенію жизни. Сначала повезли четырехъ: Евгенія Петровича Оболенскаго, Александра Ивановича Якубовича, Артамова Захаровича Муравьева, Василя Львовича Давыдова; потомъ остальныхъ четырехъ: Сергѣя Петровича Трубенцова, Сергѣя Григорьевича Волконскаго и двухъ братьевъ Борисовыхъ (Петра Ивановича и Андрея Ивановича). По приѣздѣ двухъ первыхъ (Оболенскаго и Якубовича) отправили въ Иркутское-Усолъе, на солеваренный казенный заводъ (за 68 верстъ отъ города), двухъ вторыхъ (Муравьева и Давыдова) въ Александровскій винокуренный (также вблизи Иркутска). Къ этимъ присоеди-

нили потомъ братьевъ Борисовыхъ, а Трубенцова и Волконскаго отправили въ Николаевскій винокуренный заводъ. Поселили на заводахъ Иркутскаго округа потому, что не было предписанія отправить непременно въ нерчинскіе рудники. Тюремщики, на сколько возможно было, старались облегчать ихъ участь: не запирая въ тюрьму и не смѣшивая съ преступниками, они позволили имъ жить на вольныхъ квартирахъ, но невидимый полній надѣйскзоръ наблюдалъ за ними. Надзоръ этотъ давалъ себя чувствовать въ видимыхъ знакахъ осторожныхъ шаговъ, приближавшихся къ дому, и двухъ глазъ, которые можно было замѣчать сквозь щели въ ставняхъ. Глаза эти видѣли немного: либо обѣдъ и ужинъ, довольно, впрочемъ, сытные, хотя и не роскошные, иногда видѣли шапечную доску и шахматы; уши слышали: либо рассказы о прежней жизни, либо горячіе споры по поводу послѣднихъ событій, послужившихъ причиною несчастій.

Начальники старались быть не только ласковыми, но и внимательными, уступчивыми, снисходительными. Обязанные употреблять ссыльных въ работу, старались заказывать ее только для формы; никакихъ притѣсненій не дѣлали. Съ казенными топорами ссыльные обыкновенно отправлялись на дровосѣчки. Вслухъ приказывалось нарубить дровъ по заводскому положенію, а вслѣдъ за тѣмъ на ухо и шопотомъ объявлялось, что должны ходить туда для прогулки и что урокъ, вмѣсто нихъ, исполненъ будетъ другими. Особенно отрадны были эти утѣшенія для тѣхъ, которые попались на солеваренный заводъ и передъ ихъ глазами проходили настоящіе рабочіе, съ ногъ до головы покрытые солеными кристаллами, засохшими на бородѣ, на вискахъ и на платьѣ. Солеварщики работали безъ рубашекъ, по причинѣ необычайной жары, наполнявшей варницу съ накаленнымъ до красна чреномъ (сковородою) и подвергались всѣмъ опасностямъ ревматизмовъ, отсутствія аппетита и проч. и всѣмъ „тяжестямъ“ труда, требовавшего выливать изъ соленого источника большое число ушатовъ рассола въ варницу ежедневно, безъ праздничихъ дней. Передъ поселенными на винокуренныхъ заводахъ стараго допотопнаго дѣла такіе же живые люди цѣлые дни стояли въ душливомъ жару въ жиганахъ около печей или въ заторщикахъ у квашни, когда намоченныя руки забнутъ ѣдкимъ, невыносимымъ ознобомъ, а вся одежда покрывается инеемъ, куржавѣть, показывая въ перспективѣ лихорадки, постоянную дрожь во всемъ тѣлѣ и то же отсутствіе аппетита. Эта чаша прошла мимо. Особенно искусно отстранялъ ее Крюковъ—начальникъ Усолъя, сумѣвшій вызвать благодарность слова на память потомству отъ обоихъ лицъ, довѣренныхъ его долору и воспользовавшихся его вполне гуман-

нымъ обращеніемъ. Такимъ льготамъ суждено было продолжаться не долго; срокъ перваго назначенія танулъ лишь одинъ мѣсяцъ съ нѣсколькими днями, вскорѣ всѣхъ восьмерыхъ свезли снова въ Иркутскъ и порадовали только взаимнымъ свиданіемъ. Успѣли ихъ угостить чаемъ, завтракомъ—и на свѣжихъ тройкахъ немедленно отправили въ нерчинскіе рудники, черезъ Байкаль. Однихъ успѣли перевести на двухмачтовомъ низенькомъ суднѣ, другихъ—по такъ называемой „кругоморской дорогѣ“ сухопутнымъ и подъ дозоромъ тѣхъ же добрыхъ людей казаковъ, „готовыхъ оказать всякую помощь и всякую услугу“, привезли всѣхъ въ Благодатскій рудникъ. На дорогѣ ссыльные успѣли воспользоваться еще кое-какими знаками участія: въ одномъ мѣстѣ, за Верхнеудинскомъ, на перевозкѣ и на ночлегѣ получили хлѣбъ-соль отъ одного старика-старожилы; въ другомъ мѣстѣ (въ селѣ Банкинѣ) тамошній богатъ (знаменитый въ Сибири Кандинскій) угостилъ роскошно съ полнымъ радушіемъ, и только опасеніе не ввести проводниковъ (казацкихъ офицеровъ) въ отвѣстность помѣшала проѣзжимъ воспользоваться радушіемъ богатыхъ хозяевъ вполнѣ.

Въ Благодатскомъ рудникѣ оказалась для прѣзжихъ новая казарма, нарочно для нихъ приготовленная. Здѣсь ожидало ихъ грубое обращеніе начальника нерчинскихъ заводовъ, сожалѣвшаго о томъ, что ему приказано было заботиться о здоровьѣ государственныхъ преступниковъ; однако, три дня дали отдохнуть и оглядѣться. Казарма оказалась строеніемъ состоящимъ изъ двухъ избъ: передняя—для караульныхъ, задняя—тюрьма съ огромною русскою печью на дѣво и съ тремя чуланами на право, отдѣленными другъ отъ друга досчатыми перегородками. Въ чуланы вели двѣ ступеньки, каждый былъ снабженъ дверью. Двери не запирались; обѣдали, пили чай и ужинали всѣ 8 вмѣстѣ; въ чулاناхъ размѣстились такъ, какъ позволяла тѣснота и неудобства. Въ этихъ своихъ конурахъ они съ трудомъ могли двигаться и испытывали тѣ муки, какія доставляютъ тюремныя наѣкомыя, буквально покрывавшія ихъ въ новомъ зданіи съ ногъ до головы. По рассказамъ этихъ страдальцевъ, они доставали скипидару, натирали имъ все тѣло и лишь добивались новыхъ мукъ, когда все тѣло горѣло и кожа лоскутьями сходила прочь. Внутренній караулъ изъ горнаго унтеръ-офицера съ тремя рядовыми назначенъ былъ для безсѣйнаго наблюденія. На работахъ были раздѣлены: всѣхъ распредѣлили по разнымъ шахтамъ тотчасъ, какъ кончился срокъ трехдневнаго отдыха. Дали каждому по каторжному въ товарищи и руководители, на каждую такую пару по сальной свѣчкѣ въ фонарѣ, одному—кирку, другому товарищу—молоть. „Ра-

бота предлагалась не хитрая и была не тягостна,—увѣряетъ одинъ изъ 8-ми:—подъ землею вообще довольно тепло, но когда нужно было согрѣться, я бралъ молоть и скоро согрѣвался“. Руководители и наставники превратились въ помощниковъ и за глазами дозорщиковъ не разъ, въ порывѣ усердія, исполняли за нихъ урочную работу, и все это дѣлали безъ надежды возмездія. Знаменитый разбойникъ, красивый богатырь Орловъ, всякій разъ при приближеніи „князей“, запѣвалъ съ товарищами звучнымъ и серебристымъ голосомъ заунывную пѣсню, предугадывая мысли и перенося слушателей въ далекую покинутую родину *). „Въ одиннадцать часовъ звонокъ возвѣщаль окончаніе работы и мы возвращались въ казарму (выходя изъ нее въ 5 часовъ утра). Начинались приготовленія къ обѣду, артельщикомъ былъ нами выбранъ Якубовичъ, какъ самый опытный по военно-кухонной части“. Изъ отобранныхъ денегъ выдавали часть на нужды и требовали отчетъ. „Денегъ осталось весьма мало, всякій отдавалъ изъ своихъ, что хотѣлъ, и никто не требовалъ большаго противъ того, что было нами показано“. „Большое утѣшеніе для насъ было то, что мы были вмѣстѣ; тотъ же кругъ, въ которомъ мы привыкли, въ продолженіи столькихъ лѣтъ, мѣняться мыслями и чувствами, перенесенъ былъ изъ петербургскихъ палатъ къ нашу убогую казарму. Все болѣе и болѣе мы сближались и общее горе скрѣпило еще болѣе узы дружбы, насъ соединившей“. Всѣ вечеръ для заключенныхъ былъ свободенъ.

Сюда же, вслѣдъ за мужьями, прибыли княгини Волконская и Трубецкая. Прибытіе ихъ благодѣтельно подѣйствовало на всѣхъ, съ ними образовалась семья. При ихъ участіи началась и укрѣпилась связь съ покинутыми родными и близкими сердцу посредствомъ извѣстій и тайной переписки; своими руками онѣ шили все, что находили необходимымъ для каждаго изъ 6-ти чужихъ; онѣ же выдумывали и приносили въ тюрьму импровизированныя блюда (когда и „недопеченный хлѣбъ казался вкуснѣе лучшаго произведенія перваго петербургскаго булочника“); онѣ же хлопотливо закупили все, что нужно было товарищамъ. „Но какъ исчислить все то, чѣмъ мы имъ обязаны въ продолженіи столькихъ лѣтъ, которые ими посвящены были попеченіямъ о своихъ мужьяхъ, а вмѣстѣ съ ними и объ насъ; словомъ, здѣсь, въ Благодатскомъ рудникѣ, эти первыя („высокія по сердцу и по характеру“) русскія женщины начали первые шаги къ той великой миссіи служенія, которая, въ лицѣ ихъ, обнаружила неисчерпаемое богатство русской женской природы,

*) Князьями называли по тому, что во многихъ партіяхъ были князья: Оболенскій, Барятинскій, Щепинъ-Ростовскій, Трубецкой, Волконскій, Шаховской, Одоевскій, еще Оболенскій.

способной на челолюбие и помощь до жертвы, на любовь до самоотвержения. Въ лицѣ ихъ русскія женщины имѣютъ наилучшихъ представительницъ, душевныя качества достигли въ нихъ до апогея. Въ дни и часы, дозволенные для свиданій, онѣ своимъ присутствіемъ оживляли тѣсныя и душныя клѣтки; въ другіе свободныя часы имъ выносили два стула на улицу: онѣ сядились противъ единственнаго окна и проводили часть и болѣе въ нѣмой бесѣдѣ съ мужьями. Однажды одна изъ нихъ (Екат. Иван. Трубецкая) пришла на свиданіе съ мужемъ въ изношенныхъ, истертыхъ ботинкахъ и, въ трескучій морозъ, занюбила ноги; все это оттого, что изъ новыхъ и теплыхъ ботинокъ она сшила одному изъ товарищей мужа шапочку для головы, снабдивъ уже таковою мужа, чтобы уберечь волосы отъ руды, которая сыпалась при каждомъ сотрясеніи горы ударами молотомъ.

Оба эти явленія поучительны въ жизни нашихъ ссыльныхъ; и высокая миссія женщинъ, подымавшая нравственныя силы изгнанниковъ, и организація внутренней общины съ артельнымъ началомъ, воплотившая матеріальный бытъ,—съ наибольшимъ полнотою и въ совершенной законченности обнаружилась позднѣе на все то время, когда всѣ товарищи соединены были вмѣстѣ, сначала въ Читѣ, потомъ въ Петровскомъ заводѣ. До этого соединенія участь первыхъ восьми, до извѣстной степени облегченная въ началѣ, къ концу времени пребыванія въ Благодатскомъ рудникѣ, вопреки законамъ укрѣпленія и возростанія гарантій, сдѣлалась болѣе тягостною; произволь одного изъ горныхъ офицеровъ, Рика, назначеннаго для ближайшаго надзора, прекратилъ сношенія товарищей тѣмъ, что заперъ чуланы и запретилъ общій столъ и ужинъ. Отчаяніе одиночества въ душныхъ клѣткахъ (по 3 аршина длины и по 2 ширины) вынудило рѣшительную мѣру: заключенники рѣшились не принимать пищи. Это рѣшеніе принято было за бунтъ; горячій приставникъ велѣлъ уже солдатамъ пустить въ дѣло штыки и приклады. Въ глазахъ горнаго начальника (Бурнашева) представлялась цѣлая опасная бездна отвѣтственности, но находчивость и благоразуміе взяли верхъ. Горный начальникъ поспѣшилъ показаться грознымъ въ виду свидѣтелей, но чуланы отперъ, а вскорѣ поспѣшилъ удалить и виновника неприятели, давъ ему другую командировку. Мужьямъ облегчено свиданіе съ женами въ ихъ собственной квартирѣ, весной дано позволеніе всѣмъ на прогулки въ окрестностяхъ завода, даже на 9 верстъ до береговъ Аргуни, но работа измѣнена и сдѣлалась болѣе тягостною и трудною. На мѣсто подземной назначена новая на поверхности горы въ рудораздѣльной свѣтлицѣ; вечеръ пересталъ быть свободнымъ. Ссыльные обязаны были носить въ уродливыхъ и тяже-

лыхъ носилкахъ руду съ мѣста раздѣла на складочное. Надо было проходить шаговъ 200, перетаскать до 30 носилокъ и, считая по пяти пудовъ въ каждой, полтора ста пудовъ могли казаться возможными только для привычныхъ и сильныхъ. Не всѣ были въ состояніи исполнить урокъ: въ 11 часовъ работа кончалась, но въ часть звономъ призывалъ на новую до 5 или 6 часовъ вечера. Прогулки на Аргунь прекратились, на ихъ мѣсто сталъ обязательный необходимый отдыхъ. Когда назначенъ былъ для всѣхъ государственныхъ преступниковъ новый комендантъ Лепарскій, ихъ свели въ кузницу и заковали въ ножныя кандалы. Военный караулъ былъ усиленъ: изъ 3 казаковъ стало 12; горный начальникъ и чиновники стали бояться оказывать снисхожденіе; казаки почувствовали ту же самую необходимость. Между военными и горными властями установился, такимъ образомъ, взаимный контроль, отразившійся на узникахъ наибольшими стѣсненіями, хотя Лепарскій, посѣтившій Благодатской рудникъ, былъ учтивъ и ласковъ и далъ надежду на улучшеніе участи. Такъ текли дни за днями, пока строился новый острогъ въ Читѣ и наполнялся товарищами, свозимыми туда изъ разныхъ крѣпостей Россіи. Въ то время, когда этихъ 8 препроводили въ Сибирь, нѣкоторыхъ другихъ изъ переполненной Петровской крѣпости перевезли въ крѣпостныя тюрьмы въ Шлиссельбургъ, въ Роченсальмъ, Свеаборгъ, Нейшлотъ, Свартгольмъ, Выборгъ и на Аландскіе острова *). Оставлены были въ крѣпостяхъ, въ видѣ милости, пятеро: Батенковъ, Вильгельмъ Кюхельбекеръ — поэтъ, Іосифъ Поджіо, В. Норовъ и Дивовъ (послѣдній въ крѣпости и умеръ); первый пробылъ въ одиночномъ заточеніи 20 лѣтъ, трое другихъ около 10-ти **). Они свидѣлись съ товарищами уже

*) Такъ, между прочими: Ив. Дмит. Якушкина, Матв. Ив. Муравьева - Апостола, Алек. Алек. Бестужева (Марлинскаго), Антона Петр. Арбузова и Тютчева перевезли въ Роченсальмъ. Здѣсь ихъ содержали въ фортѣ «Слава» весьма дурно, въ сырыхъ, темныхъ казематахъ; кормили гнилою ветчиною, хлѣбъ давали не всегда выпеченный, вѣтеръ съ моря солонилъ воду единственнаго колодца. У Бестужева и Муравьева оттого появились солитеры. Когда Бестужевъ угорѣлъ до обморока, рѣшились не запереть казематы. Въ Выборгѣ Мих. Сер. Лунинъ отъ скорбута потерялъ всѣ свои зубы, кромѣ одного. Вмѣстѣ съ Лунинымъ содержались въ Выборгѣ Митковъ и Мухановъ; въ Кехегольмѣ: Поджіо, Вадковскій, Барятинскій, Горбачевскій, Вил. Кюхельбекеръ; въ Шлиссельбургѣ: Юшневскій, Н. и М. Бестужевы, Дивовъ, Пестовъ и Пуцанъ. Изъ форта «Слава», по случаю рожденія великаго князя Константина Николаевича, освободили А. А. Бестужева (Марлинскаго) и Муравьева и увезли сначала Бестужева (въ Якутскъ на поселеніе вмѣсто каторги), потомъ Матвѣя Ивана Муравьева-Апостола.

**) Г. С. Батенковъ не отправленъ въ Сибирь, потому что имѣлъ тамъ связи, какъ сибирякъ и какъ служившій тамъ.

въ Сибири. Въ Читѣ имъ жить не привелось.

Послѣ коронаціи учрежденъ былъ особенный комитетъ (Чернышевъ, Дибичъ, Бенкендорфъ и др.) для составленія устава относительно заключенія и содержанія государственныхъ преступниковъ. Мѣстомъ для заключенія былъ избранъ Акатуйскій серебряный рудникъ, въ немъ былъ уже заложенъ фундаментъ острога, но такъ какъ постройка тюрьмы должна была продолжаться года два или три, то поэтому и назначили на время Читы. Мыслью помѣститься всѣмъ виѣстѣмъ обязаны были товарищи, какъ думаютъ они, генераль-губернатору Лавинскому, случайно бывшему въ Петербургѣ. Лавинскій умѣлъ объяснить необходимость сосредоточенія всѣхъ въ одномъ казематѣ для лучшаго надзора. Разъединенные по заводамъ, какъ первые 8, при недостаткѣ и трудности наблюденія, они, по мнѣнію Лавинскаго, могли быть не безопасными для всего края. Та же коммиссія выработала правила для содержанія государственныхъ преступниковъ, каковыя и переданы были вызванному въ Москву Лепарскому, только что произведенному въ генераль-майоры.

Станиславъ Романовичъ Лепарскій былъ назначенъ комендантомъ съ большими полномочіями. До того времени онъ былъ командиромъ конно-егерскаго Сѣверскаго полка, котораго шефомъ былъ императоръ Николай Павловичъ, будучи великимъ княземъ. Онъ лично зналъ Лепарскаго за человѣка, отличавшагося образованностью и теплымъ сердцемъ; если въ какомъ либо полку случались несприятности, вынуждавшія переводъ офицеровъ, то всегда такъ называемыхъ безпокойныхъ головъ переводили къ нему въ полкъ, онъ со всѣми умѣлъ ладить, никого не оскорбляя, и не имѣлъ враговъ. Лепарскій былъ уже очень старъ: при Кагулѣ онъ былъ въ ординарцахъ у Румянцева, въ конфедератскую войну былъ уже майоромъ. Полякъ по происхожденію, человѣкъ знатной фамиліи по рожденію, онъ воспитывался въ полоцкой иезуитской школѣ и былъ человѣкомъ ловкимъ и образованнымъ: зналъ латынь, свободно выражался по французски и по нѣмецки. Еще въ молодости ему поручено было вести въ Сибирь польскихъ конфедератовъ и онъ такъ ловко исполнилъ это порученіе, что извѣстность его въ этомъ отношеніи была именно такова, что не приводилось дѣлать выбора помимо его. „Въ Сѣверскомъ полку онъ былъ извѣстенъ, какъ кроткій, снисходительный начальникъ и, вообще, былъ любимъ и сослуживцами и подчиненными“. „Не смотря на то, что всю жизнь провелъ въ отдаленныхъ гарнизонахъ, онъ все-таки шелъ впередъ, благодаря своему хорошему образованію“. „Не смотря на преклонность лѣтъ и на странность пріемовъ, онъ былъ человѣкъ очень не глупый и умъ у него былъ еще свѣжъ, а что и того лучше, сердце у него было совер-

шенно на мѣстѣ, нисколько не стариковское“. Излишнюю, иногда мелочную придирчивость ему прощали; прощали и грубость, которую нерѣдко позволялъ онъ въ отношеніяхъ съ бѣднѣйшими изъ товарищей. Это многимъ дало поводъ находить, что онъ мало заботился о матеріальномъ положеніи массы и былъ лицепріятенъ лишь къ избраннымъ, сильнымъ въ томъ или другомъ отношеніи. Самъ онъ не имѣлъ надобности корытоваться, будучи 80 лѣтъ, не имѣя семьи и получая содержаніе больше генераль-губернаторскаго, но не умѣлъ преграждать злоупотребленій своихъ приближенныхъ. При постройкѣ Петровскаго каземата въ его глазахъ произведено самое безцеремонное воровство. Въ Россіи его узнали за такого исполнителя, который не отступитъ ни передъ чѣмъ, не задумается привести въ исполненіе никакое предписаніе. Такъ было онъ пробовалъ дѣлать сначала, осуществляя правило: какъ можно меньше дѣлать для массы, чтобы тѣмъ свободнѣе дѣлать исключенія для нѣкоторыхъ; вполнѣ устоять ему въ этомъ не удалось. Такъ понимали его люди, зависѣвшіе отъ него, и такъ характеризовали его бывший иркутскій генераль-губернаторъ С. В. Броневскій: „Онъ прослужилъ въ кавалеріи 50 лѣтъ, извѣстенъ всей арміи отличными заслугами, честностью и добротой. Лучшаго выбора невозможно было сдѣлать. Это была эмблема доброты и кротости при твердомъ и непоколебимомъ исполненіи долга. При сдѣланномъ ему предложеніи ѣхать въ такую даль, нисколько не колебался. При бремени лѣтъ (ему было болѣе 75-ти), при бремени ранъ и болѣзней, онъ хладнокровно говорилъ, что ему кости свои суждено сложить за Байкаломъ, и за нѣсколько лѣтъ до кончины на горѣ, висѣвшей надъ казематомъ (въ Петровскомъ заводѣ), приготовилъ себѣ могилу и утвердилъ крестъ. Предчувствіе не обмануло его *). Онъ получалъ порядочное содержаніе и частыми черезъ годъ наградами онъ и его штатъ забыты не были“.

Снабженный строгими предписаніями отъ комитета, Лепарскій былъ отправленъ въ Читы, чтобы распорядиться тамъ помѣщеніемъ декабристовъ. Въ Иркутскѣ, по его требованію, была сформирована команда съ приличнымъ числомъ офицеровъ; назначенъ священникъ собственно для этихъ ссыльныхъ и команды и врачъ. Черезъ три дня, чтобы не задерживать почтовыхъ лошадей и не затруднять содержателей и проѣзжихъ, стали отправлять новыя партіи, черезъ семь мѣсяцевъ послѣ отправки первыхъ двухъ партій. Партіи эти снова состояли изъ пяти троекъ и четырехъ человѣкъ обвиненныхъ.

Съ тѣми же подробностями разъ установившихся пріемовъ отправляли коменданты крѣ-

*) Онъ кончилъ жизнь въ 1837 году.

постей каждую партію, объявля приказаніе исполнить приговоръ верховнаго суда и отправить въ Сибирь, но безъ заявленія о мѣстѣ назначенія. До Иркутска слышные не знали о послѣднемъ и только тамъ объявилась имъ Чита, и то при содѣйствіи людей, расположившихся въ ихъ пользу и рѣшавшихся тайно объявить имъ объ этомъ секретѣ. Сообщали офицеры, солдаты семеновцы, высланные за известную исторію этого полка (осенью 1821 года), мѣстные чиновники, казаки и сами приставники. Сажали въ сани (была уже зима), надѣвъ предварительно кандалы, которые для удобства позволяли подвязывать бичевками, снятыми съ перьевъ *). Неимущимъ выдавали казенное бѣлье, тулупы и чемоданы съ 2 парами шерстяныхъ носковъ, теплыми сапогами, шапкою, курткой и брюками изъ толстаго солдатскаго сукна; на другихъ, богатыхъ, собственные франтовскіе сюртуки, фраки отъ перваго портного (Вату), теплыя медвѣжья шубы, на ногахъ овчинныя одѣяла и проч. Везли съ собою поспѣшностью и скупились на отдыхъ въ той мѣрѣ, насколько позволяли силы невольниковъ, ставшія въ тѣ же условія съ силами провожатыхъ. На личномъ произволѣ фельдгегерей лежали тѣ или другія льготы, изъ которыхъ главныя состояли въ томъ, что по дорогѣ перестали разсаживать товарищей въ отдѣльные экипажи. Изъ личныхъ расчетовъ фельдгегери сокращали число троекъ до четырехъ, а прогоны за пятую опускали въ собственной карманъ. Не мало загнали лошадей по дорогѣ, не мало избили ямщиковъ, не мало надѣлали непріятностей содержателямъ и смотрителямъ, хотя губернаторы продолжали спрашивать о томъ, какъ ведутъ себя фельдгегери. Многие отличались жестокостью и сребролюбіемъ; не рѣдко препровождаемые ими платили за то, чтобы фельдгегери не замучивали крестьянскихъ лошадей. За деньги же они служили поварами, завозили къ помѣщикамъ въ гости и проч. Особенно отличался фельдгегеръ Черновъ: прогонъ не платилъ, кормилъ однимъ молокомъ и простоквашею, нигдѣ не давалъ отдохнуть, гоня въ хвостъ и гриву, такъ что, наконецъ, путники потребовали у него инструкцію и ес-

*) Способъ препровожденія послужилъ предметомъ долговременныхъ несогласій; предпочли почтовые тройки потому, что предполагали ослабить надежду и вѣротіе побѣговъ, рассчитывали избавить отъ дальняго похода; другіе полагали спасти отъ народнаго мести; многие одобрили этотъ быстрѣйшій способъ въ расчетѣ предотвратить распространеніе въ народѣ революціонныхъ идей. Тѣмъ не менѣе, офицеры Черниговскаго полка, члены южнаго общества, отправлены были въ Сибирь пѣшкомъ, по этапамъ. Такъ, между прочимъ, шли по этапу Игельстромъ, Вигелинъ и полякъ Рукевичъ; они прибыли въ Читѣ передъ отправленіемъ 7-го разряда на поселеніе.

ли въ ней нѣтъ положительнаго приказанія убить, то общались жаловаться въ первомъ же городѣ. При угрозахъ онъ на одинъ день стихалъ, но потомъ снова принимался за свое и проч. Исключеніе составлялъ Воробьевъ, не привлекавшій себя выгоды изъ порученія и не продававшій своихъ заботъ за деньги. Народъ продолжалъ оказывать сострадательное участіе. власти—вниманіе, умѣвшее переходить изъ общаго мѣста официальныхъ вопросовъ въ самые факты благотворной помощи.

Первымъ партіямъ, прибывшимъ въ Читѣ въ январѣ, мартѣ и апрѣлѣ 1827 г. *), досталось старое строеніе, очень низкое, темное и сырое; послѣдующимъ—маленькій тѣсный домикъ на другомъ концѣ селенія. Оба дома были обдесены высокими частоколомъ. По мѣрѣ прибытія новыхъ партій изъ финляндскихъ крѣпостей въ августѣ 1827 г., помѣщеніе въ этихъ домикахъ сдѣлалось очень тѣсно; казематъ еще не былъ готовъ. Новый казематъ оказался недостаточнымъ помѣстительнымъ, такъ что и прежніе дома оставались все время занятыми. Лазаретъ былъ устроенъ сначала въ маленькомъ домѣ крестьянина Голубева, на одной половинѣ. Онъ состоялъ изъ одной комнаты и не могъ служить болѣе, какъ для двухъ человекъ. Въ него ходили по очереди, чтобы отдохнуть отъ тѣсноты и шума. Такимъ образомъ, подъ конецъ въ Читѣ были три каземата, № 1, 2 и 3, и лазаретъ съ аптекою въ домѣ, особо выстроенномъ уже въ слѣдующемъ году. Здѣсь помѣстился отдѣльно отъ прочихъ товарищей докторъ Вольфъ.

Прибывавшихъ въ Читѣ принимали: капитанъ линейнаго батальона, плацъ-адъютантъ, писарь и нѣсколько караульныхъ. Они отбирали деньги, драгоценности, свидѣтельствовали вещи, мѣшки, книги и все записывали и сдавали въ канцелярію. При разспросахъ старались обходиться грубо:

— Что тамъ у тебя на пальцѣ?—грубо кричалъ линейный капитанъ одному изъ прибывшихъ.

— Обручальное кольцо.

— Долой его!

Пріѣзжіи учтиво возражали, что ему дозволялось носить кольцо въ Зимнемъ дворцѣ, въ крѣпости и что, вообще, носить его не запрещено.

*) Прибыли въ Читѣ сначала свидѣтели въ отдаленныхъ крѣпостяхъ, потомъ содержащіеся въ Петропавловской. Вотъ отчасти партіонное сотоварищество, въ составѣ котораго велики узники въ Сибирь. Одна партія: Якушкинъ, Арбузовъ, Вестужевъ (Марлинскій), Тютчевъ, М. Муравьевъ. Другая: Пушнянъ, Поджіо, Мухановъ; третья: М. А. Вестужевъ, Н. А. Вестужевъ, Барятинскій, Горбачевскій; четвертая: Фонвининъ, Вольфъ, Басаргинъ, Фроловъ; пятая: Нарышкинъ, Лореръ, два брата Бяляевы и Розенъ; шестая: Рѣпинъ, Глѣбовъ, Кюхельбекеръ; и т. д.

— Долой его, говорю тебѣ!

— Возьмите кольцо вмѣстѣ съ пальцемъ!

Этотъ же человекъ, нагрубивъ другой партіи пріѣзжихъ, ввелъ въ комнату, приставилъ къ ней караулъ и комнату заперъ, оставивъ всѣхъ безъ огня. Слыша за стѣною знакомые голоса товарищей, ихъ разговоръ, ничѣмъ не могли уклонять свиданія съ ними.

Къ стѣсненіямъ извнѣ вскорѣ не замедлила присоединиться тѣснота внутри жилищъ, изъ которыхъ одно наскоро было превращено въ казематъ изъ наемной крестьянской избы, огороженной высокими заборомъ. Между нимъ и избой оставался двухсаженный промежутокъ, съ трудомъ исполнявшій роль мѣста для прогулокъ, затрудненныхъ, сверхъ того, неуклюжими кандалами. Въ одной комнатѣ въ 8 аршинъ длины и въ 5 ширины жило 16 человекъ; въ другой такого же размѣра—то же число; въ маленькой третьей—четверо. Всѣ курили табакъ, воздухъ былъ тяжелый и становился невыносимымъ, когда послѣ солнечнаго заката запирались двери и окна. Спали на нарахъ, на войлокахъ, подъ которыми прятали свои чемоданы и сапоги; на нарахъ каждому приводилось не болѣе $\frac{3}{4}$ аршина, такъ что перевертывавшійся съ боку на бокъ толкалъ и будилъ сосѣдей. Цѣпи оставались на ногахъ и снимались только на то время, когда водили въ баню и къ причастію. Въ казематахъ шумъ отъ нихъ мѣшалъ разговорамъ. Когда въ концѣ мая оттаяла земля и могли приступить къ работамъ, земляныя работы на свѣжемъ воздухѣ показались истиннымъ блаженствомъ, удвоеннымъ еще, сверхъ того, возможностью свиданія съ товарищами, сидѣвшими въ тѣснотѣ и духотѣ второй тюрьмы. Свиданіе повторялось по два раза въ день: утромъ отъ 8 час. до 12-ти и вечеромъ отъ 2-хъ до 5-ти. На работы изъ всѣхъ казематовъ отправляли подъ конвоемъ по 16-ти человекъ. Заставили рыть фундаментъ для новой тюрьмы и частоколь и ямы для погребовъ. Когда не всѣхъ привезли, работы не было послѣ обѣда въ субботу для бани, когда же число работниковъ увеличилось, то ходили въ баню по очереди, по четыре человекъ и въ пятницу и въ субботу *). Приносили заступы, тачки, носилки, лопаты, молоты и проч., и такъ какъ работа эта напоминала ту, которою были обязаны швейцарцы, нѣкогда принужденные строить для самихъ себя тюрьму, то и печально читинское зданіе получило названіе Цвингъ-Ури. Только воскресенье и пятница были днями свободными отъ этихъ работъ. Когда былъ вырытъ фундаментъ и ямы для ограды, заставили закопать оврагъ на большой дорогѣ пескомъ и землею. Но такъ какъ Чита, вслѣдствіе своего исключительнаго возвышеннаго положенія, вмѣстѣ съ чистымъ воздухомъ

и почти постоянно яснымъ небомъ отличается августовскими грозами съ проливными дождями, то и земляная работа въ рѣтвинахъ могла казаться безконечною: въ нѣсколько часовъ дождь затоплялъ улицы, а вода, несшаяся по скату горы, на которой была неладно прилажена эта Чита, разрывала глубокия лощины и уносила послѣдніе слѣды трудовъ цѣлаго лѣта. Чтобы обезпечить ихъ, принуждены были выстроить бревенчатую плотину. Это мѣсто оврага получило на языкѣ смѣльныхъ прозваніе Чертовой могилы; съ мая до сентября зарывали эту могилу. Съ сентября до мая водили по два раза въ день въ особенное строеніе, гдѣ прилажены были ручные жернова: на нихъ каждый обязанъ былъ смолоть два пуда муки; не желавшіе сами работать нанимали сторожей. Чтобы спорилась работа, чтобы не надрывала сердце шуркотня жернововъ, пѣли пѣсни подъ руководствомъ товарища, отличавшагося капельмейстерскими способностями. Лучше всего удавалось пѣніе церковныхъ композицій Бортянскаго, но Александръ Ивановичъ Одоевскій, извѣстный въ литературѣ поэтъ, на голосъ русской пѣсни: „Во саду ли, въ огородѣ“, придумалъ особенную, специально прилаженную къ этому невинному, но и нелегкому занятію; пѣли италянскую пѣсню „Un rescator del onde“ и проч., съ темпомъ тихаго марша, и проч. *).

Въ сентябрѣ 1827 года окончена постройкою новая тюрьма и въ нее переведена была наибольшая часть заключенниковъ: изъ ближняго перенесли вещи на рукавъ, изъ дальняго (вполнѣдствіи № 3) привозили вещи на телѣгахъ. Перешли безъ всякой церемоніи, переходили порознь, каждый при своихъ вещахъ. Вскорѣ присоединены были къ этимъ и тѣ восемь, которыхъ привезли изъ Благодатскаго рудника. Ихъ принималъ плацъ-маіоръ, племянникъ Лепарскаго, часовые дали свободный путь въ ворота и они бросились въ объятія друзей и товарищей. Теперь оказались всѣ налицо и всѣ вмѣстѣ; ихъ распредѣлили по пяти отдѣленіямъ тюрьмы, но не по порядку категорій, а уже по произволу коменданта. Въ одной комнатѣ сгруппированы были всѣ прибывшіе изъ Благодатска, ее назвали Псковомъ—пригородомъ Новгорода: жильцы ея заранѣе отказались отъ голоса и объявили себя согласными во всемъ съ Новгородомъ; другую назвали Москвою или барскою комнатою, потому что большая часть въ ней жильцовъ были богатые, съ

*) Въ одномъ изъ прежнихъ казематовъ оставлено было 15 человекъ, другой старый казематъ или губа, состоящая изъ двухъ большихъ комнатъ, вмѣщала за перегородкою аптеку. Въ средней маленькой поселился докторъ Вольфъ. Въ немъ же дозволялись свиданія женъ съ мужьями, что, впрочемъ, вскорѣ дозволено было на собственныхъ квартирахъ женъ, куда мужья отсылались подъ конвоемъ.

*) Баня была наемная въ крестьянской избѣ.

барскими наклонностями; третью назвали Новгородомъ, за то, что въ этомъ казематѣ столько же говорили и шумѣли о политическихъ вопросахъ, какъ нѣкогда на вѣчахъ, и сгруппировались люди независимые. Четвертая комната названа была Вологдою: въ ней жили изъ общества „Соединенныхъ славянъ“ — люди наименьшаго образованія сравнительно съ прочими товарищами. Новыя помѣщенія стали опрятнѣе, но не были просторными; мѣсто нарѣ заступили кровати, сдѣланныя на собственный счетъ заключенными. Можно было подметать пыль, но между столомъ и кроватями было такъ тѣсно, что когда шелъ на улицѣ дождь и загонялъ всѣхъ въ комнату, имъ приходилось сидѣть на своихъ мѣстахъ. Большой казематъ былъ невообразимо дурно построенъ: рамы съ желѣзными рѣшетками были непосредственно вставлены въ стѣну и стекла зимою покрывались всегда толстымъ слоемъ льду, увеличивавшимъ полумракъ казармы. Она состояла изъ двухъ половинъ, раздѣленныхъ темными сѣнями; каждая половина изъ двухъ большихъ комнатъ, не имѣющихъ сообщенія помимо корридора. Пятая комната была собственно столовая; но для облегченія тѣсноты позволили и въ ней помѣститься. Въ каждой помѣщалось отъ 15 до 20 человекъ, у каждаго — особая кровать и столикъ, въ серединѣ — большой столъ и скамейки. Всѣ эти неудобства оправдывали тѣмъ, что читинскіе казематы строены неумѣльными руками плохихъ сибирскихъ плотниковъ, къ тому же не добровольно принявшихся за топорь, а по вызову и приказу начальниковъ. Въ сущности, казематъ этотъ не возбуждалъ серьезныхъ заботъ начальства потому, что онъ также былъ временный. Въ это же время строили большой и новый въ другомъ мѣстѣ. По донесеніямъ и настояніямъ Лепарскаго о неудобствахъ заточенія въ Акатуй, мысль объ этомъ была оставлена. Акатуйская яма показалась Лепарскому и страшною и нездоровою. Самому коменданту предоставленъ былъ выборъ мѣста: онъ остановился на Петровскомъ желѣзномъ заводѣ и постройка каземата началась тамъ въ годъ прибытія ссыльныхъ въ Читѣ, а окончилась лѣтомъ 1830 г. Къ несчастью, выборъ мѣста произведенъ былъ Лепарскимъ издали, съ горы: зеленый лугъ оказался мокрымъ болотомъ. Такимъ образомъ, большинству привелось прожить въ Читѣ три года и 7 мѣсяцевъ. Чита изъ бѣдной деревушки, носившей въ официальныхъ бумагахъ названіе острога, а на языкѣ мѣстныхъ жителей имя плотбища*),

*) За то, что сюда, въ эту низменность или долину, образовавшуюся при сліяніи рѣки Читы съ Ингодою, стаскивался вырубленный лѣсъ и изъ бревенъ сбивались плоты для сплавокъ по рѣкамъ Ингодѣ и Шилѣ для Шилкинскаго завода (дрова, уголь) или въ Бянкину для нерчинскихъ заводовъ (провіантъ, желѣзо и проч.).

превратилась въ порядочное селеніе, обязанное своимъ вѣшнимъ благоустройствомъ личнымъ трудамъ декабристовъ, прорывшихъ канавы, засыпавшихъ оврагъ, а внутреннимъ замѣтно поднявшимся благосостояніемъ жителей, бѣдныхъ заводскихъ крестьянъ, тѣми денежными пособиями, которыя перебивались къ нимъ за удовлетвореніе насущныхъ нуждъ и различныхъ потребностей заключенниковъ. Селеніе это найдено было послѣдними состоящимъ изъ 300 душъ, жившихъ въ маленькихъ избахъ и занимавшихся кое-какъ и про себя земледѣіемъ и рыбною ловлею; за казенную землю они обязаны были жечь уголь и сплавлять его въ Нерчинскій заводъ. Все населеніе тѣсно и бѣдно помѣщалось въ 26-ти лачугахъ, которыми командовали три порядочныхъ дома, занятыхъ горными чиновниками и пригодившихся потомъ коменданту и плацъ-маіору. Мѣстечко на рисункахъ одного изъ декабристовъ (Ник. Александровича Бестужева) является уже довольно красивымъ городкомъ, съумѣвшимъ собрать и употребить на собственную пользу значительныя средства изъ тѣхъ, которыя отпускались временнымъ читинскимъ гостямъ отъ казны и присылались богатыми родственниками. Одна улица города успѣла сохранить за собою даже до настоящаго времени прозваніе Дамской, т. е. такой, на которой поселились въ частныхъ домахъ и до извѣстной степени способствовали приличному виду и внутреннему устройству пріѣхавшія за мужьями жены. Вслѣдствіе это мѣстечко не задумались избрать главнымъ городомъ для вновь организованной Забайкальской области и передать ему первенство, принадлежавшее до того городу Нерчинску.

Читинская жизнь заключенниковъ тянулась въ безутѣшномъ однообразіи: книгъ сначала было очень мало, писать строго воспрещалось, шахматная игра была единственнымъ развлеченіемъ между работою и сномъ. Въ хорошую погоду играли на дворѣ въ городки и бабки, не смотря на то, что ножныя казенныя украшенія мѣшали во многомъ этому гимнастическому упражненію. Хотя можно было достать еще карты, но игру эту заусловились изгнать и, положивъ строгій запретъ на нее, съумѣли на томъ устоять со всею твердостью героизма. Въ большомъ казематѣ стало веселѣе и разнообразнѣе уже по той причинѣ, что всѣ, соединившись вмѣстѣ, могли направить соединенныя силы на того опаснаго врага, который называется тоскою заточенія, лишеніемъ свободы и выходить на оплошныхъ съ помощью такого сильнаго товарища, который зовется тоскою по родинѣ. Противъ этихъ враговъ читинское товарищество вышло на борьбу, опираясь на тѣ общія силы, которыми красно и крѣпко всякое товарищество, и побѣда была одержана блистательнымъ образомъ. Въ этой борьбѣ и въ

этой побѣдѣ и женскія силы, признаваемая слабыми, оказали геройскія чудеса храбрости и стойкости. Товарищи успѣли вызнать себя и сблизиться въ дружескіе кружки, изъ которыхъ выдѣлились два: одинъ, названный въ шутку конгрегаціею, заключилъ въ себѣ людей, обратившихся къ чтенію религіозныхъ книгъ и группировавшихся около набожнаго, отличавшагося многостороннимъ умомъ П. С. Вобрищева-Пушкина, и другой кружокъ изъ членовъ Славянскаго общества, во главѣ котораго оказался П. И. Борисовъ. „Бывали и другіе кружки, составившихся безъ опредѣленныхъ цѣлей, по личнымъ симпатіямъ. Небольшія ссоры прекращались охотливымъ посредничествомъ товарищей и никогда соръ изъ избы не выносили“.

Первые симптомы острой болѣзни неволи и заточенія, выражающіеся для всѣхъ лишенныхъ свободы исканіемъ ея, называемымъ на официалномъ языкѣ побѣгомъ, выразились до нѣкоторой степени и на этихъ несчастныхъ, помѣщенныхъ совершенно отдѣльно, внѣ всякихъ связей и сношеній съ тѣми, у которыхъ не захваченные во время первые припадки превращаются въ хроническую болѣзнь бродячества. Сначала много толковали о возможности освободиться по Амуру до Сахалина; тамъ предполагали выстроить судно и отправиться въ Америку. Другимъ рисовался путь на югъ, въ Китай. Для исполненія плана казалось необходимымъ: задержать на время коменданта и офицеровъ, а для успѣха его представлялся вѣрный расчетъ на 70 молодыхъ, здоровыхъ силъ, способныхъ обезоружить караулъ и выйти изъ каземата. Тамъ, за стѣнами его, остальные солдаты представляли отрядъ изъ ста человекъ, расположенныхъ къ заключеннымъ. „Пока бы дали знать въ Иркутскъ, мы бы успѣли и судно выстроить, и нагрудиться и уплыть“. Читинскіе казенные склады обезпечивали дальнѣйшія надежды „пылкой молодежи, надъ которою взяли верхъ осторожные товарищи“, видѣвшіе невозможность подобнаго предпріятія и не обращавшіе на затѣи особеннаго вниманія. „Вскорѣ и молодежь отступила передъ необходимостью прибѣгать къ силѣ оружія, брать на свою совѣсть пролитіе крови“, наконецъ, подвергнуть отвѣтственности оставшихся товарищей и ихъ женъ, успѣвшихъ уже обнаружить огромные запасы силъ, способныхъ ослабить крѣпость узъ и тяжесть неволи. Чтобы достигнуть Амура, понадобится помощь бурята—самая ненадежная и опасная помощь. На границѣ Китая поставлено 50 казаковъ съ исключительною цѣлью преслѣдованія бѣглыхъ днемъ и ночью. Третій путь черезъ 4.000 вер. выводилъ въ Европейскую Россію; четвертый—въ мертвыя тундры сѣвера, гдѣ вязнетъ нога даже легкаго на ходу оленя. „Хотя мы и знали, что нѣкоторымъ ссыльнымъ черкесамъ удалось

счастливо бѣжать въ родныя горы черезъ Аральское море и Каспій, но намъ ничего не оставалось, какъ только подчиниться закону необходимости“. Побѣгъ казался возможнымъ: разговоры шли постоянно отъ самихъ солдатъ и отъ поселенцевъ, которые говорили, что расположеніе къ побѣгу всего населенія таково, что если бы „китаецъ“ принималъ, а не выдавалъ бѣглыхъ, то въ Забайкальѣ не осталось бы никого. Они говорили, что съ такими господами всѣ готовы идти, зажмурия глаза. Разстроилось же предпріятіе потому, что въ основу его лежали у разныхъ лицъ совершенно разные побужденія. Одни считали дозволеннымъ побѣгъ для того, чтобы имѣть возможность продолжать служеніе дѣлу, нисколько не заботясь о своей личности, о своихъ страданіяхъ; другіе же рѣшались на него потому, что положеніе было невыносимо, и они говорили, что все равно уже умереть: въ тюрьмѣ ли навѣрное или при освобожденіи. Женатые, въ особенности, употребляли силу своего вліянія, чтобы отклонить отъ побѣга рѣшительныхъ и пылкихъ. Къ тому же денежные средства не были въ рукахъ заключенныхъ: утаить что либо было трудно, потому что все не только осматривали, но и распарывали. Добыть ихъ, однако, можно было переводомъ на артель, выписывая на имя купца за припасы (болѣе всего за сахаръ, кофе, чай и проч.) въ артель. О побѣгѣ перестали думать и толковать въ Читинскомъ острогѣ; по независимости и вдалекѣ отъ него та же дума подняла на дѣло и погубила другихъ. Жертвою увлеченія палъ одинъ изъ членовъ Южнаго общества, бывший офицеръ Черниговскаго полка, Ив. Ив. Сухиновъ.

Послѣ стычки подъ Бѣлою-Церковью, когда главные члены общества (Муравьевъ-Апостоль, Вестужевъ-Рюминъ и другіе) отправлены были въ Петербургъ, надъ остальными наряжена была военно-судная коммиссія въ Кіевѣ. Военный судъ приговорилъ виновныхъ къ четвертованію, но этотъ приговоръ былъ замѣненъ политическою смертію. Приговоръ исполненъ былъ въ Васильковѣ: виновные приведены были закованными и разставлены впереди войска на большомъ другъ отъ друга разстояніи. Когда прочли приговоръ, палачъ бралъ каждого поочередно за руку, велъ черезъ площадь къ еисѣлицѣ и, обойдя ее три раза, передавалъ казенныхъ въ команду внутренней стражи. Въ Сибирь эти осужденные (Быстрицкій, Соловьевъ, Модзалевскій и Сухиновъ) отправлены вѣдѣ за петербургскими тройками и товарищами пѣшкомъ, по этапамъ, шли 1 годъ и 7 мѣсяцевъ *).

*) Шель также пѣшкомъ, по этапамъ, баронъ Штейнгель. Слѣдомъ за офицерами Черниговскаго полка сосланы и солдаты, бывшіе подъ Васильковымъ и виновные въ возмущеніи этого полка. Такъ, напримѣръ, въ Екатеринбургскомъ

Въ Читѣ ихъ, вмѣстѣ съ единомышленниками не оставили. Препроводивъ въ Большой нерчинскій заводъ, разослали по ближайшимъ рудникамъ: троихъ послѣднихъ поселили въ 15 верстахъ отъ Большого завода, въ Зерентуйскомъ рудникѣ. Здѣсь они наняли квартиру у одного изъ сосланныхъ солдатъ Семеновскаго полка; потомъ купили себѣ собственный домъ и перешли въ него. Съ участіемъ своимъ они успѣли примириться, исключая Сухинова, который еще дорогою по этапамъ успѣлъ убѣдить товарищей, что несчастье случило зародить въ его сердцѣ жажду мщенія. На дорогѣ же онъ успѣлъ сообщить объ этомъ дамамъ, которыя ѣхали къ мужьямъ и догнали ихъ. Упорнымъ молчаніемъ отвѣтилъ онъ на просьбы другихъ дамъ, встрѣтившихъ ихъ у тюрьмы въ Читѣ и умолявшихъ Сухинова не приводить намѣренія въ исполненіе. Въ Зерентуйскомъ рудникѣ онъ поспѣшилъ познакомиться съ Голиковымъ, казарменнымъ старостою, бывшимъ фельдфебелемъ учебнаго карабинернаго полка, Бочаровымъ, сыномъ астраханскаго купца, Вондаревымъ, бывшимъ фельдфебелемъ гвардейскаго полка, и Птицинымъ пѣловальникомъ, бывшимъ юнкеромъ гусарскаго полка. Съ помощью ихъ доставалъ себѣ вооруженіе, порохъ и свинецъ. Лишъ пули, надѣлали до тысячи патроновъ. Совѣты товарищей не помогли. Сухиновъ продолжалъ ласкать смышленыхъ и особенную довѣренность и любовь къ себѣ возбудилъ въ семеновцахъ, которые ежедневно ходили къ нему; съ ними ежедневно же уходилъ онъ на охоту, не сбѣжалъ ни одного выстрѣла, но за глазами товарищей успѣлъ завести дѣло далеко. Пренія съ товарищами доходили до ссоры, бесѣды съ соумышленниками довели до опредѣленнаго плана освобожденія всѣхъ заключенныхъ въ ближайшихъ рудникахъ: Зерентуйскомъ и Кличкинскомъ. Намѣревались напасть на казармы и, завладѣвъ оружіемъ, идти на Благодатскій рудникъ (1½ версты), на Вольшій заводъ и на другіе заводы, какъ для обезоруженія военныхъ командъ, такъ и для присоединенія смышленыхъ. Намѣревались прекратить почтовую сношенія, послать отрядъ для отобранія оружія по всѣмъ казеннымъ карауламъ; потомъ идти на Нерчинскъ, завладѣть артиллеріею, отсюда на Читѣ, освободить государственныхъ преступниковъ и условиться съ ними о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Намѣренія эти Сухиновъ велѣлъ скрывать отъ сожителей своихъ до послѣдней минуты, приказалъ въ присутствіи ихъ быть осторожными, говоря, что во время бунта онъ самъ ихъ увѣдомитъ, и если согласятся, то присоединить ихъ; если нѣтъ, они первыми будутъ убиты. Товарищамъ-черняговцамъ продолжалъ говорить одно: „Оставьте дѣйствовать заводъ, близъ Тары, содержался унтеръ-офицеръ Шутковъ.

меня по своей волѣ, я васъ не загиблю“. Пѣловальникъ Птицинъ, на случай возстанія, обѣщала нѣсколько бочекъ водки, а до того времени подпаивалъ главныхъ заговорщиковъ, которые въ пьяномъ видѣ успѣли до нѣкоторой степени обнаружить свои намѣренія: въ какой-то праздничный день на могильныхъ памятникахъ написали угрозы начальству. Полякъ Тиръ, сосланный изъ виленскихъ студентовъ, успѣлъ объявить управляющему рудникомъ, что это дѣло государственныхъ преступниковъ и изъявилъ свои подозрѣнія на заговоръ. Произведенные осмотры и дознанія не оправдали подозрѣнія. На радости команда Сухинова начала пить непоумѣрно, безпрестанно шаталась мимо оконъ квартиры товарищей, десятками не выходили изъ кабака и произносили разныя неумѣстные выраженія. Въ это время нѣкто Казаковъ, проходя въ пьяномъ видѣ мимо квартиры управителя, объявилъ ему, что многіе готовы къ бунту и что въ этомъ участвуютъ секретные (т. е. государственные преступники). О доносѣ Алексѣя Казакова передано было заговорщикамъ и двое изъ нихъ (Голиковъ и Бочаровъ) взяли водки, пригласили Казакова въ дѣсь, напоили его и убили. Бочаровъ бѣжалъ. По двумъ доносамъ произведено слѣдствіе, назначена коммиссія, дано было знать въ Петербургъ. Въ Благодатскомъ рудникѣ возстаніе, такимъ образомъ, успѣли предупредить, въ Кличкинскомъ же рудникѣ смышлено-работчіе успѣли уже произвести буйство и оказать сопротивленіе военной и горной командамъ. 19 іюня 1828 г. въ лагерѣ при Шумгѣ Николай I изволилъ написать собственноручно на докладной запискѣ о кличкинскомъ вооруженномъ возстаніи: „Всѣхъ судить военнымъ судомъ, что и впередъ исполнять съ ними, когда будутъ противиться военной силѣ“. Командантъ Лепарскій получилъ высочайшее повелѣніе, данное въ Одессѣ 13-го августа 1828 г., въ которомъ, между прочимъ, было сказано: „Я повелѣваю вамъ приказать отыскать непременно Василія Бочарова и всѣхъ предать немедленно военному суду и впредь въ подобныхъ случаяхъ разрѣшаю руководствоваться симъ же правиломъ“. Подъ стражу взято было 22 человѣка; слѣдствіе шло неудачно: Сухиновъ ни въ чемъ не сознавался, другіе, что показывали сегодня, то отвергали завтра. Допросы начали побоями, продолжали жестокостями. Одна коммиссія смѣняла другую, но главная и послѣдняя открыла не больше первоначальной. Случилось, что собака принесла человѣчью руку и, такимъ образомъ, открыла убійство Казакова. Въ то же время случайно былъ пойманъ бѣжавшій Бочаровъ. Кончался второй мѣсяцъ, а слѣдственное дѣло не подвигалось. Горная экспедиція отозвала членовъ и назначила въ Большиномъ заводѣ третью коммиссію. Виновныхъ перевезли

туда. Товарищамъ Сухинова позволили видѣться съ нимъ, и „если бы,—говоритъ одинъ изъ нихъ:—у насъ были деньги, то могли бы дать совсѣмъ другой оборотъ дѣлу, по корыстолюбію нѣкоторыхъ членовъ комиссіи“. Читинскіе товарищи прислали нарочнаго съ обѣщаніемъ денежной помощи, но письмо не дошло и военный судъ состоялся. Сухинова судъ приговорилъ къ 400 ударамъ кнута, слѣдующимъ девяти—кнута, остальнымъ—плетей; но потомъ это рѣшеніе измѣнилось: Сухинова и пятерыхъ съ нимъ велѣно разстрѣлять. Сухиновъ, во время слѣдствія два раза принимавшій ядъ и, не достигнувъ цѣли, разстроившій свое здоровье, казался спокойнымъ и веселымъ. Въ ночь, предшествовавшую экзекуціи, онъ уприсялся одного изъ арестантовъ сказывать сказки. Когда всѣ уснули, Сухиновъ отвязалъ ремень отъ кандаловъ, привязавъ его къ деревянному колу, низко вбитому надъ нарами, спустился съ наръ и почти въ лежачемъ положеніи удавился. Кто-то изъ арестантовъ напнулся на него въ потьмахъ: зажгли огонь и тотчасъ послали за ключами отъ цѣпей къ батальонному командиру и за лекаремъ. Сухиновъ оставался въ петлѣ. Къ жизни его не возвратили. Товарищи его (Соловьевъ и Модзалевскій) были привлечены къ слѣдствію, законаны, посажены въ тюрьму, но оправданы и освобождены, какъ не причастные къ дѣлу. Ихъ, послѣ экзекуціи, сочли за необходимое соединить съ прочими товарищами и перевели въ читинскую тюрьму. Вмѣстѣ съ ними перевели въ Читѣ всѣхъ, кто былъ въ заводѣ изъ дворянъ, хотя бы и не былъ политическимъ преступникомъ. Комендантъ не хотѣлъ принимать ихъ отъ испуганнаго горнаго начальства и одного изъ присланныхъ, который былъ осужденъ за намѣреніе поджечь городъ для грабежа, долго держалъ отдѣльно. Этотъ наплывъ съумѣлъ не разъ вредить потомъ доброй славѣ каземата.

Лепарскій, по вызову сухиновскаго дѣла, принужденъ былъ издать новую инструкцію. За всю команду, особенно за карауломъ, велѣлъ имѣть особенное смотрѣніе; за людьми наблюдать, „не есть ли они въ неопознательныхъ сношеніяхъ съ жителями и арестантами“. „Государственные преступники не могутъ имѣть ни съ кѣмъ никакого свиданія и для того, кромѣ караульныхъ, никого къ нимъ не допускать. При нихъ долженъ быть днемъ въ передней комнатѣ изъ рядовыхъ одинъ за сторожа безъ аммуниціи для смотрѣнія за ними и котораго при смѣнѣ караула всякій день смѣнять другими, избирая для сего людей надежныхъ. На ночь арестантская, чуть стаетъ смеркаться, должна быть заперта замкомъ, а ключъ отъ онаго долженъ имѣть при себѣ караульный старшій унтеръ-офицеръ въ карманѣ, котораго никому не повѣрять. По утру

же, какъ сдѣлается видно, онъ, взявъ съ собою ефрейтора и двухъ караульныхъ, отпираетъ арестантскую и повѣряетъ арестантовъ. Ночью же, ни подъ какимъ предлогомъ не долженъ отпирать и выпускать арестантовъ, развѣ если случится близъ пожаръ; тогда весь караулъ идетъ къ арестантамъ и, построивъ караулъ, беретъ ихъ въ середину, отводя на безопасное мѣсто. Осматривать лично поутру и ввечеру ежедневно палаты арестантскія; причѣмъ велѣтъ повѣрять подъ нарами и посмотреть: въ цѣлости ли полы въ палатѣ и оковы на арестантахъ, а также повѣрять во всемъ караульныхъ, т. е. нѣтъ ли пьяныхъ и всѣ ли на лицо“. „Преступниковъ никуда и днемъ даже изъ арестантской не выпускать, кромѣ подъ присмотромъ часового или сторожа для натуральной нужды. Буде кто изъ преступниковъ тяжело заболитъ, то одного отдѣлить отъ арестантовъ въ особую палату для пользованія, и при больномъ быть днемъ и ночью особому часовому и сторожу и ночью имѣть въ оной палатѣ свѣчу. Хотя государственные преступники должны быть посылаемы на работы по распоряженію горнаго начальства, но оныхъ, вмѣстѣ съ прочими ссыльными, не водить, а водить особо подъ приличнымъ конвоемъ“. Тогда же издано наставленіе и унтеръ-офицеру: „Чтобы люди не ложились, не раздѣвались и не валялись на полу и всегда готовы бѣжать по крику часового: вонъ! На ночь быть свободно одѣтымъ“. „Въ случаѣ бунта арестантовъ долженъ имъ угрожать, что, если не уймутся, велитъ колоть и тотчасъ посылаетъ ефрейтора дать знать начальству. Если же арестанты будутъ усиливаться и вступать въ драку съ караульными, то, не дожидаясь повелѣнія, приказываетъ колоть зачинщиковъ или болѣе упрямыхъ и дерзкихъ безъ всякой пощады, не опасаясь подвергнуть себя и тѣхъ солдатъ за убитыхъ и раненныхъ какой либо отвѣтственности“ *).

*) Изъ дальнѣйшихъ подробностей болѣе интересны слѣдующія наставленія: «Караульные и всѣ часовые отъ арестантовъ ничего не должны принимать, даже изъ съѣстнаго отъ нихъ солдатамъ ничего не брать, ибо были примѣры, что арестанты отравляли караульныхъ, другихъ обкармливали дурманомъ, подмѣшивая въ пищу порошокъ, отчего весь караулъ безъ чувствъ засыпалъ, а между тѣмъ арестанты всѣ уходили». «Никакихъ напитковъ хмѣльныхъ, какъ-то: вина ренскаго, меду, пива не допускать къ нимъ; если же кто, по доброй волѣ, доставитъ имъ какую пищу или квасъ, то караульному унтеръ-офицеру, осмотрѣвъ строго, отдать въ цѣлосги черезъ караульныхъ преступникамъ, объявивъ имъ, кто имъ что прислалъ». «Не дозволяется собираться народу въ караульную; если кто имѣетъ дѣло къ караульнымъ, то долженъ часовой остановить того при входѣ и кричать: «ефрейторъ, вонъ!» Онъ не допускаетъ никому говорить, разсуждать, забавляться съ арестантами, ни постороннимъ людямъ, ни своимъ солдатамъ». «По пробитіи зори, карауль-

Новыя строгости съ наибольшою настойчивостью устремлены были на тотъ пунктъ, который казался самымъ щекотливымъ. Свиданія дамъ съ мужьями, по общему положенію, были ограничены двумя разами въ недѣлю и всякій разъ не болѣе, какъ на нѣсколько часовъ. Обычай установилъ свиданія эти ежедневными: всякій день жены подходили къ частоколу, чтобы взглянуть на своихъ супруговъ и простоять съ ними нѣсколько часовъ. Новое предписание, дававшее широкія права вмѣшательству часовыхъ, успѣло сдѣлать опасными эти свиданія, установленныя обычаемъ. Нерѣдко случалось, что часовой, исполняя приказъ, отнюдь прикладомъ; встрѣчая упорство со стороны дамъ, прицѣплялся. Одна изъ дамъ разговаривала съ мужемъ по французски; пьяный офицеръ Дубининъ потребовалъ русскаго разговора и грубо обругалъ. Дама (А. Г. Муравьева) бросилась бѣжать, онъ за нею; на дорогѣ бѣжавшая упала въ истерикѣ. Товарищи, узнавъ объ этомъ, стали укорять Дубинина. Этотъ съ крикомъ: „бунтъ!“ велѣлъ караулу сожмуть штыки. Плацъ-адъютантъ, услышавъ шумъ, остановилъ солдатъ и прекратилъ опасную исторію. Лепарскаго не было въ Читѣ. Возвратившись, онъ велѣлъ не пускать всѣхъ на работы, чтобы прекратить всякія свиданія, но передъ обихною извинился, просилъ всѣхъ на будущее время быть осторожными; Дубинина перевелъ въ другую команду, племяннику своему (плацъ-майору) намылилъ голову, дѣло замаялось—о происшествіи никто не узналъ. Благополучнымъ исходомъ вся исторія обязана была начальнику горнаго округа Семену Ивановичу Смольянинову, человѣку замѣчательной честности, пользовавшемуся ото всѣхъ глубокимъ уваженіемъ (еще за 25 лѣтъ до всеобщей эмансипаціи, онъ, по собственному побужденію, отпустилъ своихъ крестьянъ на волю). Онъ одинъ во все время, отъ начала до конца, былъ ровень въ обхожденіи съ государственными преступниками, обращаясь съ ними съ полною учтивостью и готовностью къ услугамъ, когда другіе были грубы и не исполняли даже слѣдующаго по закону. Вообще, весь подборъ штаба былъ самый неудачный и не при одной постройкѣ Петровскаго каземата были злоупотребленія. Молодые люди самымъ безчестнымъ и самымъ нахальнымъ образомъ корытовались отъ своихъ и безъ всякаго съ ихъ стороны вознагражденія.

Вскорѣ, по обычному закону, и всѣ другія предписанія пошли въ разладъ съ дѣломъ. Предписаніе говорило: „преступники ни къ

нимъ помыться, опратно одѣться, подтянуть штаны на помочи, оправить амуницію и людей, построивъ въ караульнѣ, все осмотрѣть“. Остальныя приказанія отличаются общимъ мѣстошъ и хлопчатъ о внѣшнемъ лоскѣ.

кому писемъ писать не могутъ, потому не должны имѣть бумаги, чернилъ, карандашей, для чего строго ихъ осматривать, и буде вполнѣдствіи времени у нихъ что найдется, равно деньги и вещи, коихъ прежде не было, то строго изсгѣдовать, отъ кого что они получили; если будутъ къ нимъ присланы письма, то, не отдавая ихъ, оставить у себя и яныя представить г. начальнику заводовъ“. Обыски дѣлались безпрерывно. Особенно часто подвергался имъ Д. И. Завалишинъ по своимъ учебнымъ занятіямъ. Такъ какъ не давали ни бумаги, ни карандашей, онъ сдѣлалъ карандашъ изъ куска свища отъ чайнаго цибика, а писалъ на бумажкахъ отъ содовыхъ порошковъ. Все это отбиралось, но при новомъ обыскѣ находили все возобновленнымъ. Наконецъ, удалось убѣдить коменданта, что эти занятія для образованныхъ людей составляютъ такую существенную потребность, что будутъ искать удовлетворенія ея во что бы то ни стало, тогда какъ для него она не составляетъ никакой опасности. Коменданту не разъ приходилось выслушивать упреки, иногда очень жестокіе, но онъ умѣлъ говорить со всмысленными: „Позвольте! мнѣ теперь некогда, приходите лучше ко мнѣ, мы затворимъ двери и тогда браните меня, сколько будетъ угодно“. Опытъ и практика переломали дѣло такъ: сначала Лепарскій принужденъ былъ догадаться грифельныя доски, потомъ появилась бумага и карандаши. Затѣмъ Лепарскій, входя въ казематы и видя чернильницы, бумагу и перья, сталъ со свисходительною улыбкою говорить всякій разъ: „Я этого не вижу“. Огромное лишеніе писать письма къ роднымъ сначала восполнено было участіемъ дамъ (черезъ три мѣсяца стали получать отвѣты и денежныя пособія), потомъ приспосаблиеніемъ различныхъ хитростей при участіи случайныхъ стороннихъ пособниковъ. Одинъ изъ союзниковъ—Дружининъ, отправленный на поселеніе, повезъ изъ Читы табакъ для доставленія въ Иркутскъ въ ящикѣ съ двойнымъ дномъ,—подъ верхнимъ дномъ огромное количество писемъ для отправления въ Россію. На дорогѣ табакъ пересыпалъ онъ въ бумагу, а ящикъ подарилъ священнику для сбора денегъ въ церковь; узнавъ о своей ошибкѣ, онъ досталъ ящикъ обратно и доставлялъ по назначенію *). Наконецъ, передатчиками читинскихъ корреспонденцій въ Россію являюся на сторонѣ: жена горнаго начальника (Фелицата Осиповна Смольянинова), присылавшая на работы своей стражи заправки, принимала участие и въ пересылкѣ

*) Этотъ Дружининъ переселенъ былъ къ кабристамъ вполнѣдствіи изъ ирчинскихъ заводовъ, куда сосланъ былъ изъ Оренбурга вмѣстѣ съ другими молодыми людьми, составившими тамъ тайное общество и осужденными по доносу одного изъ товарищей, и именемъ того самаго, который организовалъ это общество.

писемъ. Она замѣчательна была глубокимъ участіемъ и всякаго рода услугами заключеннымъ и ихъ дамамъ. Она бесплатно снабжала казематы всѣмъ изъ своего хозяйства. Разъ она отравила одно письмо въ Москву, но письмо тамъ было вскрыто, въ письмѣ нашлось указаніе на нее и Лепарскій получилъ приказаніе посадить ее на недѣлю подъ арестъ. Разъ самъ комендантъ сдѣланъ былъ, противъ воли, передатчикомъ радостнаго извѣстія о соединеніи всѣхъ въ одной тюрьмѣ, отправленнаго отъ дамъ, находившихся въ Благодатскомъ рудникѣ, къ читинскимъ дамамъ. Письмо это комендантомъ было прочитано, найдено невиннымъ, сообщавшимъ описаніе природы красивой и дикой Аргунн, виды которой заставляли припоминать стихъ Вайрона (стихъ былъ приведенъ съ подлинникѣ на англійскомъ языкѣ). На другой день по прочтеніи письма коменданту доложено было о необыкновенно веселомъ и радостномъ настроеніи духа заключенныхъ, о томъ, что причиною этого общаго оживленія послужило извѣстіе о присоединеніи благодатскихъ товарищей. Тщательные розыски и дознанія обидѣвагося коменданта не привели ни къ чему. Далеко позже, когда дѣло стало прошлымъ, узналъ онъ, что извѣстіе, тщательно скрываемое имъ, привезъ самъ же онъ, и что стихъ Вайрона не принадлежалъ поэту, а заключалъ въ себѣ прозаическое извѣстіе: „in a fortnight we leave this dreadful place“, т. е. черезъ двѣ недѣли мы оставляемъ это ужасное мѣсто. Это обстоятельство, когда объяснилось потомъ, послужило поводомъ Лепарскому требовать особливаго чиновника для чтенія писемъ на тѣхъ языкахъ, которыхъ онъ не знаетъ.

Работа на ручныхъ мельницахъ въ нѣсколько жерновомъ, обвязывавшая перемолоть 4 пуда ржи ежедневно всѣмъ (т. е. по 10 фунтовъ на каждого), производилась сначала посмѣнно, такъ какъ у каждой мельницы могли работать только два человѣка. Впослѣдствіи стали молотъ сами сторожа и конвойные наблюдатели. Обязательные рабочіе въ сосѣдней комнатѣ (шинельной) курили, играли въ шахматы. Здѣсь, мало по малу, образовался маленький клубъ: обмѣнивались мыслями и чувствами, читали газеты, съ жадностью слѣдя за политическими событіями Европы и, въ особенности, за дѣйствіями нашихъ войскъ въ персидскую войну, въ которой принимали участие многие изъ прежнихъ товарищей и друзей читинскихъ тюремныхъ сидѣльцевъ. Нѣкоторые достигли такого искусства въ быстротѣ просмотра газетъ (какъ Д. И. Завалишинъ), что, успѣвая пробыгать номера газетъ прежде другихъ, умѣли сообщать собравшемуся клубу самыя крупныя новости немедленно. Комендантъ пріученъ былъ смотрѣть на это сквозь пальцы; работать усиленно не заставлялъ и, при засыпкѣ рва Чер-

товой могилы, рабочіе, успѣвая свести нѣсколько тачекъ для моціона, бросали лопаты и тутъ же составляли новый подвижной клубъ съ тѣми же бесѣдами и чтеніемъ иностранныхъ газетъ, выписываемыхъ и доставляемыхъ дамами *. Впослѣдствіи и урядники, входя въ казарму, говорили: „Господа, не угодно ли кому на работу“?—и въ самомъ дѣлѣ, шли только тѣ, которые охотились и искали разнообразія. Лѣтомъ, когда стало тепло, раза два въ недѣлю водили заключенныхъ купаться въ очень маленькомъ притоцкѣ рѣчки Читы и притомъ загороженномъ частоколомъ. Купались безъ кандаловъ; водили человѣкъ по 15-ти за одинъ разъ. Потомъ и это оставили: стали водить на Инголу, версты за двѣ отъ каземата.

Строго ограниченное и сильно сгѣсненное началъ свиданіе съ женами въ самыхъ казематахъ смѣнено было дозволеніемъ ходить съ консьемъ въ собственныя квартиры дамъ, а послѣ дубининской исторіи безъ постороннихъ свидѣтелей. Дозволили получать письма отъ родныхъ и почтовый день сдѣлался днемъ праздничнымъ, не смотря на то, что письма шли черезъ коменданта и доставлялись распечатанными и прочитанными. Тѣмъ же путемъ дозволялась и отправка отвѣтовъ, которые писали дамы, имѣвшія право переписываться съ кѣмъ имъ угодно и обыкновенно въ такой формѣ: „такой-то просилъ меня сообщить вамъ“ и проч. Въ этомъ случаѣ, каждая дама имѣла нѣсколько человѣкъ въ казематѣ, за которыхъ она постоянно писала, переписывая передаваемыя ей черновыя письма и прибавляя въ началѣ приведенную выше общую фразу. Трудъ дамъ въ этомъ случаѣ былъ немаловаженъ: „Одна княгиня Трубецкая ежедневно переписывала и отправляла къ коменданту болѣе десяти писемъ; ему самому передъ каждымъ отправленіемъ и послѣ каждого прибытія почты приходилось прочесть писемъ до ста“.

Установившаяся при содѣйствіи дамъ связь съ покинутымъ міромъ, съ любимыми и любящими, это—по выраженію М. А. Бестужева—„политическое существованіе за предѣлами политической смерти“,—существеннымъ образомъ выразилось помощью отъ родныхъ. Къ несчастью, по рассказамъ того же свидѣтеля, поч-

*) Изъ иностранныхъ: Journal des Debats. Constitutionnel, Journal de Francfort, Revue encyclopédique, Revue britannique, R. des deux mondes R. de Paris, Preussische Staatszeitung, Гамбургскій корреспондентъ, Аугсбургская газета и почти всѣ русскіе журналы и газеты. Изъ ученыхъ журналовъ выписывались: J. des savants, Annales de chimie. An. des voyages, Bibliothèque universelle de Genève и проч. Однако, сначала Лепарскій выдавалъ только подъ большимъ секретомъ получаемыя имъ «Телеграфъ» и «Инваляидъ», но разъ пересталъ посылать послѣдній по самому невинному поводу.

та обижала их самым безжалостным образом. Онъ говоритъ, что вмѣсто прекрасныхъ золотыхъ часовъ, завѣщанныхъ ему съ братомъ (Н. А.) и посланныхъ послѣ смерти ихъ брата Александра (Марлинскаго) они получили какое-то подобіе часовъ. Александръ Муравьевъ разъ вмѣсто бобровой получилъ изношенную шапку. Вѣлье часто получали сдѣланное по казеннымъ подрядамъ для лазаретовъ; дамскія шляпки и головныя уборы подмѣняли поношенными, нерѣдко въ однихъ верескахъ и доскутьяхъ. Ивашовъ давно ожидаемую имъ посылку съ дамскими и дѣтскими уборами и лентами получилъ въ одномъ ящикѣ съ избитыми и измятыми крымскими яблоками: отполовинили изъ обонихъ ящиковъ и сложили въ одинъ. Въ утѣшеніе обиженныхъ почтовая оговорка гласила одно и то же: „Разбившаяся въ дорогѣ укупорка замѣнена новою, за которую просать выскать и выслать слѣдующія деньги“ *).

Съ одной стороны просили одного: не оскорблять дерзкимъ обращеніемъ, и за этимъ ультиматумомъ общали исполнять все съ покорностью и безропотно; съ другой стороны говорилось въ некоторымъ наединѣ и по секрету: „Что обо мнѣ напишутъ въ Европѣ? назовутъ меня безсердечнымъ тюремщикомъ, палачемъ, притѣснителемъ, приравняютъ къ Гудсонъ-Лоу. Я берегу мѣсто единственно для васъ, господа, чтобы избавить васъ отъ притѣсненій и несправедливостей безсовѣстныхъ чиновниковъ. Что мнѣ отъ того, что ношу кресты и ленты, которыхъ даже и смотрѣть здѣсь некому! Я желаю бы освободиться отсюда, но не иначе, какъ вмѣстѣ съ вами“. Съ третьей стороны за комендантомъ былъ строгій контроль со стороны читинскихъ дамъ, умѣвшихъ отстаивать его въ Петербургѣ и говорившихъ ему въ глаза самыя жесткія и колкія слова. „Пожалуйте меня, — говорилъ Лепарскій дамамъ: — вы требуете того, чтобы меня разжаловали“. — „Ну, что же? Будьте лучше солдатомъ, генералъ, но

*) Особенно оригинальна была въ послѣдствіи переписка товарищей, жившихъ на поселеніи, между собою и съ заключенниками, прибѣгавшимъ къ помощи оффиціальной почты. Письмо, прежде назначенія по адресу, шло въ Петербургъ, тамъ прочитывалось и отправлялось обратно въ Сибирь. Письмо Рѣпина къ Розену пропутешествовало съ Лены въ Петровскій заводъ 12 тысячъ верстъ и принеся извѣстіе о здоровьѣ и надеждахъ на будущее, когда сгорѣвшій Рѣпинъ былъ давно уже похороненъ. Само собою, въ случаяхъ важныхъ прибѣгали къ оказіямъ, имѣли возможность заручиться постоянными комиссіонерами, готовно и охотно исполнявшими порученія на огромное большинство случаевъ безвозмездно. Впрочемъ, эти средства не всегда были непрерывными. Мы слышимъ жалобу одного въ такихъ выраженіяхъ: «Наши письма, писанныя въ духѣ самой строжайшей осторожности, были такъ цензурированы, что, наконецъ, вывели насъ изъ терпѣнія и мы рѣшились не писать болѣе другъ къ другу».

будьте честнымъ человѣкомъ“. — Послѣ экзекуціи надъ Сукиновымъ и его сообщниками, Лепарскій долгое время избѣгалъ встрѣчи съ дамами и нѣсколько дней не выходилъ изъ дому. Послѣ того, какъ его вылечили отъ смертельной болѣзни казематскіе доктора, Лепарскій рѣшился написать въ Петербургъ. „Не я ихъ стерегу, а они меня берегутъ“. Имѣя обыкновеніе отвѣчать на всѣ просьбы, „не могу“ (за что и былъ прозванъ въ шутку „господиномъ Немогу“), онъ началъ кончать тѣмъ, что исполнять просьбы, хотя и послѣ долгой „комбинаціи“ (какъ онъ самъ выражался), справки съ законами и инструкціою. Онъ любилъ говорить часто: „Я увѣренъ, что имѣю дѣло съ благородными людьми, поберегите меня“. Въ силу такихъ взаимныхъ уступокъ, такихъ строгихъ и неизбывныхъ отношеній значительно ослаблено было вліяніе съ четвертой стороны — и читинское заточеніе стало принимать видъ обыкновенной человѣческой общины и мало по малу приближаться къ тому идеалу ея, гдѣ нѣтъ мѣста для искусственныхъ и непрочныхъ скрѣпленій. Взаимныя уступки и обоюдная помощь сумѣли сдѣлать то, чего бы ни въ какомъ случаѣ не удалось достигнуть притѣсненіемъ свободной воли человѣка. Совершилось большое чудо: сотня людей разнообразныхъ характеровъ и наклонностей сплотилась въ тѣсное, согласное и дружное товарищество и при всѣхъ неблагоприятныхъ условіяхъ быта ни разу не измѣнило себя и ни на одну іоту не потребовало измѣненій въ предварительномъ ультиматумѣ. Всѣ сдержали слово съ тѣмъ достоинствомъ, что ни одинъ изъ безчисленныхъ доносовъ не оправдался, ни одинъ петербургскій ревизоръ не нашелъ ничего новаго, на чемъ бы онъ могъ выслужиться и чѣмъ бы въ состояніи былъ повредить приставу и дозираемому имъ товарищу. Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, С. В. Броневскій, въ своихъ запискахъ оставилъ сильныя слѣды восторга, полученнаго имъ при посѣщеніи тюрьмы государственныхъ преступниковъ, и о честныхъ взаимныхъ отношеніяхъ ихъ и коменданта со штабомъ его свидѣтельствовалъ лично передъ императоромъ Николаемъ I *).

*) Самъ С. В. Броневскій такъ говоритъ объ этомъ: «Какое ведутъ себя политическіе преступники? спросилъ меня государь императоръ въ Зимнемъ дворцѣ. Я отвѣчалъ: «Очень одобрительно, ни одна изъ нихъ въ чемъ предсудительномъ не замѣченъ, а что у нихъ на сердцѣ, отъ насъ сокрыто». Осмѣлился доложить, что простого народа изъ осужденныхъ Сибирь можетъ принять еще болѣе теперешняго. Они, дѣлая преступленія по различнымъ побужденіямъ, иногда по стеченію несчастныхъ обстоятельствъ, благоговѣютъ къ предающей власти, но политическихъ преступниковъ нужно бы водворять въ другіе края Россіи. Государь изволилъ со вниманіемъ выслушать мое замѣчаніе и от-

губернаторъ Сулина вынесъ тѣ же отличныя впечатлѣнія. Когда государь повелѣлъ снять оковы съ болѣе достойныхъ и вполне заслуживающихъ такую милость, Лепарскій, явившійся въ полной формѣ, съ крестами и въ лентѣ, объявилъ, по прочтеніи бумаги, что онъ находитъ всѣхъ того достойными. Оковы были сняты и спрятаны, но нашлась возможность потомъ доставать ихъ, чтобы дѣлать изъ нихъ браслеты и кольца и отсылать эти издѣлія на память роднымъ, оставшимся въ Россіи. Отсылали съ тѣмъ нарочнымъ, который ежегодно увозилъ изъ нерчинскихъ рудниковъ серебро. Разъ такая посылка открыта была въ Петербургѣ и Смольяниновъ, хранившій желѣза, былъ посаженъ на гауптвахту.

Съ этого времени самое заточеніе стало наименѣе строгимъ и тюремная община декабристовъ еще сильнѣе укрѣпилась въ своихъ правахъ и дѣйствіяхъ. Къ казеннымъ работамъ присоединились свои собственныя, вызванныя требованіемъ взаимной помощи и содѣйствія. Загорожено было большое мѣсто подъ огородъ и всѣ, каждый день, съ наступленіемъ весны, ходили туда работать на нѣсколько часовъ. Въ первый годъ урожай былъ плохой, но все-таки осенью и зимою въ артельной поллѣбкѣ оказалось по нѣскольку своего картофеля, рѣпы и моркови. Это особенно имѣло значеніе въ Читѣ, до прибытія декабристовъ не имѣвшей достаточнаго количества числа огородовъ и довольствовавшейся привозными овощами или дико растущими въ дѣсахъ и лугахъ кореньями и цвѣточными луковицами. На слѣдующій годъ урожай на огородѣ былъ до того обиленъ, что на зиму заготовленъ былъ весь нужный запасъ овощей и послено въ большихъ винныхъ бочкахъ до 60.000 огурцовъ—продукта до того времени весьма мало извѣстнаго за Байкаломъ *). Избытками запасовъ товарищество, сверхъ того, могло подѣлиться съ немущими читинскими бѣдняками, а картофелемъ сумѣли подспорить скудную трапезу горныхъ крестьянъ, издавна пользовавшихся, за недостаткомъ хлѣба, всевозможными суррогатами его.

Въ читинской тюрьмѣ стала налаживаться та общинная артель, которая съ такимъ совершенствомъ выработалась окончательно въ Петровскомъ заводѣ. Въ Читѣ—столъ былъ общій: къ обѣду приносили огромную латку артельныхъ щей, на другой латкѣ—накрошенную говядину. Хлѣбъ приносили нарѣзанный

вѣчалъ: «Да, это такъ; но они успѣваютъ входить въ связи съ начальствомъ (тогда былъ доносъ на Иркутскъ въ этомъ родѣ); ихъ близко держать невозможно, но мнѣ еще этого нѣкто не говорилъ».

*) Точно также и дыни, варошенныя въ парникахъ декабристами, были первыми на забайкальской почвѣ, какъ и огурцы.

ломтями, такъ какъ, по тюремнымъ положеніямъ, не давали ни ножей, ни вилокъ (и отобрали даже свѣчныя щипцы). Всякій имѣлъ свою ложку: косяную, оловянную или деревянную; серебряныя ложки запрещались. Недостатокъ тарелокъ дополнялся чайными деревянными китайскими чашками. Обѣденный столъ приготовлялся изъ козелъ, приносимыхъ въ казематъ на то время и накрываемыхъ доскою. Супъ или щи, каша съ масломъ приносились въ деревянныхъ ушатахъ и разбирались прямо отсюда каждымъ отдѣльно въ собственные китайскія чашки. Пища была проста и здорова: одна и та же для тѣхъ, которые привыкли въ походахъ къ сытной и обильной трапезѣ богатой Малороссіи, и для тѣхъ, которыхъ не всегда удовлетворяла въ Петербургѣ французская изысканная кухня съ ежедневнымъ шампанскимъ. „Между нами было много гастрономовъ; всѣ они были согласны въ томъ, что не терпѣли въ Читѣ голода, но и не были совершенно сыты“. На столъ и содержаніе, сверхъ казенныхъ 6 копеекъ мѣди въ сутки и 2 пудовъ муки въ мѣсяцъ, въ содѣйствіе тѣмъ, которые были безъ средствъ или забыты помощью, получали общій столъ и денежныя пособія отъ богатыхъ товарищей и дамъ.

Эти взносы, сдѣлавшіяся впоследствии для всѣхъ обязательными, въ Читѣ послужили основаніемъ артельнаго капитала, который и расходовался на общія потребности. Дамы присылали кофе, шоколадъ и кушанья, какъ лакомства. Для завѣдыванія суммами на каждые три мѣсяца избирался староста, получившій на языкѣ декабристовъ названіе хозяина, и другое лицо, завѣдующее артельнымъ огородомъ—огородникъ. Хозяина выбирали первый разъ въ 1828 г. по причинамъ дурнаго состоянія кухни. Первымъ хозяиномъ былъ Ив. Сем. Повало-Швейковскій, но онъ кормилъ довольно плохо, молодежь была имъ не довольна. Онъ просилъ освобожденія, выборы пали на И. Д. Якушкина, но онъ отказался. Согласился быть хозяиномъ Розенъ и дѣла по хозяйству пошли лучше. Въ 1829 году на мѣсто Розена избранъ былъ Пушкинъ, при которомъ объявились даже излишки огородныхъ запасовъ. Хозяинъ (одинъ только) имѣлъ право выходить изъ каземата для посѣщенія разныхъ лавокъ, изъ которыхъ нѣкоторыя помѣщались въ жилыхъ домахъ (какъ, напр., всѣ еврейскія). Въ Петровскѣ эта заманчивая обязанность перенесена на вновь созданную должность закупщика, не предстала вѣдывшую особеннаго труда и отвѣтственности.

О читинскомъ хозяйствѣ декабристовъ у насъ имѣются слѣдующіе документы первоначальнаго дѣйствія по устройству общины. Передаемъ съ буквальною точностью протоколъ о результатахъ.

„Мая 23-го 1829 года.

„П. В. Аврамовъ просилъ вчерашняго числа о назначеніи изъ каждой горницы большого каземата, изъ казематовъ № 2 и 3 уполномоченныхъ для принятія отъ него нѣкоторыхъ сообщений касательно хозяйственной должности.

„Получившіе на сіе довѣріе своихъ товарищей собрались въ числѣ пяти человекъ, изъ коихъ трое за свои комнаты, а двое—каждый за двѣ; и хотя нѣкоторые изъ нихъ были отправлены не отъ полного числа *), но по повѣркѣ всё вѣстѣ оказались соединяющими довѣріе большинства голосовъ.

„Имъ г. Аврамовъ, сообщивъ всё бумага, касавшіяся какъ до опредѣленія обязанностей хозяина, такъ и до выбора новаго (хозяина), просилъ:

„1) Относительно опредѣленія условій хозяйства рассмотреть и представить для общаго свѣденія, на которой сторонѣ большинство голосовъ.

„2) Опредѣливъ по поданнымъ голосамъ кандидатовъ **) и представивъ на баллотировку, увѣдомить его, кто будетъ утвержденъ, для сдачи ему хозяйства къ 1-му числу іюня.

„Самъ же г. Аврамовъ совершенно отказался, какъ отъ рассмотрѣнія голосовъ по симъ двумъ пунктамъ, такъ и отъ извлеченія слѣдствій изъ оныхъ.

„Назначенные отъ товарищей, исполнивъ все возложенное на нихъ, представляютъ при семъ къ общему свѣденію

„Протоколъ о составѣ комиссіи.

„Члены комиссіи.

„I. Съ правомъ двухъ голосовъ:

„Дм. Завалишинъ 1—за казематъ № 2 и за горницу большого каземата № 4 или аристократическую.

„Н. Бестужевъ за горницы № 2 и 3.

„II. Съ правомъ одного голоса:

„А. Вюляевъ за горницу № 1.

„Игельстромъ, за горницу № 5.

„Мухановъ, за казематъ № 3.

„По повѣркѣ полномочій выбраны: председателемъ комиссіи Дм. Завалишинъ 1. Секретаремъ Мухановъ.

„Протоколъ о результатахъ подачи голосовъ о новомъ устройствѣ общины.

„По рассмотрѣніи голосовъ и мнѣній, по даннымъ касательно правилъ хозяйства (причемъ были спрашиваемы всё тѣ, коихъ мнѣнія могли быть не очень поняты—для отклоненія всякаго недоразумѣнія ***) оказалось:

*) По причинѣ того, что многіе вовсе отказались отъ подачи голосовъ.

**) Разумѣется, въ должность хозяина.

***) Все заключающееся въ скобкахъ находится въ такомъ видѣ въ тектѣ протокола, а не то, чтобы здѣсь только представлялось для поясненія.

„1) Желающихъ, чтобы все осталось на прежнемъ основаніи—32.

„2) Желающихъ поясненія или опредѣленія обязанности хозяина и проч.—20.

„(Остальные 20 не подавали голоса или потому, что не участвовали въ артели, или отказались отъ подачи голосовъ).

„При семъ, когда большинство голосовъ оказалось на сторонѣ желавшихъ остаться на прежнемъ положеніи, г. Васаргинъ отказался отъ артели, причемъ, по его просьбѣ, прилагается (къ дѣлу) объясненіе его собственной руки о причинахъ его, къ сему побудившихъ. Сверхъ того, отказался отъ артели г. Варятинскій по причинамъ, поясненнымъ въ прилагаемой здѣсь копіи его мнѣнія.

„Примѣчаніе. (Варятинскій худо писалъ и потому просилъ копію съ его подлинника, чтобы удобнѣе могли прочесть его мнѣніе).

„Протоколъ о протестахъ противъ нѣкоторыхъ послѣдствій прежняго порядка.

„Поскольку большинство голосовъ осталось за удержаніе прежняго порядка, то приступая къ изложенію дѣла касательно выбора новаго хозяина, на прежнемъ основаніи, комиссіи долгомъ считаетъ предупредить ижеющаго быть избраннымъ въ сію должность, что ижеются нѣкоторые голоса, желающіе, дабы, если хозяинъ будетъ что либо говорить отъ общества съ начальствомъ, то если бы это было и по большинству голосовъ, но если они не давали на то своего согласія, въ такомъ случаѣ въ сношеніи съ начальствомъ исключать ихъ помянно“.

На каждую комнату назначалось двое дежурныхъ, обязанныхъ мыть и прибирать посуду, наблюдать за чистотою, накрывать столъ, приносить кушанье, ставить самовары, разливать чай. Разалявавшіе чай постоянно избавлялись отъ обязанностей очередныхъ дежурствъ. Дежурнымъ помогали нанятые мальчишки (по одному на комнату). Всѣмъ дѣлились между собою по братски: деньгами и лишеніями. Платьемъ и бѣльемъ запасались сами, но богатые покупали необходимые предметы и дарилъ бѣднѣйшимъ. Для облегченія запаснаго артельного капитала, предназначеннаго, преимущественно, на столовые припасы, въ товариществѣ нашлись готовые мастера. Перешлетнымъ мастерствомъ и картонажемъ занимались: Д. П. Завалишинъ, М. А. Бестужевъ и Ан. Ив. Борисовъ. Лучшими портными были: Павелъ Пушкинъ, Павелъ Мозганъ, Антошъ Арбузовъ. Чулки штопалъ лучше всѣхъ Трубецкой; лучший токарь былъ Артам. Зах. Муравьевъ, столяръ—Громницкій, закройщикъ—Евгеній Оболенскій. Лучшія фуражки шили: братья Бестужевы (Николай и Михаилъ), Петръ Фаленбергъ; ови же вязали носки и чулки, а Ник. Алек. Бестужевъ, сверхъ того, снабжалъ всю артель отличными,

крѣпкими башмаками, для чего комендантъ дозволялъ устроить ему вродѣ антресолей полати съ маленькимъ окномъ наверху. Здѣсь, подлѣ свѣта, этотъ надѣленный богатыми и разнообразными талантами человекъ завелъ самую многосложную мастерскую: починалъ сапоги, рисовалъ портреты товарищей, училъ шить башмаки, исполняя для дамъ обязанность ювелира, чинилъ часы дамамъ и коменданту, снималъ виды окрестностей, точилъ изъ дерева различные подарки дамамъ въ отплату за лакомства, занимался слесарнымъ мастерствомъ; разосмалъ, между прочимъ, всѣмъ знакомымъ въ Россіи, по желанію ихъ, желѣзные кольца, кресты и браслеты собственной работы изъ тѣхъ кандаловъ, которые выносили товарищи его на ноги въ теченіи двухъ лѣтъ (а нѣкоторые и долѣе). Кольца подкладывались золотомъ и вошли въ Сибири въ такую моду, что требованіе усилилось и въ удовлетвореніе его объявилась поддѣлка, началась торговля подложными кольцами.

Черезъ своего старосту государственные преступники передава и о своихъ личныхъ нуждахъ коменданту; при этомъ почитали неприличнымъ вмешивать начальство въ свои частныя дѣла. Староста распоряжался денежными суммами, покупалъ запасы, но не имѣлъ ни копейки въ рукахъ; его расходы выплачивались комендантскою канцеляріею. Онъ имѣлъ дозволеніе въ теченіи дня ходить на кухню столько разъ, сколько ему было нужно. Въ 50-ти шагахъ отъ тюрьмы находилась кухня и запасныя кладовыя. По истеченіи каждыхъ трехъ мѣсяцевъ, при избраніи новаго старости, ходилъ по рукамъ листъ, на которомъ каждый обозначалъ свои средства для общаго расхода. На общую же пользу устремлены были всѣ нравственныя силы товарищей: всѣ, за малымъ исключеніемъ, учились и учили другихъ. Всѣ выучились по французски, другіе по англійски; немногіе занимались даже древними языками, не смотря на то, что тѣснота помѣщенія, шумъ отъ кандаловъ, требовавшій привычки, мѣшали отдѣльнымъ занятіямъ. „Хочешь заняться, унесешься мыслями на родину, вдругъ распахнется дверь и молодежь съ топотомъ влетитъ въ комнату, танцуетъ мазурку и брянчатъ кандалами. Кто искалъ уединенія для занятій, тѣ имѣли лѣтомъ маленькія палаточки во дворѣ у частокола. Въ предотвращеніе помѣхъ установлены были общія чтенія и занятія: въ тюрьмѣ нашлись и на это дѣло приговоренные и готовые дѣятели. Корниловичъ, вмѣстѣ съ Куницынымъ, имѣвшій свободный доступъ къ государственному архиву и, въ особенности, успѣшно изучившій исторію Россіи прошлаго вѣка, въ длинныя зимніе вечера занималъ товарищей чтеніемъ публичныхъ лекцій объ эпохѣ царствованія императрицъ. Петръ Мухановъ, на правахъ его адъюнкта,

развивалъ слушателямъ предшествовавшія картины русской исторіи прежнихъ вѣковъ *). Никита Муравьевъ, имѣвшій въ собственной библіотекѣ (послужившей основаніемъ артельной библіотеки) прекрасныя военныя карты и планы, читалъ стратегію и тактику; онъ же хорошо зналъ греческій языкъ. Пушкинъ 2-ой преподавалъ математику, Д. И. Завалишинъ высшую математику, астрономію по сочиненіямъ Лапласа каждый четвергъ отъ 6 до 8 часовъ, астрономію же—Вадковскій, греческій языкъ Дуининъ, Оболенскій и П. Борисовъ. Лучшими математиками были А. И. Барятинскій, Ѡ. И. Вадковскій, Вобрищевъ-Пушкинъ и Басаргинъ. Алек. Ив. Одоевскій преподавалъ русскую литературу (онъ же нѣмцевъ училъ русскому языку); Фердинандъ Вольфъ, штабъ-докторъ 2-ой арміи, читалъ изъ химіи и анатоміи и онъ же, помимо назначеннаго чиновнаго врача, былъ врачомъ не только для товарищей, но и для коменданта, для офицеровъ коменд. штаба и для пріѣзжихъ изъ Кяхты, Иркутска и Нерчинска; такъ велика была его слава *). Когда въ девять часовъ, по положенію, запирались двери казематовъ и тушились свѣчи, на мѣсто правильно организованныхъ бесѣдъ выступали импровизированныя, въ содѣйствіи которыхъ наиболѣе выдѣлялся бывалый М. К. Кюхельбекеръ, объѣзжавшій кругомъ свѣта.

Всѣ эти чтенія, весь этотъ постоянный обмѣнъ умственнымъ богатствомъ имѣли огромное вліяніе на тѣхъ изъ товарищей, которые прежде не имѣли ни времени, ни средствъ на развитіе себя въ научномъ отношеніи. Особенно рѣзко

*) Черезъ полгода тотъ же фельдъегеръ, который привезъ изъ Шлиссельбурга Вадковского, увезъ изъ Читы Корниловича, снова въ Петропавловскую крѣпость, для допросовъ о тайномъ польскомъ обществѣ. Корниловича въ Читѣ уже не возвратили, а отправили на Кавказъ солдатомъ, гдѣ ему довелось участвовать въ нѣсколькихъ экспедиціяхъ и черезъ два года умереть отъ злокачественной лихорадки.

*) Комендантъ дозволялъ ему свободно выходить изъ тюрьмы во всякое время съ конвойнымъ. Вольфу удалось спасти Лепарскаго отъ близкой и неизбежной смерти. Впоследствии, въ Петровской тюрьмѣ, въ соседнемъ номерѣ съ номеромъ Вольфа помѣщена была артельная аптека съ лекарствами, инструментами и лучшими медицинскими сочиненіями, которыя выписывались и доставлялись дамамъ. Аптекою завѣдывалъ Арт. Зах. Муравьевъ по согласованію и отпуску лекарствъ. Онъ же и устраивалъ аптеку. Фроловъ помогалъ въ черныхъ работахъ, мылъ посуду и проч.; помощникомъ Вольфа по хирургическимъ операціямъ былъ Артамонъ Захар. Муравьевъ, охотно вызвавшійся на это дѣло. Онъ рвалъ зубы, пускалъ кровь, перевязывалъ раны и слѣдомъ за Вольфомъ и впереди конвойнаго имѣлъ право свободнаго выхода изъ тюрьмы на помощь страждущимъ. Вообще, заключенники, какъ въ Читѣ, такъ и въ Петровскомъ заводѣ, пользовались здоровьемъ, благодаря климату и регулярной жизни при простой умѣренной пищѣ.

выдѣлился изъ прочихъ Д. И. Завалишинъ, изучившій, кромѣ греческаго и латинскаго, еще до восьми европейскихъ языковъ. Въ особенности онъ былъ очень свѣдуещъ въ священномъ писаніи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ чрезвычайною энергіею стремился пріобрѣтать наибольшія познания. Для облегченія себѣ занятій онъ шелъ къ изученію языковъ съ помощью Библіи—этого легкаго ключа и всеобщаго словаря; съ фонъ-дерь-Бригеномъ читалъ латинскихъ классиковъ и переводилъ Тацита, съ Лунинимъ — латинскихъ отцевъ церкви; съ Вольфомъ и Ал. Крюковымъ (воспитанникомъ петербургской Peter-Schule) прочелъ всѣхъ нѣмецкихъ авторовъ. 18 часовъ въ сутки онъ употреблялъ на занятія, подчинивъ себя необычайной діетѣ. Отырвался отъ ученія только тогда, когда доврѣе товарищей призывало его къ общественной дѣятельности. Кромѣ латинскаго и греческаго языковъ, онъ зналъ еврейскій такъ, что перевелъ съ еврейскихъ подлинниковъ все священное писаніе и прочелъ въ подлинникахъ всѣхъ отцевъ церкви и весь кругъ богослужебныхъ книгъ. Нѣкоторые въ казематѣ изучили иностранные языки, какъ Бесчасновъ, не имѣвшій возможности выучиться имъ ни дома, ни въ казенномъ заведеніи. Онъ сдѣлался лучшимъ знатокомъ французскаго языка, такъ что къ нему же обращались и тѣ, которые научились только салонной болтовнѣ, когда дѣло шло о томъ, чтобы правильно написать чтонибудь дѣльное по французски. Нѣкоторымъ удалось выучиться играть на музыкальныхъ инструментахъ подъ руководствомъ умѣлыхъ товарищей, изъ которыхъ многіе оказались виртуозами: А. П. Юшневскій, отличный игрокъ на роялѣ, съ Вадковскимъ, отличнымъ скрипачемъ, и двумя виолончелистами, Н. А. Крюковымъ и П. Н. Свистуновымъ, составляли квартетъ. „30-го августа 1828 года, когда мы справляли одновременно 16 именинъ, нашъ оркестръ въ первый разъ игралъ въ тюрьмѣ“. Сыгрывались и учились музыкѣ въ особенномъ домикѣ, съ тремя отдѣльными комнатами, который позволили выстроить на тюремномъ дворѣ черезъ годъ по прибытіи въ Читѣ. Въ одной комнатѣ стояли рояль и фортепіано для аккомпанимента игрокамъ на флейтѣ, чеканѣ, скрипкѣ и гитарѣ. Въ другой комнатѣ поставлены были токарный и столлярный станки и прессъ для переплета книгъ къ услугамъ искусниковъ по этимъ работамъ (братьевъ Вестужевыхъ, Борисова, Фролова, Пушкина). Переплетали книги богатой бібліотеки Никиты Муравьева, дополненной книгами, привезенными слѣдомъ за Трубецкимъ и Волконскимъ изъ ихъ домашнихъ бібліотекъ и потомъ освѣжаемой новыми присылками. Новыя книги поступали въ пользованье по просмотрѣ комендантомъ и съ его надписью, которая нерѣдко гласила: „читалъ“, на греческихъ и латинскихъ

лексиконахъ, но потомъ была зашпена болѣе вѣрною и близкою къ дѣлу отмѣткою: „видалъ“.

Въ церковь водили одинъ разъ въ годъ, въ Великомъ посту, для причащенія св. таинъ *) (для чего снимались кандалы). Наканунѣ большихъ праздниковъ приходилъ священникъ въ тюрьму и служилъ всенощную. „Я никогда не забуду (говоритъ одинъ изъ заключенниковъ, лютеранинъ), какъ трогательно и торжественно совершена была служба въ великую субботу 1828 года, когда въ 9 часовъ, передъ зарею, раздался со всѣхъ сторонъ возгласъ: „Христосъ воскресъ!“ и когда бросились въ объятія другъ другу товарищи, загремѣвъ цѣпами. Мысленно мы обнимали въ то время нашихъ далекихъ родныхъ и друзей, которыхъ мы вспоминали въ молитвахъ“. „Нѣкоторые (говоритъ Броевскій, навѣстившій узниковъ въ Петровскомъ казематѣ) стали носить бороды, не по требованіямъ юной Франціи, а такъ... изъ смиренія, и предались религіозности, употребляя свое время главнѣйше на молитву и хожденіе въ церковь Божию **). Въ Читѣ каждое воскресенье узники читали религіозныя сочиненія, оригинальныя и переводныя, сдѣланныя лингвистами—товарищами; воскресный и праздничный день кончали чтеніемъ главъ изъ Евангелія и посланій апостольскихъ. Лучше всего удавалось церковное пѣніе по композиціямъ Бортиянскаго; пѣніе ирмосовъ и тропарей встало на мѣсто пѣніи свѣтскихъ романсовъ и пѣсень. Религіозное настроеніе можно было назвать общимъ у всѣхъ; для нѣкоторыхъ выразилось оно крайностями мистицизма, успѣвшаго увлечь двухъ дамъ, отличившихся наибольшею набожностью. М. С. Лунинъ жилъ отдѣльно, не принималъ участія въ общемъ столѣ и держалъ постъ по обычаю католической вѣры, въ которую онъ перешелъ, служивъ въ гусарахъ въ Варшавѣ, и сдѣлался ученикомъ и приверженцемъ извѣстнаго Мейстера. Одну треть комнаты его отдѣляла занавѣска, позади которой, на возвышеніи въ нѣсколько ступенекъ, стояло освященное папою распятіе, присланное ему сестрою изъ Рима. Днемъ изъ его комнаты доносились до слуха товарищей его латинскія молитвы, но, во всякомъ случаѣ, онъ не былъ ханжкою и въ общество товарищей входилъ

*) Говѣли поочередно на 3, 4, 5, 6 и 7 нѣдѣляхъ, предварительно составляя списки говѣльщикова. Въ Петровскомъ заводѣ артель положила отъ себя священнику, пастору и въ церковь 200 руб. Здѣсь уже дозволялось говѣть всякій постъ, а потомъ и просто ходить къ обѣднѣ, только съ тѣмъ, чтобы стоять на хорахъ или въ алтарѣ.

***) Бороды носили вовсе не по смиренію, а потому, что сначала не позволяли самимъ бриться; послѣ многіе оставили бороды: кто для удобства, чтобы не хлопотать съ бритъемъ, кто отъ простуды, какъ Е. П. Торсонъ; кто для красоты, какъ Александръ Викторовичъ Поджіо.

остроумнымъ и шутливымъ *). Едва ли, впрочемъ, и нужны были наружные знаки и новыя вещественныя доказательства христіанскихъ чувствъ тамъ, гдѣ подробности самаго образа жизни сложились такъ, что старый знакомецъ заключенниковъ, протоіерей Мысловскій, назвалъ эту жизнь апостольскою и плѣнялъ ея деталями, полученными отъ Корниловича, всѣхъ тѣхъ женъ, которыя не успѣли отправиться за мужьями.

Въ религіозномъ отношеніи должная мѣра была опредѣлена, а въ казематскомъ опытѣ оправданъ извлеченный изъ изученія исторіи законъ, что истинная должная мѣра и въ религіи, какъ и во всемъ, не можетъ быть результатомъ внѣшней сдѣлки, а есть только внѣшнее проявленіе правильности внутренней силы, которая одна можетъ опредѣлять правильность рѣшеній въ приложеніи къ даннымъ мѣстнымъ обстоятельствамъ. Вотъ почему, когда мистически-фанатическое настроеніе, такъ называвшей самое себя религіозной партіи, усиливаясь и увлекаясь, дошло до того, что не хотѣло уже удовлетвориться возможностью безпрепятственнаго удовлетворенія личной, душевной религіозной потребности,—задумана была постройка церкви внутри казематской ограды. Это произвело одно изъ самыхъ сильныхъ движеній въ казематскомъ обществѣ. Послѣ ожесточенныхъ споровъ, религіозная партія и ея противники пришли, наконецъ, къ нижеслѣдующему соглашенію.

Справедливость не позволяетъ дѣлать ничего, что можетъ имѣть невыгодное послѣдствіе не только для настоящихъ, но и для будущихъ заключенныхъ въ казематахъ. Постройкою церкви въ казематѣ мы можемъ, съ одной стороны, упрочить самое существованіе государственной тюрьмы, а съ другой—лишить заключенныхъ единственной связи съ живымъ міромъ, которую теперь составляетъ церковь. Но что хуже всего, мы можемъ дать начальству поводъ къ полицейскому надзору въ дѣлѣ религіи и къ понужденію къ лицемѣрному исполненію внѣшней обрядности, что совершенно противорѣчитъ понятію объ истинной вѣрѣ. Наконецъ, такъ какъ многія

лица обвиняются прямо въ томъ, что, основываясь на сдѣланныхъ ими пожертвованіяхъ на постройку церкви, заранѣе считаютъ себя какъ бы хозяевами и распорядителями въ ней, то это неминуемо сдѣлается источникомъ большихъ неудовольствій и соблазна. А потому и будетъ гораздо благоразумнѣе, отказавшись отъ постройки церкви въ казематѣ, пожертвовать собранныя деньги на постройку новой церкви въ Петровскомъ заводѣ, такъ какъ настоящая церковь очень ветха, а заводъ собственныхъ средствъ для постройки своей церкви не имѣетъ. Это будетъ истиннымъ благодѣяніемъ для завода и для окрестныхъ деревень. Рѣшеніе это было принято большинствомъ 27 голосовъ противъ 11, и собственные деньги были отданы на новую церковь въ заводѣ, которая и была построена безъ замедленія.

Другое благоразумное рѣшеніе общины, въ религіозномъ отношеніи, относилось къ присланнымъ изъ Петербурга книгамъ религіознаго содержанія, для раздачи „наиболѣе религіознымъ“ изъ заключенныхъ. Коменданту объявили, такъ какъ религія есть дѣло совѣсти, то было бы несправедливо съ его стороны взять на себя опредѣлять, кто религіозенъ. На предложеніе же его, чтобы взыали „желающіе“, отвѣчали, что кто желалъ имѣть религіозныя книги, давно ужъ приобрѣлъ ихъ или черезъ родителей или черезъ товарищей, и ни въ какихъ даровыхъ не нуждается.

Наконецъ, когда одно изъ высшихъ духовныхъ лицъ пожелало посѣтить казематъ по обязанности „посѣщать темницы для утѣшенія и участія“, то просили коменданта отклонить это посѣщеніе, по самому уваженію къ этому духовному лицу, чтобы онъ не очутился въ неловкомъ положеніи и чтобы не вышло изъ этого неприятели. Комендантъ такъ и отвѣчалъ ему словами казематскаго общества: „Въ утѣшеніи они не нуждаются и оно можетъ показаться имъ смѣшнымъ. Въ религіозномъ отношеніи они сами знаютъ все, что имъ могутъ сказать, а если увѣщанія касаются политики, это можетъ повести къ спорамъ и неприятели, при которыхъ легко можетъ нарушиться уваженіе къ духовному сану“.

Пріѣхавшія за своими мужьями жены совершили тѣ евангельскіе подвиги, подобіе которымъ мало представляютъ европейскія исторіи. Если за семью женнами не поѣхали въ Сибирь уже обрученныя съ ними невѣсты, если бы восьмью другимъ не поѣхали жены и даже нѣкоторыя вступили въ бракъ, за то тѣ, которыя выстрадали себѣ право сожителства въ Сибири, вступили на стезю высокихъ христіанскихъ подвиговъ и служеніемъ своимъ приобрѣли то прованіе ангеловъ-хранителей, которое сдѣлалось для нихъ общимъ у всѣхъ союзниковъ. Уже въ 1829 году Александръ Ивановичъ

*) Такой же оригинальный образъ жизни велъ онъ и въ деревнѣ Урикѣ подъ Иркутскомъ на поселеніи: вокругъ домика выстроилъ высокій заборъ; двери постоянно держалъ на запорѣ, довѣрялся одному только слугѣ буряту. Здѣсь его арестовали во второй разъ за напечатаніе статей въ англійской газетѣ (журналистъ продалъ тайну) и за разборъ донесенія слѣдственной комиссіи (по оплошности переписчика) и сослали въ Акатуй, гдѣ онъ и умеръ семидесятилѣтнимъ старикомъ. Ксендзъ Тибурцій Павловскій, бывший въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ его капелланомъ, съ другими ссыльными проводилъ его гробъ до могилы, на которой впоследствии сестра М. С. Лунина поставила каменный памятникъ.

Одоевскій писалъ въ альбомъ кн. М. Н. Волконской (въ день ея рожденія 25-го декабря) стихи, представляющіе въ поэтической картинѣ подвигъ этихъ женщинъ и въ одинаковой степени относящіеся ко всемъ дамамъ безразлично:

Быль край, слезамъ и скорби посвященный,
Восточный край, гдѣ розовыхъ зарей
Лучъ радостный, на небѣ тамъ рожденный,
Не усаждалъ страдальческихъ очей;
Гдѣ душень былъ и воздухъ вѣчно ясный,
И узякамъ кровь свѣтлый докучалъ,
И весь обзоръ, обширный и прекрасный,
Мучительно на волю вызывалъ.

Вдругъ ангелы съ лазури низлетѣли
Съ отрадою къ страдальцамъ той страны,
Но прежде свой небесный духъ одѣли
Въ прозрачныя земныя челны.
И вѣстники благіе Провидѣнья
Явились какъ дочери земли,
И узякамъ съ улыбой утѣшныя
Любовь и миръ душевный принесли.

И каждый день садялись у ограды,
И свозомъ нес небесныя уста
По каплѣ имъ точили медь отрады.
Съ тѣхъ поръ лились въ темницѣ дни, лѣта:
Въ затворникахъ печали всѣ уснули,
И лишь они страшились одного,
Чтобъ ангелы на небо не вспорхнули,—
Не сбросили покровъ своего.

Первыми дамами, отправившимися за мужьями, были: кн. Екатерина Ивановна Трубецкая, урожденная гр. Лаваль, и Марья Николаевна Волконская, урожденная Раевская. Трубецкая проторила первую дорогу, по которой съ неменьшею безобязанностью прошли слѣдомъ за нею и другія. На Трубецкую пали всѣ тѣ неудобства, которыя выпадаютъ на долю передовыхъ пионеровъ. Желаніе ея слѣдовать за мужемъ, тотчасъ же по его высылкѣ въ Сибирь, встрѣтило наибольшія испытанія на томъ главномъ обстоятельстве, что начальствомъ приказано было всеми мѣрами стараться отклонить женъ слѣдовать за мужьями. Е. И. Трубецкую, воспитанную въ роскоши при нѣжной любви отца (эмигранта) и матери (изъ богатой фамиліи уральскихъ мѣдныхъ заводчиковъ Казацкихъ), постигли тяжелыя испытанія уже въ Иркутскѣ. До него добралась она среди различныхъ дорожныхъ неудобствъ: въ Красноярскѣ заболѣлъ ея проводникъ (секретарь ея отца), она отправилась одна; на дорогѣ сломался дорожный экипажъ, она пересѣла въ перекладную почтовую телегу. Въ Иркутскѣ она уже не нашла мужа, онъ былъ отправленъ въ Николаевскій замокъ. Въ Иркутскѣ ей сказали, что его скоро привезутъ въ этотъ городъ, но никто не рѣшился ей объявить правды объ окончательномъ назначеніи мужа. Когда его привезли въ Иркутскъ, начальство не хотѣло допускать свиданія и наскоро приготовили тройки. Сколько ни медлили товарищи, лошади тронулись: „Въ это время пріѣхала Е. И. на извозчикѣ, успѣла соскочить и закричала мужу. С. П. въ мгновеніе ока соскочилъ съ повозки и былъ въ объятіяхъ

жены; слезы текли изъ глазъ обоихъ. Полицеймейстеръ суетился около нихъ, просилъ ихъ разстаться другъ съ другомъ, но напрасны были его просьбы. Наконецъ, однако же, послѣднее „прости“ было сказано и вновь тройки уехали насъ съ удвоенною быстротою“. Оставшись въ неизвѣстности о судьбѣ мужа, Трубецкая обратилась съ требованіемъ дозволенія слѣдовать дальше. Иркутскій гражданскій губернаторъ (В. И. Цейдлеръ) поспѣшилъ сначала представить ей страшную картину жизни среди 5.000 закоренѣлыхъ преступниковъ, въ одной казармѣ, безъ собственной прислуги, на правахъ жены ссыльнокаторжнаго. Говорилъ, что „вмѣстѣ съ тѣмъ, она принимаетъ на себя обязанности переносить все то, что такое состояніе можетъ имѣть тягостнаго, когда даже само начальство не въ состояніи будетъ защищать ихъ отъ ежечасныхъ могущихъ быть оскорбленій отъ людей самаго развратнаго презрительнаго класса, которые найдутъ въ томъ какъ будто нѣкоторое право считать жену преступника, несущаго равную съ ними участь, себѣ подобною. Оскорбленія могутъ быть даже насильственными, закоренѣлымъ злодѣямъ не страшно наказаніе“. Эти страхи не смущали Трубецкую. На слѣдующій день ей объявлено было, что она должна дать письменное удостовѣреніе въ томъ, что отказывается отъ всѣхъ правъ дворянства на движимыя и недвижимыя имущества, принадлежащія ей теперь и могущія достаться ей по наследству; съ отъѣздомъ въ Нерчинскъ уничтожится право на крѣпостныхъ людей, прибывшихъ съ нею. Трубецкая согласилась и на это. Нѣсколько дней сряду губернаторъ отказывалъ ей въ приемѣ, ссылаясь на нездоровье. Въ это время пріѣхала въ Иркутскъ М. Н. Волконская. „Обѣ соединились въ одной мысли и дѣйствовали въ одномъ и томъ же рѣшительномъ дугѣ, не отступая ни передъ угрозами, ни передъ убѣжденіями. Терпѣливо выждавъ время приема, Трубецкая снова слышала отъ Цейдлера совѣты покинуть намѣреніе. Онъ говорилъ, что заводское начальство можетъ даже требовать отъ нее и личной услуги, какъ-то: мытья половъ и тому подобнаго,—наконецъ объявилъ, что если такъ твердо ея намѣреніе, то она можетъ отправиться къ мужу, но не иначе, какъ съ ссыльно-каторжными, отправляемыми еженедѣльно, связанная веревкою и по этапамъ. Трубецкая снова слышала отъ Цейдлера, не стуживъ овладѣть собою, заплакать и объявилъ, что она поѣдетъ къ мужу. Слѣзъ Лепарскій, проѣзжавшій въ это время черезъ Иркутскъ, такъ былъ тронутъ рѣшимостью Трубецкой, что постарался предупредить дальнѣйшія затрудненія для нее и для Волконской.

Трубецкую отклоняла мать, Волконскую отецъ герой 12-го года (Н. Н. Раевскій), страстно

ею любимый. Сверхъ того, у нее былъ грудной сытъ-первенецъ. Сына оставила она у бабушки, отцу объявила, что ѣдетъ только по-видаться, но въ Иркутскѣ выказала рѣшительное намѣреніе слѣдовать за мужемъ и не усомнилась утвердить своею подписью, слѣдомъ за Трубецкою, тѣ условія, которыя были ей предложены. Въ числѣ этихъ условій заключились, между прочимъ правилами, два такого рода: „дѣти, прижитыя въ Сибири, поступать въ число казенныхъ заводскихъ крестьянъ“; „ни денежныхъ суммъ, ни вещей многоцѣнныхъ съ собою взять не дозволяется; равно воспрещается имъ получать оныя отъ кого либо и впоследствии. Собственныхъ денегъ онѣ могутъ имѣть столько же, сколько дозволено имѣть и мужьямъ ихъ, т. е. до 2.000 руб. на первое обзаведеніе и до 1.000 руб. ежегодно на содержаніе себя, и то не иначе, какъ черезъ посредство коменданта нерчинскихъ рудниковъ и который будетъ выдавать имъ оныя по частямъ по мѣрѣ надобности“. Кромѣ того, съ каждой требовалась особая подписка. Вотъ въ чемъ заключалась эта подписка, которую впоследствии отбиралъ Лепарскій въ Читѣ со всѣхъ дамъ, послѣдовавшихъ за мужьями: „Желая раздѣлить участь моего мужа и жить въ томъ селеніи, гдѣ онъ будетъ содержаться, не должна я: 1) отнюдь искать свиданія съ нимъ никакими происками и никакими посторонними способами, но единственно по сдѣланному на то отъ г. коменданта дозволенію и токмо въ назначенные для того дни и не чаще, какъ черезъ два дня на третій; 2) не должна я доставлять ему никакихъ вещей, денегъ, бумаги, чернилъ, карандашей безъ вѣдома коменданта или офицера. Равнымъ образомъ, не должна принимать отъ него вещей, особливо же писемъ, записокъ и никакихъ бумагъ для отсылки; 3) не должна ни подъ какимъ видомъ никому писать и отправлять моихъ писемъ и другихъ бумагъ иначе, какъ токмо черезъ г. коменданта, равно если будутъ присланы черезъ родныхъ или постороннихъ людей, должна я ихъ ему же, коменданту, при полученіи объявлять; 4) изъ числа вещей, при мнѣ находящихся и конхъ регистръ имѣется у коменданта, я не въ правѣ безъ вѣдома его продавать ихъ, дарить кому или уничтожать. Деньгамъ же моимъ собственнымъ обязуюсь вести приходо-расходную книгу и въ оную записывать всѣ мои издержки, сохраняя, между тѣмъ, сію книгу въ цѣлости. Въ случаѣ востребованія г. комендантомъ, оную ему немедленно представлять. Если окажутся вещи и деньги сверхъ тѣхъ, которыя были мною скрыты, я подвергаюсь за противоучиненный проступокъ законному сужденію; 5) также не должна я мужу моему присылать никакихъ хмѣльныхъ напитковъ: водки, вина, пива, меду, кромѣ съѣстныхъ припасовъ, да и тѣ до-

ставлять ему черезъ старшаго унтеръ-офицера, а не черезъ людей моихъ, кои въ воспрещено личное свиданіе съ мужемъ моимъ *); 6) обязуюсь имѣть свиданіе съ мужемъ моимъ не иначе, какъ въ арестантской палатѣ, гдѣ указано будетъ въ назначенное для того время, а не говорить съ нимъ ничего излишняго и паче чего либо не принадлежащаго. Вообще, имѣть съ нимъ дозволенный разговоръ на одномъ русскомъ языкѣ; 7) не должна я нанимать себѣ никакихъ иныхъ слугъ или работниковъ, а довольствоваться только послугами предоставленныхъ мнѣ одного мужчины и одной женщины, за которыхъ также отвѣтствую, что они не будутъ имѣть никакого сношенія съ моимъ мужемъ и вообще за ихъ поведеніемъ **); 8) наконецъ, давши такое обязательство, не должна и сама никуда отлучаться отъ мѣста, гдѣ пребываніе мое будетъ, равно и посылать куда нибудь слугъ моихъ по произволу моему безъ вѣдома коменданта или, въ случаѣ отбытія его, безъ вѣдома старшаго офицера“ ***).

Женщины съ меньшимъ запасомъ душевныхъ силъ поколебались бы, могли бы замедлить дѣло перепискою съ петербургскими властями (сначала не было подробной инструкціи для сибирскихъ начальствъ), могли бы, такимъ образомъ, неблагопріятно повліять на рѣшимость другихъ; но Е. И. Трубецкая и М. Н. Волконская поспѣшили съ мужьями въ Зерентуйскомъ рудникѣ, вытерпѣли недостатки во всемъ необходи-

*) Водку носили пить для здоровья фельдшера. Комендантъ самъ посылалъ ее Арт. Муравьеву и Вольфу для аптеки.

***) Этотъ § относился особенно къ тѣмъ дамамъ, которыя не привезли съ собою крѣпостныхъ людей. За богатыми послѣдовали ихъ крѣпостные слуги, на которыхъ онѣ теряли владѣльческое право. Въ правилахъ для женъ государственныхъ преступниковъ сказано, между прочимъ: «§ 3. Изъ числа крѣпостныхъ людей, прибывшихъ съ ними, позволено имъ оставить при себѣ одного человѣка или одну женщину, и то въ случаѣ собственного сихъ послѣднихъ на то согласія, что они обязаны подтвердить подпискою за собственноручнымъ подписаніемъ; въ случаѣ же незнанія грамоты таковой оставленный слуга долженъ объявить о томъ лично въ присутствіи мѣстнаго начальства. Прочіе люди могутъ возвратиться въ Россію. Отсюда изъемяются, однако, тѣ изъ женъ преступниковъ, кои, рѣшившись раздѣлить участь мужей своихъ, пожелаютъ жить вмѣстѣ съ ними въ острогѣ: такими не могутъ уже имѣть при себѣ никого для прислуги. § 5. Тѣ изъ крѣпостныхъ людей, прибывшихъ съ женами преступниковъ, кои не захотятъ долѣе оставаться съ ними, могутъ возвратиться въ Россію, но дѣти ихъ, въ Сибири родившіяся, должны оставаться тамъ».

***) Однако, эти отпуски не были легки для Лепарскаго. Ему довелось получить строгій разговоръ за то, что смѣлъ отпустить Волконскаго на минеральныя Туркинскія горячія воды съ офицеромъ. Впоследствии Ребиндеръ испросилъ напередъ разрѣшеніе на подобные случаи и отпустилъ на воды четверыхъ.

момъ, нѣсколько мѣсяцевъ переносили холодъ и голодъ, довольствовались однимъ блюдомъ, сами стирали бѣлье. Въ Читѣ положеніе ихъ улучшилось: стала на людяхъ и смерть красна. Въ Читѣ за мужемъ (Никитой Мих. Муравьевымъ) послѣдовала третья героиня, Александра Григорьевна, урожденная гр. Чернышева. Въ Читѣ она была первою и первую приняла на себя всѣ невзгоды непривычнаго положенія, не выясненнаго въ достаточной степени и для осторожнаго начальства. Въ Россіи она оставила сына и двухъ дочерей на попеченіи бабушки, смѣнивъ заботу объ нихъ на заботу о мужѣ; въ Читѣ она была жестока разочарована, когда комендантъ показалъ ей инструкцію, строго воспрещавшую совмѣстную жизнь и допускавшую свиданіе не болѣе часа по два раза въ недѣлю и то въ присутствіи дежурнаго офицера. Свиданіе она восполняла тѣмъ, что ежедневно смотрѣла въ окно, когда мимо ея квартиры водили мужа и брата (Зах. Григ. Чернышева) на работу. Ей было 24 года; для всѣхъ она была поразительна своею внѣшнею красотою, но еще болѣе привлекала къ себѣ общую любовь душевною красотою и своими несчастіями. „При мужѣ она была покойна, даже весела, съ цѣлью не печалить его, но какъ скоро оставалась одна, то тотчасъ же у нея являлась тоска по дѣтямъ“. Черезъ годъ послѣ разлуки съ ними предчувствія ея сбылись: умеръ единственный ея сынъ, а дочери растеряли здоровье въ постоянной тоскѣ и ожиданіи свиданія. Три года строго соблюдали въ Читѣ правила затрудненныхъ свиданій съ мужьями, и хотя въ Петровскомъ заводѣ они были упрощены и облегчены, но Александръ Григорьевичъ Муравьевой-Апостоловой не долго удалось пользоваться этимъ правомъ, составляющимъ главную цѣль послѣднихъ лѣтъ ея жизни. Сдѣлавшись беременною, она крѣпко простудилась, оставаясь долго на дворѣ, гдѣ пила чай, затѣмъ не слушалась совѣтовъ Вольфа и ходила легко одѣтою изъ каземата на свою квартиру; послѣ неудачныхъ, преждевременныхъ родовъ, она скончалась, оставивъ четырехлѣтнюю дочь. Потеря ея была для всѣхъ ударомъ; наиболѣе всѣхъ другихъ она отличалась дѣлами благотворенія, ея кошелекъ былъ открытъ для всѣхъ. Когда для больныхъ, по ея мысли и при ея помощи, прочія дамы выстроили больницу, „незабвенная и праведная“ Александра Григорьевна выписала изъ Москвы превосходную аптеку и разные хирургическіе инструменты. Товарищи почтили ея память на могилѣ неугасимою лампадою, Н. А. Бестужевъ собственноручно сдѣлалъ ей деревянный гробъ со всѣми винтами и украшениями и даже вылилъ свинцовой ящикъ, въ которой и былъ поставленъ гробъ.

Въ ту же Читѣ и слѣдомъ за А. Г. Муравьевою прибыла Елизавета Петровна Нарыш-

кина и Александра Васильевна Янтальцева—обѣ бездѣтныя, но за то послѣдовавшая за ними (въ 1828 г.) Наталья Дмитриевна Фонвизина и Александра Ивановна Давыдова также оставили для мужей своихъ дѣтей въ Россіи *). Обязательство это внѣшено было ими въ Россіи на томъ основаніи, что „въ законѣ указано на дозволеніе слѣдовать за осужденными родителями дѣтямъ только крестьянъ государственныхъ и помѣщичьихъ и дозволеніе не можетъ быть распространено на дворянскихъ дѣтей, какъ по точному смыслу законовъ, такъ и по тому уваженію, что дѣти его, принадлежа къ высшему сословію въ государствѣ, должны получать приличное роду ихъ образованіе для вступленія со временемъ въ службу. Отцы же, находясь въ ссылкѣ, не только лишены способовъ дать имъ воспитаніе, но еще могутъ подать имъ примѣръ худой нравственности“.

Въ Читѣ же пріѣхала невѣста И. А. Анненкова, Прасковья Егоровна, дочь эмигранта-полковника, убитаго въ Испаніи гверильясами. Передъ отправкою жениха она успѣла снабдить его деньгами, вырученными отъ продажи шалей, чтобы купить ему все необходимое для дороги. Рѣшившись ѣхать сама, въ Вязьмѣ она на маневрахъ подала просьбу императору о дозволеніи слѣдовать за женихомъ. Государь принялъ ее съ участіемъ, далъ разрѣшеніе и 3.000 рублей изъ собственныхъ денегъ на прогоны. Черезъ три дня по пріѣздѣ въ Читѣ она была обвѣчана съ женихомъ, съ котораго на время обряда сняли желѣза, но, по совершеніи его, надѣли опять и увели мужа въ тюрьму, поставивъ въ общее положеніе со всѣми, т. е. дозволяя свиданіе только два раза въ недѣлю.

Такимъ образомъ, въ Читѣ семь женщинъ несли на себѣ тяжелый крестъ, добровольно ими на себя принятый, и являлись на помощь вездѣ тамъ, гдѣ видѣли на другой сторонѣ несостоятельность силъ, гдѣ замѣчали кланъ либо уклоненія въ сторону отъ согласно налаженнаго пути, гдѣ предчувствіями предполагали необходимость участія или содѣйствія. Въ предшествіи ихъ, подъ ихъ охраною и защитою, отправилась товарищеская семья на новое мѣсто жительства, изъ Читы въ Петровскій заводъ, гдѣ та же спасительная и живительная помощь съ ихъ стороны укрѣпилась еще болѣе и уса-

*) Нат. Дм. Фонвизина, урожденная Апугина, недавно умерла въ Москвѣ. Она въ молодости послужила идеаломъ Пушкину для Татьяны въ «Онегинѣ»; сначала хотѣла идти въ монастырь, потомъ вышла за генерала Фонвизина. По возвращеніи изъ Сибири въ Россію и по смерти мужа вышла за мужъ за Ив. Ив. Пушину, товарища ея по изгнанію. Ив. Ив., какъ извѣстно, былъ также другомъ и товарищемъ А. С. Пушкина по лицю.

лилась новыми сотрудниками *). Когда новые отдѣленія говорили: „Зачѣмъ намъ окна, когда казематы въ Петровскомъ заводѣ оказались у насъ четыре солнца“ **). Лѣтомъ 1830 г. очень темными и въ нихъ позволено было жить кончена была эта новая тюрьма, и въ югѣ заключенныхъ съ женами, товарищи одного начали приготовленія къ переселенію въ нее.

Г Л А В А VII.

ДЕКАБРИСТЫ (окончаніе).

Переходъ изъ Читы въ Петровскій заводъ.—Н. А. Вестужевъ.—Фонвизинъ.—Шахматы.—Дамская улица.—Жизнь въ Петровскомъ заводѣ.—Новый казематъ.—Община и артели.—Занятія.—Обязанности хозяина, закущика, казначея и огородника.—Выборы.—Вечасновъ.—Ваносы.—Положеніе холостыхъ и семейныхъ.—Вліяніе декабристовъ на страну изгнанія.—Жизнь ихъ на поселеніи.—Декабристы на Кавказѣ.—Марлинскій въ Якутскѣ.—Сгорѣвшіе.—Занятія на поселеніи.—Изобрѣтеніе декабристовъ.—Послѣдующая судьба ихъ, какъ умершихъ въ ссылкѣ, такъ и освобожденныхъ.—Основанныя ими школы.—Горбачевскій.—Братья Вестужевы.—Торсонъ.—Всепрощеніе.†

По предварительному распоряженію коменданта, всѣ декабристы были расписаны на двѣ партіи. Первая должна была идти подъ начальствомъ плацъ-маіора (подполковника Лепарскаго, племянника коменданта) и подъ непосредственнымъ наблюденіемъ плацъ-адъютанта К.; вторую партію, черезъ три дня послѣ, вывелъ самъ старикъ-комендантъ съ плацъ-адъютантомъ Р.

7-го августа по утра выступила первая партія, подъ предводительствомъ шедшаго впереди одного изъ товарищей въ круглой шляпѣ, съ величайшими полями и въ какомъ-то черномъ костюмѣ собственнаго изобрѣтенія, похожаго на квалерскій. „Въ правой рукѣ, выше его, палка, въ лѣвой—книга, которую онъ читалъ. Другой въ курткѣ à l'enfant; третій въ женской кацавейкѣ; нѣкоторые въ долгополыхъ пономарскихъ сюртукахъ, другіе въ испанскихъ мантияхъ, иные въ блузахъ. Проѣзжай французъ подумалъ бы, что это изъ дома стумасшедшихъ вывели погулять. Это насъ забавляло“.

Вторая партія выступила 9-го августа по утра, въ 9-мъ часу, тихо и въ стройномъ порядкѣ. „Взводъ солдатъ въ авангардѣ, другой въ арьергардѣ, конвойные по сторонамъ: всѣ

съ примкнутыми штыками и, сверхъ того, нѣсколько конныхъ казаковъ съ пиками (и бурять съ луками и стрѣлами); мы въ серединѣ около своихъ возовъ. Для перевозки поклажи были наняты фургоны, на которыхъ позволялось ѣхать тѣмъ, у кого были раны или кто былъ слабого здоровья“. Отправляясь въ путешествіе, всѣ поспѣшили запастись карандашами, перьями и записными книжками для записыванья впечатлѣній, у большей части книги и бумаги пришли въ Петровскій заводъ безукоризненно

** Исключеніе было сдѣлано для тѣхъ, которые имѣли дѣтей. Такъ какъ дѣтей не дозволялось приводить съ собою и послѣ вечерней зари номера запирались и гасили огонь (дѣти оставались въ всякой помощи со стороны), то имѣвшія дѣтей уходили на ночь на квартиры. Дни проводили съ мужьями. Всѣ эти передвиженія, лишенія и неудобства, а также и заточеніе мужей не прошли даромъ,—многіе роды были несчастливы: изъ 25 родовъ въ Читѣ и заводѣ было 7 выкидышей, за то изъ 18 живорожденныхъ умерли только 4. На послѣднее обстоятельство имѣло вліяніе искусство врача (Вольфа) и вліяніе. «Въ Читѣ мы всѣ поздоровѣли», свидѣтельствуютъ сами заключенники. Въ Петровскомъ заводѣ умеръ Александръ Семеновичъ Пестовъ: съ вередомъ на спинѣ онъ сходилъ въ баню, карбункулъ и антоновъ огонь развились такъ быстро, что больной черезъ два дня умеръ. Всѣ товарищи проводили его на заводскій погостъ, неся его тѣло до церкви на рукахъ, перемѣняясь поочередно. Организованная окончательно на то время артель похоронъ А. С. Пестова приняла за свой счетъ (издержала 21 р. 84 к.) и, сверхъ того, со всѣхъ собрана была сумма (100 р.) на сооруженіе ему памятника. Всѣ вещи покойнаго комендантъ предоставилъ въ полное распоряженіе общества товарищей, но всѣ отказались. Выдѣлили наградѣ двумъ служителямъ, а когда кое-какія вещи (книги, очки, самоваръ, серебряную ложку) нѣкоторые изъявили желаніе купить на память о покойномъ, то вырученныя деньги постановили употребить въ пользу мальчиковъ, находившихся въ обученіи у товарищей. Всѣ вещи, годныя къ употребленію, отправлены къ находящимся на поселеніи (Веденяпину и Шамкову).

*) На дорогѣ декабристовъ изъ Читы въ заводъ встрѣтили: жена Розена—Анна Васильевна, и жена Юшневскаго—Марья Казимировна. Жена И. Д. Якушкина (Настасья Васильевна) на нѣсколько просьбъ получила отвѣтъ, что ѣхать нельзя, опустила срокъ,—современенно не воспользовалась. Вѣра Гр. Чернышева, сестра А. Г. Муравьева, просила жену Розена взять ее съ собою подъ видомъ горничной, чтобы она могла помочь своей сестрѣ въ Сибири. Къ Вас. Петр. Ивашеву пріѣхала невеста, Эмилія Петровна Ледантю. Въ Сибири же вступили въ бракъ: Ник. Вас. Басаргинъ съ Ольг. Ив. Мендель, Дм. Ирин. Завалишинъ съ Анолинариєю Семёвною Смольяниновою—дочерью горнаго полковника, М. А. Вестужевъ, Е. П. Оболенскій, А. М. Муравьевъ, Сутгофъ, П. Н. Свинтуновъ, оба брата Кюхельбекеры, Модзалевскій, Муравьевъ-Апостолъ, Александръ Викторовичъ Поджіо.

чистыми: у другихъ заполнены самыми свѣжими впечатлѣніями. Послѣднія сохранили свою живость и вѣрность у барона Штейнгеля, у Васаргина и у Розена. Послѣдній не полѣнился, насколько было возможно, запастись свѣденіями и о бурятахъ и семейскихъ—старобрядцахъ.

Провожая ту и другую партію, народъ толпился у воротъ; служившіе прощались и плакали, провожая до перевоза, дальше 3-хъ верстъ отъ селенія. Ту и другую партію провожала ненастная погода, но, не смотря на дождь и грязь, почти всѣ шли пѣшкомъ, предполагая выиграть чашу, не проронивъ ни капли. Впереди предстояло 700 верстъ; походъ объявленъ былъ пѣшімъ: рассчитывали на 48 дней, принимали, послѣ тюремнаго сидѣнія, походъ за прогулку.

На каждую партію полагался одинъ выборный староста-хозяинъ (въ первой Александръ Николаевичъ Сутгофъ, во второй Розенъ). Хозяева, подъ присмотромъ солдатъ, выѣзжали за день впередъ, обязываясь заготовлять самовары, обѣды и ужины. Переходъ на каждый день полагался въ 20—30 верстъ. Съ мѣста выходили въ 3 часа утра, къ 8-ми и 9-ти часамъ по полудни кончали переходъ, стараясь становиться около рѣчекъ. Отдохнувъ, шли купаться, затѣмъ ложились пить чай и бесѣдовать до обѣда. Одинъ изъ пятерыхъ дежурныхъ, т. е. разливалъ чай, убиралъ посуду. Обѣды разносила съ кухни прислуга. Послѣ обѣда часа 2—3 отдыхали, а когда спадать жаръ, шли гулять по ароматнымъ лугамъ роскошной Братской степи. Черезъ три дня назначался суточный отдыхъ; черезъ 12—15 верстъ — на часъ отдыхъ для завтрака, съ рюмкою водки, кускомъ курицы или холодной телятины; все это держали въ запасѣ дамы, все время слѣдовавшія вмѣстѣ съ партіями. На ночлегахъ и дневкахъ находили бурятскія юрты — конусообразныя, войлочные палатки, вмѣщавшія въ себѣ не болѣе 4—5 человѣкъ; въ каждой юртѣ полагался каморникъ мужчина. Всѣ десять юртъ ставили въ одинъ рядъ и на равномъ другъ отъ друга разстояніи; крайняя занималась командою; 11-ая назначалась для офицера, 12-ая ставилась подоль для коменданта. Кругомъ цѣпь часовыхъ, зажженные костры, сторожевая перекличка; все это дѣлало стоянки декабристовъ похожими на военный лагерь. Въ полчаса всѣ были готовы къ походу. Проводниками служили бурята, которыхъ исправникъ успѣлъ предупредить въ томъ, что идутъ злые люди, знающіеся съ шайтаномъ и за то сосланные въ неволю, но не снабдивъ бурятъ необходимымъ: не имѣя ни хлѣба, ни другихъ съѣстныхъ припасовъ, они два раза въ день партіями уходили въ хлѣбъ и тамъ въ полчаса утоляли свой голодъ брусни-

кою. Во всякое другое время эти бурята исполняли должность слугъ.

Пищу себѣ путешественники варили подъ открытымъ небомъ, въ дождь накрывали котлы крышкою изъ хвороста съ переплетомъ. Вообще дорожное продовольствіе было гораздо лучше чѣмъ въ Читѣ. На привалахъ затѣвались шахматы и шанки, на дневкахъ чтеніе газетъ и книгъ. Читинская жизнь перенесена была на кочевку сначала по горамъ и долинамъ, потомъ по гладкой степи до Верхнеудинска, отъ Верхнеудинска по берегамъ разнообразной и красивой Селенги на богатые и сытыя селенія семейскихъ старовѣровъ. Когда дорога отъ дождей испортилась, проложили другую, прорубивъ хлѣбъ. Дорогою этою Нарышкина успѣла проѣхать въ каретѣ. На этомъ пространствѣ юрты были покинуты; стали ночевать въ избахъ хлѣбосольныхъ и тароватыхъ хозяевъ. Въ концѣ пути физическое утомленіе взяло перевѣсъ: дамы начали выходить изъ терпѣнія и мало по малу уѣзжали впередъ. Дорога становилась все труднѣе и непривлекательнѣе: красивая видами стала утомлять мелкими подробностями. Впечатлѣній немного, развлеченій еще меньше. Хотя о послѣднихъ временахъ хлопоталъ Лепарскій, по привычкѣ и опыту заботившіеся въ этомъ отношеніи о походныхъ людяхъ, дѣлающихъ такой длинный переходъ. На первой половинѣ ихъ интересовали кочевники-бурята, на второй поразили путниковъ домовитые и богатые старовѣры.

Степныя впечатлѣнія начались съ того, что близъ станціи Домно-Ключевской, въ тонкомъ мѣстѣ, ихъ встрѣтили верхами посланные тайшею бурята и перевозили ихъ на лошадей. „Вездѣ мосты, видна заботливость, чтобы не подмочили ногъ, это насъ забавляло“. На одной дневкѣ привезли шамана: „но какъ тутъ былъ тайша самъ, то онъ, по видимому, и не смѣлъ развернуться“. Немножко поскакавъ, пропѣлъ „менду-менду“, постучали его ассистенты въ бубны, какъ въ лукошки, и тѣмъ этотъ глушій фарсъ кончился. Пригѣтно, что тайша смѣялся такъ, чтобы видѣли, что онъ шаманству не вѣритъ“. Когда двое шахматныхъ игроковъ (Трубецкой и Вадковскій) сѣли за столъ, ихъ окружала толпа бурятъ: восклицаніями и указаніями убѣждали въ томъ, что эта игра имъ хорошо извѣстна. Въ Домнинскомъ зимовьѣ Иванъ Александръ Фонвизинъ, узнавъ, что одинъ зайсанъ изъ свиты тайши хорошо играетъ, пригласилъ его на партію и былъ побѣжденъ: бурята играли бѣгло и расчетливо и объяснили, что игра перешла къ нимъ отъ китайцевъ. Переправа черезъ рѣку Ону подъ наблюденіемъ самого коменданта дала послѣднему случай припомнить и сказать, что въ дѣвственныхъ годахъ онъ также велъ и переправлялъ черезъ рѣку конфедератовъ. „Это насъ

позабавило дорогою“. М. С. Лунинъ, имѣвшій право за ранами ѣхать въ фургоцѣ, обиль его класкою, спалъ ночью и никогда не оставлялъ дѣвѣ; любопытство бурять не имѣло предѣловъ; таинственный незнакомецъ не показывался и представлялся имъ главнымъ преступникомъ, рисовался въ воображеніи ихъ чудовищемъ. Съ неменьшимъ любопытствомъ встрѣчали путешественниковъ и въ русскихъ селеніяхъ, умѣя присоединять къ тому вещественныя доказательства состраданія и участія. Многіе принесли посильныя жертвы: снабжали мясомъ, провизіею, предлагали баню, служили чѣмъ могли и смѣли.

Впечатлѣнія горныхъ мѣстностей начались подъ Верхнеудинскомъ тѣмъ, что на привалѣ за 5 верстъ до города появились на дорожкахъ темновія дамы зѣвать на прохожихъ; онѣ же смѣли вмѣстѣ съ верхнеудинскими дѣвѣ съ галлерей, когда партія шла черезъ городъ. Передъ городомъ „прочли намъ словесное приказаніе коменданта, какъ идти завтра чрезъ городъ, т.-е., чтобы всѣ были при своихъ повозкахъ и не далѣе двухъ шаговъ; трубокъ бы не курили и даже въ рукахъ чубуковъ не держали. Солдатамъ же приказано не разговаривать и показывать свирѣпый видъ. Намъ это дало случай посмѣяться“. Передъ городомъ встрѣтила полиція; по возвышеніямъ кучками толпился народъ; комендантъ стоялъ у поста въ позѣ полководца, ведущаго армію. На пути по берегамъ Селенги вся эта парадность была снова оставлена. „Комендантъ, ѣхавшій впереди, насъ оставилъ. Ник. Бестужевъ далъ советъ хозяину сплутной мельницы, какъ устроить плотину. Семейскіе радушно насъ встрѣтили“. Въ ихъ селеніяхъ позволялось ходить изъ избы въ избу, съ квартиры на квартиру, но развѣ позволеніе это было отмѣнено по случаю фельдгегера. „Вскорѣ узнали, что онъ привезъ только письмокъ Марьѣ Николаевнѣ (Волконской) вслѣдствіе ея просьбы о дозволеніи ѣхать съ мужемъ по случаю ея беременности“. „Узнали, что фельдгегеръ уѣхалъ обратно, но не слышно, чтобы онъ привезъ что либо поважнѣе дозволенія Марьѣ Ник. видѣться дорогою съ мужемъ*). Пріѣхала она показать полученное ею письмо, мало добраго обѣщающее“. „При вступленіи изъ Харауза Фонвизинъ сообщилъ подробности изъ газетъ объ абдикаціи Карла X. Это извѣстіе всѣхъ оживило“. „Достали гдѣ-то двѣ-три бутылки шипучаго и выпили по бокалу“. „Это было для нашего новоселья хорошимъ предзнаменованіемъ“. Къ заводу приближались веселыми. Дамы, уѣхавшія впереди, выѣхали на встрѣчу мужей. При посредствѣ коменданта и

содѣйствіи мѣстныхъ купцовъ дамы успѣли уже обезпечить себя въ заводѣ постройкою собственныхъ домовъ, образовавшихъ улицу, до сихъ поръ также носящую названіе „Дамской“.

„Дорога вела въ междугоріе и тѣснины, все какъ бы предвѣщало приближеніе къ мрачной тюрьмѣ, но всѣ шли съ веселымъ духомъ. На половинѣ сдѣлали привалъ“. „Послѣднія версты дорога вилась лѣсомъ, рѣдѣвшимъ по мѣрѣ приближенія къ Петровску; за лѣсомъ слѣдовало опушка—кустарники—и болото; на сѣверѣ и востокѣ потянулись высокія горы. Въ глубокой долигѣ намъ показала большая деревня: церковь, фабричное строеніе съ многочисленными трубами, ручей и позади его красная крыша тюрьмы: неуклюжее зданіе на каменномъ фундаментѣ, выстроенное въ формѣ вѣсѣлицы съ большимъ количествомъ кирпичныхъ трубъ; стѣны же были безъ оконъ“. „Остановились, чтобы дать солдатамъ надѣть рапицы. Мы съ пригорка смотрѣли на нашу будущую обитель, и—шутили! При вступленіи въ заводъ множество народу высыпало насъ встрѣтить. Насъ встрѣтилъ заводскій полиціймейстеръ и поѣхалъ впередъ. На заводскомъ мосту, подъ которой надо было проходить, стояло также множество зрителей чиновницъ и чиновниковъ, съ любопытствомъ на насъ зѣвающихъ. У дома Алекс. Григ. (Муравевой) наши дамы вкупѣ ожидали своихъ мужей*). Весело вошедъ въ стѣны своей бастіи, бросились въ объятія товарищей, съ коими 48 дней были въ разлукѣ; сдѣлали 31 переходъ и 15 было девоекъ“.

„Вскорѣ насъ разгѣстили. Мы вступили въ тюрьму, какъ въ преддверіе гроба, но сердца были спокойны, душа тверда. Товарищи рассказывали намъ, что имъ, по вступленіи сюда, читали правила о порядкѣ, какой впредь будетъ здѣсь наблюдаться. Правила возбудили между нами всеобщій хохотъ и всѣ твердили: „отъ запертія до отпертія“, а поэтому вѣроятно намъ никакихъ правилъ уже не показывали. Не только мы, но даже солдаты смѣялись тѣмъ наставленіямъ, которыя имъ читали на гауптвахтѣ. Во всякое отдѣленіе дали по сторожу изъ солдатъ. Совершенно темные номера, желѣзные запоры, четырехъ-саженный тытъ, не допускающій ничего видѣть, кромѣ неба, должны были ужаснуть cadaго, но таковое слѣдствіе привычки, мы были равнодушны ко всему. Я вспомнилъ зайповскаго ящика, который въ 1819 году, подѣзжая къ Бронницамъ, на вопросъ мой: „Начинаютъ ли военно-поселенцы привыкать къ новой своей жизни?“—отвѣчалъ: „Да, батюшка баринъ, велеть, такъ и въ аду привыкнешь“. Какъ сильно и какъ справедливо

*) Вѣрнѣе: фельдгегеръ привезъ разрѣшеніе отъ тѣхъ въ Читѣ С. Г. Волконскаго, пока не родитъ его жена, а какъ она родила преждевременно, то и выѣхала вмѣстѣ съ мужемъ.

*) Изъ дамъ впереди уѣхали тѣ, которыя имѣли дѣтей; другія таялись за партіями въ собственныхъ экипажахъ.

во! Я тогда не воображалъ, что опытоу узнаю истину сей русской остроты. Могу ли предугадать, что еще вперед испытать предназначено?... да будетъ воля Твоя“!.. *).

Валегинскій Петровскій желѣзный заводъ оконченъ былъ постройкою въ 1789 и въ первой половинѣ настоящаго столѣтія представлялъ людное селеніе, оживленное смышлеными рабочими всякаго рода, которые тянули проволоки, ковали шинное желѣзо, отливали разныя желѣзные вещи. Стояла еще при заводѣ пыльная мельница съ водянымъ приводомъ, но стояла нѣсколько лѣтъ безъ всякаго дѣла, ибо механизмъ испортился и всѣ считали его уже вовсе неисправнымъ. Но прибыли новые жильцы, въ средѣ которыхъ нашлись два замѣчательные механика: Н. А. Бестужевъ и К. П. Торсовъ, съѣздили на мельницу, посмотрѣли и, черезъ нѣсколько часовъ, къ удивленію чиновниковъ, мастеровъ и фабричныхъ, мельница начала пилить снова. Эта мельница и сама желѣзная фабрика остались въ сторонѣ и внѣ другихъ правъ и вліяній новыхъ пришельцевъ: тутъ и тамъ работали каторжные, сосланные не за государственныя преступленія. Для нихъ и тюремное помѣщеніе издавна существовало особо. Для новыхъ заводскихъ обывателей выстроена была новая ручная мельница, на подобіе читинской, и новый казематъ, имѣвшій видъ покоя (II). На такой же точно сырой и болотистой почвѣ, на которой прилежалась воява Дамская улица **), на самомъ низменномъ мѣстѣ всей той впадины между горами, въ которой помѣстился заводъ, выстроено было одноэтажное зданіе съ кордегардіями на главномъ фасѣ. Въ стѣнахъ кордегардій были узенькія щели бойницъ, сквозь которыя выстрѣлы предполагались быть перекрестными. Эти кордегардіи, выдвинутыя нѣсколько впередъ главной линіи, имѣли по обѣимъ сторонамъ амбразуры, черезъ которыя предполагалось обстрѣливать разомъ оба фаса зданія на случай побѣга заключенныхъ,

Въ серединѣ главнаго и передняго фаса помѣщалась единственная гауптвахта и былъ единственный входъ въ казематы. Крытая ворота приводили на дворъ прямо къ особому зданію съ кухней, кладовою и обширною столовою. Вся внутренность двора, обстроенная съ трехъ сторонъ зданіемъ казематовъ и забранная съ четвертой тыномъ *), представлялась раз-

гороженной такими же отвѣсными бревнами на 8 отдѣльныхъ дворовъ съ особыми воротами. На эти дворы выходили двери 12-ти отдѣлений каземата прямо изъ корридора, на которой вели двери уже изъ самыхъ 64-хъ номеровъ. Къ каждому отдѣленію принадлежало пять номеровъ. Такихъ отдѣлений было 8 съ 5-ью комнатами, въ 4 отдѣленіяхъ (угольныхъ) было до 6 комнатъ, выходившихъ въ общій корридоръ своего отдѣленія. Слѣдующіе пять номеровъ, образующихъ сосѣднее отдѣленіе, отдѣлялись толстою капитальною (деревянною) стѣною съ тяжелою дверью, которая запиралась уже четырьмя замками. Ключъ отъ дверей отдѣлений хранился у коменданта и эти двери отпирались только передъ нимъ и другими вліятельными лицами (какъ Сулима, Броневскій, адъютанты военнаго министра и пр.); тогда все зданіе можно было обойти кругомъ корридоръ прерывался только караульною и воротами. Огмезованный для каждаго отдѣленія внутри двора небольшой четверугольный дворикъ, забранный тыномъ, преслѣдовалъ ту же мысль отдѣленія товарищей другъ отъ друга. Здѣсь, однако, узники успѣли завести зайцевъ, козуль, журавлей. Какъ по отдѣленіямъ въ корридорахъ могли видѣться только жильцы пяти сосѣднихъ номеровъ, выходившихъ дверями въ корридоръ, такъ точно на внутреннихъ дворикахъ встрѣчались жильцы или того же отдѣленія или трехъ сосѣднихъ. Такимъ образомъ, для четырехъ отдѣлений 1, 2, 11 и 12 (считая съ послѣдняго изъ боковыхъ) были особые дворы; для 3, 4, 5—одинъ общій, для 8, 9 и 10—тоже общій, а для двухъ среднихъ (6 и 7), находившихся по бокамъ входныхъ воротъ, одинъ большой дворъ, общій съ кухоннымъ строеніемъ. Каждое отдѣленіе, не сообщаясь съ другимъ въ корридорѣ, имѣло особый входъ со двора, по единственной лѣстницѣ, поднимавшейся съ дворика и приводившей въ корридоръ отдѣленія, имѣвшей сажени 1½ ширины, и сажень 5 длины. Корридоръ былъ теплый, изъ него топились печи (одна на два номера). Каждая келья имѣла 7 шаговъ длины и 6 ширины (номера, отутившіеся на углахъ, были побольше; срединые, шедшіе по фасу—меньше, но одинаковой величины между собою). Кельи были высоки, казались просторными, когда на каждую назначалось по одному человѣку, но имѣли тотъ недостатокъ, который сначала неожиданно и мучительно поразилъ пришельцовъ: кельи бы-

ульи ушедшихъ на поселеніе по различнымъ милостивымъ манифестамъ остановила это дѣло. Такимъ образомъ, петровскіе казематы, вмѣстѣ съ огороднымъ мѣстомъ, составляли прямоугольный равнобедренный четырехугольникъ. Пустое огороженное пространство служило мѣстомъ для прогулокъ. Тутъ зимою устраивались горы и катки для конькобѣжцевъ.

*) Комендантъ Лепарскій получилъ за походъ Владимира 2 степени со звѣздою.

**) Изъ дамъ имѣли свои дома: Трубецкая, Волконская и Анненкова. Муравьева, Нарышкина и Давыдова нанмали дома, которые сами же и выстроили на свой счетъ. Дома были, большею частью, двухэтажные со свѣтлками.

*) По первоначальному проекту и эту сторону предполагали застроить казематами, но

ли почти вовсе темны, получая свѣтъ изъ корридора черезъ рѣшотчатое стеклянное оконцо надъ дверями. Въ свѣтлый день нельзя было не только читать, но и разобрать цифры на часовомъ циферблатѣ. Къ тому же близилось время зимнее и осеннее, обязывавшее или сидѣть въ потьмахъ или жечь свѣчи цѣлый день; нѣкоторымъ приводилось прожить такимъ образомъ еще 12 лѣтъ срочныхъ, назначенныхъ приговоромъ. Комендантъ, видѣрая жильцовъ, входилъ въ номеръ, запиралъ дверь, вынималъ бумагу, читалъ и говорилъ: „Очень темно!“ Когда ему возражали, что можно привыкнуть, онъ устанавалъ на своемъ „очень темно“ и устоялъ фактически въ представленіи своемъ, посланномъ въ Петербургъ. Въ представленіи этомъ онъ выставлялъ опасность умопомѣшательства и простудушно увѣрялъ, что есть уже и замѣчена нѣкоторая склонность къ тому. До времени разрѣшенія онъ дозволилъ отворять въ корридоръ двери и приставлять къ дверямъ столы для занятій. Нѣкоторые ухитрились, какъ Н. А. Вестужевъ, пристроивать подмостки, чтобы воспользоваться скуднымъ количествомъ свѣта, достигавшаго изъ окна корридора черезъ наддверную скважину, называвшуюся оконномъ. Такіе подмостки прилажены были всѣми, кто желалъ заниматься. Въ корридорѣ съ обыкновенными окнами, обращенными на улицу, было свѣтло, но зимою стало невыносимо холодно; начали заниматься въ номерахъ при свѣчахъ и въ теченіе зимы многіе успѣли разстроить зрѣніе и прибѣгнуть къ помощи очковъ. Читинскія дамы, вліятельныя въ Петербургѣ своими связями, написали о темныхъ жилищахъ къ роднымъ; комендантъ, съ своей стороны, прибавилъ начальству, что темнота каютъ ослабляетъ здоровье и предрасполагаетъ къ меланхоли. Въ апрѣлѣ 1831 года вышло разрѣшеніе прорубить окна. Объявлено было всѣмъ собраннымъ заключеннымъ, какъ о милости, черезъ военнаго министра (Чернышева) и, между прочимъ, напоминали о первой милости: о кандалахъ, снятыхъ въ Читѣ. Окна прорубили подъ крышею наружнаго фаса такъ высоко, что человекъ большого роста (какъ Якубовичъ) могъ видѣть одно только небо. Въ казематахъ происходили почти въ продолженіи цѣлаго года безпрестанныя поправки: многія печи пришлось сломать и сложить новыя. Наскоро сложенное зданіе, отъ сырости и неумѣлой постройки, сѣло по угламъ, сдѣлавъ угловые номера и соедѣнія съ ними холодными, неудобными для жилья. Отъ дурной постройки (вслѣдствіе воровства) стѣны состояли изъ коротенькихъ обрубковъ. Былъ случай, что одинъ такой обрубокъ руками вынули совсѣмъ изъ стѣны; стѣны корридора выпучило наружу; ничѣмъ не отдѣленные отъ печей, нѣкоторыя стѣны не разъ загорались. вмѣсто одного стали

жить въ номерахъ по двое (братья Андрей и Петръ Иванов. Борисовы, Вестужевы, Бѣляевы, Крюковы). Основаніе распредѣленія вышло отъ самого казематнаго общества, которое настояло на отмѣнѣ росписанія коменданта и требовало предоставить самимъ размѣститься по справедливости. Помѣстили по двое тѣхъ, которыхъ сроки были меньше и которымъ, стало быть, недолго приходилось переносить неудобства помѣщенія вдвоемъ. Старшій разрядъ весь жилъ по одиночкѣ. Когда начали штурговать корридоръ и казематы, то привелось жить еще болѣе въ стѣсненномъ положеніи. Прежде въ каждомъ номерѣ полагались въ одномъ углу нары, — теперь и другой уголъ былъ стѣсненъ этимъ неуклюжимъ ложемъ; въ третьемъ углу добавляла тѣсоту печь. Желѣзныя рѣшетки новыхъ оконъ ослабляли свѣтъ и не давали его въ желаемомъ и необходимомъ количествѣ. Товарищи считали для себя стѣсненіе обязательнымъ и приятнымъ лишь на то время, когда дамамъ позволено было жить съ мужьями въ казематахъ. Женатые стали жить въ двухъ номерахъ, за то по вечерамъ устраивались семейныя бесѣды. Это продолжалось около года. Когда начались передѣлки, дамы выбрались и мужья съ ними. Дамы уже не приходили въ тюрьму; мужьямъ дозволено ходить, когда пожелаютъ, и только ночевать должны были въ камерахъ. Подъ конецъ разрѣшено постоянно жить съ женами на квартирахъ и женатые даже ночевать не приходили въ тюрьму, сначала Нарышкинъ, жена котораго занемогла простудною горячкою, потомъ Ник. Муравьевъ, который самъ занемогъ гнилою горячкою. Дамы страдали неволюю: одна отъ скуки разсыпанный бисеръ разныхъ цвѣтовъ подбирала цвѣтъ къ цвѣту въ разныя коробочки и приводила тѣнями въ порядокъ, отъ мучительной скуки. Лѣтомъ въ надворныхъ садикахъ устроили дорожки, по которымъ можно было гулять во всякую погоду; развели гряды съ огурцами; къ наружнымъ дверямъ корридора, вмѣсто лѣстницы, приладили насыпь съ откосами, покрытыми булыжникомъ. На среднемъ дворѣ отгорожено было мѣсто для сада, но садъ никогда не былъ засаженъ. Въ большой комнатѣ у кухни, назначенной для богослуженія, скоро приладили читинскій клубъ, съ тѣмъ же удобствомъ переносимый на мельницу. Въ Петровскомъ заводѣ страстно любилъ древнихъ: Плутаркъ, Титъ-Ливій, Цицеронъ, Тацитъ и другіе были у каждого почти настольными книгами. Изъ современныхъ писателей пользовался наибольшимъ уваженіемъ Вальзакъ. Библиотека состояла изъ ученыхъ книгъ, специальныхъ журналовъ и сочиненій. На мельницѣ по прежнему зимою продолжали вымалывать нѣсколько фунтовъ такой муки, которая потомъ никуда не годилась, а лѣтомъ занимались продолженіемъ

дорогъ и огородничествомъ. Столярная установка по старому *). Торсонъ приготовлялъ модели машинъ: пильной, жатвенной и молотильной. Сверхъ того, изготовлялись стулья, столы, кресла, комоды сколько для себя въ номера, столько и для дамъ, на квартиры. Въ номерахъ у братьевъ Борисовыхъ собиралась ботаническая коллекція сибирской флоры, начата въ Владодатскомъ рудникѣ, дополнявшаяся въ Читѣ и обогащенная экскурсіями по Братской степи, и по дорогѣ изъ Читы въ Петровскъ. У Андр. Ив. приготовлялась энтомологическая коллекція, возбуждая собою въ послѣдствіи въ Москвѣ серьезный интересъ въ спеціалистахъ; Петръ Ив. составилъ коллекцію рисунковъ забайкальской флоры и орнитологію. Снятіемъ видовъ занимались М. А. и Н. А. Бестужевы, а П. И. Фаленбергъ производилъ топографическія съемки и самъ сдѣлалъ для этого планшетъ. Андреевичъ въ своемъ номерѣ написалъ масляными красками огромный запрестольный образъ для читинскаго собора. Завяіе литературою можно считать однимъ изъ основныхъ и любимыхъ; къ казематѣ жили признанные поэты (Одоевскій), извѣстные авторы и издатели журналовъ (Корниловичъ—издатель журнала „Русская Старина“, Луиниъ, Бестужевъ, Кохельбекеръ и друг.). Большая часть явилась сюда литературно подготовленною съ любовью къ ней и знаніемъ (И. Д. Якушкинъ, случайно встрѣтившись съ А. А. Бестужевымъ въ Иркутскѣ въ банѣ, нѣсколько минутъ случайнаго свиданія посвящаетъ разговоръ о вышедшихъ тогда „Цыганахъ“ Пушкина). На досугѣ, подъ вліяніемъ товарищей и впечатлѣній заточенія, обратились къ литературнымъ занятіямъ даже и тѣ, которые считали до тѣхъ поръ это дѣло для себя чуждымъ и постороннимъ и на свободѣ ничего не писали. Авторство успѣло увлечь многихъ и свидѣтельство о томъ мы встрѣчаемъ почти въ каждой изъ завѣщанныхъ узниками запискѣ,—относящихся разумѣется къ тому времени, когда въ Петровскомъ казематѣ окончательно отвоеваны были чернила и бумага. П. С. Бобринцевъ-Пушкинъ, при глубокой вѣрѣ сохранившій до конца жизни свѣтлый и многосторонній умъ, писалъ остроумныя басни и переводилъ псалмы и посланія апостольскія. Ивашевъ написалъ эпосъ

*) Въ читинской столярной Н. А. Загорѣцкій, съ помощью простаго столяра, изготовилъ прекрасныя стѣнные часы изъ кострюля и картона, съ помощью одного ножичка и пилочки и подъ мракомъ таинственности. Всѣ острые орудія были запрещены: не давали ни ножей, ни вилочекъ и даже обламывали кончики шпильцовъ. Н. А. Бестужевъ всѣми неправдами добылъ себѣ ножъ и маленькій подпалокъ, устроилъ токарный станокъ и сдѣлалъ часы, которые и подарилъ А. Гр. Муравьевой. Комендантъ, какъ извѣстно, разрѣшилъ ему въ послѣдствіи пользоваться инструментами.

„Стенка Разинъ“, Одоевскій писалъ гѣсни, посланія и проговаривался остроумными эпиграммами; Луиниъ—критическія статьи, а многіе другіе узники воспоминанія о прожитой жизни и о событіи, увлекшемъ въ заточеніе. М. А. Бестужевъ написалъ цѣлый рядъ морскихъ повѣстей, изъ коихъ самыя лучшія—по его свидѣтельству—были сожжены Мухановымъ при домовомъ обыскѣ полиціи на поселеніи, по доносу одного чиновника. М. А. Бестужевъ написалъ „Записки моряка“ и критическія статьи, между которыми выдается своими достоинствами разборъ книгъ Н. И. Тургенева и сохранившійся въ письмахъ къ С. Г. Волконскому.

Константинъ Петровичъ Торсонъ, на свободѣ до ссылки, составившій прозвъть о преобразованіи флота, также восстанавливалъ свои воспоминанія о морскомъ путешествіи и впечатлѣніяхъ въ литературно отдѣланной формѣ. „Жизне въ Петровскомъ заводѣ была самая дрътущая эпоха стихотвореній, повѣстей, рассказовъ и жемуровъ“—свидѣтельствуетъ М. А. Бестужевъ въ своихъ запискахъ.

Въ это же время изготовленъ былъ тотъ существенный и весьма важный трудъ политической исповѣди въ объясненіе цѣлей и намереній, послужившихъ причиною 14-го декабря. Этотъ самый важный литературный трудъ, т. е. описаніе событій, относящихся къ роковому дню, составленъ былъ по словеснымъ и письменнымъ свидѣтельствамъ всѣхъ казематскихъ узниковъ. Все это въ готовомъ видѣ передано было М. С. Луиниу, который хотѣлъ переслать сестрѣ и черезъ ея посредство напечатать за границею, а копію долженъ былъ хранить. Эту копію переписывалъ Громницкій и зарылъ ее гдѣ-то въ лѣсу. Но Луинина посадили въ Акатуй, Громницкій скоростязно скончался, а съ нимъ умеръ и секретъ, гдѣ была зарыта его рукопись. Хотя многіе послѣ и надували заключенниковъ, выпрашивая деньги, чтобы указать мѣсто, но все-таки дѣло уже было навсегда потеряно. Н. А. Бестужевъ вычисленіями додумывался до усовершенствованія хронометра съ ничтожною девиаціею (по привелъ свою мысль въ исполненіе уже въ Селенгинскѣ—на поселеніи). „Комендантъ любилъ нами хвастаться передъ пріѣзжими и обыкновенно возилъ ихъ на гору, съ которой можно видѣть расположеніе казематовъ“. Когда пріѣхалъ изъ Петербурга адъютантъ военнаго министра и разспрашивалъ обо всемъ, что дѣлалось, особенно о содержаніи въ казематахъ, хитрый старикъ „очень ловко предлагалъ ему сообщить самыя вѣрныя свѣденія объ насъ и нашихъ женахъ и тѣмъ прекратилъ тайныя розыски“. Генералъ - губернатора Броневскаго (какъ младшаго чиновнѣ) даже и не провозахъ отъ самъ по казематамъ, поручивъ это дѣло плацъ-маіору. „Генералъ-губернаторъ заходилъ

въ иные номера, а въ другіе только заглядывали съ тѣмъ любопытствомъ, съ какимъ обыкновенно заглядывали въ желѣзныя кѣтки посылители, осматривающіе никогда не выданный ими звѣринецъ“. Тѣмъ не менѣе Броневскій написалъ въ запискахъ своихъ такіа строки: „Замокъ—деревянное квадратное строеніе съ обширнымъ дворомъ, имѣющее съ внутренней стороны галлерей, а съ внѣшней—комнаты преступниковъ, для каждаго по одной. Сообщеніе ихъ между собою, прогулки въ галлерейхъ и на дворѣ—свободны. Столъ изъ общей артели сытный. Плате не скудное, у всякаго по состоянию; у нѣкоторыхъ убранство комнатъ весьма пристойное“. Такъ какъ Лепарскому трудно было прожить въ глуши свое содержаніе, то онъ употреблялъ его на устройство сада, въ видахъ общей пользы. Садъ занималъ большое пространство, украшался быстрою рѣчкою; дороги, мосты, бесѣдки съ затѣпчивымъ разнообразіемъ, капризы, гроты и цвѣтники были роскошны. Не пощажено ни денегъ, ни искусства, въ которомъ нѣтъ тамъ недостатка, и все это единственно для одной прогулки всѣмъ и каждому. Хозяйственной разсчетливости отъ садовъ сибирскихъ, гдѣ не родятся никакіе фрукты, быть не можетъ. Еще и та бѣда, что старикъ гулять не могъ по слабости ногъ. „Онъ пробѣжалъ иногда верхомъ по дорожкамъ и радовался, видя, что другіе у него гуляютъ“. Комендантъ и при ухудшеніи тюремнаго помѣщенія не измѣнилъ и не ухудшилъ своихъ отношеній, посѣщалъ нерѣдко и обращался гѣжливо; „никогда не войдетъ въ затворенную комнату, не постучавшись и не спросивши позволенія“. „Всѣ просьбы исполнялъ съ удовольствіемъ и если былъ недоволенъ какимъ либо проступкомъ, то никогда не выговаривалъ виновному, а принималъ какую нибудь общую противъ всѣхъ мѣру, чтобы дать знать виновному, что онъ вредитъ не только себѣ, но и товарищамъ. Плацъ-маіоръ ежедневно обходилъ и принималъ просьбы—обыкновенно выйти куда нибудь изъ замка,—и не только былъ ласковъ, но и почтителенъ“. „Работы были не утомительны и очень часто прекращались на мѣсяцъ и на два подъ самыми пустыми предлогами: или по случаю мороза, сильнаго жара, дурной погоды или эпидеміи“.

При гарантіяхъ извѣтъ, обезпеченное уже многими завоеванными правами, читинское товарищество, успѣвшее хорошо спознать другъ друга, въ Петровскомъ заводѣ устремилось на развитіе внутренней силы своей общины. Въ читинской жизни, сплотившей всѣхъ въ одну семью, было то главное неудобство, что бѣднѣйшіе товарищи становились въ зависимость отъ богатыхъ; не имѣя своего, они все нужное получали отъ другихъ до тѣхъ поръ, пока эти полученія не задерживались, пока не ви-

дѣлось иныхъ средствъ для выхода. Возникли неудовольствія, образовался кружокъ протестовавшихъ, видѣвшихъ, что общинному устройству съ равномѣрными правилами для каждаго грозитъ опасность подчиненія небольшому кружку аристократовъ, ихъ произволу. По сохранившимся долгое время письменнымъ документамъ, которые намъ удалось видѣть, оказывается, что развитіе общественнаго устройства въ казематскомъ обществѣ, насколько это развитіе выражалось во внѣшнихъ актахъ, происходило слѣдующимъ образомъ. Сначала, подъ влияніемъ горячаго чувства и соответственно тѣмъ внѣшнимъ условіямъ, въ которыхъ находились заключенные, все было общее. Иначе, впрочемъ, и быть не могло, когда и женатые и богатые жили въ одной комнатѣ со всѣми остальными. Никакое отдѣльное пользованіе не было тогда и возможно. Присылали ли жены мужьямъ кушанье, негдѣ было его бѣтъ обильно, некуда было даже поставить, какъ на общей столѣ. Присылались ли вещи, ихъ выдавали въ присутствіи другихъ. Приносили ли книги и газеты, ихъ и читать было невозможно иначе, какъ всѣмъ вмѣстѣ. Нельзя было ничѣмъ пользоваться отдѣльно отъ другихъ, потому что и неловко было выказывать свое преимущество, находясь постоянно съ другими, когда ихъ лишены колоды бы глаза привилегированнымъ. Понятно, что, при такомъ общемъ владѣніи, никакое особенное и опредѣленное устройство не казалось нужнымъ, а всякое сомнѣніе въ прочности дружескаго чувства считалось оскорбленіемъ обществу.

Однако, и съ самаго начала были люди предусмотрительные, которые считали нужнымъ установить какія нибудь правила, во первыхъ, для упроченія самого дружескаго чувства удаленіемъ и предупрежденіемъ всѣхъ поводовъ къ искаженію отношеній между товарищами. Съ другой стороны, это было необходимо и съ точки зрѣнія экономической, потому что общее пользованіе было самое безрасчетное и ставило, отъ недостатка предусмотрительности, въ зависимость отъ случайности не только прочное обезпеченіе выходящихъ на поселеніе, но и удовлетвореніе самыхъ настоятельныхъ потребностей самого казематскаго общества. Не разъ случалось, что и самые богатые были безъ гроша, а огромные запасы терялись отъ расхищенія прислугою. Не смотря на это, мы увидимъ, какъ долго продолжалось сопротивленіе всѣмъ попыткамъ къ переходу отъ патриархальныхъ, такъ сказать, отношеній къ положительно выраженнымъ постановленіямъ, потому что и казематскому обществу, по наблюденію одного изъ его участниковъ, неизбежно было пройти всѣ фазисы, которые проходитъ всякое живое, саморазвивающееся общество.

Первый поводъ къ проявленію общественной

дѣятельности въ осазаемой, такъ сказать, формѣ, въ приложеніи ко внутреннему устройству, подало одно необдуманное дѣйствіе одного изъ хозяевъ, бывшихъ въ началѣ. Надо сказать, что при назначеніи перваго хозяина не имѣлось въ виду ничего болѣе, какъ наблюденіе надъ кухнею, бывшею до тѣхъ поръ въ завѣдываніи унтеръ-офицера и гдѣ нечистота и расхищеніе припасовъ дошли до крайней степени. Поэтому не было даже никакого правильнаго выбора, а назначеніе сдѣлано было возгласомъ (rag acclamation), какъ бываетъ въ началѣ развитія всякаго общества. Никакого другого порученія на хозяина и не возлагалось; это не былъ даже староста, какъ у простыхъ селенныхъ. Къ сожалѣнію, первый хозяинъ неосторожно принялъ на себя передачу обществу приказанія коменданта, относившагося ко внутреннимъ распоряженіямъ общества. Общество встревожилось, видя приближавшуюся опасность вмѣшательства во внутренніе дѣла. Рѣшено было составить комиссію, которая разсмотрѣла бы и обсудила дѣйствія виновнаго хозяина и предложила бы мѣры къ предупрежденію подобныхъ случаевъ въ будущемъ. Очень понятно, что при этомъ случаѣ возникли всѣ обычные вопросы по отношенію къ праву голоса, къ порядку выбора, къ правамъ комиссіи и пр. и пр. Въ комиссію выбраны были съ правомъ двухъ голосовъ: Д. И. Завалишинъ за комнату „Москву“ большого каземата и казематъ № 2-ой и Н. Вестужевъ, за двѣ малыя комнаты большого каземата, и съ правомъ одного голоса: Мухановъ, за казематъ № 3-ій, А. Бѣляевъ, за комнату № 1-ый и Игельштромъ, за комнату № 5-ый. Комиссія же избрала председателемъ Д. И. Завалишина и секретаремъ Петра Ал. Муханова.

Но едва была назначена комиссія, какъ произошла реакція на возвратъ къ патриархальности. Люди, которые обыкновенно благодушествуютъ по отношенію ко всему, начали говорить: къ чему все это? Другіе осмѣивали „эту игру въ конституцію“; третьи опасались созданія какой-то судебной власти и говорили, что достаточно для огражденія въ будущемъ нравственнаго урока, который получилъ одинъ изъ первыхъ хозяевъ. Поэтому, когда комиссія, по разсмотрѣніи и обсужденіи дѣла, предложила или уполномочить ее или созвать новую комиссію для составленія нѣкоторыхъ правилъ, то община большинствомъ 32-хъ голосовъ противъ 20-ти рѣшила все оставить по старому. Однако, же председатель комиссіи успѣлъ заявить и комиссія единогласно приняла его заявленіе, что „необходимо установить положительныя правила, какъ для пользованія всѣмъ въ казематѣ, начиная отъ денегъ, пищи, одежды и проч. до книгъ и газетъ, такъ и для обезпеченія выходящихъ на поселеніе и со-

стоящихъ на поселеніи, а для распоряженія всѣмъ этимъ назначить должностныхъ лицъ, строго опредѣленнымъ кругомъ дѣйствія“.

Между тѣмъ, измѣненіе вѣншихъ условий и положенія происходило въ такомъ видѣ, что вело неминуемо къ усиленію до очевидности малозамѣчаемыхъ прежде злоупотребленій общаго пользованія и личныхъ отношеній. Прежде всего опредѣлилось положеніе женатыхъ, которыхъ стали отпускать въ дома ихъ женъ и которые нашли тамъ возможность пользоваться отдѣльно своими богатыми средствами и менѣе замѣчать недостаточность и нужды товарищей, которые не кидались уже имъ въ глаза, потому что не имѣли ихъ постоянно на виду. Потомъ стали давать позволеніе (подъ предлогомъ уменьшенія тѣсноты) богатымъ строить отдѣльные домики внутри казематской ограды, что допустило также пользованіе своими средствами отдѣльно отъ товарищей и, сверхъ того, образовало кружки около привилегированныхъ личностей. Наконецъ, съ переходомъ въ Петровскій казематъ, — когда каждый, получивъ отдѣльную комнату, могъ слѣдовать своимъ привычкамъ, и стали вставать, ложиться, пить чай и обѣдать когда кто хотѣлъ — рушились сами собою, мало по малу, и общій чай и общій столъ. Съ другой стороны, когда можно было уже и не видать товарищей и имѣть предлогъ, что не знаютъ ихъ нужды, пособіе богатыхъ бѣднымъ деньгами и одеждою зависѣло уже отъ прямой просьбы бѣдныхъ, причѣмъ, разумѣется, болѣе всего терпѣли наиболѣе деликатные. Самое пользованіе журналами и книгами дошло до того, что у иного накопились цѣлыя груды ихъ, которыхъ ему за другими развлеченіями некогда было и читать, а другіе по цѣлымъ недѣлямъ не могли достать ничего, подвергались неприятели ходитъ выпрашивать и слышать неприятели отвѣтъ, что самъ-де еще не читалъ.

Между тѣмъ, тюремное заключеніе лишило недостаточныхъ возможности извлекать средства изъ своего труда и искусства, а было очевидно, что 1 рубля 98 к. асс. деньгами и пайка 2 п. муки въ мѣсяцъ недостаточно для пищи и одежды. Слѣдовательно, оставалось одно изъ двухъ: или найти опредѣленное обезпеченіе всѣмъ внутри себя или требовать содержанія и одежды отъ казны. Но послѣднее обсуждалось, какъ унизительное, а всякое принужденіе богатыхъ къ опредѣленному взносу въ общину представлялось какъ посягательство на собственность. Изъ такого положенія не представлялось, по видимому, никакого выхода и раздраженіе между богатыми и не имѣвшими ничего дошло до крайней степени.

Тогда очевидно стало, что средство соглашенія можетъ выйти только отъ такихъ лицъ, которыя независимы по своему положенію, или

такъ называемой средней партіи, т. е. отъ такихъ, которые получали столько отъ родныхъ, сколько необходимо было для нихъ самихъ. Они не нуждались, слѣдовательно, въ пособіи другихъ, но и сами могли удѣлить другимъ, развѣ только лишая уже самихъ себя необходимого. Они, стало быть, не могли ни выиграть, ни проиграть ни при какомъ устройствѣ, а потому и могли быть безпристрастными судьями и посредниками. И дѣйствительно, отъ такихъ людей и вышло удовлетворительное разрѣшеніе вопроса.

Иванъ Семеновичъ Повало - Швейковскій, Александръ и Николай Александровичи Крюковы, Александръ Ивановичъ Вегелинъ, жившіе вѣ одномъ отдѣленіи съ Дм. И. Завалишинымъ, а также нѣкоторые другіе пришли къ послѣднему съ просьбою отложить на время свои ученыя занятія и, взявъ общественное дѣло въ свои руки, отыскать справедливое основаніе для общаго соглашенія.

Для человѣка безпристрастнаго найти его было не трудно. Такимъ основаніемъ представлено было имъ слѣдующее: такъ какъ, по общему правилу, правительствомъ донускается получить одиночному только 500 р., а женамъ только 2.000 р., сверхъ же этого позволяется получать болѣе только подъ условіемъ, что это назначается для вспоможенія товарищамъ, не имѣющимъ ничего отъ родныхъ, то это вспоможеніе является уже обязательнымъ и нѣтъ никакого посягательства на собственность въ требованіи обязательнаго взноса *). Если же они не желаютъ употребить получаемое сверхъ положенія на вспоможеніе товарищамъ, то не имѣютъ и права дѣлать предлогъ для полученія излишка изъ такого дѣйствія и условія, которое ими не исполняется. Потому, въ случаѣ отказа ихъ, не имѣющіе ничего имѣютъ право объявить коменданту, что не получаютъ вспоможенія отъ товарищей и требуютъ казенное содержаніе.

Какъ ни ясно было дѣло, получившее такое выраженіе, но и тутъ сначала выказалось, съ одной стороны, сильное сопротивленіе, а съ другой—нерѣшительность; прежде возбудили сильную бурю и послѣднимъ удовлетвореніемъ нѣкоторыхъ изъ наиболѣе шумѣвшихъ неимущихъ успѣли отвлечь отъ настоятельнаго требованія казеннаго содержанія. Но справедливость высказаннаго основанія для рѣшенія дѣла до такой степени была очевидна, необходимость прочнаго соглашенія и обезпеченія, которымъ обусловливались спокойствіе общины и душевное состояніе каждаго, были до такой степени на-

*) Объ этомъ обязательномъ ограниченіи сообщалъ самъ комендантъ. Это же послужило основаніемъ и для опредѣленія артельнаго довольствія; это же ограниченіе установлено было потомъ и для вышедшихъ изъ каземата на поселеніе.

стоятельны, что послѣ нѣкотораго кратковременнаго колебанія сдѣлалось слишкомъ ясно, что дѣло никакъ нельзя отлагать надолго. Проникая постепенно въ убѣжденіе высказаннаго выше основанія, пришли, наконецъ, къ избранію комиссіи для составленія устава артели. Въ комиссію были избраны между прочими: Д. И. Завалишинъ, П. С. Бобрищевъ-Пушкинъ, Пав. А. Мухановъ, А. И. Одоевскій и др. Къ ней присоединили, для объясненій по части хозяйства, чередного въ тотъ годъ хозяина. Дѣло-производителемъ комиссіи былъ избранъ Дм. Ив. Завалишинъ. Засѣданія комиссіи были публичны и привлекали огромное число слушателей не только изъ товарищей, но даже изъ дамъ и изъ служащихъ. Самъ Лепарскій два раза слушалъ разсужденія, заходя въ залу, гдѣ собиралась комиссія, и останавливаясь мимоходомъ за ширмами *).

Комендантъ до такой степени испугался доведенія до правительства требованія казеннаго содержанія и, слѣдовательно, допущенной имъ неправильности въ полученіи излишнихъ денегъ на пособіе товарищамъ (которое не производилось и, такимъ образомъ, только обманывалось правительствомъ), что самъ всѣми средствами ускорялъ установленіе внутренняго устройства добровольнымъ рѣшеніемъ. Отъ не только официально дозволялъ употребленіе бумаги, чернилъ и перьевъ для занятія комиссіи, но и разрѣшилъ ночныя засѣданія ея въ общей залѣ.

Комиссія занималась, буквально, безъ отдыха и быстро окончила свое порученіе. Когда уставъ былъ составленъ и подписанъ членами комиссіи, всѣ собраны были вечеромъ въ общую залу, гдѣ онъ и былъ прочитанъ членами комиссіи. Уставъ не подлежалъ голосованію и получилъ окончательную силу отъ комиссіи. Общее примиреніе отпраздновано было празднествомъ, продолжавшимся всю ночь.

На другой же день произошли выборы должностныхъ лицъ на основаніи новаго устава **).

Когда, такимъ образомъ, каждый членъ общины

*) Комиссіи дано было полномочіе «учредительнаго собранія» (constituante). Рѣшенія ея были окончательныя и вполнѣдствіи уставъ могъ измѣняться только по правиламъ, опредѣленнымъ въ самомъ уставѣ. Комиссія, однако, пользовалась своимъ полномочіемъ очень либерально: не только засѣданія были гласныя, но и внѣ засѣданій члены комиссіи въ своихъ отдѣленіяхъ обсуждали со всѣми каждый пунктъ. Можно сказать, что обсужденіе было общее и каждый пунктъ устава былъ несомнѣнно выраженъ большинствомъ мнѣній.

**) Мы видѣли подлинникъ этого устава съ собственноручными подписями членовъ учредительной комиссіи: Бобрищевымъ-Пушкинымъ, Бесчасновымъ, Завалишинымъ 1-мъ, Миньковымъ, Мухановымъ, Одоевскимъ и Поджіо. Послѣдній подписалъ уставъ на правахъ очереднаго хозяина, участвовавшего въ комиссіи для объясненій по хозяйственной части.

получить обезпеченныя денежныя средства, то можно было приступить къ устройству учрежденія для обезпеченія выходящихъ на поселеніе, вродѣ страхового общества. Поэтому вскорѣ послѣ учрежденія общей артели, для обезпеченія на время пребыванія въ казематѣ, Дим. Ир. Завалишинъ, Ив. Ив. Пущинъ и Петръ Ал. Муравовъ учредили артель для обезпеченія на время поселенія. Эта артель обыкновенно называлась малою, для отличія отъ общей, получившей съ тѣхъ поръ названіе большой. Желающіе участвовать въ малой вносили извѣстный процентъ съ получаемыхъ ими денегъ, за что имъ обезпечивалась выдача извѣстной суммы при отъѣздѣ на поселеніе. Капиталъ малой артели увеличивался, кромѣ того, пожертвованіями и коммерческими оборотами, составляя ссудный банкъ. Записки должностныхъ лицъ обѣихъ артелей имѣли въ заводѣ значеніе кредитныхъ билетовъ.

Наконецъ, для введенія правильности и справедливости въ распредѣленіи чтенія газетъ и журналовъ, Д. И. Завалишинъ, Мих. Фотіевичъ Митьковъ, и Сергій Гр. Волконскій составили журнальную артель. Желающіе участвовать въ чтеніи вносили ежегодно опредѣленную сумму, на которую дѣлалась общая выписка и, сверхъ того, доставляли въ артель журналы, получаемые иными на собственное имя. Выписываемые журналы и газеты артелью доставлялись немедленно по полученіи съ почты въ распорядителю чтенія; получаемые лично—черезъ извѣстный срокъ. Въ чтеніи наблюдалась очередь, а въ распредѣленіи соблюдалось, чтобы очередь чтенія разныхъ газетъ началась съ разныхъ лицъ, чтобы доставить чтеніе разомъ большому числу, и чтобы разные журналы не пришлись въ одно время одному и тому же лицу. На чтеніе газеты опредѣлялось два часа, для книжки журнала назначалось два дня; можно было просить выдачи по прочтеніи всѣми. Газеты и книжки пришивались къ папкѣ, къ которой пришивали и списокъ очереди. Въ полученіи росписывались; распорядителемъ чтенія былъ избранъ Д. И. Завалишинъ. Онъ, для скорѣйшаго удовлетворенія любопытныхъ, тотчасъ, по полученіи газетъ, приносилъ ихъ въ общую залу и, пока составлялся списокъ и производилась пришивка, позволялъ всѣмъ просматривать газеты. Случалось, что если находили въ какой газетѣ что либо особенное, то отправлялись гурьбою къ тому, съ кого въ тотъ день начиналось чтеніе этой газеты.

Большая артель такъ вѣрно обезпечила матеріальную жизнь и такъ хорошо была придумана, что „никто во все время не нуждался ни въ чемъ и не былъ ни отъ кого зависимъ“. Каждый становился на свое мѣсто; артель нравственно уравнила тѣхъ, которые имѣли средства, съ не имѣвшими таковыхъ и не дозво-

ляла первымъ смотрѣть на товарищей какъ на людей низшихъ“. Все это дѣлалось съ вѣдома коменданта и было имъ одобрено. Артель установила, прежде всего, общій столъ; обѣдать въ назначенную столовую не ходили: обѣдали по отдѣленіямъ въ корридорѣ; сторожъ прислуживалъ и тутъ же кормился и самъ. Женатыя, не имѣя права на общій столъ, получали кушанья изъ квартиръ женъ и гораздо лучше и богѣе разнообразныя *). Богатыя дамы могли снабжать отъѣзжавшихъ товарищей такими дорогими винами, какъ венгерское и токайское, и притомъ хорошо vystоявшееся въ петербургскихъ погребахъ богатыхъ и роскошныхъ домовъ.

Такъ какъ при первоначальномъ начертаніи постановленій для артели служили теоретическія соображенія, время же и опытъ показывали, до какой степени послѣднія согласовались съ возможностью и удобствомъ исполненія, то товарищеская община нѣсколько разъ принуждена была измѣнять и дополнять артельные правила. Въ основаніе устава артели положены нижеслѣдующіе поводы и причины:

„Опытъ нѣсколькихъ лѣтъ убѣдилъ насъ въ необходимости имѣть всегда на-лицо опредѣленную сумму денегъ, которая могла бы служить какъ для обезпеченія общественныхъ потребностей, такъ и для удовлетворенія потребностей каждаго лица. Положительное назначеніе суммы на наступающій годъ, во-1-хъ, доставляетъ хозяйну возможность располагать оною съ большею выгодною для артели и сдѣлать годовыя и срочныя закупки; во-2-хъ, можетъ нѣкоторымъ образомъ отвратить затруднительное положеніе, въ какомъ артель и каждый участникъ иногда находились въ замедленной присылкѣ денегъ. Для этой цѣли составлялась годовая общественная сумма (§ 2) подпискою на взносы (§ 3), жалованьемъ отъ казны, суммою отъ продажи экономической музыки; подписка оканчивалась (§ 4) къ 1 февраля.

Сумма изъ 500 руб. (§ 5) принята необходимою на полное годовое содержаніе (и не было ни одного года, въ который бы не доставалась каждому члену артели вся эта сумма сполна). На основаніи этого правила подписка производилась тройкимъ образомъ: 1) всѣ участники, получающіе 500 р., подписывали ихъ сполна; 2) получающіе менѣе отдавали всѣ присылаемыя имъ деньги; 3) полу-

*) Процедура снабженія пищею женатыхъ производилась такъ: въ обѣденный часъ поваръ или кухарка приносили кушанья въ караульную, оттуда часовые приносили въ корридоры отдѣленій; корридорные сторожа ставили на столъ. Приходили жены и обѣдали вмѣстѣ; дѣтямъ не дозволялось; слугъ заключенныхъ не показывали. Впослѣдствіи, когда все перемололось—все и переломалось и измѣнилось на лучшее и богѣе упрощенное.

чающие больше подписывали непременно 500, а свыше этой суммы по желанию. На практикѣ последнее исполнялось такъ, что получавшіе больше 500 р. вносили въ 1^{1/2}—2 раза противъ получаемого изъ артели: кто 800, а кто и тысячу руб. Женатые ничѣмъ не пользовались изъ артели и, между тѣмъ, подписывали значительные ежегодные взносы: Трубецкой отъ 2 до 3 тыс., Волконскій до 2 тыс., Муравьевы отъ 2 до 3 тыс., Ивашовъ, Нарышкинъ и Фонвизинъ до 1 тыс. При подпискѣ (§ 6) означались вѣроятнѣйшіе сроки взносовъ.

Подписная сумма обращалась въ действительную слѣдующимъ образомъ: 1) Подписавшіе 500 руб. и менѣе вносили деньги немедленно по полученіи; подписавшіе больше вносили, если возможно, въ срокъ, ими назначенный (§ 7). Сложность общественной суммы раздѣлялась на три части: хозяйственную, частную и экономическую. Хозяйственная сумма, предназначавшаяся на продовольствіе всѣхъ участниковъ артели (§ 8), опредѣлялась (§ 9) наибольшимъ количествомъ денегъ, назначаемыхъ на годовое продовольствіе одного лица, помноженнымъ на число потребляющихъ лицъ, и обращалась (по § 16-му) единственно на хозяйственные закупки. Частная сумма, слѣдовавшая на удовлетвореніе потребностей отдѣльнаго лица, составлялась (по § 10-му) изъ остающейся отъ опредѣленной на полное годовое содержаніе по вычетѣ всей хозяйственной суммы; дѣлилась (по § 17) на равные участки по числу лицъ, состоящихъ въ артели, и поступала навсегда въ неприкосновенную собственность каждаго участника. Экономическая (§ 11) составлялась изъ 5% общей суммы, немедленно отдѣляемыхъ по переводѣ денегъ изъ собственности подписчиковъ въ общую сумму. 2) Изъ избытка действительной суммы, опредѣленной въ полное годовое содержаніе артели, и 3) изъ экономіи хозяйственной суммы. Экономическая дѣлилась на закупную и запасную. Первая (§ 12) опредѣлялась изъ 5% подписной, изъ половины избытка действительной суммы надъ опредѣленною на годовое содержаніе и изъ половины экономіи хозяйственной суммы. Закупная назначалась заимобразно на хозяйственные обороты и должна была состоять въ наличности къ 1 февр. каждаго года; она образовалась изъ другой половины избытка действительной суммы надъ опредѣленною на полное годовое содержаніе и изъ другой половины сбереженія хозяйственной суммы. Запасная назначалась для выдачи отъѣзжающимъ изъ острога на поселеніе, а потому всегда была въ наличности *).

*) Вслѣдствіи §§ 11 и 12 замѣнены были такимъ образомъ:

§ 11. Если по действительномъ сборѣ всей подписной суммы, за вычетомъ хозяйств. и част.

Всякая подписная сумма, поступившая въ наличность, становилась безвозвратно общественной собственностью (§ 13). По поводу раздѣленія всей общественной суммы, артельный уставъ говорилъ: „§ 14. Раздѣленіе наличной суммы, общества бываетъ правильнымъ и неправильнымъ. Правильное должно быть соразмѣрно опредѣленному въ смѣтѣ годовому раздѣленію суммъ, а именно на 32 части (по исключеніи 5% въ экономическую сумму), 237 руб. на каждаго участника въ хозяйственную и 248 въ частную (плюсъ 80 коп. въ частную же). Неправильное раздѣленіе есть несообразное годовому раздѣленію суммъ. § 15. Если на удовлетвореніе хозяйственныхъ потребностей достаточно будетъ суммы, отчисляемой по правильному раздѣленію, то оно и должно быть правильно; если же недостаточно, то въ такомъ случаѣ оно становится неправильнымъ и производится сообразно съ таблицей, составленною на текуцій годъ“.

Годовое управленіе и обороты общественныхъ суммъ зависѣли отъ двухъ комиссій: временной, дававшей суммамъ годовое направленіе, т. е. утверждавшей смѣту, составленную хозяйномъ на наступающій хозяйственный годъ (съ 1 марта по 1-ое марта), и постоянной комиссіи, наз. хозяйственной, которая завѣдывала распредѣленіемъ и движеніемъ суммъ на основаніи смѣты, утвержденной временною комиссіею.

Временная комиссія состояла изъ 5-ти избранныхъ членовъ, собиралась обыкновенно передъ выборами хозяина и казначея. Она поворачивала общественныя счетныя книги, рассматривала уставъ и предлагала необходимыя въ немъ измѣненія на общее разрѣшеніе, распоряжалась при выборахъ въ общественныя должности и передавала хозяйство новозбраннымъ лицамъ. Исполнивъ эти обязанности, эта комиссія расходилась *).

Хозяйственная комиссія (постоянная) со-

изъ общественной, будетъ какой либо остатокъ, то оный обращается въ остаточную сумму. Сверхъ того, въ составъ оной входитъ все, что, по окончаніи года, остается отъ суммы хозяйственной.

§ 12. Сія сумма считается действительною остаточною, если новая подписка удовлетворительна для полнаго годового содержанія. Въ противномъ случаѣ вся она или часть оной обращается на пополненіе новой годовой подписки. Если же будетъ нужна только часть, то все остальное обращается въ остаточную сумму. Вновь предложенный §: «для опредѣленія выдачи денегъ изъ запасной суммы отъѣзжающимъ на поселеніе, собирается временная комиссія» — отвергнуть былъ большинствомъ голосовъ (въ 1832 г.).

*) На всѣ три года, пока казематъ и артель были въ полномъ составѣ, Д. И. Завалишинъ выбирался постоянно членомъ временной комиссіи (даже когда былъ и самъ хозяйномъ) и былъ всегда дѣлопроизводителемъ.

стояла изъ 3-хъ лицъ: хозяина, закупщика и казначея, не терявшихъ права голоса и во временной комиссiи при составленiи и утвержденiи смѣты. Она распределяла общественную сумму на хозяйственную и частную, обращала часть этой суммы на гуртовья закупки, разрешала ссуды изъ запасной суммы; предварительно разсматривала условiя и контракты, заключаемые хозяиномъ и закупщикомъ; ежегодно повѣряла счетныя общественныя книги (по окончанiи повѣрки хозяинъ и закупщикъ подписывали счеты). Этой же комиссiи вѣнено было въ обязанность заботиться о размѣнѣ звонкой монеты, если она будетъ прислана на имя кого либо изъ участниковъ. Передъ истеченiемъ хозяйственнаго года она дѣлала офѣнку припасамъ, оставшимся отъ годового содержанiя, и причисляла ихъ дѣйность къ экономической суммѣ. Составъ ея изъ трехъ членовъ уравнивался тѣмъ, что хозяинъ былъ блюстителемъ общественныхъ нуждъ; закупщикъ—нуждъ частныхъ, а казначей—посредникомъ между ними.

Хозяинъ избирался на годъ; принималъ по описи отъ предѣстника все, входящее въ составъ общественнаго хозяйства; составлялъ смѣту на наступающій годъ и представлялъ на утвержденiе временной комиссiи. Если цѣны возрастали и превосходили смѣтную, онъ имѣлъ право недостатокъ суммъ восполнять соразмѣрнымъ уменьшенiемъ выдачи сахару и чаю, но ни въ какомъ случаѣ не могъ выходить изъ предѣловъ, назначенныхъ смѣтою. Приступая къ закупкѣ чая и сахара, обязанъ былъ спросить: не желаетъ ли кто выписывать эти припасы на собственные деньги, или: не желаетъ ли кто, вмѣсто чая и сахара натурою, получить на свою долю деньгами. Выдавалъ чай и сахаръ въ общественной комнатѣ (подлѣ кухни) въ день, имъ предварительно объявленный *). На обязанности хозяина лежалъ выборъ выгоднаго времени года для продажи экономической муки изъ казенной дачи. О количествѣ вырученныхъ денегъ онъ письменно извѣщалъ казначея. Хозяинъ велъ валовую домашнюю книгу прихода и расхода и тому же казначею сообщалъ для выписки; велъ очередь наблюдающимъ за чистотою на кухнѣ и уѣдомлялъ за недѣлю того, чье дежурство наступало. Всѣ служители при кухнѣ и банѣ находились въ полномъ его распоряженiи. Онъ обязывался, при наймѣ служителей, объявлять имъ, что они немедленно должны исполнять всякое частное приказанiе, имѣющее цѣлью услугу для внезапно заболѣвшаго въ ночное время кого либо изъ

*) Чай и сахаръ оказались продуктами наиболѣе дорогими и раззорительными для артели. По статистикѣ 1832 года видно, что пшеничная мука стоила 800 руб., голядина по 4¼ пуда въ день—2336 руб. въ годъ, а одинъ сахаръ 2.850 и чай на 1.456 р. въ годъ же.

участниковъ артели. Каждый хозяинъ обязывался представлять временной комиссiи къ первому засѣданiю, при открытiи ея, подробный отчетъ обо всѣхъ бывшихъ закупкахъ: въ какое время, въ какомъ количествѣ, какiе товары, по какимъ цѣнамъ и на какiя деньги, займешь ли добытыя или инымъ образомъ; были ли закупки выгодны или невыгодны и по какимъ причинамъ. У него хранился подлинный уставъ артели (двѣ коши выдавались въ частныя руки). Въ случаѣ кратковременной болѣзни хозяина его должность исправлялъ казначей. Въ случаѣ продолжительной болѣзни того или другого приступали къ новымъ выборамъ.

Закупщикъ имѣлъ дозволенiе нѣсколько разъ въ недѣлю выходить изъ каземата для покупки всего нужнаго для частныхъ лицъ и имѣлъ на посылки въ своемъ распоряженiи сторожа. Онъ обязывался предварительно спросить у каждаго объ его надобностяхъ и справиться съ книгами о наличности частной суммы (этотъ § впоследствии уничтожили). Никто не имѣлъ права требовать отъ него покупки товаровъ въ долгъ. Артельный уставъ возлагалъ на него слѣдующiя обязанности: „§ 38. Вести книгу всѣмъ закупкамъ; показывать и раздавать вещи въ общественной залѣ, въ известныя дни и часы, имъ самимъ назначенныя, единожды на цѣлый годъ. § 39. Покупщикъ обязанъ былъ выдавать ему уплатныя записки. Вести очередь всѣмъ выходящимъ на работу. § 40. Если дежурный офицеръ объявитъ ему, что не всѣ вышли—онъ представляетъ ему списокъ очереди находящихся на работѣ. Если требуется большее число рабочихъ, онъ отсчитываетъ изъ слѣдующей очереди требуемое число лицъ по порядку списка и повѣщаетъ ихъ о томъ. На другой день очередь начинается уже съ перваго, оставшагося въ этой очереди“. Какъ скоро какая нибудь очередь дошла до мѣста работы, она на слѣдующій день не выходитъ, по какой бы причинѣ ее ни воротили (новый § устава 1831 г.), единогласно утвержденный 8 мая 1832 г.). Закупщикъ (по § 41) обязанъ былъ имѣть къ своей конторѣ столъ для отправленiя дѣлъ и храненiя товаровъ и ящикъ подъ замкомъ для записокъ о покупкѣ товаровъ. При кратковременной болѣзни его (§ 42) исправляетъ должность хозяинъ; въ случаѣ продолжительной—новые выборы.

Казначей начиналъ отправленiе должности собираемъ подписки на наступающій годъ и представлялъ ее временной комиссiи на разсмотрѣнiе для утвержденiя по ней смѣты. Онъ переводилъ подписанныя деньги изъ собственности лицъ въ общественную сумму, немедленно по присылкѣ, получивъ предварительно согласiе подписавшихся на сумму свыше 500 р. и менѣе; впрочемъ, во всякомъ случаѣ, онъ

извѣщалъ о томъ подписчика. По раздѣленіи наличной частной суммы на участки, казначей каждое 25-ое число объявлялъ каждому лицу о суммѣ, причитающейся на его мѣсячную долю, означая ее на черной доскѣ въ общественной залѣ. Никто, кромѣ казначей, не имѣлъ права выписывать изъ общественныхъ суммъ и только по этимъ суммамъ онъ входилъ въ сношеніе съ горнымъ начальствомъ. Онъ дѣлалъ выписки изъ всѣхъ суммъ, входящихъ и не входящихъ въ составъ общественной суммы (т. е. хозяйств., участк., эконо. и личной). Выписку по частнымъ издержкамъ онъ производилъ три раза въ недѣлю: изъ хозяйственной—по запискамъ хозяина, изъ участковой наличной—по запискамъ закупщика и частныхъ лицъ, обязанныхъ доставлять ему эти записки, по крайней мѣрѣ, за два часа до выписки. Такъ какъ никто въ казематѣ денегъ не могъ имѣть у себя на рукахъ и всѣ частные расходы производились черезъ казначей, то три раза въ недѣлю приходилъ писарь горнаго вѣдомства съ особою книгою. Въ ней, со словъ казначей, онъ записывалъ, кому и что слѣдовало заплатить, и обозначалъ, изъ чьихъ денегъ, подписанныхъ въ артель, слѣдовало произвести уплату. Если кто желалъ не расходовать своего участка, но оставлялъ его временно въ общественной частной суммѣ, то казначей обязанъ былъ требовать отъ того лица означенія положительнаго срока, когда онъ хочетъ получить свой участокъ въ общественное распоряженіе (а разѣ казначей не могъ ему выдать участка). Для отвращенія застоя въ одной суммѣ и задержки выдачи изъ другой, казначей могъ переводить изъ кредита одного счета въ дебетъ другого, съ тѣмъ, одако же, чтобы сумма, поступающая въ дебетъ, была совершенно обезпечена подпискою; но онъ не могъ переводить денегъ изъ одного участка въ другой безъ письменнаго согласія самого участника. Казначей не обязывался входить въ личныя сдѣлки и записывать, кто кому долженъ. Хозяинъ снабжалъ его переплетенными счетными книгами; казначей обязывался вести ихъ по двойной бухгалтеріи, соотвѣтственно установленной формѣ подъ № 1-мъ—книги общественной подписки, № 2—книги общественнаго прихода и расхода, № 3—книги хозяйственной, № 4—частной (составленной изъ тетрадей по числу участниковъ подъ № и при алфавитномъ спискѣ именъ) и № 5—книги кассоваго журнала. Онъ обязывался имѣть 6-ую и 7-ую книги, когда образовалась запасная и закупная сумма. Каждую субботу счетныя книги (за исключеніемъ № 4 алфавитной) выкладывались, на время отъ 3 до 6 часовъ по полудни, въ общественной залѣ для желающихъ сдѣлать справки *). Книгу подъ № 4 казначей

*) Зала состояла подъ наблюденіемъ хозяина и раздѣлялась на 2 части: въ меньшей была устроена

обязанъ былъ давать для справокъ каждую недѣлю два раза въ тѣ дни и часы, которые онъ самъ назначить однажды на цѣлый годъ. Показывать, впрочемъ, обязанъ былъ только тѣ тетради изъ прихода и расхода, которые принадлежатъ лицамъ, желающимъ справиться. Въ конторѣ у него былъ столъ для храненія артельныхъ книгъ и ящикъ подъ замкомъ для уплатныхъ записокъ.

Огородникъ избирался, по установленному порядку, хозяйственною комиссію. На обязанности его, по уставу, лежало составленіе смѣты огородныхъ издержекъ. По утвержденіи ея хозяйственною комиссію, онъ получалъ назначенную ему сумму. При посѣвѣ соглашался съ хозяиномъ, какихъ и сколько овощей требовалось на общественное продовольствіе. Пока овощи были на грядкахъ, огородникъ располагалъ ими независимо отъ хозяина, но утѣдмлялъ за нѣскольکو дней до снятія съ грядъ, сколько и какихъ овощей можно было собрать для общественнаго стола. Въ Петровскомъ казематѣ на артельномъ огородѣ никогда не было обильнаго урожая; рѣдкій годъ даже картофель не побивало морозомъ. Впрочемъ, всѣ овощи доставлялись въ обиліи окрестными крестьянами. Впослѣдствіи опытъ убѣдилъ въ томъ, что овощи въ заводѣ покупать было выгоднѣе, чѣмъ по деревнямъ, гдѣ крестьяне прижимали. На бѣду въ заводѣ не привозили въ достаточномъ количествѣ и, къ тому же, въ богатый казематъ ничто почти дешевое не доходило, развѣ совершенно случайно. Поэтому артель всегда находилась въ необходимости закупать часть овощей по деревнямъ и дороже заводскаго *).

Относительно всѣхъ другихъ закупокъ Петровскій заводъ оказался несостоятельнымъ. Общихъ правилъ старые хозяева въ руководство новымъ извлекать не могли. Цѣны подвержены были случайностямъ; выгоднѣе были закупы внѣ завода, но и тамъ съ каждымъ годомъ становились труднѣе, какъ по причинѣ переторжки, такъ и образа уплаты. Въ началѣ хозяйства потребность суммъ была очень велика, необходимо было сдѣлать займы. На нихъ должна была производиться большая часть закупокъ, а такъ какъ взносъ былъ довольно медленный, то и впослѣдствіи, въ теченіи опытнаго года, должны были производить контора хозяйственной комиссіи; большая оставалась для общественныхъ нуждъ: богослуженія, баллотировки, для учебныхъ классовъ и проч.

*) Сверхъ должностей хозяина, закупщика, казначей и огородника, на членахъ артели лежали обязанности дневальныхъ на кузнѣ. По читинскому положенію, это дѣлалось за вознагражденіе желающими, въ Петровскомъ заводѣ установлена была валовая очередь по недѣлю. Читинское дежурство вознаграждало набавленіемъ отъ казенныхъ работъ, въ Петровскомъ заводѣ это было отмѣнено.

займы. Вследствие того, в Петровском заводе общественный сбор очень увеличили; все, что прежде тратилось на частные вспоможения, в Петровскѣ подписывалось въ артель *). Опредѣливъ то, что приходилось каждый мѣсяцъ на каждого человѣка, за общимъ расходомъ на чай, сахаръ и обѣдъ, опредѣлившаяся сумма, предоставленная въ распоряженіе участниковъ, прекратила зависимость однихъ лицъ отъ другихъ. „Чтобы каждый изъ участниковъ имѣлъ болѣе денегъ въ своемъ распоряженіи, обѣдъ очень ограничился: на мѣсяцъ выдавалось на каждого человѣка по $\frac{1}{3}$ ф. чая и по 2 ф. сахару и по двѣ, не болѣе, пшеничныхъ булки на день. Обѣдъ состоялъ изъ тарелки щей и очень небольшого куска жареной говядины. Скольконибудь того и другого необходимо было удѣлять для сторожа, который питался отъ нашихъ крохъ. Ужинъ былъ еще скуднѣе обѣда и случалось очень часто вставать отъ трапезы полуголоднымъ. Нѣкоторые за столъ, чай и обѣдъ получали деньги изъ артели и сами пеклись о своемъ продовольствіи“. Весь этотъ порядокъ существовалъ все время, недовольныхъ было меньшинство. Большинство же, стараясь дѣлать уступки и измышляя различныя исправленія и дополненія въ уставѣ, довело артель до конца и воспользовалось всѣми выгодами ея, жертвуя частностями общему.

Общія правила артели состояли въ нижеслѣдующемъ: артель управлялась по правиламъ, составленнымъ временною комиссіею и утвержденнымъ положительнымъ большинствомъ голосовъ, но никакія предложенія, хотя бы и принятія большинствомъ голосовъ, если были сдѣланы не черезъ посредство временной комиссіи, не имѣли обязательной силы для лицъ несогласныхъ. Всѣ участники имѣли равныя права на общественную сумму. Всѣ общественныя заведенія учреждались и поддерживались обще-

*) Сверхъ сѣтнаго расхода, предназначаемаго въ артель, временами собирались съ каждого подписка на одновременные добровольные взносы, напримѣръ, на памятникъ Пестову, на вспоможеніе сѣльнымъ полякамъ, на помощь исключенному изъ артели и общества товарищю. Въ общество, сверхъ декабристовъ, приняты были пригласенные изъ Оренбурга за составленіе тамъ тайнаго общества Ипполитъ Завалишинъ, Дружининъ, Колесниковъ и Таптыновъ. Въ Петровскомъ заводѣ Завалишинъ былъ принятъ въ артель. Тамъ же прислали къ нимъ сѣльного старика Сосиновича, изъ поляковъ, и какого-то разжалованнаго маюра Кучевскаго. Ихъ не спросили, кто они, и приняли въ артель на общемъ положеніи. Они пользовались выгодами этого учрежденія, выгодами вещественными, но не были дѣйствительными членами, то есть не пользовались никакими правами членовъ артели. Сосиновичу отчасти помогали Лепарскій (Сосиновичъ одинъ изъ всѣхъ эмигрантовъ, судившихся въ Гроднѣ по дѣлу Воловича, былъ приговоренъ на каторгу).

ственными суммами; хозяину возбранялось всякаго рода подписка на общественныя издержки. Всякій почитался обязаннымъ нести общественныя должности, за исключеніемъ тѣхъ лицъ, которые не пользовались выгодами, доставляемыми артели отправленіемъ этихъ должностей. Несшіе однажды общественную должность по выбору, имѣли право отказываться отъ подобной должности въ теченіи трехъ лѣтъ. Немедленно по открытіи временной комиссіи всѣ лица, занимавшія въ теченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ и занимавшія какія либо должности въ истекшемъ хозяйственномъ году, если не желали вновь подвергнуться избирательству, извѣщали о томъ временную комиссію письменными объясненіями; въ противномъ случаѣ ихъ молчаніе принималось за согласіе снова принять какую либо изъ должностей и тогда всякій былъ въ правѣ подавать имъ свой голосъ, а они не могли уже отказываться отъ избранія *). Каждому изъ отбѣжающихъ артель обязывалась выплатить все, что, за исключеніемъ употребленныхъ на него издержекъ, останется отъ полнаго годового содержанія. Когда запасная сумма сдѣлалась дѣйствительною, выдача отбѣжающимъ назначалась по единогласному опредѣленію хозяйственной комиссіи; на случай внезапнаго отбѣда кого либо изъ участниковъ, она уполномочена была выдавать изъ запасной суммы до 300 руб. **). Плата за мытье бѣлья, по причинѣ разности въ количествѣ, выдѣлялась изъ хозяйственной суммы и возлагалась на каждого участника.

Всякому предоставлялось право дѣлать замѣчанія на уставѣ артели и на исполненіе общественныхъ обязанностей; эти мнѣнія хранила хозяйственная комиссія до передачи во временную; если же число замѣчаній по одному и тому же предмету возрастала до $\frac{1}{3}$ всѣхъ участниковъ, то немедленно собиралась временная комиссія. Предложенія свои комиссіи всѣ обязаны были писать и выражать такъ, чтобы можно было отвѣчать словами „да“ или „нѣтъ“. Замѣчанія и оговорки членовъ писались на особомъ листѣ. Если предложеніе состояло изъ нѣсколькихъ пунктовъ, то каждый пунктъ писался отдѣльно ***).

Выборы извѣщались записками съ вопросомъ: кто будетъ подавать голосъ на предстоящее

*) Этотъ § былъ приобщенъ къ уставу впоследствии, въ 1835 году.

***) Впоследствии изъ большой артели выдѣлилась малая, предназначенная исключительно для пособія отбѣжавшимъ на поселенія.

***) Впоследствии временной комиссіею предоставлено было право предлагать на общее утвержденіе только тѣ предложенія, которыя найдутъ полезными, а бесполезныя оставлять безъ представленія къ общему свѣденію. Это представленіе, вызвавшее безусловное и общее согласіе, внесено было въ уставъ новымъ параграфомъ.

избраніе временной комиссіи *). Затѣмъ число избирателей дѣлилось на 5 отдѣловъ по порядку номеровъ и остатокъ, если случался, причисляли къ послѣднему отдѣлу. Хозяинъ, закупщикъ и казначей, каждый порознь, ходили по отдѣленіямъ съ особеннымъ пакетомъ для каждаго и съ числомъ билетовъ по числу избирателей. Послѣдніе подъ своими именами писали имя лица избираемаго и вкладывали билеты эти въ пакетъ своего отдѣла. Члены хозяйственной комиссіи разсматривали билеты: получившій положительное большинство въ своемъ отдѣлѣ (въ четномъ числѣ избирателей половину этого числа плюсъ одинъ голосъ) объявлялся членомъ временной комиссіи. Послѣ третьяго неопредѣленнаго выбора члены какаго либо отдѣла выбирали уже между кандидатами другихъ отдѣловъ. Если ни одинъ изъ нихъ не получилъ положительнаго большинства въ этомъ отдѣлѣ, тогда предлагали имъ на выборъ двухъ кандидатовъ, имѣвшихъ большее число голосовъ. Если же и въ этомъ случаѣ голоса дѣлились поровну, то выборы рѣшалъ уже жребій. На слѣдующій день члены временной комиссіи повѣряли свои уполномочія въ общественной залѣ и распоряжались при выборѣ и баллотировкѣ хозяина и казначея (хозяйственная распорядилась выборомъ и баллотировкою закупщика и огородника, если выборы этихъ послѣднихъ не совпадутъ съ выборами первыхъ). Когда всѣ выбирались въ одно время, тогда наблюдалась очередь: сначала выбирали хозяина, потомъ казначея, далѣе закупщика и, наконецъ, огородника. Комиссіи за два дня извѣщали всѣхъ, въ какую должность предстоятъ выборы; собирали голоса: подача голоса означала согласіе съ большинствомъ. Если никто не имѣлъ положительнаго большинства, то два лица, соединившія большее сравнительно число голосовъ, становились кандидатами и баллотировались. Если по причинѣ равенства голосовъ два кандидата не будутъ опредѣлены, то баллотировка рѣшала между имѣющими равенство. Наканунѣ ея комиссія объявляла имена кандидатовъ и порядокъ избранія. Всѣ, подавшіе голоса при избраніи, обязывались находиться и при баллотировкѣ; кто не приходилъ, тотъ располагалъ своими шарами нисыменно черезъ одного изъ членовъ комиссіи. Баллотировались только тѣ, которыхъ избирали. Въ залѣ, въ день баллотировки, одинъ изъ членовъ комиссіи раздавалъ шары, выдавая каждому на каждаго избираемаго порознь бѣлый и черный; получившій шары подходилъ къ двумъ ящикамъ, другой членъ комиссіи, стоявшій при нихъ, объявлялъ, который сосудъ для кого назначенъ. Когда всѣ шары были поло-

жены, комиссія считала число бѣлыхъ и черныхъ каждаго кандидата. Получившій положительное число голосовъ въ отношеніи къ числу баллотировавшихся и сравнительное относительно къ другому кандидату объявлялся избраннымъ. Если оба имѣли положительное большинство, но равное между собою, то баллотировались снова. По третьей неопредѣленной баллотировкѣ рѣшалъ жребій. Если оба не получали большинства бѣлыхъ шаровъ, то избиратели приступали къ новымъ выборамъ.

Заботливо хлопоча объ увеличеніи ручныхъ участковъ, артель усиленно стремилась къ возрастанію запаснаго капитала, понуждаемая тѣми страхами, которые рисовались въ самомъ непривлекательномъ видѣ для всѣхъ, выходявшихъ на поселеніе и не имѣвшихъ собственныхъ средствъ. Съ этою цѣлью прибѣгали ко всевозможнымъ сокращеніямъ въ бюджетѣ расходовъ: когда количество хлѣба и квасу превысило личную потребность, опредѣляли ограниченную выдачу 1¹/₄ фун. на день на человѣка; квась опредѣляли двумя бутылками на день. Ограниченіе выдачи хлѣба вызвано было не недостатками, а для учета, потому что начали злоупотреблять требованіемъ и расходомъ хлѣба. Такъ, державшіе особливую лично для себя прислугу стали кормить ее изъ общей артели; Модзалевскій, занимавшійся и получавшій за то деньги, кормилъ двухъ портныхъ изъ солдатъ изъ общей артели. „Артель тѣмъ и выгодна,—говорить Н. А. Вестужевъ на особомъ листѣ, долженствовавшемъ выразить его голосъ при собраніи мѣтній:—артель тѣмъ и выгодна, что излишество потребленія одного человѣка вознаграждается меньшею потребностью другого; слѣдовательно, если поставить вѣсъ (хлѣба) на каждаго и каждому отпускать по положенію, то выйдетъ, что всѣ лишатся выгоды, доставляемыхъ артелью, потому что лишнее количество надобно будетъ покупать, тогда какъ у другихъ избытокъ будетъ пропадать безъ пользы. Увѣренъ, что среднимъ числомъ хлѣба, вообще, не выйдетъ по 1¹/₄ ф. на человѣка, но увѣренъ также, что раздача каждому по такому участку большей половины будетъ онаго не достаточно, и думаю, что вниманіе хозяина при надлежащемъ присмотрѣ лучше опредѣлитъ потребность каждаго, не стѣсняя всей артели этою общемо мѣрою“. Мѣтніе это подано на нижеслѣдующій запросъ временной комиссіи: „Колличество расходимаго хлѣба и кваса превышаетъ личную потребность артели и, съ другой стороны, раздѣленіе расхода на сія предметы не въ точной мѣрѣ соотвѣтствуетъ потребленію каждаго лица и какъ сверхъ того не малая часть хлѣба и квасу расходится на прислугу, не равно распредѣленную на лица, хотя и равно платящія“, то и предлагаетъ временная комиссія на общее разрѣшеніе: „1) постано-

**) Избирательные листы посылались по номерамъ казематовъ съ надписью наверху просьбою передавать далѣе безотлагательно.

вить ли определенную выдачу хлеба по 1¹/₄ ф. на день на человека, на каждого из нас, предоставляя желающим иметь большее сего количество получить оное за деньги (как, напр., получали прежде излишнюю, а нынѣ одну булку) и перенести вслѣдствіе сего содержаніе прислуги на счетъ тѣхъ, коиъ находящіеся въ личномъ услуженіи люди будутъ служить, и 2). определить выдачу квасу по 2 бутылки на человека въ день или оставить то и другое по прежнему положенію“? Желавшіи получить большее количество, обязанъ были платить деньги. Содержаніе прислуги перенесли на счетъ тѣхъ, которые ее держать, оставили заботу только о пищѣ солдатъ, такъ какъ ихъ услуга была общая, а не частная. Исключали изъ хозяйственного бюджета жалованье бранобрѣю, потому расходы на мыло для бани *). Отмѣнены булки и жареное на нѣкоторое время и успокоили себя тою лишь заботою, чтобы умѣренность пищи вознаграждалась качествомъ и опрятностью приготовления, чтобы хлѣбы пеклись лучше, супы были чище и квасъ не такъ дурень. Для поощренія служащихъ на кухнѣ и для чистоты самой кухни нашли выходъ въ томъ, что выдавали сверхсметныя деньги, по желанію, въ распоряженіе хозяина. Убавили однимъ служащимъ къ банѣ, распредѣливъ жалованье сообразно труду каждого: нинимъ надбавили, другимъ уменьшили, но, во всякомъ случаѣ, достигли той цѣли, что въ отношеніи расходимыхъ денегъ произошло значительное уменьшеніе **). Подобныя сокращенія были неизбежны въ виду того, что съ отъѣздомъ третьей категоріи число людей и средства значительно сократились; кромѣ того, и снабженіе отъѣзжающихъ потребовало излишнихъ расходовъ.

Когда нѣкоторые отдѣлились отъ общаго стола и вмѣсто кушанья стали получать деньгами, они уже не могли требовать артельного кушанья въ теченіи года и не иначе могли заставлять людей, нанятыхъ для общей кухни, работать, какъ по добровольному согласію. Хозяева не обязывались снабжать артельными припасами тѣхъ, которые не пользовались общимъ столомъ, хотя за долгъ поставляли себѣ стараться по возможности ихъ удовлетворять. Временная коммиссія разрѣшила таковымъ выдачу артельной муки на дрожжи для булокъ. Для улучшенія общаго стола и соблю-

*) Бани топилась еженедѣльно въ субботу, но постамъ—въ пятницу. Кто желалъ заказывать для себя въ другой день недѣли, тотъ платилъ въ артель; если заказчиковъ было менше 5-ти, одинъ рубль, пять и болѣе—1¹/₂ руб.

**) На жалованье служащимъ петровская артель тратила ежегодно 774 р.: на содержаніе бани 15 руб., на содержаніе кухни 100 р., на соль 100 р., на мясо 630 р., на бумагу для книгъ и счетовъ 30 р., на овощи 400 р., на праздники 150 р., на огородъ 210 р., на крупу 100 р., молочные скопы 75 р. и проч.

денія экономіи нѣкоторые предлагали личные услуги (какъ Тютчевъ), состоявшія въ томъ, что вызвавшіеся сами занимались приготовленіемъ кушаньевъ. Вслѣдствіи, для улучшенія пищи, прибавили къ отпускаемому 2 пуд. 20 ф. мяса еще 8 ф., и постановили, чтобы хозяинъ непремѣнно избѣгалъ экономіи удержаніемъ изъ положеннаго количества припасовъ, а старался бы достигать цѣли посредствомъ дешевыхъ закупокъ. Когда артельныя свиньи оказались невыгодными для хозяйства—ихъ уничтожили. Сахаръ стали покупать въ Иркутскѣ и на вернеудинской ярмаркѣ, а не въ заводѣ, чай стали брать изъ первыхъ рукъ и у богатыхъ купцовъ; соль запасали гуртовымъ приобрѣтеніемъ и проч. *).

Чтобы окончательно утвердиться на мысли, посредствомъ собраннаго капитала предупредить и даже обезпечить нужды тѣхъ членовъ общины, которые будутъ вывезены изъ тюрьмы, составила новая артель, маленькая. Она, не вредя главной цѣли, стремилась также къ достиженію членамъ выгоды, какія только можно извлечь изъ подобнаго учрежденія. Въ нее могъ поступить всякій, желавшій внести 25 р., принятыхъ за минимумъ и вносимыхъ въ 11 мѣсяцевъ по 2 р. Третья, журнальная артель выписывала журналы и газеты, общимъ числомъ до 22-хъ, и давала ихъ за небольшую плату для чтенія (1 р. 50 к. въ мѣсяцъ). Въ ней участвовали лица, не бывшія ни въ большой, ни въ малой артеляхъ, какъ напримѣръ, Анненковъ, Давыдовъ и друг. Маленькая давала займы. Займы наличными деньгами отдавались таковыми же; въ противномъ случаѣ, платился лишній 1%. При займѣ принадлежащихъ артели лицъ полагался 1% со ста въ мѣсяцъ, а съ не принадлежащихъ—2% **).

*) Самыми дѣятельными хозяевами были Д. И. Завалишинъ и В. А. Бесчасновъ. Нѣкоторые рѣшительно отказывались на новые выборы. Бывали случаи отказовъ и отъ артели, но по просьбамъ товарищей оставались, доказывая доброе расположеніе къ обществу. Должность хозяина сопряжена была съ большими затрудненіями: каждому желалось угодить товарищамъ, соблюсти общіе интересы и удовлетворить, вмѣстѣ съ тѣмъ, и частнымъ. Не мало затрудняло измышленіе кушаньевъ для разнообразія, раздѣленіе стола въ постные дни и, въ особенности, выгодный закупъ, чего не могли они достигнуть, поднимая петровскія цѣны своимъ крупнымъ запросомъ. Такъ, между прочимъ, коровье масло принуждены были выписывать изъ Читы: тамошнее оказалось лучше и съ провозомъ дешевле петровскаго.

**) При выдачѣ занимаемой суммы за первый же мѣсяцъ вносились проценты наличными или купономъ на большую артель; за слѣдующіе же мѣсяцы всегда къ 1 числу каждого мѣсяца эти проценты платились всегда за цѣлый мѣсяцъ, не смотря на меншіи срокъ займа. За желаніе промѣнять выписныя на всякаго рода наличныя платился 1%. Въ обезпеченіе представлялся или купонъ или свидѣтельство пору-

и оборотами завѣдывалъ казначей, избравшійся положительнымъ большинствомъ голосовъ на цѣлый годъ. Онъ заботился, чтобы капиталъ артели, за исключеніемъ сохранной суммы, находился въ безирестанномъ оборотѣ, и превращалъ капиталъ въ наличныя деньги. Такъ какъ артельный годъ для бюджета начинался вмѣстѣ съ большою артелью, т. е. 1-го марта, то казначей обязывался представлять списки о выборахъ 3 членовъ въ комиссію; самъ въ ней не засѣдалъ. Вносившій ежегодно 25 руб. считался дѣйствительнымъ членомъ съ правомъ на равную долю со всѣми. Единовременные

чителя. За положительную цѣнность купона принимались $\frac{2}{3}$ годового ручного участка, объявляемаго большою артелью. Мѣсячный купонъ былъ вообще $\frac{1}{12}$ часть объявляемаго годового и, подобно ему, цѣнилась также въ $\frac{2}{3}$. Лица, не состоящая въ большой артели, имѣли право на заемъ только $\frac{1}{4}$ части ежегодно получаемой ими суммы и предоставляли въ обезпеченіе респексу, дающую право казначею большой артели вычестъ по ней сполна изъ первыхъ, получасмыхъ ими по займу денегъ. Если кто изъ членовъ постоянной (хозяйств.) комиссіи большой артели желалъ сдѣлать заемъ для оборотовъ касательно вѣренной ему должности, то представлялъ въ поручительство подписи всѣхъ трехъ членовъ своей комиссіи. Тѣ, которые занимали сумму, превышающую сумму, обезпеченную купонами, равно и лица, не состоящія въ большой артели, въ случаѣ просрочки, платили: за 1 мѣсяць одинъ добавочный процентъ, за 2-й два и т. д., до окончательной уплаты занятой ими суммы. Разъ случилось такъ, что потребовалось удовлетворить отъѣзжающихъ между тѣмъ за нѣкоторыми членами оставались невнесенными подписныя деньги,—поступили такимъ образомъ: такъ какъ деньги (652 р.) не могутъ быть скоро внесены, а съ другой стороны, получены сверхъ подписки, не входившіе также въ расчетъ 299 руб., то за вычетомъ ихъ, остающіеся 253 руб., не достающіе до полной подписки, должны быть разложены на всѣхъ получающихъ купоны. 5 р. 6 к., причитающіеся на одного, должны быть вычтены изъ слѣдующихъ каждому изъ отъѣзжающихъ добавочныхъ денегъ. Сверхъ того, отъ нихъ слѣдуетъ вычестъ и жалованье за мѣсяць, входившее въ расчетъ при бюджетѣ (въ 1833 году).

Сохранилась слѣдующая таблица, показывающая степень обезпеченія.

Мѣсяць. Год. обезп. Мѣс. обезп. Макс. займа.

Апрѣль . . .	177 руб.	14 р.	50 к.	29 р.	— к.
Май	162 "	14 "	50 "	29 "	— "
Іюнь	132 "	14 "	50 "	29 "	— "
Іюль	118 "	14 "	50 "	58 "	— "
Августъ . . .	107 "	14 "	50 "	58 "	— "
Сентябрь . .	88 "	14 "	50 "	58 "	— "
Октябрь . . .	64 "	14 "	50 "	58 "	— "
Ноябрь	59 "	14 "	50 "	58 "	— "
Декабрь . . .	44 "	14 "	50 "	43 "	50 "
Январь	30 "	14 "	50 "	29 "	— "
Февраль . . .	15 "	14 "	50 "	14 "	50 "

Мартъ—смотря по присылкѣ въ большую артель денегъ и по соображеніямъ цѣнности купона, который былъ объявленъ. Сверхъ означенныхъ обезпеченій, каждый членъ общества могъ представить на этотъ предметъ 25 р., т. е. минимумъ своего вклада.

вклады вещами и деньгами, считаясь чистыми приношеніями въ пользу артели, не давали своему вкладчику права участія въ раздѣлѣ капитала. Желавшій выйти, получалъ на руки 25 руб., т. е. минимумъ ежегоднаго вклада; остальные же деньги, причитавшіеся по раскладкѣ, пребывали его собственностью, оставаясь, между тѣмъ, въ капиталѣ артели. Остатокъ съ процентнымъ приращеніемъ единственно изъ собственнаго его оборота не иначе выдавался въ руки владѣльца, какъ по отъѣздѣ его изъ тюрьмы. Отъѣзжавшій могъ отказаться отъ своего участка только въ пользу общественаго капитала, а не лица. Такая сумма умножила капиталъ послѣдующаго года и отнюдь не служила приращеніемъ уже объявленнаго участка лицъ, входящихъ въ одно и то же время съ жертвователемъ. Пожертвованныя вещи казначей одѣнчивалъ съ двумя членами по очередному списку; затѣмъ оповѣщаль о продажѣ и если не находилось покупателей, онъ продавалъ кому бы то ни было, но не дешевле оцѣнки. Всякій, вѣрившій артели для ея оборотовъ деньги, получалъ за то ежемѣсячно 1° на сто и въ томъ случаѣ, когда вѣренная сумма дѣйствительно находилась въ оборотѣ (могли удостовѣриться въ томъ изъ казначейскихъ книгъ). Вкладчикъ напередъ долженъ былъ объявлять срокъ; если понадобились ему деньги ранѣе, въ такомъ случаѣ онъ обязывался предупредить казначея за мѣсяць. На первый годъ по учрежденіи артель отвѣчала не болѣе 800 рублей и свыше этой суммы въ оборотъ ничего не принимала.

Маленькая артель получила свое начало въ 1832 г., когда уже нѣкоторые разряды ссыльныхъ уѣхали на поселеніе. Въ Читѣ, въ апрѣлѣ 1828 г., истекъ срокъ послѣднему, седьмому разряду (осужденнымъ на два года каторги коронація сбавила срокъ на годъ). 11 членовъ оставили тюрьму и отправились на поселеніе единственно при содѣйствіи читинскихъ дамъ, снабдившихъ ихъ бѣльемъ, платьемъ, книгами и деньгами. Лѣтомъ 1831 года въ Петровскомъ заводѣ семья заключенныхъ снова испытала потерю товарищей, вышедшихъ на поселеніе изъ 5-го разряда. Этимъ помогала еще большая артель; маленькая вышла ей на помощь уже въ то время, когда приблизились сроки въ 1833 г. четвертому разряду, въ 1836 г. второму и въ 1839 году первому разряду. Съ перваго марта 1833 г. до 1834 смѣтный расчетъ артели составлялся уже на 38 порцій. Обѣ артели обоюдными силами и средствами въ состояніи были удѣлять на временное пособіе отъѣзжающимъ по 600 до 800 рублей ассигнаціями на каждого. Библиотека немовѣрно увеличилась: для научнаго и серьезнаго образованія она начала давать большой просторъ, ученый отдѣлъ ея былъ бо-

гать *). Кроме того, впоследствии могли положить пособие и темъ изъ прислуги, которые все время не оставляли своими услугами заключенниковъ **). Въ 1836 году объ артели кончили свое существованіе, когда петровский казематъ значительно опустѣлъ и въ немъ остались доживать по большей части люди достаточные. Въ 1840 г. петровский казематъ былъ уже совершенно свободенъ отъ тѣхъ жильцовъ, ради которыхъ совершенно было его сооруженіе. Послѣ отправленія въ 1839 году первой категоріи декабристовъ оставались нѣкоторое время въ работѣ, хотя уже и не заключенными въ казематъ, черниговцы Соловьевъ и Маралескій да изъ оренбургскихъ Ипполитъ Завалишинъ. Всѣ остальные были уже на мѣстахъ поселенія. Въ Петровскомъ заводѣ оставался доживать свой вѣкъ сначала въ званіи ссыльнаго поселенца, потомъ потомственнаго дворянина — только Горбачевскій, скончавшійся тамъ въ 1889 году въ должности мирового посредника.

Одновременно съ первыми восемью посланными въ нерчинскіе рудники и слѣдомъ за ними отправлены были на поселеніе всѣ тѣ 14 человекъ восьмой категоріи, которымъ приговоръ верховнаго уголовного суда присудилъ этотъ родъ наказанія ***). Ихъ увозили по четверо, но поселили по одиночкѣ въ самыхъ сѣверныхъ сибирскихъ мѣстностяхъ, на пространствахъ между Обдорскомъ и Средне-Колымскомъ. Когда они пробыли здѣсь годъ—ихъ пе-

*) Для чтенія газетъ существовалъ порядокъ и очередь; установлена строгость и правильность: для чтенія газетъ предоставлялось два часа, для чтенія журнала 2 и 3 дня. Сторожа безпрестанно разносили изъ № въ № газетные листки, на которыхъ каждый отмѣчалъ время полученія и отправки.

**) Такъ, между прочимъ, для банщика скопилось въ артели 480 руб. Когда выпустили казематы, онъ получилъ деньги эти на руки; могъ бы жить безбѣдно: баня подарена была ему также въ собственность и казематскій быкъ, возившій воду. Семьинный не выдержалъ, бѣжалъ, на дорогѣ его обокрали товарищи; тогда онъ явился съ повинною.

***) Увезенные впередъ поселенцы имѣли возможность при свиданіи съ послѣдующими объяснять имъ отчасти то, что ихъ впереди ожидаетъ, и помогать имъ различными услугами. Въ Верхнеудинскѣ встрѣчалъ ихъ Ал. Ник. Муравьевъ съ женою и свояченицею; въ Иркутскѣ, въ банѣ, успѣлъ свидѣться съ братьями А. А. Марлинскій-Бестужевъ, увозимый въ Якутскъ на поселеніе и переведенный въ 1829 году на Кавказъ въ солдаты, съ правомъ выслуги, гдѣ онъ и погибъ. Передъ Иркутскомъ встрѣчалъ Владим. Феодосеев. Раевскій, принадлежавшій къ Южному обществу, но раньше товарищей своихъ сосланный изъ дивизіи Мвх. Орлова (2 арміи), гдѣ В. Ф. завѣдывалъ школою взаимнаго обученія, завезенною впервые въ Россію по инициативѣ М. Орлова. Раевскій слишкомъ рѣшительно дѣйствовалъ и попалъ подъ судъ и на поселеніе въ Олонки.

ревели южнѣе на пространствахъ по линіи между Якутскомъ и Березовымъ. Первое время они были совершенно одни, „ихъ не согрѣвали ни солнечные лучи, ни присутствіе друзей“. Бестужеву-Марлинскому удалось отвести душу при встрѣчи въ Якутскѣ съ докторомъ Эрдианомъ, пріѣзжавшимъ наблюдать силу земнаго магнетизма. Впрочемъ, одиночное житіе въ Якутскѣ не прошло для этого талантливаго человека безслѣдно. Онъ изучалъ языки, между прочимъ латинскій, для чего Н. И. Гречъ высылалъ ему классиковъ, изучалъ край, нравы жителей; отъ скуки писалъ стихи. Въ полномъ собраніи его сочиненій 1832 года видны результаты его наблюденій во время житія въ Якутскѣ, въ статьяхъ: „Отрывки изъ разсказовъ о Сибири“ и „Сибирскіе нравы Исыхъ“. Якутскіе стихи А. А. Бестужева также были напечатаны, но уже послѣ его смерти. Отсутствие товарищеской семьи и дружеской поддержки, которая такъ благотворно поддѣйствовала на заключенныхъ вмѣстѣ, для многихъ изъ этихъ одиночекъ выразилось самыми несчастными крайностями: они предалися отчаянію, ускорившему смерть (Шахиревъ, Фохтъ и Фурманъ въ Сургутѣ), другіе сошли съ ума (Шаховской въ Енисейскѣ и Н. С. Вобрищевъ-Пушкинъ въ Туруханскѣ, Варницкій и Янтальцевъ въ Якутскѣ *). М. А. Назимова увезли въ Средне-Колымскъ на собакахъ при 30° морозѣ. Казаки, получивъ предписаніе держать его подъ строгимъ карауломъ и въ то же время беречь его здоровье, не знали, что съ нимъ дѣлать. Они заперли его въ одну изъ юртъ и отправили гонца въ Якутскъ съ донесеніемъ, что „секретный“ заболѣлъ и имъ нечѣмъ его кормить, а вяленую рыбу онъ не ѣстъ. Черезъ нѣсколько времени вышло разрѣшеніе перевести Назимова въ небольшую деревушку на Ленѣ, гдѣ стало лучше, но большаго долгого время страдалъ жестокимъ ревматизмомъ обѣихъ конечностей, отъ котораго впоследствии едва могъ избавиться. Чижевъ также былъ переведенъ изъ Гижиги въ другое мѣсто. Освободившіеся въ апрѣлѣ 1828 г. изъ Читы 11 человекъ седьмой категоріи также вывезены были въ сѣверные города: Чернышевъ одинъ отправился въ Якутскъ, Кривцовъ и Загорѣдкій вдвоемъ—на Лену, Ив. Абрамовъ и Лисовскій—въ Туруханскъ, Выгодовскій—въ Нарымъ, Тизенгаузенъ—въ Сургутъ, Черкасцовъ—въ Березовъ, фонъ-Бригенъ—въ Пельымъ и Лихаревъ—въ Кяндинскъ (оба послѣдніе потомъ переведены были въ Курганъ). Толстой изъ Читы былъ отправленъ прямо на Кавказъ солдатомъ къ товарищамъ, присужденнымъ къ этому наказанію приговоромъ суда изъ послѣднихъ четырехъ категорій (8, 9, 10 и 11-ой).

*) Въ Петровскомъ заводѣ изъ 50-ти сошли съ ума двое: Андреевичъ и Андрей Борисовъ; на поселеніи изъ 14-ти—пять.

Изъ этихъ категорій нѣкоторые поступили въ крѣпостныя работы и по Сибири. Ихъ отправляли послѣ приговоренныхъ на поселеніе. Изъ поселенцевъ седьмой категоріи нѣкоторымъ разрѣшено было впоследствии вступить въ службу солдатами на Кавказъ; другихъ перевели пожизненно, Тивенгаузена и А. Ф. Янтальцова въ Ялугоровскъ и т. д.; при отправленіи на поселеніе читинскія дамы успѣли облегчить имъ своими пособиями дорогу и первое время поселенческаго житія *).

Лѣтомъ 1831 года изъ Петровскаго завода выѣхали на поселеніе двое изъ пятого разряда: Михаилъ Карловичъ Кюхельбекеръ въ Баргузинъ и Н. И. Рѣпинъ въ деревушку Марзурку (на Ленѣ)**). Лѣнивый Кюхельбекеръ, весь преданный товарищамъ во время житія въ казематахъ, на поселеніи принялся трудиться для своего пропитанія. Въ первые годы онъ собственными руками расчистилъ и распахалъ нѣсколько десятинъ и засѣялъ хлѣбомъ. Но такая дѣятельность не спасла его отъ искушеній. Сблизившись съ одною баргузинскою мѣщанкою, онъ сперва крестилъ у нее ребенка, а потомъ на ней женился. Крестникъ его умеръ, но обыскъ включенъ былъ въ метрику, изъ-за чего, по доносу дьячка, синодъ призвалъ бракъ незаконнымъ, Кюхельбекеръ, разлученный съ женою, переведенъ былъ въ Смоленскую волость подъ Иркутскомъ (за 500 верстъ отъ Баргузина). Тутъ онъ написалъ отчаянное письмо къ сестрѣ съ жалобами на жестокость. Это письмо возвратило его въ Баргузинъ, но объяснили не жить съ женою, а жить съ дочерьми, отъ нее прижитыми, которыхъ было семь. Рѣпинъ недолго жилъ на поселеніи. Когда везли

* *) Передъ отправленіемъ 7-го разряда прибыли въ Читту Игельштротъ, Вегелинъ и Рукевичъ, отъ Тобольска шедшіе пѣшкомъ въ дѣлкахъ съ этапными партіями. Пѣшкомъ же шли, какъ сказано, Соловьевъ, Сухиновъ, Модзалевскій, Выстрицкій.

***) Одинъ изъ 6-го разряда, А. Н. Муравьевъ, присужденный на 7 лѣтъ каторги, сосланъ на житіе въ Иркутскъ, потомъ перемѣщенъ былъ въ Верхнеудинскъ, потомъ снова въ Иркутскъ на службу полиціимейстеромъ; затѣмъ въ Тобольскѣ губернаторомъ. Впоследствии, въ недавнее время, былъ военнымъ губернаторомъ въ Нижнемъ-Новгородѣ; скончался въ 1863 году въ Москвѣ уже въ званіи сенатора. Шестой разрядъ составлялъ еще другой ссыльный Люблинскій, присужденный къ каторгѣ тоже на пять лѣтъ, но не прощенный. Двухъ изъ 7-го разряда, вмѣсто двухлѣтней каторги, сослали въ крѣпостныя работы на 2 года (полк. Вестреля и поруч. Булгари, послѣдняго по молодости лѣтъ). Изъ 8 разряда лейтенантъ Бодиско, вмѣсто поселенія, записанъ былъ въ матросы; изъ 5-го братъ его мичманъ Бодиско, вмѣсто 8 лѣтъ каторги, сосланъ въ крѣпостныя работы. Изъ 1-го разряда Турганевъ скрылся за границу; за границею спаслись Яковъ Толстой и Чаадаевъ; Булатовъ и Поливановъ сошли съ ума еще въ Петровской крѣпости, Пассекъ умеръ еще въ 1825 году.

Андреева на Кавказъ въ солдаты, онъ захватилъ къ своему другу и остановился на ночь въ его помѣщеніи, занимаемомъ имъ въ домѣ одной крестьянки (въ Марзуркѣ за 200 верстъ отъ Иркутска). Весѣла была праздничкомъ, свиданіе длилось далеко за полночь. Служанка, разбуженная запахомъ дыма, посмотрѣла набу хозяйки и, не найдя ничего, вмѣстѣ съ нею отправилась въ помѣщеніе Рѣпина черезъ сѣни, постоянно наполвлявшіяся дымомъ. Стучали къ двери, колотили въ окна и когда вошли въ комнату, увидѣли уже два обгорѣлые трупя. Несчастныхъ похоронили въ одномъ гробѣ на сельскомъ погостѣ. Самъ граж. губернаторъ Цейдлеръ пріѣзжалъ произвестъ слѣдствіе, но ничего опредѣлительнаго не нашелъ; виновныхъ розыскивали народные слухи. Слѣдствіе наредило причину пожара и въ незагашенной свѣчкѣ и въ невыколотенной трубкѣ съ табакомъ, но народные слухи увѣряли, что поджогъ товарищей сдѣланъ слугою Рѣпина—поселенцемъ, надѣявшимся пожизниться деньгами обонихъ. Поселенецъ этотъ къ тому же успѣлъ убѣждать, какъ увѣрять преданіе.

Изъ освободившихся отъ тюремнаго заточенія въ 1834 году четвертаго разряда ссыльных Розенъ, Нарышкинъ и Лореръ отправились въ Западную Сибирь, въ Курганъ, остальные 11—по деревнямъ Восточной Сибири (Глѣбовъ въ с. Кабанское и проч.). Тогда уже было позволено селиться по двое. Впоследствии перевели въ Красноярскъ и Павла Вобрищева-Пушкина для соединенія его съ сумасшедшимъ братомъ (помѣшательство религіозоманія и пріапизмъ). Въ этомъ разрядѣ Александру Муравьеву дозволено пребыть на каторжной работѣ весь срокъ, назначенный его брату Никитѣ Михайловичу. Волконскаго изъ 1-го разряда, въ уваженіе просьбы статсъ-дамы кн. Волконской (его сестры и супруги министра), государь приказать соизволялъ послать на поселеніе. Волконскій просилъ, какъ милости, позволенія остаться въ Петровскѣ, гдѣ слабая здоровьемъ жена и дѣти могли имѣть врачевныя пособія (отъ Вольфа), тогда какъ въ Баргузинѣ, куда онъ былъ назначенъ, не было ни аптеки, ни доктора и никакихъ удобствъ для жизни. Дозволеніе было дано. Отъѣзжавшихъ товарищей остающіеся снабжали, помимо артелей, всѣмъ своимъ наличнымъ отъ трудовъ и сбереженій. Женѣ Розена Ал. Гр. Муравьева подарила складной дорожный стулъ, предложила тысячу разныхъ предметовъ и, между прочимъ, корову для ребенка во время переѣзда на суднѣ черезъ Байкаль. Оболенскій шилъ искусно пальто ребенку; Конст. Петр. Торсонъ устроилъ ребенку парусинную койку; Ник. Алек. Бестужевъ винты и ремни съ пряжками, которыми прикрѣпилъ койку, назначенную для жены во время переѣзда, къ верхней части коляски. Насколь-

ко они умѣли внушать къ себѣ уваженіе, можетъ коротко и ясно доказать то обстоятельство, что за однимъ изъ уѣзжавшихъ въ Верхнеудинскѣ бѣжалъ, стараясь догнать, Вязуновъ, георгиевскій кавалеръ, бывшій въ Читѣ и Петровскѣ караульнымъ и теперь умолявшій взять съ собою хотя на край свѣта. Остановился онъ лишь на томъ, что и самому уѣзжавшему мѣсто назначенія было неизвѣстно. Подобный случай не послѣдній.

При отправленіи 18-ти человекъ въ 1836 году въ іюнь мѣста для поселенія не были извѣстны. Отправлявшіеся сблизисъ въ товарищества и выпросили позволеніе жить вмѣстѣ. Братья Никита и Александръ Михайловичи Муравьевы, Вольфъ и Ив. Дм. Якушкинъ согласились было такимъ образомъ, но ихъ раздѣляли. Семейные не могли тотчасъ отправиться. Муравьевы (Алек. и Ник. Мих.) поселились въ Урюкѣ близъ Иркутска, а когда Никита Мих. умеръ и его дочь увезли въ Россію, то Александръ перешелъ въ Тобольскъ; Артамонъ же Захаровичъ Муравьевъ поселенъ былъ въ Разводной, близъ Иркутска, гдѣ умеръ. Торсонъ послѣ срока недолго оставался въ Петровскомъ заводѣ, онъ поселился сначала въ Иркутскѣ, а потомъ въ Тобольскѣ, гдѣ жилъ мало, вскорѣ умеръ. Торсонъ поселился въ Селенгинскѣ, куда къ нему пріѣхали мать и сестра; Торсонъ тамъ и умеръ. Близъ Иркутска поселенъ былъ Ѳ. Ѳ. Вадковскій. Ал. Муравьевъ остался съ братомъ, Вольфъ съ товарищами въ заводѣ для врачебныхъ пособій. Десять человекъ отправлены въ Иркутскъ на переѣзжныхъ подводахъ, при офицерѣ и нѣсколькихъ унтеръ-офицерахъ. Холостые ѣхали всѣ вмѣстѣ, женатые особо. Ив. Дм. Якушкинъ поселился въ Ялutorовскѣ, Ник. Васил. Васаргинъ съ Васильемъ Петровичемъ Ивашовымъ въ Туринскѣ, Тобольской губерніи, Михаилъ Сергѣевичъ Луничъ подѣ Иркутскомъ въ деревушкѣ и т. д. На уменьшеніе сроковъ наказанія вліяли какія либо событія въ царственной семьѣ; въ день рожденія великаго князя Михаила Николаевича сбавлены были пять лѣтъ; во второй разъ по 2 года, при исполненіи десятилѣтія съ 14-го дек. 1824 года. Въ память путешествія по Сибири государя на слѣдника, позднѣе императора Александра II, послѣдовали, по его милостивому ходатайству новыя облегченія. Между прочимъ, жившіе на поселеніи переведены на Кавказъ рядами въ отдѣльный корпусъ, на положеніи инвалидовъ. Крипцовъ, Цебриковъ, Валер. Голицынъ, А. А. Бестужевъ дослужились до офицеровъ. Нарышкинъ, Розень, Одоевскій, Мих. Назимовъ, Захаръ Чернышевъ, Оржидкій, Ковнищянъ и проч. оставались на Кавказѣ солдатами, потомъ выпросились въ отставку и получили дозволеніе жить на родинѣ подѣ присмотрѣ полиціи. Одоевскій же на Кавказѣ и

умеръ отъ желчной горячки, на рукѣхъ Н. А. Загорѣцкаго. На житѣ на родинѣ, подѣ присмотрѣ полиціи, кончалась судьба всѣхъ декабристовъ, оставшихся живыми въ Сибири и на Кавказѣ: для однихъ раньше, для другихъ позже.

Кавказская жизнь декабристовъ, въ политическомъ контрастѣ съ сибирскою, прошла безъ слѣдовъ той осязательной общественной пользы, которая задержана была самымъ способомъ обязательствъ. Солдатская служба задана была имъ со всею строгостью боевыхъ обязанностей, съ тою разницею, что для однихъ лямка натянута была туго, для другихъ она ослаблялась уступчивостью, которая, однако, была произвольна и для исполнителей вовсе необязательна. Въ то время, когда Бестужевъ-Марлинскій въ Дербентѣ и въ ежевѣхъ рукахъ гарнизоннаго подполковника „бурбона“ съ тяжелымъ ранцемъ выстаивалъ на часахъ до изнеможенія силъ подѣ палящимъ кавказскимъ солнцемъ, — нѣкоторымъ другимъ товарищамъ удалось изъ солдатскихъ казармъ и лазаретовъ попасть и въ солдатской шинелѣ въ общество офицеровъ. Генералъ Раевскій, жившій на правахъ отряднаго начальника въ Тифлисѣ, бывшій членъ тайнаго общества и другъ А. С. Пушкина, наполнилъ свой штабъ большею частью изъ декабристовъ и ссыльныхъ офицеровъ. На это сдѣланъ былъ доносъ въ Петербургъ. Раевскому присланъ строгій выговоръ и приказъ разослать всѣхъ по разнымъ крѣпостямъ и подвергнуть обязанностямъ гарнизонной службы. Въ числѣ прочихъ пришлось полатиться своею судьбою одному изъ братьевъ Бестужевыхъ, Петру Александр. Въ силу этого обстоятельства кавказская ссылка оказалась строже сибирской, всѣмъ ссыльнымъ въ тревожно-воинственной странѣ досталась добрая доля походовъ противъ горцевъ, походовъ, на которые въ то боевое время такъ охотливы были всѣ командиры. Нѣкоторые походы вызвали людскія жертвы для выслуги какого либо матушкина сына, снабженнаго крупною протекціею въ Петербургѣ, для чиновъ и славы котораго ходили въ рядахъ и ссыльные декабристы. Нерѣдко для послѣднихъ другіе командиры избирали малѣйшіе походы для того, чтобы дать отличиться и заслужить милость. Въ то время, когда всѣ были уже унтеръ-офицерами. Толстой въ 1835 г. произведенъ въ офицеры. Дольше всѣхъ не везло Марлинскому, который произведенъ въ офицеры въ 1836 г. вмѣстѣ съ бывшимъ лейтенантомъ Акуловымъ. Марлинскій въ 1837 году убитъ былъ въ отрядѣ охотниковъ во время десанта въ цѣпи. Въ Дагестанѣ, со многими другими, умеръ отъ враждебнаго лихорадочнаго климата историкъ Корниловичъ. Братъ Бестужевыхъ, Петръ Александровичъ, сосланный на Кавказъ разжалован-

нимъ въ солдаты послѣ шестилѣтней солдатской службы, обязавшей его участвіемъ во многихъ экспедиціяхъ, особенно же послѣ тяжелой раны, сошелъ съ ума. Ему разрѣшено было въ этомъ положеніи возвращеніе на родину на попеченіе матери и сестеръ. На попеченіе родныхъ выбѣжали потомъ и всѣ другіе, за исключеніемъ лишь Сутгофа, который, кажется, одинъ изъ всѣхъ остался жить на Кавказѣ, находясь тамъ и по настоящее время. Только для Марлинскаго кавказская жизнь не прошла безслѣдно, обогативъ его темами для повѣстей, литературною славой и деньгами на помощь ссыльнымъ петровскимъ братьямъ и матери. Тревожная боевая жизнь преимущественно увлекла его до сочиненія походныхъ солдатскихъ пѣсенъ, до крайней непосѣдливости на извѣстныхъ боевыхъ пунктахъ восточнаго и западнаго Кавказа. Начиная отъ ссыльную жизнь въ горахъ у Каспійскаго моря, нашелъ свою смерть на берегу Чернаго моря. Съ замѣтнымъ намѣреніемъ „вывести себя въ расходъ“, въ его живой и впечатлительной натурѣ выродилась твердая рѣшимость искать смерти, чтобы избавиться отъ тяжестей жизни и тоски неволи. Однако, и въ немъ не исчезло то стремленіе къ самообразованію, которое было столь присуще всѣмъ его товарищамъ. Вестужевъ-Марлинскій овладѣлъ языкомъ татарскимъ до свободнаго объясненія на немъ, изучилъ языкъ арабскій и принялся было уже за персидскій. Въ этомъ отношеніи живые люди не потерялись и на Кавказѣ.

Прощаясь съ комендантомъ, уѣзжавшіе старались выразить ему благодарность теперь, не считая умѣстнымъ свидѣтельствовать ее прежде. Лепарскій, прослезившись, отвѣчалъ: „Вы вели себя такъ, что если бы на вашемъ мѣстѣ были и се Вашингтоны, то они не могли бы лучше сдѣлать это. Миѣ ни разу не случалось прибѣгать къ мѣраамъ, не согласнымъ съ моимъ сердцемъ, и вся моя заслуга состоитъ въ томъ, что я понималъ васъ и, воплотивъ на васъ надѣясь, слѣдовалъ его внушеніямъ“. „Мы обнялись и въ послѣдній разъ простились. Черезъ годъ онъ скончался“. Назначенъ новый командиръ, полковникъ Ребиндеръ, новый плацъ-майоръ Казимірскій и другіе плацъ-адъютанты. Прежніе офицеры возвратились въ Россію, получивъ большія награды. Ребиндеръ уравнивалъ всѣхъ, соединилъ на общихъ правахъ. При немъ всѣ ходили изъ каземата куда кто хотѣлъ и онъ приглашалъ къ себѣ безъ различія всѣхъ.

Въ 1839 году оставили казематъ и заводъ остальные изъ первой категории, въ каковую попали двое изъ второй (братья Вестужевы, Н. А. и М. А.), какъ вмѣстѣ съ четвертою былъ освобожденъ одинъ (Розенъ) изъ пятаго разряда *). Вестужевы выбрали для себя го-

*) Третій разрядъ составляли двое: Штейн-

родъ Курганъ, но оставлены въ Селенгинскѣ за Байкаломъ, вблизи Петровскаго завода, гдѣ соединились съ К. П. Торсономъ; въ заводѣ остался И. И. Горбачевскій. Д. И. Завалишинъ уѣхалъ въ Читу; въ деревнѣ Оекъ подъ Иркутскомъ С. П. Трубецкой; въ Разводной, также близъ Иркутска — Александръ Ив. Якубовичъ; близъ Иркутска въ Смоленской волости — Бесчасный; около Иркутска: С. Г. Волконскій, А. П. Юшневскій, Алекс. Виктор. Поджіо; въ Тобольской губерніи — Ив. Алек. Анненковъ, пробывъ нѣкоторое время въ Вельскѣ. Петръ Никол. Свистуновъ **), Ив. Александр. Фонвизинъ, Краснокутскій, Барятинскій, Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ (поэтъ, умершій въ Тобольскѣ отъ чахотки), В. К. Вольфъ, Мухановъ въ Братскомъ острогѣ на Ангарѣ. Въ Туруханскѣ (Енис. губерніи): И. А. Абрамовъ и Лисовскій убиты были въ дорогѣ, ѣдучи по торговымъ дѣламъ по довѣренностямъ отъ купцовъ. Въ Иркутской губерніи умеръ отъ паралича одинъ изъ Борисовыхъ, Петръ Ивановичъ; сумасшедшій братъ (Андрей Ивановичъ) пробовалъ возвратить его къ жизни, пуская бритвою кровь. Всѣ бумаги предварительно сжегъ и когда на дымъ сбѣжались люди, наши Борисова повѣсившимся. Александръ Ивановичъ Якубовичъ (въ Енис. губерніи) умеръ, плывя по рѣкѣ; А. П. Юшневскій отъ удара, идя за гробомъ товарища Вадковскаго; Ник. Алексѣев. Пановъ — отъ сахарной мочи. Въ Ялгаторовскѣ умеръ Янтальцевъ съ женою, въ Красноярскѣ: Тютчевъ, Вас. Львов. Давыдовъ, Спиридовъ, Митьковъ. Въ Тобольской губерніи умерли: Краснокутскій, В. К. Кюхельбекеръ, А. М. Мугель и Гаврила Семеновичъ Батенковъ. Первый уѣхалъ на поселеніе въ Тару (Тоб. г.) въ іюнь 1836 г. вмѣстѣ съ четвертымъ разрядомъ, а Г. С. Батенковъ, просидѣвъ въ Петропавловской крѣпости 12 лѣтъ, вывезенъ былъ въ Томскъ, когда тотъ разрядъ, въ которомъ онъ считался, былъ также отправленъ на поселеніе изъ каземата. Въ этомъ городѣ онъ былъ поселенъ одинъ и первымъ и когда явился съ именемъ секретнаго, всѣ отъ него сторонились, никто не хотѣлъ пускать на квартиру. Велъ онъ сначала цыганскую жизнь. Нашелся сердобольный гостинщикъ съ красными вѣками, показавшій себя въ Россіи за альбиноса, выпросившій 100 руб. въ мѣсяцъ только за квартиру, тогда какъ Батенковъ получилъ въ видахъ исключенія отъ товарищей 1200 р. асс. Наконецъ, нашлось доброе семейство старожиловъ: одинъ братъ служилъ и умеръ при Коряковскихъ соляныхъ промыслахъ, оставившій семейство свое на рукахъ другого брата съ клятвою не покидать. На бѣду этотъ братъ полюбилъ дѣвушку и клятва встала препоною. Батенковъ принялъ на себя клятву и заботился о вдовѣ и сиротахъ, живя на собственномъ хуторѣ за чертою г. Томска. Выселившись въ Россію, Гаврила Семеновичъ взялъ туда съ собою и это семейство.

*) Свистуновъ и Анненковъ поступили въ Тобольскѣ въ службу. Врѣмемъ поступилъ канцеляристомъ въ курганскій окружной судъ и черезъ десять лѣтъ получилъ первый чинъ.

равьевъ, Бяратинскій, Вашмаковъ, Вольфъ, Семеновъ. Въ Иркутской губерніи умерли: Никита Мих. Муравьевъ, Фед. Ө. Вадковский, Юшневскій, Бесчасный, Поджіо, М. Н. Глѣбовъ, Артам. Зах. Муравьевъ, Мих. Кар. Кюхельбекеръ, Модзалевскій, оба Борисовыхъ. За Вайкаломъ въ Селенгинскѣ: К. П. Торсонъ и Ник. Ал. Бестужевъ. Въ Туринскѣ Ивашовъ съ женою, въ Акатуѣ—М. С. Луинъ. Затѣмъ по возвращеніи въ Россію: въ Москвѣ Мих. Алек. Фонвизинъ, въ Вронницахъ—Ив. Ив. Пуцинъ, въ Костромѣ—Дмитрій Александ. Щепинъ-Ростовскій, въ Москвѣ—Иванъ Дмитр. Якушкинъ. Въ Калугѣ А. С. Батенковъ и А. П. Оболенскій; въ Орлѣ Алекс. Иванов. Черкасовъ; Кривцовъ, въ Орловс. губ.; П. С. Бобринцевъ-Пушкинъ въ Москвѣ, и т. д., до 7-ми или 8-ми, оставшихся въ живыхъ до шестидесятихъ годовъ.

Наибольшая часть читинскихъ и петровскихъ заключенниковъ на мѣстахъ поселенія принуждена была обратиться къ тѣмъ занятіямъ, которыя указывала самая дѣль поселенія. Они принуждены были заняться хозяйствомъ и въ устройствѣ его искать тѣхъ средствъ къ жизни, которыя въ тюрьмѣ доставлялись общиною, а теперь, при болѣе свободномъ состояніи, были затруднены для нихъ крупными причинами, лежащими въ основаніи ихъ первоначальнаго воспитанія. Новое общественное положеніе на поселеніи стало несравненно тяжелѣе и если бы не нравственные запасы въ тюрьмѣ, облегчавшіе до нѣкоторой степени приступы къ практическимъ занятіямъ—положеніе ихъ было бы безъисходнымъ. Сенатскій указъ 29 мая 1827 г., по представленіи бывшаго сиб. ген.-губ. Сперанскаго, позволявшій выдавать крестьянамъ изъ поселщиковъ свидѣтельства на торговлю, не распространяя этого дозволенія разъѣздовъ внѣ мѣстъ ссылки на тѣхъ, которые ей подвергнуты по приговору верховнаго уголовного суда. Правила для жизни были стѣснительны и противорѣчивы. Такъ, для отлучки далѣе 6 верстъ требовалось испрашивать разрѣшеніе изъ Петербурга и, въ то же время, дозволялось ѣздить по своей волости, которая въ иныхъ мѣстахъ тянулась въ одну сторону на 200 верстъ. Значительно облегчилось положеніе новыхъ поселенцевъ также и тѣмъ, что они поселены были по трое и даже до шести въ одномъ мѣстѣ. На этомъ взаимномъ, живомъ общеніи мыслей, а также при письменныхъ совѣщаніяхъ болѣе даровитыхъ и опытныхъ товарищей, кое-какъ улаживалась поселенческая жизнь декабристовъ. Тѣмъ не менѣе, она преисполнилась наибольшихъ затрудненій и лишений, чѣмъ даже въ самыхъ казематахъ.

Поселенные въ маленькихъ городахъ и въ большихъ селеніяхъ, всѣ взяты назначенныя имъ по закону 15 десятинъ земли и заваялись сельскимъ хозяйствомъ. Нѣкоторымъ удалось

довести свое домашнее хозяйство до высокой степени совершенства (какъ Д. И. Завалишину въ Читѣ); очень многіе, въ восполненіе лишенной городской жизни, прибѣгли къ тому способу существованія, который обезпечивался для нихъ въ Сибири скудною платою за обученіе дѣтей грамотѣ. Въ этомъ отношеніи государственные преступники принесли краю несомнѣнную и громадную пользу, поднимая уровень сибирскаго образованія значительно выше того, какой имѣется для Россіи. Особенными способностями на этомъ поприщѣ отличались между прочими: А. П. Юшневскій и А. В. Поджіо въ Иркутскѣ, Д. И. Завалишнинъ—въ Читѣ, И. Д. Якушкинъ въ Ялуторовскѣ. Послѣдній устроилъ двѣ школы (одну мужскую въ 1842 году, другую для дѣвочекъ въ 1846 г.). Обучалъ онъ въ ней дѣтей по Ланкастеровской системѣ въ теченіи 14 лѣтъ, не смотря на приваичность и доносы штатнаго смотрителя училищъ, но, благодаря снисходительности властей, эта школа успѣла приготовить не только грамотныхъ, но приготовила и учителей. Одна изъ дѣвицъ, воспитывавшихся въ школѣ, имѣла возможность поступить въ нее преподавательницею. Въ теченіи 14 лѣтъ (съ 1842 по 1856 гг.) въ школѣ, основанной И. Д. Якушкинымъ, перебывало 1.600 человекъ учениковъ. Восточной Сибири въ этомъ и другихъ отношеніяхъ посчастливилось гораздо болѣе Западной Сибири, по случайности поселенія въ ней болѣе даровитыхъ и способныхъ людей. Въ то время, когда въ Западной наибольшая часть принуждена была прибѣгнуть къ содѣяствію купцовъ и, въ качествѣ ихъ коммиссіонеровъ и приказчиковъ, изыскивать кое-какія средства для жизни,—въ Восточной Сибири дѣятельность декабристовъ явилась въ болѣе разнообразной и практической формѣ.

Въ Западной Сибири Тизенгаузенъ поселился въ Ялуторовскѣ, построилъ домъ, но домъ подожгли; онъ выстроилъ второй—его опять подожгли; выстроилъ третій, но и этотъ сожгли. Въ четвертомъ ему удалось укрѣпиться на пожарницѣ большихъ домовъ прежнихъ въ маленькомъ. Здѣсь онъ прилежно занялся садомъ и воспитывалъ такіе плоды и ягоды, которые до него никогда не созрѣвали. Онъ постоянно жаловался на слабое здоровье и бездѣльную жизнь и, въ самомъ дѣдѣ, казался поврежденнымъ въ умственныхъ способностяхъ, что примѣтно было и въ способѣ домовыхъ построекъ и въ самомъ образѣ жизни. Въ Курганѣ Назимовъ, Нарышкинъ, Лихаревъ, фонт-Бригенъ, Розенъ, Лореръ и Фохтъ получили по 15 десятинъ земли и занимались хозяйствомъ *).

*) Изъ нихъ фонт-Бригенъ, почему-то получившій право ѣхать вмѣстѣ съ товарищами на Кавказъ солдатомъ, впоследствии поступилъ пещомъ въ курганскій судъ и черезъ 10 лѣтъ получалъ первый гражданскій чинъ.

кинъ въ подспорье занятіямъ имѣлъ возможность выписать изъ Москвы дорогихъ и крѣпкихъ лошадей. Остальные товарищи передали Розену свои участки и онъ занялся хозяйствомъ, удобряя неплодородную землю золою, которую бесплатно получалъ изъ тамошнихъ мыловарень, и въ два года показалъ туземцамъ, какъ можно этимъ способомъ дѣлать землю плодородною. При помощи бесплатнаго труда помочами или утолоками, требовавшими за работу только угощенія, Розену удалось справиться со всею массою земли, хотя и не привелось извлечь изъ земледѣлія выгоды. Если онъ не получалъ барышей отъ хлѣба, не имѣющаго цѣны въ томъ плодородномъ краѣ, если ему не удалось вырастить ни картофеля ни гималайскаго ячменя, за то хозяйственные труды его съ достаткомъ вознаградили горохъ, имѣвшій цѣну на заводахъ въ посты и доставлявшій траву для корма скота. Скотоводство поддержало малоопытнаго курганскаго поселенца и доставило ему наибольшія выгоды. Жена ему во всемъ помогала: пекла и варила кушанья для приходившихъ на „утолки“, заготовляла пиво, закупала кедровые орѣхи для дѣвухекъ, угощала виномъ. Въ Олонкахъ, близъ Александровскаго завода и въ 8-ми верстахъ отъ Иркутска, Влад. Федос. Раевскій на особыхъ грядкахъ и безъ излишнихъ хитростей воспиталъ арбузы. Съ его примѣра и подъ его руководствомъ заводскія бабы воспитаніе арбузовъ превратили въ промыселъ: теперь на иркутскомъ базарѣ арбузъ стоитъ 10—50 коп., тогда какъ прежде оражерейные продавались отъ 5—10 р. ассиг. за штуку. Предубѣжденіе сибиряковъ исчезло. Остаткомъ отъ прихода поселенцы дѣлились съ неимущими. Эта сторона характера наиболѣе рельефно выдавалась надъ всѣми другими и матеріальная помощь доставила помогавшимъ всеобщее уваженіе, которое перешло и въ потомство. Имя благодѣтелей этихъ стало народнымъ преданіемъ. Дѣятельность ихъ въ этомъ отношеніи не имѣла предѣловъ: съ равнымъ участіемъ и готовностью выходили они съ помощью и къ свободнымъ несчастнымъ и къ ссыльнымъ; въ Ялutorовскѣ, у почтоваго двора ссыльныхъ поляковъ, привозимыхъ въ нерчинскіе рудники, встрѣчали жившіе въ этомъ городѣ декабристы и спѣшили повидаться, чтобы утѣшить и успокоить напустственными совѣтами. Въ Петровскомъ заводѣ Ив. Ив. Горбачевскій приспособлялъ свои благотворенія къ лучшимъ изъ поселенцевъ тѣмъ, что выстраивалъ домики, высматривалъ добродѣтельнаго и стоящаго изъ ссыльныхъ, выходившихъ на пропитаніе, бралъ его къ себѣ (иногда двухъ и трехъ вмѣстѣ), подъ видомъ личныхъ услугъ, но собственно на испытаніе. Если послѣдніе задавались, выборъ былъ удаченъ, Иванъ Ивановичъ, убѣдив-

шись въ честныхъ правилахъ поселенца, передавалъ ему домикъ въ собственность, самъ для себя строилъ другой, третій до десятаго; эту десятую хатку, на нашъ прїѣздъ въ январѣ 1861 года, онъ приготовилъ также для исправившихся ссыльныхъ. Занимался онъ исполненіемъ различныхъ не крупныхъ подрядныхъ лѣсныхъ работъ для завода. Въ среднѣхъ шестидесятихъ годовъ онъ скончался мировымъ посредникомъ, среди всеобщаго уваженія. Такъ дѣйствовали недостаточные. Въ Тобольскѣ богатые сумѣли организовать даже цѣлое благотворительное общество, оставившее самыя яркія слѣды въ преданіяхъ и оказавшее несомнѣныя заслуги тамошнему населенію. Наталья Дмитриевна Фонвизина, съ молодымъ лѣтъ отличавшаяся набожностью, въ арѣныхъ лѣтахъ эту религіозность примѣнила въ Тобольскѣ исключительно къ дѣламъ христіанскаго милосердія. Съ помощью Прасковьи Егоровны Анненковой, она успѣла дѣла благотворенія поставить на широкую ногу (участіе послѣдней весьма памятно также и тѣмъ ссыльнымъ „петрашевцамъ“, которыхъ провезли въ Нерчинскъ черезъ Тобольскъ въ 1849 году). О благотворительности Ватенкова въ Томскѣ мы имѣли случай рассказать. Среди трудныхъ опытовъ опытовъ личнаго обезпеченія хозяйственными трудами поселенцы не покидали науки и, по мѣрѣ силъ, старались служить ея интересамъ. И. Д. Якушкинъ устроилъ въ Ялutorовскѣ гальванической аппаратуры и весьма удачно занимался гальванопластикой. Онъ же содѣйствовалъ много къ развитію научныхъ свѣденій о физикѣ и механикѣ въ самоучкѣ-мѣшанинѣ Росмановѣ, который подъ руководствомъ И. Д. устроилъ электрическую машину, гальваническую бузеновскую батарею, пружинный термометръ, гигрометръ, вязальной работы стѣнные часы и вѣтроумѣръ, заказанный руководителемъ. Много времени Ив. Дм. истратилъ на переписку своего огромнаго труда „Учебникъ географіи“, составленный по особому плану, и имѣлъ возможность составить гербарій ялutorовской флоры.

Въ Восточной Сибири также значительная часть государственныхъ преступниковъ, при поступленіи на поселеніе, принуждена была для своего прощтанія выпросить себѣ законный надѣлъ 15-ти десятинъ земли. Бесчашовъ въ Смоленщинѣ—селеніи на рѣкѣ Ушаковкѣ (впадающей въ Ангару въ Иркутскѣ) приспособилъ впервые опыты посѣвовъ конопли—продукта своей плодородной родины (Малороссія), и добился тѣхъ результатовъ, что въ настоящее время вся Смоленская волость—одна изъ самыхъ производительныхъ мѣстностей подъ Иркутскомъ, воздѣлывающая пеньку въ большомъ количествѣ. Онъ же, въ компаніи съ однимъ изъ образованнѣйшихъ и дѣятельныхъ сибирскихъ купцовъ (покойнымъ Андреемъ Ва-

сильевичем Вѣлоголовымъ) устроилъ маслобойку и Сибирь впервые увидѣла свое мѣстное масло, не привозное черезъ всю Сибирь изъ Ирбита и Россіи. Между сельскими хозяевами Восточной Сибири наиболѣе выдѣлились братья Бестужевы (Н. А. и М. А.), поселившіеся около г. Селенгинска. Въ особенности замѣчательна была дѣятельность старшаго брата (Ник. Алек.). „Хотѣли было завести мельницы, приобрѣти въ собственность при домѣ толчею, бывшую при кожевенномъ заводѣ, но отложили до времени; задумались было надъ восстановленіемъ самой кожевни, но дознались, что какъ ни велико селингинское скотоводство—Кяхта поглощаетъ всѣ кожи на обшивку чаевъ и платить за нихъ очень дорого, такъ что выдѣлка становится очень дорога для заводчика, обязаннаго покупать кожи кяхтинскою цѣною“. Забайкальскія кожевни Бестужевыхъ (и Колесова) шли до тѣхъ поръ, пока тарскіе, тюменскіе и кунгурскіе заводы не рассчитали, что ихъ кожи и съ провозомъ будутъ отправляться за границу дешевле забайкальскихъ. Какъ скоро опытъ былъ сдѣланъ и оправдалъ расчетъ, кожи Западной Сибири пробили себѣ вѣрную дорогу на востокъ и въ Китай. „Съ тѣхъ поръ наши заводы упали (пишетъ Н. А. Бестужевъ). Осталось для насъ земледѣліе и скотоводство“. Зуевская падь (долина), доставшаяся Бестужевымъ, отъ неправильнаго народнаго хозяйства пришла въ то состояніе, что новые поселенцы принуждены были прибѣгнуть къ искусству и, съ помощью его, успѣли сохранить на землѣ траву и получить отличныя пастбища для скота. Овцеводство оказалось самымъ выгоднымъ занятіемъ по хозяйству вслѣдствіе требованій китайцами забайкальской мерлушки предпочтительно передъ русскою. Весною, послѣ жестокихъ зимъ, у мѣстныхъ хозяевъ, послѣ недостаточнаго зимняго корма, овцы, переходя на траву, падали цѣлыми станами отъ насморковъ, новосовъ, и катарровъ, у Бестужевыхъ же и Торсона, къ удивленію всѣхъ, стадо уцѣлѣло по простой причинѣ заготовленія сѣна, какъ красугольнаго камня, на которомъ зиждется основаніе хозяйства. Стадо товарищей состояло изъ 300 барановъ; въ хозяйствѣ, сверхъ того, находились 4 лошади и 2 коровы. На пастбищѣ поставлена была маленькая избушка съ овчарнинами (чтобы не держать овецъ въ городѣ при домѣ, что, по расчетамъ, не приносило никакой выгоды); туда переселился даровитый хозяинъ и жилъ философомъ, пасъ овецъ и заготавливалъ сѣно для ихъ поддержанія, а не для содержанія всего скота (какъ дѣлали рутинные хозяева). Хлѣбъ у нихъ былъ свой и свой домъ, купленный въ долгъ, но рационально веденное хозяйство дало возможность вскорѣ заплатить долгъ. Другимъ многочисленнымъ

затѣямъ, на которыя былъ такъ скоръ и богатъ многосторонній умъ Н. А., обогащенный обширными свѣденіями, помогли сестры (Елена и Марья Алек., вскорѣ пріѣхавшія изъ Россіи и по смерти матери переселившіяся къ братьямъ въ Селенгинскъ *). Торсонъ въ это же время знакомилъ туземцевъ съ улучшенными хозяйственными машинами, поставилъ мельницу и устроилъ молотилку. Торсоновская мельница и конная молотилка съ веревочнымъ приводомъ, требовавшая одной только лошади, потребовали двухъ для приведенія машины въ дѣйствіе; Н. А. Бестужевъ долго задумывался надъ такою разностью и, предположивъ, что приводная веревка очень тонка и много растягивается (черезъ что лошадь терала часть своей силы), приспособленіемъ толстой бичевы устранилъ погрѣшность. М. А. Бестужевъ придумалъ двуколку, удобную для повозокъ по горнымъ дорогамъ, и завѣщалъ ее въ повсемѣстное употребленіе туземцамъ подъ именемъ „сидѣйки“. До сихъ поръ подобныя сидѣйки пользуются такимъ же предпочтеніемъ по всему гористому Забайкалью, какъ знаменитая долгуша по всему востоку Россіи. Въ то же время Н. А., въ свободныя часы отъ хозяйственныхъ занятій, занимался приготовленіемъ астрономическихъ часовъ безъ компенсациі, выработкою самаго вѣрнаго хронометра, надъ которымъ и производилъ пробы въ чуднѣй высокою и низкою температурою. Забѣщавъ флоту, еще во время службы на немъ, способъ значительнаго упро-

*) Когда въ 1848 г. сестры Бестужевыхъ пріѣхали въ Селенгинскъ, все населеніе города вышло къ нимъ на встрѣчу. Пріѣзжія съ большими усиліями могли пробиться сквозь густую толпу въ объятія братьевъ, выбѣжавшихъ къ нимъ на встрѣчу. Въ лицѣ одной изъ сестеръ братьевъ Бестужевыхъ (Еленѣ Александровнѣ) является новый благодѣтельный геній, дополняющій цѣлѣ тѣхъ, о которыхъ мы уже имѣли случай рассказать выше. Съ молодыхъ лѣтъ, когда она потеряла пятерыхъ братьевъ, она заступилась ихъ мѣсто для младшихъ сестеръ и больной матери. Любовь къ братьямъ Ел. Алек. сначала выразила свиданіями и посѣщеніями ихъ, не смотря на массу препятствій, въ страну изгнанія посылала все необходимое, исполняла всѣ порученія. Для брата Александра (Бестужева-Марлинскаго) она была комиссіонеромъ во вѣхъ его авторскихъ сношеніяхъ со Смирдинымъ и другими издателями; для лишившагося разсудка брата Павла она испросила прошеніе и вмѣстѣ съ ролью страдальцы, приняла на себя заботы о послѣдующей судьбѣ его. Когда Елена Александровна похоронила братьевъ и мать, когда исполнилась ей миссія въ Россіи, она распродала все свое и съ двумя сестрами поѣхала въ Сибирь отдать свою жизнь, любовь и силы думъ остальнымъ братьямъ, оставшимся въ живыхъ, и какъ бы для того, чтобы закрыть глаза на вѣки еще одному, кровному другу. «Отрадно быть братомъ этой души высокой», справедливо говорить въ одномъ изъ своихъ писемъ А. А. Бестужевъ-Марлинскій объ этой «хлопоталъ-ницѣ за всѣхъ», объ этомъ «образцѣ сестеръ».

щенія въ уборкѣ и вооруженіи корабля *), онъ намѣревался снабдить еще астрономическими часами и хронометромъ съ самою ничтожною девіаціею. „Одно желаніе быть полезнымъ бѣднымъ мореходцамъ, которые не въ состояніи платить по 2 и 4 тысячи за хронометры, а отъ того самага на половину, а можетъ быть, и болѣе гибнуть, не имѣя вѣрнаго счисленія—руководило Н. А. Вестужевымъ. Онъ хотѣлъ, чтобы хронометръ, по большей мѣрѣ, стоилъ не болѣе 300 или 400 руб. асс., и для этого придумывалъ самое простое устройство. Онъ былъ уже близокъ къ осуществленію мысли. Онъ разобралъ хронометръ въ послѣдній разъ, но смерть прекратила работу и разобраннаго хронометра ни одинъ механикъ, не обладающій секретомъ изобрѣтателя, собрать не могъ. Одни часы ходили у него уже четыре года хорошо; другіе выдержали въ чуланѣ двѣ жестокия зимы, идучи не останавливаясь, и хотя оуточное измѣненіе, при замерзаніи ртути, не превышало 4", однако, изобрѣтатель оставался ими недоволенъ и сталъ добиваться суточной разности въ десятихъ доляхъ секунды. Отличный портной, башмачникъ, столяръ—онъ былъ хорошимъ слесаремъ, рисовальщикомъ; имъ написанъ для селенгинскаго Покровскаго собора для царскихъ дверей масляными красками образъ Благовѣщенія. Онъ написалъ очень много статей и книгу „Записки моряка“, сочиненіе съ крупными литературными достоинствами. Домашніе опыты надъ неудачными печами привели его къ изобрѣтенію такой печи, которая поразила своею практичностью лучшаго знатока этого дѣла, извѣстаго архитектора И. И. Свѣзева. Вестужевская печь при 30° Р. морозу при 15 футахъ дровъ сохранила на другое утро тепла еще 10°; 30 футовъ, при той же температурѣ, въ продолженіи дня почти не давали дотрогиваться и печь сохранила 15°. Когда у всѣхъ валялись трубы и трескались печи, у Вестужевыхъ оказались экономическія, невиданнаго и незнаемаго устройства **). Состоя и на поселеніи и живя на свободѣ, товарищи не переставали сноситься другъ съ другомъ и оказывать другъ другу услуги и совѣтомъ и дѣломъ. Намъ удалось читать интересную переписку Дм. Ир. Завалишина съ Н. А. Вестужевымъ. У Н. А. спрашивалъ совѣтовъ относительно

*) Вестужевскій способъ давалъ просторъ командѣ и сокращалъ издержки. Впервые примененъ былъ этотъ способъ при вооруженіи корабля «Эмгейтена».

***) Огонь пропускался изъ горнила вверхъ, оттуда оборотами внизъ и потомъ снова оборачивался колодцемъ кверху; такимъ образомъ, труба приходилась надъ этимъ послѣднимъ колодцемъ, вопреки общимъ приемамъ сибирскихъ печниковъ. Устройство печи стало проще и дешевле. «Самъ я былъ и семь бѣденъ,—говаривалъ Н. Ал.:—а потому знаю, каково бѣднякамъ на свѣтѣ».

разведенія дынь и арбузовъ читинскій товарищъ его, Д. И. Завалишинъ, самъ отличный хозяинъ и садовникъ, и получалъ цѣлыя тетрадки практическихъ совѣтовъ, основанныхъ на опытныхъ успѣхахъ удачнаго приспособленія. Въ свою очередь, Н. А. Вестужевъ просилъ Д. И. Завалишина прислать теоретическія формулы высшихъ вычисленій математики для оправданія и научнаго основанія своихъ практическихъ соображеній. Сооружая парники и возвращая на изученіе другимъ арбузы, дыни и китайскіе огурцы, Н. А. Вестужевъ не покидалъ научныхъ опытовъ и, между прочимъ, воспользовавшись вулканическою мѣстностью Селенгинска, производилъ опыты надъ направленіемъ землетрясеній частыхъ, хотя и незначительныхъ. Онъ повѣсилъ на проволоку 20-фунтовое ядро со шпилькою внизу, которая, будучи опущена концомъ въ ящикъ съ мелкимъ пескомъ, при каждомъ землетрясеніи чертила его направленіе, и затѣмъ шель къ выводамъ и къ улучшенію самага инструмента. Хозяйство не задавалось долгое время по причинѣ постоянныхъ засухъ, преслѣдовавшихъ начинанія и заставлявшихъ выходить изъ границъ должныхъ экономій. Выпросивъ себѣ позволеніе (въ 1840 г.) на разъѣзды по округу (въ Кяхту, Верхнеудинскъ и Петровскій заводъ), даровитый Вестужевъ нашелся въ томъ, что въ Кяхтѣ сталъ заниматься живописью за деньги. Деньги употреблялъ на поддержку упавшаго хозяйства, полагая про себя, что „остановиться въ хозяйствѣ—все равно, что бросить его совсѣмъ“. Съ такимъ человекомъ разнымъ несчастьямъ бороться было мудрено.

На поселеніи, само собою разумѣется, литературныя занятія, столь любимыя въ казематѣ, многими оставлены не были, но наступила пора разочарованія, строгаго отношенія къ себѣ—этихъ честныхъ порывовъ самосознанія, въ которыхъ слѣдуетъ искать причинъ тому, что многіе литературные труды декабристовъ не появились на свѣтъ, „погрузились въ Лету“, какъ выразился одинъ изъ нихъ. Къ этому примѣшивалось еще воспрещеніе публиковать свои сочиненія: поселенцы по закону не имѣли этого права. Во взаимной товарищеской перепискѣ мы не разъ выслушивали эту грустно-настроенную и безъ раздраженія ноту трезваго, спокойнаго отношенія къ себѣ. Многіе высказывались такими откровенными исповѣдями: „Въ 25 лѣтъ тюремной нашей жизни свѣтъ очень далеко подвинулся впередъ и мы остановились на одномъ мѣстѣ. Ни по языку, ни по интересу изложенія, ни по скудости фактовъ записки (одного изъ товарищей) не могутъ увлечь публику; а въ теперешнюю эпоху одно увлеченіе и можетъ играть роль. Тяжело, а должно было ему дать понять и приготовить его къ неудачѣ. Кажется, онъ согласился, если не измѣ-

нилъ своихъ мыслей послѣ“ и проч. „Сколько событій совершилось въ 30 лѣтъ, что мы сошли со сцены свѣта (пишетъ другой) и сколько еще совершится неожиданнаго до нашей смерти! Теперь мы въ 5 лѣтъ болѣе проживаемъ, нежели прежде во сто“. „У меня теперь сохранились черновыя трехъ повѣстей (сознается третій), но онѣ уже потеряли цѣну современнаго колорита“. Устоялъ на своихъ литературныхъ занятіяхъ больше другихъ А. А. Бестужевъ (Марлинскій) и успѣлъ въ свое время воспользоваться, какъ извѣстно, неслышаннымъ до того времени литературнымъ успѣхомъ при крупномъ и несомнѣнномъ влияніи на читающую русскую публику. Онъ имѣлъ возможность литературнымъ гонораромъ помогать братьямъ и отложить 50 тыс. руб. асс. въ банкъ.

Товарищи изъ богатыхъ, поселившіеся близъ Иркутска, благодаря своимъ столичнымъ связямъ, привлекли къ себѣ вниманіе одного изъ губернаторовъ Восточной Сибири. По указаніямъ первыхъ удалось послѣднему отмѣтить для своей дѣятельности не одинъ слабый пунктъ, требовавшій ремонтъ или капитальныхъ перестроекъ. Вліянію иркутскихъ поселенцевъ не мало обязана Восточная Сибирь въ преобразованіяхъ, затѣянныхъ энергическимъ дѣятелемъ; и эта служба ссыльныхъ памятна мѣстному населенію и передается подробно и охотно всѣмъ желающимъ про то слышать и вѣдать. Эта заслуга тѣмъ болѣе важна была въ Сибири—странѣ, гдѣ злоупотребленія всякаго рода превосходили мѣру вѣроятія. Со всѣхъ сторонъ неслись жалобы на угнетеніе и молебны о пощадѣ. Не одинъ Селенгинскъ, избавленный отъ притѣсненія кляузнаго и безсердечнаго городничаго, но и многія другія мѣстности почувствовали на себѣ участіе людей высоко образованныхъ, возбудившихъ уваженіе мѣстныхъ властей и хорошо успѣвшихъ познакомиться со страной, пріютившею ихъ, и съ людьми, встрѣтившими ихъ съ любовью и гостепримно. Тѣми же административными заслугами отблагодарилъ глѣбосольному и гостепримному краю другой товарищъ декабристовъ, отличавшійся наибольшими свѣденіями о краѣ въ томъ же Забайкальѣ, гдѣ онъ началъ ссыльную жизнь, но продолжалъ долгое время и свободную. Когда Чита назначена была областнымъ городомъ, Д. И. Завалишинъ приложилъ не мало труда, заботъ и личныхъ способностей къ ея устройству при новомъ назначеніи; опытные совѣты его, основанные на знаніи тамошняго народа, у всѣхъ на глазахъ (при первомъ забайкальскомъ наказномъ атаманѣ Запольскомъ) превращались въ живое дѣло при устройствѣ области и казачьяго быта. Ему же удалось сдержатъ безразсчетныя увлеченія при заселеніи Амурскаго края, вновь пріобрѣтннаго, и прежде всѣхъ опредѣлить настоящее его значеніе далеко не

въ смыслѣ обѣтованнаго рая, въ чемъ саялись увѣрять общество мѣстные поэты, призванные и не призванные. Гораздо позднѣе, когда по случайности, этой сибирской общественной службѣ положенъ былъ предѣлъ, Д. И. Завалишинъ, на мѣстѣ иной своей дѣятельности (въ Москвѣ), не перестаетъ дѣлиться запасомъ образованія, опытности и энергіи въ разнообразныхъ дѣлахъ благотворенія, отъ вспоможенія бѣднымъ до обрученія немущихъ, независимо отъ тѣхъ порученій, которыя возлагаетъ на него довѣріе разныхъ ученыхъ обществъ. Долгое время онъ состоялъ членомъ и секретаремъ московскаго комитета грамотности и проч.

Вотъ съ какою просьбою обращался М. А. Бестужевъ къ С. Г. Волконскому, жившему въ Иркутскѣ: „Вамъ, можетъ быть, извѣстно, что за низкая креатура нашъ городничій, назначенный къ намъ въ градоначальники изъ жалкаго солловія иркутскихъ квартальныхъ... Онъ далъ торжественное обѣщаніе намъ и всѣмъ гражданамъ нашего города жить миролюбиво, но снова началъ низкое поприще кляузъ (приводятся примѣры). Мы теперь такъ стѣснены, что не имѣемъ права перестроить бани или поставить новый курятникъ безъ разрѣшенія иркутской строительной комиссіи, мы, которые живемъ внѣ всякаго гражданскаго міра, въ стѣни, въ притыкѣ неприступныхъ горъ... Если вы будете имѣть возможность представить все это на видъ г. губернатору, то я свидѣтельствую о благодарности всѣхъ нашихъ согражданъ, ежели избавите городъ отъ этой авы, отравляющей нашу атмосферу“. На письмо это послѣдовалъ отвѣтъ: „Сдѣлано распоряженіе къ освобоженію Селенгинска отъ городничаго, что и будетъ сдѣлано въ теченіи не болѣе двухъ недѣль, черезъ что городъ можетъ быть спокоенъ“.

Н. А. Бестужевъ пишетъ къ Д. И. Завалишину (20 мая 1852 года): „Матушка Торсона имѣетъ теперь 88 лѣтъ отъ роду и получаетъ пенсію въ 325 руб. асс. послѣ покойнаго мужа. Пенсія эта переходитъ на дочь послѣ ея смерти. Сверхъ того, онѣ обѣ получаютъ ежегодно вспомошествованія 500 руб. асс. Но этой помощи далеко для ихъ существованія недостаточно, особенно потому, что болѣзненное состояніе покойнаго повлекло ихъ въ долги и разстроило кое-какъ заведенное хозяйство. Сверхъ того, постоянные неурожаи въ продолженіи 14-ти лѣтъ до прошедшаго года были раззорительны для всѣхъ сельскихъ хозяевъ, а для нихъ еще болѣе по недостатку нужной мужской помощи. Нынѣ же, по увеличивающемуся здѣсь военному народонаселенію, цѣны на все удивительно какъ возвысились. Вотъ вератцѣ тѣ нужды, которыя представляются на благоусмотрѣніе великодушію его п—ва (Запольскаго). Къ этому прибавить должно, что желательнѣе очень, чтобы земля, отвѣденная покойному, осталась за его

матушкою и сестрою. Я упоминаю объ этомъ потому, что въ указѣ о надѣленіи насъ землею сказано, что это дѣлается по примѣру государственныхъ крестьянъ, а какъ у нихъ земли, по согласію мірскому, у вдовъ не отбираются, если всѣ на то согласны, то, кажется, и въ этомъ случаѣ можно поступать такимъ образомъ“.

Отъ 22 апрѣля 1854 г.: „Я не перестаю тебя беспокоить своими письмами, но что же дѣлать? Бѣдный здѣшній народъ такъ напуганъ прежде бывшими здѣсь алоупотребленіями, что думаетъ и теперь безъ покровительства чьего нибудь нельзя никакого дѣла сдѣлать“ (слѣдуетъ просьба о рекрутѣ при сдачѣ).

Въ письмѣ отъ 27 окт. 1853 г. просьба о томъ же, но для новаго лица. Въ письмѣ отъ 11 окт. 1854 г. „Старинный нашъ знакомый Хамба-Лама (толстякъ) непремѣнно хотѣлъ имѣть отъ меня къ тебѣ письмо, чтобы возобновить съ тобою знакомство, ежели вы были знакомы, и познакомиться, ежели не были. Какъ я ни увѣрялъ его, что это вовсе не нужно для такого предмета (на поѣздку Хамба-Ламы—главнаго ламы бурятскаго, въ Читѣ), но азіатцы крѣпко вѣруютъ во всякій доскутокъ бумаги болѣе, нежели самымъ убѣдительнымъ словамъ, и вотъ по этому случаю снова беспокою тебя этимъ посланіемъ. Я всю эту зиму прохворалъ; пришла и моя очередь состарѣться и припадать къ постелѣ. Меня оживили добрыя извѣстія о славныхъ дѣлахъ нашихъ моряковъ, но горизонтъ омрачается. Не знаю, удастся ли намъ справиться съ англичанами и французами вмѣстѣ, но крѣпко бы хотѣлось, чтобы наши поколотили этихъ вѣроломныхъ островитянъ за ихъ подлую политику во всѣхъ частяхъ свѣта. Надобно поскорѣе занимать Сахалинъ и ближайшіе къ нему берега, а иначе англичане влезутъ къ намъ въ карманъ. Будемъ ждать, что будетъ, а будетъ то, что Богъ дастъ—сказалъ Богданъ Хмѣльницкій. Жаль только, что новости до насъ достигаютъ только тогда, какъ на мѣстѣ, гдѣ онѣ происходили, все уже пережилось или давно уже сдѣлалось старинною“.

Еще письмо отъ 28 дек. 1840 г., съ отвѣтомъ на запросы Д. И. Завалишина о разведеніи дынь,—совѣты, обличающіе опытнаго хозяина и изложенные въ такой упрощенной формѣ, что такъ рѣдко пишутся для практическихъ хозяйствъ книги.

Въ письмѣ отъ 27 окт. 1853 года онъ же (Н. А. Бестужевъ) пишетъ къ Д. И. Завалишину: „Покойный Рупертъ выхлопоталъ для нашего стараго города (Селенгинска) позволеніе переселиться на другой берегъ Селенги и далъ этому новому городу гербъ: феникса, возникающаго изъ своего пепла. Теперь, когда нашъ фениксъ состарѣлся, не достигши зрѣлаго возраста, и даже умираетъ, думаю, что гербъ этотъ приличнѣе бы было перенести на вашу

Читѣ. Я слышалъ, что точно читинскія развалины устраиваются прекраснымъ городомъ. Не будешь ли и ты строить себѣ новаго дома?.. Прошу не забывать меня старика (я крѣпко состарѣлся)“ проч.

Конечно, нѣтъ ничего, можетъ быть, труднѣе, какъ прослѣдить во всѣхъ сферахъ и представить въ наглядныхъ фактахъ то полезное вліяніе, какое имѣли такъ называемые декабристы на Сибирь; но что оно было и неизбежно должно было имѣть мѣсто,—это несомнѣнно. И мы очень рады, что прежде, нежели сообщимъ факты, намъ лично сдѣлавшіеся извѣстными, мы можемъ привести здѣсь извѣстное свидѣтельство Е. П. Ковалевскаго о декабристахъ (изъ его извѣстнаго сочиненія „Графъ Влудовъ и его время“ *).

Мы узнали декабристовъ уже въ то время, когда они, искупивъ свои заблужденія тяжелымъ испытаніемъ, жили на поселеніи, распространяя добро между окрестными жителями; или своими знаніями, особенно въ техническомъ отношеніи, или тѣми ограниченными матеріальными средствами, которыя иные изъ нихъ имѣли,—уважаемые и пользовавшіеся довѣріемъ и свободою.

Что же касается до тѣхъ фактовъ, которые стали извѣстны намъ лично, то остановимся, по крайней мѣрѣ, на слѣдующихъ.

Для всѣхъ мѣстныхъ жителей, непосредственно заинтересованныхъ въ дѣлѣ, не было разумѣется никогда тайною, что въ Петровскомъ заводѣ существовала въ казематѣ большая школа, гдѣ дѣти мѣстныхъ жителей, начиная отъ достаточныхъ чиновниковъ до неимущихъ ссыльныхъ, получали, соотвѣственно потребностямъ cadaго, приличное образованіе, начиная отъ высшаго классическаго до начального и ремесленнаго; такъ что между тѣмъ, какъ, напр., Завалишинъ преподавалъ греческій и латинскій языки дѣтямъ духовнаго званія, приготовляя ихъ въ семинарію, Н. А. Бестужевъ и другіе обучали иныхъ дѣтей столлярному, слесарному, портному, сапожному и проч. ремесламъ: тогда какъ одни изъ дѣтей чиновниковъ приготовлялись для поступленія въ высшія учебныя заведенія, другія дѣти обучались грамотѣ, но, разумѣется, по усовершенствованнымъ методамъ и проч.

*) Кроме того, есть еще одно обстоятельство, особенно характеризующее декабристовъ и подтвержденное общимъ свидѣтельствомъ это—совершенное отсутствіе озлобленія противъ судьбы и людей. Въ этомъ отношеніи декабристы не были похожи на революціонеровъ другихъ странъ и не держались никогда правила: «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше» и «все худо, что дѣлается на волѣ». Совершенно напротивъ, они брались вездѣ исправлять зло, быть полезными вездѣ, гдѣ бы ни были невольно закинуты судьбою, содѣйствовать добру, хотя бы оно дѣлалось не черезъ нихъ.

Поводомъ къ учрежденію школы была необходимость составлять хоръ пѣвчихъ для заводской церкви. И вотъ, сначала стали обучать дѣтей пѣнію, потомъ явилась необходимость для лучшаго обученія самому пѣнію поучить дѣтей грамотѣ и т. д.—остальное пришло постепенно само собою. При совершенномъ отсутствіи въ заводахъ другихъ средствъ къ образованію, особенно въ приготовленіи къ высшему для дѣтей чиновниковъ, комендантъ вынужденъ былъ уступить неотступнымъ просьбамъ родителей дозволить поучить дѣтей въ казематѣ, что для бѣдныхъ имѣло еще и то значеніе, что учившихся въ казематѣ дѣтей кормили тамъ и одѣвали. До того времени комендантъ отдѣлывался своими завѣтнымъ и неизмѣннымъ „не могу“ и, разрѣшивъ хоръ пѣвчихъ, сначала дозволялъ учить только читать. Пѣнію учили П. Свистуновъ и Н. Крюковъ, а грамотѣ два брата Бестужевыхъ.

Надо замѣтить, что обученіе дѣтей въ казематѣ выдавалось рѣзко двумя особенно благотворными для нихъ послѣдствіями. Первое было то, что прежде въ учебныхъ заведеніяхъ въ Россіи, куда отвозились иные дѣти для высшаго образованія, было предубѣжденіе противъ дѣтей Забайкальскаго края, относящее неуспѣхъ ихъ въ наукахъ къ недостатку у нихъ способностей, тогда какъ это было просто слѣдствіемъ только плохой подготовки. Когда же былъ представленъ въ первый разъ въ одно изъ высшихъ заведеній въ Петербургъ воспитанникъ казематской школы, то онъ такъ удивилъ экзаменаторовъ и объемомъ и отчетливостью своего знанія, что экзаменаторы любопытствовали узнать, гдѣ и кѣмъ онъ могъ быть такъ приготовленъ. Предсѣдательствовавшій при экзаменѣ начальникъ, который лично бывалъ въ Петровскомъ заводѣ и самъ зналъ секретъ, остановилъ любопытствующихъ, сказавъ имъ: „Господа! наше дѣло оцѣнить его знанія, а не допытываться, откуда онъ ихъ получалъ“.

Другая выгодная сторона казематскаго обученія заключалась въ томъ, что даже и тѣ, кому выпадала скромная доля вещественнаго труда, уважали свое занятіе, хотя по развитію умственному, вслѣдствіе полученнаго въ казематѣ образованія, могли бы имѣть притязаніе на родъ дѣятельности, считающейся обыкновенно вышею. До какой степени эта цѣль была достигнута, можно судить по слѣдующему примѣру. Много, десятки лѣтъ спустя послѣ того, какъ съ отъѣздомъ послѣднихъ декабристовъ изъ Петровскаго завода прекратилось существованіе школы въ казематѣ, одинъ изъ рабочихъ, получившихъ и ремесленное и грамотное образованіе въ казематѣ, узнавъ изъ газетъ о пребываніи Завалишина въ Москвѣ, писалъ къ нему въ Москву и благодарилъ

его за то уваженіе, которое вселили ему къ труду. Онъ говорилъ, что вотъ онъ давно уже женатъ, имѣетъ дѣтей, что Богъ благословилъ его достаткомъ такъ, что онъ въ состояніи не только давать образованіе дѣтямъ, но и выписывать книги и даже газеты и журналы, но что при всемъ этомъ онъ не покидаетъ, однако же, своего тяжелаго (кузнечнаго) ремесла и старается внушить и дѣтямъ такое же уваженіе къ труду, какое умѣли внушать и ему въ казематѣ. И конечно, примѣръ людей высшаго происхожденія и образованія, не пренебрегавшихъ никакимъ ремесломъ, никакимъ телеснымъ трудомъ, лучше всего дѣйствовалъ на людей, чтобы и въ ихъ глазахъ облагородить тотъ трудъ, на который привыкли смотрѣть только, какъ на тяжелую и часто безотраднѣю пошу.

То же дѣло образованія во всѣхъ его видахъ и распространеніе уваженія къ труду нагляднымъ доказательствомъ собственнаго примѣра продолжали декабристы, когда расселись по всему пространству необъятной Сибири. Вездѣ заводились школы, вездѣ бѣдные получали образованіе бесплатно; вездѣ являлся примѣръ рациональной хозяйственной дѣятельности, до тѣхъ поръ почти неизвѣстной въ Сибири. Вездѣ представлялся контрастъ дѣловой жизни высшаго происхожденія и образованія людей съ невѣжествомъ и пустымъ препровожденіемъ времени большей части достаточныхъ выскочекъ и даже крупныхъ чиновниковъ. Декабристы являлись вездѣ лучшими и практическими дѣятелями, лучшими наблюдателями и знатоками края, тѣмъ мѣстные старожилы; всегда дѣятельными, не тяготящимися никакимъ занятіемъ и облагораживающимъ всякое. Всѣ видѣли, напр., въ Читѣ, что одно и то же лицо (Завалишинъ) обучало и высшимъ предметамъ учениковъ, готовившихся въ высшіе классы высшихъ учебныхъ заведеній, и не тяготилось обучать грамотѣ самыхъ маленькихъ дѣтей, доставляя этимъ самымъ уваженіе и всякому другому лицу, посвящавшему себя на тяжелый трудъ начальнаго преподаванія.

У него и мальчики и дѣвочки, и дѣти чиновниковъ и крестьянскія дѣти, учились иностраннымъ языкамъ и по латынѣ; и дѣвочки кончали геометрію, тригонометрію, алгебру и всѣ получали понятія о механикѣ, физикѣ и химіи. Но, въ то же время, крестьянскія дѣти отпускались на полевые работы въ деревни, о которыхъ по возвращеніи должны были давать обстоятельный отвѣтъ, а городскія дѣти должны были работать въ огородѣ и всѣ знать средства разведенія и приготовленія лекарственныхъ растений. Его ученики нерѣдко бывали первыми въ корпусѣ, а ученицы первыми въ институтѣ. Далѣе: всѣ видѣли въ образцовомъ хозяйствѣ Д. Ир. въ Читѣ, хозяйствѣ.

изумлявшем своимъ совершенствомъ не только мѣстныхъ жителей, но и прїѣзжихъ изъ Россіи, вполнѣ знакомыхъ съ рациональнымъ хозяйствомъ, всѣ видѣли наглядное доказательство, что не только не существуетъ никакого антагонизма между теоретическимъ знаніемъ и практическимъ искусствомъ, но что, напротивъ, соединеніе того и другого могучимъ образомъ содѣйствуетъ и тому и другому. Прїѣзжіе видѣли одного и того же человѣка, одинаково плодотворно занимавшагося и высшими предметами человѣческаго вѣденія, и самыми тяжелыми работами хозяйственнаго труда, отъ сохи и косы въ полѣ, отъ обработки огорода и ухода за скотоводствомъ до постройки обраццоваго дома *), до всѣхъ подѣлокъ и исправленій плотничныхъ, столярныхъ, слесарныхъ и проч. по дому. Потому и должны были по неволѣ всѣ вѣрить, что разумная теорія всегда бываетъ плодотворна и въ практическомъ приложеніи, а разумная практическая дѣятельность, точность наблюденія, личный практической опытъ, даютъ единственный надежный матеріалъ для правильныхъ выводовъ и теорій.

Если мы перейдемъ теперь къ чисто нравственной дѣятельности, въ видѣ пособія, нравственной поддержки совѣтомъ и утѣшеніемъ, защитѣ и проч., то тутъ вліяніе декабристовъ въ Сибири является и еще въ болѣе очевидномъ и благоприятномъ свѣтѣ. Независимо отъ врачебнаго и всякаго другого рода пособія, отъ посѣщенія больныхъ и страждущихъ, декабристы являлись защитниками народа противъ злоупотребленій администраціи двоякимъ дѣйствіемъ: или представительствомъ высшей администраціи, которая всегда могла смѣло положиться на добросовѣстное ихъ указаніе, или обуздывая низшую администрацію нравственнымъ своимъ вліяніемъ, такъ какъ были примѣры, что люди, самые закоренѣлые въ злоупотребленіяхъ, совѣстились передъ ними, когда боялись, что дѣйствія ихъ будутъ открыты. И вотъ, по такому нравственному значенію ихъ, они, внѣ всякаго официального званія или положенія, были во многихъ мѣстахъ настоящими мировыми посредниками и судьями, какъ бы официально признанными самимъ главнымъ начальствомъ, и были, во всякомъ случаѣ, лучшими совѣтниками и по-

*) Не смотря на сибирскіе морозы, доходящіе въ Читѣ до 35°, у Дм. Ир. въ домѣ не было зимнихъ рамъ на сѣверной сторонѣ, со всѣмъ тѣмъ тепло держалось до 16°. На всѣхъ окнахъ стояли цвѣты, а на полу кадки съ деревьями представили изъ комнатъ родъ оранжереи. Подробное описаніе всѣхъ чудесъ его хозяйства къ усовершенствованію породы скота, полеводству, огородничеству, цвѣтоводству, по устройству лечебныхъ пособій, которыми пользовались не только мѣстные, но и всѣ окрестные жители издалика, заняло бы слишкомъ много мѣста.

кровителями народа и даже людей стоящихъ выше его.

Постепенное улучшеніе быта декабристовъ, жившихъ на поселеніи, выражалось нѣкоторыми милостями. Между прочимъ, вдовы умершихъ, лишенные права возвращенія въ Россію (такъ, напримѣръ, отказано было въ этомъ Юшневской и Янтальцевой *), впослѣдствіи получили дозволеніе вернуться на попеченіе родныхъ (какъ Нарышкина, урожденная Коновницына, когда мужа ея перевели на Кавказъ). Дѣти, прижатыя до ссылки и оставленныя въ Россіи, поступали на попеченія родственниковъ другихъ людей, пожелавшихъ заняться ихъ воспитаніемъ (такъ, напримѣръ, сынъ Розена жилъ у полковника Волконскаго въ Тифлисѣ и отецъ, проѣзжавшій въ Вѣлье-Колодцы, не могъ видѣть его изъ боязни подвергнуть воспитателя отвѣтственности). Дѣти, прижатыя въ Сибири, должны были вступить въ сословіе заводскихъ крестьянъ, но въ 1842 году, государь, по случаю бракосочетанія государя наслѣдника, соизволилъ обратить высочайшее вниманіе на поступки женъ, послѣдовавшихъ въ заточеніе, и рѣшился, въ уваженіе ихъ, оказать свое милосердіе къ дѣтямъ ихъ, родившимся въ Сибири. Комитетъ, изыскивавшій средства привести въ исполненіе волю государя, положилъ: „По достиженіи дѣтьми узаконеннаго возраста, принять ихъ на воспитаніе въ одно изъ казенныхъ заведеній, для дворянскаго сословія учрежденныхъ, если отцы на то согласны будутъ; при выпускѣ же возвратитъ имъ права, утраченныя отцами ихъ, когда они поведеніемъ своимъ и успѣхами въ наукахъ окажутся того достойными, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, лишить ихъ фамильнаго имени ихъ отцовъ, приказавъ именовать ихъ по отчеству“. Трубецкой далъ отвѣтъ, что дочерей онъ боится отдать, предполагая, что разлука съ матерью будетъ для нихъ смертельнымъ ударомъ. Въ 1845 году разрѣшено было женѣ Трубецкой проживать съ дѣтьми въ Иркутскѣ до излеченія ея отъ болѣзни, а мужу по временамъ прїѣзжать къ ней на свиданіе „съ дозволенія генералъ-губернатора Восточной Сибири, каковое дозволеніе давать ему съ должною осмотрительностью“. 19-го іюня 1845 года государь разрѣшилъ помѣстить въ учрежденный въ городѣ Иркутскѣ дѣвичій институтъ „двухъ внучекъ дѣйствительной тайной совѣтницы Лавалъ, рожденныхъ въ Сибири отъ дочери ея, состоящей въ замужествѣ за находящимся на поселеніи въ Иркутской губерніи въ селѣ Оекѣ государственнымъ преступникомъ Трубецкимъ“.

Восшествіе на престолъ государя императора Александра Николаевича ознаменовалось

*) Последняя прожила въ Ялуторовскѣ девять лѣтъ по смерти мужа въ 1846 г. Жена Юшневскаго не могла раздѣлить тюремной участи мужа.

въ сибирской исторіи государственныхъ преступниковъ, сосланныхъ за возмущеніе 14-го декабря 1825 года, всеобщимъ прощениемъ ихъ, забвеніемъ прошедшаго и возвращеніемъ правъ потомственнаго дворянства и права возвращенія на родину, въ Россію. Низшимъ категоріямъ возвращены и титулы; изъ первой же категоріи только Тургеневу возвращены чины и ордена. Въ Сибири оставались только трое за неимѣніемъ средствъ къ выѣзду (Завалипинъ, М. Вестужевъ и Ив. Ив. Горбачевскій *). Многие выѣхали въ расчетѣ на помощь и содѣйствіе родныхъ. Другіе лишены были того и другого отъ корыстолюбивыхъ родственниковъ, воспользовавшихся ихъ достояніемъ; нѣкоторые принуждены были прибѣгнуть, по прежнему, къ личнымъ трудамъ и заботамъ. Между ними Андрей Выстрицкій не нашелъ въ живыхъ ни одного изъ родственниковъ и, не имѣя никакихъ средствъ къ пропитанію, ходатайствовалъ о продолженіи ему того пособія, которымъ пользовался въ Сибири, то есть 15 десятинъ

пахатной и луговой земли, 114 рублей деньгами и, сверхъ того, на одежду и паекъ отъ 18 до 30 рублей, сообразно существующимъ цѣнамъ на хлѣбъ (то есть всего деньгами отъ 132—142 рублей).

Исторія пребыванія въ Сибири государственныхъ преступниковъ, участвовавшихъ въ заговорѣ Петрашевскаго и сосланныхъ въ 1846 г., рассказана нѣкоторыми изъ самихъ ссыльныхъ по этому дѣлу. Ө. М. Достоевскій, о пребываніи своемъ и товарища его Дурова въ Омской арестантской ротѣ, рассказалъ въ „Мертвои Домѣ“, извѣстномъ всей читающей русской публикѣ. Ф. Г. Толь, о пребываніи своемъ на заводѣ Западной Сибири, написалъ „Записки о К.... заводѣ“ и помѣстилъ статьи въ журналѣ „Вѣкъ“ 1861 года. Ө. Н. Львовъ о житеѣ своемъ въ нерчинскихъ рудникахъ напечаталъ нѣсколько статей въ „Современникѣ“ (1861 г. № 9 и 1862 г. № 1).

Г Л А В А VIII.

ИСТОРИЯ КАТОРГИ.

Находка рудныхъ богатствъ.—Чужія работы.—Серебро.—Работы рудниковья.—Исторія нерчинскихъ рудниковъ.—Побѣги рабочихъ.—Начальники: грекъ Левадианъ, Суворовъ.—Самозванецъ Чорнышевъ, дѣло объ немъ и послѣдующая судьба его.—Нарышкинъ.—Его безчисленныя чудачества и выходы.—Лескаръ Томпловъ.—Купецъ Копосовъ.—Воинственный походъ Нарышкина.—Взятіе имъ Вернеудинска.—Восвода Тевяшовъ.—Нѣмцовъ.—Аршеневскій, Варботъ де-Марин, Чернищъ.—Народныя преданія о послѣднемъ.—Теодоръ Фришъ и его жена.—Тираны: Рычковъ, Аистовъ, Татариновъ.—Золотая лхорадка.—Добыча золота.—Богатства Нерчинскаго края.—Карійское золото.—Разгильдѣевъ.

I.

НЕРЧИНСКІЕ СЕРЕБРЯНЫЕ РУДНИКИ И ЗОЛОТЫЕ ПРОМЫСЛЫ.

Обскіе звѣроловы открыли старыя заброшенныя копи рудъ на Алтаѣ. Два брата тунгуса, въ 1601 году, нашли около р. Аргуни слѣды подобныхъ же работъ въ Нерчинскихъ горахъ.

По словамъ остяковъ направилъ свою горнозаводскую дѣятельность сынъ знаменитаго Никиты Демидыча, Акинфій Демидовъ; находка братьевъ тунгусовъ объявлена была въ посольствѣ Головина, пріѣхавшемъ за Байкаль для переговоровъ съ китайцами о мирѣ.

У Демидова оказались черезъ десять лѣтъ (въ 1739 году) въ собственности два завода, 17 рудниковъ мѣдныхъ и 30 со свинцомъ и

*) Ив. Ив. Горбачевскій остался потому, что Иркутскій чиновникъ воспользовался тѣми деньгами, которыя высланы были Горбачевскому по завѣщанію его умершаго брата, для устройства на поселеніи, а также и потому, что не хотѣлъ встать въ зависимость отъ другихъ положеніе.

золотистымъ серебромъ (между прочимъ Воскресенскій, изъ котораго выплавлено первое русское серебро). Въ 1744 году Демидовъ выпущенными изъ-за границы саксонскими мастерами добылъ 27 фунт. 18 золотн. серебра и отправилъ его въ Петербургъ.

Нерчинскія руды прямо попали въ казенныя руки, вѣдались нерчинскимъ воеводою (Мусанымъ-Пушкинымъ) и управлялись грекомъ Левадианомъ. Въ 1700 году греки на рѣкѣ Алтачѣ выстроили Нерчинскій заводъ и въ 1704 году сумѣли выплавить и отправить въ Москву только 1 ф. 24 зол., къ 1711 году нерчинскаго серебра оказалось въ наличности только отъ 8 до 11 пудовъ въ то время, когда Демидовъ на Алтаѣ, черезъ тѣ же 11—12 лѣтъ, въ состояніи былъ представить въ Петербургъ 44 пуда 12 фун. чистаго серебра, изъ котораго отдѣлено было 12 фун. и 32 золот. золота.

Работамъ у Демидова завѣдывалъ нѣмецъ (бригадиръ) Бесеръ съ Булгаковымъ. Работы въ Нерчинскомъ заводѣ производили тѣ же самые греки съ Левандіаномъ, которые служили отозваться убыточностью производства на Алтаѣ и негодностью руды тамъ, гдѣ въ настоящее время добывается ежегодно свыше тысячи пудовъ серебра и больше ста пудовъ золота.

Путеводителями и указателями въ тѣхъ и другихъ мѣстахъ служили курганы и ямы, носившіе у русскихъ туземцовъ общее имя чуждскихъ. Въ одномъ курганѣ на Алтаѣ (въ Зминогорскомъ рудникѣ) нашли цѣлаго Чудака, задавленнаго горною выработкою вмѣстѣ съ инструментами: кайломъ, положимъ на нынѣшнее, но круглымъ и оканчивавшимся на подобіе выгнутого долота. Инструменты были либо мѣдные, либо каменные. При этомъ мѣдь оказалась отличной чистоты; въ кожаномъ мѣшкѣ древняго доисторическаго рудокопа сохранились богатѣйшія охры. При очисткѣ одной такой же древней копи попались двѣ мѣдныя гири съ руническимъ письмомъ и нѣсколько сотъ пудовъ серебряной руды, закрытой землянымъ пластомъ толщиной въ аршинъ.

Тѣ же верховыя горныя выработки на подобіе ямъ или каменоломенъ (не глубже 5 сажень), извѣстныя у сибиряковъ подъ общимъ именемъ „чуждскихъ разностей“, указывали на сокровища Нерчинскихъ горъ и вели по руднымъ признакамъ (землистой мѣдной лазури) къ необходимости устройства фабричныхъ заводовъ на слѣдахъ чуждскихъ работъ, называемыхъ култукскими (по имени горы). Отсюда добывались нерчинскія руды и свозились на двѣ фабрики Нерчинскаго завода, устроенныя въ 1721 году вмѣсто пятичетвертовыхъ очковыхъ печей. Въ 1747 году такихъ рудниковъ имѣлось уже 6; между 1747 и 1765 присоединились еще 5, къ 1777 году открыто новыхъ 4, къ 1801 году еще 4; въ 1834 считалось всего 12 рудниковъ. Въ 1792 году при нихъ было уже 8 заводовъ. Въ 1740 году открыты были Агинскіе мѣдные пріиски, потомъ ртутные и сѣрные, затѣмъ оловянные и, наконецъ, съ 1850 г., въ три года, золотовосныя россыпи въ урочищахъ по рѣкамъ Куенгѣ и Курлычѣ, на лѣвомъ берегу р. Шилки въ Гурбанишвирской долинѣ.

Въ горныхъ покатыяхъ и отрогахъ, отдѣляющихся отъ главнаго хребта и достигающихъ одинаковой съ нимъ высоты, гранитъ поднятъ на себѣ и выдвинулъ известковыя скалы. Пространство, находящееся между гранитомъ и известнякомъ, заполнилось въ трещинахъ рудами оловянно-серебряными. Жилы съ такимъ осадкомъ представляютъ тотъ основной пунктъ, отъ котораго тянутся въ различныхъ направленіяхъ другія жилы. По такимъ жиламъ—дорогамъ—доходятъ до рудныхъ залежей, нагроможденныхъ въ одномъ мѣстѣ значительною

массою. Серебро, обыкновенно, находится въ рудѣ оловянной, смѣшанной съ небольшимъ количествомъ желѣзной руды; но встрѣчается также и въ желѣзной рудѣ, смѣшанной съ небольшимъ количествомъ олова. Последняя порода жилъ принадлежитъ къ мало-процентнымъ, потому что такую жилу труднѣе добыть изъ скалы и труднѣе, чѣмъ изъ первыхъ, отдѣлять серебро. Слѣды оловянно-серебряныхъ рудъ въ верхнихъ пластахъ земли попадаются очень часто; присутствіе сереброносныхъ рудъ открывается очень часто при пробитіи шахтъ и пробитіи штоленъ въ горахъ. Какъ только попадали на такую жилу, тотчасъ закладывали рудникъ, не справляясь ни съ направлениемъ, ни съ благодарностью жилы; оттого въ Нерчинскихъ горахъ оказалось ихъ тамъ много (до 40) и между ними напрасная трата времени, капиталовъ и тяжелаго людского труда приспособлена была къ такимъ рудникамъ, въ которыхъ работы существовать могли одинъ только годъ.

Самую богатую руду считается кристаллизованная, прозрачная и безцвѣтная, но на такія руды въ нерчинскихъ рудникахъ попадаютъ рѣдко; чаще нерчинская серебряная руда встрѣчается въ смѣси большого количества олова и плавится легко. Руда, соединенная съ охрою, имѣетъ кровависто-желтый цвѣтъ и заключаетъ въ себѣ немного олова и еще меньше серебра. Кромѣ этихъ, руды оловянно-серебряныя попадаютъ еще въ смѣсяхъ съ сѣрою, съ желѣзомъ, кварцомъ и мышьякомъ.

Выкопанныя и добытыя изъ рудника руды сортируются. Крестьяне и женщины, всѣ физически слабыя, толкутъ и разбиваютъ руды молотками. Пустыя породы, какъ кварцъ, бросаютъ прочь, а освобожденные руды сыпаютъ въ кучи. Убогія руды превращаются въ порошокъ въ толчеяхъ, потомъ провѣваются сѣвостью сита и перевозятся въ жолоба, гдѣ вода отдѣляется и уноситъ обыкновенныя и легчайшія части, не содержащія въ себѣ металла, и, кромѣ того, увеличиваетъ въ рудѣ пропорцію серебра. Сѣрно-оловянныя руды не подвергаются промывкѣ, но сушатся на огнѣ въ большихъ кучахъ.

Приготовленные такимъ образомъ, руды свозятся въ заводы, каменныхъ выстроено было въ Нерчинскихъ горахъ 8 *). Въ заводахъ руды

*) Кромѣ Большаго нерчинскаго (давно уже не дѣйствующаго), построеннаго въ 1704 г., были слѣдующіе заводы: на рѣкѣ Кулукчѣ, въ 40 верстахъ отъ Большаго, въ 1760 Кулукчинскій, названный потомъ Борзинскимъ и, наконецъ, Дукарскимъ; въ 1764—Кутомарскій, въ 1769—Шилкинскій; въ 1776 ниже Кутомарскаго Екатерининскій, первый водо-дѣйствующій; въ 1778—Газимурскій; всѣ 7 казенныя. Въ 1816 году приобретены въ казну и Воздвиженскій заводъ на сліяніи рѣки Записанной съ Аргунью, выстроенный въ 1776 г. частнымъ заводчикомъ Сибиряковымъ.

сыпаются слоями, пересыпаемыми мелким просыпанным углемъ въ печи, называемыя шахтовыми, сложенныя въ одинаковыхъ размѣрахъ изъ кирпича. Такихъ печей на заводѣ бываетъ по нѣскольکو (въ Кутомарскомъ, напр., ихъ было до 16-ти). Каждая печь обладаетъ собственными свойствами, причинъ которыхъ выслѣдить невозможно, но каковыя знаетъ только работникъ, всегда работающій при одной печи: нныя печи скорѣе плавятъ руду, если въ нихъ разомъ насыпать много руды и угля въ меньшомъ количествѣ. Шахтовая печь имѣютъ въ вышину двѣ сажени и наверху отверстіе. На одной изъ стѣнъ внутри идетъ одно, а въ боковой стѣнѣ два отверстія одно надъ другимъ; нижнее во время плавки заплываетъ. Отъ стѣны передней насыпаютъ руду и уголь, отъ задней насыпаютъ самый уголь. Сыпаютъ въ печь руду не одной породы, но взятой изъ разныхъ мѣстъ, и главная заслуга мастера заключается въ томъ, чтобы умѣть смѣшать руды такъ, чтобы онѣ легко плавилась. Мѣхъ, воспламеняющій и увеличивающій печной огонь, двигается либо водянымъ, либо коннымъ приводомъ. Когда уже руда расплавится и придетъ въ жидкое состояніе, олово и серебро, какъ вещества тяжелѣйшія, сквозь всѣ слои угля сплывають на низъ, а шлакъ или окалина, черезъ верхнее отверстіе выплываетъ изъ печи. Два раза на день нижнее отверстіе пробиваютъ и выпускають черезъ него олово въ формы, сдѣланныя изъ земли. Шахтовая печь, разъ затопленная, не остуживается до тѣхъ поръ, пока не испортится, что обыкновенно бываетъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Сообразно тому, сколько вытекаетъ окалины и олова, всыпаютъ въ печь въ то же время угля и руды.

Отдѣленіе серебра отъ олова производится въ плавильныхъ печахъ, сложенныхъ куполомъ и обмазанныхъ внутри огнеупорною глиною; съ боковъ печи имѣютъ нѣсколько отверстій, въ самой же серединѣ печи находится прямоугольная впадина, глубиною въ 1½ дюйма; средняя величина печи бываетъ 2 сажени. Тутъ же, сбоку плавильной печи, находится обыкновенная печь, въ которой безпрестанно горятъ дрова; мѣхи же гонятъ изъ нее въ первую печь воздухъ и пламя, которыя въ ней неустанно, какъ въ аду, кружатся и представляютъ эффектное зрѣлище.

Олово, добытое въ значительномъ числѣ въ шахтовыхъ печахъ, кладется въ плавильную и на него обращаютъ пламя. Олово расплавляется скоро и жидкая масса его не скоро окисляется (т. е. соединяется съ кислородомъ воздуха), а такъ какъ недокись олова есть проба легчайшая, то уносится вверху черезъ небольшой желобокъ, твердѣя въ главныхъ дверцахъ, и всплываетъ при помощи людей. Люди его вытаскиваютъ и переносятъ въ маленькую печку, имѣю-

щую едва кубическій аршинъ, плотно закрытую и наполненную горячими угольями; здѣсь недокись олова окисляется и затѣмъ уже получается чистое олово въ отвердѣломъ видѣ. Операція окисленія совершается въ плавильной печи въ 3 либо 4 дня. Серебро, которое трудно соединяется съ воздухомъ, упадетъ на низъ и осѣдаетъ во впадинѣ, о которой упомянуто выше. Признакомъ окисленія олова служитъ очень сильный блескъ серебра; когда уже олово совсемъ окислится и серебро получитъ чрезвычайный блескъ, гасятъ огонь и вливаютъ въ печь воды для скорѣйшаго охлажденія, а изъ впадины выдергиваютъ серебряную бляху, которая называется блинкомъ. Каждый бликъ имѣетъ наверху различной величины пузырьки, изъ которыхъ, когда они лопнутъ, выливается серебро. При свободномъ охлажденіи печи бликъ встряхивается и видно, какъ на его поверхности появляются пузырьки. Въ серебрѣ попадаются частицы золота, которое выдѣляютъ уже въ Петербургѣ.

Къ этимъ-то печамъ, наполненнымъ бѣлокалильнымъ жаромъ, въ эти-то штольни, идущія по направленію серебряныхъ жилъ, на яркій жаръ заводовъ и въ темный сумракъ рудниковъ начали посылать съ 1721 года преступниковъ изъ Россіи, приговоренныхъ въ каторжныя работы. 10 февраля 1722 года именной указъ, объявленный черезъ сенатъ, велѣлъ освобожденныхъ отъ каторжныхъ работъ въ Россіи и назначенныхъ къ ссылкѣ въ Сибирь въ дальніе города, „послать и впредъ таковыхъ посылать съ женами и дѣтьми въ Дауры на серебряныя заводы“. До 1712 года правильной ссылки въ рудники не было и всѣ работы производились приписными крестьянами, переселенными изъ разныхъ мѣстъ Сибири въ видѣ рекрутъ *). Такъ, между прочимъ, при нерчинскихъ рудникахъ, въ 1708 году, водворены были 104 человекъ крестьянъ съ рѣки Енисея. Въ 1722 году 900 семей изъ разныхъ сибирскихъ губерній. Въ 1759 году такихъ заводскихъ рабочихъ считалось уже 2.192 души, число которыхъ снова увеличено 3.398 душами, переселенными изъ Томскаго, Енисейскаго, Иркутскаго и другихъ уѣздовъ и нѣкоторыхъ сибирскихъ городовъ, не положенныхъ въ подушный окладъ и показанныхъ подъ именемъ посадскихъ и дѣховыхъ, а также не занимавшихся торгами и промыслами. Тогда же отъ нерчинской канцеляріи приписаны къ заводамъ Удинская слобода и Аргунскій острогъ со всѣми жителями. Мастеровые изъ Екатеринбургa, въ видѣ рекрутовъ, дополнили число опытныхъ, знающихъ горное дѣло рабочихъ. Въ 1833 году число приписныхъ крестьянъ считалось уже

*) Ссылка на Колывано-Воскресенскіе (т. е. Алтайскіе заводы) прекращена въ 1762 году (сенатскимъ указомъ 22 января).

17.709 душъ мужского пола; сверхъ того, 4.124 каторжныхъ мужчинъ и женщинъ въ работахъ, 220 дѣтей въ счетѣ будущаго, 900 рабочихъ находилось на своемъ пропитаніи (изъ нихъ дѣтей 221), во временномъ увольненіи 116 (при нихъ дѣтей 8) и дряхлыхъ 96. Къ 1777 году выплавляли серебро отъ 500 до 600 пудовъ (изъ 300 т. руды отъ 35 до 200 пудовъ *).

Новоприбылые рабочіе крестьяне обязаны были рубить куренные дрова, разламывать кучи и возить изъ куреней на заводы уголь, рубить дрова для обжиганія флюсовъ, возить съ рудниковъ добытую готовую руду на заводы, также пески и всякіе флюсы, потребные къ выплавкѣ рудъ, дѣлать и починять плотины, поврежденныя наводненіемъ или пожаромъ. На рубку дровъ назначено было время съ 15 февраля по 20 апрѣля. Подъ опасеніемъ пени запрещалось употреблять крестьянъ въ другія работы, но запрещеніе это осталось на бумагѣ. Тягота состояла не въ этомъ и не въ томъ, что, для противодѣйствія пьянству, запрещено было имѣть въ сибирскихъ заводахъ винныя и пивныя заводы и самую продажу производили только по праздникамъ, — нравственная тяжесть состояла въ томъ, что заводскіе крестьяне обязаны были работами вѣчными, безъ отдыха и награды и, освобожденные отъ подушнаго, они все-таки обязаны были предоставлять и дѣтей своимъ въ распоряженіе заводовъ. Рабочіе побѣжали вонъ, начали дѣлать мелкіе проступки неповиновенія. Пробовали раздѣлить заводскіе селенія на кварталы и учредить перемѣнные и ночные караулы; построены были будки и сдѣланы при вѣздахъ въ селенія рогатки. Предполагали со временемъ окружить всѣ селенія рвами и обставить такими же рогатками, но сѣды не отвратили нисколько. Сталъ извѣстенъ начальству всякій новоприбы-

*) Въ нерчинскомъ заводѣ 446 муж. и 7 жен.; при кожевенной фабрикѣ, въ 17 верстахъ отъ завода, построенной на р. Аргуни въ 1789 г., ссыльныхъ рабочихъ 21; при суконной фабрикѣ въ томъ же селеніи, гдѣ и заводъ, устроенной въ 1832 г. и выдѣлывавшей шерстяную пестрядь или сукманину—14 муж. и 21 жен.; въ Дучарскомъ заводѣ (въ 40 верстахъ отъ Нерчинскаго, въ 30 отъ Балтумы, основ. въ 1760 г.) 279 м. и 1 ж.; въ Кутомарскомъ (1764 г.), въ 70 в. отъ Нерчинскаго и въ 3 отъ Екатер. зав., 330 м. и 3 ж.; въ Газимурскомъ (1778 г.), 107 в. отъ Нерчин., 58 м. и 1 ж.; въ Александровскомъ (1782 г.) 120 м. и 1 ж.; въ Шилкинскомъ (1769 г., въ 170 в. отъ Нерчинска) 125 м. и 1 ж. По рудникамъ работало ссыльныхъ 1.931 м. и 28 ж.: на Воздвиженской дистанціи 373 м. и 7 ж., на Благодатской 165 м. и 2 ж., на Зерентуйской 255 м. и 4 ж., на Михайловской 51 м. и 1 ж., на Кадаинской 113 м. и 4 ж., на Кличинской мастерскихъ и ссыльныхъ 363, на Алгачинской 238 м. и 2 ж., на Газимурской дистанціи 297 м. и 4 ж., Кудгунинской 41 м. и 4 ж., Шилкинской 18 м., на Ононскихъ оловянныхъ приискахъ 2 м.

лой, но не только не пресѣклись разныя злоумышленія развратниковъ, старавшихся склонить заводскихъ и горныхъ людей къ преступленіямъ и побѣгамъ, но и въ самыхъ селеніяхъ не было ни благоустройства, ни безопасности. У воротъ въ сторожахъ сѣли старики, еще находившіеся въ силахъ и, во всякомъ случаѣ, свой братъ. Прибѣгали ко всевозможнымъ крутымъ мѣрамъ, но заводскіе—противъ собственной вины—устояли на своемъ правѣ, отбились отъ рукъ и архивныя дѣла вскорѣ начинаютъ ясно убѣждать въ томъ, что о людяхъ перестали думать. Начальство преусердно занялось рудами на видъ, на славу и удовольствіе высшихъ начальствъ и на приращеніе собственныхъ дырявыхъ кармановъ.

Въ то же время подлѣ источниковъ богатствъ, обокъ съ рудниками, выстроились селенія; такимъ образомъ, стало такъ, что тамъ, откуда бѣжали даже кочевники, какъ случалось на Алтаѣ и въ Яблоновомъ хребтѣ, новые люди съ готовностью и изумительною быстротою выстроили новыя, постоянныя и прочныя жилища.

Горныя начальства разрабатывали старыя руды, нрискивали новыя, распространяли развѣдки въ дѣйствующихъ рудникахъ, приобретали новыя руды. Нашедшія руды имѣли право на полученіе (но не всегда получали) по полукѣ съ пуда или по серебряному рублю съ каждаго фунта выплавленного серебра. За каждый пудъ полученный изъ руды: ртути по 5 руб., олова по 1 руб., мѣди по 1 руб., свинца по 50 коп. и желѣза по 15 коп. асс. По 2 р. 50 к. асс. съ фунта положено было за выплавки чистаго золота до тѣхъ поръ, пока весь рудникъ не будетъ выработанъ. За открытіе прииска или рудника ближе 500 сажень отъ начальныхъ работъ дѣйствующаго рудника установлено было единовременное вознагражденіе, смотря по благонадежности мѣсто-нахожденія. Начальство посылало за поискомъ рудъ и нарочныя команды, принимало и готовыя отъ разныхъ рудокоповъ съ товарищами; тратило большія деньги на покупку хлѣба для рабочихъ и оставило въ архивахъ множество дѣлъ, трактующихъ объ недостаткѣ хлѣба у того или другого пристава, въ томъ или другомъ мѣстѣ. Мѣстные неурожаи, иногда по нѣсколькы лѣтъ сряду, увеличивали бѣдствія голодовокъ и наполнили тяжелыми разказами первыя страницы исторіи нерчинскихъ заводовъ: то выпустягъ ссыльныхъ на поруки, то служащимъ лицамъ уменьшать порцію провіанта до половины, холостымъ до 1 пуда, женатымъ до 1½ пуда въ мѣсяцъ. Тянулася длинная война съ рабочими по вызову побѣговъ съ стороны послѣднихъ безъ уступокъ и перемирій *). За-

*) Высылали и 50 человекъ тунгусскихъ казаковъ для поиски бѣглыхъ, учуждали и цѣлый полкъ (Селенгинскій), между прочимъ, для той же

тѣвлася нарѣдка борба со своими по поводу тайной хищнической выплавки казенной руды (такъ, напр., писецъ Юренскій тайно плавилъ богатѣя руды при Кутомарскомъ заводѣ). Слышались непрестанныя жалобы на падежъ скота и, преимущественно, лошадей, истомленныхъ заводскими работами, не пользовавшимися еще въ тѣ времена приспособленіемъ водяныхъ машинъ. Начальство хлопотало о постройкѣ церквей при заводахъ, о засѣвахъ овса и конопли и о защитѣ заводскихъ работъ пушками отъ набѣговъ воровъ съ китайской стороны**), прилагало стараніе и о пресѣченіи появившейся между крестьянами французской болѣзни, но, въ то же время, о наборѣ рекрутъ, о взысканіи съ крестьянъ, не бывшихъ у исповѣди, штрафныхъ денегъ; дѣла усложнялись, положеніе заводовъ ухудшалось. Пробовали освобождать колодниковъ на поручительство „до маломѣнню хлѣба“—отчасти облегчали ихъ участь, какъ будто давали имъ возможность набираться силами, но казенные заводы на казенныхъ рукахъ съ обязательными подневольными работниками не улучшались, съ того самаго времени, какъ управлялъ ими грекъ Левандіанъ. Пробовали пересаживаться по способу крымскаго квартета, но и этимъ не достигли цѣли во всѣ времена, и когда съ 1700 г. упрядѣли; послали изъ Россіи и мецерицкихъ казаковъ. Тунгусскіе казаки явились въ своемъ національномъ платьѣ изъ козлиныхъ кожъ съ луками, стрѣлами и при сабляхъ, но смыльныхъ не испугали и дороги имъ въ лѣсъ не преградили.

**) Въ 1759 году рекомендовалось нерчинскимъ заводу предосторожность; въ 1765 году прикомандирована была гарнизонная рота для охраненія заводовъ отъ китайцевъ и непріятельскихъ набѣговъ. Впрочемъ, опасливость была излишняя и напрасная съ той поры, когда Головинъ, нерчинскимъ трактатомъ, прекратилъ несогласія съ Китаемъ, а ссыльный гетманъ Демьянъ Многогрѣшный разбилъ буряты на голову и застрашалъ ихъ до вѣчнаго подданства. Несогласія позднѣйшія вызывали мелкіе набѣги и стычки со стороны мѣстныхъ жителей, вытѣсненныхъ съ култунскихъ копей (вблизи Большаго нерчинскаго завода). Судя по оставленнымъ ими плавленными печамъ, монголы знали цѣну нерчинскому серебру и унесли въ степь за Аргунь живыя преданія о серебряныхъ добродѣтеляхъ. Въ нынѣшнемъ столѣтіи побивались и венгерцовъ, явившихся со своими завѣтными и извѣстными на всю Русь ящиками съ контрабандными товарами и лекарствами; ведѣли имѣть осторожность и отъ поляковъ, пріѣзжавшихъ въ той же обстановкѣ пѣшо-бродячей торговли. Въ томъ и другомъ случаѣ боязню имѣла характеръ политической предосторожности на случай государственныхъ измѣнъ и возмущеній.

влялъ нерчинскими (тогда назвавшимися аргунскими) заводами рудный приказъ, съ 1711 г.—иркутское начальство, и когда съ 1115—1719 г. опять рудный приказъ, съ 1719 г. государственная бергъ-коллегія, съ 1736 г. бергъ-директоріумъ, а съ 1742 г. опять бергъ-коллегія; въ дѣлахъ заводскихъ былъ полный неуспѣхъ, они текли медленно, заводы упали.

Въ 1761 году опредѣленъ былъ на заводы командиръ, генералъ-маіоръ Вас. Иван. Суворовъ, снабженный особою инструкціею сената, отъ котораго онъ единственно и зависѣлъ. Инструкція эта давала полную свободу его дѣйствіямъ и затрудненія могли быть имъ скоро разрѣшаемы. 12 лѣтъ управлялъ онъ заводами и успѣлъ ихъ оживить и улучшить. Онъ былъ независимъ отъ губернатора, имѣлъ право производить въ чины до капитана, награждать и наказывать чиновниковъ. Такая обширная власть, по причинѣ большого удаленія отъ столицы, легко могла быть употреблена во зло, но Суворовъ воспользовался ею въ той мѣрѣ, что остановилъ злоупотребленія горныхъ чиновниковъ и достигъ выработки серебра до 240 центнеровъ. При немъ возросло число рудниковъ; построены три самыхъ главныхъ и большихъ завода: Дучарскій, Кутомарскій и Шилкинскій; найдены новые пріиски: Калчинскій, Воздвиженскій, Шилкинскій, Екатерининскій, Тайнинскій. Частный предприниматель купецъ Сибиряковъ, жившій въ Нерчинскѣ, въ значительной степени развитъ производство, приобрѣта себѣ нѣсколько рудныхъ мѣсторожденій. Въ 1774 году открыты были имъ рудные пріиски и построенъ заводъ, названный Воздвиженскимъ. По заключенному съ бергъ-коллегіею договору, онъ имѣлъ на пріиски право собственности; работалъ на Михайловскомъ, Кильгинскомъ, Воздалянскомъ, Покровскомъ, Цаганъ-Зеренскомъ и друг. У Суворова онъ пользовался защитой и покровительствомъ*). Въ Нерчинскомъ краѣ, въ соответствии алтайскому Демидову, Сибиряковъ въ то время былъ единственнымъ и дѣятельнымъ эксплуататоромъ рудныхъ богатствъ.

При командирѣ заводовъ Суворовѣ одиозная дѣловая жизнь горныхъ заводовъ подцвѣчена однимъ событіемъ, выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ, и притомъ вскорѣ по его пріѣздѣ за Вайкаль, а именно въ 1763 году.

*) Въ 1816 году какъ заводы, такъ и рудники съ пріисками куплены у наслѣдниковъ Сибирякова въ казну. На все имѣніе до этого времени наложенъ былъ секвестръ

II.

САМОЗВАНЕЦЪ ПЕТРЪ Ш.

Въ 1763 году въ нерчинскіе заводы при-
быль, въ партіи арестантовъ, солдатъ Петръ
Чернышевъ. Колодникъ этотъ, подъ темнымъ
именемъ секретнаго арестанта, заключенъ
былъ въ тюрьму при Дучарскомъ рудникѣ.
Никто, конечно, не зналъ его прошедшаго, а
въ настоящемъ видѣли въ немъ только такого
колодника, который требовалъ болѣе или менѣе
осторожнаго и бдительнаго надзора. Употребляе-
мый днемъ въ рудниковыя работы, наравнѣ съ
другими, на ночь онъ отводимъ былъ въ осо-
бой, такъ называемый секретный казематъ, гдѣ
его и запирали. Такъ, по крайней мѣрѣ, по-
ступали съ нимъ въ первое время по прибытіи
въ заводы. Однако, не смотря на всю бдитель-
ность надзора, Чернышевъ успѣлъ завести зна-
комства не только съ союзниками (что было,
конечно, весьма легко), но и съ людьми посто-
ронними—крестьянами. Изъ этихъ знакомствъ
болѣе интересное свелъ онъ съ Иваномъ Се-
ребрянниковымъ, крестьяниномъ Уровской сотни,
деревни Лежанкиной. Крестьянинъ этотъ въ ве-
ликомъ посту прѣвѣжалъ въ Дучарскій заводъ
крестить сына и, для принятія новорожденнаго
отъ купели, звалъ въ крестные отцы многихъ
заводскихъ служителей, но всѣ они, за немѣ-
ннимъ денегъ, отъ предложенной чести отказа-
лись. Серебряниковъ, вѣрный завѣтному прадѣ-
довскому обычаю, пошелъ по заводу искать въ
кумовья перваго встрѣчнаго. Такимъ, по его
словамъ, на его глаза показался солдатъ, стояв-
шій въ то время у заводской тюрьмы, съ дву-
мя арестантами, изъ которыхъ Серебряниковъ
не зналъ ни одного. Не зналъ онъ и солдата
(Василія Шорохова), но, тѣмъ не менѣе, по-
спѣшилъ пригласить его въ кумовья; солдатъ,
однако, отказался, хотя указалъ на одного изъ
стоявшихъ съ нимъ арестантовъ, промолвивъ:
„Зови-де вотъ Петра Чернышева“. Чернышевъ
согласился; солдатъ Шороховъ привелъ его въ
домъ къ священнику Павлу Федорову. Тамъ
младенца окрестили; знакомство скрѣплено род-
ствомъ и Серебряниковъ недѣли черезъ три-
четыре, въ первый день Пасхи, послѣ заутрен-
и, приѣхавъ въ заводъ и къ тюремному острогу,
сквозь тынъ передавалъ уже своему куму Чер-
нышеву десятокъ яицъ и, пользуясь отсутстві-
емъ часового, говорилъ ему:

— Если тебѣ намѣреніе будетъ бѣжать, то
ты иди прямо ко мнѣ. Я тебя на дорогу хлѣ-
бомъ не оставляю, только ты меня не оговаривай.
Воспользовавшись приглашеніемъ кума, Чер-

нышевъ изъ тюрьмы бѣжалъ, но вскорѣ былъ
пойманъ. Для поимки его посланы были во
всѣ нерчинскія команды строгіе приказы, съ
предписаніемъ о возможно скорыхъ розыскахъ,
арестантъ-де опасный, секретный. При этомъ быв-
шій въ дучарской канцеляріи первымъ присут-
ствующимъ оберъ-бергмейстеръ Лодыгинъ вы-
сказался вслухъ очень многимъ тутъ быв-
шимъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Если бы
кто онаго Чернышева сыскалъ и, не убивъ до
смерти, представилъ, то бы я того человѣка
наградилъ деньгами и прямой тотъ человѣкъ
сынъ Божій“. Словами этими особенно заинте-
ресовался ссыльный распопъ Левъ Евдокимовъ,
который былъ опредѣленъ при томъ же заводѣ
къ обученію служительскихъ дѣтей къ грамотѣ.

Вмѣшательство Евдокимова имѣло на дѣло
крупное вліяніе, повернуло его на настоящую
дорогу. Евдокимовъ въ подобныхъ дѣлахъ не
новичекъ: онъ уже въ Россіи подчинялъ свою
судьбу судьбѣ другого самозванца, бѣглаго сол-
дата ландъ-милиціоннаго полка Кремнева. Обстоя-
тельство это вынуждаетъ возвратиться нѣсколь-
ко назадъ.

Когда Кремневу удалось подобрать на Дону
свиту, увѣрить по пути многихъ, „что рекрутъ
и подушныхъ денегъ 12 лѣтъ брано не будетъ
и винное куреніе будетъ вольное“, когда съ
такими обнадеженіями явился онъ и въ Усман-
скій уѣздъ въ однодворческое село Приголку,
а потомъ въ село Новосолдатское, здѣсь мѣст-
ный священникъ Левъ Евдокимовъ, въ числѣ
первыхъ, повѣрилъ неграмотному солдату. По-
вѣрилъ онъ, какъ сказано въ указѣ, „безъ
всякаго затрудненія паче первыхъ (т. е. вы-
борнаго и десятскаго) по распутной и пьян-
ственной жизни своей не только самъ, но всѣхъ
еще вообще, хотя весьма ложными и советымъ
вѣроятія недостойными и развращенными дока-
зательствами подкрѣпилъ и увѣрилъ“ *).

Дѣло (по словамъ указа) происходило такъ.
Евдокимовъ пришелъ въ избу, гдѣ находился
Кремневъ. Кремневъ говорилъ ему:

— Попъ, поминай государя Петра Теодоро-
вича!

— Дай Богъ ему здравствовать!— отвѣтилъ
попъ и потомъ спросилъ:

*) При этомъ нельзя не замѣтить того важ-
наго обстоятельства, что и разглашенію Черны-
шева о себѣ, какъ объ императорѣ, помогали
также второй священникъ Иванцкій и первы-
ми повѣрили также лица духовнаго званія.

— Гдѣ онъ обрѣтается?

— Онъ подгѣ тебя сидить!—не задумавшись отвѣтилъ Кремневъ.

Евдокимовъ, при послѣднихъ словахъ, всталъ съ лавки и поклонился. Кремневъ снялъ со стѣны крестъ и велѣлъ Евдокимову цѣловать его, а равно руку и ногу. Левъ непрекословно повиновался, а затѣмъ пѣлъ молебень о здравіи государя, поминалъ его на ектеніяхъ и на многолѣтніи и потомъ рассказывалъ всѣмъ своимъ прихожанамъ, что когда онъ былъ еще въ Петербургѣ дворцовымъ пѣвчимъ, то знавалъ императора маленькаго и нашивалъ его на рукахъ.

Увѣреніямъ священника изъ прихожанъ поддались до того, что стали приходять къ Кремневу, цѣловали у него руки и ноги и называли его императоромъ. Первыми поддались увѣреніямъ Евдокимова однодворецъ села Новосоддатскаго Осипъ Федюнинъ, дьяконъ того же села Максимъ Игнатьевъ и дьяконой Василій Федоровъ, случайно пріѣхавшій въ село на то время, когда уже около избы Кремнева стояла толпа довѣрчиваго народа.

Толпа эта была велика. Въ ней, кромѣ мѣстныхъ крестьянъ, находилось весьма много и такихъ, которые пришли изъ окрестныхъ селъ и деревень. Были тутъ и крестьяне, были и отставные солдаты и, наконецъ, даже лица духовнаго званія. Между крестьянами или (какъ сказано въ указѣ) однодворцами рѣзче другихъ выдавались пять выборныхъ, два десятскихъ. Изъ отставныхъ солдатъ отгнѣчены указомъ три сержанта, вахмистръ, два капрала, фурьеръ, подпрапорщикъ и даже одинъ поручикъ (также отставной). Изъ лицъ духовнаго званія обвинены въ сочувствіи къ дѣлу Кремнева три попа, три дьякона, трое поповыхъ дѣтей, два церковника, дьячекъ. Сверхъ того, оказались причастными къ дѣлу двое цыганъ и одинъ воронежскій купецъ.

Примѣтная цифра лицъ духовнаго званія дала право заключить положительнымъ образомъ, что всѣ они привлечены были къ самозванцу разглашеніями Льва Евдокимова, который дѣйствовалъ на нихъ не только личнымъ участіемъ, но и черезъ посредство жены своей и жены однодворца Уколова *).

Къ собранной, такимъ образомъ, около квартиры Кремнева толпѣ вышелъ прежде всѣхъ одинъ изъ крестьянъ, прибывшихъ въ село Новосоддатское вмѣстѣ съ самозванцемъ. Выйдя къ народу, крестьянинъ этотъ закричалъ толпѣ: „Становись на колѣни!“ Всѣ повиновались. Затѣмъ вышелъ изъ избы самъ Кремневъ, держа въ рукѣ крестъ. Всѣ, такимъ образомъ, цѣловали этотъ крестъ, цѣловали у Кремнева

руку и потомъ ногу, не исключая поповъ, отставныхъ солдатъ, поручика Саввы Романова и женщинъ. Всѣ они были искренни въ своихъ движеніяхъ, исключая подпрапорщика Алексея Внукова, который, „хотя, по увѣренію распопа Льва, у самозванца руку вообще между множества народа и цѣловалъ“, однако, въ то же время попу Евдокимову упомянулъ, что государь Петръ III умеръ, а выборному, изъ однодворцевъ совѣтовалъ послать нарочнаго, чтобы оповѣстить обо всемъ случившемся воеводу. Церковникъ Филиппъ Петровъ имѣлъ намѣреніе „испросить у самозванца паспортъ и не болѣе только, какъ посмотря самозванцу въ рожу, ушелъ въ домъ свой“.

Устойчивѣе въ своихъ дѣйствіяхъ и самостоятельнѣе въ личныхъ убѣжденіяхъ передъ всѣми другими былъ все-таки Левъ Евдокимовъ. Когда изъ Воронежа, для поимки самозванца, прислана была воеводою Еянымъ гусарская команда и пріѣхалъ потомъ самъ воевода, Евдокимовъ не только самозванца не отдалъ, но и народу приказывалъ не выдавать. Дѣятельными помощниками его въ этомъ дѣлѣ были поповы сыновья, изъ которыхъ Иванъ Фоминъ (послѣ того, какъ воевода собственно-ручно связалъ Кремнева) говорилъ самозванцу:

— Если бы я тогда былъ, какъ тебя воевода вязалъ, то я бы пятьдесятъ человекъ положилъ.

И затѣмъ не отставалъ онъ отъ самозванца до тѣхъ поръ, пока его взяли подъ караулъ. Точно такимъ же образомъ не покидалъ Кремнева и другой поповъ сынъ—Акимъ Поповъ. Онъ успѣлъ тайно уйти съ нимъ на другой дворъ, гдѣ обулъ его въ лапти.

Меньшее участіе къ судьбѣ Кремнева (послѣ того, какъ онъ потерялъ свое дѣло) оказали отставные: четверо изъ нихъ „хотя къ отдачѣ онаго Кремнева и не способствовали, однако, совѣтовали другимъ, чтобы его отвести въ губернскую канцелярію“ *). Отставной же капралъ Василій Пальчиковъ, не оказавъ никакого сопротивленія при арестованіи самозванца, согласился отвезти его въ Воронежъ, когда на другой день выборный сдѣлалъ ему это предложеніе („препозицію“—какъ сказано въ указѣ). Выборный Семень Черный, когда пришла команда, Кремнева не только не выдалъ, но и взятый у офицера приказъ держалъ у себя, а выйдя потомъ къ народу, выговорилъ, что онъ за Кремнева кровь прольетъ.

Тѣмъ не менѣе, дѣло самозванца было проиграно, онъ скованнымъ былъ отвезенъ въ Воронежъ. За нимъ послѣдовали туда же и подъ караулъ всѣ его сообщники, въ числѣ 69 человекъ. Указъ Екатерины рѣшилъ освободить

*) Уколова дала самозванцу шубу и потомъ ѣздила съ пошадью въ другое село для разглашенія.

*) Одинъ изъ нихъ, Тибекинъ, былъ въ числѣ другихъ, разглашавшихъ о томъ, что въ селѣ между ними находится императоръ.

Кремнева отъ смертной казни, но повелѣлъ: „Въ страхъ другимъ такого отчаяннаго свойства людямъ, во всѣхъ тѣхъ селахъ, гдѣ онъ о себѣ показанныя ложныя разглашенія чинилъ, при собраніи народа, который ему безразсудно повиновался и легкомысленно вѣрилъ, съчъ кнутомъ въ каждомъ селѣ по нѣсколькы ударовъ. Въ обличеніе же явнаго его злодѣйства, привязать на грудь доску, съ надписью большими словами: Вѣглець и самозванецъ! а въ послѣднемъ селѣ, по наказаніи, выжечь на лбу Б и С и потомъ послать въ Нерчинскъ въ вѣчную работу.

„Евдокимовъ за всѣ возмутительныя преступленія, яко нарушитель присяги, народнаго блаженства и спокойствія и не раскаявшійся о содѣянномъ злѣ чловѣкъ, по правамъ и законамъ государственнымъ, достоинъ неминуемо жесточайшей смертной казни. Но мы, однако, по прирожденному въ насъ чловѣколюбію и что онъ, распощъ, сія всѣ злодѣянія чинилъ единственно отъ самаго вкоренившася въ немъ пьянства и жадности къ оному, такъ и по распутной и развращенной жизни и невѣжеству, а сверхъ всего, что онъ въ ономъ своемъ злодѣянн при разспросѣ, безъ истязанія, призналъ также, что сіе учиненное имъ злоникомъ образомъ съ разумомъ и чловѣчествомъ соображаемо не было,—отъ смертной казни (оставляя ему единственно послѣдніе дни жизни его о содѣянномъ имъ злѣ на раскаяніе) всемилостивѣйше освобождаетъ, а повелѣваемъ: во всѣхъ тѣхъ селахъ, гдѣ онъ свои клятвoprеступническія и измѣническія чинилъ увѣренія и подписи, учинить наказаніе по нѣсколькы ударовъ кнутомъ, привязавъ на груди доску, съ надписью большими литерами: Помощникъ самозванцу и народнаго спокойствія нарушитель и лжесвидѣтель. А по наказаніи въ послѣднемъ селѣ выжечь на лбу знаки, двухъ словъ первыя литеры, то есть ложный свидѣтель, а потомъ послать въ Нерчинскъ, въ работу вѣчно“ *).

*). Били кнутомъ еще однодворца Федюнина (за то, что разглашалъ, будто бы онъ самозванца въ бытность въ Петербургѣ выдалъ); били кнутомъ выборнаго Чернаго, но оставили обонихъ на прежнемъ мѣстѣ жительства; били плетми попова сына Попова, попова сына Фомина и обонихъ крестьянъ г. Кологриваго («яко помѣщичьихъ воровъ»—прибавлено въ указѣ). Поповъ по наказаніи освобожденъ, а крестьяне отосланы на старое жилище, куда принадлежатъ». Изъ числа 25 крестьянъ пять чловѣкъ, по жеребью, также выѣчены были плетми и потомъ всѣ рапущены. Четверо выборныхъ также наказаны были плетми; восемь чловѣкъ солдатъ изъ команды бывшаго фурьера Вудинова велѣно наказатъ каждого передъ своєю ротубатогамн сл е г к а, опредѣлнт въ службу по-прежнему. Всѣхъ лицъ духовнаго званія (поповъ, дячкнновъ и церковниковъ) ндержать подъ карауломъ, въ тюрьмѣ, нѣсколькы недѣль на хлѣ-

Въ нерчинскихъ рудникахъ имя Кремнева пропало безслѣдно, но Левъ Евдокимовъ не измѣнилъ себѣ и о себѣ напомнилъ, сдѣлавшись участникомъ подобнаго же рода дѣла въ самозванствѣ солдата Петра Чернышева.

Отправляемся слѣдомъ за нимъ за Вайкалъ на Дучарской горный заводъ.

Евдокимовъ этотъ, по личному сознанію, началъ въ Дучарскомъ примѣчать „и подлинно онъ, Чернышевъ, но отличный ли какой чловѣкъ“. Разъ, когда Чернышевъ уже пойманъ былъ изъ бѣговъ, Евдокимовъ пришелъ въ мусорную, гдѣ на то время нашъ секретный арестантъ находился на работѣ. Съ нимъ изъ солдатъ никого не было, былъ только одинъ сторожъ изъ сомѣльныхъ, Феклясть. Евдокимовъ принесъ съ собою осмину вина, поилъ этимъ виномъ сторожа, поилъ больше Чернышева и спрашивалъ (вѣрнѣе подговаривалъ, прознавъ, что Чернышевъ—чловѣкъ одного закала съ Кремневымъ).

— Какой ты подлинно чловѣкъ?

Чернышевъ, съ великою клятвою и со слезами на глазахъ, объявлялъ, что онъ бывший императоръ Петръ Третій, и при этомъ просилъ Евдокимова разглашать о томъ подъ рукою всѣмъ, кого онъ признаетъ болѣе благонадежными и опасливыми, примолвивъ:

— Ежели ты будешь разглашать, то намъ обоимъ будетъ нажиточно.

бѣ и на водѣ, а потомъ «огослатъ къ епархіальному архіерею, для свидѣтельствванія—способны ли они впредъ остатся въ прежнихъ своихъ яваніяхъ и мѣстахъ? Тотъ же арестъ въ тюрьмахъ, съ содержаніемъ на хлѣбѣ и на водѣ, присужденъ былъ и всѣмъ остальнымъ изъ обвиненныхъ: «Такъ какъ они къ послушанію самозванца привсдены ложнымъ увѣреніемъ и свидѣтельствомъ раснопа Льва, такоужъ будучи ослѣплены такимъ же презрѣннымъ послушаніемъ приходовъ сихъ причетниками, коихъ они, по своей глупости, не менѣе считаютъ какъ людьми во всемъ передъ собою знающими, такъ какъ необыкновенное онѣ надъ ними приобрѣтаютъ начальство». Двѣ женщины освобождены, безъ всякаго наказанія, вмѣстѣ съ подпрапорщикомъ Внуковымъ, сержантомъ Колесниковымъ и дячкомъ Иваномъ Поповымъ. Отстанной поручикъ Савва Романовъ былъ лишенъ двухъ чиновъ, содержался на хлѣбѣ и на водѣ двѣ недѣли и потомъ освобожденъ. Воронежскаго батальона фурьеръ Иванъ Бурдиновъ, за то, что повиновался и исполнялъ приказанія самозванца (ѣздилъ по селамъ и разглашалъ о прїѣздѣ императора, привлекъ на свою сторону 8 чловѣкъ вѣрнной ему команды и, наконецъ, прїѣхалъ въ Воронежъ для занятія Кремневу квартиры)—былъ прогнанъ съвозъ «строй черезъ тысячу чловѣкъ шесть разъ и заиссанъ потомъ въ солдаты въ тотъ же батальонъ «для примѣру другихъ», какъ сказано въ указѣ. Пьянство, «жадность къ оному, необузданное, врожденное буйство, сопряженное съ глубокимъ невѣжествомъ, подлое несмысленное состояніе людей непросвѣщенныхъ, слабый смыслъ, недоразуміе и легкомысліе.—вотъ тѣ облегчающія причины, которыя были признаны указомъ къ смягченію приговора и объявлены всѣмъ обвиненнымъ.

Евдокимовъ, разумѣется, не замедлилъ воспользоваться совѣтомъ и для этого поспѣшилъ заручиться товарищемъ. Попался бывалый и какъ разъ пригодный для дѣла. Одинъ ссыльный, Иванъ Карповъ, рассказывалъ, что, въ бытность его въ услуженіи у грузинскаго царевича Георгія въ Москвѣ, Петра III видалъ и что секретный арестантъ, Петръ Чернышевъ, имѣлъ съ нимъ поразительное сходство. Другой приписной изъ ссыльных, Кузьма Фирсовъ, увѣрялъ, что онъ дѣйствительно Петра III видалъ въ Петербургѣ, въ 1763 году, въ тайной канцеляріи, и что Чернышевъ „на лицо такъ же, какъ и императоръ“.

Согласившись и столковавшись такимъ образомъ, эти двое изъ ссыльныхъ начали распространять подѣ рукою и подѣ секретомъ, что Чернышевъ не простой человѣкъ, и рассказывали это сначала исключительно въ одномъ заводѣ между мастеровыми и рабочими. Первымъ повѣрилъ ихъ словамъ плавильный мастеръ Иванъ Карповъ. Въ началѣ 1768 года, находясь въ той же мусорной на работѣ, онъ, между прочими разговорами, спросилъ Чернышева.

— Какой ты человѣкъ бывалъ?

На что Чернышевъ отвѣчалъ, что онъ бывший императоръ Петръ Третій.

— Какъ же ты попалъ сюда въ заводы?

— Бывши въ Воронежской губерніи, для осмотра состоявшихся тамъ полковъ, подѣ видомъ солдата былъ пойманъ и посланъ въ здѣшніе нерчинскіе заводы въ ссылку, не повѣря тому, что я такой великій человѣкъ.

То же самое сказывалъ Чернышевъ еще шести человѣкамъ.

Нѣсколько дней спустя, пришелъ въ плавильную фабрику Кузьма Фирсовъ и при тѣхъ же шести человѣкахъ долго и пристально смотрѣлъ на работавшаго Чернышева, а отойдя въ сторону, говорилъ мастеровымъ: „что-де этотъ колодникъ не Чернышевъ, но подлинно Петръ III“.

Всѣ эти рассказы возымѣли желанный успѣхъ. Въ тюрьму къ Чернышеву начали приходять многіе изъ заводскихъ служителей и дарить ему кто что могъ: одни приносили деньги, другіе—вещи. Всѣ эти подарки „чинены были единственно въ томъ чаяніи, ежели онъ освободится, то-бъ ихъ не оставилъ и отъ заводскихъ работъ уволилъ“. Въ этомъ же увѣрялъ ихъ и сообщникъ Чернышева — Евдокимовъ. Болѣе всѣхъ довѣрился обѣщаніямъ, какъ Чернышева, такъ и Евдокимова, заводскій служитель Бабинъ. Къ нему Чернышевъ хаживалъ неоднократно „чаю пить, обѣдать и получалъ другія вспомошествованія въ пропитаніи“, всегда увѣряя Бабина въ томъ, что когда освободится, то сдѣлаетъ его генераломъ. То же самое обѣщавъ Чернышевъ и другимъ и, между прочимъ, пробирному ученику Семену Вѣлому, пріѣзжав-

шему въ то время изъ Большого нерчинскаго завода въ Дучарской на побывку къ отцу—„сереброраздѣлительному мастеру“. Отецъ Семена Федоръ Вѣлой уже держалъ сторону Чернышева, водилъ съ нимъ хлѣбъ-соль и помогалъ ему во всемъ, чѣмъ только могъ.

Устроивъ знакомства въ заводѣ, заговорщики стали дѣйствовать смѣлѣе и открытѣе далеко на сторонѣ. Большую энергію въ этомъ дѣлѣ показывалъ, конечно, Евдокимовъ. Онъ водилъ въ тюрьму многіхъ крестьянъ, пріѣзжавшихъ случайно въ заводъ, и показывалъ имъ Чернышева. Между прочимъ, привелъ онъ къ нему крестьянина Городищенской слободы Петра Забѣлина, „называемаго, по народной модѣ, Шебаршею“. Шебарша видѣлъ Чернышева, далъ ему два рубля денегъ, долго съ нимъ разговаривалъ и, уходя, обѣщавъ ему помогать во всемъ. Въ тотъ же день приходитъ къ Чернышеву въ плавильную фабрику сынъ Шебарши съ казакомъ Тараскимъ. Оба они, „посмотря на Чернышева и не сказавши ему ничего, дали денегъ каждый по полуполтиннику“ и ушли.

Знакомство съ Шебаршею важно было для заговорщиковъ по тому обстоятельству, что Шебарша этотъ былъ крестьянинъ зажиточный самъ по себѣ и, сверхъ того, находился въ близкихъ и пріятельскихъ отношеніяхъ съ тунгусскими князьями Гантимуровыми. Князья были сильны и богатствомъ своимъ и тою матеріальною поддержкою, которая заключалась въ войскахъ, находившихся въ командованіи и распоряженіи ихъ. Шебарша и въ заводѣ Дучарскій (богда свелъ знакомство съ Евдокимовымъ и Чернышевымъ) пріѣзжалъ именно по дѣлу одного изъ этихъ князей (Алексѣя) со скотомъ, который поставлялъ Гантимуровъ для заводскихъ людей. Кроме того, Шебарша находился въ родственной связи съ крестьяниномъ Серебрянниковымъ, первымъ повѣреннымъ самозванца Чернышева.

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, Евдокимовъ, съ вѣдома и по согласію съ Чернышевымъ, приходилъ къ нему въ 1768 году въ Филипповъ постъ, въ кузницу, гдѣ Чернышевъ находился въ шабашное время на работѣ, когда другихъ рабочихъ тамъ не было, и говорилъ ему о своемъ намѣреніи послать нарочнаго съ письмомъ къ князю Гантимурову и къ крестьянину Шебаршѣ.

— Они,—увѣрялъ Евдокимовъ:—пришлютъ тебѣ, для пропитанія, денегъ и другихъ пожитковъ.

Чернышевъ согласился. Евдокимовъ привелъ къ нему приписного изъ ссыльныхъ въ Уровской сотнѣ Максима Косыхъ, который и писалъ эти письма подѣ диктовку Евдокимова. Письма эти взялся доставить этотъ же Косыхъ—и доставилъ. Вернувшись въ тотъ же Филипповъ постъ, привезъ онъ къ этой кузницѣ и отдалъ Чернышеву 18 руб. деньгами, 1½ пуда говяжьяго

мяса, 35 фунтовъ коровьяго масла, двѣ туши бараньяго, бѣлой шерсти лошадей. При этомъ Косыхъ сказывалъ, что князь Гантимуровъ прислалъ 4 р. денегъ, тушу баранины, говяжье мясо и масло коровье безъ вѣсу; Шебарша — лошадь и 3 р. денегъ, остальное (по два руб. денегъ) — нерчинскіе казаки Григорій Тарской и Михай Курбатовъ и другіе люди. А князь-де Гантимуровъ приказывалъ сказать, чтобы Чернышевъ, „какая ему въ пропитаніи и одеждѣ нужда будетъ, прислалъ бы къ нему нарочныхъ, съ конями-де онъ и будетъ присылать къ нему все, потребное для него, и ни въ чемъ не оставить; ему же (князю) самому присылать нельзя. Если онъ (т. е. Чернышевъ) хочетъ на волю, то бы прислалъ отъ себя письмо, почему онъ, Гантимуровъ, соберетъ команду своей тунгусовъ и возьметъ его изъ тюрьмы разбоємъ, и что онъ будетъ повелѣвать — туда и повезетъ. „Если же и въ заводъ бы пріѣхали, — наказывалъ сказать Гантимуровъ: — тамъ у меня-де ни одинъ человекъ и въ окно выглянуть не посмѣетъ“ *).

*) Князья Гантимуровы наводили страхъ на горняки и другія начальства и пользовались почетомъ въ тѣ времена, когда еще не остыло уваженіе къ государственнымъ и политическимъ заслугамъ ихъ предковъ. Вотъ коротенькая исторія этого княжескаго рода. Въ 17 вѣкѣ одинъ изъ князей Гантимуровыхъ владѣлъ въ Китаѣ землями и получалъ, въ качествѣ вассала, три слѣтка золота и 1.200 лантъ серебра. Во время войны китайцевъ съ русскими его послали впередъ китайскаго и тунгусскаго войска на завоеваніе Камарскаго острога на Амурѣ. Гантимуръ безъ боя возвратился домой и, боясь наказанія, съ женами, родными, дѣтьми, въ количествѣ 500 душъ тунгусовъ, ушелъ въ Сибирь и принялъ русское подданство. Въ 1685 г. онъ крестился съ именемъ Петра, а сынъ его Катанъ назвался Павломъ. Его обезпечили имѣніемъ и дали власть надъ 12-ью тунгусскими родами и съ титуломъ князя внесли въ книгу княжескихъ родовъ. Впоследствии царь вызвалъ его въ Москву. Гантимуръ съ двумя сыновьями и Сахалтуемъ, однимъ изъ тунгусскихъ старшинъ, получившимъ потомственное дворянство, пустился въ путь. На дорогѣ, въ Нарымѣ, старинъ Гантимуръ умеръ, а сынъ его Катанъ съ братомъ Чукуласемъ и Сахалтуемъ благополучно прибыли въ Москву. Катанъ воротился въ Нерчинскъ и управлялъ тунгусами, а Чукулай вступилъ въ русскую службу и уже не возвращался въ Сибирь. Катанъ отъ крещеной жены имѣлъ сына Иларіона; онъ, какъ царскій стольникъ, получалъ ежегодной пенсін 40 р. асс., 20 ведеръ водки, 40 четвертей хлѣба, 20 четвертей овса, соль и крупу. Богдыханъ, послѣ побѣды Гантимура, посылалъ къ нему пословъ, которые должны были склонить его къ возвращенію и привезли ему въ подарокъ золото, серебро, богатый поясъ и сбрую. Гантимуръ подарковъ не принялъ и не возвратился. Тогда выслаано было войско схватить его; китайское войско встрѣтилось съ Гантимуромъ на горѣ Умыкой, въ 15 верстахъ отъ Нерчинска. Произошла битва: Гантимуръ былъ раненъ, а китайцы разбиты. При заключеніи Нерчинскаго трактата

Косыхъ за эту комиссію получилъ денегъ 30 коп. да соврасую лошадь. Остальныя вещи Чернышевъ передалъ „для поклажи“ двумъ заводскимъ кузнецамъ. У нихъ же пряталъ онъ и другіе подарки, которые поступали къ нему въ большомъ количествѣ. Великимъ постомъ того же (1772) года навѣстилъ Чернышева его кумъ Серебряниковъ и принесъ ему въ подарокъ крупы. Чернышевъ, воспользовавшись такимъ благоприятнымъ случаемъ, просилъ Серебряникова сходить къ князю Гантимурову, на что тотъ согласился и, вернувшись вскорѣ въ заводъ, принесъ три туши бараньяго мяса, шубу и 12 руб. денегъ; кромѣ того, 5 фунтовъ коровьяго мяса и лясцу. Часть подарковъ шла отъ князя, часть отъ Шебарши и отъ неизвѣстныхъ. Чернышевъ, отпуская кума, велѣлъ ему сказать казаку Тарскому, чтобы онъ разглашенія объ немъ дѣлалъ исключительно между богатыми. Напутственные совѣты эти имѣли успѣхъ: Алексѣй Гантимуровъ прислалъ мерлушчатую шубу, крытую китайкою; два другіе его брата, вмѣстѣ сложившись, отправили семь рублей денегъ, братскій лама прислалъ также деньги; нѣкоторые крестьяне подарили волковъ, шкуры которыхъ Серебряниковъ продалъ дорогою, а деньги, равно и всѣ вещи, отдалъ Чернышеву. Чернышевъ, въ свою очередь, часть подарковъ продавалъ, другою подѣлился со своими друзьями, изъ которыхъ все-таки Евдокимовъ дѣйствовалъ рѣшительнѣе и неусыпнѣе. Онъ тѣмъ же временемъ продолжалъ отъ имени Чернышева собирать подаянія, которымъ велъ счетъ и счетъ этотъ записывалъ въ собственныя свои печатныя святцы вмѣстѣ съ именами „милостивцевъ“. Милостивцевъ этихъ привелось ему записать въ эти святцы свыше десяти человекъ, а по счету всѣхъ пожертвованныхъ денегъ оказалось на лицо болѣе 40 руб., кромѣ всякаго рода рухляди и живности.

Ободренные такимъ неожиданнымъ успѣхомъ въ дѣлѣ, которому они предвидѣли скорый конецъ, — особенно послѣ того, какъ всѣхъ ихъ едва не предалъ пробирный ученикъ Семенъ Бѣлой, — заговорщики завели дѣятельную переписку со всѣми своими благотворителями. Самъ Чернышевъ, какъ оказалось впоследствии, не умѣлъ ни читать, ни писать, хотя разъ и хватался передъ кузнецами въ плавильной, что

1689 г. китайскіе послы настойчиво требовали выдачи Гантимура, но его отстояли. Тунгусы Гантимура получили земли на Шилжѣ, Газимурѣ, въ Куенгѣ, на степяхъ Аргунскихъ по Онону. Впоследствии изъ тунгусовъ ононскихъ собрали казачій полкъ, который съ тѣхъ поръ и оставался подъ командою Гантимуровыхъ. Современный намъ князь тунгусскій служилъ въ военной службѣ, дослужился до капитанскаго чина и возвратился за Байкалъ въ деревню Урульгу, находящуюся на нерчинскомъ трактѣ за Читою въ 25 верстахъ отъ Кайдалова, — совершенно русскимъ человекомъ.

„умѣть по нѣмецки, по латыни и по русски“. Переписку за Чернышева вели другія лица: сначала самъ Евдокимовъ (который и пряталъ всѣ письма у себя въ школѣ подъ крышею), потомъ пробирный ученикъ Семень Вѣлой, и наконецъ, плавильный мастеръ Иванъ Карповъ. Другой же Карповъ (изъ ссыльныхъ) читалъ всѣ присланныя письма Чернышеву и онъ же съумѣлъ склонить на сторону самозванца другого богатаго и тароватаго крестьянина деревни Батаканской (Уросовской сотни) Осипа Коренева, носившаго прозваніе Дубленаго. Явился къ нему Карповъ просить милостыни. Дубленый далъ ему 50 коп. на всѣхъ колодниковъ, содержащихся въ Дучарскомъ заводѣ. Получая деньги, Карповъ выговаривалъ Дубленому:

— Дня чего ты мало даешь, да и то на всѣхъ колодниковъ? Я прошу на одного только великаго человѣка, котораго я знаю и который не Чернышевъ, а подлинно императоръ Петръ III. Потому-то надо послать къ нему поболѣ и при нынѣшнихъ случаяхъ его не оставить, а онъ, когда освободится, тогда ничѣмъ не оставитъ и покажетъ милость: освободитъ отъ заводскихъ работъ и тѣмъ нѣсть наградить. Я, Карповъ, для него ѣзжу и прошу у многихъ людей на него для пропитанія, почему и есть отъ многихъ довольная подача.

Сказавъ все это, Карповъ засвидѣтельствовалъ клятвою передъ образомъ. Кореневъ всему сказанному повѣрилъ и выдалъ для Чернышева 3 рубля денегъ. Черезъ полгода Карповъ пріѣзжалъ къ Дубленому во второй разъ и, сказавъ тѣ же обѣщанія, получилъ еще три рубля. Еще черезъ полгода пріѣзжалъ къ нему же другой посланный изъ тюрьмы отъ Петра Чернышева, крестьянинъ Серебряниковъ *), который обѣщалъ Дубленому ту же свободу отъ заводскихъ работъ. Дубленый, принимая въ соображеніе, что сынъ его находился въ Дучарскомъ заводѣ на службѣ счетчикомъ и въ чаяніи будущей свободы, выдалъ Серебряникову еще пять рублей, а чтобы удостовѣриться въ истинѣ его словъ, самъ поѣхалъ въ заводъ повидаться съ сыномъ и посмотреть на Чернышева. На улицѣ въ заводѣ встрѣтился ему Карповъ, который тотчасъ же попросилъ у него на Чернышева хлѣба и, такимъ образомъ, выговорилъ у Дубленаго пудовъ до 5 ярицъ. Съ Чернышевымъ Дубленый видѣлся наединѣ, долго разговаривалъ, обѣщалъ и впередъ помогать. Но чтобы все это дѣло оставалось тайнѣ, рекомендовалъ ему посредника въ лицѣ

*) Карповъ оказался впоследствии несправедливъ комиссіонеромъ: денегъ не отдалъ, вещи распродалъ и полученное за нихъ расходовалъ лично на себя; Чернышеву же и сообщникамъ его обо всемъ этомъ не давалъ знать. Ходилъ Карповъ за подаяніемъ по фальшивому увольнительному виду, написанному Львомъ Евдокимовымъ.

регистраторскаго человѣка. Регистраторъ самъ— какъ оказалось впоследствии, —принималъ косвенное участіе въ дѣлѣ: хлѣбъ принимали его люди, продавали потомъ (по 35 коп. за пудъ) и деньги приносили регистратору (одинъ Дубленый переслалъ, такимъ образомъ, до 25 пудовъ). Регистраторъ молчалъ, давая тѣмъ возможность сообщникамъ Чернышева расширить предѣлы ихъ заговора.

Въ домѣ кузнецовъ, у которыхъ складывали заговорщики лишнюю подарочную рухлядь, сходились они по временамъ для пооекъ. Вино покупалось въ Бякинѣ. За нимъ ѣздили поочередно Карповъ (плавильный мастеръ) и Серебряниковъ (крестьянинъ). Серебряниковъ на одной изъ этихъ пирушекъ, обратившись къ Чернышеву, говорилъ:

— Ты, Чернышевъ, какъ можно изъ тюрьмы бѣги и приходи ко мнѣ въ домъ; я хлѣбомъ не оставлю и провожу до князя Гантимурова, а онъ, по обѣщанію своему, тебя не выдастъ и взять у него уже некому. Князь наказывалъ мнѣ, чтобы ты прислалъ къ нему письмо своей руки, а чужимъ-де письмамъ онъ не вѣритъ. Тогда князь соберетъ тулгузовъ и казачковъ сотъ до трехъ, а можетъ и до пяти сотъ, и тебя сильно вошьметъ и увезетъ сперва къ себѣ въ домъ, а потомъ представитъ въ Петербургъ“.

Послѣдніе совѣты слугали заговорщиковъ: во 1-хъ, невозможно было послать къ Гантимурову собственноручнаго письма Чернышева, а во 2-хъ, они опасались за крайній результатъ—именно представленіе самозванца прямо въ Петербургъ. Рѣшено было дѣйствовать иначе. Побѣгъ Чернышева признанъ былъ пока единственнымъ средствомъ къ приведенію въ исполненіе нѣкоторыхъ намѣреній, но не всѣхъ.

Ив. Карповъ (ссыльный), только что вернувшійся съ новыми подарками отъ Дубленаго (состоявшими изъ свѣжей рыбы, пшеничной муки и куриныхъ яицъ), совѣтовалъ прибѣгнуть къ посредству Дубленаго. Дубленаго онъ уприсилъ скрыть ихъ на время въ безопасномъ мѣстѣ, на случай побѣга изъ завода. Дубленый обѣщался перевести ихъ черезъ Аргуни въ лодкѣ на китайскую границу, гдѣ найдетъ имъ такое мѣсто, что ихъ никто не найдетъ. Пищей также не оставитъ, только бы приходило ихъ съ Чернышевымъ немного. На тотъ конецъ съездъ Дубленаго, приписной изъ ссыльныхъ Федоръ Шулятевъ, въ ожиданіи ихъ прихода, обѣщался спать въ приготовленной для того лодкѣ. Денегъ этотъ Шулятевъ, по словамъ Карпова, прислать не могъ ни копейки, но письмо къ нему посланное получилъ.

— Потомъ, когда минется погоя, — говорилъ Карповъ по наказу Дубленаго:—Дубленый отвезетъ насъ къ Гантимурову на своихъ

лонадахъ или куда бы Чернышевъ самъ по-
хотеть.

Эта вѣсть и, особенно, самое послѣднее обѣ-
щаніе всѣмъ заговорщикамъ понравились. Рѣ-
шено было произвести побѣгъ изъ кузницы,
тѣмъ болѣе, что всѣ почти кузнецы были ихъ
единомышленниками. Случай къ тому вскорѣ
представился.

Выбрали для побѣга такъ называемое ша-
башное время, а именно тотъ день, „когда всѣ
кузнецы невѣдомо для чего повѣщены были въ
конторѣ“. Остались въ кузницѣ только Черны-
шевъ, кузнецъ Хромовъ и слесарный ученикъ
Лебедевъ, „которые о побѣгѣ Чернышева какъ-
то догадались и въ тотъ часъ донесли управ-
ителю Протодыякову“. Управитель приказалъ
Чернышева „къ ночамъ“ приводить въ контору
и содержать тамъ на стѣнной цѣпи, но слѣд-
ствія о причинахъ къ побѣгу не производилъ.

Эта неудача Чернышева возымѣла успѣхъ
съ другой стороны. Съ того времени приноше-
нія къ нему сдѣлались чаще и обильнѣе,
сообщники и помощники его—ретивѣе: одинъ
Серебряниковъ успѣлъ сходить къ 12 человекъ
каждъ и отъ каждаго изъ нихъ принести по
подарку. Участіе къ судьбѣ Чернышева удво-
илось съ той поры, какъ онъ вновь былъ заклю-
ченъ въ секретную комнату дучарской тюрьмы
и когда постигъ его адъютантъ генераль-
маіора Ивашева, Михайло Пановъ.

Пановъ этотъ пришелъ въ тюрьму вмѣстѣ
съ шихмейстеромъ Грязновымъ и лекарскимъ
ученикомъ Вешиннымъ. Пришелъ онъ посмотреть
на Чернышева, который въ то время содер-
жался при тюрьмѣ „въ особомъ чуланѣ“. Молча
посмотрѣвъ на Чернышева, они всѣ трое
вмѣстѣ вышли вонъ, но адъютантъ вернулся
назадъ, потребовалъ Чернышева въ сѣни, га-
раульнаго солдата Рудакова отослалъ прочь,
говорилъ съ Чернышевымъ много и долго и вы-
шелъ. По дорогѣ онъ спросилъ Грязнова:

— Можно ли Чернышеву подать милостыню?

На что Грязновъ ему отвѣчалъ, „что мило-
стыню подать, кажется, противности никакой
быть не можетъ“. Адъютантъ послалъ съ Веш-
иннымъ три „двоегривенника“.

Это пустое, по видимому, обстоятельство по-
дѣйствовало на заговорщиковъ внушительно, но
нинымъ, неожиданнымъ образомъ. Кузьма Фирсовъ
разсказывалъ всѣмъ, что-де адъютантъ Пановъ
навѣщалъ Чернышева и опозналъ его импера-
торомъ, а потомъ и самъ генераль Ивашевъ
ходилъ въ тюрьму ночью въ халатѣ, осматри-
валъ Чернышева и присылалъ къ нему потомъ
(какъ самъ генераль, такъ и его адъютантъ)
письма. Больше другихъ повѣрилъ этому по-
казанію пробирный ученикъ Семень Вѣлой, ко-
торого Фирсовъ просилъ, при отъѣздѣ въ Нер-
чинскій заводъ, навѣдываться о дѣлѣ Черны-
шева и ихъ извѣщать. Вѣлой, по пріѣздѣ туда,

хотѣлъ спросить самого генерала, „но не по-
смѣлъ, а подбросить письмо побоялся“. Разъ
остановилъ онъ (Вѣлой) адъютанта на улицѣ
и, спросивъ о Чернышевѣ, слышалъ слѣдую-
щее: „Вотъ я нынѣ отправляюсь отъ комиссіи
въ Петербургъ и объ этомъ колодникѣ пред-
ставлено будетъ, а я и самъ видалъ, что онъ
не Чернышевъ“.

Все это было передано въ Дучарскій заводъ
и распространено между всѣми тѣми, кому
о томъ надлежало вѣдать. Особенно горячее
участіе показалъ въ этомъ дѣлѣ плавильный
мастеръ Иванъ Карповъ, вернувшійся въ Ду-
чарскій заводъ изъ Большого нерчинскаго, куда
былъ вытребованъ генераль-маіоромъ Иваше-
вымъ для граненія ему камней. Этотъ Кар-
повъ разсказывалъ всѣмъ:

— Я голову свою къ генералу Петру Семе-
новичу носилъ и въ приполѣ и объявлялъ ему
о Чернышевѣ, что онъ подлинно Петръ Третій,
императоръ, чѣмъ его, генерала, увѣрилъ. Онъ
обѣщалъ, ежели подлинно Петръ Третій, по-
жаловать меня поручикомъ и объ Чернышевѣ
хочетъ отписываться въ Петербургъ и посы-
лаеть нарочно съ представленіемъ адъютанта
своего, господина Панова.

Чернышеву же говорилъ Карповъ, что Ива-
шевъ скоро будетъ за нимъ въ заводъ. Хо-
тѣлъ бы говорить еще что-то, но разговоръ
помѣшали караульные солдаты, которые Евдо-
кимова и Карпова отъ тюрьмы отогнали, при-
чемъ солдатъ Иванъ Корелинъ ударилъ Кар-
пова кулакомъ по затылку.

Какъ бы то ни было, но этотъ Карповъ съ
той поры дѣлается повѣреннымъ всѣхъ тайнъ
сообщниковъ Чернышева: онъ ѣздитъ по благо-
творителямъ ихъ и собираетъ милостыни, по-
купаетъ вино, вмѣстѣ съ ними пьянствуетъ и
снова ѣдетъ туда, куда его посылаютъ, непре-
кословно, обязательно, хотя и не слишкомъ
честно. Такъ, напримѣръ, онъ пропилъ въ ка-
бакѣ платокъ, посланный Чернышеву какою-
то женщиною; не отдалъ части денегъ и не по-
казывалъ писемъ инья изъ нихъ читалъ и не
дочитывалъ Чернышеву. Все это побудило за-
говорщиковъ не довѣрять болѣе Карпову и
положиться во всемъ на Евдокимова.

Евдокимовъ, однако, не пошелъ дальше того,
на чемъ уже было рѣшено. Евдокимовъ
и въ этотъ разъ остановился на побѣгѣ; а
чтобы успѣшнѣе прозвести его, подговаривалъ
слесарнаго ученика Лебедева, кузнеца Тарака-
нова и ссыльнаго Меншенина. Каждому изъ
нихъ обѣщалъ онъ привести по лошади, а ло-
шадей надѣялся достать отъ Шулятева и Дуб-
ленаго (Коренева). Шулятевъ на то время успѣлъ
уже самъ побывать въ заводѣ, повидаться и
поговорить съ Чернышевымъ и передать ему
черезъ караульныхъ солдатъ 50 копеекъ.

Число сообщниковъ увеличилось еще нѣ-

сколькими изъ дальнихъ крестьянъ, частью по письмамъ отъ Евдокимова, частью по стараніямъ и убѣжденіямъ Шебарши и Серебряникова. Серебряниковъ снова явился къ Чернышеву и снова обѣщалъ ему содѣйствіе и совѣтовалъ безотлагательно бѣжать. Евдокимовъ настаивалъ на томъ же, но нѣсколько измѣнилъ планъ. По новымъ соображеніямъ, они должны были отправиться къ Гантимурову съ тѣмъ, „чтобы отъ него идти въ російскіе города, куда кому случай допустить“.

Между тѣмъ, наступило теплое весеннее время, благоприятное для побѣговъ и любимое арестантами, рѣшившимися бѣжать въ лѣсъ. Чернышевъ сталъ учащеннѣе получать подарки отъ благотворителей своихъ и, въ большей части случаевъ, не вещами, а деньгами. Тѣ, которые посылали вещи, напр., Вольшаковъ — тулупъ, крытый шанхайскою китайкою, и два конца синей нелощеной китайки—совѣтовали своимъ довѣреннымъ вещи эти продавать и выдавать пособие Чернышеву деньгами. То же велѣлъ сдѣлать Шебарша, пославшій съ Серебряниковымъ, въ милостыню Чернышеву, лошадь, которая и была продана въ городѣ Нерчинскѣ купцу за три рубля.

Но прошла весна и Чернышевъ, за бдительнымъ надзоромъ, не могъ выискать случая къ побѣгу. Случай этотъ представился ему уже въ то время, когда въ одномъ казематѣ съ нимъ заключены были два другихъ арестанта—Родионъ Отопковъ и Андрей Пановъ. 29 іюня вечеромъ они рѣшились бѣжать вмѣстѣ и начать для этого нужныя приготовленія.

Отопковъ говорилъ: „У меня на Шилкѣ изготовлено хлѣба печенаго, сухарей, пуда съ два“.

Пановъ: „У меня на Селенгѣ живетъ братъ, онъ насъ отвезетъ на звѣриный или на рыбный промыселъ, гдѣ-де жить хоть до смерти можно“.

А Чернышевъ: „Да и мнѣ обѣщаль кумъ Серебряниковъ на дорогу хлѣба исправить“.

— Ладно!—рѣшилъ Отопковъ:—Вотъ мы до Шилки тѣмъ хлѣбомъ и дойдемъ“.

При этомъ разговорѣ никого изъ постороннихъ не было.

На другой день (30 іюня), въ шестомъ часу по полудни, Пановъ пошелъ съ караульнымъ солдатомъ за водою, а Чернышевъ съ Отопковымъ остались одни. Отопковъ, пользуясь случаемъ, отодралъ съ гвоздей доску у „казенки“ (куда Чернышева запирали одного на ночь) и приставилъ ее къ той же казенкѣ „налепомъ“, чтобы караульный не усмотрѣлъ. Вернулся Пановъ, вернулся и караульный. Караульный пошелъ въ солдатскую за смѣною, всѣ три арестанта остались одни и не медлили: общими силами они въ это время выломали доску около печи и заложили то мѣсто приготовленнымъ на тотъ конецъ войлокомъ. Тогда при-

шла новая смѣна: двое караульныхъ. Чернышева они увели въ казенку и, по обыкновенію, посадили на стѣнную цѣпь. Одинъ солдатъ легъ спать и заснулъ, другой сидѣлъ до полуночи и слушалъ сказки, которыя рассказывалъ ему Отопковъ. Подъ говоръ Отопкова и этотъ караульный также заснулъ. Забѣнивъ это, Пановъ тѣмъ временемъ слѣзъ съ печи, началъ ломать казенку и произвелъ шумъ. Отопковъ молча оттолкнулъ его и, вынувъ заранѣе отодраную ими около печи доску, самъ пошелъ въ казенку. Здѣсь гвоздемъ отпираетъ у Чернышева цѣпной замокъ въ то время, когда самъ Чернышевъ увивалъ платкомъ бывшіе на немъ кандалы для того, чтобы они не звенѣли. Снявъ такимъ образомъ цѣпи, они вышли изъ казенки. Отопковъ тѣмъ же гвоздемъ отперъ замокъ и снялъ кандалы съ собственныхъ ногъ. Затѣмъ, черезъ отверстіе подтѣ печи, они вылезли на дворъ, въ острогъ. Черезъ тынъ пересаживалъ ихъ Отопковъ, поддерживая сзади клюкою, по приставленной къ палиямъ драницѣ, обвязанной для большаго удобства поперекъ тряпками. По вѣншей сторонѣ острога, на землю, спустились они на кушакѣ, который укрѣпилъ Пановъ, влѣзшій наверхъ прежде другихъ. Кончивъ эту операцію, „оттолгъ, во 1-хъ, пошли на гору мимо церкви, и взосеждъ на гору и у имѣющихся на нихъ, Пановѣ и Чернышевѣ, желѣзъ расшибли кольца, а потомъ пошли по той горѣ вверхъ и, поверставшись прямо здѣшняго го фшп и т а л а, тѣ желѣза бывшимъ у Отопкова долотомъ разбили и тутъ положили подъ камень. А оттолгъ пошли по хребтамъ и прочимъ лѣснымъ и пустыямъ степнымъ мѣстамъ и по убѣгѣ на завтра (т. е. 1-го числа іюля) въ вечеру пришли въ паць Уровскія п о к а т и; какъ та паць называется — не знали: въ разстояніи отъ рѣки Урова на примѣръ версты съ двѣ, гдѣ у Отопкова (незадолго до этого времени бывшаго въ бѣгахъ) сдѣланъ былъ балаганъ, въ которомъ нѣтъ его сухари съ полпуда примѣрно“. Въ этомъ стану бѣглецы ночевали; весь слѣдующій день провели тутъ же. Вечеромъ пошли къ рѣкѣ Урову и, перейдя эту рѣчку въ бродъ, съ версту шли до сопки, на которой и ночевали. Утромъ слѣдующаго дня пошли внизъ по рѣкѣ Урову пустыми „прикрытыми“ мѣстами и, въ виду деревни, но не дойдя до ней, легли спать на сопкѣ. Между тѣмъ, наступила ночь. Бѣглецы, пользуясь темнотою, отправились прямо въ деревню, для того, что Чернышевъ говорилъ имъ: „Пойдемъ опознавать крестьянина Ивана Серебряникова—моего кума и друга“!

Когда бѣглецы стали подходить къ этой деревнѣ, то „тутошные жители или невѣдомо какіе другіе люди стали ихъ ловить, почему они всѣ трое и разбились врозь“: Пановъ побѣжалъ къ рѣкѣ Урову, Отопковъ за деревню на

сопку, а Чернышевъ обратно тѣмъ же мѣстамъ, какими пришли къ деревнѣ. Тѣ же люди, которые ихъ ловили, всё бросились за Пановымъ (Отопкова же и слѣдъ былъ затерянъ). Чернышевъ, между тѣмъ, пошелъ далѣе хребтами, также пустыни и степными, „и иными мѣстами, не заходя нигдѣ въ жилия мѣста и шелъ 11 дней голодомъ, оттого весьма истощился и пришелъ въ безсиліе“. На двѣнадцатый день вышелъ онъ Газимурской сотни въ деревню Шелопугину и „самъ собою“, по доброй волѣ, явился къ смотрителю, крестьянину Ивану Корсакову, который выслалъ его въ газимурскую приказную судную избу, а оттуда уже онъ препровожденъ былъ въ Дучарскій заводъ.

Вотъ что показывалъ Чернышевъ въ дучарской заводской конторѣ, куда онъ былъ потребованъ изъ тюрьмы къ допросу. Въ заключеніе этихъ показаній по формѣ онъ свидѣтельствовалъ слѣдующее: „Вудучи какъ прежде, такъ и нынѣ въ побѣгахъ, воровства, разбоевъ, смертныхъ убійствъ и дворовыхъ пожоговъ не чинилъ и за другими ни за кѣмъ того не знаетъ; становщиковъ и приставодержателей никого не знаетъ и ни отъ кого онъ не слыхалъ бѣглыхъ, подобныхъ ему нигдѣ и никого не видалъ, ночевовъ и ночлеговъ нигдѣ и ни у кого не имѣлъ“.

Пановъ противъ показанія этого свидѣтельствовалъ, что Чернышевъ посылалъ караульнаго солдата за покупкою вина, солдатъ принесъ осмину. Водкою этой Чернышевъ поилъ его, Панова и Отопкова. О побѣгѣ сговаривались Чернышевъ съ Серебряниковымъ одинъ на одинъ въ тюрьмѣ, куда впускалъ крестьянина солдатъ Бубенщиковъ. Чернышевъ говорилъ: „Отъ куда-де пойдѣмъ къ крестьянину Урульгинской слободы Максиму Плюшину, а оттуда къ крестьянину Вольшакову: онъ-де меня знаетъ и мнѣ подарки присылалъ; а оттуда пойдѣмъ къ князю Павлу Гантимурову въ Городищенскую слободу: князь 12 рублей денегъ съ племянникомъ своимъ прислалъ и лошадь подарилъ“. Деньги Чернышевъ отдавалъ кузнецу Ватеневу и мастеру Ксенофонту Данилову, которые на тѣ деньги покупали вино, а Чернышевъ у нихъ гостилъ и тѣмъ виномъ товарищей подчивалъ. Серебряниковъ въ чиненіи разговоровъ не сознался, но отъ подачи милостыни на допросѣ не отказывался“.

Огобранный допросъ писанъ былъ начерно. Бывшій управитель Дучарскаго завода швейстеръ Казимировъ показанію ссыльныхъ не давалъ особеннаго значенія и дѣло бросилъ безъ изслѣдованія; новый же управитель Протодьяконовъ, разбирая дѣла предвѣстника своего и найдя въ допросахъ ссыльнаго Андрея Панова важное показаніе, рѣшился дать этому дѣлу дальнѣйшій ходъ. Показаніе это заключалось въ слѣдующихъ словахъ: „Еще до побѣга

Чернышевъ увѣрялъ Панова, Отопкова и Ивана Карпова, что указъ о Петрѣ III, императорѣ, яко бы онъ умре, написанъ ложно, а я-де дѣйствительно Петръ III, императоръ, о чемъ онъ многихъ людей, а особливо кузнецовъ Данилова и Ватенева, также и Зыкова склонялъ и приводилъ въ свою волю“.

„Въ производствѣ этого дѣла, — пишетъ Протодьяконовъ въ нерчинскую канцелярію: —здѣшняя дучарская контора приступить смѣлости не имѣетъ“.

Такимъ образомъ, по случайному поводу, началось все это дѣло, подробностямъ котораго мы дали мѣсто.

Въ Нерчинскій заводъ свезены были причастные къ дѣлу (хотя и не всё) и разсажены были за крѣпкимъ карауломъ по тюрьмамъ. Началось слѣдствіе, а за нимъ и та путаница, которая до сихъ поръ характеризуетъ всё дѣла о ссыльныхъ, опытныхъ въ дѣлахъ крючкотворства и всѣхъ подъяческихъ увертокъ. По мѣрѣ усиленія слѣдствія, увеличивалось и число подсудимыхъ и арестованныхъ. Дошло, наконецъ, дѣло до того, что горное начальство стало опасаться возможности бунта. Не хватало солдатъ въ командѣ для постояннаго и бдительнаго надзора за арестантами; самыя работы заводскія примѣтно ослабли и чуть-чуть не прекратились вовсе. Дѣла слѣдствія шли, въ большей части случаевъ, неуспѣшно. Нѣкоторые изъ оговоренныхъ не явились къ допросу; такъ, напр., Шебаршу долго не могли отыскать и принуждены были ограничиться заочнымъ его показаніемъ, которое онъ адресовалъ, въ видѣ жалобы, въ нерчинскую воеводскую канцелярію и все-таки не въ нерчинскую горную *). Но всё вмѣстѣ подсудимые старались — по обыкновенію — притягивать какъ можно больше постороннихъ людей, съ единственною цѣлью затянуть дѣло на безконечные сроки и возможно затруднить слѣдователей. Ко всей этой путаницѣ допросовъ и переспросовъ, показаній на бумагахъ и изустныхъ присоединилось еще болѣе запутывающее обстоятельство: найдена была переписка. Переписка эта завинила многихъ новыхъ и, между прочими, указывала на одного, какъ на главнаго, но о которомъ до сихъ поръ всё другіе

*) Вотъ смыслъ прошенія Шебарши: «Ко мнѣ пріѣзжали солдаты и вооруженные люди и хотѣли вести меня сильно. Я былъ на то время въ собственномъ полѣ, при посѣвѣ хлѣба. Солдаты ночевали у меня. На другой день требовали обѣда, и когда имъ дали постное, то разложили огонь на дворѣ, начали варить скоромное и чуть не сожгли весь домъ. Убѣжая, сильно грозилась на меня; а дѣлали все это ради корыстолюбія, ибо-де онъ, Шебарша, съ заводскимъ начальствомъ никакихъ дѣлъ не имѣетъ, а оно знаетъ его достатки и многихъ богатыхъ успѣло раззорить поборами, взятками». Волею вторичнаго нападѣнія начальства, Забѣлинъ (т. е. Шебарша) тайно выѣхалъ въ Нерчинскъ, подъ защиту воеводы.

молчали. Этотъ новый былъ нѣкто Семень Иванецкій, также ссыльный, нѣкогда другъ и благодѣтель Чернышева, пришедшій въ ссылку вмѣстѣ съ нимъ изъ Россіи. Теперь обстрѣленный, Иванецкій вель дѣла съ большою осторожностью и не выказывалъ той энергіи, которая выразилась въ неустаннымъ и неугомонномъ товарищѣ другого русскаго сомовлана, приставшемъ и къ этому. Этотъ Иванецкій жилъ въ Уровской деревнѣ и еще осенью 1768 года писалъ къ Чернышеву письмо слѣдующаго содержания: „Премилосердный мой государь, Петръ Ѳедоровичъ! Желаю вамъ здравствовать на многія лѣта, да притомъ же о себѣ увѣдомляю, что въ маломъ здравіи нахожусь отъ тяжелой печали и великой болѣзни, малое число глазами вижу. Старость меня постигнула, купно же и нищета: ни рубахъ, ни одѣянія не имѣю. Отъ вашего здравія вѣдомости никакой не имѣю. Черезъ сего письмоподателя прошу ко мнѣ написать все обстоятельно: есть ли какая надежда или нѣтъ? долго ли намъ здѣсь мучиться? Деньгами меня не оставьте по своей милости, ежели у васъ имѣются“ *).

Въ тѣхъ же бумагахъ слѣдователи нашли отвѣтъ, писанный рукою Евдокимова, слѣдующаго содержания: „О чемъ вы изволите писать и слышать хотите о благополучіи, пріѣзжалъ генералъ комисенскій отютантъ, ходилъ въ тюрьму осматривалъ Петра Ѳедорыча и похвально съ тѣмъ въ Петербургъ къ государынѣ и писалъ къ Петру Ѳедорычу, что буди надеженъ и такъ буду стараніе предлагать, какъ Богу такъ и тебѣ буди благонадеженъ и молись, проси у Создателя нашего, можетъ вашихъ молитвъ Господь да послушаетъ“ **).

Иванецкій потребованъ былъ къ допросу. На немъ отъ посылки двухъ писемъ: одного къ Петру Ѳедорычу, а другого къ Евдокимову (которое, однако же, не найдено, спрятано-де было подъ половицу и закладено гдѣ-то мохомъ) не отказывался; напротивъ, указалъ даже на крестьянина Николая Кайгородова, который возилъ эти письма. Кромѣ того, Иванецкій показывалъ слѣдующее: пріѣзжавшіе въ Усть-уровскую деревню въ 1768 году тунгусы неоднократно сказывали, что князь ихъ Гантимуровъ посылаетъ въ подарокъ къ Петру Ѳедорычу, по письмамъ его, денегъ рублей по сту и по пятидесяти; дарилъ ему лошадей, шубы и другія потребныя для него вещи и увѣряется и имъ сказывается, что то Петръ Третій, и хочетъ собрать ихъ, тунгусовъ, и Петра Ѳедорыча силою изъ тюрьмы взять. Нѣкоторые изъ тунгусовъ сказывали, что князь ихъ (но который, Иванецкій не знаетъ) увѣчалъ въ Петербургъ, а другіе тунгусы приговаривали, что онъ-де ѣдетъ

изъ Петербурга и съ нимъ для взятія Петра Ѳедорыча идетъ одинъ полкъ регулярнаго войска и вельно-де его взять съ честью. И слышали-де (тунгусы), что и онъ, Иванецкій, присланъ съ тѣмъ колодникомъ вѣстѣ и по одному дѣлу. На что Иванецкій тѣмъ тунгусамъ совѣтовалъ не вѣрять. „Чая, что у Чернышева много денегъ и другихъ пожитковъ, то о присылкѣ денегъ писалъ письмо въ томъ разсужденіи: вѣдая онъ объ немъ, Иванецкомъ, что въ ссылку онъ посланъ за него, Чернышега, то, можетъ, вспомя, къ нему изъ оныхъ пришлетъ. А честнымъ отцомъ распопа (Евдокимова) называлъ для общаго успѣха въ дѣлѣ“.

Наслѣдивъ, такимъ образомъ, главнаго дежателя заговора въ лицѣ князя Гантимурова. канцелярія Нерчинскаго завода и тутъ, при всѣхъ своихъ хлопотахъ и усиліяхъ, ничего не могла сдѣлать. Прибѣгла къ пыткамъ — и онѣ не помогли *). Требовала она отъ князя Степана показаній, но показаній онъ не давалъ, хотя и жилъ въ то же время въ заводѣ, въ гостяхъ у главнаго члена комиссіи, генералъ-маіора Ивашева; просили его пріѣхать въ канцелярію, онъ съ грубостью говорилъ посланному унтеръ-офицеру, что находится у главнаго своего начальника. Въ то же время и самъ Ивашевъ сказалъ посланному, что Гантимуровъ состоитъ въ командѣ его и въ канцелярію и къ здѣшнему командиру ходить ему не вѣдитъ **). Взять силою князя Степана Гантимурова заводское начальство не рѣшилось изъ боязни, ибо Гантимуровъ вызвалъ въ заводъ съ пограничныхъ карауловъ болѣе ста человекъ вооруженныхъ казаковъ, которыхъ и держалъ (съ вѣдома Ивашева) въ заводѣ по 20-ое число апрѣля, какъ бы для защиты и охраны своей личности. „А тѣхъ казаковъ онъ вытребовалъ безъ всякаго увѣдомленія, вдругъ, нечаяннымъ образомъ, когда въ нихъ никакой надобности не состояло и представляло нѣчто чрезвычайное; а надъ оными казаками и кочующими тунгусами имѣеть онъ начальство“.

При такой запутанности дѣла и при тѣхъ трудностяхъ, какими обставилось слѣдствие съ самомъ началѣ, слѣдственная горная комиссія успѣвала дѣлать немногое. Все главное едва ли не ускользнуло изъ ея рукъ и вѣденія. Главнаго узла всего этого дѣла она не нашла.

*) Такъ, напр., били плетью правильно мастера Ив. Карпова и добились только того, что заставили его показать согласно съ Чернышевымъ. Относительно писемъ узнали только, что они дѣйствительно были присылаемы и читались Чернышеву у кузнечнаго горна. Но во всѣхъ письмахъ этихъ находили только намеки; всѣ они писаны съ великою осторожностью, въ нихъ заговорщики ни въ чемъ не промолчались.

**) Командиръ нерчинскихъ горныхъ заводовъ генералъ-маіоръ Василій Ивановичъ Суворовъ, отецъ знаменитаго героя.

*) На подлинникѣ письма этого написано было рукою самого Иванецкаго «Sub secreto».

***) Такъ-же правописаніе подлинника. На немъ пометка: «Дучарской, октября 3-го 1768 года».

а тѣмъ болѣе не могла его распутать. Евдокимовъ ловко отвертывался и далеко пряталъ концы. Остановившись на собранныхъ показаніяхъ, слѣдственная коммиссія додумалась только до очныхъ ставокъ, но и ставки эти доставили ей новую путаницу. Съ трудомъ она, наконецъ, могла наслѣдить только одно и рѣшить для себя два главныхъ вопроса:

1. Назывался ли солдатъ Петръ Чернышевъ императоромъ Петромъ Третьимъ?

„Назывался неоднократно и сказывался таковымъ всѣмъ, его знавшимъ и приходившимъ къ нему съ разпросами“.

2. Что побудило Чернышева на подобное разглашеніе о себѣ?

„Разглашала все это не для чего иного, какъ только изъ желанія получать отъ доверчивыхъ людей деньги! Разглашать о себѣ велѣлъ другимъ—также только для своего прибытка, чтобы „привести здѣшнихъ жителей въ сожалѣніе“ (возбудить ихъ сочувствіе); а возбуждалъ это сочувствіе опять—таки исключительно для того, „чтобы подавали ему деньги и къ пищѣ потребные припасы присылали“.

На этихъ показаніяхъ слѣдственная коммиссія и успокоилась, признавъ дѣло съ своей стороны завершеннымъ *). А между тѣмъ, вотъ что говорило прошедшее этого несчастнаго человѣка.

Онъ былъ нѣкогда солдатомъ Брянскаго пѣхотнаго полка, изъ котораго отпущенъ былъ въ отпускъ на родину въ Орловскій уѣздъ, въ однодворческое село Васильевское, срокомъ на двѣ недѣли. Къ сроку этому рядовой Петръ Чернышевъ въ полкъ не явился. На родинѣ укралъ лошадь. Изъ полка посланы были за нимъ солдатъ и капралъ, но Чернышевъ, дойдя съ ними до слободы Куньей, бѣжалъ съ дороги и очутился въ Ивюмскомъ уѣздѣ въ селѣ Купенкахъ. Здѣсь онъ сошелся съ помошъ (помощъ распопъ и ссыльный) Иванецкимъ. Въ дому у этого Иванецкаго Чернышевъ, разъ напившись пьянъ, при попадѣ и при дьячкѣ называлъ себя императоромъ Петромъ Теодоровичемъ. Объ этомъ же самомъ увѣрялъ онъ ихъ всѣхъ въ домѣ какого-то крестьянина и при этомъ притворно плакалъ. Сдружившись съ помошъ Иванецкимъ, онъ заставлялъ его пѣть молебны и всенощную; на эктеніяхъ упоминался какъ императоръ и, будучи въ церкви, ходилъ въ царскія врата. Вскорѣ, однако, онъ былъ пойманъ, отданъ подъ караулъ и отосланъ къ бригадиру Зоричу. Здѣсь, на допросахъ, Чернышевъ упорствовалъ въ сознаніи, много лгалъ,

*) Во всемъ остальномъ очныхъ ставокъ выводили наружу одинъ только мелочи; такъ, подъ письмомъ, отосланнымъ къ Большакову, было подписано только «Петръ Теодоровъ», а не добавлено Чернышевъ. Писемъ онъ не писалъ самъ по неумѣнью; подсудимые не говорили прежде многого, изъ боязни наказанія, и т. п.

„а что императоромъ себя называлъ, то это—де въ пьяномъ видѣ, и замышлялъ выманить у Иванецкаго платье“. Называться такимъ образомъ научилъ его одинъ солдатъ, который, за смертоубійство, отправленъ въ Сибирь въ ссылку. На этомъ же допросѣ сказывалъ, что разъ уже былъ наказанъ за воровство шпидрутенами и батожьемъ. Уличенный, такимъ образомъ, въ преступленіяхъ, Чернышевъ за ложно вымышленное разглашеніе, „яко возмутитель блаженнаго народнаго спокойствія и государственной тишины, а равно и за учиненное воровство (лошади) и побѣгъ и за ложныя въ допросахъ показанія“ избавленъ былъ отъ смертной казни. Въмѣсто нее велѣно было въ селѣ Купенкахъ наказать его жестоко кнутомъ и сослать въ Нерчинскъ въ тяжкую работу вѣчно *).

Подробности этого событія сдѣлались извѣстными канцеляріи нерчинскаго горнаго начальства уже гораздо впослѣдствіи, черезъ отношеніе генералъ-прокурора князя А. А. Вяземскаго. До той поры слѣдователи смутно догадывались о дѣлѣ Чернышева и не могли дать себѣ яснаго отчета объ его разглашеніи. Эта неясность и запутанность взгляда и мнѣній перешла и въ самый докладъ, который изготовила коммиссія и представила въ сенатъ. Мы представляемъ теперь только начало и конецъ этого „доношенія“ съ буквальною точностью, въ доказательство нашей мысли и въ образецъ того, какъ казенная форменность слога вообще могла затемнять способъ изложенія и безбожно искажать въ то же время живой, богатый и законченный нашъ родной языкъ.

„Повсже, — пишетъ канцелярія нерчинскаго горнаго начальства: — изъ производимаго въ здѣшней канцеляріи дѣла оказалось, что присыльный сюда Чернышевъ самъ выдумалъ, его сообщники разглашали объ немъ, яко бы онъ бывший императоръ Петръ III, тѣмъ многихъ уже изъ находившихся здѣсь крестьянъ и другого званія людей и увѣрили, которые по своему легкомыслію и давали ему великіе подарки и намѣревались его увезти, въ чемъ многіе и сами добровольно признались, а объ ономъ же про Чернышева важномъ разглашеніи знали и находящіеся въ нерчинскомъ вѣдомствѣ тунгусскій князь Алексѣй да князь-Павла сынъ, Степанъ Гантимуровы, также крестьянинъ Забѣлинъ, онъ же и Шебарша, и прочіе, а паче, что всѣ тѣ, кои у нихъ съ тѣмъ ложнымъ разглашеніемъ были, показываютъ, что изъ нихъ князь Алексѣй Гантимуровъ хотѣлъ означеннаго Чернышева изъ-подъ караула сильно увести и представить въ Санктъ-Петербургъ или отвести, куда онъ велить; о чемъ и оный крестьянинъ Шебарша сообщнику Чернышева,

*) Тогда же и за то же, вѣроятно, сосланъ былъ и попъ Иванецкій въ сосѣдство въ Чернышеву по нерчинскимъ заводамъ.

смыслному же Евдокимову, какъ онъ показываеъ, объявляеъ; также и казакъ Григорій Тарскій крестьянину Серебряникову объ томъ же, обще съ онымъ Гантимуровымъ къ Чернышеву приказывали, а его, Серебряникова, подучали, дабы онъ упоминаемаго Чернышева увелъ по-таенно и къ нимъ доставилъ съ немалымъ обнадѣживаньемъ; а сверхъ того, оный же князь Алексѣй и объявленный князь-Павла сынъ Степанъ Гантимуровы посылали къ оному Чернышеву письмо и какъ они, тамъ часто упоминаемый крестьянинъ Шебарша давали ему, Чернышеву, великіе подарки, чего всего имъ какъ для сельнаго, когда бы они заподлинно его, Чернышева, такъ не почтала—чинить никакой надобности не было по разсужденію, что оный Серебряниковъ не подозрительный, то и болѣе показаніе его принять должно; да и самый оный Чернышевъ и всѣ его въ томъ сообщники и которые тѣ подарки отъ нихъ носили, объявляютъ согласно; почему бы ими Гантимуровыми, Тарскимъ и Шебаршею, яко намѣревающимися произвести весьма противное, и надлежало изслѣдовать, ибо ежели все оное справедливо, какъ на нихъ показано, то они, конечно, безъ тягчайшаго штрафа оставлены быть не должны; но хотя изъ оныхъ Шебарша черезъ нарочнаго и требованъ былъ отъ нерчинской воеводской канцеляріи, въ вѣдомствѣ которой онъ состоитъ, но токмо и онъ самовольно выхавшею изъ здѣшняго завода слѣдственной комиссіею и за показаніемъ объ немъ, что онъ потребенъ для великоважнаго дѣла удержанъ и еще съ непринадлежащимъ на здѣшнюю канцелярію, яко бы она его требуетъ для своего корыстолюбія, поношеніемъ, то и воеводской канцеляріи, безъ всякихъ въ томъ основательныхъ причинъ, предписала. Чтожь принадлежить до объявленныхъ князей Гантимуровыхъ и казака, то уже здѣшняя канцелярія и требовать ихъ почитаетъ за единое въ рѣшеніи сего дѣла продолженіе, ибо когда означенная комиссія прежде писаннаго крестьянина Шебаршу удерживала, то уже, конечно, объявленныхъ князей Гантимуровыхъ безъ удержанія не оставить же *).

....Слѣдовало бы,—говорить далѣе доношеніе: обратитъ бдительное вниманіе на адъютанта главнаго штаба и члена комиссіи Панова, но сдѣлать этого канцелярія не можетъ: во 1-хъ потому, что, за множествомъ дѣлъ и за немѣнѣемъ достаточнаго числа приказныхъ служителей, канцелярія съ трудомъ управляется и

*) Слѣдуетъ запутанный разсказъ объ упорствѣ Гантимурова явиться въ канцелярію горнаго начальства и дать отвѣты и изъясненіе опасной канцеляріи дѣйствовать наступательно: «ибо у нихъ (Гантимуровыхъ) кочующихъ тунгусовъ подъ командою состоитъ немалая тысяча человекъ и народъ весьма легкомысленный и склонный къ продерзостямъ!»

текущими дѣлами (а дѣло Панова, по важности его, не всякому можно довѣрить); а во 2-хъ, если всѣхъ оговоренныхъ людей забрать, то не хватить мѣстъ для помѣщенія, не останетъ и людей для караула, и теперь уже съ большимъ затрудненіемъ содержатся арестованные по этому дѣлу и притомъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ бы ихъ и содержать не должно. По немѣнѣю же военныхъ служителей употребляется въ караулъ „по крайней необходимости“ большая часть заводскихъ служителей. Многіе изъ нихъ отправлены въ Петербургъ съ серебромъ и еще не возвратились и всѣ весьма потребны для заводскихъ работъ, а паче, что именнымъ ея императорскаго величества указомъ, состоявшимся 1762 года о уничтоженіи тайной канцеляріи, повелѣно: буде доноситель имѣетъ и доказательства и свидѣтелей, что доносъ его правъ, и свидѣтели съ нимъ объявляютъ единогласно, то и доносителя и свидѣтелей и тѣхъ или того, на кого доносъ, забрать подъ крѣпкій караулъ, тотчасъ доносить со всеми обстоятельствами въ правительствующій сенатъ и ожидать указа. Объявленное дѣло касается и до обоихъ, изображенныхъ въ томъ указѣ пунктовъ, почему бы здѣшняя канцелярія, въ силу онаго указа, и должна была изыскать о всѣхъ подробностяхъ того происшествія, но по вышеназложеннымъ обстоятельствамъ болѣе производства по сему дѣлу чинить не можетъ... Того ради“ и проч.

Представленіе это послано было 3 іюля 1770 г. съ нарочнымъ въ С.-Петербургъ *).

Всѣ арестованные по дѣлу Чернышева (17 человекъ) размѣщены были по разнымъ тюрьмамъ: одни въ Кутомарѣ, другіе въ нерчинскомъ Большомъ заводѣ, третьи въ Дучарскомъ, скованными за крѣпкимъ карауломъ. Нѣкоторые назначено было употреблять въ заводскія работы, но также за крѣпкимъ и безонаснымъ карауломъ, до разговоровъ съ ними допускать никого не велѣно. Чернышевъ содержался въ Большомъ заводѣ отдѣльно отъ всѣхъ. Къ нему

*) Прогоновъ назначено было 41 рубль до Петербурга (1204 версты до Иркутска, 5420 до Новгорода, 186 до С.-Петербурга), а на обратный путь на 6624 версты 75 руб. 98 коп., «ибо лѣтнимъ путемъ отправленія быть не уповательно». Въ инструкціи, выданной посланному солдату, замѣчательны §§ 3-ій и 4-ій. Въ нихъ сказано: «будучи въ ономъ нигдѣ пути, никакихъ обидъ, налоговъ и напрасныхъ прибытковъ не чинить и до взятковъ ни подъ какимъ видомъ и ни на единую полушку не касаться и поверстными деньгами амщикамъ платить сполна, по указу, безъ малѣйшаго удержанія; въ волокиты также по не принадлежащимъ ни кому изъ живущихъ по пути обывателямъ, состоявшихся указовъ и собою вымышленныхъ лживыхъ и тебѣ того не извѣстнаго не разсказывать. Ежели что въ государственныхъ дѣлахъ подлежатъ будетъ тайности, онаго отнюдь въ партикулярныхъ письмахъ никому не писать, ниже сюда, кромѣ настоящихъ доношеніевъ».

также никого не допускали; кто имѣлъ до него нужду—тѣхъ подробно опрашивали, кто приносилъ подарки—тѣхъ задерживали. Чернышевъ никого не видалъ.

4 сентября 1770 года состоялся именной указъ императрицы Екатерины на имя главнаго командира нерчинскихъ серебро-плавильныхъ заводовъ, генераль-маіора В. И. Суворова:

„Нашему генераль-маіору Суворову. Изъ присланнаго отъ васъ къ нашему генераль-прокурору мая отъ 7 числа сего года рапорта, мы усмотрѣли, что сосланный по нашему указу на нерчинскіе заводы природою крестьянинъ Чернышевъ, который чинилъ о себѣ ложное и вымышленное между таковыми же крестьянами разглашеніе, а нынѣ еще оный Чернышевъ и на заводахъ чинилъ таковое же ложное о себѣ разглашеніе. Чего ради повелѣваемъ онаго ссыльнаго Чернышева, если дѣйствительно отъ него то разглашеніе чинено было, за сію его дерзость наказать публично, при тамошнихъ заводскихъ жителяхъ, при коихъ онъ то о себѣ разглашеніе и дѣлалъ и кои ему, можетъ быть, по сущей простотѣ своей или, лучше сказать, маюдушію тому его ложному разглашенію повѣрили, кнудомъ и, заклейма, какъ человѣка злаго и дерзкаго, послать въ Мангазею вѣчно, гдѣ велѣтъ его употреблять въ тяжкихъ работахъ. Какъ же оное его разглашеніе по здравому разуму, достойно сущаго презрѣнія, то и слѣдствія никакого о томъ не производить. Екатерина“.

Въ то же время (5 сентября) и генераль-прокуроръ (князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій) писалъ къ тому же Суворову: „Государь мой, Василій Ивановичъ! Хотя изъ присланнаго къ вашему превосходительству высочайшаго ея императорскаго величества указа, по рапорту вашему о наказаніи ссыльнаго Чернышева, ваше пр-во и можете увидать, что разглашеніе его достойно презрѣнія, и потому и слѣдствія никакого производить не повелѣно, но какъ изъ того же рапорта вашего видно и то, что уже ваше пр-во объ ономъ разглашеніи начали производить слѣдствіе, а потому и уповательно, что можетъ быть по оному дѣлу забраны люди подъ караулъ и содержатся, то ея имп. вел. высочайше повелѣтъ соизволила къ вашему пр-ву отписать, чтобъ, по полученіи сего, всѣхъ тѣхъ людей, кои по сему дѣлу къ слѣдствію были привлечены, изъ-подъ караула освободить и, освободя ихъ, а равно и кто именно забраны были по оному дѣлу подъ караулъ и по какимъ подозрѣніямъ, для донесенія ея имп. вел-ву кои мнѣ отписать; при семъ же прилагаю изображеніе винъ помянутаго ссыльнаго Чернышева, которое, какъ онъ выведенъ будетъ на публичное мѣсто къ наказанію, изволите приказать, при собраніи народа, вслухъ ему прочи-

тать и по тому повелѣнное наказаніе учинить, ибо чрезъ сіе самое народъ узнаетъ и прежнія его плутовства. Впрочемъ, пребываю и проч.“.

13 октября того же года и тотъ же генераль-прокуроръ дѣлалъ дополнительное предложеніе и писалъ изъ Петербурга Суворову въ Нерчинскъ совѣты *). Но уже было поздно: Суворовъ послѣдшилъ привести указъ императрицы въ исполненіе.

2 ноября получили свободу всѣ тѣ изъ арестованныхъ по дѣлу Чернышева, которые содержались подъ караулomъ въ Большомъ нерчинскомъ заводѣ, таковы: плавильный мастеръ Иванъ Карповъ, ссыльные: Левъ Евдокимовъ, Кузьма Фирсовъ, Федоръ Кореневъ (онъ же Дубленый). Затѣмъ распущены были по домамъ и остальные люди, размѣщенные по тюрьмамъ кутомарской и дучарской. Отъ каждаго изъ нихъ взяты были подписки, „дабы они отнюдь впредь такому ложному разглашенію не вѣрили и объ ономъ, почему они содержались, никому не сказывали, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, неопустительнаго штрафа“.

4 ноября совершена была въ заводѣ казнь надъ Чернышевымъ „при собраніи здѣшняго завода жителей, и изображеніе винъ прочитано и наказаніе кнудомъ учинено“. На третій день (6 ноября) Суворовъ послѣдшилъ совершить надъ Чернышевымъ и второе наказаніе: дѣлательно озаботился отправкою его на мѣсто новой ссылки. Для сопровожденія Чернышева назначены были фурьеръ Лазаревъ и солдатъ

*) Вотъ что писалъ, между прочимъ, князь Вяземскій къ Суворову: «1) Какъ уже о учиненіи означенному Чернышеву, за показанную вину, наказанія, а равно и о свободѣ содержащихся по сему дѣлу людей, минувшаго сентября 6-го высочайшій ея имп. вел. указъ ген.-маіору Суворову данъ, то нынѣ объ ономъ Чернышевѣ и резолюцію вновь нужды давать не остается; 2) изъ произведеннаго же слѣдствія усмотрѣно, что ссыльный Кузьма Фирсовъ, будучи столь безсовѣстенъ, что не только разглашалъ и утверждалъ это Чернышева разглашеніе за истинное, именно же тѣмъ, яко бы онъ самъ, будучи въ Петербургѣ, его видалъ, чего никогда въ самомъ дѣлѣ не было, да и быть не могло; однако же, самъ своимъ ложнымъ и вымышленнымъ увѣреніемъ показанныхъ по дѣлу людей довелъ до тюремнаго заключенія,—чего ради за таковой его умыселъ ложный и что, чрезъ сіе самое, утвердилъ онъ и въ прочихъ болѣе вѣроятія; такъ же, дабы и впредь онъ таковыхъ ложныхъ плевелъ разсѣвтъ не отважился, наказать его, Фирсова, публично плетями и изъ-подъ караула освободить; 3) что же по оному слѣдствію открыто было, хотя отъ недостойныхъ вѣры людей, яко бы генераль-маіоръ Ивашовъ, а равно и его адъютантъ о разглашеніи Чернышевымъ о себѣ были извѣстны, чего въ самомъ существѣ быть не можно, да и самыя сіи оклеветатели въ томъ ложномъ разглашеніи признались, то и оное предать совершенному забвенію». Предложеніе это приведено было въ Нерчинскомъ заводѣ въ исполненіе 27 января 1771 года.

Рудаковъ. Имъ выдано жалованье и амуниція впередъ за цѣлый годъ (по 1 руб. 12¹/₂ коп. на мундиръ и 1 руб. 59³/₄ коп. за выплавленное серебро; всего по 2 руб. 72¹/₄ коп.). Чернышевъ получилъ шубу, рукавицы („голицы съ ворогами“) и на чулки сермяжнаго сукна три аршина. Для дороги, на казенный же счетъ, заготовлено было двое саней („обшевной“), фурьеру Лазареву—по формѣ—выдана была инструкція, въ которой, между прочимъ, приказано: „Принять Чернышева скованнаго и вести таковымъ подъ крупкимъ карауломъ, съ коимъ никого ни до какихъ разговоровъ не допускать и самимъ о неподлежащемъ не разговаривать и отъ утечки хранить неослабно, а для пропитанія давать по двѣ копейки на день; звать въ Мангазеѣ въ воеводскую канцелярію“ и проч.

При отправленіи Чернышева, нерчинское горное начальство встрѣтило весьма важное затрудненіе: оно не знало количества верстъ до мѣста назначенія Чернышева, смутно имѣя представленіе о томъ, что надо его вести по направленію къ Иркутску. Нерчинская канцелярія изъ этого недоразумѣнія и невѣденія выпуталась такимъ образомъ: она выдала прогонныя деньги до Иркутска, гдѣ просила губернатора (генераль-маіора Бриля) выдать прогоны до Мангазеи. Но и въ Иркутскѣ рѣшились выдать ихъ только до Енисейска (на 1.137 верстъ) и уже енисейская провинціальная канцелярія должна была снабдить приставниковъ Чернышева деньгами до Мангазеи *).

18 февраля 1771 года канцелярія нерч. горн. нач. рапортовала генераль-прокурору Вяземскому слѣдующее:

„Чернышевъ, по учиненіи повелѣннаго назначенія, отправленъ былъ съ нарочнымъ въ Мангазею, который, по привозѣ въ городъ Енисейскъ отъ тамошней канцеляріи, за приду-

*) На рѣкѣ Тазѣ, около 1.800 верстъ отъ рѣки Енисея, черезъ тундру, гораздо сѣвернѣе Туруханска, вблизи океана, существовалъ этотъ острогъ Мангазеи. Название свое онъ получилъ отъ перваго русскаго хлѣбнаго магазина (магазеи), построеннаго въ прошломъ столѣтіи, тогдѣшнѣ по занятіи того края русскими и когда еще хлѣбъ въ сѣверную Сибирь доставлялся изъ Архангельска черезъ Обскую губу. Лѣтъ слишкомъ сто тому назадъ эта Мангазея сожжена юрками, враждовавшими съ остяками и за то, что русскіе вступились за остяковъ. Вслѣдствіе этихъ несогласій, земли были разграничены: правые берега р. Оби и Таза отданы были юркамъ, а лѣвые—остякамъ. Теперь на мѣстѣ Мангазеи не видать не только русскихъ избъ, но даже и инородческихъ юртъ.

жившеюся ему болѣзнию и что отъ Енисейска до Мангазеи зимняго тракта нѣтъ,—удержанъ былъ до будущаго весною отправленія въ ономъ Енисейскѣ; а сего февраля 17 дня она, енисейская канцелярія, присланнымъ рапортомъ объявляетъ, что оный Чернышевъ, съ самаго въ Енисейскъ привозу, будучи содержанъ въ тюремномъ острогѣ, подъ крупкимъ карауломъ, находясь въ болѣзни, на 6 число минувшаго января сего 1771 года умре, который надлежащимъ порядкомъ и погребенъ“.

Излишняя ли скорость поѣздки или излишнее рвеніе мѣстныхъ начальствъ были причиною такой скорой смерти Чернышева—рѣшить мы не имѣемъ данныхъ. Знаемъ только, что ему было отъ роду всего только 36 лѣтъ, а по рапорту енисейской канцеляріи, что въ Енисейскѣ онъ прибылъ безъ теплой одежды и уже серьезно больнымъ. Остановленъ онъ былъ въ тюрьмѣ сколько потому, что до Мангазеи нѣтъ зимняго пути (большую половину котораго ходятъ на лыжахъ или ѣздятъ на собакахъ), столько же и потому, что предполагали будущей раннею весною отправить Чернышева на казенныхъ баркахъ, которыя ежегодно отправляются съ казенною солью.

Чернышевъ погребенъ былъ за вечернею при енисейской Богородицкой церкви. Послѣ него остались собственные его пожитки: войлокъ, небольшая подушка и одно ветхое овчинное одѣяло безъ покрывки; всѣ эти вещи определено распродать, „а и еще имѣлась при ономъ арестантѣ данная казенная шуба, коя, будучи въ болѣзни этого арестанта, подъ него подстилана и что онъ гнилъ и съ мѣста не вставалъ, оттого и сгнила и затѣмъ брошена“ (темно и запутано, но, тѣмъ не менѣе, краснорѣчиво писала 19 января 1771 года енисейская провинціальная канцелярія въ канцелярію нерчинскаго горнаго начальства *).

По отъѣздѣ Суворова власть и административная сила въ рукахъ сумасброднаго, полупомѣшаннаго преемника его Нарышкина (Вас. Вас.) превратилась въ орудіе самаго безтолковаго и безобразнаго произвола. Командованье Нарышкина до такой степени своеобразно, что мы рѣшаемся говорить о немъ подробнѣе.

*) Въ современномъ архивѣ современнаго нерчинскаго горнаго правленія хранится все это дѣло о Чернышевѣ съ надписаніемъ: «Секретное дѣло о каторжномъ Петрѣ Чернышевѣ съ 1770 года (начато по рапорту дучарской заводской конторы), преданное вѣчному забвенію». Въ ряду другихъ Чернышевъ—седьмой самозванецъ на одно и то же имя.

III.

ВАСИЛІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ НАРЫШКИНЪ.

Черезъ четыре года послѣ разсказаннаго нами событія, на мѣсто знакомаго уже намъ генералъ-маіора В. И. Суворова, пріѣхалъ изъ С.-Петербурга въ нерчинскіе заводы новый главный командиръ ихъ—коллежскій совѣтникъ В. В. Нарышкинъ—бывшій прокуроръ комерцъ-коллегіи. Суворова нашелъ онъ еще въ заводѣ и, тотчасъ же по пріѣздѣ, озаботился выдачею ему прогонныхъ денегъ на 10 подводъ (на 7009 верстъ—всего 544 руб. 97¹/₂ коп.) до Петербурга, куда просилъ себѣ Суворовъ увольненія за болѣзнью.

2 мая 1775 года пріѣхалъ Нарышкинъ въ Большой нерчинскій заводъ—центральное мѣсто всего управленія, а 4 мая уже вступилъ въ командованье заводами и занялся его дѣлами съ изумительною ревностью. Ровно одинадцать мѣсяцевъ не выходилъ онъ изъ своей квартиры и никто его, кромѣ должностныхъ лицъ и докладчиковъ, никогда и нигдѣ не видѣлъ. Какъ это все дѣйствовало на арестантовъ и заводскихъ служителей, по дѣлу о Нарышкинѣ не видно, но, по дальнѣйшимъ его распоряженіямъ, мы можемъ убѣдиться въ томъ, что затворничество главного командира не прошло для заводовъ безъ благотѣльныхъ улучшеній и болѣе или менѣе разумныхъ распоряженій на первое время.

„Разсматривая состояніе заводскихъ крестьянъ,—писалъ онъ въ нерчинскую заводскую контору:—нашелъ я нѣкоторыя ихъ селенія утѣшенными и недостаточными въ земляхъ, а напротивъ того знаа, что заводскіе офицеры (получая отъ казны съ жалованьемъ и раціономъ, равно какъ и самъ я) пользуются землями для своихъ пашенъ и сѣнныхъ покосовъ, то дабы крестьяне получать могли возможныя выгоды и не терпѣли бы въ земляхъ недостатка, коимъ, по всей справедливости, онѣ принадлежать больше всякаго состоянія людей, отнынѣ запрещается всякому офицеру или въ службѣ находящемуся человѣку, сверхъ своего опредѣленнаго жалованья, владѣть землями, что наблюдать при заводахъ и рудникахъ управителямъ; землю офицеры обязаны нанимать повольно у крестьянъ; изъ сего правила исключаются мѣста, лежація въ отдаленіи и въ совершенной пустотѣ“.

Такимъ рѣшительнымъ распоряженіемъ началъ Нарышкинъ свое управленіе заводами, устремляя вниманіе преимущественно на крестьянъ, быть которыхъ его особенно заботилъ.

Видя трудность ихъ положенія относительно платежа податей и исправленія заводскихъ работъ, онъ поспѣшалъ привести все это для себя въ ясность. По его соображеніямъ и по расчету оказалось, что заводскіе крестьяне платили вплатеро больше, чѣмъ сосѣдніе государственные крестьяне. Чтобы облегчить ихъ участь съ этой стороны, онъ отдалъ сроки для сбора подушныхъ денегъ и вмѣсто мая назначилъ іюнь, а съ другой—упразднилъ право располагать крестьянскими работами, направленіе которыхъ до этого времени зависѣло отъ заводскихъ конторъ. Въ то же время освободилъ онъ заводскихъ крестьянъ отъ излишнихъ работъ, назначаемыхъ тѣмъ изъ нихъ, за которыми осталась казенная недомка. При этомъ Нарышкинъ высказался, во всеобщее извѣстіе, слѣдующимъ образомъ: „Должность начальника не только въ томъ есть, чтобы пользоваться лестною при первомъ видѣ казны выгодною, но примѣчать того: не ведетъ ли она съ собою, на настоящее и будущее время какого неудобства и, вмѣсто пользы, не можетъ ли произвести вредъ“.

На основаніи этихъ убѣжденій, онъ поспѣшилъ сложить съ крестьянъ всѣ заводскія работы, опредѣленныя на 1777 годъ, и съ тѣмъ, однако же, чтобы настояція они „исправили въ положенное время неотмѣнно“, обѣщая неисправныхъ употребить въ каторжную работу. Возить руду со всѣхъ рудниковъ и во всѣ заводы дозволилъ каждому крестьянину, прибавивъ по два рубля на каждую тысячу пудовъ, и деньги за возку приказалъ „выдавать стараться безъ малѣйшаго промедленія, чтобы этимъ самымъ больше возчиковъ приохотить“. Для устраненія злоупотребленія, назначилъ надежныхъ смотрителей.

„Для сохраненія лучшаго и добраго порядка между крестьянами“, онъ учредилъ въ помощь старостамъ, должности двухъ судей, которыхъ избираютъ сами крестьяне, а начальство только приводитъ къ присягѣ. 4 іюня того же 1777 года, указомъ своимъ уничтожилъ въ селеніяхъ приказныя избы, переименовавъ ихъ въ земскіе суды. Судамъ этимъ далъ наставленія относительно земледѣлія и сельскаго хозяйства. Въ „наставленіяхъ“ этихъ Нарышкинъ успѣлъ показать въ себѣ практическаго и знающаго человека. Говоря о хозяйствѣ, входитъ въ мельчайшія подробности и обличаетъ въ себѣ большого знатока дѣла и замѣчательнаго практика,

хотя въ правилахъ о домообзаводствѣ рассыпалъ много утѣшій, но, въ то же время, высказывалъ много дѣльныхъ замѣтокъ *). Наставленія и правила эти онъ велѣлъ читать крестьянамъ по церквамъ, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ церковей нѣтъ, предписалъ собирать крестьянъ въ земскіе суды.

Уходя дальше въ своихъ заботахъ о земледѣліи, Нарышкинъ увеличилъ число запасныхъ магазиновъ, но хлѣбъ предполагалъ складывать только на одинъ годъ. Хлѣбъ закупалъ самъ и продавалъ его немущимъ по казеннымъ цѣнамъ; нерѣдко отпуская въ долгъ. Заботился о разведеніи въ Аргунскомъ острогѣ конопли и собственноручно писалъ правила и руководства для ея мочки. Исправныхъ старшинъ, явившихся въ канцелярію съ дѣльными, правдивыми и честными отчетами, угощалъ у себя въ квартирѣ и обдаривалъ; съ тѣмъ вѣстѣ, обо всѣхъ таковыхъ публиковалъ во всеобщее извѣстіе.

Въ Аргунскомъ острогѣ Нарышкинъ намѣревался построить для престарѣлыхъ и увѣчныхъ крестьянъ богадѣльню, а въ Нерчинскомъ заводѣ прилагалъ сильное стараніе къ тому, чтобы существовавшую тамъ школу привести въ лучший порядокъ „колько возможно, и учеными людьми завестися“. Всѣхъ учащихся и учащихся собрано было до 77 человекъ. 21 апрѣля 1778 года училище было открыто и поручено въ дирекцію способнѣйшему человеку, Николаю Ирнаркову **).

Таковъ краткій перечень всѣхъ тѣхъ распоряженій, которыя характеризуютъ заботливость новаго нерчинскаго командира о заводскихъ крестьянахъ. Насколько они имѣли успѣха въ практическомъ примѣненіи—по дѣлу о Нарышкинѣ не видно. Извѣстно только то важное и характеристическое обстоятельство, что

*) Въ этихъ наставленіяхъ особенную заботу онъ прилагаетъ къ удобренію полей и посѣвамъ. Такъ, совѣтуетъ мочить сѣмяна черезъ ночь въ навозномъ соку и пересыпать лемалю на воздухѣ извѣстью. Выжженные поля и нови совѣтуетъ проходить нарѣзною сохою вдоль и поперекъ столько разъ, сколько потребно для разсѣченія корней, которые потомъ легко вывалятся. Мѣста, гдѣ хлѣбъ худо родится, предлагаетъ пахать на быкахъ, ибо-де одна лошадь не имѣетъ силы противъ двухъ быковъ, а пара быковъ не дороже хорошей пахотной лошади. Сѣять хлѣбъ предполагаетъ мельче, „мельче сѣянный,—говоритъ онъ:—родится лучше глубоко сѣянаго“; самъ дѣлалъ опыты и счастливый результатъ остался на его сторонѣ. Запахивать посѣянный хлѣбъ (какъ это дѣлаютъ крестьяне) не совѣтовалъ, но полагалъ срѣзывать стебли озимыхъ всходовъ даже до 4-хъ разъ. Даетъ нѣсколько медицинскихъ совѣтовъ для леченія заболѣваго скота и нѣсколько гигиеническихъ для предотвращенія скота отъ болѣзней, и проч. и проч.

**) Въ учителя назначены: унтеръ-шхмейстеръ Хоппа и сѣмльный, находящійся въ работѣ, Семень Лицинь.

Нарышкинъ, черезъ полтора года послѣ своего пріѣзда въ заводъ, получилъ отъ крестьянъ Уровской сотни благодарственное письмо и двѣ „кормленныя коровы“ въ подарокъ. Крестьяне писали ему: „Мы отъ тебя наставленія получили, мы то узнали о Богѣ, государѣ и ближнемъ, чего не только не слышали, но и никто намъ о сихъ вещахъ не сказывалъ. Вы всѣхъ своихъ, позвольте сказать, овецъ питаете собственнымъ обѣдомъ, не занимая отъ насъ ни фунта хлѣба, съ разбрасываньемъ не мало намъ же денегъ, поя притомъ виномъ“. На эти весьма замѣчательныя строки Нарышкинъ отвѣчалъ также подаркомъ (двумя имперіалами) и письмомъ. Въ письмѣ своемъ онъ пишетъ, между прочимъ: „Упоминаете вы, что въ бытность мою здѣсь, не требуя я отъ васъ хлѣба и всего, тому подобнаго даромъ, но собственно самъ угощаю васъ наибольшимъ образомъ,—повѣрьте, друзья мои, что я здѣсь, по власти царствующей надъ нами государыни, не разоряя пришелъ, но доставить каждому изъ васъ, koliko могу, благополучную жизнь и добрую надежду“.

Въ своихъ хвастливыхъ увѣреніяхъ Нарышкинъ, по своему, былъ правъ, правъ именно въ тѣхъ увѣреніяхъ, къ которымъ онъ пришелъ послѣ внимательнаго знакомства съ состояніемъ заводовъ и послѣ разсмотрѣнія всѣхъ дѣлъ, относящихся до общественнаго быта какъ крестьянъ, такъ и каторжныхъ. Вотъ къ какимъ положеніямъ пришелъ Нарышкинъ и вотъ что объявлялъ онъ, въ одномъ изъ своихъ указовъ, во всенародное извѣстіе:

„Прежде, нежели я вступилъ на степень здѣшняго правленія, земледѣльцы не имѣли способнаго для нихъ земскаго правленія, но всегда управляемы были посылаемыми отъ канцеляріи здѣшняго горнаго начальства управителями и приказчиками, изъ коихъ многіе (какъ мнѣ извѣстно по доходившимъ до меня просьбамъ) не какъ вѣрныя рабы своей государыни и истинные сыны отечества, учреждали свои поступки къ пользѣ и спокойствію врученныхъ имъ согражданъ, но, предводительствуемы будучи одними страстями и порочнымъ самолюбіемъ, отягощали бѣдныхъ землевладѣльцевъ гнуснымъ своимъ корыстолюбіемъ и взятками“. Управители не только не старались поощрять крестьянъ къ работѣ и приводить земледѣліе въ цвѣтущее состояніе, но, „продолжая алчность богопротивнаго именованія“, отрывали крестьянъ отъ обыкновенныхъ работъ и тѣмъ доводили земледѣльцевъ до унынія и нерадивости. „И какъ надлежало земледѣльцу чуднаго натуре руководствомъ продолжать свое предельное отечеству дѣланіе, т. е. пахать землю и сѣять хлѣбъ не пропусая времени, дабы оный успѣлъ къ своему созрѣнію въ удобное время“, эти начальники находили для себя

таковые дни золотою жатвою. Прицѣпившись несправедливымъ образомъ, они нагло „вымучивали деньги и скота, и считая, что крестьянинъ, имѣя нужное время въ своемъ земледѣліи, не пощадитъ отдать послѣдняго имущества, дабы успѣть въ своемъ богоугодномъ предпріятіи“. Отъ этихъ проводочекъ, въ самое нужное для посѣву время, крестьяне остались безъ пропитанія, въ отягощеніе обществу, а истощивъ послѣднее имущество на пищу, „не имѣли чѣмъ заплатить государственнымъ положеннымъ подати“. „Отъ такихъ поступковъ столь почти далеко произросло все вышешписанное зло, что не осталось почти сотой части крестьянъ, которые бы не состояли за нѣскольکو лѣтъ обыкновенныхъ податей подъ недоимкою. Отъ сего иногда государственная казна терпитъ недостатокъ и въ случаѣ нужныхъ для пользы отечества учреждений терпитъ остановки. Сверхъ того, ежели паче чаянія (чего Боже сохрани!), въ случаѣ недоимки, то не думаю, чтобы во всемъ здѣшнемъ вѣдомствѣ могло сыскаться такихъ сто семей, которыя бы, черезъ годичное время, могли пропитать свое семейство. Изъ чего ясно можно видѣть (въ разсужденіи отдаленности здѣшняго мѣста отъ всѣхъ, обитаемыхъ земледѣльцами мѣстъ), какая можетъ произойти гибель человѣческаго рода, а государству ущербъ“.

Не падя далѣе самыхъ льстивыхъ и мудреныхъ выраженій, чтобы возбудить къ себѣ народную привязанность и довѣріе, Нарышкинъ не щадитъ заводскихъ чиновниковъ. Не щадитъ онъ ихъ и фактически, на самомъ дѣлѣ. Уставщика Семена Вѣлаго, который „отважился препятствовать хорошей плавкѣ руды и сдѣлалъ вмѣсто назначенной ему другую смѣсь, чтобы лучше прежняго не было—велѣлъ Нарышкинъ прислать „бездѣльника скованнаго“. Такимъ образомъ, преслѣдуя взятки, похлѣбства и въ дѣлахъ поноворки, одного чиновника разжаловалъ въ рабочіе за то, что нашелъ у него поклонное: деньги, соболей, лошадей и штофъ французской водки. Прапорщика Тыркова, уличеннаго въ дѣланіи кредитныхъ билетовъ и въ распространеніи ихъ въ народѣ, заковалъ въ цѣпи. Шихмейстера Боршина лишилъ чиновъ и записалъ въ рудокопщики третьей статьи.

Открывъ въ Шилкинскомъ заводѣ злоупотребленія по утайкѣ руды (когда пріемщики приписывали излишнее количество руды и угля, а избытокъ записывали въ расходъ), Нарышкинъ рѣшился серьезно подумать объ искорененіи злоупотребленій. Мѣрою для этого онъ предположилъ прибавку слугителямъ и чиновникамъ жалованья, что и привелъ въ исполненіе *), но не имѣлъ успѣха. Вскорѣ онъ

*) Получаніе прежде 60 рублей, при Нарышкѣ стали брать 96; получавшіе 48—84 р.

убѣдился въ томъ, что зло пустило корни гораздо глубже, чѣмъ онъ предполагалъ, и потому прибѣгнувъ къ другому средству. Въ секретари себѣ онъ выбралъ двухъ секретныхъ колодниковъ—Алексѣя Исакова и Ивана Жихарева, назначивъ имъ обоимъ по 60 руб. въ годъ жалованья, и придалъ имъ въ помощники еще трехъ человѣкъ и также изъ числа секретныхъ арестантовъ (Трифона Карпова, Матвѣя Семенова и Замятнина) и также съ приличнымъ жалованьемъ, хотя и на половину противъ прежнихъ двухъ *). Изъ остальныхъ ссыльныхъ 331 человѣка съ обыкновенной трехденежной платы въ день свелъ въ окладное жалованье. Многихъ производилъ въ чины и опредѣлялъ въ писарскія и другія должности по своему усмотрѣнію. Вообще, въ растратѣ казенныхъ денегъ не стѣснялся, велъ себя какъ самовластный и неограниченный повелитель, дралъ батожемъ и не сказывалъ за что, „извѣстно-де мнѣ одному“. Указомъ запретилъ ссыльныхъ называть варнаками, храпами, арканниками и чалдонами и „тѣмъ безъ нужды, напоминая колкія слова, не отваживались бы, а кто сіе учинитъ, такой, яко не повинующійся, жестоко наказанъ будетъ, ибо ссыльные люди имѣютъ такое же чувство, какъ и всѣ прочіе, хотя они передъ Богомъ и государынею прегрѣшили“. По поводу одного бѣглаго изъ Дучарскаго завода онъ писалъ: „Я всякому, во всѣхъ командахъ имѣющимъ, отъ притѣсненій и неудовольствій бѣжать къ покрову императорскому позволяю. Я самый исполнитель воли всеавгустѣйшей Екатерины II и подъ покровъ ея всѣхъ страждущихъ, обижаемыхъ и стѣсняемыхъ приемою и дѣлаю справедливыя разбирательства. Всякій бездѣльникъ, ябедникъ и клеветникъ, не хотящій трудиться въ своей должности, такъ какъ недостойный воззрѣнія императорскаго, не будетъ принятъ подъ покровительство, а какъ богоотступникъ, извергъ человѣческаго рода, по мѣрѣ своего преступленія, неупустительно накажется“.

Насколько Нарышкинъ былъ искрененъ въ своихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ, можно судить по тому, что тотчасъ по пріѣздѣ быстро выстроилъ, по желанію императрицы, около Кутомарскаго завода вододѣйствующій заводъ, въ самомъ же заводѣ соорудилъ храмъ во имя св. Екатерины, „въ честь великой и славной царствующей государыни“, какъ выразился онъ въ объявленіи, назначенномъ во всенародное извѣстіе.

и проч. Прибавлялъ Нарышкинъ къ прежнимъ окладамъ отъ 36 руб. и до 2-хъ руб. въ годъ (ниже двухъ не опускался).

*) Нарышкинъ привезъ съ собою въ Петербургъ одного штабъ и шесть человѣкъ оберъ-офицеровъ и лекаря, сверхъ положенныхъ въ штатѣ до того времени. Чиновниковъ этихъ онъ взялъ не по выбору, но по вызову.

Заводъ водяной оконченъ былъ къ 29 июня— дню восшествія Екатерины на престолъ *).

Устанавливая собственные праздники **) и освобождая ссыльныхъ отъ работъ на недѣлю, на 10 дней и болѣе (съ сохраненіемъ жалованья), Нарышкинъ, въ оправданіе себя, говорить, что онъ дѣлаетъ это, „дабы всѣ были въ великой радости и возсылали молитвы о многолѣтнемъ монархини нашей здравіи, пекущейся о тишинѣ и спокойствіи“.

Съ особенною торжественностью праздновалъ Нарышкинъ день рожденія Екатерины, 21 апрѣля 1776 года, спустя нѣсколько дней послѣ того, какъ онъ рѣшился оставить свое уединеніе и показаться народу ***).

Послѣ обѣдни въ заводской церкви сдѣлалъ производство въ классные чины: маркшейдера Головачева—въ коллежскіе ассесоры, четырехъ гиттенфервальтеровъ—въ секундъ-маіоры, четырехъ бергъ-гешвореновъ—въ премьеръ-маіоры, восемь шихтмейстеровъ—въ бергъ-гешворены (изъ которыхъ одного въ бергъ-гешворены и капитаны, а другого—въ бергъ-гешворены и поручики); двухъ гиттенфервальтеровъ—въ бергъ-гешворены, трехъ унтеръ-шихтмейстеровъ—въ шихтмейстеры; нѣкоторыхъ канцеляристовъ—въ регистраторы, нѣкоторыхъ копистовъ—въ канцеляристы, регистраторовъ—въ аудиторы и проч. и проч. Всего, такимъ образомъ, произведено имъ 127 человекъ. Всѣ они, послѣ обѣдни, приведены были Нарышкинымъ къ присягѣ. Торжество это привлекло потомъ къ дому главнаго командира огромное количество окрестнаго народа и всѣхъ до единаго заводскихъ жителей. Нарышкинъ вышелъ къ народу, говорилъ ему рѣчь „о Богѣ, о государѣ, о должности къ ближнему, о повиновеніи къ начальникамъ“.

*) Убѣжая до того времени въ Иркутскѣ, Нарышкинъ писалъ къ управителю Губанову и бергъ-гешворену Казимирову: «Ежели онаго завода я не получу, то долженъ буду тебѣ дать свою совѣть и мучиться, и безъ шутокъ наняшу обоимъ васъ въ рудопромышленіи».

**) Напр., установилъ праздникъ «Открытіе новой благодати»; приказалъ, чтобы всѣ каялись во грѣхахъ, и для этого останавливалъ всѣ заводскія работы.

***) Въ первый разъ, по приѣздѣ въ Сибирь и послѣ 11-ти-мѣсячнаго добровольнаго заключенія дома (причемъ не приказывалъ отворять ставни), Нарышкинъ вышелъ въ первый день Пасхи, какъ увѣряетъ народное преданіе, вообще къ нему недружелюбное. Оно говоритъ, что Нарышкинъ заставилъ попа служить прежде заутрени обѣдню и затѣмъ ходилъ потомъ въ церковь ежедневно. При этомъ двѣ чиновницы вели его подъ руки; онъ шелъ, приплясывая и пѣлъ любимую свою пѣсню: «Батюшка! богатъ—червпчки купилъ». Такъ, между прочимъ, народъ еще сохранилъ нѣкъ странностей и выходокъ Нарышкина одну также въ преданіи: сну его мѣшалъ голосистый ретивый пѣтухъ; Нарышкинъ, чтобы забыть отъ докучливаго соотѣда, въ силу присвоенной ему командирской власти, приказалъ пѣтуха заковать въ кандалы.

Послѣ этой рѣчи всѣмъ собравшимся онъ поднесъ по стакану вина, каждому далъ по три аршина тонкаго холста и посадилъ за столы, приготовленные на 600 человекъ. За малымъ столомъ послѣ обѣдать самъ Нарышкинъ и съ нимъ вмѣстѣ по два человека ссыльныхъ, заводскихъ служителей и солдатъ „самыхъ дурнѣйшихъ“. „Причемъ услужены были (т. е. служивали имъ) штабъ и оберъ-офицерами, достойными сей человеколюбивой чести“, какъ сказано въ описаніи, составленномъ по приказанію Нарышкина и приложенномъ къ дѣлу о немъ, изъ котораго мы и беремъ всѣ эти подробности.

Послѣ обѣда Нарышкинъ, въ своихъ покоехъ, угощалъ на 90 кувертовъ „знатнѣйшихъ сего мѣста особъ“ *). Всѣмъ обѣдавшимъ за прочими столами онъ выдалъ каждому по 10 копеекъ денегъ, какъ служителямъ и солдатамъ, такъ равно и всѣмъ ссыльнымъ. Послѣ этой раздачи палили нещадно изъ пушекъ, стрѣляли изъ ружей. Вечеромъ въ домѣ главнаго командира открылся балъ, во время котораго также не мало выброшено было народу денегъ. Балъ кончился на разсвѣтѣ. „Приведенная изъ здѣшняго батальона рота производила черезъ всю ночь палбѣ“ и получила за то награжденіе въ 350 руб. Послѣ пробитія вечерней зари зажжена была иллюминація.

Всѣ эти поступки Нарышкина, какъ растрата казенныхъ денегъ, такъ и униженіе чиновничьяго достоинства, естественнымъ образомъ вскорѣ же породили ему многихъ враговъ. Первымъ изъ нихъ явился заводскій лекарь Томиловъ. Томиловъ, разя поссорившись за что-то съ сыномъ своимъ, шихтмейстеромъ Александромъ, началъ его бить. Александръ Томиловъ выговаривалъ отцу:

— Батюшка! что же ты меня бьешь и для чего бранишь? Я нынѣ офицеръ, пожалованъ главнымъ командиромъ Василиемъ Васильевичемъ Нарышкинымъ.

— Главный командиръ,—отвѣчалъ на это лекарь:—приѣхалъ сюда не дѣла дѣлать, а только казну расточать, да порохъ разстрѣливать и пьянствовать.

Рѣчи эти доложены были Нарышкину, признаны непристойными и лекарь посаженъ былъ въ тюрьму. Здѣсь вынудили у него сознаніе, что онъ все это говорилъ въ пьяномъ видѣ.

Затѣмъ Нарышкинъ, желая показать себя великодушнымъ, писалъ во всеобщее извѣстіе:

„Какъ съ одной стороны разсужденія лекаря Томилова, яко весьма неважной особы, никакъ

*) Описаніе прибавляетъ при этомъ: «За столомъ, между прочими, посажены были на верхнемъ мѣстѣ достойный и ревностный Шагинъ-кой сотни староста Шестаковъ и незаконно пострадавшій и увѣченннй серебрянораздѣлительный подмастерье Шпунюновъ».

не могут вредить чести моей, то я всеми его рассказами презираю, а сь другой стороны, внушая подчиненным своимъ кротость и великодушіе и будучи самъ христіанинъ и человѣкъ, снисходя къ слабостямъ человѣческимъ, прощаю въ примѣръ другимъ лекаря Томилова въ обидѣ, касающейся до моей особы, соболѣзнуя, что сей человѣкъ, не чувствуя всѣ дѣлаемые мною увѣщанія, до такой крайности напивается, что, потерявъ рассудокъ, горюсти дѣла, о которыхъ въ трезвомъ умѣ не помышляеть и помышляеть никакихъ причинъ не имѣеть, кромѣ взятія мною изъ казны нѣкоторой суммы денегъ, о которой уже ея императорскому величеству донесено. Почему лекаря Томилова, обще со всеми, по его дѣлу подъ арестомъ содержащимися, освободить“ (мая 5 дня 1776 г.).

Высказавшись такимъ образомъ въ бумагахъ этой, какъ избалованный и гордый придворный расточительныхъ временъ Екатерины, Нарышкинъ и при дальнѣйшихъ распоряженіяхъ своихъ не стѣснялся въ личномъ произволѣ, какъ бы доказывая тѣмъ, что онъ никого не боится и что въ Петербургѣ при дворѣ у него покровительствующая сила. Преданіе говоритъ, что Нарышкинъ былъ крестникомъ императрицы, а дѣла его—что онъ былъ столько же избалованъ широкимъ размахомъ тогдашней придворной жизни, сколько и самъ надѣленъ былъ отъ природы широкою, такъ называемою русскою натурою. Выйдя изъ уединенія на свѣтъ, Нарышкинъ какъ будто съ этой поры измѣнился, стать инымъ человѣкомъ, чѣмъ тотъ, какимъ мы видѣли его до сихъ поръ въ административныхъ его распоряженіяхъ. Отъ обаянія ли собственной власти въ отношеніи къ заводамъ или подъ влияніемъ протежирующей силы при петербургскомъ дворѣ, Нарышкинъ съ этой поры началъ дѣйствовать съ большою рѣшительностью. Рѣшительность эта увлекла его въ безумный произволъ, а произволъ сдѣлался и нелогичнымъ и повелъ за собою неправильные поступки. Неправильные поступки ввели его въ преступленія противъ закона и правъ человѣческихъ и—Нарышкинъ погибъ подъ тяжестью собственныхъ дѣяній, запутавшись, въ то же время, въ тенетахъ, разставленныхъ многочисленными его врагами, въ которыхъ онъ видѣлъ до конца своихъ искреннихъ и нелицемѣрно преданныхъ друзей. Но возвратимся къ прерванному разсказу.

Купецъ Копосовъ у вдовы Шепетковой за долгъ (пяти руб.) отнялъ домъ. Вдова жаловалась главному командиру. Нарышкинъ заплатилъ купцу долгъ изъ собственныхъ денегъ, но Копосовъ предъявилъ къ вдовѣ долгу още 9 р. Тогда Нарышкинъ велѣлъ его бить батожемъ „яко притѣснителя бѣдныхъ, какъ недостойнаго быть въ здѣшнемъ обществѣ“, и выгналъ его

изъ завода. Затѣмъ онъ разослалъ по всему пути (который долженъ былъ совершить Копосовъ) ордера, чтобы заводскіе управители высылали купца изъ заводскаго вѣдомства. „А между тѣмъ, чтобы сей корыстолюбивый стяжатель не пользовался торгомъ здѣшняго мѣста“, Нарышкинъ приказалъ маркшнейдеру Головачеву описать товары и лавку Копосова и съ нимъ вмѣстѣ изъ всего заводскаго вѣдомства эти товары выслать „съ такимъ подтвержденіемъ, чтобъ дорогою никто у сего гнусаго и самовольнаго обидчика не покупалъ“. Управитель Городищенской слободы обязанъ былъ выпроводить Копосова изъ границъ Читинскаго острога. Передъ отправленіемъ изъ Нерчинскаго завода, Копосову выдана была подорожная, но за двойные прогоны. Обо всемъ этомъ (21 мая 1776 года) опубликовано было во всѣхъ мѣстахъ нерчинскаго вѣдомства.

Гоненіе на купцовъ Нарышкинъ этимъ же кончилъ. Зная, что заводскіе обыватели покупали все у прѣбавшихъ купцовъ дорогою цѣною и, платя серебромъ, впадали въ крайность; принимая также въ расчетъ и то, что купцы деньги увозятъ съ собою, а особенно серебро, „отчего вся оная отдаленная часть государства остается безъ денегъ и крестьяне, вмѣсто возможнаго обогащенія, раззоряются“,—Нарышкинъ выдумалъ новыя крутыя мѣры. Мѣры эти, не основанныя ни на какихъ особенно дѣльныхъ и практическихъ основаніяхъ, состояли въ томъ, чтобы купцы записывались при заводахъ на житье. Съ 1777 года онъ рѣшилъ не дозволить больше торговать „этакимъ наѣзднымъ образомъ“. „Правленіе заводовъ,—пишетъ Нарышкинъ:—лучше предоставитъ себѣ стараться о продовольствіи жителей, нежели согласится оставить ихъ торгъ на нынѣшнемъ основаніи. Люди (но отнюдь не бѣглецы, а такіе, которые бы способствовали возстановить благосостояніе общества своимъ добрымъ заведеніемъ торгу) поступаютъ подъ защиту и особенное покровительство заводскаго начальства“.

Увлеченный, такимъ образомъ, только внѣшнею поверхностною стороною дѣла, безъ изслѣдованія внутреннихъ причинъ, Нарышкинъ бумажно, теоретически, можетъ быть, и былъ правъ. Въ практическомъ же примѣненіи своихъ распоряженій онъ былъ окончательно несчастливъ. Въ нѣкоторыхъ изъ его сочиненій, написанныхъ въ пользу крестьянъ и ссыльныхъ, съ одной стороны видно сильное желаніе быть фактически полезнымъ, но за то съ другой—всѣ его наставленія и совѣты отзываются почасту блестящею и кудрявою фразою и мало ведутъ за собою настоящаго дѣла, основаннаго на твердой и прочной почвѣ. Видно, что Нарышкинъ знакомъ съ ученіемъ энциклопедистовъ—моднымъ въ то время; замѣтно, что онъ дошелъ до нѣкоторыхъ соціальныхъ убѣжденій,

но все это легло въ его головѣ безъ всякаго порядка и незаконно спуталось съ мрачными тенденціями ханжи и лицемеря. Такъ, напримеръ, додумавшись до необходимости внушенія колодникамъ истинъ вѣры и составивъ по этому случаю особое толкованіе, онъ предполагалъ возможность черезъ это конечнаго исправленія не только уличенныхъ преступниковъ, но даже и тѣхъ, которые еще намѣривались впасть въ преступленіе. Вдобавокъ ко всему, Нарышкинъ велѣлъ читать это наставленіе виновнымъ только въ присутствіи, передъ допросомъ. Не смотря на всю толковость и понятливость для простаго народа его краткаго наставленія, оно не имѣло успѣха *). Не имѣли успѣха—и потому именно, что также были непрактичны—и тѣ указы Нарышкина, которые онъ разослалъ во всѣ приказныя избы по поводу приостановленія бѣглыхъ. Строго предписывая, чтобы никто изъ крестьянъ не держалъ у себя бѣглыхъ, называющихъ себя прохожими людьми, никто бы не отваживался давать имъ хлѣба, Нарышкинъ забывалъ при этомъ, что хлѣбосольство—коренное народное убѣжденіе и что крестьяне въ бѣглыхъ видѣли дешевыхъ работниковъ, которыхъ иначе они нигдѣ и никогда въ то время не могли получить ни за какія деньги. Напрасно старался онъ внушить крестьянамъ необходимость требовать письменныя виды у всѣхъ тѣхъ, кто доверчиво приходитъ къ нимъ въ избы; гостепримство на это не обязываетъ. Напрасно также голословно толковалъ онъ крестьянамъ, что укрывательство нищихъ у нихъ покровя „пустунокъ слабый, который не только не можно за человѣколюбивый почестъ, но больше они тѣмъ составляютъ вредъ

*) Наставленію этому Нарышкинъ предпослалъ такое предисловіе: «Какъ должность истиннаго христіанина, польза каждаго сына отечества, а паче благосостояніе и непоколебимость священнѣйшаго престола требуетъ того, чтобы всѣ впадающіе удобо-попозвоненнымъ естественомъ въ противныя Богу, священнымъ монаршескимъ уставамъ и должности честнаго человѣка преступленія, безъ всякаго кровопролитія и излишняго истязанія, раскаявшись во всѣхъ своихъ злодѣяніяхъ, могли чистосердечно открывать всѣ свои преступническія дѣла, и какъ здѣшнее мѣсто опредѣлено къ принятію и содержанію всѣхъ присылаемыхъ за свои преступленія и изъ оныхъ таковыя есть, которые столь окаменѣли въ своихъ сердцахъ, что никакою жестокостію, никакими истязаніями къ раскаянію приведены быть не могутъ, то въ такомъ случаѣ потребно представлять таковымъ лишеннымъ Божіей благодати нижеслѣдующее (слѣдуетъ 5 пунктовъ или §§)». Въ толкованіяхъ объ истинныхъ вѣры колодникамъ, Нарышкинъ ведетъ къ понятію о грѣхѣ историческимъ рассказомъ священной исторіи Ветхаго Завета и къ понятію объ искупленіи отъ грѣха подробностями явленія Христа на землѣ съ Новымъ Заветомъ. Толкуетъ о покаяніи такъ, какъ бы могло толковать только духовное лицо и, притомъ, образованное въ истинномъ смыслѣ этого слова.

обществу и прогнѣвляють самого Бога“, хотя, конечно, Нарышкинъ и справедливъ въ своемъ заключеніи, что „такимъ пропускомъ бѣглецовъ крестьяне дають способъ къ исполненію злодѣйскихъ намѣреній, ко своимъ и ближнимъ огорченіямъ“.

Таковъ былъ Нарышкинъ въ своихъ административныхъ стремленіяхъ. Волгѣ послѣдовательнымъ является онъ въ частныхъ распоряженіяхъ, хотя и возбуждаетъ уже меньшее къ себѣ сочувствіе. Избалованный роскошною жизнью въ Петербургѣ и поставленный потомъ въ дальнюю и еще дикую среду нерчинской жизни, онъ искалъ развлеченій, былъ расточителемъ; не вѣдая контроля, онъ въ этомъ и другомъ отношеніи доходилъ до излишества и, судя по народнымъ преданіямъ, до какого-то страннаго и сосредоточеннаго чудачества. Растративъ всю заводскую казну на празднества и разбрасыванье денегъ въ народъ, онъ прибѣгалъ къ частнымъ займамъ, но избалованный столичною повадкою, долговъ своихъ не платилъ. Главнымъ помощникомъ его въ этомъ дѣлѣ былъ его родной братъ Алексѣй, а главною и пока исключительною мишенью всѣхъ его нападеній ради денегъ былъ богатъ Михайла Сибиряковъ, который, съ дозволенія бергъ-коллегіи, выстроилъ (въ 1744 г.) сереброплавильный заводъ, употребивъ на него 50 тысячъ. Въ распоряженіи этого Сибирякова находилось до 600 тысячъ пудовъ руды. Нарышкинъ хорошо зналъ все это и потому часто, не ограничиваясь подарками, бралъ у него деньги въ большомъ количествѣ. Послѣ многихъ удачныхъ онытовъ и наѣздовъ на карманъ и сундуки богатаго Сибирякова, Нарышкинъ,—расточительный, самонадѣянный, избалованный, не знавшій мѣры въ собственныхъ желаніяхъ,—потребовалъ отъ Сибирякова еще 5 тысячъ на какую-то коммерческую компанію (можетъ быть для продажи въ Иркутскѣ привозимыхъ на Якуту китайскихъ шелковыхъ товаровъ). Сибиряковъ отказалъ ему, говоря, что самъ накопилъ много казеннаго долгу, да и денегъ-де нѣтъ и взять негдѣ. Нарышкинъ—привлекаетъ народное преданіе—собралъ наличную артиллерію, зарядилъ пушки и окружилъ домъ Сибирякова, обѣщая стрѣлять, если Сибиряковъ не дастъ ему денегъ. Дѣло это кончилось тѣмъ, что Сибиряковъ вышелъ на крыльцо съ серебрянымъ подосомомъ, на который выложилъ затребованную сумму, и съ низкими поклонами вручилъ ее Нарышкину. Нарышкинъ отпустилъ команду и пушки и, войдя въ домъ Сибирякова, до поздней ночи пировалъ съ нимъ шумно и весело.

Такая нужда въ деньгахъ, помимо разбрасыванья въ народъ, объясняется въ Нарышкинѣ тѣмъ, что онъ началъ заводить кое-какія собственныя ховайства: такъ, на рѣчкѣ Чальбучѣ при деревнѣ онъ выстроилъ домъ и при

нем водяную мельницу. Объ устройствѣ этого хозяйства онъ сильно заботился и черезъ каждыя двѣ недѣли получалъ рапорты объ его благосостояніи и о всѣхъ работахъ. Работами завѣдывалъ нерчинскаго батальона сержантъ Иванъ Жеребцовъ. Домъ этотъ въ бывшемъ Успенскомъ монастырѣ строился поспѣшно и съ немедленною ежедневною выдачею плотникамъ денегъ. Въ два мѣсяца (іюнь и іюль) домъ этотъ былъ отстроенъ *). При немъ заводилось хозяйство: приведены табуны лошадей (22) и стадо рогатаго скота (до 20 головъ); сдѣланы запасы корму, какъ для нихъ, такъ и для собакъ. Мельница пущена въ ходъ, причѣмъ одинъ изъ довѣренныхъ Нарышкина лицъ, именно Кесслеръ, палилъ изъ пушекъ „за здравіе вашего высокородія и благополучное путешествіе безпрерывно“, какъ рапортовалъ онъ своему главному командиру **).

Расширивъ такимъ образомъ свою дѣятельность, Нарышкинъ выѣхалъ изъ Нерчинскаго завода въ Иркутскъ, оставивъ на мѣсто себя маркшейдера Дмитрія Головачева. Цѣль этого путешествія Нарышкинъ объяснялъ всенародно 12 іюля 1776 года въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„По опредѣленіи меня на нерчинскіе сереброплавящія заводы главнымъ командиромъ, до отправления еще въ оныя изъ С.-Петербурга, согласились мы съ опредѣленнымъ въ Иркутскую губернію со властью губернаторскою господиномъ бригадиромъ Нѣмцовымъ, зная намѣренія ея императорскаго величества, чтобъ обитающихъ здѣсь братскихъ и тунгусовъ привести въ вѣру греческаго закона по собственному ихъ желанію, чего я и не начиналъ производить до пріѣзду господина Нѣмцова, не надѣясь на прежде бывшаго Вриля въ разсужденіи нѣкоторыхъ извѣстныхъ мнѣ обстоятельствъ. А какъ извѣстно уже было до сего, почти во всѣхъ мѣстахъ по сю сторону Байкаль-моря недѣли за три или болѣе, что я, слѣдуя съ нерчинскихъ сереброплавящихъ заводовъ въ Иркутскъ, по пути, изъ усердія къ Богу и къ службѣ ея императорскаго величества, имѣлъ счастье по многимъ увѣщаніямъ и приложеннымъ моимъ трудамъ, во 1-хъ, тунгусскихъ зайсановъ и ихъ подчиненныхъ привести въ св. крещеніе, конхъ чрезъ короткое время,

*) Въ отстроенный домъ приведены были двѣ борзыхъ собаки и 4 лисенка. Къ смотрѣнію за ними приставленъ былъ мальчикъ, съ платою по 10 руб. въ годъ.

**) Сколько самъ Нарышкинъ любилъ палить изъ пушекъ, столько же не щадили казеннаго пороку и его приближенные. Такъ, напр., тотъ же Кесслеръ палилъ 28 іюня «до самаго вечера во здравіе государыни», затѣмъ уѣхалъ въ Дударскій заводъ и тамъ палилъ. «Все изъ любви къ вамъ»,—писалъ самъ Кесслеръ:—и господа офицеры, взявши на свой счетъ пороку, пронавели довольно стрѣльбу».

въ прѣздѣ моемъ, по собственному ихъ желанію и дѣйствительно человекъ до ста воспріали вѣру греческаго исповѣданія, а потомъ и братскіе начали было нѣсколько имѣть къ тому охоту, изъ нихъ также нѣкоторое число человекъ приняло святое крещеніе и за помощью Божіею надежность оказывали“.

Такъ писалъ Нарышкинъ, но не такъ было на самомъ дѣлѣ. Для большаго успѣха въ этомъ дѣлѣ, онъ поилъ тайшей и тунгусовъ виномъ *), снискивалъ расположеніе тайши Иринцева, для чего выдалъ ему тысячу руб. сер. монетою и, покупая у него лошадей и скотъ, платилъ за то высокою цѣною, въ тѣхъ краяхъ и на то время неслышанною **). Чтобы склонить тунгусовъ къ принятію христіанской вѣры, отъ имени императрицы обѣщала имъ большія льготы: сложеніе недоимки, уменьшеніе податей до 3 руб. въ годъ и съ тѣмъ, чтобы уже больше никто изъ частныхъ начальниковъ съ нихъ не требовалъ ***).

Тогда же Нарышкинъ задумалъ, съ согласія тайши Данбы Дугаръ-Иринцева, составить изъ братскихъ и тунгусовъ четыре гусарскихъ полка и успѣлъ уже сформировать одинъ эскадронъ, при помощи ротмистра Подзорова и подъ наблюденіемъ подполковника Кесслера. Эскадрону этому дано было названіе Даурскаго гусарскаго краснаго.

Коммиссара Тархова за выдачу казенныхъ денегъ произвелъ изъ подпоручковъ въ берггешворены. Изъ тамошней же гарнизонной артиллеріи взялъ пушки, порохъ и канонирова, не встрѣтивъ же, къ тому препятствія со стороны подпоручика Кулигина, произвелъ его также въ берггешворены. Вдучи дальше по направленію къ Иркутску, онъ сзывалъ народъ разными средствами, какъ, напр., въ селахъ звономъ въ колокола при церквахъ, пушечною пальбою и барабаннымъ боемъ тамъ, гдѣ церквей не было. Собранный такимъ способомъ народъ поилъ виномъ, усиленно захваченнымъ въ питейныхъ домахъ, и бросалъ въ толпу казенныя деньги, взятыя имъ—какъ извѣстно—въ нерчинскомъ комиссарствѣ. Шестіе Нарышкина по Вратской степи уподоблялось военному походу: для него неприятельская страна была Иркутская провинція съ ея ханомъ Нѣмцовымъ; по пути лежала вассальная земля—верхнеудинскій округъ съ вице-королемъ, воеводою Тевяшевымъ. За новымъ Батыемъ, выходящимъ изъ самыхъ ближайшихъ мѣстъ къ родинѣ Чингизъ-хана, за Нарышкинымъ вели колоко-

*) Такъ Кесслеръ доносилъ ему, что получилъ отъ повѣреннаго 50 ведеръ простого вина.

**) Такъ, напр., за быковъ платилъ 6 руб. 50 коп., а за лошадей по 250 руб.

***) На льготы эти соблазнились тунгусы родовъ: дулгацкаго, баагирскаго и чипчиуцкаго. Они просили крещенія.

ла и пушки. По дорогѣ онъ останавливалъ купеческія клады и отбиралъ товары съ выдачею росписокъ на свое имя. Въ степи на отдыхѣ кипѣли огромныя котлы съ водою, куда сваливали пудами чай и сахаръ; вино стояло цѣлыми бочками, сукно, дабу, китайки, холсты брали всѣ даромъ, безъ всякаго счета. Попалась ему на дорогѣ почта съ книгами и церковными вещами, посланными иркутскимъ архіереемъ Михаиломъ, Нарышкинъ на Шилкѣ присвоилъ ихъ себѣ. Не отвѣчая на нѣсколько писемъ архіерея, Нарышкинъ книги удержалъ за собою, и проч. Нуждаясь въ деньгахъ для всѣхъ этихъ предпріятій, онъ выплавленное серебро не посылалъ въ Петербургъ, растрачивая его на пенсіи приближеннымъ, на различныя награды и на серебряныя пуговицы сформированнаго изъ тунгусовъ и бурятъ гусарскаго полка. Не имѣя уже никакихъ суммъ въ заводскомъ казначействѣ, Нарышкинъ, подъ видомъ закупа для заводовъ разныхъ необходимыхъ припасовъ, взялъ 60.476 руб. въ нерчинскомъ комиссарствѣ. Въ селеніи Гантимуровомъ (Урульгѣ) крестилъ тунгусовъ, „утопающихъ въ пьянствѣ“, возя съ собою бочки вина, расточая вездѣ императорскую сумму и „дѣлалъ таковыя великія издержки, не имѣя средства откуда получить болѣе (ибо заводскую сумму расточилъ всю, какъ и было каждому пріятно, что служители заводовъ не получали близъ двухъ третей жалованья)—опрокинулся къ отнатию у встрѣчающихся ему купцовъ товаровъ и денегъ“. Потомъ на Вратской степи у харинцевъ онъ заставлялъ тайшу и старшинъ преклонять передъ собою знамена, дарованныя этому роду братскихъ за вѣрную ихъ службу. Когда тайша отказывался отъ крещенія, Нарышкинъ покушался его умертвить. Дѣйствуя такимъ образомъ, онъ повсюду старался увѣрить, что исполняетъ все это именемъ императрицы (котораго дозволенія, однако, никогда не имѣлъ).

Такимъ образомъ, двѣ власти встрѣтились въ одномъ и томъ же пунктѣ, какъ бы для соединенія и съ цѣлью помѣяться силами. Нарышкинъ въ чужомъ вѣдомствѣ, опираясь на свою силу въ столицѣ, иркутскій губернаторъ Нѣмцовъ—въ своемъ вѣдомствѣ, рѣшался испробовать силу общихъ государственныхъ узаконеній: на столько ли они лицепріятны передъ случайнымъ человѣкомъ, сколько самонадѣянности и рѣшительныя поступки ихъ нарушителя. Ничего не подозревая, Нарышкинъ, возвратившись въ нерчинскій заводъ, имѣлъ огорченіе слышать, что многія изъ его начинаній начали мало по малу разрушаться. Сотникъ Новоселовъ, отправленный имъ съ 36-ю лошадьми и 12-ю гусарами къ губернатору Нѣмцову, доносилъ, что тунгусы-гусары, отправившись къ тайшѣ Иринецееву „для своихъ надобностей, на-

задъ не возвратились и оставили за собою насѣченную серебромъ узду“, принадлежавшую самому Нарышкину. Вскорѣ за тѣмъ писалъ къ нему бергъ-гешворенъ Ник. Гантимуровъ, что, по пріѣздѣ его въ городъ Удинскъ, онъ былъ потребованъ въ удинскую провинціальную канцелярію, гдѣ воевода Тевяшевъ со своимъ товарищемъ и прокуроромъ велѣлъ его заковать въ колодку, посадилъ подъ караулъ, а черезъ день отправилъ въ Иркутскъ, за что—незавѣстно. Тогда же командиръ гусарскаго полка, ротмистръ Злобинъ, доносилъ Нарышкину, что удинская канцелярія взяла изъ его команды сержанта съ женою и дочерью и отправила ихъ въ тѣ мѣста, гдѣ они прежде находились. Отобранны были также артиллеристы, такъ что у Злобина осталось всего 52 человѣка изъ цѣлаго эскадрона.

Нарышкинъ началъ уже смутно понимать наступательность дѣйствій Нѣмцова, но все еще довѣрялъ дружбѣ удинскаго воеводы Тевяшева, къ которому относился съ любезными и заискивающими письмами, на которыя онъ такъ хорошо былъ подготовленъ своею прежнею придворною жизнью. Тевяшева онъ хвалилъ за ревностную службу, тотъ въ своемъ письмѣ благодарилъ за комплименты, но просилъ „оставить народъ, не принадлежащій до вашего (т. е. Нарышкина) распоряженія, ибо-де вся уже провинція пришла въ смятеніе“.

Нарышкинъ, однако, на этомъ не успокоился; ему крайне нужны были деньги, а потому онъ потребовалъ ихъ отъ удинской канцеляріи на счетъ заводовъ. Канцелярія въ требуемой суммѣ отказала, предписывая ему оставаться въ узаконенныхъ положеніяхъ; для оправданія же во всѣхъ дѣлахъ предписывала Нарышкину ѣхать въ Иркутскъ къ губернатору Нѣмцову. Тогда только Нарышкинъ увидѣлъ изъ-за спины верхнеудинской канцеляріи то лицо, которое такъ давно и такъ смѣло вызывало его на единоборство.

Разгнѣванный Нарышкинъ отправилъ въ заводы свое оправданіе въ тѣхъ будто бы клеветахъ, которыя возводила на него верхнеудинская канцелярія, но не ѣхать въ Иркутскъ у него не хватило силы, храбрости и самостоятельности *).

*) Съ дороги (съ рѣки Оны) онъ писалъ въ народъ, между прочимъ, слѣдующее: «Встрѣтившіяся къ немалому сожалѣнію никогда не ожидаемыя противныя и жестоко составленныя вредныя предпріятія удинской провинціальной канцеляріи присутствующихъ и съ ними согласившагося удинскаго коменданта Аппеллегрейна, всѣ благоудобныя Богу и монархинѣ, мною начатыя предпріятія помѣшаны и почти совсѣмъ остановлены, ибо означенная канцелярія, указами харинскихъ родовъ тайшѣ и подполковнику Динбѣ Иринецееву не велѣла ни въ чемъ менѣ слушать. Черезъ это помннутые братскіе не знающіе и не просвѣщенные народы начали имѣть

Онъ отправился, не зная того, что посланные имъ въ Верхнеудинскъ (бергъ-гешворены Баннеръ и Тенкинъ) и опредѣленные имъ на мѣста присутствующихъ въ провинціальной канцеляріи, являсь, отдались во власть воеводы Тевяшева. Этотъ же Тевяшевъ сталъ дѣйствовать въ Верхнеудинскѣ и на Нарышкина совѣтами и „попечительнымъ своимъ тщаніемъ и искуснымъ распоряженіемъ“ успѣлъ сдѣлать такъ, что Нарышкинъ выѣхалъ на Иркутскъ. На до-

колеблющихся въ томъ мысли и опасаясь, чтобы не было имъ за то какого штрафа или вѣще того наказанія, начали тѣ добрыя и полезныя намѣренія оставлять. Вчерашняго числа посланнымъ та провинціальная канцелярія ко мнѣ рапортомъ объявляетъ, что оное представлено къ господину бригадиру—управляющему Иркутской губерніею съ тѣмъ, яко бы открылось предъ симъ скрываемое мною набраніе и съ помянутыхъ народовъ неполезность государству, наипаче въ зловредность оному по причинѣ воюго изъ заводу выѣзду и по непринадлежности мнѣ такого формированія въ Иркутской губерніи, яко не въ своей командѣ въ противность законовъ, и что та провинція отъ своей главной команды объ ономъ учрежденіи никакого повелѣнія и свѣденія не имѣетъ, а по дошедшимъ же къ той удинской провинціальной канцеляріи навѣстіямъ, она меня почитаетъ злодѣемъ имперіи Россійской: 1) что я будто бы набираю въ гусарскіе полки самыхъ немощныхъ пропитанія и бродягъ, которые при мнѣ слѣдуютъ въ немаломъ числѣ и съ забранными изъ неизвѣстныхъ мѣстъ пушками; 2) въ доказательство еще того мнѣ послушанія моимъ предложеніямъ тою канцеляріею о выдачѣ денегъ на счетъ нерчинскихъ заводовъ, всего съ пятьдесятъ тысячъ, когда посланнымъ отъ меня къ удинскому коменданту Апеллегренну ордеромъ велѣно присутствующихъ той канцеляріи сковать, а ему велѣно вмѣсто ихъ въ правленіе вступить—имѣютъ къ тому, ежелиде градоначальниковъ не будетъ, то удобнѣе можно овладѣть Удинскомъ или всѣми сей провинціи принадлежащими мѣстами, а особливо пользуясь такими легкомысленными людьми и вѣрными извѣстіями, будто я началъ ослѣплять народъ пьянствомъ и хотя либо, по прибытіи моего тайша Иринева и былъ къ сему благоутробному намѣренію согласенъ и я, по его приглашенію, намѣренъ былъ его посѣтить, но онъ, отпросясь вчерашняго дня впередъ въ свой удусъ, сегодня чрезъ посланнаго бергъ-гешворена Новоселова въ своей ставкѣ не найденъ, да и жены его также и никого братскихъ здѣсь не оказалось. И потому чрезъ сіе публикуется, что ежели тотъ тайша и всѣ братскіе, кои уже собраны были, чрезъ два дня не явятся, то непременно именемъ ея императорскаго величества тайша, лишась чиновъ, жестоко будетъ наказанъ, да и съ прочими поступлено будетъ по всей строгости законовъ. Я все сіе именемъ ея императорскаго величества опредѣляю и всѣмъ возвратившимся ея высочайшую милость обещаю. Не повинующіеся же угодному ея величеству дѣлу и намѣренію да накажутся правосуднымъ ея божественнымъ гнѣвомъ. И сіе объявленіе за подписаніемъ руки, съ приложеніемъ герба моего печати, не только что публиковаться и въ народъ разбросано, но и по командамъ, куда слѣдуетъ, разослано будетъ».

рогъ *) онъ былъ задержанъ и подъ присмотромъ отправленъ въ Иркутскъ къ Нѣмцову. Нѣмцовъ же, „найдя поступки Нарышкина столь важными“, отослалъ его, 29 авг., за присмотромъ штабъ-офицера Воинова и подъ конвоемъ въ С.-Петербургъ и тогда же отправилъ курьера съ донесеніемъ о незаконныхъ и дерзкихъ дѣлахъ его“. Въ Tobольскѣ встрѣтилъ Нарышкина сенатскій регистраторъ съ командою, который принялъ его отъ Воинова и затѣмъ повезъ въ столицу, подъ важною стражею. Обо всѣмъ этомъ Нѣмцовъ извѣщенъ

*) Иркутскій лѣтописецъ иначе передаетъ это событіе. Онъ говоритъ, что воевода Тевяшевъ прибѣгнулъ къ хитрости: онъ пригласилъ Нарышкина въ церковь для слушанья молебствія, по случаю его прибытія, а по выходѣ изъ церкви арестовалъ, посадилъ на лодку и отправилъ рѣкою Селенгою въ Иркутскъ. Въ Иркутскѣ Нарышкинъ, до времени отправки, пользовался полною свободою; жилъ онъ тамъ 2 мѣсяца. Народное преданіе говоритъ, что онъ все время ходилъ по кабакамъ и харчевнямъ, поилъ и кормилъ на свой счетъ собиравшихся тамъ людей и тратилъ на это огромныя суммы. Его всѣ считали сумасшедшимъ. Подробности похождения Нарышкина въ Верхнеудинскѣ рассказала Калашниковъ въ своемъ романѣ «Дочь купца Желобова» (см. ч. IV, глава IV). Калашниковъ основывалъ свой рассказъ на народныхъ преданіяхъ, тогда еще очень живыхъ и состоятельныхъ въ правотѣ своей. Верхнеудинскій воевода—по этимъ преданіямъ—писалъ Нарышкину, чтобы онъ со своею свитою не въѣзжалъ въ его провинцію, посылалъ къ нему лазутчиковъ, въ городѣ удвоилъ караулъ, а въ 10-ти верстахъ поставилъ отрядъ войска съ артилеріею, тайно вытребованною изъ Селенгинска. Нарышкинъ не испугался, послалъ своего посла съ требованіемъ золота и серебра въ десять тысячъ; когда воевода отказалъ, Нарышкинъ потребовалъ сорокъ тысячъ; когда же и на это требованіе получилъ отказъ, командировалъ двухъ чиновниковъ. Наконецъ, ночью пріѣхалъ самъ къ воеводской канцеляріи, кричалъ, чтобы отперли ворота, называя воеводу и товарища его ворами и бунтовщиками. Военная команда, стоявшая на дворѣ, начала уже колебаться, перешептываться, заявлять, что она не имѣетъ письменнаго приказа, а потому хотѣла пустить Нарышкина. Но одинъ старикъ закричалъ: «Кто бы вы ни были, въ ночные часы пускать никого не велѣно». Послѣ этихъ словъ Нарышкинъ отошелъ къ фронту стоящаго подъ ружьемъ гарнизона. Сюда явился воевода, уговорилъ его и убѣдилъ отправиться на отвѣденную ему квартиру. На завтра Нарышкинъ началъ требовать денегъ и вина. Приказано отвѣчать, что воевода денегъ не даетъ, а пьянства не любитъ. Нарышкинъ пошелъ въ церковь и «собственно-гласно отпѣлъ молебенъ». Вкругомъ церкви уже поставлены были солдаты. Собравшемуся, въ чаши денегъ, народу воевода далъ приказаніе разойтись. Всѣхъ изъ свиты Нарышкина, выходившихъ изъ церкви, велѣлъ хватать и сажать подъ арестъ. Вышелъ и Нарышкинъ. Увидя солдатъ, онъ отдалъ саблю, признавая себя арестованнымъ. Воевода вѣжливо просилъ его съ нимъ отобѣдать на приготовленномъ судиѣ; Нарышкинъ согласился и, послѣ обѣда, отправленъ въ Иркутскъ.

быть именным указомъ (полученнымъ имъ 11-го января 1778 года), въ которомъ, между прочимъ, нерчинскіе сереброплавящіе заводы, для исправленія и приведенія въ лучшее состояніе, переданы были въ зависимость и подчиненіе тому же бригадиру Нѣмцову, находившемуся въ Иркутской губерніи съ властью губернаторскою *).

Нѣмцовъ началъ свое управленіе съ того, что сочинилъ и издалъ „къ общему всѣмъ свѣденію публикацію“:

„Къ чувствительному оскорбленію верховной власти,—говоритъ онъ въ началѣ этой публикаціи:—бывшаго заводовъ начальника, статскаго совѣтника Нарышкина, незаконныя судьянія столь многочисленны, что я нѣкоторыя умолчу, а о другихъ за нужное почитаю, во всѣ заводскаго вѣдомства присутственныя мѣста и частныя начальникамъ вѣденія заводовъ, обнародовать“.

Затѣмъ Нѣмцовъ подробно исчисляетъ всѣ поступки Нарышкина съ примѣтными озлобленіемъ и злорадствомъ. Остановившись на провадѣ Нарышкина изъ завода въ Верхнеудинскъ, а именно на его угощеніяхъ народа, Нѣмцовъ увѣряетъ, что Нарышкинъ, „обольстя симъ средствомъ (т. е. виномъ) непросвѣщенное то скопище (т. е. крестьянъ)“, отвелъ многихъ отъ домостроительства и хлѣбопашества. „А пропустивъ они время, потеряли часть лучшаго своего состоянія, а нѣкоторые и вовсе раззорились“. Не стѣняясь на подборъ всяческихъ бранныхъ эпитетовъ къ поступкамъ Нарышкина, Нѣмцовъ вступаетъ до нѣкоторой степени въ смягченный тонъ тамъ, гдѣ планъ бранливаго повѣствованія выводитъ его изъ предѣловъ Иркутской губерніи и вталкиваетъ въ описаніе распорядженій Нарышкина по заводамъ. Здѣсь Нѣмцовъ, основываясь на рапортѣ секундъ-майора Барбота-де-Марни **,), на-

*) Иркутская лѣтопись такъ описываетъ Нѣмцова: онъ былъ человекъ неблагонамѣренный, употреблявшій непомянутую строгость собственно для того только, чтобы болѣе брать взятокъ и нажить болѣе денегъ; съ подчиненными служащими обходился неблаговидно и опредѣлялъ къ должностямъ не иначе, какъ взявъ значительные подарки. Употреблялъ разныя жестокости для своего кормостолубія. Мелкихъ подчиненныхъ билъ своими руками. Какого-то Бурцева приказалъ за что-то привязать къ столбу и держалъ на привязи долго, чтобы навести страхъ на другихъ. Имѣя знакомство съ извѣстнымъ тогда разбойникомъ Гондюхинымъ, учредилъ въ городѣ какую-то глухую команду, которая, разъѣзжая по городу дозоромъ, вмѣсто охраны, дѣлала буйства и грабежи. Нѣмцовъ тайкомъ убѣгалъ изъ Иркутска черезъ два года послѣ Нарышкина (1 февраля 1779 г.). Вслѣдъ Нѣмцову изъ Иркутска послалась многія жалобы.

**) Этого Барботъ-де-Марни находился прежде при Суворовѣ въ заводскомъ батальонѣ Нарышкинымъ произведенъ былъ въ полковника и на-

ходить, что заводы требуютъ наискорѣйшаго восстановленія „по безпутному Нарышкину управленію“ и для того Нѣмцовъ самъ посѣщилъ отправиться на мѣсто. Разсматривая тамъ дѣла канцеляріи, Нѣмцовъ нашелъ (по собственному его увѣренію), что „всѣ они оказались въ несогласныхъ съ законами поступкахъ, какъ-то: въ выдачахъ и издержкахъ казенныхъ денегъ и другихъ обстоятельствахъ“. Между этими „другими обстоятельствами“, кромѣ произвольной раздачи чиновъ и наградъ, занимательно также и слѣдующее: понимая всю силу нравственного значенія на заводахъ образованнаго секундъ-майора Барбота - де - Марни, Нарышкинъ, для привлеченія его на свою сторону, не задумался произвести его сына, пятилѣтняго ребенка, сначала въ вахмистры, потомъ въ корнеты и наконецъ въ бергъ-гешворены. Затѣмъ Нарышкинъ свои производства исключительно сосредоточивалъ на лицахъ, до тѣхъ поръ не бывшихъ на службѣ, часть этихъ лицъ онъ привезъ съ собою, часть вытребовалъ съ Колывановскресенскихъ заводовъ и большую часть нашелъ уже между жившими долгое время въ Нерчинскомъ заводѣ. Изъ послѣднихъ преимущественно его вниманіе обратили на себя посланные въ заводы польскіе конфедераты: двухъ изъ нихъ (Касаковского и Перхуровича) онъ опредѣлилъ въ солдаты. Извѣстныхъ намъ по дѣлу Чернышева князей Гантимуровыхъ (Степана и Николая—нерчинскихъ дворянъ, не бывшихъ на службѣ) онъ произвелъ прямо въ бергъ-гешворены и приближалъ къ себѣ. Особенную же щедрость къ раздачѣ чиновъ онъ оказывалъ тѣмъ, на дружбу и расположеніе которыхъ вполне полагался: между ними особенно рѣзко выдаются два ясашихъ тунгуса, крещенныхъ Нарышкинымъ: одному изъ нихъ (Петру Нарышкину) онъ далъ два чина (корнета и подпоручика), другому (Григорію Суворову) четыре чина (унтеръ-шхмейстера, шхмейстера, бергъ-гешворена и поручика). Въ заводскомъ вѣдомствѣ (Гантимуровской сотни въ деревни Кангинской) поселены были 32 человека бывшихъ яицкихъ казаковъ, присланныхъ сюда по дѣлу Пугачева; Нарышкинъ выдалъ имъ 160 рублей (по 5 рублей на каждого) для покупки лошадей и затѣмъ предписалъ начальству строго наблюдать, чтобы казаки лошадей непрестанно купили.

Всѣ эти событія совпадаютъ одновременно съ выѣздомъ Нарышкина изъ завода для формирования гусарскихъ полковъ и всѣ они располагаются на двухъ весеннихъ мѣсяцахъ 1776 года. Вотъ почему отчасти становится для насъ понятнымъ теперь темный намекъ въ публикаціи Нѣмцова: „что Нарышкинъ стре-

значенъ потомъ, на мѣсто его, главнымъ командиромъ нерчинскихъ заводовъ.

мился обольстить непросвѣщенные сердца и, по непредвидѣнію ихъ, уловить души вѣрно-подданныхъ и проназвать худыя слѣдствія.

На этомъ предположеніи, что Нарышкинъ хотѣлъ основаться на народномъ расположеніи и на крѣпости и силѣ значительнаго коннаго войска и артиллеріи съ тѣмъ, чтобы со временемъ произвести возмущеніе въ народѣ и со всѣмъ Забайкалемъ отложиться отъ русской короны, и съ этимъ же подозрѣніемъ имя Нарышкина ушло въ потомство и осталось въ народной памяти *).

Нѣмцовъ, прежде всего, по арестованіи Нарышкина поспѣшилъ захватить его ижѣніе и сдѣлать вещамъ его опись **). Затѣмъ членовъ заводской канцеляріи, произведенныхъ и назначенныхъ Нарышкинымъ, отъ службы немедленно отрѣшилъ. На мѣсто ихъ управленіе заводами поручилъ майору артиллеріи и отъ арміи подполковнику Тевяшеву. Въ помощь ему назначилъ секундъ-майора иркутскаго батальона Ивава Глазупова и бергъ-гешворена Степана Губанова ***).

Вернувшись въ Иркутскъ, Нѣмцовъ (17 января 1787 г.) поспѣшилъ отнестись ко всѣмъ съ тою публикаціею, содержаніе которой мы привели выше. Въ концѣ ея онъ говоритъ слѣдующее: „Заводскимъ же управителямъ и опредѣленнымъ при разныхъ должностяхъ (въ разсужденіи, что здѣшнее мѣсто въ упадокъ приведено) стараться должно каждому, въ званіи своемъ, въ пользѣ и приращенію высочайшаго интереса прилагать неусыпное и ревностное попеченіе, оставя всякій родъ коварства и ухищренія. И помнить то, что не оправдѣтъ каждаго по беззаконнымъ поступкамъ бывшаго ихъ начальника въ повиновеніи — замѣнить увѣдоченнымъ своимъ раченіемъ, дабы и по слѣдующимъ отъ вышняго правительства взысканіямъ исходатайствовать я могъ посред-

ствомъ раченія каждаго и донести самой августѣйшей монархіи ревностныя поступки“.

Любопытны дальнѣйшіе совѣты и предположенія недалековиднаго Нѣмцова. Нижніе служители и крестьяне, виновные—по его убѣжденію—въ томъ, что Нарышкинъ успѣлъ разбросать въ народъ казенныхъ и частныхъ денегъ сто сорокъ шесть тысячъ семьсотъ одиннадцать рублей, обязаны были удвоить силы и возить руду „какъ можно больше“. Нѣмцовъ наивно думалъ, что „тѣмъ самымъ приумножится выплавка казеннаго серебра, которое отъ нестаранія бывшаго начальника въ знатный упадокъ произошло; такъ что въ выплавкѣ уменьшеніе серебра передъ прошедшимъ годомъ сто сорокъ девять пудовъ“. Тою же усиленною и чрезмѣрною вывозкою руды Нѣмцовъ полагалъ обезпечить „улавшее состояніе крестьянъ и видныя ихъ выгоды“. Нарышкинъ, при вступленіи въ управленіе заводами (8-ю), получилъ 282.882 пуда серебросодержащихъ рудъ (да по 4-мъ частнымъ заводамъ 61.055 пудовъ), казеннаго свинцу 4.664 пуда 12¹/₂ фунтовъ (и частнаго 5.184 пуда 11 фунтовъ). При этомъ также разумѣлось серебро — въ бликахъ и крокахъ; а свинець—рудный, гертовый и глетовый.

На мѣсто Нарышкина главнымъ командиромъ опредѣленъ былъ бригадиръ Иванъ Введенковичъ Аршеневскій, темный дѣятель и неизвѣстный дѣлатель, прожившій въ заводахъ съ 1777 г. по 1780, когда на смѣну ему опредѣленъ былъ генералъ-майоръ Векедьманъ—тоже мало примѣтная и неизвѣстная личность. Лучшее воспоминаніе оставилъ по себѣ Варботъ-де-Марни, родомъ французъ, человекъ свѣтлый, кроткій и образованный. Доказательствомъ послѣдняго свойства его осталась послѣ его смерти библиотека, составленная изъ лучшихъ специальныхъ сочиненій, послужившая крупнымъ и твердымъ фундаментомъ для библиотеки горнаго управленія. Подъ руками живого человѣка завелись и частныя школы для обученія мальчиковъ, выписаны саксонцы для руднаго дѣла и проч. На глазахъ этого человѣка и постройки сдѣланы столь прочно и добросовѣстно, что еще въ 1835 году онѣ стояли непоколебимо, сохранившись цѣлое полу столѣтіе, по подобію Большаго нерчинскаго завода, выстроеннаго Варботомъ изъ лиственничнаго дерева. При перестройкѣ, черезъ 50 лѣтъ, потребовалось подвести только нижніе вѣнды новыми. При немъ заводскіе крестьяне стали отличаться отъ прочихъ обитателей Забайкалья особымъ костюмомъ: шинелями съ короткими крагами. Длинные волосы ниспадали до плечъ со временъ барботовскихъ до времени появленія за Байкаломъ декабристовъ. Заводскихъ крестьянъ нашли очень чистошлотными (они жили опрятно, не копаясь въ дымѣ) и хотя очень богатыхъ и

*) Опредѣлить съ точностью, на сколько это подозрѣніе справедливо, по дѣламъ нерчинскаго архива нельзя. Два тома дѣлъ о немъ, попавшіеся намъ въ руки изъ архива нерчинскаго горнаго правленія, были далеко не полны. Чья-то хищническая рука (можетъ быть какого нибудь антикварія) сократила эти дѣла до примѣтной неполноты и разрозненности.

***) По этой описи видно, что гардеробъ Нарышкина не былъ особенно богатъ, состоя изъ остатковъ прежней придворной роскоши. Нарышкинъ начиналъ заводить кабинетъ китайскихъ вещей и имѣлъ небольшую библиотеку (до 300 томовъ), состоявшую изъ книгъ французскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ. Большая часть книгъ—сочиненія энциклопедистовъ и разнаго рода словари, описанія путешествій и проч.

***) Замѣчательно при томъ, что этотъ послѣдній изъ небывшихъ на службѣ самимъ же Нарышкинымъ произведенъ въ одно лѣто въ маршесдерскіе ученики, затѣмъ въ утеръшихмейстеры, шихмейстеры и, наконецъ, въ бергъ-гешворены.

бѣднѣхъ не было, но всѣ были трудолюбивы; безъ руководѣльа нивогда ихъ не видали даже на завалинахъ ихъ домовъ, и даже бѣдущихъ верхохъ видали съ какимъ нибудь шитьемъ, вязаньемъ и другимъ руководѣлемъ. Обычай этотъ былъ введенъ Барботомъ-де-Марри. Онъ окончилъ свою жизнь на заводахъ. На его мѣсто поступилъ начальникомъ Черницынъ. Съ Черницына нерчинская исторія, въ лицѣ начальниковъ, развертываетъ другія картины: выработка серебра стала упадать, обращеніе съ ссыльными становится суровѣе, начальники стали показываться съ отгѣнками и поползновеніями прежнихъ тирановъ. Черницынъ начиналъ этотъ списокъ.

О Черницынѣ народныя преданія сохранили такія крупныя черты: онъ любилъ ѣздить какъ бѣшеный; лошади должны были бѣжать отъ станціи до станціи вытяжнымъ галопомъ, а потому по дорогѣ падало ихъ всегда очень много. Въ этомъ случаѣ кривой Черницынъ былъ для лошадей настоящею моровою язвою. Если ящикъ въ дорогѣ ослабѣвалъ, Черницынъ приказывалъ остановиться и начиналъ бить ящика нагайкою, которую всегда возилъ съ собою въ сундучкѣ, лежавшемъ въ ногахъ. Самыя лучшія лошади не выдержали бы такой ѣзды, если бы не пособлялъ имъ обычай Черницына черезъ каждыя 7 версты кричать: „стой!“ выпивать, не торопясь, водки, закусывать, не спѣша, кускомъ мяса и потомъ уже реветъ на ящика: „пошелъ!“ Рассказываютъ, что разъ лошади набѣжали на гололедцу и, смутивъ ящика, остановились какъ вкопанныя, будучи не въ силахъ одолѣть преграду. Черницынъ пробудился и, узнавъ въ чемъ дѣло, зычно закричалъ: „кнутовъ!“ Лошади приняли эти слова на свой счетъ, быстро рванулись на зыкъ съ мѣста и перелетѣли гололедъ съ быстротою вихря. Ни одна не спотыкнулась, ни одна не упала, до такой степени энергиченъ былъ бѣгъ ихъ со страху. Другой разъ засѣкъ онъ до смерти крестьянина, осмѣливагося обратиться къ нему спиною въ то время, когда съ нимъ вступилъ въ разговоръ помощникъ начальника въ той же самой комнатѣ, гдѣ находился и одноглазый Черницынъ.

Изъ другихъ начальниковъ осталась память о Теодорѣ Фришѣ, у котораго была жена, водившая его за носъ и управлявшая чиновниками и цѣлымъ горнымъ округомъ. Была она женщиною злая: крестьянъ и слугъ своихъ наказывала своеручно и находила въ этомъ несказанное удовольствіе, какъ и въ прозвищѣ „дарицы сибирской“, которое далъ ей съ выгодой для себя одинъ изъ ея слугъ, положенный на землю для наказанія. Вспоминаетъ преданіе о Милекинѣ (бывшемъ начальникомъ, кажется, въ Кутомарскомъ заводѣ), при появленіи котораго на улицѣ дѣти бѣжали прочь и старики пря-

тались по угламъ. Когда онъ проходилъ по селенію, живой души на улицахъ не было, потому что всякій зналъ о тѣхъ наслажденіяхъ, которыя получалъ начальникъ при созерцаніи наказуемыхъ. Всякій помнилъ, что любовника жены, бывшаго адъютанта, онъ заковалъ въ кандалы, посадилъ въ тюрьму, вывелъ на площадь и на эшафотѣ далъ ему 50 кнутовъ, обсыпая избитыя плечи бѣлыми наматыремъ, далъ столько же во второй разъ со вторичнымъ опытомъ той же присыпки. Тиранинъ повторилъ бы экзекуцію и въ третій разъ, если бы начальникъ Дучарскаго завода не вырвалъ изъ его рукъ несчастнаго ex-адъютанта, влюбившаго въ себя и жену и дочь Милекина. Вытѣчалъ этого Милекина, говоритъ преданіе, писарь—его пріемышь и воспитанникъ. Каждый писаніемъ его начальникъ былъ недоволенъ, при всякомъ случаѣ билъ его по щекамъ и по зубамъ. Однажды онъ выразилъ свое недовольскіе въ то время, когда писарь считалъ себя правымъ и былъ уже осмѣянъ товарищами за необычайное терпѣніе. Милекинъ хотѣлъ его бить, но писарь—пріемышь, выхвативъ изъ-за пазухи ножъ, закричалъ: „Я буду каторжнымъ, но ты уже бить никого не будешь“. Испуганный Милекинъ далъ клятву смириться для всѣхъ и, говорятъ, будто бы сдержалъ ее, а учителя наградилъ большими деньгами.

Деспотическими суровыми выходками отличался и горный начальникъ Рычковъ, смѣнившій Ив. Ив. Эллера*) и умершій въ заводахъ въ 1817 году. Не смотря на то, что онъ принадлежалъ къ образованнѣйшимъ и умнѣйшимъ людямъ своего времени, преданіе сохранило о немъ память, какъ о человѣкѣ суровомъ и безжалостномъ: онъ, говорятъ, забивалъ людей до смерти. Послѣ Рычкова мелькаетъ въ архивныхъ спискахъ имя главнаго начальника Аистова; за нимъ является въ ближайшія къ намъ времена, въ 30-хъ годахъ настоящаго столѣтія, начальникомъ Бурнашовъ, пострадавшій за ослабленіе декабристамъ, и полковникъ Ст. Петр. Татаринцовъ, о которомъ генералъ-губернаторъ Броневскій написалъ въ своихъ мемуарахъ такія строки: „При немъ примѣтно стало челоуѣколюбивое обращеніе съ ссыльными; подчиненные его всѣ уже воспитались въ горномъ корпусѣ“. Съ этимъ улучшеніемъ въ нравственномъ смыслѣ на заводахъ уже глупо вкоренились задатки худшаго, задатки паденія серебрянаго промысла. Расходы на заводы и рудники стали превышать цѣнность до-

*) Эллерсъ содѣйствовалъ первымъ ученымъ изслѣдованіямъ путей на Амуръ, предпринятымъ китайскимъ посломъ Ю. А. Головкинымъ и произведеннымъ полковникомъ д'Овре въ 1806 году, составивъ нарочно для нихъ особенную карту. Онъ предупредилъ нужды и распорядился такъ, что посольство воспользовалось многими успѣхами.

бываемаго серебра, а добыча золота представлялась во всемъ привлекательномъ соблазнѣ подѣ впечатлѣніями надеждъ и обѣщаній, исходившихъ отъ горнаго начальника г. Разгильдѣева. Серебро выплавлялось только на Кутмарскомъ заводѣ, добывалось изъ немногихъ рудниковъ и, между прочимъ, на нашихъ глазахъ въ Зерентуйскомъ рудникѣ, въ 15-ти верстахъ отъ Вольшого завода, гдѣ дѣлалась подѣ наблюдениемъ горнаго начальника О. А. Деймана новая штольня „Надежда“. Слухи о золотыхъ россыпяхъ въ разныхъ углахъ Забайкалья помрачали блескъ серебра и выработка золота, дозволенная частнымъ лицамъ, въ наши дни сильно оттираетъ на задній планъ разработку серебряныхъ сокровищъ богатыхъ и далеко еще не разработанныхъ Нерчинскихъ горныхъ отроговъ Яблоноваго хребта. Въ бытѣ рабочихъ, съ освобождениемъ ихъ отъ обязательныхъ казенныхъ работъ, произошли крупныя перемены; наступило новое время и старое просится на помощь ему своими ошибками, а потому мы останавливаемся здѣсь, чтобы обратиться къ урокамъ прошедшаго и досказать вторую половину исторіи каторги, по вызову золота и подѣ впечатлѣніями сердитой сибирской болѣзни, называемой тамъ общимъ именемъ золотой лихорадки.

Слабы и неясны были признаки золотой лихорадки въ прошломъ вѣкѣ, хотя и нельзя было упрекнуть нерчинскія начальства въ ревности угождать высшимъ и кстаті расчитывать на высылку крохъ, имѣющихъ такую прочную и почтенную цѣнность. Еще въ 1777 году архивныя дѣла свидѣтельствуютъ о хлопотахъ по найденному золотому прииску; въ 1782 году заботились о разработкѣ золотыхъ приисковъ по теченію р. Шилки, на лѣвой ея сторонѣ, въ 16½ верстахъ выше Срѣтенскаго острога въ Крестовой горѣ, противъ деревень Епифановой и Заозерной. Тѣмъ не менѣе, въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія во всемъ Забайкальѣ разрабатывался единственный казенный приискъ Куенскій, дававшій 68 долей золота изъ ста пудовъ песку; содержаніе столь ничтожное, что частный человекъ и рукъ бы не сталъ марать, но казна работала въ расчетѣ и при опорѣ на дешевыя каторжныя силы, работала самымъ грубымъ стариннымъ способомъ. Пески пропускали сквозь желѣзные грохоты въ чаны, наполненные водою; вода съ грязью выпускалась вовъ и осадокъ со дна накладывался въ ящики на двухъ высокихъ колесахъ особаго устройства, которыя одною лошадыю, съ значительною тяжестью, катились довольно легко по наклонному горизонту. Эта жидкая грязь, въ которой золота и подозрѣвать невозможно, выкладывалась въ длинныя лари. Вдоль ларей горизонтально навѣшивался валикъ съ желѣзными граблями; приводъ воды постепенно наполнял лари, а обра-

щаемый людьми валикъ граблями ворочалъ пески; вода уносила муть. Когда въ ларѣ мало оставалось песковъ, ихъ вынимали на тачки, вѣсъ которыхъ былъ извѣстенъ, и сдавали на вашгерты для окончательной промывки. Вашгертъ есть ни что иное, какъ деревянный ящикъ, діагонально установленный на землѣ; въ верхней его части имѣлся ящикъ, наполнявшійся изъ особаго привода водою, которою распоряжался промывщикъ, пуская, по надобности, большее или меньшее количество. Пески, въ видѣ жидкостей и грязи, кладутся на дно вашгерта и вода, втекающая въ нихъ, мало по малу размѣшивалась руками, уносила все съ поверхности и оставляла, наконецъ, на днѣ небольшое желтое пятнышко. Это было уже чистое золото въ видѣ мелкихъ крупинокъ, иногда въ формѣ довольно сплюснутыхъ пластинокъ. Золото сгребали на деревянную лопаточку и со вниманіемъ и осторожностью уносили въ контору. Тамъ золото просушивали въ печи и потомъ, въ присутствіи чиновниковъ, взвѣшивали на самыхъ чувствительныхъ вѣскахъ. Частички золота съ 12-ти вашгертовъ Куенскаго золотого прииска записывались въ книгу. На частныхъ золотыхъ промыслахъ рабочіе зарабатывали отъ 300 до тысячи рублей, а счастливые на старательскихъ работахъ приобретали еще болѣе (особенно, если попадались самородки), на казенныхъ же приискахъ смысленныя рабочіе находились въ тѣхъ же условіяхъ, при которыхъ страшно противѣла работа и выяснялась передъ глазами соблазнительная дорога въ лѣсъ на волю.

Къ серединѣ нынѣшняго столѣтія за Байкаломъ стало ясно, что вездѣ гдѣ господствуютъ по восточнымъ отклонамъ Яблоноваго хребта гранито-сіэниты, золотоносная система почти сплошная, но золото принадлежитъ нѣкоторымъ исключительнымъ мѣстностямъ: Карійской и Шахтминской россыпямъ. Золото въ Нерчинскомъ уѣздѣ находится всегда въ долинахъ, въ которыхъ выступили гранито-сіэниты и тальковыя сланцы, иначе же въ долинахъ малыхъ рѣкъ и ручьевъ; на большихъ рѣкахъ золото находятъ рѣдко; точно также рѣдко попадаетъ оно въ горахъ и раздолахъ. Отсюда пришли къ вѣроятному предположенію, что золото первоначально находилось въ жилахъ въ сіэнитовомъ гранитѣ и въ кварцѣ, которые, при плутоническомъ переворотѣ, были разбиты и золото стекло въ долины. Въ видѣ порошка находится оно между сдвинутыми слоями сіэнита (Кара), либо въ щеляхъ гранитныхъ (Кутума); въ слояхъ же извѣсти и гранита золота никогда не находили. Самый большой кусокъ самороднаго золота, найденный за Байкаломъ, вѣсилъ 1½ фута. Слой, скрывающіе золото, покрыты урожайною землею и называются турфомъ. Турфъ снимаютъ и свозятъ въ кучи. Такимъ же образомъ поступаютъ съ другимъ слоемъ, состоя-

нимъ изъ песку, глины, смѣшанной съ сіени-
товыми каменьями, и круглыми сланцами, на-
зываемыми здѣсь галькою. По снятіи верхнихъ
слоевъ въ каждомъ полуфутѣ грунта ищутъ зо-
лота. Тотчасъ же въ третью грунту, глуби-
ною на 7 либо 10 футовъ, находится золото,
смѣшанное съ чернымъ блестящимъ пескомъ
магнитнаго желѣзняка и съ глыбами желѣзной
руды, очень богатой, имѣющей 60% желѣза.
Содержаніе золота во всей той массѣ, какую
снимаютъ, составляетъ пропорцію 1:400.000;
однѣ только разъ найдено было отношеніе
1:40.000 въ Карѣ и этотъ слой признавъ
былъ очень богатымъ. Въ глинѣ глыбы пред-
полагается наилучшее золото и весь слой но-
ситъ общее названіе песку. Золотой песокъ
свозятъ въ тачкахъ на машины, очищающія
его отъ лишнихъ примѣсей и камней; потомъ
снова очищаютъ его отъ песку, отъ порошка
магнитнаго желѣза, отъ порошка киновари и
мелкихъ гранитныхъ зеренъ, въ ссѣдствіе съ
которыми такъ любятъ жить золото. Песчинки
золота бываютъ такъ мелкія и тонкія, что подни-
маются и относятся водою; такимъ образомъ,
при промывкѣ теряется его довольно много.
Самый простой способъ промывки золота на
Карѣ слѣдующій, общій цѣлой Сибири: на ров-
ную покатошь, имѣющую съ двухъ сторонъ двѣ
прибитыя досочки, сыплютъ песокъ, а на него
пускаютъ воду. Работникъ лопатою отребаетъ
песокъ, уносимый водою къверху, и вынимаетъ
обмытые и ополосканные камни. Части легчай-
шія, какъ-то: песокъ и глину уноситъ вода, а
въ жолобѣ остается золото и магнитный же-
лѣзнякъ; послѣдній оттираютъ щетками либо
отбиваютъ отъ золота палками. Если же со-
всѣмъ отдѣлать золото отъ магнитика, тогда
надо золото сушить и разсыпать на бумагѣ, а
желѣзо отдѣлать отъ него магнитомъ. На боль-
шихъ приискахъ такой способъ не примѣняютъ,
а потому для промывки золота въ нерчинскихъ
рудникахъ приспособлено средство, придуман-
ное инженернымъ подполковникомъ Разгильдѣ-
вымъ.

Разгильдѣвская машина состоитъ изъ трехъ
этажей. На первомъ этажѣ лошади вращаютъ
простой цилиндръ, отвѣсно помѣщенный въ ма-
шинѣ; на другомъ этажѣ помѣщено большое
желѣзное рѣшето, десяти футовъ въ діаметрѣ,
на которое сыпается съ тачекъ прісковый
песокъ. Среди рѣшета, отвѣсно къ нему, вра-
щается валь, а къ нему, въ незначительномъ
другъ отъ друга разстояніи, прикрѣплено восемь
бревешекъ, съ которыхъ въ длинныхъ рамкахъ
свѣшиваются опираются на рѣшето желѣзные
грабли, мотыки, желѣзные бабшаки и тому по-
добныя орудія, предназначенныя для движенія
и пересыпки песку со всѣхъ сторонъ, что при
помощи вала устроивается само собою. Немного
повыше восьми бревешекъ находятся корыта и

деревянные каналы, на которые обильно сте-
каетъ вода изъ резервуаровъ и крошитъ дож-
демъ песокъ, наложенный на рѣшето. Камни,
сдѣлавшія въ рѣшето одинъ оборотъ, достаточно
облегчаются, чтобы упасть въ отверстіе, изъ
котораго отвозятъ ихъ въ особыя кучи; часто
же болѣе мелкія и легкія выплываютъ сквозь
рѣшето на первый этажъ, на которомъ имѣется
гладкая покатошь. Ровная покатошь состоитъ
въ этой машинѣ изъ двухъ частей: первая
сильнѣе наклонена, другая же менѣе поката и
имѣетъ нѣсколько сажень длины. На ровной
покатоши сдѣлано три порога или уступа; вода,
унося песокъ, осаждаетъ его въ углубленіе, на-
ходящееся подъ порогомъ. Надъ каждымъ по-
рогомъ вращается двухсторонній валикъ съ же-
лѣзными шпильками, прибитыми въ равныхъ раз-
стояніяхъ. Песокъ съ мельчайшими камешками
и вода спадаютъ на покатошь, выплываютъ въ
углубленіе, изъ котораго, подталкиваемые шпи-
лемъ, легчайшія части уносятъ съ собою вода,
а золото и желѣзо осѣдаютъ на дно; но по-
томъ еще повороченныя шпильки, выплываютъ
черезъ другой порогъ до другого углубленія,
дальше до третьяго, изъ котораго, какъ и изъ
двухъ прежнихъ, отвозятъ ихъ на большой ваш-
гертъ. Золото въ этомъ періодѣ промывки еще
смѣшано съ желѣзомъ и оловянными рудами,
въ которыхъ пропорція золота бываетъ какъ
1:2.000 или 1:3.000. На вашгертѣ также
три порога. Здѣсь золото освобождается отъ
обыкновенныхъ частицъ мотыками и водою, а
потомъ отвозится на маленькій вашгертъ, въ
которомъ руками и щетками отдѣляются въ водѣ
обыкновенныя частицы. Такимъ образомъ до-
бытое золото все еще соединено съ нѣкоторымъ
шпихомъ магнитнаго желѣза, которое отдѣляется
просушкою золота на сковородахъ и остатки
магнитнаго желѣзняка выдѣляются съ помощью
магнита. У промывки въ вашгертахъ стоятъ
караульный казакъ и унтеръ-шпихмейстеръ изъ
горныхъ, наблюдающіе всѣхъ и самихъ себя,
чтобы никто не украсть золота. Однако, имѣются
такіе способы кражи, отъ которыхъ никто убе-
речь золота не можетъ. Работы на промыслахъ
начинаются въ маѣ и продолжаются все лѣто
до октября. Нерчинское золото имѣетъ весьма
высокую пробу, карійское—самое чистое: въ
немъ только 5 частей выпадаетъ на серебро и
мѣдь, находящаяся въ золотѣ. На этотъ-то ме-
таллъ и устремлены были работы горныхъ и
ссылныхъ въ то время, когда 25-ти-вопеч-
ная цѣнность золотника серебра подвинулась до
50 коп., а алтайское серебряное дѣло пре-
взошло нерчинское своими доходами.

Разгильдѣвъ сначала поднялъ высоко до-
бычу золота: въ 1858 году добыто имъ на
Карійскихъ промыслахъ 6.857 фун., 11 золотн.
и 2 доли (почти 172 пуда)—и это время со-
ставляетъ эпоху въ золотомъ промыслѣ Россіи,

но за то въ 1856 г. добыто было на всѣхъ нерчинскихъ приискахъ 2.400 фун., т. е. 60 пудовъ, въ 1857 г. 2.245 фун. Съ тѣхъ поръ продолжалось ежегодное уменьшеніе золотой добычи; первая и такая богатая была форсирована тѣмъ, что все наличное количество каторжныхъ, сосланныхъ въ эти года изъ Россіи, находившееся до того въ тюрьмахъ забайкальскихъ, привлечено было къ этому дѣлу и собрано на четырехъ промыслахъ карійскихъ: Верхнемъ, Среднемъ, Нижнемъ и Лужанкинскомъ. Въ 1850 году отъ громаднаго скопленія каторжныхъ рабочихъ началась на Карѣ сильная тифозная горячка. Каторжные, запертые въ тѣсныхъ и сырыхъ тюрьмахъ, работавшіе въ болотистыхъ и сырыхъ мѣстахъ, валились, какъ мухи, иногда подлѣ самыхъ тачекъ. Погибло ихъ больше тысячи человекъ въ одинъ годъ и длинное зданіе лазарета на берегу Шилки остается нѣмымъ свидѣтелемъ этой неблагополучной добычи знаменитыхъ ста пудовъ золота. Въ наши дни настала надобность въ прекращеніи работъ и уменьшеніе золота ставитъ горное начальство въ обязательство снова возвратиться къ серебру. Всѣ четыре селенія, пристроившіяся къ золотымъ промысламъ на Карѣ, и между ними Нижнекарійское, выстроенное почти по щучьему веленію Разгильдѣвымъ, будутъ заставаться, разрушаться и гнить по примѣру всѣхъ другихъ горныхъ селеній за Байкаломъ, среди огромныхъ даурскихъ богатствъ, сила которыхъ въ достаточной степени не вызвана и еще далеко вся не изслѣдована. Во многихъ мѣстахъ находятся мѣдныя руды; ищутся оловянные, добытые и сложенные въ складахъ въ видѣ кирпичей либо прутьевъ, разъ успѣли уже вывѣтриться и превратиться въ порошокъ, пока строили оловянный заводъ на Ононѣ. Въ щеляхъ горъ находят испортившіяся купоросъ; галмеей попадаетъ обыкновенно въ оловянныхъ рудникахъ (пробовали нѣсколько разъ выщелачивать изъ него цинкъ, но нигдѣ не выработано въ достаточномъ количествѣ); построенъ былъ рудникъ даже руды ртутной, но давно уже запущенъ, хотя и надобится ртуть для амальгамации золота. Желѣзныя руды за Байкаломъ—самыя обыкновенныя: онѣ образуютъ цѣлыя горы, но желѣзный заводъ одинъ, съ трудомъ

удовлетворяющій даже мѣстнымъ потребностямъ. Сѣры рождаются въ нерчинскихъ горахъ очень много; копаютъ ее при Зерентуйскомъ оловянномъ рудникѣ; графита цѣлыя горы, на Байкалѣ нефть, надъ Аргунью и Чикоемъ значительныя залежи каменнаго угля и проч. Выработка серебра въ горныхъ дистанціяхъ Зерентуйской и Алгачинской (Нерч. округа) обеспечивается крупными надеждами и вѣрными расчетами по современнымъ даннымъ; по расчетамъ людей компетентныхъ, она представляется болѣе, чѣмъ вѣроятною и въ другихъ, въ особенности въ Кадаинской дистанціи. До сихъ поръ извлекали руды изъ мѣстъ, прилегающихъ къ поверхности земли, и не ходили на глубину, которая иногда обнаруживаетъ здѣсь мѣсторожденія болѣе, чѣмъ въ 60-ти саженьяхъ отъ поверхности. Разработка нерчинскаго серебрянаго промысла, во всякомъ случаѣ, далеко не оскудѣла, но лишь испорчена неправильною системою, которая искала скорой добычи и не умѣла вполне оцѣнить этихъ отечественныхъ сокровищъ.

Другую картину представляетъ Кара, выработанная и малоблагонадежная. Она уже и теперь обязываетъ излишнія незанятія руки употреблять на другія дѣла, уже и теперь горное начальство каторжныхъ, оставшихся не у дѣлъ на Карѣ, отправляло въ качествѣ вольнонаемныхъ рабочихъ на другіе золотые промысла (напр., на Урюмскіе) и позволяло другимъ пропитываться въ Нерчинскомъ округѣ своимъ собственнымъ умѣньемъ и по ихъ личному усмотрѣнію. При этомъ золотопромышленныя работы таковы, что, растягиваясь на большія пространства, онѣ идутъ все въглубь золотосносныхъ мѣстностей и ни въ какомъ случаѣ не могутъ обеспечивать постоянной группировки ссыльно-каторжныхъ на долгое время въ одномъ мѣстѣ. Тюрьма должна кочевать и, по способу бурятской кибитки или тунгусской юрты, должна совершенно измѣнить свой настоящій видъ и воплѣтъ противорѣчить своему назначенію, чтобы приладиться къ золотому промыслу, особенно же въ виду тѣхъ современныхъ требованій, которыя стали обязательны для всякой тюрьмы, какъ исправительнаго заведенія, а тѣмъ болѣе каторжной тюрьмы.

IV.

СИБИРСКІЕ ЗАВОДЫ.

Желѣзо.—Петровский заводъ.—Соль.—Селенгинскій заводъ.—Усть-Бутскій заводъ.—Добыча соли.—Каторжныя работы.—Троицкій солеваренный заводъ.—Иркутское-Усолъе.—Способы выварки соли.—Молотобойная фабрика.—Винокурение.—Евреи.—Ссылные.—Винокуренные заводы: Александровскій, Николаевскій, Ильгинскій, Боготольскій, Ентарскій, Успенскій, Каменскій.—Уничтоженіе этого вида каторги.

1) Желѣзные руды одного изъ остроговъ Яблоноваго хребта, залегающія на мысу, омываемомъ небольшими рѣчками Балагою и Солдаткою, соблазнили купца Бутыгина. Онъ устроилъ заводъ нѣсколько выше впаденія рѣчки Мукурта въ Балагу, въ 22 верстахъ отъ мѣста добычи рудъ, получившаго впоследствии названіе Балагинскаго рудника. Въ 1790 году, 29 ноября въ 4-мъ часу по полудни, началась на заводѣ, прозванномъ впоследствии Петровскимъ, первая плавка желѣзныхъ рудъ въ доменномъ горнѣ, причемъ сдѣланъ выпускъ на штыковой чугуны и частью отливка нѣкоторыхъ вещей въ песокъ и опоки; въ 1791 году штыковой чугуны поступалъ въ передѣлку подъ кричные молота на желѣзо. Въ этомъ году заводъ поступилъ въ казну. Съ тѣхъ поръ всѣ его чугуны издѣлія и желѣзо разныхъ сортовъ поступало преимущественно на снабженіе заводовъ и рудниковъ нерчинскихъ, какъ равно на потребности собственного этого завода и для вольной продажи по установленнымъ цѣнамъ. Заводъ дѣйствуетъ водою р. Мукурта; прудъ разливается вверхъ по рѣчкѣ на 400 сажень, имѣя въ ширину до 50-ти. Заводъ пользуется землями, отведенными изъ принадлежащихъ 11-ти родамъ харинскихъ бурятъ; гѣсь заводскій тянется на 7 верстѣ. Мѣстоположеніе возвышенное, гористое, мѣстами съ обнаженными утесами и россыпями; въ вершинахъ падей находится довольно болотистыхъ мѣсть. Горы, окружающія самый рудникъ, состоятъ изъ гранита, а при основаніи изъ порфира. Мѣстороженіе на 250 сажень отъ юга къ сѣверу, толщиною отъ 5 до 8 сажень; содержатся наиболѣе разные виды бурога желѣзнаго камня, магнитный желѣзнякъ и затвердѣлая и рыхлая охры. Первоначальный разность засыпало щебнемъ, главный разность дѣйствуетъ до сихъ поръ, давая заводу работу и занимая руки сосланныхъ на каторгу. Для нихъ, какъ и при всякомъ рудникѣ, при Петровскомъ заводѣ существовала тюрьма, которая переведена потомъ въ тюремный казематъ, покинутый декабристами. Петровское желѣзо настолько не удовлетворяло мѣстнымъ требованіямъ, что желѣзо привозили сюда съ Урала, а издѣлія каторжныхъ рукъ до того плохи и рыхлы, что доставленные на Амуръ топоры разсыпались по слоямъ на первыхъ ударахъ; сошники же

и другія желѣзные издѣлія нигде не годились. Петровский заводъ за послѣднее время обратился въ общее помѣщеніе. И въ этомъ случаѣ изъ казенныхъ рукъ вывалилось дѣло, не смотря на нѣкоторое усердіе и временами хлопотливость: въ 1806 году выбраны были 10 человекъ молодыхъ служителей и посланы въ Петербургъ для изученія разныхъ мастерствъ; однако, ни одно изъ нихъ въ заводѣ не привилось. Заводъ изготовлялъ и желѣзо для Охотскаго порта и сошники для бурятъ и тунгусскихъ казаковъ, когда пытались (неудачно) приучить ихъ къ земледѣльческимъ работамъ. Для работъ присылали ссылныхъ съ 1818 года, всякій разъ по сто, партиями по 25 человекъ, приходившими прямо изъ Иркутска, по вызовамъ и назначеніямъ заводскаго начальства. Въ 1833 году число ссылныхъ простиралось до 550 человекъ, не считая бѣжавшихъ, количество которыхъ было также велико: изъ Петровскаго завода, больше чѣмъ изъ всѣхъ другихъ каторжныхъ мѣсть, чинились побѣги. Учинившіе побѣгъ приковывались къ тачкамъ. Таковыхъ въ 1831 году было въ заводѣ свыше ста человекъ; въ 1848 г. содержалось 13 человекъ прикованными на стѣнные цѣпи; для поимки бѣглыхъ при заводѣ организована была особая команда изъ вольнонаемныхъ охочихъ людей служительскаго званія. Тяжесть каторги для каторжныхъ и заводскихъ крестьянъ лежала и здѣсь въ одинаковой степени суровости и умѣла перейти съ отцовъ на дѣтей, но здѣсь съ тѣмъ различіемъ, что съ 1823 года тринадцатилѣтнихъ мальчиковъ опредѣляли на службу въ рудобойщики. За то въ 1828 году въ Петровскомъ заводѣ произошелъ между рабочими такой бунтъ, о которомъ сохранилось преданіе въ окольномъ народѣ. Обветшалость острожныхъ зданій, въ особенности же зависящая отъ того сырость внутри ихъ, служила причиною постоянного сворбута, какъ бы привилегированной болѣзни Петровскаго желѣзнаго завода. Зданіе безъ ремонта дошло до такой степени дряхлости, что заводскій гѣкарь потерялъ голову, между прочимъ, совѣтуя осушить болотистый грунтъ цѣлаго селенія. Въ 1829 году приведено было 100 человекъ ссылныхъ изъ Иркутска, для постройки полуказармы, предназначенной для государственныхъ преступниковъ (декабристовъ); въ

1829 году пригнали для той же цѣли еще двѣсти человѣкъ. Лѣтомъ 1830 года была приготовлена казарма холодная и темная, но притомъ такая, что черезъ годъ потребовалась въ ней перекладка печей, а вскорѣ и самыя капитальныя перестройки. Казематъ разсылся въ разныя стороны и на углахъ грозилъ полнымъ разрушеніемъ. Подневольныя работы и на этотъ разъ успѣли выразить свой характеръ. Въ Нерчинскомъ краю и горномъ округѣ Петровскій заводъ былъ единственнымъ желѣзнымъ, какъ Селенгинскій былъ единственнымъ солевареннымъ: оба съ каторжными работами, оба для ссыльныхъ въ Сибирь имѣли значеніе мѣстъ первой категоріи наравнѣ съ рудниками, промыслами и серебряными заводами. Въ настоящее время Петровскій заводъ, при ограниченности своего производства, пересталъ нуждаться въ ссыльно-каторжныхъ, специально предназначенныхъ для работъ на заводѣ.

2) Селенгинскій солеваренный заводъ находился между двумя забайкальскими городами: въ 40 верстахъ отъ Селенгинска и въ 96 отъ Верхнеудинска. О началѣ его, какъ и многихъ сибирскихъ заводовъ, свѣдѣній не имѣется: всѣ они либо растрачены либо погибли при архивныхъ пожарахъ. Извѣстно только, что этотъ заводъ въ 1719 году отданъ изъ казеннаго въ частное содержаніе селенгинскому служилому человѣку Вас. Брянскому, отъ котораго переходилъ къ разнымъ людям; въ 1789 г. былъ въ рукахъ верхнеудинскаго купца Пахолкова, работалъ на него 15 лѣтъ, но годъ отъ году слабѣлъ силами и, наконецъ, прекратилъ работы и снова принятъ въ казну въ 1803 году (за 7.762 р. 52½ к.). Пахолковъ принялъ двѣ варницы, сдалъ въ казну 5, изъ которыхъ одна въ казѣ сгорѣла (въ 1816 г.). Четыре остальныхъ продолжали варку соли по 1825 годъ. До 1831 г. заводъ находился въ бездѣйствіи; на короткое время его снова пускали въ работу (начальникъ Дейхманъ), но казна не помогла и работы были оставлены до 1835 г. Купецъ Злобинъ началъ на немъ новое дѣло и кое-какъ повелъ его до 1839 г. Съ тѣхъ поръ заводъ окончательно смолкъ. Три раза свидѣтельствовали, замѣчали беспорядки, но ни къ чему положительному не пришли: разсолы ослабѣли отъ истощенія въ работахъ. Вызванъ онъ былъ въ этомъ мѣстѣ горько-соленнымъ озеромъ, имѣющимъ отъ в. къ з. до 500 и ширины до 300 сажень. Сначала, по преданіямъ, оно было самосадочное и ломкою соли занимались поселившіеся по близости, послѣ войны съ бурятами, казаки. Когда селенія размножились, а садка соли прекратилась, соль вываривали казаки изъ разсола, находившагося на поверхности озера; варили въ чугунныхъ котлахъ, которые ставили на камни, сложенные въ ви-

дѣ очаговъ. Озеро лежитъ за горами въ степи, на которой нарѣдка растутъ кустарники. Низменности этого пространства покрыты пылью вывѣтрившейся горькой соли. Съ сѣверной стороны въ это озеро вливается много прѣсныхъ ключей, которые, растворяя глауберову соль (представляющую на озерѣ кору), до такой степени этимъ горькосоленнымъ растворомъ понижаютъ въ процентномъ содержаніи растворъ поваренной соли, что выварка послѣдней въ лѣтнее время становится невозможною. Съ наступленіемъ холоднаго времени горькая соль извергается, вода застываетъ, а разсолъ поваренной соли обогащается, оставаясь въ видѣ проталинъ въ жидкомъ состояніи, оттого и выварка соли начиналась въ ноябрѣ и продолжалась до апрѣля. На одномъ изъ такихъ мѣстъ въ 1762 году предполагали, что ключи поваренной соли пробиваются изъ почвы озера и дѣлали опыты добычи, но неудачно. Остальная масса не нужная горькосоленая кора бываетъ толщиною до 3 аршинъ и двухъ видовъ: либо въ видѣ замороженнаго кваса и наз. гужиромъ, либо въ видѣ стекленца, т. е. когда этотъ гужиръ, при вліяніи теплоты, сольется въ плотную, прозрачную, стеклистую массу; гужиръ въ теплѣ сырѣетъ и расплывается, стекленецъ отъ угѣренной теплоты и вліянія свѣта превращается въ порошокъ. Съ поступленія завода въ казну въ работы стали употреблять ссыльно-каторжныхъ. До 1818 г. ихъ бывало отъ 120 до 147 человѣкъ (6 солеваровъ, 10 подварковъ, 20 льяльщиковъ, 8 кузнецовъ, 8 молотобойщиковъ, 3 конюха, 17 плотниковъ и при разныхъ другихъ задолженіяхъ чернорабочихъ 75 человѣкъ). Въ 1822 г. число ссыльно-рабочихъ было увеличено до 317 человѣкъ. Горное начальство уменьшило комплектъ до 180, такъ что, въ 1829 г. оставалось людей за бѣгами и раскомандировками только 10 человѣкъ для призора и охраненія казеннаго имущества. Въ 1835 г., съ увеличеніемъ работъ, число команды возросло до 96. Сыновья ссыльныхъ рабочихъ приписывались до 1834 г. въ число заводской команды, а по достиженіи совершеннолѣтія составляли классъ людей, самыхъ способныхъ при техническихъ работахъ. Въ 1834 г. по 8 ревизіи, всѣхъ ихъ велѣно было причислить въ крестьяне ближайшихъ волостей. Горное вѣдомство, получивъ въ свое вѣденіе (въ 1822 г.) Селенгинскій заводъ, старалось приохотить ссыльныхъ къ мѣсту, но дѣла не подвигались и заводское селеніе не распространялось. Какъ только кончился ссыльнымъ срокъ работъ и они получили право выхода на собственное пропитаніе или выписывались за неспособностью, всѣ спѣшили перепродать свои дома другимъ рабочимъ и перейти на житье въ тѣ волости, къ которымъ были при-

писаны. Въ свою очередь, новые собственники поступали точно также. Отъ этого каждый, зная шаткія основы завода, о своей жизни здѣсь не радѣлъ: не расширялъ усадьбы, не расчищалъ удобныхъ земель для покосовъ и пашень, которые, сверхъ того, требуютъ еще устройства водопроводныхъ каналовъ для вешней и лѣтней поливки. Того же самого требуютъ и сѣнокосы, если только онѣ не на лугахъ, заливаемыхъ водою. Какъ только казна остановила свои работы, селеніе превратилось въ пустырь и вся околность, богатая озерами, осталась снова во владѣніи кочующихъ бурятъ, у которыхъ на этомъ мѣстѣ (на Гусиномъ озерѣ) стоитъ ихъ главный дацанъ (храмъ) и живетъ глава ихъ духовенства—хамба-лама. Не удержали населенія и рыбныя ловли въ озерѣ Гусиномъ и Шучьемъ, о которыхъ такъ хлопотало горное начальство, а пребываніе послѣдняго въ этихъ мѣстахъ ознаменовалось лишь тѣмъ, что въ 1839 г. на восточномъ берегу Гусинаго озера найдены были обнаженный пластъ каменнаго угля, столь не цѣнимаго въ богатой лѣсами Сибири.

На Селенгинскомъ заводѣ кончаются каторжныя мѣста за Байкаломъ. Солеваренные заводы и при нихъ каторжныя работы приводятъ насъ на сю сторону Байкала и, въ подчиненіи работъ нашихъ хронологическому порядку, въ крайнюю даль Восточной Сибири.

3) Въ 665-ти верстахъ отъ Иркутска, въ 264 отъ Киренска, въ Якутской области, на правомъ берегу устья рѣчки Куты (впадающей въ Лену), внизъ по ея теченію, расположенъ былъ, у небольшого озера, Усть-Кутскій солеваренный заводъ. На серединѣ озера находятся соляные ключи, надъ которыми устроены были колодцы. Источники эти нѣкогда составляли собственность будущаго завоевателя Амура, сольвычегодскаго промышленника Ерофея Хабарова и воеводою Поярковымъ отобранны были въ 1641 году въ казну. Хабаровъ выѣхалъ изъ завода и поселился въ шести верстахъ отъ г. Киренска, гдѣ до сихъ поръ сохраняется деревушка, носящая имя Хабарова. Съ этого пепелища своего онъ снялся на р. Амуръ для новыхъ промышленныхъ предприятий, успѣвъ избить якутскихъ крестьянъ, присланныхъ въ Киренскъ на его займку для поселенія. Завладѣвъ чужою женою, Хабаровъ, вынужденный неудачами на Ленѣ, сдѣлался героемъ на Амурѣ, но могилу нашель себѣ въ Илимскѣ (при устьѣ р. Илима, впадающаго въ Лену). До 1751 г. заводъ его находился въ вѣденіи казны, но въ этомъ году отданъ иркутскому купцу Ворошилову, который и содержалъ до 1780 года, когда заводъ перешелъ къ его наслѣдникамъ. Въ 1800 г. заводъ, по духовному завѣщанію, перешелъ къ дочери Ворошилова, вадв. совѣт. Вейтоновой, которая впо-

слѣдствіи оказалась несостоятельною и неисправною (не смотря на то, что казна, по указу 7 декабря 1801 года, къ 20 ссыльнымъ прибавила ей еще десять). Варницы снова были отобраны въ казну и въ 1803 г. отданы киренскому купцу Сычеву. Въ 1823 г. онѣ находились во владѣніи внука Сычева; въ 1829 г. Малѣева, въ 1836 г. жены его. Соляные источники Усть-Кутскаго завода—самые богатые въ Иркутской губ. и варка соли, при изобиліи рассола (по солемѣру 18¹/₂ лотъ), можетъ производиться во всякое время года, но варили соль только весной и лѣтомъ, т. е. когда рассоль становился крѣпче. Варили въ двухъ варниках: спасскомъ и знаменскомъ и до 1838 г. получали ежегодно до 25 т. пуд. Для производства работъ было положено имѣть 35 человѣкъ и для каторжныхъ работъ: у рубки дровъ и при заготовленіи лѣса. Соль сплавлялись по Ленѣ черезъ подрядчиковъ отъ казны на баржахъ и гужомъ въ стойки Киренскаго округа. По нахожденіи завода въ малонаселенной странѣ, онъ приносилъ казнѣ ничтожныя выгоды, потому она рѣшилась и съ нимъ покончить дѣло и уничтожить. Селенія и здѣсь не выросли и не укрѣпились. Въ заводѣ, даже и во время работъ, не было церкви, а стояла часовня, выстроенная въ 1822 г.; требы исполняли священникъ Усть-Кутскаго селенія, отстоящаго отъ завода въ 4 верстахъ.

4) На берегу рѣчки Усолки (Енис. губ. Канскаго округа), въ разстояніи 193 верстъ отъ г. Канска, существовалъ четвертый заводъ Восточной Сибири, наз. Троицкимъ. Первые соляные ключи открыты были тунгусами, объявившими (въ началѣ 17 столѣтія) о томъ единственнымъ въ то время и въ тамошнемъ краю торговымъ людямъ—мѣщанамъ г. Енисейска Хромовымъ. Хромовы разработали нижнѣйшій средній колодезь (въ немъ рассоль 6), варили соль въ котлахъ, а потомъ устроили и варницу, полагая начало завара съ Покрова и продолжая варку до времени весенняго разлива Усолки. Предприниматели эти, часто имѣя нужду въ деньгахъ, занимали ихъ у жившихъ здѣсь монаховъ енисейскаго Спасскаго и турханскаго Троицкаго монастырей. Впослѣдствіи, будучи не въ состояніи уплатить долговъ, Хромовы передали все заведеніе въ монастырщину. У монаховъ солевареніе улучшилось: выходъ соли часто доходилъ до 80-ти пудовъ. Въ 1764 г. заводъ принятъ въ казенное вѣдѣнство. Казна выстроила три новыя варницы (въ 1778, 1780 и 1800 гг. *) и устроила три новыхъ колодца (одинъ содержаніемъ въ 15°, другой до 24°). Выварка соли поднялась до 88

*) Варница этого года устроена по вызову того обстоятельства, что въ этомъ году прекратилась садка соли на Минусинскомъ самосадочномъ озерѣ.

пудовъ, когда въ 1827 г. заводъ взяло въ свои руки горное вѣдомство и выварка соли увеличилась до 126 пудовъ. Хозяйство расширилось: „чтобы избѣжать покупки желѣза дорогими цѣнами и отъ вольныхъ людей“, казна распорядилась построить желѣзный заводъ. Руды добывались въ окрестностяхъ при рѣчкѣ Коноптиловкѣ и плавилось въ печахъ, получалось кричное желѣзо, которое превращали въ сортовое тутъ же *). При этихъ условіяхъ казна услѣла въ 10 лѣтъ выстроить тутъ новое селеніе (въ эти десять лѣтъ пришло 63 дома). Работы производились арестантами, присланными гражданскими начальствами во временную работу въ ожиданіи собиранія справокъ (отъ 50—100 челов.); прислалились и ссыльно-каторжные. Въ 1838 г. ихъ было 313 человекъ, имѣвшихъ 120 домовъ собственныхъ (другіе размѣщены были въ нарочно для нихъ устроенныхъ казармахъ). Ссылные употреблялись для выварки соли на работы уже истинно каторжные, по старинному способу веденія ихъ. Перевозка дровъ, починка и постройка чреновъ и приготовленіе инструментовъ производились людьми вольнонаемными.

5) Одновременно съ Усть-Кутскими открыты были соленые источники на берегу р. Ангары, въ 68 верстахъ отъ Иркутска, на мѣстѣ, гдѣ теперь существуетъ Иркутскій солеваренный заводъ или по просту Иркутское-Усолъе. Все техническое устройство находится на островѣ р. Ангары, наз. Варничнымъ (прежде Вознесенскимъ). До 1765 г. соляной промыселъ состоялъ въ вѣденіи иркутскаго Вознесенскаго монастыря, съ приписными крестьянами отъ деревень нынѣшней Бодайской волости. Въ 1765 г. Усолъе поступило въ казенное управленіе и съ того времени стали присылать сюда для работъ ссыльно-каторжныхъ. Казна въ 1772 г. имѣла уже здѣсь 4 варницы и вываривала на нихъ соли до 55 т. пудовъ. Съ 1782—85 г. заводъ содержался на арендѣ тобольскимъ купцомъ Дьяконовымъ, по смерти котораго опять поступилъ въ казну. Разсолные источники находятся преимущественно на островѣ Варничномъ и частью на лѣвомъ берегу Ангары, близъ селенія. Прежде разсолъ былъ гуще (въ $7\frac{1}{2}$ и $9\frac{1}{2}$ °), но бывшія землетрясенія понизили ихъ содержаніе (въ 1833 г. отъ 1 до $1\frac{1}{2}$ °, а въ 1839 и еще почти на $1\frac{1}{4}$ °), отчего соль 1838 и 40 гг. вываривалась уже изъ разсоловъ въ $5\frac{1}{4}$ и въ $6\frac{3}{4}$ ° (въ 1841 разсолы обогатились на половину этого пониженія **).

*) У деревни Яковлевой открыты были жѣлезныя руды и, кромѣ того, существуютъ вблизи завода желѣзистыя минеральныя воды, а въ 6 верстахъ отъ него углекислыя.

**) Состояніе разсоловъ измѣняется: въ сухое лѣто они богаче, но притокъ ихъ недостаточенъ на продовольствіе дѣйствующихъ чреновъ. Осу-

Выходы соляныхъ рудниковъ не глубоко залегаютъ отъ поверхности земли, отчего и самые колодцы, скользящіе разсолъ, не глубоки. Изъ этихъ колодцевъ разсолъ поднимается бадьями въ зунфы посредствомъ насосовъ, приводимыхъ въ дѣйствіе конною силою. Изъ зунфовъ пускается разсолъ по желобамъ въ лари, устроенные въ самыхъ варницахъ, а изъ ларей напускается уже, по мѣрѣ надобности, въ чрены. Въ ларяхъ разсолъ, по наполненіи, часовъ до 12 отстаивается иль (разсолъ протекаетъ мутнымъ) и изъ нихъ пускается по желобамъ въ чрены, устроенные въ серединѣ варницъ и считые изъ листовъ поличнаго желѣза. Чрены повѣшены на крючьяхъ: подчренныя печи складены изъ кирпича, устье ихъ или чело печи имѣетъ вышины около $1\frac{1}{2}$ ар. и ширины 2 ар. и снабжено желѣзною дверью, которая служитъ также для управленія огнемъ. На сторонѣ, противоположной устью, у задней стѣны, выкладывается невысокая труба, называемая сопуха, имѣющая заслонку также для управленія огнемъ или подчреннымъ жаромъ. Кромѣ того, въ варницѣ настилаются палаты съ ящичками для складки и просушки соли, набрасываемой изъ чреновъ. Въ чрены до напуска разсола напускается бурдукъ (смѣсь муки съ разсолломъ), который запаиваетъ и замазываетъ тѣ мѣста, гдѣ капель или течь. Это собственно и называется напускомъ; затѣмъ слѣдуетъ наводка, т. е. сгущеніе разсола. Во вторые сутки повышается напускъ разсола и въ первые сутки соли почти никогда не получается, во вторые—весьма немного и то мелкой и грязной, смѣшанной съ пригорѣлою мукою, сажею, иломъ и пескомъ. Эта соль поступаетъ въ переваръ. Три или четыре соли по заварѣ бывають тя-

тительно же понижаются они въ своей густотѣ во время разливовъ р. Ангары отъ чрезвычайнаго притока нагорныхъ водъ рѣкъ: Иркутска, Ушаковки, Тойсона и Китоя, что бываетъ, по большей части, въ іюнѣ и началѣ іюля и во время рѣкотава Ангары въ декабрѣ и январѣ. При этихъ случаяхъ нерѣдко затопляется весь Варничный островъ и прѣсная вода, стекая съ поверхности въ колодцы, разводитъ разсолъ, дѣластъ его негоднымъ къ солеваренію. Изубоженный притокъ водъ разсолъ не пускается въ дѣло до того времени, пока вода Ангары не пойдетъ на убыль. Воду отглаживаютъ, даютъ время концентрироваться въ колодцахъ разсолу, и—солевареніе вновь начинаютъ. Особенно было сильно наводненіе въ 1772 году: вода стояла до половины дверей разсолныхъ колодцевъ и варницъ, заливалась даже въ чрены, снесла съ острова бѣны, мостъ черезъ протокъ Усолку, сломала всѣ желобья, затопила соляныя магазины и унесла болѣе тысячи сажень дровъ. При з водѣ своя лѣсная дача. Для дровъ предпочтительнѣе кругляя, наз. салъши, какъ болѣе удобная для того, чтобы легче подкачивать ихъ посквороды. Въ 1823 году варницъ было 9, въ 1836 уже 1. Шестидесятъ пуд. соли требуютъ цѣлую кубическую сажень дровъ.

желы на вѣсъ, не чисты и, лежа въ магазинѣ, даютъ весьма значительную утечку *). Каждая варя продолжается около сутокъ, а изъ 20 и болѣе варей составляется отряска, въ теченіи которой на полотнѣ чрена, въ видѣ твердаго камня, накипаютъ столько поваренной соли, что, въ предупрежденіе притгара, этотъ камень (ширей) отбиваютъ. Работа такая (наз. околотка) производится молотками (наз. клевакъ). Затѣмъ производится дна 2—3 починка; чрены дѣйствуютъ отъ 20 до 22 сутокъ; общая поправка производится черезъ 2—2½ мѣсяца; въ октябрѣ солевареніе прекращается, въ концѣ февраля или въ началѣ марта начинается. Работая въ варницахъ въ сильномъ жару, заставляющемъ снимать рубахи до гола съ расчетомъ на простуду и на растрыву ранъ и даже мелкихъ порѣзовъ въ соляномъ пару—по истигѣ каторжная. Многія варницы, каковыя всегда строятся осьмиугольными, отъ неправильнаго устройства пролетовъ накопили такой дымъ, что рабочіе, для направленія огня, и ползати не могли по землѣ. Чтобы они не задыхались въ вѣтряное время, сдѣланы плотно заколоченныя будки, куда люди входили со двора и сквозь окошца смотрѣли за огнемъ, будучи избавлены отъ безвременнаго страданія и боли глазъ, но все-таки не избавились отъ близости простуды и вѣроятія отравы соляными парами до потери аппетита. Въ этихъ сѣняхъ, придѣлываемыхъ съ наружнаго входа, складываются дрова; въ дѣтнее время здѣсь рабочіе имѣютъ убѣжище отъ нестерпимаго жара варницъ; сѣни служатъ препоною для сильнаго притока воздуха со двора въ варницы, гдѣ онъ, въ соединеніи съ дымомъ и паромъ, особенно при напускахъ рассола въ холодное время, производитъ почти непроницаемую темноту и отвращаетъ сильное горѣніе въ подчранныхъ печахъ. Кѣмъ-то и когда-то при Иркутскомъ заводѣ устроено было въ незначительномъ видѣ желѣзное производство ручными молотами на обыкновенно кузнечныхъ горнахъ. Въ 1795 г. построена была кузница съ пятью горнами, а въ 1801 г. устроена была на р. Тельминкѣ молочная фабрика. На ней изъ разнаго лому выковывались гвозди и подгвоздки (желѣзные круги съ дирою) для чреновъ. Впослѣдствіи искали рудныхъ мѣсторожденій и нашли ихъ, но не благонадежныя—гнѣздовыя, и замыслы оставлены. Въ 1835 году, по близости найденъ новый пластъ и плавка производилась въ сыродувныхъ печахъ, но за не-

*) Чистая, хорошо высушенная поваренная соль влаги не притягиваетъ. Если въ соли содержится хлористый кальцій или магній, имѣющее сильное сродство съ водою, соль растворяется въ притягиваемой изъ воздуха влагѣ и тогда утечка; если въ соли сѣрно или углекислый натръ или сѣрноокислая магнезія, то соль вывѣтривается, т. е. пропекается усышка.

достаткомъ воды работы прекратились, но увѣнчались тѣмъ результатомъ, что во флейдовой горѣ (наз. Балдуйской) подъ песчанникомъ нашли пластъ каменнаго угля до 1½ саж. толщиной. Заводъ довольствуется теперь жемъ-зомъ алтайскимъ и Петровскаго завода *). Съ примѣненіемъ въ Восточной Сибири новой соляной системы, солеварнымъ заводамъ выпадаетъ неизбѣжная участь быть упраздненными или перейти въ частныя руки, если только такковыя увѣренно рассчитаютъ на выгоду разработки и, во всякомъ случаѣ, предпочтутъ вольнонаемный трудъ. Примѣръ частнаго владѣльца Николаевскаго завода, имѣвшаго въ своемъ распоряженіи до послѣдняго времени небольшое число каторжныхъ, въ этомъ отношеніи единиченъ и исключителенъ.

Солеваренные заводы, такимъ образомъ, можно полагать каторгою первой степени. Гораздо легче ихъ была каторга на винокуренныхъ заводахъ, до измѣненія въ послѣднее время системы акцизныхъ сборовъ на вино, когда всѣ казенные винокуренные заводы были уничтожены, т. е. либо проданы на дѣло и на сломъ, либо сданы въ арендное содержаніе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ частная предпримчивость въ существованіи ихъ признала законное и безошибочное право.

Винокурение въ началѣ производилось винокурами, избираемыми изъ ссыльныхъ, которые знакомы были съ этимъ дѣломъ въ Россіи или приучались уже въ заводѣ (имъ давали по 250 р. асс. въ годъ и, сверхъ того, въ видѣ ваграды, по 8 коп. съ каждаго ведра наливнаго выкуренаго вина). Производство шло, по старинному, весьма дурно: въ деревянныхъ бражныхъ кубахъ, устроенныхъ по обыкновенію каштаковъ; при жестокихъ морозахъ терялась спиртуозность, вылетавшая въ спан досокъ. При морозахъ (въ дек. и янв.) выходы вина уменьшались: морозы мѣшали быстрой работѣ, мѣшала дѣлу и посуда, не успѣвшая обдержаться. Винокуры часто мѣнялись за злоупотреблия, которыя происходили частью по ихъ неопытности, частью злонамеренно. Изъ четверти хлѣба не выкуривалось больше 6 ведеръ; явившіеся изъ Россіи евреи успѣли выучить добывать 7 ведеръ, впослѣдствіи дошли до 7½ и до 7½. Выкурка вина не превышала 100 тыс. ведеръ въ благоприятное время и упала даже до 6 тыс. въ неудачное. Отъ того, что бочки приготавлились изъ листовичаго лѣса, усышка и утечка возростали до 7½ ведра на сто. Голодные и голые рабочіе, для поддержки своего утлага существованія, принуждены были измышлять различныя хитрости, чтобы уворовать вино, бѣжать съ нимъ изъ завода и на-

*) Былъ еще солеваренный заводъ въ Охотскѣ, дѣйствовавшій очень долгое время и уничтоженный въ 1839 году.

чать корчемничать гдѣ либо по сосѣдству. Воровали спиртъ и полугарь, просверливая дыры въ трубахъ, по которымъ идетъ вино. Бывали времена, что, по причинѣ скуднаго урожая хлѣба, придумывали для рабочихъ хлѣбъ изъ барды; бывали времена, что и самый хлѣбъ, при плохомъ хозяйствѣ, для Восточной Сибири принуждены были закупать въ Западной *).

На винокуренные заводы вышла мода. Стали выстраивать ихъ не тамъ, гдѣ обнаруживался мѣстный вызовъ, поддерживаемый обиліемъ хлѣба и мѣстными требованіями, а въ тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ клялъ надежды кабинетный расчетъ, желающій похвастаться своею почитательностью о казенныхъ прибыляхъ и своимъ прилежаніемъ и заботою о народныхъ нуждахъ. Мало заботились (да и не были въ состояніи сдѣлать это), не хотѣли рассчитывать на то, чтобы за новыми заводами упрочить существованіе ихъ на будущее время. Достигли одной цѣли: количество каторжныхъ мѣсть увеличили на извѣстное время, но промышленныхъ заведеній, прочно стоящихъ на твердыхъ экономическихъ основахъ, не установили. Мѣстныя условія не замедлили обнаружить свое вліяніе и огромныя суммы, затраченныя на устройство, оказались безплодно потерянными; заводы, работавшіе въ ущербъ себѣ и увеличившіе цѣну вина, убѣдили въ своей несостоятельности и были уничтожены: Михайловскій за Вайкаломъ, Николаевскій (въ 1832 г.), Ильгинскій (1845 г.) въ Иркутской губ., Каменскій въ Енисейской. Александровскій заводъ, соединивъ съ собственнымъ винокурениемъ производившуюся до тѣхъ норъ выкурку вина въ этихъ заводахъ, сталъ безъ затрудненія удовлетворять потребности всѣхъ мѣсть, подчиненныхъ вліянію упраздненныхъ заводовъ. Онъ избавилъ казну отъ лишнихъ издержекъ и выкуривалъ вино съ меньшими противъ нихъ расходами. Хлѣбъ привозили сюда окрестные крестьяне и инородцы (бурята) прямо на базаръ и скупали сдѣлать подручный рынокъ, избавлявшій отъ необходимости сложныхъ операцій по закупкѣ. Иркутскій и нижеудинскій округъ снабжали заводъ хлѣбомъ въ такомъ достаткѣ, что бывали времена, когда пудъ хлѣба продавался менѣе 10 коп. въ урожайные годы, отъ 24 до 25 въ года средняго урожая и только до 90 коп. доходятъ въ неурожайные. Заводъ былъ въ состояніи выкуривать свыше 500 тысячъ ведеръ и казна, за исключеніемъ издержекъ на приготовленіе вина, получала выгоды около милліона рублей. Въ 1860 году въ дачахъ завода считалось 12.503

*) Такъ, напр., для Александровскаго винокуреннаго завода привозили въ 1802 г. изъ Тобольской губ., когда и самое куреніе вина приостановили, такъ что казна потерпѣла громаднаго убытка.

десятины лѣсныхъ угодій; 526 дес. сѣнокосныхъ мѣсть, 366 дес. пахатныхъ земель и 240 дес. выгону,—количество угодій, роскошно обеспечивающихъ существованіе мѣстнаго заводскаго селенія. До поступленія завода въ казну (1787 г.), въ немъ были рабочіе люди изъ ссыльных; съ поступленіемъ въ казну опредѣлено имѣть, кромѣ дроворубовъ и бочкарей, 154 чел. каторжныхъ. Но такъ какъ потребность въ людяхъ гораздо превышала назначенное число, то оно, постепенно увеличиваясь, въ послѣднее время, а именно передъ отдачею завода въ арендное содержаніе Медовикову въ 1853 г., возросло слишкомъ до тысячи человекъ. Послѣ же передачи число рабочихъ уменьшено на половину.

Съ передачею заводовъ на коммисіонерскомъ правѣ въ аренду ссыльные стали раздѣляться на два разряда: одни остались за казною, другіе были переданы контрагенту. Положеніе тѣхъ и другихъ измѣнилось: на Александровскомъ заводѣ казенные ссыльные получали 3 руб. асс. и два пуда муки въ мѣсяцъ; контрагентскіе стали получать двойной плакатъ (до 3 р. сер.). Вышло, однако, такъ, что казенные, оставшіеся на задѣльной платѣ, стали жить лучше, въ особенности тѣ, которые знали какое либо мастерство. Не-мастеровые старались приписаться къ кому либо изъ семейныхъ; жители завода охотно принимали ихъ къ себѣ на квартиру и довольствовались ихъ харчевымъ содержаніемъ безъ платы, получая отъ нихъ одинъ только провіантъ. Кромѣ того, ссыльные обывались половиною свободныхъ во время дѣйствія винокуренія сутокъ содѣйствовать въ помощь домашнему хозяйству сторожиковъ. Кромѣ того, ссыльные имѣли еще выгоду зимою обработать въ заводѣ по вольнымъ цѣнамъ (50 коп. въ сутки), а лѣтомъ (когда съ половины мая до половины августа прекращается винокуреніе) большая часть изъ нихъ находится въ дровосѣкѣ и при вырубкѣ бочечнаго лѣса и получаетъ отъ 4 до 6 руб. въ мѣсяцъ *). Усердные изъ рабочихъ, проживая одинъ или два года въ заводѣ, имѣли возможность купить домикъ и завести собственное хозяйство. При этомъ каторжные, по преимуществу, женились на дочеряхъ каторжныхъ же, раньше поступившихъ въ заводъ и обзаведшихся домами и семействами **).

*) Избиравшіеся по благонадежности ссыльные для отправленія особыхъ обязанностей по заводу получали и особое жалованье, согласно штату, напр. нарядчикъ 70 руб., мѣдяки 150 р., кузнецы по 60 р., плотники, мельники и солодовщики 50 руб., браговары, нагребщики и затрубные по 40 руб. въ годъ.

***) Въ 1839 г. домовъ, принадлежащихъ ссыльнымъ, было 178, къ нимъ въ этомъ году построилось новыхъ 2, въ 1840—3, въ 1841—4, въ 1842 ни одного не выстроено, ни одного не куплено; въ 1839 куплено 5, въ 1840—5, въ 1841—4, въ 1843 построено 7 и куплено 8. Огороды

Между тѣмъ, ссыльные отъ контрагентовъ чаще пускались въ бѣга: доверители не давали имъ порядочной одежды, въ самые сильные морозы водили почти босыми. Получая по 6 р. асс. въ мѣсяцъ, ссыльные платили по 4 руб. за харчи и за квартиру; одежда выдавалась изъ конторы подъ самое жалованье. Такимъ образомъ, заводское начальство лучше мѣрою къ прекращенію побѣговъ полагало улучшение пищи и одежды; находящимся при работахъ на винницѣ винокуръ обязанъ давать винную порцію. Заведенъ былъ овощной огородъ; выдавались капуста, говядина, крупа и картофель, по временамъ покупалось молоко. Семейнымъ и обзаведшимся хозяйствомъ на содержаніе свиней выдавалась барда; свиное мясо служило подспорьемъ въ пищу; барда выдавалась также и для лошадей. Хозяева составляли особый разрядъ—коннорабочихъ. Получая пособие отъ казны въ лѣсъ и матеріалы, а также лошадыми, ссыльные были въ состояніи нанимать для пособія при возкѣ дровъ другихъ ссыльных, бѣдѣвшихъ. Этою мѣрою содержали на заводскихъ работахъ и дѣтей ссыльных, захотѣвшихъ въ 1835 году выбыть изъ завода для приписки по 8-ой ревизіи въ крестьяне. Въ свободное время оставляли за ссыльными право наниматься у крестьянъ, сдающихъ лѣсъ, носить мѣшки въ магазины за добровольную плату.

Подобное же учрежденіе заводовъ, не соответствующее потребности и силамъ края, вызвало уничтоженіе винокуренныхъ и въ Западной Сибири: Боготольскаго, Ентарскаго и друг., и въ Восточной Сибири—Камескаго и другихъ. Каренскій (въ 24 верстахъ отъ г. Енисейска) еще въ 30 годахъ работалъ съ постоянной убылью для казны и существовалъ только для того, чтобы занимать работами 600 чел. каторжныхъ *). Въ другихъ мѣстахъ неумѣстное учрежденіе казенныхъ винницъ вызвало сильную дороговизну лѣба съ непоправимымъ стѣсненіемъ для жителей, особенно, когда устроены были два завода, Екатерининскій и Успенскій, въ малолѣббородномъ сѣверномъ краю (первый подъ Тарюю, второй подъ Тюменью). Екатерининскій,

съ 155 возросли до 237. Прогрессивно увеличивалось и число скота: лошадей, коровъ, барановъ, свиней.

*) Этотъ Каменскій заводъ, такъ же какъ сибирскій бродяга, переходилъ отъ одного хозяина къ другому и добился только одного: совершеннаго уничтоженія. Онъ—по преданію—основанъ былъ подъ низкими, но крутыми возвышеніями при устьи рѣки Каменки, въ 1663 году какимъ-то Скрепковымъ, отъ него перешелъ къ графу Шувалову, потомъ къ Походяшину, потомъ къ Лобанову и, наконецъ, въ казну. Заводскій архивъ говоритъ, что онъ снова отданъ былъ въ аренду тому же Лобанову съ Кремневымъ, опять очутился въ казенныхъ рукахъ томской казенной палаты, опять былъ отданъ въ аренду Лънищову, въ 1813 г. снова поступилъ въ казну, и проч.

основанный при Екатеринѣ II и названный ея именемъ, представлялъ небольшое селеніе, помѣстившееся среди лѣса, на правомъ берегу Иртыша. Огромная каменная винокурня отстояла отъ селенія сажень на 300; самое селеніе представляло рядъ домовъ, выстроенныхъ тамъ, гдѣ указало начальство на линіи улицъ. И здѣсь точно также работы производились каторжными, часть которыхъ (200 чел.) находилась въ веденіи казны, другая меньшая (100 чел.) была въ распоряженіи контрагентовъ. Казна выкуривала до 120 тыс. ведеръ, но частные предприниматели увеличили выкурку до 200 тыс. ведеръ полугара, гѣнника и сирта, расходившихся по Тоб. и Томск. губ., на тысячу верстъ въ окружности. И здѣсь, какъ и вездѣ, одни каторжные набирали муку, другіе возили ее, третьи сыпали въ заторы, приготавливали солодъ на гонку вина, качали машиною воду въ сосуды, спускали брагу изъ одного сосуда въ другой, качали машиною брагу изъ нижней десятины въ верхнюю; заготавливали, лѣсъ находились при носкѣ дровъ, другіе были въ житахъ у печей, у пилки погнѣевъ, при бочкахъ въ бондаряхъ; работали по каторжному положенію день и ночь, а въ рабочее время винокурения имѣли отдыхъ только на Рождество и на Пасху. Плата бондарямъ шла отъ штуки и они могли заработать руб. по 15 асс. и больше; другіе рабочіе получали не больше 10 руб. асс. и не меньше 5-ти. Каторжные отдавали домовладѣльцамъ муку, работали около ихъ дома и имѣли за то столъ и право спать въ тѣсной, но теплой избѣ. Жившіе въ казармахъ жили пьяно, распутно, часто затѣвали кровавыя драки. Наказывать рабочихъ ни винокуръ, ни доверители не имѣли права, но только смотритель, въ помощь которому и здѣсь былъ данъ гарнизонъ изъ солдатъ. Противъ лѣниваго, непослушнаго или наглеца, смотритель призывалъ солдатъ и розгами розыскивалъ и восстанавливалъ правду. Однако, бить по щекамъ, таскать каторжнаго за волосы могъ всякій безнаказанно. Сильно тосковали по родинѣ, а потому бѣжали, сильно пьянствовали, а притомъ и страшно воровали; словомъ и здѣсь тоже, какъ двѣ капли воды, что и на всѣхъ сибирскихъ заводахъ, соляныхъ и винныхъ, желѣзныхъ и серебряныхъ. Говорить о другихъ заводахъ Западной Сибири—повторять старое: таково было, таково же жило и на Успенскомъ въ Тюменскомъ округѣ въ 326 верстахъ отъ Тобольска. Заводъ успѣлъ также вырости въ довольно большое селеніе и также пользовался работами ссыльных, обреченныхъ на 20-ти-лѣтнюю заводскую работу и получавшихъ за то ежемесячно неизмѣнные 3 руб. асс. и 2 пуда ржаной муки въ провіантъ.

Государственный совѣтъ, при новой реформѣ акцизнаго сбора за вино, увидѣвъ, что казенные винокуренные заводы приносятъ казѣ еже-

годно большіе убытки, постановилъ продать заводы въ частныя руки съ тѣмъ расчетомъ, что потребное количество вина будетъ заготовляться съ большимъ успѣхомъ. Для успѣховъ, при развитіи частной предпримчивости, казна пожертвовала значительными уступками и продала заводы, стоявшіе нѣсколько сотъ тысячъ, гораздо ниже настоящей ихъ стоимости. Такъ, напр., Павловскій заводъ проданъ за 10 тыс., а Михайловскій за 14 т. руб., но выгадано въ томъ, что частные покупщики не замедлили дать наибольшее развитіе промышленности и убѣдить въ томъ, что тамъ, гдѣ казна при крѣпостномъ трудѣ получала убытки, частные промышленники, при вольной цѣнѣ за трудъ и

безъ увеличенія цѣнности продукта, получили барыши и развили дѣло на прочныхъ и широкихъ основаніяхъ. Между тѣмъ, въ видахъ правительства ясно было выражено желаніе продать заводы на словъ и только пригодныя зданія передать для волостныхъ надобностей въ вѣденіе палатъ государственныхъ имуществъ. Въ этихъ расчетахъ уничтоженія казенныхъ винокуренныхъ заводовъ исчезла и надобность въ работахъ ссыльныхъ и каторжныхъ. Слѣдомъ за уничтоженіемъ рудниковыхъ работъ, исчезъ еще новый видъ каторжныхъ работъ въ Сибири по примѣненію къ многочисленнымъ сибирскимъ винокурямъ.

V.

С И Б И Р С К І Я Ф А Б Р И К И.

Купецъ Куткинъ.—Полотняная фабрика.—Контракты.—Купецъ Солдатовъ.—Фаянсовая фабрика.—Суконная фабрика Векшина.—Тальцинская фарфоровая и фаянсовая фабрика.—Тельминская суконная фабрика.—Стекланный заводъ.—Омская суконная фабрика.—Пользованье трудомъ ссыльныхъ.

Способъ приспособленія обязательныхъ работъ ссыльно-каторжныхъ остался въ тѣхъ же условіяхъ и по примѣненію къ тѣмъ фабричнымъ производствамъ, на которыя соблазнялась казна и рассчитывали частные предприниматели. Съ непремѣннымъ обязательствомъ приспособлялся трудъ каторжныхъ тотчасъ, какъ заводила казна фабрику, какъ завела двѣ таковыхъ для выдѣлки суконъ на линейныхъ и казачьи войска: Тельминскую подъ Иркутскимъ для войскъ Восточной Сибири и Омскую въ самомъ городѣ Омскѣ для войскъ Западной Сибири. Съ готовностью и охотою уступала казна трудъ каторжныхъ и на воспособленіе предпріятій частныхъ лицъ, какъ сдѣлано это при заведеніи фаянсовыхъ и стеклянныхъ фабрикъ подъ Иркутскомъ и полотняной фабрики въ Тобольскѣ. Условія, постановленныя при поощреніи послѣдней фабрики, послужили потомъ руководящимъ образцомъ для другихъ послѣдующихъ.

Въ 1791 году ст. совѣт. Куткинъ завелъ въ Тобольскѣ, въ собственномъ домѣ, небольшую полотняную фабрику, которая, распростравясь мало по малу, сдѣлалась, наконецъ, заведеніемъ, обратившимъ на себя вниманіе правительства. Въ 1797 году оставлено при ней для работъ изъ сосланныхъ за вина въ Сибирь 59 человекъ; въ 1803 году подъ фабрику отведено было 300 дес. земли и заведеніе переведено было за 9 верстъ отъ города. Въ 1808 г. Куткину разрѣшено выбрать изъ сосланныхъ русскихъ фабричныхъ знающихъ ткацкія работы нужное число людей, имѣющихъ отъ 20 до 40 лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы число рабочихъ, съ имѣющи-

мися на лицо, составило 60 человекъ. На случай наибольшаго распространенія фабрики дозволено увеличить число фабричныхъ до ста человекъ. Постановлено: мастеровыхъ этихъ впредь 3 года въ подушной окладъ не полагать, а въ теченіи 20 лѣтъ не брать съ нихъ рекрутъ, чтобы они не могли въ это время обзавестись хозяйствомъ. По прошествіи первыхъ трехъ льготныхъ лѣтъ Куткинъ обязывался платить подушныя и всѣ повинности наравнѣ съ помѣщичьими крестьянами, а по прошествіи 20 лѣтъ давать отъ фабрики за рекрута 500 руб. Если „кто изъ дѣтей фабричныхъ окажется распутной жизни, отъ него къ исправленію надежды не будетъ, или безпечность столь будетъ велика, что никакія побужденія и поощренія не подѣйствуютъ, таковыя отдавать въ зачетъ рекрута отъ фабрики“. Мастеровые должны быть помѣщены въ жилища и хорошо выстроенныя свѣтлицы, отъ мая до сентября получать платы по 24½ коп. въ день, въ прочее время года по 18 коп., а женщины, безъ раздѣленія времени, по 9½ коп. Всѣмъ женатымъ Куткинъ обязанъ былъ дать въ теченіи первыхъ трехъ лѣтъ по коровѣ и по двѣ овцы, отвести подъ огороды по полудесятинѣ земли и по столько же сѣнокоса. „Лошадей имъ не полагается, потому что въ тамошнемъ краю частымъ онѣ подвержены падежамъ, а вмѣсто того всѣ работы при фабрикѣ отправлять на волахъ, которыхъ и давать мастеровымъ въ началѣ весны отъ фабрики безъ всякаго отлагательства въ нужное къ тому время. Состарившихся мастеровыхъ упо-

треблять для присмотра и карауловъ съ платою въ мѣсяцъ отъ 2 до 3 руб. Когда же застигнетъ дряхлость, производить пенсіи по 12 руб. въ годъ и выдавать провіантъ противъ работника въ половину. Малолѣтнихъ сиротъ до 12 лѣтъ воспитывать и одѣвать на счетъ фабрики, обучая, между тѣмъ, и занимая легкими рукодѣльями. Для предотвращения дороговизны въ пропитаніи, содержатель обязанъ имѣть всегда при фабрикѣ запасъ хлѣба, „поселику сіи необходимые жизненные припасы (какъ-то мука и крупа) въ городѣ Тобольскѣ и окрестностяхъ оваго всегда бывають въ изобиліи и продаются цѣнами умѣренными“. На волю фабричныхъ отдается братъ оный у него (Куткина) или довольствоваться покупкою на сторонѣ. Мелочныя ссоры между мастеровыми, ихъ женами и дѣтми разбирать въ воскресные дни по утрамъ тремя человѣкамъ выборнымъ, кого они сами назначаютъ. Имъ же отдавать для исправленія лѣнливыхъ, непослушныхъ и пр. Винная продажа при фабрикѣ и на земляхъ ея воспрещена; не дозволено также ни подъ какимъ видомъ ѣздить съ выставками временными или подвижными. За вычетовъ праздниковъ и одного лѣтняго мѣсяца для уборки сѣна и обработки огородовъ, рабочіе занимаются въ теченіи года 248 дней, полагая въ сутки по 12 рабочихъ часовъ. Призрѣніе больныхъ зависитъ отъ фабрики; для исполненія христіанскаго долга мастеровые въ воскресные и праздничные дни въ церковь могутъ ходить въ городъ, но только съ дозволенія управляющаго, а безъ дозволенія отнюдь не отлучаться, и проч.

Такими же правилами обязанъ былъ и купецъ Солдатовъ, получившій мастеровыхъ и рабочихъ людей изъ ссыльныхъ, съ отводомъ ему земли (въ 1814 году) подъ фаянсовую фабрику въ предмѣстьи Иркутска. Фабрику эту Солдатовъ купилъ отъ купца Полевого и вызвалъ поощреніе правительства, между прочимъ, и по тому — какъ сказано въ положеніи комитета министровъ — что изъ приготавливаемой посуды сдѣлалъ даже статью торговли съ китайцами. Ему назначено было отъ 30 до 40 ссыльныхъ, а въ томъ числѣ, сколько можно, женатыхъ, лѣтами отъ 15 до 40, каковыя и были причислены къ фабрикѣ на общемъ основаніи и съ тѣмъ, что если владѣльцы отъ фабрики откажутся или ослабятъ на ней дѣйствіе, отвѣденная подъ фабрику земля и приписанные къ ней люди перейдутъ въ казенное вѣдомство *).

*) Кроме Солдатовской, дѣйствовали, при помощи каторжныхъ, подъ Иркутскомъ, въ 28 верстахъ, Векшина но сессіонная суконная фабрика и также посессионная Тальцинская фарфоровая, фаянсовая и стекляная, содержавшаяся купеческою компаніею въ 30 верстахъ отъ Иркутска. Въ самомъ Иркутскѣ, въ началѣ нынѣшняго

Такъ случились, какъ съ Солдатовскою, такъ и съ Куткинскою фабриками. Долше и крѣпче держались казенныя фабрики, между которыми наибольшую извѣстностью пользовалась Тельминская.

Тельминская фабрика (на р. Тельмѣ, въ 58 вер. отъ Иркутска) получила свое начало также въ частныхъ рукахъ, она построена въ 1751 г. купцомъ Вобровскимъ; въ 1793 г. куплена въ вѣдомство иркутскаго комиссариатскаго комиссіонерства и производила въ то время отъ 4 до 9 тыс. аршинъ сукна въ годъ. Въ 1797 году набрано въ Сибири до 6 тыс. рабочихъ людей, воздвигнуты наскоро необходимыя зданія и началось производство, но издѣлія оказались несовершенными и фабрика могла выработывать только $\frac{1}{4}$ часть предполагаемаго количества суконъ. Между тѣмъ, при смотрѣ за рабочими, раздача жалованья и домашній бытъ мастеровъ находились въ ужасномъ безпорядкѣ до ревизіи фабрики сенаторомъ Селифонтовымъ. Генераль Новицкій былъ уволенъ отъ управленія, фабрика на два года взята въ гражданское вѣдомство и когда стала изготовлять до 37 тыс. аршинъ сукна, 5.000 каразей, 3.855 шляпъ при 500 рабочихъ, снова была передана въ комиссариатъ, а въ 1808 году передана въ вѣденіе Пестеля (генералъ-губернатора). Въ 1811 году приступлено къ разнымъ постройкамъ и, въ теченіи 10 лѣтъ, кромѣ старыхъ, устроены: стеклянный заводъ, гранильная для стеклянной посуды, фабрика фламскаго полотна, шерстомойный дворъ и множество другихъ фабричныхъ заведеній. Въ 1820 году открыты работы на машинахъ чесальныхъ, прядильныхъ и мотовильныхъ, которыя до того времени оставались безъ всякаго употребленія. Тканье сукна производилось на 57 самолетныхъ и на 11 простыхъ двуручныхъ станкахъ. Въ 1827 г. сенатскимъ указомъ предписано было воспособлять работамъ ссыльными женщинами, которыхъ велѣно всѣхъ обращать сюда (кромѣ ссыльныхъ за смертоубійства, грабежи и разбои). Фабрика доведена была до возможной степени совершенства во всѣхъ отношеніяхъ при ген.-губер. Ладинскомъ, но съ начала 50 годовъ быстро пошла къ паденію. Въ 1860 г. мы видѣли заводъ, безъ ремонта, пришедшимъ въ отчаянную ветхость, не позволявшую надѣяться найти на нее какого либо охотника для покупки, машины всѣ пришли въ крайнюю негодность. На стеклянный заводъ еще находились желающіе, потому что и производство проще и машины особенныхъ не требуются. Мастеровые — потомки ссыльныхъ, оказались хорошо приученными къ дѣлу и затѣмъ ни къ чему уже другому не способными. Тяжелѣе досталась столѣтія, стояла близъ острога небольшая суконная фабрика, мастеровые на которой были также ссыльно-каторжные.

работа и короче жизнь тѣмъ, которые постоянно нажимали грудь у ткацкаго станка, оттого они были сухи, казались разломанными; рабочіе же стекляннаго завода казались здоровѣе, были веселѣе. Между тѣмъ, и селеніе образовалось въ видѣ порядочнаго городка, но стало непрочно и оно, на сколько не затрудненъ послѣдующій бытъ дѣйствительно несчастныхъ потомковъ прежнихъ несчастныхъ работни-

ковъ. Тѣмъ не менѣе, на Тельминской фабрикѣ каторжное племя выродилось и уже третье вольно представляется вполне благонадежнымъ.

Такимъ же образомъ упала и не существуетъ въ настоящее время казачья суконная фабрика въ Омскѣ, приспособленная къ выдѣлкѣ простыхъ суконъ на войсковыя потребности, уступая мѣсто частной предпринимчивости и болѣе своевременному и правильному вызову.

VI.

С И Б И Р С К І Я К Р Ъ П О С Т И .

Охотскъ.—Чиниррахъ.—Омская крѣпость.—Крѣпости: Семипалатинская и линейныя по Иртышу, Бухтарминская, Троице-Савская.—Цурутухайтъ.—Арестанскія роты и работы.—Безпорядочность ихъ.—Упадокъ каторжныхъ работъ и затрудненіе, отсюда происшедшее.

Какъ въ XVII вѣкѣ противъ сѣверныхъ бродячихъ инородцевъ русскіе люди, овладѣвшіе Сибирью, строили остроги и московское правительство ссылными полагало основу ихъ заселенія, такъ точно въ XVIII вѣкѣ, когда Петръ Великій, противъ кочующихъ монгольскихъ племенъ началъ сооружать крѣпости или такія укрѣпленныя мѣста, которыми можно овладѣвать только посредствомъ правильной осады, въ число первыхъ работяковъ и обитателей назначались ссылно-каторжные. Петръ ослаблялъ высылку подобнаго сорта людей до нѣкоторой степени тѣмъ, что, торопясь защищать Россію, высылалъ ихъ на работы въ Петербургъ, Шлиссельбургъ, Рогервикъ, Азовъ, Казань и проч. Затѣмъ высылка въ сибирскія крѣпости ссылныхъ при преемникахъ Петра сдѣлалась болѣе или менѣе постоянною и продолжалась очень долго относительно крѣпости Омской, преимущественно по примѣненію къ преступникамъ изъ нижнихъ воинскихъ чиновъ. Тѣмъ же Петромъ начато въ Сибири основаніе портовъ и приведеніе мѣстъ, удобныхъ для произведенія десанта, въ оборонительное положеніе и постройка приморскихъ крѣпостей, вродѣ Охотска, Нижнекамчатска и Петропавловска или Авачи. Точно также, при его преемникахъ, ссылка въ эти послѣднія мѣста преступниковъ получила извѣстнаго рода систему, каковая и пригвѣялась къ нимъ до начала нынѣшняго столѣтія, когда и она, по примѣру ссылки въ крѣпости Иртышской линіи, была прекращена. Охотскъ, стоящій въ ямѣ, окруженный горами, со сѣвернымъ портомъ безъ рейда, и безъ залива, открытомъ всѣмъ вѣтрамъ, болѣе знаменитъ тѣмъ управствомъ, съ которымъ отстаивали его существованіе. Суда съ древнихъ временъ отстаивались вводимыми въ рѣку Кухтуй. Вѣчные дожди и туманы дѣлали изъ него мѣсто, никогда не посѣщаемое иностранцами; хлѣбъ въ немъ не ро-

дился и уничтоженіе его было самымъ разумнымъ явленіемъ во всей его исторической жизни. Петропавловскъ, не менѣе неудобный, охотливо смѣненъ былъ на амурскій Николаевскъ. Слабымъ и безсистемнымъ продолженіемъ ссылки можно считать учрежденіе ея въ ближайшія къ намъ года въ Николаевскомъ портѣ на Амурѣ (на такъ наз. Чиниррахѣ) и организованную въ обширнѣмъ размѣрѣ ссылку на островъ Сахалинъ (въ такъ называемые порты Дуэ и Косунай).

Во временахъ Петровыхъ преемниковъ въ Сибири стояли уже готовыми: Омская крѣпость, построенная въ 1708 году, и приведенная въ порядокъ въ 1759 году инженернымъ генералъ-майоромъ Людвигомъ по идеямъ и планамъ Вобана. Укрѣпленія были достаточны для отраженія киргизскихъ хищниковъ (современная Омской, Оренбургская крѣпость, выдержала осаду отъ пугачевскихъ шаекъ съ польскими инженерами весьма удачно), но теперь кажется смѣшно и массивная арка вмѣсто воротъ и земляные валы и рвы. Все это тѣсно, неудобно, все это ждетъ истребленія, какъ ненужное и никому не страшное. Омская крѣпость сохраняетъ внутри себя Воскресенскій соборъ, корпусный штабъ, казармы, военное училище и, между прочимъ, крѣпостныя казематы, получившіе подъ талантливымъ перомъ Ф. М. Достоевскаго прозваніе „Мертваго Дома“.

Въ 1718 году построена Семипалатинская крѣпость, но, по недорочивому мѣстоположенію, перенесена въ 1776 году на новое мѣсто, къ подножію семи древнихъ чудскихъ палатъ. Въ 1720 году генералъ-майоромъ Лихаревымъ, на р. Иртышѣ, на низменномъ и ровномъ мѣстѣ, окруженномъ горами, построена была Усть-Каменогорская крѣпость, дѣйствительно у устья громады каменныхъ горъ, здѣсь кончающихся. Иртышъ, выходя изъ ущелья, которымъ несется отъ самой Бухтармы, становится тотчасъ шире

и начинается течь медленнѣе, образуя многие острова и отмели. Въ 1752 г. заложена Ишимская крѣпость, черезъ 18 лѣтъ переименованная въ городъ. При окончательномъ устройствѣ нынѣшней военной линіи, въ томъ же 1752 году сооружены были крѣпости: Петропавловская, Прѣсновская, Прѣсногорьковская, Змѣиногородовская, Песчаная и проч. Въ 1791 году заложена была въ одномъ изъ лучшихъ трактовъ рѣки Бухтармы, при ея устьѣ въ Иртышѣ, Бухтарминская крѣпость съ валомъ, рвомъ и кирпичными воротами, для охраненія открытаго тогда богатаго серебрянаго рудника Зыряновскаго, самаго знаменитаго на Алтаѣ. На восточной границѣ съ Китаемъ, на югѣ Забайкалья, одновременно съ первыми крѣпостями въ Сибири, основана была въ 1727 году иллирійскимъ графомъ Саввою Владисл. Рагузинскимъ крѣпость Троицко-Савская, названная такъ по имени основателя и по имени первой въ ней церкви св. Троицы. Пограничный округъ этой крѣпости заключалъ въ себѣ, кромѣ нее, еще 7 крѣпостей, между которыми Цурухайтуевская, Чиндандѣ и Акша пользовались наибольшою извѣстностью, но мало представляли подобія настоящихъ крѣпостей; укрѣпленія Цурухайтуя, начатыя изъ камня, даже не были и окончены.

Всѣ поименованныя крѣпости не оправдали цѣли своихъ учрежденій, ни одной изъ нихъ не удалось достигъ военной славы и со стороны сосѣднихъ народовъ враждебныя отношенія были слишкомъ слабы, и значеніе крѣпостей было только отчасти предупредительное. Тотчасъ же за ихъ основаніемъ подъ самыми крѣпостными пушками, на площадкахъ подлѣ воротъ, устроились базары—мѣста взаимныхъ обмѣновъ продуктами. Нѣкоторымъ пунктамъ удалось занять впоследствии самыя видныя мѣста по крупнымъ торговымъ оборотамъ: въ Петропавловскѣ установился знаменитый на всю Сибирь мѣновой дворъ, пристроилась сильная торговля баранами и разными русскими и среднеазиатскими товарами (на ежегодную сумму 500 т. р.). Вблизи Троицко-Савска выросла знаменитая русская Кяхта съ китайскимъ Маймаченомъ. Въ Бухтарминской крѣпости производится размѣнъ товаровъ Западнаго Китая съ русскими, обмѣняющій въ будущемъ очень многое. Къ Усть-Каменогорской издавна подходятъ для торгова ташкенцы, кашгарцы и бухарцы (изъ Малой Бухары) со своими и китайскими товарами (съ 1754 г. здѣсь существуетъ мѣновой дворъ и таможня). Въ Семипалатинскѣ мѣновой дворъ и таможня существуютъ еще съ 1734 г. и торговля съ ташкенцами, бухарцами и киргизами приняла большіе размѣры (до милліона рублей отпускъ, до 700 т. р. привозъ). Съ такимъ оборотомъ дѣлѣ значеніе крѣпостей для работъ ссыльныхъ утратилось тотчасъ же, когда

укрѣпленія были окончены. Но тамъ, гдѣ укрѣпились каторжныя работы (какъ въ Омской) и ссылка не утратила своего значенія для политическихъ ссыльныхъ (какъ въ мелкихъ крѣпостяхъ по Иртышской линіи), каторжныя работы дожились на людей съ небольшою тяжестью, чѣмъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ каторжныхъ. Арестантскія роты, рабочіе дома—всѣ подобныя заведенія, сдѣлавшіяся принадлежностью крѣпостей подъ именемъ крѣпостныхъ ротъ, стали самыми изъ тяжчайшихъ мѣстъ, когда либо придуманныхъ для наказанія преступниковъ. По увѣреніямъ старожиловъ-наблюдателей, по словамъ самихъ заключенниковъ, по сравненіи этихъ каторжныхъ мѣстъ съ другими, наконецъ, по примѣненію къ крѣпостнымъ заточеніямъ самой строгой военной дисциплины—крѣпостныя работы встали на первомъ мѣстѣ работъ каторжныхъ. Представляя исключительный пріютъ для преступниковъ изъ военнаго сословія, но не служа исключеніемъ и для другихъ,—крѣпостныя рабочія роты были тѣми учрежденіями, ослабленію которыхъ всего больше должны радоваться человѣколюбивое чувство современнаго человѣка, не способнаго видѣть начала новыхъ страданій тамъ, гдѣ кончались многочисленныя тяжелыя предшествовавшія испытанія. Въ Сибири крѣпостныя работы были для ссыльныхъ еще и тѣмъ тяжелы и невыносимы, что за крѣпкими крѣпостными запорами самовольныя стремленія ко временнымъ отдыхамъ, т. е. побѣги, были крайне затруднены и считались примѣтнымъ исключеніемъ. Въ арестантскихъ ротахъ, между прочимъ, практиковалось правило раздѣлять арестантовъ на десятки и, въ случаѣ побѣга одного, заковычивать въ кандалы весь десятокъ. Въ то же время работы отличались полною безпорядочностью и, веденныя безъ всякой системы, не приводили ни къ чему: работы назначались большею частью тамъ, гдѣ онѣ были вовсе не нужны, а потому и непроизводительны, и предпринимались и измышлялись собственно для того, чтобы занять время и истратить напрасно силы арестантовъ. Всѣ эти работы уличныя, всѣ безплатныя—за скверную арестантскую пищу, на платье и пріютъ для знающихъ ремесло на большую часть, въ пользу ближайшаго начальства въ то время, когда оно, примѣненіемъ строгой военной дисциплины, успѣло возбудить къ себѣ ненависть и поселить отвращеніе. Арестантская работа, какъ въ Россіи, такъ и въ Сибири, давно уже усвоила за собою привилегію на на названіе праховой, никуда не годной. Учрежденіе арестантскихъ ротъ съ ремеслами и мастерствами въ губернскихъ городахъ нашихъ, нуждающихся въ мастерахъ и ремесленникахъ, встрѣченное на первыхъ порахъ полнѣйшимъ сочувствіемъ городскихъ обществъ,

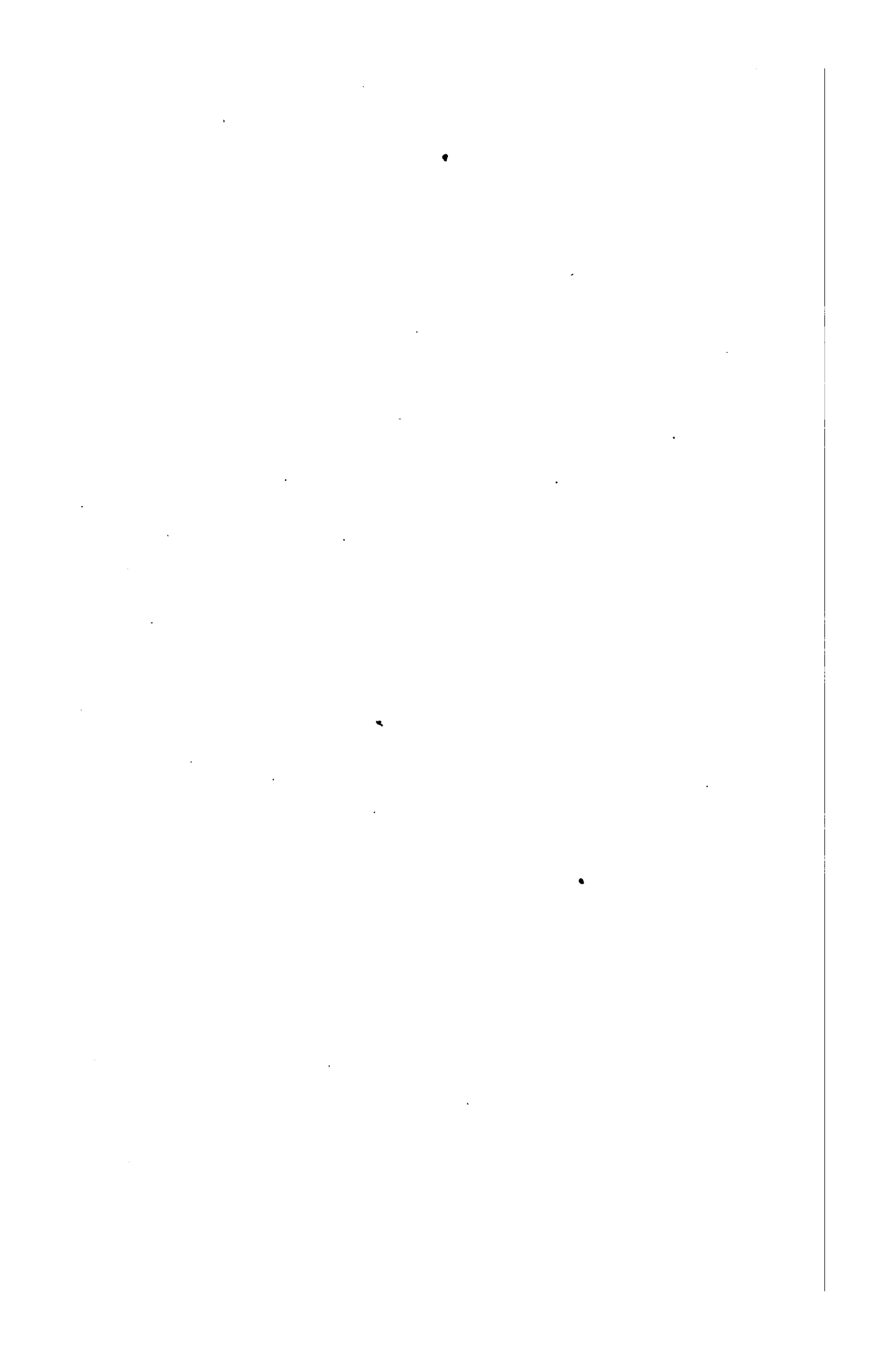
суждено вскорѣ оказать свою несостоятельность именно по тому, что дѣло поручено было рукамъ, охотливѣе каравшимъ, готовѣе злоупотреблявшимъ чужими знаніями и силами, не способнымъ и не приготовленнымъ къ тому, что направлять ихъ хотя бы по способу тѣхъ же пенитенціарныхъ тюремныхъ системъ государствъ европейскихъ. Арестантскія роты, смирительные и рабочіе дома, поселенческія рабочія роты (вродѣ существовавшей въ г. Омскѣ) оказали свою несостоятельность именно въ томъ же самомъ видѣ, который требуетъ капитальнаго измѣненія.

Такимъ образомъ, мѣста заточенія съ карательною цѣлью, въ силу историческихъ судебъ и экономическихъ причинъ, приняли въ настоящее время такой видъ. Крѣпостныя роты военнаго вѣдомства, по закону 1868 года, обращены въ исправительныя роты того же вѣдомства съ назначеніемъ сюда каторжныхъ 2-го разряда. Рудники покинуты, въ расчетѣ на болѣе соблазнительныя выработки золота на промыслахъ и приискахъ, и стоятъ залитые водою; разрабатываемыя серебряныя руды добываются при помощи вольнаго труда и для ссыльныхъ, назадъ тому 25—26 лѣтъ, потеряли устрашающую силу значенія. Невыгода обязательнаго труда и казеннаго управленія не замедлили обнаружиться въ приспособленіи каторжныхъ работъ и къ золотымъ промысламъ, а развитіе частной предпримчивости въ томъ же Забайкальѣ и въ ближнемъ сосѣдствѣ съ ка-

зенными промыслами, указало на вольнонаемный трудъ, какъ на несомнѣнно преимущественный способъ эксплуатаціи горныхъ сокровищъ. Слѣдомъ за рудниками исчезла возможность работъ каторжнымъ и на земныхъ промыслахъ. Винокуренные заводы казною проданы и частныя заводчики уже не заявляютъ желаній и надеждъ на содѣйствіе обязательныхъ работъ ссыльныхъ и ссыльно-каторжныхъ. Солеваренные тѣмъ же способомъ могутъ обходиться безъ нихъ, и въ мѣстномъ населеніи вѣрнѣе находятъ болѣе надежныя, несомнѣнно опытыя и вполне трудолюбивыя силы. На крѣпостныхъ валахъ съ большимъ удобствомъ уже прилаживаются тѣнистыя бульвары для мирныхъ прогулокъ вольныхъ обывателей и крѣпости, превратившіяся въ мѣновыя дворы и сильныя базары, готовы преобразиться въ города по способу древнѣйшихъ мѣстъ заточенія и ссылки—сибирскихъ остроговъ. Въ концѣ концовъ, каторжныя работы въ Сибири исчезли и въ настоящее время предстоитъ серьезная дума о приспособленіи карательныхъ мѣръ въ Сибири, особенно въ виду того, что современные гласные суды увеличили количество обрекаемыхъ въ Сибирь на ссылку. Двѣсти лѣтъ опыта, пятнадцать различныхъ способовъ карательныхъ мѣръ возмездія за преступленія, вся исторія прошлаго съ его ошибками и недоразумѣніями представляютъ обиліе такихъ данныхъ, на основаніи которыхъ вѣроятна надежда на лучшія системы и безъошибочные способы.

К О Н Е Ц Ъ .

с. Г. Д. О.
10/1/22

О Г Л А В Л Е Н І Е .

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

СТР.

СТР

Глава I. Въ дорогѣ. Милосердная.—Картина этапнаго странствованія отъ Москвы до каторги: дорожныя и тюремныя злоключенія.— Барабанъ.—Сила и значеніе отечественной благотворительности.—Москва и купеческіе города.—Старовѣры.—Старья неурядицы.—Обрваненные колодники.—Сборъ милостыни.—Приворотныя кружки.—Обиліе пожертвованій.—Начальническія вымогательства.—Этапные солдаты и командиры.—Похожденіе полужубковъ.—Арестантскія деньги.—Парадъ шествія.—Этапныя любовницы.—Начальники смиренныя и сердатыя.—Тобольская тюрьма.—Желѣзные прутья и кандалы.—Арестантская артель.—Этапные кабаки.—Этапныя зданія.—Полуэтапы.—Арестантская собственность.—Наручники.—Привалъ.—Майданчики и откупа.—Подводы.—Старосты.—Этапныя крѣпы: вещественныя и нравственныя.—Съ этаповъ не бѣгутъ.—Солдатскіе и офицерскіе доходы.—Бритье головъ и случай съ поляками.—Золотой порошокъ.—Водка.—Нары.—Этапная ночь.—Пасхальная картина.—Весна на этапахъ.—Арестантскія дѣти.—Казармы.—Солдаты.—Сторожа и торговцы.—Растахи.—Несовершенство этапной системы и дороги.—Приходъ арестантовъ на каторгу . . . . .

3

Глава II. На каторгѣ. Моя повѣдка на строгую первозрядную каторгу.—Нижній промыселъ на Карѣ.—Первыя впечатлѣнія и встрѣчи.—Иванушка-дурачекъ на каторгѣ.—Нѣмецъ-идіотъ.—Разбойникъ въ водовогахъ.—Поэтъ на каторгѣ.—Каторжное жильѣ.—Цыгга.—Каторжныя.—Каторжныя работы.—Смотрители.—Раскомандировки.—Казенныя порядки.—Тюремныя пѣсни.—Взаимныя отношенія тюремныхъ сидѣльцевъ.—Община въ тюрьмѣ.—Арестантскій староста.—Доносчики.—Товарищество.—Смотритель и арестантъ Сенька.—Майданъ.—Тюремныя карты и карточная игра.—Азартныя игры.—Юлка.—Юрдовка.—Едно.—Бѣгунцы.—Тюремный языкъ (argot).—Откупныя тюремныя законы.—Правила майдана.—Великій скандалъ.—Кабаки въ тюрьмѣ.—Водка тюремная.—Хитрость.—Влазное.—Тюремный капиталъ.—Парашники.—Рогожка.—Тюремные артисты и художники.—Оборотни.—Тюремные герои и историческія лица.—Тумановъ и живая пирамида.—Искусственно-развиваемыя арестантскія болѣзни.—Притворщики.—Тюремная аристократія и чернь.—Утка.—Каторжныя забавы . . . . .

27

Глава III. Въ вѣгахъ. Нерчинскія горы и богатство ихъ.—Серебро.—Зерентуйскій рудникъ.—Внутренность рудника.—Рудниковая каторга.—Штольня.—Шахта.—Лихтогъ.—Несчастья на каторгѣ этого вида.—Рудниковый хозяинъ.—Заводскіе служители.—Что такое каторга?—Каторга золотыхъ промысловъ.—Заводская каторга: солеваренная и винокуренная.—Улучшенія на каторгѣ.—Побѣги съ каторги во всемъ разнообразіи способовъ.—Побѣги изъ каторжныхъ тюремъ.—Бѣглый на балу.—Побѣгъ цѣпного.—Голый бѣглець.—Пособники.—Побѣги съ каторги.—Варнакъ и чалдонъ.—Лиса.—Побѣгъ на уру.—Самый крупный побѣгъ.—Хоронушки.—Пряготовленія къ побѣгу.—Время побѣговъ.—Первые шаги въ бѣгахъ.—Неудачи.—Помощь караульныхъ.—Часовые въ бѣгахъ.—Обиліе побѣговъ.—Варнацкая дорога.—Вѣтрское мщеніе.—Сыщики.—Бурыята.—Похожденія и злодѣйство бродягъ.—Медвѣди.—Пристанодержательство.—Займы.—Старовѣръ Гурій Васильевичъ.—Преслѣдованія.—Кандалы.—Лѣсная пища во всемъ разнообразіи.—Саранча.—Горбачи.—Избѣженіе цѣлой шайки бродягъ.—Губернаторъ Рупертъ.—Сыщикъ Карымъ.—Убиенныя горы.—Коурый.—Везопасныя бродяги.—Левикій на Ленѣ и въ нерчинской каторгѣ.—Кяхтинскій мѣщанинъ.—Бродяги на Байкалѣ, на Ангарѣ, подъ Казанью, въ Петербургѣ.—Вывальцы.—Вродяжья судьба въ дорогѣ.—Сибирскіе притоны и обычая.—Предѣлы бродяжничества.—Вооруженныя черкесы въ бѣгахъ.—Черкесы въ степи.—Бродяги въ Астрахани . . . . .

51

Глава IV. На пропитанніи. Испытующіеся.—Воздержные.—Невоздержные.—Казенныя порядки и степени облегченія.—Прикованные къ тачкамъ.—Прикованные на стѣнную цѣпь.—Колоколь.—Сумасшествія.—Акатуй.—Таможные цѣпные.—Секретные.—Каторжныя селенія и жители.—Юрловки.—Теребильовки.—Фабрика фальшивыхъ паспортовъ.—Горные служители.—Торговля краденными металлами.—Желтая пшеничка.—Карымъ.—Фабрикантъ червонцевъ.—Соколовъ.—Успенская фабрика.—Бумажныя фальшивыя деньги.—Каторжныя болѣзни.—Пропитанные.—Исправившійся каторжный.—Шатаніе и воровство.—Увольненіе отъ работы.—Каторжныя дѣти.—Пѣсни . . . . .

87

Глава V. На поселеніи. Сибирское населеніе изъ поселенцевъ.—Худая слава.—

СТР.

СТР.

Безвыходное положение. — Отношенія къ старожиламъ. — Вроджество и шатаніе. — Пѣсня. — Испорченность поселенцевъ и причины этого явленія. — Прочногo водворенія ссыльныхъ не существуетъ. — Безплодность кѣрь. — Первые шаги ссыльнаго. — Вражда туземцевъ. — Богатѣльни. — Посельщики. — Неспособные. — Смотрители поселенцевъ. — Воровство. — Свободныя самовольныя поселенія. — Киржаки. — Каменьщики. — Ссыльная колонія невѣдомыя и вѣдомыя. — Задичалме поселенцы. — Золотые промыслы. — Поселенцы на прискахъ въ тайгѣ. — Олганджи и мірянки. — Евреи въ Сибири. — Иностранцы въ ссылкѣ. — Русскіе раскольникы за Байкаломъ. — Цѣлущія хозяйства. — Духоборцы. — Уральскіе казаки. — Невинно сосланные и возвращенные. — Поручикъ Козлинскій. — Монахи. — Странникъ Иванъ Захаровъ Спасовъ. — Переимѣна именъ. — Неправильность распределенія ссыльныхъ по Сибири. — Палачи. — Презрѣніе къ нимъ и результаты его. — Кнутъ. — Богачи изъ каторжныхъ. — Чужеземцы въ ссылкѣ. 103

Приваженія. I. Тюремныя пѣсни. Сорокъ восемь тюремныхъ сибирскихъ и русскихъ пѣсенъ (старинныхъ и новыхъ) съ вариантами и объясненіями. — Творцы пѣсенъ: Ванька Каинъ. — Разбойникъ Гусевъ. — Малороссійскій разбойникъ Кармелюкъ. — Пѣсня о правсѣ. — Мѣстные сибирскіе пѣты. — Учная пѣсня. — Пѣсня Кармелюка. — Пѣсни Видорга. — Воровжюкъ. 139

II. Тюремный словарь и искусственные языкъ, ламанскіе и кантоужскіе языкъ. Древность искусственныхъ языкъ. — Разговоръ знаками (ручной, звуковой, ударный). — Разговоръ стукомъ (нѣмецкій гакесезъ). — Поляки и Шпаунъ. — Телеграфисты. — Разговоръ стукомъ декабристовъ. — Улучшенія, произведенныя въ этой системѣ братьями Вестужовыми. — Обожженная палочка изъ вѣтника. — Тюремный словарь. — Бѣдность его. — Искусственные слова въ тюрьмахъ. — Древность ихъ происхожденія у насъ. — Ясакъ. — Разбойничій языкъ на Волгѣ. — Слѣды и остатки его въ сказаніяхъ вора Ваньки Каина. — Отвертничья рѣчь. — Сравненіе пяти дѣланыхъ языкъ. — Офепскій языкъ (словарь разносчиковъ - ходящихъ). — Образцы словъ и рѣчи. — Музыка или байковъ языкъ карманниковъ. — Образцы словъ и рѣчи. — Образцы языкъ шерстобитовъ и коноваловъ. — Счетъ. — Языкъ кантоужный. — Языкъ по херамъ и тарбарская азбука. — Языкъ кубраковъ и проч. 158

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Глава I. Злодѣи. Злобная сила судьбы и слѣпая народная вѣра въ нее. — Знаменитый Кореневъ — прототипъ злодѣевъ. — Его похоженія и злодѣйства; разбойная сторона; нищая братія; Верилло; артель слѣпцовъ-нищихъ; варнаки; каторга; Кореневъ — сезонный герой; палача; проблески совѣсти въ злодѣѣ. — Забайкальская знаменитость: разбойникъ и пѣсенникъ Горюкинъ и его превращеніе. — Нашъ знакомецъ Дубровинъ. — Понятіе варнаковъ о чести. — Смысленныя убійцы. — Злодѣи изъ еврейскаго племени: Горбунъ и Ханъ Вульевъ. — Злодѣи Филипповъ. — Минусинскій злодѣи. — Разбойники сибирскіе. — Судьба убійцъ въ Сибири. 171

Глава II. Убийцы. Причины смертоубійствъ и проявленіе этого преступленія у насъ. — Мѣста, наиболѣе богатія убійствами. — Монгольскія племена. — Прочіе инородцы. — Уралъ. — Заводскіе люди. — Дѣтоубійства. — Убійства женъ и мужей. — Братоубійства. — Убійства родственниковъ. — Убійства помѣщиковъ крестьянами и дворянами. — Крестьянскіе бунты 195

Глава III. Самоубійцы. Причины и проявленіе самоубійствъ въ Россіи и Сибири. — Самоубійства въ городахъ и деревняхъ. — Орудія и способы этого преступленія. — Утопленіе. — Петли. — Яды. — Огнестрѣльные орудія. — Неволя. — Роковыя мѣста. — Сухая бѣда. — Ямки. — Самосожигатели. — Морельщики. — Огромное количество жертвъ. — Причины этого явленія. — Особый видъ сибирскаго раскола 201

Глава IV. Бродяги и бѣглецы. Страна изгнанія. — Бродячество въ современномъ видѣ. — Бѣгство крестьянъ отъ помѣщичьей власти. — Гуляющие люди. — Побѣги солдатъ отъ военной службы (дезертиры). — Покинувшіе отечество (эмигранты). — Пристанодержательство. — Притонщики. — Хлѣбосоольство. — Сибирскія замки. — Варнаки и чалдоны. — Опасности отъ бродягъ и бѣглыхъ. — Причины народныхъ бѣдствій. — Псевдонимы каторжныхъ (принятіе чужой фамиліи). — Городскіе бродяги. — Бродячество, какъ самоубійственное явленіе русской народной жизни. — Историческій очеркъ русскаго бродячества. — Колонизація Россіи. — Многочисленные остатки древняго народнаго скитанія: безпаспортныя, богомольцы, нищіе, записчики, кубраки и лаборы, бѣгуны, офени, ходящики и проч. 206

Глава V. Воры и мошенники. Народныя понятія о собственности. — Вѣдомый большой воръ. — Воровскія мѣста въ Россіи. — Причины воровства. — Столичные жулики и мазурики. — Карманники. — Музыка (воровской языкъ). — Мѣшки (барышники-пріемщики). — Честный человекъ на воровствѣ. — Мошенники высшихъ слоевъ общества: карточные шулера. — Сословія и мѣста, наиболѣе видныя по воровскому промыслу. — Воровство — повальная тюремная и поселенческая бѣдѣнь 227

Глава VI. Грабители и разбойники. Причины и корни грабежей. — Происхожденіе и связь грабежа съ воровствомъ. — Баранта. — Сибирскіе и російскіе грабители и разбойники. — Связь разбоя съ грабежомъ. — Характеръ русскаго разбойника. — Разбойники вообще и въ частности. — Быковъ. — Чайкинъ. — Дуванъ. — Кабаки. — Цѣловальники. — Разбойничьи атаманы и ихъ любовницы. — Притоны и проч. 237

Глава VII. Поджигатели. Причины поджоговъ. — Проявленіе ихъ. — Пожары городовъ и деревень. — Гдѣ нѣтъ поджоговъ? — Поджоги — дѣтское и женское преступленіе. — Поджоги въ Россіи. — Красный пѣтухъ. — Мщеніе 247

Глава VIII. Преступники противъ вѣры. Святотатцы. — Преступность духовенства. — Гробокопатели. — Колдуны. — Богохуленіе. — Отступленіе и отвѣщеніе отъ вѣры. — Ересь и расколъ. — Скопцы. — Церковные воры въ Сибири и Россіи. — Боградскій гробокопатель. — Распавшійся на крестѣ фа-

натикъ. — Скопцы въ Сибири. — Хлысты. — Хлыстовщина въ монастырѣ. — Суботники. — Духоборцы. — Щельники. — Охогонцы. — Молокане. — Старовѣры. — Масляниковъ. — Отшельникъ. — Алтайскіе старовѣры. — Семейскіе старовѣры за Байкаломъ. — Битвы за попа. — Часовенная Сибирь. — Духовенство въ Сибири. — Заводское духовенство. — Филипповъ. — Расколъ въ Сибири. — Причины и его развитіе 249

Глава IX. Преступленія противъ казны. Фабриканты металлическихъ и бумажныхъ фальшивыхъ денегъ. — Мѣста и способы приготовления. — Деньги въ шубахъ. — Венгерцы. — Лабзинъ. — Знаменитый Цезикъ. — Его замѣчательное мастерство. — Политическія ишли въ фабрикаціи ассигнацій за Байкаломъ. — Фабрикація фальшивыхъ документовъ; мѣста и лица. — Борчменники; корчемство виномъ и солью. — Контрабандисты. — Кража золота и серебра. — Кахтинская, сибирская и русская контрабанда 271

Глава X. Старовѣръ Папулинъ. Таинственные дома. — Папулинъ по личнымъ воспоминаніямъ автора. — Совратитель. — Борьба съ нимъ. — Успѣхи пропаганды. — Постный товаръ. — Успѣхи безпоповщины. — Женскій вопрсъ. — Бѣгствующая церковь. — Параллель между двумя расколами. — Необычайный успѣхъ едосвѣщницы. — Гоненія и упорство. — Посадъ Судиславль. — Свѣтопреставленіе. — Папулинская община. — Совращенія. — Торжественныя моленія. — Старая книга и старая икона. — Похищеніе послѣднихъ изъ православныхъ храмовъ и самое знаменитое изъ нихъ. — Иконографическія рѣдкости и драгоцѣнности. — Торговля иконами. — Семень Кузьминъ. — Соловецкая тюрьма. — Гдѣ правда? 284

Глава XI. Увѣща изъ пустоосвятвъ. Публичная казнь. — Голоса изъ толпы. — Молодость и воспитаніе преступника. — Быстрый успѣхъ въ большомъ свѣтѣ. — Разнообразныя похождения. — Таинственная келья. — Монастырскія послушанія. — Злодѣйскіе приемы. — Убийство и способы самооправданія. — Ссылка и новыя приключенія въ странѣ изгнанія. — Тобольскій острогъ и нерчинское пропитаніе. — Встрѣча и бесѣда съ преступникомъ. — Кореньевъ и сопоставленіе съ нимъ Зыкова. — Мнѣніе о послѣднемъ союзниковъ 298

Глава XII. Преступники противъ семейныхъ правъ. Развратъ. — Кровосмѣшеніе. — Снохачи. — Сводные браки. — Прелюбодѣянне. — Раствѣніе и насилваніе. — Мужеложство и скотоложство. — Развратное и порочное поведеніе дворовыхъ и крестьянъ. — Ябедничество и клеветничество чиновниковъ. — Ложные доносы. — Неуживчивость чиновнаго люда въ Сибири. 309

Глава XIII. Овцыя выводы. Валовое число ссыльныхъ. — Распределеніе ихъ породамъ ссылки, по сословіямъ, по поламъ, по возрастамъ. — Наиболѣе преступныя сословія. — Слабая преступность владѣльческихъ крестьянъ. — Распределеніе ссыльныхъ по наиболѣе обобщеннымъ категоріямъ преступленій. — Роды преступленій, сильнѣе господствующія въ сословіяхъ. — Преступность инородцевъ, населяющихъ Россію: татары, киргизы, калмыки, башкиры и инородцы финскаго племени. — Преступленія евреевъ

и еврескъ. — Безгрѣховность мусульманокъ. — Преступленія нѣмцевъ и вообще лютеранъ. — Католики. — Православные 317

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Глава I. Политическія ссыльные. Ссылка поляковъ въ Сибирь. — Первые ссыльные поляки: Черниговскій на Амурѣ. — Крыжановскій. — Ловеласъ воевода Обуховъ. — Польскіе конфедераты. — Злодѣяства надъ ними. — Состояніе администраціи въ Сибири. — Пестель. — Трескинъ. — Исправникъ Лискутовъ. — Сперанскій. — Нѣмцовъ и разбойникъ Гондохинъ. — Собачья оспа. — Кохъ. — Уширванскій полкъ. — Народные притѣснители. — Чудакъ Нарышкинъ. — Горные начальники: Рычковъ, Варботъ-де-Марни, Милекинъ. — Фришъ, Черныпинъ. — Шведскіе плѣнные. — Татищевъ. — Веневскій — извѣстный искатель приключеній. — Его бѣгство изъ Камчатки; разнообразныя похождения вокругъ свѣта и смерть на островѣ Мадагаскарѣ. — Судьба его товарищей. 325

Глава II. Ссыльные поляки. Обрушеніе ссыльныхъ поляковъ. — Три эпохи ссылки. — Судьба послѣдующихъ ссыльныхъ. — Польскія возстанія и заговоры въ Сибири, Россіи и Польшѣ. — Участіе русскихъ людей въ польскомъ дѣлѣ. — Вліяніе поляковъ на страну изгнанія. — Четыре разряда ссыльныхъ поляковъ. — Встрѣча прибывшихъ и обращеніе съ оставшимися. — Вліяніе декабристовъ. — Польскій огуль. — Венжикъ. — Набоженства. — Касса поляковъ. — Товарищество. — Кедровое масло. — Пчелы. — Савичевскій. — Братья Далевскіе. — Обученіе дѣтей. — Несчастная судьба полковника Высоцкаго, ксендза Синошинскаго и доктора Шовальскаго. — Громадный заговоръ. — Самоубійства. — Поддѣлка фальшивыхъ ассигнацій и способы этого производства. — Побѣгъ въ гробу. — Альбина Мигурская. — Побѣгъ и похождение Рувима Пютровскаго отъ Тары и Тобольска до Парижа. 337

Глава III. Времена Александра II. Ссылка поляковъ съ 1863 года. — Степень участія различныхъ сословій въ повстаніи. — Участіе иностранцевъ. — Сосланные на житѣ и для водворенія. — Причины замкнутости ссыльныхъ и необезпеченность ихъ водворенія. — Отношенія къ нимъ туземцевъ. — Нравственное состояніе ссыльныхъ поляковъ. — Мастерскія въ Тобольскѣ. — Импровизированные земледѣльцы. — Благопріятныя данныя. — Обрушеніе шведовъ. — Запорожцы. — Шляхта 358

Глава IV. Государственные преступники. Древнѣе способы исканія правды. — Исторія ссылки государственныхъ преступниковъ. — В. Н. Романовъ и его страданія. — Матвѣевъ. — Располъ Лазаръ. — Растрига Феодосъ (Феодосій Яновскій). — Ссыльный колоколь. — Тюремныя для великоважныхъ преступниковъ. — Остроги. — Монастырскія каюты. — Ссылка во время междуцарствія, при царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ. — Ссылка малороссовъ. — Гетманы. — Гвинтовка. — Многогрѣшный. — Самойловичъ. — Сѣрко. — Войнаровский. — Желванякъ. — Дятлевъ. — Самозванцы 17 и 18 столѣтій. — Громадная ссылка стрѣльцовъ. — Враги Петра I. — Сообщники Талицкаго, царевича Алексѣя. — Ссылка при наслѣдникахъ Петра. — Враги Теофана Прокоповича въ ссылкѣ. — Биро-

новщина. — Слово и дѣло. — Радищевъ. — Уральскій казакъ пугачевецъ Марушка. — Слово и дѣло въ Сибири и на каторгѣ. — Старецъ Никонъ. — Каурный. — Тверской крестьянинъ Ермолаевъ. — Ссылный Артамоновъ. — Грузинскіе дворяне. — Семеновцы. — Экспедиаторъ Степановъ. — Колебу. — Измѣнникъ отечеству. 367

Глава V. Участіе осмыленныхъ. Безпріятіе осмыленныхъ. — Кормовая дача. — Меншиковъ съ семействомъ. — Долгорукіе. — Наталья Борисовна Долгорукая. — Остерманъ. — Минихъ. — Головкинъ. — Ужасная участіе осмыленныхъ: де-Сантти, Менгдона, Фика, Ивашкина. — Стряпчій Копытовъ. — Левшутинъ. — Соймоновъ. — Самозванецъ Петръ III за Байкаломъ (создать Чернышевъ). — Секретные арестанты. — Анадырскій изгнанникъ Аванатій Петровичъ. — Дѣти Волынскаго. — Великоважность преступниковъ. — Сердечность отношеній сибиряковъ къ этимъ осмыленнымъ. 381

Глава VI. Декабристы. Ссылка декабристовъ. — Путь ихъ по Россіи и Сибири. — Фельдъегери. — Встрѣчныя. — Губернаторы. — Канисскій городничій. — Судьба первыхъ восьми. — Жизнь до Читы. — Волковскій. — Трубецкой. — Оболенскій. — Братья Борисовы. — Якубовичъ. — Волконская. — Трубецкая. — Ген.-губ. Броневскій. — Благодатскій рудникъ. — Свиданія. — Столкновенія. — Препорщикъ Рязъ. — Приставъ Лепарскій. — Прибытіе остальныхъ декабристовъ. — Встрѣча. — Пребываніе въ Читѣ. — Помѣщеніе. — Казематы. — Поэтъ Одоевскій. — Новая тюрьма. — Работы. — Чита. — Волѣзны неволи. — Исторія Сухинова. — Бунтъ въ Клячкннскомъ рудникѣ. — Судъ и казни. — Новыя правила. — Строгости. — Дубининская исторія. — Инструкція караульнымъ. — Смольяниновъ и его жена. — Штабъ Лепарскаго. — Клубъ. — Переписка съ родными. — Ослабленіе строгостей. — Общій столъ. — Домашнія занятія и самовоспитаніе. — Корниловичъ. — Мухановъ. — Никита Муравьевъ. — Пушкинъ. — Д. И. Завалишинъ. — Докторъ Вольфъ. — Арт. Зах. Муравьевъ. — Кюхельбегеръ. — Луинъ. — Юшневскій. — Музыка. — Бороды. — Не-декабристы. — Религіозность. — Женщины героини. — Трубецкая. — Губернаторъ Цейдлеръ. — Волконская. — Правила для женъ. — Муравьева-Апостолова. — Нарышкина. — Фонвизина. — Давыдова. — Анненкова. — Янтальцова. — Розень. — Дѣти 390

Глава VII. Декабристы (окончаніе). Переходъ изъ Читы въ Петровскій заводъ. — Н. А. Вестужевъ. — Фонвизинъ. — Шахматы. — Дамская улица. — Жизнь въ Петровскомъ заводѣ. — Новый казематъ. — Община и артели. — Занятія. — Обязанности хо-

зянна, закупщика, казначея и огородинка. — Выборы. — Вечасновъ. — Виносы. — Положеніе холостыхъ и семейныхъ. — Вліяніе декабристовъ на страну изгнанія. — Жизнь ихъ на поселеніи. — Декабристы на Кавказѣ. — Марлинскій въ Якутскѣ. — Сгорѣвшіе. — Занятія на поселеніи. — Изобрѣтеніе декабристовъ. — Последующая судьба ихъ, какъ умершихъ въ ссылкѣ, такъ и освобожденныхъ. — Основанныя ими школы. — Горбачевскій. — Братья Вестужевы. — Торсонъ. — Всепрощеніе 413

Глава VIII. Исторія каторги. Находка рудныхъ богатствъ. — Чудскія работы. — Серебро. — Работы рудниковыя. — Исторія нерчинскихъ рудниковъ. — Побѣги рабочихъ. — Начальники: грекъ Левандіанъ, Суворовъ. — Самозванецъ Чернышевъ, дѣло о немъ и последующая судьба его. — Нарышкинъ. — Его безчисленныя чудачества и выходки. — Лекаръ Томловъ. — Купецъ Копосовъ. — Воинственный походъ Нарышкина. — Взятіе имъ Верхнеудинска. — Арестъ его. — Воевода Тевляшовъ. — Нѣмповъ. — Аршеневскій, Барботъ-де-Марни, Черныцынъ. — Народныя преданія о послѣднемъ. — Теодоръ Фришъ и его жена. — Тираны. — Рычковъ. — Анстовъ. — Татаринновъ. — Золотая лихорадка. — Добыча золота. — Богатства Нерчинскаго края. — Карійское золото. — Разгильдѣевъ 442

I. Нерчинскіи сибирскіи рудники и золотыя промыслы. 442

II. Самозванецъ Чернышевъ. 447

III. Василій Васильевичъ Нарышкинъ. 461

IV. Сибирскіи заводы. Желѣзо. — Петровскій заводъ. — Соль. — Селенгинскій заводъ. — Усть-Кутскій заводъ. — Добыча соли. — Каторжныя работы. — Троицкій солеваренный заводъ. — Иркутское-Усолъе. — Способы выварки соли. — Молотобойная фабрика. — Винокуреніе. — Евреи. — Осмыленные. — Винокуренные заводы: Александровскій, Николаевскій, Ильгинскій, Боготольскій, Ентарскій, Успенскій, Каменскій. — Уничтоженіе этого вида каторги 476

V. Сибирскія фабрики. Купецъ Куткинъ. — Полотняная фабрика. — Контракты. — Купецъ Солдатовъ. — Фаянсовая фабрика. — Суконная фабрика Векшина. — Тальцинская фарфоровая и фаянсовая фабрика. — Тельминская суконная фабрика. — Стекланный заводъ. — Омская суконная фабрика. — Пользованье трудомъ осмыленныхъ 483

VI. Сибирскія крѣпости. Охотскъ. — Чиниряхъ. — Омская крѣпость. — Крѣпости: Семипалатинская и линейныя по Иртышу, Бухтарминская, Троице-Савская. — Цурутухайтъ. — Арестантскія роты и работы. — Безпорядочность ихъ. — Упадокъ каторжныхъ работъ и затрудненіе, отсюда происшедшее . 486

Въ книжномъ складѣ **В. И. ГУБИНСКАГО** въ Спб.
Фонтанка, 61.

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Мертвыя души. 104 рисунка къ повѣи Го- голя. Рисоваль художникъ Агитъ, гравироваль Бернадскій. Спб. 1894 года. 4-ое изданіе (большой альбомъ), напечатан. на толстой бум.) Ц. 1 р. 75 к. Этотъ назиданій изданій альбомъ художественно исполненныхъ рисунковъ ко множеству выдающихся моментовъ безсмертной поэмы Н. В. Гоголя несомнѣнно представляетъ цѣнный вкладъ въ иллюстрированную литературу и можетъ служить украшеніемъ любой библіотеки и гостиной. Альбому предпослано предисловіе Н. Лѣскова. По цѣнѣ это художественное изданіе слѣдуетъ признать баснословно дешевымъ. (Отзывъ газеты «Свѣтъ»).

Куль хлѣба и его похождения, расказ. Максимовымъ. Съ карт. въ текстѣ; 4 пересмотрѣн. и дополн. изд. Ц. 1 руб. 50 коп.

Русскіе писатели и артисты. Воспо- минанія А. Я. Головачевой-Панаевой. 1824—1870 года. С.-Петербургъ. 1890 г. 429 стр. Ц. 1 р. 35 к. Писатели: Аксаковъ, Анненковъ, Бакунинъ, Бѣлинскій, Гоголь, Грановскій, Герценъ, Гончаровъ, Гербель, Глинка, Добролюбовъ, Достоевскій, Катковъ, Костомаровъ, Кавелинъ, Лажечниковъ, Лермонтовъ, Михайловъ, Некрасовъ, Огаревъ, Одоевскій, Островскій, Панаевъ, Петрашевскій, Рѣшетниковъ, Салтыковъ, Тургеневъ, гр. Л. Н. Толстой, Чернышевскій и др. Артисты: Брянскій, Мартыновъ, Максимовъ, Каратыгинъ, Самойловъ, Петровъ, Истомина, Семенова, Шумскій, Шепкинъ и пр. Масса анекдотовъ дѣлаютъ книгу очень интересною, а мѣткія характеристики знакомятъ читателей со всеми знаменитыми писателями и артистами.

Историческіе и религіозные этюды.

Сочиненіе знаменитаго французскаго философа Эрнеста Ренана. Подъ ред. В. В. Чуйко. 3-ье изд. Спб. 94 г. Ц. 1 р. Эрнестъ Ренанъ.—Состояніе міра около половины перваго вѣка.—Пожаръ въ Римѣ.—Еврейская война.—Смерть Нерона.—Воцареніе Флавіевъ.—Разгромъ Іерусалима.—Послѣдствія истребленія Іерусалима.—Трагедія и великіе императоры.—Конечъ царствованія Траяна и возстаніе евреевъ.—Жанъ Кальвинъ.—Магометъ и происхожденіе исламизма.

Сочиненія Умъ и энергія, и трудъ С. Смайльса. «Жизнь (Life and labour)». Большой томъ. Переводъ подл редакціею П. А. Коробчевскаго. Характеристика изъ жизни великихъ людей. 2-ое изд. Ц. 1 руб. 50 коп.

Долгъ. Нравственныя обязанности человѣка. Переводъ съ англійскаго С. Майковой. Содержаніе: Долгъ.—Совѣтъ.—Честность.—Правдивость.—Мужество.—Терпѣніе.—Героизмъ добрыхъ дѣлъ.—Человѣколюбіе.—Гуманное обращеніе съ животными.—Отвѣтственность.—Послѣдній конечъ. 2-ое изданіе. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Самораазвитіе, умственное, нравственное и практическое, съ дополнительною статьею «Русскіе дѣятели». (Самодѣятельность).—Переводъ и дополненія В. Вольфсона. Спб. 2-ое изд., 400 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Характеръ. *Воспитаніе и образованіе.* Перев. С. Майковой. 7-ое изд. 402 стр. Вліаніе семьи.—Товарищество и примѣръ.—Трудъ.—Мужество.—Самообладаніе.—Долгъ и правдивость.—Нравъ.—Манеры и изящество.—Общество книгъ.—Вліаніе брака.—Школа жизни. Спб. Ц. 1 р.

Вѣчный труженикъ. Жизнь и приключенія шотландскаго натуралиста Томаса Эдуарда. 3-ье изданіе, съ рисунками. Спб. 1899 года. Ц. 1 р. 25 к.

Бережливость. Переводъ съ англійскаго подл редакціею Е. Сысоевой. Спб. 2-ое изданіе. Ц. 1 р.

Цѣль этой книги побудить людей употреб- лять свои средства на достойныя цѣли, а не растрачивать ихъ на удовлетвореніе пустыхъ прихотей. Въ стремленіи къ этой цѣли встрѣ- тится человѣку много враговъ: праздность, легко- мысліе, тщеславіе, порокъ, невоздержность. По- слѣдняя—самый худшій изъ всѣхъ враговъ. Въ предлагаемой книгѣ приведено много примѣровъ повѣсывающихся, что одна изъ лучшихъ спо- собовъ устранить язву пьянства состоитъ въ возбужденіи старшихъ и молодыхъ людей къ соблюденію бережливости.

Путешествіе мальчика вокругъ свѣта

Съ рисунками. Переводъ съ англійскаго В. Вольскаго. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.—1. Черезъ ка- налъ.—2. По направленію къ югу.—3. Подъ тропи- ками.—4. Синяя куртка.—5. Въ южной Антлан- тикѣ.—6. Вблизи Австраліи.—7. Мельбуръ.—8. Внутри страны.—9. Маіорка.—10. Мои сосѣди и знакомые.—11. Австралійская зима.—12. На- водненіе.—13. Весна, лѣто и осень.—14. Лѣсные звѣри.—Птицы.—Змѣи.—15. Сбытъ и добыча зо- лота.—16. Условія жизни среди принесковъ.—17. По окрестнымъ мѣстамъ.—18. Конечъ пребыванія въ Маіоркѣ.—19. Поѣздка въ Сидней.—20. Новая Зеландія.—Аукландъ.—21. По Тихому океану.—22. Гонолулу и островъ Оаху.—23. Отъ Гонолулу до Санъ-Франциско.—24. Отъ Санъ- Франциско до Сакраменто.—25. Черезъ Сьерра- Неваду.—26. Черезъ Скалистыя горы.—27. Отъ Омахи до Чикаго.—28. Отъ Чикаго до Нью-Йорка.

Правители Русской земли отъ ея нача- ла до нашихъ дней. (Краткія историческія жизнеописанія). Составилъ А. Н. Сальниковъ. Одобрено Учен. Комитет. Минист. Народн. Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для учениче- скихъ и учительскихъ библіотекъ низшихъ учеб- ныхъ заведеній. Ц. 1 р. 50 к.

Идеалы жизни. Умѣно жить разумно и съ пользою, соч. серъ Дж. Леб- бока. Пер. съ англійскаго М. Ловцовой. Спб. 1895 г., 302 стр. Ц. 75 к. Важнѣйшіе вопросы жизни. Умѣно обходиться съ людьми. Денежныя дѣла. Развлеченія. Здоровье, умѣно быть здоро- вымъ. Народное образованіе. Библіотека для чтенія. Чтеніе. Патриотизмъ. Гражданственность. Самообразованіе. Общественная жизнь. Трудо- любіе. Вѣра. Надежда. Любовь къ ближнему. Характеръ человѣка. Спокойствіе духа и счастье. Религіозныя утѣшенія. Книга эта есть дополне- ніе книги того же автора—«Радости жизни».

Вентиляция и отопление общественных зданий и жилых помещений. Практическое руководство для архитекторов, техников и хозяев. Сост. инженер Флавиций. Спб. 1870 г. Ц. 1 р.

Плотничное искусство. Изложенное инженер-полковником Дементьевым. Второе издание. В большую 8-ю долю листа, съ 212 рисунками въ текстъ на лучшей газированной бумагѣ. Спб. Ц. 1 р.

Очерки Персїи. Природа и люди, обычаи, нравы, жизнь и дѣятельность, и пр. П. Огородникова. 396 стр. Ц. 1 р.

По великой русской рѣкѣ, очерки картинны Поволожья А. П. Вахуевой (Мунгъ), съ многочисленными рисунками художн. Т. Никитина. Спб. Въ роскошномъ переплетѣ. Ц. 2 р. Содержаніе: I. Отъѣздъ изъ Твери. Верховья Волги. Молога, Рыбинскъ, Романовъ-Борисоглѣбскъ, Ярославль, Кострома. Толгскій и Ипатьевскій монастыри. Кинешма, Юрьево-Поволжскій, Нижній-Новгородъ. Кремль. Легенды объ основаніи Нижняго-Новгорода. Его исторія. Нижегородская ярмарка. Окрестности Нижняго. Лысково. Макарьевъ. Керженецъ—святая рѣка старообрядцевъ. Пѣсни и преданія верхняго Заволжья. Ивановна ночь. Бупальскія огни. Озеро Свѣтлояръ. Раскольники. Ихъ скиты. Васильсурскъ, стержляя столица. Сура. Коомодемьянскъ. Чебоксары—столица чувашей. Черемисы горныя и луговые. Обряды. Жрцы. Мордва. Одежда. Обычаи: коляды. Свадьбы. Похороны. Татары. Наружность. Занятія. Одежда. Образъ жизни татарскихъ женщинъ. Жилища. Мечети. Богослуженіе. Рамазанъ. Курбанъ-Вайрамъ. Свадьбы. Казань съ Волги. Кремль. Присоединеніе названія Казани. Легенды объ ея происхожденіи. Взаимныя отношенія царствъ казанскаго и русскаго. Первый походъ на Казань Іоанна IV въ 1550 г. Покореніе Казани. Время Пугачева. Современная Казань. Святѣи и историческія памятники. Волга или Кама. Развалины «Великаго града Булгара». Соловь-гора и ея пещеры. Тетюши. «Дворянское гнѣздо». Симбирскъ. Жигуди. Ихъ легенды. Жигулевская воляница. Разбойничья рѣка Уса. Ставрополь. Достопримѣчательности города: женскій монастырь и др. Историческія воспоминанія. Митрополитъ Алексій. Сызрань. Хвалынскъ. Черемшанскіе скиты. Валалово. Столпинскія минеральныя воды. Вольскъ и его основатель Злобинъ. (Баронскъ). Общій видъ города. Историческій обзоръ. Достопримѣчательности. Радищевскій музей. Обмелѣніе Волги. Столбичи. Разиновъ бугоръ. Камышинъ. Посадъ Дубовка. Царицынъ. Легенда о его основаніи. Картузъ и дубинка Петра Великаго. Ахтуба. Владимировка. Гора Богод. Миражи въ пустынѣ. Рыбныя промыслы въ низовьяхъ Волги. Ватаги. Бѣшенка и вобла. Астраханскіе казаки, кочевники-татары, киргизы и калмыки. Бнязь Тюмень и его Тюменевка. Приемъ у княгини. Иляски. Музыка. Утощеніе. Окачки. Кумирня. Богослуженіе. Соколиная охота. Калмицкій базаръ. Астрахань. Пристань. Восточныя рады го-стнаго двора. Изъ исторіи Астрахани—митрополитъ Іосифъ и его мученическая смерть. Чу-ма 1692 г. Свадебный бунтъ. Петръ Великій въ Астрахани. Успенскій соборъ. Рязница. Персидская мечеть. Дельта Волги. Царство рыбы. Врючяя коса. Заключеніе.

Испанія, ея роскошь и нищета. Пампасы южной Америки. Съ 16 рисунками, 272 стр., цѣна 1 р.

Поступило въ продажу **Память** въ ея соч. профессора Ш. Рабо: нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Переводъ подъ редакцію д-ра В. Аболенакаго. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.

Парижъ Его органы отправления и жизнь во второй половинѣ XIX вѣка, Макс. Дюкана. 2 т. 1168 стр. 150 рис. Ц. 3 р.

Путь къ счастью. Какъ надо жить (Der Weg zum Glück). Соч. доктора философіи, проф. Фридриха Кирхнера, автора «Исторія философіи». Переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія Алексѣя Маркова, подъ редакцію А. А. Выкова. Спб. 1898 г. 368 стр. Ц. 75 к.—Имя проф. Кирхнера настолько популярно въ Германіи, благодаря длинному ряду его сочиненій, написанныхъ съ теплымъ чувствомъ любви къ человечеству и съ желаніемъ принести ему посильную пользу, что переводчикъ съчелъ полезнымъ ознакомить русскихъ читателей съ симпатичными взглядами Кирхнера на тотъ путь, которымъ человекъ можетъ достигъ истиннаго счастья на землѣ. Главное достоинство автора—чувство жизнерадостности, исключющее все грязное, мрачное и лицемерное.

Поступила въ продажу новая книга: **Карлъ смѣлый.** Истор. ром. Вальтера-Скотта. Съ рисунками, 480 стр. Спб., 1893 г. Ц. 2 р. 25 к.

Жизнь и удивительныя приключенія Робинзона Крузо.

Описанная имъ самимъ, соч. Даниеля Дефо. Новый полный переводъ В. Д. Владмирова, съ 200 рисунк. художника Гранвила. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.—Знаменитый авторъ сумѣлъ найти и указать въ жизни обыкновеннаго человека столько внутренней силы, что эта жизнь явилась матеріаломъ для разсказа, самаго разнообразнаго по содержанію и поучительности. И дѣйствительно, замыселъ повѣсти въ высшей степени простъ: человека выбросило на необитаемый островъ—и все тутъ. Также проста и фабула, т.-е. весь ходъ, вся обстановка повѣсти; фантастическихъ приключеній и происшествій, запутанной интриги въ ней нѣтъ. Тутъ все просто въ высшей степени и, въ то же время, все поистинѣ удивительно, все поражаетъ свою извѣстную правдою, рисуетъ исполненный величія образъ человека, заброшеннаго среди океана и дикой природы, въ борьбѣ за жизнь и свободу. «Это книга,—говорится въ предисловіи—естъ не одно только описаніе жизни юрскаго моряка, а описаніе развитія человеческого ума, воли и энергіи въ борьбѣ со слѣпными силами природы». Кромѣ того, прибавимъ мы отъ себя, если вспомнить послѣдовательно всю книгу, то въ ней, съ самаго того момента, какъ Робинзонъ очутился на необитаемомъ островѣ, до тѣхъ дней, когда онъ просвѣщаетъ Пятницу, и даже до его второго прѣзда на островъ, когда онъ устраиваетъ на немъ жизнь поселенцевъ,—въ этой книгѣ пройдетъ передъ нами въ яркихъ образахъ вся исторія человѣческой культуры, отъ до-исторической жизни людей до современной. Еще Ж. Ж. Руссо признавалъ «Робинзона» единственною дѣтскою книгою, которая теперь утратила своего громаднаго воспитательнаго значенія. Поэтому было бы крайне желательно имѣть ее во всѣхъ народно-школьныхъ бібліотекахъ въ полномъ переводѣ». (Изъ отзыва, помѣщеннаго «въ Систематическ. Обзорѣ Русской Народно-Учебной Литературы» о полномъ переводѣ).

Жизнь римских императриц. Новая иллюстрированная книга, большой томъ 472 стр. Картины жизни римскаго общества отъ Юлія Цезаря до 1350 г. Соч. Оскара Пю, перев. съ итальянск. Н. Попова. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к. История древняго Рима представляется самою любопытною и поучительною изъ исторіи народовъ. Жизнь римскихъ императрицъ интересна въ особенности потому, что римскія императрицы, имѣя громадное вліяніе на своихъ супруговъ, отцовъ, сыновей и братьевъ, развивали въ нихъ не мыслительныя способности, а чувственныя, вполнѣтвѣ погубившия страну. Среди славныхъ, героическихъ женщинъ Рима встрѣчаются смѣлыя куртизанки вродѣ Мессалины; прослѣдить жизнь какъ тѣхъ, такъ и другихъ, это значитъ узнать новыя интересныя стороны жизни Рима. Книга Пю даетъ полную картину жизни почти всѣхъ императрицъ Рима, составлена вполнѣ добросовѣстно и представляетъ собою интересный матеріалъ для чтенія. Издана очень прилично и по количеству страницъ (400) и по качеству написаннаго цѣна ея является оченъ не дорогою (Газета «Русь»).

Римскія императрицы. Кальпурнія, жена Юлія Цезаря.—Ливія, жена Августа.—Ливія-Орестила, Лелія-Паулина и Чезонія, жены Каллигулы.—Мессалина, жена Клавдія.—Агриппина, другая жена Клавдія.—Октавія, Попея и Статилія-Мессалина, жены Нерона.—Изглядъ на императорскій Римъ. Обычаи.—Вѣрованія и предрасудки. Христіанство.—Галерія-Фундана, жена Вителлія.—Флавія-Домитилла, жена Веспасіана, и Марція-Фурнилла, жена Тита.—Домиція, жена Домиціана.—Плотина, жена Трояна.—Сабина, жена Адріана.—Фаустина, жена Антонина-Пія.—Фаустина Младшая, жена Марка-Аврелія, и Люцилла, жена Люція-Вера.—Криспина, жена Коммода.—Обзоръ Рима.—Картины римской жизни.—Тиціана, жена Пертинакса.—Манлія-Скантилла, жена Дидія-Юліана.—Юлія-Домна, жена Септима-Севера, и Плаутилла, жена Каракаллы.—Нонія-Цельза, жена Макрина.—Анна-Фаустина, Юлія-Борнелія-Паола и Юлія-Аквилия-Севера, жены Гелиогабала.—Дочь Марціана и Меммія, жена Александра-Севера.—Паулина, жена Максимина, и Транквилина, жена Гордіана.—Марція-Отацилія-Севера, жена Филиппа, и Ирринія-Этрускилла, жена Доція.—Мариніана, жена Валеріана; Салонина, жена Галліена; Ульпія-Северина, жена Авреліана.—Приска, жена Діоклетіана, Евтропія, жена Максимиліана, и Валерія, жена Галерія.—Констанція, жена Лицинія, Елена, жена Констанція, и Фауста, жена Константина.—Евсевія, жена Констанція II, и Елена, жена Юліана.—Юстина, жена Юстиніана I.—Евдоксія-Эмія, жена Аркадія.—Пульхерія, дочь Аркадія и Агенайда-Евдоксія, жена Θεодосія II.—Плакида, дочь Констанція III.—Лицинія, жена Валснтіяніана III.—Верина, жена Льва, и Ариадна, жена Зенона.—Луцинина-Евфимія, жена Юстина I, и Θεодора, жена Юстиніана.—Софія, жена Юстина II.—Мартина, жена Ираклія.—Ирина, жена Льва VI.

Греческія императрицы: Θεοφάνια, Προκοπία.—Θεοδосία.—Ефросинія, Θεοδора, Евдокія, Ингерина.—Θεοφάνια и Зоя.—Зоя II.—Елена.—Θεοφάνια II.—Зоя III и Θεοδора II.—Евдокія II.—Ирина II.—Ирина III, Марія и Агнесса.—Маргарита и Ефросинія.—Анна.

Человѣкъ и животныя. Соч. Артура Манжена. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Развлеченія изъ міра науки. Составилъ Ферм. Вагнеръ и вновь переработано К. Фрейеромъ, переводъ съ нѣмецк. И. Комаровскаго, съ 330 рисунк. 336 стр. Ц. 1 р. 50 к. Настоящая книга дастъ мальчику, прежде всего, руководство и указанія, какъ составлять естественныя и всякія иныя коллекціи, какъ набивать чучела животныхъ, сохранять растенія и насѣкомыхъ. Ему указывается, какъ много занимательнаго онъ можетъ найти въ качествѣ маленькаго садовника на своей грядкѣ въ саду, или въ комнатѣ въ двѣточныхъ горшкахъ, какъ слѣдуетъ держать домашнихъ животныхъ, ухаживать за ними, дрессировать и дѣлать изъ нихъ товарищей въ играхъ, въ особенности же птицъ. Далѣе маленькій натуралистъ найдетъ здѣсь указанія, какъ удить рыбу, какъ слѣдуетъ устроить аквариумъ, виваріумъ и т. д. Въ отдѣлѣ «Юный физикъ» имѣется уже описаніе легкихъ забавъ изъ области физики; въ настоящемъ изданіи къ прежнимъ опытамъ присоединены еще и такіе, которые предполагаютъ уже нѣкоторый навыкъ въ экспериментахъ съ воздушнымъ насосомъ и электрическою машиною. Послѣднія главы отдѣла—«Маленькій химикъ», въ которомъ указаны опыты съ химическими веществами, съ помощью спиртовой лампы и т. д.

Воля въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Переводъ под редакціею д-ра Аболонскаго. Спб. 1894 г. Ц. 50 к. — Это сочиненіе обладаетъ большими достоинствами, къ числу которыхъ относятся: ясность изложенія, правильная точка зрѣнія на предметъ, строго научный выборъ доказательныхъ фактовъ, основательность выводовъ и заключеній, приводимыхъ почтеннымъ профессоромъ. Въ виду этого мы смѣло можемъ рекомендовать это сочиненіе Рибо вниманію интеллигентныхъ читателей, которые серьезно интересуются не только приобритеніемъ знаний, но и ознакомленіемъ со способами уясненія этихъ знаний, изобретеніемъ способности находить и понимать связь и причинную зависимость среди безконечнаго разнообразія явленій нашей жизни и достиженіемъ такимъ путемъ возможно большей осмысленности и поучительности своего личнаго опыта.

Героизмъ. Соч. Арманъ Рено. Примѣры героизма и нравственной энергіи изъ исторіи всѣхъ временъ и народовъ. Съ 23 рисунками. Перевелъ съ французскаго и дополнилъ примѣрами русскаго героизма В. Д. Владиміръ въ. Спб. Ц. 1 р.—Героизмъ, по понятію Рено, вовсе не является исключительнымъ спутникомъ воинской славы, героизмъ можетъ обнаружиться во всѣхъ сферахъ человеческой жизни и дѣятельности, какъ въ самыхъ широкихъ, такъ и въ самыхъ тѣсныхъ. «Не все могутъ быть героями,—совершенно справедливо говоритъ г. Владиміръ:—но желательно, чтобы все, хотя бы отчасти, были проникнуты героизмомъ, потому что этого требуетъ сама жизнь. Чтеніе книги Рено можетъ принести нашему юношеству не малую пользу, такъ какъ великіе примѣры возвышаютъ духъ и внушаютъ человѣку, въ особенности въ юношескомъ возрастѣ, желаніе обрадовать имъ или хотя бы приблизиться къ нему». Мы тѣмъ охотнѣе можемъ рекомендовать русскимъ молодымъ читателямъ книгу Рено въ переводѣ г. Владимірова, что переводъ сдѣланъ вполнѣ добросовѣстно; приложенные же въ концѣ книги примѣры русскаго героизма выбраны весьма толково, («Новое Время»).

Философія Вильяма Гамильтона. Переводъ Хмѣлевой. Спб., 1869 г., ц. 4 р. Большой томъ.

Историческіе анекдоты изъ жизни Русскихъ Государей, государственныхъ дѣателей прошлаго и настоящаго времени. Составлены М. В. Шевляковымъ. Опб. 1898 г., Ц. 1 р.

Въ этомъ сборникѣ собраны анекдоты исключительно про русскихъ людей, отличившихся своими подвигами, полезною общественною дѣятельностью или талантами. Анекдоты, представляя изъ себя легкое и полезное чтеніе, служатъ очень цѣннымъ біографическимъ матеріаломъ для характеристики извѣстныхъ лицъ, кромѣ того, даютъ вѣрное представление о бытѣ и нравахъ общества въ различные времена и эпохи.

Хорошіи тоны. Правила свѣтскихъ приличій и совѣтовъ, какъ нужно вести себя въ разныхъ случаяхъ домашней и общественной жизни: на крестинахъ, свадьбахъ, похоронахъ, именинахъ, юбилеяхъ и т. п., а также подробное описаніе устройства званныхъ обѣдовъ, вечеровъ, баловъ, раутовъ, пинокъ и т. д. Наставленія, какъ нужно держать себя при отдаваніи и при приѣмѣ визитовъ, на балахъ, во время танцевъ, на прогулѣ, въ собраніяхъ, въ театрахъ, маскарадахъ и т. под. Подробное изложеніе обязанностей крестныхъ отцовъ и матерей, посаженныхъ отцовъ и матерей, шаферовъ, друзей и проч., съ прибавленіемъ письмовника. По лучшимъ отечественнымъ и иностраннымъ источникамъ составили Юрьевъ и Владимірскій. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к. (470 страницъ). Второе изданіе.

Юность знаменитыхъ людей. Соч. Е. Мюллера. Переводъ съ французскаго В. Владимірова. Спб., съ портретами и рисунками. Ц. 1 р. Бесѣды талантливаго дѣтскаго писателя Евг. Мюллера о юности великихъ людей даютъ интересную и полезную книжку; ее будутъ читать съ удовольствіемъ, въ этомъ порушю могутъ быть то, что книжка замѣчательна и по богатству содержания вообще и по трогательности изложенія, чуждой, однако, всякой слащавости и сантиментальности, которая никогда не пользовалась и не пользуется симпатіями юныхъ читателей.

Въ книгѣ помѣщены примѣры изъ жизни замѣчательныхъ людей, полководцевъ, историковъ, философовъ, математиковъ, астрономовъ, музыкантовъ, художниковъ, писателей, каковы:

Полководцы: Наполеонъ I, Александръ Македонскій, Карлъ XII, Тюрренъ, Баярдъ. Историки: Плутархъ, Геродотъ, Гиббонъ. Художники: Рубенсъ, Микель-Анджело. Писатели: Торквато Тассо, Ариосто, Кальдеронъ. Сервантесъ, Мильтонъ, Мольеръ, Веранже, Бальзакъ, Лопе-де-Вега. Математики: Галилей. Философы: Даламберъ, Паскаль. Музыканты: Моцартъ, Бетховенъ, Керубини, Мендельсонъ, Паганини, Мейерберъ и пр., и пр.

Помпея и открытія въ ней древности. Съ очеркомъ Везувія и Геркуланума. Съ 3 рисунками. 4-ое изд. Спб. Цѣна 3 руб.

Жизниа дяди Тома. Полный пер. съ англійск. Е. Ладдина, съ 113 рисунками. Ц. 1 р. 20 к.

Святоточные рассказы. Полный переводъ съ англійскаго Ф. Гезенера. Роскошное изд. съ 5 грав. и 40 иллюстр. въ изящ. папкѣ. Ц. 1 р. 50 к.

Нравственная основа жизни человѣка. Соч. Ф. Вейса, перев. съ франц. 2 т. 612 стр. Ц. 1 р. 50 к. Оглавленіе: О добродѣтели, истинѣ, предразсудкахъ, общественномъ мнѣніи, страстяхъ, гнѣвѣ, лѣности, гордости, скуности, бережливости, умѣренности, здоровью, любви, честолюбіи, осторожности, познаніи человѣка, о женщинахъ, благородствѣ, смѣшномъ, гримасѣ, умѣ, качествахъ человѣка, зависти, любезности, снисходительности, скромности, откровенности, злословіи, дружбѣ, счастья и несчастья, цѣломудріи, домашней жизни.—Счастливыи бракъ.—О хорошемъ тонѣ, модѣ.—Черты мудраго. О знаніи.—Объ вязанныхъ искусствахъ, опытности, самоощущеніи, роскоши.—Правитель. Гражданинъ. Сенаторъ. Клерикалъ. Военный.—Объ естественной религіи.—О законахъ вообще, свободѣ, преступленіяхъ и наказаніяхъ, о нравственности, существованіи Бога, свойствѣхъ Божества, безсмертіи.—О богослуженіи.—Смерть, могила и проч. Предлагаемая книга есть трактатъ ученія о нравственности и добродѣтели человѣка.

Гипнотизмъ. Изслѣдованія физиологическія и психическія. Соч. профессора Бони. Перев. съ французскаго П. В. Макиевскаго. Спб., 2-ое изданіе. Ц. 1 р.

Практическія указанія, наставленія и рецепты. Томъ 1-ый содержитъ 1000 полезныхъ наставленій и указаній въ домашнемъ хозяйствѣ относительно приготовления всякаго рода винъ, водокъ, наливокъ, сироповъ, печеній, вареній, соковъ, кофе, мороженаго, шоколада, сыровъ, укуса, масла и проч., приготовления всякаго рода ваксы, мыла, помады, чернилъ, замазокъ, клея, красокъ для мебели, пловъ, стѣнъ, заборовъ, и проч., чистки бѣлыхъ, различныхъ матерій, ковровъ и проч.; вывода различныхъ пятенъ изъ шерстяныхъ и шелковыхъ матерій, истребленіе крысъ, мышей, крововъ и наѣдокъ. Ц. 1 р.

1500 практическихъ рецептовъ новѣйшихъ открытій, изобрѣтеній и усовершенствованій. Изъ области производствъ: винокуреннаго, водочнаго, пивовареннаго, укуснаго, дрожжевого, маслосливнаго, мыловареннаго, лаковаго, клеевого, красильнаго, крахмального, воскобойнаго, свѣчнаго, смѣчнаго, мукомольнаго. Приготовленіе: ваксы, масла, мази, разныхъ замазокъ, гипса, стекла, фарфора и фаянса. Гальванопластика: золоченіе, серебряніе, бронзированіе и никелированіе. Косметическія средства: помады, краски для волосъ, зубныхъ и курительныхъ порошковъ, приготовленіе ликеровъ, сироповъ, настоекъ и проч. Ц. 1 р. 50 к.

Важнѣйшія открытія и изобрѣтенія по части наукъ и промышленности. Соч. Л. Фигье. Переводъ подъ ред. Степанова. Изд. 2-ое, допол. съ 170 рис. Спб. Ц. 1 р.

Сухая перегонка дерева, каменнаго угля, торфа или новѣйшій способъ практическаго добыванія древеснаго угля, смолы, вара, дегтя, смоландара, укуса, сажи, поташа, соды, кокса и костянаго угля, освѣтительнаго всѣхъ родовъ газа и освѣтительныхъ веществъ; новѣйшій простѣйшій способъ добыванія керосина. Сост. по новѣйшимъ и лучшимъ источникамъ В. А. Ашина, съ рецептами и рисунками, 29 н. л. Ц. 2 р.—за 1 р. 1864 г.

